ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

КОРОЛЕВА ФЭНТЕЗИ

Мэри
СТЮАРТ

Хрустальный грот

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КОРОЛЯ АРТУРА

Эксмо

Мэри
СТЮАРТ

Хрустальный грот

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Мэри
СТЮАРТ
Хрустальный грот

Мэри
СТЮАРТ

Хрустальный грот

•

Полые холмы

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Мэри

СТЮАРТ

Хрустальный грот

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
С 36

Mary Stewart

THE CRYSTAL CAVE
Copyright © 1970 by Mary Stewart
THE HOLLOW HILLS
Copyright © 1973 by Mary Stewart

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Стюарт М.

С 36 Хрустальный грот: Фантастические романы / Мэри Стюарт; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 816 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-20620-5

У трона каждого легендарного властителя всегда найдется место для чародея.

Это повествование о деяниях благородного короля Артура, о великих битвах, великой любви и великом предательстве. О том, что видел своими глазами величайший из магов Британии Мерлин, стоявший у колыбели Артура и приведший его к власти.

Романы Мэри Стюарт о волшебнике Мерлине и короле Артуре по праву считаются шедеврами фантастической литературы.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. А. Хромова, И. Бернштейн, 2007
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-699-20620-5

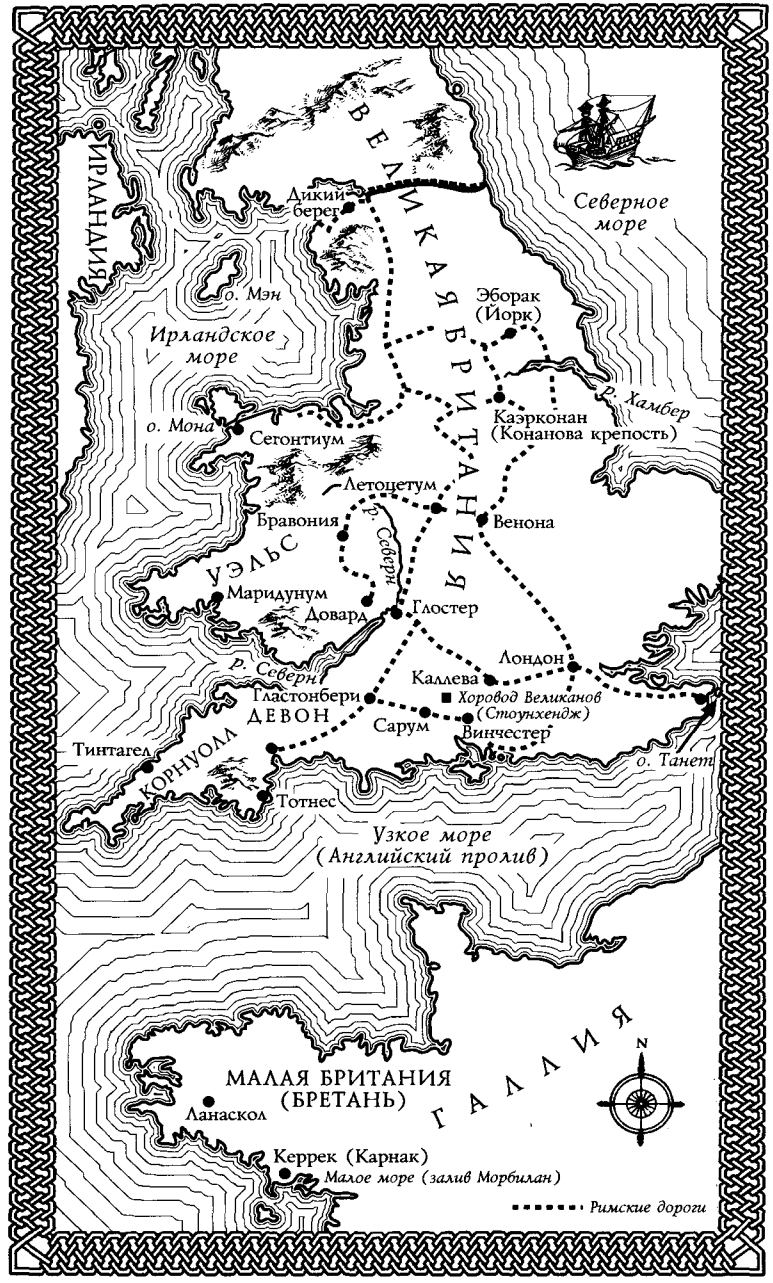
Хрустальный грот

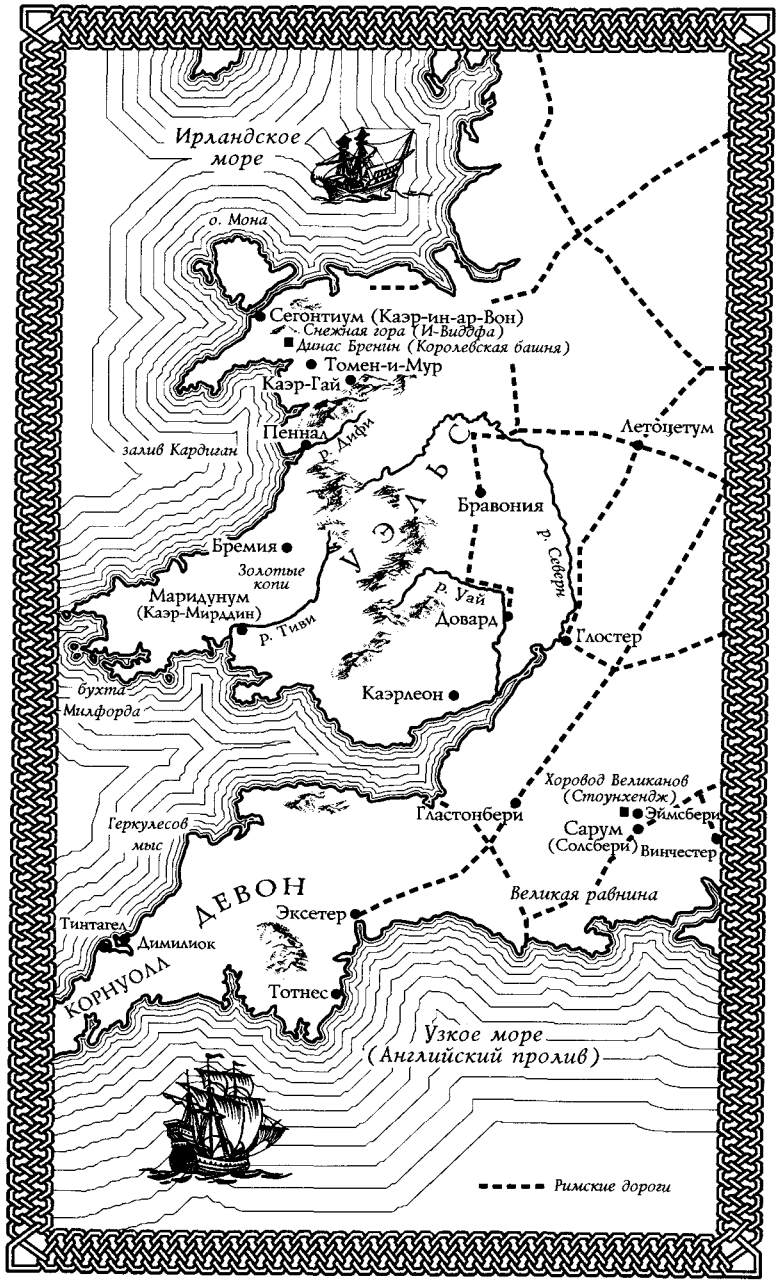
Памяти Молли Крейг, с любовью

МЕРЛИН

О Мерлин, маг в хрустальном гроте,
Где день меж бриллиантов бродит!
Найдется ль на земле певец,
Чья песнь по борозде проходит,
Что прочертил Адам-отец
В полях, в прибое, в небосводе?
О, где бегун, что избежит
Своей же тени, сердцем века
Пробьется, как пожар во ржи,
И яблоко вернет на ветку?
Открыть ли в колдовстве небрежном
Лик юной девы в грезе страшной,
День, что в покров оделся снежный,
И Время, запертое в башне?..

Эдвин Мур
Перевод Н. Эристави

ПРОЛОГ

КНЯЗЬ ТЬМЫ

Теперь я стар, но и в те времена, когда Артур взошел на трон, я был уже не молод.

То, что происходило потом, помнится более смутно и расплывчато, чем предшествующие события, как будто моя жизнь — дерево, что расцвело ко времени его появления, а ныне может лишь желтеть и сохнуть, клонясь к земле.

Для стариков недавнее прошлое всегда окутано туманом, а вот картины их юности отчетливы и ярки. Даже мое раннее детство является мне словно наяву, таким же живым и красочным, как зеленая яблоня у белой стены или знамена, озаренные солнцем, на фоне грозовой тучи.

Цвета видятся ярче, чем были на самом деле, я уверен. Здесь, во тьме, я вспоминаю то, что увидено острым взором ребенка; все это так далеко от меня, тогдашняя боль утихла, и кажется, что это произошло не со мной, не с дряхлым мешком костей, который хранит в себе эти воспоминания, а с другим Мерлином, юным, легким и крылатым, повелителем весенних ветров, подобным той птице, что дала мне свое имя.

Позднейшие воспоминания являются по-другому: изредка, расплывчато, в жарком пламени. Да, их я добываю из пламени.

Один из простейших, самых обычных приемов — не могу назвать это магией — еще остался со мной теперь, когда я состарился и опустился наконец до простого смертного.

© Перевод А. Хромовой.

У меня все еще бывают видения — не отчетливые и властные, подобные зову трубы, как в былые дни, а всего лишь грезы и смутные образы в языках огня, как у детей.

Я все еще могу зажечь или погасить огонь — это простейшее чудо, ему легче всего научиться, и забывается оно последним. То, что я не в силах вспомнить, я вижу в пламени, в раскаленных угольях или бесчисленных гранях хрустального грота.

Самое первое воспоминание встает из огня и мрака. Это не из моей памяти — потом вы поймете, откуда я знаю такие вещи.

Это скорее видение, сны о прошлом, что-то в крови, что-то, что увидел тот, кто еще носил меня в себе. Я думаю, это возможно. Мне кажется, справедливо будет начать с того, кто был раньше меня и кто будет снова, когда я исчезну.

Вот что произошло в ту ночь. Я это видел и знаю, что это правда.

Ночь была темная и холодная, и он развел небольшой костерок, который сильно дымил, но все-таки грел. Весь день шел дождь, и с ветвей у входа в пещеру падали капли, чаша у порога переполнилась, и ровная струйка воды выбегала из нее, уходя в землю.

Ему не сиделось на месте. Несколько раз он выходил из пещеры. Вот и теперь он спустился в рощу под обрывом, где пасся стреноженный конь.

К ночи дождь перестал, но над землей стелился туман. Деревья стояли, как призраки, и светло-серый конь, казалось, плыл над землей, как лебедь.

Он был еще больше похож на привидение, оттого что щипал траву совершенно бесшумно: человек разорвал перевязь и обвязал ею удила, чтобы не звенели. Удила были золоченые, а перевязь шелковая, и принадлежали они королевскому сыну. Если бы его нашли, то убили бы. Ему было ровно восемнадцать лет.

Из долины послышался приглушенный стук копыт. Юноша вскинул голову, дыхание его участилось. Блеснул выхваченный меч.

Серый конь перестал щипать траву и тоже поднял голову, дернул ноздрями, но не заржал.

Юноша улыбнулся. Стук копыт приближался, и вот из тумана появился бурый пони.

Всадник, невысокий и хрупкий, закутался в черный плащ, спасаясь от ночного холода. Пони остановился, вскинул голову

и звонко, пронзительно заржал. Незнакомец испуганно вскрикнул, спрыгнул на землю, схватил пони под уздцы и накрыл ему морду плащом.

Это была девушка, совсем еще юная. Она встревоженно озиралась, пока не разглядела в тени деревьев юношу с обнаженным мечом.

— Шуму от тебя, как от целого войска,— сказал он.

— Я не заметила, как доехала. В тумане все кажется незнакомым.

— Как ты добралась? Тебя никто не видел?

— По-моему, никто. Вчера и позавчера я не могла. По дорогам ездили день и ночь.

— Я так и думал,— улыбнулся он.— Но ты все-таки приехала. Давай сюда пони.

Он увел пони в рощу и привязал. Потом поцеловал девушку. Немного погодя она оттолкнула его.

— Мне надо идти. Я привезла тебе поесть, так что если завтра не удастся выбраться...

Она осеклась, увидев, что его конь оседлан и навьючен, и вцепилась в плечи юноши. Он сжал ее ладони.

— О-о...— простонала она.— Я это знала. Мне снилось во сне. Ты уезжаешь.

— Это необходимо. Сегодня.

Прошла минута. Наконец она произнесла:

— Как скоро?..

Он не стал делать вид, что не понял.

— Через час, два, не больше.

— Ты вернешься,— спокойно сказала она.

Он хотел что-то ответить.

— Не надо,— оборвала она его.— Мы уже все обсудили, а теперь нет времени. Я только хочу сказать, что ты останешься жив и вернешься в Британию; говорю, потому что знаю. Я умею видеть будущее. Ты вернешься.

— Не обязательно видеть будущее, чтобы знать это. Я должен вернуться. Быть может, тогда...

— Не надо,— снова оборвала она, почти гневно.— Это неважно. Какая разница? У нас всего час, а мы тратим его зря. Идем.

Он обнял ее и повел к пещере, расстегивая на ходу брошь, скреплявшую ее плащ.

— Хорошо, идем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЯХИРЬ

Глава 1

Когда мой дядя Камлах вернулся домой, мне как раз исполнилось шесть лет. Я помню его таким, каким увидел в первый раз: высоким юношей, порывистым, как его отец — мой дед, голубоглазым и огненно-рыжим, похожим на мою мать, а она казалась мне очень красивой. Сентябрьским вечером, на закате, он въехал в Маридунум с небольшим воинским отрядом. Я, ребенок, был с женщинами в старой, длинной комнате, где занимались рукоделием. Женщины пряли, мать сидела за ткацким станком — я даже помню, что она ткала: алое полотно с узкой зеленой каймой. Я сидел на полу у ее ног и играл бабками. Солнце светило прямо в окна, и золотые прямоугольники лежали на растрескавшемся мозаичном полу; на улице в траве гудели пчелы, и даже постукивание ткацкого станка наводило дрему. Женщины переговаривались, но вполголоса, склонившись над прялками, а Моравик, моя нянька, сидя в солнечном прямоугольнике, откровенно храпела на своем табурете.

На дворе послышался топот, потом раздались крики. Стук станка оборвался вместе с женской болтовней. Моравик всхрапнула, дернулась и проснулась. Мать выпрямилась, как струна, и прислушивалась, вскинув голову. Челнок выпал из ее рук. Я видел, как они переглянулись с Моравик.

Я бросился к окну, но нянька отозвала меня с полпути таким тоном, что я тут же послушно подошел к ней. Она принялась суетливо одергивать мою тунику и приглаживать мне волосы.

Я понял, что ждут кого-то важного. У меня заколотилось сердце: похоже, меня собирались показать гостю! Это было странно — обычно меня в таких случаях прятали с глаз долой. Я терпеливо ждал, пока Моравик причешет меня. Они с матерью шепотом перебрасывались короткими, отрывистыми фразами. Я слушал вполуха и ничего не понял. Я жадно прислушивался к конскому топоту и крикам людей на дворе. Язык, на котором переговаривались, не был ни валлийским, ни латынью — они говорили по-кельтски, и выговор был бретонский. Я понимал их, потому что моя нянька, Моравик, была из Малой Британии и я выучил ее язык одновременно со своим родным.

До меня донесся раскатистый хохот деда. К нему присоединился другой. Потом голоса затихли — дед, должно быть, увел гостей в дом, и теперь во дворе слышался только звон упряжи и топот лошадей, которых разводили по стойлам.

Я вырвался от Моравик и подбежал к матери.

— Мама, кто это?

— Мой брат Камлах, сын короля.

Не глядя на меня, она указала на оброненный челнок. Я поднял его и отдал ей. Она снова принялась ткать, медленно, словно машинально.

— Значит, война кончилась, да?

— Война давно кончилась. Твой дядя был на юге, с верховным королем.

— А теперь он вернулся, потому что дядя Дивед умер?

Дивед был наследником, старшим сыном короля. Он скоропостижно скончался от колик в желудке, и его жена, Элен, вернулась домой к отцу (детей у них с Диведом не было). Конечно, поговаривали об отраве, как всегда бывает, но всерьез в это никто не верил: Диведа все любили. Он был отважный воин и хороший хозяин, умел быть и щедрым, когда нужно.

— Говорят, дядя женится. Правда, мама? — Я гордился своей осведомленностью и с радостью предвкушал свадебный пир.— Он, наверное, женится на Керидвен, раз дядя Дивед умер...

— Что-о-о?

Челнок замер в руках матери, и она резко повернулась ко мне. Но, видимо, мое лицо ее успокоило, потому что гнев в ее голосе исчез, хотя она все еще хмурилась, и Моравик негодующе зашипела на меня.

— Где ты этого набрался? Слишком много слушаешь, чего тебе не понять. Забудь все это и помалкивай.

Челнок снова задвигался, но медленно.

— Слушай, Мерлин, сынок, когда они придут посмотреть на тебя, будь тише мыши. Понял?

— Да, мама.

Я понял ее очень хорошо. Меня давно приучили не попадаться на глаза королю.

— А они что, придут на меня посмотреть? Почему на меня?

В ее голосе послышалась горечь — от этого она сразу будто постарела, стала почти такой же, как Моравик:

— А как ты думаешь?

Челнок лихорадочно заметался у нее в руках. Она вплетала в ткань зеленую нить; я видел, что она портит узор, но промолчал: мне показалось, что так красивее. Я стоял и смотрел на нее, но тут отдернулась занавеска и вошли двое мужчин.

В комнате сразу стало тесно. Две головы, седая и рыжая, на какой-нибудь фут не доставали до потолка. На деде было темно-синее одеяние с золотой каймой. Камлах был в черном. Потом я узнал, что он всегда ходит в черном. На руках у него были кольца, на плече — брошь с камнями. Рядом со своим отцом он казался юным и тонким, но юрким и проворным, как лисица.

Мать встала. На ней было домашнее платье землистого цвета, распущенные волосы горели золотом, как спелая солома. Но мужчины даже не взглянули на нее. Можно было подумать, что в комнате нет никого, кроме малыша у ткацкого станка.

Дед тряхнул головой, бросил: «Вон!» — и женщины торопливо, почти беззвучно оставили комнату. Одна Моравик помедлила, напыжившись, как наседка, но взгляд ледяных голубых глаз на миг задержался на ней, и она удалилась, осмелившись лишь фыркнуть, скрываясь за дверью. Голубые глаза снова остановились на мне.

— Вот он,— хмуро сказал король.— Пащенок твоей сестрицы. Шесть лет сравнялось в этом месяце. Тянется, как крапива, и нашей породы в нем не больше, чем в щенке подзаборном. Ты глянь на него! Черноволосый, черноглазый и всего боится — точь-в-точь подкидыш народца из полых холмов. Скажи мне кто, что это чертово отродье,— я поверю!

Дядя обернулся к матери и коротко спросил:

— Чей он?

— А то мы ее не спрашивали, дурак ты набитый! — хмыкнул дед.— Ее так пороли, что бабы говорили, у нее выкидыш будет, а она ни слова. Хоть что-нибудь сказала бы про него, хоть ерунду какую-нибудь, бабьи сказки про духов, что по ночам приходят к девушкам,— я бы этому поверил.

Золотоволосый Камлах разглядывал меня с высоты своих шести футов. Глаза у него были светло-голубые, как у матери, а лицо красное. Мягкие сапоги оленьей кожи были заляпаны желтой глиной, от него пахло потом и лошадьми. Он даже не умылся с дороги. Я помню, как он смотрел на меня сверху вниз. Мать молчала, а дед грозно хмурился, дышал тяжело и хрипло, как всегда, когда, бывало, разгорячится.

— Подойди,— велел дядя.

Я подошел шагов на шесть — ближе не посмел. С трех шагов он казался еще выше и почти упирался головой в потолок.

— Как тебя зовут?

— Мирддин Эмрис.

— Эмрис? Дитя света, любимец богов? Ничего себе имечко для чертова отродья!

Он говорил дружелюбно, и я осмелел.

— Меня еще зовут Мерлинус. Это по-латыни значит сокол, корвальх.

— Сокол! — фыркнул дед и презрительно махнул рукой, так что зазвенели золотые запястья.

— Это маленький сокол,— добавил я в оправдание и замолчал, видя, что дядя не слушает.

Он задумчиво потер подбородок и обратился к матери, недоуменно вскинув брови:

— Странные имена для мальчика из христианской семьи, Ниниана. Может, это был римский демон?

Мать вскинула голову.

— Может быть. Откуда я знаю? Темно было.

Он, кажется, ухмыльнулся, но король сердито хлопнул себя по боку.

— Слыхал? Сплошное вранье, сказки про колдунов и чушь несусветная — больше ты от нее ничего не добьешься! Садись за работу, ты, и смотри, чтоб твой пащенок мне на глаза не попадался! Теперь это дом твоего брата, а тебе мы приищем кого-нибудь, кто согласится взять обоих, чтобы вы у меня тут под ногами не путались. Видишь, Камлах? Это все, что у меня есть.

Так что давай женись побыстрее и сделай мне парочку настоящих внуков.

— Ладно, женюсь,— спокойно согласился Камлах.

Они собрались уходить и больше не смотрели на меня. Меня никто не тронул. Я разжал кулаки и потихоньку стал отступать — шаг, еще шаг...

— Но ведь и ты женился, государь, и, говорят, она уже беременна?

— Это неважно. Тебе нужно жениться, чем скорее, тем лучше. Я старый человек, а времена нынче опасные. Что до этого мальчишки...

Я застыл.

— ...насчет него можешь не беспокоиться. Кто бы ни был его отец, раз он за шесть лет не показался, то уж теперь точно не объявится. И будь это хоть сам Вортигерн, верховный король, он от него толку не добьется. Крысеныш трусливый — от всех шарахается и прячется по углам. И с другими ребятами не играет — боится, должно быть. Он собственной тени даже боится.

Он повернулся к двери. Камлах переглянулся с матерью. Потом снова взглянул на меня и улыбнулся.

В комнате словно посветлело, хотя солнце уже село и начинало холодать. Вот-вот должны были внести свечи.

— Ладно,— сказал Камлах,— этот сокол еще не оперился. Не будь так суров к нему, государь; тебя в свое время боялись люди и похрабрее его.

— Это ты, что ли? Хо!

— Честное слово!

Король обернулся, уже стоя в дверях, и бросил на меня суровый взгляд из-под нависших бровей, потом снова фыркнул и перебросил плащ через руку.

— Ладно, ладно, поживем — увидим. Смерть Господня, как же есть хочется! Давно ужинать пора, но ведь ты еще полезешь в воду, по вашему дурацкому римскому обычаю? Имей в виду, с тех пор как ты уехал, баню ни разу не топили...

Последние слова он договорил уже за дверью. Я услышал, как мать перевела дух и зашуршала юбкой, садясь на свой табурет. Дядя протянул мне руку.

— Пойдем, Мерлинус, поболтаем, пока я буду мыться в вашей холодной уэльской бане. Нам, принцам, надо быть друзьями.

Я стоял как вкопанный. Мать тоже застыла — я это чувствовал.

— Идем же,— ласково повторил дядя и снова улыбнулся.

Я бросился к нему.

В ту же ночь я залез в подполье. Это был мой собственный дом, тайное укрытие, где можно было спрятаться от больших мальчишек и играть с самим собой. Дед был прав, когда говорил, что я «прячусь по углам», но прятался я не от страха, хотя, конечно, сыновья наших лордов подражали ему — дети всегда подражают старшим,— и я вечно бывал жертвой их жестоких воинских игр, когда им удавалось поймать меня.

Поначалу это подполье — заброшенная отопительная система — и впрямь было для меня всего лишь убежищем, где я мог побыть один и в безопасности; но вскоре мне понравилось разведывать тайны этих темных, узких, пахнущих землей ходов, проходивших под полами всех комнат дворца.

Дворец моего деда был некогда большой виллой, принадлежавшей какому-то знатному римлянину, который владел всеми землями на несколько миль вверх и вниз по реке. Дом сильно пострадал от времени, войн и большого пожара, который разрушил одно крыло главного здания и часть флигеля, но большая часть постройки была еще цела. Бывшие помещения для рабов, окружавшие двор, тоже сохранились — теперь там были кухни и службы; баня тоже уцелела, хотя сильно обветшала и была со всех сторон на скорую руку заделана глиной, а крышу латали тростником. Я не помню, чтобы баню хоть раз топили; воду грели во дворе в котлах.

В мой подземный ход можно было пробраться через печь в котельной.

Теперь это была просто дыра в стене под треснутым котлом, высотой по колено взрослому, заваленная всяким хламом и заросшая крапивой; вдобавок от котла отвалился большой черепок и совсем спрятал ее. Оттуда можно было пробраться под баню, но этими ходами не пользовались так давно, что они стали чересчур узкими и грязными даже для меня. Я обычно лазил в другую сторону, под главный дом. Там старая отопительная система была такой прочной и ухоженной, что эти ходы, фута в два высотой, даже теперь оставались сухими и на кирпичных столбах еще держалась штукатурка. Конечно, попадались обрушившиеся или

засоренные места, но проходы в стенах были выстроены на совесть, так что я мог пробираться незамеченным до самой королевской спальни.

Думаю, попадись я там, простой поркой мне бы не отделаться: должно быть, я, сам того не ведая, подслушал немало секретных совещаний и, уж наверное, не одну семейную тайну,— но тогда это не приходило мне в голову. А в том, что никто не боялся шпионов, и впрямь нет ничего удивительного: в былые времена эти ходы прочищали мальчики-рабы, и большая их часть была недоступна ни для кого старше десяти лет; были там и такие места, где даже я пролезал с трудом. Опасность, что меня обнаружат, возникла лишь один раз: однажды вечером, когда Моравик думала, что я играю с ребятами, а те думали, что я прячусь у нее под юбкой, рыжий Диниас, мой главный мучитель, спихнул одного из младших с крыши, где они играли, и тот сломал себе ногу. Пострадавший так заорал, что примчалась Моравик, увидела, что меня нет, и поставила на уши весь дворец. Я услышал шум и успел выбраться из-под котла, чумазый и запыхавшийся, как раз когда начали обшаривать банный флигель. Мне удалось выкрутиться, и дело обошлось руганью и надранными ушами, но этот случай послужил мне уроком: днем я в подпол больше не лазил, только по вечерам, пока Моравик еще не легла, или ночью, дождавшись, когда она захрапит. К тому времени большая часть обитателей дворца тоже бывала в постели, но когда дед устраивал пир или принимал гостей, я часто слушал музыку и голоса. А иногда я пробирался под спальню матери и прислушивался к ее разговорам со служанками. Однажды я услышал, как она молилась вслух, как молятся люди в одиночестве, повторяя мое имя — Эмрис, и плакала. Лазил я и в другую сторону, туда, где были комнаты королевы. Ольвен, молодая королева, почти каждый вечер пела, аккомпанируя себе на арфе, сидя среди своих дам, пока в коридоре не раздавались тяжелые шаги короля — и тогда музыка прекращалась.

Но я лазил в подпол не за этим. Для меня была важна — как я теперь понимаю — возможность остаться одному в таинственной тьме, где человек не властен лишь над смертью.

Чаще всего я лазил в то место, которое я называл «моя пещера». Это были остатки какой-то большой трубы; верх ее обвалился, и было видно небо. Меня тянуло туда с того дня, когда я в

поддень посмотрел вверх и увидел звезду — бледную, но отчетливую. Я пробирался туда по ночам, укладывался на подстилку из соломы, которую наворовал в хлеву, смотрел, как в небе медленно кружатся звезды, и загадывал, что, если увижу в трубе луну, на следующий день исполнится мое заветное желание.

В ту ночь я увидел луну. Полная, сияющая, она висела прямо посередине, и в мое запрокинутое лицо лился такой белый и чистый свет, что, казалось, его можно пить, как воду. Я лежал не шевелясь, пока луна не скрылась вместе с той звездочкой, что следует за ней.

На обратном пути я проползал под комнатой, где раньше никто не жил, но сегодня там слышались голоса.

Там Камлах, конечно. Он и еще один человек — я не знал его имени, но, судя по говору, он был из тех, кто приехал сегодня. Мне сказали, что они из Корнуолла. Голос у него был густой, раскатистый — я почти не разбирал его слов, да и не старался, а спешил поскорее убраться и ужом вилял меж столбами, заботясь только о том, чтобы меня не услышали.

Я уже добрался до стены и на ощупь искал проход в соседнюю комнату, но наткнулся плечом на разбитую глиняную трубу, и черепок упал со звоном. Голос корнуэльца оборвался на полуслове.

— Что это?

Слова дяди — они так отчетливо звучали в трубе, словно дядя говорил прямо у меня над ухом:

— Да ничего. Крыса. Это из подпола. Я же говорю, дом рушится прямо на глазах.

Отодвинули стул, шаги в сторону. Голос дяди отдалился. Мне послышался звон и бульканье вина. Я медленно-медленно пополз вдоль стены к проходу.

Он возвращался.

— ...да все равно, даже если и откажет ему, здесь она не останется, а если и останется, то лишь до тех пор, пока отец может пересилить епископа и удержать ее при себе. Я тебе говорю, пока она думает только о том, что зовет вышним царством, мне бояться нечего, даже если он сам явится.

— Да, если ей верить.

— Да нет, я ей верю. Я расспрашивал людей, все говорят то же самое.

Он рассмеялся.

— Кто знает, может, мы еще не раз скажем спасибо, что у нас есть заступница при царе небесном, прежде чем наша игра кончится. А говорят, она достаточно набожна, чтобы спасти целую армию таких, как мы, если только захочет.

— Может, тебе это еще понадобится,— заметил корнуэлец.

— Очень может быть.

— А мальчишка?

— Мальчишка? — переспросил дядя.

Он помолчал, потом снова заходил по комнате. Я весь обратился в слух. Мне нужно было это услышать. Я даже не знал, почему это так важно. Да пусть меня зовут ублюдком, трусом, чертовым отродьем — наплевать. Но сегодня в трубе показалась полная луна.

Дядя вернулся на место. Его голос снова стал звонким, беззаботным, даже снисходительным.

— Ах да, мальчишка. Похоже, неглупый малый — в нем есть больше, чем они все думают... ну и довольно славный, если с ним по-хорошему. Я стану держать его при себе. Запомни, Алун: этот мальчишка мне нравится.

Потом он позвал слугу долить вина в кубок, и я уполз под шумок.

Вот так это и началось. Я целыми днями таскался за ним повсюду, и он терпел меня, даже поощрял — мне ни разу не пришло в голову, что мужчине двадцати одного года от роду не может понравиться, что у него на хвосте все время висит шестилетний несмышленыш. Моравик ворчала на меня, когда ей удавалось меня поймать, но мать была очень рада — она явно испытывала облегчение и велела няньке оставить меня в покое.

Глава 2

Лето было жаркое, и год выдался мирный, так что в первые дни по приезде Камлах бездельничал: отдыхал или катался с отцом либо со своими людьми в полях, готовых к жатве, и в долинах, где с яблонь уже падали спелые яблоки.

Южный Уэльс — славный край: зеленые холмы, глубокие долины, ровные заливные луга, желтые от цветов, на лугах пасется скот, дубравы кишат оленями, на высоких голубых нагорьях по весне кукует кукушка, а зимой рыщут волки, и мне приходилось видеть молнию даже во время снегопада.

Маридунум лежит при устье той реки, что на военных картах обозначена как Тобий, но валлийцы зовут ее Тиви. В тех местах она течет по широкой долине и вьется спокойными, глубокими излучинами через болота и заливные луга, мимо невысоких холмов. Город стоит на северном берегу, на возвышенности, где земля сухая; в глубь страны от него идет военная дорога на Каэрлеон, а с юга в город въезжают через крепкий каменный мост в три пролета, и прямая мощеная улица ведет от него в гору, мимо королевского дома на площадь. Кроме дома моего деда и казарм римской крепости, которые дед поддерживал в хорошем состоянии, потому что в них жили его воины, лучшим зданием в городе был женский монастырь на берегу реки близ дворца. Там жили несколько святых женщин; они называли себя общиной Святого Петра, но большинство горожан звали это место Тир-Мирддин, в честь древнего святилища этого бога, что с незапамятных времен стояло под дубом неподалеку от ворот Святого Петра. Еще когда я был ребенком, мне доводилось слышать, что и сам город называли Каэр-Мирддин; так что неправда, как говорят некоторые, будто город назвали так в мою честь. На самом деле это меня, как и город и холм за городом, где бил священный источник, назвали в честь бога, которому поклоняются на холмах. Когда случились те события, о которых я расскажу, люди решили, что город носит мое имя, но бог был там задолго до меня, и если я теперь живу в его холме, то лишь потому, что он делит его со мной.

Дворец деда, утопавший в садах, стоял над самой рекой. Если взобраться по наклонившейся яблоне на стену, можно было сесть над бечевником — узкой полосой берега вдоль кромки воды, по которой гоняли лошадей, тянущих баржи,— и смотреть на путников, что въезжают в город с юга по мосту, и на корабли, что поднимаются по реке вместе с приливом.

Мне не позволяли лазить на деревья за яблоками — приходилось обходиться падалицей,— но Моравик не препятствовала мне влезать на стену. Я сидел там, как часовой, и таким образом она первой во дворце узнавала обо всех приезжих. В конце сада была маленькая терраска, огражденная изогнутой кирпичной стеной, с каменной скамьей, защищенной от ветра, и она сидела там и клевала носом над веретеном; солнце так нагревало ее уголок, что ящерки выползали погреться на камнях; а я сидел на стене и докладывал обо всех происшествиях.

Жарким вечером, дней через восемь после приезда Камлаха в Маридунум, я, как обычно, сидел на своем посту. Ни на мосту, ни на дороге, ведущей вверх вдоль реки, никого не было, только у причала грузилась местная баржа с зерном и за погрузкой наблюдала кучка зевак, да под стеной слонялся старик в плаще с капюшоном, подбирая упавшие яблоки.

Я оглянулся через плечо в сторону Моравик. Она спала, веретено упало к ней на колени, белое и пушистое — точь-в-точь перезревший камыш. Я отшвырнул битый паданец и задрал голову, разглядывая запретные сучья на макушке дерева, где висели золотистые яблоки. Вон то я, похоже, мог бы достать. Яблоко было круглое, блестящее, оно прямо на глазах наливалось сладким соком. У меня потекли слюнки. Я нащупал опору и полез наверх.

Мне осталось две ветки до того яблока, когда со стороны моста послышался крик, а потом — перестук копыт и звон упряжи. Я застыл на месте. Вцепившись в ветку, как мартышка, я встал на ноги, раздвинул листья и взглянул в ту сторону. По мосту в город скакал отряд людей. Один ехал впереди, с обнаженной головой, на большом буром коне.

Это не Камлах и не дед; и он не из наших дворян — его люди носили незнакомые цвета. Когда они подъехали ближе, я разглядел, что их предводитель — чужестранец, черноволосый, чернобородый, одет не по-нашему, на груди — что-то золотое. Наручи на нем тоже золотые, плечи очень широкие. Отряд у него был человек в пятьдесят.

«Король Горлан из Ланаскола». Откуда взялось это имя, такое отчетливое, я понятия не имел. Может, в лабиринте подслушал? Кто-то невзначай обмолвился при мальчишке? Может, даже приснилось? Щиты и наконечники копий сверкнули на солнце, на миг ослепив меня. Горлан из Ланаскола. Король. Приехал жениться на моей матери и взять меня с собой, за море. Она будет королевой. А я...

Он уже поднимался в гору. Я принялся осторожно сползать вниз. «А если она откажет ему?» Это голос корнуэльца, я узнал его. А потом — голос дяди: «Да все равно, если она и откажет ему... Мне бояться нечего, даже если он сам явится...»

Отряд неторопливо переезжал через мост. Лязг оружия и топот копыт слышался в неподвижном разогретом воздухе.

Приехал он сам. Он здесь.

На высоте фута над стеной я оступился и едва не упал. По счастью, мне удалось удержаться и благополучно соскользнуть на стену вместе с дождем листьев и коры как раз в тот момент, когда нянька пронзительно закричала:

— Мерлин! Мерлин! Господи помилуй, где же этот мальчишка?

— Я здесь... здесь, Моравик... я слезаю.

Я приземлился в высокую траву. Она бросила веретено и подбежала ко мне, подобрав юбки.

— Что там творится на дороге у реки? Лошади скачут, похоже, целый отряд... Святые угодники, вы поглядите на этого ребенка! Только на неделе починила тунику, а теперь глянь, на кого ты похож! Смотри, какая дыра — кулак пролезет, а грязный-то, грязный — бродяга, да и только!

Она протянула руку — я увернулся.

— Прости, пожалуйста. Я спускался и упал, хотел сказать тебе. Там отряд всадников — приезжие! Моравик, там король Горлан из Ланаскола! В красном плаще и с черной бородой!

— Горлан из Ланаскола? Господи, да это же всего миль двадцать от моей деревни! Хотела бы я знать, зачем он явился?

Я удивленно посмотрел на нее.

— Как, ты разве не знаешь? Он приехал жениться на маме.

— Чушь какая.

— Это правда!

— Ну да, правда! Уж я-то знала бы! Не говори таких вещей, Мерлин, а то попадет тебе. Откуда ты это взял?

— Не помню. Мне кто-то сказал. Мама, наверно.

— Не было такого, сам знаешь, что не было.

— Значит, я где-то слышал.

— Слышал, слышал! Говорят, чем щенок глупее, тем уши длиннее. От земли не видать, вот и слышишь все на свете. Чего улыбаешься-то?

— Просто так.

Она прижала палец к губам.

— Слишком много слушаешь того, что тебя не касается. Неудивительно, что люди говорят то, что говорят.

Если мне случалось проболтаться, я обычно отступал и уходил с опасного места, но сейчас я был слишком возбужден.

— Это правда, правда, вот увидишь! Какая разница, где я это слышал? Ну не помню я, но знаю, что это правда! Моравик...

— Ну, что?

— Король Горлан — мой отец, настоящий отец!

— Че-го?

Возглас провизжал, как пила.

— А ты не знала? Даже ты не знала?

— Да не знала я, не знала! И ты ничего об этом не знаешь. И если только заикнешься кому-нибудь еще... Да откуда ты вообще знаешь, как его зовут? — Она встряхнула меня за плечи.— Откуда ты знаешь, что это король Горлан? Никто не говорил, что он приедет, даже мне ничего не сказали.

— Не помню, где и что я слышал. Я просто слышал где-то это имя, вот и все, и я знаю, что он приехал к королю насчет мамы. Мы уедем в Малую Британию, Моравик, и ты с нами поедешь, если хочешь. Поедешь, правда? Там твой дом. Мы, наверно, рядом будем...

Она сжала мое плечо, и я умолк. К моему облегчению, в саду показался один из телохранителей короля. Он подбежал, запыхавшись.

— Его к королю требуют, мальчишку. В большой зал. И поживей.

— Кто приехал-то? — спросила Моравик.

— Король сказал — поживей. Ищу, ищу его...

— Кто приехал?!

— Король Горлан из Бретани.

Она зашипела, как встревоженная гусыня, и отпустила меня.

— Мальчишка-то зачем понадобился?

— А я знаю?

Слуга запыхался — день был жаркий, а стражник был грузен и не церемонился с Моравик — она была моя нянька и с ней считались немногим больше, чем со мной.

— Я только знаю, что за госпожой Нинианой послали, и за мальчишкой тоже, и, по-моему, кой-кому здорово всыплют, если королю вздумается позвать его, а его там не окажется. Он сам не свой, как эти гости приехали, вот что я тебе скажу.

— Ладно, ладно. Беги назад, скажи, сейчас придем.

Стражник убежал. Моравик обернулась ко мне и ухватила меня за руку повыше запястья.

— Ах, силы небесные! — У нее было больше всяких амулетов и талисманов, чем у любого другого жителя Маридунума, и я ни разу не видел, чтобы она прошла мимо придорожного святилища и не воздала почестей его божеству, кем бы оно ни было,

но официально она считалась христианкой и в трудных ситуациях становилась весьма набожной.— Херувимы, серафимы, святые угодники! И надо ж ему было именно сегодня ободраться, как чучелу! Скорей, скорей, детка, а то попадет нам обоим.

Она поволокла меня к дому, громко взывая ко всем своим святым и требуя, чтоб я пошевеливался,— она явно решила даже не обсуждать тот факт, что я был прав насчет приезжих.

— Ах, святой апостол Петр, и зачем только я наелась угрей на обед? Всегда меня от них в сон клонит! И надо ж, чтоб именно сегодня! Ну-ка, быстро,— она втолкнула меня в комнату,— скидывай эту рвань и надевай хорошую тунику. Что-то тебе Господь посылает? Ничего, сейчас узнаем! Скорей, скорей, детка!

Комната, где я жил вместе с Моравик, была маленькой, темной, рядом с комнатами прислуги. Там все время пахло жареным из кухни, но я любил этот запах; любил и старую грушу, обросшую лишайниками,— она заглядывала в самое окно, и летом по утрам на ней пели птицы. Мое ложе находилось прямо под окном. Кровать не кровать — просто доски на чурбаках, ни резьбы, ни спинки. Я слышал, как Моравик говорила другим слугам, думая, что я не слышу, что это, мол, не место для королевского внука, а мне — что ей так удобно: поближе к прочим слугам. Да там было и неплохо: Моравик следила, чтобы мой тюфяк всегда был набит свежей соломой, а шерстяное одеяло было ничуть не хуже, чем у моей матери в ее большой комнате рядом с королевской опочивальней. Сама Моравик спала на соломенном тюфяке на полу у двери, и это ложе иногда делил с ней большой волкодав, который спал у нее в ногах и вечно чесался и охотился за блохами, а иногда Кердик, конюх, сакс, которого взяли в плен во время набега много лет назад и женили на одной из наших девушек. Через год она умерла родами, и ребенок тоже, но Кердик остался и, видимо, был вполне доволен своей участью. Я однажды спросил Моравик, зачем она пускает собаку в комнату, если все время жалуется на вонь и блох; не помню, что она ответила, но я и так знал, что пес здесь затем, чтобы предупредить, если кто ночью войдет в комнату. Кердик, конечно, не считается: при виде него пес только стучал хвостом по полу и уступал ему место. Наверно, Кердик приходил за тем же, за чем и пес,— ну и не только за этим. Моравик на эту тему особо не распространялась, и я тоже. Считается, что дети спят очень крепко, но я даже совсем маленьким иногда просыпался по ночам и тихо лежал, гля-

дя на звезды за окном — они блестели в ветвях груши, как серебристые рыбки в рыбацкой сети. Что делали Кердик с Моравик — меня не занимало: он стерег меня по ночам, как она днем, вот и все.

Моя одежда хранилась в деревянном сундуке у стены. Он был очень старый, расписанный изображениями богов и богинь — наверно, его привезли аж из Рима. Роспись потускнела, стерлась и осыпалась, но на крышке еще виднелась непонятная сцена: какое-то место, вроде пещеры, бык, человек с ножом, кто-то еще со снопом и еще одна фигура в углу — она почти совсем стерлась, но у нее был нимб вокруг головы и в руке посох. Сундук был отделан кедровым деревом; Моравик сама стирала мою одежду и перекладывала ее пахучими травами из сада.

Она откинула крышку так резко, что та стукнулась об стену, и вытащила лучшую из двух моих хороших туник, зеленую с алой каймой. Она крикнула: «Воды!», одна из служанок принесла, и Моравик отругала ее, что та пролила воду на пол.

Снова прибежал толстый слуга и, запыхавшись, велел нам поторопиться. Моравик только обругала его за все труды, но вскоре меня снова поволокли вдоль колоннады через большую дверь с аркой в главную часть дома.

Зал, где король принимал гостей, был высокий и длинный; пол был выложен черными и белыми плитами, а посередине — мозаика: бог с леопардом. Мозаика была выщерблена и разбита: по заду постоянно таскали тяжелую мебель и ходили в сапогах. Одной стороной зал выходил на колоннаду, и зимой там разводили огонь, прямо на полу, на месте вынутой плиты. Пол и столбы в том месте почернели от дыма. В дальнем конце стоял помост, и на нем большой трон деда, а рядом — трон поменьше, для королевы.

Дед сидел на троне, Камлах стоял по правую руку от него, а Ольвен, жена деда, сидела по левую. Ольвен была его третьей женой. Моложе моей матери, темноволосая, молчаливая, довольно тупая девица; кожа напоминала парное молоко, волосы спадали до колен; она пела как птица и шила очень хорошо, но вряд ли умела что-нибудь еще. Мать, наверное, любила и немножко презирала ее. Во всяком случае, они хорошо поладили, против всех ожиданий, и я слышал, как Моравик говорила, что моей матери гораздо легче живется с тех пор, как умерла вторая

жена короля, Гвиннет,— это было в прошлом году,— и через месяц ее место на ложе короля заняла Ольвен. Я любил бы Ольвен, даже если бы она шлепала меня и смеялась надо мной, как Гвиннет, потому что Ольвен хорошо пела, но она всегда была добра ко мне — по-своему, робко, незаметно, и, когда короля не было поблизости, учила меня музыке и даже давала свою арфу, так что я немножко научился играть. Она говорила, что у меня есть слух, но мы оба знали, что скажет король, если узнает про такое баловство, так что она держала свою доброту в секрете, даже от моей матери.

Теперь она не обратила на меня внимания. И никто не обратил, кроме моего кузена Диниаса, который стоял на помосте, рядом с креслом Ольвен. Он был незаконным сыном, которого дед прижил от рабыни. Рослый семилетний мальчишка унаследовал отцовские рыжие волосы и его же норов. Он был силен для своих лет и совершенно ничего не боялся: пользовался расположением короля с тех пор, как в пятилетнем возрасте ухитрился прокатиться на одном из отцовских коней, необъезженном гнедом стригунке, который промчался с ним через весь город и стряхнул лишь тогда, когда врезался в вал высотой по грудь. Дед собственноручно выпорол Диниаса, а потом подарил ему кинжал с золоченой рукояткой. С тех пор Диниас требовал, чтобы его звали принцем — по крайней мере, остальные ребята,— и к другому бастарду (то есть ко мне) относился с величайшим презрением. Сейчас, когда он взглянул на меня, лицо у него было каменное, но левой рукой (той, что дальше от отца) он сделал грубый жест, а потом выразительно рубанул ею вниз.

Я задержался в дверях. За спиной нянька одернула на мне тунику и подтолкнула в спину между лопаток.

— Ну, иди. Выпрямись. Да не съест он тебя.

И словно в доказательство того, что это неправда, вытащила все свои амулеты и забормотала молитву.

В комнате было полно народу. Многих я знал, но были и чужие — наверное, это их я видел на мосту. Их предводитель сидел поблизости от короля, справа от него, в окружении своих людей. Это был тот крупный темноволосый человек, которого я видел, с окладистой бородой, хищным крючковатым носом и толстыми руками и ногами, закутанный в алый плащ. По другую сторону от короля, не на помосте, а внизу, стояла моя мать с

двумя своими женщинами. Мне нравилось видеть ее такой: сейчас она оделась как принцесса, в длинное платье из кремовой шерстяной материи — оно ниспадало до самого пола ровными складками, словно деревянное. Ее распущенные волосы дождем струились по спине. На ней был синий плащ с медной застежкой. Лицо бледное, но очень спокойное.

Я был так занят своими страхами — жест Диниаса, опущенное лицо и глаза матери, безмолвная толпа, пустая середина зала, через которую надо пройти,— что даже не посмотрел на деда. Я шагнул вперед — меня все еще никто не замечал,— как вдруг дед с размаху опустил обе руки на деревянные подлокотники своего кресла. Звук был такой, словно конь топнул,— и поднялся так резко, что тяжеленное кресло отъехало назад, оцарапав дубовые доски помоста.

— Клянусь светом!

Его лицо побагровело, покрасневшая кожа лба узлами стянулась над разъяренными голубыми глазками. Он уставился на мать и так шумно набрал в грудь воздух, что у двери, где в испуге застыл я, и то было слышно. Тут бородатый — он поднялся одновременно с дедом — что-то сказал, но так, что я не разобрал, и тут же Камлах коснулся руки деда, что-то шепча ему на ухо. Король помолчал, потом тяжело промолвил:

— Как хочешь. Ладно, потом. Пусть убираются.

И отчетливо — матери:

— Запомни, Ниниана, это еще не все. Шесть лет. Довольно, клянусь богом! Идемте, государь.

Он перебросил плащ через руку, кивнул сыну и, спустившись с помоста, взял бородатого под руку и зашагал к дверям. За ним, кроткая, как телка, семенила Ольвен со своими женщинами, а за ней улыбающийся Диниас. Мать не шевельнулась. Король прошел мимо нее без единого слова, даже не взглянул, и толпа раздалась перед ним, как жнивье под плугом.

Я один остался стоять на дороге, словно прирос к полу, глядя во все глаза, в трех шагах от двери. Когда король был уже близко, я пришел в себя и хотел удрать в прихожую, но было уже поздно.

Он вдруг остановился, выпустил руку Горлана и повернулся в мою сторону. Пола синего плаща отлетела, угол одеяния хлестнул меня по глазам так, что слезы брызнули. Горлан остановился рядом. Он был моложе покойного дяди Диведа и тоже был

зол, но скрывал это, и злился он не на меня. Когда король остановился, Горлан удивился и спросил:

— Кто это?

— Да сын ее, если ваша милость сочтет это слово уместным,— ответил дед.

Его золотой браслет сверкнул, он размахнулся и швырнул меня на пол так же легко, как мальчишка прихлопывает муху. Синий плащ пролетел мимо, протопали тяжелые сапоги короля, а за ним — Горлан, задержавшись лишь на миг. Ольвен что-то сказала своим нежным голоском и склонилась было надо мной, но король прикрикнул на нее, она отдернула руку и заспешила вслед за остальными.

Я с трудом поднялся с пола и огляделся, ища Моравик, но ее даже не было видно. Она бросилась прямо к матери. Я стал проталкиваться к ним через толпу в зале, но прежде, чем я добрался до матери, женщины сомкнулись вокруг нее маленькой молчаливой группкой и ушли из зала через другую дверь. Никто из них не оглянулся.

Кто-то заговорил со мной, но я не ответил и выбежал из зала через колоннаду и главный двор в тихий, солнечный сад.

Дядя нашел меня на террасе Моравик.

Я лежал, растянувшись на горячих плитах, и рассматривал ящерицу. Из всех воспоминаний того дня это — самое живое: ящерка распласталась на горячем камне в футе от моего лица и застыла, как статуэтка из зеленоватой бронзы, только горлышко пульсирует. У нее маленькие черные глазки, тусклые, как булыжник, а глотка розовая, как арбуз. Она то и дело стреляет длинным, остреньким язычком, и ее лапки тихонько шелестят — она перебежала мой палец и исчезла в трещине. Я повернул голову. Через сад шел дядя Камлах. Он взошел на террасу по трем невысоким ступеням, мягко ступая в своих изящных плетеных сандалиях, и остановился, глядя на меня. Я отвернулся. Во мху меж камней росли беленькие цветочки, крохотные, как глазки ящерицы, но точь-в-точь точеные чаши. До сих пор помню их форму так отчетливо, словно сам их выточил.

— Покажись,— сказал он.

Я не шевельнулся. Он подошел к каменной скамье и сел на нее, лицом ко мне, раздвинув колени и положив на них сцепленные руки.

— Мерлин, подними голову.

Я послушался. Некоторое время он молча рассматривал меня.

— Мне всегда говорили, что ты избегаешь шумных игр, что ты прячешься от Диниаса, что из тебя не выйдет ни солдата, ни даже просто мужчины. Но когда король сбил тебя с ног такой оплеухой, от которой любая из его гончих с визгом удрала бы в конуру, ты не издал ни звука, не пролил ни слезинки.

Я промолчал.

— Знаешь, Мерлин, по-моему, ты не совсем тот, за кого тебя принимают.

Молчание.

— Ты знаешь, зачем приехал Горлан?

Я решил, что лучше соврать.

— Нет.

— Он приехал просить руки твоей матери. Если бы она согласилась, ты уехал бы с ним в Бретань.

Я дотронулся пальцем до одной из чашечек во мху. Она лопнула, как дождевик, и исчезла. Я попробовал другую. Камлах сказал резче, чем обычно говорил со мной:

— Ты слушаешь?

— Да. Но теперь все равно, раз она ему отказала.— Я поднял глаза.— Правда ведь?

— Ты имеешь в виду, тебе не хочется уезжать? А я думал...— Он нахмурил красивый лоб, совсем как дед.— Ты был бы принцем, жил бы в почете...

— А я и сейчас принц. Большим принцем, чем теперь, я никогда не стану.

— Что ты имеешь в виду?

— Раз она ему отказала,— объяснил я,— значит, он мне не отец. А я думал, он мой отец и потому приехал.

— Почему же ты так думал?

— Не знаю. Мне показалось...— Я остановился. Я не смог бы рассказать Камлаху о том озарении, в котором мне открылось имя Горлана.— Я просто подумал, может быть...

— Только потому, что ты ждал его все это время.— Его голос был очень спокойным.— Это глупо, Мерлин. Пора посмотреть правде в глаза. Твой отец умер.

Я положил ладонь на кустик мха, надавил. Я увидел, как пальцы побелели от усилия.

— Это она тебе сказала?

Он пожал плечами:

— Да нет. Но будь он жив, он давно бы приехал. Ты должен понять это.

Я молчал.

— Даже если он и жив,— продолжал дядя, внимательно глядя на меня,— и все-таки не едет, печалиться особенно не о чем, верно?

— Да. Только какого бы низкого происхождения он ни был, это избавило бы мою мать от многих неприятностей. И меня.

Я отвел руку — мох медленно расправился, словно вырос. Но цветочки исчезли.

Дядя кивнул.

— Быть может, с ее стороны было бы умнее принять предложение Горлана или какого-нибудь другого князя.

— Что с нами будет? — спросил я.

— Твоя мать хочет уйти в обитель Святого Петра. А ты шустрый, умный, и мне говорили, что ты немного умеешь читать. Из тебя выйдет неплохой священник.

— Нет!

Он снова вскинул брови.

— Да что ты? Это совсем неплохая жизнь. В воины ты ведь не годишься, это точно. Почему бы не избрать такую жизнь, какая тебе подходит? Будешь жить в безопасности...

— Не обязательно быть воином, чтобы любить свободу! Чтобы меня заперли в таком месте, как монастырь Святого Петра...— Я остановился. Я говорил с жаром, но не хватало слов; хотел объяснить что-то, чего сам не понимал. Я поднял на него горящие глаза: — Я останусь при тебе. Если не нужен — убегу к другому князю. Но я хотел бы остаться с тобой.

— Ну, об этом говорить пока рано. Ты ведь еще маленький.— Он встал.— Лоб болит?

— Нет.

— Надо бы, чтобы тебя осмотрели.

Он подал мне руку, и мы пошли через сад, потом через арку — она вела в собственный сад деда. Я уперся, потянул его за руку.

— Мне сюда нельзя.

— Со мной-то можно. Дед с гостями, он тебя не увидит. Пошли. У меня тут найдется кое-что повкуснее твоих битых яблок.

Сегодня собирали абрикосы, и я зашел и отложил из корзин те, что получше.

Он прошел своим легким, кошачьим шагом через заросли бергамота и лаванды, туда, где у высокой стены на солнце стояли абрикосовые и персиковые деревья. Сад был напоен сонным ароматом трав и плодов, а из голубятни доносилось воркование. У моей ноги лежал спелый абрикос с бархатистой кожицей. Я перевернул его носком и увидел, что снизу он прогнил и по нему ползают осы. Вдруг на него упала тень. Дядя стоял надо мной, в каждой руке — по абрикосу.

— Я же говорил, у меня есть кое-что получше падалицы. Держи.— Он протянул мне абрикос.— А если они вздумают отлупить тебя за воровство, придется им заодно и меня вздуть.

Он ухмыльнулся и откусил тот абрикос, что остался у него.

Я стоял, держа на ладони большой красивый абрикос. В саду было очень жарко и очень тихо — только пчелы гудели. Абрикос горел, как золото, от него пахло солнцем и сладким соком. На ощупь он был слегка пушистый, как золотая пчелка. У меня потекли слюнки.

— В чем дело? — спросил дядя. Его голос прозвучал раздраженно и нетерпеливо. У него по подбородку тек сок.— Чего ты смотришь, парень? Ешь, ешь! Что тебе не так?

Я поднял глаза и встретил взгляд голубых глаз, жестоких, как у лиса. Я протянул ему абрикос.

— Не хочу. Он весь черный внутри. Посмотри, насквозь видно.

Он резко втянул воздух, словно хотел что-то сказать. За стеной послышались голоса — наверно, садовники принесли пустые корзины. Дядя наклонился, вырвал у меня абрикос и с размаху швырнул его об стену. Абрикос разбился в лепешку и прилип к кирпичам, по стене побежал золотистый сок. Мимо нас прожужжала вспугнутая оса. Камлах отмахнулся — как-то странно, вбок,— и прошипел голосом, внезапно сделавшимся ядовитым:

— Ну, теперь держись от меня подальше, чертово отродье. Понял? Чтоб я тебя не видел!

Он вытер губы тыльной стороной ладони и большими шагами ушел в дом. Я остался стоять, где стоял, глядя, как сок абрикоса ползет по горячей стене. Оса села на него, поползла, увязая в липком соке, потом вдруг упала на спину, наземь, пронзительно гудя. Ее тело согнулось пополам, гудение перешло в визг, затем стихло.

Я едва видел это: что-то сдавило мне горло,— я думал, что задохнусь, и золотой вечер засверкал и расплылся в слезах. Это было в первый раз в моей жизни, когда я помню себя плачущим.

Садовники шли мимо розовых кустов, неся на голове корзины. Я повернулся и выбежал из сада.

Глава 3

В комнате у меня было пусто, даже волкодав куда-то делся. Я взобрался на кровать, положил локти на подоконник и так и остался сидеть, слушая пение дрозда в ветвях груши, мерные удары молота, доносившиеся из-за закрытых дверей кузни, и скрип колодезного ворота, который вращал ходивший по кругу осел.

Я не помню, сколько так просидел, прежде чем звон посуды и шум голосов не оповестили меня, что на кухне начали готовить вечернюю трапезу. Не помню также, испытывал ли я боль, но когда в комнату вошел конюх Кердик и я повернулся к нему, он остановился как вкопанный и воскликнул:

— Господи, помилуй! Что это ты делал? Играл в загоне с быками?

— Я упал.

— Ну да, конечно, ты упал. Интересно, почему это для тебя пол всегда оказывается вдвое тверже, чем для остальных? Кто это тебя так? Этот свиненок Диниас?

Я не ответил, и Кердик подошел к кровати. Кердик был небольшого роста, кривоногий, с загорелым морщинистым лицом и густыми светлыми волосами. Если я забирался на кровать, то мог смотреть ему прямо в глаза, не задирая головы.

— Послушай, что я тебе скажу,— произнес он.— Подрасти малость, и я научу тебя кое-чему. Не обязательно быть здоровяком, чтобы одолеть в драке, достаточно знать парочку приемов, это я тебе точно говорю. А если ты ростом с воробья, их непременно нужно знать. Вот я могу повалить мужчину вдвое тяжелее себя — да и женщину тоже, если уж на то пошло.— Кердик рассмеялся и наклонился, чтобы сплюнуть, но вспомнил, где находится, и просто откашлялся.— Хотя не думаю, что тебе понадобятся мои приемы, если вырастешь таким высоким парнем, как

обещаешь. По крайней мере, с девушками ты и так управишься. Если, конечно, по глупости не изуродуешь себе лицо. Похоже, у тебя может остаться шрам.— Он кивнул в сторону пустого тюфяка Моравик.— А она где?

— Ушла вместе с моей матерью.

— Ну тогда пошли, перевяжу тебя.

Вот так получилось, что моя разбитая скула была обработана мазью, которой лечат лошадей, и я остался ужинать в конюшне у Кердика. Гнедая кобыла то и дело тыкалась носом в охапку соломы, на которой я сидел, а мой толстый ленивый пони подошел к нам, насколько позволяла привязь, и провожал взглядом каждый кусок, который мы отправляли в рот. Должно быть, у Кердика были свои хитрости и в обращении с поварихой; во всяком случае, на ужин мы получили свежие лепешки, по куску копченой курицы, солонину и свежее ароматное пиво.

Когда Кердик вернулся с едой, по его виду я понял, что ему уже обо всем известно. Наверное, во дворце сейчас только и разговору было, что об этом происшествии. Но Кердик не стал ни о чем говорить. Он просто протянул мне мою долю и уселся рядом.

— Тебе рассказали? — спросил я.

Кердик кивнул, прожевал и добавил, потянувшись за следующим куском мяса:

— У короля тяжелая рука.

— Он рассердился, потому что мать отказала Горлану. Это из-за меня он хочет отдать ее замуж, но она всем отказывает. А теперь, когда дядя Дивед умер и остался только дядя Камлах, они пригласили Горлана из Малой Британии. Я думаю, это дядя Камлах убедил деда пригласить Горлана, потому что он боится, что если мать выйдет замуж за принца из Уэльса...

Но тут Кердик перебил меня. Он был испуган и поражен моими словами.

— Замолчи сейчас же, малыш! Откуда ты все это знаешь? Ведь те твои родственники обсуждали это при тебе? Если это тебе наговорила Моравик, то ей не стоило...

— Нет, не Моравик. Но я знаю, что это правда.

— Тогда откуда, во имя Громовержца, ты это узнал? Из сплетен рабов?

Я скормил остаток лепешки кобыле.

— Это у тебя будут неприятности, Кердик, если ты будешь взывать к языческим богам. И у Моравик тоже.

— Ну, с такими неприятностями я как-нибудь управлюсь. Так все-таки кто тебе об этом рассказал?

— Никто. Я знаю, и все. Я... я не могу объяснить... Когда мать отказала Горлану, дядя Камлах рассердился ничуть не меньше деда. Он боится, что мой отец вернется и женится на моей матери, а его выгонит. Конечно, деду он в своих страхах не признается.

— Еще бы.— Кердик смотрел перед собой, даже позабыв жевать. Из уголка рта у него потекла струйка слюны. Кердик поспешно сглотнул.— Боги ведают... Бог ведает, откуда ты это взял, но это здорово похоже на правду. Ну ладно, давай дальше.

Гнедая кобыла ткнулась мордой мне в шею. Я отогнал ее.

— А что дальше? Горлан теперь сердит, но они задобрят его подарками. А матери придется уйти в обитель Святого Петра. Вот увидишь.

Некоторое время мы молчали. Кердик дожевал мясо и выбросил кость за дверь, где из-за нее тут же устроили грызню две жившие при конюшне дворняжки.

— Мерлин...

— Что?

— С твоей стороны было бы разумно ни с кем больше об этом не разговаривать. Вообще ни с кем. Понимаешь?

Я не ответил.

— Ребенок не разбирается в делах взрослых. Ну да, я понимаю, что об этом все болтают, но вот насчет принца Камлаха...— Кердик похлопал меня по колену.— Он опасен, вот что я тебе скажу. Оставь все как есть и не мозоль им глаза. Я никому об этом не скажу, можешь мне поверить. Но и ты не должен больше об этом говорить. Такое не сошло бы с рук даже законнорожденному принцу или королевскому любимцу вроде этого рыжего щенка Диниаса, но тебе...— Он снова хлопнул меня по колену.— Ты меня слышишь, Мерлин? Помалкивай, если хочешь сберечь свою шкуру, и не путайся у них под ногами. И скажи мне, кто тебе все это рассказал.

Я подумал о темной пещере в подполье и о небе высоко над головой.

— Никто мне не рассказывал. Честное слово.

Кердик хмыкнул, недоверчиво и обеспокоенно. Я посмотрел ему в глаза и сказал правду — насколько у меня хватило смелости:

— Ну да, действительно, я кое-что подслушал. Взрослые часто переговариваются у меня над головой, не замечая меня, а если и замечают, то им и в голову не приходит, что я могу что-нибудь понимать. Но иногда...— я помедлил,— иногда во мне словно звучит чей-то голос... и я словно бы что-то вижу... А еще со мной разговаривают звезды... и я слышу во тьме музыку и голоса. Это будто сон.

Кердик вскинул руку, словно желая защититься. Я думал, что он перекрестится, но он сделал знак от дурного глаза. Потом он, видимо, устыдился и опустил руку.

— Да, верно, сон. Ты прав. Видно, ты заснул где-нибудь в углу, взрослые затеяли разговор, а ты и наслушался того, чего не должен был слышать. Я чуть было не забыл, что ты всего лишь ребенок. Когда ты так вот смотришь...— Кердик поежился.— Но ты должен пообещать мне, что никому больше не скажешь о том, что услышал.

— Ладно, Кердик. Я обещаю. Но только если ты взамен пообещаешь мне кое-что сказать.

— И что же?

— Кто мой отец?

Кердик поперхнулся пивом, медленно вытер пену с лица, отложил рог и с неудовольствием посмотрел на меня.

— С чего ты взял, что мне это известно?

— Я думал, тебе могла сказать Моравик.

— А что, она знает?

В голосе Кердика звучало такое удивление, что я сразу ему поверил.

— Когда я ее спросил, она ответила, что есть вещи, которых лучше вообще не касаться.

— И правильно сказала. Хотя, по-моему, это была просто отговорка и Моравик известно не больше, чем всем остальным. Но если тебе, юный Мерлин, интересно, что об этом думаю я, так я тебе скажу, что если бы госпожа считала нужным, чтобы ты знал, кто твой отец, она сама бы тебе и рассказала. Но что-то мне сомнительно, чтобы ты это узнал в ближайшем будущем.

Я увидел, что он еще раз сделал охранительный знак, но теперь уже стараясь, чтобы я этого не заметил.

— Ты дал мне слово. Не забыл?

— Нет.

— Я присматривался к тебе. Ты не похож на других, и иногда я думаю, что ты ближе к диким животным, чем к людям. Ты знаешь, что имя, которое дала тебе мать, означает «сокол»?

Я кивнул.

— Ну ладно, ты вот о чем подумай. Пока что лучше бы тебе выбросить из головы мысли о соколах. По правде говоря, их и так слишком много развелось. Мерлин, ты видел вяхирей?

— Диких голубей, которые пьют из фонтана вместе с белыми голубями, а потом улетают прочь? Конечно. Я кормлю их зимой, вместе с домашними.

— У меня на родине говорят, что у вяхирей много врагов, потому что у них нежное мясо и вкусные яйца. Но они живут и благоденствуют, потому что умеют вовремя улететь. Госпожа Ниниана может называть тебя соколом, если ей так угодно, но тебе еще далеко до сокола, юный Мерлин. Пока что ты всего лишь голубь. Не забывай об этом. Держись потише и вовремя улетай. Запомни, что я тебе сказал.

Кердик покачал головой и протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

— Как твоя рана?

— Жжет.

— Значит, уже затягивается. На самом деле там ничего серьезного, должно быстро зажить.

Рана действительно зажила быстро, не оставив после себя ни малейшего следа. Но я помню, как она ныла той ночью. Боль не давала мне уснуть, и Кердик с Моравик, лежавшие в другом углу, помалкивали — наверное, опасаясь, как бы я чего не узнал из их бормотания.

Когда они уснули, я тихонько выбрался из комнаты, обойдя ворчащего волкодава, и отправился в подполье.

Но из всего, что я слышал той ночью, в памяти у меня остался лишь нежный, как у дрозда, голос Ольвен, певшей незнакомую мне песню о диком гусе и охотнике с золотой сетью.

Глава 4

После этих событий жизнь снова потекла по привычному руслу, и я уж было думал, что дед наконец-то смирился с нежеланием моей матери выходить замуж. Примерно с неделю отноше-

ния между ними оставались натянутыми, но теперь, когда Камлах был дома, словно никогда и не уезжал, и в предвкушении охотничьего сезона, король позабыл о давней неприязни, и все пошло своим чередом.

Но только не для меня. После той стычки в саду Камлах перестал покровительствовать мне, а я больше не ходил за ним по пятам. Но он по-прежнему был довольно добр ко мне, и пару раз вступился за меня во время моих потасовок с мальчишками. Как-то он даже встал на мою сторону против Диниаса, который теперь сделался его любимцем.

Но мне больше не нужна была его защита. Тот сентябрьский день преподнес мне и другие уроки, кроме поучения Кердика о вяхире. Я решил сам разобраться с Диниасом. Как-то раз, пробираясь под его спальней, по дороге в мою «пещеру», я услышал, как Диниас и Брис, его прихвостень, смеются, обсуждая свою вечернюю выходку. Они выследили Алуна, друга Камлаха, когда тот отправился на свидание с одной из служанок, и подсмотрели все, что было между ними, до самого конца. Когда на следующее утро Диниас подстерег меня, я не стал убегать, а повторил дословно пару его высказываний и поинтересовался, не встречался ли он сегодня с Алуном. Диниас изумленно уставился на меня, покраснел, потом побледнел (у Алуна была тяжелая рука и не менее тяжелый характер) и удрал, сделав знак от сглаза. Возможно, он предпочел считать это магией, а не обычным шантажом. Я не стал его разубеждать. После этого случая никто из детей не поверил бы даже верховному королю, если бы тот приехал и объявил себя моим отцом. Они оставили меня в покое.

Это было к лучшему. Зимой пол в бане обвалился, и дед, решив, что это может оказаться опасным, приказал набросать в подпол крысиного яду и засыпать его. Мне, словно выкуренному из норы зверенышу, пришлось как-то устраиваться на поверхности земли.

Через шесть месяцев после визита Горлана, когда на смену холодному февралю пришли первые дни набухающего почками марта, Камлах принялся заводить разговоры — сперва с моей матерью, потом с дедом — о том, что меня надо обучить чтению и письму. Я думаю, мать была благодарна Камлаху за это проявление заботы обо мне; я тоже был обрадован этим и постарался выказать свою радость, хотя со времени той стычки в саду у меня

не осталось ни малейших иллюзий относительно истинных побуждений Камлаха. Впрочем, я не видел особого вреда в том, чтобы Камлах думал, что мое отношение к карьере священника изменилось. Мать объявила, что никогда не выйдет замуж, и все чаще посещала монастырь Святого Петра, чтобы поговорить с настоятельницей и священниками, время от времени посещавшими обитель. Это развеяло наихудшие опасения Камлаха — что мать может выйти замуж за принца из Уэльса, который впоследствии будет претендовать на престол, или что мой неведомый отец когда-нибудь вернется, объявит ее своей женой, а меня сыном и окажется достаточно могущественным человеком, чтобы вытеснить самого Камлаха. Для Камлаха не имело значения, что ни в том, ни в другом случае я не был бы для него опасен, а сейчас — так и вовсе, ведь незадолго до Рождества Камлах женился, и уже к началу марта было заметно, что его жена понесла. Даже ставшая очевидной беременность Ольвен ничем ему не грозила, поскольку благосклонность отца к Камлаху была столь велика, что новорожденный брат не мог стать для него серьезным соперником. Тут и думать было не о чем; Камлах пользовался репутацией хорошего воина, умел привлекать людей на свою сторону, ему были присущи безжалостность и здравый смысл. Безжалостность Камлаха проявилась в той попытке отравить меня, а здравый смысл — в его безразлично-доброжелательном отношении ко мне с тех пор, как моя мать объявила о своем решении и я перестал представлять собой какую-либо опасность для Камлаха. Но я замечал, что честолюбивые и властные люди зачастую боятся даже малейшей угрозы своей власти. Камлах успокоился бы лишь тогда, когда я сделался бы священником и навсегда покинул дворец.

Но каковы бы ни были побуждения Камлаха, появление учителя меня обрадовало; это оказался грек, бывший прежде писцом в Массилии, но допившийся до долговой ямы и до рабства; теперь его приставили ко мне. Он учил меня хорошо — из благодарности за перемену в своем положении и избавление от тяжелого труда — и без религиозной предвзятости, сильно сужавшей те знания, которые я ухитрялся почерпнуть у священников моей матери. Деметрий был приятным, но не слишком умным человеком, обладавшим большими способностями к языкам. Единственным его развлечением была игра в кости и выпивка, если ему удавалось выиграть. Время от времени, когда Деметрий выигрывал достаточно много, я находил его безмятежно спящим

над книгами, но никогда и никому об этом не рассказывал и только рад был случаю заняться своими делами. Деметрий был благодарен мне за молчание, и когда я прогуливал занятия, он, в свою очередь, помалкивал и не старался разузнать, где это меня носило. Учеба давалась мне легко, и я выказывал достаточные успехи, чтобы моя мать и дядя Камлах остались довольны, так что мы с Деметрием уважали тайны друг друга и неплохо ладили.

Однажды августовским днем, почти год спустя после приезда Горлана ко двору моего деда, я оставил Деметрия мирно спать и в одиночку уехал в лежащие за городом холмы.

Я не первый раз воспользовался этим путем. Быстрее было бы проехать мимо казарм, а потом по военной дороге, ведущей через холмы к Каэрлеону, но тогда пришлось бы ехать через город, где меня могли заметить и начать расспрашивать. Потому я предпочел отправиться вдоль берега реки. Через ворота, которыми почти никто не пользовался, с нашего конского двора можно было выбраться прямо на широкую ровную тропу, проложенную лошадьми, таскающими баржи. Эта тропа тянулась вдоль реки на довольно большое расстояние, огибая монастырь Святого Петра и повторяя плавные изгибы Тиви, до мельницы — дальше баржи не поднимались. Я никогда еще не забирался дальше мельницы, но там оказалась тропинка, ведущая через дорогу и дальше вдоль впадающего в реку ручья — он помогал крутить мельничные колеса.

День был жарким, дремотным, полным запаха папоротника. Над рекой сновали синие стрекозы — их крылья блестели в лучах солнца, а над таволгой вились тучи мошкары.

Копыта моего пони глухо постукивали по сухой глинистой тропе. Нам встретился большой серый в яблоках конь, тянувший от мельницы пустую баржу,— сейчас был отлив, и коню было не тяжело. Сидевший на конской холке мальчишка поздоровался со мной, а рулевой на барже помахал рукой.

Когда я добрался до мельницы, там никого не было видно. На узком причале были сложены только что выгруженные мешки с зерном. Развалившийся рядом с ними на жарком солнце пес мельника лениво приоткрыл один глаз, когда я направил своего пони в тень. Лежащая передо мной прямая военная дорога была пуста. В трубе под дорогой журчал ручей, и я увидел, как из воды выпрыгнула форель, блеснула на солнце и вновь исчезла в брызгах пены.

Хватятся меня не скоро. Я направил пони от ручья к дороге, выиграв короткое сражение, когда он вознамерился было повернуть домой, потом пустил его рысью по тропинке, ведущей от ручья в холмы.

Сперва тропинка вилась по крутому берегу ручья, потом она выбралась из лощины, поросшей терновником и молодыми дубками, и, плавно обогнув открытый склон холма, устремилась на север.

Здесь горожане пасли своих овец и коров, поэтому трава была невысокой, словно подстриженной. Я проехал мимо пастушонка, дремавшего под кустом боярышника неподалеку от своих овец; он с глуповато-отсутствующим видом уставился на меня, перебирая кучку камней, которыми швырял в отбившихся от стада овец. Когда я поравнялся с ним, парнишка выбрал гладкий зеленоватый булыжник, и я подумал, что он хочет бросить этим камешком в меня, но пастушонок запустил булыжником в нескольких упитанных ягнят, что забрели слишком далеко, и снова погрузился в дрему. Дальше на лугу, у реки, где трава была повыше, паслись черные коровы, но пастуха не было видно. А у самого подножия холма, рядом с крохотной лачужкой, я увидел девочку со стадом гусей.

Вскоре тропинка снова принялась карабкаться вверх по склону, и мой пони пошел помедленнее, выбирая дорогу среди редколесья. Подлесок зарос густым орешником, через беспорядочное нагромождение замшелых камней пробивались рябина и шиповник, а папоротник был высотой по грудь человеку. Через его заросли то и дело пробегали кролики, а пара соек верещала на лису, чувствуя себя в безопасности на вершине граба. Я подумал, что здесь слишком твердая почва, чтобы на ней оставались отчетливые следы, но мне не попадалось никаких признаков, позволяющих предположить, что по этой тропе недавно проезжал другой всадник,— ни примятого папоротника, ни сломанных веточек.

Солнце стояло высоко. По кустам боярышника пронесся легкий ветерок, постукивая твердыми, недозревшими ягодами. Я ткнул пони пятками. Среди дубов и остролиста начали встречаться сосны, чьи стволы отливали медью под лучами солнца. Чем выше в гору поднималась тропа, тем тверже становилась почва, пестреющая серыми залысинами валунов, выбившихся из-под тонкого слоя дерна, и многочисленными кроличьими нора-

ми. Я не знал, куда ведет эта тропа, и вообще не знал ничего, кроме того, что я один и свободен. Ничто не подсказывало мне, что это был за день и какая путеводная звезда привела меня в холмы. В те дни будущее еще не было открыто мне.

Пони замедлил шаг, и я пришел в себя. Тропа раздваивалась, и я не знал, какой путь лучше избрать. С двух сторон она шла в обход чащи.

Пони решительно повернул влево, вниз по склону. Наверное, я позволил бы ему идти, куда он захочет, но в этот момент тропу передо мной слева направо пересекла низко пролетевшая птица и скрылась за деревьями. Заостренные крылья, вспышка рыжего и синевато-серого, хищный темный глаз и загнутый клюв — мерлин! Ну, хоть какой-то повод. Я повернул пони в ту сторону и наподдал ему пятками.

Тропа полого взбиралась по склону, оставляя лес по левую руку.

Это была сосновая чаща, темная и такая густая, что проложить путь через нее можно было лишь с топором. Я услышал хлопанье крыльев вяхиря, который выбрался из своего убежища и, оставаясь невидимым, полетел в глубь леса. Вяхирь направился налево. А я последовал за соколом.

Я отъехал уже довольно далеко от долины реки и от города. Пони пробирался по краю неглубокого овражка, на дне которого журчал небольшой ручей. На другом берегу покрытый дерном склон переходил в каменистую осыпь, и над всем этим высились залитые солнцем сине-серые скалы. Склон, по которому я ехал, был усеян кустами боярышника, отбрасывающими омуты косых теней, а выше снова начиналась осыпь и поросший плющом утес, и в прозрачном воздухе над ним кружили и перекликались клушицы. Если бы не их оживленные крики, в долине царила бы полная тишина, не нарушаемая даже эхом.

Копыта пони глухо стучали по твердой земле. Было жарко, и хотелось пить. Теперь тропа шла вдоль невысокого утеса, футов двадцать в вышину, и ее затеняли росшие у подножия утеса густые кусты боярышника. Где-то выше по склону, совсем недалеко от меня, слышалось журчание воды.

Я остановил пони, соскользнул с него и, привязав, принялся искать источник.

Скала у тропы была сухой, да и ниже по тропе я не видел, чтобы к ручью, текущему по дну овражка, присоединялся какой-

нибудь приток. Но журчание воды было совершенно ясным и отчетливым. Я сошел с тропы и принялся карабкаться по травянистому склону, пока не оказался на небольшом ровном пятачке — сухой лужайке, усеянной кроличьим пометом, на краю которой возвышался еще один утес.

В скале была пещера. Округлый вход был небольшим, правильной формы, почти как рукотворная арка. С одной стороны, справа от меня, склон покрывали поросшие травой каменные глыбы, когда-то давно сорвавшиеся сверху. Теперь через щели между камнями проросли дубки и рябины, чьи ветви затеняли вход в пещеру. По другую сторону, всего в нескольких шагах от входа, бил родник.

Он был очень маленьким — поблескивающая струйка воды, сочащаяся из трещины в скале и собирающаяся в небольшом круглом углублении в камне. Из этого бассейна вода не вытекала. Вероятно, она вытекала из скалы, собиралась в этом углублении и снова просачивалась сквозь трещины в скале, присоединяясь к протекающему внизу ручью. Сквозь прозрачную воду мне был виден каждый камушек, каждая песчинка на дне этого озерка. Над ним рос раскидистый папоротник, а края водоема были покрыты мхом и заросли густой зеленой травой. Я опустился на колени и наклонился было к воде, но тут увидел ковшик. Он стоял в крохотной нише среди папоротников. Небольшой ковшик, с ладонь размером, был вырезан из коричневого рога. Когда я поднял его, то за ним обнаружилась полускрытая папоротниками вырезанная из дерева фигурка бога. Я узнал его. Я видел его под дубом в Тир-Мирддине. Здесь, под открытым небом, на вершинах холмов, он был в своих владениях.

Я зачерпнул воды и выпил, плеснув несколько капель на землю, для бога, потом вошел в пещеру.

Глава 5

Пещера была больше, чем казалось снаружи. Всего лишь пара шагов под арку входа — а мои шаги были совсем короткими,— и передо мной распахнулся просторный грот, своды которого исчезали в полутьме. В пещере было темно, но все же — хотя сперва я не заметил этого и не стал доискиваться причины — где-то находился еще один источник света, слегка рассеивавший темноту и позволяющий увидеть ровный и чистый пол. Я медленно дви-

нулся вперед, вглядываясь изо всех сил, и из самых глубин моего существа поднималось волнение, которое всегда вызывали у меня пещеры. Некоторые люди испытывают это чувство рядом с водой, другие, насколько я знаю, в горах, кто-то ради этих ощущений разводит огонь, а меня волнение всегда охватывало в глубинах леса или земли. Теперь я знаю причину этого, но тогда я был мальчишкой, обнаружившим нечто новое, такое, что могло стать бы моим в мире, где мне не принадлежало ничего.

В следующее мгновение я остановился как вкопанный, и все мое радостное возбуждение разлетелось вдребезги. Справа, совсем недалеко от меня, в темноте что-то шевельнулось.

Я застыл, стараясь хоть что-нибудь рассмотреть. Движение не повторилось. Затаил дыхание, прислушался. Ни малейшего шума. Я раздувал ноздри, втягивая в себя воздух пещеры. Здесь не пахло ни человеком, ни зверем. Я думал, что это и есть запах пещеры — дыма, влажных камней и самой земли,— но к нему примешивался незнакомый мне странный кисловатый запах. Я знал, хотя и не мог выразить этого словами, что рядом со мной не было ни одного живого существа, иначе окружающий меня воздух не вызывал бы такого ощущения пустоты. Там никого не было.

Я попытался тихо заговорить по-валлийски:

— Здравствуй.

Мой шепот так быстро вернулся ко мне эхом, что я понял, что стою совсем рядом со стеной пещеры. Потом эхо угасло под сводами.

Во тьме снова что-то шевельнулось. Сперва я принял это движение за шепот, повторенный эхом, но шорох все усиливался, напоминая шелест женского платья или занавески, тронутой сквозняком. Что-то пронеслось рядом с моей щекой, издав пронзительный писк на самом пределе слышимости. За ним последовало другое существо, а затем с потолка посыпались пищащие тени, словно листья, подхваченные порывом ветра, или рыбы, увлекаемые стремительным течением. Это летучие мыши, потревоженные в своих укрытиях под сводом пещеры, хлынули в залитую солнцем долину. Снаружи должно было казаться, что из низкого зева пещеры валят клубы дыма.

Я стоял неподвижно и думал, не от них ли исходил тот странный кислый запах. Мне казалось, что я чувствую их запах, когда они пролетают мимо, но он был не таким. Я не боялся, что

они врежутся в меня; во тьме или при свете, летучие мыши никогда, ни на какой скорости ни с чем не сталкиваются. Я думаю, эти создания настолько подобны воздуху, что обтекают любое препятствие вместе с ним, точно так же, как лепестки, которые несет поток. Они верещащей волной проносились между мной и стеною. Из детского любопытства, чтобы посмотреть, как они летят, я сделал шаг к стене. Ни одна мышь не коснулась меня. Поток разделился надвое и продолжил движение, так что мои щеки ощущали дрожание воздуха. Я словно не существовал для них. Но в тот момент, когда я шевельнулся, шевельнулось и замеченное мною существо. А затем моя протянутая рука встретилась не с камнем, а с металлом, и я понял — это было мое отражение.

На стене висел лист бронзы, отполированный до тусклого блеска. Именно он и был источником рассеянного света в пещере. Гладкая поверхность этого зеркала улавливала идущий от входа свет и отбрасывала его в темноту. Я увидел себя, двигающегося, словно привидение, и убрал руку с рукояти висевшего на поясе кинжала.

Поток летучих мышей позади меня иссяк, и в пещере стало тихо.

Успокоившись, я остался стоять, с интересом разглядывая себя в зеркале. У моей матери когда-то было старинное зеркало египетской работы, но потом она посчитала его слишком суетной вещью, убрала и больше никогда не доставала. Конечно, я часто видел свое отражение в воде, но до этого момента мне никогда не приходилось смотреться в зеркало. Я увидел встревоженного темноволосого мальчика, с глазами, полными любопытства, беспокойства и возбуждения. При этом освещении мои глаза казались совершенно черными; волосы, тоже черные, были густыми и чистыми, но подстриженные и расчесанные куда хуже, чем грива моего пони; мои туника и сандалии были в плачевном состоянии. Я улыбнулся, и зеркало тут же отразило улыбку, совершенно преобразившую мой облик. Испуганный звереныш, готовый убежать или кинуться в драку, превратился в живое, мягкое и дружелюбное существо. Я уже тогда понял, что таким меня знают немногие.

Потом, когда я потянулся вперед, чтобы провести рукой по зеркалу, эта картина опять уступила место облику настороженного зверька. Металл был холодным, гладким и свеженачищен-

ным. Кто бы ни повесил его — а это наверняка был тот же самый человек, который оставил ковшик у источника,— он покинул это место совсем недавно или даже все еще живет здесь и в любой момент может вернуться и застать меня в пещере.

Я не слишком боялся, так как мне рано пришлось научиться постоять за себя, да и времена, в которые я рос, были довольно мирными — по крайней мере, в наших краях. Но конечно, всегда существует возможность столкнуться с дикарями, разбойниками, изгоями или еще какими-нибудь лихими людьми, так что любой мальчишка, предпочитавший, как я, бродить в одиночестве, должен уметь защищать свою шкуру. Я был жилистым и довольно сильным для своего возраста, у меня имелся кинжал, и даже в голову не приходило, что мне едва исполнилось семь лет; я ведь Мерлин, внук короля — не важно, что незаконный. Я снова занялся изучением пещеры.

Следующей моей находкой оказался стоявший шагом дальше сундук, на крышке которого я нащупал какие-то предметы, в которых узнал кремень, кресало, трутницу и большую, грубо слепленную свечу, неприятно пахнущую овечьим салом. Рядом с ними лежал череп барана. Я недоверчиво ощупал сундук дюйм за дюймом. Между вбитыми в крышку сундука гвоздями были натянуты клочки кожи. Но когда я осторожно прикоснулся к ним, то обнаружил под иссохшей кожей крохотные скелеты — это оказались дохлые летучие мыши, распяленные на досках.

Настоящая пещера сокровищ! Ни золото, ни оружие не взволновали бы меня сильнее. Преисполнившись любопытства, я потянулся за трутницей.

И тут я услышал, что он возвращается.

Первой моей мыслью было, что этот человек наверняка увидит моего пони, но потом понял, что хозяин пещеры идет не с той стороны холма, по которой приехал я. Было слышно, как шуршат, скатываясь, камни осыпи, по которой он спускался. Один из них с плеском упал в источник — бежать было поздно. Я услышал, как человек спрыгнул на полянку рядом с родником.

Сокол был забыт; снова настало время вяхиря. Когда человек отодвинул ветви, заслонявшие вход, ворвавшегося на мгновение света оказалось достаточно, чтобы указать мне путь. На задней стене пещеры обнаружился пологий выступ на высоте примерно вдвое выше моего роста. Отраженный зеркалом краткий про-

мельк солнечного света выхватил нависшую над карнизом тень, достаточную для того, чтобы укрыть меня. Беззвучно ступая в своих потрепанных сандалиях, я вскарабкался на этот выступ и забился в тень. Там оказалась щель в скале, ведущая, видимо, в другую пещеру, поменьше. Я проскользнул в расщелину, как выдра, скатывающаяся с речного берега.

Казалось, хозяин пещеры ничего не услышал. Ветви сомкнулись за его спиной — в пещере снова потемнело,— и он вошел. Это были мужские шаги, размеренные и неспешные.

Если бы я поразмыслил, то наверняка решил бы, что в пещере никого не бывает по крайней мере до захода солнца, что хозяин пещеры, кем бы он ни был, должен уходить на охоту или еще по каким-нибудь делам и возвращаться только с наступлением ночи. Не было никакого смысла зажигать свечу, когда снаружи ярко светило солнце. Вероятно, он зашел лишь затем, чтобы занести домой добычу, и теперь уйдет снова, а у меня появится возможность выбраться отсюда.

Но потом я услышал, как он, двигаясь с уверенностью человека, который, не глядя, знает, что где находится, прошел туда, где лежали свеча и трутница.

Меня беспокоила лишь одна мысль или ощущение — в пещерке, в которую я заполз, было на редкость неудобно. Она была очень маленькой, размером примерно с чан для окрашивания тканей и почти такой же формы. Пол, стены и потолок окружали меня одной непрерывной линией. Похоже было, что я оказался внутри большого шара — более того, этот шар был усеян изнутри мелкими острыми камушками. Казалось, в моей берлоге не было ни одного дюйма, который не щетинился бы острыми осколками, и, думаю, только мой невеликий вес сохранил меня от порезов, когда я ощупью искал место, где можно было бы улечься. Я нашел более-менее ровное местечко, свернулся на нем и принялся напряженно вглядываться в едва видневшийся вход, осторожно извлекая из ножен свой кинжал.

Я услышал удары кремня о кресало, потом искра упала на трут и вспыхнул свет, после темноты казавшийся очень ярким. Потом неспешно, мягко принялась разгораться зажженная этим человеком свеча.

Или, точнее, я должен был увидеть медленно разгорающийся огонек свечи. Но вместо этого на меня обрушилась вспышка,

сверкание, пожар, словно взревело пламя пропитанного смолой сигнального огня. В моей пещерке разлился и запылал золотой, белый, красный, совершенно нестерпимый свет. Испугавшись наконец, я отшатнулся от этого света и, не обращая внимания ни на боль, ни на порезы, прижался к колючей стене. Казалось, весь шар, в котором я лежал, наполнился пламенем.

Это в самом деле была круглая пещерка, пол, стены и потолок которой состояли из кристаллов хрусталя, острых и гладких, как стекло, но прозрачнее любого стекла, какое мне доводилось видеть, сверкающих, как алмазы. По малолетству я поначалу за алмазы их и принял. Я сидел в шаре, усеянном тысячами пылающих алмазов: грань каждого из камней вспыхивала светом, разбрасывая его во все стороны, от алмаза к алмазу; радуги, реки, полыхающие звезды и красный дракон, ползущий по стене, а под ним слабо вырисовывается девичье лицо с закрытыми глазами — и свет вливался в мое тело, грозя взорвать меня изнутри.

Я зажмурился. Когда снова открыл глаза, золотой свет угас и собрался на стене пятном размером с мою голову, и в этом пятне не было видений — лишь сверкающие лучи били из него.

В нижней пещере было тихо, человек не шевелился. Я не слышал даже шороха одежд.

Потом пятно света переместилось. Полыхающий диск медленно пополз по стене, усеянной кристаллами. Я задрожал и теснее прижался к острым камням, пытаясь укрыться от света. Но деваться было некуда. Он медленно продвигался вдоль изгиба стены, коснулся моего плеча, головы. Я пригнулся и съежился. От моего движения по шару разбежались тени, как круги по воде.

Свет остановился, вернулся на прежнее место, застыл. Потом исчез.

Но свеча, как ни странно, продолжала гореть — ровный, желтый, обычный отсвет виднелся в проеме в стене моего убежища.

— Выходи.

Мужской голос, негромкий, не охрипший, как у моего деда, привыкшего командовать отрядами, звучал отчетливо и кратко, со всей таинственной силой приказа. Мне и в голову не пришло ослушаться. Я прополз по острым кристаллам и протиснулся в отверстие. Потом встал на ноги на уступе, медленно выпрямился, прижавшись спиной к стене внешней пещеры и, держа наготове кинжал, посмотрел вниз.

Глава 6

Он стоял, загораживая собой свечу,— ужасно высокий (по крайней мере, так мне показалось тогда), в длинном одеянии из некрашеной домотканины. Его волосы, освещенные сзади свечой, стояли вокруг головы, словно нимб. Похоже, они были седые. У него была борода. Лица его я не видел, а правая рука спряталась в складках одежды.

Я настороженно выжидал.

— Убери кинжал и иди сюда,— произнес он тем же тоном.

— Сперва покажи правую руку,— потребовал я.

Человек поднял руку ладонью вперед. Ладонь была пустая.

— При мне нет оружия,— сказал он серьезно.

— Тогда отойди с дороги! — крикнул я и прыгнул.

Пещера была широкая, а незнакомец стоял сбоку. Я прыгнул шага на четыре, пробежал мимо него и оказался у выхода прежде, чем он успел сделать хотя бы шаг. Впрочем, он и не шевельнулся. Когда я подбежал к выходу и раздвинул ветки, собираясь выскочить наружу, то услышал, что он смеется.

Этот смех остановил меня. Я обернулся.

Теперь в пещере стало светло, и отсюда я хорошо его видел. Он был стар; его седые волосы редели на макушке и жидкими прядями свисали на уши. Лицо обросло неровно подстриженной седой бородой. Руки — мозолистые, в грязи, но изящные, с длинными пальцами. Старческие, узловатые руки, покрытые набухшими жилами, похожими на червей. Но прежде всего меня привлекло его лицо. Худое, с запавшими щеками, напоминающее череп, высокий куполообразный лоб, лохматые седые брови, сросшиеся над глазами... А вот глаза у него были вовсе не старческие. Близко посаженные, большие, лучисто-серые, удивительно ясные. Нос — тонкий, крючковатый; рот растянут в смехе, открывая на удивление крепкие зубы.

— Возвращайся! Тебе нечего бояться.

— Я и не боюсь!

Я отпустил ветки и не без вызова направился к нему. Остановился в нескольких шагах.

— Почему это я должен тебя бояться? Ты знаешь, кто я такой?

Он пригляделся, вроде как поразмыслил...

— Ну-ка, поглядим... Черные волосы, черные глаза, тело танцовщика, повадки волчонка... или, быть может, молодого сокола?

Я уронил руку с кинжалом.

— Так ты меня знаешь?

— Ну, скажем так: я знал, что в один прекрасный день ты приедешь ко мне, а сегодня я понял, что здесь кто-то есть. Как ты думаешь, почему я вернулся так рано?

— А откуда ты узнал, что тут кто-то есть? Ах да, конечно! Летучие мыши!

— Быть может...

— Они каждый раз так вылетают?

— Нет, только когда приходит кто-то чужой. Убери кинжал, господин.

Я сунул кинжал за пояс.

— Меня так никто не зовет. Я бастард. Это значит, что я не принадлежу никому — только самому себе. Меня зовут Мерлин, но это ты уже знаешь.

— А меня — Галапас. Есть хочешь?

— Х-хочу,— сказал я неуверенно: мне вспомнился череп и мертвые летучие мыши.

К моему смущению, он догадался. Серые глаза насмешливо вспыхнули.

— Как насчет яблок и медовых лепешек? И свежей воды из источника? Лучшего не найдешь и в королевском дворце!

— В это время в королевском дворце меня кормить бы не стали,— честно ответил я.— Благодарю тебя, господин. Я буду рад отобедать с тобой.

Он улыбнулся.

— Меня так никто не зовет. И я тоже никому не принадлежу. Иди сядь на солнышке, а я вынесу поесть.

Яблоки оказались на вид и на вкус точь-в-точь такие же, как в саду моего деда, так что я украдкой косился на моего гостеприимного хозяина, разглядывая его при солнечном свете и соображая, мог ли видеть его на берегу или в городе.

— Ты женат? — спросил я.— Кто печет тебе эти лепешки? Они очень вкусные!

— Я не женат. Я же сказал, что не принадлежу никому, ни мужчине, ни женщине. Вот увидишь, Мерлин: люди — и мужчины, и женщины — всю жизнь будут пытаться упрятать тебя в клетку, но ты будешь ускользать от них, или сминать решетку, или плавить ее — как тебе угодно,— пока наконец не дашь добровольно запереть себя в клетке и не уснешь в ее тени... А лепешки мне печет жена пастуха. Она делает их столько, что хватает на троих, и по доброте душевной уделяет часть мне.

— Так ты отшельник, да? Святой человек?

— Я что, похож на святого человека?

— Не-ет!

Это была правда. Насколько я помню, единственные, кого я боялся в то время, были одинокие святые люди, которые временами забредали в наш город, проповедовали и просили милостыню; странные, надменные, шумные, с сумасшедшинкой в глазах, а пахло от них точь-в-точь как от отбросов, сваленных возле боен. Временами трудно было определить, какому богу они служат. Поговаривали, что среди них есть друиды, которые официально находились вне закона, но по деревням Уэльса они отправляли свои обряды по-прежнему, и никто их особенно не беспокоил. Немало было приверженцев местных божеств; и, поскольку популярность этих богов менялась в зависимости от времени года, жрецы тоже меняли своих покровителей в зависимости от того, какому имени подавали больше. Даже христианские священники иногда так поступали, но настоящих христиан отличить бывало нетрудно: они выглядели самыми грязными. Римские боги и их служители спокойно сидели в своих рушащихся храмах, но ничего не имели против приношений. Церковь косилась на них, но ничего поделать не могла.

— Там, у источника, бог...— осторожно сказал я.

— Да, Мирддин. Он делится со мной водой, и полым холмом, и небом, наполненным переливами света, а я за это воздаю ему должное. Не подобает пренебрегать местными богами, кем бы они ни были. В конце концов, все они — одно.

— Но если ты не отшельник, тогда кто же ты?

— Ну, сейчас, например, я учитель.

— У меня тоже есть наставник. Он прибыл из Массилии, но родился он в Риме. А кого ты учишь?

— До сих пор я никого не учил, потому что стар и устал от жизни. Я поселился тут в одиночестве и занимаюсь науками.

— А зачем тебе дохлые мыши там, на сундуке?

— Я их изучаю.

Я изумленно уставился на него.

— Изучаешь? Как можно изучать мышей?

— Я изучаю, как они устроены, как летают, как спариваются, как питаются, как они живут. И не только мышей, но и других животных, рыб, растения, птиц — все, что я вижу вокруг.

— Какая же это наука! — Я смотрел на него с изумлением.— Деметрий — это мой наставник — говорит, что смотреть на ящериц и птиц — только мечтания и пустая трата времени. Хотя Кердик, мой друг, советовал мне учиться у вяхирей.

— Чему же?

— Быть проворным, тихим и уметь скрываться из виду. Потому что, хотя вяхирь откладывает всего два яйца и все на него охотятся — и люди, и звери, и коршуны,— вяхирей все равно больше, чем всех прочих птиц. И еще, их не держат в клетках.

Он отхлебнул воды и взглянул на меня.

— Так у тебя есть наставник. Значит, ты умеешь читать?

— Конечно!

— А по-гречески читаешь?

— Немного.

— Тогда пошли.

Он встал и направился в пещеру. Я последовал за ним. Старик снова зажег свечу — перед тем он погасил ее, чтобы не горела зря,— и откинул крышку сундука. В нем лежали книги-свитки — я думал, что столько и на всем свете нет. Он выбрал одну из них, аккуратно опустил крышку и развернул книгу.

— Смотри.

Я с восхищением увидел, что в книге нарисован скелет летучей мыши.

Рисунок был тонкий, но очень отчетливый. А рядом — мелкие, непонятные греческие буквы. Я тут же принялся разбирать их, читая вслух, забыв даже о присутствии Галапаса.

Через пару минут на плечо мне легла его рука.

— Пошли на улицу.

Он выдернул гвозди, которыми было прикреплено к доске высохшее кожистое тельце, и бережно положил его на ладонь.

— Задуй свечу. Давай поглядим вместе.

Так, без долгих разговоров и церемоний, начался мой первый урок с Галапасом.

Лишь когда заходящее солнце коснулось гребня холма и по склону поползли длинные тени, я вспомнил об иной жизни, что ждала меня дома, и о том, как далеко мне возвращаться. Я вскочил.

— Мне ехать надо! Деметрий, конечно, ничего не скажет, но если я опоздаю к ужину, меня спросят, где я был.

— А ты им говорить не собираешься?

— Нет. А то мне не разрешат приехать снова.

Он улыбнулся, но ничего не сказал. Наверно, тогда я даже не замечал, что вся наша беседа была построена на некоем молчаливом соглашении: он не спросил ни как я сюда попал, ни зачем. Я был еще ребенком и потому принимал это как нечто само собой разумеющееся. Но все же спросил из вежливости:

— Можно, я еще приеду?

— Конечно.

— Я... я не знаю, когда это будет, когда мне удастся удрать, в смысле, когда я буду свободен.

— Не беспокойся. Я буду знать, когда ты приедешь, и буду ждать тебя.

— Как это?

Он сворачивал свиток длинными, тонкими пальцами.

— Так же, как сегодня.

— А! Ты имеешь в виду, что я зайду в пещеру и вспугну мышей?

— Если угодно, да.

Я рассмеялся от радости.

— Я никогда еще не встречал таких людей, как ты! Подавать сигналы летучими мышами! Если я им расскажу, никто не поверит! Даже Кердик.

— Ты не скажешь даже Кердику.

Я кивнул.

— Ладно. Я никому не скажу. А теперь мне пора. До свидания, Галапас!

— До свидания.

Так оно и пошло дальше — много дней и месяцев. При любой возможности, раз в неделю, а иногда и чаще, я приезжал в долину, к пещере. Он, похоже, действительно знал, когда я появлюсь, потому что довольно часто случалось, что он уже ожидал меня, разложив книги-свитки; но когда его не бывало на месте,

я делал, как мы договорились: выгонял из пещеры мышей вместо дымового сигнала. Через несколько недель они привыкли ко мне, и требовалось несколько метко пущенных камней, чтобы они вылетели наружу, но через некоторое время нужда в этом отпала: во дворце привыкли к моим отлучкам и перестали задавать вопросы, так что я мог заранее договариваться с Галапасом.

Моравик все больше предоставляла меня самому себе с тех пор, как в конце мая у Ольвен родился ребенок; а когда в сентябре появился на свет сын Камлаха, она окончательно утвердилась в королевской детской в качестве главной няньки и оставила меня так же внезапно, как птица оставляет гнездо. С матерью я виделся все меньше и меньше: она, похоже, предпочитала общество своих женщин; так что я оказался на попечении Деметрия и Кердика. Деметрий не возражал, чтобы я время от времени исчезал на целый день — у него имелись на то свои причины,— а Кердик был моим другом. Он расседлывал моего грязного, вспотевшего пони, не задавая вопросов, либо подмигивал и отпускал непристойные шуточки по поводу того, где меня могло носить; это говорилось в шутку и воспринималось как должное. Я теперь жил в своей комнате один, не считая волкодава — он ночевал у меня по старой привычке; понятия не имею, был ли он надежной охраной. Наверное, нет; впрочем, я и без того находился в безопасности. В стране было мирно, если не считать ежегодных слухов о грядущем нашествии из Малой Британии; Камлах и его отец жили душа в душу; я, по всей видимости, добровольно стремился к монастырскому заточению, и потому, когда мои уроки с Деметрием завершались, я был волен отправляться на все четыре стороны.

Я никогда не встречал в долине никого, кроме Галапаса. Пастух жил там только летом, в убогой хижине под лесистым склоном. Другого жилья поблизости не было, а по тропе, что уходила за пещеру Галапаса, ходили лишь овцы да олени. Она никуда не вела.

Он был хорошим учителем, а я схватывал все на лету, но на самом деле я никогда не считал свои занятия с Галапасом уроками. Языки и геометрию мы оставили Деметрию, религию — священникам моей матери, а заниматься с Галапасом поначалу было все равно что слушать сказки. В юности ему случалось путешествовать аж на другой край света: он побывал в Эфиопии, Греции, Германии, объехал все побережье Средиземного моря,

повидал и узнал много странного и удивительного. Он учил меня и многим полезным вещам: собирать травы и сушить их впрок, изготовлять из них лекарства и препараты, в том числе даже яды. Он заставлял меня изучать животных и птиц. На мертвых птицах и овцах, которых мы находили на холмах, а однажды — на мертвом олене я изучал внутренние органы, скелет и строение тела. Он научил меня останавливать кровь, вправлять сломанные кости, срезать загнившее мясо и очищать рану так, чтобы она заживала как следует, и даже — но это позднее — сшивать порванные мышцы и жилы, пока животное одурманено дымом. Помнится, первое заклинание, которому он меня научил, был заговор от бородавок; оно такое простое, что его могут применять даже женщины.

Однажды он достал из сундука свиток и развернул его.

— Как ты думаешь, что это такое?

Я уже привык к чертежам и рисункам, но никак не мог понять, что нарисовано здесь. Надписи были на латыни; я увидел слова: «Эфиопия», «Блаженные острова» и, в самом углу, «Британия». Какие-то непонятные линии, и через весь лист тянутся цепочки холмиков, словно на поле, где потрудились кроты.

— Это горы, да?

— Да.

— Это что, картина мира?

— Карта.

Мне никогда прежде не доводилось видеть карту. Поначалу я не мог разобраться, как ею пользоваться, но через некоторое время с помощью пояснений Галапаса я понял, что на карте мир изображен так, как видит его птица с высоты.

Дороги и реки подобны нитям паутины или путеводным нитям, по которым пчела находит цветок. Как человек, найдя знакомую реку, идет вслед за ней через дикие болота, так, пользуясь картой, можно доехать от Рима до Массилии или от Лондона до Каэрлеона, ни разу не спросив дороги и не глядя на мильные столбы.

Это искусство изобрел грек Анаксимандр, хотя некоторые говорят, что египтяне владели им до Анаксимандра.

Карта, что показал мне Галапас, была срисована с книги Птолемея из Александрии. Когда Галапас объяснил мне все это и мы рассмотрели карту, он велел мне взять табличку и сделать для себя карту моей страны.

Когда я управился с этим, Галапас посмотрел на табличку.

— Что это такое, вот здесь, посредине?

— Маридунум,— удивленно ответил я.— Смотри, вот мост, вот река, вот дорога к рынку, вот здесь ворота казарм...

— Понятно. Нет, Мерлин. Я же сказал не «твоего города», а «твоей страны».

— Что, всего Уэльса? Но откуда мне знать, что лежит на севере, за горами? Я там никогда не был!

— Я тебе покажу.

Он отложил табличку, взял острую палочку и принялся чертить в пыли, попутно делая пояснения. То, что нарисовал Галапас, было похоже на большой треугольник — не один только Уэльс, но вся Британия, даже необжитые земли за Валом, где живут дикари.

Он показал мне горы, реки, дороги, города, и Лондон, и Каллеву, и многочисленные поселения на юге, города и крепости на другом краю сети дорог: Сегонтиум, Каэрлеон, Эборак, города вдоль самого Адрианова вала. Он говорил обо всем этом как о единой стране, хотя я мог бы назвать ему имена королей десятка мест, которые он упомянул.

Я запомнил это только из-за того, что произошло после.

Когда наступила зима и звезды стали появляться рано, он рассказал мне об их именах и их силе и о том, как можно составить карту звездного неба, подобную карте дорог и городов.

Галапас говорил, что, кружась в небе, звезды поют. Он сам не умел играть, но когда он узнал, что Ольвен немного учила меня, помог мне сделать арфу. Наверно, арфа вышла довольно грубая: маленькая, выточенная из граба, с шейкой и передней колонкой из красной ивы с берегов Тиви, со струнами из хвоста моего пони, хотя Галапас говорил, что принцу подобает играть на арфе с золотыми и серебряными струнами.

Но я сделал подставки для струн из продырявленных медных монеток, выточил из кости ключ и колки, вырезал на корпусе мерлина и решил, что она будет получше арфы Ольвен.

Она и в самом деле была такая же верная, как у Ольвен. У моей арфы был нежный шепчущий звук; казалось, она улавливает звуки из воздуха.

Я хранил ее в пещере: Диниас давно оставил меня в покое, поскольку он был воин, а я всего-навсего слюнявый монах, и все же я не решился бы хранить во дворце ценную для меня вещь,

если ее нельзя запереть в сундуке с одеждой, а арфа для этого была слишком велика. Ничего, дома у меня были птицы, гнездящиеся на груше, и Ольвен еще пела иногда. А когда птицы умолкали и ночное небо усеивали морозные звезды, я вслушивался в музыку звезд. Но никогда не слышал ее.

А потом, в один прекрасный день, когда мне исполнилось двенадцать, Галапас заговорил о хрустальном гроте.

Глава 7

Всем известно, что дети часто молчат о том, что для них важнее всего. Как будто бы ребенок инстинктивно чувствует, что о таких вещах ему говорить еще рано, и потому держит их при себе, питая их своим воображением, пока они не разрастутся, и не приобретут гротескных пропорций, и не начнут казаться либо волшебством, либо кошмаром.

Так было и с хрустальным гротом. Я никогда не говорил Галапасу о том, что видел там в первый раз, и даже себе самому не решался признаваться в том, что приходило ко мне иногда в свете и пламени: сны, забытые воспоминания, странные порождения воображения, вроде того голоса, что подсказал мне имя Горлана, или когда увидел яд в абрикосе. И когда я обнаружил, что Галапас ни словом не упоминает о внутреннем гроте и что во время моего присутствия зеркало всегда бывает занавешено, я ничего не сказал.

Однажды зимой я приехал к нему. Земля блестела от инея и звенела от мороза, и мой пони выдыхал клубы пара, словно дракон. Он бежал быстро, встряхивая головой и грызя удила, и, как только мы выехали из леса и направились вверх по долине, он пустился в галоп. Я наконец сделался слишком большим для кроткого солового пони, на котором ездил в детстве, и теперь очень гордился своим маленьким серым валлийским пони, которого я назвал Астером. В горах Уэльса живут дикие пони, выносливые, резвые и очень красивые, с тонко очерченной узкой головой, маленькими ушами и крепкой выгнутой шеей. Они вольно бродят в холмах. В былые времена они скрестились с конями, которых римляне привезли с Востока. Астера поймали и объездили для моего кузена Диниаса. Диниас гонял его пару лет, пока не сменил на настоящего боевого коня. Мне Астер достался непослушным, с порванным ртом и дурными повадками, но шаг у

него был шелковый, после той тряски, к которой я привык, и, когда он наконец перестал бояться меня, мы с ним очень подружились.

Я давно соорудил убежище для своего пони, чтобы ставить его там зимой. Пониже пещеры кусты боярышника подходили вплотную к утесу, и в глубине зарослей мы с Галапасом натаскали камней и соорудили загончик, одной из стен которому служил сам утес. Когда мы навалили сухих веток вокруг стен и на крышу, а потом еще покрыли все это папоротником, получилось прочное, теплое укрытие, незаметное вдобавок для посторонних глаз. О том, что все нужно держать в тайне, мы тоже никогда не говорили, я и сам догадывался, что Галапас некоторым образом помогает мне избежать судьбы, уготованной мне Камлахом. И потому даже со временем, когда меня почти полностью предоставили самому себе, я всячески старался, чтобы никто ни о чем не знал. Я нашел с полдюжины разных путей, ведущих к долине, и выдумал пару десятков историй на случай, если меня спросят, где я был.

Я отвел Астера в укрытие, снял с него седло и уздечку, повесил их на стену, потом насыпал из вьюка корму, перегородил выход большим суком и быстро пошел к пещере.

Галапаса не было, но ушел он недавно: угли в жаровне, стоявшей внутри у входа, еще тлели. Я разворошил их, чтобы пламя разгорелось, и устроился рядом, с книгой. Галапас не знал, что я приеду сегодня, но времени у меня было предостаточно, так что я не стал тревожить мышей, а спокойно сел читать.

Я не в первый раз был в пещере один. Не знаю, что заставило меня именно в тот день внезапно встать, отложить книгу, пройти мимо занавешенного зеркала и заглянуть в отверстие, где я спрятался пять лет тому назад. Я сказал себе, что мне всего-навсего хочется посмотреть, в самом ли деле там все так, как мне запомнилось, или эти кристаллы, подобно видениям, были лишь плодом моего воображения. Но как бы то ни было, я быстро вскарабкался на уступ, опустился на колени и заглянул внутрь.

Грот был темен и мертв; свет пламени снаружи сюда не проникал. Я медленно пополз вперед и напоролся ладонями на кристаллы. Они были более чем реальные. Все еще не желая признаваться себе, почему я так тороплюсь, поглядывая в сторону выхода и прислушиваясь, не идет ли Галапас, я соскользнул с уступа, взял кожаную куртку для верховой езды, которую снял с себя в

пещере, поспешно вернулся к уступу и сунул ее в отверстие. А потом заполз внутрь.

Лежать на кожаной куртке было сравнительно удобно. Я не шевелился. Была полная тишина. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел слабое-слабое свечение кристаллов, но магии, порожденной светом, здесь не было и следа.

Должно быть, в стенах грота была какая-то расселина, потому что, хотя я находился в закрытом пространстве, откуда-то тоненько тянуло сквозняком. И поток воздуха принес звук, которого я ожидал: скрип инея под ногами. Кто-то приближался к пещере...

Когда через несколько минут в пещеру вошел Галапас, я уже сидел у огня, моя куртка, аккуратно скатанная, лежала рядом, а я сосредоточенно читал книгу.

Примерно за полчаса до наступления темноты мы отложили книги. Но я не спешил уходить. Огонь ярко пылал, наполняя пещеру теплом и мерцающим светом. Некоторое время мы сидели молча.

— Галапас... Я хочу спросить у тебя об одной вещи.

— Да?

— Помнишь тот первый день, когда я приехал сюда?

— Еще бы!

— Ты знал, что я приеду. Ты меня ждал.

— Разве? Я это говорил?

— Ты же знаешь, что ждал! Откуда ты знал, что я приеду?

— Я увидел тебя в хрустальном гроте.

— Ах это! Ну да. Ты повернул зеркало так, что я попал в луч света от свечи, и увидел мою тень. Нет, я не об этом. Я хотел спросить, откуда ты вообще узнал, что я в этот день приеду в долину?

— Я об этом и говорил, Мерлин. Я знал, что ты приедешь в долину в тот день, потому что еще до твоего приезда видел тебя в хрустальном гроте.

Мы молча смотрели друг на друга. Между нами мигало и трепыхалось пламя, пригибаемое сквознячком, который уносил из пещеры дым. Поначалу я, кажется, ничего не сказал, только кивнул. Я это уже знал раньше. Через некоторое время я задал простой вопрос:

— Ты мне покажешь?

Он смотрел на меня еще некоторое время, потом встал.

— Да, пора. Зажги свечу.

Я повиновался. Золотистый огонек разгорелся, разгоняя тени, отбрасываемые пламенем жаровни.

— Сними тряпку с зеркала.

Я потянул ее, и она упала мне на руки ворохом шерсти. Я бросил ее на постель Галапаса у стены.

— Теперь залезай на уступ и ложись.

— На уступ?

— Да. Ложись на живот, головой внутрь.

— А в отверстие забираться не надо?

— Вместе с курткой?

Я уже был на полпути к уступу. При последних словах я резко обернулся — и увидел, что Галапас улыбается.

— Это бесполезно, Галапас! От тебя ничего не скроешь.

— Когда-нибудь ты отправишься туда, где я не смогу разыскать тебя даже с помощью моего дара видения. А теперь лежи спокойно и смотри.

Я лег на уступ. Он был широкий, плоский, и я довольно удобно улегся на нем на животе, положив голову на сложенные руки и глядя в отверстие.

Галапас тихо сказал снизу:

— Не думай ни о чем. Я сам все сделаю — тебе пока рано. Только смотри.

Я услышал, как он прошел к зеркалу.

Пещера оказалась больше, чем я думал. Она уходила ввысь так далеко, что я не мог разглядеть потолка. Пол был ровный. Кристаллы мне, должно быть, померещились: это лужи на полу блестели в свете факелов, да еще по стене стекала струйка воды, выдавая присутствие источника где-то наверху.

Факелы, воткнутые в трещины в стенах пещеры, были дешевые — из тряпья, набитого в треснувшие рога, отбросы из мастерских. Они сильно чадили в спертом воздухе. В пещере было холодно, но люди работали обнаженными, в одних набедренных повязках, и все же пот бежал по их спинам, когда они врубались кирками в скалу непрерывными монотонными ударами. Звука ударов не было слышно, но зато я видел, как напрягаются мускулы, покрытые блестящим в свете факелов потом. Под выступом стены, на уровне колена на спине, прямо в луже натекшей со стен воды, лежали двое мужчин и тоже рубили скалу короткими, болезненными ударами на расстоянии нескольких дюймов

от своего лица. На запястье одного из них я увидел блестящую морщинку старого клейма.

Один из рабочих согнулся вдвое, закашлялся, потом оглянулся через плечо, поборол приступ кашля и снова взялся за работу. В пещере стало светлее — свет шел из квадратного отверстия, похожего на дверь, за которым виднелся извилистый проход. В проходе показался еще один факел — хороший.

Появились четверо мальчишек, испачканных пылью, обнаженных, как и все прочие. Они тащили глубокие корзины. За ними шел человек в коричневой тунике с сырыми пятнами. В одной руке он нес факел, в другой — таблички, которые некоторое время хмуро разглядывал. Мальчишки тем временем подбежали к стене и принялись нагребать в корзины обломки камня. Немного погодя надсмотрщик подошел к скале и принялся разглядывать ее, подняв факел повыше. Люди отошли назад, похоже благодарные за передышку, а один из них заговорил с надсмотрщиком, показывая то на скалу, то на струйку воды на дальней стене пещеры.

Мальчишки насыпали корзины доверху и уволокли их обратно.

Надсмотрщик пожал плечами, усмехнулся, достал из кармана серебряную монетку и движением опытного игрока подкинул ее вверх. Рабочие вытянули шеи, чтобы посмотреть. Потом тот, что говорил с надсмотрщиком, обернулся к стене и ударил по ней киркой. Трещина расширилась, полетела пыль, закрывая свет. А вслед за пылью хлынула вода...

— Выпей,— сказал Галапас.

— Что это?

— Это мой отвар, а не твой, так что не бойся, не отравишься. Пей.

— Спасибо... Галапас, а грот по-прежнему хрустальный! Я... Мне снилось, что он был другой...

— Обожди с этим. Как ты себя чувствуешь?

— Странно... не могу объяснить. Вроде все нормально, только голова болит, но... я весь какой-то пустой, словно ракушка, из которой выковырнули улитку. Или нет — как тростник с выдолбленной сердцевиной.

— Свирель ветров. Да. Иди к жаровне.

Когда я уселся на место, держа в ладонях чашу подогретого вина с пряностями, он спросил:

— Где ты был?

Я рассказал ему все, что видел, но когда я принялся расспрашивать его, что это значит и что он об этом знает, Галапас покачал головой.

— Наверно, это уже выше моих сил. Я не знаю. А тебе надо быстро допивать вино и ехать домой. Знаешь, сколько времени прошло, пока ты там лежал и грезил? Луна уже встала.

Я вскочил.

— Как? Должно быть, я уже опоздал к ужину. Если меня ищут...

— Не ищут они тебя. Там сейчас творятся важные вещи. Ступай и разузнай, что происходит,— и непременно постарайся в этом участвовать.

— Ты что имеешь в виду?

— То, что говорю. Во что бы то ни стало постарайся поехать с королем. На, не забудь.

Он сунул мне в руки куртку. Я машинально принял ее, уставившись ему в лицо.

— Он уезжает из Маридунума?

— Да. Ненадолго. На сколько — я не знаю.

— Он меня ни за что не возьмет!

— Это решать тебе. Боги следуют за тобой лишь тогда, когда ты сам встанешь на их тропу, Мирддин Эмрис. А это требует мужества. Оденься, на улице холодно.

Я сунул руки в рукава, задумчиво хмурясь.

— Вот, ты видел все это — то, что происходит на самом деле, а я... смотрел в кристаллы при огне, и теперь голова болит жутко, и все зря... Какой-то дурацкий сон — рабы в старой штольне... Галапас, а когда ты научишь меня видеть так, как ты?

— Для начала я предвижу, что вас с Астером сожрут волки, если ты немедленно не отправишься домой.— И рассмеялся себе под нос, словно отпустил на редкость удачную шутку.

Я выбежал из пещеры и помчался седлать пони.

Глава 8

Луна была в первой четверти и света давала ровно столько, чтобы разглядеть дорогу. Пони гарцевал, пытаясь согреться, и бежал быстрее, чем обычно, насторожив уши и торопясь домой ужинать. Мне все время приходилось сдерживать его, потому что дорога была скользкая и я боялся упасть, но нужно признаться,

что я все же мчался вниз быстрее, чем следовало бы,— последнее замечание Галапаса меня несколько обеспокоило. Наконец мы выехали к мельнице и выбрались на дорогу, идущую вдоль берега.

Там было светлее. Я ткнул пони пятками в бока и остаток пути проскакал галопом.

Как только впереди показался город, я сразу понял, что там и в самом деле что-то происходит. На тропе было пусто — ворота давным-давно закрыли,— но город был полон огней. За стенами повсюду мелькали факелы, слышались крики, топот. Я соскользнул с седла у ворот скотного двора, будучи готовым к тому, что внутрь меня не пустят, но как только я постучал, ворота отворились и Кердик, прикрывая рукой фонарь, поманил меня внутрь.

— Я слышал, как ты подъехал. Весь вечер тебя ждал. Где ж тебя носило, потаскун ты этакий? Что, нынче вечером она была особенно ласкова?

— Ага. Слушай, меня искали? Еще не хватились?

— Насколько я знаю, нет. Им нынче не до тебя. Давай сюда пони. Поставим его пока в амбаре. В главной конюшне чересчур много толкотни.

— А что случилось-то? Шум такой, что за милю слышно. Война, что ли?

— Увы, нет. Хотя дело может тем кончиться. После обеда пришла весть, что верховный король приезжает в Сегонтиум и пробудет там пару недель. Твой дед завтра отправляется туда. Так что теперь весь дворец стоит на ушах.

— Понятно.

Я прошел вслед за ним в амбар и стоял рядом, глядя, как он расседлывает пони, и машинально скручивая жгут из пучка соломы. Когда Кердик закончил, я передал ему жгут через холку пони.

— Король Вортигерн в Сегонтиуме? А зачем?

— Головы считает, говорят,— фыркнул Кердик, принимаясь чистить пони.

— В смысле, собирает союзников? Так что, говорят о войне?

— Да о войне всегда будут говорить, пока этот Амброзий сидит в Малой Британии при короле Будеке и люди помнят вещи, о которых лучше не упоминать.

Я кивнул. Не помню, когда мне это рассказали — вслух об этом в самом деле никто не говорил,— но историю о том, как воссел на трон нынешний верховный король, знали все. Он был ре-

гентом при молодом короле Констанции, который внезапно скончался, а юные братья короля не стали дожидаться, чтобы проверить, вправду ли то было убийство, или это пустые слухи; они бежали в Малую Британию к своему кузену Будеку, оставив королевство Волку и его сыновьям. Каждый год по стране расходились все новые слухи: что король Будек вооружает молодых принцев; что Амброзий уехал в Рим; что Утер служит наемником у императора Восточной Империи или что он женился на дочери персидского короля; что братья набрали армию в четыреста тысяч человек и собираются захватить и выжечь всю Великую Британию от моря до моря; что они, наоборот, явятся с миром, подобно архангелам, и прогонят саксов с восточных берегов без единого удара меча. Но прошло уже больше двадцати лет, и ничего не случилось. О приходе Амброзия теперь говорили так, словно это уже свершилось и стало легендой, как говорят о приплытии Брута с троянцами через четыре поколения после падения Трои или о путешествии Иосифа на Терновый холм близ Авалона. Или о втором пришествии Христа — хотя когда я упомянул об этом при матери, она так рассердилась, что я больше так не шутил.

— Ах это! — сказал я.— Что, снова высадка Амброзия? Нет, Кердик, серьезно? Зачем верховный король приезжает в Северный Уэльс?

— Я же тебе сказал. Объезжает страну и набирает подмогу. Должно быть, весной ему понадобится поддержка — ему и его саксонской королеве.

Кердик сплюнул на пол.

— Что это ты? Ты ведь сам сакс!

— Так это когда было! Теперь я живу здесь. Разве не эта белобрысая сука заставила Вортигерна продаться саксам? По крайней мере, ты не хуже меня знаешь, что с тех пор, как она улеглась в постель к верховному королю, эти северяне расползлись по всей стране, словно пожар по вересковой пустоши, и теперь он не может ни выгнать их, ни откупиться. А если она и впрямь такова, как говорят люди, так можешь быть уверен: ни один из законных сыновей короля до престола не доживет.

Он говорил вполголоса, но тут оглянулся через плечо, снова сплюнул и сделал знак от сглаза.

— Да ты ведь все это знаешь или, по крайней мере, знал бы, если бы слушал тех, кто поумней тебя, вместо того чтобы день-

деньской сидеть за книгами и прочей ерундой или шляться в глуши с народцем из полых холмов.

— Так ты думаешь, я к ним езжу?

— Люди так говорят. Я что, я не спрашиваю. Мне это знать ни к чему. Да стой ты! — Это было сказано пони. Кердик закончил чистить один бок и перешел к другому.— Поговаривают, что саксы снова высадились к северу от Рутупий и на этот раз требуют больше, чем Вортигерн согласен дать. Так что весной ему придется драться.

— И мой дед будет с ним?

— Ну, могу поручиться, что Вортигерн на это рассчитывает. А теперь тебе лучше идти, если ты хочешь поужинать. Тебя никто не заметит. Когда я час назад зашел на кухню перекусить, там творился сущий ад.

— А где мой дед?

— А мне откуда знать? — Он взглянул на меня из-за крупа пони.— Тебе-то что до этого?

— Я хочу поехать с ним.

— Ха! — сказал он и насыпал пони сечки.

Голос его звучал обескураживающе.

— Мне хочется увидеть Сегонтиум,— упрямо сказал я.

— А кому не хочется? Мне тоже много чего хочется. Но если ты собираешься просить короля...— Он не договорил.— Нет, конечно, тебе и впрямь не помешало бы выбраться в люди и повидать мир, малость встряхнуться и все такое. Но не могу сказать, что мне в это верится. Не пойдешь же ты к королю!

— А почему бы и нет? Ну, на худой конец он мне откажет.

— Клянусь яйцами Юпитера! Вы только посмотрите на этого мальчишку! Послушайся моего совета, парень: поужинай и ложись спать. И к Камлаху тоже не суйся. Он только что поцапался со своей бабой и сейчас злющий, как горностай с больным зубом. Слушай, ты ведь пошутил, а?

— Боги следуют за тобой лишь тогда, когда ты сам встанешь на их тропу, Кердик.

— Это конечно. Но только кое у кого из них здоровенные копыта: растопчут и не заметят. Ты рассчитываешь на христианское погребение?

— Ничего не имею против. Наверно, я довольно скоро приму-таки крещение, если епископ добьется своего, но пока что я не принадлежу никому.

Кердик рассмеялся.

— Ну, я надеюсь, что, когда придет мой черед, меня спалят на костре. Так оно чище. Ладно, не хочешь меня послушаться — не надо, дело твое, но только не суйся к нему на пустой желудок.

— Это я тебе обещаю,— ответил я и отправился добывать себе ужин.

Поев и переодевшись в приличную тунику, я пошел к деду и с облегчением увидел, что Камлаха у него нет. Король сидел у себя в спальне перед очагом, в котором пылали целые бревна, и у ног его спали два пса. Поначалу я подумал, что женщина, сидевшая в высоком кресле по другую сторону очага,— королева Ольвен, но потом увидел, что это моя мать. Она, должно быть, шила, но сейчас сидела, уронив руки на колени, и белая ткань лежала на коричневом платье. Она обернулась ко мне и улыбнулась, явно удивившись. Один из волкодавов застучал хвостом по полу, другой приоткрыл глаз, взглянул на меня и снова зажмурился. Дед сурово взглянул на меня из-под бровей, но сказал достаточно дружелюбно:

— Проходи, парень, не стой на пороге. Закрой дверь. Оттуда страшно дует.

Я повиновался и подошел к очагу.

— Могу ли я видеть тебя, государь?

— Ты меня уже видишь. Чего тебе надо? Бери табурет, садись.

Рядом с креслом матери стоял один табурет. Я отодвинул его так, чтобы показать, что я не пытаюсь спрятаться за ее юбку, и сел между матерью и дедом.

— Ну? Давненько мы с тобой не виделись. Все за книгами сидишь?

— Да, государь,— ответил я и, придерживаясь принципа, что нападение — лучшая защита, сразу взял быка за рога: — Я... уехал после обеда, и меня не было дома, так что я...

— Куда это ты ездил?

— По тропе, вдоль реки. Особенно никуда, просто так, поупражняться в верховой езде, чтобы...

— Ладно. И что?

— Да, государь. И я не знал о приезде гонца. Но мне сказали, что ты завтра уезжаешь, государь.

— А тебе какое дело?

— Просто хотел бы поехать с тобой.

— Ты хотел бы? Поехать со мной? С чего это вдруг?

В голове у меня крутилась добрая дюжина подходящих ответов. Мне показалось, что мать смотрит на меня с жалостью. Я видел, что деду все равно и он ждет с безразличием и пренебрежением, приправленным лишь малой толикой любопытства. И я сказал правду.

— Потому что мне уже больше двенадцати дет, а я еще никогда не выезжал за пределы Маридунума. Потому что я знаю, что, если мой дядя добьется своего, меня скоро запрут в монастыре, в этой долине или где-нибудь еще, и заставят учиться на священника, и я хочу до того...

Его страшные брови сдвинулись.

— Уж не собираешься ли ты сказать, что не хочешь учиться?

— Нет. Я хочу учиться больше всего на свете. Но учение больше пойдет впрок тому, кто успел хоть чуть-чуть повидать свет. В самом деле, государь! Если ты позволишь мне поехать с тобой...

— Тебе сказали, что я еду в Сегонтиум? Это не праздничная прогулка! Путь будет далекий и трудный, и мы не станем дожидаться неумелых всадников!

Я не отводил взгляда от яростных голубых глаз. Это было тяжело, все равно что поднимать огромный камень.

— Я же учился ездить, государь. У меня теперь хороший пони...

— Ну да, этот, которого Диниас загонял. Это показывает, чего ты стоишь. Нет, Мерлин. Я детей не беру.

— Значит, ты и Диниаса тоже оставишь?

Я услышал, как мать ахнула. Дед резко обернулся в мою сторону. Я увидел, как его кулаки сжались на подлокотниках кресла, но он меня не ударил.

— Диниас — мужчина.

— Но ведь Маэл и Дуах тоже едут с тобой, государь?

Это были пажи, мальчишки моложе меня, которые повсюду ездили с ним.

Мать что-то начала говорить мне беззвучным торопливым шепотом, но дед поднял руку, заставляя ее замолчать. В грозных глазах под нахмуренными бровями появился интерес.

— Маэл и Дуах мне нужны. А чем можешь пригодиться ты?

Я ответил ему спокойным взглядом.

— Пока что ничем. Но разве тебе не говорили, что я владею языком саксов не хуже валлийского, что я читаю по-гречески и знаю латынь лучше, чем ты?

— Мерлин...— начала было мать.

Но я перебил ее:

— Я мог бы добавить сюда бретонский и корнуэльский, однако не думаю, что они пригодятся тебе в Сегонтиуме.

— А можешь ли ты назвать мне хотя бы одну причину,— сухо поинтересовался дед,— почему я должен говорить с королем Вортигерном на каком-то другом языке, кроме валлийского, если учесть, что он родом из Гвента?

И по его тону я понял, что победил. Я отвел взгляд — это было все равно что с честью отступить с поля брани,— перевел дух и кротко ответил:

— Нет, государь...

Он рассмеялся громким лающим смехом, вытянул ногу и перекатил одного из псов на спину.

— Что ж, быть может, в тебе все же есть что-то семейное, хоть по внешности и не скажешь! По крайней мере, у тебя хватило духу подергать за хвост старого пса в его конуре, когда это понадобилось. Ладно, поезжай. Кто тебе прислуживает?

— Кердик.

— Сакс? Скажи ему, пусть соберет тебя. Мы выезжаем на рассвете. Ну, и чего ты ждешь?

— Я хочу пожелать матушке спокойной ночи.

Я встал с табурета и подошел, чтобы поцеловать ее. Со мной такое бывало нечасто, и мать удивилась.

— Не на войну едешь,— резко сказал дед у меня за спиной.— Через три недели вернешься. Ступай!

— Да, государь. Благодарю тебя. Спокойной ночи.

За дверью я добрых полминуты стоял, прислонившись к стене и выжидая, пока уляжется сердцебиение и пройдет тошнота, подступившая к горлу. «Боги следуют за тобой лишь тогда, когда ты сам встанешь на их тропу. А это требует мужества».

Я сглотнул стоявший в горле ком, вытер о тунику вспотевшие ладони и побежал искать Кердика.

Глава 9

Так я впервые выехал из Маридунума. Тогда это казалось величайшим приключением в мире: выехать морозным утром, на рассвете, когда в небе еще горели звезды, в тесной компании людей, сопровождавших Камлаха и короля. Поначалу большинство

моих спутников были угрюмыми и полусонными, и ехали мы по большей части молча. Дыхание курилось в холодном воздухе, подковы коней высекали искры из каменистой дороги. Даже звон упряжи казался ледяным. Я так замерз, что еле чувствовал в пальцах поводья, и думал только об одном: как бы не свалиться с взбудораженного пони. А не то я с позором отправился бы домой, не успев проехать и мили.

Поездка в Сегонтиум заняла восемнадцать дней. Там я впервые увидел короля Вортигерна, который к тому времени уже более двадцати лет был верховным королем Британии. Можете не сомневаться, я о нем наслушался всякого — и правды, и сплетен. Он был человек суровый и жестокий, как любой, кто взошел на трон через убийство и держится на крови; но он умел проявлять силу, когда это требовалось, и совсем не его вина, что выбор саксов в качестве наемников обернулся против него, словно неверный меч, разрубивший до кости руку хозяина. Он платил и платил снова, потом начал сражаться; и теперь он большую часть года проводил, грызясь, как волк, пытаясь сдержать бродячие орды, скопившиеся на Саксонском берегу. Люди говорили о нем — почтительно — как о жестоком и кровожадном тиране, а о его королеве-саксонке — с ненавистью, как о ведьме. Но хотя я вырос на байках кухонных рабов, я ожидал встречи с королем скорее с любопытством, чем со страхом.

Во всяком случае, бояться мне было нечего: я видел верховного короля только издали. Снисходительности деда хватило лишь на то, чтобы взять меня в свою свиту; в свите я значил не больше — а на самом деле, куда меньше,— чем его пажи Маэл и Дуах. Я затерялся в толпе безымянных мальчишек и слуг и, поскольку из-за своих странностей не сумел обзавестись друзьями среди ровесников, был предоставлен самому себе. Позднее я благодарил богов за то, что в те несколько раз, когда я оказывался в толпе, окружавшей обоих королей, Вортигерн не заметил меня и ни дед, ни Камлах не вспомнили о моем существовании.

Мы провели неделю в Сегонтиуме, который валлийцы зовут Каэр-ин-ар-Вон, потому что через пролив от него лежит Мона — остров друидов. Город этот, как и Маридунум, лежит на берегах устья, там, где впадает в море река Сейнт. Там прекрасная гавань, а над нею, примерно в полумиле, на возвышенности стоит крепость. Она была выстроена римлянами для защиты гавани и города, но около ста лет стояла заброшенной, пока наконец

Вортигерн частично не отстроил ее заново. Чуть ниже по склону холма стояло еще одно, менее древнее укрепление. Насколько я знаю, его возвел Максен, дед убитого Констанция, для отражения набегов ирландцев.

Места там более гористые, чем в Южном Уэльсе, но мне они показались не столько красивыми, сколько угрожающими. Быть может, летом земли вдоль устья становятся зелеными и приветливыми, но зимой, когда я был там впервые, горы вздымались над городом подобно грозовым тучам, и склоны были серыми, покрытыми голыми, шумящими на ветру лесами, а каменистые вершины синели, увенчанные снежными шапками. И дальше, и выше всех вершин вздымалась огромная туманная громада Моэл-и-Виддфы, которую саксы зовут теперь Снежной горой, или Сноудоном,— высочайшей горы Британии, домом богов.

Вортигерн, не боясь призраков, поселился в Максеновой башне. Его армия — в те дни при нем всегда было не меньше тысячи воинов — стояла в крепости. Знатные люди из отряда моего деда тоже жили в башне, а прочая свита (в которой находился и я) была расквартирована в удобном, хотя и несколько холодном помещении близ западных ворот крепости. Нас принимали с почетом: помимо того, что Вортигерн был дальним родичем деда, похоже было, что верховный король и впрямь, по выражению Кердика, «набирал подмогу». Это был крупный смуглый человек с широким мясистым лицом и черными волосами, жесткими и колючими, как щетина вепря, в которых уже пробивалась седина. Тыльная сторона его ладоней тоже была покрыта черными волосами, и даже из ноздрей торчали черные волоски. Королевы при нем не было; Кердик шепнул мне, что Вортигерн не осмелился привезти ее сюда, потому что саксов тут не любят. Я ответил, что его-то тут принимают неплохо, но это оттого, что он давно забыл саксонский и сделался добрым валлийцем. Кердик рассмеялся и дал мне легкую затрещину. Думаю, не моя вина в том, что я никогда не умел держаться по-королевски...

Дни проходили просто. По большей части день все проводили на охоте, а к сумеркам возвращались к огню, ели, пили, потом короли и их советники принимались беседовать, а их свиты играть в карты и кости, лапать девок, ссориться — короче, развлекаться.

Я никогда прежде не бывал на охоте; подобные развлечения мне от природы чужды, к тому же приходилось целый день скакать в шумной толпе, а мне это не нравилось. Кроме того, это было опасно: в предгорьях водилось множество дичи, и охотники гонялись за ней сломя голову. Но я не видел другого способа посмотреть эти места, и к тому же мне нужно было понять, зачем Галапас настаивал, чтобы я поехал в Сегонтиум. Поэтому я ездил на охоту каждый день. Несколько раз я падал, но отделывался синяками, и мне удалось не привлечь к себе внимания сколько-нибудь важных лиц. Но я не нашел того, что искал: я ничего не видел и ничего особенного не случилось — разве что я лучше стал ездить верхом и Астер сделался послушнее.

На восьмой день мы отправились в обратный путь, и сам верховный король с эскортом в сотню человек выехал нас проводить.

Поначалу дорога шла лесистым ущельем, на дне которого текла глубокая и быстрая река, и всадникам приходилось ехать поодиночке или по двое по узкой тропе меж утесом и рекой. Такому большому отряду ничто не угрожало, поэтому мы ехали спокойно. Ущелье звенело от цокота копыт, звона удил и людских голосов. Временами сверху доносилось карканье: над утесами кружили следящие за нами вороны. Некоторые говорят, что эти птицы слетаются на шум битвы, но это неправда: я видел, как они на протяжении миль следуют за вооруженными отрядами в ожидании боя.

Но в тот день мы ехали спокойно и к полудню прибыли на место, где король должен был расстаться с нами и повернуть назад. Здесь сливались две реки и ущелье выходило в более широкую долину. По обе стороны долины высились угрюмые заснеженные утесы, и большая река текла на юг, бурая и разбухшая от талой воды. Возле устья был брод, и на юг от него шла хорошая, сухая дорога, которая ведет напрямик через горы к Томен-и-Муру.

Мы остановились к северу от брода. Предводители свернули в укромную ложбину, окруженную с трех сторон склонами, густо поросшими лесом. Голые заросли ольхи и густые тростники показывали, что летом эта ложбина, должно быть, превращается в болото; но в тот декабрьский день земля замерзла, а ложбина была защищена от ветра и солнце пригревало. Отряд остановился поесть и отдохнуть. Короли уселись поодаль, беседуя. Рядом с ними расположилась часть свиты. Я заметил, что Диниас там тоже был. Я же, как обычно, не оказался ни среди избранных, ни в числе воинов, ни даже слуг. Я отдал Астера Кердику и ушел

в сторону, поднявшись меж деревьями к заросшей лощинке, где можно было посидеть одному, так, чтобы никто тебя не видел. Я прислонился спиной к нагретой солнцем скале. Из-за нее приглушенно доносились позвякивание уздечек пасущихся коней, голоса людей, временами — взрыв хохота, потом паузы, перемежающиеся бормотанием,— это люди вытащили кости, чтобы скоротать время, пока короли прощаются. В холодном небе надо мной кружил коршун, его крылья отливали медью на солнце. Мне вспомнился Галапас, вспышка света в бронзовом зеркале... Зачем я все-таки сюда поехал?

Голос короля Вортигерна внезапно произнес прямо у меня за спиной:

— Сюда. Скажи мне, что ты думаешь...

Я испуганно обернулся, не сразу поняв, что король и тот, с кем он говорит, находятся по другую сторону скалы, за которой я укрылся.

— Говорят, на пять миль во все стороны...

Голос верховного короля сделался глуше — он отвернулся. Я услышал хруст инея и шорох сухой листвы под ногами, потом скрежет подбитых гвоздями сапог по камню. Они удалялись. Я осторожно встал и выглянул из-за скалы. Вортигерн и мой дед уходили в лес вдвоем, погруженные в беседу.

Помнится, я заколебался. Ну что такого они могут сказать, что уже не было сказано в уединении Максеновой башни? Я не мог поверить, что Галапас отправил меня сюда лишь затем, чтобы подслушивать их беседы. Но зачем же еще? Быть может, бог, на чью тропу я встал, именно за этим послал меня сюда сегодня одного... Я неохотно повернулся, собираясь последовать за ними.

Однако не успел я сделать и шага, как меня схватили за локоть — не сказать, чтобы очень бережно.

— Куда это тебя несет, а? — вполголоса осведомился Кердик.

Я яростно стряхнул его руку.

— Чтоб тебе провалиться, Кердик! У меня душа в пятки ушла! Какое твое дело, куда меня несет?

— Я здесь затем, чтобы присматривать за тобой, не забывай!

— Ты здесь только потому, что я взял тебя с собой! И никто тебя за мной присматривать не просит. Или все-таки просит? А? — Я пристально посмотрел на него.— Ты следил за мной?

Он усмехнулся.

— Делать мне нечего! А что, надо было?

Но я настаивал:

— Тебе велели следить за мной?

— Нет. Но ты что, не видел, кто туда пошел? Это были Вортигерн и твой дед. Ты собирался увязаться за ними? Я бы на твоем месте хорошенько подумал.

— Не собирался я за ними следить! — ответил я.— Просто хотел осмотреться.

— А не мог бы ты спуститься куда-нибудь в другое место? Они нарочно сказали, что эскорт должен ждать их здесь. Вот я и пришел сообщить тебе об этом на случай, если ты не слыхал. Короли очень заботились о том, чтобы за ними никто не ходил.

Я снова сел.

— Ну ладно, ты мне сказал. А теперь, пожалуйста, оставь меня. Можешь прийти и сказать мне, когда они соберутся трогаться дальше.

— Это чтобы ты рванул за ними, как только я отвернусь?

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо.

— Кердик! Уйди, я прошу!

— Слушай,— упрямо сказал он,— я знаю, что бывает, когда у тебя вот такой вид. Не знаю, что у тебя на уме, но когда ты вот так смотришь, это значит, что кому-то светят неприятности и обычно этим кем-то оказываешься ты. В чем дело?

— На этот раз неприятности будут у тебя, если меня не послушаешься! — яростно воскликнул я.

— Не надо изображать коронованную особу,— сказал Кердик.— Я всего-навсего хочу избавить тебя от лишних шишек.

— Я знаю. Извини. Я просто... ну, есть у меня одно дело...

— Может, объяснишь, что за дело? Я ведь видел, что все эти дни тебя что-то грызло. Что случилось-то?

— Не знаю я, что случилось,— честно признался я.— Ты тут ничем не поможешь. Забудь. Слушай, короли не сказали, куда идут? Неужто не успели наговориться в Сегонтиуме или по дороге сюда?

— Они пошли на вершину утеса, где на конце хребта есть место, откуда долина видна сверху донизу, во все стороны. Там, говорят, старая башня была. Это место называется Динас-Бренин.

— Королевская Башня? А сама башня большая?

— Да там ничего не осталось, кроме груды камней. А что?

— Я... так, ничего. Интересно, когда же мы домой-то поедем?

— Да говорят, где-то через час. Слушай, пошли вниз, а? Я тебя в кости играть посажу...

Я усмехнулся.

— Спасибо, хоть и не за что. Ты что, из-за меня из игры вышел? Извини...

— А, ерунда! Я все равно проигрывал. Ладно, я тебя оставлю, только не делай глупостей, хорошо? Не подставляй шею без нужды. Вспомни, что я говорил тебе о вяхирях.

И как раз в этот миг мимо нас с хлопаньем и свистом крыльев, в вихре инея, стрелой пронесся вяхирь. А за ним, чуть выше, готовый ударить мерлин.

Вяхирь чуть изменил направление, огибая склон, чиркнул грудью по земле, как чайка по встающей волне, и метнулся к кустам на краю лощины. Он летел в каком-нибудь футе над землей, и соколу было опасно нападать на него, но хищник, наверно, был голоден, потому что, когда голубь оказался уже у самых кустов, сокол ударил.

Писк, яростный крик сокола, взметнулись сломанные сучки — и все.

Несколько перышек лениво опускались на землю, кружась, как снежинки.

Я бросился вперед и взбежал на склон.

Поймал!

Происшедшее было очевидно: сокол вцепился в голубя, они влетели в кусты и упали на землю. Судя по тишине, оба лежали там, оглушенные падением.

Крутой склон густо зарос почти непроходимым кустарником. Я раздвинул ветки и принялся проламываться через кусты. Светлые перышки указывали мне дорогу. И я нашел то, что искал. Вяхирь лежал мертвый, с распростертыми крыльями, так как он налетел грудью на камни. На радужных перьях шейки ярко алела кровь. Мерлин лежал сверху. Стальные когти глубоко вонзились в спинку голубя, жестокий загнутый клюв тоже наполовину воткнулся в голубя при падении. Мерлин был еще жив. Когда я склонился над ними, он шевельнул крыльями и голубоватое веко опустилось, открыв злобный темный глаз.

У меня за плечом появился запыхавшийся Кердик.

— Не трогай. Он тебе руки порвет. Давай я!

Я выпрямился.

— Вот он, твой вяхирь, Кердик. Пора о нем забыть, не так ли? Не надо, оставь их. Они никуда не денутся до того времени, когда мы вернемся.

— Вернемся? Откуда это?

Я молча указал вперед. Над нами, за кустарником, в том направлении, куда летели птицы, в крутом склоне виднелся квадратный черный проход, похожий на дверь. Он был скрыт от посторонних глаз; найти его мог лишь тот, кто зачем-либо пробрался сквозь чащу сплетенных ветвей.

— Ну и что? — сказал Кердик.— Старая штольня, судя по всему...

— Да. Вот за этим я сюда и приехал. Сделай факел и ступай за мной.

Он было запротестовал, но я перебил его.

— Можешь не ходить, если не хочешь. Только сделай мне факел. И побыстрее, у нас мало времени.

Я полез наверх, к устью штольни, и слышал, как Кердик, все еще ворча, ломает сухие ветки.

У самого входа валялась груда мусора и обрушившихся камней — деревянные подпорки сгнили и проломились. Но дальше обнаружился довольно ровный проход, более или менее горизонтально ведущий в сердце холма. Я мог идти почти прямо; невысокий Кердик только чуть пригибал голову. Пламя сделанного на скорую руку факела отбрасывало впереди нас гротескные тени. В полу виднелись борозды — следы от тяжестей, которые волочили здесь когда-то, на стенах и потолке были отметины от кирки и кайла, которыми вырубали этот проход.

— Куда тебя, к черту, несет? — Голос шедшего позади Кердика был напряжен до предела.— Слушай, пошли обратно, а? Тут опасно. Потолок того гляди обвалится.

— Не обвалится. Смотри, чтобы факел не потух,— бросил я на ходу.

Ход свернул направо и пошел вниз. Под землей всегда теряешь чувство направления: там нет даже легкого движения воздуха, которое помогает определять, куда двигаться самой темной ночью, но я догадывался, что мы спускаемся в самое сердце холма, на котором некогда стояла старая королевская башня. Временами от хода ответвлялись меньшие проходы, но заблудиться я не боялся: мы шли главной штольней и скала выглядела вполне прочной. Иногда нам попадались следы небольших обвалов, а

один раз путь нам преградила большая осыпь, почти полностью перекрывшая проход, но я все же пролез в оставшуюся щель, а дальше ход был открыт.

Кердик остановился перед грудой камней. Он просунул факел в щель и заглянул в нее.

— Мерлин, слушай, пошли обратно, ради всего святого! Это уже полное безумие. Я тебе говорю, тут опасно! Мы ведь лезем в самую скалу! И одни боги ведают, что там спрятано! Слушай, парень, вылезай обратно!

— Не трусь, Кердик! Ты пролезешь. Иди сюда. Быстрее!

— Не полезу! Если ты сию же минуту не вылезешь обратно, я пойду и расскажу все королю.

— Послушай,— сказал я,— это важно! Не спрашивай почему. Но клянусь тебе, нам ничто не угрожает! А если боишься, давай факел и возвращайся обратно.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

— Знаю. Ты ведь не посмеешь вернуться и все ему рассказать? А если оставишь тут одного, а со мной что-то случится, тебе такое будет...

— Верно говорят, что ты чертово отродье,— отозвался Кердик.

Я рассмеялся.

— Когда выберемся на свет, можешь говорить мне что хочешь. А сейчас поторопись, Кердик, пожалуйста. С тобой ничего не случится, честное слово. Я это нюхом чую. И ты же сам видел, как мерлин указал нам путь!

Конечно, он полез. А что ему оставалось? Бедный Кердик! Но когда он очутился рядом со мной, держа в руке факел, я увидел, что он смотрит на меня косо. И левой рукой он сделал знак от дурного глаза.

— Только недолго, ладно? — сказал он.

Еще двадцать шагов, один поворот, и проход вывел нас в пещеру.

Я знаком приказал Кердику поднять факел повыше. Говорить я не мог.

Это огромное пространство в самом сердце горы, эта тьма, еле затронутая светом факела, мертвая тишина и недвижность воздуха, в которой я слышал и ощущал биение собственного сердца,— это было то самое место. Я помнил каждый след кайла на скале, изрубленной железом и потом расколотой водой. Тот

самый сводчатый потолок, уходящий во тьму; а вон в углу какие-то ржавые железки — там стоял насос. И блестящая влага на стене — уже не тонкая лента, а целая занавесь сверкающей воды. А на месте луж на полу и под нависшим выступом — широкое, спокойное озеро. Почти треть пола заливала вода.

У воздуха был особый, пещерный запах: дыхание воды и дикого камня.

Где-то наверху капала вода, и каждая капля звенела, как удар маленького молоточка по металлу. Я взял у Кердика пучок пылающих веток и подошел к краю озера. Поднял факел как можно выше, вытянул руку вперед и заглянул в озеро. Ничего не было видно. Свет отразился от поверхности, непроницаемой, как сталь. Я ждал. Лучи света разбегались, мерцали и тонули во мраке. В озере не было ничего, кроме моего собственного отражения, похожего на призрак в зеркале Галапаса.

Я снова отдал факел Кердику. Он все это время молчал и смотрел на меня косым, испуганным взглядом.

Я коснулся его руки.

— Мы можем идти назад. Все равно эта штука уже почти догорела.

— Пошли.

Мы молча пробрались назад по извилистой галерее, прошли мимо кучи мусора и вышли наружу, в морозный зимний день. Небо было бледного, молочно-голубого цвета. На его фоне выделялись хрупкие, недвижные веточки зимних деревьев. Березы стояли белые, словно костяные. Снизу раздался призывный клич рога, отчетливо прозвеневший в неподвижном металлическом воздухе.

— Уезжают!

Кердик ткнул факелом в замерзшую землю, чтобы затушить его. Я пробрался вниз сквозь кусты. Голубь лежал на прежнем месте, холодный, уже окоченевший. Мерлин тоже был здесь; он слез со своей добычи и, нахохлившись, сидел рядом, на камне. Когда я подошел, он даже не шелохнулся. Я подобрал вяхиря и бросил его Кердику.

— Сунь к себе во вьюк. Да, тебе, разумеется, не надо говорить, чтобы ты помалкивал обо всем этом?

— Нет, конечно. Что ты делаешь?

— Он оглушен. Если оставить его здесь, он через час замерзнет насмерть. Я возьму его с собой.

— Осторожнее! Это взрослый сокол...

— Он мне ничего не сделает.

Я взял сокола; он распушился от холода и был на ощупь мягкий, как совенок. Я натянул на левое запястье кожаный рукав куртки, и сокол крепко вцепился в него. Он теперь совсем опустил веки и смотрел на меня дикими темными глазами. Но сидел смирно, сложив крылья. Я услышал, как Кердик бормочет что-то себе под нос, собирая мои вещи с того места, где я обедал. Потом он сказал такое, чего я никогда прежде от него не слышал:

— Что ж, идем, молодой хозяин!

Когда я догнал отряд деда, направлявшийся домой, в Маридунум, мерлин послушно сидел у меня на запястье.

Глава 10

Не пытался он оставить меня и тогда, когда мы добрались домой.

Осмотрев его, я обнаружил, что при падении он повредил себе маховые перья. Я вправил их, как учил меня Галапас, и после этого сокол сидел на груше у меня за окном, принимал пищу, которую я ему давал, и улететь не пытался.

Когда я в следующий раз отправился к Галапасу, я взял его с собой.

Это был первый день февраля. Накануне ночью мороз сменился дождем. Серый, свинцовый день, по небу ползут низкие тучи, порывы ветра швыряют в лицо пригоршни дождя. По дворцу гуляли сквозняки, все двери были плотно занавешены, люди кутались в шерстяные плащи и жались к жаровням. Мне казалось, что над дворцом тоже висит серое, свинцовое молчание; деда я с тех пор, как мы вернулись в Маридунум, почти не видел. Он со своими вассалами часами просиживал на советах, и говорили, что когда они с Камлахом запираются вдвоем, то частенько кричат и ссорятся. Однажды я пошел к матери, но мне сказали, что она молится и не может меня принять. Я видел ее мельком через полуоткрытую дверь; она стояла на коленях перед святым образом, и я мог бы поклясться, что она плачет.

Но в долине, в холмах ничто не изменилось. Галапас взял мерлина, высказался по поводу моей работы, потом усадил его на укрытый от ветра уступ у входа в пещеру и позвал меня к огню,

греться. Он положил мне тушеного мяса из кипящего над огнем горшка и велел поесть, прежде чем рассказывать. Насытившись, я рассказал ему обо всем, вплоть до того, что дед с Камлахом ссорятся, а мать плакала.

— Клянусь, Галапас, это была та самая пещера! Но зачем? Там ничего не было! И ничего больше не случилось. Совершенно ничего. Я расспрашивал всех, кого мог, и Кердик поспрашивал среди рабов, но никто не знает, о чем говорили короли и почему дед с Камлахом разошлись. Но Кердик сказал мне одну вещь: за мной следят. Люди Камлаха. А то бы я к тебе раньше приехал. Сегодня они уехали, и Камлах, и Алун, и все остальные, и я сказал, что поеду на луга погонять сокола, и приехал сюда.

Галапас молчал. Я был слишком озабочен, чтобы ждать, и потому повторил:

— Что происходит, Галапас? Что все это значит?

— Что касается твоего видения и той пещеры, об этом я ничего не знаю. А что до неприятностей во дворце — догадываюсь. Ты ведь знаешь, что у верховного короля были сыновья от первой жены — Вортимер, Катигерн и юный Пасценций?

Я кивнул.

— Был ли кто-нибудь из них в Сегонтиуме?

— Нет.

— Мне говорили, что они порвали с отцом,— сказал Галапас,— и Вортимер собирает свои войска и мечтает стать верховным королем. Так что Вортигерну, скорее всего, грозит восстание, и как раз тогда, когда он совершенно не может себе этого позволить. Королеву сильно ненавидят, это ты знаешь; а мать Вортимера была добрая британка, и к тому же молодые люди хотят молодого короля.

— Значит, Камлах за Вортимера? — быстро спросил я.

Галапас улыбнулся.

— Похоже на то.

Я немного поразмыслил.

— Что ж, говорят ведь, что, когда волки грызутся, добыча достается воронам?

Я родился в сентябре, под знаком Меркурия, и ворон был моей птицей.

— Быть может,— сказал Галапас.— Но вероятнее всего, тебя запрут в клетку быстрее, чем ты думал.

Сказал он это так, между прочим, словно мысли его были заняты другим. И я вернулся к тому, что сейчас заботило меня больше всего.

— Галапас! Ты сказал, что ничего не знаешь о видении и о пещере. Но ведь это... это, должно быть, была рука бога...

Я взглянул на уступ, где терпеливо сидел нахохлившийся мерлин, наполовину прикрывший веки так, что глаза его казались узкими огненными щелочками.

— Да, похоже, что это так.

Я робко спросил:

— А нельзя ли узнать, что он... что это значило?

— Ты хочешь снова побывать в хрустальном гроте?

— Н-нет, не хочу. Но наверно, надо... Это-то ты мне можешь сказать?

Он немного помолчал, потом как бы нехотя произнес:

— Да, я думаю, тебе надо там побывать. Но сперва мне нужно тебя еще кое-чему научить. На этот раз ты должен сам зажечь огонь. Нет, не так! — улыбнулся он, когда я потянулся за веткой, чтобы разворошить угли.— Положи. Ты ведь перед отъездом просил, чтобы я показал тебе что-нибудь настоящее? Вот, это все, что мне осталось тебе показать. Я не думал... Ладно, оставим это. Пора. Нет, сиди. Книги нам больше не понадобятся, дитя мое. Смотри.

О том, что было дальше, я писать не буду. Это все, чему он меня научил, если не считать кое-каких целительских штучек. Но, как я уже говорил, это была первая магия, которой я научился, и забуду я ее последней. Это оказалось легко — создавать огонь, холодный как лед, или бушующее пламя, или вспышку, что рассекает мрак подобно бичу; мне повезло, потому что я был слишком молод, чтобы учиться таким вещам, а это искусство может ослепить, если ты слишком слаб или не подготовлен.

Когда мы закончили, на улице было уже темно. Галапас встал.

— Через час я вернусь и разбужу тебя.

Он взял свой плащ, которым было занавешено зеркало, закутался в него и вышел.

Треск пламени был похож на топот копыт. В жаровне стрельнуло, длинный язык пламени взметнулся, как бич. Полено упало с шипением, похожим на женский вздох, и мелкие сучки затрещали, словно сотня кумушек, болтающих, перешептывающихся, смакующих новости...

А потом все утихло, и взметнулось яркое, но бесшумное пламя. Его сияние отразилось в зеркале. Я взял свой плащ — он успел высохнуть — и забрался в хрустальный грот. Постелил его на дно пещерки, а сам не отрывал глаз от купола, усеянного кристаллами. Свет очага ворвался вслед за мной, наполнил пещеру, и вот уже я лежал в огненном шаре, словно внутри звезды; с каждым мгновением свет разгорался все ярче и внезапно потух, вокруг стало темно...

Подковы коня выбивали искры из камня старой римской дороги. Бич всадника щелкал снова и снова, но конь и так уже несся галопом — ноздри его раздувались и сделались алыми, дыхание лошади вырывалось клубами пара в холодном воздухе. Всадником был Камлах. Далеко позади, отстав почти на милю, скакали его спутники, а еще дальше, ведя под уздцы загнанного, взмыленного коня, плелся гонец, доставивший весть королевскому сыну.

Город был наводнен факелами. Люди бросились навстречу всаднику, но Камлах не обратил на них внимания. Он вонзил острые шпоры в бока лошади, пронесся через весь город вниз по крутой улочке и влетел в ворота дворца. Здесь тоже было полно факелов. Его рыжие волосы вспыхнули в их свете. Камлах спрыгнул с коня и бросил поводья подбежавшему рабу. Он взбежал по лестнице — мягкие сапоги ступали бесшумно — и прошел колоннадой, которая вела в покои его отца. На миг стремительная фигура в черном исчезла в темноте под аркой, потом она распахнула дверь и появилась в комнате.

Гонец был прав. Смерть наступила мгновенно. Старик лежал на резной римской кровати. Кто-то укрыл его покрывалом алого шелка. Ему как-то ухитрились подвязать челюсть, потому что седая борода смотрела в потолок, а под голову подложили маленькое глиняное изголовье, так что голова лежала прямо и тело начинало костенеть. Так было не видно, что шея у него сломана. Старческое лицо уже успело осунуться — нос заострился и был точно вылеплен из холодного белого воска. Золотые монеты, лежавшие на губах и на сомкнутых веках, блестели в свете факелов, что горели по углам кровати.

В изножье кровати, меж двух горящих факелов, стояла Ниниана. Она держалась очень прямо и неподвижно. На ней было белое платье, руки сложены перед грудью, и в них зажато распятие, голова опущена. Она не подняла головы, когда отворилась дверь, и по-прежнему смотрела на алое покрывало. Не похоже было, что она скорбит,— скорее, мысли ее витали слишком далеко.

Брат стремительно подошел и встал рядом с нею — тонкий и стройный в своих черных одеждах, сверкающий какой-то яростной грацией, которая, казалось, распирала стены комнаты.

Он подошел к кровати и навис над ней. Некоторое время он смотрел на отца, затем коснулся мертвых рук, сложенных на алом покрывале. Постоял так, потом убрал руку. Взглянул на Ниниану. У нее за спиной, в тени, толпилась небольшая кучка мужчин, женщин, слуг. Они переминались с ноги на ногу и перешептывались. В толпе стояли Маэл и Дуах — оба безмолвные, с сухими глазами. Был там и Диниас. Он ел глазами Камлаха.

— Мне сказали, что это был несчастный случай,— произнес Камлах очень тихо, обращаясь к Ниниане.— Это правда?

Она не шелохнулась и ничего не ответила. Камлах подождал, потом раздраженно махнул рукой и обратился к тем, кто стоял у нее за спиной.

— Кто-нибудь, отвечайте! Это был несчастный случай?

Вперед выступил один из слуг короля, Мабон.

— Да, господин. Это правда.

Он облизнул губы, видимо, в нерешительности.

Камлах ощерился.

— Клянусь всеми дьяволами ада! Что с вами такое?

Тут он увидел, что все уставились на его правое бедро. Он опустил глаза. Там болтался его короткий кинжал без ножен. Лезвие было в крови по самую рукоятку. Камлах нетерпеливо и с отвращением фыркнул, выхватил кинжал и отшвырнул его. Тот пролетел по полу и со звоном ударился о стену. В наступившей тишине звук показался очень громким.

— Чья это кровь, по-вашему? — спросил он, все еще щерясь.— Всего-навсего оленья! Когда приехал гонец, мы как раз затравили оленя и находились в двенадцати милях отсюда — я и все мои люди.

Он уставился на них, словно ожидая, кто осмелится ему возразить.

Никто не шелохнулся.

— Ну же, Мабон! Гонец сказал, что он поскользнулся и упал. Как это вышло?

Мабон прокашлялся.

— По-глупому, сударь. Чистая случайность. Даже рядом никого не было. Это было в малом дворике, через который ходят в комнаты слуг. Там еще ступеньки все стерлись. Один из слуг, разнося масло и наливая его в лампы, пролил немного на ступеньки и пошел за тряпкой, чтобы подтереть, а тут как раз король вышел. Он очень торопился. Никто не думал, что он... окажется там в это время. Ну вот, господин, он, значит, поскользнулся, упал на спину и ударился головой о камень. Вот как оно вышло, господин. Люди это видели. Есть свидетели, которые могут подтвердить это под присягой.

— А тот, по чьей вине это случилось?

— Раб, господин мой.

— С ним разобрались?

— Он мертв, господин.

Пока они говорили, в колоннаде раздался шум — это прибыли спутники Камлаха. Они тоже направлялись в комнату короля. Теперь они ввалились туда, и, когда Мабон умолк, Алун бесшумно приблизился к Камлаху и коснулся его руки.

— Камлах, новость уже разнеслась по всему городу. У ворот собирается толпа. Слухи ходят самые невероятные, и скоро могут начаться беспорядки. Тебе придется выйти и поговорить с народом.

Камлах метнул взгляд в его сторону и кивнул.

— Пойди займись этим, ладно? Бран, ступай с ним. И Руан тоже. Закройте ворота. Скажите народу, что я скоро выйду. Остальные — вон!

Комната опустела. Диниас задержался в дверях, но Камлах даже не глянул в его сторону, и он тоже вышел. Дверь закрылась.

— Ну что, Ниниана?

Она за все это время ни разу не взглянула на него. Теперь она подняла глаза.

— Что тебе нужно от меня? Мабон рассказал все, как было. Он только не сказал, что король дурачился с одной из служанок и что был пьян. Но это несчастный случай, и теперь король мертв... а ты и все твои дружки были в двенадцати милях отсюда.

Так что теперь ты король, Камлах, и никто не сможет бросить тебе в лицо: «Он хотел смерти своего отца!»

— Никто. Даже ты, Ниниана!

— Я этого не говорила. Я просто хочу сказать, что споры окончены. Королевство — твое, и теперь, как правильно сказал Алун, тебе лучше пойти и поговорить с народом.

— Сперва я поговорю с тобой. Почему ты стоишь тут с таким видом, словно тебе все равно? Словно ты уже не здесь?

— Быть может, потому, что это так и есть. Меня не касается, кто ты и чего ты хочешь. Я прошу тебя лишь об одном.

— О чем же?

— Отпусти меня. Он не отпускал, но ты, я думаю, согласишься.

— В монастырь Святого Петра?

Она опустила голову.

— Я говорю тебе, ничто мирское меня больше не трогает. Уже давно и тем более теперь. Все эти разговоры о вторжении, весенней войне, смене власти, смерти королей... Да не смотри на меня так! Я не дура, и отец разговаривал со мной. Но тебе незачем меня бояться. Ничто из того, что я знаю и могу сделать, не повредит твоим планам, братец. Говорю тебе, я не хочу от жизни ничего, кроме того, чтобы меня отпустили с миром и позволили жить в мире — мне и моему сыну.

— Ты сказала, что просишь лишь об одном. А это уже вторая просьба...

В ее глазах в первый раз вспыхнуло что-то живое — возможно, это был страх.

— Но ведь вы же всегда собирались отправить его в монастырь! Это была твоя идея, а не отца. Ведь после того, как я отказала Горлану, ты понял, что, даже если отец Мерлина явится сюда с мечом в руке и с тремя тысячами всадников, я не выйду за него! Мерлин тебе ничего не сделает, Камлах. Он навсегда останется не более чем безымянным бастардом. Ты ведь знаешь, что он не воин. Видят боги, он не причинит тебе вреда!

— Тем более если он будет сидеть в монастыре? — спросил Камлах шелковым голосом.

— Тем более если он будет сидеть в монастыре. Камлах, ты играешь со мной? Что у тебя на уме?

— Раб, что пролил масло,— сказал Камлах.— Кто это был?

Глаза Нинианы снова вспыхнули. Потом она опустила веки.

— Сакс. Кердик.

Камлах не шевельнулся, но изумруд на его груди внезапно сверкнул на фоне черных одежд, словно сердце у него подпрыгнуло.

— Не пытайся сделать вид, что ты догадывался об этом! — яростно воскликнула Ниниана.— Откуда ты мог знать?

— Да нет, не догадывался. Но когда я приехал, весь замок гудел, как разбитая арфа. Ну что ты стоишь, сложив руки на брюхе, словно прячешь от меня еще одного ублюдка? — воскликнул он с внезапным раздражением.

Как ни странно, она улыбнулась.

— Прячу, конечно!

Изумруд снова блеснул.

— Не будь дураком, Камлах. Ну откуда мне взять еще одного? Я просто не могу уйти, пока не буду уверена, что ему ничто не угрожает. Что нам обоим ничто не угрожает, что бы ты ни собирался сделать.

— А что я могу сделать тебе? Я могу поклясться, что...

— Что бы ты ни собирался сделать с королевством моего отца. Ладно, оставим это. Я повторяю: я забочусь лишь об одном — чтобы монастырь оставили в покое... А это так и будет.

— Ты видела это в кристалле?

— Не к лицу христианам заниматься предсказаниями! — отрезала Ниниана.

Но голос ее звучал слишком сурово, чтобы быть искренним. Камлах взглянул на нее, внезапно засуетился; отступил на пару шагов в тень, потом снова вышел на свет.

— Скажи мне,— отрывисто бросил он.— Что будет с Вортимером?

— Он умрет,— сказала Ниниана с безразличным видом.

— Все мы когда-нибудь умрем. Но я связан с ним, ты же знаешь. Можешь ли ты сказать мне, что будет весной?

— Я ничего не видела и ничего тебе сказать не могу. Но каковы бы ни были твои планы, тебе не пойдет на пользу, если поползут слухи о том, что это было убийство. Так что ты глуп, если думаешь, что смерть короля не была случайной. Двое конюхов видели это, и служанка, с которой он забавлялся, тоже.

— Тот человек успел сказать что-нибудь перед тем, как умер?

— Кердик? Нет. Только что это вышло случайно. Похоже, он больше заботился о моем сыне, чем о себе самом. Больше он ничего не сказал.

— Мне тоже так говорили,— сказал Камлах.

В комнате снова воцарилось молчание. Они смотрели друг другу в глаза.

— Ты не сделаешь этого,— сказала Ниниана.

Он не ответил. Они стояли глаза в глаза. По комнате пронесся сквозняк, пламя факелов дрогнуло.

Камлах улыбнулся и вышел. Дверь за ним захлопнулась, по комнате пронесся порыв ветра, огонь взметнулся, погас, свет и тени смешались...

Пламя угасало, и кристаллы померкли. Я выбрался из пещерки, потянул за собой плащ, и он порвался. Угли в жаровне тускло тлели. Снаружи было уже совсем темно. Я, спотыкаясь, спустился вниз и бросился к выходу.

— Галапас! — крикнул я.— Галапас!

Его высокая, ссутуленная фигура возникла из тьмы. Он вошел в пещеру. Его ноги, полуголые, в старых сандалиях, посинели от холода.

Я остановился в ярде от него, но вышло так, словно я бросился к нему в объятия. Он закутал меня плащом.

— Галапас, они убили Кердика!

Он ничего не сказал, но его молчание утешало лучше любых слов.

Я сглотнул, чтобы избавиться от болезненного кома в горле.

— Если бы я не приехал сюда сегодня... Я ведь обманывал его, как и остальных. А мог бы довериться ему — рассказать даже про тебя... Галапас, если бы я был там, быть может, я смог бы что-нибудь сделать!

— Нет, не смог бы. И ты это знаешь.

— Теперь я меньше чем никто.

Я прижал руку к виску: голова раскалывалась, перед глазами все плыло, я почти ничего не видел. Галапас мягко взял меня за руку и усадил у огня.

— Почему, Мерлин? Не спеши, расскажи мне все по порядку.

— А ты не знаешь? — удивился я.— Он наполнял лампы на колоннаде и пролил масло на ступеньки, а король поскользнулся, упал и сломал себе шею. Кердик был не виноват, Галапас!

Он просто пролил масло, вот и все, и он уже возвращался, чтобы подтереть, он правда возвращался! А они взяли и убили его! И теперь королем стал Камлах.

По-моему, некоторое время я тупо смотрел на него. Глаза мои были еще полны видений, и в мозгу помещался лишь один-единственный факт.

— А что твоя мать? — спросил Галапас, мягко, но настойчиво.— Что с ней?

— Чего? Что ты говоришь?

В руку мне сунули кубок с чем-то теплым. Судя по запаху, это был тот же напиток, что Галапас давал мне перед тем, как я полез в грот.

— Выпей. Тебе надо было поспать до тех пор, пока я не вернулся,— тогда тебе не было бы так плохо.

Я выпил. Острая боль в висках сменилась тупым пульсированием, и я вновь обрел четкость зрения. И мысли тоже.

— Извини. Теперь все в порядке. Я снова могу соображать, я пришел в себя... Сейчас расскажу остальное. Мать уйдет в монастырь. Она пыталась уговорить Камлаха, чтобы он отпустил и меня тоже, но он не согласился. Я думаю...

— Что?

Я наконец сообразил, что к чему, и медленно произнес:

— Я сперва не понял. Я думал о Кердике. Но похоже, он собирается убить меня. Наверно, он воспользуется смертью деда: он скажет, что это дело рук моего раба... Нет, конечно, никто не поверит, что я могу быть соперником Камлаху, но если он запрет меня в монастырь и через некоторое время, когда слухи уже улягутся, я тихо умру, никто ничего не скажет. А моя мать к тому времени будет уже не королевской дочерью, а всего-навсего одной из святых женщин, и она тоже ничего не сможет сделать.

Я сжал кубок в ладонях и поднял глаза на Галапаса.

— Галапас, почему меня так боятся?

Он ничего не ответил, лишь кивнул на кубок.

— Допивай. А потом тебе надо будет уехать.

— Уехать? Но если я вернусь, они убьют меня или запрут в монастыре... Разве нет?

— Если найдут — попытаются.

— Если я останусь тут, с тобой...— горячо сказал я.— Никто ведь не знает, что я здесь! Даже если они узнают и приедут за мной, тебе ничего не будет! А потом мы увидим их за несколько

миль, когда они въедут в долину... Они меня не найдут! Я спрячусь в хрустальном гроте...

Галапас покачал головой.

— Еще не время, Мерлин. Когда-нибудь, но не теперь. Сейчас ты не можешь спрятаться — все равно как твой мерлин не может вернуться в яйцо.

Я оглянулся через плечо, туда, где, нахохлившись, сидел на жердочке мой мерлин, неподвижный, как сова Афины. Его не было. Я протер глаза рукавом и поморгал, не веря своим глазам. В самом деле! Угол, озаренный пламенем, был пуст.

— Галапас! Сокол улетел!

— Да.

— Ты видел?

— Он пролетел мимо, когда ты позвал меня.

— Я... Куда?

— На юг.

Я осушил кубок и перевернул его, отдавая последние капли богу. Потом поставил кубок и потянулся за плащом.

— Я еще увижу тебя, да?

— Увидишь. Я обещаю.

— Значит, я вернусь?

— Я ведь обещал тебе. Когда-нибудь эта пещера будет твоей и все, что в ней,— тоже.

Снаружи влетел холодный ночной ветер, шевельнул полу моего плаща и взметнул волосы. По спине у меня поползли мурашки. Я встал, набросил плащ на плечи, застегнул фибулу.

— Стало быть, ты едешь? — Галапас улыбался.— Ты так веришь мне? И куда же ты собираешься?

— Не знаю. Для начала, наверно, домой. По дороге успею подумать — если это нужно. Но я все еще на тропе бога. Я чувствую, как ветер несет меня. Чему ты улыбаешься, Галапас?

Галапас не ответил. Он встал, притянул меня к себе, наклонился и поцеловал меня в лоб. Сухой и легкий старческий поцелуй, словно падающий лист, коснулся моего лба. Потом он подтолкнул меня к выходу.

— Ступай. Я уже оседлал твоего пони.

Когда я ехал вниз по долине, дождь все еще шел. Мелкий, моросящий дождь. Капли липли к плащу, пробирались под одежду и смешивались со слезами, что текли у меня из глаз. Я плакал второй раз в жизни.

Глава 11

Ворота скотного двора были заперты. Впрочем, я ждал этого. Днем я, не таясь, выехал через главные ворота с мерлином на руке. В другое время я рискнул бы сунуться с той стороны, отговорившись тем, что потерял сокола и весь день его искал. Но не сегодня. Некому ждать меня, чтобы впустить через скотный двор...

Несмотря на то что надо было спешить, я заставил застоявшегося пони идти шагом и потихоньку проехал вдоль стены в сторону моста. Он и дорога, ведущая к нему, кишели народом. Там было светло и шумно, и за несколько минут, что я смотрел на мост, по нему дважды проносился всадник, спешащий на юг.

Над дорожкой, ведущей вдоль реки, нависали сырые и голые деревья сада. У стены был неглубокий ров, и из-за нее высовывались ветви, с которых капало. Я слез с пони, подвел его к наклонившейся яблоне и привязал. Потом снова взобрался в седло, неловко встал на ноги, постоял, пытаясь утвердиться, подпрыгнул и ухватился за сук.

Сук был мокрый, скользкий, одна рука сорвалась, но вторая удержалась. Я подтянулся, забросил ноги на сук и через несколько мгновений перебрался через стену и спрыгнул в траву.

Слева была высокая стена, за ней — личный сад деда, справа — голубятня и терраса, где, бывало, сиживала Моравик со своим веретеном. Прямо передо мной были помещения для слуг. Я с облегчением увидел, что там темно. Светло и шумно было слева, за стеной, в самом дворце. Еще дальше, приглушенный шелестом дождя, шумел город.

В моем окне света не было. Я бросился туда.

На что я не рассчитывал — это на то, что они принесут его сюда, в комнату, где он жил. Его тюфяк лежал не у двери, как обычно, а там, где раньше — в углу, рядом с моей кроватью. Здесь не было ни пурпура, ни факелов; он лежал так, как его приволокли и швырнули. В полутьме я видел лишь силуэт неуклюже распростертого тела. Одна рука была откинута в сторону. Было слишком темно, чтобы разглядеть, как он умер.

Я наклонился и взял его за руку. Рука была холодной, тело уже начинало коченеть. Я бережно уложил его руку вдоль тела, потом подбежал к кровати, сорвал с нее покрывало — хорошее, шерстяное — и укрыл им Кердика. Потом насторожился: вдале-

ке раздался мужской голос, который что-то спрашивал, в конце колоннады послышались шаги. Другой голос ответил:

— Нет, не проходил! Я следил за дверью. А пони на месте?

— Нет, нету! — И в ответ на еще какой-то вопрос: — Да нет, далеко уехать не мог. Он часто возвращается поздно. Чего? Да, ладно!

Быстрые удаляющиеся шаги. Тишина.

Где-то в колоннаде висела лампа. Сквозь дверь проникало достаточно света. Я бесшумно поднял крышку своего сундука, достал оттуда свою одежду — все, что у меня было,— свой лучший плащ и пару запасных сандалий. Я запихал все это в мешок, вместе с прочими своими драгоценностями — костяным гребнем, парой фибул и сердоликовой пряжкой. Это можно будет продать. Я влез на кровать и выбросил мешок в окно. Потом подбежал к Кердику, откинул покрывало и, встав на колени, пошарил у бедра. Они оставили ему его кинжал. Я потянул пряжку — пальцы не слушались, и не только потому, что было темно,— и отстегнул кинжал вместе с поясом. Длинный мужской кинжал, в два раза длиннее моего собственного, и остро заточенный. Свой кинжал я положил на тюфяк рядом с Кердиком. Он мог понадобиться ему там, куда он отправился. Впрочем, вряд ли — Кердик всегда отлично справлялся голыми руками.

Теперь я был готов. Я постоял над ним — но вместо темной комнаты видел, словно в сверкающем кристалле, покои моего деда. Факелы, стража, пурпур... А здесь — лишь тьма. Собачья смерть. Рабская смерть...

— Кердик!

Я произнес это вслух. Я уже не плакал. С этим было кончено.

— Покойся в мире, Кердик. Я провожу тебя, как ты хотел. По-королевски!

Я подбежал к двери, прислушался и выскользнул в колоннаду. Там никого не было. Я снял с крюка лампу. Она была тяжелая, и масло выплеснулось через край. Ну да, конечно; он ведь только сегодня наполнил ее.

Вернувшись в комнату, я поднес лампу к тюфяку. Теперь я увидел, как он умер. Этого я не предвидел. Ему перерезали горло.

Даже если бы я и не собирался этого делать, это вышло бы само собой. Рука у меня дрогнула, и горячее масло выплеснулось на покрывало. Кусок фитиля отвалился, упал в масло, зашипел, огонь занялся... Я опрокинул лампу над телом, и пять секунд —

пять долгих секунд — смотрел, как огонь разбегался по покрывалу и взметнулся ярким пламенем.

— Отправляйся к своим богам, Кердик! — сказал я и бросился к окну.

Я приземлился на свой мешок и растянулся в мокрой траве. Потом подхватил вещи и побежал к стене.

Чтобы не напугать пони, я выбрал место в нескольких ярдах от яблони и перебросил мешок через стену в ров. Потом взобрался на яблоню и перебрался с нее на стену.

Усевшись на стену верхом, я оглянулся назад. Пожар разгорался. В моем окне полыхало пламя. Пока что еще никто не поднял тревогу, но вскоре пламя заметят или кто-нибудь почует запах дыма. Я повисел на руках, потом спрыгнул в траву. Когда я вставал, из темноты на меня набросилась какая-то тень.

Тяжелый мужчина придавил меня к грязной траве своим весом. Я хотел было закричать — но мне зажали рот ладонью. Рядом послышались быстрые шаги, звук обнажаемой стали. Повелительный мужской голос, на бретонском:

— Погоди. Надо сперва расспросить его.

Я лежал тихо. Это было нетрудно — не только потому, что нападающий едва не раздавил меня, но и потому, что я чувствовал у горла острие ножа. Когда второй заговорил, тот, что схватил меня, удивленно заворчал, но приподнялся и отвел лезвие — всего на пару дюймов.

— Это всего-навсего мальчишка! — сказал он. Его тон был чем-то средним между удивлением и пренебрежением.— Помалкивай, ты,— это уже мне, по-валлийски,— а не то я тебе вмиг глотку перережу! Понял?

Я кивнул. Он отвел руку от моего рта, встал, поднял меня на ноги и прислонил к стене, уткнув нож мне под ключицу.

— Что все это значит? Почему ты сигаешь через стену, словно крыса, за которой гонятся собаки? Воровал, а? Выкладывай, ты, крысеныш, пока я тебя не придушил!

Он тряс меня так, словно я и в самом деле был крысой.

— Ничего! — выдохнул я.— Я не сделал ничего плохого! Отпустите меня!

— Вот мешок, который он перебросил через стену,— тихо сказал из темноты второй.— Тут полно всякого добра.

— Что там? — поинтересовался тот, что держал меня.— Тихо, ты! — Это уже мне.

Я не нуждался в его предупреждениях. Из-за стены тянуло дымом. Я уже видел отблески пожара. Похоже, занялся потолок. Я старался поглубже вжаться в стену.

Другой изучал мой мешок.

— Одежда... сандалии... похоже, какие-то драгоценности...

Он вышел на дорожку. Теперь, когда мои глаза привыкли к темноте, я смог разглядеть его. Щуплый человечек, похожий на хорька, ссутуленные плечи, узкое, острое лицо, взлохмаченные волосы... *Я его никогда не встречал.*

Я вздохнул с облегчением.

— Так вы не из дворца! Но тогда кто же вы? И что вам здесь надо?

Похожий на хорька перестал рыться в моем мешке и поднял голову.

— Не твое дело! — буркнул державший меня здоровяк.— Вопросы будем задавать мы. А почему это ты так боишься людей короля? Ты их что, всех знаешь?

— Конечно! Я ведь живу во дворце. Я... я раб.

— Маррик,— выпалил Хорек,— глянь, там пожар! Дворец гудит, как осиное гнездо. Нечего тратить время на этого беглого крысеныша. Перережь ему глотку, и давай смываться, пока можно.

— Погоди,— сказал здоровяк.— Может, он что-нибудь знает. Слушай, ты...

— Зачем мне что-то вам рассказывать, если вы все равно перережете мне глотку? — сказал я.— Кто вы такие?

Он внезапно опустил голову и заглянул мне в лицо.

— С чего это ты вдруг расхрабрился, а? Кто мы такие — не твое дело. Раб, значит? Сбежать решил?

— Да.

— Воровал?

— Нет.

— Нет? А драгоценности? А это? Это не похоже на плащ раба.— И он сильнее ткнул меня кинжалом.

Я еще теснее прижался к стене.

— А пони? Давай выкладывай!

— Ну, ладно...— Я отчаянно надеялся, что теперь мой голос звучит угрюмо и испуганно, как подобает рабу.— Я в самом деле кое-что прихватил. А пони — принца, Мирддина. Я... я его нашел. Он бродил тут неподалеку. Правда, сударь! Принц уехал днем и до сих пор не вернулся. Пони, наверно, сбросил его.

Всадник он хреновый. Я... мне повезло. Его еще долго не хватятся, а я к тому времени буду уже далеко.

Я умоляюще схватил его за рукав.

— Пожалуйста, сударь, отпустите меня! Пожалуйста! Ну что я вам сделал?..

— Маррик, ради всего святого! Времени же нет!

Пожар уже разгорелся вовсю, пламя вздымалось над крышей. Из дворца слышались крики. Хорек потянул того, что держал меня, за руку.

— Отлив уже начался. Кто его знает, может, он и вообще не пришел, по такой-то погоде. Слышь, шум какой — они в любую минуту могут появиться здесь!

— Не могут,— сказал я.— Не до того им будет. Они пожар будут тушить. Огонь уже здорово разгорелся, когда я уходил.

— Когда ты уходил? — Маррик не двинулся с места. Он уставился на меня и чуть ослабил хватку.— Так это ты поджег дворец?

— Да.

Теперь оба они, даже Хорек, смотрели на меня.

— Зачем?

— Потому что я их ненавижу. Они убили моего друга.

— Кто — они?

— Камлах и его люди. Новый король.

Наступила короткая пауза. Теперь я мог лучше разглядеть Маррика.

Высокий, дородный мужчина, с лохматыми темными волосами и черными глазами, которые блестели в свете пожара.

— Если бы я остался, они бы убили и меня тоже,— добавил я.— Поэтому я поджег дворец и сбежал. А теперь, пожалуйста, отпустите меня!

— Зачем это им убивать тебя? То есть теперь-то, конечно, понятно, зачем — вон как полыхает,— а до того зачем? Что ты такого сделал?

— Ничего. Но я прислуживал старому королю, и... думаю, я слишком много знаю. Рабы ведь все слышат. И Камлах может решить, что я слишком опасен. У него есть свои планы, и я знаю о них. Поверьте мне, сударь,— сказал я с самым честным видом,— я служил бы ему так же верно, как старому королю, но теперь, когда они убили моего друга...

— Какого друга? Почему?

— Другого раба, сакса. Его звали Кердик. Он пролил масло на лестнице, а старый король поскользнулся и упал. Это случайно вышло, а они перерезали ему глотку!

Маррик обернулся к другому.

— Слыхал, Ханно? Это похоже на правду! Я сам слышал об этом в городе. Ладно,— обратился он ко мне,— рассказывай. Ты знаешь о планах Камлаха?

Но тут снова вмешался Ханно, на этот раз уже в полном отчаянии:

— Маррик! Ради всего святого! Если ты думаешь, что ему есть что рассказать, давай возьмем его с собой! Он может говорить и в лодке, так? Я тебе говорю, если мы проторчим тут еще немного, мы прозеваем отлив и он уйдет! Я нюхом чую, что идет скверная погода, и наверняка знаю, что они ждать не станут! — И добавил по-бретонски: — А утопить его мы всегда успеем.

— В лодке? — переспросил я.— Вы что, по реке поплывете?

— А куда же нам, по-твоему, еще деваться? Не по дороге же! Ты глянь, что на мосту делается! — Маррик мотнул головой в ту сторону.— Ладно, Ханно. Собирайся. Пошли.

И он потащил меня по дорожке. Я уперся.

— Куда вы меня ведете?

— Это наше дело. Плавать умеешь?

— Нет.

Он рассмеялся себе под нос. Нельзя сказать, чтобы это добавило мне спокойствия.

— Ну, тогда тебе без разницы, куда мы поплывем. Пошли!

Он снова зажал мне рот ладонью, перекинул меня через плечо, словно я был не тяжелее своего собственного мешка, и зашагал вниз, к маслянисто-черной глади реки.

Лодка оказалась маленьким кожаным челноком, припрятанным под обрывом. Ханно уже спихнул ее в воду. Маррик тяжело спустился вниз, несколько раз поскользнувшись, бросил меня в утлое суденышко и сам забрался следом. Когда лодка отчалила от берега, Маррик снова приставил мне к шее нож.

— Чуешь? Ну вот. Так что попридержи язык, пока не минуем мост.

Ханно оттолкнулся веслом и направил лодку на стремнину. В нескольких футах от берега река подхватила нас, и мы понеслись вниз по течению. Ханно пригнулся к веслу, правя в южную арку моста.

Маррик не выпускал меня. Я сидел, глядя вперед. В тот момент, когда поток понес нас к югу, я услышал, как наверху, почуяв дым, отчаянно заржал Астер. В свете разгулявшегося пожара я увидел, как пони, волоча оборванный повод, вынырнул из тени стены и пронесся по тропе, словно призрак. Несмотря на пожар, он бежал к воротам, к конюшне. Интересно, что они подумают и где станут искать меня? Кердик, наверно, уже сгорел. И моя комната с расписным сундуком, и покрывало, подобающее принцу... Может, они решат, что я нашел тело Кердика и в ужасе уронил лампу? И что мое собственное тело лежит там, сгоревшее без остатка, в развалинах крыла, где жили слуги? Впрочем, все это было уже неважно. Кердик ушел к своим богам, а я, похоже, отправлялся к своему.

Глава 12

Черная арка моста накрыла лодку и осталась позади. Мы летели вниз по течению. Отлив почти кончался, но нас несло довольно быстро. В воздухе посвежело, и лодку начало болтать.

Маррик убрал нож от моей шеи и сказал:

— Ладно, пока все в порядке. Этот пожар нам здорово подсобил. На реку никто и не смотрел. Так что нас точно не заметили. А теперь, парень, давай выкладывай все, что знаешь. Как тебя звать?

— Мирддин Эмрис.

— И ты говоришь, что ты... эй, погоди-ка! Как ты сказал? Мирддин? Не бастард, случаем?

— Да.

Он со свистом выпустил воздух сквозь зубы, и Ханно на миг перестал грести. Лодка тут же завертелась, и он поспешно снова погрузил весло в воду.

— Слыхал, Ханно? Это бастард! Клянусь подземными духами! Что ж ты тогда сказал нам, что ты раб?

— Я же не знал, кто вы такие. Вы меня не узнали, и я подумал, что, если вы просто воры или люди Вортимера, вы меня отпустите.

— Мешок, пони и все прочее... Ты что, в самом деле собрался бежать? Хм,— задумчиво добавил он,— впрочем, если все то, что рассказывают,— правда, в этом нет ничего удивительного. Но зачем же ты дворец-то поджег?

— Тут я вам тоже сказал правду. Камлах убил моего друга, Кердика-сакса, хотя он не сделал ничего, что заслуживало бы смерти. Я думаю, они убили его только потому, что Кердик был мой, и рассчитывали воспользоваться этим против меня. Они положили его тело в моей комнате, так чтобы я нашел. И я поджег комнату. Его народ считает, что уходить к богам нужно в огне.

— А всех остальных, кто был во дворце, надо отправить к черту?

— В крыле слуг никого не было,— безразлично ответил я.— Они все либо ужинали, либо искали меня или прислуживали Камлаху. Удивительно — а может, и нет,— как быстро люди привыкают к новым хозяевам! Я думаю, пожар потушат прежде, чем он доберется до королевских покоев.

С минуту Маррик молча смотрел на меня. Отлив все еще нес нас в море, мы были уже в самом устье. Ханно почему-то даже не пытался отгрести к противоположному берегу. Я плотнее закутался в плащ. Мне стало холодно.

— И к кому же ты собирался бежать? — спросил Маррик.

— Ни к кому.

— Слушай, парень, я хочу знать правду! Не то живо отправишься за борт, будь ты хоть трижды принцем! Понял? Ты бы и недели не протянул, если бы не пристроился к кому-нибудь на службу. Кто был у тебя на уме? Вортигерн?

— Это было бы более чем разумно. Поскольку Камлах решил переметнуться к Вортимеру...

— Что-о? — резко переспросил он.— Ты уверен?

— Совершенно уверен. Он давно носился с этой идеей и ссорился из-за этого со старым королем. Я думаю, он со своими приспешниками все равно бы уехал. Ну а теперь он может взять с собой все королевство, так что Вортигерну туда ходу уже не будет.

— А кому будет?

— Про это я ничего не знаю. А кто у нас есть? Сами понимаете, он не очень-то распространялся об этом до сегодняшнего вечера, когда его отец, старый король, умер.

— Хм.

Маррик поразмыслил.

— Но ведь у старого короля вроде бы есть еще один сын. Так что если знать не захочет союза с Вортимером...

— Это младенец-то? Ты, должно быть, малость рехнулся. У Камлаха есть хороший пример: Вортимер не был бы тем, что он сейчас, если бы его отец в свое время сделал то, что сделает Камлах.

— И что же он сделает?

— А то сам не знаешь? Послушай, а почему я вообще должен вам что-то рассказывать? Сперва скажите, кто вы такие! По-моему, сейчас самое время.

Маррик не обратил на это внимания. Он задумался.

— Похоже, ты довольно много знаешь. Сколько тебе лет?

— Двенадцать. В сентябре будет тринадцать. Но для того чтобы знать о планах Камлаха насчет Вортимера, много ума не надо. Я сам слышал, как он говорил об этом.

— Клянусь Быком! В самом деле? А что еще ты слышал?

— Много чего. Я всегда путался под ногами. На меня никто не обращал внимания. Но теперь моя мать уходит в обитель, и моя жизнь не будет стоить и сушеной фиги, так что я решил сбежать.

— К Вортигерну?

— Понятия не имею,— честно ответил я.— Я... у меня не было никаких особых планов. Может, в конце концов я и впрямь попал бы к Вортигерну. Другого ведь выбора не было — либо он, либо саксонские волки, которые держат нас за глотку и норовят растерзать и сожрать всю Британию. Кто у нас есть еще?

— Ну а Амброзий? — спросил Маррик.

Я рассмеялся.

— О, конечно, Амброзий! Я думал, ты серьезно. Я знаю, что вы из Малой Британии — это по выговору заметно,— но...

— Ты спрашивал, кто мы такие. Мы люди Амброзия.

Наступило молчание. Я только теперь обнаружил, что берегов не видно. Далеко на севере во тьме горел огонек — маяк. Дождь перестал незадолго до того. Теперь сделалось холодно, ветер дул с берега, и море было неспокойно. Лодочка ныряла и взлетала на волнах. Я ощутил первый приступ морской болезни. Я схватился за живот, пытаясь защититься от холода и спазмов, и резко спросил:

— Люди Амброзия? Значит, вы его шпионы?

— Скажем так, преданные люди.

— Значит, это правда, что он сидит в Малой Британии и ждет своего часа?

— Да, это правда.

— Вы едете туда? — в ужасе спросил я.— Неужто вы собираетесь доплыть туда в этой лодчонке?

Маррик расхохотался. Ханно кисло заметил:

— Похоже, придется, если корабль ушел.

— Какой же корабль зимой? — удивился я.— В такую погоду корабли не ходят!

— Корабли ходят в любую погоду, если морякам хорошо заплатят,— сухо ответил Маррик.— Амброзий платит. Так что корабль должен быть на месте.

Его тяжелая рука опустилась на мое плечо — впрочем, довольно мягко.

— Ладно, речь не об этом. Есть еще кое-что, что я хочу знать.

Я скрючился, держась за живот и жадно хватая ртом холодный воздух.

— Мне, конечно, есть о чем рассказать. Но если вы выкинете меня за борт, я ничего не потеряю, если ничего не скажу, не правда ли? Так что я лучше придержу свои сведения при себе. Или посмотрю, не согласится ли Амброзий заплатить за них. А ваш корабль — вон он. Смотрите! Вы, должно быть, ослепли, если его не видите. А теперь отвяжитесь от меня. Мне плохо.

Я услышал, как Маррик тихо рассмеялся себе под нос.

— А у тебя трезвая голова, малый! Да, вон корабль. Теперь я его тоже вижу. Ладно, принимая во внимание, кто ты такой, мы, пожалуй, возьмем тебя с собой. И не только поэтому. Хочешь знать, почему еще? Мне понравилось то, что ты говорил о своем друге. Это было похоже на правду. Стало быть, ты умеешь хранить верность? И у тебя, судя по всему, нет причин хранить верность Камлаху или Вортигерну. Будешь ли ты верен Амброзию?

— Я узнаю это, когда увижу его.

Он дал мне тумака, так что я растянулся на дне лодки.

— Слушай, ты! Принц ты или нет, а об Амброзии изволь говорить с уважением! Многие сотни людей считают его своим законным королем!

Я снова поднялся. Меня тошнило. Нас тихо окликнули, и в следующий миг над нами выросла черная тень корабля.

— Если он мужчина, этого довольно,— сказал я.

Кораблик был маленький и низко сидел в воде. Света на нем не было, и он казался тенью посреди черного моря. Я видел лишь силуэт раскачивающейся мачты (это зрелище вызвало у меня новый приступ тошноты) на фоне низких рваных облаков, которые были лишь немногим светлее черного ночного неба. Корабль был похож на те торговые суда, что приходили в Маридунум летом, но мне показалось, что он выстроен более тщательно и прочно.

Маррик ответил тем, кто окликнул нас с корабля. С борта упала веревка. Ханно поймал ее и привязал к носу лодки.

— Давай лезь. Ты ведь умеешь лазить по канату?

Мне кое-как удалось подняться на ноги. Челнок раскачивался. Веревка была мокрая и дергалась. Сверху нетерпеливо окликнули:

— Вы, там! Поторапливайтесь! Нам повезет, если мы благополучно вернемся домой. Идет непогода!

— Лезь, черт бы тебя побрал! — сказал Маррик и ткнул меня в спину.

Большего мне не потребовалось. Мои руки обмякли, соскользнули с веревки, и я рухнул на борт лодчонки, да так и остался висеть над водой. Я задыхался, меня выворачивало, и сейчас меня меньше всего волновала как судьба Британии, так и моя собственная. Если бы меня пырнули ножом или выкинули за борт, я, пожалуй, и не заметил бы — разве что приветствовал бы смерть как избавление. Я висел на борту, как мешок с тряпьем, и блевал.

Что было потом — я почти не помню. Мои похитители ругались на чем свет стоит, и Ханно, помнится, советовал Маррику бросить это дело и швырнуть меня за борт. Но меня все же подняли и каким-то образом передали наверх, а там меня подхватили и вытащили на палубу. Потом кто-то наполовину отвел, наполовину отволок меня в трюм и швырнул на кучу тряпок рядом с ведром, там, где воздух из открытой отдушины обвевал мое потное лицо.

По-моему, путешествие заняло четыре дня. Непогода действительно была, но мы наконец оставили ее позади и пошли на хорошей скорости. Я все это время валялся внизу, под отдушиной, кутаясь в одеяла и боясь поднять голову. Через некоторое время мне малость полегчало, но, наверно, двигаться я бы все равно не смог. По счастью, никто и не пытался меня заставить.

Один раз Маррик спустился вниз. Я видел это смутно, как во сне. Он переступил через кучу старых якорных цепей, подошел

и встал надо мной. Его огромная фигура наклонилась. Он всмотрелся в меня, потом покачал головой.

— Подумать только, а я-то решил, что нам повезло, что мы тебя подцепили! Надо было сразу выкинуть тебя за борт — от скольких хлопот бы избавились! А ведь тебе на самом деле и рассказать-то больше особенно нечего, а?

Я не ответил.

Он издал ворчание, смахивающее на смех, и вышел. Я уснул, совершенно обессиленный. Когда я проснулся, то обнаружил, что с меня стащили мокрый плащ, тунику и сандалии, вытерли и закутали в сухие одеяла. У изголовья стоял кувшин с водой, заткнутый тряпкой, и лежала краюха ячменного хлеба. Я не мог ни есть, ни пить, но счел это за добрый знак. И уснул снова.

А потом в один прекрасный день, уже в сумерках, впереди показался Дикий берег, и корабль бросил якорь в спокойных водах Морбигана, который люди зовут еще Малым морем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОКОЛ

Глава 1

Я узнал о том, что мы пристали к берегу, только когда пробудился от тяжкого сна от голосов у меня над головой.

— Если он говорит правду, тогда ладно. Но ты действительно веришь, что принц — пусть даже бастард — может ходить в таком тряпье? Все драное, грязное, даже пряжка на поясе простая, не позолоченная, а сандалии! Ты посмотри на эти сандалии! Плащ, конечно, приличный, но он же рваный! Нет, я все-таки больше верю той истории, что он рассказал сначала. Это всего-навсего раб, который решил сбежать и прихватил с собой вещи хозяина.

Голос принадлежал Ханно, и говорил он по-бретонски. По счастью, я лежал к ним спиной, свернувшись клубком под одеялом. Так что мне не составило труда сделать вид, что я сплю. Я лежал неподвижно и старался дышать ровно.

— Нет, это точно бастард — я встречал его в городе. Я бы его и раньше признал, если бы там было посветлее.

Другой голос, более низкий,— это Маррик:

— В любом случае неважно, кто он такой, раб или принц-бастард,— главное, что он многое знает о том, что происходит во дворце, и Амброзий наверняка захочет его выслушать. А парень, похоже, толковый. Нет, он и в самом деле тот, за кого себя выдает. Таким манерам и разговору на кухне не выучишься.

— Да, но...

Ханно произнес это таким тоном, что у меня по спине поползли мурашки. Я лежал тихо как мышь.

— Но что?

Хорек еще больше понизил голос:

— Может быть, если нам удастся заставить его говорить... Нет, взгляни на дело так: все, что он рассказал нам про короля Камлаха и прочее,— если мы сделаем вид, что добыли эти сведения сами, нам бы за них неплохо заплатили, а? Как ты думаешь?

— Ну да, а потом он выберется на берег и расскажет, откуда он? — проворчал Маррик.— Дойдет еще до Амброзия... А до него непременно дойдет. Он все знает.

— Дурачком прикидываешься? — прошипел Хорек.

Все, что я мог сделать,— это лежать тихо. Спина между лопатками похолодела, словно я уже ощущал прикосновение ножа.

— Да нет, я тебя понял. Но мне кажется, что...

— В Маридунуме никто не знает, куда он делся,— убеждал его Ханно горячим, торопливым шепотом.— А те, кто видел, как поднимали его на борт, решат, что мы увели его сейчас с собой. На самом деле мы так и сделаем. Возьмем его с собой. Дорога до города длинная...— Я услышал, как он сглотнул.— Я тебе с самого начала говорил: не стоило тратить деньги на то, чтобы тащить его с собой...

— Если мы собираемся избавиться от него прямо сейчас,— резко ответил Маррик,— тогда и в самом деле глупо было тратить на него деньги. Но пораскинь мозгами. Мы можем вернуть свои денежки — еще и с прибытком.

— И как же это?

— Ну, если парень действительно что-то знает, Амброзий нам деньги вернет, можешь быть уверен. А если он и в самом деле бастард — а я в этом уверен,— то мы окажемся с прибылью. Сыновья и внуки королей — добыча выгодная. Кому это знать, как не Амброзию?

— Амброзий поймет, что мальчишка не годится в заложники,— мрачно возразил Ханно.

— Откуда ты знаешь? А если он не понадобится Амброзию, тогда мы оставим мальчишку себе, продадим, а деньги поделим пополам. Так что оставь его. Живой, он хоть чего-то да стоит. Мертвый не будет стоить ни гроша, и выйдет, что мы только зря потратились.

Ханно потыкал меня ногой — нельзя сказать, чтобы особенно бережно.

— Сейчас он,- похоже, и так многого не стоит. Ты когда-нибудь видел такого дохляка? Брюхо нежное, как у девчонки. Как ты думаешь, он сможет идти?

— Сейчас узнаем,— сказал Маррик и встряхнул меня.— Эй, парень, вставай!

Я застонал, медленно повернулся и показал им свое лицо — достаточно зеленое, как я надеялся.

— В чем дело? Уже приехали? — спросил я по-валлийски.

— Приехали. Давай поднимайся. Мы идем на берег.

Я застонал снова, еще жалостнее, и схватился за живот.

— О господи! Нет! Оставьте меня в покое!

— Ведро воды на голову,— предложил Ханно.

Маррик выпрямился.

— Некогда.— Он снова говорил по-бретонски.— Похоже, его придется тащить. Не стоит с ним возиться. Нам надо попасть к графу. Не забывай, сегодня ночь собрания. Он уже знает, что корабль в гавани, и захочет видеть нас перед тем, как уходить. Лучше доложиться ему, а то могут быть неприятности. Оставим мальчишку пока что здесь. Можно его запереть и сказать часовому, чтобы присматривал за ним. Мы вернемся еще до полуночи.

— То есть ты вернешься,— кисло заметил Ханно.— У меня-то ведь дело, которое ждать не будет, ты же знаешь.

— Амброзий тоже ждать не будет. Так что если хочешь получить свои денежки, тебе стоит поторопиться. Разгрузка уже наполовину закончилась. Кто там на страже?

Ханно что-то ответил, но скрип тяжелой двери, закрывавшейся за ними, и грохот задвигаемого засова заглушили его слова. Я услышал, как засов закрепили клиньями, потом их шаги и голоса потерялись в шуме разгрузки, от которой трясся весь корабль: визг лебедок, крики людей над головой и в нескольких ярдах в стороне, на берегу, шипение и скрип канатов, грохот тюков и ящиков, швыряемых на причал.

Я отбросил одеяла и сел. Теперь, когда эта ужасная болтанка прекратилась и я снова мог твердо стоять на ногах, я чувствовал себя вполне прилично. Я ощущал себя каким-то пустым, легким и очищенным изнутри, и это давало мне странное чувство удовлетворения — непривычное, слегка нереальное ощущение, какое испытываешь, когда летаешь во сне. Я сел на корточки и огляделся.

На причале висели фонари, при свете которых работали грузчики, и свет фонарей вливался через маленькую квадратную отдушину. Я увидел рядом с собой все тот же широкогорлый кувшин и новую краюху ячменного хлеба. Я вытащил из кувшина затычку и осторожно попробовал воду. Она пахла плесенью и тряпкой, но пить ее было можно; с ее помощью я избавился от металлического привкуса во рту. Хлеб оказался твердым, как камень, но я размочил его в воде, и наконец мне удалось отломить кусочек. Потом я встал, чтобы выглянуть в отдушину.

Для этого мне пришлось уцепиться за подоконник и подтянуться на руках. Ногой я уперся в одну из распорок, шедших вдоль переборки. Судя по форме моей тюрьмы, я догадывался, что она расположена на носу.

Теперь я убедился, что так оно и есть. Корабль был причален бортом к каменной пристани, где стояло два столба с фонарями, и при свете этих фонарей человек двадцать солдат разгружали с корабля тюки и тяжелые ящики. За пристанью виднелись ряды прочных на вид строений — видимо, склады. Но похоже, сегодня груз собирались везти куда-то еще. За столбами стояли телеги, запряженные терпеливыми мулами. Люди на телегах были в форме, при оружии, и за разгрузкой надзирал командир. Корабль находился ближе всего к пристани, посередине, там, где был трап.

Передний причальный канат шел у меня над головой от перил к пристани, и нос отстоял от земли довольно далеко, так что между мною и берегом было футов пятнадцать воды. С этой стороны фонарей не было; канат уходил в спасительную темноту, за которой виднелись лишь еще более темные очертания построек. Но я решил, что надо подождать, пока не закончится разгрузка и телеги не уедут вместе с солдатами. Когда на корабле останется лишь часовой и, возможно, даже фонари погасят, тогда-то я и сбегу отсюда.

А выбраться с корабля надо непременно. Если я останусь здесь, мне придется надеяться лишь на добрую волю Маррика, а она, в свою очередь, зависит от исхода их беседы с Амброзием. А если Маррик по какой-то причине не сможет вернуться и придет один только Ханно...

К тому же я был голоден. Вода и каменная горбушка хлеба, размоченная в воде, пробудили во мне зверский аппетит, и мысль, что придется ждать еще несколько часов, прежде чем кто-нибудь

вернется за мной, была просто невыносима, даже если забыть о том, чем могло мне грозить возвращение моих похитителей. И даже в лучшем случае, если Амброзий действительно пришлет за мной, на что я могу рассчитывать после того, как он вытянет из меня все, что хочет знать? Мне, конечно, удалось пустить пыль в глаза его шпионам, но ведь на самом-то деле сведения мои были весьма скудными. А как заложник я бесполезен. Даже Ханно об этом догадался, а уж Амброзий будет знать это наверняка. Мое полукоролевское происхождение могло произвести впечатление на Ханно с Марриком, но вряд ли внук союзника Вортигерна и племянник союзника Вортимера может пробудить симпатию у Амброзия. В лучшем случае мне светит рабство, а в худшем — бесславная смерть.

И я не собирался дожидаться ни того ни другого. Ведь отдушина была открыта, а над моей головой к причальной тумбе на берегу тянулся слегка провисший канат. Видимо, шпионам не приходилось прежде иметь дела с пленниками такого роста, как я, потому что они даже не подумали об отдушине. Ни один взрослый мужчина, даже тощий Ханно, в нее бы не протиснулся. Но мальчишка пролезть мог. К тому же даже если это и пришло им в голову, они подумали, что берег довольно далеко, а плавать я не умею. А про канат забыли. Но я осмотрел его, осторожно высунувшись из отдушины, и решил, что канат меня выдержит. Если по нему ползают крысы — один здоровенный крысюк, разжиревший на объедках, пробежал по канату у меня на глазах,— то и я проползу.

Но надо подождать. А пока... Снаружи холодно, а я голый. Я опустился на пол и принялся разыскивать свои вещи.

Свет от фонарей был слабым, но этого хватило. Я хорошо видел свою маленькую темницу: в углу — одеяла на куче старых мешков, служивших мне постелью; у переборки — покоробленный и растрескавшийся матросский сундук; куча ржавых цепей, таких тяжелых, что я не смог бы даже приподнять их; кувшин с водой, и в дальнем углу — то есть в двух шагах — вонючее ведро, до половины наполненное блевотиной. И больше ничего. Возможно, Маррик стащил с меня мокрую одежду по доброте душевной, но забыл ее вернуть, или они нарочно спрятали ее, именно затем, чтобы я не сбежал.

На то, чтобы обыскать сундук, хватило пяти секунд. Там не было ничего, кроме табличек для письма, бронзовой чашки и

кожаных ремешков от сандалий. «Ну что ж,— подумал я, аккуратно опуская крышку,— по крайней мере, сандалии они мне оставили». Не то чтобы я не привык ходить босиком, но зимой, по дороге... Так или иначе, надо было бежать. Предосторожности Маррика убедили меня в этом еще больше.

Что мне делать, куда деваться — я не имел ни малейшего понятия. Но Бог вырвал меня из рук Камлаха и переправил через Узкое море, и я верил своей судьбе. Я рассчитывал подобраться к Амброзию и разузнать, что он за человек, а вот тогда, если решу, что у него можно найти покровительство — или хотя бы милосердие,— я приду к нему, расскажу о себе и предложу свои услуги. Мне даже не пришло в голову, что несколько нелепо ожидать, что принц возьмет к себе в свиту двенадцатилетнего мальчишку. Ну а если с Амброзием ничего не выйдет... Помнится, у меня были туманные идеи насчет того, чтобы попробовать пробраться в деревню к северу от Керрека, откуда была родом Моравик, и разыскать ее родичей.

Мешки, на которых я лежал, были старые и полугнилые. И я легко разорвал один из них по швам, так, чтобы просунуть руки и голову. Одеяние вышло неописуемое, но оно все же хоть както защищало от холода. Я разодрал второй мешок и накинул его на голову. Третий был бы уже лишним. Я с тоской ощупал одеяла, но одеяла были добротные, новые, слишком толстые, чтобы их разорвать, а выбраться с корабля с одеялом под мышкой нечего было и думать. Поэтому я вздохнул и оставил их. Из пары кожаных шнурков вышел пояс. Я запихнул то, что осталось от краюхи, себе за пазуху, умылся остатками воды, потом снова подошел к отдушине, подтянулся и выглянул наружу.

Одеваясь, я слышал крики и топот, словно люди строились в колонну.

Теперь я увидел, что так оно и было. Солдаты с телегами уходили. Последняя, тяжело нагруженная, как раз со скрипом проезжала мимо строений, и возчик щелкал кнутом над спинами мулов. Слышался топот марширующих ног. Интересно, что они везут? Зерну сейчас не сезон; должно быть, железо или руду. Не зря его разгружали солдаты и в город везут под конвоем. Топот и скрип телег затих вдали. Я осторожно огляделся. Фонари по-прежнему висели на столбах, но причал, насколько я мог видеть, был пуст. Пора выбираться отсюда, а то вдруг часовому придет в голову взглянуть на пленника!

Для шустрого, подвижного мальчишки это было легко. Скоро я уже свисал из отдушины — тело снаружи, ноги изнутри упираются в распорку — и тянулся к канату. Был один неприятный момент, когда я обнаружил, что не достаю до каната, и для того, чтобы дотянуться до него, придется встать и как-то зацепиться за корпус корабля, повиснув над черной бездной между бортом и причалом, в которой плескалась маслянистая вода, облизывая каменную набережную. Но мне все же удалось сделать это. Я цеплялся за обшивку, словно крыса, выбирающаяся на берег, и наконец вытянулся и ухватился за канат. Канат был толстый и сухой, и шел вниз, к причальной тумбе на пристани. Я взялся за него обеими руками, развернувшись лицом к берегу, потом вытащил ноги из отдушины и кинул их на канат.

Я собирался потихоньку спуститься, перебирая руками по канату, и незаметно скрыться в тени. Но я никогда раньше не имел дела с кораблями и не знал, как легко сдвинуть с места такое маленькое суденышко. Когда я повис на веревке, моего малого веса оказалось достаточно, чтобы кораблик резко дернулся к причалу. Натяжение ослабло, канат провис под моим весом, и я рухнул вниз. Только что я, как мартышка, висел на горизонтально натянутом канате — и вдруг он сделался вертикальным. Мои ноги соскользнули с веревки, руки мои были слишком слабы, чтобы выдержать мой вес,— и я заскользил вниз вдоль борта, словно бусина по нитке.

Если бы корабль двигался медленнее, меня бы просто-напросто раздавило в лепешку между бортом и набережной либо я ушел бы под воду, достигнув конца веревки. Но кораблик рванулся к берегу, словно вспугнутый конь. Когда он ударился о пристань, я все еще был выше ее. От удара я выпустил из рук веревку и полетел вперед. Я едва не врезался в тумбу и неуклюже плюхнулся на закаменевшую от мороза землю в тени стены склада.

Глава 2

Соображать, цел ли я, было некогда. Я уже слышал шлепанье босых ног по палубе — это часовой выбежал поглядеть, что случилось. Я покатился по земле, тут же вскочил на ноги и бросился бежать, прежде чем над бортом показался прыгающий огонек его фонаря. Я слышал, как часовой что-то крикнул, но я уже свернул за угол и был уверен, что он не заметил меня.

Даже если и заметил, все равно мне ничего не грозит. Он сперва спустится вниз, проверить запоры, и даже если обнаружит, что меня нет, вряд ли решится оставить корабль. Поэтому я на несколько секунд остановился и прислонился к стене, зализывая ободранные канатом ладони и выжидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Поскольку в трюме и так было почти темно, много времени это не заняло. Я быстро огляделся, чтобы понять, где я нахожусь.

Строение, за которым я прятался, было последним в ряду, а за ним, на противоположной стороне от пристани, шла дорога, прямая лента, мощенная щебнем, уводившая к россыпи огней вдалеке. Это, несомненно, город. Ближе, там, где дорога скрывалась во тьме, виднелся еще один огонек, тусклый и мечущийся из стороны в сторону. Это, должно быть, фонарь на последней телеге. Вокруг все было тихо.

Если телеги сопровождает такой конвой, значит, груз почти наверняка принадлежит Амброзию и едут они к нему. Я понятия не имел, удастся ли мне добраться до него — или хотя бы пробраться в город либо в деревню, или что у них там; но сейчас все, что мне было нужно,— это найти что-нибудь поесть и теплое укрытие, куда можно забраться и переждать до утра. Когда я разберусь, где нахожусь, Бог, наверное, поведет меня и дальше.

Но ему придется позаботиться еще и о моем пропитании. Поначалу я рассчитывал продать одну из своих фибул и на эти деньги жить, но теперь, думал я, вприпрыжку догоняя обоз, мне, видимо, придется воровать. На самый худой конец у меня пока еще оставалась горбушка ржаного хлеба. Найти бы место, где укрыться до света... Если Амброзий сейчас действительно собирается на какое-то «собрание», как говорил Маррик, было бы крайней глупостью пытаться разыскать его сейчас и требовать встречи с ним. Я, конечно, был преисполнен сознания собственной значимости и все же не питал иллюзий насчет того, как обойдутся со мной солдаты Амброзия, если я заявлюсь туда в его отсутствие в таком виде. Дожить бы до утра, а там видно будет.

Было холодно. Изо рта у меня вырывались клубы пара. Луны не было, но звезды горели над головой, словно волчьи глаза. На камнях мостовой блестел иней; иней похрустывал впереди, под копытами и колесами. Ветра не было, и я согрелся, пока бежал, но к обозу приблизиться я не посмел, а телеги ехали медленно, поэтому время от времени мне приходилось задерживаться и выжидать, и тогда мороз пробирался под рваные мешки, я дрожал и обнимал себя за плечи, пытаясь согреться.

По счастью, там было где укрыться: вдоль дороги рос кустарник. Кусты клонились все в одну сторону, сгорбленные под ветром, вечно дующим с моря, словно тянулись за ним замерзшими пальцами. Над кустарниками возвышались огромные стоячие камни, темнеющие на фоне звездного неба. Увидев первый из них, я решил, что это огромный верстовой столб, но потом заметил и другие — целые ряды камней, торчащие из земли, как аллеи деревьев, спаленных молнией. Или как колоннады, где бродили боги — но не те боги, которых я знал. Звездный свет упал на грань камня, рядом с которым я остановился переждать, и мне бросилось в глаза какое-то изображение. Грубо высеченное в граните, в этом холодном свете оно казалось черным, как пятно сажи. Секира. О двух лезвиях. Стоячие камни уходили во тьму, словно ряды великанов. Обломок сухого стебля уколол мою голую ногу. Я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на секиру. Секира исчезла.

Я снова выбежал на дорогу, стиснув зубы, чтобы не дрожать.

Конечно, я дрожал от холода, но не только. Телеги были уже далеко, и я побежал за ними, держась полоски травы на обочине, хотя земля была почти такой же каменной, как щебень. Иней скрипел под моими сандалиями. Позади меня осталось безмолвное воинство камней, уходящих во тьму, а впереди были огни города и теплые дома, двигавшиеся мне навстречу. Наверное, впервые в своей жизни я, Мерлин, бежал к свету и людям, бежал от одиночества, словно оно было полно волчьих глаз, что гонят человека поближе к огню.

Город был обнесен стеной. Ну еще бы, так близко от моря! Высокий земляной вал, а наверху частокол. Перед валом был еще широкий ров, затянутый белым ледком. Лед был разбит, так что он бы меня не выдержал; я видел отражавшиеся в воде звезды и паутину черных трещин по белому стеклу. Трещины тоже начинали затягиваться тоненьким льдом.

Через ров к воротам вел деревянный мост. Перед мостом телеги остановились, и командир выехал вперед поговорить со стражниками. Солдаты стояли, как каменные, а мулы переминались с ноги на ногу, звеня удилами: чуяли впереди теплое стойло.

Если я и надеялся забраться в последнюю телегу и таким образом проехать в город, то эту мысль пришлось оставить. Всю

дорогу солдаты шли, растянувшись цепью по обе стороны, а командир ехал рядом, так, чтобы видеть весь обоз. Теперь же, отдав приказ двигаться вперед и сбить шаг на мосту, офицер развернул коня и пристроился в хвост колонны, за последней телегой.

Я мельком разглядел его лицо — человек средних лет, в дурном настроении, посиневший от холода. Нет, вряд ли у него хватит терпения меня выслушать. Скорее всего, он вообще не станет слушать.

Безопаснее будет остаться здесь, под звездами, среди шагающих великанов.

Обоз прошел. Ворота захлопнулись. Я услышал, как скрипнул засов.

Вдоль рва на восток вела тонкая, едва приметная тропка. Взглянув в ту сторону, я увидел вдалеке еще огоньки — достаточно далеко, чтобы это могла быть какая-нибудь ферма или же поселение за пределами городской стены.

Я рысцой побежал по тропинке, грызя на бегу свою горбушку.

Огни горели во внушительных размеров доме, выстроенном квадратом, так что двор был внутри. Сам дом, высотой в два этажа, составлял одну из стен двора. Другие три стены состояли из одноэтажных строений: бани, помещения для слуг, конюшни, хлев, пекарня. Все с высокими стенами и узкими окнами, до которых мне было не добраться. Внутрь вели ворота под аркой, и у ворот в стену на высоте человеческого роста была вбита скоба, в которой шипел и чадил отсыревший факел. Во дворе тоже горели огни, но не было слышно ни движения, ни голосов. Ворота, разумеется, были крепко-накрепко заперты.

Впрочем, туда бы я сунуться все равно не решился. Привратник бы меня точно пришиб. Я пошел вдоль стены, надеясь отыскать место, где можно пробраться внутрь. Третье окно принадлежало пекарне. Хлеб пекли давно, много часов назад, но я все равно забрался бы туда ради одного запаха, если бы окно не было узкой щелью, в которую даже мне было не пролезть.

Дальше — конюшня, за ней — хлев... Я чувствовал запахи лошадиного и коровьего навоза, аромат сена... Дальше был дом. В доме вообще не было ни одного окна, выходящего на улицу. В бане тоже. А потом я снова вышел к воротам.

Внезапно зазвенела цепь, и за воротами, всего в нескольких футах от меня, колокольным басом загавкал большой пес. Я, помнится, отскочил назад на добрый шаг и распластался по стене. Я услышал, как где-то рядом отворилась дверь и кто-то вышел. Лай перешел в рычание. Человек прислушался, потом что-то коротко сказал псу, и дверь захлопнулась. Пес поворчал, высунув нос из-под ворот и принюхиваясь, потом, волоча цепь, удалился в конуру и улегся, шурша соломой.

Нет, здесь мне убежища не найти. Я постоял, прижавшись спиной к холодной стене — она казалась все же теплее ледяного воздуха — и пытаясь сообразить, что делать. Теперь я так трясся от холода, что мне казалось, будто у меня стучат все кости. Я был уверен, что поступил правильно, сбежав с корабля, и потом тоже был прав, не попытавшись довериться солдатам, но теперь я размышлял, не стоит ли рискнуть постучать в ворота и попроситься на ночлег. Конечно, скорее всего меня вытурят как бродягу, но если я останусь на улице на всю ночь, к утру я могу замерзнуть насмерть!

И тут я увидел за пределами круга света, отбрасываемого факелом, темное строение — должно быть, загон для скота. Строение стояло шагах в двадцати, на краю поля, огороженного невысокой насыпью, поросшей колючим кустарником. Я услышал, как ворочается ночующая там скотина. По крайней мере, с коровами будет теплее, а если зубы перестанут стучать, я смогу съесть свой хлеб.

Я оторвался от стены. Я мог поклясться, что двигался совершенно бесшумно, но пес снова вылетел из своей конуры, гремя цепью, и опять поднял адский лай. На этот раз дверь распахнулась тотчас же, и я услышал во дворе шаги. Человек шел к воротам. Я услышал скрежет металла — видимо, он вынул оружие. Я было бросился бежать, но тут услышал то, что пес услыхал раньше меня. В морозном воздухе издалека слышался звонкий стук копыт. Кто-то едет. Галопом. В эту сторону.

Я тенью пронесся к загону. На поле вел проход в насыпи, перегороженный большим суком боярышника. Я протиснулся в проход, потом, стараясь ступать как можно тише, чтобы не потревожить скотину, подкрался к двери загона и присел так, чтобы меня не было видно от ворот.

Это оказался маленький, выстроенный на скорую руку хлев. Стены были высотой всего лишь в человеческий рост, крыша крыта соломой, и внутри было полно скотины — в основном мо-

лодые бычки. Они стояли так тесно, что лечь им было некуда, но, похоже, они вполне довольствовались тем, что здесь тепло, и потихоньку жевали сено. Дверь была загорожена неструганой доской. Снаружи простиралось пустынное поле, освещенное звездным светом, седое от инея, огороженное насыпью, поросшей все тем же жалким корявым кустарником. В центре поля высился стоячий камень.

Я услышал, как человек за воротами приказал псу замолчать. Топот приближался, копыта звенели по тропе, которую мороз превратил в железо, и внезапно всадник вынырнул из темноты и осадил коня у самых ворот. Подковы заскрежетали по камню, взметнулся вихрь земли и щебня, конь с размаху ударил копытами в ворота. Человек внутри что-то крикнул — спросил,— и всадник, спрыгивая наземь, ответил:

— Конечно я! Открывай, что ли!

Я услышал скрип открываемой двери, потом мужчины о чем-то переговорили, но я не мог разобрать ничего, кроме отдельных слов. Судя по тому, что свет переместился, привратник (или кто он там был) снял факел со скобы. Более того, я увидел, что свет движется в мою сторону. Мужчины шли к хлеву, ведя за собой лошадь.

Я услышал, как приехавший нетерпеливо сказал:

— Да, конечно, он может переночевать здесь. К тому же мне это пригодится: быстрее смогу уехать. Корм там есть?

— Да, господин. Я поставил туда бычков, чтобы освободить стойла для лошадей.

— Что, так много народу?

Голос молодой, звонкий, чуть хрипловатый — но это, наверно, от мороза и надменности. Голос знатного, уверенного в себе человека, тон такой же небрежный, как его верховая езда,— ведь конь едва не сел под ним сейчас, у ворот!

— Да, немало,— ответил привратник.— Вот сюда, господин, в этот проход. Разреши, я тебе посвечу...

— И так видно! — с раздражением ответил молодой человек.— Не суй факел мне в лицо! Тише, ты! — Это его конь споткнулся о камень.

— Лучше пусти меня вперед, господин. Тут проход суком загорожен, чтобы бычки не разбежались. Погоди немного, я его сейчас уберу.

Я уже давно отскочил от двери и спрятался в углу, между грубой стеной и насыпью. Здесь была навалена куча торфа, хвороста и сухого папоротника, видимо служившего подстилкой для скота. За ней-то я и притаился.

Я услышал, как привратник поднял сук и отбросил его в сторону.

— Вот, господин. Веди его сюда. Места маловато, но если ты уверен, что непременно нужно оставить его здесь...

— Я же сказал, сойдет! Убери доску и поставь его внутрь. Да побыстрей, ты, я же опаздываю!

— Оставь его, господин. Я его расседлаю.

— Нет нужды. Пару часов обойдется и так. Просто ослабь подпругу. Накрою-ка я его плащом. Боги, как же холодно... Сними с него уздечку, ладно? А я пошел.

Он зашагал прочь, звеня шпорами. Я услышал, как привратник положил на место доску, потом сук и поспешил вслед за молодым человеком. До меня еще донеслось что-то вроде: «И впусти меня с черного хода, так, чтобы отец не увидел».

Ворота закрылись. Снова загремела цепь, но на этот раз пес молчал.

Шаги во дворе, потом дверь дома скрипнула и закрылась за ними.

Глава 3

Я не рискнул перебраться через насыпь и бежать к воротам, бросив вызов свету факела и собаке. Но в этом и не было нужды. Бог сделал свое дело: он послал мне тепло и, как я обнаружил, еду.

Едва ворота успели закрыться, как я бросился в хлев. Шепотом успокаивая коня, я стянул с него плащ. Он не очень вспотел — должно быть, проскакал не больше мили. А здесь, в тесном хлеву, тепло, так что простудиться он не должен. В любом случае, своя рубашка ближе к телу, а плащ был мне нужен позарез. Плащ был командирский — толстый, мягкий, добротный. Сняв его с лошади, я, к великой своей радости, обнаружил, что молодой господин оставил мне не только плащ, но и полную седельную сумку. Я поднялся на цыпочки и принялся рыться внутри.

Кожаная фляжка. Я встряхнул ее. Почти полная. Наверняка вино — станет такой человек возить с собой воду! Узелок с печеньем, изюм и несколько полосок сушеного мяса.

Бычки толкались, дышали паром и тыкались в меня слюнявыми мордами.

Край длинного плаща упал в грязь под копыта. Я подобрал его, прижал к себе фляжку и еду и вынырнул из хлева. Сухой папоротник в углу между стеной и насыпью оказался чистым. Впрочем, мне было бы все равно, будь это даже навозная куча. Я зарылся в папоротник, плотнее закутался в теплый плащ и добросовестно съел и выпил все, что послал мне бог.

Как бы то ни было, спать мне нельзя ни в коем случае. Похоже, молодой человек приехал всего на пару часов, но за это время, да еще поев, я успею как следует согреться, так что спокойно переночую здесь до утра. Я успею услышать, как они выходят из дома, проберусь внутрь и снова накрою коня плащом. Вряд ли молодой господин сразу заметит, что его походный паек исчез.

Я отхлебнул еще вина. Удивительно, насколько вкуснее кажется с вином даже этот черствый ячменный хлеб! Вино было хорошее, крепкое и сладкое, с привкусом изюма. Оно теплом разбежалось по жилам. Застывшее тело размякло, оттаяло и наконец перестало трястись. Я уютно свернулся калачиком в своем темном гнездышке, зарывшись в папоротник, чтобы укрыться от холода.

Наверно, я все-таки уснул. Понятия не имею, что меня разбудило: я не слышал ни звука. Даже бычки в хлеву стояли тихо.

Ночь, казалось, стала темнее, так что я решил, что, должно быть, уже гаснут звезды и близко рассвет. Но, раздвинув папоротник и высунувшись наружу, я увидел, что звезды по-прежнему горят белыми огоньками в черном небе.

Как ни странно, вроде бы потеплело. Поднявшийся ветер принес с собой рваные облака, и они мчались по небу, временами закрывая звезды, так что по седым от инея полям пробегали волны света и тени и засохший бурьян и травы, казалось, струились, как вода или как пшеничное поле под ветром. Однако шума ветра слышно не было.

А над летящими по небу облаками по-прежнему ярко сияли звезды, усеивавшие черный купол. Тепло и то, как я лежал, свернувшись в темноте, напомнили мне о Галапасе и о хрустальном гроте, где я вот так же лежал калачиком и смотрел на свет. И россыпь ярких звезд над головой была похожа на потолок грота, усеянный кристаллами, отражающими свет; они точно так же вспыхивали и гасли, как кристаллы, играющие в пляшущем пламени. Там были алые и сапфировые искры, а прямо надо мной горела ровным светом одинокая золотая звезда. Потом по небу пронеслась *еще* одна тень, гонимая бесшумным ветром, и снова вспыхнул свет, и ветви боярышника затрепетали на ветру, и я увидел тень стоячего камня.

Должно быть, я слишком глубоко зарылся в хворост, оттого и не слышал шума ветра в траве и ветвях. Не услышал я и шагов молодого человека, ни того, как он отодвинул сук, брошенный на место привратником. Я просто внезапно увидел его перед собой. Он шагал через поле — высокая темная фигура, такая же безмолвная, как ветер.

Я сжался, как улитка в своей раковине. Теперь уже поздно возвращать на место плащ! Вся надежда на то, что молодой господин решит, что вор сбежал, и не станет искать меня. Но он даже не подошел к хлеву, а шагал через поле, удаляясь от меня. И тут я увидел, что посреди поля, полускрытое тенью стоячего камня, пасется белое животное. Должно быть, его конь сорвался с привязи. Одним богам известно, что он там нашел, в этом зимнем поле, но я видел, как белое животное щиплет траву рядом со стоячим камнем. Отсюда конь казался призрачным. Должно быть, порванная узда свалилась с него, и седло тоже исчезло...

Ну вот, по крайней мере, пока молодой человек будет ловить коня, я успею убраться... А то, еще лучше, брошу плащ рядом с хлевом, как будто он упал со спины лошади, снова зароюсь в папоротник и подожду, пока он уедет. Он подумает, что во всем виноват привратник. И правильно: я загородку не трогал. Я осторожно приподнялся, выбирая удобный момент...

Пасущееся животное услышало шаги и подняло голову. По небу, заслоняя звезды, пронеслось еще одно облако. По полю пробежало пятно тени — и снова стало светло. Стоячий камень озарился звездным светом. И я увидел, что ошибся: это был не конь. И не бычок из тех, что стояли в хлеву. Это был бык, мас-

сивный белый бык, взрослый, матерый, с царственными рогами и шеей, подобной грозовой туче. Он опустил голову так, что подгрудок коснулся земли, и копнул копытом землю — раз, другой...

Молодой человек остановился. Теперь, когда облако уплыло, я ясно видел его: высокий, крепкий, волосы в звездном свете кажутся совсем седыми. На нем были какие-то иноземные штаны, перевязанные ремнями, а поверх — короткая туника, подпоясанная низко, на бедрах, и высокая шапка. Светлые волосы, видневшиеся под шапкой, окружали его лицо подобно лучам. В руке он нес небрежно скрученную веревку; конец веревки волочился по заиндевевшей земле. Плащ развевался на ветру — короткий темный плащ, цвета в темноте было не разобрать.

Плащ? Стало быть, это не мой молодой господин. И к тому же зачем бы этому надменному молодому офицеру ловить среди ночи отбившегося от стада быка?

Белый бык вдруг бросился на него, внезапно и беззвучно. Пятна света и тени рванулись вслед за ним, смазывая и размывая сцену. Взлетела и упала веревка с петлей на конце. Человек отскочил в сторону.

Зверь пронесся мимо и остановился — веревка натянулась и удержала его.

Иней облаком взметнулся из-под поскользнувшихся копыт.

Бык развернулся и снова ринулся на человека. Тот ждал его, не двигаясь с места, слегка расставив ноги в небрежной, почти что пренебрежительной позе. Когда бык приблизился к нему, он, казалось, качнулся в сторону — легко, словно танцор. Бык пролетел вплотную к нему — я видел, как он рогом разодрал развевающийся плащ и коснулся плечом бедра человека, словно любовница, ищущая ласки. Человек взмахнул руками. Веревка свернулась кольцом — и новая петля легла на царственные рога. Человек натянул веревку, и зверь снова остановился и развернулся на бегу, подняв облако инея,— и тогда человек прыгнул!

Нет, не в сторону. Он вспрыгнул на быка, оседлал мощную шею, вонзив колени в загривок, и натянул веревку точно поводья.

Бык остановился как вкопанный, расставив ноги и опустив голову, натягивая веревку всей своей силой, всем весом. До меня по-прежнему не долетало ни звука: ни топота копыт, ни скрипа веревки, ни рева, ни сопения... Я наполовину вылез из кучи папоротника, вытянулся и застыл, забыв обо всем на свете, кроме этого поединка человека с быком.

Новое облако опять накрыло поле тьмой. Я вскочил на ноги. Кажется, я хотел схватить доску, которой был загорожен вход в хлев, и бежать к нему через поле, чтобы хоть как-то помочь... Но не успел я сделать и шага, как облако ушло и я увидел, что бык стоит на том же месте и человек так же сидит у него на шее. Но теперь голова быка медленно поднималась вверх. Человек бросил веревку, ухватил быка за рога и медленно тянул их назад, назад и вверх... Медленно, словно в некоем обряде укрощения, бык запрокидывал голову, вытягивая и подставляя мощную шею.

В правой руке мужчины что-то блеснуло. Он наклонился вперед и полоснул ножом поперек шеи.

Медленно, безмолвно бык повалился на колени. Черная кровь хлынула на белую шкуру, на белую землю, на белое основание камня...

Я выскочил из своего укрытия и бросился к ним через поле, что-то крича на бегу. Что кричал — понятия не имею.

Не знаю, что я собирался сделать. Человек увидел меня и повернул голову, и я понял, что моя помощь ему не нужна. Он улыбался, но лицо его, озаренное лунным светом, казалось удивительно гладким, нечеловечески спокойным и бесстрастным. Я не видел ни следа волнения или напряжения. И глаза его были холодными и темными, без тени улыбки.

Я споткнулся на бегу, попытался остановиться, запутался в длинном плаще и упал, подкатившись ему под ноги беспомощным, нелепым клубком, как раз в тот миг, когда белый бык медленно завалился на бок и рухнул наземь. Я ударился обо что-то головой, услышал пронзительный детский вскрик — мой собственный — и провалился во тьму.

Глава 4

Кто-то еще раз сильно пнул меня в ребра. Я застонал и перекатился на бок, пытаясь уйти от удара, но плащ мешал. Кто-то сунул мне в самое лицо чадящий факел. Знакомый молодой голос воскликнул:

— Клянусь богом, это же мой плащ! Хватай его, ты! Да поживее! Будь я проклят, если дотронусь до него. Он весь грязный!

Вокруг меня толпились люди, иней скрипел под множеством ног, горели факелы, звучали любопытные, или рассерженные, или безразличные голоса. Кое-кто был верхом — их кони гарцевали за спинами стоящих, фыркая и переминаясь с ноги на ногу: лошадям было холодно.

Я съежился и взглянул вверх. Голова болела, и перед глазами все плыло, казалось нереальным, обрывчатым, словно явь и сон смешались и перепутались, нарочно, чтобы сбить меня с толку. Огонь, голоса, качающийся корабль, падающий белый бык...

Кто-то сдернул с меня плащ. Вместе с плащом оторвался кусок гнилой мешковины, и один мой бок обнажился до пояса. Чья-то рука схватила меня за запястье, вздернула и поставила на ноги. Другая рука грубо схватила меня за волосы и заставила поднять голову, так, чтобы стоящий передо мной человек мог видеть мое лицо. Он был высок, молод, светло-русые волосы отливали рыжиной в свете факела, и подбородок его был украшен изящной бородкой. Он гневно смотрел на меня своими голубыми глазами. Несмотря на холод, плаща на нем не было. В левой руке он держал кнут.

Он оглядел меня с головы до ног и с отвращением фыркнул.

— Бродяжка! Вонючий попрошайка! Плащ, видно, придется сжечь. Я с тебя за это шкуру спущу, ты, грязный щенок! Уж не собирался ли ты украсть еще и моего коня?

— Нет, господин. Я взял только плащ, клянусь тебе! Я потом положил бы его на место, честное слово!

— И фибулу тоже?

— Какую фибулу?

Тот, что держал меня, сказал:

— Твоя фибула в плаще, господин.

— Я взял его только на время, чтобы согреться! — поспешно сказал я.— Было очень холодно, и я...

— И ты содрал плащ с моего коня, чтобы он простудился? Так?

— Я подумал, что ему ничего не сделается, господин. В хлеву было тепло. А потом, я же собирался вернуть его, честное слово!

— Чтобы я носил его после тебя, вонючий крысеныш? Голову бы тебе оторвать!

Кто-то — один из всадников — сказал:

— Да брось ты! Всего-то и горя, что плащ придется отдать прачке!

— Несчастный парень полуголый, а холод такой, что и саламандра замерзнет.

— Отпусти его!

— Ну нет,— процедил сквозь зубы молодой офицер,— по крайней мере, я согреюсь тем, что взгрею его! Куда! Держи его крепче, Кадаль!

Взметнулся кнут. Я пытался вырваться, но человек, державший меня, крепче стиснул руки. Однако прежде, чем кнут успел опуститься, кто-то шагнул в круг света, и его рука мягко коснулась запястья молодого офицера.

— В чем дело? — спросил подошедший.

Все умолкли как по команде. Молодой командир уронил руку с кнутом и обернулся.

Хватка того, кто меня держал, ослабла, и мне удалось вывернуться.

Можно было бы проскользнуть между людьми и конями и броситься наутек — хотя всадник, наверно, догнал бы меня в мгновение ока. Но я не пытался бежать, а смотрел во все глаза.

Пришедший был высок — на полголовы выше моего офицера. Он стоял между мной и факелами, и я не видел его лица. Вокруг еще все плыло, пламя казалось ослепительно ярким; голова у меня болела, и холод снова вцепился в меня, словно клыкастый зверь. Я видел лишь высокую темную фигуру, взирающую на меня сверху вниз, темные глаза на бесстрастном лице.

Я судорожно вздохнул.

— Так это был ты! Ты видел меня, да? Я бежал, чтобы помочь тебе, но только споткнулся и упал. Скажи ему, господин! Я правда собирался положить плащ на место прежде, чем он вернется. Пожалуйста, расскажи ему, как все было!

— О чем ты? Что я должен рассказать?

Я прищурился от яркого света.

— О том, что сейчас было. Это ведь... это ведь ты убил быка?

— Что-о?!

Вокруг и прежде было тихо, сейчас же наступила полная тишина.

Слышалось лишь дыхание столпившихся людей да пофыркивание лошадей.

— Какого быка? — резко спросил молодой командир.

— Белого быка,— сказал я.— Он перерезал ему глотку, и кровь хлынула потоком. Вот тогда-то я и испачкал твой плащ. Я хотел...

— Какого черта! Откуда ты знаешь про быка? Где ты был? Кто тебе наболтал об этом?

— Никто! — удивился я.— Я сам это видел. А это что, тайна? Наверно, я поначалу заснул — я отяжелел от хлеба и вина...

— Клянусь Светом! — воскликнул молодой офицер.

Но теперь к нему присоединились другие: «Убить его, и все дела!..», «Он врет...», «Врет, чтобы спасти свою паршивую шкуру!..», «Должно быть, он подсматривал...»

Высокий человек ничего не сказал. Он не отрываясь смотрел на меня.

Во мне вдруг пробудился гнев, и я горячо выпалил ему в лицо:

— Я не шпион и не вор! Мне это все надоело! Что, по-вашему, я должен был замерзнуть насмерть, чтобы спасти лошадь?

Человек, стоявший у меня за спиной, схватил меня за локоть, но я стряхнул его руку жестом, который сделал бы честь и моему деду.

— И я не бродяга, господин! Я свободный человек и приехал, чтобы проситься на службу к Амброзию, если он захочет взять меня к себе. За этим я и приехал сюда с родины, а одежду... я потерял случайно! Я... быть может, еще молод, но я знаю многое, что может оказаться ему полезным, и говорю на пяти языках...

Мой голос сорвался. Кто-то издал неопределенный звук, похожий на сдавленный смешок. Я стиснул стучащие от холода зубы и продолжал с королевским видом:

— Я всего лишь прошу тебя, господин мой, предоставить мне кров на эту ночь и дать возможность встретиться завтра с Амброзием.

На этот раз молчание было таким ощутимым, что его можно было резать ножом. Я услышал, как молодой офицер набрал воздуху, чтобы заговорить, но высокий поднял руку. Судя по тому, что все его слушались, он был здесь главным.

— Подождите. Это не просто дерзость. Взгляните на него! Подними факел повыше, Люций. Как твое имя?

— Мирддин, господин.

— Хорошо, Мирддин. Я выслушаю тебя, но говори внятно и постарайся быть краток. Я хочу, чтобы ты рассказал мне о быке. Начни сначала. Ты увидел, как мой брат ставил коня в тот хлев, и снял с коня плащ, чтобы согреться. Начинай отсюда.

— Хорошо, господин,— сказал я.— Я еще взял из сумки хлеб и вино...

— Из моей сумки?! — воскликнул молодой офицер.

— Да, господин. Я очень виноват, но я четыре дня почти ничего не ел...

— Оставим это! — сказал главный.— Продолжай.

— Я спрятался в куче сухого папоротника в углу за хлевом и, наверное, уснул. Когда я проснулся, то увидел быка — вон там, у стоячего камня. Он пасся совершенно бесшумно. Потом пришел ты с веревкой. Бык бросился на тебя, и ты заарканил его, а потом вскочил на него верхом, запрокинул ему голову и зарезал его. Было очень много крови. Я бросился на помощь. Не знаю, что бы я мог сделать, но я все же побежал. А потом запутался в плаще и упал. Вот и все.

Я умолк. Одна из лошадей стукнула копытом. Кто-то прокашлялся. Все молчали. Мне показалось, что Кадаль, слуга, что держал меня, отодвинулся подальше.

— Возле стоячего камня? — спросил главный очень тихо.

— Да, господин.

Он обернулся. Мы стояли совсем рядом с камнем. Я видел его за плечами всадников. Его озаренная факелами вершина выделялась на фоне ночного неба.

— Расступитесь и покажите ему,— промолвил высокий.

Люди повиновались.

Камень был футах в тридцати от нас. У его подножия виднелась заиндевевшая трава, истоптанная сапогами и копытами, и больше ничего. Там, где рухнул наземь белый бык, заливая все вокруг черной кровью, хлещущей из раны, теперь не было ничего — лишь примятый иней и тень стоячего камня.

Один из факельщиков поднял факел повыше, чтобы осветить камень.

Свет упал на того, кто расспрашивал меня, и я в первый раз увидел его как следует. Он был вовсе не так молод, как мне показалось: на его лице уже появились морщины, брови были нахмурены. Глаза у него были темные, а не голубые, как у его брата, и он был плотнее, чем мне показалось сначала. На запястьях и на шее у него блестело золото, тяжелый плащ ниспадал до пят.

— Это был не ты! — растерянно пробормотал я.— Прости... Теперь я понял — мне, наверное, приснилось. Никто не решился

бы выйти на быка с одной веревкой и коротким ножом... и ни у одного человека не хватило бы сил задрать быку голову и перерезать ему горло... Это было одно из моих... это был сон. Теперь я вижу, что это был не ты. Я... я думал, что это ты, тот человек в шапке. Извини...

Люди снова заговорили, но на этот раз уже не угрожающе. Молодой офицер спросил совсем другим тоном, чем прежде:

— И каков же он был из себя, этот «человек в шапке»?

— Не надо об этом,— быстро сказал его брат.— Не сейчас.

Он взял меня за подбородок и заглянул мне в лицо.

— Ты говоришь, тебя зовут Мирддин? Откуда ты?

— Из Уэльса, господин.

— Ага. Так это ты тот мальчик, которого привезли из Маридунума?

— Да. Ты знаешь обо мне? О-о!

Я, должно быть, слегка одурел от холода и всего прочего и только теперь понял то, о чем должен был догадаться гораздо раньше.

Я трепетал, словно нервный пони, от холода и от странного чувства возбуждения, смешанного со страхом.

— Ты, должно быть, сам граф! Сам Амброзий.

Он не дал себе труда ответить.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать, господин.

— И кто же ты такой, Мирддин, что предлагаешь мне свою службу? Я мог бы зарубить тебя здесь и сейчас и позволить этим благородным господам удалиться с холода. Что можешь ты мне предложить, чтобы я этого не сделал?

— Кто я такой, господин,— это не имеет значения. Я — внук короля Южного Уэльса, но он мертв. Королем теперь стал мой дядя Камлах, но он хочет моей смерти. Так что я даже не гожусь в заложники. Важно не то, кто я такой, а то, что я собой представляю. Мне есть что предложить тебе, господин мой! И ты убедишься в этом, если позволишь мне дожить до утра.

— Ах да, конечно. Ценные сведения, пять языков и сны впридачу.

Эти слова звучали как насмешка, но он не смеялся.

— Внук короля, говоришь ты? И Камлах тебе не отец? И Диведа, похоже, тоже. Я и не знал, что у старика есть внуки — не считая, конечно, младенца, сына Камлаха. Судя по тому, что сказали мне мои шпионы, я думал, что ты побочный сын старого короля.

— Он иногда выдавал меня за своего бастарда — чтобы уберечь от позора мою мать. Но она не считала это позором, а ей лучше знать. Моей матерью была Ниниана, дочь старого короля.

— А! — Пауза.— Была?

— Она жива,— объяснил я,— но теперь ушла в монастырь Святого Петра. Она уже давно жила как монахиня, но только теперь, когда старый король умер, ей разрешили покинуть дворец.

— А твой отец?

— Она никогда не говорила о нем. Ни мне, ни кому другому. Люди говорят, что, возможно, это был сам Князь Тьмы.

Я ожидал обычной реакции: скрещенных пальцев, невольного взгляда через плечо... Амброзий не сделал ни того ни другого. Он рассмеялся.

— Ну, тогда не диво, что ты предлагаешь свои услуги королям и тебе являются боги под звездами!

Он развернулся, взметнув полы тяжелого плаща.

— Возьмите его к себе, кто-нибудь! Утер, отдай ему плащ, пока он не замерз насмерть!

— Неужто ты думал, что я надену этот плащ после него, будь он даже самим Князем Тьмы? — спросил Утер.

Амброзий рассмеялся.

— Если ты будешь гнать своего бедного коня так, как обычно, ты и без плаща не замерзнешь! А если твой плащ запятнан кровью Быка, так он тем более не для тебя, не так ли?

— Ты кощунствуешь!

— Я? — переспросил Амброзий с холодным, непроницаемым видом.

Его брат открыл было рот, передумал, пожал плечами и взлетел в седло своего серого жеребца.

Кто-то бросил мне плащ и, пока я возился непослушными руками, стараясь закутаться в него, подхватил меня на руки, спеленал, как младенца, и перебросил всаднику на гарцующей лошади.

Амброзий вскочил на крупного вороного.

— Вперед, господа!

Вороной рванулся вперед, и плащ Амброзия полетел за ним, словно крылья. Серый поскакал следом. Прочие всадники, растянувшись, помчались за ними по дорожке, ведущей к городу.

Глава 5

Штаб Амброзия был расположен в городе. Потом я узнал, что и сам город вырос вокруг лагеря, где Амброзий с братом года два назад начали собирать и обучать войско, которое столь долго было всего лишь мифической угрозой Вортигерну, а вот теперь, с помощью короля Будека и войск из половины Галлии, становилось реальностью. Будек был королем Малой Британии, кузеном Амброзия и Утера. Это он двадцать лет назад — Амброзию тогда было десять лет, а Утера еще не отняли от груди — принял к себе братьев, которые бежали за море, спасаясь от Вортигерна, убившего короля, их старшего брата. Замок Будека был буквально в нескольких шагах от лагеря, выстроенного Амброзием; вокруг этих двух укреплений и вырос город — пестрая россыпь домов, лавок и хижин, обнесенных валом и рвом в целях безопасности. Будек был уже стар и назначил Амброзия своим наследником, даровав ему титул комеса, то есть графа,— и предводителя своего войска. Раньше предполагалось, что братья останутся в Малой Британии и удовольствуются тем, что будут править ею после кончины Будека; но теперь, когда Вортигерн мало-помалу выпускал из рук Великую Британию, к Амброзию хлынули деньги и люди, и уже ни для кого здесь не было тайной, что Амброзий намерен прибрать к рукам Южную и Западную Британию, в то время как Утер, в двадцать лет уже блестящий воин и полководец, должен был, как все надеялись, держать Малую Британию. Таким образом два королевства хотя бы на одно поколение должны были образовать кельтско-римский барьер против натиска северных варваров.

Я быстро обнаружил, что по крайней мере в одном Амброзий — чистейший римлянин. Первое, что сделали со мной после того, как меня сгрузили вместе с плащом и со всем остальным в дверях его дома,— это схватили, раздели и, измотанного до того, что у меня уже не было сил сопротивляться, сунули в ванну. Здесь нагревательная система, видимо, работала безупречно: вода была горячая, так что пар шел, и мое замерзшее тело оттаяло в три минуты. Человек, что вез меня сюда, Кадаль, один из личных слуг графа, сам вымыл меня. «Приказ Амброзия!» — коротко сообщил он. Он отскреб меня, натер маслом, вытер насухо и стоял надо мной, пока я облачался в белую шерстяную тунику, которая была мне даже не очень велика.

— Это чтоб ты снова не удрал. Он хочет поговорить с тобой. Только не спрашивай почему. Нет, в этих сандалиях ты по дому ходить не будешь. Дия знает, где тебя в них носило! Хотя нет, это-то как раз понятно — в коровнике, что ли? Ходи босиком. Полы теплые. Ладно, по крайней мере, теперь ты чистый. Есть хочешь?

— Издеваешься?

— Ну, тогда пошли. Кухня — туда. Хотя, быть может, ты, как побочный внук короля, или кто ты там, в кухне есть побрезгуешь?

— Так и быть, снизойду,— сказал я.— Но только в этот раз!

Он покосился на меня, нахмурился, потом усмехнулся.

— А ты отчаянный парень, этого у тебя не отнимешь! И здорово держался. Удивительно, как это тебе удалось так быстро выдумать всю эту историю! Ты в два счета обвел их вокруг пальца. А ведь я бы не дал и ломаного гроша за твою шкуру, раз Утер так на тебя разозлился. Но ты все-таки добился, чтобы тебя хотя бы выслушали.

— Это правда!

— Ну да, конечно. Все равно тебе сейчас придется пересказывать ему все сначала. И смотри не сбейся — Амброзий не любит тех, кто заставляет его попусту тратить время.

— Что, прямо сегодня?

— Конечно. Если ты доживешь до утра, то узнаешь, что Амброзий много времени на сон не тратит. Принц Утер тоже, но он-то проводит ночи не за работой. То есть не за письменным столом, а так он трудится немало... Идем.

Еще за несколько ярдов до кухонной двери до меня донесся аромат горячей еды и шкворчание сковородок.

Кухня была просторной; мне она показалась почти такой же большой, как пиршественная зала у нас дома. Пол был выложен гладкой красной плиткой; в каждом конце кухни было расположено по приподнятому над полом очагу, а вдоль стен шли разделочные столы; под столами стояли кувшины с маслом и вином, а над ними висели полки с блюдами. У одного из очагов мальчишка с сонными глазами разогревал в кастрюльке масло. Он подбросил в топки угля, и на одной из конфорок закипал горшок с супом, а на решетке шипели и брызгались колбасы. Я почуял запах жареной курицы. Несмотря на то что Кадаль явно не поверил моей истории, еду мне подали на тарелке самианской рабо-

ты, такой тонкой, что, похоже, это была одна из тех, с которых ел сам граф, а вино мне наливали в стеклянный кубок из блестящего красного кувшина с резной печатью и надписью «Запас». Дали даже тонкую белую салфетку.

Поваренок — его, должно быть, разбудили специально затем, чтобы приготовить мне ужин,— явно не заботился о том, кого он обслуживает; накрыв на стол, он наспех выскреб топки, еще более поспешно вычистил сковородки и, взглядом испросив у Кадаля разрешения, зевая, отправился спать дальше. Кадаль прислуживал мне сам; он даже принес из пекарни свежего хлеба — там как раз достали из печи первые хлебы на утро. Суп был вкуснейший, из каких-то моллюсков,— они в Бретани едят такое чуть ли не каждый день. Суп был горячий и ужасно вкусный — я думал, что ничего вкуснее и быть не может, пока не попробовал цыплят, зажаренных в масле до хруста, и жареных колбасок, коричневых, начиненных мясом с пряностями и луком. Я насухо вытер тарелку свежим хлебом. Кадаль протянул мне блюдо с сушеными финиками, сыром и медовыми лепешками, но я покачал головой.

— Нет, спасибо.

— Наелся?

— О да! — Я отодвинул тарелку.— Это был лучший ужин в моей жизни. Спасибо.

— Ну,— сказал Кадаль,— говорят, голод — лучшая приправа. Хотя кормят здесь и впрямь неплохо.

Он принес воду и полотенце. Я вымыл и вытер руки.

— Что ж, пожалуй, теперь я начинаю верить, что ты не все выдумал.

Я поднял на него глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Воспитывали тебя не на кухне, это точно. Ну что, готов? Тогда пошли. Он сказал, чтобы его прервали, даже если он будет занят.

Но Амброзий не был занят, когда мы вошли к нему. Его стол — широкий, мраморный, итальянской работы — действительно был завален свитками, картами и табличками для письма, и граф сидел у стола в своем большом кресле, но сидел он, отвернувшись в сторону, подперев подбородок кулаком и глядя в жаровню, из которой по комнате разливалось приятное тепло и слабый аромат яблоневых дров.

Он не поднял головы, когда Кадаль заговорил с часовым у входа.

Часовой, звеня доспехами, шагнул в сторону и пропустил меня внутрь.

— Мальчик, господин.

С графом Кадаль говорил совсем иначе, чем со мной.

— Спасибо. Можешь идти спать, Кадаль.

— Да, господин.

Кадаль вышел. Кожаная занавесь упала за ним. Тогда Амброзий повернул голову. Несколько минут он молча разглядывал меня. Потом кивнул в сторону табурета.

— Садись.

Я повиновался.

— Я вижу, одежду тебе подыскали. Тебя накормили?

— Да, господин. Спасибо.

— Ты согрелся? Подвинься ближе к огню, если хочешь.

Он выпрямился в кресле и откинулся на спинку, опустив руки на резные подлокотники в виде львиных голов. На столе между нами стояла лампа, и в ее ярком, ровном свете сходство между графом Амброзием и тем человеком из моего видения исчезло окончательно.

Теперь, после стольких лет, мне уже трудно воскресить в памяти, какое впечатление произвел на меня Амброзий тогда, в первый раз. В то время ему было немногим более тридцати, но мне было всего двенадцать, и мне он, разумеется, казался человеком почтенного возраста. Но мне думается, что он и в самом деле должен был выглядеть старше своих лет. В этом не было ничего удивительного, при том какую жизнь он вел. Ведь он взвалил на свои плечи тяжкую ответственность, будучи немногим старше меня. У него были мешки под глазами, на лбу пролегли две вертикальные морщины, говорящие о решительности и, быть может, непреклонности. Губы жесткие, прямые и, как правило, неулыбчивые. Брови у него были черные, как и волосы, и угрожающе нависали над глазами, когда он гневался. От левого уха через скулу шел тонкий белый шрам. Нос у него был римский: большой, с высокой переносицей, но кожа скорее загорелая, чем оливковая, и в глазах его виделось нечто темное, кельтское, а не римское. Суровое лицо, которое, как я узнал позднее, могло затмиться разочарованием, или гневом, или даже усилием, которое требовалось ему, чтобы скрыть эти чувства,— и все же ли-

цо человека, которому можно довериться. Он был не из тех, кого легко полюбить, и уж, конечно, не из тех, кто нравится всем: это был человек, которого можно было либо ненавидеть, либо чтить. Ты мог бороться с ним или идти за ним — но оставаться в стороне было невозможно: каждый, кто сталкивался с ним, уже не мог жить спокойно.

Все это мне еще предстояло узнать. Теперь я почти забыл, что думал о нем тогда: мне запомнились лишь глубокие глаза, смотревшие на меня из-за лампы, да руки, сжимающие львиные головы. Но зато я помню каждое слово, которое он сказал.

Он смерил меня взглядом.

— Мирддин, сын Нинианы, дочери короля Южного Уэльса... посвященный, как мне говорили, во все тайны дворца в Маридунуме?

— Я... разве я это говорил? Я просто сказал им, что жил там и кое-что слышал.

— Мои люди привезли тебя из-за Узкого моря потому, что ты сказал им, что знаешь тайны, которые могут мне пригодиться. Ты хочешь сказать, что солгал?

— Господин,— сказал я в некоторой растерянности,— не знаю, что может тебе пригодиться. Я говорил с ними на доступном им языке и думал, что они собираются убить меня. Я спасал свою жизнь.

— Понятно. Ну вот, сейчас ты здесь и тебе ничто не угрожает. Почему ты сбежал из дома?

— Потому что теперь, когда мой дед умер, мне было небезопасно оставаться там. Моя мать уходит в монастырь, а Камлах, мой дядя, уже пытался однажды убить меня. А его слуги убили моего друга.

— Друга?

— Моего слугу. Его звали Кердик. Он был рабом.

— Ах да! Мне говорили, что ты поджег дворец. Тебе не кажется, что ты поступил чересчур... решительно?

— Быть может. Но надо же было воздать ему последние почести! Он был мой.

Амброзий вскинул брови.

— Это причина или обязательство?

— То есть? — Я поразмыслил над этим, потом медленно ответил: — Я думаю, и то и другое.

Амброзий опустил глаза и посмотрел на свои руки. Он снял их с подлокотников и сцепил на столе перед собой.

— Твоя мать, принцесса...— Он сказал это так, словно мысль о ней вытекала из только что сказанного.— Ей они ничего не сделают?

— Нет, конечно!

Услышав это, он вопросительно посмотрел на меня. Я поспешно объяснил:

— Извини, господин. Я имел в виду только, что, если бы они собирались причинить ей зло, разве бы я ее бросил? Нет, Камлах ей никогда ничего не сделает. Я же говорю, она много лет говорила о том, что хочет уйти в монастырь Святого Петра. Я не помню, были ли такие времена, когда она не привечала каждого христианского священника, который являлся в Маридунум. И сам епископ, когда приезжал из Каэрлеона, всегда останавливался во дворце. Но дед ее не отпускал. Они с епископом всегда ссорились из-за нее и меня. Видишь ли, епископ хотел, чтобы меня окрестили, а дед об этом и слышать не желал. Я... думаю, он пользовался этим, как приманкой для моей матери: он все надеялся, что она ему скажет, кто мой отец, или что она выйдет за человека, которого он ей подыщет. Но она все не соглашалась и ничего ему не говорила.

Я остановился — не слишком ли много я болтаю? Но Амброзий смотрел на меня внимательно и, похоже, слушал с интересом.

— Дед клялся, что нипочем не отпустит ее в монастырь,— продолжал я,— но, как только он умер, она попросила Камлаха, и Камлах ей разрешил. Он и меня бы запер в монастырь. Потому я и сбежал.

Амброзий кивнул.

— И куда же ты собирался?

— Не знаю. Маррик правильно сказал тогда в лодке, что мне надо к кому-нибудь прибиться. Мне всего двенадцать, и мне надо найти себе хозяина. Я не хотел идти ни к Вортигерну, ни к Вортимеру, а к кому еще податься — я не знал.

— И ты убедил Маррика и Ханно оставить тебя в живых и отвезти ко мне?

— На самом деле нет,— честно ответил я.— Поначалу я не знал, куда они едут, и просто говорил что попало, чтобы спасти

свою жизнь. Я предался в руки бога, и он свел меня с ними и привел на корабль. А я уговорил их взять меня с собой.

— Ко мне?

Я кивнул. В жаровне затрещало и взметнулось пламя. Тень скользнула по щеке Амброзия, так что показалось, будто он улыбнулся.

— Почему же ты не дождался, когда они отведут тебя ко мне? Зачем было прыгать с корабля? Ты ведь чуть не замерз там, в поле!

— Я боялся, что они в конце концов решат не водить меня к тебе. Я боялся, что они догадаются, как... как мало пользы я могу тебе принести.

— И ты, значит, удрал с корабля зимней ночью, в чужой стране, и бог привел тебя прямо к моим ногам? Да, Мирддин, ты с твоим богом составляете довольно могущественную пару. Я вижу, у меня нет выбора.

— Что ты хочешь сказать, господин?

— Быть может, ты прав и действительно можешь мне пригодиться.

Он снова опустил глаза, взял со стола перо и принялся внимательно разглядывать его, вертя в руках.

— Но прежде скажи мне, почему тебя зовут Мирддин? Ты говоришь, твоя мать никогда не говорила тебе, кто твой отец? И никогда даже не намекала? Быть может, она назвала тебя в честь него?

— Только не Мирддином, господин! Мирддин — это один из древних богов. У нас есть его святилище, у самых ворот монастыря Святого Петра. Ему посвящен и холм неподалеку от города, а некоторые говорят, что есть и другие места, за пределами Южного Уэльса. Но у меня есть другое имя...— Я замялся.— Раньше я этого никому не говорил, но я уверен, что это имя моего отца.

— Какое же?

— Эмрис. Я однажды слышал, как она говорила с ним, ночью, много лет назад, когда я был еще совсем маленьким. Я не мог этого забыть. В ее голосе было нечто такое... Необычное.

Перо замерло. Он взглянул на меня исподлобья.

— Говорила с ним? Так значит, это был кто-то из дворца?

— Да нет, не так! Это было не на самом деле.

— Ты хочешь сказать, что это был сон? Видение? Как этот бык сегодня ночью?

— Нет, господин. Это было на самом деле — только по-другому. У меня такое бывает иногда. Но в тот раз, когда я подслушал свою мать... Во дворце была система подземных ходов, заброшенная много лет назад. Потом их засыпали, но когда я был моложе... когда я был маленьким, я забирался туда, чтобы спрятаться от людей. Я хранил там свои сокровища... ну, всякие мелочи, которые дети собирают, а взрослые выкидывают, если находят.

— Я знаю. Продолжай.

— Знаешь? Ну вот, я лазил по этим подземным ходам, и однажды ночью я очутился под ее комнатой и услышал, как она разговаривает вслух, сама с собой, так, как люди иногда молятся. Я услышал, что она говорила «Эмрис», но ничего больше не помню.

Я взглянул на него.

— Знаешь, собственное имя всегда слышится, даже когда ничего больше расслышать нельзя. Я тогда подумал, что она, должно быть, молилась за меня, но когда я стал постарше и вспоминал об этом, мне пришло в голову, что «Эмрис» — это, возможно, имя моего отца. В ее голосе было нечто такое... и потом, она меня так никогда не называла. Она звала меня Мерлин.

— Почему?

— В честь сокола. Это латинское название корвальха.

— Тогда и я буду звать тебя Мерлином. Ты отважен, и, похоже, глаза твои видят далеко. Быть может, в один прекрасный день твои глаза мне понадобятся. Но сегодня начнем с чего попроще. Расскажи мне о твоем доме. Ну, и в чем дело?

— Если я буду служить тебе... я, конечно, расскажу все, что смогу, но...

Я замялся, и он продолжил за меня:

— Но ты хочешь, чтобы я дал тебе слово, что не причиню зла твоей матери, когда отправлюсь завоевывать Британию? Я обещаю. Ей не причинят вреда, так же как и любому другому человеку, мужчине или женщине, кого ты попросишь пощадить за то, что они были добры к тебе.

У меня, должно быть, глаза на лоб полезли.

— Ты... ты очень великодушен...

— Если я завоюю Британию, я смогу позволить себе быть великодушным. Однако мне придется оговориться.— Он улыбнул-

ся.— Если ты попросишь пощадить твоего дядю Камлаха, могут возникнуть сложности.

— Не возникнут,— сказал я.— Когда ты возьмешь Британию, Камлах уже будет мертв.

Тишина. Амброзий приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, передумал.

— Я же говорил, что однажды твои глаза мне пригодятся. Ну ладно, я дал тебе слово. Теперь вернемся к разговору. Рассказывай обо всем, даже о том, что не кажется тебе важным. Судить об этом буду я.

И я принялся рассказывать. Меня вовсе не удивило то, что он говорит со мной, будто с равным, и что он полночи просидел со мной, задавая вопросы, на которые легко могли бы ответить его шпионы. Помнится, за то время, пока мы сидели и разговаривали, два раза бесшумно входил раб и наполнял жаровню углями и один раз я услышал за дверью звон оружия и приказы разводящего — это сменяли стражу. Амброзий расспрашивал, кивал, слушал, временами записывал что-то в своих табличках, временами сидел и смотрел в пространство, подперев подбородок кулаком, но чаще всего пристально смотрел на меня из-под бровей. Когда я колебался, или принимался говорить о каких-то пустяках, или просто умолкал от усталости, он задавал мне новые вопросы, направляя меня к какой-то невидимой цели, как погонщик направляет своего мула.

— Крепость на реке Сейнт, где твой дед встречался с Вортигерном. Далеко она на север от Каэрлеона? По какой дороге? Расскажи о дороге... А каковы подступы к крепости с моря? А та башня, где расположился верховный король,— башня Максимуса, ты ее зовешь Максеновой башней... расскажи о ней. Сколько людей там размещалось? Какова дорога от нее к гавани?

Или:

— Ты говоришь, отряд короля останавливался в долине к югу от Снежной горы и короли уходили в сторону. Твой слуга Кердик говорил, что они ходили смотреть развалины старой крепости на утесе. Опиши это место... Какова высота утеса? А далеко ли видно с вершины на север? На юг? На восток?

Или:

— А вассалы твоего деда? Как ты думаешь, сколько из них сохранят верность Камлаху? Их имена? Сколько у них людей? А кто его союзники? Число? Сколько войска?

И вдруг:

— А теперь скажи мне вот что. Откуда ты знаешь, что Камлах решил перейти к Вортимеру?

— Он сказал это моей матери,— стал объяснять я,— у смертного ложа моего деда. Я это слышал. Слухи об этом ходили давно, и я знаю, что он ссорился с дедом, но никто ничего не знал наверняка. Моя мать лишь догадывалась. Но как только умер король, Камлах сказал ей об этом.

— Он объявил об этом во всеуслышание? Тогда как вышло, что Маррик и Ханно не знают об этом ничего, кроме слухов о ссорах?

Усталость и долгие расспросы усыпили мою бдительность, и я, не успев подумать, брякнул:

— Он не объявлял об этом, а сказал только ей. Они были одни.

— Не считая тебя? — Голос Амброзия переменился так сильно, что я подпрыгнул на своем табурете. Он смотрел на меня из-под бровей.— Ты ведь, помнится, говорил, что подземные ходы засыпали?

Я сидел, молча глядя на него. Я не мог придумать, что сказать.

— Не странно ли,— продолжал Амброзий ровным голосом,— что он сказал об этом твоей матери в твоем присутствии? Ведь он не мог не знать, что ты его враг. Его люди только что убили твоего слугу. И как это тебе, после того как Камлах выложил свои секретные планы, удалось выбраться из дворца и попасть в руки моих людей и «уговорить» их отвезти тебя ко мне?

— Я...— промямлил я.— Господин мой, не думай, что я... господин, я же сказал тебе, что я не шпион. Я... то, что я рассказал тебе,— это правда! Камлах действительно говорил это, клянусь тебе!

— Думай, что говоришь. Для меня важно, правда ли это. Тебе сказала об этом твоя мать?

— Нет.

— Стало быть, это всего лишь болтовня рабов?

— Я слышал это своими ушами! — в отчаянии сказал я.

— Так где же ты был?

Я встретился с ним глазами. И, сам не зная почему, сказал правду:

— Господин, я спал в холмах, в шести милях оттуда.

Наступила тишина. На этот раз она длилась особенно долго. Я слышал, как оседают угли в жаровне, как где-то лает собака. Я сидел, ожидая, что он разразится гневом.

— Мерлин...

Я поднял глаза.

— От кого ты получил дар ясновидения? От матери?

Против всех ожиданий он поверил мне. Я поспешно ответил:

— Да. Но у нее он другой. Она видела только то, что видят женщины: всякие вещи, связанные с любовью. А потом она начала бояться своей силы и отказалась от нее.

— А ты не боишься?

— Я буду мужчиной.

— Мужчина берет власть, кто бы ему ее ни предложил. Да. Ты понял то, что видел сегодня ночью?

— Быка? Нет, господин. Я только понял, что это что-то тайное.

— В свое время ты узнаешь об этом, но не сейчас. Слушай!

Где-то за стенами пропел петух, звонко и серебристо, как боевая труба.

— Вот,— сказал Амброзий,— это положит конец твоим видениям. Тебе давно пора спать. Ты уже выглядишь полумертвым от усталости.

Он поднялся на ноги. Я соскользнул с табурета, и он некоторое время стоял, глядя на меня сверху вниз.

— Когда я приплыл в Малую Британию, мне было десять лет и я промаялся всю дорогу.

— Я тоже,— сказал я.

Он рассмеялся.

— Должно быть, ты так же устал, как и я тогда! Иди спать, а утром мы решим, что с тобой делать.

Он позвонил в колокольчик, раб отворил дверь и отошел в сторону.

— Сегодня ты будешь спать у меня. Проходи.

Спальня тоже была обставлена по римскому образцу. Позднее я узнал, что по сравнению, скажем, со спальней Утера она была достаточно скромной, но мне, мальчишке, привыкшему к провинциальной, часто сколоченной на скорую руку обстановке, как принято в нашем маленьком захолустном краю, эта показалась роскошной: большая кровать, застеленная алыми шерстяными одеялами и меховым ковром, овчины на полу, бронзовый треножник высотой в человеческий рост, с тремя светильниками в форме драконьих голов, изрыгавших пламя... Толстые коричневые занавеси защищали от ночного холода и ледяного ветра, и в спальне было очень тихо.

Проходя вслед за Амброзием и рабом мимо стражников — их было двое, и они стояли навытяжку, совершенно неподвижно, лишь взглянули, подчеркнуто безразлично, сперва на Амброзия, потом на меня,— я в первый раз подумал, не окажется ли Амброзий римлянином также и в других отношениях...

Но он только указал мне на арку, занавешенную такой же коричневой занавесью,— за ней оказалась ниша, где стояла другая кровать. Наверно, там спал раб, чтобы все время быть под рукой.

Слуга отодвинул занавеску и показал мне одеяла, сложенные на тюфяке, и удобные подушки, набитые овечьей шерстью; потом оставил меня и отправился прислуживать Амброзию.

Я снял одолженную мне тунику и аккуратно сложил ее. Одеяла были толстые, новые, и пахло от них кедровым деревом. Амброзий разговаривал с рабом, и их голоса доносились до меня, словно с другого конца большой и тихой пещеры. Как хорошо было снова лежать в настоящей кровати, сытым, в тепле, в доме, где не слышно шума моря... И в безопасности.

Амброзий, кажется, сказал мне «спокойной ночи». Но я уже уходил в глубины сна и не смог вынырнуть, чтобы ответить. Последнее, что я помню,— это как раб бесшумно подошел и погасил лампы.

Глава 6

На следующее утро я пробудился довольно поздно. Занавеси были отдернуты, и в окна лился холодный серый свет зимнего дня. Кровать Амброзия была пуста. За окном я увидел маленький внутренний двор — садик, окруженный колоннадой, и в середине играл фонтан — бесшумно, как показалось мне поначалу; потом я увидел, что вода застыла льдом.

Пол, вымощенный плиткой, оказался теплым. Я потянулся за белой туникой, которую накануне сложил и повесил на табурет, но вместо нее там оказалась новая, темно-зеленая, цвета тисовой хвои, и она была мне как раз впору. Еще там был хороший кожаный пояс и пара новых сандалий. Нашелся там даже плащ, тоже зеленый, только светлый, цвета буковых листьев, и к нему —

бронзовая фибула: красный эмалевый дракон, такой же, какого я заметил накануне на перстне с печаткой на руке Амброзия.

Я впервые в жизни почувствовал себя настоящим принцем. Странно, ведь казалось бы, я потерял все, что имел. Здесь, в Малой Британии, у меня не было ничего — ни сомнительного титула бастарда, ни родичей, ни единой собственной вещи. Я почти никого здесь не знал, кроме Амброзия, а для него я был всего лишь слугой, человеком зависимым, кого держат лишь постольку, поскольку он полезен.

Кадаль принес мне завтрак: хлеб с отрубями, медовые соты и сушеные фиги. Я спросил, где Амброзий.

— На улице, муштрует солдат. Или, скорее, следит за тем, как их обучают. Он проводит там каждое утро.

— Как ты думаешь, чего он от меня хочет?

— Он сказал только, чтобы ты оставался здесь, пока не отдохнешь, и располагался как дома. Я собираюсь послать человека на корабль, так что если там осталось что из твоего, ты мне скажи, я прикажу, чтобы привезли.

— Да у меня почти ничего и не было. У меня не было времени собраться как следует. Пара туник и сандалии, завернутые в синий плащ, да кое-что по мелочи: фибула, пряжка, что подарила мне мать, и все такое.

Я потрогал полы своей дорогой туники.

— Это все куда лучше. Кадаль, я надеюсь, что смогу отслужить ему! Он не говорил, чего хочет от меня?

— Ни слова. Ты что думаешь, он делится со мной всеми своими тайными замыслами? Делай пока то, что он тебе говорит: располагайся как дома, держи язык за зубами и старайся не ввязываться в неприятности. Думаю, ты его будешь видеть не часто.

— Я и не предполагал часто видеть его,— сказал я.— А где я буду жить?

— Здесь.

— В этой комнате?

— Нет. Я имел в виду, в этом доме.

Я отодвинул тарелку.

— Кадаль, скажи, а господин Утер живет отдельно?

Глаза Кадаля насмешливо блеснули. Это был невысокий, крепко сбитый человек, с квадратным красным лицом, лохматыми черными волосами и черными глазками, маленькими, словно оливки. Я понял, что он догадался, о чем я думаю. Должно быть,

весь дом уже знает, что произошло прошлой ночью между мной и принцем.

— Нет. Он тоже живет здесь. Под боком, так сказать.

— Ой!

— Не беспокойся, его ты тоже будешь видеть не часто. Через пару недель он вообще уезжает на север. Там он быстро остынет, по такой-то погоде... Да он небось уже забыл про тебя.

Кадаль ухмыльнулся и вышел.

Он оказался прав: в следующие две недели я Утера почти не видел, а потом он ушел с войсками на север, в какой-то поход, замышлявшийся наполовину как учебный, наполовину — как вылазка с целью раздобыть припасы. Кадаль правильно догадался, что я вздохну с облегчением: я отнюдь не скучал по Утеру. Я знал, что он не слишком приветствовал то, что я поселился в доме его брата, и доброе отношение Амброзия ко мне весьма раздражало его.

Я думал, что не скоро увижу графа снова — ведь тогда, в первую ночь, я рассказал ему все, что знал,— но он присылал за мной почти каждый вечер, когда бывал свободен: иногда расспрашивал меня и слушал мои рассказы о доме, иногда — когда чувствовал себя усталым — просил меня сыграть ему на арфе или предлагал мне партию в шахматы. Я, к своему удивлению, обнаружил, что в этом мы почти равны. Не думаю, чтобы он нарочно поддавался мне. Амброзий говорил, что давно не играл — ему чаще доводилось играть в кости, а играть в кости с предсказателем, пусть и малолетним,— опасно. А шахматы — дело скорее расчета, чем случая, и менее подвержены действию черной магии.

Он сдержал свое обещание и рассказал мне, что я видел тогда ночью, у стоячего камня. Наверно, я бы просто отбросил это и забыл, как пустой сон, если бы он мне приказал. Со временем воспоминание стерлось, сделалось расплывчатым, я и впрямь начал думать, что это был всего лишь сон, навеянный холодом и смутными воспоминаниями о выцветшей росписи римского сундука, что стоял в моей комнате в Маридунуме: упавший на колени бык и человек с ножом под аркой, усеянной звездами. Но когда Амброзий рассказал мне об этом, я понял, что видел больше, чем было на картинке. Я видел солдатского бога, Слово, Свет, Доброго Пастыря, посредника меж единым Богом и человеком. Я видел Митру, что пришел из Азии тысячу лет тому назад. Амброзий рассказывал мне, что Митра родился в пещере,

среди зимы, и пастухи видели это, и в небе сияла звезда; он родился из земли и света и вышел из скалы с факелом в левой руке и с ножом в правой. Он убил быка, чтобы пролитая кровь принесла земле жизнь и плодородие, а потом, вкусив последний раз хлеба и вина, Митра был призван на небеса. Это бог силы и благородства, мужества и сдержанности.

— Солдатский бог,— повторил Амброзий.— Вот почему мы восстановили культ Митры: чтобы здесь, как и в римской армии, у всех предводителей и мелких королей, говорящих на множестве языков и поклоняющихся множеству богов, было нечто общее. О самом культе я тебе рассказывать не могу: это запретно. Тебе достаточно знать, что в ту ночь мы с моими офицерами собирались на священную церемонию, и твои разговоры о хлебе, вине и убитом быке звучали так, словно ты видел священнодействие,— больше, чем о том дозволено рассказывать. Быть может, ты еще увидишь все это. А пока остерегись, и, если кто-то спросит тебя о твоем видении, помни, что это был всего лишь сон. Понял?

Я кивнул. Но в голове у меня из всего, что он сказал, зацепилось одно. Я подумал о матери, о христианских священниках, о Галапасе, об источнике Мирддина, о том, что видится в воде и слышится в шуме ветра...

— Ты хочешь сделать меня посвященным Митры?

— Мужчина берет власть, кто бы ее ему ни предложил,— повторил Амброзий.— Ты говорил, что не знаешь, что за бог наложил на тебя свою руку; быть может, это Митра был тем богом, на чью тропу ты вступил, тем богом, что привел тебя ко мне. Увидим. А пока... Митра — бог воинства, и нам понадобится его помощь. А теперь, если тебе не трудно, принеси арфу и спой мне.

Вот так он беседовал со мной, обращаясь как с принцем. Здесь я чувствовал себя куда более принцем, чем в доме моего деда, где я имел хоть какие-то права на этот титул.

Кадаля сделали моим личным слугой. Поначалу я думал, что он возмутится,— после того, как он служил самому Амброзию, это можно было считать понижением в должности. Но Кадаль, похоже, не возражал — на самом деле мне показалось даже, что он доволен. Мы очень скоро сдружились, и, поскольку других мальчиков моих лет в доме не было, он сделался моим постоянным спутником. Обзавелся я и лошадью. Поначалу мне отдали одного из личных коней Амброзия, но через день я со стыдом

вынужден был просить, чтобы мне дали кого-нибудь более подходящего по росту, и для меня нашли маленького и крепкого серого конька, которого я, в приступе ностальгии, назвал Астером.

Так проходили первые дни. Я ездил повсюду в сопровождении Кадаля; здесь еще стояли морозы, а потом они сменились дождями, поля развезло, дороги сделались противными и скользкими; над пустошами день и ночь свистел холодный ветер, взбивая белую пену на серо-стальных волнах Малого моря, и северные стороны стоячих камней почернели от сырости. Однажды я попробовал найти тот камень с секирой, но мне это не удалось. Зато я нашел другой, на котором при определенном освещении был виден кинжал, и неподалеку — еще один большой камень, на котором под лишайниками и потеками птичьего помета виднелись очертания раскрытого глаза. Днем камни не так сильно дышали холодом в затылок, но все же здесь не оставляло чувство, что на тебя кто-то смотрит, и мой пони неохотно ходил в ту сторону.

Разумеется, я осмотрел и город. В центре его, на скалистом утесе, увенчанном высокой стеной, высился замок Будека. К воротам вел каменистый подъем, а сами они были заперты и хорошо охранялись. Я часто наблюдал, как Амброзий или кто-нибудь из его офицеров поднимается к воротам, но сам не подъезжал ближе сторожевого поста у начала подъема. Несколько раз я видел короля Будека, когда он выезжал со своими людьми. Его волосы и длинная борода были почти белыми, но он сидел на своем большом караковом мерине так, словно был лет на тридцать моложе, чем на самом деле. Мне доводилось слышать бесчисленные истории о том, как он отважен и искусен во владении оружием, и о том, как он поклялся отомстить Вортигерну за убийство своего родича, Констанция, даже если на это придется потратить всю жизнь. На самом деле похоже было, что так оно и выйдет, ибо казалось, что такой маленькой стране не по силам собрать войско, которое сможет нанести поражение Вортигерну и саксам и закрепиться в Великой Британии. Ничего, говорили люди, ничего, теперь уже скоро...

Каждый день, в любую погоду, на пустошах под стенами города проводились учения. Я узнал, что у Амброзия уже сейчас имеется постоянная армия численностью примерно в четыре тысячи человек. Что до Будека — это войско окупало свое содержание десятикратно: не далее чем в тридцати милях лежали владе-

ния другого короля, молодого и охочего до чужого добра, и лишь слухи о растущей силе Амброзия и о доблести его солдат удерживали соседа от вторжения. Будек с Амброзием поддерживали мнение, что эта армия — чисто оборонительная, и заботились о том, чтобы Вортигерн ничего не знал наверняка: новости о готовящемся вторжении достигали его ушей исключительно в форме слухов, а шпионы Амброзия следили за тем, чтобы они и оставались не более чем слухами. И Вортигерн считал — чего, собственно, и добивался Будек,— что Амброзий и Утер смирились со своей судьбой изгнанников и заботятся лишь об охране границ королевства, которое в один прекрасный день должно перейти в их руки.

Это впечатление поддерживалось тем, что войско использовали в качестве фуражиров. Не было такой грубой, грязной, тяжелой работы, от которой отказались бы воины Амброзия. Эти закаленные, бывалые солдаты как ни в чем не бывало занимались такими делами, от которых в войске моего деда отвернулись бы даже новобранцы. Они привозили в город дрова и складывали их в поленницы. Они копали и возили торф, жгли уголь. Они строили кузницы и работали в них, причем ковали не только оружие, но и всяческие орудия труда и инструмент: лопаты, лемеха, топоры, серпы... Они умели объезжать лошадей, пасти скот и забивать его; они делали телеги, могли за два часа разбить укрепленный лагерь и свернуть его за час. У Амброзия был отряд механиков; их мастерские занимали половину квадратной мили, и там могли сделать все: от амбарного замка до боевого корабля. Короче говоря, войско готовилось к тому, чтобы высадиться в чужой стране с завязанными глазами и при этом не только выжить, но и сохранить способность действовать в любой обстановке.

— Ведь только для солдат, приученных к хорошей погоде,— говорил однажды Амброзий при мне своим офицерам,— война — это летняя забава. А мне необходимо одержать победу, а после этого еще и сохранить завоеванное. А Британия — огромная страна; по сравнению с ней этот уголок Галлии — не более чем лужок. И потому, господа, мы будем сражаться весной и летом, но мы не отступим при первых октябрьских заморозках, чтобы отдыхать в тепле и точить мечи к следующему лету. Мы будем драться — в снегу, если придется, и в бури, и в морозы, и в зимнюю

распутицу. И все это время, в любую погоду, нам надо есть — пятнадцати тысячам человек надо есть, и есть хорошо.

Вскоре, примерно через месяц после моего приезда в Малую Британию, мои вольные деньки кончились. Амброзий нашел мне наставника.

Белазий был совсем не похож ни на Галапаса, ни на мирного пьяницу Деметрия, что был моим официальным наставником дома. Это был мужчина в расцвете сил, один из «доверенных людей» Амброзия — я так понял, что он ведает счетами и денежной стороной дел Амброзия. По образованию — математик и астроном, он был наполовину галлороманец, наполовину сицилиец — высокий мужчина с лицом оливкового цвета, с миндалевидными черными глазами, меланхоличным выражением лица и тонкими, жестокими губами. У него был ядовитый язык и вспыльчивый нрав, но его нельзя было назвать капризным. Я скоро понял, что можно избежать его насмешек и увесистых тумаков, если делать свою работу быстро и хорошо, а поскольку учение давалось мне легко и к тому же нравилось мне, мы скоро поняли друг друга и неплохо уживались вместе.

Однажды вечером в конце марта мы занимались в моей комнате в доме Амброзия. Белазий жил где-то в городе, но где — никогда не говорил, из чего я сделал вывод, что он живет с какой-нибудь шлюхой и боится, что я ее увижу. Работал он в основном в штабе, но комнаты рядом с сокровищницей были вечно забиты писцами и казначеями, поэтому со мной Белазий занимался в моей комнате, небольшой, но очень уютной: пол, вымощенный красной плиткой местной выделки, резная мебель яблонового дерева, бронзовое зеркало, жаровня и лампа римской работы.

В тот день лампа горела, несмотря на то что на дворе еще был день: погода стояла пасмурная и небо застилали облака. Белазий был доволен мною; мы занимались математикой, и это был один из тех дней, когда я ничего не забывал и решал все задачи, которые ставил передо мной Белазий, с такой легкостью, словно наука — ровный луг с нахоженными тропинками.

Белазий провел ладонью по табличке, стирая с воска мои записи, отодвинул ее в сторону и встал.

— Ты сегодня неплохо поработал. Это хорошо, потому что мне все равно пришлось бы уйти раньше.

Он протянул руку и позвонил в колокольчик. Дверь отворилась тотчас же — я понял, что слуга ждал прямо за дверью. Мальчик вошел, неся на руке плащ своего господина, поспешно развернул и встряхнул его, чтобы надеть на плечи господину. Мальчик даже не взглянул в мою сторону, чтобы испросить дозволения; он ел глазами Белазия, и видно было, как он его боится. Мальчик был мой ровесник или даже моложе; его русые вьющиеся волосы были коротко острижены, а серые глаза казались чересчур большими.

Белазий не сказал ему ни слова, даже не обратил на него внимания; он повернулся, мальчик набросил плащ ему на плечи и встал на цыпочки, чтобы застегнуть фибулу. Белазий сказал мне через голову мальчика:

— Я сообщу графу, что ты делаешь успехи. Он будет доволен.

Выражение его лица было настолько близко к улыбке, насколько Белазий вообще был способен улыбаться. Осмелев, я повернулся к нему.

— Белазий...

Он остановился на полпути к дверям.

— Да?

— Ты, должно быть, знаешь... Скажи, пожалуйста... Чего он от меня хочет?

— Он хочет, чтобы ты занимался математикой и астрономией и не забывал языки.

Голос его был ровным, механическим, но в глазах поблескивал смех, и потому я снова спросил:

— Зачем? Чтобы стать кем?

— А кем бы ты сам хотел стать?

Я не ответил. Он кивнул так, словно получил ответ.

— Если бы он хотел сделать из тебя воина, ты бы сейчас маршировал на плацу.

— Но... но я живу здесь, в его доме, ты меня учишь, Кадаль мне прислуживает... Я не понимаю. Мне следовало бы как-то служить ему, а не просто учиться... и жить в роскоши, словно принц. Я ведь знаю, что до сих пор жив лишь благодаря его милости.

Он некоторое время смотрел на меня из-под своих удлиненных век.

Потом улыбнулся.

— Запомни одну вещь. Насколько мне известно, однажды ты сказал ему, что важно не то, кто ты, а то, что ты собой представляешь. Поверь мне, он сумеет использовать тебя, как и всех прочих. Так что перестань размышлять об этом и предоставь все времени. А теперь мне пора идти.

Мальчик отворил ему дверь — и мы увидели на пороге Кадаля, который как раз поднял руку, чтобы постучать.

— Ох, господин, извини! Я только хотел посмотреть, скоро ли вы закончите. И уже оседлал лошадей, господин Мерлин.

— Мы закончили,— сказал Белазий. Он остановился в дверях и оглянулся.— А куда это вы едете?

— На север, наверно. По той дороге, что ведет через лес. Она хорошо вымощена и, должно быть, достаточно сухая.

Белазий поколебался, потом сказал — скорее Кадалю, чем мне:

— Тогда не сворачивайте с дороги и возвращайтесь домой до темноты.

Он кивнул и вышел, и мальчик вслед за ним.

— До темноты? — сказал Кадаль.— Да сегодня весь день темно. А теперь еще и дождь припустил. Слушай, Мерлин,— когда мы бывали наедине, мы оставляли формальности,— а почему бы нам не пойти в мастерские? Ты ведь любишь там бывать. А сегодня Треморин собирался испытывать новый подъемник... Что ты скажешь на то, чтобы остаться в городе?

Я покачал головой.

— Извини, Кадаль, но мне надо ехать, даже если идет дождь. Мне что-то не сидится сегодня на месте, и я непременно должен выбраться из города.

— Ну, так давай проедем пару миль в сторону гавани, и хватит с тебя. Иди сюда, давай плащ надену. В лесу же тьма кромешная! Будь благоразумен, Мерлин.

— В лес! — упрямо сказал я, повернув голову, чтобы Кадаль мог застегнуть на мне плащ.— И не спорь со мной, Кадаль. Вот Белазий правильно делает, если хочешь знать. Его слуга и рта раскрыть не смеет, не то что спорить с хозяином. Надо бы и мне вести себя с тобой так же. Вот прямо сейчас и начну... Ну чего ты ухмыляешься?

— Ничего. Ладно, я знаю, когда надо уступить. В лес так в лес. Ну а если мы заблудимся и не сможем выбраться оттуда, я, по крайней мере, пропаду вместе с тобой, и мне не придется отвечать за тебя перед графом.

— Можно подумать, он так уж огорчится!

— Не огорчится, конечно,— сказал Кадаль, открывая передо мной дверь.— Это так, к слову пришлось. Он, небось, и не заметит!

Глава 7

Снаружи было вовсе не так темно, как казалось в доме, и довольно тепло: стоял один из тех тяжелых, мрачных дней, когда все затянуто туманом, и моросил мелкий дождь, крошечными каплями оседавший на наших толстых плащах.

Примерно в миле к северу от города плоские пустоши, выметенные соленым ветром, уступали место лесу. Поначалу нам попадались лишь отдельные деревья, разбросанные по равнине. Клочья белого тумана висели в нижних ветвях или лужами расползались по земле, временами взвихряясь, когда сквозь них пробегал олень.

На север шла старая мощеная дорога. Ее строители вырубили лес и кустарники на сто шагов по обе стороны, но со временем вырубленная полоса заросла утесником, вереском и молодыми деревцами, так что лес подступал к самой дороге и на ней было темно.

Ближе к городу нам встретились один-два крестьянина, везущие хворост на своих осликах, и один раз мимо нас промчался гонец Амброзия. Он мельком глянул в нашу сторону и вроде как поклонился мне. Но в лесу никого не было. Немногочисленные мартовские птицы уже умолкли, а совы еще не вылетели на охоту, и в лесу стояла тишина.

Когда мы въехали в чащу, дождь перестал, и туман немного рассеялся. Вскоре мы выехали на перекресток. Большак пересекался с другой, немощеной дорогой. По этой дороге вывозили из леса бревна, ездили угольщики. Она была с глубокими колеями, но прямая и ровная. Если держаться обочины, можно ехать галопом.

— Кадаль, поехали туда!

— Нам же было сказано не сворачивать!

— Да, Белазий так сказал, но почему? В лесу же спокойно!

Это была правда. То было еще одно достижение Амброзия: люди больше не боялись оказаться в глуши и удаляться от города. По лесам постоянно ездили отряды, которые всегда были начеку и жаждали действий. На самом деле, как однажды признался Амброзий, главная опасность была в том, что войска застоятся и утратят боевой дух. Ну а пока что разбойники и недовольные укрывались подальше, и народ мог спокойно ездить по своим делам. Даже женщины путешествовали почти без охраны.

— А к тому же,— добавил я,— что мне за дело до слов Белазия? Он всего лишь учит меня — и больше ничего. Мы не заблудимся, если не станем сворачивать с дороги, а если не поехать галопом сейчас, то потом, когда мы вернемся в поля, будет уже поздно, и мы так и не успеем размять лошадей. Ты ведь сам все время жалуешься, что я плохо езжу! А как я могу научиться, если мы только и делаем, что трусим по дороге? Ну пожалуйста, Кадаль!

— Слушай, я ведь тебе тоже не хозяин. Ладно, поехали, только недалеко. Побереги пони: в лесу будет темнее. И вообще, дай-ка я поеду вперед.

Я положил руку на его поводья.

— Нет, Кадаль. Разреши мне поехать вперед, а сам держись чуть поодаль, ладно? Понимаешь, я... здесь почти не бываю один, а я привык к одиночеству. Это одна из причин, почему я решил ехать в лес.

И на всякий случай добавил:

— Ты не думай, мне с тобой хорошо, но просто мне иногда нужно... ну... поразмыслить в одиночестве. Не мог бы ты отстать шагов на пятьдесят?

Он тут же осадил лошадь. Откашлялся.

— Я же говорю, я тебе не хозяин! Поезжай вперед. Только будь осторожен.

Я повернул Астера на поперечную дорогу и пустил его в галоп. Он три дня простоял в стойле, и, несмотря на то что мы проехали уже немало, прижал уши и рванул вперед, по обочине дороги, заросшей зеленой травой. Нам повезло: туман уже почти рассеялся. Но местами он еще курился, и клочья его висели почти вровень с седлом, так что кони плыли через него, рассекая его грудью, как воду. Кадаль сильно отстал; топот копыт его кобылы казался лишь гулким эхом подков моего пони. Дождик утих, воздух был свеж и прохладен и напоен смолистым запахом сосен. Над головой с нежным шепчущим криком пролетел вальдшнеп; я задел головой мягкую еловую лапу, и она уронила горсть капель мне на лицо и за шиворот. Я встряхнул головой и рассме-

ялся; пони припустил еще быстрее, разметав грудью облако тумана. Я пригнулся к шее пони: дорога сузилась, и ветви хлестали нас уже не на шутку. Темнело; небо над вершинами сделалось уже почти черным, и лес катился мимо темным облаком, напоенным влажными ароматами. Стояла тишина — слышался лишь дробный топот Астера да редкие удары подков кобылы.

Кадаль крикнул, чтобы я остановился. Я послушался не сразу, и топот кобылы участился и приблизился. Астер насторожил уши, потом снова прижал их и попытался прибавить ходу. Я натянул поводья. Остановить его было нетрудно: он уже вспотел и немного устал. Он перешел на рысь, потом остановился и смирно стоял, ожидая, пока подъедет Кадаль. Гнедая кобыла тоже остановилась. Теперь единственным звуком в лесу было шумное дыхание лошадей.

— Ну,— сказал Кадаль,— получил что хотел?

— Да,— ответил я.— Только ты слишком быстро остановил меня.

— Надо возвращаться, а то к ужину опоздаем. А он шустрый, твой пони. Обратно тоже первым поедешь?

— Да, если можно.

— Я же говорю, это без вопросов, делай что хочешь. Тебя, конечно, не отпускают одного, но ведь это потому, что ты еще мальчик, и я должен следить, чтобы с тобой ничего не случилось, только и всего.

— А что со мной может случиться? Дома я всегда ездил повсюду один.

— Но ты же не дома. Ты еще здесь всех мест не знаешь. Ты можешь заблудиться или упасть с лошади и сломать ногу. Так и будешь валяться где-нибудь в лесу...

— Вряд ли такое может случиться, Кадаль. Тебе просто приказали следить за мной. Так ведь?

— Не следить, а присматривать.

— А, все одно! Я ведь слышал, как тебя зовут: «Сторожевой пес».

— Не надо смягчать! — проворчал Кадаль.— «Черный пес Мерлина» — вот как меня зовут, я сам это слышал. Но я не против, не думай. Я делаю то, что он мне велит, и не задаю вопросов. Но мне жаль, если тебе это досаждает.

— Нет, Кадаль! Что ты... Я не то имел в виду. Все в порядке. Только... только... Кадаль!

— Да?

— Так значит, я все-таки заложник?

— Не могу сказать,— ответил Кадаль деревянным голосом.— Ну что, проезжай, что ли?

В том месте, где остановились наши лошади, дорога была узкая: посредине разлилась глубокая лужа, и в мутной воде отражалось ночное небо. Кадаль натянул поводья и заставил свою кобылу отступить назад, в кусты, что росли вдоль дороги, а я выслал Астера вперед, мимо кобылы. Мой пони не любил лишний раз мочить ноги. Когда объемистый круп кобылы уперся в сплетение дубовых и каштановых ветвей, в чаще внезапно раздался треск ломаемых сучьев, и какой-то зверь выскочил из подлеска чуть не под самым брюхом кобылы и перебежал дорогу перед носом моего пони.

Обе лошади испугались. Кобыла всхрапнула и рванулась вперед, натягивая повод. Астер дико взбрыкнул, едва не выбросив меня из седла. И тут кобыла толкнула его, пони споткнулся, метнулся в сторону и таки сбросил меня.

Я тяжело приземлился у самой лужи, на мягкую лесную подстилку, но рядом с колючим сосновым пнем: еще бы несколько дюймов, и мне несдобровать. А так я отделался несколькими царапинами и парой синяков, если не считать подвернутой лодыжки. Когда встал на четвереньки и попытался опереться на ногу, меня пронзила такая острая боль, что черный лес вокруг поплыл.

Кобыла еще не перестала брыкаться, а Кадаль уже спрыгнул на землю, забросил поводья на сук и склонился надо мной.

— Мерлин... господин Мерлин... ты не ранен?

Я расцепил сжатые зубы и принялся неуклюже растирать руками лодыжку.

— Нет. Вот только нога...

— Дай гляну... Нет, сиди тихо. Клянусь собакой, Амброзий с меня за это шкуру спустит!

— Кто это был?

— Кабан, похоже. Для оленя мелковат, для лисы слишком велик.

— Да, я так и подумал. По запаху понял. Что там с пони?

— Да он, наверно, уж на полпути к дому. И надо ж тебе было выпустить поводья!

— Извини. Перелом?

Его руки осторожно ощупывали мою лодыжку.

— Да нет, не похоже... Нет, точно нет. Ты сам-то в порядке? Ну-ка попробуй встать... Кобыла довезет нас обоих, а я хочу по возможности вернуться домой прежде, чем твой пони вернется без всадника. Если Амброзий его увидит, меня точно скормят миногам.

— Ты же не виноват! Неужели он так несправедлив?

— Он решит, что я виноват. И будет прав. Ну, вставай.

— Нет, погоди. И не беспокойся насчет Амброзия. Пони не убежал, он остановился и стоит на дороге. Поди и приведи его.

Кадаль склонился надо мной. Я видел его смутный силуэт на фоне неба. Он поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда я указал. Кобыла стояла тихо, только прядала ушами и нервно косила глазом. В лесу было тихо — только где-то заухала сова да вдалеке, на грани слышимости, эхом отозвалась ей другая.

— Да тут в двадцати футах ничего не видно! — сказал Кадаль.— Я его не вижу. Ты что, слышал, как он остановился?

— Да.

Я лгал, но сейчас было не время и не место объяснять правду.

— Ступай и приведи его. Пешком. Он не успел убежать далеко.

Он уставился на меня, потом без единого слова поднялся на ноги и пошел по дороге. Я видел его изумленное лицо так же отчетливо, как при дневном свете. Мне вдруг вспомнилось лицо Кердика тогда, в Королевской Башне. Я прислонился к пню. Я чувствовал, как болят мои ушибы, лодыжка ныла, но, несмотря на все это, на меня нахлынули восторг и свобода, которые приносит с собой сила. Ощущение было такое, словно я хлебнул горячего вина. Теперь я знал, что не случайно поехал этой дорогой. Это был час, когда ни тьма, ни расстояние, ни время не имеют значения. У меня над головой через дорогу медленно проплыла сова. Кобыла насторожилась и проводила ее взглядом — но не испугалась. В небе попискивали летучие мыши. Я подумал о хрустальном гроте, о том, как Галапас принял мой рассказ о видении. Он не смутился, даже не удивился. Я внезапно подумал, а что сказал бы об этом Белазий. И понял, что он бы тоже не удивился.

Копыта упруго ступали по мягкому дерну. Сперва я увидел Астера — он приближался ко мне, как серый призрак; Кадаль рядом с ним казался черной тенью.

— Он в самом деле остановился,— сказал Кадаль,— и не без причины — здорово хромает. Должно быть, растянул ногу.

— Ну, по крайней мере, он не доберется домой раньше нас.

— Неприятности у нас все равно будут, когда бы мы ни вернулись, можешь быть уверен. Давай сюда, я подсажу тебя на Руфу.

Он подал мне руку. Я осторожно поднялся на ноги. Когда я пытался наступить на левую ногу, она по-прежнему отзывалась резкой болью, но я чувствовал, что это не более чем растяжение и скоро пройдет. Кадаль усадил меня на кобылу, отвязал поводья от сука и дал их мне. Потом цокнул языком Астеру и медленно повел его вперед.

— Ты чего? — спросил я.— Что, кобыла двоих не выдержит?

— А зачем? Ты же видишь, как он хромает. Его все равно придется вести. Я поведу его впереди, чтобы он задавал шаг. А кобыла пускай идет следом. Ты там как?

— Спасибо, отлично.

Серый пони в самом деле здорово хромал. Он медленно шел рядом с Кадалем, опустив голову. В темноте он казался клубом дыма. Кобыла тихо шагала вслед за ним. Я рассчитал, что нам понадобится не меньше двух часов, чтобы добраться домой — даже без того, что ожидало нас впереди.

Это тоже было своего рода одиночество: вокруг стояла тишина — лишь мягкий топот лошадиных копыт, поскрипыванье сбруи да лесные шорохи. Кадаль был лишь тенью рядом с движущимся туманным силуэтом Астера. Я слегка покачивался, восседая на большой кобыле, и пребывал наедине с тьмой и деревьями.

Мы прошли, наверно, с полмили, когда я увидел справа, в ветвях большого дуба, немигающую белую звезду.

— Кадаль, а нет ли более короткой дороги? Помнится, у этого дуба была тропа, ведущая на юг. Туман рассеялся, ночь звездная... Погляди, вон Медведица!

Из темноты послышался голос Кадаля:

— Нет уж, идем лучше к дороге!

Но через несколько шагов он остановился у начала этой тропы и подождал кобылу.

— А что, хорошая тропа! — сказал я.— Прямая, ровная и куда суше этой. Все, что нужно,— это идти так, чтобы Медведица постоянно была за спиной. И через пару миль мы уже почувствуем запах моря. Ты что, здешних троп не знаешь?

— Да знаю! Этой дорогой и впрямь короче будет, если только не собьемся... Ну ладно.

Я услышал, как он выдвинул из ножен свой короткий колющий меч.

— Вряд ли что-то может случиться, но на всякий случай лучше быть начеку. Так что помалкивай и держи наготове нож. И вот что я тебе скажу, маленький Мерлин: если что-то случится, скачи домой и не оглядывайся. Я с этим сам разберусь. Понял?

— Снова приказ Амброзия?

— Если хочешь — да.

— Ну ладно, обещаю, что в случае чего удеру от тебя без оглядки, если тебе так спокойнее. Но только ничего не случится.

— Можно подумать, ты это наверняка знаешь! — проворчал Кадаль.

— Знаю, знаю! — рассмеялся я.

Он покосился на меня — его глаза блеснули в звездном свете, а рука дернулась сделать охранительный жест. Потом он молча повернулся и повел Астера по тропе, ведущей на юг.

Глава 8

Несмотря на то что тропа была достаточно широка, чтобы два всадника могли ехать по ней бок о бок, мы шли гуськом. Бурая кобыла приноравливала свой широкий, плавный шаг к мелким шажкам хромающего пони.

Похолодало. Я закутался в свой плащ. Туман рассеялся совершенно, небо очистилось, на нем показались звезды, и дорога стала виднее. Вокруг возвышались огромные деревья — по большей части дубы, огромные древние великаны, стоявшие довольно далеко друг от друга, а между ними густо росли молодые деревца, и омела сплеталась с голыми плетями жимолости и зарослями терна. Тут и там на фоне неба густо чернели сосны. Временами слышалось шлепанье срывавшихся с листьев капель. Один раз откуда-то донесся писк мелкого зверька, умирающего в когтях совы. В воздухе пахло сыростью, грибами, палой листвой — густой, сытный запах.

Кадаль шагал молча, глядя на тропу,— временами под ноги попадались обломанные сучья. За ним, раскачиваясь в седле кобылы, ехал я, охваченный все той же пьянящей, окрыляющей силой. Впереди нас ожидало нечто, и я знал, что меня ведут к нему так же верно, как когда-то мерлин привел меня к пещере у Королевской Башни.

Руфа насторожила уши, тихонько фыркнула и вскинула голову. Кадаль ничего не услышал, а серый пони был слишком поглощен своей хромотой и не подал виду, что чует других лошадей. Но я знал, что они здесь, еще прежде, чем их почуяла Руфа.

Тропа повернула и мягко пошла под уклон. Деревья по обе стороны слегка расступились, так что ветви больше не смыкались над головой и стало светлее. Теперь тропа шла в ложбине, и по обе стороны возвышались склоны, покрытые скалами и валунами, меж которых летом, должно быть, цвела наперстянка и росли папоротники, но теперь торчали лишь голые и колючие плети ежевики. Когда мы спускались по склону, под копытами лошадей хрустели камешки.

Внезапно Руфа, не сбавляя шага, вскинула голову и протяжно заржала. Кадаль чертыхнулся и остановился как вкопанный. Кобыла поравнялась с ним и тоже встала, задрав голову, насторожив уши, глядя в лес, вправо от нас. Кадаль схватил ее под уздцы, заставил опустить голову и зажал ей ноздри под мышкой. Астер тоже вскинул голову, но не издал ни звука.

— Лошади,— тихо сказал я.— Чуешь, Кадаль?

Кадаль пробормотал что-то вроде: «Чуешь! Должно быть, у тебя нюх, как у лисицы»,— и торопливо потянул кобылу с дороги:

— Возвращаться поздно, они уже услыхали эту чертову кобылу. Лучше спрятаться в лесу.

Я остановил его.

— Не надо. Ничего не случится, я уверен. Поехали.

— Ты говоришь так уверенно, словно наверняка знаешь. Но откуда бы тебе...

— Я знаю. В любом случае, если те люди хотели с нами что-то сделать, они бы это давно сделали, так как наверняка знают, что у нас только две лошади и одна из них хромает.

Но Кадаль все еще колебался, не отпуская рукоять своего короткого меча.

У меня по спине ползли мурашки от возбуждения. Я видел, куда смотрит кобыла: в сторону сосновой рощицы шагах в пятидесяти впереди, на холмике над тропой. Сосны выступали черным силуэтом даже на фоне черного леса. Внезапно я почувствовал, что больше ждать не в силах, и нетерпеливо сказал:

— Ты как хочешь, а я поехал!

Я вырвал у него поводья Руфы и пнул кобылу здоровой ногой, так что она сразу пустилась рысцой, обогнав серого пони. Я направил ее наверх, в рощу.

Лошади были там. Над просветом в густых кронах горела россыпь звезд, и я отчетливо видел лошадей. Их было всего две; они стояли неподвижно, опустив головы, и маленькая фигурка, закутанная от холода в длинный плащ с капюшоном, прижимала их морды к груди. Когда человек обернулся взглянуть, кто едет, капюшон упал у него с головы, и во мраке показался бледный овал лица. Больше никого в роще не было.

На миг мне показалось, что черный конь, стоявший ближе ко мне,— жеребец Амброзия, но когда он высвободил морду из плаща, я увидел у него на лбу белую звездочку и в мгновение ока понял, зачем судьба привела меня сюда.

За спиной у меня ругающийся Кадаль взобрался по склону, таща в поводу Астера. В руке у Кадаля блеснул меч.

— Кто это?

Я, не оборачиваясь, тихо ответил:

— Убери оружие. Это Белазий... По крайней мере, лошадь его. И еще одна, и мальчик. И все.

Кадаль подошел ко мне, опуская на ходу меч в ножны.

— Ты прав, клянусь собакой! Я эту белую плешинку за милю признаю.

— Эй, Ульфин, привет! А где твой хозяин?

Я даже за шесть шагов услышал, как мальчик испустил вздох облегчения.

— Ох, Кадаль, это ты! Господин мой Мерлин... Я слышал, как заржала ваша лошадь... Я думал... Здесь никто никогда не ездит...

Я подъехал поближе и взглянул на него сверху вниз. Его запрокинутое лицо было белее мела, глаза — огромные, расширенные... Он все еще чего-то боялся.

— Белазий, похоже, ездит,— сказал я.— Зачем?

— Он... он мне не говорит, господин...

— Ну, нечего дурака валять! — перебил его Кадаль.— Я думаю, чего ты о нем не знаешь, того и знать не стоит. Ты ведь все время при нем, днем и ночью, это все знают. Давай, выкладывай. Где твой хозяин?

— Я... он скоро вернется...

— Ну, мы его ждать не станем,— сказал Кадаль.— Нам нужна лошадь. Ступай, скажи ему, что мы здесь, господин Мерлин ранен, его пони охромел, а нам нужно побыстрее добраться домой... Ну, чего стоишь? Что с тобой такое?

— Я не могу! Он сказал, чтобы я за ним не ходил. Он запретил мне уходить отсюда.

— Так же как запретил нам сворачивать с дороги, если мы поедем в эту сторону? — спросил я.— Да, конечно. Тебя Ульфин зовут? Так вот, Ульфин, дело не в лошади. Я хочу знать, где Белазий.

— Я... я не знаю.

— Но ты, по крайней мере, видел, в какую сторону он поехал?

— Н-нет, господин...

— Клянусь собакой,— воскликнул Кадаль,— какое тебе дело, где он? Нам нужна лошадь. Слушай, парень, подумай головой. Мы не можем полночи ждать здесь твоего хозяина. Нам надо домой. Если ты ему скажешь, что лошадь понадобилась господину Мерлину, он тебя живьем не съест, верно?

Мальчик начал что-то мямлить.

— Ну так что,— перебил его Кадаль,— может, нам самим съездить попросить у него разрешения?

Мальчишка дернулся и сунул кулак в рот, отчего сразу стал похож на дурачка.

— Нет... Не надо... Не надо!

— Клянусь Митрой! — сказал я (я в то время пристрастился к этой клятве, подражая Амброзию, который изредка употреблял ее).— Что он там делает? Режет кого, что ли?

И тут раздался вопль.

Это не был крик боли, нет — хуже: это был крик смертного ужаса.

Мне показалось, что в этом вопле прозвучало какое-то слово, как будто человек понял, что ему угрожает,— но я этого слова не знал. Крик все нарастал — казалось, тот, кто издает его, вот-вот разорвется от натуги,— потом вдруг внезапно оборвался, словно кричавшего ударили по лицу. В наступившей жуткой тишине слабым эхом этого крика казалось судорожное дыхание маленького Ульфина.

Кадаль застыл в полуобороте, одна рука на мече, другая сжимает поводья Астера. Я резко развернул кобылу и хлестнул ее по-

водьями по шее. Она рванулась вперед так, что я чуть не вылетел из седла, и понеслась меж сосен к тропе. У меня над головой проносились ветви. Я распластался на шее кобылы, вцепился рукой в узду и висел на ней, словно клещ. Ни Кадаль, ни мальчик не сдвинулись с места и не издали ни звука.

Кобыла, спотыкаясь и скользя, спустилась со склона, и, выехав на дорогу, я увидел другую тропу. Это было так естественно, что я даже не удивился и ни о чем не подумал. Тропа была узкая, заросшая и вела через дорогу в сторону, противоположную сосновой роще.

Я натянул повод, а когда кобыла заупрямилась и собралась свернуть на широкую тропу, ведущую к дому, я еще раз хлестнул ее. Она прижала уши и галопом ринулась по тропе.

Тропа кружила и петляла, так что нам почти тотчас же поневоле пришлось замедлить бег. Кобыла перешла на тяжелый короткий галоп. Мы двигались в том направлении, откуда донесся ужасный крик. Даже сейчас, в звездном свете, было видно, что по этой тропе совсем недавно кто-то прошел. По ней ходили так редко, что она почти вся заросла зимней травой и вереском, но кто-то только что пробивался через эти заросли. Тропа была такой мягкой, что даже скачущая лошадь двигалась почти бесшумно.

Я напряг слух — не скачет ли за мной Кадаль? — но его не было слышно. Мне только теперь пришло в голову, что они с мальчиком могли решить, что я испугался этого вопля и сбежал домой, как и приказывал мне Кадаль.

Я заставил Руфу перейти на шаг. Она охотно замедлила бег, вскинула голову и снова насторожила уши. Кобыла дрожала: она тоже слышала этот вопль. Впереди, шагах в трехстах, показалась прогалина; там было так светло, что я подумал, что лес, должно быть, кончается. Я насторожился, но впереди не было заметно никакого движения.

И вдруг я услышал впереди пение — такое тихое, что мне пришлось напрячь слух, чтобы убедиться, что это не ветер и не шум моря.

По спине у меня поползли мурашки. Теперь я понял, где сейчас Белазий и почему Ульфин так боится. И почему Белазий сказал нам, чтобы мы не сворачивали с дороги и вернулись домой до темноты.

Я выпрямился в седле. Мою кожу окатывало мелкими волнами жара — словно порывы ветра пролетают над водой. Дыхание

мое участилось. Я подумал, уж не страх ли это, потом понял — нет, это от возбуждения. Я остановил кобылу, бесшумно соскользнул с седла, увел ее с тропы шага на три в лес, привязал к дереву и оставил там. Нога болела, когда я на нее наступал, но боль была вполне терпимой, и я вскоре забыл о ней, поспешно ковыляя в сторону просвета, туда, откуда слышалось пение.

Глава 9

Я был прав, когда думал, что море близко. Лес кончился, и я увидел перед собой морской залив, такой замкнутый, что поначалу я решил было, что это большое озеро. Но потом я ощутил соленый запах и увидел на узком галечном пляже скользкую полосу морских водорослей. Лес кончился резко; впереди виднелся глинистый обрыв, из которого торчали корни деревьев — берег был подмыт приливами. Узкий пляж покрывала галька, но местами, там, где в море впадали ручьи, расходились веером светлые полосы чистого песка. Вода в бухте была очень спокойной, словно лед еще не успел растаять после морозов, и впереди, бледной полоской на фоне темного леса, виднелся выход в открытое море. Справа, на юге, вздымался темный холм, поросший лесом; на севере, где склон был более пологим, росли большие дубы. Этот залив на первый взгляд казался превосходной гаванью, но он был очень мелок, и сейчас, при отливе, из воды выступали черные скалы и валуны, покрытые водорослями, блестящими в звездном свете.

В середине бухты лежал остров — точно в центре, так что я даже подумал было, что он рукотворный. Хотя островом он оказывался только во время прилива, а сейчас это был полуостров: овальный клочок суши, соединенный с берегом грубой дорожкой из камней. Вот она-то явно была создана человеческими руками. Она шла к острову, словно причальный канат к носу корабля. В ближайшем из мелких заливчиков, образованных дорожкой и берегом, лежали у воды несколько маленьких лодочек — кожаных челноков,— словно тюлени, выбравшиеся на сушу.

Здесь, у воды, все еще лежал туман — он висел на ветвях, словно рыбачьи сети, развешанные для просушки. Туман плыл над поверхностью воды, медленно расползаясь и истаивая, чтобы снова сгуститься где-нибудь в другом месте, и тихо курился над водой. У острова туман лежал так густо, что казалось, будто

он плывет в облаках, и бледный свет звезд, отражаясь от тумана, освещал все достаточно ярко.

Остров был даже не овальной, а яйцевидной формы: он сужался к той стороне, куда вела дорожка, а к дальнему концу расширялся, и там поднимался небольшой холмик правильной формы, похожий на улей. Холмик был окружен кольцом стоячих камней, разорванным лишь в одном месте, так что проем образовал как бы ворота, к которым от дорожки вела колоннада стоячих камней.

Все было тихо и неподвижно. Если бы не темные силуэты лодок на берегу, я мог бы подумать, что этот вопль и пение лишь почудились мне. Я стоял на самом краю леса, обхватив левой рукой молодой ясень и опираясь на правую ногу. Глаза мои так привыкли к темноте, что мне казалось, что на острове светло как днем.

У подножия холма, там, где кончалась колоннада, внезапно появился огонек факела. Он на миг озарил отверстие в склоне холма и перед ним — человека в белом платье, держащего факел. Я только теперь увидел, что клубы тумана у подножия кромлеха на самом деле — неподвижные фигуры, тоже облаченные в белое. Когда вышедший из холма поднял факел, снова послышалось тихое пение со странным, неуловимым, блуждающим ритмом. Потом человек с факелом снова как бы ушел под землю. Я понял, что отверстие в склоне ведет в глубь земли и человек спускается по ступенькам в сердце холма. Прочие двинулись вслед за ним, толпясь у входа и исчезая, словно дым, уходящий в дверцу печи.

Пение продолжалось, но такое слабое и приглушенное, что теперь оно было больше похоже на гудение пчел в зимнем улье. Мелодии не было слышно — лишь ритм слабо трепетал в воздухе, ощутимый скорее кожей, чем на слух. Мало-помалу он становился все напряженнее и быстрее и в конце концов сделался жестким и учащенным — и сердце мое забилось быстрее вместе с ним...

Внезапно все затихло. Наступила тишина — полная тишина, но такая томительная, что у меня в горле встал ком от напряженного ожидания. Я обнаружил, что вышел из леса и стою на краю обрыва над берегом, расставив ноги и крепко упершись в землю, словно мое тело вросло корнями в почву и всасывало жизнь, как корни деревьев всасывают земные соки. И подобно тому, как растет и набухает почка на дереве, во мне росло и набухало напряжение, текущее из недр острова по пуповине дорожки и прорывающееся сквозь плоть и дух, так что, когда наконец раздался крик, мне почудилось, что это кричу я сам.

На этот раз крик был другой — тонкий, пронзительный, он мог означать все, что угодно,— от торжества до покорности и боли. Смертный крик, но не вопль жертвы, а крик убийцы.

И — тишина. Ночь была безмолвной и неподвижной. Остров казался закрытым ульем, и неизвестно, что ползало и гудело там внутри.

Потом предводитель — я решил, что это он, хотя на этот раз он был без факела,— внезапно возник в проходе, подобно призраку, и поднялся по ступеням. За ним вышли остальные, шагая друг за другом безмолвной процессией, медленной, ровной поступью. Они сходились и расходились, сплетая фигуры некоего танца, и наконец снова остановились, выстроившись двумя рядами вдоль кромлеха.

И снова наступила мертвая тишина. Потом предводитель вскинул руки.

И, словно повинуясь его сигналу, над холмом появился край луны, белый и сияющий, как клинок.

Предводитель снова вскричал — и этот, третий крик был приветственным и торжествующим. Он воздел руки над головой, как бы протягивая небу то, что он держал.

Толпа ответила ему. Сперва отозвался один ряд, затем другой.

Потом, когда луна оторвалась от вершины холма, жрец опустил руки, обернулся и протянул собравшимся то, что прежде предлагал богине. Толпа обступила его.

Я так внимательно наблюдал за церемонией, что вершилась в центре острова, что не заметил, как туман поднялся выше и заполз в самую колоннаду. Теперь мне снова казалось, что на острове толпятся не люди, а клубы тумана, которые скользят над землей, расходятся, расползаются...

Внезапно я осознал, что они и в самом деле расходятся. Толпа рассыпалась на мелкие группки, и люди по двое и по трое медленно спускались вниз, временами исчезая в тенях, которые отбрасывали стоячие камни в свете луны. Люди направлялись к лодкам.

Понятия не имею, сколько времени это все продолжалось, знаю только, что, очнувшись, я обнаружил, что все тело у меня

застыло и, там, где плащ сполз с плеча, одежда промокла от тумана. Я встряхнулся, как пес, и снова отступил и укрылся за деревьями. Возбуждение покинуло меня, вытекло из духа и тела вниз по ногам, и мне стало пусто и стыдно. Я смутно понимал, что это что-то иное — не та сила, которую я научился впивать и хранить в себе: сила не оставляет по себе подобного чувства. После прилива силы ощущаешь себя легким, свободным и острым, словно наточенный клинок, а сейчас я казался себе опорожненным горшком, еще липким и воняющим тем, что в нем было.

Я наклонился — тело все еще гнулось с трудом,— сорвал пучок бледной и влажной травы и вытер ею руки, а потом омыл лицо каплями росы, висевшими на листьях. Роса пахла листвой и сырым воздухом. Мне вспомнился Галапас, священный источник и продолговатый ковшик из рога... Я вытер руки плащом, закутался в него и вернулся к своему ясеню.

Залив покрылся множеством удаляющихся лодок. Остров опустел — теперь на нем не было никого, кроме высокого человека в белом, что спускался по тропе меж стоячих камней. Он то исчезал в тумане, то вновь появлялся. Он шел не к лодкам, а напрямик к дорожке, ведущей на берег, но, дойдя до последнего камня, он остановился в его тени — и исчез.

Я стоял и ждал, не ощущая ничего, кроме усталости. Больше всего мне сейчас хотелось напиться чистой воды и оказаться в своей теплой, уютной комнате. Вся магия исчезла; ночь была пресной, словно старое прокисшее вино. Через несколько мгновений я увидел, как человек вновь выступил на свет. Теперь он был в черном. Он всего-навсего сбросил свое белое одеяние и теперь нес его, перекинув через руку.

Последняя лодка растаяла во тьме. Одинокий человек быстро шагал по дорожке. Я отошел от дерева и спустился на берег навстречу ему.

Глава 10

Белазий увидел меня прежде, чем я выступил из-за деревьев. Он ничего не сказал, но, выйдя на берег, повернул в мою сторону. Не спеша подошел и остановился передо мной, глядя на меня сверху вниз.

— А! — сказал он вместо приветствия, без малейшего удивления.— Мне следовало бы догадаться. И давно ты здесь?

— Не знаю,— ответил я.— Время прошло незаметно. Мне было интересно.

Белазий ничего не сказал. Луна светила ему в правую щеку. Я не видел его глаз — они были скрыты опущенными длинными веками,— но в его голосе и во всем облике ощущалось почти сонное спокойствие. Я и сам чувствовал себя так же после того последнего крика. Стрела слетела с тетивы, и тетива спущена...

Белазий не обратил внимания на мое вызывающее замечание. Он просто спросил:

— Что привело тебя сюда?

— Я ехал мимо и услышал крик.

— А! — снова сказал он.— Откуда?

— От сосновой рощи, где ты оставил лошадей.

— А зачем ты сюда приехал? Я ведь говорил вам, чтобы вы не сворачивали с дороги!

— Я знаю, но мне хотелось проехаться галопом, и мы свернули на поперечную дорогу, а Астер повредил ногу и обратно его пришлось вести. Он шел медленно, а время было позднее, и мы решили сократить путь.

— Понятно. А Кадаль где?

— Наверно, он решил, что я поскакал домой, и отправился вслед за мной. Во всяком случае, сюда он за мной не последовал.

— Очень разумно с его стороны,— сказал Белазий. Его голос по-прежнему был сонным, но теперь он был вкрадчиво-сонным, как у дремлющего кота,— бархатные лапы, скрывающие стальные когти.— Но несмотря на... на то, что ты слышал, тебе и в голову не пришло броситься домой?

— Конечно нет!

Глаза его на миг блеснули из-под длинных век.

— Конечно?

— Я должен был узнать, что происходит.

— Ты знал, что я здесь?

— Я понял это, только когда увидел Ульфина с лошадьми. И не потому, что ты сказал мне не сворачивать с дороги. Но я, скажем так, знал, что в лесу этой ночью должно произойти нечто важное, и мне нужно было узнать, что именно.

Белазий снова посмотрел на меня. Я был прав, когда думал, что он не удивится.

— Ну, пошли. Здесь холодно, я хочу надеть плащ.

И направился вперед. Галька хрустела у него под ногами. Он спросил, обернувшись через плечо:

— Насколько я понимаю, Ульфин все еще там?

— Думаю, да. Ты его здорово запугал.

— Ему нечего бояться до тех пор, пока он держится в стороне и ничего не знает.

— Так он и в самом деле ничего не знает?

— Знает он или нет,— ответил Белазий безразличным тоном,— у него хватает ума держать язык за зубами. Я обещал ему, что, если он будет повиноваться мне беспрекословно, я вовремя отпущу его, чтобы он успел скрыться.

— Скрыться? От чего?

— От смерти, когда я умру. Обычно слуги жрецов отправляются вместе с ними.

Мы шли по тропе бок о бок. Я взглянул на Белазия. Он был в черном одеянии, более изящном, чем то, которое мне приходилось видеть дома, в Маридунуме; даже Камлах не одевался так красиво. На нем был пояс тисненой кожи, видимо, итальянской работы, а на плече горела в лунном свете большая круглая брошь — сплетение золотых кругов и змей. Даже под таинственным налетом, каким покрыли его события этой ночи, он выглядел утонченным и образованным римлянином. Я спросил его:

— Извини, Белазий, но тебе не кажется, что подобные обычаи древнее египетских пирамид? Даже у нас в Уэльсе это считается устаревшим.

— Быть может. Но ведь и сама Богиня стара. Она любит, чтобы ей служили так, как она привыкла. А наши обряды — почти такие же древние, как она сама, и ни песни, ни камни не помнят, когда они возникли. Задолго до того, как служители Митры убивали быков в Персии, до того, как они явились на Крит, до того, как из Африки пришли небесные боги и люди возвели для них эти стоячие камни, Богиня жила здесь, в своей священной роще. Теперь лес закрыт для нас, и мы собираемся где можем. Но везде, где живет Богиня, будь то в камне, в дереве или в пещере, есть священная роща, что зовется Немет, где мы совершаем жертвоприношения. Я вижу, что ты понимаешь меня.

— Понимаю. Меня учили этому дома, в Уэльсе. Но у нас уже лет сто не совершали жертвоприношений, подобных тем, что вы совершили сегодня.

Его голос был ровным, как масло.

— Его убили за святотатство. Разве тебе не говорили...— Он остановился как вкопанный и схватился за кинжал. Его тон переменился.

— Это лошадь Кадаля!

Он вертел головой из стороны в сторону, словно пес, вынюхивающий дичь.

— Это я на ней приехал. Я же тебе говорил, что мой пони охромел. Кадаль, наверно, поехал домой, взяв одну из твоих лошадей.

Я отвязал кобылу и вывел ее на тропу, открытую лунному свету.

Белазий сунул кинжал в ножны, и мы пошли дальше. Кобыла тыкалась мордой мне в плечо. Нога у меня почти прошла.

— Значит, и Кадаля тоже надо было убить? — спросил я.— Стало быть, дело не только в святотатстве? Ваши церемонии такие тайные оттого, что они так священны, или потому, что они запрещены? А, Белазий?

— И то и другое. Мы собираемся там, где можно. Сегодня вот собирались на острове — это место достаточно безопасное, в ночь равноденствия сюда обычно ни одна душа и близко не подходит. Но если это дойдет до Будека, у нас будут неприятности. Человек, которого мы убили этой ночью, был одним из людей короля. Его держали здесь восемь дней, и шпионы Будека уже ищут его. Но он должен был умереть.

— А теперь они его найдут?

— Найдут. Далеко отсюда, в лесу. Они решат, что его растерзал дикий вепрь.

Он снова искоса взглянул на меня.

— Можно сказать, что он умер легко. В старые времена ему бы вырезали пуп и гоняли бы вокруг священного древа, пока кишки не намотаются на него, словно шерсть на веретено.

— А Амброзий знает об этом?

— Амброзий — тоже человек короля.

Некоторое время мы шли молча.

— Белазий, а что будет со мной?

— Ничего.

— Но разве подглядывать за тайным обрядом — не святотатство?

— Не беспокойся,— сухо ответил Белазий.— У Амброзия длинные руки. Что это с тобой?

Я покачал головой. Я не смог бы объяснить этого словами даже самому себе. У меня возникло такое чувство, словно я стоял безоружным посреди битвы, и вдруг мне в руку вложили щит.

— Тебе не было страшно? — спросил Белазий.

— Нет.

— Это похоже на правду, клянусь Богиней! Да, Амброзий был прав. Ты отважен.

— Даже если и так, это не та отвага, которой стоит восхищаться. Когда-то я думал, что я лучше других детей, потому что не боюсь многого из того, чего боятся они. У меня, конечно, были свои страхи, но я умел держать их при себе. Я полагаю, это было что-то вроде гордости. Но теперь я начинаю понимать, почему даже тогда, когда я вижу впереди опасность и смерть, я смело иду вперед.

Белазий остановился. Мы были уже почти у самой рощи.

— И почему же?

— Потому что все это не для меня. Мне случалось бояться за других, но никогда — за себя. До сих пор не приходилось. Наверно, люди боятся неведомого. Они боятся боли и смерти, потому что это может подстерегать их за каждым поворотом. Но я — я иногда вижу то, что скрыто, то, что ждет впереди. И я заранее знаю, где меня ждет боль и опасность, и мне известно, что смерть моя еще не пришла. Потому я и не боюсь. Это не отвага.

— Да,— медленно произнес Белазий.— Я знал, что ты обладаешь даром ясновидения.

— Это бывает со мной лишь изредка и приходит ко мне по воле бога, а не по моему желанию.

Я уже и так наболтал лишнего — Белазий был не тот человек, кому стоит рассказывать о своих богах. Чтобы сменить тему, я быстро сказал:

— Послушай, Белазий! Ульфин ни в чем не виноват. Он ничего нам не сказал и остановил бы меня, если бы мог.

— Ты хочешь сказать, что если кому-то придется заплатить за все, то это должен быть ты?

— Но ведь это же справедливо. И к тому же я могу себе это позволить.— Я смеялся над ним, прячась за своим невидимым

щитом.— Какова же будет кара? Я думаю, у такой древней религии, как ваша, должны быть в запасе кое-какие менее суровые меры наказания? Что со мной будет? Быть может, я умру от колик этой ночью или меня растерзает вепрь в следующий раз, как я выеду в лес без своего «Черного пса»?

Белазий улыбнулся — в первый раз за все это время.

— Не думай, что тебе удастся уйти безнаказанным. Мне еще пригодишься ты и твой дар, можешь быть уверен. Амброзий не единственный, кто умеет использовать людей, я — тоже. Ты сказал мне, что тебя нечто влекло сюда сегодня ночью; это сама Богиня привела тебя сюда, и ты станешь слугой Богини.

Он положил руку мне на плечи.

— Да, Мерлин Эмрис, ты заплатишь за сегодняшнюю ночь, заплатишь той монетой, которая удовлетворит Богиню. Богиня выследит тебя, как и любого, кто подсмотрел ее тайны,— но не затем, чтобы убить, о нет! Ты будешь не Актеоном, но Эндимионом, мой маленький, но способный ученик. Она примет тебя в свои объятия. Другими словами, ты будешь учиться до тех пор, пока я не возьму тебя с собой в святилище. И там ты предстанешь перед Богиней.

«Ни за что! — хотелось ответить мне.— Даже если ты намотаешь мои кишки на все деревья в лесу». Но я промолчал. «Бери власть, кто бы тебе ее ни предложил»,— сказал Амброзий. Мне вспомнилось, как я стоял там, у ясеня. Да, это тоже сила — своего рода. Посмотрим. Я отодвинулся от Белазия — очень вежливо — и пошел наверх, в рощу.

Ульфин и раньше был напуган, но, увидев меня вместе со своим хозяином и поняв, где я был, он почти утратил дар речи от страха.

— Господин... я думал, он уехал домой... На самом деле, господин, Кадаль говорил, что...

— Дай мне плащ,— сказал Белазий,— и положи это в сумку.

Он бросил наземь белое одеяние, которое нес на руке. Оно развернулось и упало рядом с деревом, к которому был привязан Астер. Пони взвился на дыбы и захрапел. Я подумал было, что он просто испугался белой тряпки, но потом увидел на белом темные пятна и брызги, заметные даже в сумраке рощи, и, несмотря на то что стоял довольно далеко, почуял запах дыма и свежей крови.

Ульфин машинально протянул хозяину плащ.

— Господин мой...— Он задыхался от ужаса и от того, что ему приходилось удерживать норовистого коня.— Кадаль взял вьючную лошадь. Мы подумали, что господин Мерлин поехал в город. Правда, господин, я был уверен, что он поскакал в ту сторону! Я ему ничего не говорил, я клянусь...

— На седле кобылы Кадаля есть сумка. Положи одеяние туда.— Белазий набросил плащ на плечи и застегнул его, потом взял поводья.— Подсади меня!

Мальчик повиновался. Я видел, что он пытается не только оправдаться, но и понять, насколько Белазий разгневан.

— Господин, пожалуйста, поверь, я ничего не говорил! Клянусь всеми богами, что есть на свете!

Белазий словно не замечал его. Да, я знал, что он жесток; на самом деле за все время нашего знакомства мне ни разу не случалось видеть, чтобы Белазий подумал о чьей-то тревоге или боли; казалось, он даже не подозревал, что у людей — даже у свободных людей — могут быть какие-то чувства. Наверное, Ульфин для него сейчас был менее реален, чем эта лошадь. Белазий легко взлетел в седло, коротко приказал:

— Отойди.

Потом спросил меня:

— Управишься ли ты с кобылой, если мы поедем галопом? Я хочу добраться домой прежде, чем Кадаль обнаружит, что тебя нет, и поставит на уши весь город.

— Попробую. А Ульфин?

— А что Ульфин? Ульфин поведет домой твоего пони.

Он развернул коня и направил его к дороге. Ульфин подбежал ко мне, чтобы затолкать в сумку окровавленный балахон, и поспешно подставил мне плечо: с его помощью мне кое-как удалось взобраться на лошадь и сесть в седло. Мальчик молча отступил назад. Я чувствовал, как он дрожит. Наверно, рабам свойственно бояться всего на свете. Мне пришло в голову, что ему страшно даже идти одному через лес.

Я осадил кобылу и наклонился к нему.

— Ульфин, он не сердится, тебе ничего не будет. Клянусь тебе. Так что не бойся.

— Ты... ты что-нибудь видел, господин мой?

— Ничего.— По-своему это было правдой. Я спокойно смотрел ему в глаза.— Вспышку темноты — и обычную луну. Вот и все. Но даже если бы я что-нибудь и видел, это неважно. Меня

посвятят в культ. Теперь понимаешь, почему он не сердится? На, возьми.

Я достал из ножен свой кинжал и бросил его вниз, так, что он воткнулся в землю меж сосновых игл.

— С ним тебе будет спокойнее,— сказал я,— но он тебе не понадобится. С тобой ничего не случится. Можешь мне поверить. Я знаю. Веди моего пони поосторожнее, ладно?

Я пнул кобылу в бока и направил ее вслед за Белазием.

Он ждал меня, то есть ехал сравнительно медленно. Когда я поравнялся с ним, он тотчас пустил коня в галоп. Кобыла рванулась следом. Я вцепился в узду и висел на ней, словно репей.

Тропа была достаточно открытая, так что мы хорошо видели дорогу в лунном свете. Она вела через лес к вершине холма, с которой мы на миг завидели огни города. Потом тропа снова нырнула в ложбину, и через некоторое время мы выехали из леса на соленые приморские пустоши.

Белазий ничего не говорил и не замедлял скачки. Я держался за кобылу, глядя на дорогу из-за ее плеча, и размышлял, что мы можем встретить на дороге Кадаля, возвращающегося за мной с отрядом солдат. А может быть, он поедет один...

Мы с плеском перешли вброд ручей глубиной по бабки лошадям, а потом тропа, протоптанная в траве, свернула направо, к большаку. Теперь я понял, где мы; я видел эту тропу, когда мы ехали в лес,— она поворачивала с дороги сразу после моста на опушке леса. Скоро мы выедем к мосту.

Белазий придержал коня и оглянулся через плечо. Когда кобыла поравнялась с ним, он схватил ее за повод. Кони перешли на шаг.

— Слушай!

Лошади. Очень много лошадей; едут быстро, рысью, по мощеной дороге. В сторону города.

Послышался чей-то голос.

На мосту появилось множество факелов, и мы увидели их совсем рядом. Над головами воинов развевался штандарт. В свете факелов я увидел красного дракона.

Белазий перехватил повод моей лошади. Мы остановились.

— Люди Амброзия,— сказал он.

Вернее, начал говорить, когда моя кобыла звонко заржала и одна из лошадей в отряде ответила ей.

Отряд остановился. Приказ — и лошади галопом поскакали в нашу сторону. Белазий выругался сквозь зубы и отпустил мой повод.

— Ладно, теперь нам пора расстаться. Не теряйся и держи язык за зубами. Даже Амброзий не сможет защитить тебя от проклятия.

Он хлестнул кобылу по крупу, и она рванулась вперед, едва не выбросив меня из седла, Я был слишком занят тем, чтобы удержаться на лошади, и не видел, как Белазий уехал, но у меня за спиной раздался плеск: черный жеребец перешел ручей и исчез в лесу за несколько мгновений до того, как солдаты подъехали ко мне и окружили со всех сторон, чтобы отвести меня к своему офицеру.

В свете факелов под штандартом гарцевал серый жеребец. Один из солдат взял мою кобылу под уздцы и вывел меня вперед.

Он отдал честь.

— Только один человек, сударь. Он не вооружен.

Офицер поднял забрало. Голубые глаза расширились от изумления, и слишком хорошо знакомый мне голос Утера произнес:

— Ну да, кто же, как не ты! Ну, Мерлин-бастард, и что же ты делаешь здесь один? Где ты был?

Глава 11

Я ответил не сразу. Соображал, что говорить, а чего говорить не стоит. Любому другому офицеру я рассказал бы полуправду и тем отделался, но Утер, скорее всего, станет допрашивать меня с пристрастием. Для человека, который присутствовал на тайном и незаконном сборище, Утер был не просто офицер — он был опасен. У меня, конечно, не было причин выгораживать Белазия, но я не считал себя обязанным что-то рассказывать или объяснять кому-либо, кроме Амброзия. В любом случае, в первую очередь надо отвести от себя гнев Утера.

Поэтому я посмотрел ему в глаза — с достаточно невинным выражением, как я надеялся.

— Мой пони охромел, господин, и я оставил с ним слугу, а сам взял лошадь слуги и поехал домой один.

Не успел он открыть рот, чтобы что-то сказать, я заслонился незримым щитом, который вложил мне в руки Белазий:

— Твой брат обычно посылает за мной после ужина, и мне не хотелось бы заставлять его ждать.

Он нахмурился, когда я упомянул об Амброзии, но сказал только:

— А почему ты едешь здесь в этот час? Почему не по дороге?

— Астер повредил ногу, когда мы были в лесу. Мы свернули на восток на перекрестке, там, где в лес уходит дорога, по которой возят бревна, и, когда возвращались, нам попалась тропа, ведущая на юг, и мы решили, что так будет короче, и пошли по ней. При луне дорога была хорошо видна...

— Что это за тропа?

— Я не знаю леса, сударь. Она ведет на холм и потом к броду — примерно в миле вниз по течению.

Он хмуро размышлял.

— Где ты оставил слугу?

— В начале этой тропы. Мы хотели удостовериться, что она ведет в нужную сторону, прежде чем я поеду дальше один. Он, наверно, сейчас поднимается на холм.

Говоря это, я молился всем богам, сбивчиво, но искренне, чтобы в этот момент со стороны города не появился разыскивающий меня Кадаль.

Утер смотрел на меня. Конь гарцевал под ним, но всадник сидел на нем так, словно коня не существовало. Я впервые заметил, как он похож на брата. И еще я осознал, что в нем тоже есть некая сила, и, несмотря на свою юность, понял, что имел в виду Амброзий, когда говорил, что Утер — блестящий полководец. Он умел оценивать людей с ювелирной точностью. Я чувствовал, что он видит меня насквозь, видит, что я лгу, не понимает, в чем дело, но хочет понять. И сделает все, чтобы узнать это.

Но пока что он заговорил со мной вполне доброжелательно, даже любезно:

— Ты ведь лжешь, не правда ли? Почему?

— Это правда, господин! Посмотри на моего пони, когда его приведут...

— Да нет, это-то как раз правда! Я не сомневаюсь, что твой пони действительно охромел. И если я пошлю туда людей, они найдут Кадаля, который ведет его домой. Но мне хотелось бы знать...

— Не Кадаля, господин! — поспешно сказал я.— Кадаль сегодня был занят, и Белазий послал со мной Ульфина.

— Два сапога пара! — презрительно бросил Утер.

— Господин?

— Нечего играть со мной словами, ты, подстилка! — внезапно разъярился он.— Ты что-то скрываешь, и я хочу знать, что именно. Вранье я за милю чую!

Тут он взглянул мне за спину, и голос его переменился.

— Что у тебя в сумке?

Он кивнул одному из солдат, стоявших рядом со мной. Из сумки торчал уголок Белазиева балахона. Солдат сунул руку в сумку и вытащил одеяние. На помятой белой ткани четко выделялись кровавые пятна. Не понять, что это за пятна, было невозможно. Даже сквозь смолистый дым факелов я чувствовал запах крови.

За спиной Утера встревоженно захрапели кони, и люди принялись переглядываться. Факельщики смотрели на меня косо, а стоявший у меня за спиной солдат что-то пробормотал себе под нос.

— Так вот в чем дело, клянусь всеми подземными богами! — выдохнул Утер.— Он один из них! Клянусь Митрой! И как я сразу не понял? От тебя же несет этим священным дымом! Ничего, ублюдок; ты прикрываешься именем моего брата и, видать, в большой у него силе? Посмотрим, что он скажет на это! Чем ты будешь оправдываться теперь? Отпираться бесполезно, не правда ли?

Я вскинул голову. Сидя на высокой кобыле, я смотрел Утеру прямо в глаза.

— Отпираться? Я не нарушал закона и не сделал ничего, что может не одобрить граф. А только это и имеет значение, господин мой Утер! Я все объясню графу.

— Тебе придется объяснить, клянусь Богом! Так это Ульфин водил тебя туда?

— Ульфин не имеет к этому никакого отношения! — резко ответил я.— В любом случае Ульфин — раб и делает то, что прикажу ему я.

Утер внезапно пришпорил коня и надвинулся на мою кобылу. Он наклонился, схватил меня за грудки и подтянул к себе, едва не вытащив из седла. Его лицо приблизилось ко мне вплотную, его латный наколенник ободрал мне ногу, когда лошади сошлись вплотную.

— А ты будешь делать то, что велю я, понял? — процедил он сквозь зубы.— Кем бы ты ни был для моего брата, ты будешь повиноваться не только ему, но и мне!

Он еще сильнее стиснул руки и встряхнул меня.

— Понял, Мерлин Эмрис?

Я кивнул. Он оцарапался о мою фибулу, выругался и отпустил меня. По его руке поползла струйка крови. Его взгляд упал на фибулу. Утер махнул рукой факельщику, и тот приблизился и поднял факел повыше.

— Он дал тебе это? Красного дракона?..— И осекся; уставился на мое лицо и долго всматривался.

Глаза его изумленно расширились и, казалось, вспыхнули голубым огнем. Серый жеребец дернулся в сторону, и Утер резко натянул повод, так что полетели брызги пены.

— Мерлин Эмрис,— повторил он, на этот раз для себя, так тихо, что я едва расслышал его. И внезапно расхохотался, весело, звонко и заливисто,— я еще никогда не слышал, чтобы он так смеялся.— Ну что ж, Мерлин Эмрис! Тебе все равно придется объяснить ему, где ты был сегодня ночью!

Он развернул коня и бросил через плечо своим людям:

— Поехали! Да приглядывайте за ним, чтобы он не упал! Похоже, мой братец им дорожит!

Пришпоренный серый конь рванулся вперед, и весь отряд помчался следом. Охранявшие меня солдаты скакали вместе со всеми, держа под уздцы мою кобылу, и я ехал между ними.

Одеяние друида осталось лежать в грязи, затоптанное копытами. Увидит ли его Белазий и поймет ли предостережение? Потом я забыл о нем. Мне еще предстояло объясняться с Амброзием.

Кадаль был в моей комнате. Я вздохнул с облегчением.

— Хвала богам, что ты не вернулся за мной! Меня подобрали люди Утера, и он весь кипит, оттого что узнал, где я был.

— Знаю,— мрачно сказал Кадаль.— Видел.

— В смысле?

— Я возвращался за тобой. Мне надо было убедиться, что у тебя хватило ума уехать домой, когда ты услышал этот... шум. На дороге тебя не было. Я еще подумал: быстро же ты едешь, я ведь и сам скакал так, что земля чуть не дымилась! А потом...

— А потом ты догадался, в чем дело? И где Белазий?

— Ага.— Кадаль повернулся было, чтобы сплюнуть через плечо, но потом опомнился и сделал знак от дурного глаза.— Ну

вот, приезжаю я сюда, а тебя нету. Олух ты! Они ж тебя убить могли, с ними только спутайся!

— Тебя тоже. Но ты все же вернулся.

— А что мне оставалось делать? Жалко, что ты не слышал, как я тебя обзывал. «Придурок малолетний» — это было еще самое мягкое. Ну вот, я проехал где-то с полмили от города и увидел отряд, отъехал в сторону и подождал, пока они проедут. Знаешь ту старую, разрушенную почтовую станцию? Вот в ней-то я и спрятался. Видел, как ты ехал в хвосте, под стражей. Я догадался, что он все знает. В город я попал вслед за ними, но так, чтобы меня не заметили, пробрался домой короткой дорогой, переулками, только что вошел. Стало быть, он все узнал?

Я кивнул и стал расстегивать плащ.

— Ну, тогда держись! — вздохнул Кадаль.— И как он догадался?

— Белазий сунул свой балахон в мою сумку, а они его нашли и решили, что это мой,— усмехнулся я.— Если бы его на меня примерили, им бы пришлось поломать голову! Но они не догадались, просто бросили его в грязь и там оставили. Ну и ладно.

Кадаль опустился на колени, чтобы снять с меня сандалии, расстегнул один — да так и застыл с сандалием в руке.

— Ты что, хочешь сказать, что Белазий тебя видел? Он говорил с тобой?

— Да. Я его дождался, и мы вместе дошли до лошадей. Кстати, Астера ведет Ульфин.

Кадаль не обратил на это внимания. Он уставился на меня. Лицо его заметно побелело.

— Утер Белазия не видел,— сказал я.— Тот вовремя улизнул. Он знал, что солдаты слышали только одну лошадь, и потому послал меня вперед, им навстречу; иначе бы они, наверно, пустились в погоню и поймали нас обоих. То ли он забыл, что это одеяние у меня, то ли понадеялся, что его не найдут. Любой другой на месте Утера ничего бы не заметил.

— Не стоило тебе связываться с Белазием. Да, дело хуже, чем я думал. Пусти, дай я расстегну. У тебя руки замерзли.— Он расстегнул фибулу с драконом и снял с меня плащ.— Но тебе ж надо было поглядеть своими глазами! Он человек опасный, да и все такие, если уж на то пошло, но он хуже всех.

— А ты что, знал, кто он такой?

— Ну, не то чтобы знал. Но догадывался. Это на него похоже. Неприятный они народ, не стоило тебе с ними связываться.

— По-моему, он главный друид или, по крайней мере, глава здешней секты. Фигура весомая. Да не беспокойся ты, Кадаль. Я думаю, он не причинит мне вреда и никому другому не позволит.

— Он тебе угрожал?

Я рассмеялся.

— Угрожал-угрожал! Проклятием!

— Это штука серьезная. Говорят, друиды могут послать вслед нож, и он будет преследовать тебя много дней подряд, а ты и знать не будешь. А потом он просвистит у тебя над ухом — и конец.

— Говорят много чего. Кадаль, нет ли другой туники, поприличнее? Мою лучшую тунику еще не принесли от прачки? Кроме того, надо помыться, прежде чем идти к графу.

Он покосился на меня, роясь в сундуке в поисках чистой туники.

— Утер, похоже, пошел прямиком к нему. Ты об этом знал?

Я рассмеялся.

— Ну конечно! Предупреждаю, Амброзию я расскажу все как было.

— Что, вообще все?

— Все как было.

— Ну, пожалуй, оно и к лучшему,— сказал Кадаль.— Может, кто-то сможет защитить тебя от них...

— Да нет, не в этом дело. Ему просто стоит об этом знать. Он имеет право. А потом, почему я должен что-то скрывать от него?

— Да, конечно,— неуверенно сказал Кадаль.— Но проклятие... Боюсь, от него тебя даже Амброзий не спасет.

— Да ну его, это проклятие!..— сказал я и сделал жест, какой нечасто увидишь в благородных домах.— Забудь. Мы с тобой не сделали ничего дурного, а Амброзию я врать не собираюсь.

— Когда-нибудь тебе все же станет страшно, Мерлин!

— Быть может.

— Неужели ты совсем не боялся Белазия?

— А что, надо было? — поинтересовался я.— Он же мне ничего не сделает!

Я расстегнул пояс туники и бросил его на кровать. Потом снова взглянул на Кадаля.

— Кадаль! А тебе было бы страшно, если бы ты увидел свою собственную смерть?

— Конечно, клянусь собакой! А ты ее видел?

— Временами. Отрывками. И это видение наполняет меня страхом.

Он застыл на месте, глядя на меня. На лице его отражался ужас.

— И что же ты видишь?

— Пещеру. Хрустальный грот. Временами мне кажется, что это смерть, а иногда, наоборот, рождение и врата видений или темные области сна... не могу сказать. Но когда-нибудь я это узнаю. А до тех пор я, мне кажется, не боюсь почти ничего. Я знаю, что в конце меня ждет пещера, так же как тебя...

Я остановился.

— Ну? — быстро спросил Кадаль.— Что ждет меня?

Я улыбнулся.

— Я хотел сказать: «Как тебя ждет тихая старость».

— Не ври, Мерлин,— резко сказал он.— Я заметил, какие у тебя были глаза. Когда ты видишь что-то такое, у тебя глаза делаются странные. Я это и раньше замечал. Зрачки расширяются, и взгляд становится каким-то рассеянным, сонным — но не мягким, наоборот: все лицо у тебя делается холодным, как сталь, словно ничего вокруг себя не видишь и тебе все равно. И говоришь так, словно не человек, а просто голос... Или словно сам куда-то исчезаешь, а через тебя говорит что-то другое. Словно рог, в который дуют, чтобы извлечь звук. Я это и видел-то всего пару раз, и то на миг, но это так необычно, что мне всякий раз становилось не по себе.

— Мне тоже не по себе, Кадаль.

Я сбросил с себя зеленую тунику. Кадаль протянул мне серый шерстяной балахон, который я носил вместо ночной рубашки. Я рассеянно взял его и опустился на край кровати, уронив балахон себе на колени. Я говорил не столько с Кадалем, сколько с самим собой.

— Меня это тоже пугает. Ты прав, я действительно чувствую себя пустой раковиной, в которую дует кто-то другой. Я говорю, вижу и делаю такое, о чем прежде и понятия не имел. Но ты не прав, если думаешь, что мне все равно. Мне больно. Наверное, это оттого, что я не могу управлять тем, что говорит через меня... Когда-нибудь я научусь управлять этой своей способностью

видеть и знать, этим богом во мне, и тогда это будет настоящая сила. Я буду знать, когда мои предсказания — просто обычные предчувствия, а когда это тень бога.

— Ты говорил о моей смерти. Что это было?

Я поднял голову. Как ни странно, лгать Кадалю было легче, чем Утеру.

— Я не видел твоей смерти, Кадаль. Я вообще не видел ничьей, кроме своей. Это было бестактно с моей стороны. Я собирался сказать, что тебя похоронят где-нибудь в чужой земле.— Я улыбнулся.— Я знаю, что для бретонца это хуже ада. Но я боюсь, что так оно и будет... если ты решишь остаться у меня на службе.

Лицо Кадаля прояснилось. Он улыбнулся. «Это настоящая сила,— подумал я,— если одно мое слово способно так устрашить человека».

— Останусь, конечно,— сказал Кадаль.— Даже если бы он меня об этом не просил. С тобой легко. Служить тебе — одно удовольствие.

— Да? А помнится, ты говорил, что я малолетний придурок, еще и олух в придачу?

— Ну вот, я и говорю. Я никогда не посмел бы сказать это кому-то такому знатному, как ты, будь это кто-то другой,— это при том, что ты дважды королевского рода...

— Ну почему же дважды? Мой дед вряд ли может считаться...

Я осекся. Меня остановило выражение лица Кадаля. Он сказал это не подумав, ахнул и поспешно зажал себе рот, словно пытался загнать свои слова обратно.

Он ничего не говорил, просто стоял передо мной с испачканной туникой в руках. Я медленно встал. Забытый балахон сполз на пол. Дальше говорить было незачем. Удивительно, как я не догадался об этом раньше, в тот миг, когда Амброзий появился передо мной в свете факелов и взглянул на меня сверху вниз. Он знал. И многие другие, видимо, тоже знали. Теперь я вспомнил, как люди оборачивались мне вслед, как перешептывались командиры, с каким почтением относились ко мне слуги... Я думал, что обязан этим приказу Амброзия, но теперь я понял, что это было почтение к Амброзиеву сыну.

В комнате было тихо, как в пещере. Жаровня вспыхнула, пламя взметнулось и отразилось в бронзовом зеркале на стене. Я посмотрел в ту сторону. В бронзовом зеркале, озаренном пла-

менем, мое обнаженное тело выглядело хрупким и туманным, каким-то нереальным, игрой пламени и тени. Но лицо мое было освещено; пламя подчеркивало черты, и я увидел его лицо таким, каким оно было в тот вечер, когда он сидел у огня в своей комнате, ожидая, когда меня приведут к нему, чтобы расспросить меня о Ниниане.

И снова дар ясновидения не помог мне. С тех пор я узнал, что люди, наделенные божественным зрением, часто бывают слепы к простым вещам.

— И что, все знают? — спросил я у Кадаля.

Он кивнул. Не спрашивая, что я имею в виду.

— Слухи ходят. Ты временами бываешь очень похож на него.

— Наверно, Утер тоже догадался. А раньше он не знал?

— Нет. Он уехал раньше, чем пошли разговоры, и взъелся на тебя не поэтому.

— Рад это слышать,— сказал я.— А из-за чего же? Неужели только потому, что я встал ему поперек дороги тогда, у стоячего камня?

— Ну, и из-за этого тоже.

— А еще из-за чего?

— Он думал, что ты наложник графа,— напрямик сказал Кадаль.— Амброзий ведь по бабам не бегает. Он и в мальчиках не нуждается, если уж на то пошло, но Утер начисто не способен понять человека, который не проводит с бабой семь ночей в неделю. И когда он увидел, что его брат так заботится о тебе, взял в свой дом, приставил к тебе меня и все такое, то решил, что все дело в этом. И ему это очень не понравилось.

— Понятно. Он сегодня сказал что-то в этом духе, но я подумал, что он просто так ругался.

— Если бы он взглянул на тебя повнимательнее или послушал, что говорят люди, то понял бы, что к чему.

— Он уже и так понял,— сказал я с внезапной уверенностью.— Догадался тогда, на дороге, когда увидел фибулу, подаренную мне графом. Я об этом не думал, но Утер должен был сразу понять, что граф вряд ли станет дарить королевский знак своему наложнику. Он велел поднести ближе факел и долго меня разглядывал. Наверно, тогда он и понял.

Меня внезапно осенило.

— Наверно, Белазий тоже знает!

— Конечно,— сказал Кадаль.— А что?

— Он так говорил со мной... Словно знал, что не смеет мне ничего сделать. Поэтому он и пытался запугать меня проклятием. Он ведь ни перед чем не остановится. Наверно, по дороге к роще он все время думал, что делать. Тихо убрать меня за святотатство он не мог, но ему надо было как-то заставить меня замолчать. Отсюда и проклятие. И...

Я остановился.

— Что еще?

— Да не дергайся ты. Это было просто дополнительное ручательство, что я буду держать язык за зубами.

— Ради богов, что же это?

Я пожал плечами, обнаружил, что я до сих пор голый, и наклонился за рубашкой.

— Он сказал, что возьмет меня с собой в святилище. Думаю, он хочет сделать из меня друида.

— Он так сказал?

Я уже начал привыкать к Кадалеву знаку от дурного глаза.

— И что же ты будешь делать?

— Ну, схожу с ним... по крайней мере один раз. Да не смотри ты на меня так! Руку даю на отсечение, что больше одного раза мне туда идти не захочется.

Я посмотрел ему в глаза.

— Но в этом мире нет ничего, что я отказался бы узнать и увидеть, и я готов встретиться с любым богом так, как ему это угодно. Я говорил тебе, что истина — это тень Бога. Если я собираюсь воспользоваться ею, я должен знать, кто Он. Понимаешь?

— Где уж мне! О каком боге ты говоришь?

— Я думаю, что Бог один. Нет, конечно, боги живут повсюду: в полых холмах, в ветрах, в море, в самой траве, по которой мы ходим, и в воздухе, которым мы дышим, и в кровавом сумраке, где ищет их Белазий и ему подобные. Но мне кажется, что должен быть один бог — Единый Бог, подобный великому морю, а мы все — и малые боги, и люди, и вообще все на свете — стекаемся к нему, как реки, и в конце концов все мы придем к Нему. А ванна готова?

Через двадцать минут в темно-синей тунике, застегнутой на плече фибулой с драконом, я пошел к своему отцу.

Глава 12

В передней Амброзия сидел секретарь, добросовестно изображавший бурную деятельность. Из-за занавеси слышался тихий голос Амброзия. Стражники у дверей выглядели деревянными статуями.

Потом занавеска отдернулась и вышел Утер. Увидев меня, он остановился, постоял, как бы собираясь что-то сказать, потом, похоже, перехватил любопытный взгляд секретаря и вышел, взмахнув полой алого плаща и оставив за собой запах конюшни. По запаху Утера можно всегда было определить, откуда он явился; он, казалось, впитывал запахи, точно губка. Должно быть, отправился к брату прямо с дороги, не успев даже переодеться.

Секретарь — его звали Соллий — сказал мне:

— Можешь войти. Тебя ждут.

Он стоял спиной к двери, склонившись над столом, заваленным табличками. Поперек одной из них лежал стилос — похоже, Амброзия оторвали от работы. На столике секретаря у окна лежала полуразвернутая книга.

Дверь закрылась за мной. Я остановился на пороге, и занавеска с шорохом упала у меня за спиной. Он обернулся.

Мы молча встретились глазами. Прошло несколько мгновений, которые показались мне бесконечными. Потом он откашлялся и сказал:

— А, Мерлин,— и легким жестом указал мне на мой табурет у жаровни,— садись.

Я сел. Амброзий помолчал, глядя в стол. Взял стилос, отсутствующим взглядом посмотрел на табличку, что-то дописал. Я ждал. Он хмуро проглядел написанное, стер и отрывисто сказал:

— У меня был Утер.

— Да, господин.

Он взглянул на меня исподлобья.

— Насколько я понял, он наткнулся на тебя за городом. Ты был один.

— Нет,— поспешно ответил я.— Со мной был Кадаль.

— Кадаль?

— Да, господин.

— Утеру ты сказал другое.

— Да, господин.

Его взгляд стал пронзительным.

— Ну, рассказывай.

— Кадаль всегда обо мне заботится, господин. Он... более чем предан мне. Мы поехали на север, доехали до дороги, по которой вывозят бревна из леса, и свернули на нее. Мой пони повредил себе ногу, Кадаль усадил меня на свою кобылу, и мы пошли домой.

Я перевел дыхание.

— Мы решили срезать путь и наткнулись на Белазия со слугой. Белазий проехал вместе со мной часть пути до дома, но ему... не хотелось встречаться с принцем Утером, поэтому мы расстались.

— Понятно.

Его голос не выдавал его чувств, но я догадывался, что он понял больше, чем было сказано. Его следующий вопрос подтвердил это:

— Ты был на острове друидов?

— Ты о нем знаешь? — удивился я.

Он ничего не сказал и в холодном молчании ожидал моего ответа, поэтому я продолжал:

— Я уже говорил, что мы с Кадалем пошли короткой дорогой. Если ты знаешь остров, то должен знать и тропу, которая к нему ведет. Напротив тропы, ведущей к морю, есть сосновая роща. Мы нашли там Ульфина — это слуга Белазия — с двумя лошадьми. Кадаль хотел взять лошадь Ульфина, чтобы побыстрее отвезти меня домой, но, когда мы говорили с Ульфином, услышали крик — не просто крик, а вопль — откуда-то с востока. Я поскакал туда, чтобы посмотреть, в чем дело. Клянусь тебе, я понятия не имел, что это за остров и что там происходит! Кадаль этого тоже не знал. Если бы он был верхом, как и я, то остановил бы меня. Но к тому времени, как он взял лошадь Ульфина и поскакал вдогонку, меня уже не было видно, и он подумал, что я испугался и сбежал домой, как он мне велел раньше, и, только приехав сюда, обнаружил, что меня нет. Он поехал обратно, но к тому времени я уже встретился с отрядом.

Я стиснул руки между колен.

— Я не знаю, что заставило меня отправиться к острову... Хотя нет, знаю: я услышал крик и поехал посмотреть... Но я поехал туда не только из-за этого. Я не могу объяснить. Пока не могу...

Я снова перевел дыхание.

— Господин мой...

— Да?

— Я должен сказать тебе. Человек, которого убили сегодня ночью там, на острове... Я не знаю, кто это был, но я слышал, что он один из людей короля, пропавший несколько дней тому назад. Его тело бросят в лесу, так, чтобы подумали, что его растерзал зверь.

Я остановился. По лицу Амброзия понять что-либо было невозможно.

— Я подумал, что тебе нужно это знать.

— Ты был на острове?

— О нет! Мне кажется, если бы я туда сунулся, меня бы уже не было в живых. Про этого человека я узнал позднее. Говорят, его убили за святотатство.

Я поднял глаза на Амброзия.

— Я доехал до берега бухты и, стоя под деревьями, все видел: танец и жертвоприношение; слышал пение. Я тогда не знал, что это незаконно... У нас дома этот культ, конечно, запрещен, но все знают, что он еще существует. Мне показалось, что здесь может быть по-другому. Но когда господин Утер понял, где я был, то очень разгневался. Он, похоже, ненавидит друидов.

— Друидов? — переспросил Амброзий отсутствующим голосом. Он продолжал вертеть в пальцах стилос.— Да, конечно. Утер их не любит. Он страстный приверженец Митры, а свет — враг тьмы, насколько я понимаю. Ну, в чем дело? — резко спросил он, обращаясь к показавшемуся в дверях Соллию.

— Прости, господин,— сказал секретарь.— К тебе посланный от короля Будека. Я говорил ему, что ты занят, но он настаивает, что дело срочное. Сказать, чтобы подождал?

— Впусти его,— велел Амброзий.

Вошел человек со свитком и передал его Амброзию. Тот сел в свое большое кресло, развернул послание и, хмурясь, принялся его читать. Я смотрел на него. В жаровне плясало пламя, озаряя черты лица, которое я, казалось, уже знал не хуже, чем свое собственное. Угли зарделись алым, пламя полыхнуло и разгорелось. Свет ударил мне в глаза, все вокруг расплылось...

— Мерлин Эмрис! Мерлин!

Гулкое эхо превратилось в обычный голос. Видение исчезло. Я сидел на табурете в комнате Амброзия, уставясь на свои руки,

стискивающие колени. Амброзий стоял между мной и жаровней, закрывая от меня пламя. Секретарь вышел, мы были одни.

Когда он повторил мое имя, я моргнул и очнулся.

— Что ты видел там, в пламени? — спросил Амброзий.

Я ответил, не поднимая глаз:

— Я видел заросли боярышника на склоне холма, и девушку на буром пони, и юношу с драконовой фибулой на плече, и туман до колен...

Я услышал, как Амброзий шумно втянул в себя воздух. Потом его рука взяла меня за подбородок и заставила поднять голову. Его взгляд был суровым и пристальным.

— Значит, ты и правда наделен даром видеть. Я и раньше был уверен в этом, но теперь у меня нет сомнений. Это правда. Я подумал, что это так и есть, еще тогда, в ту первую ночь, у стоячего камня, но то могло быть что угодно — сон, детские выдумки, удачная басня, выдуманная для того, чтобы привлечь мое внимание. Но это... Я не ошибся в тебе.

Он опустил руку и выпрямился.

— Ты видел лицо девушки?

Я кивнул.

— А юноши?

Наши глаза встретились.

— Да, господин.

Амброзий резко отвернулся и встал спиной ко мне, опустив голову.

Он снова взял со стола стилос и принялся вертеть его в пальцах. Через некоторое время он спросил:

— И давно ты узнал об этом?

— Только сегодня. Кадаль как-то обмолвился, потом я кое-что вспомнил — и еще то, как твой брат уставился на меня сегодня, когда увидел, что я ношу это.— Я коснулся драконовой фибулы.

Он взглянул на меня, потом кивнул.

— Тебе в первый раз явилось это... видение?

— Да. Я ни о чем не знал. Теперь мне кажется странным, что я даже не подозревал, но могу поклясться, что и в самом деле не догадывался.

Он стоял молча, опершись одной рукой на стол. Не знаю, чего я ждал, но мне никогда не приходило в голову, что великий

Аврелий Амброзий может растеряться настолько, что не будет знать, что сказать.

Потом он отошел к окну, вернулся к столу и заговорил:

— Странная это встреча, Мерлин. Мне нужно так много сказать тебе — а я не нахожу слов. Но теперь-то ты понимаешь, почему я так много расспрашивал тебя и старался понять, что привело тебя сюда?

— Это дело рук богов, господин мой,— ответил я.— Они привели меня сюда. Почему ты оставил ее?

Вопрос прозвучал слишком резко: должно быть, он так давно терзал меня, что сейчас вырвался, словно обвинение. Я поспешно принялся что-то мямлить, пытаясь объясниться, но он остановил меня коротким жестом.

— Мне было восемнадцать лет, Мерлин, и за мою голову была назначена награда. Я не мог открыто появиться в своем собственном королевстве. Ты ведь знаешь, как мой кузен Будек принял меня к себе, когда мой брат король был убит, и как Будек все эти годы лелеял план мести Вортигерну, хотя до последнего времени это казалось невыполнимым. Но он все время засылал разведчиков, собирал сведения, разрабатывал планы. А когда мне исполнилось восемнадцать, он тайно отправил меня самого к Горлойсу Корнуэльскому, другу моего отца, всегда недолюбливавшему Вортигерна. Горлойс отправил меня на север с парой доверенных людей, чтобы я мог послушать, посмотреть и узнать тамошние земли. Когда-нибудь я расскажу тебе, где мы были и что видели, но не сейчас. А что касается тебя... В конце октября мы возвращались на юг, в Корнуолл, чтобы плыть домой, по дороге на нас напали и нам пришлось драться. Это были люди Вортигерна. Я до сих пор не знаю, то ли они заподозрили, кто я такой, то ли им просто захотелось убить нас ради забавы и вкуса свежей крови, как делают саксы и лисы. Я думаю, последнее вернее, потому что иначе бы они сделали свое дело добросовестнее. А так мне повезло: товарищи мои погибли, а я отделался одной раной, да еще ударом в голову, от которого я потерял сознание. И они оставили меня, приняв за мертвого. Дело было вечером. Когда я пришел в себя и попытался оглядеться, было уже утро, и надо мной стоял бурый пони. На нем сидела девушка и смотрела то на меня, то на убитых, то снова на меня, не говоря ни слова.

Он впервые улыбнулся — еле заметно, и не мне, а тому воспоминанию.

— Я, помнится, попытался что-то сказать, но потерял много крови, а после ночи под открытым небом еще и подхватил лихорадку. Я боялся, что она испугается и ускачет в город и тогда мне конец. Но она не бросила меня. Поймала моего коня, нашла седельную сумку, напоила меня, промыла и перевязала рану, а потом — бог весть, как ей это удалось,— взвалила меня на коня и увезла оттуда. Она сказала, что знает одно место, близко от города, но укромное и безопасное, куда никто не ходит. Это была пещера, а рядом с ней бил источник... В чем дело?

— Так, ничего,— сказал я.— Я мог бы догадаться. Продолжай. Там тогда никто не жил?

— Никто. Кажется, к тому времени, как мы туда добрались, я потерял сознание и начал бредить, потому что дальше я мало что помню. Она спрятала в пещере меня и моего коня, так, чтобы никто не заметил. У меня в сумке были еда и вино и еще плащ и одеяло. Уехала она от меня уже вечером, и когда вернулась домой, то узнала, что убитых уже нашли и их коней, что бродили поблизости, тоже. Отряд ехал на север, и вряд ли кто-то в городе знал, что трупов должно было быть три. Так что я был в безопасности. На следующий день она снова приехала в пещеру, привезла еду и лекарства... И так каждый день...— Он помолчал.— Дальше ты знаешь.

— А когда ты сказал ей, кто ты такой?

— Тогда, когда она сказала, почему не может уехать из Маридунума вместе со мной. До того я думал, что она, должно быть, одна из девушек королевы — по ее манерам и разговору я догадывался, что она воспитывалась во дворце. Видимо, она видела то же самое во мне. Но все это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме того, что я мужчина, а она — женщина. Мы оба с первого дня знали, что это должно произойти. Ты поймешь, как это бывает, когда станешь постарше.

Он снова улыбнулся, на этот раз не только глазами, но и губами.

— Это, Мерлин, пожалуй, единственное знание, с которым тебе придется подождать. Дар ясновидения в делах любви не помощник.

— Ты просил ее уехать с тобой сюда?

Он кивнул.

— Еще до того, как узнал, кто она такая. А после того, как узнал, я начал бояться за нее и уговаривал ее настойчивее, но

она не согласилась. Судя по ее речам, она ненавидела и боялась саксов и страшилась, что Вортигерн погубит королевство, но ехать со мной она отказалась. Одно дело, говорила она, сделать то, что она сделала, и совсем другое — уплыть за море с человеком, который, когда вернется, будет врагом ее отца. Она говорила, что год кончается и надо покончить с этим и забыть.

Он умолк, глядя на свои руки.

— И ты не знал, что она родила ребенка? — спросил я.

— Нет. Я, конечно, думал об этом. Следующей весной я отправил ей послание, но не получил ответа. Тогда я оставил это, решив, что если она захочет найти меня, то знает, где искать. Весь мир это знает. А года через два до меня дошла весть, что она обручена. Теперь знаю, что это неправда, а тогда я постарался забыть о ней.— Он взглянул на меня.— Ты понимаешь?

Я кивнул.

— Быть может, это даже была правда. Просто ты не понял ее, господин мой. Она дала обет посвятить себя церкви, когда я больше не буду нуждаться в ней. Христиане называют это обручением.

— Вот как?

Он поразмыслил над этим.

— Ну, как бы то ни было, я больше не отправлял ей посланий. И потом, позднее, когда я слышал о мальчике-бастарде, я не думал, что это мой сын. Сюда однажды приезжал бродячий глазной лекарь из Уэльса, и я послал за ним и расспросил, и он сказал, что во дворце есть бастард таких-то лет, рыжий, но это родной сын короля.

— Диниас,— сказал я.— А меня старались не показывать людям... Иногда дед выдавал меня за своего сына. У него было несколько бастардов.

— Ну вот, я это тоже узнал. Так что потом, когда до меня доходили вести о мальчике, то ли сыне короля, то ли его дочери, я не обращал на них внимания. Это все было в прошлом, у меня были более неотложные дела, и потом, я все время думал: если бы она действительно родила сына, неужто не дала бы мне знать? Если бы хотела видеть, неужто не прислала бы весточки?

И он снова умолк, погрузившись в собственные мысли. Теперь уже не помню, понимал ли я тогда все, что он говорил. Но потом, когда обрывки истории сложились, как кусочки мозаики, все стало ясно. Гордость, что не дала ей отправиться вслед за возлюбленным, не дала ей и призвать его назад, когда поняла, что беременна. И та же гордость помогла ей выдержать все, что было потом. Но не только это. Если бы она бежала к нему или каким-то иным образом выдала, кто ее любовник, то братья непременно отправились бы ко двору Будека, чтобы убить наглеца. Зная моего деда, я мог предположить, что он и его сыновья не скупились на клятвы по поводу того, что они сотворят с тем, кто сделал ей ребенка. Прошло время, и его приезд стал чем-то далеким, а потом и вовсе невозможным, словно он на самом деле был всего лишь сказкой, ночным видением. А после она обратилась душой к иному, появились священники, и она забыла о том зимнем свидании. Остался лишь мальчик, так похожий на своего отца. Но, исполнив свой долг перед ним, она могла вернуться к покою и одиночеству, любовь к которым заставила ее много лет тому назад отправиться верхом в ту долину,— подобно тому, как я позднее поднялся по той самой тропе и увидел ту же пещеру.

Я вздрогнул, когда он заговорил снова.

— Тяжело тебе было жить ничьим сыном?

— Да, нелегко.

— Поверишь ли ты, если я скажу, что ничего не знал?

— Я поверю всему, что ты мне скажешь, господин мой.

— Ты, должно быть, ненавидишь меня за это, да, Мерлин?

Я медленно ответил, не поднимая глаз:

— Знаешь, у положения бастарда и ничейного сына есть одно преимущество. Ты можешь выдумать себе отца сам. Можешь представить себе наилучшее — и наихудшее, в зависимости от настроения. С тех пор как я стал достаточно большим, чтобы понимать, кто я такой, я видел своего отца в каждом солдате, в каждом принце и в каждом священнике. И в каждом красивом рабе в королевстве Южного Уэльса.

— Ну вот, Мерлин Эмрис,— очень мягко сказал он,— а теперь перед тобой настоящий отец. Ненавидишь ли ты меня за жизнь, которая выпала тебе по моей вине?

Я ответил, все так же не поднимая глаз и глядя в огонь:

— В детстве я мог выбирать себе любого отца. И из всех людей на свете, Аврелий Амброзий, я выбрал бы тебя.

Молчание. Пламя билось, как сердце.

— И потом, какой мальчишка отказался бы заполучить в отцы верховного короля Британии! — добавил я, пытаясь превратить дело в шутку.

Он снова схватил меня за подбородок и отвернул мое лицо от пламени жаровни.

— Что ты сказал? — резко спросил он.

— А что я сказал? — в недоумении заморгал я.— Я сказал, что выбрал бы тебя...

Он стиснул мой подбородок.

— Ты назвал меня верховным королем Британии!

— Да?

— Но это...

Он остановился. Его глаза, казалось, прожигали меня насквозь. Он опустил руку и выпрямился.

— Ладно. Оставим это. Если это важно, Бог подаст голос снова.— Он улыбнулся мне.— Сейчас важнее то, что сказал ты. Не каждому человеку дано услышать такое от своего почти взрослого сына. Кто знает, быть может, оно и к лучшему, что мы впервые встретились как мужчина с мужчиной, когда каждому из нас есть что дать другому. Человеку, у которого дети с младенчества путаются под ногами, не дано внезапно увидеть свое отражение в лице сына, как я увидел в твоем.

— Неужто мы так похожи?

— Говорят, да. А я вижу в тебе достаточно много от Утера, чтобы понять, почему все говорят, что ты мой сын.

— А он, видимо, не заметил,— сказал я,— и очень сердится. Или, наоборот, рад, что я тебе не наложник?

— Так ты знал? — Амброзий усмехнулся.— Если бы он иногда думал головой, а не другим местом, ему бы это пошло на пользу. Но мы и так неплохо уживаемся. Он делает свое дело, я свое, и, если сумею проложить ему путь, он будет моим наследником, если у меня не будет...

Он осекся. Наступила неловкая пауза. Я глядел в пол.

— Прости меня,— сказал он тихо, как равный равному.— Я сказал это не подумав. Давно свыкся с мыслью, что у меня нет сына...

Я поднял голову.

— В этом отношении так оно и есть. И Утер тоже так думает.

— Что ж, если ты считаешь так же, мой путь будет куда легче.

Я рассмеялся.

— Нет, представить себя королем я не могу! Быть может, половинкой короля или даже четвертью: той малой частью, что видит и думает, но действовать не может. Может быть, когда ты уйдешь, из нас с Утером выйдет один неплохой король. По-моему, он уже сейчас великолепен, ты не находишь?

Но Амброзий не улыбнулся. Его глаза сузились, он пристально смотрел на меня.

— Именно так я и думал! Как ты догадался?

— Ну, как бы я мог догадаться, господин?

Я выпрямился на своем табурете — и тут меня осенило:

— Так вот как ты собирался использовать меня? Теперь я понимаю, почему ты держал меня здесь, в своем доме, и обращался со мной по-королевски, но мне всегда хотелось думать, что ты что-то задумал насчет меня и я смогу быть тебе полезен. Белазий говорил, что ты используешь каждого человека по его способностям и что, даже если я не гожусь в солдаты, ты найдешь мне дело по силам. Это правда?

— Чистая правда. Я понял это сразу, даже прежде, чем подумал, что ты, должно быть, мой сын. Когда увидел, как ты стоял лицом к лицу с Утером тогда ночью, в поле, и в глазах твоих все еще плавали видения, и сила одевала тебя, словно сияющее облако. Нет, Мерлин, из тебя никогда не выйдет короля, даже принца. Но я думаю, что, когда ты вырастешь, король, рядом с которым будешь ты, сможет править всем миром. Теперь понимаешь, почему я послал тебя к Белазию?

— Он очень ученый человек,— осторожно сказал я.

— Он человек развратный и опасный,— сказал Амброзий.— Но он весьма тонок и умен, много странствовал и знает многое, чему тебя не учили в Уэльсе. Я не скажу — «следуй ему», потому что есть много мест, куда следовать за ним не стоит. Но учиться у него надо.

Я поднял на него глаза, потом кивнул.

— Ты про него все знаешь.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Да. Я знаю, что он — жрец древнего культа.

— И ты это терпишь?

— Я пока не могу позволить себе выбрасывать ценные орудия только потому, что мне не нравится, как они сделаны,— ответил он.— Белазий полезен — и я использую его. Если ты мудр, то поступишь так же.

— Он хочет взять меня на следующую встречу.

Он поднял брови, но ничего не сказал.

— Ты против? — спросил я.

— Нет. Ты пойдешь?

— Да,— сказал я медленно и очень серьезно, подыскивая нужные слова.— Видишь ли, господин... Когда ищешь... то, что ищу я, приходится заглядывать повсюду, даже в самые странные места. Смотреть прямо на солнце — невозможно, его можно видеть, лишь когда оно отражается в земных вещах. И даже отражаясь в грязной луже, оно все равно остается солнцем. И в этих поисках я готов заглянуть куда угодно.

Он улыбался.

— Вот видишь? Тебе не нужно другой охраны, кроме Кадаля.

Он развалился в кресле, облокотившись на край стола, и явно расслабился.

— Она назвала тебя Эмрис. Дитя света. Дитя небожителей. Божественный. Ты ведь знаешь, что оно значит именно это?

— Да.

— А ты не знал, что это и мое имя тоже?

— Разве? — глупо спросил я.

Он кивнул.

— Эмрис — Амброзий. Это одно и то же слово. Мерлин Амброзий — она назвала тебя в честь меня.

Я уставился на него.

— Я... Ну да, конечно! А мне и в голову не приходило!

И я рассмеялся.

— Чему ты смеешься?

— Это имя... Амброзий, князь света... А она всем говорила, что мой отец — князь тьмы! Я слышал даже песню об этом. У нас в Уэльсе песни слагают по любому поводу.

— Когда-нибудь ты споешь ее мне.

Тут он внезапно сделался серьезен. Его голос стал гулким.

— А теперь, Мерлин Амброзий, дитя света, взгляни в огонь — и скажи мне, что ты там увидишь.

Я взглянул на него с удивлением. Он настойчиво сказал:

— Да, да, теперь, прежде чем угаснет огонь, когда ты устал и глаза сонные. Посмотри в жаровню — и ответь мне. Что будет с Британией? Что будет со мной и с Утером? Смотри, сын мой! Смотри и говори!

Это было бесполезно. Я уже очнулся; огонь в жаровне догорал, и сила ушла, осталась лишь эта комната с быстро стынущими тенями по углам да мужчина и мальчик, беседующие друг с другом. Но я любил его — и уставился в огонь. Наступила мертвая тишина — лишь шуршали оседающие угодья да позванивал остывающий металл.

Я сказал:

— Я ничего не вижу — только угасающее пламя в жаровне и пещеру тлеющих углей.

— Смотри еще!

Я вспотел от напряжения. Капли пота поползли по носу, по рукам, между ног, пока мои ляжки не слиплись. Я изо всех сил сцепил руки и до боли стиснул их между колен. У меня заныли виски. Я резко встряхнул головой, чтобы прояснить мысли, и посмотрел на него.

— Господин мой, это бесполезно. Прости, но это действительно так. Я не могу повелевать богом — он повелевает мной. Быть может, когда-нибудь я смогу видеть по своей воле или по твоему велению, но пока что это приходит само — или не приходит вообще.— Я развел руками, пытаясь объяснить.— Ну, как будто я стою под облаками и жду, а потом дует ветер, облака расходятся, сверху падает свет и озаряет меня — иногда целиком, иногда — лишь краешком столпа солнечного света. Когда-нибудь я смогу увидеть весь храм целиком. Но не теперь.

Меня охватило изнеможение. Я слышал это по собственному голосу.

— Прости меня, господин мой. Я пока бесполезен. У тебя еще нет своего пророка.

— Нет,— сказал Амброзий. Он протянул руку и, когда я встал, привлек меня к себе и поцеловал.— У меня есть только сын, который остался без ужина и до смерти устал. Иди спать, Мерлин. И спи до утра без сновидений. У нас еще будет время для видений. Спокойной ночи.

Видений в ту ночь у меня больше не было, но сон мне приснился.

Амброзию я о нем никогда не говорил. Я снова увидел пещеру на склоне холма, и девушку по имени Ниниана, едущую сквозь туман, и мужчину, ожидающего ее у пещеры. Но эта Ниниана не была моей матерью, и человек у пещеры не был молодым Амброзием. Это был старик, и у него было мое лицо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЛК

Глава 1

Я провел с Амброзием в Бретани пять лет. Оглядываясь теперь назад, я вижу, что многое из того, что было, спуталось у меня в памяти, словно разбитая мозаика, которую чинил человек, почти забывший первоначальный узор. Кое-что я помню ясно и отчетливо, во всех красках и деталях; другое — быть может, более важное — помнится смутно, словно образы стерлись последующими событиями: смертью, печалью, сердечными переменами. Места я всегда помню очень хорошо — иные из них настолько отчетливо, что мне даже теперь кажется, что я могу побывать там и что, если бы я мог сосредоточиться и сила, некогда облекавшая меня, словно платье, была еще при мне, я мог бы даже теперь воссоздать их здесь, во тьме, как некогда, много лет назад, я воссоздал для Амброзия Хоровод Великанов.

Я отчетливо помню места и мысли, что приходили ко мне тогда, такие свежие и сияющие, но людей — не всегда: временами, роясь в памяти, я думаю, не путаю ли я их друг с другом: Белазия — с Галапасом, Кадаля — с Кердиком, бретонского командира, чье имя я забыл, с военачальником моего деда в Маридунуме, который когда-то пытался научить меня фехтовать, в твердой уверенности, что любой, даже незаконнорожденный, принц должен мечтать об этом.

Но когда я пишу об Амброзии, мне кажется, что он снова стоит предо мной, ярко выделяясь во тьме, как человек в шапке в ту морозную ночь, мою первую ночь в Бретани. Даже без сво-

его одеяния силы я могу вызвать перед собой его глаза, неподвижные под нахмуренными бровями, тяжелые пропорции его тела, лицо (теперь оно кажется мне таким молодым), твердо очерченное всепоглощающей, непреклонной волей, которая заставляла его двадцать с лишним лет смотреть на запад, в сторону своего, закрытого для него королевства. Двадцать лет понадобилось ему, чтобы стать из мальчика комесом и, невзирая на бедность и неравенство сил, создать ударную мощь, что росла вместе с ним, выжидая своего часа.

Об Утере писать труднее. Или, вернее, об Утере труднее писать так, словно он уже в прошлом, всего лишь часть истории, которая завершилась много лет назад. Он встает передо мной даже более живым, чем Амброзий. Нет, не здесь, во тьме,— тут пребывает лишь та моя часть, что была Мирддином. А та, что была Утером,— она снаружи, на солнце, она хранит берега Британии, следуя начертанному мною пути, следуя тому рисунку, что некогда показал мне Галапас в летний день в холмах Уэльса.

Но Утера, о котором я пишу, разумеется, больше нет. Есть человек, соединивший в себе нас всех, тот, кто стал всеми нами: Амброзием, который создал меня; Утером, который трудился вместе со мной; и мною самим, который использовал каждого человека, встречавшегося ему на пути, чтобы дать Британии Артура.

Время от времени приходили вести из Британии, и иногда — через Горлойса Корнуэльского — я получал известия о том, что происходит дома.

Похоже, после смерти моего деда Камлах не сразу отрекся от старого союза со своим родичем Вортигерном. Он хотел утвердиться, прежде чем открыто порвать с Вортигерном и встать на сторону «молодежи», как именовали людей Вортимера. Вортимер и сам не торопился начинать открытый мятеж, но было ясно, что все идет к тому. Король Вортигерн оказался зажат меж лавиной и наводнением: чтобы остаться королем Британии, ему приходилось призывать на помощь сородичей своей жены-саксонки, а саксы-наемники каждый год требовали увеличения платы.

Страна распадалась и истекала кровью. Люди открыто называли это «саксонской напастью». Восстание готово было разразиться в любой день, особенно на Западе, где люди все еще были свободны. Не хватало лишь вождя, который объединил бы восставших. Положение Вортигерна становилось настолько отча-

янным, что он против своей воли был вынужден все больше передавать командование войсками, стоявшими на Западе, Вортимеру и его братьям, в чьих жилах, по крайней мере, не было ни капли саксонской крови.

О моей матери ничего не было известно, кроме того, что она мирно живет в монастыре Святого Петра. Если до нее доходили слухи, что при графе Бретани состоит некий Мерлинус Амброзиус, она должна была догадаться обо всем. А письмо или посланец от врага верховного короля без нужды подвергли бы ее опасности. Амброзий говорил, что скоро она и так все узнает.

На самом деле до вторжения прошло еще пять лет, но годы эти пронеслись, словно вода, прорвавшая плотину. Ввиду событий, назревавших в Уэльсе и Корнуолле, приготовления Амброзия ускорились. Если людям, живущим на Западе, нужен лидер, пусть это будет Амброзий, а не Вортимер! Но Амброзий намеревался выждать. Пусть Вортимер будет клином — они же с Утером станут молотом, что забьет этот клин в трещину. А тем временем в Малой Британии наступило время великих надежд. Отовсюду сыпались предложения подкреплений и союзов, поля дрожали от топота копыт и марширующих ног, а в кварталах механиков и оружейников далеко за полночь стучали молоты, и люди прилагали все усилия, чтобы за то же время успевать делать вдвое больше. Долгожданное вторжение было уже близко, и, когда пробьет час, Амброзий должен выступить во всеоружии. Он не может позволить себе потерпеть поражение. Кто же станет тратить полжизни на то, чтобы выковать могучее копье, а потом швырять это копье наугад в темноту? Все должно было быть наготове и служить ему — не только люди, вещи и припасы, но и время, и дух, и самые ветра небесные! Сами боги должны были отворить ему врата. Амброзий говорил, что затем они и послали ему меня. Именно мое тогдашнее появление со словами победы и видением непобежденного бога убедило его (и, что еще важнее, солдат) в том, что приближается наконец время, когда он сможет нанести удар, будучи заранее уверен в победе. И вот я не без страха обнаружил, что Амброзий определил меня в пророки.

Можете быть уверены, я больше не спрашивал его, как он намерен меня использовать. Он дал мне это понять достаточно ясно. И я, раздираемый гордостью, страхом и стремлением услужить ему, старался пока что узнать все, чему мог научиться, и открыть себя силе, ибо это было все, что я мог дать ему. Если он

рассчитывал заполучить своего домашнего пророка немедленно, прямо сейчас, ему пришлось разочароваться: в это время я не видел ничего существенного.

Наверное, знание преграждало путь видениям. Но то было время познания. Я учился у Белазия, пока не превзошел его: я научился практическому приложению вычислений, чего Белазий не умел, для него расчеты были таким же искусством, как для меня песни; но я и песни научился использовать.

Я проводил долгие часы в кварталах механиков, и частенько Кадалю приходилось оттаскивать меня чуть ли не за уши от какого-нибудь приспособления, густо смазанного маслом. Кадаль ворчал, что после такой работы мне нельзя общаться ни с кем, кроме раба-банщика.

Я записал также все, что я помнил из наставлений Галапаса в медицине, и добавил к этому практический опыт, при любой возможности помогая армейским врачам. Я мог свободно бродить по лагерю и по всему городу, пользуясь именем Амброзия. Я вцепился в эту свободу, словно голодный волчонок в свою первую добычу. Я учился все время, непрерывно, у всех, кого встречал. Я смотрел и на свет, и во тьму, и на солнце, и в грязную лужу, как и обещал Амброзию.

Я побывал вместе с Амброзием в святилище Митры, расположенном под фермой, и с Белазием на лесных сборищах. Мне даже разрешалось молча присутствовать на советах графа и его военачальников, хотя никто не предполагал, что от меня будет какой-то прок на войне. «Разве что,— сказал однажды Утер полушутливо,— он будет стоять над нами, словно Иисус Навин, и держать на небе солнце, чтобы дать воинам время закончить настоящую работу. Хотя, если отбросить шутки, похоже, он способен и на большее... Ведь людям он кажется чем-то вроде Вестника Митры или, извиняюсь, щепки от Истинного Креста. Так что он, пожалуй, в самом деле может сделать больше, стоя на холме вместо талисмана, на виду у войска, чем на поле битвы, где он и пяти минут не протянет». А что он говорил позже, когда я в шестнадцать лет отказался от ежедневных занятий фехтованием, которые должны были научить меня хотя бы элементарной самозащите! Но отец мой только смеялся — он-то знал, что у меня есть своя защита, хотя я тогда еще не подозревал об этом.

Я учился у всех: у старух-знахарок, лечивших больных травами, паутиной и морскими водорослями; у бродячих коробейни-

ков и шарлатанов; у коновалов, гадателей, жрецов... Я прислушивался к разговорам солдат у таверн, к разговорам офицеров в доме моего отца, к разговорам мальчишек на улицах.

Но об одном я не узнал ничего: в семнадцать лет, уезжая из Бретани, я был полным невеждой в отношениях с женщинами. Когда мне случалось задуматься об этом — а такое бывало довольно часто,— я говорил себе, что сейчас мне некогда, что у меня еще целая жизнь впереди, а теперь у меня полно других, более важных дел. Но наверно, на самом-то деле я их просто боялся и потому гасил свои желания работой. Теперь я думаю, что страх этот внушал мне бог.

Я ждал и занимался своим делом — готовился служить отцу. Тогда я полагал, что важнее ничего нет.

Однажды я сидел в мастерской Треморина, главного механика, очень приятного человека, который позволял мне учиться у него всему, чему только можно, предоставлял мне место для работы и материал, с которым можно было экспериментировать.

Я помню, как в тот день он вошел в мастерскую, увидел, что я вожусь у себя в углу с какой-то моделью, и подошел посмотреть. Когда он увидел, чем именно я занят, он рассмеялся.

— Я всегда думал, что их и так довольно в округе, чтобы ставить новые!

— Я хочу понять, как они их ставили.— Я опустил на место масштабную модель стоячего камня.

Треморин удивился. Я знал почему. Он всю жизнь прожил в Малой Британии, а там этих стоячих камней столько, что люди их просто не замечают, каждый день видят этот каменный лес, и для большинства это всего лишь мертвый камень... Но мне всегда казалось, что эти камни о чем-то говорят, и нужно было узнать, что именно; но Треморину я этого говорить не стал. Я просто добавил:

— Я пытался повторить это в малом масштабе.

— Ну, так могу сказать тебе сразу: пробовали — не действует.— Он взглянул на ворот, который я приспособил для того, чтобы поднять модель.— Это подходит только для стоящих вертикально, и то лишь для самых легких, а для перемычек и вовсе не годится.

— Это я уже понял. Но у меня есть одна мысль... надо попробовать иначе.

— Ты только зря тратишь время. Возьмись-ка лучше за что-нибудь нужное, такое, что может пригодиться. Но эта идея легкой передвижной лебедки и впрямь стоит того, чтобы над ней подумать...

Через несколько минут его отозвали. Я разобрал модель и уселся за новые расчеты. Треморину я о них говорить не стал: у него было множество более важных дел. Все равно он бы только посмеялся, если бы я сказал ему, что поднимать стоячие камни я научился у певца.

Вышло этот так.

Однажды, примерно за неделю до того, бродя вдоль рва, что окружал городские стены, я услышал пение. Голос был старческий, дребезжащий и надорванный — голос профессионального певца, которому приходится перекрикивать шум толпы, петь на ветру и на морозе. Мое внимание привлек не голос и не мелодия — ее почти нельзя было разобрать,— а мое имя.

— Мерлин, о Мерлин, куда спешишь ты?

Он сидел у моста, перед ним стояла чашечка для подаяний. Я увидел, что певец слепой. Но его голос — то, что от него осталось,— был верным. И он не стал тянуться ко мне со своей чашечкой, услышав, что я остановился перед ним, он сидел, как сидят за арфой: чуть склонив голову, прислушиваясь к мелодии,— и пальцы его шевелились, словно перебирая струны. Видно, некогда он певал и в королевских чертогах.

Мерлин, о Мерлин, куда спешишь ты
Ранним утром со своим черным псом?
Я искал золотое яйцо,
Алое яйцо морского змея,
Что лежит под камнем у моря.
Собирал я щавель в лугах,
Зеленый щавель и златые травы,
Золотой мох, дарующий сон,
Срывал я омелу с дуба, ветвь друидов,
Что растет в чаще леса над бегущим ручьем.
Мерлин, о Мерлин, возвращайся из леса,
Уйди от ручья!
Оставь дуб и златые травы,
Оставь щавель на заливных лугах,
И алое яйцо морского змея
В пене под камнем у моря!
Мерлин, о Мерлин, оставь свои поиски!
Грядущее открыто лишь Богу.

Теперь эта песня известна не менее, чем песня о девице Марии или о короле и сером тюлене, но я услышал ее впервые. Когда певец узнал, кто остановился послушать его, он, казалось, был польщен тем, что я присел рядом с ним и стал расспрашивать его. Помнится, тогда, в первый раз, мы толковали в основном о песнях и еще немного о нем самом.

Я узнал, что в юности он был на Моне, острове друидов, видел Каэр-ин-ар-Вон и поднимался на Снежную гору. На острове друидов он и потерял зрение, но не рассказал мне, как это вышло.

Когда я сказал ему, что водоросли и травы, которые я собирал на берегу, предназначены для лекарств, а не для магии, он улыбнулся и спел песню, которую я слышал от своей матери, сказав, что эта песня будет щитом, а от чего — не сказал, и я не стал спрашивать.

Я положил деньги ему в чашечку — он принял подаяние со спокойным достоинством, но, когда я пообещал найти ему арфу, ничего не ответил и уставился в пространство пустыми глазницами — он не поверил мне. На следующий день я принес ему арфу: отец мой был щедр, и мне даже не понадобилось объяснять, зачем мне нужны деньги. Когда я вложил арфу в старческие руки певца, он заплакал. Потом взял мою руку и поцеловал ее.

После этого я часто встречался с ним до тех пор, пока не оставил Малую Британию. Он много странствовал — от Ирландии до Африки. Он научил меня песням многих стран: Италии, Галлии, белого Севера и более древним песням Востока — странным колеблющимся напевам, что, как он говорил, пришли на Запад вместе с людьми с восточных островов — теми, что возвели стоячие камни. В них говорилось о знаниях, которые были забыты и сохранились лишь в песнях.

Наверно, он и сам считал эти песни всего лишь легендами о древнем волшебстве, сказками, что сложили поэты.

Но чем больше я думал об этом, тем яснее понимал, что в них поется о людях, которые действительно жили на свете, и о трудах, которые были свершены на самом деле, о том, как они возводили эти камни, чтобы отметить пути солнца и луны, и строили обиталища для своих богов и королей-исполинов древности.

Однажды я сказал что-то на этот счет Треморину — он был не только умен, но и добродушен, и обычно у него находилось вре-

мя для меня,— но Треморин только посмеялся и отмахнулся, и я больше не заговаривал об этом. У механиков Амброзия в те дни и без того было дел по горло, и им некогда было помогать мальчишке делать расчеты, не имевшие никакого отношения к грядущему вторжению. Так что я пока оставил это.

Весной моего восемнадцатого года из Британии наконец пришли вести.

В январе и феврале морские пути были закрыты, и лишь в начале марта, воспользовавшись холодной спокойной погодой, установившейся перед началом весенних штормов, из Британии пришло маленькое торговое суденышко, и Амброзий узнал новости.

Новости будоражили. Буквально через несколько часов на север и на восток помчались гонцы графа. Он созывал союзников — и спешно, ибо вести запоздали.

Наконец-то свершилось. Вортимер открыто порвал со своим отцом и с его саксонской королевой. Несколько вождей бриттов — и среди них люди Запада,— устав умолять верховного короля порвать со своими саксонскими союзниками и защитить от них свой собственный народ, убедили Вортимера взять наконец власть в свои руки и восстали вместе с ним.

Они объявили его королем и подняли его знамя против саксов, которых удалось оттеснить на юг и восток, и им со своими боевыми кораблями пришлось укрыться на острове Танет.

Но и там Вортимер преследовал их и в конце осени — начале зимы осадил их и добился того, что саксы запросили пощады и умоляли лишь об одном — позволить им уйти с миром, забрать свое добро и вернуться в Германию, оставив даже жен и детей.

Однако успешное владычество Вортимера продлилось недолго. Что произошло, в точности известно не было, но ходили слухи, что он умер от яда, что подсыпал ему какой-то прихвостень королевы.

Как бы там ни было, Вортимер был мертв, и власть снова вернулась к его отцу Вортигерну. Он чуть ли не первым делом послал за Хенгистом и его саксами, призывая их вернуться в Британию. В этом, как всегда, винили жену короля.

Король обещал, что саксы вернутся с малыми силами, не более, чем потребуется, чтобы восстановить мир и порядок и помочь ему вновь объединить расколовшееся королевство.

На самом деле саксы обещали прислать триста тысяч человек. По крайней мере, так утверждала молва. Разумеется, молва преувеличивала, но в любом случае было ясно, что Хенгист собирается привести значительные силы.

Были кое-какие новости и из Маридунума. Посланец не был шпионом Амброзия, и привез он в основном все те же слухи.

Вести были неутешительные. Похоже, мой дядя Камлах вместе со всеми своими вассалами — то были преданные люди моего деда, которых я знал,— участвовали в восстании Вортимера и сражались вместе с ним в четырех битвах с саксами. В сражении при Эписфорде Камлах погиб вместе с братом Вортимера Катигерном. Но меня больше волновало то, что после смерти Вортимера на тех, кто был на его стороне, обрушились гонения. Вортигерн захватил королевство Камлаха и присоединил его к своим землям в Гвенте. Вортигерну нужны были заложники, и он вновь сделал то же, что двадцать пять лет назад: он захватил детей Камлаха — младший из них был еще в колыбели — и отдал их на попечение королевы Ровены. Мы не могли выяснить, живы ли они. Неизвестно было, жив ли ребенок Ольвен, которого постигла та же участь. Вряд ли. О моей матери вестей не было.

Через два дня после того, как пришли эти вести, начались весенние шторма и море снова преградило путь и нам, и вестникам.

Но это было неважно — неведение было обоюдным. Мы не могли получать вестей из Британии, но и там не могли получить вестей о нас и об ускоренных приготовлениях к вторжению в Западную Британию.

Было очевидно, что время наконец настало. Дело заключалось не только в том, чтобы помочь Уэльсу и Корнуоллу. Если Красный Дракон хотел, чтобы в Британии остались люди, готовые встать под его знамена, ему следовало выступить в этом году.

— Ты вернешься с первым кораблем,— говорил мне Амброзий, не отрывая взгляда от карты, расстеленной на столе.

Я стоял у окна. Ставни были закрыты, но я все равно слышал, как завывает за окном ветер, и тяжелая занавесь рядом со мной раздувалась от сквозняка.

— Да, господин,— ответил я, подошел к столу и увидел, что он указывает на Маридунум.— Я поеду туда?

Он кивнул.

— Сядешь на первый же корабль, который пойдет на запад, и доберешься домой, даже если он остановится в другой гавани.

Отправишься к Галапасу, получишь все сведения, какие он сможет дать. Я не думаю, что в городе тебя узнают, но рисковать не стоит. У Галапаса безопасно. Можешь обосноваться там.

— Стало быть, из Корнуолла вестей никаких?

— Никаких. Только слухи, что Горлойс у Вортигерна.

— У Вортигерна? — Я некоторое время обдумывал эту новость.— Стало быть, он не участвовал в восстании Вортимера?

— Насколько мне известно, нет.

— Двурушничает?

— Быть может. Но поверить в это трудно. А может быть, все это ничего не значит. Я так понимаю: он только что женился и, быть может, просидел всю зиму у себя в замке просто для того, чтобы молодой жене не было скучно. А может быть, он предвидел, что будет с Вортимером, и предпочел для виду сохранить верность верховному королю, чтобы сберечь свою голову и продолжать служить моему делу. Но пока я не разузнаю, в чем дело, посылать людей прямо к нему я не могу. За ним могут следить. Так что отправляйся к Галапасу и разузнай, что происходит в Уэльсе. Я слышал, Вортигерн окопался где-то в тех местах, а Восточную Британию он предоставил Хенгисту. Придется сперва выкурить из норы этого старого волка, а потом защищать Запад от саксов. Но действовать придется быстро. И мне нужен Каэрлеон!

Он поднял голову.

— Я пошлю с тобой твоего старого приятеля — Маррика. Он вернется обратно, и ты пришлешь весточку с ним. Будем надеяться, что там все в порядке. Думается мне, ты и сам будешь с нетерпением ждать вестей!

— Ничего, перебьюсь,— сказал я.

Он ничего не ответил — только вскинул брови и снова склонился над картой.

— Садись. Я объясню, что от тебя требуется. Скоро ты сможешь отправиться в путь.

Передо мной колыхалась занавеска.

— Я буду страдать всю дорогу!

Он поднял голову — и рассмеялся.

— Клянусь Митрой, я об этом и не подумал! Но тогда, наверно, и я тоже? В каком жалком виде прибуду я домой!

— В свое королевство,— сказал я.

Глава 2

Я отправился в Британию в начале апреля, на том же суденышке, что и в прошлый раз. Но это путешествие разительно отличалось от первого. Я был уже не беглец Мирддин, но Мерлин, хорошо одетый молодой римлянин, у которого были слуги и деньги в кармане. Мирддин всю дорогу провалялся нагишом в трюме, а Мерлину предоставили уютную каюту, и капитан всячески оказывал ему внимание. Одним из моих слуг был, разумеется, Кадаль, а вторым, как это ни смешно, Маррик. Ему это смешным отнюдь не казалось. Ханно к тому времени уже не было в живых — он перехитрил самого себя, пытаясь провернуть одно дельце, связанное с шантажом: добыча оказалась ему не по зубам. Разумеется, я старался ничем не выдать своего родства с Амброзием. Но ничто на свете не могло бы заставить меня расстаться с драконьей фибулой. Я пристегнул ее к тунике с изнанки. Вряд ли кто-то мог признать во мне того беглеца пятилетней давности, и, разумеется, капитан не подавал виду, даже если и узнал меня, но я на всякий случай держался как можно высокомернее и говорил исключительно по-бретонски.

На мое счастье, кораблик шел к устью Тиви и должен был бросить якорь в Маридунуме. Но мы договорились, что нас с Кадалем высадят на берег сразу, как только мы войдем в устье.

В общем, все было иначе, чем в первый раз, за исключением одного, самого главного. Меня тошнило всю дорогу. Правда, на этот раз у меня была удобная койка и обо мне заботился Кадаль, не то, что тогда: мешки и ведро в углу,— но для меня это не имело ни малейшего значения. Как только корабль покинул Малое море и оказался на просторах залива, взбаламученных апрельскими ветрами, я оставил свой пост на носу корабля, ушел вниз и лег на койку.

Как мне сказали, ветер был попутный, так что мы вошли в устье и бросили якорь до рассвета, за десять дней до апрельских ид.

Рассвет был безветренный, холодный и туманный. Было очень тихо.

Только что кончился отлив, и снова начинался прилив. Вода хлынула в устье. Когда наша лодка отчалила от корабля, единственными звуками были шуршание и плеск волн о борта да мягкие удары весел по воде. Вдалеке слышались слабые, но звонкие крики петухов. Откуда-то из тумана доносилось блеянье ягнят, и матки отвечали им более густыми низкими голосами. Воздух

был влажный, мягкий и чистый, пахло солью и, как ни странно, домом.

Мы держались середины потока, и благодаря туману с берегов нас видно не было. Говорили мы мало, и то лишь шепотом: один раз, когда на берегу залаяла собака, мы услышали, как хозяин успокаивал ее — он говорил тихо, но впечатление было такое, словно он сидит в той же лодке. Так что мы были предупреждены и старались помалкивать.

Сильный весенний прилив быстро нес нас вперед. Это было очень кстати: мы бросили якорь позже, чем следовало, так что уже светало. Я видел, как моряки, что везли нас, беспокойно поглядывают на небо и начинают грести быстрее. Я наклонился вперед, напрягая глаза, чтобы рассмотреть в тумане знакомые берега.

— Рад, что вернулся? — спросил на ухо Кадаль.

— Это зависит от того, что мы тут найдем. Митра, как же есть хочется!

— Неудивительно! — Кадаль кисло усмехнулся.— А что ты высматриваешь?

— Тут должна быть бухточка — белый пляж и ручей, впадающий в реку,— а за ней холм и сосновая рощица. Надо пристать там.

Он кивнул. Было решено, что мы с Кадалем высадимся в устье по другую сторону от Маридунума, в известном мне месте, и оттуда незаметно выберемся на южную дорогу и будем выдавать себя за корнуэльцев.

Говорить должен был я, но и Кадаль неплохо знал тамошнее наречие — его выговор мог бы обмануть любого, кроме разве урожденного корнуэльца.

У меня с собой было несколько горшочков с мазями и шкатулка с медикаментами, так что я в случае чего мог сойти за странствующего лекаря. Эта личина могла позволить пробраться почти в любое место, куда мне было нужно.

Маррик остался на корабле. Он должен был приплыть в порт вместе со всеми, разыскать в городе старых знакомых и узнать, что нового слышно. А Кадаль отправится вместе со мной к Галапасу и будет связующим звеном между мною и Марриком. Корабль простоит в устье три дня; Маррик уедет на нем и увезет с собой все собранные сведения.

Поплывем ли обратно мы с Кадалем, зависит от того, что мы узнаем: мы с отцом не забывали, что после участия Камлаха в

мятеже Вортигерн похозяйничал в Маридунуме, как лиса в курятнике,— и, быть может, его саксы тоже.

В первую очередь я должен был добыть вести о Вортигерне и отослать их отцу; затем мне нужно было разыскать мать и узнать, все ли с ней в порядке.

Хорошо было снова очутиться на земле! Правда, назвать ее сушей было сложно: холмик порос высокой травой, и она была мокрая от росы. И все же, когда лодка скрылась в тумане и мы с Кадалем стали подниматься к дороге, я ощущал себя легким и был в приподнятом настроении.

Не знаю, что я ожидал найти в Маридунуме,— по-моему, меня это даже особенно не волновало. Не возвращение домой возбуждало и радовало меня, а то, что я наконец могу сделать что-то для Амброзия. Правда, я еще не пророк, но зато я мужчина и его сын. Похоже, я тогда про себя надеялся, что мне придется умереть за него. Я был еще очень молод...

До моста мы добрались без приключений. На мосту нам повезло: мы встретились с барышником, у которого была при себе пара лошадок — он надеялся сбыть их в городе.

Я купил одну из них, поторговавшись ровно столько, чтобы не возбудить подозрений; он был так доволен, что даже отдал мне в придачу довольно потертое седло. К тому времени, как сделка была завершена, солнце уже встало и на дороге появились люди. Но на нас никто особого внимания не обратил — кроме одного мужичка, который, видно, признал лошадь. Он ухмыльнулся и сказал — скорее Кадалю, чем мне:

— И далеко ты собрался уехать, парень?

Я сделал вид, что не расслышал. Уголком глаза я видел, как Кадаль развел руками, пожал плечами и закатил глаза, как бы говоря: «Мне приходится делать, что он велит, а что с него возьмешь!»

На дорожке, ведущей вдоль берега, никого не было. Кадаль шагал рядом со мной, взявшись рукой за узду.

— Ты знаешь, а он прав. На этой старой кляче далеко не уедешь. А кстати, далеко ли нам?

— Должно быть, меньше, чем мне кажется. От города — миль шесть.

— И все в гору?

— Ну, на худой конец пойду пешком.

Я провел ладонью по жилистой шее конька.

— А ты знаешь, он вовсе не так плох, как кажется. Откормить его как следует — и он будет в порядке.

— Ну ладно, значит, ты не зря деньги выкинул. Что ты высматриваешь там, за стеной?

— Я тут жил.

Мы проезжали мимо дворца моего деда. Он, похоже, почти не изменился.

Сидя на лошади, я мог заглянуть за стену. На террасе росла айва. Ее огненные цветы раскрывались под лучами утреннего солнца. А вот и сад, где Камлах угощал меня отравленным абрикосом. А вот и ворота, через которые я выбежал тогда, заливаясь слезами...

Конек вез меня дальше. Вот фруктовый сад. Почки на яблонях уже набухли, вокруг терраски, где, бывало, сидела и пряла Моравик, пока я играл у ее ног, пробивалась упругая молодая трава.

А вот и то место, где я перемахнул через стену в ночь побега; вот к этой наклонившейся яблоне я привязал тогда Астера.

Стена была разрушена, и я видел сквозь пролом лужайку с жесткой травой, по которой бежал в ту ночь, выпрыгнув из окна своей комнаты, ставшей погребальным костром Кердика.

Я остановил лошадь и вытянул шею, чтобы разглядеть дом. Я неплохо потрудился в ту ночь: все строения — моя комната и примыкавшие к ней ряды построек — исчезли. Но конюшни были все те же — значит, огонь не добрался до них в ту ночь.

Две стороны колоннады, уничтоженные огнем, были отстроены заново, в современном стиле, который никак не гармонировал со всем остальным: квадратные столбы, сложенные на скорую руку из больших, грубо отесанных камней, поддерживали бревенчатую крышу, а между ними были глубокие квадратные окна.

Строение выглядело уродливым и неуютным — единственным его предназначением было защищать от непогоды. «Нет,— подумал я,— лучше снова сесть в седло и ехать дальше, в пещеру...»

— Чего ты ухмыляешься? — спросил Кадаль.

— Ничего. Просто я, кажется, сделался настоящим римлянином. Как ни странно, здесь я уже не чувствую себя дома. Хотя, честно говоря, в Малой Британии тоже.

— А где же тогда твой дом?

— Сам не знаю. Должно быть, там, где граф. Так что в ближайшее время моим домом, видимо, будет что-нибудь в этом

духе.— Я кивнул на старые римские казармы, видневшиеся позади дворца.

Они лежали в руинах, там царило запустение. Оно и к лучшему, подумал я. По крайней мере, судя по всему, Амброзию не придется сражаться за этот город. Дайте Утеру двадцать четыре часа, и он живо приведет все в порядок. А вот и монастырь Святого Петра. Его, по всей видимости, не коснулись ни огонь, ни копье.

— Знаешь что? — сказал я Кадалю, когда мы обогнули стену монастыря и начали подниматься по тропе, ведущей к мельнице.— Если и есть место, которое я могу назвать своим домом, так это пещера Галапаса.

— Ну, вот это уж совсем не по-римски,— сказал Кадаль.— Нет, мне подавай добрую таверну, теплую постель да жареной баранинки, а пещеры можешь оставить себе.

Даже с этой дохленькой лошадкой дорога показалась мне короче, чем раньше.

Мы скоро добрались до мельницы и повернули наверх. Словно и не было всех этих лет. Казалось, лишь вчера я въезжал в эту долину, светило солнце, и ветерок шевелил сивую гриву Астера. Нет, даже еще не Астера — вон под тем же терновником как будто тот же самый придурковатый мальчишка стережет тех же овец, что и в тот день, когда я приехал сюда впервые.

Когда мы подъехали к развилке, я невольно огляделся, ища вяхиря. Но все было тихо — лишь кролики перебегали в зарослях молодого папоротника.

То ли конек почуял, что ехать уже недалеко, то ли ему просто понравилось ступать по траве и нести нетяжелую ношу, но он ускорил шаг. Впереди показался выступ, за которым открывался вход в пещеру.

У купы боярышника я натянул повод.

— Приехали. Пещера там, за скалой.

Я соскользнул на землю и передал повод Кадалю.

— Оставайся здесь и жди меня. Через час подойдешь.

Потом спохватился и добавил:

— Если увидишь что-то вроде дыма, не пугайся. Это летучие мыши вылетают из пещеры.

Давненько я не видел, как Кадаль делает знак от дурного глаза! Я рассмеялся и оставил его.

Глава 3

Я знал это, еще не успев обогнуть выступ скалы и выйти на лужайку перед входом.

Можете звать это предвидением — никаких следов не было. Тишина, конечно, но у пещеры почти всегда стояла тишина. Только на этот раз она была другая. Я не сразу понял, в чем дело,— и лишь потом сообразил. Не слышно было журчания источника.

Я дошел до конца тропы, вышел на лужайку — и увидел. Не было нужды входить в пещеру, чтобы понять, что его здесь нет — и не будет.

Ровная площадка перед входом в пещеру была завалена обломками. Я подошел ближе.

Это произошло совсем недавно. Здесь погулял огонь — огонь, залитый дождем прежде, чем он успел уничтожить все. Гора мокрого мусора — обгорелые деревяшки, тряпки, куски пергамента, размокшие в бесформенную массу, но заметные по обугленным краям. Я перевернул попавшийся мне под ноги кусок доски и по резьбе узнал его — это был обломок сундука, в котором хранились его книги. А куски пергамента — это все, что осталось от самих книг.

Наверно, в куче мусора были и другие его вещи. Я не стал рыться в угольях. Если книги погибли, значит, и все остальное погибло тоже. Как и сам Галапас.

Я медленно направился ко входу в пещеру. У источника остановился. Теперь понятно, почему не слышно журчания: чашу завалили камнями, землей и мусором из пещеры. Из-под мусора все еще сочилась вода. Она лениво вытекала из чаши и впитывалась в дерн, так что возле чаши образовалось топкое место. В воде виднелся отмытый добела скелет летучей мыши.

Как ни странно, факел лежал на прежнем месте — на уступе над входом в пещеру. Он даже был сухой. Рядом не было ни кремня, ни огнива, но я разжег огонь и, держа перед собой факел, медленно вступил в пещеру.

Помнится, я весь дрожал, как будто ледяной ветер дул из пещеры мне навстречу. Я уже знал, что увижу внутри.

Пещера была ограблена дочиста. Все, что было внутри, выволокли наружу и подожгли. Все, кроме бронзового зеркала. Зеркало, естественно, не горело и было слишком тяжелым, чтобы

его унести. Его сорвали со стены, и теперь оно стояло, криво прислоненное к стенке пещеры. А больше внутри ничего не было. Даже мыши не шуршали под потолком. Здесь царила гулкая пустота.

Я поднял факел выше, ища вход в хрустальный грот. Его не было.

Кажется, пару мгновений я думал, что ему удалось скрыть внутреннюю пещеру и отсидеться там. Потом я увидел.

Вход в грот был на месте, но случай — если это был случай — скрыл его от посторонних глаз, и теперь найти его мог только тот, кто знал, что ищет. Бронзовое зеркало упало так, что, вместо того чтобы направлять свет на отверстие, оно направляло тьму. Отраженный свет падал на выступ скалы, который отбрасывал густую тень на вход во внутренний грот. Те, кто был занят лишь грабежом и разорением, вполне могли его и не заметить.

— Галапас! — робко окликнул я, всматриваясь в темноту.— Галапас!

Из хрустального грота послышался тишайший шелест, призрачный звон, похожий на ту музыку, что я когда-то слышал в ночи. Ничего похожего на человеческий голос. Я не ожидал этого. Я взобрался на уступ, встал на колени и заглянул внутрь.

Кристаллы вспыхнули в свете факела, и на стену сияющего шара упала тень моей арфы, дрожащая, но отчетливая. Арфа стояла в центре грота. Она была цела. Больше в пещерке ничего не было. Лишь шепот, замирающий меж сверкающих стен... Должно быть, здесь, в водопадах света, таились видения, но я знал, что сейчас не смогу открыться для них. Опершись рукой о скалу, выскользнул обратно. Пробегая мимо накренившегося зеркала, я мельком увидел высокого юношу, окутанного пламенем и дымом. Лицо его казалось бледным, глаза — огромными черными провалами. Я выбежал наружу. Забытый мною факел пылал и чадил. Я подбежал к краю утеса и поднес руки ко рту, чтобы позвать Кадаля, но тут у меня за спиной раздался звук, заставивший меня развернуться волчком и посмотреть наверх.

Пара воронов и ворона с сердитым карканьем поднялись со склона холма.

На этот раз я шел медленно. Я поднялся по тропе, которая вела мимо источника на вершину холма. Вороны поднялись еще выше. Пара ворон снялась и полетела над зарослями молодого

папоротника. Еще пара продолжала трудиться над чем-то, лежащим в цветущих кустах терновника.

Я взмахнул факелом, швырнул его в птиц. И бросился туда бегом.

Сказать, когда он умер, было невозможно. Кости были обглоданы почти дочиста. Но я признал его по выцветшим бурым лохмотьям, еще висевшим на скелете, и по старой разбитой сандалии, которая валялась рядом с телом среди апрельских маргариток. Одна кисть оторвалась от запястья, и белые хрупкие кости лежали у моих ног. Я отчетливо видел мизинец, который когда-то был сломан, а потом сросся, но неровно. Сквозь обнажившиеся ребра уже прорастала молодая апрельская травка. Теплый ветерок принес благоухание цветущего дрока...

Факел, упавший в зеленую траву, затух. Я подобрал его. «Не надо было отпугивать птиц,— подумал я.— Ведь они устроили ему достойное погребение...»

За спиной я услышал шаги и резко обернулся — это был всего лишь Кадаль.

— Я увидел птиц,— сказал он, глядя на то, что лежало под терновником.— Галапас?

— Да.

— Я увидел беспорядок у пещеры и догадался.

— Не думал, что пробыл здесь так долго...

— Оставь это мне.— Кадаль наклонился.— Я похороню его. А ты иди и жди меня возле лошади. Авось там, внизу, найдется что-нибудь вроде лопаты. Впрочем, я могу вернуться в город и...

— Не надо. Пусть лежит здесь, под терновником. Сложим над ним курган и пусть покоится в мире. Мы сделаем это вместе, Кадаль.

Вокруг было множество камней, так что курган возвести было нетрудно. Потом мы нарезали кинжалами дерна и обложили каменный холмик. К концу лета он зарастет папоротником, наперстянкой и молодой травой.

Спускаясь с холма мимо входа в пещеру, я вспомнил о том, как уезжал отсюда в последний раз. Вспомнил, как плакал тогда — о Кердике, о том, что приходится расставаться с матерью и с Галапасом, и, быть может, о том будущем, которое я предчувствовал. «Ты еще увидишь меня,— сказал он тогда.— Обещаю». И я увидел его. Когда-нибудь, несомненно, исполнится и другое его обещание.

Я вздрогнул. Поймав взгляд Кадаля, резко сказал:

— Надеюсь, ты догадался прихватить с собой фляжку? Мне надо выпить.

Глава 4

Кадаль захватил с собой не только фляжку — он привез еще и еду: соленую баранину, хлеб и прошлогодние оливки в бутыли, в собственном масле. Мы сидели под деревьями и ели. Наша кляча паслась неподалеку, а внизу, посреди апрельских зеленых полей и холмов, поросших лесом, блестели мягкие извивы реки. Туман рассеялся. День был чудный.

— Ну,— сказал наконец Кадаль,— что будем делать?

— Поедем повидаться с моей матерью,— ответил я.— Если она, конечно, все еще живет там.

И внезапно, с яростью, изумившей меня самого — даже не подозревал, что способен на такое,— выпалил:

— Клянусь Митрой, я дорого дал бы за то, чтобы узнать, кто это сделал!

— Кто же, как не Вортигерн?

— Вортимер. Пасценций. Да кто угодно! Мне кажется, если человек мудр, добр и благороден,— с горечью сказал я,— то все и вся готовы ополчиться против него. Галапаса мог убить изгой, ищущий пропитания, пастух, которому нужна была пещера, прохожий солдат — за глоток воды.

— Это было не убийство.

— А что же?

— То есть, я хочу сказать, это сделал не один человек. Когда люди собираются стаей, они куда хуже, чем в одиночку. Я подозреваю, что это сделали люди Вортигерна, уезжая из города.

— Скорее всего, ты прав. Я узнаю это.

— Ты думаешь, тебе удастся увидеться с матерью?

— Попробую.

— Он... он поручил тебе что-то ей передать?

То, что Кадаль осмелился задать подобный вопрос, показывает, насколько мы сблизились с ним.

Я ответил просто:

— Если ты имеешь в виду, что Амброзий поручил мне ей что-то рассказать, то нет. Он предоставил все это мне. Что я ей скажу — всецело зависит от того, что произошло за то время, пока

меня не было. Я сперва поговорю с ней, а потом уже решу, что именно ей стоит рассказывать. Не забывай, я давно ее не видел. А люди меняются. В смысле, меняются их взгляды. Взять хотя бы меня. Когда я виделся с нею в последний раз, то был еще мал и смотрел на нее глазами ребенка. Я совершенно не понимал ее мыслей, не понимал, чего она хочет. Ее взгляды могли перемениться — нет, не на церковь, конечно, а на ее отношение к Амброзию. Видят боги, не ее вина, если теперь она относится к нему иначе, чем раньше. Она ему ничем не обязана. Она очень заботилась об этом.

— Монастырь не тронули,— задумчиво сказал Кадаль, глядя в зеленые дали, прошитые лентой реки.

— Вот именно. Что бы ни произошло в городе, обитель Вортигерн оставил в покое. Так что, сам видишь, прежде, чем что-то рассказывать, мне надо определить, кто на чьей стороне. Она ничего не знала все эти годы, так что ей не повредит, если она ничего не узнает еще несколько недель. Что бы ни произошло, Амброзий скоро будет здесь, и я не могу рисковать, рассказывая ей слишком много.

Кадаль принялся убирать остатки трапезы. Я сидел в задумчивости, подперев рукой подбородок, глядя в светлые дали.

— Узнать, где теперь Вортигерн, совсем нетрудно,— рассуждал я вслух.— Так же как и то, высадился ли уже Хенгист и сколько людей он привез с собой. Маррик, скорее всего, узнал бы об этом без особого труда. Но граф хотел знать кое-что еще. И вряд ли об этом известно в обители. Поэтому теперь, когда Галапас мертв, мне надо постараться выяснить все у кого-то другого. Посидим здесь до темноты, потом поедем к обители. Мать мне скажет, к кому я могу обратиться.

Я взглянул на Кадаля.

— За кого бы она ни стояла, меня она, скорее всего, не выдаст.

— Да, похоже на то. Что ж, будем надеяться, что они позволят тебе увидеться с ней.

— Если она узнает, кто ее спрашивает, я думаю, запрет аббатисы ее не остановит. Не забывай, что она все еще дочь короля.

Я лег на спину в теплую траву, подложив руки под голову.

Даже если я пока еще не сын короля...

Но кем бы я ни был, попасть в обитель мне не удалось.

Я был прав: вреда монастырю не причинили. Высокие стены стояли неповрежденными, ворота были новые, прочные, дубовые, окованные железными полосами и с крепкими запорами. Они были заперты. И никаких гостеприимных факелов снаружи — на мое счастье. Смерклось рано, и узкая улочка была темна и пустынна. На наш отчаянный стук в воротах отворилось маленькое квадратное оконце, и за решеткой показался чей-то глаз.

— Путешественники из Корнуолла,— тихо сказал я.— Мне надо перемолвиться словцом с госпожой Нинианой.

— С какой госпожой? — переспросили меня ровным, безжизненным тоном глухого.

«Зачем они держат глухую привратницу?» — с раздражением подумал я, придвинулся к решетке и повысил голос.

— С госпожой Нинианой! Я не знаю, как называют ее теперь, но она сестра покойного короля. Она все еще живет здесь?

— Да, но она никого не принимает. Ты привез письмо? Она умеет читать.

— Нет, мне надо поговорить. Иди и передай ей. Скажи, что я... ее родственник.

— Родственник? — В глазах за решеткой вспыхнул слабый интерес.— Ее родственники по большей части погибли, а остальных здесь нет. Разве ты не слышал у себя в Корнуолле? Король, ее брат, пал в битве в прошлом году, а его детей увезли к Вортигерну. А родной ее сын умер, уже лет пять как.

— Знаю. Я не из семьи ее брата. И не менее предан верховному королю. Поди и скажи ей это. И — вот, возьми... за свое благочестие.

Я просунул за решетку кошелек. Привратница ухватила его цепкой обезьяньей лапкой.

— Мое имя — Эмрис,— поколебавшись, добавил я.— Мы когда-то были знакомы. Так и передай. И торопись. Мы подождем тут.

Не прошло и десяти минут, как я снова услышал шаги и подумал было, что это моя мать, но через решетку на меня уставились все те же старческие глаза, и та же самая иссохшая рука взялась за прутья.

— Она встретится с тобой. Нет, молодой господин, не сейчас. Тебя не впустят. И она не может выйти, пока не окончится вечерняя служба. Она просила передать, что встретится с тобой после окончания у других ворот, что со стороны реки — там есть другие ворота. Только постарайся, чтобы тебя никто не видел.

— Хорошо. Мы будем осторожны.

Я видел, как вращаются белки ее глаз — она пыталась разглядеть меня в темноте.

— Она тебя признала, сразу признала. Эмрис, да? Ты не беспокойся, я никому ничего не скажу. Времена нынче неспокойные, чем меньше говоришь — тем лучше, неважно о чем.

— Когда?

— Через час после того, как взойдет луна. Ты услышишь колокол.

— Я приду,— сказал я, но окошко уже захлопнулось.

С реки поднимался туман. «Это нам на руку»,— подумал я. Мы тихо прошли по дорожке, которая вела вдоль стены монастыря. Она уходила от улиц к тропе, идущей вдоль реки.

— Ну, и что теперь? — спросил Кадаль.— До восхода луны еще часа два, а судя по тому, какая обещает быть ночь, нам сильно повезет, если мы вообще увидим ее. Ты ведь не рискнешь возвращаться в город?

— Нет. Но ждать здесь, под дождем, тоже нет смысла. Давай пойдем туда, где можно пересидеть и услышать колокол.

Ворота скотного двора были заперты. Я не стал тратить время, а направился прямиком к стене сада. Во дворце было темно. Мы забрались в сад через пролом в стене, прошли по мокрой траве и очутились в саду моего деда. Воздух был густой от запаха сырой земли и распускающейся зелени: мяты, шиповника, мха и клейких молоденьких листочков, отяжелевших от влаги. Мы давили ногами прошлогодние несобранные плоды. Позади, покачиваясь на петлях, заскрипела створка ворот.

В колоннаде было пусто, двери закрыты, окна наглухо заделаны ставнями. Во дворце царила темнота, гулкое эхо и шорох крыс. Но насколько я видел, дворец тоже был цел. Я подумал, что, когда Вортигерн взял город, он, должно быть, предназначал этот дворец для себя и ему каким-то образом удалось убедить или заставить своих саксов пощадить его, точно так же как из страха перед епископами он заставил их пощадить обитель Святого Петра. Что ж, тем лучше. По крайней мере, мы сможем переждать в сухом и уютном месте. Во дворце не было ни одного замка, который я не сумел бы открыть. Зря я, что ли, занимался с Треморином?

Я собрался было сказать это Кадалю, как вдруг из-за угла появился быстро идущий молодой человек, мягко, словно кот, сту-

пающий по обомшелым плитам. Завидев нас, он остановился как вкопанный. Я увидел, что его рука дернулась к бедру. Но не успел Кадаль выхватить из ножен свой меч, как юноша сощурился, присмотрелся и изумленно воскликнул:

— Клянусь священным дубом! Да это же Мирддин!

В первый момент я действительно не узнал его. Это и понятно. Он был немногим старше меня самого и за прошедшие пять лет изменился не меньше, чем я. Но потом я его признал. Широкие плечи, выпяченная челюсть, волосы, даже в темноте отливающие рыжиной... Диниас. Диниас, который был принцем и королевским сыном, когда я был безымянным бастардом, Диниас, мой «кузен», который начисто не признавал нашего родства, а себя именовал принцем — и ему это дозволялось.

Теперь он был ничуть не похож на принца. Даже сейчас, в сумерках, я видел, что он одет хотя и не бедно, но в одежды, какие мог бы носить торговец, и из украшений на нем было лишь медное запястье с камнем. Пояс из простой кожи, рукоять меча тоже простая, ничем не украшенная, плащ из хорошей ткани, но грязный и потертый по краям. И весь он был какой-то потрепанный, как человек, которому приходится перебиваться со дня на день или даже от одной трапезы до другой.

Но, несмотря на перемены в его облике, это, несомненно, был мой кузен Диниас, и вряд ли стоило делать вид, что он обознался. Поэтому я улыбнулся и протянул ему руку.

— Добрый вечер, Диниас. Наконец-то хоть одно знакомое лицо!

— Во имя богов, что ты тут делаешь? Все говорили, что ты погиб, но я в это не верил.

Он вытянул шею и оглядел меня с головы до ног.

— Ну, где бы ты ни был, похоже, неплохо устроился. Давно вернулся?

— Только сегодня приехали.

— Новости знаешь?

— Что Камлах мертв? Знаю. Я сожалею... если ты сожалеешь об этом.

— Мне-то он другом не был, как ты знаешь, но это не имело отношения к государственным делам...

Я остановился. Пусть Диниас начинает первым. Краем глаза я видел, что Кадаль по-прежнему настороже и рука его лежит на

рукояти меча. Я сделал успокаивающий жест и увидел, как он расслабился.

Диниас дернул плечом.

— Камлах? Дурак он был, твой Камлах. Я ему говорил, куда волк прыгнет.

Произнося эти слова, он стрельнул глазами в сторону. Похоже, люди в Маридунуме остерегаются говорить открыто. Потом Диниас снова посмотрел на меня, с опаской и подозрением.

— А что ты здесь делаешь-то? Зачем вернулся?

— С матерью повидаться. Я жил в Корнуолле, туда дошли слухи о войне, и когда я узнал, что Камлах погиб и Вортимер тоже, я захотел узнать, что тут, дома.

— Ну, она жива. Ты уже знаешь? Верховный король,— он повысил голос,— чтит церковь. Я только сомневаюсь, что тебе удастся ее увидеть.

— Может, ты и прав. Я ходил к монастырю, меня не впустили. Но я здесь поживу еще несколько дней. Пошлю ей весточку. Если она захочет меня видеть, то, наверно, придумает, как это сделать. По крайней мере, я знаю, что с ней все в порядке. Повезло мне, что я на тебя наткнулся. Ты мне расскажешь все новости. Я понятия не имел, что тут происходит, потому и приехал потихоньку, с одним слугой.

— Это уж точно, что потихоньку! Я вас за воров принял. Тебе повезло. Я мог бы сперва вас прирезать, а потом уже поинтересоваться, кто вы такие!

Диниас был все тот же. Стоило ему услышать мой смиренный, извиняющийся тон, и он тотчас принялся петушиться.

— Ну вот, я просто не решался ничего предпринять, пока не разузнаю, что с нашими. Я дождался темноты, пошел к обители, потом вот заглянул сюда. Так что, во дворце теперь никто не живет?

— Я здесь живу. А где же еще?

Его надменность была такой же пустой и гулкой, как заброшенная колоннада. На миг я ощутил искушение попросить Диниаса о гостеприимстве и посмотреть, что он скажет. Похоже, он подумал об этом одновременно со мной, потому что поспешно сказал:

— Так ты из Корнуолла? И что там слышно новенького? Ходят слухи, посланцы Амброзия роятся в проливе, словно поденки!

Я рассмеялся.

— А кто их знает! Я вел довольно уединенную жизнь.

— Да? Ну, ты нашел себе подходящее место! — В его голосе звучало хорошо знакомое мне презрение.— Говорят, старый Горлойс провел зиму в постели с девицей, которой, кажется, еще и двадцати нет, и бросил прочих королей расхлебывать свои дела самим. Говорят, по сравнению с этой девицей Елена Троянская показалась бы базарной девкой. Какая она из себя?

— Не знаю, не видел. Муж у нее ревнивый.

— Это к тебе-то ревновать?

Он заржал и отпустил такую шуточку, от которой Кадаль, стоявший у меня за спиной, судорожно втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Но моего кузена собственное остроумие привело в хорошее расположение духа и заставило забыть об осторожности. Я по-прежнему был для него братцем-бастардом, с которым можно не считаться. Он добавил:

— Ну, видать, тебе это по душе. Ты спокойно провел эту зиму с вашим старым козлом-герцогом, пока мы тут гонялись по всей стране за саксами.

Стало быть, он сражался на стороне Камлаха и Вортимера. Это мне и надо было узнать.

— Ну, я-то не мог отвечать за нашего герцога. Ни тогда, ни сейчас,— смиренно заметил я.

— Ха! Все равно тебе это на руку. Знаешь, что он теперь на севере, с Вортигерном?

— Я знал, что он уехал, чтобы присоединиться к нему — в Каэр-ин-ар-Вон, да? А сам ты туда не собираешься? — спросил я как можно более невинным тоном и робко добавил: — Я, знаешь ли, занимал не то положение, чтобы иметь возможность получать важные вести из первых рук.

По колоннаде пронесся порыв холодного и сырого ветра. Из какого-то разбитого желоба у нас над головой внезапно хлынула вода, вылившаяся на плиты между нами. Диниас плотнее закутался в плащ.

— А чего мы тут стоим? — сказал он с внезапной сердечностью, такой же фальшивой, как его надменность.— Не посидеть ли нам за чашей вина, а?

Я заколебался — но лишь на миг. Очевидно, у Диниаса были свои причины не попадаться на глаза верховному королю. Если бы ему удалось замять тот факт, что он служил Камлаху, он бы

сейчас был в армии Вортигерна, а не сидел бы оборванцем в пустом дворце. К тому же теперь, когда он узнал, что я в Маридунуме, мне не хотелось упустить его из виду и позволить ему болтать обо мне направо и налево.

Поэтому я принял его приглашение и сделал вид, что немало польщен, но настоял, чтобы он позволил мне угостить его ужином, если только найдется место, где можно как следует поесть и посидеть в тепле и уюте...

Не успел я сказать это, как Диниас ухватил меня за руку и потащил через внутренний дворик к двери, ведущей на улицу.

— Конечно, конечно! Я знаю один трактирчик на западной стороне, за мостом. Там хорошо кормят и не суют носа в чужие дела.— Диниас подмигнул.— Хотя ты, наверно, не захочешь позабавиться с девчонкой, а? Правда, не похоже, чтобы из тебя в конце концов сделали монаха... А, ладно, видно, тебе не о чем особенно рассказывать. В наше время, того и гляди, встанешь поперек горла если не валлийцам, так Вортигерну — а город так и кишит его шпионами. Кого ищут — непонятно, но говорят... Не надо нам твоей дряни!

Это уже относилось к бродяге, который сунул нам под нос корзинку с грубо обточенными камушками на кожаных шнурках. Человек отступил, не говоря ни слова. Я увидел, что он слеп на один глаз; жуткий шрам тянулся через всю щеку и переносицу. Похоже на удар мечом... Я мимоходом бросил ему монету. Диниас наградил меня далеко не дружелюбным взглядом.

— Настали иные времена, да? Ты, похоже, разбогател там, в Корнуолле? Ну, расскажи, что произошло тогда ночью! Ты что, нарочно подпалил дворец?

— Все расскажу за ужином,— ответил я и не произнес больше ни слова до тех пор, пока мы не вошли в трактир и не устроились на скамье в углу, спиной к стене.

Глава 5

Я оказался прав: Диниас действительно бедствовал. Даже в дымной полутьме переполненной таверны видно было, какая ветхая на нем одежда, и чувствовалось, с каким полунегодованием, полувосторгом он слушал, как я заказываю обильный ужин и кувшин лучшего вина. Пока мы ждали, когда нам подадут, я извинился и отошел, чтобы поговорить с Кадалем.

— Быть может, мне удастся вытянуть из него кое-какие нужные сведения. Во всяком случае, лучше держать его при себе, по крайней мере пока. Скорее всего, к тому времени, как взойдет луна, он напьется, и я либо уложу его с девкой, либо, если он упьется до потери сознания, отведу его домой по дороге к монастырю. Если я не успею выбраться отсюда к восходу луны, иди один к воротам, что выходят к реке, и поговори с моей матерью. Скажи, что я приду, но позже, что я встретился со своим кузеном Диниасом и мне нужно сперва избавиться от него. Она поймет. А пока пойди добудь себе что-нибудь поесть.

— Слушай, Мерлин, на твоем месте я бы поостерегся. Кузен, говоришь? Ну и подарочек, поверь мне! Он тебя не любит.

Я расхохотался.

— Ты думаешь, для меня это новость? Это взаимное.

— А-а. Ну тогда ладно, только все же поберегись.

— Хорошо.

Диниас еще сохранил остатки хороших манер. Он дождался, пока я отпущу Кадаля, и только тогда налил вина. Насчет еды он был прав: пирог, который нам принесли, был начинен говядиной и устрицами, залитыми густой, горячей подливой, а хлеб подали хотя и ячменный, но зато свежий. Сыр был выдержанный и очень вкусный. Прочие услуги, предоставляемые таверной, похоже, не уступали еде. Время от времени из-за занавески выглядывала хихикающая девица, и кто-нибудь из мужчин отставлял свою чашу и торопился вслед за ней. Видя, что Диниас даже за едой не отрывает глаз от занавески, я решил, что мне не составит труда избавиться от него, когда я вытяну из него все, что мне надо.

Я подождал, пока он наполовину управился с пирогом, и начал задавать вопросы. Дольше ждать было опасно — он, несмотря на голод, после каждого проглоченного куска тянулся к кувшину, и я побоялся, что он напьется до невменяемости и ничего не сможет рассказать внятно.

Я не рисковал заговаривать о скользких предметах, не выяснив, как и что, но благодаря положению нашей семьи я мог узнать многое из того, что нужно было Амброзию, просто расспрашивая Диниаса о наших родственниках. Он отвечал довольно охотно.

Начать с того, что меня считали мертвым с ночи пожара. Тело Кердика сгорело вместе со всеми постройками с той стороны

двора, моего пони поймали по дороге домой, обо мне не было ни слуху ни духу, и все решили, что я погиб вместе с Кердиком, а тело мое сгорело. Моя мать и Камлах посылали людей искать меня, но, разумеется, ничего не нашли. Похоже, никому даже не пришло в голову, что я мог уплыть морем. Корабль в Маридунум не заходил, а лодку никто не заметил.

Мое исчезновение, как и следовало ожидать, не вызвало особого шума. Что думала об этом моя мать — никто не знал, но она, похоже, вскоре удалилась в обитель Святого Петра. Камлах, не теряя времени, провозгласил себя королем. Он для виду предложил Ольвен свою защиту и покровительство, но, поскольку его жена уже родила одного сына и вынашивала другого, ни для кого не было секретом, что королеву Ольвен скоро выдадут замуж за какого-нибудь безобидного и, по возможности, отдаленного королька... Ну и так далее и тому подобное.

Это были новости о прошлом, которые на самом деле не были открытием для меня и не нужны были Амброзию. Когда Диниас насытился и привалился к стене, распустив пояс, разомлев от еды, вина и тепла, я решил, что пора порасспросить его о более важных вещах. Таверна была набита битком, и было достаточно шумно, чтобы подслушать, о чем мы разговариваем. Из внутренних комнат явилась пара девиц, и в зале начался гогот. Снаружи совсем стемнело, и дождь, похоже, усилился: входящие отряхивались, как собаки, и требовали горячего вина. Воздух был густой от торфяного и угольного дыма, запахов жаркого и чада дешевых масляных светильников. Я не боялся быть узнанным: чтобы меня разглядеть как следует, надо было перегнуться через стол и заглянуть мне прямо в лицо.

— Может, заказать еще мяса? — предложил я.

Диниас покачал головой, рыгнул и ухмыльнулся.

— Нет, спасибо! С меня хватило. Я твой должник. Про себя я все рассказал! А что делал ты все эти годы?

Он снова потянулся за кувшином и опорожнил его в свою пустую чашу.

— Проклятье, вино кончилось! Закажем еще?

Я колебался. Диниас, похоже, был слаб на выпивку. Я не хотел, чтобы он нализался раньше времени.

Он неправильно понял мою заминку.

— Ну что тебе, вина жалко, что ли? Ведь не каждый день приезжают богатые родственнички из Корнуолла! Так зачем ты

все-таки приехал, а? И что ты делал все это время? Давай, маленький Мирддин, рассказывай! Только сперва закажи еще вина.

— Конечно,— сказал я и крикнул мальчику, чтобы он принес еще один кувшин.— Только, если можно, не называй меня здесь моим именем, а зови Эмрисом, пока не разберусь, куда ветер дует.

Он согласился с такой готовностью, что я догадался: дела в Маридунуме обстоят даже хуже, чем я думал.

Похоже, здесь вообще было опасно обращать на себя внимание. Большинство посетителей таверны были, похоже, валлийцами.

В лицо я никого не узнавал — но это и неудивительно: пять лет назад я вращался совсем в другом обществе. Но у дверей сидела группа людей, которые, судя по цвету их волос и бород, могли быть саксами. Возможно, люди Вортигерна. Мы молчали, пока мальчик не брякнул перед нами на стол новый кувшин с вином. Мой кузен налил себе, отодвинул в сторону тарелку, развалился на скамье и посмотрел на меня вопросительно.

— Ну, что же ты? Давай рассказывай! Что произошло в ту ночь, когда ты сбежал? С кем ты уехал? Тебе ведь, кажется, было не больше тринадцати?

— Я пристал к двум барышникам, которые ехали на юг,— сказал я.— За дорогу я расплатился одной из фибул, которые подарил мне мой... старый король. С ними я доехал до Гластонбери. Там мне повезло: я встретился с торговцем, который вез стекло с острова в Корнуолл, и он взял меня к себе.

Я опустил глаза, как бы избегая его взгляда, и принялся вертеть в руках чашу.

— Он хотел сойти за благородного и подумал, что не лишним будет иметь при себе мальчика, который умеет петь, играть на арфе да еще читать и писать.

— Гм. Ну да, похоже на то.

Я знал, что он подумает,— и в самом деле, судя по его удовлетворенному тону, он был доволен тем, что его презрение ко мне оправдалось. Оно и к лучшему. Пусть думает, что хочет.

— Ну а потом?

— Я провел у него несколько месяцев. Он был довольно щедр — он и его друзья. Мне даже удавалось подрабатывать на стороне.

— Игрой на арфе? — ухмыльнулся Диниас.

— Игрой на арфе,— согласился я.— И еще чтением и письмом — я вел счета торговца. Потом он собрался снова на север и думал взять меня с собой, но я не хотел возвращаться. Боялся,— добавил я с обезоруживающей откровенностью.— Найти место в обители оказалось совсем нетрудно. Я был слишком юн, меня взяли только в послушники. По правде говоря, меня это вполне устраивало. Жизнь была очень спокойная. Я помогал им переписывать историю падения Трои.

У Диниаса сделалось такое лицо, что я чуть не расхохотался и поспешно опустил глаза на чашу, хорошую, самианской работы, блестящую, с отчетливым клеймом горшечника. А. С. «Амброзий сделал»,— внезапно подумалось мне, и я погладил пальцем выдавленные буквы, продолжая рассказывать Диниасу о пяти годах, мирно прожитых его незаконнорожденным кузеном.

— Я жил и работал в монастыре, пока до нас не начали доходить слухи о том, что происходит дома. Поначалу я не обращал на них особого внимания — они были недостоверные. Но когда мы узнали, что Камлах действительно мертв, а потом стало известно о смерти Вортимера, мне захотелось узнать, что там в Маридунуме. Я знал, что надо навестить мать.

— Собираешься осесть здесь?

— Вряд ли. Мне нравится в Корнуолле. Какой-никакой, а все-таки дом.

— Ты сделаешься священником?

Я пожал плечами.

— Пока не знаю. В конце концов, меня с детства готовили к этому. Но что бы ни ждало меня там, здесь мне места уже нет. Если оно вообще когда-нибудь было. И я ведь не воин.

Диниас усмехнулся.

— Ну, воином ты никогда и не был, не так ли? А война здесь еще не окончена — нет, она только начинается, вот что я тебе скажу.

Он потянулся ко мне через стол с заговорщическим видом, по дороге толкнул чашу, она накренилась, и вино выплеснулось на стол. Диниас поспешно подхватил ее.

— Едва не разлил! А вино и так кончается. Неплохое винцо, а? Как насчет еще одного кувшинчика?

— Если хочешь. Так ты говорил...

— Про Корнуолл. Я всегда думал, что неплохо бы побывать там. Что у вас слышно про Амброзия?

Вино начало брать свое. Диниас забыл об осторожности и говорил в полный голос. Люди начали оборачиваться в нашу сторону.

Он не обращал внимания.

— Ходят слухи, что он собирается высадиться в Корнуолле?

— А-а,— небрежно сказал я,— мало ли о чем говорят! Слухи об Амброзии ходят уже много лет, ты же знаешь. Во всяком случае, пока что он не высадился, а до тех пор мы с тобой можем гадать сколько угодно. На что поспорим?

Он полез в кошелек, висевший у пояса, выудил оттуда пару игральных костей и принялся лениво перекидывать их из руки в руку.

— А не сыграть ли нам?

— Нет, спасибо. Во всяком случае, не здесь. Послушай, Диниас! А не взять ли нам еще кувшин вина — или даже два, если тебе угодно,— и пойдем домой. Там и выпьем.

— Домой? — хмыкнул Диниас, распустив губы.— Куда это? В пустой дворец, что ли?

Он по-прежнему говорил в полный голос, и я заметил, что с другого конца залы за нами следят. Я не знал этих людей. Двое мужчин в темных одеждах, один — с черной бородкой, другой узколицый, рыжий, с длинным, вытянутым носом — прямо лисица. Валлийцы, судя по всему.

На табурете перед ними стоял кувшин с вином, и в руках они держали чаши, но я заметил, что за последние полчаса вина в кувшине не убавилось.

Я взглянул на Диниаса и решил, что он дошел до той стадии, когда человек расположен либо к дружеским излияниям, либо к шумной ссоре. Если сейчас начать настаивать на том, чтобы уйти, можно вызвать эту самую ссору.

А если за нами действительно следят и те, у двери,— действительно люди Вортигерна, лучше остаться здесь и тихо поговорить, чем тащить кузена на улицу и рисковать тем, что за нами кто-то увяжется. В конце концов, что из того, что мы говорили об Амброзии? Это имя было у всех на устах, и о нем и в самом деле сейчас ходит больше слухов, чем обычно.

Диниас бросил кости на стол и катал их туда-сюда. Руки у него еще почти не тряслись. Что ж, по крайней мере, во время игры можно будет шептаться, не возбуждая подозрений. И быть может, кости отвлекут его от кувшина с вином.

Я вытащил горсть мелкой монеты.

— Ну, если ты в самом деле хочешь сыграть... Что можешь поставить на кон?

Мы принялись играть. Я видел, что чернобородый и тот, похожий на лисицу, по-прежнему слушают наш разговор. Саксы у входа казались достаточно безобидными: большинство из них были уже пьяны и говорили слишком громко, чтобы обращать внимание на кого-то еще. Но чернобородый, похоже, заинтересовался разговором.

Я бросил кости. Четыре и пять. Слишком хорошо — мне было нужно, чтобы Диниас выиграл. Не мог же я предложить ему денег, чтобы отправить его к девке! А пока надо сбить со следа чернобородого...

— Амброзий, говоришь? — сказал я не громко, но достаточно отчетливо.— Ну, ты знаешь, что о нем говорят. Ничего определенного я не слышал. Все те же байки, что ходят вот уже лет десять. Да, конечно, люди говорят, что он высадится в Корнуолле. Или в Маридунуме. Или в Лондоне. Или в устье Эйвона. Выбирай, где тебе больше нравится!.. Твой ход.

Чернобородый отвлекся. Я наклонился ближе, чтобы взглянуть на кости Диниаса, и понизил голос:

— А как ты думаешь, что будет, если он высадится сейчас? Тебе-то это лучше знать, чем мне. Как тебе кажется, то, что осталось от Запада, поднимется вместе с ним или останется верно Вортигерну?

— Поднимется, да еще как! Видит бог, так уже было. Удвоим или в расчете? Полыхнет, как в ту ночь, когда ты смылся! Господи, как я ржал! Мелкий ублюдок подпалил дворец и сбежал! Зачем ты это сделал? У меня две пятерки. Твой ход.

— Да, верно. Ты хочешь знать, зачем я сбежал? Говорю же — боялся Камлаха.

— Да нет, я не о том! Зачем ты дворец-то подпалил? Только не говори, что это случайно вышло. Все равно не поверю.

— Это был погребальный костер. Я поджег дворец, потому что они убили моего слугу.

Кости на миг замерли у него в руках. Он уставился на меня.

— Ты поджег королевский дворец из-за раба?!

— А почему нет? Если я любил Кердика куда больше, чем Камлаха...

Он взглянул на меня ошалело и бросил кости.

— Два и четыре.

Я отодвинул к себе пару монет.

— Пропади ты пропадом! — воскликнул Диниас.— Ты не имеешь права выигрывать! У тебя и так много денег. Ладно, давай еще раз. Слуга, надо же! Что-то ты слишком высокомерен для ублюдка, служащего писцом в монастыре.

Я усмехнулся.

— Ты ведь и сам бастард, не забывай, дорогой кузен!

— Быть может! Но я, по крайней мере, знаю, кто мой отец!

— Потише, люди ведь слушают. Ладно, кидай снова.

Мы умолкли, ожидая, пока остановятся кости. Я следил за ними с беспокойством. Пока что удача склонялась на мою сторону. Я подумал, как хорошо было бы, если б с помощью силы можно было управлять такими мелочами! Это было бы совсем легко, и все стало бы куда проще.

Но я чем дальше, тем яснее понимал, что сила ничего не упрощает. Овладеть ею — это все равно что ухватить за горло волка. Временами я чувствовал себя тем юношей из древнего мифа, который взялся править солнечными конями и мчался над миром, подобно богу, пока сила не спалила его. Я спросил себя: удастся ли мне вновь ощутить это пламя?

Кости вылетели из моих, увы человеческих, пальцев. Два и один. Зачем сила, когда есть удача? Диниас удовлетворенно заворчал и снова подобрал кости, а я подвинул к нему несколько монет. Игра продолжилась.

Я проиграл еще три раза, и кучка монет рядом с Диниасом заметно подросла. Он размяк. Никто на нас не смотрел. Наверно, мне вообще почудилось. Так что, видимо, пора продолжить расспросы.

— А где теперь верховный король? — спросил я.

— Кто? А, король! Он отсюда уехал примерно с месяц тому назад. Отправился на север, как только погода стала помягче и открылись дороги.

— В Каэр-ин-ар-Вон, говоришь? В смысле, в Сегонтиум?

— Разве я это говорил? Ну да, насколько я понимаю, он называет его своим лагерем, но кто же захочет, чтобы его заперли в этом углу между И-Виддфой и морем? Нет, говорят, он строит себе новую крепость. Ты вроде собирался заказать еще вина?

— Уже несут. Наливай себе, с меня уже хватит. Крепость, говоришь? И где же?

— Чего? А, да. Хорошее вино. Не знаю, где он там строится. Где-то на Снежной горе. Я тебе говорил. Динас-Бренин место называется. Вернее, будет называться, если достроят.

— А что ему мешает? Что-то случилось? Сторонники Вортимера или что-то новое? В Корнуолле ведь говорят, что за ним стоит тридцать тысяч саксов.

— И за ним, и перед ним, и со всех сторон у нашего короля одни саксы. Но только они не за него, а за Хенгиста. А Хенгист и король не сказать чтобы живут душа в душу. И обложили же нашего Вортигерна, я тебе доложу!

По счастью, он говорил довольно тихо, и его слова терялись в стуке костей и трактирном шуме. Наверно, он наполовину забыл о моем существовании и напряженно следил за катающимися по столу костями.

— Гляди. Сглазили их, что ли, провалиться бы им? Прямо как Королевскую Башню!

Его слова зацепили какую-то струну в моей памяти, и она тихо загудела, словно пчела в ветвях липы.

— Сглазили? — небрежно спросил я, бросая кости.— Как это?

— А, это лучше. Это я, может, и побью. Ну ты же знаешь этих северян — чуть холодный ветер подул, они уже кричат, что это, мол, дух смерти пролетел! У них в войсках и разведчиков-то нет, вместо них всякие провидцы и предсказатели! Я слышал, что стены четыре раза возводили до высоты человеческого роста, и каждый раз они к утру трескались... Ну, что там?

— Неплохо. Боюсь, мне этого не побить. А стражу ставить не пробовали?

— А то как же! Стража ничего не видела.

— Да и что они могли бы увидеть?

Похоже, не везло обоим: Диниасу не везло с костями, а Вортигерну — со стенами. Я, сам того не желая, выбросил пару дублей.

Диниас, надувшись, пододвинул ко мне половину своей кучки. Я сказал:

— Похоже, они просто выбрали неудачное место. Небось на песке строятся. Почему бы просто не перенести крепость?

— На утесе они строят, на самом подходящем месте во всем Уэльсе! Оно защищает долины к северу и к югу и стоит над самой дорогой в том месте, где она уходит в теснину. И там ведь раньше стояла крепость, будь я проклят! Местные с незапамятных времен зовут то место Королевской Башней!

Королевская Башня... Динас-Бренин... Гудение перешло в отчетливое воспоминание: белые, как кость, березы на фоне молочно-голубого неба. Крик сокола. Два короля, беседующие на ходу, и голос Кердика: «Слушай, пошли вниз, а? Я тебя в кости играть посажу...»

Я сделал это, сам не заметив как — не хуже покойного Кердика. Коснулся пальцем вращающейся костяшки и остановил ее. Диниас ничего не заметил — он вытряхивал в свою чашу последние капли из кувшина. Кости остановились. Два и один.

— Да,— сказал я с сожалением,— это побить нетрудно.

Диниас побил меня — но всего одним очком. Он с торжествующим ворчанием притянул к себе деньги и распластался на столе, поставив локоть в винную лужу.

Я подумал, что, даже если мне и удастся проиграть этому пьяному придурку достаточно денег, вряд ли он сумеет добраться хотя бы до занавески, за которой расположен бордель.

Снова мой ход. Тряся коробочку, я увидел в дверном проеме Кадаля, который старался привлечь мое внимание.

Пора идти. Я кивнул, и Кадаль исчез. Диниас поднял голову, чтобы посмотреть, с кем это я перемигиваюсь, и я метнул кости. На костях выпала было шестерка, но я подвинул костяшку рукавом. Один и три. Диниас удовлетворенно хрюкнул и потянулся за коробочкой.

— Вот что я тебе скажу,— начал я,— еще один кон — и пошли отсюда. Выиграю я или проиграю, я покупаю один кувшин, и мы идем ко мне в гостиницу. Там куда уютнее.

Только бы вытащить его отсюда, а там мы с Кадалем с ним разберемся.

— В гостиницу? В какую гостиницу? Пошли ко мне. У меня места полно. Незачем тебе посылать слугу искать гостиницу. В наше время, знаешь ли, надо быть осторожным. Вот. Две пятерки. Попробуй-ка побей это, Мерлин-бастард!

Он вылил остатки вина себе в глотку, откинулся назад и ухмыльнулся.

— Я сдаюсь.

Я подвинул монеты к нему и собрался вставать. Я озирался в поисках мальчика, чтобы заказать обещанный кувшин вина, но тут Диниас с размаху треснул кулаком по столу. Кости подпрыгнули и загремели, чаша перевернулась, покатилась, упала на пол и разлетелась вдребезги. Люди замолчали и уставились на нас.

— Никуда ты не пойдешь! Мы должны доиграть! Ишь ты, собрался удрать как раз тогда, когда мне начало везти? Не позволю! Ни тебе, ни кому другому! Садись и играй, ты, ублюдок, а не то...

— Диниас, ради бога...

— Ладно, я тоже ублюдок! Но лучше быть незаконным сыном короля, чем ничьим сыном, у которого вообще нет отца, вот что я тебе скажу!

Он громко икнул. Кто-то рассмеялся. Я тоже рассмеялся и потянулся за костями.

— Ладно, ладно, возьмем кости с собой. Говорю тебе, проиграю я или выиграю, вино у нас будет в любом случае. Доиграем дома. И вообще, спать пора.

На мое плечо опустилась тяжелая рука.

Я развернулся, чтобы посмотреть, кто это, но тут кто-то подошел сзади и схватил меня за локоть. Я увидел, как Диниас поднял глаза и разинул рот. Пьяные посетители внезапно умолкли. Чернобородый стиснул мою руку еще сильнее.

— Спокойно, молодой человек. Мы ведь не хотим устраивать шума, верно? Пойдем-ка, перекинемся парой словечек на улице.

Глава 6

Я встал. В уставившихся на нас глазах я никакой подсказки прочесть не мог. Все молчали.

— В чем дело?

— Выйдем на улицу, будь так любезен,— повторил чернобородый.— Мы не хотим...

— Шума устраивать я не собираюсь,— резко ответил я.— Но вы должны объяснить, кто вы такие. Иначе я и шагу не сделаю. И для начала убери руки. Трактирщик, кто эти люди?

— Люди короля, господин. Тебе лучше делать, что они говорят. Если тебе нечего скрывать...

— ...то нечего бояться? — закончил я.— Слышал я эту поговорку. Только это брехня.

Я стряхнул руку чернобородого со своего плеча и развернулся к нему лицом. Диниас глядел на нас, разинув рот. Да, должно быть, сейчас я был совсем не похож на того робкого кузена, которого он знал! С этим покончено.

— Я не боюсь, что эти люди услышат то, что вы собираетесь мне сказать. Говорите здесь.

— Нас заинтересовало то, что сказал твой приятель.

— Так почему бы вам не поговорить с ним?

— Все в свое время,— твердо сказал чернобородый.— Скажи мне, кто ты такой и откуда.

— Мое имя — Эмрис, родился я здесь, в Маридунуме. Несколько лет назад, еще ребенком, я уехал в Корнуолл и теперь решил вернуться и узнать новости. Вот и все.

— А этот молодой человек? Он называл тебя кузеном.

— Это просто так говорится. Мы родичи, но довольно дальние. Вы, должно быть, еще слышали, как он называл меня «ублюдком».

— Погодите минуточку! — раздался у меня за спиной другой голос.

Пожилой человек с жидкими седыми волосами пробивался сквозь толпу.

— Я его знаю! Он говорит правду. Это же Мирддин Эмрис! Он внук нашего старого короля.

И мне:

— Ты меня не помнишь, господин. Я у твоего деда экономом был. Я вам говорю,— он снова обернулся к чернобородому, вытягивая шею, словно курица,— даже если вы и впрямь люди короля, вы не можете арестовать этого молодого господина. Он говорит правду. Он исчез из Маридунума пять лет тому назад — да, точно, пять, как раз в ту ночь, когда умер старый король,— и все эти годы о нем ничего не было слышно. Но я готов поклясться чем угодно, что он никогда не выступал против короля Вортигерна! Он ведь учился на священника и никогда в жизни не брался за оружие. И если ему хочется тихо посидеть и выпить с принцем Диниасом, так ведь они же родственники, он вам сам сказал. И с кем же ему еще пить, как не с ним? Надо же ему узнать новости о родичах!

Он ласково покивал мне.

— Да, это в самом деле Мирддин Эмрис. Он уехал маленьким мальчиком, а вернулся взрослым мужчиной, но я признал бы его в любом обличье! И если дозволишь сказать, господин, я так рад, что ты вернулся живым и невредимым! Мы ведь боялись, что ты погиб во время пожара.

Чернобородый даже не взглянул на старика. Он стоял, загораживая мне выход, и не сводил с меня глаз.

— Мирддин Эмрис. Внук старого короля,— медленно произнес он.— Бастард. Так кто же твой отец?

Отпираться было бессмысленно. Теперь и я признал старого эконома.

Он кивал мне, чрезвычайно довольный собой. Я сказал:

— Моей матерью была Ниниана, дочь короля.

Черные глаза сощурились.

— Это правда?

— Правда, правда! — снова вмешался эконом.

В его глупых выцветших глазах блестело величайшее расположение ко мне.

Чернобородый снова повернулся в мою сторону и открыл рот, чтобы задать следующий вопрос. Сердце у меня колотилось как бешеное, и я чувствовал, как мои щеки заливаются краской. Я попытался унять волнение.

— А твой отец?

— Я не знаю его.

Авось решит, что я покраснел от стыда!

— Думай, что говоришь! — сказал чернобородый.— Ты не можешь этого не знать. Кто тебя зачал?

— Не знаю.

Он внимательно вглядывался в мое лицо.

— Твоя мать, дочь короля... Ты ее помнишь?

— Да. Хорошо помню.

— И она тебе никогда не говорила? Неужели ты думаешь, что мы поверим этому?

— А мне плевать, поверите вы или нет! — раздраженно ответил я.— Мне это надоело. Всю жизнь люди задают мне этот вопрос. Она действительно мне ничего не говорила! Я вообще не думаю, что она кому-то об этом рассказывала. Она утверждает, что я родился от дьявола, и, насколько я знаю, это может быть правдой.— Я нетерпеливо взмахнул рукой.— Почему вы об этом спрашиваете?

— Мы слышали, что сказал этот молодой господин,— невозмутимо ответил чернобородый.— «Лучше быть незаконным сыном короля, чем ничьим сыном, у которого вообще нет отца!»

— Но ведь я же не обиделся! Так какое вам до этого дело? Вы что, не видите, что он пьян в стельку?

— Мы просто хотели уточнить, вот и все. И теперь убедились, что ты именно тот, кто нужен королю.

— Королю? — Должно быть, мой голос звучал совершенно растерянно.

Он кивнул.

— Вортигерну. Мы ищем тебя уже три недели. Ты должен отправиться к нему.

— Не понимаю...

Наверно, я выглядел скорее ошалевшим, чем испуганным. Я видел, что порученное мне дело вот-вот провалится, но одновременно с этим меня охватило смешанное чувство растерянности и облегчения. Если они ищут меня уже три недели, значит, Амброзий тут ни при чем.

Диниас все это время тихо сидел в своем углу. Я думал, что до него просто не дошло, что происходит, но тут он наклонился вперед и оперся руками на залитый вином стол.

— Чего он от него хочет? Скажите мне!

— Тебе не о чем беспокоиться.— Чернобородый взглянул на него с легким презрением.— Королю нужен он, а не ты. Но поскольку ты навел нас на след, награда причитается тебе.

— О чем ты? — спросил я.— Какая награда?

Диниас резко протрезвел.

— Я ничего не говорил! Что ты имеешь в виду?

— Именно твои слова помогли нам найти его,— сказал чернобородый.

— Он просто расспрашивал меня о своей семье! — сказал мой кузен.— Он же столько лет не был дома. Вы ведь слышали! Мы говорили не таясь. Клянусь богами, если бы мы замышляли измену, неужели стали бы обсуждать свои замыслы здесь?

— А кто говорил об измене? Я просто выполняю свой долг. Король хочет видеть его, и он поедет со мной.

Старый эконом забеспокоился.

— Вы не можете причинить ему зла! Он и в самом деле тот, кем себя называет,— сын Нинианы. Можете спросить ее сами.

Тут чернобородый развернулся в его сторону.

— Она еще жива?

— Конечно! Она живет здесь, неподалеку, в обители Святого Петра, что за старым дубом на перекрестке!

— Оставьте ее в покое,— воскликнул я. Вот теперь мне действительно стало страшно. Я боялся, что она может им обо всем рассказать.— Не забывайте, кто она такая! Даже Вортигерн не по-

смеет тронуть ее. К тому же вы не имеете права арестовывать ее или меня.

— Ты уверен?

— А на каком основании?

— Вот на этом!

В руке чернобородого блеснул короткий меч. Он был наточен как бритва.

— Так вот каков закон Вортигерна? — сказал я.— Ну что ж, это веский аргумент. Я пойду с вами. Но от моей матери вам толку не добиться. Оставьте ее в покое, говорю вам. От нее вы узнаете не больше, чем от меня.

— По крайней мере, мы не поверим ей, если она скажет, что не знает.

— Но это же правда! — снова вмешался болтливый эконом.— Я всю жизнь прослужил во дворце и помню, как все это было. Все говорили, что она родила от дьявола, от князя тьмы!

Люди замахали руками, делая знаки от дурного глаза. А старик, уставясь на меня, сказал:

— Ступай с ними. Они ничего не смогут сделать ни сыну Нинианы, ни ей самой. Придет время, когда королю понадобятся люди Запада. Кому это знать, как не ему самому?

— Да, похоже, мне придется идти с ними. У короля в самом деле острые доводы! — сказал я.— Ничего, Диниас, ты не виноват. Скажи моему слуге, где я. Ладно, ведите меня к Вортигерну — только руки уберите!

И я направился к дверям между ними. Посетители расступались, давая нам дорогу. Я увидел, как Диниас с трудом поднялся на ноги и направился следом. Когда мы вышли на улицу, чернобородый обернулся.

— Ах да, я и забыл! Держи, это твое.

И к ногам моего кузена со звоном упал кошелек с деньгами.

Я, не оборачиваясь, видел его лицо.

Он воровато огляделся по сторонам, подобрал кошелек и сунул его в поясную сумку.

Глава 7

Вортигерн переменился. Мне показалось, что он сделался меньше ростом, менее впечатляющим. Дело было не только в том, что сам я вырос и из мальчика успел превратиться в высо-

кого юношу. Вортигерн словно бы усох. Не нужно было ни приемной залы, обустроенной на скорую руку, ни двора, больше похожего на толпу вояк и женщин, каких возят за собой люди такого сорта, чтобы понять — это человек, живущий в состоянии бегства. Он загнан в угол. Но загнанный в угол волк куда опаснее свободного, а Вортигерн по-прежнему оставался волком.

И местечко он себе выбрал недурное. Королевская Башня, какой я ее запомнил, была утесом, возвышающимся над долиной реки, и подойти к ней можно было только по перемычке, узкой, словно мост. Этот выступ спускался в кольцо скалистых холмов, образующих как бы естественный загон, где можно было пасти лошадей и содержать скот под охраной. А вокруг долины высились горы, все в серых осыпях, еще не успевшие покрыться весенней зеленью. Апрельский ливень лишь устроил большой водопад, в тысячу футов вышиной, с шумом падавший на дно долины. Дикое, мрачное, впечатляющее место. Если волку удастся окопаться на вершине этого утеса, Амброзию нелегко будет выкурить его оттуда.

Путешествие заняло шесть дней. Мы выехали с первыми лучами солнца, по дороге, которая идет от Маридунума прямо на север. Она хуже восточного тракта, но зато короче и быстрее, даже несмотря на то, что нас задерживала весенняя распутица и то, что приходилось примеряться к скорости женских носилок. Мост в Пеннале был сломан и почти размыт, и мы почти полдня потратили на переправу через реку Дифи, прежде чем наш отряд выехал к Томен-и-Муру, где дорога была уже получше. Вечером шестого дня мы свернули на дорогу, ведущую вдоль реки к Динас-Бренину, где жил король.

Чернобородому без труда удалось убедить обитель отпустить мою мать с ним к королю. Быть может, он использовал ту же тактику, что и со мной — это было бы понятно,— но я не имел возможности спросить ее об этом или выведать, знает ли она, зачем мы понадобились Вортигерну. Ее везли в закрытых носилках, и с нею отправились две женщины из обители. Они находились при ней днем и ночью, и у меня не было возможности поговорить с нею наедине, да она и не выказывала такого желания. Временами я замечал, что она смотрит на меня с тревогой и словно бы даже с растерянностью, но разговаривала всегда спокойно и отстраненно, без малейшего намека на то, что знает нечто такое, в чем не могла бы признаться хотя бы и самому Вортигерну. Поскольку мне не дозволяли видеться с нею наедине, я счел за благо рассказать ей ту же историю, что и чернобородому,— собственно, то же, что я поведал Диниасу (насколько я знал, его допросили). Я предоставил ей думать об этом что угодно, так же как и о том, почему я не попытался встретиться с нею раньше. Я, разумеется, не мог упоминать ни о Бретани, ни даже о своих тамошних друзьях, ибо тогда она бы догадалась об Амброзии, а я не мог рисковать этим.

Мать очень изменилась, была бледна и спокойна, располнела, и в ней появилась некая духовная тяжеловесность, которой раньше не было. Только дня через два, когда мы ехали через горы на север, я внезапно осознал, в чем дело: она утратила силу, которой владела некогда. Время ли было тому виной, или болезнь, или она добровольно отказалась от нее ради силы христианского символа, который носила на груди,— я не знал. Но сила исчезла.

По крайней мере, один из моих страхов оказался пустым. К моей матери относились вежливо и даже почтительно, как и подобает относиться к дочери короля. Мне особого почтения не выказывали, но дали хорошего коня, я ночевал в тепле и уюте. Спутники мои были достаточно любезны, когда я заговаривал с ними. В остальном на меня почти не обращали внимания, и на вопросы никто не отвечал, хотя мне казалось, что эти люди прекрасно знают, зачем я нужен королю. Я видел, что на меня временами исподтишка бросают любопытные взгляды, а пару раз заметил, что на меня смотрят с жалостью.

Нас сразу провели к королю. Он устроил свой штаб на равнине между утесом и рекой, рассчитывая наблюдать отсюда за ходом строительства. Лагерь был совсем не похож на временные лагеря Утера и Амброзия. Большинство людей жили в палатках, и, кроме высокого земляного вала и частокола со стороны дороги, укреплений не было почти никаких — полагались в основном на естественные преграды: с одной стороны река и обрыв, с другой — скала Динас-Бренин, а между ними — голые и непроходимые горы.

Сам Вортигерн устроился вполне по-королевски. Он принял нас в зале. Деревянные столбы были увешаны богато вышитыми гобеленами, а пол из местного зеленоватого сланца густо устелен свежим тростником. Королевский трон на помосте был богато украшен резьбой и позолотой. Рядом с королем, на таком же резном троне, только поменьше, восседала Ровена, саксонская

королева. Народу было много. Впереди стояли несколько человек в придворных одеяниях, большинство при оружии и в доспехах. Немало было саксов. На помосте, позади Вортигернова трона, стояла группа жрецов и святых людей.

Когда нас ввели в зал, толпа затихла. Все глаза обратились в нашу сторону. Король встал и, спустившись с помоста, пошел навстречу моей матери, улыбаясь и протягивая ей обе руки.

— Приветствую тебя, принцесса,— сказал он и с церемонной любезностью повернулся, дабы представить ее королеве.

По залу побежал шепоток. Люди принялись переглядываться. Король недвусмысленно дал понять, что не считает мою мать причастной к вине Камлаха. Он взглянул на меня — мельком, но с живым интересом, как мне показалось,— кивнул в знак приветствия, потом взял мою мать под руку и повел ее на помост. По его знаку кто-то поспешил принести кресло. Его поставили на помосте, на ступеньку ниже королевских тронов. Вортигерн пригласил мать сесть, и королевская чета снова заняла свои места. Я вышел вперед — мои стражи следовали за мной — и встал у подножия помоста, лицом к лицу с королем.

Вортигерн положил руки на подлокотники трона и выпрямился, улыбаясь нам с матерью с приветливым и даже довольным видом. Перешептывание снова утихло. Наступила тишина. Люди смотрели и ждали.

Но король всего лишь сказал моей матери:

— Прошу простить меня, госпожа, что мне пришлось вынудить тебя отправиться в путь в такое время года. Надеюсь, путешествие не слишком утомило тебя?

И продолжал дальше в том же духе — ничего, кроме гладких и избитых любезностей. Придворные смотрели и ждали. Мать сидела, склонив голову, и вежливо отвечала на его вопросы, такая же прямая и равнодушная, как сам король. Приехавшие с нею монахини стояли позади, словно придворные. Одной рукой мать теребила висевший у нее на груди крестик, который она носила вместо талисмана; другая рука скрывалась в складках одежды. Даже в этом простом домотканом одеянии она выглядела царственной.

— Что ж,— улыбаясь, сказал Вортигерн,— не представишь ли ты своего сына?

— Моего сына зовут Мерлин. Он уехал из Маридунума пять лет назад, после смерти моего отца, твоего родича. С тех пор он

жил в Корнуолле, в монастыре. Я вверяю его твоему покровительству.

Король обернулся ко мне.

— Пять лет назад? Но ведь ты, Мерлин, должно быть, был тогда еще совсем ребенком! Сколько тебе лет?

— Семнадцать, господин.— Я твердо посмотрел ему в глаза.— Зачем ты послал за мною и моей матерью? Не успел я появиться в Маридунуме, как твои люди схватили меня.

— Я прошу извинить меня. Ты должен простить им их излишнее рвение. Они знали только, что дело срочное, и действовали так, чтобы как можно быстрее выполнить мою волю.

Он снова обернулся к матери.

— Следует ли мне заверить тебя, госпожа Ниниана, что тебе не причинят зла? Клянусь в этом. Я знаю, что ты уже пять лет живешь в обители Святого Петра и не имеешь никакого отношения к союзу твоего брата с моими сыновьями.

— Мой сын тоже не имеет к этому никакого отношения, господин мой,— спокойно сказала она.— Мерлин оставил Маридунум в ту ночь, когда умер мой отец, и с того дня и до последнего времени я ничего о нем не слышала. Но за одно я поручиться могу: в восстании он не участвовал, потому что был еще маленьким, когда ушел из дому. И теперь, когда я знаю, что он бежал на юг, в Корнуолл, я понимаю, что причина тому могла быть лишь одна: он боялся моего брата, Камлаха. Камлах не был ему другом. Уверяю тебя, государь, если я могла догадываться о намерениях моего брата, мой сын о них не подозревал. И потому я теряюсь в догадках, зачем ты призвал его сюда.

К моему изумлению, Вортигерн не поинтересовался, что я делал в Корнуолле. Он даже не взглянул на меня. Он положил подбородок на кулак и исподлобья смотрел на мою мать. Его голос и вид казались безупречно любезными, и все же было в этом нечто, что мне не нравилось. И внезапно я понял, что именно. Даже когда моя мать беседовала с королем, жрецы, стоявшие за троном, смотрели на меня. А когда я краем глаза взглянул на толпу, то увидел, что все они тоже не сводят с меня глаз. В зале внезапно стало тихо, и я подумал: «Ну вот, сейчас начнется».

— Ты не была замужем,— сказал король тихо, словно размышляя вслух.

— Нет.

Мать опустила веки, и я понял, что она насторожилась.

— Так значит, отец твоего сына умер до того, как вы смогли пожениться? Быть может, он пал в битве?

— Нет, господин мой.

Голос ее звучал тихо, но совершенно отчетливо. Я видел, что ее руки слегка напряглись.

— Значит, он все еще жив?

Она ничего не сказала — лишь склонила голову, так что капюшон упал ей на лицо, скрыв его от людей в зале. Но те, кто был на помосте, по-прежнему могли видеть ее. Королева уставилась на нее с любопытством и презрением. У саксонки были светло-голубые глаза и тяжелые, белые, как молоко, груди, выпиравшие из тугого голубого корсажа. Маленький рот, руки белые, как и грудь, но некрасивые, с толстыми, как у служанки, пальцами. Пальцы были унизаны золотыми, эмалевыми и бронзовыми кольцами.

Король, видя, что моя мать не отвечает, сдвинул брови. Но голос его звучал по-прежнему доброжелательно.

— Госпожа Ниниана! Скажи мне одну вещь. Говорила ли ты своему сыну, кто его отец?

— Нет.

Ее голос, громкий и уверенный, странно противоречил ее позе: опущенная голова, лицо, скрытое капюшоном... У нее был такой вид, словно ей стыдно. Я подумал, что она, быть может, делает это нарочно, чтобы оправдать свое молчание. Я сам не видел ее лица, но мне была видна рука, сжимавшая складки ее длинной юбки. Мне вдруг вспомнилась та, прежняя Ниниана, которая бросила вызов своему отцу, отказав Горлану, королю Ланаскола. Это воспоминание сменилось другим: отец, сидящий напротив меня и глядящий на меня через стол в свете лампы. Я поспешно прогнал это видение. Оно было таким отчетливым, что я удивился, как это прочие присутствующие не видят его. И внезапно я с ужасом подумал, что Вортигерн его видел и все знает. Вот почему мы здесь. Он услышал о моем приезде и решил удостовериться. Как же со мной обойдутся? Как со шпионом или как с заложником?

Должно быть, я невольно дернулся. Мать подняла голову, и я увидел ее глаза. Она больше не была похожа на принцессу: это была женщина, которой страшно. Я улыбнулся ей — в ее лице что-то вспыхнуло в ответ. Я понял, что боялась она только за меня.

Я стоял спокойно и ждал. Пусть первый ход сделает Вортигерн. У меня еще будет время сразиться с ним, когда я увижу, с чего начинать.

Он повертел большое кольцо у себя на пальце.

— Твой сын сказал моим посланникам то же самое. И я слышал, что люди говорят, будто никто во всей Британии не знает, кто его отец. Судя по тому, что рассказывают люди и что я знаю о тебе, госпожа Ниниана, его отец не мог быть низкого происхождения. Так почему же ты ничего ему не сказала? Человеку ведь следует знать такие вещи.

— А тебе-то что до этого? — гневно воскликнул я, забыв осторожность.

Мать взглядом заставила меня умолкнуть. Потом обратилась к Вортигерну:

— Зачем ты расспрашиваешь меня об этом?

— Госпожа,— сказал король,— я послал за тобой и за твоим сыном с одной лишь целью. Узнать, кто его отец.

— Я спрашиваю: зачем?

Он улыбнулся — попросту оскалил зубы. Я шагнул вперед.

— Мама, он не имеет права допрашивать тебя! Он не посмеет...

— Заткните ему глотку,— приказал Вортигерн.

Человек, стоявший рядом со мной, схватил меня и зажал мне рот ладонью. Послышался звук выдвигаемого из ножен меча: другой солдат вынул оружие и приставил меч к моему боку. Я замер.

— Отпустите его! — воскликнула мать.— Послушай, Вортигерн! Если причинишь ему зло, то, будь ты хоть трижды королем, я тебе ничего не скажу, даже если убьешь меня! Неужто ты думаешь, что я все эти годы скрывала правду от отца, от брата и даже от родного сына лишь затем, чтобы рассказать все тебе, как только ты спросишь?

— Расскажешь ради сына,— сказал Вортигерн.

Он кивнул.

Солдат убрал руку от моего рта и отступил назад. Но он по-прежнему держал меня за локоть, и я чувствовал сквозь тунику острие меча другого солдата.

Мать откинула капюшон. Теперь она сидела прямо, вцепившись руками в подлокотники, бледная от страха. Даром что одета была всего лишь в скромное домотканое платье, но королева ря-

дом с ней выглядела служанкой. В зале воцарилась гробовая тишина. Жрецы, стоявшие за троном короля, вытянули шеи. Я лихорадочно пытался собраться с мыслями. Если это действительно жрецы и маги, я не должен даже думать об Амброзии. Мое тело покрылось потом. Я пытался мысленно докричаться до матери и удержать ее, не создав при этом образа, который могут разглядеть эти люди. Но сила ушла, и бог не хотел помочь мне. Я не знал даже, хватит ли мне мужества вынести то, что ждет меня после того, как она все расскажет, и не осмеливался заговорить: боялся, что, если они снова схватят меня, мать все расскажет, чтобы меня спасти. А когда они все узнают и начнут допрашивать меня...

Должно быть, мне удалось дозваться: она обернулась и снова взглянула на меня. Ее плечи передернулись под грубым платьем, словно чья-то рука коснулась ее. Когда наши глаза встретились, я понял, что это не имеет никакого отношения к силе. Ее взгляд говорил о любви, она пыталась как-то успокоить меня, но это было послание на человеческом уровне, и я его не понимал.

Она снова повернулась к Вортигерну.

— Ты выбрал странное место для расспросов, король. Неужто ты и впрямь думаешь, что я стану говорить об этом здесь, посреди зала, чтобы все могли слышать меня?

Вортигерн нахмурился, сведя брови. На его лице блестел пот, и я видел, как его руки судорожно стиснули подлокотники трона. Он весь звенел, как натянутая струна. Напряжение расходилось по залу почти зримыми волнами. Я почувствовал, как по спине у меня поползли мурашки — страх коснулся меня холодной волчьей лапой. Один из жрецов, стоявших за спиной короля, наклонился и что-то шепнул ему. Король кивнул.

— Эти люди уйдут. Но жрецы и маги останутся.

Люди загудели и принялись неохотно выходить из зала. Жрецы остались. Около дюжины человек в длинных одеяниях, стоявшие за тронами королевской четы. Один из них, тот, что говорил с королем, высокий мужчина, поглаживавший седую бороду неопрятной рукой, унизанной перстнями, улыбался. Я всматривался в его лицо, ища признаки силы, но, хотя эти люди носили одеяния жрецов, на их лицах я видел только смерть. Смерть была в глазах у всех. Больше я ничего не видел. Меня снова пробрала дрожь. Я стоял, не пытаясь высвободиться из рук солдата.

— Отпусти его,— велел Вортигерн.— Я не хочу причинять вред сыну Нинианы. Но если ты, Мерлин, еще раз что-то сделаешь или скажешь без моего дозволения, тебя выведут из зала.

Меч от моего бока убрали, но солдат по-прежнему держал его наготове. Солдаты отступили на пару шагов назад. Я не шевелился и молчал. Никогда еще с самого детства не чувствовал я себя таким беспомощным, лишенным и знания, и силы, и поддержки бога. И с горечью осознал, что, даже если бы сейчас оказался в хрустальном гроте, среди пылающих огней, на глазах у моего учителя, я все равно ничего бы не увидел. Внезапно я вспомнил, что Галапас мертв, и подумал, что, быть может, вся моя сила исходила от него и ушла вместе с ним...

Король снова обратил свои запавшие глаза на мою мать. Он наклонился вперед, его лицо внезапно сделалось суровым и напряженным.

— Ну, госпожа моя, теперь ты согласна отвечать мне?

— Охотно,— сказала мать.— Почему бы и нет?

Глава 8

Она говорила так спокойно, что король удивился. Мать подняла руку, откинула капюшон и посмотрела ему прямо в глаза.

— Почему нет? Не вижу в этом особого вреда. Я бы и раньше рассказала, если бы ты спросил меня иначе и в другом месте. Теперь не будет большой беды, если люди об этом узнают. Я уже не принадлежу миру сему, и мне не придется выносить чужие взгляды и слушать сплетни. А теперь, когда я знаю, что мой сын тоже удалился от мира, я вижу, что ему тоже все равно, что скажут о нем. Поэтому я расскажу тебе то, что ты хочешь знать. И тогда ты поймешь, почему я никогда никому не рассказывала об этом прежде — ни отцу, ни даже сыну.

Теперь в ее лице не было страха. Она даже улыбалась. Я пытался не смотреть на нее и сделать так, чтобы мои чувства не отражались на лице. Я понятия не имел, что она собирается сказать, но знал, что она не выдаст. Она играла в какую-то свою игру и была уверена, что это отведет грозящую мне опасность. Я чувствовал, что об Амброзии она ничего не скажет. И все же в зале витала тень смерти. Снаружи пошел дождь, начинало смеркаться. Вошел слуга с факелами, но Вортигерн махнул ему, чтобы он ушел. Надо отдать ему должное — мне думается, он не

хотел разглашать позор моей матери, но я тогда подумал: «Ну вот, даже здесь не будет помощи. Огня, света...»

— Говори же! — сказал Вортигерн.— Кто отец твоего сына?

— Я его никогда не видела,— просто ответила она.— Это не был кто-то из знакомых мне мужчин.

Она помолчала, потом произнесла, не оборачиваясь ко мне, по-прежнему глядя в глаза королю:

— Мой сын простит мне то, о чем я сейчас расскажу. Ты вынудил меня говорить, и он поймет это.

Вортигерн бросил взгляд на меня. Я встретил его неколебимо. Теперь я был уверен в ней.

Мать продолжала:

— Когда я была еще молода — лет шестнадцати — и, как все девушки, думала о любви, однажды, накануне Дня святого Мартина, вышло так, что я со своими женщинами легла спать. Девушка, что спала в моей спальне, уснула, прочие женщины были в другой комнате, а мне не спалось. Через некоторое время я встала и подошла к окну. Ночь была ясная, лунная. Когда я снова обернулась к своей кровати, то увидела, что около нее, прямо посреди спальни, стоит некто, показавшийся мне молодым человеком. Он был юн и хорош собой; на нем была туника и длинный плащ, а на боку у него висел короткий меч. Он носил богатые украшения. Сперва я подумала, что он вломился через внешнюю спальню, где ночевали мои женщины; потом вспомнила, что стою перед ним в одной рубашке, босая, с распущенными волосами. Я подумала, что он замышляет что-то дурное, и хотела было кликнуть женщин, но юноша улыбнулся и покачал головой, как бы говоря, что он не причинит мне вреда, и прося меня молчать. Потом он шагнул в сторону и исчез в темноте, а когда я подошла поближе, чтобы посмотреть, там никого не было.

Она ненадолго умолкла. Никто не прервал ее. Я вспомнил, как она в детстве рассказывала мне сказки. В зале было совершенно тихо, но я почувствовал, как стоявший рядом со мной человек содрогнулся, словно ему хотелось отойти подальше. Королева разинула свой алый ротик, наполовину от изумления, наполовину, подумал я, от зависти.

Мать смотрела на стену над головой короля.

— Я решила, что это был сон или девичья греза, родившаяся из лунного света. Я легла спать и никому ничего не сказала. Но он пришел снова, и не раз. Не всегда он приходил по ночам;

иногда я была не одна. Стало понятно, что это не сон. Это домашний дух, который чего-то от меня хочет. Я молилась, но он все равно приходил. Часто, когда я сидела и пряла со своими девушками или гуляла в саду моего отца, я чувствовала, как он касается моей руки и что-то шепчет мне на ухо. Но тогда я его не видела и никто его не слышал, кроме меня.

Она взялась за крест, висевший у нее на груди, и сжала его. Этот жест выглядел таким естественным и ненаигранным, что я удивился, но потом понял, что он и в самом деле был естественным: она взялась за крест не для защиты, но моля о прощении. Я подумал, что не христианского Бога ей следует бояться: опасно лгать о таких вещах. Король не сводил с нее глаз; взгляд его был напряженным и, как мне показалось, ликующим. Жрецы уставились на нее так, словно хотели заживо сожрать ее душу.

— Он приходил ко мне всю зиму, по ночам: через дверь, через окно, через стену,— и возлежал со мной. Я больше никогда не видела его, только слышала его голос и ощущала его прикосновения. А потом, летом, когда я понесла, он оставил меня.

Она помолчала.

— Можешь спросить — тебе расскажут, как мой отец бил меня и держал взаперти и как, когда ребенок родился, он не хотел давать ему имени, подобающего христианскому принцу. И, поскольку мальчик родился в сентябре, нарек его именем небесного бога, скитальца, у которого нет дома, кроме воздушных путей. Я всегда звала его Мерлином, ибо в тот день, когда он родился, в окно влетел дикий сокол и, сев в изголовье кровати, взглянул на меня глазами моего возлюбленного.

Мы на миг встретились с нею глазами. Значит, это правда. И еще она вопреки всему назвала меня Эмрисом — сохранила для меня хотя бы имя моего отца.

Она снова отвернулась.

— Я думаю, государь, что рассказанное мною не было для тебя полной неожиданностью. Ты, должно быть, слышал, что сын мой не был похож на других мальчиков. Все время молчать невозможно, и я знаю, что какие-то слухи до тебя доходили, но теперь я рассказала тебе всю правду, как она есть. И потому прошу тебя, государь Вортигерн, отпусти нас с сыном и позволь нам вернуться в наши монастыри.

Когда она умолкла, воцарилась тишина. Мать склонила голову и снова накинула капюшон, чтобы скрыть лицо. Я смотрел

на короля и его людей и ожидал увидеть его рассерженным, разочарованным, но, к моему изумлению, его лоб разгладился, и король улыбнулся. Он открыл было рот, чтобы о чем-то спросить, но королева опередила его. Она наклонилась вперед, облизнула свои алые губки и, впервые за все время, заговорила, обращаясь к жрецам:

— Мауган, возможно ли такое?

Ей ответил тот, высокий, с бородой,— верховный жрец. Он говорил не задумываясь, вкрадчиво и почему-то очень подчеркнуто:

— Такое возможно, госпожа. Кто не слышал о созданиях воздуха и тьмы, которые совокупляются со смертными? Во время моих изысканий, а также в книгах, которые мне доводилось читать, я встречал немало историй о детях, рожденных от таких союзов.

Он взглянул на меня, огладил бороду и обратился к королю:

— На самом деле, государь, в пользу этого свидетельствуют и древние. Они хорошо знали, что некоторые из духов, что витают по ночам меж луной и землей, могут принимать людское обличье и вступать в сожительство со смертными женщинами. Вполне возможно, что эта благородная дама — эта достойнейшая благородная дама — стала жертвой подобного создания. Мы знаем — она сама так говорит,— что слухи об этом ходили много лет. Я сам встречался с одной из ее прислужниц, и та поведала, что отцом ребенка, несомненно, был не кто иной, как дьявол, и что эта дама не встречалась с мужчинами. И о самом ребенке рассказывали много странного. Воистину, государь Вортигерн, история этой дамы правдива.

На Ниниану больше никто не смотрел. Все взоры обратились на меня.

Лицо короля казалось жестоким и невинным, довольным, словно у младенца или у дикого зверя, видящего приближающуюся добычу. Озадаченный, я молчал и ждал. Если жрецы верят моей матери, а Вортигерн верит жрецам, что же тогда может мне угрожать? Об Амброзии никто и не заикался. Мауган и король с превеликой охотою кинулись по следу, указанному им моей матерью.

Король взглянул на моих охранников. Они отступили назад — боялись, должно быть, стоять рядом с сыном дьявола. Но по знаку короля они вновь приблизились ко мне. Тот, что стоял справа, по-прежнему держал меч обнаженным, но прятал его за

спиной так, чтобы моей матери не было видно. Рука у него слегка дрожала. Тот, что был слева, исподтишка проверил, легко ли выходит клинок из ножен. Оба они тяжело дышали, и я чуял их страх.

Жрецы кивали с глубокомысленным видом, и я приметил, что кое-кто из них выставил руки в охранительном жесте. Похоже, они верили Маугану и моей матери и действительно видели во мне сына дьявола. Похоже, ее рассказ лишь подкрепил их собственное мнение, их веру в старые слухи. Более того, именно за этим ее сюда и привезли. И теперь они смотрели на меня с удовлетворением и в то же время с каким-то страхом.

Мой страх начал утихать. Я решил, что понял, в чем дело.

Суеверность Вортигерна вошла в поговорку. Я вспомнил рассказ Диниаса о крепости, которую никак не могут достроить, и о том, что королевские предсказатели утверждают, будто ее заколдовали. Похоже было на то, что из-за легенд о моем рождении и, возможно, о тех проявлениях силы, которые замечали за мной в детстве, прежде чем я оставил Маридунум, о чем упоминал Мауган, они решили, что я смогу помочь им или что-то посоветовать. Ну, если это так и если они в самом деле привезли меня сюда из-за этих легенд, возможно, я найду способ помочь Амброзию прямо из вражеского лагеря. Это все-таки бог отправил меня сюда, и он по-прежнему ведет меня. «Встань на его тропу...» Ну что ж, ничего не остается, как использовать то, что есть под рукой.

У меня нет силы — зато есть знания.

Я постарался восстановить в памяти тот день на Королевской Башне и затопленную шахту в сердце скалы, куда привело меня мое видение. Конечно, я смогу объяснить им, почему их крепость рушится. Это дело механика, а не мага. «Но если им нужен ответ колдуна,— думал я, глядя в рыбьи глаза Маугана, потирающего свои немытые руки,— что ж, они получат его! А с ними и сам Вортигерн».

Я вскинул голову. Кажется, я улыбался.

— Король Вортигерн!

Это было все равно, что бросить камень в стоячий пруд. В зале было так тихо, все смотрели на меня... Я решительно сказал:

— Моя мать рассказала все, что ты хотел знать. Несомненно, теперь ты объяснишь, чем я могу служить тебе. Но сперва я прошу тебя сдержать свое королевское слово и отпустить ее.

— Госпожа Ниниана — наша почетная гостья,— ответил король, похоже машинально. Он взглянул в сторону открытой галереи, выходившей на реку, исхлестанную белыми струями падавшего с темнеющего неба дождя.— Вы оба можете уехать, когда вам будет угодно, но стоит ли сейчас пускаться в дальний путь, назад в Маридунум? Я полагаю, ты, госпожа, переночуешь здесь, в надежде на то, что завтра погода будет получше.

Он встал, и королева поднялась вслед за ним.

— Тебе приготовили опочивальню. Королева проводит тебя в твою комнату, чтобы ты могла отдохнуть до вечерней трапезы и разделить ее с нами. Конечно, это всего лишь временный дворец, и обстановка у нас бедная, но все, что здесь есть, в твоем распоряжении. Завтра тебя, госпожа, проводят домой.

Мать поднялась одновременно с ними.

— А мой сын? Ты все еще не сказал, зачем нас привезли сюда!

— Твой сын будет служить мне. Он обладает способностями, которые могут мне пригодиться. А теперь, госпожа, прошу тебя последовать за королевой. Я поговорю с твоим сыном и объясню ему, чего я хочу. Поверь мне, он так же свободен, как и ты. Я удерживал его лишь до тех пор, пока ты не рассказала мне того, что я хотел слышать. Я благодарю тебя — ты подтвердила мои догадки.

Он поднял руку.

— Клянусь тебе, госпожа Ниниана, любым богом, в которого ты веришь, что никогда, отныне и впредь, не поставлю ему в вину его происхождение.

Мать некоторое время смотрела на него, потом склонила голову и, не обращая внимания на его нетерпеливый жест, подошла ко мне, протягивая обе руки. Я шагнул к ней и взял ее руки в свои. Они были маленькие и холодные. Я теперь был выше ее. Она подняла на меня взгляд — я хорошо помнил эти глаза, сейчас в них была тревога, тень гнева и еще что-то, что она пыталась сказать мне взглядом.

— Мерлин, я не хотела, чтобы ты узнал это так. Я избавила бы тебя от этого, если бы могла.

Но в глазах ее было нечто иное.

Я улыбнулся ей и осторожно сказал:

— Матушка, ты не сказала сегодня ничего такого, что удивило или огорчило меня. На самом деле ты не могла бы рассказать

мне о моем рождении ничего такого, чего бы я не знал. Так что не беспокойся.

Она затаила дыхание, глаза ее расширились. Она жадно всматривалась в мое лицо. Я медленно продолжал:

— Кто бы ни был мой отец, мне не поставят это в вину. Ты ведь слышала, что обещал король. Это все, что нам надо.

Я не мог понять, уловила ли она то, что я хотел сказать. Она все еще переваривала то, что я сказал раньше.

— Ты знал? Знал?

— Да. Не думаешь же ты, что за все эти годы, что я провел вдали от тебя, занимаясь науками, я так и не узнал о своем происхождении? Мой отец вот уже несколько лет как дал мне знать о себе. Уверяю тебя, я говорил с ним, и не раз, а многократно. И я знаю, что мне нечего стыдиться своего происхождения.

Еще мгновение она смотрела на меня, потом кивнула и опустила веки. Ее щеки окрасились легким румянцем. Она поняла меня. Затем снова накинула капюшон, чтобы скрыть лицо, и оперлась на руку, предложенную ей королем. Она направилась к выходу, идя между ним и королевой, и две ее монахини последовали за ними. Жрецы кудахтали, шептались и глазели на меня. Не обращая на них внимания, я смотрел вслед матери.

Король остановился у дверей, и я услышал, как он прощается с матерью. Снаружи ожидала толпа придворных. Они расступились перед Ровеной, моей матерью и полудюжиной женщин, сопровождавших их. Я услышал шорох платьев и звонкие голоса женщин, затихающие за шумом дождя. Вортигерн стоял в дверях, глядя им вслед. На улице лил проливной дождь. Быстро темнело.

Король развернулся на каблуках и проследовал в зал, сопровождаемый своими военачальниками.

Глава 9

Они толпились вокруг меня, шумно переговариваясь, но близко не подходили, держались кругом, словно псы, обложившие волка. В зал вернулась смерть; я чуял ее, но не понимал, в чем дело, и не верил себе. Я направился было вслед матери, но мои стражи угрожающе вскинули мечи.

— В чем дело? — резко спросил я у короля.— Ты дал слово. Не слишком ли быстро отрекаешься от своих клятв?

— Я не нарушаю клятвы и обещал, что ты послужишь мне и что не поставлю тебе в вину происхождение. И это правда. Я велел привести тебя сюда именно потому, что знал, что ты — ничей сын. И ты пригодишься мне, Мерлин, именно благодаря своему происхождению.

— Чем же?

Он взошел по ступеням к трону и снова сел. Все придворные столпились вокруг него, там же были факельщики. Зал наполнился чадящим пламенем, шорохом, поскрипыванием кожи и звоном кольчуг. Снаружи шумел дождь.

Вортигерн наклонился вперед и оперся подбородком на кулак.

— Сегодня, Мерлин, мы узнали то, о чем отчасти догадывались и раньше. Твой отец — не человек, а дьявол. И потому ты не можешь рассчитывать на людское милосердие. Но из-за того, что твоя мать — дочь короля и ты все же имеешь некоторые права, я объясню, зачем тебя привезли сюда. Тебе, должно быть, известно, что я строю крепость на скале, которая зовется Башней?

— Это все знают,— ответил я.— Всем известно и то, что стены разваливаются, будучи доведены до высоты человеческого роста.

Он кивнул.

— И мои маги и мудрецы, мои советники, которых ты видишь здесь, объяснили почему. Фундамент был заложен неправильно.

— Что ж,— сказал я,— это кажется мне разумным.

Справа от короля, рядом со жрецами, стоял высокий старик. Яростные голубые глаза смотрели из-под насупленных белых бровей.

Он не отрываясь смотрел на меня, и мне показалось, что в его взгляде я вижу жалость. При моих последних словах он поднес руку к бороде, словно пряча улыбку.

Король, казалось, не услышал меня.

— Мне сказали,— продолжал он,— что королевская крепость должна стоять на крови.

— Они, разумеется, говорили в переносном смысле? — вежливо осведомился я.

Мауган внезапно стукнул своим посохом в помост.

— Нет, в прямом! — вскричал он.— Раствор должен быть замешен на крови! Камни основания следует оросить кровью! В древние времена все короли только так ставили крепости! Лишь кровь сильного человека, воина, дает мощь стенам!

Повисло тяжелое молчание. Мое сердце забилось медленными, тяжелыми толчками, отдающимися во всем теле. Я холодно произнес:

— Ну и какое же отношение это имеет ко мне? Я не воин!

— Ты и не человек, Мерлин! — хрипло ответил король.— Они открыли мне с помощью магии, что я должен найти юношу, у которого никогда не было отца, и омыть основание крепости его кровью.

Я посмотрел на него. Потом обвел взглядом окружавшие меня лица.

Люди переминались с ноги на ногу, перешептывались, старались не смотреть мне в глаза, но на всех лицах я видел смерть — смерть, которую я почуял сразу, как только вошел в зал. Я снова обернулся к королю.

— Что за чушь? Когда я уезжал из Уэльса, это была культурная страна, край поэтов, мастеров и ученых, край воинов и королей, которые сражались за свою страну и убивали благородно, при свете дня. А ты говоришь о крови и человеческих жертвоприношениях. Вы что, решили вернуть в современный Уэльс замшелые обычаи Вавилона и Крита?

— Я не говорил о человеческих жертвоприношениях,— ответил Вортигерн.— Ты ведь не человек. Не забывай этого.

В тишине слышался лишь шум дождя, хлещущего по лужам на дворе.

Кто-то прокашлялся. Я встретил взгляд яростных голубых глаз старого воина. Да, я был прав: он смотрел на меня с жалостью. Но даже те, кому жаль меня, не посмеют выступить против этого безумия...

Меня словно озарило вспышкой молнии. Я наконец все понял. Все это не имело никакого отношения ни к Амброзию, ни к моей матери. Она была в безопасности и всего лишь подтвердила то, чего они хотели.

Теперь ее проводят с честью: ведь они услышали то, чего ждали.

Мысль об Амброзии даже не приходила им в голову. Я был здесь не как его сын, шпион или посланник; им нужен был всего-навсего «сын дьявола», чтобы убить его в своем грубом, грязном обряде.

Но, по иронии судьбы, я вовсе не был сыном дьявола. У меня не было даже моей прежней силы. У них в руках оказался обыч-

ный мальчишка, не имеющий иной силы, кроме обычного человеческого разума. «Но клянусь Богом,— подумал я,— быть может, и этого окажется довольно...» Есть у меня сила или нет, я знал достаточно, чтобы суметь сразиться с ними их же оружием.

Я заставил себя улыбнуться, глядя мимо Маугана на прочих жрецов.

Жрецы все еще делали знаки от сглаза, и даже сам Мауган прижал к груди свой посох, словно он мог защитить его.

— А почему вы так уверены, что мой отец, дьявол, не явится мне на помощь?

— Это пустые слова, король! Нам некогда слушать эту болтовню! — поспешно воскликнул Мауган и вместе с прочими жрецами теснее придвинулся к трону.

Все они заговорили разом:

— Да, убей его, убей его прямо сейчас! Не трать времени! Отведи его на утес и убей. Ты увидишь, что боги удовлетворятся и стены встанут крепко! Его мать не узнает, да если даже и узнает, что с того?

Все зашевелились, словно псы, сжимающие кольцо. Я пытался думать — но даже мысли меня не слушались.

В зале становилось все темнее и воняло кровью. Теперь они открыто угрожали мне мечами, и клинки полыхали в свете факелов.

Я сосредоточился на блестящем металле и попытался привести мысли в порядок, но передо мной неотступно стоял обглоданный скелет Галапаса, лежащий на холме под солнцем, и крылья птиц, кружащих над ним...

Я бросил мечам:

— Скажите мне одну вещь. Кто убил Галапаса?

— Что он сказал? Что сказал сын дьявола? — пронеслось по залу.

— Пусть говорит! — громко произнес хриплый голос.

Это был седобородый старый воин.

— Кто убил Галапаса, волшебника, что жил в Брин-Мирддине недалеко от Маридунума? — почти выкрикнул я.

Голос мой звучал странно даже для меня самого. Все умолкли, косясь друг на друга, ничего не понимая.

— Старика? — переспросил Вортигерн.— Мне сказали, что он шпион.

— Это был волшебник и мой учитель,— ответил я.— Он учил меня, Вортигерн.

— И чему же?

Я улыбнулся.

— Многому. Достаточно, чтобы понять, что эти люди — глупцы и обманщики. Так и быть, Вортигерн. Ведите меня на утес. Можете взять с собой ваши ножи, ты и твои предсказатели. Покажите мне эту крепость, эти обрушивающиеся стены, и я лучше их сумею объяснить тебе, почему твоя крепость не стоит. «Ничей сын»! — пренебрежительно фыркнул я.— Эти полоумные старики вечно хватаются за подобные вещи, когда не могут выдумать ничего лучшего! Скажи, король, а тебе не приходило в голову, что сын духа тьмы может обладать магией, которая куда сильнее заклинаний этих старых глупцов? Если правда то, что они говорят — будто моя кровь может укрепить эти стены,— тогда почему же они до сих пор смотрели, как они рушатся — не единожды, не дважды, но целых четыре раза,— прежде чем сказали тебе, что надо делать? Дозволь мне всего один раз взглянуть на то место, и я скажу тебе, в чем дело. Клянусь богом богов, Вортигерн, если моя мертвая кровь способна укрепить твою постройку, не лучше ли послужит этому мое живое тело?

— Колдовство! Колдовство! Не слушай его! Что может такой мальчишка знать о подобных вещах? — закричал Мауган, и прочие жрецы закудахтали и запричитали.

Но старый воин сказал угрюмо и резко:

— Пусть попробует. Вреда это не причинит. Тебе нужна помощь, Вортигерн,— от бога или от дьявола, все равно. Пусть попробует, говорю!

И по всему залу эхом отозвались воины, не имевшие причин особо любить жрецов:

— Пусть, пусть попробует!

Вортигерн нахмурился в нерешительности, переводя взгляд с Маугана на воинов, потом взглянул на серые арки, за которыми хлестал дождь.

— Что, сейчас?

— Не откладывай,— ответили ему.— Времени мало.

— Да,— громко произнес я,— времени мало!

Снова тишина, все смотрят на меня.

— На улице ливень, Вортигерн. Но что это за король, чью крепость может смыть любой ливень? Ты увидишь, что твои

стены снова рухнули. Вот что бывает, когда строишь во тьме, внимая советам слепцов. Веди же меня на утес, и я скажу тебе, почему пали твои стены. И если ты будешь слушать меня, а не этих жрецов тьмы, я научу, как отстроить твою крепость при свете.

Пока я говорил, ливень кончился — словно кран завернули. Внезапно наступила тишина. Люди разинули рты. Даже Мауган онемел. Потом внезапно, словно отдернули черную занавесь, выглянуло солнце.

Я рассмеялся.

— Видите? Что ж, король, веди меня на утес, и я при дневном свете покажу тебе, почему обрушились стены. Но скажи своим людям, чтобы взяли факелы. Они нам понадобятся.

Глава 10

Не успели мы дойти до подножия утеса, как еще издалека увидели рабочих, сгрудившихся на краю обрыва в ожидании короля. Кто-то уже спускался вниз, ему навстречу. К нам подбежал запыхавшийся десятник, крупный мужчина, кутавшийся в наброшенный на плечи вместо плаща грубый мешок, с которого еще струилась вода. Он, кажется, даже не замечал, что дождь кончился, был бледен, глаза у него были красные, словно он недосыпал много ночей подряд.

— Опять? — коротко спросил Вортигерн.

— Да, государь! И клянусь тебе, никто не может сказать, что это наша вина, так же как и в предыдущий раз, и до того! Ты вчера сам смотрел, как мы работаем, и видел, что мы заново расчистили и выровняли всю площадку и ставили на твердом камне, клянусь тебе, государь! Но стена все равно трескается...

Он облизнул губы, встретился глазами со мной — и поспешно отвел взгляд. Я понял: он знает о том, что замыслили король и его предсказатели.

— Ты идешь наверх, государь?

— Да. Убери оттуда своих людей.

Десятник сглотнул, повернулся и рысцой побежал по петляющей дорожке. Через некоторое время сверху донеслись его крики. Королю привели мула. Он сел в седло. Меня крепко привязали за запястье к сбруе. Волшебник я или нет, они не хотели упустить свою жертву, пока она не докажет, что способна на что-

то большее. Охрана держалась вплотную ко мне. Военачальники и придворные толпились вокруг нас, тихо переговариваясь, но жрецы держались в стороне, надменные и настороженные. Я видел, что они не особенно тревожатся об исходе и не хуже меня знают, насколько их магия действительно основана на силе их богов, а насколько — лишь иллюзия, основанная на вере людей. Они были уверены, что я могу не больше, чем они. Даже если оказалось бы, что я такой же, то нашелся б способ пересилить меня. Они не сомневались, что все, что я могу противопоставить их обрядам,— это какие-то давно знакомые им уловки да еще удачную случайность вроде той, когда кончился дождь и появилось солнце, пока я говорил.

Солнце блестело на мокрой траве на вершине утеса. Мы стояли высоко над долиной, и внизу, меж зеленых склонов, блестящей змеей вилась река. С крыш королевского лагеря поднимался пар. Вокруг деревянного дворца и примыкающих к нему строений, как поганки, теснились маленькие кожаные палатки, и люди между ними казались не больше червяков-древоточцев. Великолепное было место — настоящее орлиное гнездо. Король остановил своего мула в рощице потрепанных всеми ветрами деревьев и указал вперед из-под нагих ветвей.

— Вчера отсюда была видна западная стена.

За рощицей был узкий гребень скалы, как бы естественная перемычка, вдоль которой рабочие и их мулы проложили широкую тропу. Королевская Башня была скалистым утесом, к которому можно подойти только с одной стороны по этому гребню, а с трех других сторон она круто обрывалась вниз головокружительными уступами и утесами. На вершине скалы находилась площадка примерно сто на сто футов. Раньше там, вероятно, росла жесткая трава между скал да корявые деревья и кустарники. Теперь это было море жидкой грязи, окружающее развалины злосчастной башни. С трех сторон стены были возведены примерно на высоту плеча, с четвертой — стена только что рассыпалась и являла собой груду камней: одни выпали и наполовину ушли в грязь, другие все еще держались на выступах скалы, но выглядели ненадежно. Тут и там были воткнуты в землю тяжелые сосновые шесты и поверх них натянута парусина, чтобы защитить работу от дождя. Некоторые шесты попадали на землю; часть из них явно сломалась тогда, когда рушилась стена. На тех, что остались целы, все еще болталась парусина; местами она натянулась и про-

висла под тяжестью дождевой воды. Земля была мокрая, повсюду стояли лужи.

Рабочие ушли оттуда, толпились на краю площадки, вблизи дорожки, и молчали. На лицах был страх. Я видел, что они боятся не королевского гнева, а преследующей их непонятной злой силы, в которую они верили. У выхода на дорожку стояла стража. Я понял, что без этого ни одного рабочего там не осталось бы.

Стражники скрестили копья у нас на пути, но, узнав короля, развели их. Я поднял голову.

— Вортигерн! Я не убегу — разве что спрыгну с обрыва, но тогда получится именно то, чего хочет Мауган. А если ты не отпустишь меня, я не смогу понять, что здесь не так с этими стенами.

Вортигерн мотнул головой, и один из стражей развязал меня. Я пошел вперед. Мул следовал за мной, аккуратно ступая по размокшей глине. Прочие двинулись следом. Мауган выбежал вперед и что-то настойчиво говорил королю. До меня долетали слова:

— Обман... сбежит... теперь или никогда... кровью...

Король остановился, и все остановились с ним. Кто-то сказал:

— Мальчик, возьми!

Я обернулся и увидел, что седобородый протягивает мне посох. Я покачал головой, повернулся к ним спиной и пошел дальше один.

Всюду стояла вода. Меж кочек блестели грязные лужи, на сжатых кулачках молодого папоротника, пробивающегося сквозь пожухлую зимнюю траву, сверкали дождевые капли. Серые камни блестели от влаги. Мне приходилось щуриться, чтобы разглядеть все как следует.

Обрушилась западная стена. Она стояла у самого обрыва, и, хотя в основном она рухнула вовнутрь, часть камней лежала у самого края утеса и на обрыве блестел мокрой глиной след от свежего оползня. В северной стене был проем там, где собирались делать вход. Я вошел через него, пробираясь через кучи щебня и инструментов, и встал в центре башни.

Земля превратилась в месиво глины, повсюду стояли лужи, сверкавшие на солнце начищенной медью. Солнце садилось, полыхая напоследок, перед закатом, и, когда я осматривал рухнувшую стену, трещины, угол падения, расположение обломков — это может о многом рассказать,— его лучи били мне прямо в глаза.

Слышался шум и говор толпы. Время от времени солнечные лучи вспыхивали на обнаженной стали. Пронзительный хриплый голос Маугана уговаривал безмолвного короля. Если я ничего не сделаю в ближайшее время, толпа скоро послушается жреца...

Король, восседающий на своем муле, мог видеть меня через проем в северной стене, но большей части толпы меня видно не было. Я взобрался — или, точнее, взошел, всем своим видом выражая достоинство,— на обломки западной стены и встал над стенами так, чтобы меня было хорошо видно всем. Мне нужно было не только произвести впечатление на короля. Отсюда были видны поросшие лесом склоны, по которым мы только что поднимались наверх, и теперь, вдали от шума толпы, мне нужно было найти вход в штольню, где я побывал столько лет назад.

До меня долетели голоса — толпа явно начинала терять терпение. Я медленно воздел руки к солнцу торжественным жестом, как делают жрецы, призывая духов. Если я изображу из себя волшебника, это остановит толпу, заставит жрецов призадуматься и даст надежду королю, а у меня будет время вспомнить. Я не мог позволить себе бродить по лесу, словно собака, вынюхивающая след,— нет, я должен был привести их прямо на место, как некогда мерлин привел меня.

И удача не покинула меня. Как только я воздел руки, солнце зашло за тучу и сразу стало темнеть.

Кроме того, теперь, когда солнце больше не слепило мне глаза, я мог разглядеть то, что внизу. Я смотрел вниз, вдоль гребня скалы, на холм, по которому взбирался тогда, чтобы уйти от толпы, окружавшей двух королей. Все густо поросло лесом — гуще, чем тогда. Здесь, под защитой холмов, уже начали раскрываться молодые листья и склоны были черны от терновника и остролиста. Я не мог признать пути, которым шел тогда, зимой. Всматриваясь в сгущающуюся тьму, я пытался восстановить впечатления мальчика, который поднимался сюда снизу...

Мы въехали сюда из открытой долины, вдоль реки, проехали через чащу, потом под тем низким гребнем — и выехали на луговину. Короли, а с ними Камлах, Диниас и все прочие остановились на том южном склоне, пониже дубовой рощицы. Костры развели вон там, коней привязали там. Был полдень, и когда я шел — вон оттуда,— я наступал на свою тень. Я уселся есть под скалой...

Вот оно! Серая скала, расколотая молодым дубком. По другую ее сторону прошли короли, направляющиеся к Королевской Башне. Серая скала у тропы, расколотая молодым дубком. И от нее — прямо через лес, вверх по склону — летел мерлин.

Я опустил руки и повернулся. Быстро темнело, небо было покрыто серыми тучами. Лесистые склоны внизу уже тонули во тьме. За спиной Вортигерна вздымалась масса облаков, окаймленная желтым, и узкий луч туманного света падал на далекие черные горы.

Люди выглядели темными силуэтами, их плащи развевались на сыром ветру. Пламя факелов рвалось и чадило.

Я медленно сошел со своего наблюдательного пункта. Оказавшись в центре башни, я остановился так, чтобы королю было меня видно, и вытянул руки ладонями вниз, как ясновидец, ищущий то, что лежит под землей. Я услышал, как по толпе пробежал шепоток, как презрительно фыркнул Мауган. Опустив руки, я подошел к ним.

— Ну?

Голос короля звучал резко и вызывающе. Он ерзал в седле.

Я не обратил на него внимания. Медленно прошел мимо мула и сквозь толпу, так, словно вокруг никого не было. Руки я держал по швам, а глаза — устремленными в землю. И видел, как они переминались с ноги на ногу в нерешительности, потом расступались, давая мне пройти.

Я пошел назад вдоль гребня, стараясь идти ровно и с достоинством — а это было не так-то просто на неровной и скользкой почве. Стражники даже не попытались остановить меня. Проходя мимо одного из факельщиков, я поднял руку, и он без единого слова последовал за мной.

Тропа, проложенная рабочими и мулами, была новой, но, как я и надеялся, она шла вдоль старой оленьей тропы, по которой поднимались тогда короли.

На полпути вниз я увидел скалу. Ошибки быть не могло. В расселине, у корней дуба, росли молодые папоротники, и под прошлогодними галлами уже набухали молодые почки.

Я, ни на миг не задумавшись, свернул с тропы и направился в чащу.

Кустарник был куда гуще, чем тогда, и, несомненно, здесь никто не ходил уже много лет, должно быть с того самого дня, как тут пробирались мы с Кердиком.

Но я помнил дорогу так отчетливо, словно сейчас был все тот же зимний полдень. Я шел быстро и даже там, где кусты были мне по плечо, старался проходить ровным шагом, не обращая внимания на ветки, раздвигая их грудью, словно воду.

На следующий день я обнаружил, что мне пришлось заплатить за свой статус волшебника множеством царапин и ссадин, не считая изодранной одежды, но, несомненно, накануне это произвело впечатление.

Я помню, как один раз, когда мой плащ за что-то зацепился, факельщик метнулся вперед, словно какой-нибудь раб, поспешно отцепил его и понес за мной.

Вот и кустарник на склоне лощины. Сверху нападало много новых камней. Они лежали меж стволов терновника, словно морская пена, запутавшаяся в водорослях, оставшихся на берегу после отлива.

Над лощиной теснились кусты: голые заросли бузины, жимолость, похожая на пряди волос, колючие плети ежевики, омела, поблескивающая в свете факелов. Я остановился.

Мул, цокая копытами по камням, подошел и остановился у меня за плечом. Голос короля произнес:

— Что это такое? Куда ты нас ведешь? Я говорю тебе, Мерлин: твое время на исходе! Если тебе нечего показать...

— Мне есть что показать вам! — Я произнес это громко, так, что все, кто столпился за спиной короля, могли меня слышать.— Я покажу тебе, король Вортигерн, и всем, у кого хватит мужества последовать за мной, волшебного зверя, что лежит под твоей крепостью и гложет ее основание. Дайте мне факел!

Факельщик передал его мне. Я даже не обернулся, чтобы взглянуть, кто последует за мной, и нырнул в чащу кустарника, раздвинув ветви, скрывавшие вход в штольню.

Вход был по-прежнему открыт и надежно укреплен: квадратная дыра и сухая штольня, ведущая в сердце холма.

Теперь мне пришлось пригнуться. Я наклонился и вошел, держа перед собой факел.

Пещера запомнилась мне огромной, и я оживал, что это окажется всего лишь детским впечатлением.

Но она была даже больше. Ее черная пустота удваивалась большим зеркалом воды, которая теперь покрывала почти весь

пол,— лишь у выхода из штольни оставалась сухая полоска камня, шагов шесть в ширину.

Выступающие ребра скалы спускались к воде, навстречу своему отражению, и уходили наверх, во тьму. Откуда-то из глубины пещеры слышался шум льющейся воды, но поверхность озера была абсолютно ровной.

Раньше с потолка падали капли, оставляя на воде расходящиеся круги, теперь же все стены были одеты тонким сверкающим покрывалом влаги, которая бесшумно струилась вниз, в озеро.

Я подошел к самой воде и поднял факел повыше.

Слабый свет пламени раздвинул густую тьму, почти осязаемую, темнее самой черной ночной мглы, когда мрак накрывает все плотным звериным мехом и давит, словно слишком толстое одеяло. Мириады вспышек света разбежались по сочащимся водой стенам. Воздух был неподвижным, холодным и звенел эхом, словно птичье пение в чаще леса.

Я слышал, как позади меня из штольни выбираются другие. Я быстро соображал.

Можно просто объяснить им все как есть. Взять факел, пробраться в глубь пещеры и показать места, где потолок проседает под тяжестью возводимых стен. Но услышат ли они меня? К тому же, как они говорят, у них нет времени. Враг у ворот. Вортигерну сейчас нужны не здравые рассуждения строителя. Ему нужна магия, волшебство — что угодно, сулящее выход, безопасность, что-то, что может вернуть преданность вассалов.

Он, быть может, и поверит разумным доводам, но не может позволить себе прислушиваться к ним. Скорее всего, он убьет меня, а может, попытается укрепить основание, воспользовавшись моими советами. Иначе у него просто рабочие разбегутся.

Люди выползали из черного устья штольни, как пчелы из улья.

Появились новые факелы, и тьма отступила еще дальше. Площадка заполнилась яркими плащами, блеском оружия, сверканием украшений.

Люди озирались вокруг с благоговейным страхом. Пар от дыхания поднимался клубами в холодном воздухе.

Слышался шорох и перешептывание, как в храме. Вслух никто не разговаривал.

Я поднял руку и махнул королю.

Он подошел и встал рядом со мной у кромки воды. Я указал вниз. Под поверхностью слабо блестело нечто — должно быть,

скала,— напоминающее дракона. Я заговорил — медленно, словно пробуя воздух на вкус.

В тишине мои слова падали звонко и размеренно, словно капли на камень.

— Король Вортигерн! Вот волшебная тварь, что лежит под крепостью. Поэтому стены рушатся прежде, чем их успевают построить. Кто из твоих предсказателей смог показать тебе то, что ныне показываю я?

Двое его факельщиков подошли ко мне вместе с ним, прочие держались поодаль.

Когда факельщики подошли, стало светлее. По стенам метались тени. Потоки струящейся по стенам воды горели в свете факелов и струились вниз, навстречу своему отражению, так что казалось, будто свет поднимается из глубины, подобно пузырькам в игристом вине, и вырывается на поверхность.

Повсюду блестели и искрились струи воды, свет рассыпался фонтанами и брызгами, и вот уже ровная гладь озера полыхала жидким огнем. По стенам бежали водопады света, подобные кристаллам, словно мой хрустальный грот ожил и теперь вращался вокруг меня, словно полночный звездный купол вертелся и полыхал мириадами огней.

Я судорожно вздохнул и продолжал:

— Если ты, король Вортигерн, сумеешь осушить это озеро и увидишь то, что лежит на дне...

Я осекся. Свет переменился. Никто не шевельнулся, воздух был неподвижен, но пламя факелов трепетало в дрожащих руках людей. Я уже не видел короля: пламя скрыло его от меня.

Тени разбегались перед потоками и каскадами огня, и пещера наполнилась глазами, крыльями, топотом копыт и полетом красного дракона, обрушивающегося на добычу...

Кто-то что-то кричал высоким монотонным голосом, задыхаясь.

Я никак не мог перевести дыхание. Меня охватила боль, ползущая снизу, от паха в живот, словно кровь, хлещущая из раны. Я ничего не видел. Мои руки судорожно стиснулись и протянулись вперед. Голова болела, и моя щека прижималась к твердой скале, по которой струилась вода.

Я потерял сознание; они подняли меня и перерезали мне горло; это моя кровь уходила из меня и струилась в озеро, чтобы

укрепить основание этой поганой Башни... Я давился воздухом, словно желчью.

Мои руки судорожно цеплялись за скалу; глаза мои были открыты, но я видел лишь развевающиеся знамена, крылья, волчьи глаза, рты, разинутые в крике боли, и хвост кометы, как огненный факел, и звезды, осыпающиеся кровавым дождем...

Боль снова пронзила меня — раскаленным ножом под ребра.

Я вскрикнул — и внезапно руки мои оказались свободны. Я вскинул их, чтобы заслониться от сверкающих видений, и услышал свой собственный голос — я что-то кричал, но не мог понять что. Видения вращались, сплетались, потом взорвались, ослепив меня нестерпимым светом,— и наступила тьма и тишина.

Глава 11

Очнулся я в комнате, стены которой были убраны роскошными гобеленами, а в окно лился солнечный свет, лежавший вытянутыми прямоугольниками на дощатом полу.

Я осторожно пошевелился, проверяя, цел ли я. Ранен я не был.

Головная боль прошла бесследно. Меня раздели и тепло укутали мехом. Руки и ноги двигались совершенно свободно. Я с удивлением посмотрел в окно, потом повернул голову — и увидел Кадаля. Он стоял у моей кровати, и по его лицу, словно свет из-за туч, разливалось облегчение.

— Пора, пора! — сказал он.

— Кадаль! О Митра, как же хорошо, что ты здесь! Что произошло? Где мы?

— В лучшей комнате для гостей, что нашлась у Вортигерна, а где же еще! Да, юный Мерлин, ловко ты его прижал!

— Прижал? Я? Не припомню. Мне-то казалось, что это они меня... Ты что, хочешь сказать, что они раздумали убивать меня?

— Убивать? Да что ты! По-моему, они собираются посадить тебя в священный грот и приносить девственниц тебе в жертву. Жалко, что это будут пустые траты. Я бы ими сам с удовольствием попользовался.

— Ладно, девственниц я буду отдавать тебе. Ох, Кадаль, как я рад тебя видеть! Как ты сюда попал?

— Я едва успел дойти до ворот монастыря, когда они пришли за твоей матерью. Я слышал, как они спрашивали ее и говорили, что тебя уже взяли и на рассвете повезут вас обоих к Вортигерну. Полночи я проискал Маррика, а другие полночи пытался добыть приличного коня, и все попусту: пришлось ехать на той кляче, что купил ты. Вы ехали медленно, но все равно к тому времени, как вы добрались до Пеннала, я отстал от вас почти на день. Впрочем, я и не спешил вас догонять — сперва надо было разнюхать, куда ветер дует. Ну, в общем, в конце концов добрался сюда — вчера вечером — и обнаружил, что тут все гудит, как разоренный улей. «Мерлин то», «Мерлин се»! — Он хмыкнул.— Тебя уже зовут «королевским пророком»! Когда я сказал, что я твой слуга, они меня сюда притащили чуть ли не бегом. Похоже, им не очень-то хотелось возиться с таким могучим колдуном. Есть будешь?

— Нет... то есть да. Буду. Я голоден.

Я приподнялся и сел, опершись на подушки.

— Погоди. Ты сказал «вчера»? Сколько же я проспал?

— Ночь и день. Время к закату.

— Целые сутки? Тогда... Кадаль, а что с моей матерью? Ты не знаешь?

— Уехала домой, живая и здоровая. За нее ты не беспокойся. Давай ешь, а я буду рассказывать. Вот.

Он принес поднос, на котором стояла чашка дымящегося бульона и тарелка с мясом, хлебом, сыром и сушеными абрикосами. На мясо я смотреть не мог, но принялся за остальное, а Кадаль стал рассказывать дальше.

— Она ничего не знает о том, что с тобой собирались сделать и что произошло. Вчера вечером, когда она спросила о тебе, ей сказали, что тебя устроили по-королевски и ты теперь в большом почете у государя. Еще ей сказали, что ты, так сказать, наплевал в рожу жрецам и пророчествовал так, что куда там царю Соломону, а теперь отсыпаешься. Сегодня утром она заходила сюда, увидела, что ты спишь как младенец, и ушла. Мне не удалось поговорить с ней, но я видел, как она уезжала. Снарядили ее по-королевски, скажу я тебе: с ней отправили целый отряд всадников, а ее женщинам дали каждой свои носилки, почти такие же, как у нее самой!

— Пророчествовал? Наплевал в рожу жрецам? — Я схватился за голову.— Если бы я хоть что-то помнил! Мы были в пещере под Королевской Башней. Об этом, наверно, тебе рассказали? — Я взглянул на него.— Кадаль, что там было?

— Ты что, хочешь сказать, что ничего не помнишь?

Я покачал головой.

— Помню только, что меня хотели принести в жертву, чтобы их поганая Башня перестала разваливаться, а я решил запудрить им мозги. Решил, что если мне удастся опозорить этих жрецов, то я, может быть, сумею спасти свою шкуру, но я рассчитывал всего лишь выиграть время, в надежде, что потом сумею бежать...

— А, про то, что они собирались сделать, я слышал! Вот же темный народ, просто диву даешься.

Но взгляд у него при этом был более чем знакомый.

— Но ты ведь просто пустил им пыль в глаза, не правда ли? А как ты нашел подземный ход?

— Ах это! Очень просто. Я бывал здесь раньше, еще мальчишкой, с Кердиком, тогдашним моим слугой. Я пошел через лес за соколом и нашел эту старую штольню.

— Понятно. Кое-кто сказал бы, что тебе повезло,— те, кто тебя не знает. И ты пошел прямо к нему?

— Да. Еще когда я впервые услышал, что рушится западная стена, то подумал, что это, наверно, из-за старого рудника.

Потом я быстро рассказал ему обо всем, что было в пещере,— все, что мог вспомнить.

— Огни,— говорил я,— блеск воды... крики... Это было совсем не похоже на мои прежние «видения» — белого быка и все прочее, а совсем иначе. И куда болезненнее. Наверно, это похоже на смерть. Должно быть, под конец я потерял сознание и совсем не помню, как меня принесли сюда.

— Я про это ничего не знаю. Когда я пришел, ты только что заснул. Спал вроде как обычно, разве что очень крепко. Я не стал церемониться, оглядел всего — не ранили ли тебя,— но ты был цел, разве что исцарапан весь. Они говорили, что через кусты пробирался. Оно и по одеже было заметно, я тебе скажу. Но судя по тому, как тебя устроили, и по тому, что о тебе говорят, сдается мне, тебя теперь и пальцем тронуть не посмеют — по крайней мере, пока. Что бы это ни было — обморок, припадок или священное исступление, что вернее,— а ты им здорово хвосты накрутил, что так, то так.

— Да? Но как, каким образом? Они тебе не рассказывали?

— Еще как рассказывали. Беррик, к примеру,— тот мужик, что подал тебе факел. Он говорил, что эти вонючие старые жрецы только и думали о том, как бы перерезать тебе глотку. По-

хоже, если бы король не был в полном отчаянии и если бы не зауважал тебя и твою мать за то, как бесстрашно вы с ним говорили, он бы и часа ждать не стал. О, про это мне все рассказали, будь спокоен! Беррик говорил: тогда, в зале, когда твоя матушка рассказывала свою сказочку, он не дал бы за твою шкуру и двух грошей.

Он покосился на меня.

— А эти байки про ночного демона? Она тебя так подвела! Что это на нее нашло?

— Она хотела меня выручить. Наверно, она решила, что король узнал, кто мой отец, и велел притащить нас сюда, чтобы разузнать о его планах. Я и сам так думал. И еще...— задумчиво продолжал я.— Когда все вокруг полны суеверий и страхов, это чувствуется. Я тебе говорю, у меня аж мурашки по спине ползали! Она, должно быть, тоже это почуяла. Можно сказать, что она пошла по тому же пути, что и я: попыталась бороться с магией с помощью магии. Вот она и рассказала старую байку о том, что меня зачал инкуб,— ну, разве что слегка приукрасила для пущей убедительности. У нее неплохо получилось! — ухмыльнулся я.— Я бы и сам поверил, кабы не знал правды. Ладно, проехали. Рассказывай дальше. Хочу знать, что было в пещере. Ты хочешь сказать, что я говорил что-то внятное?

— Н-ну, не знаю... В том, что рассказал мне Беррик, не было ни складу ни ладу. Он клялся, что запомнил все почти слово в слово,— похоже, он корчит из себя певца или что-то вроде. Ну, как он рассказывал, ты просто стоял и глазел на воду, стекающую по стенам, а потом заговорил с королем и поначалу говорил довольно обыкновенно, вроде как объяснял, как прорыта штольня и откуда добывали руду, но тут старый жрец — Мауган, что ли? — принялся орать, что, мол, все это дурацкая болтовня, или что-то в этом духе, и тут вдруг ты как заорешь — у всех аж яйца застыли (это Беррик говорит, а не я, не приучен он к благородному обхождению),— закатил глаза, поднял руки, словно пытался сорвать звезды с небес (это снова Беррик, он, должно быть, поэт), и принялся пророчествовать.

— Да ну?

— Это все говорят. Там было про орлов и волков, про львов и вепрей и про всяких прочих зверей, которых когда-либо выпускали на арену, и про кое-каких еще — драконов, например; и рассказывал о том, что будет через сотни лет,— ну, это дело безопас-

ное, не проверишь, но Беррик говорит, что звучало это очень убедительно, словно ты был готов побиться об заклад на последний грош, что так оно и будет.

— Может, и придется,— сухо заметил я,— если говорил что-то о Вортигерне или об отце.

— Говорил-говорил! — сказал Кадаль.

— И что же я там нес? Расскажи, чтобы я знал, чего мне держаться.

— Ты излагал все очень красивыми словами, как в стихах: про драконов, что будут сражаться и разорят всю страну, про кровавые дожди и все такое. Но ты, похоже, расписал им все, что дальше будет: что белый дракон саксов будет сражаться с красным драконом Амброзия и что поначалу красный вроде как останется в дураках, но под конец одолеет. Да. А потом явится из Корнуолла медведь, сметая все на своем пути.

— Медведь? Должно быть, вепрь, а не медведь — это ведь герб Корнуолла. Гм. Значит, он, должно быть, все еще стоит за моего отца...

— Нет, Беррик сказал — медведь. Артос. Он обратил внимание на это слово, потому что и сам удивился. Но он утверждает, что ты говорил очень отчетливо. Ты называл его Артос... Артур... что-то в этом духе... Да неужто ты и в самом деле ничего не помнишь?

— Ни слова.

— Тогда слушай; я больше ничего не помню, но когда они явятся, ты, наверно, сумеешь вытянуть из них остальное. А что, часто бывает, что всякие там пророки и оракулы потом не могут вспомнить, о чем они говорили?

— Похоже, что да.

— Я чего хочу сказать: если ты уже поел и действительно чувствуешь себя прилично, тебе, наверно, лучше встать и одеться. Они там все толпятся и ждут, когда ты встанешь.

— Зачем? Бог мой, они что, хотят еще советов? Они переносят основание башни?

— Нет. Они делают то, что ты им приказал.

— И что же?

— Осушают озеро. Работали всю ночь и весь день, выкачивая воду насосами через штольню.

— Но зачем? Это же не укрепит башню! На самом деле от этого вообще весь утес просесть может! Я поел, можешь забирать это.

Я сунул поднос ему в руки и откинул одеяло.

— Кадаль, ты хочешь сказать, что я действительно приказал им это, когда... бредил?

— Ага. Ты сказал, чтобы они осушили озеро и на дне найдут тварей, которые обрушивают королевскую башню. Драконов, белого и красного. Ты так сказал.

Я сел на краю кровати, стиснув голову руками.

— Ну да, теперь вспоминаю... Должно быть, об этом и речь. Я увидел под водой какую-то тень — наверно, скалу в форме дракона. И, помнится, начал говорить королю что-то насчет осушения озера. Но я же не приказывал осушить его! Я говорил: «Даже если ты осушишь озеро, это не поможет». По крайней мере, собирался сказать...— Я уронил руки и поднял голову.— Ты хочешь сказать, они действительно осушают озеро, думая, что в глубине прячется какое-то чудовище, расшатывающее основание башни?

— Беррик говорит, что ты так сказал.

— Беррик поэт, он преувеличивает.

— Быть может. Но они до сих пор трудятся, и насосы работают в полную мощность. Король там и ждет тебя.

Я сидел молча. Кадаль окинул меня недоверчивым взглядом, потом унес поднос и вернулся с полотенцами и серебряным тазиком с горячей водой. Пока я умывался, Кадаль рылся в сундуке, стоявшем в углу, доставая из него одежду и встряхивая ее, чтобы рассмотреть получше.

— Ты словно и не беспокоишься,— сказал он через плечо.— А если они вычерпают эту лужу и ничего там не найдут...

— Что-нибудь найдут обязательно. Не спрашивай что: я и сам не знаю. Но если я так сказал... Это правда, ты знаешь. То, что я вижу таким образом, всегда оказывается истинным. У меня есть дар.

Кадаль вскинул брови.

— Думаешь, я не знаю? Ты раз двадцать напугал меня чуть не до обморока своими речами и тем, что видишь вещи, которых никто другой не видит.

— Ты раньше боялся меня, да, Кадаль?

— Побаивался. Но теперь больше не боюсь. В конце концов, если дьявол одевается, ест и пьет, за ним тоже кто-то должен присматривать. Ладно, молодой хозяин, а теперь, если ты умылся, взгляни, подходят ли тебе одежды, которые прислал король.

— Это прислал король?

— Ага. Похоже, они считают, что именно так и должен одеваться маг.

Я подошел посмотреть.

— Вот эта длинная белая мантия, расшитая звездами и лунами? И этот посох со змеями? Ой, Кадаль, на самом деле...

— Послушай, твоя собственная одежда изодрана в клочья! Надо же во что-то одеваться. Погляди, ты в этом совсем неплохо смотришься! А тебе сейчас надо постараться произвести впечатление.

Я рассмеялся.

— Ну что ж, наверно, ты прав. Дай погляжу. Нет, только не белое. Я не хочу быть похожим на Маугана и его прихвостней. Что-нибудь темное. И черный плащ. Да, это подойдет. И драконья фибула.

— Надеюсь, ты не напрасно держишься так самоуверенно...— Кадаль замялся.— Послушай, я понимаю, сейчас тебя здесь почитают, на руках носят, и все такое. Но не стоит ли нам смыться, не дожидаясь следующего хода? Я могу угнать пару лошадей...

— Смыться? Я что, по-прежнему пленник?

— Тут кругом стража. Правда, теперь они не стерегут, а охраняют тебя, но, клянусь собакой, на самом деле это одно и то же.

Он взглянул в окно.

— Скоро смеркаться начнет. Слушай, я могу им чего-нибудь наплести, чтобы они к тебе не лезли, сделаешь вид, что снова уснул, а когда стемнеет...

— Нет. Я должен остаться. Если я сумею заставить Вортигерна послушаться меня... Погоди, Кадаль, дай подумать. В ту ночь, когда меня схватили, ты виделся с Марриком. Это значит, что новости обо мне скоро дойдут до отца и, насколько я могу судить, он немедленно начнет вторжение. Это хорошо. Чем скорей, тем лучше: если он захватит Вортигерна здесь, на Западе, не дав ему объединиться с Хенгистом...

Я ненадолго задумался.

— Так, корабль должен был отплыть три — нет, четыре дня назад...

— Он отплыл еще до того, как тебя увезли из Маридунума,— коротко вставил Кадаль.

— Что?!

Кадаль улыбнулся, видя мое ошарашенное лицо.

— А ты как думал? Возлюбленную графа и его родного сына сцапали и уволокли! Куда — никто точно не знал, но слухи ходили всякие, и даже Маррик решил, что об этом Амброзию лучше сообщить немедленно. Корабль ушел с отливом, на рассвете. Должно быть, когда вы выезжали из города, он был уже в открытом море.

Я стоял как каменный. Помню, как Кадаль суетился подле меня, оправляя складки черного плаща, и как он тайком одернул полу так, чтобы прикрыть драконью фибулу, которой был заколот плащ.

Наконец я перевел дыхание.

— Это все, что мне было нужно. Теперь я знаю, что делать. «Королевский пророк», говоришь? Эти люди даже не подозревают, как они правы! И теперь нужно нагнать страху на его саксонских прихвостней и выгнать Вортигерна из этого недоступного уголка Уэльса в какое-нибудь место, откуда Амброзий его легко выкурит.

— Думаешь, получится?

— Знаю, что получится.

— Ну, надеюсь и на то, что мы оба выберемся отсюда прежде, чем они разнюхают, на чьей ты стороне!

— А почему бы и нет? Вот узнаем, куда направится Вортигерн, и сами отвезем вести отцу!

Я поправил плащ и улыбнулся.

— Так что давай, Кадаль, угоняй этих лошадей и жди меня с ними внизу, у реки. Там есть одно место, где поперек реки лежит упавшее дерево,— не ошибешься; найди поблизости укрытие и жди. Но сперва я пойду и помогу Вортигерну найти этих драконов.

Я направился к двери, но Кадаль опередил меня. Он забежал вперед и встал у дверей, держа руку на запоре. Глаза у него были испуганные.

— Ты что, действительно собрался один, без поддержки, соваться в эту волчью стаю?

— Я не один, Кадаль. Не забывай об этом. Если ты веришь мне, верь и тому, что живет во мне. Я узнал, что Бог является, когда захочет и как захочет, и разрывает твое тело, чтобы войти, а когда он завершит свое дело, он уходит так же, как пришел. И после этого — вот как сейчас — чувствуешь себя легким и про-

зрачным, словно парящий ангел... Нет, Кадаль, они мне ничего не сделают. Не бойся. У меня есть сила.

— Но Галапаса же они убили!

— Быть может, когда-нибудь они убьют и меня,— сказал я.— Но не сегодня. Открой дверь.

Глава 12

Все собрались у подножия утеса, там, где тропа, проложенная рабочими, выходила на болотистый луг. Меня все еще охраняли, хотя на этот раз это была почетная стража — по крайней мере, на вид. Четверо людей в форме, не обнажая мечей, проводили меня к королю.

На болотистую землю положили доски, устроив что-то вроде помоста, и поставили на нем кресло для короля. С трех сторон помост огородили плетнями из молодых деревьев и хвороста, сделали крышу и обтянули все это гобеленами и крашеными кожами. Вортигерн молча сидел в своем кресле, опершись подбородком на кулак. Ни королевы, ни других женщин поблизости не было. Жрецы стояли рядом с королем, но держались позади и молчали. Военачальники Вортигерна выстроились рядом с ним.

Солнце садилось позади сооруженного на скорую руку павильона, и небо было залито алым. Днем, должно быть, снова шел дождь: трава была мокрая, на каждой травинке висели капли. Серые, как камень, облака медленно ползли по небу, временами закрывая заходящее солнце. Когда я подходил, у павильона уже зажигали факелы. На фоне закатного солнца факелы выглядели маленькими и тусклыми: больше дыма, чем света. Порывистый ветер трепал и пригибал пламя.

Я остановился у входа на помост. Король смерил меня взглядом, но ничего не сказал. Он не спешил выносить свое окончательное мнение. «А почему бы и нет?» — подумал я. Ему, видно, не раз доводилось видеть представления вроде того, что устроил я. Теперь он ждал, когда сбудется хотя бы часть моего пророчества. Ну а если этого не произойдет, еще не поздно устроить жертвоприношение. «Интересно,— подумал я,— долго ли наши будут плыть из Малой Британии?» Шагах в трехстах струилась река, осененная дубами и ивами.

Вортигерн знаком приказал мне занять место на помосте рядом с ним.

Я взошел на помост и встал справа от короля, на противоположной стороне от жрецов. Кое-кто из офицеров поспешил отодвинуться, лица у них были деревянные, и на меня они не смотрели, но я увидел скрещенные пальцы и подумал: «Найдут они дракона или нет, а с этими я управлюсь». Почувствовав на себе чей-то взгляд, я обернулся. Это был седобородый. Он пристально смотрел на фибулу у меня на плече — плащ съехал в сторону и открыл ее. Я видел, как его глаза расширились и рука дернулась — но не затем, чтобы сделать охраняющий знак, а чтобы проверить, легко ли ходит меч в ножнах. Я отвернулся. Никто ничего не сказал.

Неуютное то было бдение. Чем ниже опускалось солнце, тем больше крепчал пронизывающий весенний ветер. Он трепал занавеси павильона, вода в лужах, стоявших меж тростников, покрывалась рябью. Меж досок помоста пробивались ледяные сквозняки. Я слышал, как в вечернем небе засвистел кроншнеп; потом он спланировал вниз, журча и булькая, словно маленький водопад, и умолк. Над нами развевалось и хлопало на ветру королевское знамя. Тень павильона на размокшей земле все удлинялась.

Оттуда, где мы ждали, не было видно, как продвигаются работы: штольня была скрыта за деревьями. Последние лучи солнца, косые и красные, озаряли западный склон Королевской Башни, высвечивая вершину утеса, увенчанную развалинами стены. Рабочих не было видно: должно быть, все были в пещере. Мальчишки бегали туда-сюда, принося вести о том, как продвигаются работы. «Насосы работают хорошо, и вода быстро убывает — за последние полчаса уровень понизился на две пяди...»; «Государя просят потерпеть: насосы забились грязью, но механики их чистят, а пока наладили ворот и передают ведра по цепочке...»; «Все в порядке: насосы снова работают и уровень воды быстро понижается...»; «Кажется, уже дно видно...»

Прошло два часа томительного ожидания на холодном ветру. Уже почти стемнело, когда на тропе показались факелы и толпа рабочих. Они шли быстро, но спокойно, ничуть не напоминая напуганных людей; и еще до того, как они подошли достаточно близко, чтобы их можно было разглядеть, я уже знал, что они нашли. Их предводители остановились в ярде от помоста, прочие сгрудились позади. Я почувствовал, как мои стражи подвинулись поближе ко мне.

Вместе с рабочими пришли солдаты. Их командир вышел вперед и отдал честь.

— В озере ничего нет? — спросил Вортигерн.

— Да, государь.

— А что вы нашли на дне?

Офицер ответил не сразу. Ему следовало бы сделаться бардом. Впрочем, не было необходимости выдерживать паузу, чтобы привлечь внимание: все и так уже смотрели на него.

Налетевший внезапно сильный порыв ветра взметнул плащ офицера, хлопая им, как кнутом. Павильон пошатнулся. По небу пролетела птица, влекомая ветром. Нет, на этот раз то был не мерлин — всего лишь припозднившийся грач, торопящийся в гнездо.

— Ничего, государь.

Голос офицера был ровным, нарочито официальным, но я слышал, как по толпе, словно очередной порыв ветра, пробежал шепоток. Мауган вытянул шею, глаза его вспыхнули, словно у хищника, но я видел, что он не решается заговорить, не выяснив, что думает об этом король. Вортигерн наклонился вперед.

— Вы уверены? Вычерпали все до дна?

— Да, государь.

Офицер сделал знак людям, стоявшим подле него, и трое или четверо шагнули вперед и высыпали на землю кучу всякого хлама. Сломанная, изъеденная ржавчиной кирка, несколько каменных топоров, пряжка от пояса, нож с проржавевшим до основания лезвием, кусок цепочки, металлическая рукоятка бича, еще несколько непонятных предметов да черепки глиняных горшков.

Командир поднял руку.

— Когда я сказал «ничего», государь, я имел в виду, что мы нашли лишь то, что можно было ожидать. Вот это. Можно считать, что мы добрались до самого дна — видны были камни и грязь на дне,— и все же мы для верности вычерпали все до последнего ведра. Десятник может подтвердить мои слова.

Тот выступил вперед. В руке у него было полное ведро — вода плескалась через край.

— Государь, это правда. Там ничего нет. Можешь сам пойти и посмотреть — мы вычерпали все до дна. Только туда сейчас не стоит ходить: там грязно. Но я принес сюда последнее ведро, чтобы все могли убедиться сами.

С этими словами он опрокинул ведро, выплеснув воду на и без того размокшую землю. Вода собралась в лужу у подножия королевского знамени. На земле остались лежать несколько обломков камня и серебряная монета.

Король обернулся ко мне. Жрецы все еще молчали, и король, очевидно, ждал от меня не оправданий, а объяснений. Это показывает, какое огромное впечатление произвело то, что произошло вчера в пещере.

Видят боги, у меня было время подумать в течение этого долгого и безмолвного бдения на холодном ветру. Но я знал: если Он со мной, то придет. Я посмотрел вниз, на лужи, в которых отражался алый, как кровь, свет последних лучей закатного солнца. Взглянул вверх — там, над утесом, виднелось чистое небо, и на нем уже высыпали яркие звезды. Приближался новый порыв ветра — я слышал, как зашумели кроны дубов, под которыми должен был ждать меня Кадаль.

— Ну? — спросил Вортигерн.

Я шагнул вперед, к краю помоста, и все еще ощущал в себе пустоту, но надо было что-то сказать. И тут на павильон налетел порыв ветра, резкий, как удар. Раздался хлопок, вой — словно стая гончих настигла оленя — и чей-то внезапно оборвавшийся крик. Королевское знамя у нас над головой взметнулось, потом зацепилось за веревку и надулось, словно парус, приняв на себя весь порыв ветра. Мягкая почва еще больше размокла после того, как на нее вылили ведро воды, воткнутое в нее древко расшаталось, внезапно вырвалось из рук пытавшегося удержать его знаменосца и рухнуло в лужу у ног короля.

Ветер пронесся, и наступило затишье. Знамя лежало на земле, отяжелевшее от воды. Белый дракон на зеленом поле. У нас на глазах оно медленно уходило под воду. Последний слабый луч заката окрасил воду кровью.

— Знамение! — боязливо пробормотал кто-то, и другой голос воскликнул:

— Великий Тор! Дракон повержен!

Прочие принялись кричать. Знаменосец с посеревшим лицом нагнулся, чтобы поднять знамя, но тут я спрыгнул с помоста и вскинул руки.

— Сомневается ли еще кто-нибудь, что это глас бога? Взгляните на небо — и увидите другое знамение!

По темному небу на востоке, ярко полыхая и оставляя за собой след, словно маленькая комета, пронеслась падучая звезда, какую люди зовут Огненным Драконом.

— Вот он! — кричал я.— Вот он, Красный Дракон Запада! Я говорю тебе, король Вортигерн: не трать больше времени на этих невежественных глупцов, что бормочут о кровавых жертвах и строят стены, по футу в день! Разве стена остановит Дракона? Я, Мерлин, говорю тебе: отошли жрецов, собери своих вождей и уходи из этих уэльских гор в свою страну! Королевская Башня — не для тебя. Ты сам видел, как явился Красный Дракон и Белый Дракон пал пред ним. И клянусь Богом, это правда! Прими предупреждение! Сверни свои шатры, ступай в свою землю и охраняй границы ее, чтобы Дракон не пришел и не сжег тебя! Знайте же, говорю вам: Дракон явился!

Король вскочил на ноги. Люди кричали. Я закутался в свой черный плащ и не спеша пошел прочь через толпу солдат и рабочих, что сгрудились вокруг помоста. Они не пытались остановить меня, скорее прикоснулись бы к ядовитой змее. Позади, из-за шума толпы, послышался голос Маугана. Я подумал было, что сейчас за мной погонятся, но король со свитой спустились с помоста и принялись пробираться сквозь толпу рабочих, возвращаясь в лагерь. Над головами колыхались факелы. Кто-то поднял намокшее знамя, и теперь оно раскачивалось там, где командиры расчищали путь королю. Со знамени струилась вода. Я плотнее завернулся в черный плащ, выбрался из толпы, скрылся во тьме и, никем не замеченный, обогнул павильон.

Впереди простиралась темная луговина шириной шагов в триста. За ней высились дубы. Под ними шумела река, текущая по плоским камням.

— Сюда! — громко и нетерпеливо сказал Кадаль.

Лошадь стукнула копытом о камень и высекла искру.

— Я тебе нашел лошадку посмирнее,— сказал Кадаль, подсаживая меня в седло.

— О, сегодня я сумел бы прокатиться и на Огненном Драконе! — тихо рассмеялся я.— Ты видел его?

— Да, господин. И тебя я тоже видел — видел и слышал.

— Кадаль, ты же клялся, что больше не боишься меня! Это была всего-навсего падучая звезда...

— Но как вовремя она упала!

— Да. Нам теперь лучше уехать, пока есть возможность. Самое главное — делать все вовремя!

— Над этим не стоит шутить, господин мой Мерлин.

— А я и не шучу, клянусь Богом! — ответил я.

Кони вырвались из-под деревьев и поскакали вдоль гребня. Справа, на западе, высился лесистый холм. Впереди виднелся узкий проход между холмом и рекой.

— Они будут преследовать тебя?

— Вряд ли.

Но когда мы пустили коней в галоп между гребнем скалы и рекой, впереди появился всадник. Наши кони шарахнулись и замедлили бег.

Кадаль пришпорил своего коня, и тот рванулся вперед. Послышался скрежет металла. Смутно знакомый мне голос отчетливо произнес:

— Убери оружие! Друг.

Кони фыркали и переминались с ноги на ногу. Я увидел, что Кадаль держит лошадь незнакомца под уздцы, но он не сопротивлялся.

— Чей друг?

— Амброзия.

— Подожди, Кадаль,— сказал я.— Это седобородый. Как твое имя, сударь? И чего ты хочешь от меня?

Он хрипло прокашлялся.

— Горлойс меня зовут. Горлойс Корнуэльский.

Я увидел, как Кадаль вздрогнул от удивления, услышал, как звякнули удила. Кадаль по-прежнему держал коня встречного под уздцы, и в темноте поблескивал обнаженный кинжал. Старый воин сидел неподвижно. Топота погони не было слышно.

Я медленно произнес:

— Тогда, сударь, мне следует скорее спросить, что тебе нужно от Вортигерна.

— То же, что и тебе, Мерлин Амброзий!

Было видно, как блеснули в бороде его зубы.

— Я отправился на север, чтобы своими глазами увидеть, что там происходит, и передать это ему. Запад ждал достаточно долго, и весной наконец настанет срок. Но ты приехал раньше. Похоже, я напрасно побеспокоился.

— Ты приехал один?

Он издал короткий, резкий смешок, похожий на собачий лай.

— К Вортигерну-то? Ну нет! Мои люди едут следом. Но мне надо было догнать тебя. Хочу узнать, что нового. Страсти Господни, парень! — хрипло выдохнул он.— Ты что, не веришь мне? Я ведь один приехал!

— Верю. *Отпусти его, Кадаль. Но если ты хотел побеседовать* со мной, господин мой, лучше сделать это на ходу. Нам нужно ехать, и как можно быстрее.

— Охотно!

Мы пришпорили коней. Когда лошади пошли в галоп, я спросил через плечо:

— Ты догадался, когда увидел фибулу?

— Нет, раньше. Ты похож на него, Мерлин Амброзий.— Он снова гулко расхохотался.— И клянусь Богом, временами ты бываешь похож еще и на своего папашу-дьявола! Придержи коня, мы подъезжаем к броду. Тут, должно быть, глубоко. Это верно, что волшебники боятся воды?

Я рассмеялся.

— На море мне всегда бывает плохо, но с этим я как-нибудь управлюсь!

Кони спокойно перешли реку вброд и на другом берегу сразу пустились в галоп. А потом мы выехали на мощеную дорогу, которая хорошо была видна в неверном свете звезд. Она вела через плоскогорье прямо на юг.

Мы ехали всю ночь. Погони за нами не было. А через три дня, на рассвете, в Британию прибыл Амброзий.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КРАСНЫЙ ДРАКОН

Глава 1

Если верить хроникам, можно подумать, что Амброзий стал королем и установил мир в Британии за пару месяцев. А на самом деле на это потребовалось более двух лет.

Правда, поначалу дело пошло быстро. Не зря они с Утером все эти годы готовили в Малой Британии закаленную армию, ударную силу, равной которой не было в Европе с тех пор, как около ста лет назад была распущена армия, которой командовал граф Саксонского берега. На самом деле Амброзий построил свое войско как раз по образцу той армии. Это была удивительно мобильная военная машина, которая могла сражаться на чужой территории и делать все в два раза быстрее обычного войска. «С цезарской скоростью», как говорили во времена моей юности.

Он высадился в Тотнесе, в Девоне. Ветер был попутный, море тихое, и не успел он ступить на берег, как за него поднялся весь Запад. Едва сойдя с корабля, он сделался королем Корнуолла и Девона, и по мере того, как он продвигался на север, к его армии присоединялись все новые короли и вожди. Элдол Глостерский, свирепый старец, сражавшийся за Константина против Вортигерна, за Вортигерна против Хенгиста, за Вортимера против них обоих и готовый сражаться за кого угодно, лишь бы сражаться, встретил его в Гластонбери и принес присягу. С ним пришло целое войско более мелких вождей, в том числе родной брат Элдола, Элдад, епископ, исполненный благочестивого рвения. Волки-язычники по сравнению с ним казались кроткими

агнцами. Я задумался над тем, где он проводит темную ночь зимнего солнцестояния. Но он был могуществен — я слышал, с каким почтением отзывалась о нем моя мать; и, когда он открыто встал на сторону Амброзия, к нему присоединилась вся христианская Британия. Они стремились изгнать орды язычников, упрямо лезущие в глубь страны с южных и восточных берегов. Последним явился Горлойс из Тинтагела в Корнуолле. Он прибыл прямо от Вортигерна, с известием, что тот поспешно покинул горы Уэльса, и выразил готовность принести присягу, которая, в случае победы Амброзия, делала Корнуолл частью Верховного Королевства Британии.

Так что в союзниках у Амброзия недостатка не было. Главной его заботой был характер этой помощи. Коренные бритты, уставшие от Вортигерна, рвались выгнать саксов со своей земли и вернуть себе владения и старинные обычаи; большинство из них знало лишь партизанскую тактику войны: укусить и убежать. Это, конечно, сильно вредит врагу, но если он настроен решительно, такое его надолго не задержит. К тому же каждое войско приходило со своим предводителем, и нечего было и думать о том, что они объединятся и станут подчиняться чужакам,— здесь речь шла об авторитете их вождей. Поскольку последний обученный легион ушел из Британии почти сто лет назад, мы сражались племенами, как до прихода римлян. Нечего было и думать, что, к примеру, люди Девета станут сражаться в одном строю с воинами Северного Уэльса: они перерезали бы друг другу глотки еще до первого зова трубы.

Но Амброзий и тут, как во всем остальном, показал себя рачительным хозяином. Он умел использовать людей по назначению, расставив среди бриттов своих офицеров — «исключительно для лучшего согласования действий»,— и через них принялся исподволь насаждать тактику, которой должен был следовать каждый отряд, чтобы это соответствовало общему плану; а его собственные вышколенные войска должны были принять на себя основной удар.

Все это я узнал позже, узнав Амброзия. Мог бы я догадаться и о том, что произойдет, когда войска соберутся и провозгласят его королем. Его союзники-бритты требовали, чтобы он немедленно отправился на Хенгиста и выгнал саксов. Вортигерн их особенно не беспокоил. На самом деле он действительно уже

утратил большую часть своей силы, и Амброзий мог бы просто не обращать на него внимания и заняться саксами.

Но Амброзий отказался подчиниться этому давлению. Он сказал, что сперва надо выкурить старого волка и расчистить поле для решающей битвы. К тому же, заметил он, Хенгист и его саксы — северяне, они суеверны и легко поддаются всяческим страхам. Стоит однажды объединить бриттов для того, чтобы уничтожить Вортигерна, и саксы начнут бояться Амброзия как реальной силы, с которой стоит считаться. Амброзий полагал, что, если дать им время, они объединятся против него и можно будет разгромить всех саксов одним ударом.

Они собрали совет в крепости близ Глостера, у первого моста на реке Северн. Я представляю, как Амброзий слушал, взвешивал, рассуждал и отвечал в своей обычной, дружелюбной и серьезной, манере, позволяя высказаться каждому, чтобы люди могли удовлетворить свою гордость, а потом, под конец, принял решение, которое собирался принять с самого начала, но тут и там уступил по мелочам, так что каждый чувствовал, что он тоже приложил руку к этому делу и в обмен на подчинение своему предводителю добился если не того, чего хотел, то чего-то близкого к этому.

В результате через неделю они отправились на север и настигли Вортигерна в Доварде.

Довард расположен в долине реки Гвой (саксы произносят это Уэй или Уай). Уай — большая река, глубокая и спокойная, текущая в узкой долине, чьи высокие склоны покрыты лесами. Местами долина расширяется, образуя зеленые пастбища, но прилив заходит на много миль вверх по реке, и зимой эти луга частенько заливает ревущий желтый поток: Уай далеко не так спокоен, как кажется, и даже летом в нем немало глубоких омутов с большими рыбами и водоворотами, способными перевернуть челн и утопить пловца.

К северу от того места, куда доходят воды прилива, в широкой излучине, стоят два холма, именуемые Довард. Тот, что к северу, больше; его склоны поросли густым лесом и изрыты копями, в которых, говорят, ютятся дикие звери и изгои. Холм, именуемый Малым Довардом, тоже порос лесом, но не таким густым — его склоны слишком каменистые, а его крутая вершина, вздымающаяся над деревьями, представляет собой естествен-

ную цитадель, такую надежную, что укрепления на ней ставились испокон веков. Еще задолго до прихода римлян какой-то бриттский король выстроил себе на вершине крепость, которая господствовала над всей равниной, а утес и река делали ее неприступной. Вершина холма широкая, а склоны крутые и каменистые. Правда, там есть одно место, где можно подойти с осадными машинами в мертвую зону, но выше этого места — скала, где машины бесполезны. А во всех остальных местах — двойной вал и ров, которые нужно преодолеть прежде, чем подойдешь к внешней стене самой крепости. Римляне некогда осаждали ее, но даже им удалось взять эту крепость лишь благодаря предательству. Это было во времена Каратака. Доварда из тех крепостей, которые, подобно Трое, можно захватить лишь изнутри.

И на этот раз крепость тоже взяли изнутри. Но не предательством — огнем.

Все знают, как это было.

Люди Вортигерна бежали со Снежной горы сломя голову и не успели опомниться, как армия Амброзия пришла в долину Уая и встала к западу от холма Доварда, в месте, именуемом Ганареу. Не знаю, много ли провизии было у Вортигерна, но, во всяком случае, крепость была готова к осаде, и всем было известно, что в ее стенах имеются два хороших источника, которые никогда еще не иссякали; так что эта осада могла отнять у Амброзия довольно много времени. А он не мог позволить себе ждать: Хенгист собирал силы, наступил апрель, и морские пути между Британией и берегами саксов вот-вот должны были открыться. К тому же его союзникам-бриттам не сиделось на месте. Длительной осады они бы не выдержали. Действовать надо было немедленно.

И он действовал, быстро и жестоко. Потом говорили, что Амброзий мстил за давнее убийство брата. Я в это не верю. Такая злопамятность была ему совершенно не свойственна, и к тому же он прежде всего был стратегом и хорошим боевым командиром, а потом уже всем остальным — даже человеком. Его побудила к этому лишь необходимость — и, в конечном счете, жестокость самого Вортигерна.

Три дня осада крепости шла обычным порядком. Там, где было можно, Амброзий подвел осадные машины и попытался разбить укрепления. Ему и в самом деле удалось пробить внешний вал в двух местах, над остатками того, что все еще звалось римской дорогой. Но потом его остановил внутренний вал, а его войска оказались как на ладони у защитников крепости, и Амброзий отступил. Когда он понял, сколько времени займет осада, и увидел, что уже за эти три дня часть его бриттских войск тихо снялась и ушла, словно псы, почуявшие след саксонских зайцев, он понял, что с этим пора кончать. Он послал к Вортигерну парламентера, предложил условия сдачи. Вортигерн, который, должно быть, видел уход бриттских отрядов и хорошо понимал положение Амброзия, рассмеялся и отправил посланца назад, не сказав ничего в ответ, но зато отрубив посланцу кисти рук и привязав их ему на пояс в кровавой тряпице.

Посланец ввалился в шатер Амброзия после заката третьего дня осады. Он еще сумел устоять на ногах до тех пор, пока не передал единственный ответ Вортигерна.

— Они говорят, государь, что ты можешь сидеть здесь до тех пор, пока твое войско не растает и ты не останешься без рук, как и я. У них много еды, государь, я сам видел, и воды тоже...

— Это он сам приказал? — только и спросил Амброзий.

— Королева,— ответил посланец.— Это была королева...

Тут он рухнул к ногам Амброзия, и из сочащегося кровью узелка на поясе вывалились его кисти.

— Тогда мы выжжем это осиное гнездо, с королевой и со всеми прочими! — сказал Амброзий.— Позаботьтесь о нем.

В ту же ночь, к вящей радости гарнизона, с римской дороги и из проломов во внешнем валу убрали осадные машины. Вместо этого в проломах навалили груды хвороста и веток, а армия стянулась в кольцо у подножия холма; вперед выставили лучников и солдат, которые должны были приканчивать тех, кому удастся выскочить. И в тихий час перед рассветом был отдан приказ. Со всех сторон на крепость посыпались стрелы, обмотанные горящим тряпьем, пропитанным маслом. Это не заняло много времени. Строения в крепости были в основном деревянные, и все было забито телегами, припасами, скотиной, конями и фуражом. Вскоре все заполыхало. А когда крепость занялась, подожгли и хворост, наваленный вдоль наружных стен, так что все, кто прыгал со стены, встречали на своем пути еще одну стену огня. А за ней — стальную стену солдат.

Говорят, что все время, пока крепость горела, Амброзий сидел на своем белом коне и смотрел на пожар, и в свете пламени конь его казался красным, точно Дракон у него над головой.

И Белый Дракон, развевавшийся на вершине башни на фоне затянутого дымом неба, тоже сделался красным, как пламя, а потом почернел и рухнул.

Глава 2

Пока Амброзий осаждал Довард, я был все еще в Маридунуме. Я расстался с Горлойсом по дороге на юг и еще немного проводил его — он поехал навстречу моему отцу.

Вот как это вышло. Всю первую ночь мы скакали во весь опор, но погони за нами не было, так что на восходе солнца мы свернули с дороги и расположились на отдых, ожидая, когда нас догонят люди Горлойса. Они присоединились к нам утром: в Динас-Бренине все были близки к панике, так что им удалось уйти незамеченными. И подтвердили то, что Горлойс высказал в качестве предположения: Вортигерн собирался не в свою крепость Каэр-Гвент, а в Довард. Они говорили, что он отправляется по восточной дороге через Каэр-Гай к Бравонию. Так что когда мы проедем Томен-и-Мур, нам больше нечего будет бояться.

Теперь нас было человек двадцать, и ехали мы не торопясь. Моя мать со своим военным эскортом опережала нас примерно на день, но они с носилками двигались медленнее. Нам не хотелось догонять их и, быть может, завязывать бой, в котором могут пострадать женщины. Горлойс сказал мне, что их все равно доставят в Маридунум в целости и сохранности. «Но,— добавил он в своей обычной грубоватой манере,— эскорт мы на обратном пути встретим — откуда им знать, что король уже на востоке? Воином меньше у Вортигерна — воином больше у твоего отца. В Бремии разузнаем о них, а встанем там и подождем их».

Бремия была всего лишь кучкой каменных хижин, воняющих торфяным дымом и навозом. Черные дверные проемы были занавешены от ветра и дождя шкурами либо мешковиной. Из-за этих занавесок выглядывали испуганные глаза женщин и ребятишек. Мужчин не было видно, даже когда мы остановили коней посреди селения и со всех сторон сбежались тявкающие шавки. Это удивляло нас — до тех пор, пока я, зная местный говор, не окликнул женщин, выглядывавших из ближайшей хижины. Успокоив их, я спросил, что слышно нового.

Женщины, дети да несколько стариков окружили нас и, перебивая друг друга, взахлеб принялись рассказывать.

Во-первых, отряд моей матери провел здесь вчерашний день и ночь и только сегодня утром по настоянию принцессы тронулся в путь. Мне сказали, что она заболела и провела полдня и ночь в доме старосты, где за ней ухаживали. Ее монахини пытались убедить ее свернуть в монастырское поселение в горах недалеко оттуда, где можно было бы отдохнуть, но она отказалась. К утру ей, похоже, стало лучше, и отряд двинулся дальше. «Это простуда,— говорила жена старосты.— Госпожу лихорадило, и она немного кашляла, а к утру ей, похоже, сильно полегчало, а до Маридунума всего день езды, так что они решили, что будет лучше сделать, как она хочет...»

Окинув взглядом убогие хижины, я подумал, что в самом деле лучше провести еще несколько часов в носилках, чем торчать в этой дыре. Я поблагодарил женщину и спросил, где ее муж. На это она ответила, что все мужчины ушли к Амброзию...

Она неправильно истолковала мой изумленный взгляд.

— А ты не знал? В Динас-Бренине объявился пророк и предрек, что скоро явится Красный Дракон. Принцесса мне сама это сказала. И видно было, что солдаты напуганы. А теперь он высадился. Он уже здесь.

— Откуда вы знаете? — спросил я.— Мы не встречали никаких гонцов...

Она взглянула на меня как на дурака или на сумасшедшего. Как, я не видел Огненного Дракона? Когда тут узнали, что сказал пророк, вся деревня поняла, что это был знак. Мужчины вооружились и ушли. Если солдаты вернутся, женщины и дети скроются в холмах, но всем известно, что Амброзий умеет переноситься с места на место быстрее ветра, поэтому они не боятся...

Женщина все говорила, а я переводил ее слова Горлойсу. Мы встретились глазами — обоим пришла в голову одна и та же мысль. Мы еще раз поблагодарили женщину, заплатили ей сколько положено за заботы о моей матери и поехали вслед за мужчинами из Бремии.

К югу от деревни есть развилка: главная дорога сворачивает на юго-восток и идет мимо золотых копей, через холмы и глубокие долины к широкой пойме Уая, откуда легко можно добраться до переправы через Северн и дальше на юго-запад. А другая, менее наезженная, идет прямо на юг. По ней всего день езды до Маридунума. Я еще раньше решил, что в любом случае поеду на юг вслед за матерью и поговорю с нею прежде, чем вернуть-

ся к Амброзию; теперь же, когда до меня дошли вести о ее болезни, я обязательно должен был сделать это. А Горлойс поедет прямо навстречу Амброзию, чтобы сообщить ему, куда направился Вортигерн.

На развилке, где наши пути должны были разойтись, мы встретились с деревенскими. Они услышали нас издалека и попрятались — там были сплошные кусты и камни,— но недостаточно проворно: порывистый ветер помешал им, и они заметили наше приближение, только когда мы были уже совсем рядом. Людей видно не было, но один из их несчастных вьючных ослов стоял на дороге, и со склона еще сыпались камушки.

Все повторилось, как в Бремии. Мы остановились, и я воззвал к тишине, нарушаемой лишь порывами ветра. На этот раз я сказал, кто я такой, и через мгновение на дорогу высыпала толпа людей. Они сгрудились вокруг наших лошадей, сверкая зубами и размахивая самым причудливым оружием: там было все, от покореженного римского меча до каменного наконечника копья, примотанного к рукоятке от вил. Они рассказали то же, что и женщины: услышали о пророчестве и увидели знак и теперь идут на юг, чтобы присоединиться к Амброзию. Скоро с ними будут все люди Запада. Они были отважны, но снаряжение самое жалкое — хорошо, что нам представился случай помочь им.

— Говори,— сказал мне Горлойс.— Скажи, что, если они еще денек подождут тут вместе с нами, у них будет оружие и лошади. Они выбрали хорошее место для засады — да кому же и знать, как не им?

— Герцог Корнуолла, великий вождь, среди нас, и мы позаботимся о том, чтобы вы получили оружие и коней. Люди Вортигерна будут возвращаться этой дорогой. Они не узнают, что верховный король уже бежал на восток,— поедут назад, дождемся их здесь.

Должно быть, отряд Вортигерна задержался в Маридунуме дольше необходимого. Кто бы мог их винить после унылого путешествия по холоду и сырости? Но они показались на дороге вечером второго дня. Ехали не торопясь, предвкушая отдых в Бремии.

Нам удалось захватить их врасплох. Это было кровавое и малоприятное дело. Все стычки на дорогах похожи одна на другую. Эта отличалась от обычной лишь тем, что была лучше спланирована, а у части сражавшихся было весьма странное оружие. Но

мы взяли числом и внезапностью и сделали то, что собирались: Вортигерн лишился двадцати воинов, а мы потеряли лишь троих. Я держался в бою неплохо — сам не ожидал. Мне удалось убить своего противника прежде, чем битва налетела на меня и пронеслась мимо. Другой вышиб меня из седла и, наверно, убил бы, но Кадаль отразил удар и убил его самого. Стычка кончилась быстро. Мы похоронили своих мертвых, а остальных бросили воронам, предварительно сняв с них оружие. Лошадей старались не задевать, и, когда на следующее утро Горлойс простился с нами и повел свое новое войско на юго-восток, все люди были на лошадях и при хорошем оружии. А мы с Кадалем повернули к Маридунуму и добрались туда ближе к закату.

Первый, кого я увидел на улице, ведущей к обители Святого Петра, был не кто иной, как мой кузен Диниас. Мы внезапно столкнулись с ним на углу. Он подпрыгнул на добрый фут и побелел. Должно быть, как только эскорт доставил мою мать в Маридунум без меня, слухи разбежались по городу, словно лесной пожар.

— Мерлин... Я... Я думал...

— Приятная встреча, кузен! А я как раз собирался разыскать тебя.

— Послушай,— поспешно сказал он,— клянусь, я понятия не имел, кто эти люди!..

— Я знаю. В том, что случилось, нет твоей вины. Я искал тебя не за этим...

— ...И потом, я был пьян, ты же знаешь! Но если бы даже я и догадался, кто они такие, откуда я мог знать, что они тебя схватят по такому поводу! До меня, правда, дошли слухи о том, кого они ищут, но, клянусь, мне и в голову не приходило...

— Я же сказал, что ты не виноват! И потом, я ведь вернулся живой и здоровый, не так ли? Все хорошо, что хорошо кончается. Оставим это, Диниас. Я хотел поговорить с тобой не об этом.

Но он не успокаивался.

— Я взял деньги, да? Ну конечно, ты видел...

— Ну, взял. Ну и что? Ты ведь ничего им не рассказал за деньги, они дали их тебе потом. По-моему, это совсем другое дело. Если Вортигерну угодно швыряться деньгами, так нечего стесняться у него их брать! Забудь, говорю тебе. Не знаешь ли ты, как там моя мать?

— Я только что от нее. Она больна, ты знаешь?

— Да, узнал об этом по дороге на юг,— ответил я.— Что с ней? Дело серьезное? Сказали, что у нее простуда, но она вроде бы поправляется.

— Мне показалось, что выглядит она неважно, но она ведь устала с дороги и к тому же беспокоится за тебя. Слушай, а что все-таки было нужно от тебя Вортигерну?

— Убить меня,— коротко ответил я.

Он остолбенел. Потом принялся мямлить:

— Я... клянусь богом, Мерлин, я ведь тебя знаю и никогда... нет, конечно, было время... но...— Он остановился, и я услышал, как он сглотнул.— Я своими родичами не торгую, ты же знаешь!

— Я сказал, что верю. Забудь. Это не имеет к тебе никакого отношения. Просто его прорицатели выдумали какую-то чушь. И вообще, я здесь — и в добром здравии.

— Твоя мать про это ничего не говорила.

— Ты что же, думаешь, она позволила бы ему отослать ее домой, если б знала, что он собирается сделать? Те, кто привез ее,— знали, будь уверен. Стало быть, ей они ничего не сказали?

— Похоже, нет,— сказал Диниас.— Но...

— Это хорошо. Я надеюсь повидаться с нею как можно скорее, и на этот раз при свете дня.

— Так значит, теперь тебе от Вортигерна ничто не угрожает?

— Может быть, и угрожало бы,— сказал я,— если б здесь по-прежнему ошивались его люди. Но у ворот мне сказали, что они все уехали к нему.

— Это так. Часть поехала на север, а часть — на восток, к Каэр-Гвенту. Ты, стало быть, слышал новости?

— Какие новости?

На улице, кроме нас, никого не было, но он все же боязливо оглянулся через плечо, так же как раньше. Я соскользнул с седла и передал поводья Кадалю.

— Какие новости? — повторил я.

— Амброзий,— прошептал он.— Говорят, он высадился на юго-западе и идет на север. Эта весть пришла вчера с кораблем, и люди Вортигерна начали уезжать отсюда. Но... но если ты приехал с севера, ты, должно быть, встретил их?

— Да, два отряда. Сегодня утром. Мы вовремя заметили их и свернули с дороги. С эскортом моей матери встретились за день до того, на перекрестке.

— Встретились? — удивился Диниас.— Но если они знали, что Вортигерн хотел убить тебя...

— Они поняли бы, что мне никак не полагается ехать на юг, и прирезали бы меня? Разумеется. Поэтому нам пришлось перерезать их. Да не смотри на меня так — магия здесь ни при чем. С нами были солдаты. Мы повстречались с валлийцами, которые собирались присоединиться к Амброзию, они устроили Вортигерновым людям засаду и порубили их.

— Валлийцы уже знают об этом? Это из-за пророчества, да? — В темноте блеснули белки его глаз.— Я слышал о нем — весь город гудит... Солдаты нам рассказывали. Они говорили, ты нашел какое-то здоровенное озеро под скалой — мы останавливались в том месте много лет назад, и я могу поклясться, что тогда его там не было,— озеро под основанием башни, а на дне его прятались драконы. Это правда?

— Что я нашел озеро — правда.

— А драконы? Драконы там были?

— Я наколдовал их. Если бы они не увидели драконов, не то что не поверили бы мне, а и слушать бы не стали.

Наступила пауза. Потом он спросил:

— Так это магия открыла тебе, что Амброзий скоро будет здесь?

В голосе его звучал страх.

— И да и нет,— улыбнулся я.— Я предвидел, что он будет здесь, но не знал когда. Магия открыла мне, что он уже в пути.

Диниас снова уставился на меня.

— Ты знал, что Амброзий будет здесь? Значит, до Корнуолла все-таки доходили вести? Мог бы и сказать...

— Зачем?

— Я бы отправился к нему.

Некоторое время я разглядывал его, прикидывая.

— Ты еще можешь сделать это. Ты и твои товарищи, которые сражались за Вортимера. А как насчет брата Вортимера, Пасценция? Где он, ты не знаешь? По-прежнему ненавидит Вортигерна?

— Да. Но говорят, он собрался заключить мир с Хенгистом. К Амброзию он не присоединится. Он хочет править Британией сам.

— А ты? — спросил я.— Чего хочешь ты?

Он ответил просто, на этот раз не пытаясь выставляться:

— Я всего лишь хочу, чтобы у меня было место, которое я мог бы назвать своим домом. Если можно — это. Ведь теперь дворец действительно мой. Он убил детей.

— Не знал. Но ты меня не удивил. Ему не впервой.— Я помолчал.— Послушай, Диниас, нам о многом нужно поговорить, и мне есть о чем тебе порассказать. Но сперва я должен просить тебя об одном одолжении.

— О чем же?

— О гостеприимстве. Здесь нет ни одного места, куда мне хотелось бы пойти, пока мой собственный дом еще не готов, и мне пришла фантазия еще раз переночевать в доме моего деда.

— Он теперь не тот, что был,— прямо сказал Диниас.

Я рассмеялся.

— Ну хоть что-нибудь там осталось? Мне бы крышу, под которой можно укрыться от этого проклятого дождя, и очаг, у которого можно просушить одежду, да что-нибудь поесть — неважно что. Что скажешь, если мы пошлем Кадаля за едой и поужинаем дома? И я тебе все расскажу за пирогом и кувшином вина. Но предупреждаю: если ты еще раз покажешь мне кости, я сам кликну людей Вортигерна!

Он усмехнулся и внезапно расслабился.

— На этот счет не беспокойся. Ну что ж, тогда пошли. В паре комнат все еще можно жить, и кровать для тебя найдется.

Я ночевал в комнате Камлаха. Там дуло и было полно пыли; что до постели, то Кадаль вытащил все, что на ней было, и целый час сушил у очага, и только тогда разрешил мне ложиться. У Диниаса не было слуг, кроме одной девки, которая заботилась о нем явно в обмен на привилегию разделять его ложе. Кадаль заставил ее принести дров и нагреть воды, а сам отправился в монастырь с посланием к моей матери, а оттуда — в таверну, за вином и едой.

Мы поужинали у очага, Кадаль прислуживал нам. Мы допоздна засиделись за разговорами, но здесь достаточно будет сказать, что я рассказал Диниасу свою историю — вернее, ту ее часть, которую он был способен понять. Можно было бы, конечно, рассказать ему, кто мой отец, ради удовольствия посмотреть, какое у него будет лицо, но я счел за лучшее ничего не говорить, пока не удостоверюсь, что он надежен и что в округе не осталось людей Вортигерна. Поэтому я просто поведал ему, как попал в Бретань, и сказал, что поступил на службу к Амбросию. Диниас уже достаточно слышал о моем «пророчестве» в пещере на Королевской Башне, чтобы заранее поверить в грядущую победу Амброзия, поэтому разговор завершился тем, что он пообещал мне отправиться утром на запад с вестями и собрать всех жителей окраин Уэльса, кто захочет поддержать Амброзия. Я знал, что он в любом случае побоится нарушить такое обещание. Что бы там ни наговорили солдаты про тот случай на Королевской Башне, этого оказалось достаточно, чтобы вселить в моего простоватого кузена глубочайший страх перед моей силой. Но я и без того знал, что могу довериться ему в этом деле. Мы просидели почти до рассвета, потом я дал ему денег и пожелал спокойной ночи. (Он уехал еще до того, как я проснулся, и сдержал слово — присоединился к Амброзию позднее, в Йорке, с несколькими сотнями людей. Его приняли с почетом. Он хорошо показал себя, но вскоре в какой-то мелкой стычке получил несколько ран, от которых позднее умер. Что до меня, я его больше никогда не видел.)

Кадаль закрыл за ним дверь.

— По крайней мере, тут хороший замок и крепкий засов.

— Ты что, боишься Диниаса? — спросил я.

— Я всего боюсь в этом проклятом городишке! И не успокоюсь, пока мы не разделаемся со всем этим и не вернемся к Амброзию.

— Не думаю, что тебе стоит беспокоиться. Люди Вортигерна ушли. Ты же слышал, что сказал Диниас.

— Да, и то, что ты говорил, я тоже слышал.— Он как раз нагнулся собрать одеяла, развешанные у огня, и обернулся ко мне, держа в руках охапку одеял.— Что это ты говорил насчет твоего собственного дома, который еще не готов? Ты что, решил купить себе здесь дом?

— Ну, собственно, не дом...

— Ты имел в виду эту пещеру?!

Я улыбнулся его испугу.

— Когда все утихнет и я больше не буду нужен Амброзию, то приеду сюда. Разве я не говорил, что, если ты решишь остаться со мной, тебе придется жить вдали от родины?

— Насколько я помню, речь шла о том, что мне придется умереть вдали от родины. Ты имеешь в виду, что мне придется жить там?

— Не знаю,— сказал я.— Может быть, и нет. Но я думаю, что мне понадобится место, где я смогу быть один, в стороне от событий. Размышления и замыслы — одна сторона жизни, действие — другая. Человек не может все время только действовать.

— Скажи это Утеру.

— Но я же не Утер.

— Ну, всяк по-своему с ума сходит, как говорится.

Он бросил одеяла на кровать.

— Ты чего смеешься?

— А я смеюсь? Не обращай внимания. Давай спать. Нам обоим с утра надо быть в монастыре. Тебе снова пришлось дать на лапу старухе?

— Старухи не было.

Кадаль выпрямился.

— На этот раз там сидела девушка. И похоже, хорошенькая, насколько я мог разглядеть под этим мешком. Человека, который запихивает такую девку в монастырь, надо бы...

Он начал объяснять, что надо сделать с таким человеком, но я перебил его:

— Ты не узнал, как там мать?

— Говорят, ей лучше. Лихорадка прошла. Но она не успокоится, пока не увидит тебя. На этот раз ты ей все расскажешь?

— Да.

— А потом?

— Поедем к Амброзию.

— А! — сказал он, оттащил свой тюфяк так, чтобы лечь у двери, задул лампу и лег, не произнеся больше ни слова.

Моя кровать оказалась достаточно удобной, и комната сама по себе была роскошью после утомительного путешествия, какой бы она ни была ободранной. Но спалось мне плохо. В мыслях я был с Амброзием, на дороге к Доварду. Судя по тому, что мне доводилось слышать об этой крепости, взять ее будет не так-то просто... А может быть, я оказал отцу медвежью услугу, заставив верховного короля покинуть крепость на Снежной горе? Наверно, стоило оставить его там, в его вонючей башне, а Амброзий загнал бы его к морю...

Свое собственное пророчество я вспомнил теперь с усилием и чуть ли не с удивлением. То, что я сделал в Динас-Бренине, я сделал не от себя. Не я решил изгнать Вортигерна из Уэльса. Мне пришла весть извне, из тьмы, от бешено кружащихся звезд: «Красный Дракон восторжествует, Белый же падет». Голос, который сказал это, который повторял это сейчас, в темной комнате Камлаха, был не мой: то был глас бога. Так что не стоит лежать без сна, ища объяснений,— нужно повиноваться и спать.

Глава 3

Ворота монастыря нам открыла та девушка, о которой говорил Кадаль.

Молодая монахиня, наверное, ждала нас, потому что не успел Кадаль позвонить в колокольчик, как ворота отворились и она махнула рукой, приглашая нас войти. Пока она задвигала засов, я успел заметить большие глаза под домотканым капюшоном и гибкое юное тело, закутанное в грубое одеяние. Она надвинула капюшон поглубже, чтобы скрыть лицо и волосы, и быстро повела нас через двор. Ее ноги в парусиновых сандалиях посинели от холода и были заляпаны грязью — на дворе было сыро,— но они были изящными и стройными, и руки у нее были красивые. Девушка молча провела нас через двор и узкий проход между двух зданий, который выводил на большую площадь. Здесь вдоль стен росли фруктовые деревья. Двери келий, выходившие во двор, были некрашеные. За теми дверями, что стояли открытыми, виднелись голые комнатенки, где простота доходила до уродства и убожества.

Келья матери была другой. Она жила если и не с королевским, то все же с подобающим ее происхождению комфортом. Они разрешили ей перенести сюда свою мебель, комната была вычищена с песочком, нигде ни пылинки. Апрельская погода вновь переменилась, и в узкое окно светило солнце. Его лучи падали на кровать. Мебель была мне знакома. Это была та самая кровать, на которой мать спала дома, и на окне висела сотканная ею самой занавеска, красная ткань с зеленым узором,— та самая, что она ткала в день приезда дяди Камлаха. И волчью шкуру на полу я помнил. Дед убил этого зверя голыми руками и обломком кинжала. Когда я был маленький, я очень боялся его стеклянных глаз и оскаленной пасти. На голой стене в ногах крова-

ти висел потемневший серебряный крест с красивым узором из переплетающихся текучих линий, украшенный аметистами.

Девушка молча указала мне на дверь и удалилась. Кадаль уселся на скамейке у двери.

Мать лежала, привалившись спиной к подушкам, в луче солнечного света. Она выглядела бледной и усталой и говорила почти все время шепотом, но сказала, что поправляется. Когда я принялся расспрашивать о болезни и коснулся рукой ее виска, она отвела мою руку, улыбнулась и сказала, что за ней и так неплохо ухаживают. Я не настаивал: половина исцеления — в доверии пациента, а для женщины ее родной сын — всегда не более чем ребенок. К тому же я видел, что лихорадка прошла и теперь, когда она больше не беспокоится за меня, будет спать спокойно.

Поэтому я просто пододвинул единственный в комнате стул, сел и, не дожидаясь вопросов, принялся рассказывать ей все, что она хотела знать: о том, как я бежал из Маридунума и, подобно стреле, выпущенной из лука богом, прилетел прямо к ногам Амброзия, и обо всем, что было с тех пор. Она лежала на подушках и смотрела на меня с изумлением и с каким-то медленно нарастающим чувством. Я узнал это чувство: так смотрела бы птица, живущая в клетке, на высиженного ею мерлина.

Когда я закончил, она устала и под глазами у нее налилась такая отчетливая синева, что я встал, чтобы уйти. Но она выглядела довольной.

— Значит, он признал тебя,— сказала она так, словно для нее это был смысл и итог всей истории.

Должно быть, так оно и было.

— Да. Меня зовут Мерлином Амброзием.

Она помолчала, улыбаясь своим мыслям. Я подошел к окну, оперся локтями на подоконник и выглянул наружу. Солнце припекало. Кадаль клевал носом на скамейке. Мое внимание привлекло движение в противоположном углу двора. Девушка стояла в дверной нише и смотрела на дверь моей матери, словно ждала, когда я выйду. Она сняла свой капюшон, и даже в тени я разглядел ее золотые волосы и юное лицо, прекрасное как цветок. Она увидела, что я смотрю на нее. На пару секунд наши глаза встретились. И я понял, почему древние говорили, что самый жестокий из богов вооружен луком и стрелами. Я почувствовал, как его стрела пронзила мне грудь. Она надвинула на нос капюшон и скрылась в тени. А мать спросила:

— А теперь? Что теперь?

Я повернулся спиной к солнцу.

— Я поеду к нему. Но не прежде, чем ты поправишься. Я хочу передать ему, что с тобой все в порядке.

На ее лице появилось беспокойство.

— Тебе не следует оставаться здесь! В Маридунуме для тебя небезопасно.

— Не думаю. С тех пор как сюда дошли вести о высадке, все Вортигерновы люди исчезли. Когда мы ехали на юг, нам пришлось пробираться горными тропами: дороги кишели спешащими к нему подкреплениями.

— Это так, но...

— И я не буду шляться по городу, честное слово! Вчера мне повезло: едва въехав в город, я наткнулся на Диниаса. И он отвел мне комнату у себя во дворце.

— Диниас?!

Я рассмеялся ее изумлению.

— Диниас чувствует себя в долгу передо мной — не важно, за что именно. Вчера вечером мы нашли общий язык.

Я рассказал ей о том, что поручил ему. Мать кивнула.

— Ему,— я сразу понял, что она имеет в виду не Диниаса,— понадобится каждый человек, способный носить оружие.— Она нахмурилась.— Говорят, у Хенгиста триста тысяч воинов! Удастся ли ему,— речь шла опять же не о Хенгисте,— выстоять перед Вортигерном, а потом перед Хенгистом с его саксами?

Наверно, я все еще думал о недавнем бдении и брякнул, не задумываясь, как это прозвучит:

— Я так сказал, значит, это правда.

Мать шевельнулась. Я взглянул на нее. Она крестилась. Глаза у нее были встревоженные и суровые и одновременно испуганные.

— Мерлин...— Но тут ее согнул приступ кашля, так что говорить она могла только хриплым шепотом.— Мерлин, бойся гордыни! Даже если Господь даровал тебе силу...

Я остановил ее, коснувшись руки.

— Ты неправильно поняла меня, госпожа. Я неточно выразился. Я лишь хотел сказать, что, если бог сказал это моими устами, это должно быть правдой, потому что он так сказал. Амброзий должен победить, это записано в звездах.

Она кивнула. Я увидел, как волна облегчения накатила на нее, как она обмякла и расслабилась душой и телом, словно обессилевшее дитя.

— Не бойся за меня, мама,— мягко сказал я.— Какой бы бог ни вещал моими устами, я всего лишь его голос и орудие, и я доволен этим. Я иду туда, куда он посылает меня. А когда я больше не буду ему нужен, он возьмет меня обратно.

— Бог — один,— прошептала она.

Я улыбнулся ей.

— Я и сам начинаю так думать. А теперь спи. Я приду утром.

На следующее утро я снова пришел к матери. На этот раз один. Кадаля я послал на рынок за провизией, Диниасова девка исчезла, как только он уехал, предоставив нас самим себе в заброшенном дворце. Я был вознагражден: у ворот снова дежурила та девушка, и она проводила меня к матери. Но когда я что-то сказал ей, она лишь надвинула поглубже свой капюшон и ничего не ответила, так что я опять видел лишь изящные ножки и руки. Сегодня двор был сухим, лужи исчезли. Она отмыла ноги, и в этих грубых сандалиях они казались хрупкими, как полевые цветы с голубыми прожилками в крестьянской корзине. По крайней мере, я так подумал. Мой разум работал, как разум певца, хотя ему вовсе не следовало вмешиваться. Стрела все еще звенела в том месте, куда она вонзилась вчера, и все мое тело затрепетало и напряглось при виде ее.

Она снова указала мне дверь, словно со вчерашнего дня я мог ее забыть, и ушла ждать.

Матери вроде бы стало получше. Она сказала, что хорошо отдохнула. Мы поговорили; она хотела подробнее узнать какие-то детали моей истории, и я отвечал на ее вопросы. Когда я встал, собравшись уходить, то спросил как бы между прочим:

— Та девушка, что открыла мне ворота,— не слишком ли она молода, чтобы быть монахиней? Кто она?

— Керидвен. Ее мать была служанкой во дворце. Ты ее помнишь?

Я покачал головой.

— А что, должен помнить?

— Да нет.

Но когда я спросил, чему она улыбается, мать ничего не ответила, и я не решился расспрашивать дальше.

На третий день у ворот сидела старая глухая привратница; и все время, пока разговаривал с матерью, я соображал, неужели она (как часто бывает с женщинами) увидела, что я скрываю под внешним небрежным видом, и распорядилась, чтобы девушку убрали? Но на четвертый день девушка была на месте, и на этот раз я, едва успев войти в ворота, понял, что она слышала о Динас-Бренине. Ей так хотелось разглядеть настоящего мага, что она чуть сдвинула свой капюшон, и я, в свою очередь, разглядел большие серо-голубые глаза, наполненные почтительным страхом и любопытством. Когда я улыбнулся ей и приветствовал ее, она снова надвинула капюшон, но на этот раз ответила. Голос у нее был тихий и тонкий, совсем детский, и она назвала меня «господин мой» так, словно это было нечто большее, чем простая вежливость.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Кери, господин мой.

Я приостановился, чтобы подольше удержать ее.

— Кери, как там моя матушка?

Но она не ответила. Она поспешно провела меня во внутренний двор и оставила там.

В ту ночь я снова лежал без сна, но бог не заговорил со мной, даже затем, чтобы сказать мне, что она не для меня. Боги не станут напоминать тебе о том, что ты и так знаешь.

К последнему дню апреля матери настолько полегчало, что, когда я пришел к ней, она сидела в кресле у окна, в шерстяном платье поверх сорочки, и грелась на солнце. Айва, росшая у самой стены, была покрыта чашечками розовых цветов, над которыми гудели пчелы, а на подоконнике, рукой подать, пыжилась и ворковала пара белых голубей.

— Что, есть новости? — спросила мать, едва взглянув на меня.

— Сегодня приехал гонец. Вортигерн мертв, и его королева тоже. Говорят, Хенгист идет на юг с большими силами. С ним брат Вортимера, Пасценций, и остатки его армии. Амброзий уже отправился им навстречу.

Она сидела очень прямо и смотрела мимо меня, на стену. Сегодня при ней была женщина — одна из монахинь, что сопровождали ее к Динас-Бренину. Я увидел, как она сделала знак креста, но Ниниана сидела неподвижно, как бы всматриваясь во что-то незримое, и размышляла.

— Расскажи.

Я рассказал ей все, что знал об осаде Доварда. Монахиня снова крестилась, но мать ни разу не шевельнулась. Когда я закончил, ее взгляд обратился на меня.

— Ты теперь уедешь?

— Да. Хочешь что-нибудь ему передать?

— Когда мы увидимся снова,— сказала она,— у нас будет достаточно времени.

Я расстался с ней. Она сидела все так же, глядя мимо мерцающих аметистов на стене на что-то удаленное во времени и в пространстве.

Кери не было видно. Я немного подождал, потом медленно пересек внешний двор, направляясь к воротам. Она стояла в глубокой тени арки ворот. Я ускорил шаг. В голове у меня вертелось множество всего, что можно было ей сказать, но все это было одинаково бесполезно: как можно продлить то, чего продлить нельзя? Но все это оказалось ненужным. Она протянула свою прелестную ручку и умоляюще коснулась моего рукава.

— Господин мой...

Капюшон был сдвинут назад, и я увидел, что в глазах у нее стоят слезы.

— В чем дело? — резко спросил я. Наверно, на какой-то миг я поверил, что она плачет оттого, что я уезжаю.— Кери, в чем дело?

— Зубы болят...

Я уставился на нее. Наверно, у меня был такой дурацкий вид, словно мне дали оплеуху.

— Вот тут,— сказала она и коснулась щеки. Капюшон совсем свалился на плечи.— Уже несколько дней болит. Пожалуйста, господин мой...

— Я не зубодер,— ответил я охрипшим голосом.

— Но если ты хотя бы прикоснешься...

— И не маг...— начал было я, но она подступила вплотную, и слова застряли у меня в горле.

Она пахла жимолостью. Волосы у нее были золотые, цвета спелой соломы, а глаза — серые, как нераспустившиеся пролески. Не успел я понять, что происходит, как она взяла мою руку, зажала ее меж своих ладоней и поднесла к щеке.

На миг я напрягся, словно собираясь вырвать руку, потом опомнился, мягко раскрыл ладонь и приложил ее к щеке девушки. Большие пролесковые глаза были невинны, как небо. Когда она придвинулась ко мне, ворот ее платья отвис, и мне стали видны ее груди. Кожа у нее была гладкая, как вода, и щеку мне грело ее сладостное дыхание.

Я бережно отнял руку и отступил назад.

— Ничем не могу тебе помочь.

Наверно, мой голос звучал очень хрипло и грубо. Она опустила ресницы и смиренно сложила руки. Ресницы у нее были короткие, густые, золотистые, как и волосы. В уголке рта крохотная родинка.

— Если к утру не полегчает, зуб придется вырвать,— сказал я.

— Уже полегчало, господин мой! Как только ты притронулся, сразу все и прошло!

Ее голос был полон радостного изумления, а рука коснулась того места, до которого только что дотрагивалась моя. Это движение было похоже на ласку. Я ощутил болезненный толчок крови. Внезапно Кери снова схватила мою руку и поспешно, робко наклонилась и прижала ее к губам.

Потом ворота распахнулись, и я очутился на пустынной улице.

Глава 4

Судя по тому, что рассказал мне гонец, Амброзий правильно поступил, решив сперва покончить с Вортигерном и только потом идти на саксов. Уничтожение Доварда и варварская жестокость, с какой это было сделано, произвели впечатление. Те саксонские захватчики, что дальше всего продвинулись в глубь страны, начали отступать на север, в дикие ничейные земли, которые всегда служили плацдармом для всех нашествий. Они остановились к северу от Хамбера, построили укрепления там, где могли, и принялись ждать Амброзия. Поначалу Хенгист думал, что у Амброзия в распоряжении всего лишь его бретонская армия, не подозревая, какое это опасное орудие. Как доносили, он полагал, что к Амброзию присоединилась лишь малая часть островных бриттов. Так или иначе, саксы так часто били бриттов поодиночке, что привыкли считать их легкой добычей. Но теперь, когда вождя саксов настигли вести о том, что под знамя Красного Дракона сбираются тысячи, и о победе в Доварде, он решил не отсиживаться за стенами к северу от Хамбера, но быстрым маршем вернуться на юг, чтобы встретить бриттов

в том месте, которое он выберет сам, захватить Амброзия врасплох и разгромить его армию.

Амброзий снова двигался с цезарской скоростью. Это было необходимо: отходящие саксы оставляли за собой выжженную землю.

Конец наступил во вторую неделю мая. Стояла июньская жара, прерываемая апрельскими ливнями. Это была роковая неделя — и судьба заставила саксов вернуть долги с лихвой. Хенгист остановился в Маэсбеди, близ Конановой крепости, Каэркона-на, который люди иногда называют еще Конисбург, но Амброзий застал его врасплох, когда он еще не успел подготовиться. Это холмистая местность, с крепостью, стоящей на утесе над глубоким ущельем. Саксы пытались устроить здесь засаду войску Амброзия, но разведчики Амброзия узнали об этом от бритта, которого нашли в пещере на вершине холма,— он бежал туда с женой и двумя детьми, чтобы спасти их от топоров северян. Так что Амброзий, получив предупреждение, двинулся ускоренным маршем и напал на Хенгиста прежде, чем саксы успели подготовить засаду, принудив его таким образом сражаться в открытую.

Попытка Хенгиста устроить засаду обернулась против него: Амброзий сумел занять более выгодную позицию. Его основные силы — бретонцы, галлы и островные бритты с юга и юго-запада — встали на пологом холме, и впереди у них было ровное поле без единого препятствия. Между этих войск, вперемешку с ними, были расставлены другие коренные бритты, которые присоединились к Амброзию, под началом своих предводителей. Позади основной части войска склон снова шел наверх — он был ровный, если не считать зарослей терна и желтого утесника, и венчался длинным гребнем, который загибался на запад, образуя цепь невысоких скалистых холмов, а на востоке он был покрыт густым дубовым лесом. Люди из Уэльса, привычные к горам, стояли по большей части на флангах: воины Северного Уэльса — в дубовом лесу, а войско Южного Уэльса — на западе, на холмах, отделенное от Северного Уэльса всей Амброзиевой армией. Эти два войска, легко вооруженные, очень подвижные и желающие свести старые счеты, надо было держать в готовности как подкрепления. Во время битвы их можно было использовать как таран, направляя в самые слабые места обороны противника. К тому же они могли останавливать и приканчивать саксов, что попытаются бежать с поля битвы.

Саксы попались в свою собственную ловушку. Впереди у них развернулось бесчисленное войско, позади была скала Каэркона-на и теснина, где они собирались устроить засаду. Дрались они как демоны. Но оказались в невыгодном положении: они заранее были устрашены славой Амброзия, его недавней кровавой победой в Доварде и еще более, как рассказывали мне люди, моим пророчеством Вортигерну. Оно переходило из уст в уста быстрее, чем пламя охватило Довардскую твердыню. Ну а для Амброзия, разумеется, все было наоборот: все предзнаменования были на его стороне. Битва началась незадолго до полудня, а к закату все было уже кончено.

Я видел ее от начала до конца. Это была первая большая битва, которую я видел, и не стыжусь, что она же была почти что последней. Я тоже сражался, но не мечом и копьем, если уж речь об этом. Я приложил руку к победе под Каэрконаном еще до того, как прибыл туда; а когда приехал, мне пришлось играть ту роль, что некогда в шутку предрек мне Утер.

Мы доехали с Кадалем до Каэрлеона. Там стоял небольшой отряд Амброзия, занявший крепость, а еще один отряд собирался отправиться в Маридунум, чтобы отстроить тамошнюю крепость. И еще затем, как сообщил мне по секрету их офицер, чтобы удостовериться, что тамошняя христианская община («вся община»,— подчеркнуто добавил он и чуть заметно подмигнул мне) не пострадает. Кроме того, ему было приказано отослать часть своих людей со мной для сопровождения к Амброзию. Отец позаботился даже прислать мне кое-что из моей одежды. Поэтому я отослал Кадаля назад (к его большому возмущению), чтобы он прибрал в пещере Галапаса и ждал меня там, а сам отправился со своим эскортом на северо-восток.

Мы нагнали армию у самого Каэрконана. Войско уже строилось перед битвой; о том, чтобы повидаться с командующим, не могло быть и речи, поэтому мы отошли, как нам было сказано, на западный холм, где люди из разных родов Южного Уэльса недоверчиво косились друг на друга из-за мечей, приготовленных для стоящих внизу саксов. Воины моего эскорта обращались со мной подобным же образом: по дороге они не нарушали моего молчания и, очевидно, относились ко мне с некоторым благоговейным страхом — не только как к признанному сыну Амброзия, но и как к «Вортигернову пророку». Этот титул уже прилип ко мне, и понадобилось несколько лет, чтобы от него избавить-

ся. Когда я вместе с ними доложил дежурному командиру о своем прибытии и попросил указать мне место в войске, он пришел в ужас и совершенно серьезно попросил меня не вступать в бой, но найти место, где меня могли бы видеть все, как он выразился, «чтобы люди знали, что наш пророк с нами». В конце концов я послушался, поднялся на вершину вздымавшегося неподалеку небольшого скалистого утеса, встал там, завернулся в плащ и приготовился созерцать поле битвы, что расстилалось передо мной, словно карта.

Сам Амброзий был в центре; я видел белого жеребца и сияющего над ним Красного Дракона. Справа мелькал синий плащ Утера, скачущего на своем жеребце вдоль позиций. Командующего левым флангом я признал не сразу: серый конь, крупный, крепко сбитый всадник на нем и штандарт с белым гербом, который я поначалу никак не мог разглядеть. Но наконец увидел его. Это был вепрь. Белый Вепрь Корнуолла. Левым флангом Амброзия командовал не кто иной, как седобородый Горлойс, владыка Тинтагела.

У саксов строя не было видно совсем. Всю жизнь я слышал о жестокости этих белокурых великанов, всех британских детей с младенчества пугали саксами. Говорили, что в бою они впадают в безумие и могут сражаться, истекая кровью из десятка ран, не теряя ни сил, ни ярости. Но если они выигрывали в силе и жестокости, то проигрывали в дисциплине. Похоже, это так и было. Я не видел никакого строя — сплошной водоворот блестящего металла и конских грив, словно потоп, стремящийся прорвать плотину.

Хенгиста и его брата я различал даже издалека: великаны с длинными усами, падающими им на грудь, и волосами, развевавшимися у них за спиной, когда они проезжали вдоль рядов на своих мохнатых, коренастых лошадках. Их крики долетали даже до меня: молитвы богам, обеты, призывы, приказы все нарастали и нарастали воинственным крещендо, пока наконец с последним яростным воплем «Бей, бей, бей!» топоры взметнулись, сверкая на майском солнце, и толпа саксов ринулась вперед, на стройные ряды Амброзиевой армии.

Два войска сошлись с таким грохотом, что из Каэрконана с криком взлетела стая галок и самый воздух, казалось, раскололся. Даже отсюда, с моего удобного наблюдательного пункта, было невозможно разглядеть, как идет сражение — или, вернее, не-

сколько завязавшихся одновременно сражений. Какое-то время казалось, что саксы с их топорами и крылатыми шлемами прорубаются в тылы войска бриттов; в следующее мгновение кучка саксов оказалась отрезана и окружена морем бриттов, а затем исчезла. Основной удар принял на себя центр войска Амброзия, потом с востока, с фланга, зашла и ударила конница Утера. Корнуэльцы под предводительством Горлойса сперва держались позади, но как только первые ряды саксов заколебались, корнуэльцы ударили слева, словно таран, и разметали строй противника. После этого на поле битвы воцарился хаос. Повсюду люди бились мелкими группками или даже один на один, врукопашную. Грохот оружия и доспехов, крики, даже, казалось, запах пота и крови возносились вверх, достигая утеса, на котором я сидел, закутавшись в плащ и наблюдая за битвой. Внизу, подо мной, переминались с ноги на ногу и ворчали оставшиеся без дела валлийцы. Потом раздался радостный вопль: часть конных саксов оторвалась от битвы и галопом понеслась в нашу сторону. В мгновение ока вершина холма опустела — я остался один на утесе, только шум битвы приблизился к подножию холма, словно прихлынувшие волны прибоя. На куст терновника рядом с моим плечом присела малиновка и запела. Это пение казалось таким нежным и беззаботным среди шума битвы! И до сего дня, когда я вспоминаю сражение при Каэрконане, мне приходит на ум песня малиновки, смешавшаяся с карканьем воронов, которые уже кружили в небе: люди говорят, что эти птицы слышат звон мечей за десять миль.

К закату все было кончено. Элдол, герцог Глостерский, стащил Хенгиста с коня под самыми стенами Каэрконана, где собирался скрыться вождь саксов, и остатки саксонского войска рассыпались и разбежались. Кое-кому удалось уйти, но большинство были убиты в горах или в узкой теснине у подножия Каэркона. В сумерках у ворот крепости вспыхнули факелы, ворота распахнулись, и Амброзий на своем белом жеребце въехал по мосту в крепость, оставив поле битвы воронам, жрецам, священникам и похоронным командам.

Я не стал разыскивать его сразу. Пусть сперва похоронит мертвых и очистит крепость. Для меня найдется работа внизу, среди раненых. И к тому же незачем торопиться передавать ему слова матери. Сидя на майском солнце, слушая песню малиновки и шум битвы, я узнал, что матери стало хуже и ее уже нет в живых.

Глава 5

Я спускался вниз, пробираясь меж зарослей утесника и терна.

Валлийцы давно уже исчезли, все до одного, и лишь отдельные крики и воинственные кличи показывали, что их мелкие отряды охотятся по холмам и лесам за саксами, которым удалось бежать с поля битвы.

Внизу, на равнине, битва окончилась. Раненых уносили в Каэрконан.

По полю расползались факелы, вся равнина была заполнена огнями и дымом. Люди перекликались. До меня долетали крики и стоны раненых, временами ржание лошади, отрывистые приказы офицеров и шаги санитаров с носилками. Тут и там, держась подальше от света факелов, меж трупов поодиночке или попарно бродили люди. Видно было, как они нагибались, выпрямлялись и тут же убегали. Временами оттуда, где они останавливались, слышался вскрик, внезапный стон, иногда виднелся взблеск металла и короткий, резкий удар. Мародеры, обирающие мертвых и умирающих. Они всегда идут на несколько шагов впереди похоронных команд и санитаров. Вороны спускались на поле; я видел, как они кружат над факелами. Пара воронов присела на скалу рядом со мной, выжидая. Когда совсем стемнеет, из сырых нор под стенами замка выберутся еще и крысы — тоже поживиться мертвыми телами.

Раненых собирали быстро и споро, как делалось все в армии графа.

Когда с этим будет покончено, ворота закроют. Я решил разыскать его после того, как он управится с первыми, самыми неотложными делами. Ему, должно быть, уже сказали, что я здесь, в безопасности. Он поймет, что я в лазарете, с врачами. Поесть успею позже, а потом у меня хватит времени на то, чтобы поговорить с ним.

Проходя по полю, я видел, что санитары отделяют своих от врагов.

Мертвых саксов сваливали в кучу посреди поля — я понял, что их собираются сжечь, согласно обычаю. Рядом с растущей горой трупов стоял отряд, охраняющий блестящую груду оружия и украшений, снятых с убитых.

Убитых бриттов складывали вдоль стен рядами — для опознания. Маленькие группы людей, каждая под предводительством

офицера, обходили ряды, осматривая мертвых одного за другим. Пробираясь по истоптанному полю, покрытому маслянистой грязью, воняющей кровью и слизью, я увидел среди вооруженных мертвецов, глядящих в небо, с десяток людей в лохмотьях — крестьян или изгоев с виду. Должно быть, то были мародеры, прирезанные солдатами. Один из них все еще корчился, словно раздавленный червяк,— он был наспех пришпилен к земле сломанным саксонским копьем, которое так и оставили в теле.

Поколебавшись, я подошел и склонился над ним. Он смотрел на меня — говорить он не мог,— и я видел, что он все еще надеется на помощь. Если бы его убили как следует, я просто вырвал бы копье и предоставил бы ему истечь кровью — но был более короткий путь.

Я обнажил свой кинжал, отвел в сторону плащ и аккуратно, так, чтобы хлынувшая кровь не брызнула на меня, вонзил кинжал ему в горло. Потом вытер кинжал о лохмотья убитого, выпрямился и увидел в трех шагах от себя чьи-то ледяные глаза и острие короткого меча.

По счастью, этот человек был мне знаком. Он тоже признал меня, рассмеялся и опустил меч.

— Тебе повезло! Я едва не пырнул тебя в спину.

— А обидно было бы погибнуть при попытке обокрасть этого несчастного. Что с него взять-то? — ответил я, убирая кинжал в ножны.

— Ты бы удивился, если бы увидел, что они тащат. Все, что угодно: от мозольного пластыря до порванных шнурков от сандалий. Он спрашивал про тебя,— добавил мой знакомый, кивнув в сторону крепости.

— Я иду к нему.

— Говорят, ты это предсказывал, Мерлин? И Довард тоже?

— Предсказал, что Красный Дракон победит Белого,— сказал я.— Но не думаю, что это конец. Что с Хенгистом?

— Там.— Он снова кивнул в сторону цитадели.— Когда линию саксов прорвали, он поскакал к крепости. Его задержали почти у самых ворот.

— Я это видел. Стало быть, он там? И все еще жив?

— Да.

— А Окта, его сын?

— Удрал. Они с кузеном — как его? Эоза? — ускакали на север.

— Значит, это все-таки не конец. В погоню послано?

— Нет еще. Он говорит, у нас достаточно времени.— Он вопросительно взглянул на меня.— Это правда?

— Откуда мне знать? — Сейчас я ничем не мог помочь.— Надолго он собирается остаться здесь?

— Дня на три, говорит. Так, чтобы успеть похоронить мертвых.

— Что он сделает с Хенгистом?

— А ты как думаешь? — Он выразительно рубанул воздух ребром ладони.— И давно пора, если хочешь знать. Поговаривают о том, чтобы устроить суд, но вряд ли это можно будет назвать судом. Граф пока молчит, но Утер орет, что его убить мало, да и жрецам хочется кровушки напоследок. Ну ладно, мне пора браться за дело. Пойду ловить мародеров.— И перед тем, как уйти, добавил: — Мы видели тебя на холме во время сражения. Солдаты говорили, что это добрый знак.

Он ушел. Позади меня раздалось хлопанье крыльев, и на грудь человека, которого я убил, опустился ворон. Я кликнул факельщика, чтобы он освещал мне дорогу, и отправился к главным воротам крепости.

Не успел я дойти до моста, как в воротах показались факелы. В середине толпы, связанный и подхваченный под руки, шел белокурый гигант — я понял, что это, должно быть, и есть сам Хенгист. Отряды Амброзия выстроились квадратом, пленного предводителя саксов ввели внутрь оцепления и там, наверное, поставили на колени, потому что льняная голова исчезла за плотными рядами бриттов. Потом увидел на мосту самого Амброзия. Он вышел из крепости, за ним по левую руку шагал Утер, а по другую — неизвестный мне человек в одежде христианского епископа, все еще заляпанной грязью и кровью. За ними толпой валили остальные.

Епископ что-то настойчиво шептал на ухо Амброзию, лицо которого казалось застывшей маской, холодной, без тени чувств. Это выражение было мне очень хорошо знакомо. Я услышал, как он сказал что-то вроде: «Они останутся довольны, вот увидишь» и еще что-то, что наконец заставило епископа замолчать.

Амброзий занял свое место. Я увидел, как он кивнул командиру.

Раздался приказ, свист, глухой удар. Удовлетворенный вздох толпы. И голос епископа, хриплый и торжествующий:

— Да погибнут так все язычники, враги единого истинного Бога! Пусть же тело его швырнут волкам и стервятникам!

И голос Амброзия, холодный и ровный:

— Он отправится к своим богам вместе со своими воинами, по обычаю его народа.— И офицеру: — Когда все будет готово, дай мне знать, и я приду.

Епископ снова принялся что-то кричать, но Амброзий, не обращая на него внимания, развернулся и зашагал прочь, а за ним Утер и прочие военачальники.

Они ушли через мост в крепость. Я последовал за ними. Мне преградили путь скрещенные копья, потом меня признали — в крепости стояли бретонцы Амброзия — и пропустили внутрь.

За воротами крепости был широкий квадратный двор. Сейчас он кишел людьми и конями.

На противоположной стороне двора невысокая лестница вела к дверям главного зала и башни. Амброзий со своей свитой поднимался по лестнице, но я свернул в сторону.

На восточной стороне площади стояло длинное двухэтажное здание, где был устроен лазарет — я нашел его по звукам, доносившимся из раскрытой двери. Дежурный лекарь, человек по имени Гандар, у которого я учился в Бретани, приветствовал меня с радостью. Он явно не испытывал нужды ни в жрецах, ни в магах, но лишняя пара умелых рук была ему совершенно необходима. Он дал мне пару помощников, нашел кое-какой инструмент, сунул ящик с мазями и лекарствами и впихнул — буквально — в длинную комнату, не более чем крытый сарай, в котором сейчас лежало около пятидесяти раненых. Я разделся до пояса и взялся за работу.

Где-то к полуночи худшее было позади и стало поспокойнее. Я был в дальнем конце своего ряда, когда легкий шум у дверей заставил меня обернуться, и я увидел Амброзия.

Он тихо вошел в сопровождении Гандара и двух офицеров и пошел вдоль ряда раненых, останавливаясь возле каждого, чтобы поговорить с ним или, если раненый был без сознания, вполголоса расспрашивал врача.

Когда они подошли ко мне, я зашивал рану на бедре — она была чистая, заживет, но при этом глубокая и рваная. Хорошо еще, что раненый потерял сознание.

Я не поднял головы, и Амброзий молча ждал, пока я закончил шов и, взяв приготовленный помощником бинт, перевязал рану.

Управившись с этим, я встал. Помощник поднес мне тазик с водой. Я принялся мыть руки и, подняв голову, увидел, что Амброзий улыбается. Он все еще не снял своих изрубленных и забрызганных кровью доспехов, но выглядел бодрым и свежим. Казалось, он готов хоть сейчас начать новую битву. Я видел, как раненые смотрели на него: словно один его вид прибавлял им сил.

— Государь...— сказал я.

Он склонился над раненым.

— Как он?

— Кость не задета. Выкарабкается. Пусть скажет спасибо, что не на несколько дюймов левее.

— Вижу, ты неплохо потрудился.

Когда я вытер руки, поблагодарил и отослал помощника, Амброзий протянул мне руку.

— Ну, здравствуй. Мы тебе многим обязаны, Мерлин. Нет, не за это. За Доварда и за сегодня тоже. Во всяком случае, люди в это верят, а если солдаты сочтут что-то добрым знаком, значит, так оно и будет. Рад видеть, что с тобой все в порядке. Думаю, у тебя есть для меня новости?

— Да.

Я сказал это без всякого выражения, потому что кругом были люди, но улыбка в его глазах тут же угасла. Он поколебался, потом тихо сказал:

— Господа, оставьте нас.

Они удалились. Мы с ним смотрели друг на друга поверх тела раненого, лежащего без сознания. Солдат, лежащий рядом, заворочался и застонал, другой вскрикнул — и подавил стон. В комнате мерзко пахло кровью, прокисшим потом и болью.

— Что за новости?

— Насчет моей матери.

Наверно, он уже понял, что я собирался сказать, и заговорил — медленно, отмеряя слова, словно каждое из них несло в себе некий вес, который он хотел прочувствовать.

— Люди, что приехали сюда с тобой... они привезли мне весть — она в Маридунуме болела, но потом поправилась, с нею все в порядке, говорили они. Это была неправда?

— Это было правдой, когда мы уезжали из Маридунума. Если бы я знал, что ее болезнь была смертельной, я не оставил бы ее.

— Была смертельной?

— Да, господин мой.

Он помолчал, глядя вниз, на раненого, но не видя его. Раненый заворочался; скоро он очнется, и к нему вернутся боль, и вонь, и страх смерти...

— Не выйти ли нам на воздух? — сказал я.— Я уже управился. К этому человеку я кого-нибудь пошлю.

— Да. Оденься, ночь холодная.

И, не двигаясь с места:

— Когда она умерла?

— Сегодня, на закате.

Он вскинул голову, глаза его сузились, всматриваясь, потом кивнул, принимая мою весть, махнул рукой, чтобы я шел за ним. Идя к выходу, он спросил:

— Думаешь, она знала?

— Да.

— Ничего не просила передать?

— Напрямую — ничего. Только сказала: «Когда мы встретимся снова, у нас будет достаточно времени». Она ведь христианка. Они верят, что...

— Я знаю, что у них за вера.

Снаружи послышался какой-то шум, голос офицера рявкнул пару команд, раздался топот ног. Амброзий застыл, прислушиваясь. Кто-то бежал к нам.

— Поговорим после, Мерлин. Тебе есть о чем мне рассказать. Но сперва надо отправить дух Хенгиста к его праотцам. Идем.

Мертвых саксов свалили на огромной куче дров и залили маслом и смолой. На вершине этой пирамиды, на помосте, наскоро сколоченном из досок, лежал Хенгист.

Как Амброзию удалось помешать им ограбить его, понятия не имею, но его не ограбили. На груди Хенгиста лежал его щит, а по правую руку — меч. Разрубленную шею скрыли широким кожаным воротником, какой иные солдаты используют вместо бармицы.

Тело Хенгиста от шеи до ног было укрыто плащом, и багряные складки ниспадали на неструганые доски.

В дрова сунули несколько факелов, и занялось алчное пламя. Ночь была тихая, и дым восходил вверх большим черным столпом, подсвеченным снизу алым огнем.

Края плаща Хенгиста занялись, почернели, свернулись, а потом дым и пламя взметнулись вверх и скрыли его. Поленья трещали, словно удары бича. По мере того как бревна прогорали и оседали, потные и почерневшие от сажи люди подбегали к костру, чтобы подбросить еще дров.

Мы стояли довольно далеко от костра, но даже здесь было очень жарко, и тошнотворная вонь горящей смолы и паленого мяса расползалась в сыром ночном воздухе. За спинами кольца зрителей, освещенных пламенем костра, по полю боя все еще бродили люди с факелами и слышался стук лопат — то рыли могилы павшим бриттам. А над ослепительным пламенем костра и черными вершинами далеких холмов висела майская луна, почти невидимая за дымом.

— Что ты видишь? — спросил Амброзий.

Я вздрогнул от неожиданности и с удивлением посмотрел на него.

— Вижу?

— Что видишь в пламени, Мерлин-пророк?

— Ничего, кроме горящих мертвецов.

— Тогда смотри получше! Куда делся Окта?

Я рассмеялся.

— Откуда мне знать?

Но он даже не улыбнулся.

— Смотри еще! Скажи, куда делся Окта. И Эоза. Где они окопаются и станут ждать меня? И как скоро?

— Я же говорил тебе, что не могу увидеть что-то по своему выбору. Если будет воля бога, это явится: в пламени или в непроглядной ночи, неслышно, как стрела из засады. Я не могу сам найти лучника; все, на что я способен,— это обнажить грудь и ждать, когда стрела прилетит.

— Так сделай же это! — воскликнул он сурово и упрямо, и я понял, что он не шутит.— Ведь увидел ты то, что хотел Вортигерн!

— Ты уверен, что он хотел именно этого? Чтобы я предрек ему его смерть? Господин мой, я ведь даже не знал, что говорю! Наверно, Горлойс рассказал тебе, что там было,— ведь я и сейчас не смог бы рассказать об этом сам. Я не знаю ни когда это придет, ни когда оно оставит меня.

— Но сегодня ты узнал о Ниниане и без помощи огня или тьмы...

— Это правда. Но не могу сказать, как это вышло,— не более, чем то, что я предрек Вортигерну.

— Люди зовут тебя Вортигерновым пророком! Ты предрек нам победу, и мы победили — и здесь, и в Доварде. Люди верят в тебя. И я тоже. Разве не хотелось бы тебе сменить титул на Амброзиева пророка?

— Господин мой, я готов принять любой титул, какой тебе будет угодно мне предложить. Но это идет не от меня. Я не могу призвать его, но знаю, что, если это важно, оно придет само, я тебе скажу, не беспокойся. И готов служить тебе. Ну а насчет Окты и Эозы я ничего не знаю. Могу только предполагать — как обычный человек. Они все еще сражаются под Белым Драконом, не так ли?

Его глаза сузились.

— Так.

— Значит, то, что сказал Вортигернов пророк, остается верным.

— Я могу сказать это людям?

— Если нужно. Когда ты собираешься выступить?

— Через три дня.

— И куда?

— В Йорк.

Я развел руками.

— Ну вот, твои догадки как полководца совпадают с предположениями мага. Меня с собой возьмешь?

Он улыбнулся.

— А стоит?

— Возможно, от меня будет мало пользы как от пророка. Но разве тебе не пригодится механик? Или начинающий врач? Или хотя бы певец?

Он рассмеялся.

— Знаю, знаю, ты один стоишь целого войска! Только, пожалуйста, не становись ни жрецом, ни попом, Мерлин. У меня их и без тебя хватает.

— Не беспокойся!

Костер догорал. Ответственный командир подошел, отдал честь и спросил, можно ли распустить людей. Амброзий кивнул, потом снова взглянул на меня.

— Что ж, поехали в Йорк. Там у меня найдется для тебя настоящее дело. Говорят, город наполовину разрушен, и мне пона-

добится человек, который мог бы распоряжаться работами. Треморин сейчас в Каэрлеоне. А теперь ступай, найди Кая Валерия и скажи ему, чтобы он позаботился о тебе. Через час приходи ко мне.

Он повернулся, чтобы уйти, и через плечо добавил:

— Если за это время тебе что-то явится, словно стрела из тьмы, скажи мне, ладно?

— Ну, если это не будет настоящая стрела...

Он рассмеялся и ушел.

Рядом со мной внезапно возник Утер.

— Ну что, Мерлин-бастард? Говорят, ты выиграл для нас битву, стоя на вершине холма?

Я с изумлением заметил, что он не издевается, а держится свободно, легко, радостно, словно пленник, отпущенный на волю. Наверно, он и в самом деле ощущал нечто подобное после долгих лет томительного выжидания в Бретани. Если бы Утера предоставили самому себе, он рванул бы через Узкое море, едва достигнув совершеннолетия, и храбро сложил бы голову в награду за труды. Теперь он почуял свою силу, словно коршун, впервые выпущенный на добычу. Я и сам чувствовал его силу: она окутывала его, словно сложенные крылья.

Я собрался было приветствовать его, но он перебил меня.

— Ты сейчас что-нибудь видел в пламени?

— Ох! И ты туда же! — добродушно ответил я.— Похоже, граф решил, что мне достаточно взглянуть на факел, чтобы тут же начать пророчествовать. Я как раз пытался ему объяснить, что все куда сложнее.

— Ну вот... А я-то собирался попросить тебя предсказать мне будущее...

— О Эрос! Но это же проще простого. Примерно через час ты устроишь своих людей и отправишься спать с бабой.

— Ну, на самом деле все не так просто. Как это ты догадался, что мне удалось найти бабу? Их тут, знаешь ли, не густо — одна на пятьдесят мужиков. Но мне повезло.

— Вот именно,— сказал я.— Если на пятьдесят мужиков всего одна баба, то она достанется Утеру. Закон природы, так сказать. Где мне найти Кая Валерия?

— Сейчас пошлю кого-нибудь, чтобы тебя проводили. Я бы сделал это сам, но не хочется лишний раз попадаться ему на глаза.

— Почему?

— Мы метали жребий, кому достанется девка, и он проиграл,— весело ответил Утер.— Так что у него будет время позаботиться о тебе! У него целая ночь впереди! Пошли.

Глава 6

Мы вошли в Йорк за три дня до конца мая.

Разведчики Амброзия подтвердили его догадку: от Каэркона на север вела хорошая дорога, и Окта бежал по ней вместе с родичем своим Эозой и укрылся в укрепленном городе, который римляне звали Эбораком, а саксы — Эоворвиком, или Йорком. Городские стены были в очень плохом состоянии, а жители города, прослышав о блистательной победе Амброзия под Каэрконаном, оказали саксонским беглецам более чем холодный прием. Как ни спешил Окта, ему удалось опередить Амброзия всего на два дня. Увидев нашу огромную армию, успевшую отдохнуть и получившую подкрепление от бриттских союзников, ободренных победами Красного Дракона, саксы побоялись, что город им не удержать, и решились молить о пощаде.

Я видел, как это было, находясь в самом авангарде, под стенами, при осадных машинах. Предводитель саксов, высокий молодой человек, белокурый, как и его отец, появился перед Амброзием раздетым, в одних штанах грубой ткани, перевязанных ремнями. Руки скованы цепью, а голова и все тело посыпаны пылью в знак унижения. Глаза у него были злые. Я видел, что его принудила к этому трусость — или мудрость, если вам угодно,— кучки предводителей саксов и бриттов, которые теснились позади него, в воротах, умоляя Амброзия пощадить их и их семьи.

На этот раз Амброзий смилостивился. Он потребовал лишь, чтобы остатки армии саксов ушли на север, за древний Адрианов вал, и сказал, что будет считать этот вал границей своего королевства. Как говорят, земли там дикие и неприютные, почти непригодные для жизни. Но Окта с радостью принял дарованную ему свободу, и вслед за ним, моля о той же милости, вышел и отдался в руки Амброзия кузен Окты Эоза. Он также получил помилование, и город Йорк отворил свои ворота новому королю.

Занимая новый город, Амброзий всегда следовал одной и той же схеме. Прежде всего — навести порядок; он никогда не впускал в город бриттские части. Наводили и поддерживали порядок

его собственные войска из Малой Британии, не имевшие здесь ни связей, ни личных счетов. Расчищались улицы, чинились на скорую руку городские стены, готовились планы дальнейших преобразований, которые затем передавались в руки небольшой группе опытных строителей, бравших себе в подмогу местных рабочих. Потом — встреча с местными властями, обсуждение будущей политики, принятие присяги и назначение гарнизона на то время, когда армия уйдет из города. И наконец, религиозная церемония благодарения, пир и народный праздник.

В Йорке, первом большом городе, занятом Амброзием, церемония проводилась в церкви в жаркий, солнечный июньский день, в присутствии всей армии и при большом стечении народа.

До того я уже был на другой, закрытой церемонии.

Конечно, храма Митры в Йорке не существовало. Культ был запрещен; да он бы все равно так или иначе угас — ведь последний легион ушел с Саксонского берега почти сто лет тому назад. Но во дни легионов храм Митры в Йорке был одним из лучших в стране. Поскольку поблизости не было естественных пещер, его устроили в большом подвале под домом римского военачальника. Поэтому христианам не удалось осквернить и разрушить его, как они обычно поступают с чужими храмами. Но время и сырость сделали свое дело, и святилище пришло в упадок. Некогда, при одном наместнике-христианине, здесь пытались устроить подземную часовню. Но следующий наместник открыто, чтобы не сказать яростно, воспротивился этому. Он и сам был христианином, но не видел причины, почему это хороший, удобный подвал следует использовать иначе, чем по прямому назначению, и полагал, что прямое назначение подвала — хранить вино. Подвал так и оставался винным погребом, до тех пор пока Утер не прислал туда рабочих, чтобы расчистить и по возможности починить его ко времени собрания, назначенного на день праздника Митры, шестнадцатого июня.

Собрание проводилось втайне — на этот раз не из страха, но для того, чтобы соблюсти приличия, официальное торжество должно было быть христианским, и сам Амброзий собирался вознести благодарственные молитвы в присутствии епископов и всего народа. Я еще не видел святилища — в течение первых дней, проведенных в Йорке, я занимался восстановлением христианского храма к публичной церемонии. Но в день праздника Митры мое присутствие в подземном храме вместе с прочими посвященными моей ступени было необходимо. Большинство из них были мне незнакомы, или же я не мог узнать их по голосу из-под маски; но Утера узнать нетрудно, а отец, наверное, будет исполнять должность Солнечного Вестника.

Двери храма были закрыты. Мы, посвященные низшей ступени, ждали своей очереди в прихожей.

Это была маленькая квадратная комнатка, освещенная лишь двумя факелами в руках статуй, стоявших по обе стороны от входа в святилище. Над дверью висела старая каменная маска льва, побитая и изъеденная временем, слившаяся со стеной. Стоявшие по бокам каменные факельщики, такие же побитые, с отколотыми носами, отломанными и отрубленными конечностями, все еще выглядели древними и исполненными достоинства. В прихожей было холодно, несмотря на факелы, и пахло дымом. Тело мое стыло от холода: я стоял босой на каменном полу, и под длинным одеянием из белой шерсти на мне ничего не было. Но когда меня уже начинала пробирать дрожь, двери распахнулись и внезапно все наполнилось светом, цветом и пламенем.

Даже теперь, когда прошло много лет и я столькому научился за свою жизнь, не могу заставить себя нарушить данный мною обет молчать и хранить тайну. Насколько мне известно, этого обета не нарушал еще никто. Говорят, если тебя чему выучили в юности, от этого уже не избавишься, и я знаю, что заклятие тайного бога, что привел меня в Бретань, к ногам моего отца, лежит на мне до сих пор. На самом деле то ли по причине особенности человеческого разума, о которой я говорил, то ли это вмешательство самого бога, но я обнаружил, что мои воспоминания о таинстве смешались и сделались расплывчатыми, словно то был сон, сложившийся из всего, что я видел: от того первого видения в поле до этой церемонии, которая была для меня последней.

Кое-что я помню. Другие каменные факельщики. Длинные скамьи по обе стороны центрального прохода, где сидели люди в ярких одеяниях. Их маски внимательно смотрели на нас. Ступени в дальнем конце, и большая апсида с аркой, похожей на устье пещеры, а за ней — пещера с потолком, усеянным звездами, и в ней — древний каменный рельеф: Митра, убивающий быка. Должно быть, его как-то удалось укрыть от молотов ниспровергателей богов, ибо он сохранил всю свою мощь и драматизм.

Это был он, тот юноша, кого я видел у стоячего камня. Озаренный светом факелов, в странной шапке, он стоял, опершись коленом на поверженного быка, и, отвернувшись в печали, вонзал меч ему в горло. У подножия лестницы располагались огненные алтари, по одному с каждой стороны. Рядом с одним из них стоял человек в одеянии и маске Льва, с жезлом в руке. Рядом с другим Гелиодромос — Солнечный Вестник. А на вершине лестницы, в центре апсиды — Отец, ожидающий нас.

У моей маски Ворона были слишком узкие отверстия для глаз, и я мог смотреть только прямо вперед. Вертеть головой в этой птичьей маске с длинным клювом было бы неприлично, и потому я стоял, прислушиваясь к голосам и пытаясь угадать, сколько здесь людей, которых я знаю. Единственные, в ком я мог быть уверен,— это высокий и молчаливый Вестник у огня на алтаре, и один из Львов — либо тот, что у арки, либо один из тех, что сидели на сооруженных на скорую руку скамьях.

Такова была обстановка церемонии, и это все, что я помню, кроме самого конца. Служащим Львом был не Утер. Он был меньше ростом, шире в плечах и явно старше Утера. И его удар был всего лишь условным тычком — Утер всегда ухитрялся ткнуть побольнее. И Вестником был не Амброзий. Когда Вестник подал мне ритуальную трапезу — хлеб и вино,— я увидел на мизинце его левой руки кольцо из красной яшмы с вырезанным на нем геральдическим драконом. Но когда он поднес чашу к моим губам и рукав алого одеяния сполз вниз, я увидел на загорелой руке знакомый белый шрам и, подняв голову, увидел за маской голубые глаза, в которых поблескивали насмешливые искорки. Я вздрогнул и пролил вино. Глаза наполнились смехом. Похоже, с того раза, как я в последний раз участвовал в мистерии, Утер успел перешагнуть через две ступени. А поскольку других Вестников здесь не было, Амброзий мог быть лишь...

Я отошел от Вестника и преклонил колени перед Отцом. Но ладони, в которые я вложил свои руки, чтобы произнести обет, были старческими, и глаза, в которые я взглянул, подняв голову, были чужими.

Через восемь дней состоялся официальный благодарственный молебен.

Амброзий был там со всеми своими офицерами, и даже Утер был в их числе.

— Ибо,— сказал мне отец позднее, когда мы остались наедине,— все боги, рожденные от света, братья, как тебе еще предстоит узнать. И если в этой стране Митра, дарующий победу, является в облике Христа — что ж, поклонимся Христу.

Больше мы об этом не говорили.

Капитуляция Йорка ознаменовала конец первого этапа кампании Амброзия. После Йорка мы отправились в Лондон — короткими переходами и без боев, если не считать нескольких мелких стычек. Теперь верховный король должен был взяться за непомерный труд по восстановлению и объединению своего королевства. В каждом городе и крепости он оставлял гарнизон из своих солдат, под командой испытанных офицеров, и ставил собственных строителей, которые должны были управлять работами по перестройке и восстановлению городов, дорог и крепостей.

Повсюду была та же самая картина: добротные некогда здания — в плачевном состоянии или вообще разрушены, дороги заброшены и наполовину заросли, селения разорены, народ прячется в лесах и пещерах, храмы и святилища разорены или осквернены. Казалось, будто глупость и безмерная алчность саксонских орд поразила всю страну, подобно моровой язве. Все, что давало свет: искусства, песни, науки, религия, народные праздники, пиры на Пасху, на День Всех Святых или на середину зимы, даже простое искусство земледелия,— все скрылось под черными тучами, на которых мчались северные боги войны и грома. И призвал их сюда Вортигерн, король бриттов. Это все, что осталось в памяти народа.

Они забыли, что Вортигерн был хорошим правителем в течение десяти лет и примерно столько же — сносным, до того как он обнаружил, что уже не в силах управлять духом войны, которого он призвал в свою страну и выпустил на волю. Люди помнили лишь, что он взошел на трон с помощью кровопролития, предательства и убийства родича, который был законным государем. И потому теперь они толпами сбегались к Амброзию и призывали на него благословения всех своих богов, с радостью приветствуя его как «первого короля всех бриттов», первый блистательный шанс на объединение страны.

Историю коронования Амброзия и его первых деяний в качестве верховного короля Британии рассказывали и до меня; она даже записана в книгах, поэтому здесь я скажу лишь, что, как

я уже говорил, провел с ним первые два года, но затем, весной двадцатого года моей жизни, его оставил. Я был по горло сыт советами, маршами и длительными обсуждениями правовых вопросов — Амброзий пытался восстановить законы, пребывавшие в небрежении,— и бесконечными встречами со старейшинами и епископами, которые готовы были целыми днями и неделями зудеть над ухом, подобно назойливым пчелам, ради одной-единственной капли меда.

Я устал даже от строительства. Это было единственное настоящее дело, которым я занимался за те долгие месяцы, что прослужил в армии. И наконец понял, что мне нужно оставить его, вырваться из круговорота дел, что творились рядом с ним: бог не беседует с теми, у кого нет времени внимать ему.

Разум всегда ищет то, что ему необходимо, и до меня наконец дошло, что свое дело я должен делать в тиши моих холмов. И потому весной, когда мы прибыли в Винчестер, я отправил весточку Кадалю, а потом нашел Амброзия и сказал ему, что уезжаю.

Он слушал вполуха; в те дни он был задавлен заботами, и годы, что прежде почти не касались его, теперь, казалось, гнули его к земле.

Я заметил, что это часто бывает с людьми, которые всю жизнь стремились к сиянию какого-то маяка, светящего с далекой вершины: когда они достигают цели пути и идти больше некуда, а нужно лишь собирать топливо и поддерживать огонь, они садятся рядом с костром и начинают стареть. Прежде юная горячая кровь грела изнутри — теперь же огню маяка приходится согревать их снаружи.

Так было и с Амброзием. Король, что восседал на троне в Винчестере, уже не был ни тем молодым военачальником, с кем я говорил через заваленный картами стол в Малой Британии, ни даже Вестником Митры, что наткнулся на меня посреди заиндевевшего поля.

— Не могу тебя удерживать,— сказал он,— ты не командир, а мой сын и волен идти, куда пожелаешь.

— Я служу тебе, но знаю, что больше пригожусь тебе там. Вчера ты вроде говорил, что собираешься послать отряд в Каэрлеон. Кто туда идет?

Он порылся в записях. Год назад Амброзий помнил такие вещи наизусть.

— Приск, Валенс. Быть может, Сидоний. Они выступают через два дня.

— Поеду с ними.

Он взглянул на меня, и внезапно я вновь увидел пред собой прежнего Амброзия.

— Что, стрела из тьмы?

— Если хочешь — да. Я знаю, что должен уйти.

— Ну, счастливого пути. И возвращайся — когда-нибудь.

Тут нас кто-то прервал. И когда я уходил, он уже был погружен в какой-то сложный пункт нового городского статута.

Глава 7

Дорога из Винчестера в Каэрлеон хорошая, погода стояла сухая и ясная, поэтому мы не стали останавливаться в Саруме, а направились на север, через Великую равнину, и ехали до темноты.

Немного дальше Сарума расположено место, где родился Амброзий. Теперь уже и не помню, как называлось оно прежде, но в те времена стало зваться своим нынешним именем — Амересбург, или попросту Эймсбери. Я никогда там не бывал, и мне хотелось повидать его, поэтому мы поторопились, чтобы прийти туда до заката. Меня вместе с командирами удобно разместили в доме городского головы. Городишко был скорее большой деревней, но теперь он очень гордился тем, что именно здесь родился верховный король. Неподалеку оттуда было место, где за несколько лет до того около сотни знатных мужей-бриттов были предательски убиты саксами и погребены в братской могиле, расположенной к западу от Эймсбери, за каменным кольцом, которое люди называют Хороводом Великанов или Хороводом Висячих Камней.

Я давно слышал о Хороводе Великанов, и мне хотелось посмотреть на него, поэтому, когда отряд пришел в Эймсбери и стал располагаться на ночлег, я извинился перед хозяином и в одиночку поехал на запад через Равнину. Огромная Равнина тянется там на много миль, без холмов и впадин, и однообразие ее нарушают лишь заросли терна и утесника, да еще отдельные дубы, исхлестанные ветрами. Солнце садилось поздно, и в тот вечер, когда я медленно ехал на своем усталом коне на запад, небо

впереди еще было окрашено последними лучами заката, а за спиной у меня, на востоке, громоздились синевато-серые вечерние облака и горела первая вечерняя звезда.

Наверно, я ожидал, что Хоровод Великанов окажется куда менее впечатляющим, чем ряды стоячих камней, к которым я успел привыкнуть в Бретани,— чем-нибудь вроде того каменного кольца на острове друидов. Но эти камни оказались огромными, больше всех, что мне доводилось видеть прежде; и здесь, посреди огромной пустынной Равнины, они внушали благоговение и страх.

Сперва я медленно объехал их кругом, разглядывая со стороны, потом спешился и, оставив коня пастись, прошел внутрь между камней внешнего круга. Моя тень, которая ложилась на траву впереди меня меж их теней, казалась крошечной и ничтожной. Я невольно остановился, словно великаны соединили руки, не желая впускать меня.

Амброзий спросил, не была ли это «стрела из тьмы». Я ответил, что да, и это было правдой, но мне еще только предстояло узнать, зачем меня привело сюда. Пока что, теперь, когда я оказался здесь, я понял, что мне хочется лишь одного: очутиться подальше отсюда. Это было похоже на то, что я ощущал в Бретани, впервые проходя меж рядами стоячих камней: словно кто-то более древний, чем само время, дышит в затылок и заглядывает тебе через плечо. Но здесь было немного иначе. Земля и камни, к которым я прикасался, все еще были теплыми от солнца, и все же казалось, что откуда-то из глубины веет холодом.

Я пошел дальше к центру, борясь с собой. Быстро темнело, и идти приходилось осторожно. Ветра и время — а быть может, и боги войны,— сделали свое дело: многие камни упали и лежали как попало. Но общий замысел все же просматривался. Это был круг — но непохожий на те круги, что я видел в Бретани. Ничего подобного мне еще видеть не доводилось. Изначально там было наружное кольцо из гигантских камней, и часть их еще стояла. Я увидел, что стоячие камни были соединены между собой перемычками из горизонтальных, таких же огромных, как они сами. Каменная дуга — словно Исполинская изгородь — выделялась на фоне неба. Кое-где и в других местах сохранились остатки внешнего круга, но большая часть камней обрушилась либо стояла накренясь, и перемычки валялись на земле между ними. Внутри большого круга стоячих камней был другой, поменьше. Часть гигантов из внешнего круга обрушилась внутрь и опрокинула внутренние камни. Внутри меньшего круга, в центре, стояли подковой огромные камни, соединенные перемычками попарно. Три из этих трилитонов стояли нетронутыми; четвертый обрушился и опрокинул соседний. А внутри этой подковы была еще одна, из глыб поменьше, и они почти все остались стоять. Самый центр круга был пуст — лишь тени скрещивались там.

Солнце село, краски на западе угасли, лишь одна яркая звезда сияла на расплывающемся зеленоватом море. Я замер. Было очень тихо, так тихо, что я слышал, как мой конь щиплет траву и как позвякивают удила, когда он переступает с ноги на ногу. Кроме этого, тишину нарушал лишь тихий щебет скворцов, свивших себе гнездо на вершине одного из гигантских трилитонов. Скворец — священная птица друидов. Я слышал, что в былые времена друиды вершили здесь свои обряды. О Хороводе рассказывают много историй: о том, что эти камни привезены из Африки и установлены здесь древними великанами, или о том, что сами камни и есть великаны, которые когда-то водили здесь хоровод, но были застигнуты проклятием и обратились в камень. Но не великаны и не проклятия дышали холодом из земли и камней — это люди сложили эти предания, и поэты, подобно тому слепому старику в Бретани, пели о возведении кольца стоячих камней. Последний луч упал на камень рядом со мной. Огромный выступ на поверхности песчаника в точности соответствовал впадине в обрушившейся перемычке, лежавшей рядом. Нет, эти шипы и выемки созданы людьми, такими же ремесленниками, как те, кем я распоряжался почти каждый день в течение последних нескольких лет — в Малой Британии, потом в Йорке, Лондоне, Винчестере. Это сооружение было огромным, и впрямь казалось, что его могли возвести лишь руки великанов,— и все же его построили обычные рабочие, которыми руководили механики, и строили их под звуки песен, подобных той, что я слышал от слепого певца в Керреке.

Я медленно прошел в центр круга. Небо на западе все еще слабо светилось, и моя тень падала наискось впереди меня. На миг на одном из камней выступил силуэт секиры о двух лезвиях. Я поколебался, потом обернулся, чтобы взглянуть еще раз. Моя тень вдруг ушла вниз. Я шагнул вперед, в неглубокую яму — и упал, растянувшись во весь рост.

Это было всего-навсего углубление в земле. Оно могло быть выбито много лет назад упавшим камнем. Или здесь была могила...

Но вблизи не было камней такого размера. И не похоже, чтобы в этом месте когда-то копали. Нет, здесь не было могилы. Ровная земля. Трава короткая, выеденная овцами и скотом. А вставая, я почувствовал под пальцами душистые, махровые звездочки маргариток. Однако, лежа на земле, я ощутил хлынувший снизу холод. Он пронизал меня внезапно, подобно стреле, и я понял, что за этим меня сюда и привели.

Я поймал коня, взобрался в седло и поехал обратно, в город, где родился мой отец.

Через четыре дня мы пришли в Каэрлеон и обнаружили, что город совершенно изменился. Амброзий намеревался сделать его одной из трех своих основных резиденций, наряду с Лондоном и Йорком, и здесь работал сам Треморин. Стены отстроены, мост починен, русло реки прочищено, берега укреплены, восстановлен весь комплекс восточных казарм. Когда-то Каэрлеон был обширным военным поселением, окруженным невысокими холмами и защищенным излучиной реки. Теперь такая большая крепость была не нужна, и Треморин снес то, что оставалось от западных казарм, и использовал материал для строительства новых казарм, бань и новехоньких кухонь. Старые постройки были даже в худшем состоянии, чем баня в Маридунуме, а теперь...

— Солдаты со всей Британии будут проситься именно сюда,— сказал я Треморину.

Ему это явно польстило.

— Мы успели как раз вовремя,— сказал он.— Ходят слухи о новой войне. Ты ничего об этом не слыхал?

— Нет. Но если новости совсем свежие, то я их мог и не получить.

— Мы почти неделю провели в дороге. А что такое? Снова Окта?

— Нет, Пасценций.

Это был брат Вортимера, который вместе с ним участвовал в восстании, а после его смерти бежал на север.

— Он уплыл в Германию — ты это знал? Так говорят, что он собирается вернуться.

— Ну, со временем он, несомненно, вернется,— сказал я.— Не будешь ли ты так любезен посылать мне вести обо всех событиях?

— Тебе? Так ты не останешься здесь?

— Нет. Еду в Маридунум. Это ведь моя родина, ты же знаешь.

— Ах да, забыл. Что ж, может, еще увидимся — я пробуду здесь еще некоторое время: мы теперь церковь строим.

Он ухмыльнулся.

— Епископ пристал ко мне, что твой овод: похоже, мне следовало бы подумать об этом прежде, чем заниматься всякими низменными вещами. И поговаривают еще, что хорошо бы выстроить какой-нибудь памятник в честь побед Амброзия. Кое-кто говорит, что надо возвести триумфальную арку, как делали римляне. Ну, здесь, в Каэрлеоне, достаточно будет построить церковь — во славу Бога, и Амброзия заодно. Хотя, по-моему, если уж кто из епископов стоит того, чтобы в его владениях возвели храм во славу Бога и короля,— так это Глостер: старик Элдад лучшим воинам не уступит. Ты видел его?

— Я его слышал.

Он рассмеялся.

— Ну ладно. Сегодня-то ты у нас заночуешь, я надеюсь? Давай поужинаем вместе.

— Спасибо. С удовольствием.

Мы засиделись допоздна. Треморин показал мне кое-что из своих планов и наметок и очень уговаривал меня, чтобы я приезжал из Маридунума поглядеть, как продвигается строительство. Я обещал и на следующий день уехал из Каэрлеона один, несмотря на настойчивые уговоры коменданта, который непременно хотел навязать мне эскорт. Но я отказался и к обеду уже завидел впереди мои родные холмы. На западе собирались дождевые облака, но перед ними, подобно сияющей занавеси, висели косые лучи солнца. В такие дни становится видно, почему зеленые холмы Уэльса зовут Черными горами, а пронизывающие их долины называют Золотыми. Полосы солнечного света золотили кроны деревьев в долинах, а вдали высились иссиня-черные горы, упиравшиеся вершинами в облака.

Я потратил на дорогу два дня, ехал не спеша, примечая, что в эти края и в самом деле вернулись покой и процветание. Фермер, строивший стену, едва взглянул в мою сторону, а девушка, пасшая стадо овец, улыбнулась мне. И мельница на Тиви ра-

ботала как обычно: во дворе были свалены мешки с зерном и слышалось постукивание вращающегося колеса.

Я проехал мимо начала тропы, что вела к пещере, и направился прямо в город. Я убеждал себя, что в первую очередь следует заглянуть в обитель Святого Петра, чтобы расспросить о смерти матери и узнать, где она похоронена. Но когда я спрыгнул с коня у ворот монастыря и поднял руку, чтобы позвонить, то по стуку своего сердца понял, что это была ложь.

Мог бы и не обманывать себя. Ворота мне отворила глухая привратница. Не спрашивая, провела меня через внутренний двор и вывела на зеленый склон у реки. Там и была похоронена моя мать. Это было славное место: зеленая лужайка у стены. Груши рано расцвели здесь, на солнце, а над их ветвями, словно усыпанными снегом, раздували грудки два белых голубя, которых она так любила. За стеной слышалось журчание реки, а из-за деревьев сада доносился звон колокола в часовне.

Настоятельница приняла меня благосклонно, но ничего не смогла добавить к тому, что мне передали вскоре после смерти матери, а я потом пересказал отцу. Я оставил деньги на молебны и на резное надгробие, а когда уезжал, в моей седельной сумке был ее серебряный с аметистами крест. И лишь одного вопроса я задать не осмелился, даже когда другая девушка, не Кери, принесла мне вино. Наконец меня проводили к воротам и выставили на улицу, а вопрос так и остался незаданным. Здесь мне показалось, что удача вернулась ко мне: отвязывая коня от кольца, вбитого в стену у ворот, я увидел, что старая привратница смотрит на меня сквозь решетку. Она, несомненно, помнила то золото, которое я дал ей в свой первый визит. Но когда я достал деньги, сделал знак придвинуться поближе и прокричал ей свой вопрос в самое ухо — мне пришлось повторить его три раза, прежде чем до нее дошло,— она лишь пожала плечами и сказала: «Ушла». Толку с этого было немного, даже если быть уверенным, что она таки поняла меня. В конце концов я сдался. «Так или иначе, об этом следует забыть»,— сказал я себе, выехал из города и поехал вверх по долине; но, куда бы я ни взглянул, всюду мне чудилось ее лицо и в каждом солнечном луче мерещилось золото ее волос.

Кадаль отстроил загон, который мы с Галапасом соорудили в кустах боярышника. Теперь у загона была хорошая крыша и прочная дверь, и в нем вполне можно было поставить пару крупных коней. Один конь — должно быть, самого Кадаля — там уже стоял.

Возможно, Кадаль услышал меня, когда я ехал вверх по тропе, потому что не успел я спешиться, как он выбежал из-за утеса, принял у меня поводья, прижал мои руки к губам и расцеловал их.

— В чем дело? — удивленно спросил я. Он не должен был за меня беспокоиться: я постоянно посылал ему письма.— Ты что, не получил известия о моем приезде?

— Получил. Давно тебя не видел! Хорошо выглядишь.

— Ты тоже. Здесь все в порядке?

— В полном, вот увидишь. В таком месте много чего можно сделать. Иди наверх, твой ужин готов.

Он принялся расстегивать подпругу, пока я поднимался наверх в одиночестве.

У Кадаля, конечно, было много времени, но увиденное поразило меня. Все сделалось как прежде: зеленая трава, залитая солнцем, земля меж зелеными завитками молодого папоротника усеяна маргаритками и анютиными глазками, а из-под куста цветущего терновника брызнули во все стороны крольчата. Источник был кристально чист, и на дне водоема был виден каждый камушек. А над источником стояла в своей папоротниковой нише статуя бога; должно быть, Кадаль нашел ее, когда расчищал источник. Здесь был даже роговой ковшик. Он стоял на прежнем месте. Я напился из него, отлил несколько капель богу и вошел в пещеру.

Из Малой Британии привезли мои книги; большой сундук стоял у стены там, где прежде был сундук Галапаса. На месте стола стоял другой — я узнал его, он был из дома моего деда. Бронзовое зеркало висело там же. В пещере было чисто, сухо и хорошо пахло. Кадаль сложил каменный очаг, и в нем лежали дрова, которые оставалось только поджечь. Я почти ожидал увидеть Галапаса, сидящего у очага, и, на уступе у входа, сокола, что сидел там в ту ночь, когда один мальчик уезжал отсюда в слезах. А в тенях над уступом в глубине пещеры зиял провал в более глубокую тьму — хрустальный грот.

В ту ночь, лежа на постели из папоротника и кутаясь в одеяло, я прислушивался к шороху листьев у входа и к журчанию источника. Кроме них, тишину ничто не нарушало. Огонь в очаге потух. Я закрыл глаза и уснул так крепко, как не спал с детства.

Глава 8

Как пьяница, который не может добыть вина, думает, что исцелился от своего пагубного пристрастия, так и я думал, что исцелился от любви к тишине и одиночеству. Но в то первое утро в Брин-Мирддине я проснулся и понял, что это не просто убежище, это мой дом. Апрель сменился маем; на холмах перекликались кукушки, в молодом папоротнике раскрывались пролески, по вечерам отовсюду слышалось блеянье ягнят, а я по-прежнему не приближался к городу ближе вершины холма в двух милях к северу, где я собирал травы. Кадаль каждый день ездил туда за припасами и новостями, а дважды ко мне приезжал гонец, один раз — с кипой чертежей от Треморина, другой — из Винчестера, с новостями и деньгами от отца. Письма он не привез, но подтвердил, что Пасценций в самом деле собирает в Германии войско и к концу лета наверняка начнется война.

Остальное время я читал, бродил по холмам, собирал травы и готовил лекарства. А еще сочинял музыку и сложил много песен. Слыша их, Кадаль отрывался от работы, косился на меня и качал головой. Кое-какие из них поют до сих пор, но большая часть давно забыта. Вот одна из них — я спел ее однажды ночью, когда в городе был май во всем своем буйном цветении и пролески в папоротнике из серых делались синими.

Земли серы и голы, деревья наги, как кость,
Одежды летние сорваны с них; и кудри ив,
И прелесть синих вод, и травы златые,
И даже пение птиц — все похитила дева,
Юная дева похитила, гибкая, точно ива.

Весела она, словно птица на ветке в мае,
Нежна она, словно звон колокола на башне,
Танцует она меж гибких камышей,
И следы ее сияют на серой траве.
Я принес бы ей дар, королеве меж дев.
Но что я могу найти? Опустел мой дол.
Лишь голос ветров в тростниках да алмазы дождя
И бархат мха на холодном камне.
Что я могу подарить, кроме мха на камне?
Она закрывает глаза и отворачивается во сне.

На следующий день я бродил в лесистой долине в миле от дома в поисках дикой мяты и амброзии, и вдруг она выступила на тропу из зарослей папоротника и пролесков, словно я призвал ее.

На самом деле это так могло и быть. Стрела есть стрела, какой бы бог ее ни выпустил.

Я замер у купы берез, боясь, что она вдруг исчезнет, словно явилась из снов и желаний, не более чем призрак в свете солнца. Моя душа и тело тотчас рванулись ей навстречу, но я не мог шевельнуться. Она увидела меня, на лице ее вспыхнула улыбка, и она, легко ступая, направилась ко мне. Березовые ветви над головой раскачивались, по земле плясали пятна света и тени, и в этом освещении она казалась нереальной, словно ее шаги не приминали травы. Но она подошла вплотную — нет, это не видение, это была прежняя Кери, в домотканом платье, пахнущая жимолостью. Теперь на ней не было капюшона; волосы ее свободно лежали на плечах, и она шла босиком. В пробивающихся сквозь листву солнечных лучах волосы ее искрились, как вода в ручье. В руках она держала охапку пролесок.

— Господин мой!

Тонкий, почти беззвучный голосок был полон радости.

Я стоял неподвижно. Мое достоинство окутывало меня, словно плащ, а тело мое под ним ярилось, словно конь, которому одновременно дали шпоры и затянули повод. А вдруг она снова поцелует мне руку? И что тогда?

— Кери! Что ты тут делаешь?

— Как что? Пролески собираю!

Слова звучали дерзко, но ее большие невинные глаза сгладили резкость. Она протянула мне пролески, смеясь из-за букета. Бог весть что увидела она в моем лице. Нет, целовать мне руки она не собиралась.

— Ты разве не знал, что я ушла из обители?

— Да, мне сказали. Но я думал, что ты ушла в какой-нибудь другой монастырь.

— Ну что ты! Меня от него тошнило. Там прямо как в клетке. Многим из них нравится — они чувствуют себя в безопасности. Но мне... Я не создана для такой жизни.

— Меня тоже когда-то хотели запереть в монастыре,— сказал я.

— И ты тоже сбежал?

— Да. Но мне удалось сбежать раньше, чем меня заперли. А где же ты живешь теперь, Кери?

Она словно не услышала вопроса.

— Стало быть, ты тоже не был предназначен для такого? Для жизни в оковах?

— В оковах, но не таких.

Она призадумалась. Но я сам не мог понять, что сказал, а потому молчал и просто смотрел на нее, наслаждаясь этими мгновениями.

— Мне так жалко было твою матушку! — сказала она.

— Спасибо, Кери.

— Она умерла почти сразу, как ты уехал. Наверно, тебе все уже рассказали?

— Да. Я сразу, как вернулся в Маридунум, первым делом пошел в обитель.

Кери молчала, глядя в землю, ковыряя траву пальцем босой ноги — словно танцуя, и золотые шарики у нее на поясе тихо звенели.

— Я знала, что ты вернулся. Об этом все говорят.

— В самом деле?

Она кивнула.

— В городе мне сказали, что ты принц и к тому же великий маг...

Подняла глаза — и запнулась, с сомнением разглядывая меня. Я был в самой старой своей одежде, в тунике с пятнами зелени, которые не мог отстирать даже Кадаль, и плащ мой изорвался по кустам. На мне были парусиновые, как у раба, сандалии — что толку таскать кожаные по высокой мокрой траве? По сравнению с тем прилично одетым молодым человеком, которого она видела два года назад, я, должно быть, выглядел сущим оборванцем. Она спросила с детской прямотой:

— Ты по-прежнему принц, теперь, когда твоя мать умерла?

— Да. Я сын верховного короля.

Она раскрыла рот.

— Верховного короля? Об этом никто не говорил...

— Не многие об этом знают. Но теперь, когда моя мать умерла, я думаю, это уже не важно. Да, я его сын.

— Сын верховного короля...— благоговейно выдохнула она.— И маг к тому же! Я знаю, что это правда.

— Да. Это правда.

— Ты однажды сказал мне, что ты не маг.

Я улыбнулся.

— Я сказал, что не могу вылечить тебя от зубной боли.

— Но вылечил же!

— Это ты так сказала. Я тебе не поверил.

— Твое прикосновение может вылечить от всего на свете! — сказала она и подступила ко мне вплотную.

Ворот ее платья отвис. Грудь у нее была белая, как жимолость. Я ощутил ее аромат, аромат пролесок и горьковато-сладкий запах сока раздавившихся между нами цветов. Я протянул руку, потянул за ворот платья, и шнурок порвался. Груди ее были круглые, полные и мягкие-мягкие. Они круглились в моей ладони, как грудки голубей моей матери. Помнится, я думал, что она вскрикнет и оттолкнет меня, но она уютно прижалась ко мне, рассмеялась, обвила руками мою голову, зарылась пальцами в мои волосы и куснула меня в губу. А потом вдруг повисла на мне всем своим весом. Я попытался удержать ее, неуклюже нагнулся ее поцеловать, потерял равновесие и рухнул вместе с нею на землю. Вокруг рассыпались цветы.

Я не сразу понял, в чем дело. Поначалу был смех и прерывистое дыхание и все, что чудилось мне по ночам, но это казалось игрой оттого, что она была такая маленькая, и из-за тихих стонов, которые она издавала, когда я делал ей больно. Она была гибкая как тростинка и вся мягкая; я, наверно, должен был чувствовать себя на верху блаженства. Но внезапно она издала горловой звук, словно задыхалась, изогнулась в моих объятиях — я видел, так корчатся в агонии умирающие,— и ее губы метнулись вверх и прижались к моим губам.

И внезапно я сам начал задыхаться. Ее руки тянули меня вниз, губы засасывали, ее тело влекло в тесную, кромешную тьму, где нет ни воздуха, ни света, ни дыхания, ни голоса бодрствующего духа. Могила в могиле. Страх вонзился в мой мозг, подобно раскаленному добела клинку. Я открыл глаза — и не увидел ничего, кроме бешено вращающихся огней и тени дерева, чьи шипы терзали меня, как копья. Что-то жуткое вцепилось мне в лицо. Тень боярышника разрослась и затрепетала, передо мной разверзлось устье пещеры и стены ее надвинулись, погребая меня под собой. Я рванулся, оттолкнул ее и откатился в сторону, вспотев от страха и стыда.

— В чем дело?

Голос ее звучал глухо. Она водила руками в воздухе, пытаясь нащупать меня.

— Извини, Кери. Извини.

— Ты о чем? Что случилось? — Она повернула ко мне лицо, полускрытое разметавшимися золотыми волосами. Глаза у нее были полуприкрыты и затуманены. Она потянулась ко мне.— Ну, что ты? Иди сюда. Все в порядке. Я покажу тебе. Просто иди сюда.

— Нет.— Я попытался мягко отвести ее руки, но весь дрожал, и жест получился неуклюжим.— Нет, Кери. Оставь меня. Нет.

— В чем дело? — Она открыла глаза и приподнялась на локте.— Послушай, похоже, ты этим никогда раньше не занимался! Правда ведь? Да?

Я ничего не ответил.

Она рассмеялась, но смех вышел резким и пронзительным. Она снова перекатилась на спину и протянула мне руки.

— Ну ничего. Научишься. Ведь научишься же? Ты ведь мужчина, в конце концов! По крайней мере, я думала, что ты мужчина...

И в порыве внезапного раздражения выпалила:

— Ну что же ты, бога ради! Давай скорей! Говорю тебе, все будет в порядке.

Я схватил ее за руки и удержал так.

— Кери, извини. Не могу объяснить тебе, но это... Просто знаю, что не должен этого делать. Нет, послушай, подожди! Дай мне время...

— Пусти!

Я разжал руки, она вырвалась и села. Глаза у нее были злые. В волосах запутались цветы.

— Ты не думай, Кери, это не из-за тебя,— сказал я.— Ты здесь совершенно ни при чем...

— Недостаточно хороша для тебя, да? Потому что моя мать была шлюха, да?

— Разве? Я даже не знал.

Внезапно я почувствовал себя бесконечно усталым и осторожно сказал:

— Я же говорю, ты здесь ни при чем. Ты очень красивая, Кери, и когда я тебя увидел, то почувствовал... ну, ты, должно быть, знаешь, что я почувствовал. Но тут дело не в чувствах. Это стоит между мной и... Это связано с моей...

Я остановился. Все было бесполезно. Она смотрела на меня блестящими и пустыми глазами, потом резко отвернулась и принялась отряхивать платье. И вместо того чтобы сказать «с моей силой», я закончил:

— С моей магией.

— С магией!

Она выпятила губу, как обиженный ребенок, резким рывком затянула поясок и принялась собирать рассыпавшиеся пролески.

— Магия! Магия! — презрительно повторяла она.— Ты что, думаешь, я верю в твою дурацкую магию? Ты что, в самом деле поверил тогда, что у меня болели зубы?

— Не знаю,— устало ответил я и поднялся на ноги.

— Наверно, чтобы быть магом, надо не быть мужчиной! Зря ты тогда не ушел в монастырь!

— Быть может.

В волосах у нее запутался цветок. Она подняла руку и вытащила его.

Тонкая прядка блеснула на солнце, как паутина. Мне бросился в глаза синяк у нее на запястье.

— Как ты? Я не сделал тебе больно?

Она не ответила и не взглянула на меня. Я отвернулся.

— Ну что ж, Кери... До свидания...

Когда я отошел шагов на шесть, сзади раздался ее голос:

— Принц!

Я обернулся.

— Так-то ты обращаешься с девицей? — сказала она.— Удивительно! Говоришь, что сын верховного короля,— и даже не хочешь оставить бедной девушке серебряной монетки за порванное платье?

Должно быть, я уставился на нее, как лунатик. Отбросив назад свои золотые волосы, она рассмеялась мне в лицо. На ощупь, словно слепой, я порылся в кошельке у пояса и достал монету. Она оказалась золотой. Я шагнул к Кери, чтобы отдать. Все еще смеясь, она поклонилась и протянула мне руки, сложенные чашечкой, как у нищего. Порванное платье открывало горло и грудь. Швырнув монету наземь, я бросился бежать прочь в лес.

Ее смех преследовал меня до тех пор, пока я добежал до вершины холма, спустился в соседнюю долину, рухнул ничком у горного ручья и утопил ее аромат и память о прикосновении в потоке ледяной воды, пахнущей снегом.

Глава 9

В июне Амброзий приехал в Каэрлеон и послал за мной. Я отправился один и прибыл туда вечером, после ужина, когда лагерь затих и зажгли светильники. Король все еще работал; я видел свет, льющийся из окон штаба. Снаружи развевался штандарт с драконом. Подъезжая, я еще издали услышал, как солдаты отдают честь, и на пороге показался высокий человек, в котором я признал Утера.

Он перешел через дорогу к дверям дома, который стоял напротив королевского дворца, но у лестницы увидел меня, остановился и вернулся.

— А, Мерлин! Приехал, значит. Ты, однако, не торопился!

— Я не ожидал вызова. И мне нужно было уладить кое-какие дела перед тем, как плыть за море.

Он остановился как вкопанный.

— А кто сказал, что тебе лежит дорога за море?

— Люди только об этом и говорят. В Ирландию, я так понимаю? Говорят, Пасценций нашел там опасных союзников, и Амброзий хочет избавиться от них. Но почему я?

— Потому что он хочет разрушить их главную крепость. Ты слышал о Килларе?

— Приходилось. Говорят, это крепость, которую еще никто не смог взять приступом.

— Правду говорят. Килларе — это гора в самом сердце Ирландии, с ее вершины видны все берега. А на вершине горы стоит крепость, не земляной вал с частоколом, а прочная каменная стена. Вот зачем нам понадобился ты, любезный Мерлин.

— Понимаю. Нужны машины.

— Килларе нужно взять. Если это удастся, следующие несколько лет мы будем жить спокойно. Поэтому я беру Треморина, а он настаивает на том, чтобы я взял тебя.

— Я так понимаю, что король не едет?

— Нет. Ну а теперь спокойной ночи. Я пригласил бы тебя к себе, но у меня дела. У него, кажется, комендант лагеря, но, думаю, долго они не засидятся.

Засим он довольно любезно попрощался со мной, взбежал по ступеням своего дома и прямо с порога, не успев закрыть за собой дверь, кликнул слугу.

Почти тотчас же я услышал, как у дверей королевского дворца снова отдают честь, и оттуда вышел комендант лагеря. Он не

заметил меня и остановился поговорить с одним из часовых, а я стоял и ждал, пока он освободится.

Мое внимание привлекло какое-то движение в тени — кто-то осторожно спускался по узкому проходу между зданиями на противоположной стороне улицы, где жил Утер. Часовые были заняты разговором с комендантом и ничего не видели. Я отступил в темноту и вгляделся. Хрупкая фигурка в плаще с капюшоном. Девушка. Она дошла до угла, освещенного светом факелов, остановилась, огляделась и скорее таинственным, чем испуганным жестом натянула капюшон поглубже. Я узнал этот жест, узнал и этот аромат жимолости, и вспыхнувшую золотом в свете факела прядь, выбившуюся из-под капюшона.

Я замер. Почему она последовала за мной сюда? Чего она надеется добиться? Нет, это был не стыд — но я ощутил боль и, наверное, желание. Поколебавшись, шагнул вперед.

— Кери?

Она не обратила на меня внимания, выскользнула из тени и легко и быстро подбежала к ступеням дома Утера. Часовой окликнул ее, послышался шепот, солдат тихо рассмеялся...

Когда я поравнялся с дверью Утерова дома, она была закрыта. В свете факела было видно, что часовой все еще улыбается.

Амброзий сидел за столом. Позади, в полумраке, маячил слуга.

Амброзий отодвинул свитки и приветствовал меня. Слуга принес и налил вина, потом исчез, оставив нас одних.

Мы немного побеседовали. Амброзий рассказал мне обо всем, что произошло за то время, как я уехал из Винчестера, о том, как продвигается строительство, о своих планах на будущее. Потом мы заговорили о том, что успел сделать Треморин в Каэрлеоне, и постепенно разговор перешел на войну. Я спросил его, что слышно о Пасценции.

— У нас каждую неделю ждут вестей о том, что он высадился на севере и разоряет страну.

— Нет еще. На самом деле, если все пойдет, как я задумал, мы до весны о нем вообще ничего не услышим. А к тому времени мы успеем подготовиться! Но если позволить ему высадиться сейчас, это будет, пожалуй, самый опасный враг, с каким мне доводилось сталкиваться.

— Да, я кое-что слышал об этом. Ты имеешь в виду новости из Ирландии?

— Да. Оттуда новости плохие. Ты знаешь, что у них теперь новый, молодой король, Гилломан? Юный огненный дракон, как мне говорили. И рвется повоевать. Да ты, наверно, слышал, что Пасценций заключил помолвку с сестрой Гилломана. Понимаешь, чем это грозит? Такой союз может подвергнуть опасности одновременно север и запад Британии!

— А разве Пасценций в Ирландии? У нас говорят, что он в Германии, вербует союзников.

— Это так,— ответил Амброзий.— Я не могу добыть точных сведений об их численности, но, думаю, там порядка двадцати тысяч человек. И узнать, что задумали они с Гилломаном, мне тоже пока не удалось.

Он взглянул на меня и насмешливо приподнял бровь.

— Не беспокойся, мальчик. Я позвал тебя сюда не ради предсказаний. Ты уже все объяснил тогда в Каэрконане; я, как и ты, готов ждать, когда твой бог заговорит сам.

Я рассмеялся.

— Знаю, знаю! Сейчас тебе от меня нужно то, что ты называешь «настоящим делом».

— Вот именно. Дело вот в чем. Я не хочу сидеть в Британии и ждать, когда Ирландия с Германией объединят свои силы и ринутся на наши берега с двух сторон. Как летняя буря, встретятся в центре Британии и разгромят весь север. Британия пока что лежит между ними и может разделить их прежде, чем они объединятся, чтобы напасть.

— И ты собираешься напасть на Ирландию первым?

Он кивнул.

— На Гилломана. Он юн и неопытен — и потом, он ближе. Утер отплывет в Ирландию еще до конца месяца.

На столе перед ним лежала карта. Он развернул ее так, чтобы мне было видно.

— Вот. Это крепость Гилломана. Ты, несомненно, слышал о ней. Горная крепость, именуемая Килларе. Я не нашел ни одного человека, который видел ее своими глазами, но все говорят, что она хорошо укреплена и может выдержать любую осаду. Мне даже говорили, что ее еще никогда не брали штурмом. А мы не можем допустить, чтобы Утер сидел под стенами несколько

месяцев и ждал, пока Пасценций ударит с тыла. Килларе надо взять быстро. И мне говорили, что огнем ее не возьмешь.

— Да?

Я успел заметить, что на столе, среди карт и планов, есть и мои чертежи.

— Треморин тебя очень ценит,— сказал он как бы между прочим.

— Очень любезно с его стороны,— ответил я и заметил: — Я тут на улице Утера встретил. Он сказал мне, чего ты хочешь.

— Так поедешь с ним?

— Конечно. Всегда к твоим услугам. Но видишь ли, господин,— я указал на чертежи,— за последнее время я не изобрел ничего нового. Все, что изобрел, уже построено. И если дело срочное...

— Нет, речь не об этом. Я не прошу тебя ничего строить или ломать. Наши осадные машины и так хороши и нам послужат. У нас уже все готово, и можно отплывать. От тебя хочу большего.

Он помолчал.

— Видишь ли, Мерлин, Килларе — не просто крепость. Это место — священный дом королей Ирландии. Мне рассказывали, что на вершине горы стоит каменный Хоровод, такое же каменное кольцо, как те, что ты видел в Бретани. И люди говорят, что Килларе — сердце Ирландии, главное святилище королевства Гилломана. Я хочу, чтобы ты, Мерлин, поверг его и вырвал у Ирландии сердце.

Наступило молчание.

— Я говорил об этом с Треморином,— продолжал Амброзий,— и он сказал, что надо послать за тобой. Ты поедешь?

— Я же сказал, что да.

Улыбнувшись, он поблагодарил меня, словно не был верховным королем, а я — подданным, повинующимся его воле. Он поблагодарил меня, как равный равного, оказывающего ему услугу. Потом еще некоторое время рассуждал о Килларе, о том, что ему доводилось слышать об этом месте, о том, что мы должны приготовить, и наконец откинулся на спинку кресла и с улыбкой сказал:

— Об одном лишь жалею. Я ведь как раз еду в Маридунум. Мне хотелось побыть с тобой, но теперь нет времени. Если тебе надо что-то передать — к твоим услугам.

— Спасибо, не надо. Но ты знаешь, даже если бы я был там, то не решился бы предложить тебе поселиться в пещере.

— А я был бы рад повидать ее.

— Ну, дорогу тебе любой укажет. Только вряд ли это подобающее место для короля...

Я остановился. Его лицо озарилось улыбкой, и он вдруг превратился в двадцатилетнего юношу. Я поставил чашу на стол.

— Какой же я глупец! Забыл...

— О том, что ты был зачат в той самой пещере? Не беспокойся, я найду дорогу.

Потом он принялся рассказывать о своих собственных планах. Он сам собирался остаться в Каэрлеоне, потому что если Пасценций ударит, говорил он, то высадится вот здесь — его палец прочертил линию на карте.

— ...И я смогу перехватить его к югу от Карлайла. Да, кстати! Я хотел поговорить с тобой еще об одной вещи. Насколько я понимаю, в прошлый раз, когда ты был в Каэрлеоне, в апреле, ты говорил с Треморином. Так?

Я ждал продолжения.

— Вот об этом.

Он взял со стола кипу чертежей — не моих — и передал их мне. Это не был ни лагерь, ни какое-либо другое из виденных мною строений. Там были церковь, огромный зал, башня. Несколько минут я молча разглядывал их. Потом почувствовал себя усталым, словно сердце мое внезапно отяжелело. Лампа чадила, меркла, тени плясали по бумагам. Я встряхнулся и взглянул на отца.

— Понятно. Ты о памятном сооружении?

Он улыбнулся.

— Я в достаточной мере римлянин, чтобы желать возвести себе рукотворный памятник.

— И истинный бритт, чтобы сделать его британским? — сказал я, хлопнув ладонью по чертежам.— Да, об этом я тоже слышал.

— Что тебе говорил Треморин?

— Было задумано возвести нечто вроде памятника твоим победам и в честь объединения страны. Треморин сказал, что строить у нас в Британии триумфальную арку абсурдно, и я с этим согласился. Некоторые из клириков думают построить большую церковь — епископ Каэрлеона, к примеру, хочет, чтобы ее построили здесь. Но ведь это не годится, не правда ли, государь? Если построить церковь в Каэрлеоне, Лондон и Винчестер, не

говоря уже о Йорке, обидятся, что памятник возвели не у них. Наверно, из всех этих городов больше всего подойдет Винчестер. Это твоя столица.

— Нет. Я уже решил. Когда я ехал сюда из Винчестера, я проезжал через Эймсбери...

Он внезапно наклонился вперед.

— Что такое, Мерлин? Тебе плохо?

— Нет. Просто ночь душная. Гроза будет, наверно. Продолжай. Ты проезжал через Эймсбери...

— Ты знаешь, что я там родился? Ну вот, и мне пришло в голову, что если построить монумент там, то никто не сможет пожаловаться, что его обошли. Есть и другая причина, почему его следует устроить именно там...

Он сдвинул брови:

— Мальчик, ты белый как мел! Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Да. Наверно, просто немного устал.

— Ты ужинал? Я даже не спросил...

— Спасибо, я поел в дороге. Мне ничего не надо. Разве что немного вина...

Не успел я приподняться, как он уже вскочил, обошел вокруг стола с кувшином в руке и налил мне сам. Пока я пил, он стоял рядом со мной, опершись на край стола. Мне вдруг вспомнилось, что вот так же стоял он тогда в Бретани, в ту ночь, когда узнал, что он мой отец. Помнится, я заставил себя задержаться на этой мысли и мне удалось улыбнуться ему.

— Я в порядке, государь, честное слово! Пожалуйста, продолжай. Ты говорил, что есть еще одна причина, почему монумент следует возвести именно в Эймсбери.

— Ты, вероятно, знаешь, что неподалеку оттуда погребены бритты, предательски убитые Хенгистом. Я счел уместным — и, думаю, никто с этим спорить не станет,— что монумент моим победам и объединению Британии под властью единого короля будет также памятником этим воинам.

Он помолчал.

— На самом деле есть еще и третья, важнее двух прочих.

Я тихо произнес, не глядя на него, уткнувшись в чашу с вином:

— Ведь в Эймсбери уже имеется монумент, величайший монумент в Британии, а быть может, и на всем Западе. Так?

— А! — произнес он с чувством глубокого удовлетворения.— Так ты тоже об этом думал? И видел Хоровод Великанов?

— Ездил к нему из Эймсбери по дороге из Винчестера домой.

Тут он оторвался от стола и вернулся в свое кресло. Сел, наклонился, положив руки на стол.

— Тогда знаешь, что я задумал. Ты видел в Бретани достаточно, чтобы понять, чем некогда был Хоровод. И видел, во что он превратился сейчас: груда гигантских камней на пустоши, где царят солнце и ветра.— И добавил медленнее, пристально глядя на меня: — Я говорил об этом с Треморином. Он утверждает, что людям не под силу поднять такие камни.

Я улыбнулся.

— И ты, значит, послал за мной, чтобы я их поднял для тебя?

— Говорят, что их возвели не силой рук, но силой магии.

— Ну, значит, и потом будут говорить то же самое.

Он прищурился.

— Ты хочешь сказать, что можешь это сделать?

— А почему нет?

Он ничего не сказал — ждал продолжения, даже не улыбнулся,— это показывает, насколько он верил в меня.

— Слышал я все эти истории — то же, что говорят о стоячих камнях в Малой Британии. Но эти камни возвели люди, государь. А то, что построили одни люди, другие люди могут восстановить.

— Так что даже если у меня нет мага, зато есть сведущий механик?

— Вот именно.

— А как ты это сделаешь?

— Пока что это мне известно самое большее наполовину. Но сделать можно.

— И ты сделаешь это для меня, Мерлин?

— Конечно. Разве я не говорил, что здесь лишь затем, чтобы служить тебе наилучшим образом? Я отстрою для тебя Хоровод Великанов, Амброзий.

— Символ могущества Британии,— задумчиво произнес он, глядя на свои руки.— И меня похоронят там, Мерлин, когда придет мой час. То, что Вортигерн хотел сделать для своей крепости во тьме, я сделаю для своей при свете: тело короля будет покоиться под камнями, под порогом Британии ляжет тело воина.

Должно быть, кто-то отдернул с дверей занавеси. Часовых не было видно, лагерь спал. Меж каменных косяков двери и тяжелой перемычкой, лежащей на них, словно в раме, стояло синее ночное небо, усыпанное звездами. Вокруг вздымались огромные тени, гигантские камни, сплетавшиеся, как ветви деревьев, на которых руки, давно обратившиеся в прах, высекли знаки богов воздуха, земли и воды. Рядом кто-то тихо говорил; то был голос короля, голос Амброзия. Он говорил уже давно, и смутно, словно эхо во тьме, до меня долетело:

«...И пока король лежит здесь под камнем, королевство не падет. Ибо Хоровод будет стоять долго, дольше, чем стоял он прежде, и свет будет литься на него с живых небес. И принесу я огромный камень, и возложу его на могилу, и тот камень будет сердцем Британии, и с того времени и вовеки все короли станут единым королем, и все боги — единым Богом. И ты будешь жить в Британии, жить вечно, ибо мы с тобой создадим короля, чье имя будет жить дольше Хоровода, ибо он будет более чем символ — он станет щитом и живым мечом».

Нет, это не был голос короля — это был мой собственный голос.

Король сидел по другую сторону заваленного картами стола, его руки неподвижно лежали поверх чертежей и планов, глаза темнели из-под прямых бровей. Лампа догорала, мигая от сквозняка, тянувшего в щель закрытой двери.

Я уставился на него. Зрение мое медленно прояснялось.

— Что я сказал?

Он встряхнул головой, улыбнулся и потянулся к кувшину с вином.

— Это находит на меня, словно обморок на беременную девицу! — сказал я раздраженно.— Извини. Скажи, что я тут наговорил?

— Ты дал мне королевство. Дал бессмертие. Чего же еще? Пей, Амброзиев пророк.

— Только не вина! Вода есть?

— Есть.

Он встал.

— А теперь иди спать. И я пойду. Рано утром я уезжаю в Маридунум. Ты уверен, что тебе ничего не надо передать?

— Скажи Кадалю, пусть отдаст тебе серебряный крест с аметистами.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Я был уже почти такого же роста, как и он.

— Ну, так что? До свидания? — мягко сказал Амброзий.

— Нелегко говорить «до свидания» королю, которому суждено бессмертие.

Он посмотрел на меня странно.

— Так мы еще встретимся?

— Мы встретимся, Амброзий.

И только тогда я понял, что предрек ему его смерть.

Глава 10

Мне говорили, что Килларе — это гора в самом сердце Ирландии. В других местах на острове в самом деле имеются горы, не такие высокие, как у нас, но все же заслуживающие названия горы. Но Килларе — не гора. Это невысокий холм конической формы, не более девятисот футов в высоту. На нем даже лес не растет — только жесткая трава, заросли боярышника да несколько одиноких дубов.

Но тем, кто приближается к холму, он кажется горой, ибо возвышается один посреди большой равнины. Во все стороны — на север, на юг, на запад, на восток — тянутся ровные зеленые луга, почти без единого холмика. И все же неправда, что с вершины Килларе видны берега Ирландии: куда ни глянь — всюду лишь бесконечные зеленые луга, и над ними — спокойное небо, затянутое облаками. Там даже воздух мягкий.

Ветер был попутный, и мы высадились тихим летним утром на длинном сером пляже. Бриз дул с берега и нес с собой запахи болотного мирта, утесника и пропитанного солью торфа. В заливах плавали дикие лебеди с выводками подросших птенцов, чибисы свистели и кувыркались над лугами, где в тростниках прятались их птенцы.

Казалось, это время и эта страна совсем не подходят для войны.

Война и в самом деле кончилась быстро. Король Гилломан был юн — говорили, ему нет еще и восемнадцати,— и не желал слушать советников и выжидать подходящего часа для битвы. Столь отважно было его сердце, что, едва услышав о том, что на священную землю Ирландии высадились чужеземные войска, юный король собрал своих воинов и бросил их на закаленных ветеранов Утера. Они встретили нас на плоской равнине. У нас за спиной был холм, у них — река. Войско Утера выдержало первый отчаянный натиск, не отступив ни на шаг, а потом наши

солдаты пошли вперед и загнали ирландцев в реку. Ирландцам еще повезло: река была широкая и мелкая, и, хотя в тот вечер воды ее покраснели от крови, нескольким сотням ирландцев удалось уйти. В их числе был и король Гилломан. Нам стало известно, что он бежал на запад с горсткой преданных спутников, и Утер, догадываясь, что король держит путь в Килларе, выслал в погоню тысячу конных воинов, приказав схватить короля прежде, чем он окажется в крепости. И им это удалось. Беглецов догнали буквально за полмили до крепости, у подножия холма, откуда уже видны были стены. Вторая битва была короче и кровопролитней первой. Но дело происходило ночью, и в суматохе стычки Гилломану снова удалось уйти. Он ускакал прочь с горсткой людей, куда на этот раз — никто не знал. Но дело было сделано: к тому времени, как мы, основная часть войска, подошли к подножию горы Килларе, крепость уже заняли британские войска и ворота были открыты.

О том, что произошло потом, рассказывают много ерунды. Я сам слышал несколько песен об этом и даже читал один рассказ, записанный в книге. Амброзий получил неверные сведения. Килларе не была сложена из огромных камней; то есть наружные укрепления были обычные: ров, земляной вал с частоколом, за валом — еще один ров, глубокий, с кольями на дне. Сама центральная крепость, разумеется, была каменной, и камни были большие, но все же там не было ничего такого, что нельзя взять штурмом при наличии опытных солдат и всех осадных приспособлений. За стеной стояли дома, по большей части деревянные, но в некоторых были прочные подвалы, такие же, как у нас в Британии. А еще выше, на самой вершине холма, стояло внутреннее кольцо стен, подобно короне на челе короля. И внутри этих стен, в самом центре, находилось святилище. Там стоял Хоровод, каменный круг, в котором, как говорили, хранилось сердце Ирландии. Ему было далеко до Большого Хоровода в Эймсбери — то был всего лишь круг из одиночных стоячих камней,— но все же зрелище было достаточно впечатляющее, и почти все камни стояли на месте, в том числе два стоячих камня с перемычкой в самом центре, где в высокой траве, на первый взгляд беспорядочно, лежали другие камни.

Я поднялся на вершину в тот же вечер. На склонах холма после боя царили возня и шум, памятные мне по Каэрконану. Но когда я прошел стену, что окружала святилище, и стал подни-

маться к вершине холма, впечатление было такое, словно я удалился из шумного зала в тихий покой на вершине башни. Звуки остались за стеной. Я шел вверх по высокой летней траве. Вокруг царила почти полная тишина, и я был один.

Над горизонтом висела полная луна, все еще бледная, подернутая дымкой и истончившаяся с одного края, словно стертая монета. В небе были рассыпаны мелкие звездочки; там и сям меж них виднелись звезды покрупнее, словно пастухи среди овец, и напротив луны висела большая одинокая звезда, полыхающая белым светом. На травах, рассевающих семена, лежали мягкие длинные тени.

Передо мной стоял один высокий камень, немного наклонившийся к востоку. За ним была яма, а за ней — круглый валун, казавшийся черным в свете луны. Там что-то было. Я остановился и не мог определить, что именно... Но древний, черный камень сам по себе был похож на какую-то темную тварь, сидящую над краем ямы. По спине у меня прошла дрожь. Я отвернулся. Нет, этого я тревожить не стану.

Луна поднималась вместе со мной. Когда я вошел в круг, ее белый диск поднялся над верхними камнями и озарил середину круга. Под ногами у меня сухо захрустели угли — здесь недавно жгли костер. Я увидел белые кости и плоский камень, формой похожий на алтарь. В свете луны была видна резьба на одной из граней — грубый узор не то веревки, не то змеи. Наклонившись, провел пальцем по узору. Поблизости прошелестела в траве и пискнула мышь. И снова все затихло. Алтарь был чист, мертв, лишен богов. Я пошел дальше, осторожно двигаясь в тенях, отброшенных луной. Дальше стоял еще один камень, куполообразный, как пчелиный улей или пуп-камень. А за ним — упавший стоячий камень, почти скрытый высокой травой. Когда я проходил мимо него в поисках того, что мне было нужно, внезапно налетел порыв ветра, всколыхнувший травы, разметавший тени и затмивший свет луны, подобно облачку тумана. Я обо что-то споткнулся и упал на колени рядом с длинным, плоским, полускрытым травой камнем. Я принялся ощупывать его. Он был массивный, продолговатый, не украшенный никакой резьбой — обычный большой камень, который теперь озарился лунным светом. Мне не нужно было ни ощущения холода под руками, ни шелеста блеклых трав под внезапным порывом ветра, ни запаха маргариток — я и так понял, что это тот самый камень. Вокруг

меня, словно танцоры, освободившие середину, чернели безмолвные камни. С одной стороны — белая луна, с другой — король-звезда, полыхающая белым светом. Я медленно встал и долго стоял у подножия длинного камня, как стоят в ногах постели, ожидая, пока лежащий на ней человек умрет.

Меня пробудило тепло и голоса людей поблизости. Я поднял голову. Я наполовину стоял на коленях, наполовину лежал, раскинув руки на камне. Утреннее солнце стояло уже высоко и светило прямо в центр Хоровода. Мокрые травы курились, и нижние склоны холма тонули в белых клубах тумана. Толпа людей стояла внутри Хоровода. Они переговаривались между собой, глядя на меня. Пока я протирал глаза и разминал затекшие руки, люди расступились, и в круг вышел Утер и с ним полдесятка его офицеров, в числе которых был Треморин. Двое солдат вели за собой человека — по-видимому, пленного ирландца. Руки у него были связаны, одна щека рассечена и покрыта запекшейся кровью, но держался он хорошо — я подумал, что его стражи выглядят куда более напуганными, чем он.

Увидев меня, Утер приостановился, потом направился ко мне. Я неуклюже поднялся на ноги. Должно быть, эта ночь оставила след на моем лице: я увидел, что командиры, стоящие за спиной Утера, смотрят на меня с уже привычным для меня боязливым любопытством, и даже сам Утер заговорил со мной громче, чем было нужно:

— Стало быть, твоя магия не слабее, чем у них.

Солнце было слишком ярким. Утер казался нереальным, словно отражение в ручье. Я попытался заговорить — не вышло; откашлялся и начал снова:

— Я еще жив — если ты об этом.

— Никто в армии, кроме тебя, не решился бы провести ночь здесь,— проворчал Треморин.

— Что, люди боятся Черного камня?

Я увидел, как рука Утера дернулась, словно она помимо его воли хотела сделать охранительный знак. Он увидел, что я заметил это, и, похоже, рассердился.

— Кто тебе сказал про Черный камень?

Я не успел ответить — ирландец внезапно спросил:

— Ты его видел? Кто ты?

— Меня зовут Мерлин.

Ирландец медленно кивнул. Он по-прежнему не выказывал ни страха, ни особого благоговения. Словно прочтя мои мысли, он улыбнулся, как бы говоря: «Мы с тобой можем позаботиться о себе».

— Зачем они привели тебя сюда связанным? — спросил я.

— Чтобы указал им, где король-камень.

— Он нам сказал,— вмешался Утер.— Это вон тот резной алтарь.

— Отпустите его,— сказал я.— Он вам не понадобится. И не трогайте алтарь. Вот камень.

Наступила тишина. Потом ирландец рассмеялся.

— Ну конечно! Если с вами сам королевский чародей, на что надеяться бедному певцу? Звездами было предначертано, что ты заберешь его. На самом деле это справедливо. Не сердцем Ирландии был этот камень, но ее проклятием. Быть может, оно и к лучшему, что вы его увезете.

— Почему? — спросил я. И приказал Утеру: — Скажи им, пусть развяжут его.

Утер кивнул, и солдаты освободили пленнику руки. Он потер запястья и улыбнулся. Можно было подумать, что мы с ним здесь одни.

— Говорят, что этот камень принесли в древние времена из Британии, из-за Западных гор, которые стоят над Ирландским морем. Что великий король всей Ирландии, именовавшийся Фионн Мак Кумгайл, однажды ночью унес его на руках, перешел с ним вброд через море и положил его здесь.

— Ну а теперь,— сказал я,— мы с несколько большими трудностями отвезем его обратно в Британию.

Он рассмеялся.

— А я-то думал, что такой великий маг, как ты, сможет унести его одной рукой!

— Я ведь не Фионн Мак Кумгайл,— ответил я.— А теперь, поэт, если ты мудр, то вернешься в свой дом, к своей арфе, и не станешь более воевать. Сложишь песню об этом камне и о том, как чародей Мерлин забрал его из Хоровода Килларе и легко перенес в Хоровод Висячих Камней в Эймсбери.

Поклонившись мне, все еще смеясь, он ушел. Благополучно вышел из лагеря и удалился восвояси — много лет спустя я слышал сложенную им песню.

Но его ухода почти никто не заметил. Все молчали. Утер разглядывал огромный камень — видимо, прикидывал его вес.

— Ты сказал королю, что сможешь это сделать. Это правда?

— Я думаю, что то, что принесли сюда одни люди, другие люди смогут унести.

Он посмотрел на меня исподлобья, неуверенно — видимо, все еще сердился.

— Он передал мне твои слова. Я согласен. Здесь не понадобится ни магии, ни красивых слов — хватит команды сведущих людей да нужных машин. Треморин!

— Да, господин?

— Если мы заберем этот король-камень, с прочими особо возиться не нужно. Просто свалите те, что можно, и оставьте так.

— Да, господин. Если Мерлин может...

— Люди Мерлина займутся укреплениями. Мерлин, берись за дело, ладно? Я даю тебе двадцать четыре часа.

Эта работа была знакома нашим воинам. Они снесли стены и завалили обломками рвы. Частоколы и дома попросту сожгли. Люди работали хорошо и были в приподнятом настроении. Утер всегда был щедр к своим солдатам, а на этот раз добыча оказалась богатая: браслеты из меди, бронзы и золота, фибулы, доброе оружие, украшенное медным узором и эмалью, как делают ирландцы. К вечеру работа была завершена, и мы ушли с холма во временный лагерь, разбитый на равнине у подножия.

Треморин пришел ко мне после ужина. На вершине холма все еще горели костры и факелы, рельефно высвечивающие то, что осталось от Хоровода. Лицо у Треморина было грязное, и он выглядел усталым.

— Целый день провозились,— с горечью сказал он,— и приподняли его всего на пару футов. А полчаса назад подпорки сломались, и он рухнул обратно. За каким чертом тебе понадобился именно этот камень? Тот алтарь, что указал ирландец, куда легче.

— Он нам не подойдет.

— Знаешь, похоже на то, что и этого ты не получишь, клянусь богами! Послушай, Мерлин! Плевать я хотел на его приказы. У меня работа, и ее надо сделать. Прошу тебя, помоги!

Вот о том, что было потом, и слагают легенды. Было бы слишком нудно рассказывать, как мы это сделали. Это было довольно легко. Я видел камень, видел склон и целый день обдумывал план работ, а нужные машины я придумал еще в Брита-

нии. Там, где было можно, мы везли его водой: сперва вниз по реке от Килларе к морю, потом морем в Уэльс, оттуда как можно дальше по рекам, по двум большим Эйвонам, так что волока там было не больше двух десятков миль. Нет, я не был Фионном Могучей Рукой, но я был Мерлином, и огромный камень прибыл на место так же легко, как барка по спокойной воде. Я сопровождал его всю дорогу. Наверное, я спал в дороге — но я этого начисто не помню,— бдел, как у смертного ложа. Это было единственное за всю мою жизнь морское путешествие, когда я не замечал волнения на море. Мне потом говорили, что я сидел молчаливый и спокойный, словно в кресле у себя дома. Утер однажды пришел, чтобы поговорить,— он, наверно, злился, что мне так легко удалось то, чего не смогли его механики; посмотрел на меня, вышел и больше не приходил. Но я ничего не помню. Наверно, меня там просто не было. Я сидел на грани дня и ночи в большой спальне в Винчестере.

Новости мы узнали в Каэрлеоне. Пасценций высадился на севере со своими германскими и саксонскими союзниками. Король отправился к Карлайлу и разбил его там. Но потом, благополучно вернувшись в Винчестер, внезапно заболел. Об этом расходились самые разные слухи. Кто говорил, что один из людей Пасценция переодетым пробрался в Винчестер, когда Амброзий был болен, и дал ему яду вместо лекарства. Кто говорил, что это был человек Эозы. Но все сходились на том, что король в Винчестере и очень болен.

В ту ночь снова взошла звезда-король. Люди говорили, что она была похожа на Огненного Дракона и вела за собой сонм мелких звезд, похожий на шлейф дыма. Но мне не нужно было знамений — я и так знал это с той ночи на вершине Килларе, когда дал клятву привезти из Ирландии этот камень и возложить его на могилу Амброзия.

Вот так мы вернули в Эймсбери этот камень, и я восстановил упавшие камни Хоровода Великанов, чтобы они стали памятником ему. А в следующем году, на Пасху, в Лондоне был коронован Утер Пендрагон.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПРИХОД МЕДВЕДЯ

Глава 1

Люди потом говорили, что большая звезда-дракон, вспыхнувшая перед кончиной Амброзия и в честь которой Утер при вступлении на трон взял себе имя Пендрагон, предвещала грядущие дурные времена. И поначалу в самом деле казалось, что все было против Утера. Как будто закат звезды Амброзия был сигналом, по которому его старые враги вновь подняли голову и собрались в темноте у границ земли, чтобы погубить его наследника. Окта, сын Хенгиста, и родич его Эоза сочли, что смерть Амброзия освободила их от данной ими клятвы оставаться к северу от его границ, и принялись собирать силы. Как только об этом стало известно, к ним хлынули все недовольные. Из Германии прибыли новые воины, жадные до земель и добычи. Остатки саксов Пасценция объединились с беглыми ирландцами Гилломана и со всеми бриттами, которые считали себя несправедливо обойденными новым королем. Через несколько недель после смерти Амброзия Окта с большим войском явился на север, как волк в овечье стадо, и успел разорить все города и крепости, лежавшие меж Адриановым валом и Йорком, прежде чем новый король настиг его. Придя к Йорку, городу, укрепленному Амброзием, он нашел заново отстроенные стены, запертые ворота и людей, готовых защищать свой город. Он собрал все осадные машины, какие у него были, и начал осаду.

Он, должно быть, знал, что Утер настигнет его, но войско его было так велико, что он не боялся бриттов. Потом говори-

ли, что у него тридцать тысяч человек. Как бы то ни было, когда Утер пришел к осажденному городу со всеми, кого сумел собрать, саксов оказалось вдвое больше, чем бриттов. Сражение было кровавое, и окончилось оно страшным поражением. Я и сам думаю, что кончина Амброзия явилась большим ударом для королевства; Утер был прославленным воином, но не слишком опытным стратегом. И до того все знали, что ему недостает спокойствия и рассудительности его брата и умения оценивать реальное соотношение сил. Правда, недостаток мудрости он восполнял отвагой, но даже она оказалась бессильна в тот день под Йорком перед численным превосходством саксов. Бритты дрогнули и побежали. Спасло их лишь наступление ночи — в это время года темнеет рано. Утеру вместе с Горлойсом Корнуэльским удалось собрать остатки своего войска близ вершины небольшого холма, именуемого Дамен. Холм был крутой и мог предоставить некоторое укрытие — на нем множество утесов и пещер и склоны его поросли густым орешником, но это было лишь временное убежище, а торжествующие саксы окружили подножие холма, ожидая наступления утра. Положение бриттов было отчаянным, и требовались отчаянные меры. Пока солдаты отсыпались, насколько было возможно, угрюмый Утер расположился в пещере, созвал своих усталых командиров на совет, и они вместе разработали план, как перехитрить огромное войско, подстерегавшее их у подножия холма. Поначалу никому не приходило в голову ничего разумного, кроме того, что надо бежать, но кто-то — я потом слышал, что это был Горлойс,— указал, что дальнейшее отступление лишь оттянет разгром и разорение нового королевства; если можно бежать, значит, можно и атаковать, и, возможно, если бритты не станут ждать рассвета, а захватят саксов врасплох, ударив с вершины холма, когда враги не ждут нападения, атака увенчается успехом. Мысль была очень простая, и саксы могли бы ожидать этого от людей, оказавшихся в такой ловушке; но саксы — тупые рубаки и, как я уже говорил, не приучены к дисциплине. Так что вожди бриттов были уверены, что враги почти наверняка не ждут атаки раньше рассвета и залегли спать крепким сном победителей, а может быть, еще и перепились вином из захваченных складов.

Надо отдать саксам должное: Окта выставил-таки часовых, и они по большей части не спали. Но план Горлойса все же сработал. Бриттам помог туман, поднявшийся к рассвету и затянувший подножие холма. В тумане казалось, что бриттов было раза в два больше, чем на самом деле. Как только рассвело достаточно, чтобы можно было найти дорогу среди скал, бритты нанесли безмолвный и стремительный удар. Половину саксонских часовых перебили, оставшиеся подняли тревогу, но поздно. Саксы, ругаясь, вскакивали и хватали оружие, но бритты, уже не таясь, с воинственными криками напали на не успевших проснуться врагов и разгромили их. К полудню все было кончено, и Окту с Эозой взяли в плен. Еще до зимы север был очищен от саксов, их боевые корабли тихо догорали на северных берегах, а Утер вернулся в Лондон, посадил своих пленников в темницу и начал готовиться к весенней коронации.

Эта битва с саксами, близкое поражение и вслед за тем — блестящая победа было именно то, в чем нуждалось правление Утера. Люди забыли о горе, какое причинила им смерть Амброзия, и заговорили о новом короле как о восходящем солнце. Его имя было на устах у всех, от знати и воинов, что теснились вокруг него, ожидая даров и почестей, до рабочих, строящих его дворцы. А у придворных дам вошел в моду новый цвет — «алый Пендрагон», и двор сделался похож на поле маков.

Во время этих первых недель я видел его только один раз, так как все еще был в Эймсбери, распоряжаясь восстановлением Хоровода Великанов. Треморин был на севере, но я подобрал себе хороших работников, и после король-камня с Килларе люди уже не боялись браться за массивные камни Хоровода. После того как мы выровняли камни, вырыли ямы и проложили направляющие, поднять стоячие камни не составило особого труда — там не было ничего такого, что нельзя было бы сделать с помощью веревок, треног и отвеса. Основная трудность заключалась в больших перемычках, но все же главное чудо совершили в незапамятные времена строители Хоровода, древние мастера, которым удалось подогнать камни друг к другу так же точно, как плотник подгоняет доски. А нам оставалось лишь поднять их. Эта проблема занимала меня много лет, с тех пор как я впервые увидел висячие камни в Малой Британии и взялся за расчеты. Не забыл я и о том, что узнал из песен.

В конце концов я изобрел деревянные подмостки — современный механик отверг бы их как примитивные, но они сделали

свое дело в древности — певец тому свидетель — и должны были сделать его снова.

Дело подвигалось медленно. Должно быть, удивительное это было зрелище: массивные блоки один за другим вползали наверх и вставали на место так гладко, словно они были из свечного сала. На каждый камень требовалось две сотни обученных рабочих, которые привыкли работать все вместе и в едином ритме, под песню, как гребцы.

Сам ритм, конечно, задавала работа, а песни были старые, я их помнил с детства — мне их еще няня пела; только няня, конечно, опускала кое-какие словечки, которые вставляли в них мужчины. Обычно эти песни были жизнерадостные, неприличные и направленные на личности — в основном высокопоставленные. Они не щадили ни Утера, ни меня, хотя в моем присутствии их открыто петь остерегались.

Кроме того, когда рядом был кто-то посторонний, слова делались нейтральными либо неразборчивыми.

Много позднее мне доводилось слышать, что я возводил Хоровод с помощью магии и музыки. Наверно, и то и другое верно. Я думаю, история о том, как Феб-Аполлон с помощью музыки воздвиг стены Трои, возникла точно так же. Но ту магию и музыку, что возвели Хоровод Великанов, я отчасти позаимствовал у слепого певца из Керрека.

К середине ноября, когда начались морозы, работа была завершена.

Потух последний костер, последний обоз с людьми и строительными материалами укатил на юг, в Сар. Кадаль отправился вперед меня в Эймсбери. Я стоял, придерживая грызущего удила коня, ожидая, пока обоз скроется за горизонтом и я останусь один.

Облака висели над безмолвной равниной, словно оловянная миска.

Было еще рано. Трава белела от инея. Соединенные перемычками камни отбрасывали длинные тени в бледном свете зимнего солнца. Мне вспомнился стоячий камень, белый иней, бык, кровь на траве и улыбающийся юный бог со светлыми волосами. Я взглянул на камень. Амброзия похоронили с мечом в руке, я знал это и сказал ему:

— Мы оба вернемся к зимнему солнцестоянию.

Потом покинул его, сел на лошадь и поскакал в Эймсбери.

Глава 2

В декабре пришли новости об Утере: он оставил Лондон и приехал на Рождество в Винчестер. Я отправил ему послание, ответа не получил и снова поехал вдвоем с Кадалем туда, где посреди равнины одиноко высился покрытый инеем Хоровод Великанов. Было двадцатое декабря.

Мы остановились в ложбине невдалеке от Хоровода, привязали коней и развели костер. Я боялся, что ночь будет облачная, но стоял мороз, небо было ясное, и звезды роились на небе, как пылинки в лунном луче.

— Иди поспи — если, конечно, сможешь уснуть на таком холоде,— сказал Кадаль.— Я тебя разбужу перед рассветом. А с чего ты взял, что он приедет?

Я не ответил.

— Ну ладно, ты маг, тебе виднее. На случай, если твоя магия не поможет тебе заснуть, вот тебе лишний плащ. Разбужу тебя вовремя, так что не дергайся.

Я послушался его, закутался в два слоя толстой шерстяной ткани и лег у костра, подложив под голову седло, и скорее дремал, чем спал. До меня долетали все ночные звуки и шорохи, окруженные бездонным безмолвием равнины: вот потрескивает хворост в костре, вот Кадаль подбрасывает в костер новые дрова, вот пасущиеся рядом кони щиплют траву, заухала охотящаяся сова... И потом, незадолго до рассвета, звук, которого я ожидал: по земле до меня дошел далекий ровный гул — приближающийся топот копыт.

Я сел. Кадаль, с заспанными глазами, мрачно буркнул:

— По-моему, у тебя еще час.

— Ничего. Я выспался. Приложи ухо к земле и скажи, что ты слышишь.

Он наклонился, прислушиваясь — наверно, секунд пять,— потом встал и пошел к лошадям. В те времена люди, услышав скачущих в ночи всадников, действовали не раздумывая.

Я остановил его.

— Все в порядке. Это Утер. Как ты думаешь, сколько там лошадей?

— Двадцать. Может, тридцать. Ты уверен?

— Совершенно уверен. Седлай коней и держи их наготове. Я пойду внутрь.

Был час меж ночью и рассветом, когда воздух совершенно неподвижен.

Они скакали галопом. Казалось, вся застывшая от мороза равнина наполнилась топотом копыт. Луна села. Стоя рядом с камнем, я ждал.

Он оставил отряд поодаль и поехал дальше только с одним спутником. Меня заметили не сразу, но, должно быть, увидели в ложбине догорающий костерок Кадаля. Ночь была довольно светлая от звезд, поэтому они ехали без факелов и хорошо видели в темноте: двое направились коротким галопом прямо к наружному кругу Хоровода, и поначалу я подумал, что они собираются въехать в Хоровод верхом. Но кони остановились, оскользнувшись на инее, и король спрыгнул наземь. Я услышал звон — он перебросил повод своему спутнику.

— Выводи его,— услышал я, и затем король подошел ко мне — стремительная тень, шагающая сквозь исполинские тени Хоровода.— Мерлин?

— Да, государь?

— Странное ты выбрал время. Что, обязательно было вытаскивать меня сюда среди ночи?

Его голос звучал бодро. Утер был не любезнее, чем обычно. Но он все же приехал.

— Ты хотел посмотреть на то, что сделано,— ответил я.— И сегодня — ночь, когда я могу тебе это показать. Хорошо, что ты приехал.

— Что ты мне хочешь показать? Видение? Один из твоих снов? Предупреждаю, я...

— Нет. Ничего такого здесь нет, по крайней мере сейчас. Но здесь есть нечто, что я хотел показать тебе, и это можно увидеть только сегодня ночью. Боюсь, нам придется еще немного подождать.

— А долго? Холодно же!

— Недолго, государь. До рассвета.

Он стоял напротив меня, по другую сторону король-камня, и в слабом звездном свете я видел, что он смотрит на него, опустив голову и поглаживая подбородок.

— Тогда, в первый раз, когда ты стоял в ночи у этого камня, люди говорили, что у тебя видения. Теперь мне рассказывают в Винчестере, что, когда он лежал при смерти, он говорил с тобой так, словно ты был в спальне и стоял в ногах его кровати. Это правда?

— Да.

Он резко вскинул голову.

— Ты хочешь сказать, что там, на Килларе, ты знал, что мой брат умирает, а мне ничего не сказал?

— Это было ни к чему. Если бы ты знал, что он болен, ты все равно не смог бы вернуться быстрее. А так ты плыл обратно со спокойной душой. В Каэрлеоне, когда он умер, я сказал тебе об этом.

— Клянусь богами, Мерлин! Не тебе судить, о чем говорить, а о чем не стоит! Ты не король и должен был сказать мне.

— Ты тогда тоже не был королем, Утер Пендрагон. Я сделал так, как приказал мне он.

Я видел, как он дернулся — и снова застыл.

— Сказать можно все, что угодно!

Но по голосу Утера я понял, что он мне поверил и что я и это место вселяют в него благоговейный страх.

— А теперь, пока ждем рассвета и того, что ты хочешь мне показать, давай разберемся в наших отношениях. Ты не можешь служить мне так, как служил моему брату. Хочу, чтобы ты это знал. Я не нуждаюсь в твоих пророчествах. Мой брат ошибался, когда говорил, что мы будем вместе работать для Британии. Нашим звездам не сойтись вместе. Признаюсь, я был слишком резок с тобой тогда, в Бретани и на Килларе. Я прошу прощения, но теперь уже поздно. У нас с тобой разные пути.

— Да. Я знаю.

Я сказал это без особого выражения — просто согласился и с удивлением услышал, что Утер тихо рассмеялся себе под нос. Он довольно дружелюбно хлопнул меня по плечу.

— Ну, значит, мы друг друга понимаем! Я и не думал, что это будет так просто. Если бы ты знал, как с тобой легко после всех этих просителей, молящих о помощи, взывающих к милосердию, выпрашивающих милостей!.. А единственный человек в королевстве, действительно имеющий право чего-то от меня требовать, соглашается идти своей дорогой и предоставляет мне идти своей?

— Конечно. Наши пути еще пересекутся, но не теперь. А когда это произойдет, нам придется действовать вместе, хотим мы того или нет.

— Посмотрим. Да, конечно, ты обладаешь силой — но что мне в твоей силе? Мне не нужны жрецы и попы!

Он говорил резко и добродушно, словно пытаясь развеять странные чары этой ночи. Утер твердо стоял на земле обеими ногами. Амброзий понял бы, о чем я говорю, но Утер поспешил вернуться на тропу людей, как собака к кровавому следу.

— Ты, похоже, уже неплохо послужил мне — там, на Килларе, и здесь, с этими Висячими Камнями. Так что я все же тебе чем-то обязан — хотя бы за это.

— И еще послужу, чем смогу. Если я понадоблюсь, ты знаешь, где меня искать.

— Не при дворе?

— Нет, в Маридунуме. Там мой дом.

— Ах да, та знаменитая пещера! Думается мне, ты заслуживаешь большего.

— Мне ничего не надо,— ответил я.

Стало немного светлее. Я увидел, как Утер бросил на меня косой взгляд.

— Я говорил с тобой сегодня, как еще ни с кем не говорил. Ты все еще не можешь забыть мне былых обид, Мерлин-бастард?

— Я не держу на тебя зла, государь.

— Ни за что?

— Разве что за одну девушку в Каэрлеоне. Но это, считай, ничто.

Он уставился на меня. Потом усмехнулся.

— За которую?

— Не важно. Ты все равно ее забыл.

— Клянусь собакой, я тебя недооценивал!

В его голосе даже появилось что-то вроде теплоты. «Если бы он знал,— подумал я,— как он посмеялся бы надо мной!»

— Говорю, это не важно,— ответил я.— Это и тогда ничего не значило, а теперь тем более.

— Ты так и не объяснил, зачем меня сюда вытащил в этот час. Погляди на небо — дело к рассвету. И давно пора: кони замерзнут.

Он поднял голову и посмотрел на восток.

— Хороший день будет. Интересно взглянуть, что ты тут понастроил. Знаешь, теперь-то я могу сказать: Треморин утверждал, что это невозможно до тех пор, пока я не получил твое послание. Пророк ты или нет, а польза с тебя, Мерлин, все же есть.

Становилось все светлее, тьма постепенно рассеивалась. Теперь я отчетливо видел его: он стоял, вскинув голову, и снова поглаживал подбородок.

— Хорошо, что ты приехал ночью,— сказал я.— Я признал тебя по голосу. Днем бы тебя не узнал. Ты бороду отпустил...

— Так оно царственней, верно? Во время войны просто некогда было бриться. К тому времени, как мы дошли до Хамбера...

И он принялся рассказывать мне о кампании. Он говорил совершенно свободно и естественно, в первый раз за все время, что я его знал. Быть может, потому, что теперь я был единственным его родичем среди всех его подданных. Родная кровь — не водица, как говорится. Он рассказывал о войне на севере, о битвах, о дымящихся развалинах, что оставили за собой саксы.

— Рождество мы проведем в Винчестере. Весной я буду короноваться в Лондоне, и уже...

— Подожди.

Я не хотел так невежливо обрывать его на полуслове, но небо и пронзительный свет давили на меня — мне некогда было подбирать слова, с какими надлежит обращаться к королю.

— Началось! — быстро сказал я.— Встань рядом со мной у подножия камня.

Я отступил от него на шаг и встал у подножия длинного король-камня, лицом к горящему востоку. На Утера я не смотрел — не до того было. Я слышал, как он шумно втянул воздух, словно бы в гневе, потом сдержался, подошел, сверкнув самоцветами и кольчугой, и встал рядом со мной. У наших ног лежал камень.

На востоке ночь истаяла, разошлась, как отдернутая занавесь, и показалось солнце. Луч света, словно брошенный факел или огненная стрела, пронзил серый воздух и провел черту от горизонта к король-камню, что лежал у наших ног. Наверно, секунд двадцать огромный часовой-трилитон высился перед нами суровой черной рамой, обрамляющей сияние зимнего неба. Потом солнце поднялось над горизонтом — так быстро, что было видно, как вытянутый овал тени круга Висячих Камней движется по земле, расплывается и тает в ярком свете зимнего утра.

Я взглянул на короля. Он смотрел на камень. Глаза его были широко раскрыты и пусты — нельзя было прочесть его мыслей. Потом он поднял голову и отвернулся, переведя взгляд на внешний круг, на огромные камни, закрывавшие солнце. Медленно шагнул в сторону и, повернувшись на каблуках, обвел взглядом весь круг Висячих Камней. Я увидел, что бородка у него рыжеватая и вьющаяся, волосы отросли длиннее, чем раньше, и на шлеме полыхнул золотой обруч. Глаза у него были голубые, как дым костра поутру.

Наконец он посмотрел мне в глаза.

— Неудивительно, что ты улыбаешься. Зрелище очень впечатляющее.

— Это от облегчения,— ответил я.— Эти расчеты стоили мне нескольких бессонных недель.

— Да, Треморин рассказывал.— Он смерил меня неторопливым, оценивающим взглядом.— Рассказывал и о твоих словах.

— О каких словах?

— «Я возведу на его могиле памятник из самого света».

Я ничего не сказал.

Он медленно произнес:

— Я уже говорил тебе, что ничего не смыслю ни в пророках, ни в священниках. Я простой солдат и думаю так же. Но это — то, что ты сделал здесь,— я понимаю. Быть может, здесь найдется место для нас обоих. Я говорил тебе, что проведу Рождество в Винчестере. Поедем со мной?

Он приглашал, а не приказывал. Мы говорили через камень. Это было началом чего-то, но чего — мне пока не дано было видеть. Я покачал головой.

— Весной — может быть. Хотел бы посмотреть на твою коронацию. Когда понадоблюсь тебе, зови, приду, можешь быть уверен. Но сейчас мне нужно домой.

— В свою нору? Ну что ж, если это то, что тебе нужно... Видит бог, не много же тебе надо! Ты в самом деле не хочешь ничего попросить у меня? Люди будут плохо думать о короле, который ничем не вознаградит тебя за это,— сказал он, указывая на стоячие камни.

— Я уже получил награду.

— Опять же в Маридунуме. Дом твоего деда подошел бы тебе куда больше. Почему бы тебе не поселиться там?

Я покачал головой.

— Дом мне ни к чему. Но я принял бы в дар холм.

— Ну так бери его. Мне говорят, что отныне люди будут звать его Холмом Мерлина. Ну вот, уже совсем светло, и кони, наверно, замерзли. Если бы ты был солдатом, Мерлин, ты бы знал, что есть одно, что важнее гробниц королей: не давать коням застаиваться.

Он снова хлопнул меня по плечу, развернулся, взметнув полы алого плаща, и зашагал к ожидающей его лошади. А я пошел искать Кадаля.

Глава 3

На Пасху мне по-прежнему не хотелось оставлять Брин-Мирддин (Утер, верный своему слову, отдал мне во владение холм с пещерой, и люди уже связывали его название со мной, а не с местным богом, и именовали его Холмом Мерлина), но от короля пришло послание, призывающее меня в Лондон. На этот раз не приглашение, но приказ, и столь настойчивый, что король прислал мне эскорт, чтобы я не задерживался в ожидании попутчиков.

В те дни все еще было небезопасно ездить по дорогам меньше чем вдесятером, и люди путешествовали при оружии и держались настороже. Те, кто не мог позволить себе нанять охрану, вынуждены были дожидаться каравана, а купцы объединялись и нанимали себе стражников. Глухие места все еще были наводнены бывшими солдатами армии Окты: ирландцами, которым не удавалось добраться домой, и саксами, которые отчаянно пытались скрыть свою светлую кожу и которых немилосердно истребляли, когда им это не удавалось. Они держались вблизи ферм, бродили в холмах, болотах и лесных дебрях, совершали дерзкие вылазки, чтобы добыть еды, и выслеживали на дорогах одиноких и плохо вооруженных путников, даже если те были бедно одеты. Человек в плаще и сандалиях был богачом, которого стоило ограбить.

Это не помешало бы мне добраться из Лондона в Маридунум вдвоем с Кадалем. Никакой вор или изгой не решился бы даже приблизиться ко мне, не то что напасть, рискуя получить проклятие на свою голову. Со времени событий в Динас-Бренине, на Килларе и в Эймсбери моя слава распространилась по всей

стране. Обо мне слагали песни и легенды, так что я уже и сам с трудом узнавал свои собственные деяния. Динас-Бренин тоже переименовали: отныне его называли Динас Эмрис, в честь меня и в память о высадке Амброзия и о крепости, которую ему удалось там построить. И я в своей пещере жил не хуже, чем во дворце моего деда или в доме Амброзия. К пещере каждый день приносили еду и вино, а бедняки, которым нечего было дать мне в уплату за лекарства, которыми я их снабжал, приносили мне дрова или солому на подстилку коням или что-то строили, чинили, мастерили простую мебель. И я провел зиму в уюте и покое, пока в один холодный мартовский день ко мне не явился посланец Утера. Он оставил эскорт в городе и приехал в долину один.

Это был первый сухой день после двух недель дождя и сырого промозглого ветра, и я поднялся на холм над пещерой, поискать первых весенних трав. Остановился на краю сосновой рощицы, вглядываясь в одинокого всадника, скачущего вверх по холму. Кадаль, должно быть, заслышал топот копыт, вышел из пещеры — отсюда он казался очень маленьким — и приветствовал гостя, потом махнул рукой наверх, указывая, куда я ушел. Посланец, почти не замедляя бега, пришпорил коня и стал подниматься ко мне на холм.

Он остановился в нескольких шагах от меня, неловко спешился и пошел в мою сторону.

Это был темно-русый молодой человек примерно моих лет. Лицо его показалось мне смутно знакомо. Наверно, я когда-то видел его в свите Утера. Он был до бровей забрызган грязью, а там, где его лицо осталось чистым, оно было бледным от усталости. Видно, в Маридунуме он сменил лошадь, потому что конь был свежий и к тому же норовистый. Он вскинул голову и натянул поводья. Молодой человек поморщился.

— Господин мой Мерлин! Я привез тебе привет от короля, из Лондона.

— Это большая честь для меня,— учтиво ответил я.

— Он приглашает тебя присутствовать на празднике коронации. Он прислал тебе эскорт, господин. Люди остановились в городе, чтобы дать отдых лошадям.

— Приглашает, говоришь?

— Я мог бы сказать и «повелевает», господин. Он велел мне привезти тебя обязательно.

— Больше он ничего не просил передать?

— Мне он больше ничего не сказал, господин. Только ты должен немедленно явиться к нему в Лондон.

— Тогда, разумеется, поеду. Завтра утром, когда ваши лошади отдохнут.

— Нет, господин. Сегодня. Сейчас.

Жаль, что надменное повеление Утера было передано таким виноватым тоном. Я взглянул на молодого человека внимательнее.

— Ты приехал прямо ко мне?

— Да, господин.

— И не отдыхал?

— Нет, господин.

— А долго вы ехали?

— Четыре дня, господин. Я взял свежего коня и готов ехать обратно сегодня.

Тут конь снова дернул головой, и молодой человек опять поморщился.

— Ты ранен?

— А, пустяки. Я вчера упал и повредил запястье. Это правая рука, а повод я держу в левой.

— Зато оружие в правой. Возвращайся к пещере, скажи моему слуге то же, что сказал мне, и попроси, чтобы он накормил и напоил тебя. Когда я вернусь, мы займемся твоей рукой.

Он замялся.

— Господин, король говорил, что ты нужен ему срочно. Это не просто приглашение присутствовать на коронации.

— Тебе все равно придется подождать, пока мой слуга соберет вещи и оседлает коней. И пока я сам поем. На то, чтобы перевязать руку, уйдет всего несколько минут. А ты за это время сможешь рассказать мне, что нового слышно в Лондоне, и объяснить, зачем король так настойчиво приглашает меня на праздник. Ступай вниз, я сейчас приду.

— Но, господин...

— К тому времени, как Кадаль приготовит еду на троих, я уже вернусь,— сказал я.— Ступай.

Он нерешительно взглянул на меня, потом повернулся и побрел вниз, скользя на сыром склоне и ведя за собой упирающегося коня. Я закутался в плащ, чтобы защититься от ветра, и

пошел через рощу в сторону от пещеры. Остановился на краю скалистого уступа. Над ним вольно гулял ветер. Он подхватил край моего плаща. За спиной зашумели сосны. До меня донесся шорох голых ветвей терна над могилой Галапаса. Я отвернулся и посмотрел в сторону Маридунума.

Отсюда, с высоты, город был виден весь, крошечный, словно игрушечный. Долина была грязно-зеленой на мартовском ветру. По реке гуляли барашки, она лежала серой лентой под серым небом. По мосту ползла телега. Единственной яркой точкой был штандарт, развевающийся над крепостью. Вниз по реке скользила лодка, ее полотняный парус наполнял ветер. Холмы, еще позимнему фиолетовые, держали долину в горсти, словно хрустальный шар...

Ветер плеснул дождем мне в глаза, и все передо мной расплылось. У меня в ладонях лежал холодный хрустальный шар. Я смотрел в него. И в сердце кристалла, маленький и отчетливый, лежал город — с мостом, с рекой, со скользящим по ней корабликом. А поля вокруг него заворачивались вверх, искажаясь в хрустальном шаре, и казалось, что поля, небо, река, облака обнимают город и снующих по улицам людей, подобно тому как листья и чешуйки обнимают готовый раскрыться бутон. Казалось, что весь этот край, весь Уэльс, вся Британия покоится у меня в ладонях, крохотная и сияющая, словно веточка в янтаре. Я смотрел на земли в кристалле и понимал, что за этим я и родился на свет. Время настало, и мне придется принять это на веру...

Хрустальный шар растаял, и в ладонях у меня осталась лишь горсть трав, холодных и мокрых от дождя. Я бросил их и тыльной стороной кисти вытер с глаз капли дождя. Пейзаж передо мной изменился: телега проехала, лодка уплыла; в городе все было спокойно.

Я спустился к пещере и увидел, что Кадаль возится со стряпней, а молодой человек уже пытается седлать наших коней.

— Оставь,— сказал я ему.— Кадаль, горячая вода есть?

— Сколько угодно. Ну что, опять в дорогу? Приказ короля! В Лондон, стало быть? — Кадаль казался довольным; это и неудивительно.— И давно пора, если хочешь знать. В чем дело, как ты думаешь? Этот,— он кивнул в сторону молодого человека,— то ли не знает, то ли говорить не хочет. Судя по всему, что-то стряслось.

— Быть может. Скоро увидим. Просуши-ка его.— Я передал Кадалю плащ, уселся у огня и подозвал молодого человека.— Ну, показывай руку.

Запястье посинело, распухло и, очевидно, болело при прикосновении, но кости целы. Пока он умывался, я приготовил давящую повязку, потом наложил ее на руку. Молодой человек глядел на меня с опаской и дергался от моего прикосновения — думаю, не только от боли. Теперь, когда он смыл с лица грязь и я смог лучше разглядеть его, он показался мне еще более знакомым. Перевязывая ему руку, я поглядывал на него.

— Мы с тобой вроде бы знакомы, так?

— Ты вряд ли меня помнишь, господин. Но я помню тебя. Ты когда-то был добр ко мне.

Я рассмеялся.

— Подумаешь, невидаль! Как тебя зовут?

— Ульфин.

— Ульфин? Знакомое имя... Погоди-ка... А! Вспомнил. Слуга Белазия?

— Да. Так ты меня помнишь?

— Ну, еще бы! Та ночь в лесу, когда мой пони захромал и тебе пришлось вести его домой. Да ты, наверно, часто мне попадался, но ты же был незаметный, тихий, как мышка. Это был единственный раз, когда я обратил на тебя внимание. Так Белазий тоже приехал на коронацию?

— Он умер.

В его тоне было нечто, что заставило меня оторваться от повязки и заглянуть ему в глаза.

— Ты так ненавидел его? Не надо, не отвечай. Я об этом и тогда догадывался, хоть и был еще мальчишкой. Даже не стану спрашивать почему. Видят боги, я и сам его не любил, но я не был его рабом. А что с ним стало?

— Он умер от лихорадки, господин.

— И тебе удалось пережить его? Я припоминаю, что у них там существовал древний варварский обычай...

— Принц Утер взял меня к себе на службу. Я и теперь при нем... при короле.

Он произнес это очень быстро и отвернулся. Я понял, что больше он мне ничего не скажет.

— И ты до сих пор боишься всего на свете, а, Ульфин?

Но он ничего не ответил. Я закончил перевязывать ему руку.

— Что ж, это дикая и жестокая страна, и времена нынче суровые. Но они станут лучше, и я думаю, ты поможешь нам в этом. Ну вот, готово. А теперь иди поешь. Кадаль! Помнишь Ульфина? Ну, того мальчика, что привел Астера домой в ту ночь, когда мы возвращались от Немета и наткнулись на отряд Утера?

— Клянусь собакой! Он самый.— Кадаль оглядел его с головы до ног.— Ну, ты теперь выглядишь куда лучше, чем тогда. А что с твоим друидом? Помер от проклятия? Ну, пошли, поедим чего-нибудь. Мерлин, вот твой обед. И постарайся на этот раз поесть так, как положено нормальному человеку, а не птичке небесной.

— Постараюсь,— послушно ответил я и рассмеялся: такое неописуемое лицо было у Ульфина, который ошарашенно разглядывал слугу.

Мы остановились на ночлег в гостинице у перекрестка, откуда идет дорога на север, к Пяти Холмам и золотым копям. Я ужинал один у себя в комнате. Кадаль мне прислуживал. Как только дверь за слугой, принесшим еду, закрылась, Кадаль обернулся ко мне. Он явно был переполнен новостями.

— Ну и народу же, говорят, собралось в Лондоне!

— Еще бы! — мягко ответил я.— Я слышал, туда и Будек приехал, а с ним — большинство королей из-за Узкого моря. Говорят, половина из них — и половина собственных вассалов Утера,— привезли с собой своих дочек, поскольку место королевы все еще не занято. Утер, я думаю, возражать не станет! — рассмеялся я.

— Говорят, он уже поимел половину девок в Лондоне,— сказал Кадаль, ставя передо мной блюдо.

Это была добрая валлийская баранина с луковым соусом, горячая и душистая.

— Ну, про него много чего говорят! — Я принялся накладывать себе мясо.— Возможно, это даже правда.

— Да, но на самом деле, похоже, это серьезно. Говорят, впереди крупные неприятности. Из-за бабы.

— О господи! Кадаль, избавь меня от этих подробностей. У Утера вечно неприятности из-за баб.

— Нет, я тебе говорю, дело и впрямь дрянное! Солдаты из эскорта болтают об этом, а Ульфин молчит — и неудивительно. Жена Горлойса...

Я вскинул голову.

— Что? Герцогиня Корнуолла? Враки, наверное.

— Пока что между ними ничего нет. Но как говорят, не оттого, что они не пробовали...

Я отхлебнул вина.

— Да нет, это только слухи, можешь быть уверен. Она ведь раза в два моложе своего мужа и, говорят, хороша собой. Утер наверняка заигрывает с ней, при том что герцог — его военный заместитель, вот люди и болтают кто во что горазд,— что неудивительно, принимая во внимание, кто такой Утер.

Кадаль наклонился, опершись кулаками о стол, и посмотрел на меня в упор. Он был непривычно серьезен.

— Заигрывает, говоришь? Да он, говорят, от нее не отходит! Каждый день посылает ей за обедом лучшие блюда, следит, чтобы ей подавали первой, даже прежде, чем ему самому, и каждый раз, как ему наливают, во всеуслышание пьет за нее. От Лондона до Винчестера ни о чем другом и не слышно. Говорят, по этому поводу уже бьются об заклад на кухне.

— Не сомневаюсь. Ну а что на это говорит Горлойс?

— Поначалу, говорят, не обращал внимания, но дело зашло так далеко, что герцог уже не смог делать вид, что ничего не замечает. Он пытался представить дело так, что это им обоим такая честь, но когда дошло до того, что госпожу Игрейну — это ее так зовут — усадили по правую руку от Утера, а старика — шестым слева...

Он выразительно умолк.

Мне стало не по себе.

— Король, должно быть, не в своем уме! — сказал я.— Он не может позволить себе раздоров — никаких раздоров, а тем более таких! Да еще с Горлойсом! Клянусь всеми богами, Кадаль! Ведь это Корнуолл помог Амброзию утвердиться на престоле! Это Корнуолл сделал Утера тем, что он есть! Кто выиграл ему битву у холма Дамен?

— Вот и люди говорят про то же.

— В самом деле? — Я нахмурился и призадумался.— А женщина? Что говорят о ней — ну, помимо всякой обычной дряни?

— Что она все время молчит, и чем дальше, тем больше. Я думаю, Горлойсу есть что сказать ей по ночам, когда они остаются наедине. Во всяком случае, она на людях теперь почти не подни-

мает глаз, боясь встретиться взглядом с королем, глядящим на нее поверх чаши или перегнувшимся через стол, чтобы взглянуть на ее платье.

— Это то, что я назвал дрянью, Кадаль. Спрашиваю, что она такое?

— Ну, об этом как раз ничего не говорят, кроме того, что она молчалива — и при этом прекрасна. Ну и все такое.

Он выпрямился.

— Нет, насчет того, что она ему содействует,— этого никто не говорил. И видит бог, Утеру не стоит вести себя как голодающему при виде миски с едой: стоит ему пожелать — и его накормят до отвала в любую ночь. В Лондоне нет ни одной девицы, которая не мечтала бы привлечь его внимание.

— Верю. Он поссорился с Горлойсом? Я имею в виду, публично?

— Насколько я слышал, нет. На самом деле он был до крайности любезен, на этом и выехал в первую неделю — старик был польщен. Но, Мерлин, похоже на то, что дело и впрямь дрянь. Она больше чем вдвое моложе Горлойса и живет взаперти в одном из этих холодных корнуэльских замков, и делать ей там нечего, кроме как ткать ему боевые плащи и мечтать над ними, и уж будь уверен, что мечтает она не о старце с седой бородой.

Я отодвинул тарелку. Помнится, я до того все еще не принимал всерьез эти деяния Утера. Но последнее замечание Кадаля выбило меня из колеи — это было слишком похоже на правду. Жила когда-то другая девушка, которой тоже нечего было делать, кроме как сидеть дома, ткать и мечтать...

— Ладно, Кадаль,— резко сказал я.— Хорошо, что я об этом знаю. Я надеюсь, что нам удастся не вляпаться в это самим. Я и прежде видел, как Утер сходил с ума по женщинам, но все это были женщины, доступные ему. А это — самоубийство.

— Сходил с ума, говоришь,— протянул Кадаль.— Вот и люди говорят то же самое. Околдовали, говорят.— Он глянул на меня искоса.— Может, потому он и послал за тобой Ульфина в такой спешке, чтобы убедиться, что ты непременно приедешь. Может, он хочет, чтобы ты снял заклятие?

— Я не снимаю, а творю,— коротко ответил я.

Он уставился на меня и ничего не сказал, хотя явно собирался.

Потом обернулся к кувшину с вином. Молча налил мне — и я увидел, что его левая рука сложена в охранительный знак. Больше мы в тот вечер не разговаривали.

Глава 4

Как только я увидел Утера, я понял, что Кадаль прав. Дело дрянь.

Мы приехал в Лондон в канун коронации. Было поздно, городские ворота были заперты, но, похоже, насчет нас были отданы соответствующие распоряжения: нас пропустили без разговоров и отвели прямо в замок, где расположился король. Мне едва дали сменить заляпанные грязью дорожные одежды и тут же отвели в его спальню. Слуги мгновенно исчезли, оставив нас наедине.

Утер уже переоделся на ночь. На нем было длинное ночное платье темно-коричневого бархата, отделанное мехом. Его высокое кресло стояло у очага, где полыхали огромные поленья, а на табурете рядом с креслом — пара кубков и серебряный графин с пробкой, из-под которой струился пар. Я по запаху узнал вино с пряностями и сглотнул — в горле у меня пересохло. Но король мне вина не предложил. Он не сидел у огня, а беспокойно расхаживал по комнате взад-вперед, точно зверь в клетке, а по пятам за ним ходил его волкодав.

Как только дверь за слугами закрылась, он сказал резко, как когда-то:

— Ты, однако, не торопился!

— За четыре дня? Надо было послать коней получше.

Это заставило его прикусить язык. Он не ожидал ответа. Но сказал достаточно вежливо:

— Это лучшие кони в моих конюшнях.

— Ну, тогда нужны были крылатые кони, чтобы мы приехали быстрее, государь. И железные люди. Двоих пришлось оставить в дороге.

Но Утер уже не слушал. Снова погрузился в свои мысли и принялся беспокойно расхаживать. Я наблюдал за ним. Он похудел и двигался легко и проворно, как голодный волк. Глаза у него запали от недосыпания, и еще появилась привычка, которой раньше я за ним не замечал: он не знал, куда девать руки.

Он то сцеплял их за спиной, похрустывая суставами, то теребил платье, то бороду...

— Мне нужна твоя помощь,— бросил он через плечо.

— Я так и понял.

Он развернулся ко мне.

— Так ты знаешь?

Я пожал плечами.

— Повсюду только и говорят о том, что король влюбился в жену Горлойса. Я так понимаю, что ты и не пытался этого скрывать. Но с тех пор, как ты послал за мной Ульфина, прошло больше недели. Что произошло за это время? Горлойс с женой все еще здесь?

— Конечно здесь! Они не могут уехать без моего дозволения.

— Понятно. Вы с Горлойсом уже говорили об этом?

— Нет.

— Но он не может не знать.

— С ним то же самое, что со мной. Если об этом сказать вслух, это уже ничем не остановишь. А завтра коронация. Я не могу говорить с ним.

— И с ней тоже?

— Нет. Нет! О господи, Мерлин, я не могу даже приблизиться к ней! Ее стерегут, как Данаю!

Я нахмурился.

— Значит, он приказал ее стеречь? Но ведь это достаточно странно! Не равносильно ли это публичному признанию, что здесь что-то не так?

— Да нет, я только имел в виду, что она все время окружена служанками и его людьми. И не только личной стражей — здесь стоит и часть его войск, что были с нами на севере. Я могу видеться с ней лишь на людях, Мерлин. Да тебе, наверно, говорили.

— Говорили. Тебе не удалось ничего ей передать?

— Нет. Она остерегается. Весь день при ней ее женщины, и слуги начеку у двери. А он...— Утер запнулся. На лице его выступил пот.— Спит с ней каждую ночь!

Он снова метнулся в сторону, взмахнув полами бархатного одеяния, и, мягко ступая, ушел в глубину комнаты, куда не достигал свет очага. Потом вернулся, развел руками и спросил, просто, словно ребенок:

— Мерлин, что мне делать?

Я подошел к огню, взял графин и налил себе и ему вина с пряностями.

— Для начала иди сюда и сядь. Я не могу разговаривать с волчком. Держи.

Он повиновался и опустился в кресло, сжимая в ладонях кубок. Я с удовольствием выпил свое вино и сел у огня напротив Утера.

Утер не стал пить. Наверно, даже не понял, что я сунул ему в руки. Он глядел в огонь сквозь тающий пар, поднимающийся из кубка.

— Я понял это сразу, как только он привез ее сюда и представил мне. Видит бог, поначалу я думал, что это всего лишь очередная преходящая горячка, какая бывала со мной уже тысячу раз, только на этот раз — в тысячу раз сильнее...

— И ты каждый раз исцелялся от нее,— сказал я,— за ночь, за неделю ночей, за месяц... Я не знаю, удалось ли кому-то из женщин удержать тебя дольше, Утер. Но скажи, неужели месяц — или даже три месяца — стоит того, чтобы ради этого губить королевство?

Он бросил на меня взгляд, пронзительно-синий, как блеск меча. Это был взгляд прежнего, памятного мне Утера.

— Клянусь Аидом, а как ты думаешь, зачем я послал за тобой? Если бы я намеревался погубить королевство, я не раз мог бы это сделать за эти несколько недель. Почему это до сих пор не пошло дальше мелких глупостей? О да, я натворил немало, согласен. Но я тебе говорю, это горячка, и не такая, какие бывали со мной прежде и которые я мог утолить. Это жжет меня так, что я не могу спать. Как я могу править, сражаться, разговаривать с людьми, если я не могу спать?

— Пробовал переспать с девкой?

Он уставился на меня, потом выпил.

— Ты что, дурак?

— Прости. Это был глупый вопрос. Что, и после этого все равно уснуть не можешь?

— Не могу.— Он поставил кубок рядом с собой и сцепил пальцы.— Бесполезно. Все бесполезно. Приведи ее ко мне, Мерлин. Ты должен это сделать, ты можешь. Вот почему я послал за тобой. Ты должен привести ее ко мне так, чтобы никто ничего не узнал. Пусть она полюбит меня. Приведи, пока он спит. Ты ведь можешь!

— Заставить ее полюбить тебя? С помощью магии? Нет, Утер, на такое магия не способна. Тебе следовало бы это знать.

— Да ведь любая бабка клянется, что может такое сделать! А ты — среди людей нет равного тебе по силе. Ты поднял Висячие Камни, поднял король-камень, когда Треморин оказался бессилен.

— Я просто лучший математик, чем он. Бога ради, Утер! Мало ли что говорят люди! Ты-то знаешь, как все было на самом деле. Это не магия.

— Ты говорил с моим братом, когда он лежал при смерти. Или ты станешь отрицать это?

— Нет.

— И не станешь отрицать, что поклялся служить мне, когда это будет нужно?

— Нет.

— Ну вот, ты мне нужен. Твоя сила — чем бы она ни была. Посмеешь ли ты сказать мне, что ты не маг?

— Я не из тех магов, что могут пройти сквозь стену и провести человека через запертую дверь,— сказал я.

Он дернулся. Я увидел, что его глаза лихорадочно блеснули, но на этот раз не гневом, а, как мне показалось, страданием.

— Но я не отказывался помочь тебе,— добавил я.

Глаза его вспыхнули.

— Ты мне поможешь?

— Да, помогу. Когда мы виделись в последний раз, я сказал тебе, что настанет время, когда нам придется действовать вместе. И вот время настало. Еще не знаю, что я должен делать, но я увижу это в свое время, а исход — в руке бога. Но одно я могу сделать для тебя прямо сегодня. Могу помочь тебе уснуть. Нет, подожди! Сиди и слушай. Если завтра тебе предстоит короноваться и принять в свои руки всю Британию, сегодня ты будешь делать то, что я скажу. Я приготовлю отвар, который поможет тебе уснуть, и ты ляжешь с девкой, как обычно. Возможно, будет лучше, если кто-то, кроме твоего слуги, сможет поклясться, что ты был у себя.

— Зачем? Что ты собираешься делать?

Его голос звучал напряженно.

— Я попробую поговорить с Игрейной.

Он наклонился вперед, вцепившись в подлокотники.

— Да! Поговори с ней! Я не могу пойти к ней, но, быть может, ты сумеешь. Скажи ей...

— Погоди. Только что ты просил меня заставить ее полюбить тебя. Хочешь, чтобы я привел ее к тебе с помощью моей силы. Если ты никогда не говорил с ней о своей любви и не виделся с ней, кроме как на людях, откуда ты знаешь, что она согласится прийти к тебе, даже если это будет возможно? Ты уверен, что ее душа открыта тебе, государь мой?

— Нет. Она молчит. Улыбается, смотрит в землю — и молчит. Но я знаю. Знаю! Это... раньше, когда я играл в любовь, это все были лишь отдельные ноты. А теперь они сложились вместе и составили песню. Она — песня.

Наступило молчание. Позади него, на помосте в углу комнаты, стояла кровать, и полог отдернут. Над ней, на стене, распластался большой дракон червонного золота. Он как будто шевелился в свете пламени, вытягивая лапы.

— Во время нашего последнего разговора,— сказал внезапно Утер,— тогда, среди Висячих Камней, ты сказал, что тебе от меня ничего не надо. Но клянусь всеми богами, Мерлин, если теперь мне поможешь, если я смогу получить ее так, чтобы это ничем не грозило, проси у меня все, что хочешь. Я клянусь!

Я покачал головой, и Утер умолк. Наверно, он понял, что я думаю уже не о нем, что другие силы теснят меня, заполняя комнату, озаренную светом очага. Дракон пламенел и переливался на темной стене. В его тени шевельнулся другой, сливаясь с ним, пламя — с пламенем. Что-то вонзилось мне в глаза, словно коготь. Я зажмурился, и стало тихо. Когда я снова открыл глаза, огонь угас и стена опять потемнела. Я взглянул на короля — он неподвижно сидел напротив, глядя на меня.

— Сейчас я попрошу тебя лишь об одном,— медленно сказал я.

— Да?

— Когда я приведу ее к тебе, ты сделаешь ей ребенка.

Не знаю, чего он ждал, но только не этого. Он уставился на меня, потом неожиданно рассмеялся.

— Воля богов, да?

— Да. Воля Бога.

Он потянулся в кресле, словно свалил с плеч тяжкую ношу.

— Ну, что до меня, Мерлин, я обещаю, что сделаю все, что смогу. И все остальное, чего ты потребуешь. Я даже буду спать сегодня ночью.

Я встал.

— Тогда я пойду, приготовлю отвар и пришлю его тебе.

— А ты поговоришь с ней?

— Поговорю. Спокойной ночи.

Ульфин за дверью засыпал стоя. Когда я вышел, он поморгал и уставился на меня.

— Мне уже можно войти?

— Погоди. Сперва идем в мою комнату. Я дам тебе напиток для него. Проследи, чтобы он его принял и заснул. Завтра ему предстоит длинный день.

В углу, на груде подушек, завернувшись в синее одеяло, спала девушка. Проходя мимо, я увидел высунувшееся из-под одеяла голое плечико и копну прямых русых волос. Она выглядела очень юной.

Я покосился на Ульфина. Он кивнул, потом вопросительно мотнул головой в сторону закрытой двери спальни.

— Да,— сказал я.— Но потом. Когда он выпьет лекарство. А пока — пусть спит. Да тебе и самому не мешало бы лечь, Ульфин.

— Может, мне и удастся поспать, если он ляжет.— Ульфин еле заметно улыбнулся.— Сделай питье покрепче, ладно, господин? И позаботься о том, чтобы оно было вкусное.

— Да выпьет он его, не бойся.

— Да я не о нем беспокоюсь,— сказал Ульфин.— Я о себе...

— О себе? А, понятно. Ты имеешь в виду, что тебе придется отведать его первым?

Он кивнул.

— Ты все пробуешь прежде него? И еду, и питье? И даже любовные настои?

— Любовные настои? Для него? — Ульфин застыл с раскрытым ртом. Потом рассмеялся.— А, ты шутишь!

Я улыбнулся.

— Хотел посмотреть, умеешь ли ты смеяться. Ну вот, пришли.

— Погоди, я сейчас.

Кадаль ждал меня у огня. Мне отвели уютную комнату в изгибе стены башни, и Кадаль поддерживал в очаге яркий огонь, над которым кипел большой котел с водой, стоящий на железной решетке для дров. Кадаль уже достал мою шерстяную ночную рубашку и расстелил ее поперек кровати.

На сундуке у окна лежала охапка одежды, переливающаяся золотым и алым, отделанная мехом.

— Это что такое? — спросил я, садясь, чтобы Кадаль мог снять с меня сапоги.

— Король прислал тебе одеяние для завтрашнего торжества, господин.

В комнате возился мальчик-слуга, наливавший ванну, поэтому Кадаль, против обыкновения, держался официально. Управившись, мальчик поспешно выскользнул из комнаты, повинуясь кивку Кадаля.

— Что это с ним?

— Ну, знаешь ли, не каждый день приходится наливать ванну волшебнику...

— О господи! Что ты ему наговорил?

— Ничего особенного. Просто сказал, что, если он тебе не угодит, ты превратишь его в летучую мышь.

— Дурак. Нет, Кадаль, погоди. Принеси мой ящик. За дверью ждет Ульфин. Я обещал приготовить отвар.

Кадаль повиновался.

— А в чем дело? У него все еще болит рука?

— Да нет, не ему. Королю.

— А.

Он больше ничего не сказал, но когда я приготовил лекарство и Ульфин ушел, спросил:

— Что, неужто в самом деле так скверно, как говорят?

— Хуже.

Я коротко пересказал ему свой разговор с королем.

Он выслушал меня и нахмурился.

— И что теперь делать?

— Найти способ повидаться с дамой. Нет, не ночную рубашку — ее, увы, придется отложить. Дай мне чистое платье, что-нибудь темное.

— Да ты что, прямо сейчас к ней собрался? Время уже за полночь!

— Я никуда не собираюсь. Тот, кто должен прийти, придет сам.

— Но ведь у нее Горлойс...

— Помолчи, Кадаль. Мне надо подумать. Ступай. Спокойной ночи.

Когда дверь за ним закрылась, я подошел к креслу у огня. Я сказал, что мне надо подумать, но это была неправда. Все, что мне было нужно,— это тишина и огонь. Медленно, постепенно я очистил свой разум от мыслей. Они уходили из меня, как песок из сосуда, оставляя пустым и легким. Я ждал, опустив руки поверх серой туники, открытый, пустой. Было очень тихо. Откуда-то из темного угла послышалось сухое потрескивание старых досок. Взметнулось пламя. Я смотрел в огонь, но смотрел безучастно, как обычный человек, смотрящий в уютное пламя холодной ночью. Мне не нужно было видений. Я лежал, легкий, как сухой лист, на поверхности потока, что в ту ночь нес меня к морю.

За дверью внезапно послышался шум, голоса. В перегородку постучали, и в комнату, закрыв за собой дверь, вошел Кадаль. Он выглядел настороженным и несколько напуганным.

— Горлойс? — спросил я.

Он сглотнул и кивнул.

— Пригласи его сюда.

— Он спрашивал, был ли ты у короля. Я сказал, ты всего пару часов как приехал и ни с кем еще повидаться не успел. Так?

Я улыбнулся.

— Тобой руководили свыше. Зови его сюда.

Горлойс быстро вошел. Я встал, приветствуя его, и подумал, что он переменился не меньше Утера: его широкие плечи поникли, и впервые по нему было видно, что он стар.

Он отмел в сторону мои церемонные приветствия.

— Ты еще не ложился? Мне сказали, что ты приехал...

— Да. Едва успел к коронации. Не присядешь ли, господин мой?

— Спасибо, нет. Мерлин, мне нужна твоя помощь. Дело в моей жене.— Пронзительные глаза уставились на меня из-под седых бровей.— Конечно, никогда не поймешь, что ты думаешь, но ведь ты слышал?

— Да, какие-то сплетни,— осторожно ответил я,— но ведь об Утере всегда ходило множество сплетен. Но не слышал, чтобы кто-то посмел в чем-то упрекнуть твою жену.

— Пусть только попробуют, клянусь богом! Однако я не за этим пришел сегодня. С этим ты ничего поделать не сможешь. Хотя, возможно, ты единственный человек, который способен

вразумить короля. Но если тебе удастся уговорить его отпустить нас назад в Корнуолл, не дожидаясь окончания празднеств... Ты ведь сделаешь это — для меня?

— Если сумею.

— Я знал, что могу на тебя положиться. А то теперь в городе такое творится, что не поймешь, кто тебе друг, а кто — так. Утер не из тех людей, кому легко противоречить. Но ты это можешь — и решишься, что важнее. Ты сын своего отца, и ради нашей старой дружбы...

— Я же сказал, что сделаю!

— В чем дело? Ты не болен?

— Ничего. Просто устал. Дорога была трудная. Я увижусь с королем завтра утром, прежде чем он отправится на коронацию.

Горлойс поблагодарил меня коротким кивком.

— Я пришел к тебе не только за этим. Не мог бы ты сейчас поговорить с моей женой?

Последовала мертвая тишина, такая долгая, что я боялся, что он что-нибудь заподозрит. Потом я сказал:

— Если тебе угодно — пожалуйста. Но зачем?

— Болеет она. Я хотел бы, чтобы ты посмотрел ее, если не трудно. Когда женщины сказали ей, что ты в Лондоне, она попросила о встрече с тобой. Честно говоря, я был очень рад, когда услышал, что ты здесь. Теперь мало кому можно доверять, и это истинная правда. Но тебе — верю.

Полено рядом со мной прогорело и рухнуло вниз, в самый жар.

Взметнулось пламя, и лицо Горлойса окрасилось алым, словно кровью.

— Придешь? — спросил старик.

— Конечно! — Я отвернулся.— Уже иду.

Глава 5

Утер не преувеличивал: госпожу Игрейну действительно хорошо стерегли. Их с мужем поселили во дворце, к западу от королевских покоев, и двор был полон корнуэльцев, все — при оружии. В прихожей тоже были вооруженные воины, а в самой спальне — с полдюжины женщин. Когда мы вошли, старшая из них, седая женщина с обеспокоенным лицом, кинулась мне навстречу.

— Принц Мерлин!

Она преклонила передо мной колени, глядя на меня с почтением и страхом, потом повела меня к кровати.

Комната была теплой и ароматной. В лампах горело душистое масло, в очаге — яблоневые дрова. Кровать стояла посреди стены, напротив очага. Подушки были серого шелка с золотыми кисточками, а покрывало богато расшито цветами, фантастическими зверями и крылатыми существами. Это была первая комната женщины, в которой мне пришлось побывать, не считая комнаты моей матери, с простой деревянной кроватью, резным дубовым сундуком и прялкой, с потрескавшимся мозаичным полом.

Я подошел и встал в ногах кровати, глядя на жену Горлойса.

Если бы меня спросили, какова она, я не смог бы ответить. Кадаль говорил, что она красива, и я видел голодное лицо короля, поэтому знал, что она привлекательна; но сейчас, стоя в душистой комнате и глядя на женщину, что с закрытыми глазами лежала на серых подушках, я ее не видел. Не видел ни комнаты, ни бывших в ней людей. Видел лишь, как полыхает и пульсирует свет, словно в хрустальном шаре.

Не отводя глаз от лежавшей на постели королевы, я сказал:

— Одна из женщин останется здесь. Остальные пусть выйдут. И ты тоже, господин мой.

Он вышел без разговоров, вытолкав перед собой женщин, словно стадо овец. Та из них, что встретила меня, осталась у ложа своей госпожи. Когда дверь закрылась, женщина на постели открыла глаза. Наши взгляды встретились, и несколько мгновений мы молчали. Потом я спросил:

— Чего ты хочешь от меня, Игрейна?

Она ответила твердо, не пытаясь увильнуть от прямого ответа:

— Я послала за тобой, принц, потому что мне нужна твоя помощь.

— Из-за короля.

— Так ты уже знаешь? — спросила она напрямик.— Когда мой муж позвал тебя сюда, ты сразу догадался, что я не больна?

— Догадался.

— Значит, ты понимаешь, что мне от тебя нужно.

— Не вполне. Скажи, разве ты до сих пор не могла поговорить с самим королем? Это избавило бы его от многих мучений. И твоего мужа тоже.

Ее глаза расширились.

— Как я могла с ним поговорить? Ты шел через двор?

— Да.

— Значит, видел солдат моего мужа, вооруженную стражу... Что было бы, если бы я говорила с Утером? Не могла я ответить ему открыто, а если бы встретилась с ним тайно — хотя это невозможно,— через час об этом знало бы пол-Лондона. Конечно, я не могла ни поговорить с ним, ни передать послание. Молчание было моим единственным спасением.

— Если бы в послании говорилось, что ты верная и преданная жена и что королю следует поискать любви в другом месте, такое послание можно было бы передать ему в любое время, с любым посланцем.

Она улыбнулась. Потом опустила голову.

Я вздохнул.

— А-а. Именно это я и хотел знать. Ты честна, Игрейна.

— А что толку лгать тебе? Я много о тебе слышала. И не так глупа, чтобы верить всему, что говорится в песнях и легендах, но ты умен, холоден и мудр, и говорят, что не любишь никого из женщин и не служишь никому из мужчин. Значит, ты можешь слушать и судить.— Она опустила взгляд на свои руки, лежавшие поверх покрывала, потом снова подняла глаза на меня.— Но я верю, что ты видишь будущее. Скажи, что меня ждет.

— Я не старая гадалка. Ты послала за мной ради этого?

— Ты знаешь, ради чего. Ты единственный человек, с кем я могу поговорить наедине, не возбуждая гнева и подозрений у мужа,— и ты вхож к королю.

Это была всего лишь юная женщина, лежавшая в постели, а я стоял над ней; и все же она казалась королевой, дающей аудиенцию. Она посмотрела мне в глаза.

— Король уже говорил с тобой?

— В этом не было нужды. Все знают, из-за чего он томится.

— А ты расскажешь ему о том, что только что узнал от меня?

— Это зависит от обстоятельств.

— Каких? — спросила она.

— От тебя самой,— медленно ответил я.— До сих пор ты вела себя разумно. Если бы ты не была столь осторожна в своих речах и поступках, это могло бы привести к крупным неприятностям, даже к войне. Насколько я понимаю, ты ни на миг не оставалась одна и без охраны, стараясь все время быть на виду.

Она молча взглянула на меня, вскинула брови.

— Ну конечно!

— Большинство женщин на твоем месте не смогли бы устоять, госпожа Игрейна. Тем более если бы желали того же, чего желаешь ты...

— Я не «большинство женщин»! — сказала, как выстрелила.

Внезапно села, отбросив назад темные волосы, и откинула одеяла. Пожилая женщина схватила длинное синее платье и подбежала к ней. Игрейна набросила его на плечи, поверх белой ночной сорочки, вскочила с постели и беспокойно подошла к окну.

Стоя, она оказалась высокой для женщины, и фигура ее могла бы взволновать и менее пылкого человека, чем Утер. Длинная, тонкая шея, грациозно посаженная головка. Распущенные темные волосы струились по спине. Глаза — синие, не голубые, как у Утера, а темно-синие кельтские глаза. Гордый рот. Очень красивая — и отнюдь не игрушка для мужчины. «Если Утер хочет ее,— подумал я,— ему придется сделать ее своей королевой».

Она остановилась, не дойдя до окна. Если бы подошла к окну, ее могли бы увидеть со двора. Нет, эта дама головы не теряет...

Обернулась.

— Я дочь короля, из рода королей. Разве ты не видишь, что довело меня до подобных мыслей? Не видишь? — страстно повторила она.— В шестнадцать лет меня выдали замуж за владыку Корнуолла. Он хороший человек, я чту и уважаю его. И, пока не приехала в Лондон, уже наполовину смирилась с тем, что мне придется исчахнуть и умереть там, в Корнуолле. Но он привез меня сюда, и здесь это случилось. Теперь я знаю, чего хочу, но мне, жене Горлойса Корнуэльского, это недоступно. Мне ничего не остается, как ждать и молчать, ибо от моего молчания зависит не только моя честь, но и мужа, моего дома, а также безопасность королевства, за которое умер Амброзий и которое сам Утер только что скрепил огнем и кровью.

Она резко сделала шага два, потом вернулась обратно.

— Я не какая-нибудь мерзавка Елена, ради которой люди сражались, гибли, разоряли королевства. Не хочу стоять на стене и ждать, кому из могучих героев я стану наградой. Не могу обесчестить ни Горлойса, ни короля в глазах людей. А если явлюсь к нему тайком — тогда обесчещу себя в своих глазах. Я женщина, страдающая от любви, да. Но я еще и Игрейна Корнуэльская!

— И ты, значит, намерена ждать, когда сможешь прийти к нему с честью, как его королева? — холодно спросил я.

— А что мне остается?

— Значит, так ему и передать?

Она ничего не ответила.

— Ты позвала меня затем, чтобы я предсказал будущее? Чтобы узнать, сколько осталось жить твоему мужу?

Она снова промолчала.

— Игрейна, это все сводится к тому же. Если я передам Утеру, что ты любишь и хочешь его, но не будешь принадлежать ему, пока жив твой муж,— как ты думаешь, долго ли после этого будет жить Горлойс?

И опять она ничего не сказала. «Тот же дар — умение молчать»,— подумалось мне. Я стоял между нею и очагом и видел, как пламя бьется вокруг нее, струится вверх по белой сорочке и синему платью, как свет и тени переливаются волнами, как бегущая вода или трава под ветром. Пламя взметнулось; моя тень упала на нее, разрослась, поползла вверх, встретилась с ее тенью и соединилась с ней, так что на стене за спиной Игрейны встал не красно-золотой дракон, не падучая звезда с сияющим хвостом, но огромная туманная тень из воздуха и тьмы, созданная пламенем. И когда пламя опало, она опала вместе с ним, уменьшилась, усохла и оказалась вновь всего лишь тенью Игрейны, женщины тонкой и прямой, как меч. А там, где стоял я, не было ничего.

Она шевельнулась — и свет лампы вновь сделал комнату теплой и реальной, пахнущей яблоневыми дровами. Игрейна смотрела на меня — в лице ее появилось нечто новое, чего раньше не было. Наконец она произнесла ровным голосом:

— Говорила же, что от тебя ничто не укроется. Хорошо, что ты высказал это вслух. Я и сама думала об этом. Но надеялась, что, послав за тобой, я смогу снять вину с себя и с короля.

Когда темная мысль облекается в слова, она выходит на свет.

— Если бы ты поступала как обычная женщина, давно могла бы утолить свое желание, точно так же как и король, поступай он как обычный мужчина.

Я остановился. В комнате было абсолютно тихо, и я вновь заговорил — не задумываясь, слова приходили ко мне ниоткуда, ясными и отчетливыми.

— Если хочешь, я могу подсказать, как принять любовь короля, поступая так, как положено тебе, не роняя ни своей, ни его

чести, ни чести своего мужа. Если я скажу, как это сделать, ты согласишься принадлежать ему?

Пока я говорил, глаза ее расширились и вспыхнули. Но она все равно ответила не сразу, сперва поразмыслила.

— Да.

Голос ее был ровным, и я ничего не мог по нему распознать.

— Если ты будешь повиноваться, я могу сделать это для тебя,— сказал я.

— Что я должна делать?

— Значит, ты обещаешь мне это?

— Слишком торопишься,— сухо сказала она.— Или ты сам заключаешь сделки, не узнав, что от тебя потребуют?

Я улыбнулся.

— Нет. Ну что ж, слушай. Когда ты притворилась больной, чтобы призвать меня к себе, что ты сказала служанкам и мужу?

— Только что мне плохо и я не хочу никого видеть. Что если я должна завтра быть на коронации вместе с мужем, мне нужно сегодня поговорить с врачом и принять какое-нибудь лекарство.

Она улыбнулась, немного криво.

— Я сделала это еще и затем, чтобы не сидеть на пиру рядом с королем.

— Хорошо. Скажешь Горлойсу, что ты беременна.

— Беременна?!

Казалось, Игрейна в первый раз за все это время была потрясена. Она уставилась на меня.

— Такое ведь может быть? Он, конечно, стар, но я думал...

— Может. Но я...— Игрейна прикусила губу. И через некоторое время сказала, уже спокойно: — Продолжай. Я просила совета и должна его выслушать.

Мне еще никогда не доводилось встречаться с женщиной, перед которой не приходилось подбирать слова и с которой можно было говорить так, как я говорил бы с мужчиной.

— У твоего мужа нет причин подозревать, что ты беременна не от него самого. Поэтому скажи ему это и что ты боишься, что, если долее останешься в Лондоне, с ребенком что-нибудь случится из-за всей этой болтовни и знаков внимания короля. Скажешь, что ты желаешь уехать сразу после коронации, не хочешь идти на пир, потому что король выставит тебя перед гостями, а все будут глазеть на тебя и шептаться. Завтра вы с Горлойсом и всеми корнуэльскими отрядами уедете из Лондона до того, как ворота закроют на ночь. Утер узнает об этом только после пира.

— Но...— она вновь уставилась на меня,— это ведь безумие! Мы могли бы уехать в любой день за эти три недели, если б не боялись навлечь на себя гнев короля. Нам придется остаться здесь, пока он не даст нам дозволения. Если мы уедем таким образом, под каким бы то ни было предлогом...

Я остановил ее.

— В день коронации Утер ничего сделать не сможет. Ему придется остаться здесь до конца празднеств. Неужели ты думаешь, что он посмеет так оскорбить Будека, Мерровия и других королей, что собрались здесь? Прежде чем он сможет выступить, вы уже вернетесь в Корнуолл.

— Но потом он все равно выступит! — Она нетерпеливо взмахнула рукой.— И будет война. Как раз тогда, когда следовало бы строить и восстанавливать, а не жечь и разрушать. Победить в этой войне король не сможет: если он одержит победу на поле боя, то потеряет преданность Запада. Так или иначе, а Британия снова будет расколота и рухнет во тьму.

Да, королева из нее получится. Она стремилась к Утеру не меньше, чем он к ней, и все же не утратила способности думать. Она умнее Утера, голова у нее ясная, и, еще похоже, сильнее его духом.

— О да, конечно выступит,— сказал я, подняв руку.— Но выслушай меня. Я поговорю с королем перед коронацией. Он будет знать, что рассказанное тобой Горлойсу неправда, а также и то, что это я посоветовал тебе вернуться в Корнуолл. Он сделает вид, что ужасно разгневался, и прилюдно поклянется отомстить за оскорбление, нанесенное ему Горлойсом на коронации... И как только празднества окончатся, он соберется последовать за тобой в Корнуолл...

— Я не поняла тебя. Продолжай.

Она спрятала руки в рукава синего платья и скрестила их на груди. Госпожа Игрейна была вовсе не так спокойна, как хотела казаться.

— И что же потом?

— Ты окажешься дома, в безопасности. Твоя честь и честь Корнуолла не пострадают.

— Да, в безопасности. Я буду сидеть в Тинтагеле, а там до меня даже Утер не доберется. Мерлин, ты видел эту крепость? Высокие, неприступные береговые утесы и узкий каменный мост — единственный путь, которым можно попасть на остров, где стоит замок. Мост так узок, что по нему можно идти только в одиночку, и лошадей ведут в поводу. Тот конец моста, что выходит на берег, охраняет еще одна крепость, стоящая на главном утесе, а в замке есть вода и запасы еды на год. Это надежнейшая крепость во всем Корнуолле. Ее нельзя взять приступом, к ней нельзя подойти с моря. Если ты хочешь, чтобы я вовеки не досталась Утеру, лучшего места не найти.

— Я об этом тоже слышал. Стало быть, Горлойс туда тебя и отошлет. Если Утер последует за ним, неужели ты думаешь, госпожа моя, что Горлойс согласится год просидеть с тобой там, словно зверь в ловушке? И смогут ли его отряды находиться с ним там?

Она покачала головой.

— Если нет, его нельзя использовать в качестве опорного пункта.

— Все, что можно сделать,— переждать осаду.

— Тогда ты должна убедить его, что если он не хочет сидеть в четырех стенах, пока войска Утера разоряют Корнуолл, то должен быть в другом месте, там, где может сражаться.

Она стиснула руки.

— Он так и сделает. Не станет выжидать и прятаться, пока Корнуолл будет страдать. Но я не понимаю, чего ты хочешь, Мерлин. Если ты пытаешься спасти от меня своего короля и королевство, так и скажи. Я могу и дальше притворяться больной, и в конце концов Утеру придется отпустить меня домой. И мы сможем вернуться в Корнуолл без обид и кровопролития.

— Ты сказала, что будешь слушать,— резко сказал я.— Времени мало.

Она вновь застыла.

— Я слушаю.

— Горлойс запрет тебя в Тинтагеле. Куда поедет он сам, чтобы встретить Утера?

— В Димилиок. Это в нескольких милях от Тинтагела по берегу.

— Хорошая крепость и удобный плацдарм. Но что тогда? Ты думаешь, Горлойс не станет сражаться?

Она подошла к очагу и села. Я увидел, как она стиснула руками колени, чтобы пальцы не дрожали.

— И ты думаешь, король явится ко мне в Тинтагел, будет там Горлойс или нет?

— Если ты сделаешь все, как я сказал, вам с королем удастся поговорить и утешить друг друга. И никто об этом не узнает.

Она резко вскинула голову.

— Нет,— продолжал я.— Это ты предоставь мне. Здесь вступает в дело магия. В остальном доверься мне. Тебе надо только добраться до Тинтагела и ждать. Я приведу к тебе Утера. И обещаю тебе, ради короля, что он не будет сражаться с Горлойсом и что после того, как вы с ним встретитесь в любви, Корнуолл обретет мир. Что до того, как все произойдет,— это в руке Божией. Я могу сказать тебе только то, что знаю. Та сила, что сейчас во мне,— от него, все мы в Его власти, и Он волен творить или разрушать. Но могу сказать тебе, Игрейна, что я видел яркое пламя и в пламени — корону и меч, стоящий на алтаре подобно кресту.

Она быстро встала, и впервые за все время я увидел в ее глазах подобие страха. Открыла рот, словно собираясь заговорить, потом снова стиснула губы и повернулась к окну. Снова остановилась, не дойдя до него, но я увидел, как она подняла голову, словно задыхаясь. Ей не хватало крыльев. Если она провела юность в Тинтагеле, неудивительно, что ей хочется научиться летать.

Игрейна подняла руку, отвела волосы со лба и заговорила, глядя в окно, не оборачиваясь ко мне.

— Сделаю, как ты говоришь. Если я скажу ему, что жду ребенка, он отвезет меня в Тинтагел. Там рождаются все герцоги Корнуолла. А после мне придется довериться тебе.

Она обернулась и взглянула на меня, уронив руки.

— Если мне удастся хотя бы поговорить с ним... только поговорить... Но если ты из-за меня принесешь кровопролитие в Корнуолл или смерть моему мужу, я проведу остаток жизни, молясь всем богам, чтобы и ты, Мерлин, погиб, преданный женщиной.

— Согласен на это. А теперь мне пора. Не могла бы ты послать со мной кого-нибудь? Я приготовлю и пришлю тебе питье. Это будет всего лишь маковый отвар, так что можешь спокойно выпить его.

— Возьми Ральфа, моего пажа. Ты увидишь его за дверью. Это внук Марсии, ему можно доверять так же, как ей.

Она кивнула пожилой женщине, которая уже направилась к двери, чтобы отворить ее мне.

— Тогда я передам тебе весть через него с моим слугой Кадалем. А теперь — спокойной ночи.

Когда я уходил, она неподвижно стояла посреди комнаты, озаренная пламенем.

Глава 6

Мы бешено мчались в Корнуолл.

Пасха в тот год была ранняя, поэтому зима едва успела смениться весной, когда бурной черной ночью мы остановили коней на утесе близ Тинтагела и всматривались во тьму против яростного ветра. Нас было всего лишь четверо: Утер, я, Ульфин и Кадаль. До сих пор все шло гладко, так, как было задумано. Время подходило к полуночи двадцать четвертого марта.

Игрейна выполнила мои указания до последней мелочи. В ту ночь, в Лондоне, я не осмелился прямо от нее пойти к Утеру, боясь, что об этом доложат Горлойсу, да он все равно, наверно, спал. А наведался ранним утром, пока он умывался и готовился к коронации. Он отослал всех слуг, кроме Ульфина, и я мог без обиняков объяснить ему, что он должен делать. Утер принял питье, выспался и теперь выглядел значительно лучше. Он довольно бодро приветствовал меня и выслушал, сверкая блестящими, ввалившимися глазами.

— И она сделает все, как ты сказал?

— Да. Она дала мне слово. А ты?

— Знаешь, что да!

Он взглянул на меня в упор.

— А теперь скажи, что будет?

— Я же говорил. Будет ребенок.

— А, это! — Он нетерпеливо дернул плечом.— Ты прямо как мой братец — он тоже ни о чем другом не думал... Ты все еще работаешь на него?

— Можно сказать, что да.

— Ну ладно, наверно, рано или поздно все равно придется завести. Да нет, я спрашивал про Горлойса. Что будет с ним? Ведь дело рискованное?

— Делай, как я: доверься времени. Могу только сказать, что твое имя и твое королевство переживут дела этой ночи.

Короткое молчание. Он смерил меня взглядом.

— Ну что ж, ладно. Довольно и этого.

— И правильно. Ты переживешь его, Утер.

Он внезапно рассмеялся.

— Клянусь страстями Господними, парень! Это я и сам бы мог предсказать. Ему жить еще лет тридцать, он не привык отсиживаться дома, когда дело доходит до драки. Это еще одна причина, почему я не хочу, чтобы его кровь пала на меня. Да, кстати...

Он обернулся к Ульфину и принялся отдавать распоряжения. Это снова был прежний Утер: бодрый, немногословный, точный. Немедленно отправить гонца в Каэрлеон, чтобы войска оттуда перебросили в Северный Корнуолл. Сам Утер отправится в Корнуолл прямо из Лондона, как только сможет, с небольшим отрядом, туда, где будут стоять его войска. Так королю удастся ненамного отстать от Горлойса, хотя герцог уедет сегодня, а королю придется остаться здесь на празднества, которые протянутся еще целых четыре дня. Другой гонец должен отправиться по дороге, по которой мы поедем в Корнуолл, и проследить, чтобы на всем пути, недалеко друг от друга, были приготовлены подставы.

Все вышло так, как я рассчитывал. Я видел Игрейну на коронации: безмолвная, сдержанная, прямая, как стрела, глаза в пол, и такая бледная, что если бы я сам не говорил с ней накануне, то поверил, что она и впрямь беременна. Никогда не перестану удивляться женщинам. Что у них на уме, никакая сила понять не поможет. Что герцогиня, что шлюха — все они умеют лгать, даже не учась. Наверно, это то же, что с рабами или с животными, которые инстинктивно притворяются камнем или сучком, чтобы спастись от врагов. Она просидела всю долгую, блистательную церемонию белая, как воск, словно вот-вот растает. Потом я мельком увидел ее в окружении женщин, которые уводили ее прочь от блестящей процессии, что медленно двигалась в сторону пиршественного зала. В середине пира, когда вино уже лилось рекой, я заметил, как Горлойс незаметно удалился из зала кое с кем из гостей как бы по нужде. Обратно он не вернулся.

У того, кто знал правду, Утер мог вызвать больше подозрения, чем Игрейна, но благодаря усталости, вину и возбуждению от того, что должно было свершиться вскоре, он тоже был до-

статочно убедителен. Люди вполголоса шептались о том, как он разгневался, когда обнаружил, что Горлойс исчез, и как клялся, что отомстит тотчас же, как только расстанется со своими царственными гостями. Быть может, гнев этот был чересчур пылок и угрозы в адрес герцога чересчур суровы — ведь, в конце концов, герцог всего лишь защищал свою жену, но король и до того вел себя достаточно несдержанно, так что люди сочли это всего лишь продолжением тех же безумств. А звезда Утера была теперь столь ярка, столь ослепителен был блеск взошедшего на престол Пендрагона, что Лондон простил бы ему даже похищение. Скорее Игрейну винили за то, что она отказала ему.

Итак, мы прибыли в Корнуолл. Гонец сделал свое дело: подставы были расставлены самое большее через двадцать миль, мы скакали во весь опор и потратили на дорогу два дня и ночь. Наши войска уже ждали нас в назначенном месте: в нескольких милях от Геркулесова Мыса, у самой границы Корнуолла. Нам сообщили, что Игрейна находится в Тинтагеле с небольшим отрядом отборных воинов, а Горлойс со всеми своими отрядами занял Димилиок и разослал народу Корнуолла призыв собираться и защищать своего герцога. Он должен был знать о том, что на границе у него стоят королевские войска, но он, несомненно, думал, что они дождутся самого короля. Он не мог предположить, что король уже здесь.

Мы въехали в лагерь тайком, в сумерках, и отправились не в королевский штаб, а к офицеру, которому Утер мог довериться. Кадаль был уже там. Он поехал вперед, чтобы приготовить для нас костюмы, в которые я собирался переодеть короля и его спутников, и дожидаться, когда Ральф сообщит из Тинтагела, что пора.

Мой замысел был достаточно прост, из тех, что часто увенчиваются успехом. Женившись, Горлойс взял привычку по ночам приезжать домой, к жене, если стоял где-то неподалеку: в Димилиоке или другой ближней крепости. Должно быть, люди слишком часто подсмеивались над его старческой влюбленностью, и он, как рассказал мне Ральф, завел обычай приезжать в замок тайком, через потайной ход, добраться до которого, не зная дороги, было очень сложно. Я задумал переодеть Утера, Ульфина и себя, чтобы, если нас заметят, то приняли за Горлойса, его спутника и слугу, и ночью отправиться в Тинтагел. Ральф

устроит так, чтобы его поставили на пост у потайной двери. Он встретит нас внизу и проведет по тайной тропе. Самой большой опасностью было то, что в ту же ночь может явиться сам Горлойс, но Игрейне как-то удалось убедить его не приезжать, и она отослала всех своих женщин, кроме Марсии. Ральф с Кадалем договорились, в каких одеждах мы приедем: в ночь коронации корнуэльцы уезжали из Лондона в такой спешке, что часть своих вещей они оставили, и оказалось совсем нетрудно найти дорожную одежду с гербом Корнуолла и даже один из приметных боевых плащей Горлойса с двойной серебряной каймой.

Последнее послание Ральфа было обнадеживающим, время приспело. Ночь была достаточно темная, чтобы нас никто не увидел, и достаточно бурная, чтобы большинство людей не высовывало носа за дверь. Мы отправились в путь вчетвером, как только полностью стемнело, и нам удалось выскользнуть из лагеря незамеченными. Оказавшись за пределами наших позиций, мы галопом поскакали к Тинтагелу, и лишь острый и подозрительный глаз сумел бы определить, что это не сам герцог Корнуэльский с тремя спутниками едет домой к своей супруге. Мы выкрасили Утеру бороду в седой цвет и подвязали щеку, чтобы скрыть угол рта и оправдать невнятность речи, на случай, если ему придется заговорить. Капюшон его плаща был низко надвинут — что вполне понятно в такое ненастье — и скрывал его черты. Утер был стройнее и сильнее Горлойса, но это скрыть нетрудно. Он надел перчатки, чтобы не было видно, что руки у него не старческие. Ульфин вполне мог сойти за некоего Иордана, слугу Горлойса. Мы выбрали его, потому что он был больше всего похож на Ульфина сложением и цветом волос. Я сам переоделся в Британэля, друга и военачальника Горлойса; он был старше меня, но голоса у нас были чем-то похожи, и я неплохо говорил по-корнуэльски. Я всегда хорошо умел подражать чужому голосу. Так что я должен был вести беседу, если придется с кем-то говорить. Кадаль ехал непереодетым, он должен был сторожить лошадей снаружи — и быть нашим гонцом, если понадобится.

Я подъехал к королю и наклонился к его уху.

— Замок примерно в миле отсюда. Нам пора сворачивать к берегу. Там будет ждать Ральф. Он проводит нас внутрь. Я поеду вперед?

Утер кивнул. Даже сейчас, в темноте, я видел, как блестят его глаза.

— И не смотри так,— прибавил я,— не то никто не поверит, что ты Горлойс, который уже много лет как женат.

Он рассмеялся. Я развернул коня и медленно поехал по склону, изрытому кроличьими норами, покрытому осыпями, поросшему кустарником, спускаясь в узкую долину, ведущую на берег моря.

Эта долина на самом деле всего лишь овраг, по которому бежит к морю небольшой ручей, шириной не более трех шагов и такой мелкий, что лошадь может перейти его вброд в любом месте. Долина кончается небольшим уступом, с которого ручей падает прямо на берег, усыпанный плоской галькой. Мы проехали, растянувшись цепочкой, по тропе — ручей бурлил слева от нас, на дне овражка, а справа был высокий склон, поросший кустарником. Поскольку ветер дул с юго-запада, а долина была глубокая и шла почти точно на север, мы оказались укрыты от непогоды, но кусты на краю оврага стонали на ветру, на тропу сыпались веточки. Но и без этого ехать было тяжело: кони, взбудораженные непогодой, чувствовали наше напряжение — по крайней мере, троих из нас: Кадаль был тверд, как скала, ему-то не надо было идти в замок,— и оттого упрямились и косили глазом; а тут еще каменистая тропа и темнота... Когда за четверть мили до моря мы свернули к ручью и стали переходить его вброд, моя лошадь, шедшая головной, прижала уши и заартачилась. А когда я подхлестнул ее и пустил мелким галопом по узкой тропе и из тени на тропу выступил человек, лошадь остановилась как вкопанная, встала на дыбы и забила копытами в воздухе, так что я подумал, что сейчас мы с ней опрокинемся назад.

Человек метнулся ко мне, схватил лошадь под уздцы и заставил ее встать на все четыре ноги. Лошадь стояла взмыленная, дрожа всем телом.

— Бритаэль,— назвался я.— Все в порядке?

Человек ахнул и шагнул вперед, пытаясь разглядеть меня сквозь тьму. Позади меня из ночи вынырнул серый жеребец Утера и остановился. Человек, державший мою лошадь под уздцы, неуверенно спросил:

— Господин мой Горлойс? Мы тебя не ждали сегодня. Что-то случилось?

Я узнал голос Ральфа и сказал, уже своим голосом:

— Ага, значит, в темноте мы все же сойдем за них?

Он шумно перевел дух.

— Да, господин... Я подумал было, что это и в самом деле Бритаэль. И еще серый конь... Это король?

— На одну ночь,— возразил я,— это герцог Корнуэльский. Все в порядке?

— Да, господин.

— Ну, тогда показывай дорогу. Времени мало.

Он взял моего коня под уздцы у самых удил и повел вперед. Это было очень кстати: опасная тропа, узкая и скользкая, вилась по крутому склону меж шелестящих кустарников; на незнакомой и напуганной лошади я по такой тропе и днем бы не поехал. Прочие следовали за нами. Лошади Кадаля и Ульфина шагали спокойно, а серый жеребец позади меня храпел на каждый куст и все норовил вырвать у всадника повод, но Утер усмирял своего коня, даже не особенно напрягаясь: он смог бы укротить и Пегаса.

Тут моя лошадь шарахнулась от чего-то, споткнулась, и, если бы не Ральф, я слетел бы под обрыв. Я выругался и спросил у Ральфа:

— Далеко еще?

— Шагов двести по берегу, господин. Там оставим лошадей. На мыс пойдем пешком.

— Клянусь всеми богами бурь, я буду рад оказаться под крышей! У вас были какие-нибудь сложности?

— Никаких, господин! — Ему приходилось кричать, чтобы я мог его расслышать, но бояться было нечего — в такую погоду вряд ли кто-нибудь услышал бы нас ближе чем за три шага.— Госпожа сама сказала Феликсу — это наш привратник,— что попросила герцога приехать к ней, как только он разместит свои войска в Димилиоке. Конечно, слух о том, что она беременна, уже разошелся, поэтому никто не удивился, что она просила его приехать, несмотря на то что королевские войска так близко. Она сказала Феликсу, что герцог войдет через потайной ход, на тот случай, если король уже выслал сюда своих шпионов. И попросила, чтобы он ничего не говорил солдатам, потому что они могут встревожиться, что герцог оставил Димилиок и свое войско теперь, но что король все равно не доберется до Корнуолла раньше завтрашнего дня... Феликс ни о чем не подозревает. Да и с чего бы?

— Привратник один у ворот?

— Да, но в караулке еще двое стражников.

Ральф уже рассказал нам, как выглядит потайной ход. Это была маленькая дверь в нижней части наружной стены замка, и от нее начиналась длинная лестница, которая шла направо вдоль стены. На середине лестницы была широкая площадка, на которую выходила дверь караульной. Дальше снова лестница, и наверху — потайная дверь, ведущая в покои.

— А стражники знают? — спросил я.

Ральф покачал головой.

— Мы не решились, господин. Герцог лично отбирал всех, кого оставил с госпожой Игрейной.

— А много ли света на лестнице?

— Один факел. Я позаботился о том, чтобы он давал больше дыма, чем света.

Я оглянулся через плечо на серого коня, казавшегося призраком в темноте. Ральфу приходилось кричать, чтобы я мог расслышать его за воем ветра, бушевавшего наверху, и подумал, что король захочет узнать то, о чем мы говорили. Но Утер молчал — он не открывал рта с самой дороги. Похоже, он действительно решился довериться времени. Или мне.

Наклонившись через шею лошади, я обратился к Ральфу:

— Пароль есть?

— Пароль — «Паломник». И госпожа прислала кольцо, которое королю нужно надеть. Герцог его носит иногда. А вот и конец тропы. Видишь? Там довольно крутой спуск на берег.

Он придержал мою лошадь, потом мы спустились вниз, и подковы коня заскрипели по гальке.

— Господин, коней мы оставим здесь.

Я спешился с радостью. Насколько я мог видеть, мы находились в маленькой бухте, прикрытой от ветра большим мысом слева от нас, но волны, выкатывающиеся из-за мыса и разбивающиеся о прибрежные скалы, были огромные; они налетали на камни с грохотом, подобно сошедшимся в гневе воинствам, и выплескивались на гальку длинными языками белой пены. Наш ручей падал к морю с утеса двумя длинными водопадами, струи которых разметались на ветру, словно пряди волос. За этими водопадами, под нависшей стеной главного утеса, было укрытие для коней.

Ральф указал на большой мыс слева.

— Тропа там. Скажи королю, чтобы он шел за мной и не отставал. Один неверный шаг — и «мама!» крикнуть не успеешь, как тебя унесет течением дальше западных звезд.

Серый остановился рядом с нами, и король спрыгнул наземь. Я услышал, как он рассмеялся — резким, торжествующим смехом. Он бы радовался, даже если бы в конце этого ночного пути его не ждала награда. Опасность сама по себе опьяняла Утера сильнее вина. Двое других подъехали и спешились. Кадаль взял коней под уздцы.

Утер подошел ко мне, глянул через плечо на бурлящие волны.

— Ну что, дальше вплавь? Видит бог, может дойти и до этого! Мне все чудится, что волны долетают до самых стен.

Он стоял неподвижно, не обращая внимания на порывы ветра и дождь, хлещущий в лицо, запрокинув голову и глядя вверх, на мыс. Наверху, на фоне штормовой тьмы теплился огонек.

Я коснулся его руки.

— Слушай. Все так, как мы рассчитывали. Там привратник, Феликс, и двое воинов в караульной. Света мало. Дорогу ты знаешь. Когда мы войдем, буркнешь что-нибудь Феликсу и быстро поднимайся наверх. Старуха Марсия встретит тебя у дверей покоев Игрейны и проводит внутрь. Остальное предоставь нам. Если начнется заваруха, нас трое против троих, а в такую ночь никто ничего не услышит. Приду за час до рассвета и пошлю за тобой Марсию. Больше нам поговорить не удастся. Иди за Ральфом, след в след, тропа очень опасная. Он даст тебе кольцо и скажет пароль. Ступай.

Утер молча повернулся и пошел по залитому пеной берегу к ожидавшему его мальчику. Я увидел рядом с собой Кадаля. Он держал под уздцы всех четырех лошадей. По его лицу, как и у меня, стекали капли дождя, плащ развевался у него за плечами, как грозовая туча.

— Ты слышал,— сказал я.— За час до рассвета.

Он тоже смотрел на утес, где, высоко над нами, виднелся замок. На миг тучи разошлись, и в свете звезд я увидел вырастающие из скалы стены. А под стенами обрыв, почти отвесно уходящий вниз, к ревущим волнам. Между мысом и материком шел естественный скальный гребень. Его крутые склоны были до блеска отполированы морем, словно клинок меча. Отсюда, с берега, казалось, что пройти туда невозможно, кроме как через

долину: ни к крепости, ни на перешеек, ни на скалу, где высился замок, подняться было нельзя. Неудивительно, что здесь не ставят часовых. А на тропе, ведущей к потайной двери, один человек мог выстоять против целой армии.

— Я коней туда отведу, под скалу, в укрытие,— сказал Кадаль.— И возвращайтесь вовремя — если не ради этого ошалевшего от любви господина, то хотя бы ради меня. Если там, наверху, догадаются, что тут дело нечисто, это будет настоящая мышеловка! Ведь этот чертов овражек перекрыть не труднее, чем тот мост! А мне что-то не хочется выбираться отсюда вплавь.

— И мне тоже. Не беспокойся, Кадаль. Я знаю, что делаю.

— Да верю, верю. В тебе нынче ночью что-то такое... этакое. То, как ты сейчас говорил с королем — не раздумывая, словно со слугой каким-нибудь. И он ничего не сказал, а сделал, как ему велели. Да, ты, похоже, и впрямь знаешь, что делаешь. Оно и к лучшему, господин Мерлин. Потому что ведь иначе, понимаешь ли, выйдет, что ты рискуешь жизнью верховного короля Британии ради того, чтобы он разок удовлетворил свою похоть.

Я сделал то, чего не делал никогда. Со мной такое вообще редко бывает. Протянул руку и положил ладонь поверх руки Кадаля, сжимавшей поводья. Кони теперь успокоились и стояли мокрые и несчастные, сбившись в кучку, повернувшись крупами к ветру и понурив головы.

Я сказал:

— Если Утер войдет к ней сегодня ночью и возляжет с ней, тогда, Кадаль, как Бог свят, его собственная жизнь будет иметь не больше значения, чем вот эта пена на берегу. Пусть даже его убьют в постели, говорю тебе: в эту ночь будет зачат король, чье имя станет щитом и опорой для людей этой прекрасной страны, пока она, от моря до моря, не погрузится в волны, что ныне лелеют ее, и пока люди не оставят землю, чтобы жить меж звезд. Скажи, Кадаль, ну разве Утер — король? Он всего лишь наместник того, кто был прежде него и придет после,— короля былого и грядущего. А сегодня он даже меньше, чем наместник,— он всего лишь орудие, а она — сосуд, а я... я дух, слово, существо из воздуха и тьмы. И я не более способен изменить то, что делаю, чем тростник в состоянии изменить дующий в него ветер Бога. Мы с тобой, Кадаль, беспомощны, как сухие листки в волнах этой бухты.

Я выпустил его руку.

— За час до рассвета.

— До свидания, господин мой.

Сопровождаемый Ульфином, я направился по галечному пляжу к подножию черного утеса вслед за Ральфом и королем.

Глава 7

Не думаю, что сумел бы теперь даже при дневном свете отыскать ту тропу, не то что взобраться по ней. Впереди шел Ральф, за ним — король, положив руку ему на плечо, я держался за плащ Утера, а Ульфин — за мой. По счастью, мы шли вплотную к стенам замка, и они защищали нас от ветра. Если бы здесь еще и дул ветер, тропа сделалась бы непроходимой, нас бы снесло, как перышки. Но от моря нас ничто не защищало. Волны взлетали вверх, должно быть, футов на сорок, а гигантские девятые валы вздымались, как башни, футов на шестьдесят над берегом и заливали нас солеными брызгами.

Единственное, что было хорошего в этих волнах,— белая пена отражала слабый свет, падающий с неба, так, что было светлее. Наконец мы увидели над собой основание стен замка, встающее из скалы. Эти стены были неприступны даже в сухую погоду, а сейчас по ним струилась вода. Я не видел двери: казалось, в стенах нет ни единой щели — сплошной камень, блестящий от влаги сланец. Но Ральф, не задумываясь, вел нас дальше, и вот мы оказались на краю утеса, обращенном к морю. Здесь он на миг остановился, и я увидал, как он сделал жест, означавший: «Берегись!» Он осторожно обогнул выступ скалы и скрылся из виду. Я почувствовал, как пошатнулся Утер, когда выглянул из-за утеса и ветер ударил ему в грудь. Он приостановился, потом пошел дальше, прижимаясь к скале. Мы с Ульфином последовали за ним. Несколько томительных ярдов мы буквально ползли вперед, уткнувшись лицом в мокрый, скользкий камень; потом нас прикрыл очередной выступ, и внезапно мы оказались на коварном склоне, поросшем армерией, и перед нами, в углублении скалы внизу крепостной стены, невидимый сверху, со стен, благодаря нависающему над ней утесу, открылся тайный ход в Тинтагел.

Я увидел, как Ральф долго всматривался вверх, прежде чем провести нас под скалу. Часовых на стене не было. Что толку ставить часовых на укрепления, смотрящие на море? Ральф вынул

кинжал и постучал в дверь каким-то условным стуком, которого мы не расслышали за воем ветра.

Привратник, должно быть, ждал у самой двери. Дверь отперли тотчас же. Она бесшумно открылась дюйма на три, потом застряла. Я услышал звон цепочки. В щели показалась рука с факелом. Стоявший рядом со мной Утер надвинул поглубже свой капюшон, я шагнул вперед и встал рядом с Ральфом, прижимая к губам плащ и горбясь под порывами ветра и дождя.

Над факелом показалась половина лица привратника и глаз. Ральф, стоявший на свету, требовательно произнес:

— Паломник! Давай быстрее. Это я, и со мной герцог.

Факел приподнялся повыше. Я увидел, как сверкнул изумруд на руке Утера, и резко произнес голосом Британэля:

— Феликс, смилуйся, впусти нас! Смотри, что творится. Герцог утром упал с лошади, а теперь его повязка намокла. Нас всего четверо. Поторопись!

Цепочку сняли, и дверь распахнулась. Ральф положил на нее руку, словно желая открыть господину, так чтобы загородить от Феликса Утера, пока проходил король.

Утер прошагал мимо согнувшегося в поклоне привратника, отряхиваясь, как пес, и что-то неразборчиво буркнул в ответ на приветствие. Потом, вскинув руку, так что на пальце снова блеснуло кольцо с изумрудом, он повернул прямо к ступеням справа и быстро пошел наверх.

Пока входили мы с Ульфином, Ральф отобрал у привратника факел.

— Я посвечу. Закрой дверь и запри на засов. Я потом спущусь и расскажу тебе новости, но сейчас мы все мокрые, как утопленные щенята, и хотим поскорее к огню. В караулке ведь горит огонь, а?

— Ага.

Привратник отвернулся, чтобы задвинуть засов. Ральф держал факел так, чтобы мы с Ульфином оказались в тени, проходя мимо. Я быстро пошел вслед за Утером, а Ульфин — по пятам за мной.

Лестница была освещена лишь чадящим факелом, вставленным в скобу на стене на широкой площадке впереди. Все оказалось просто...

Чересчур просто. Внезапно к тусклому свету факела на стене добавился яркий свет другого факела и из караулки выступили двое стражников с мечами наголо.

Утер, шедший на шесть ступеней впереди, на миг приостановился — и пошел дальше. Я увидел, как его рука под плащом опустилась на рукоять меча. Свой меч я уже держал наготове.

Позади на лестнице послышался легкий топот Ральфа.

— Господин мой герцог!

Утер остановился — с превеликим облегчением, я полагаю, и обернулся к Ральфу, спиной к стражникам.

— Господин герцог, дай я тебе посвечу... А, у них там факел! — сказал Ральф, словно лишь сейчас заметив стражников с факелом. Побежал мимо Утера наверх, беспечно крикнув: — Эй, Марк, Селлик, дайте-ка мне факел, я провожу господина к герцогине! А то эта дрянь только дымит.

Человек с факелом держал его высоко, и оба смотрели вниз, на нас. Мальчишка не растерялся ни на миг. Он взбежал наверх, проскользнул между их мечами и отобрал у стражника факел. Не успели они и глазом моргнуть, как Ральф повернулся и сунул первый факел в бочонок с песком, стоявший у двери караульной. Факел окутался вонючим дымом и погас. Новый факел горел ярко, но раскачивался и двигался, так что на ступени падали огромные гротескные тени стражников, помогавшие нам скрыть свои лица. Утер, воспользовавшись мечущимися тенями, быстро взбежал наверх. Он выставил вперед руку с кольцом Горлойса, как бы отвечая на приветствия стражников. Они отошли в сторону, но не ушли, а встали по обе стороны лестницы, по-прежнему держа в руках мечи.

Я услышал за спиной слабый шорох — это Ульфин потихоньку вытягивал из ножен свой меч. Мой был уже наполовину обнажен под плащом. Пройти мимо не удастся. Придется их убить — и молиться, чтобы шум не привлек ничьего внимания. Я услышал, как Ульфин замедлил шаги, и понял, что он подумал о привратнике. Возможно, Ульфину придется вернуться к нему, пока мы будем разбираться со стражниками.

Но не пришлось. Внезапно наверху, в конце второго пролета лестницы, распахнулась дверь. На пороге, озаренная светом, стояла Игрейна. Она была в белом, как и тогда, когда я видел ее впервые, но на этот раз не в ночной сорочке. Длинное платье блестело и переливалось, как вода в озере. На одном плече, на римский манер, был наброшен плащ мягкого темно-синего цвета. В волосах сверкали камни. Она протянула руки, и одеяние соскользнуло с запястий, открыв браслеты червонного золота.

— Привет тебе, господин мой!

Ее голос, высокий и чистый, заставил обоих стражников обернуться в ее сторону. Утер в два прыжка преодолел последние шесть ступенек, отделявшие его от площадки, скользнул мимо стражников — плащ коснулся лезвий мечей,— пробежал мимо сияющего факела Ральфа и взлетел наверх.

Стражники снова обрели бдительность, стоя по обе стороны лестницы, спиной к стене. Я слышал, как тяжело дышит Ульфин у меня за спиной, но он все же довольно тихо последовал за мной. Спокойно, не торопясь поднимался я наверх, к площадке. Полезно все-таки быть принцем, даже если ты бастард: я знал, что в присутствии герцогини стражники будут смотреть в стену перед собой так, словно они слепые. Я прошел между мечами, и Ульфин за мной следом.

Утер был уже наверху. Он взял ее за руки и прямо там, перед ярко освещенной дверью, когда внизу блестели в свете факелов мечи его врагов, наклонился и поцеловал Игрейну. Алый плащ взметнулся и скрыл белое платье. За ними виднелась тень старухи, Марсии, которая придерживала дверь.

— Идем,— сказал король и увел ее в озаренные пламенем покои, по-прежнему окутывая своим алым плащом.

Дверь за ними захлопнулась.

Так мы взяли Тинтагел.

Глава 8

Нам с Ульфином хорошо послужили в ту ночь. Не успела дверь комнаты затвориться, оставив нас на полпути между верхом лестницы и площадкой, на которой стояли стражники, как снизу послышалась беспечная скороговорка Ральфа, сопровождаемая звоном убираемых в ножны мечей:

— Боги и ангелы, ну и работенка! А мне ведь потом назад его провожать! У вас там огонь горит? Это хорошо. Успеем обсушиться, пока ждем. Ладно, идите, мы тут за вас посидим. Ну, чего вы встали? Слышали приказ? Ступайте и помните: никому ни слова!

Один из стражников, вложив меч в ножны, повернул в сторону караульной, но второй заколебался и посмотрел в мою сторону.

— Господин Британэль, это верно? Нам приказано уйти с поста?

Я медленно начал спускаться по лестнице.

— Верно. Можете идти. Когда соберемся уезжать, то пошлем за вами привратника. И прежде всего, не говорите никому, что герцог здесь. Поняли?

Я обернулся к Ульфину. Он стоял позади меня, широко раскрыв глаза.

— Иордан, ступай наверх, к двери, и неси караул. Нет, сперва отдай мне свой плащ, его надо просушить.

Ульфин с радостью бросился наверх, обнажив наконец свой меч. Ральф вошел в караулку и подкреплял мои приказы невесть какими угрозами. Я спустился вниз не спеша, чтобы Ральф успел выпроводить стражников.

Услышав, как захлопнулась внутренняя дверь, вошел в караулку. Она была ярко освещена факелом и огнем, пылающим в очаге. Никого, кроме нас, не было.

Ральф широко улыбнулся мне. Он был весь на нервах.

— Никогда больше за такое не возьмусь! Ни ради госпожи, ни даже за все золото Корнуолла!

— Больше не понадобится. Ты молодец, Ральф. Король тебе этого не забудет.

Он поднял факел, чтобы вставить его в скобу, увидел мое лицо и обеспокоенно спросил:

— В чем дело, господин? Тебе плохо?

— Нет. Эта дверь запирается? — спросил я, кивнув в сторону закрытой двери, через которую ушли стражники.

— Я уже запер. Если бы они что-то заподозрили, они не дали бы мне ключа. Но они ни о чем не догадываются. Да и с чего бы? Я сам сейчас готов был поклясться, что это Британэль говорил там, на лестнице. Прямо... прямо волшебство какое-то!

Голос его звучал вопросительно, и он посмотрел на меня знакомым взглядом, но я ничего не ответил, и он спросил:

— А что теперь, господин?

— Ступай к привратнику и смотри, чтобы он не поднялся сюда, наверх. Ничего, Ральф,— улыбнулся я,— ты еще успеешь погреться у огня, когда мы уедем.

Легко, как всегда, он сбежал по ступеням. Я услышал, как он что-то крикнул, как Феликс рассмеялся в ответ. Я снял свой промокший насквозь плащ и развесил его у огня, рядом с плащом Ульфина. Одежда под плащом осталась почти сухой. Неко-

торое время я сидел, протянув руки к огню. В комнате, озаренной светом пламени, было очень тихо, но снаружи бушевали волны и ветер бился о стены замка.

Мысли обжигали, как искры. Мне не сиделось на месте. Встав, я принялся беспокойно расхаживать по комнатке. Снаружи доносился шум ветра, и, подойдя к двери, я услышал стук костей — Ральф с Феликсом коротали время за игрой. Я посмотрел в другую сторону. Сверху не доносилось ни звука. Едва виден у двери неподвижный Ульфин — или, быть может, его тень...

Кто-то тихо спускался по лестнице — женщина, закутанная в плащ, что-то несла на руках. Она двигалась беззвучно. Ульфин тоже молчал и не шевелился. Я выступил на площадку, и из двери вслед за мной на лестницу вырвался сноп света и тени.

Это была Марсия. Она склонила голову над тем, что несла на руках, и на щеках ее блеснули слезы. Ребенок, тепло закутанный от зимнего холода. Увидев меня, протянула свою ношу.

— Береги его,— прошептала она, и я увидел сквозь щеки, блестящие от слез, ступени лестницы у нее за спиной.— Береги его...

Шепот растаял в потрескивании факела и вое ветра. Я стоял на лестнице один, дверь наверху была закрыта. Ульфин так и не шевельнулся.

Опустив руки, я вернулся к огню. Огонь угасал, я снова разжег его, но он не принес мне утешения, ибо свет снова жег меня. Я увидел то, что хотел, но где-то впереди маячила смерть, и мне было страшно. Тело мое болело, в комнате было душно. Я взял свой плащ — он почти высох, набросил его на плечи и пересек площадку. В наружной стене была дверца, в которую садило ветром. Отворил ее и, преодолев сопротивление бури, вышел наружу.

Поначалу, после яркого света караулки, я ничего не увидел. Закрыл за собой дверь и прислонился к мокрой стене. Ночной ветер омывал меня, словно река. Наконец я начал различать очертания окружающих предметов. Впереди, в нескольких шагах, был зубчатый парапет высотой по пояс — наружная стена замка. Между парапетом и тем местом, где стоял я, располагалась ровная площадка, а надо мной — стена, завершавшаяся еще одним рядом зубцов, над ней вздымался утес и еще стены: крепость ступенями взбиралась на вершину мыса. И на самой вершине утеса, там, где раньше горел свет, теперь возвышалась черная башня

без единого огонька на фоне неба. Я подошел к парапету, перегнулся через него и посмотрел вниз.

Внизу был откос — солнечным днем это, видимо, был травянистый склон, покрытый армерией, белым лихнисом и гнездами морских птиц. За ним, внизу, ярились белые волны в бухте. Я посмотрел направо, туда, откуда мы пришли. Но бухта, где ждал нас Кадаль, не была видна — лишь полосы пены белели в темноте.

Дождь перестал, облака стали реже и выше. Ветер немного переменился и поутих. Время шло к рассвету. Меж летящими обрывками туч тут и там проглядывало высокое и черное ночное небо, усеянное звездами.

И внезапно облака разошлись, и меж них, словно корабль по бурному морю, плыла звезда.

Она висела в небе среди россыпи меньших звезд и поначалу тихо мерцала, а потом запульсировала, разрослась и вспыхнула ярким светом всех цветов, какие играют на пляшущих волнах. Я смотрел, как она росла, полыхала и наконец взорвалась светом. Потом ветер укрыл ее тонкой вуалью облаков, и она стала бледной, тусклой и далекой, затерявшись среди других, мелких звезд. А потом снова вышла из-за облаков, набухая и переполняясь светом. И вот уже она стоит среди прочих звезд подобно факелу, рассыпающему шлейф искр. И так продолжалось все время, пока я стоял на укреплениях и смотрел на нее: то она разгоралась, то вновь тускнела и засыпала. Но с каждым новым пробуждением она горела все мягче, под конец она уже не столько полыхала, сколько тихо дышала светом, и к утру звезда висела в небе, мягко лучась, а вокруг нее небо светлело — новый день обещал быть тихим и ясным.

Я перевел дух, вытер пот со лба и выпрямился, оторвавшись от стены. Тело мое застыло, но боль исчезла. Я взглянул на окно Игрейны — свет в нем погас. Любовники спали.

Глава 9

Я медленно вернулся через площадку к двери. Отворив ее, услышал внизу резкий и отчетливый стук в потайную дверь.

Я шагнул на площадку и бесшумно притворил за собой дверь, как раз тогда, когда Феликс вышел из каморки внизу и направил-

ся к потайной двери. Он уже взялся за цепочку, когда позади него возник Ральф. В кулаке у него блеснул перевернутый кинжал. Он бесшумно, по-кошачьи, метнулся вперед и ударил рукоятью. Феликс осел на пол. Наверное, человек, стоявший снаружи, что-то расслышал за шумом моря, потому что до меня донесся резкий голос:

— В чем дело? Феликс!

И снова стук в дверь, на этот раз громче.

Я уже был на середине лестницы. Ральф склонился над телом привратника, но, заметив меня, обернулся. Он правильно истолковал мой жест, потому что выпрямился и громко спросил:

— Кто там?

— Паломник.

Голос был мужской, настойчивый и запыхавшийся. Я легко сбежал вниз. На ходу я сорвал с себя плащ и обмотал его вокруг левой руки. Ральф взглянул на меня — вся веселость и дерзость оставили его. Ему даже не было нужды задавать следующий вопрос — мы оба знали ответ.

— А кто совершает паломничество?

Голос мальчика был хриплым.

— Британэль. Отворяй, живо!

— Господин мой Британэль! Господин... я не могу... мне велели никого не пускать...

Он смотрел на меня. Я наклонился, взял Феликса под мышки и оттащил его в каморку, с глаз долой, стараясь не производить лишнего шума. Я увидел, как Ральф облизнул губы.

— Господин, ты не мог бы подъехать к главным воротам? Герцогиня спит, и мне велели...

— Кто это? — спросил Британэль.— Ральф, ты, что ли? Где Феликс?

— В караулке, господин.

— Ну так возьми у него ключ или пришли вниз его самого! — рявкнул Британэль и снова ударил кулаком в дверь.— Делай, что тебе говорят, парень, или, клянусь богом, я с тебя шкуру спущу! У меня послание к герцогине, и она не скажет тебе спасибо за то, что ты держишь меня здесь! Ступай, живее!

— Ключ... ключ здесь, господин! Я сейчас!

Он бросил отчаянный взгляд через плечо, делая вид, что возится с замком. Я оставил бесчувственного привратника в каморке и, подойдя к Ральфу, выдохнул ему в ухо:

— Сперва взгляни, один ли он. Если один — впусти.

Он кивнул и отворил дверь на ширину цепочки. Под шумок я вытащил меч и растаял в тени за спиной мальчика, встав так, чтобы отворившаяся дверь скрыла меня от Британэля. Я прислонился к стене. Ральф приложил глаз к щели, потом отступил назад, кивнул мне и принялся открывать цепочку.

— Вы уж извините, господин Британэль.— Голос его звучал виновато и смущенно.— Мне надо было удостовериться... Что-то стряслось?

— А ты как думал? — Британэль распахнул дверь так резко, что она припечатала бы меня к стене, если бы Ральф ее не придержал.— Ладно, ты все сделал правильно.

Он вошел и остановился, возвышаясь над мальчиком.

— Кто-нибудь еще входил сюда сегодня ночью?

— Нет, господин! — Голос Ральфа звучал испуганно — еще бы! — и потому убедительно.— По крайней мере, пока я здесь был; и Феликс тоже ничего не говорил... А что случилось?

Британэль заворчал, и его снаряжение звякнуло — он пожал плечами.

— Там, внизу, стоял какой-то всадник. Он на нас напал. Я оставил Иордана разбираться с ним. А тут ничего не случилось? Точно?

— Ничего, господин.

— Ну, тогда запри дверь и никого, кроме Иордана, не впускай. А мне надо к герцогине. Плохие новости, Ральф. Герцог убит.

— Герцог? — выдавил мальчик. Он не попытался закрыть дверь, а так и оставил ее распахнутой. Британэля мне из-за нее видно не было, но Ральф стоял рядом со мной, и в смутном свете я видел, как посерело его лицо.— Герцог уб-бит? Что, к нему убийц подослали?

Британэль, уже направлявшийся к лестнице, остановился и обернулся.

Еще шаг — и он минует дверь, которая скрывает меня от него. Нельзя позволить ему дойти до лестницы — тогда он окажется выше меня.

— Убийц? Да что ты, господи помилуй! Кто? Зачем? Утер такого не сделает. Нет, просто герцог решил попытать счастья прежде, чем прибудет король, и мы сегодня ночью вышли из

Димилиока и напали на королевский лагерь. Но они оказались готовы. Горлойс погиб в первой же стычке. Мы с Иорданом приехали с вестью прямо с поля битвы. А теперь запри дверь.

Он снова отвернулся и направился к лестнице. Теперь я мог размахнуться мечом. Я выступил из-за двери.

— Британэль!

Я застал его врасплох, но его превосходная реакция свела на нет мое преимущество. Наверно, мне не нужно было окликать его, но, опять же, есть такие вещи, которых принцу делать не следует. Это обошлось мне довольно дорого — а могло бы стоить жизни. В ту ночь мне следовало бы помнить, что я не принц, но орудие судьбы, как Горлойс, которого я предал, как Британэль, которого должен был теперь убить. Я был заложником будущего. Но эта ноша тяжко давила на мои плечи, и он успел выхватить меч едва ли не прежде, чем я вскинул свой. Мы стояли глаза в глаза, оценивая друг друга.

Британэль признал меня. Я увидел его изумление и короткую вспышку страха, которая тут же угасла, как только моя боевая стойка и обнаженный меч сказали ему, что это будет одна из тех схваток, к которым он привычнее, чем я. А быть может, он по моему лицу понял, что этой ночью я тоже выдержал битву — более тяжкую, чем он.

— Я мог бы догадаться, что это ты здесь, проклятый чародей! Иордан говорил, что там, с лошадьми, был твой слуга. Ральф! Феликс! Стража! Стража, ко мне!

Я понял, что до него не сразу дошло, что я все это время был здесь, внутри. Но потом тишина на лестнице и то, что Ральф быстро отступил от меня, чтобы запереть дверь, открыли ему истину. Проворно, как волк, так быстро, что я не успел ничего предпринять, Британэль замахнулся левой рукой и ударил мальчика в голову кулаком в кольчужной перчатке. Ральф беззвучно рухнул наземь, и его тело упало в проход, мешая двери закрыться.

Британэль метнулся наружу.

— Иордан! Иордан! Ко мне! Измена!

Но тут на него набросился я. Мне как-то удалось обмануть его бдительность, и мы столкнулись с ним грудь с грудью, и наши мечи со звоном сошлись, выбив сноп искр.

Быстрые шаги по ступеням. Голос Ульфина:

— Господин... Ральф...

Я, задыхаясь, проговорил:

— Ульфин... Скажи королю... Горлойс убит... Надо уходить... Скорей...

Спотыкаясь, он взбежал по ступеням.

— Король? — процедил Британэль сквозь зубы.— Ну, теперь все ясно! Ах ты, сводник поганый!

Это был высокий, могучий воин в расцвете сил и в порыве праведного гнева. А я был неопытен и испытывал отвращение к тому, что должен был сделать. Должен! Я уже не был ни принцем, ни даже мужем, сражающимся по законам мужей. Я был диким зверем, сражающимся, чтобы убить, потому что так надо.

Ткнув его в зубы свободной рукой, я увидел изумление на его лице, когда он отскакивал, чтобы высвободить меч. Потом он снова бросился на меня. Меч описывал вокруг него сверкающую железную дугу. Мне как-то удалось нырнуть под свистящий клинок, отразить удар, сдержать его и пнуть Британэля в колено. Меч скользнул вдоль моей щеки с шипением, словно каленое железо. Я ощутил горячий укол боли, и по щеке у меня заструилась кровь. Но тут Британэль пошатнулся, поскользнулся на сырой траве и тяжело рухнул наземь, ударившись локтем о камень и выронив меч.

Любой уважающий себя человек отступил бы назад, чтобы дать ему время подобрать меч. Я же обрушился на него всем своим весом и занес меч, целясь ему в горло.

Близилось утро, и с каждой минутой становилось светлее. Он откатился в сторону, чтобы избежать удара, и я увидел презрение и ярость в его глазах. Клинок прошел мимо и глубоко вонзился в губчатую массу армерии. За то мгновение, пока я высвобождал оружие, Британэль успел перенять мою тактику, и тяжелый кулак обрушился на мою голову позади уха. Потом Британэль вывернулся, вскочил и бросился вниз по опасному склону, туда, где в траве в двух шагах от края обрыва блестел его меч.

Если он доберется до меча, то убьет меня в несколько секунд! Я перекатился, приподнялся, чтобы встать на ноги, и, не успев выпрямиться, заскользил вниз по склону, к мечу. Британэль застиг меня, когда я еще не встал с колен. Он пнул меня сапогом сперва в бок, потом в спину. Боль взорвалась внутри меня, кости мои размякли, и я снова рухнул наземь, но почувствовал, как моя вытянутая нога уперлась в сталь — меч сорвался с кочки

травы, в которой он застрял, и, мягко сверкнув на прощанье, полетел в пропасть. Казалось, прошло несколько секунд, прежде чем сквозь шум волн до нас донесся тонкий и нежный звон металла, ударившегося о камни.

Но не успел этот звон долететь до нас, как Бритаэль вновь бросился на меня. Я стоял на одном колене и медленно, с трудом поднимался. Сквозь кровь, заливавшую мне глаза, я увидел кулак, летящий мне в грудь, и попытался уклониться, но его удар отшвырнул меня в сторону, и я вновь распростерся на сырой траве. У меня перехватило дыхание, и на миг я перестал видеть. Я почувствовал, что перевернулся и скольжу вниз. Помня о том, что лежит внизу, я вслепую вцепился левой рукой в траву, чтобы не упасть. В правой я все еще держал свой меч. Бритаэль снова бросился на меня и обеими ногами прыгнул на мою руку, туда, где она сжимала меч. Рука сломалась о металлическую гарду. Я слышал, как треснула кость. Меч взлетел вверх, как боек в ловушке, и рубанул Бритаэля по руке. Он зло ахнул и на миг отскочил. Мне как-то удалось перехватить меч левой рукой. Бритаэль снова прыгнул на меня, так же стремительно, как раньше. Я пытался отползти, но он шагнул вперед и снова наступил на мою сломанную руку. Кто-то взвыл. Я рванулся, не помня себя от боли, ничего не видя вокруг. Из последних сил я ударил мечом куда-то вверх, в возвышающееся надо мной тело, почувствовал, как меч вывернулся у меня из руки, и рухнул наземь, не сопротивляясь, ожидая последнего пинка, который швырнет меня в пропасть.

Я лежал, задыхаясь, выворачиваясь наизнанку, давясь желчью, уткнувшись лицом в землю и уцепившись левой рукой за мягкую кочку армерии, как утопающий за соломинку. Утес сотрясался от ударов волн, и даже эта слабая дрожь отдавалась болью в моем теле. Болело все. Бок горел так, словно сломанные ребра вдавились внутрь тела, со щеки, которой я прижимался к земле, была содрана кожа. Рот был полон крови, а правая рука казалась сплошным месивом боли. Я слышал, как вдалеке кто-то жалостно постанывает от боли.

Кровь у меня во рту запузырилась и потекла по подбородку, и я понял, что это стонал я сам, Мерлин, сын Амброзия, великий чародей! Стиснув зубы, я принялся подниматься на ноги.

Боль в руке была жестокая — хуже всего остального. Я даже не столько чувствовал, сколько слышал, как обломки костей трутся друг о друга. Поднявшись на колени, я пошатнулся и не решился встать на ноги так близко от обрыва. Позади меня накатил девятый вал: прогремел, взметнул в сереющее небо брызги пены, потом откатился, а на смену ему уже шла другая волна. Утес дрожал. Над головой с криком проплыла чайка — первая за утро.

Я отполз подальше от края пропасти и встал на ноги.

Бритаэль лежал на животе у порога потайной двери, словно пытался заползти внутрь. Позади него на траве растекалась лужа крови, слизистая, словно след улитки. Бритаэль был мертв. Я последним отчаянным ударом перерезал ему вену в паху, и жизнь вытекла из него, пока он пытался доползти за помощью.

Я опустился на колени рядом с ним, чтобы убедиться, что он мертв.

Потом стал толкать его вниз до тех пор, пока он сам не покатился вниз по склону и не рухнул в море вслед за своим мечом. Ну а кровь сама уйдет. Дождь начинался снова, и, если повезет, кровь смоет прежде, чем кто-то ее заметит.

Дверь все еще стояла открытой настежь. Я как-то ухитрился дойти до нее и встал, прислонившись плечом к косяку. В глаза мне тоже текла кровь. Я стер ее мокрым рукавом.

Ральф исчез. Привратник тоже. Факел в скобе почти догорел, и в дымном свете было видно, что в каморке и на лестнице никого нет. В замке было тихо. Дверь наверху лестницы стояла приоткрытой, там горел свет и слышались голоса. Было ясно, что люди торопятся, но не сильно встревожены. Должно быть, наверху все в порядке; тревогу еще никто не поднял.

Я дрожал от предрассветного холода. Свой плащ я где-то успел обронить. Искать его я не стал. Отцепился от косяка, проверяя, могу ли стоять, ни за что не держась. И заковылял по тропе к бухте.

Глава 10

Было уже достаточно светло, чтобы видеть дорогу, жуткую пропасть и ревущую бездну внизу. Но я, видимо, был настолько занят своим немощным телом и тем, чтобы заставить его стоять на ногах, держась здоровой рукой, и оберегать больную, что ни разу не подумал о волнах, бушующих внизу, и о том, как узка

эта каменистая тропка. Я быстро прошел первую часть тропы, потом медленно, местами опускаясь на четвереньки, пополз по крутому склону, цепляясь за травяные кочки и скользя на осыпях. По мере того как тропа спускалась вниз, морские волны подступали к ней все ближе, и вот я уже почувствовал, как соленые брызги морской воды смешались с соленой кровью у меня на губах. Было утро, прилив, а волны все еще были высокие после ночной бури, и ледяные языки взметались вверх, лизали скалу и выплескивались совсем рядом со мной с гулким грохотом, от которого у меня сотрясались все кости, и заливали тропу, по которой я карабкался.

Я нашел его на полпути к берегу. Он лежал ничком в какомнибудь дюйме от края обрыва. Одна рука свисала вниз, кисть безвольно болталась под порывами ветра. Другая рука, казалось, окоченела, вцепившись в выступ скалы. Пальцы почернели от запекшейся крови.

На тропе едва можно было разминуться вдвоем. Мне как-то удалось перекатить его подальше от края, оттащить к стене утеса. Я опустился на колени между ним и морем.

— Кадаль! Кадаль!

Тело его было холодным. В полумраке я видел, что лицо его окровавлено: что-то вроде густой слизи сочилось из раны под самыми волосами. Я потрогал рану — не смертельно, всего-навсего порез. Попытался найти пульс на запястье, но моя онемевшая рука скользила по мокрому телу, и я никак не мог его нащупать. Я рванул ворот мокрой туники; расстегнуть ее я не мог, но потом застежка отлетела и туника разорвалась, обнажив грудь.

Увидев то, что скрылось под туникой, я понял, что щупать пульс уже нет смысла. Снова прикрыл ему грудь сырой тканью, как будто она могла согреть его, сел на корточки и только теперь заметил, что по тропе спускаются люди.

Утер вышел из-за утеса, шагая легко, словно у себя во дворце. Меч он держал наготове, длинный плащ был перекинут через левую руку. За ним брел Ульфин, бледный как призрак.

Король остановился надо мной и некоторое время молчал. Потом спросил только:

— Мертв?

— Да.

— А Иордан?

— Наверное, тоже, иначе бы Кадаль не добрался так далеко, чтобы предупредить нас.

— А Британэль?

— Мертв.

— Ты знал об всем еще до этой ночи?

— Нет,— ответил я.

— И о том, что Горлойс погибнет, тоже не знал?

— Нет.

— Будь ты таким могучим пророком, за какого себя выдаешь, то все знал бы заранее! — бросил он резким, пронзительным голосом.

Я поднял голову. Лицо короля было спокойно, жар угас, но глаза, каменно-серые в рассветном полумраке, были усталыми и пустыми.

— Я тебе говорил,— коротко ответил я.— Мне пришлось довериться времени. И все вышло как надо.

— Да, но если бы мы подождали до завтра, эти люди остались бы живы и твой слуга тоже, а Горлойс погиб бы, а его жена стала вдовой... И я мог бы сделать ее своей по праву, без всех этих смертей и слухов!

— Но завтра зачатый тобою сын был бы уже другим...

— Мой сын был бы законным! — отрезал он.— А не ублюдком, которого мы зачали нынче ночью. Клянусь головой Митры, неужто ты в самом деле думаешь, что наши с ней имена не покроются позором после дел этой ночи? Даже если мы поженимся через неделю, все равно известно, что скажут люди. Что я — убийца Горлойса. А многие по-прежнему будут считать, что она и в самом деле была беременна, как она им сказала, и что ребенок — Горлойса.

— Не будут. Ни один человек не усомнится, что он — твой сын, Утер, и законный король Британии.

Он издал что-то вроде смешка, в котором были одновременно издевка и презрение.

— Думаешь, я снова стану тебя слушать? Да никогда! Теперь я вижу, что это за магия — твоя «сила», о которой ты толкуешь! Всего лишь обычная человеческая хитрость. Ты пытаешься влезть в государственные дела, к которым приохотил тебя мой брат, и все твои тайны — ловкое мошенничество. Заманиваешь людей, суля им то, чего они желают, и делая вид, что можешь исполнить

свои обещания; но цену ты хранишь в тайне, а потом заставляешь платить сполна.

— Это Бог хранит цену в тайне, Бог, а не я, Утер.

— Бог? Бог? Что за бог? Ты говорил о многих богах! Если ты имеешь в виду Митру...

— Митру, Аполлона, Артура, Христа — называй как хочешь,— сказал я.— Какая разница, каким именем люди зовут свет? Он все равно остается светом, и людям приходится либо жить с ним, либо умереть. Я знаю лишь, что Бог — источник всего света, что озаряет этот мир, и что воля его пронизывает весь мир и течет через каждого из нас, подобно огромной реке, и мы не в силах остановить ее или заставить свернуть; мы можем лишь пить из нее, пока живы, и вверить ей свои тела, когда умрем.

Изо рта у меня снова потекла кровь. Я поднял руку, чтобы стереть ее рукавом. Утер видел это, но лицо его не переменилось. Наверно, он вообще не слушал моих слов. А быть может, не слышал их за шумом моря.

— Это всего лишь слова,— сказал он все с тем же безразличием, которое разделило нас, словно стеной.— Ты даже Бога используешь в своих целях. «Бог велел мне это сделать, Бог назовет точную цену, Бог позаботится о том, чтобы расплачивались другие...» За что, Мерлин? За твое честолюбие? За то, чтобы люди говорили о тебе, затаив дыхание, как о великом маге и пророке, и чтили тебя больше, чем короля и епископов? А кто расплачивается с Богом за исполнение твоих замыслов? Не ты. А люди, которые пляшут под твою дудку,— они и платят. Амброзий. Вортигерн. Горлойс. Другие люди, что погибли сегодня ночью. Но сам ты не платишь. Нет!

Волна разбилась об утес под нами, и на скалу хлынула пена, осыпав мелкими брызгами запрокинутое лицо Кадаля. Я наклонился и стер брызги, а вместе с ними и часть крови.

— Нет,— сказал я.

— Я говорю тебе, Мерлин: мною ты воспользоваться не сможешь. Я больше не буду марионеткой, которую ты дергаешь за ниточки. Так что держись от меня подальше. И вот что я тебе еще скажу. Я не признаю ублюдка, которого зачал этой ночью.

Это говорил король. Отвечать ему не имело смысла. Холодная, неподвижная фигура возвышалась надо мной, и над его плечом в сером небе висела яркая звезда. Я ничего не сказал.

— Ты меня слышал?

— Да.

Он сбросил с руки плащ и швырнул его Ульфину. Тот развернул его, чтобы накинуть королю на плечи. Утер снова взглянул на меня сверху вниз.

— За твои услуги я оставляю в твоем владении земли, что подарил тебе прежде. Убирайся в свои валлийские горы и не тревожь меня более.

— Я больше не побеспокою тебя, Утер,— устало ответил я.— И тебе больше не понадоблюсь.

Некоторое время он молчал. Потом отрывисто сказал:

— Ульфин поможет тебе донести тело.

Я отвернулся.

— Не нужно. Оставь меня.

Пауза, заполненная шумом моря. Мне не хотелось его оскорблять, но теперь было все равно. Я даже не думал, что говорю. Просто хотел, чтобы он ушел. Острие его меча устремилось мне прямо в глаза. Оно блестело и трепетало. На миг мне показалось, что Утер настолько разгневан, что пустит его в ход. Потом меч взлетел вверх и скрылся в ножнах. Утер развернулся и пошел дальше, вниз по тропе. Ульфин тихо проскользнул мимо без единого слова и последовал за своим господином. Они не успели скрыться за поворотом, а шум моря уже заглушил их шаги.

Я обернулся — и увидел, что Кадаль смотрит на меня.

— Кадаль!

— Тоже мне король! — Его голос звучал слабо, но это был все тот же Кадаль, грубоватый и насмешливый.— Сперва даешь ему то, без чего он прямо-таки жить не может, а потом он говорит: «Наши имена, мол, покроются позором после дел этой ночи!» Да, нечего сказать, хорошеньких дел он натворил! По лицу видно, притомился...

— Кадаль...

— И ты тоже... Ты что, ранен? Что с рукой? Лицо в крови...

— Ничего. Это все заживет. Не обращай внимания. Но ты... ах, Кадаль...

Он слабо качнул головой.

— Без толку. Брось. Мне и так вполне уютно.

— Больно?

— Нет. Холодно только.

Придвинувшись к нему ближе, попытался своим телом закрыть его от ледяных брызг волн, разбивающихся о скалы. Взял его ру-

ку своей здоровой рукой. Растереть ее я не мог, поэтому сунул за пазуху, под тунику, и прижал к груди.

— Вот плащ, жалко, потерял,— сказал я.— Значит, Иордан мертв?

— Да.— Он помолчал.— А... а что было там?

— Все вышло, как было задумано. Но Горлойс сделал вылазку из Димилиока и погиб в сражении. Вот потому Британэль с Иорданом и приехали сюда, сообщить герцогине.

— Я услышал, как они едут. Понял, что они непременно увидят меня с лошадьми. Надо было помешать им поднять тревогу, пока король...

Он остановился перевести дыхание.

— Не беспокойся,— сказал я.— С этим покончено. Все в порядке.

Он не обратил внимания. Теперь он говорил шепотом, слабым, но отчетливым — даже в шуме моря я разбирал каждое слово:

— Сел на коня и проехал немного вперед, им навстречу... по другому берегу ручья... а когда они поравнялись со мной, я перепрыгнул через ручей и попытался остановить их.

Он снова помолчал.

— Но Британэль... добрый боец... быстрый, как змея. Ни мгновения не раздумывал. Пырнул меня мечом и сбил конем. А Иордана оставил меня прикончить.

— Это он зря...

Его щеки чуть заметно шевельнулись. Это была улыбка. Через некоторое время Кадаль спросил:

— Лошадей-то он не увидел?

— Нет. Когда он приехал, у двери стоял Ральф, и Британэль просто спросил, не приезжал ли кто в замок, и сказал, что он встретил внизу всадника. Ральф сказал «нет», и он поверил. Мы впустили и убили его.

— Утер.

Это был не вопрос, а утверждение. Глаза Кадаля были закрыты.

— Нет. Утер был еще у герцогини. Я не мог допустить, чтобы Британэль застал его врасплох. Он и герцогиню убил бы заодно.

Он изумленно раскрыл глаза, на миг просветлевшие.

— Ты?!

— Ты мне льстишь, однако! — Я улыбнулся ему.— Хотя, боюсь, этот бой не сделал бы чести ни тебе, ни мне. Это была очень грязная драка. И король вряд ли согласился бы признать эти правила. Я их изобрел на ходу...

На этот раз он действительно улыбнулся.

— Мерлин... Маленький Мерлин, который не умел даже ездить верхом... Ты меня просто убил!

Должно быть, начался отлив. От следующей волны до скалы долетели лишь мелкие брызги, туманом осевшие у меня на плечах.

— Я и в самом деле убил тебя, Кадаль...— сказал я.

— Боги...— проговорил он и судорожно вздохнул.

Я знал, что это означает. У него было мало времени. Теперь, когда стало еще светлее, я увидел, как много его крови впиталось во влажную тропу.

— Неужели нельзя было... без всего этого?

— Нельзя, Кадаль.

Он на миг прикрыл глаза, потом открыл их снова.

— Хорошо...— только и сказал он, но в этом коротком слове было все доверие, которое я сумел внушить ему за последние восемь лет.

Его глаза начали белеть, челюсть отвисла. Я обнял его за плечи здоровой рукой, чуть приподнял и заговорил, быстро и отчетливо:

— Это все будет, Кадаль! Все будет так, как хотел мой отец и как повелел Бог моими устами. Ты слышал, что Утер сказал о ребенке,— но это ничего не меняет. Ибо после этой ночи Игрейна понесет дитя и отошлет его сразу после рождения, подальше с глаз короля. Она отдаст его мне, а я увезу дитя туда, где король не найдет его, буду охранять, научу всему, чему учили меня Галапас, Амброзий, ты и даже Белазий. Он будет итогом всех наших жизней, а когда вырастет, то вернется и станет королем и будет коронован в Винчестере.

— Ты это знаешь? Точно знаешь? Ты можешь обещать?

Я едва расслышал эти слова. Дыхание с бульканьем вырывалось у него из груди. Глаза сузились, побелели и уже ничего не видели.

Приподняв его и прижав к себе, я сказал тихо и очень внятно:

— Я знаю. Я, Мерлин, принц и пророк, обещаю тебе это, Кадаль.

Голова его упала мне на плечо — у него уже не было сил держать ее прямо. Глаза его закатились. Он что-то пробормотал и вдруг произнес ясно и отчетливо:

— Сделай знак, чтоб не сглазить.

И умер.

Я отдал его волнам, как и Британэля, который убил его. Ральф говорил, что море примет его и унесет дальше западных звезд...

В долине было тихо — слышался лишь медленный перестук копыт да позвякивание удил. Буря улеглась. Ветра не было, а когда тропа свернула вслед за изгибом ручья, я перестал слышать даже шум моря. Внизу, над ручьем, там, где я ехал, все еще висел тонкий, как вуаль, туман. Наверху небо было чистое и бледнело перед рассветом. И в вышине все еще висела звезда, теперь сияющая ровным светом.

Но пока я ехал, бледное небо постепенно разгоралось, заливаясь золотом и нежным пламенем, и внезапно вспыхнуло ослепительным светом: над землей, над которой раньше висела вестница-звезда, вставало юное солнце.

Легенда о Мерлине

Вортигерн, король Британии, желая возвести крепость на Сноудоне, призвал к себе каменщиков из многих земель и повелел им построить могучую башню. Но все, что каменщики нарабатывали за день, по ночам обрушивалось и уходило в землю. И потому обратился Вортигерн за советом к своим магам, и те ответили, что следует разыскать юношу, у которого нет и никогда не было отца, и предать смерти, и его кровью окропить основание башни, дабы стояла она нерушимо. Вортигерн разослал гонцов во все области государства, чтобы те отыскали подходящего человека. Наконец прибыли они в город, который позднее был назван Каэрмердином, или Кармартеном. Там увидели они юношей, играющих возле ворот, и, устав с дороги, присели, чтобы посмотреть на игру. И вот среди дня между двумя юношами, которых звали Мерлин и Динабуций, вспыхнула ссора. В разгар их препирательств Динабуций крикнул Мерлину: «Что ты равняешь себя со мною, глупец? Ведь я и со стороны отца, и со стороны матери происхожу из королевского рода, а кто ты, никому не ведомо, ибо нет у тебя отца». Услышав эти слова, гонцы принялись расспрашивать окружающих, кто тот юноша, и ответили им, что отец его никому не известен, мать же — дочь короля Южного Уэльса и проживает в их городе среди монахинь в церкви Святого Петра.

Гонцы отвезли Мерлина и мать его к королю Вортигерну. Государь принял мать Мерлина с должной почтительностью, так как знал, что она происходит от знатных родителей, и спросил

у нее, кто отец этого юноши. Та ответила, что не знает. «Однажды,— сказала она,— когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мной предстал некто в облике прелестного юноши и, сжимая в объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мною совсем недолго, он внезапно исчез, точно его вовсе и не было. Позднее он многократно обращался ко мне с речами, когда бывала одна, но я его ни разу не видела. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто возлежал со мною, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем во чреве». Пораженный король спросил у прорицателя Мауганция, возможно ли такое. Мауганций заверил его, что подобные случаи широко известны и что этот Мерлин, наверное, был зачат одним из «духов, обитающих между луной и землей, которых мы именуем демонами-инкубами».

Внимательно выслушав все это, Мерлин потребовал, чтобы ему дозволили возразить магам. Король, пораженный дерзостью юноши и видимым отсутствием страха, сделал, как тот просил, и послал за магами. И Мерлин обратился к ним с такими словами: «Не разумея, что препятствует устойчивости основания башни, вы заявили королю, будто нужно обрызгать щебень моею кровью. Но скажите, что, по-вашему, сокрыто под основанием? Ведь под ним находится нечто, мешающее его устойчивости». Но маги молчали, боясь проявить свое невежество. Тогда Мерлин, прозывавшийся и Амброзием, проговорил: «Владыка король, призови строителей и прикажи им выкопать в земле яму поглубже, и обнаружится озеро, которое не дает башне должной опоры». Когда это было исполнено, под землей действительно оказалось озеро. Тогда повелел Мерлин спустить озеро по канавкам и сказал, что на дне найдут два полых изнутри камня, а в них — двух спящих драконов, красного и белого. И когда озеро было должным образом осушено, драконы пробудились и вступили в ожесточенную схватку. Кончилось тем, что красный одолел и убил белого. Изумленный король спросил, что означает это зрелище, и Мерлин, возведя глаза к небесам, предрек приход Амброзия и смерть Вортигерна. И на следующий день, рано утром, Аврелий Амброзий высадился в Тотнесе в Девоне.

Когда Амброзий сокрушил Вортигерна и саксов и был коронован королем Британии, созвал он отовсюду искусных в своем

деле ремесленников и повелел им измыслить новое и доселе невиданное сооружение, которое стояло бы навеки памятником его деяниям. Но никто из них не мог помочь ему, пока наконец Треморин, архиепископ Каэрлеона, не посоветовал королю послать за Мерлином, пророком Вортигерна, ибо во всем королевстве не было никого, «чей ум был бы проницательнее и прозорливее как в предсказаниях будущего, так и в придумывании хитроумных орудий». Амброзий тотчас отправил гонцов, что отыскали Мерлина в Гвенте, у источника Галапаса, где он обычно жил. Король принял его с честью и повелел предсказать грядущее, но Мерлин ответил: «Тайны этого рода не подлежат раскрытию, если того не потребует крайняя необходимость. Ибо если бы я изложил их ради забавы или теша свое тщеславие, просвещающий меня дух умолк бы во мне и покинул бы меня в час нужды». Тогда король спросил его о памятнике, на что Мерлин посоветовал ему послать за «Хороводом Великанов, который находится на горе Килларао в Ирландии». Амброзий усмехнулся, заметив, что невозможно перевезти камни, кои, как всем известно, возведены великанами. Однако в конце концов Мерлин убедил короля, и тот послал своего брата Утера с пятнадцатью тысячами воинов, чтобы повергнуть короля Ирландии Гилломана и привезти Хоровод. Армия Утера одержала победу в бою, но когда они попытались разобрать каменное кольцо на Килларао и увезти его, они не смогли даже сдвинуть камни с места. Когда они наконец признали свое поражение, Мерлин собрал свои собственные приспособления и с их помощью легко опустил камни на землю и перенес их на корабли. Вскоре он привез их к месту близ Эймсбери, где им назначено было стоять. Тут Мерлин вновь собрал свои приспособления, и восстановил Хоровод с Килларао в Стоунхендже точь-в-точь так, как он стоял в Ирландии. Вскоре после этого явилась на небе большая звезда в обличье дракона, и Мерлин, зная, что то знак Амброзиевой кончины, горько возрыдал и предрек, что Утер станет королем под знаком Дракона и что родится у него сын, «наделенный величайшим могуществом, господству коего подчинятся все королевства, лежащие под лучом (той звезды)».

На следующую Пасху, на празднике в честь коронации, король Утер воспылал страстью к Игрейне, жене Горлойса, герцо-

га Корнуэльского. Он осыпал ее знаками внимания на виду у всех придворных; она не отвечала ему. Супруг ее в гневе, не испросив разрешения, покинул двор и со своей супругой и всеми воинами вернулся в Корнуолл. Разгневанный Утер повелел ему возвратиться, но Горлойс отказался подчиниться. Тогда король, не помня себя от ярости, собрал войско и явился в Корнуолл, сжигая города и замки. У Горлойса было слишком мало войск, и он не решился вступить в бой с королем, но поместил жену свою в замок Тинтагел, надежнейшее из убежищ, сам же приготовился защищать замок Димилиок. Утер немедленно осадил Димилиок, заперев там Горлойса с войсками, сам же принялся изыскивать способы проникнуть в замок Тинтагел, чтобы похитить Игрейну. Через несколько дней спросил он совета у одного из своих приближенных по имени Ульфин. «Подай же мне совет, каким образом я мог бы удовлетворить свою страсть,— сказал король,— ибо иначе я погибну, истерзанный муками». Ульфин сказал королю то, что король знал и без него: замок неприступен,— и посоветовал послать за Мерлином. Мерлин был тронут очевидными страданиями Утера и обещал помочь. Своими волшебными чарами придал он Утеру подобие Горлойса, Ульфину — подобие Иордана, друга Горлойса, себя же преобразил в Бритаэля, одного из военачальников Горлойса. Все трое отправились в Тинтагел, и привратник впустил их. Игрейна приняла Утера за герцога, своего супруга, приветствовала его и возлегла с ним. И Утер провел ту ночь с Игрейной, «и она не отказала ему ни в чем, чего бы он ни пожелал». Тогда и был зачат Артур.

В ту же ночь под стенами Димилиока завязалась битва, Горлойс отважился сделать вылазку и погиб. И в Тинтагел приехали посланцы, дабы сообщить Игрейне о кончине ее супруга. Узрев рядом с Игрейной «Горлойса», живого и здорового, они утратили дар речи, но король признался в обмане и через несколько дней женился на Игрейне.

Утер Пендрагон правил еще пятнадцать лет. Все эти годы он не видел своего сына Артура, ибо того в ту же ночь, как он родился, вынесли через потайную дверь Тинтагела и отдали в руки Мерлина, который втайне воспитывал мальчика, пока Артуру не пришло время унаследовать престол Британии.

Во все время длительного царствования Артура Мерлин помогал ему мудрыми советами. Когда Мерлин состарился, он воспылал запоздалой страстью к юной деве по имени Вивиана, которая убедила его в обмен на ее любовь обучить ее своему магическому искусству. Когда он обучил ее всему, что знал, она наложила на него сонное заклятие и заточила, как говорят одни, в пещере близ зарослей боярышника, другие же говорят, что в хрустальной башне, третьи утверждают, что он сокрыт лишь сиянием воздуха вокруг него. Он пробудится вместе с королем Артуром и вернется в час великой нужды Британии.

От автора

Ни один романист, пишущий о Британии раннего средневековья, не осмелится выпустить книгу в свет без списка имен и названий. Принято объяснять, почему ты употребляешь то, а не иное название. Я в этом отношении и менее и более непоследовательна, чем большинство авторов. В этот период истории, когда кельты, саксы, римляне, галлы и бог весть кто еще катались взад-вперед по терзаемой смутами и раздорами Британии, у каждой местности было по крайней мере три названия, и угадать, какому из них отдавалось предпочтение в данную эпоху, совершенно невозможно. В самом деле, рождение короля Артура датируется приблизительно 470 г. от Рождества Христова, а конец пятого века — пожалуй, самый темный период в истории Британии. Но мало того, я взяла в качестве источника своего романа полумифологическое, романтическое повествование, написанное в XII веке в Оксфорде валлийцем (а может быть, бретонцем), который дает имена и названия в форме, на которую оказало влияние норманнское завоевание, с налетом средневековой латыни. Поэтому в моем повествовании читатель найдет Винчестер наряду с Рутупиями и Динас Эмрисом и людей Корнуолла, Южного Уэльса и Бретани вместо думнонов, деметов и арморикан цев.

Я руководствовалась прежде всего желанием сделать книгу удобочитаемой. Я старалась по возможности избегать постоянных отсылок к глоссарию, когда читатель вынужден либо постоянно отрываться от чтения, чтобы заглянуть в список имен, либо просто махнуть рукой на глоссарий и читать подряд, совершенно

утратив ориентацию. А иностранцам и того хуже: они ищут в глоссарии слово «Каллева», узнают, что теперь это Сильчестер, и по-прежнему пребывают в недоумении, до тех пор пока не заглянут в карту. Так или иначе, книга от этого проигрывает. Поэтому в том случае, когда у меня был выбор, я использовала то название, которое быстрее всего вводит читателя в суть дела. Для этого я иногда заставляла рассказчика перечислять все названия, вставляя даже современные, там, где они не выглядят неуместными, например: «Маэсбели, близ Конановой крепости, Каэрконана, который люди иногда называют еще Конисбург». Иногда я позволяла себе еще большие вольности. Разумеется, в английском тексте, который читателю должен представляться латынью или кельтским диалектом Южного Уэльса, было бы педантизмом называть Лондон «Лондиниумом». Я использовала также современные названия таких мест, как Гластонбери, Винчестер, Тинтагел, поскольку эти названия, будучи средневековыми по происхождению, так наполнены ассоциациями, что они вполне подходят к контексту, где современные образы, скажем, Манчестера или Ньюкасла выглядели бы неуместными. Эти «правила», разумеется, излагаются здесь отнюдь не в укор другим писателям; каждый использует то название, какого требует его работа. И поскольку этот роман является плодом воображения и никто не станет воспринимать его как изложение реальных исторических событий, я позволила себе руководствоваться законами поэзии: лучше всего подходит то, что лучше и живее всего выражает замысел автора и приятнее на слух.

Тот же самый принцип относится и к языку. Повествователь, рассказывая свою историю на валлийском языке пятого века, употребил бы не меньше разговорных слов и выражений, чем использовала я в своем романе; слуги Кердик и Кадаль изъяснялись бы на неком диалекте, в то время как короли говорили бы неким «высоким штилем», как и прорицатели, произносящие пророчества. Я намеренно допускала кое-какие анахронизмы там, где они звучали наиболее выразительно, и местами сдабривала это жаргоном, чтобы оживить текст. Короче, я всюду проверяла свой текст на слух, придерживаясь принципа, что для произведения, являющегося плодом чистого воображения, приемлемо все, что хорошо звучит.

Ибо «Хрустальный грот» — не более чем плод воображения. Это не научный труд, он не может претендовать на звание серь-

езного исторического исследования. Да серьезные историки и не дочитали бы до этого места. Они сразу поняли бы, что главным источником моего сюжета была «История королей Британии» Джеффри (Гальфрида) Монмутского.

Серьезные историки слышать не могут самого имени Гальфрида. Сидя в своей оксфордской келье в XII столетии, он сотворил длинное и живое повествование, «историю» Британии от Троянской войны (в которой участвовал Брут, «король бриттов») до седьмого века после Рождества Христова, подгоняя факты под общую линию повествования, а там, где фактов недоставало (а это случалось на каждом шагу), он на ходу присочинял новые подробности.

С исторической точки зрения «Historia Regum Britanniae» ужасна, но как художественное произведение она великолепна. И она была источником вдохновения для множества произведений, относящихся к так называемому «Артуровскому циклу»,— от «Смерти Артура» Мэлори до «Королевских идиллий» Теннисона, от «Парсифаля» до «Камелота».

Центральный персонаж «Истории» — Артур, первый король объединенной Британии. Артур Гальфрида — это легендарный герой, но нет сомнения, что Артур существовал на самом деле, и я думаю, что то же самое относится к Мерлину, хотя в этом имени сошлись по меньшей мере четыре личности: принц, пророк, поэт и механик. Впервые он появляется в легенде юношей.

Мое вымышленное повествование о его детстве было вдохновлено фразой из Мэлори: «источник Галапаса (так иногда переводят слова «fontes galabes»), который он имел обыкновение посещать» и упоминанием об «учителе моем Блезе», который у меня превратился в Белазия. Легенда о Мерлине в Бретани не менее популярна, чем в Британии.

И наконец, еще пара коротких замечаний.

Я назвала мать Мерлина Нинианой, потому что так звали девушку (Вивиана/Ниниана/Нимуэ), которая, согласно легенде, соблазнила великого чародея под старость и лишила его силы, заточив его в гроте, где он будет спать до конца времен. Другие женщины в связи с ним не упоминаются. В легендах (и в истории) связь между безбрачием, целомудрием и магической силой столь сильна, что я сочла необходимым подчеркнуть целомудрие Мерлина.

Митраизм много лет таился под землей (буквально). Я сочла нужным в повествовательных целях предположить восстановление местного культа, и причины, какие приводит Амброзий, кажутся мне вполне разумными. Судя по тому, что нам известно об Амброзии, он был в достаточной степени римлянином, чтобы поклоняться «солдатскому богу»*.

О древних друидах известно так мало, что, по словам известного ученого, с которым я советовалась, их можно считать «легкой добычей». То же касается мегалитических сооружений Карнака (Керрека) в Бретани и Хоровода Великанов в Стоунхендже близ Эймсбери.

Стоунхендж был возведен около 1500 г. до Р. Х., так что я позволила Мерлину привезти с горы Килларе лишь один камень. Один из камней Стоунхенджа, самый большой, действительно отличается от остальных. По словам геологов, он происходит из местности близ Милфорд-Хейвена в Уэльсе. И могила действительно расположена внутри круга; она находится не в самом центре, поэтому я использовала зимнее солнцестояние, а не летнее, на которое на самом деле ориентирован Хоровод.

Все описываемые мною места — такие, как они есть на самом деле.

Единственное существенное исключение — пещера Галапаса. Впрочем, если Мерлин действительно спит там «средь сияния и блеска», неудивительно, что никто не может его найти. Но на Брин-Мирддине действительно есть источник, а на вершине холма — погребальный курган.

Похоже, слово «мерлин» как название сокола columbarius появилось лишь в Средние века, и возможно, что слово это французское. Но точное происхождение его неизвестно, и это вполне оправдывает автора, чье воображение успело создать множество образов, основанных на этом имени, еще до того, как книга была начата.

Там, где Мерлин упоминает знак горшечника, «А. С.», на самом деле стояло «А. М.» «А», видимо, начальная буква имени горшечника или торговый знак, а «М» означает «Manu», буквально — «рукой» (такого-то).

---

* Беда Достопочтенный, историк VII века, называет его «римлянином Амброзием» («Церковная история народа англов»).

Связь между Мерлином и Амброзием, по-моему, не основана на легенде. Ненний, историк IX века, у которого Гальфрид позаимствовал часть своих сведений, называет своего пророка «Амброзием». У Ненния рассказывается история о драконах в озере и впервые записывается пророчество юноши. Гальфрид, позаимствовав историю, спокойно отождествляет двух пророков: «Тогда Мерлин, прозывавшийся и Амброзием, проговорил...» Эта «потрясающая история», как назвал ее профессор Гвин Джонс в предисловии к изданию «Истории королей Британии», навела меня на мысль о «князе тьмы», отце Мерлина, и дала завязку центрального сюжета «Хрустального грота».

Более всего я обязана, разумеется, Гальфриду Монмутскому, замечательному рассказчику. Всех, кому я обязана, перечислить, наверное, невозможно, но мне хотелось бы особенно поблагодарить мистера Френсиса Джонса, архивиста графства из Кармартена; супругов Моррисов из Брин-Мирддина, Кармартен; мистера Г. Б. Ланкашира из «Чейз-отель», Росс-он-Уай; бригадира Р. Уоллера из Уайэстон-Лейс, Монмутшир, на чьей земле лежат Малый Довард и римская дорога; профессора Германа Брюка, королевского астронома Шотландии, и миссис Брюк; профессора Стюарта Пигготта с факультета археологии Эдинбургского университета; мисс Элизабет Мэннерс, директора Феликстоу-колледжа; мистера Робина Деннистона из «Ходдер & Стафтон ЛТД», Лондон.

М. С.
Февраль 1968 — февраль 1970

Полые холмы

Памяти отца

Дороги, пройденные Мерлином
Дунпелидир
Каэр-Эйдин
МАНАУ-ГУОТОДИН
Бремениум
р. Алауна
СТРЭТКЛАЙД
Сегедунум
Итуна
Адрианов вал
Лугувалиум
Германское море
Медиобогдум
РЕГЕД
Гланнавента
Галава
Алауна
Йорк
р. Абус
СЕВЕРНЫЕ АНГЛЫ
Сегонтиум
Дева
ГВИНЕДД
Вироконium
р. Северн
ВОСТОЧНЫЕ АНГЛЫ
ПОВИС
р. Тиви
Маридунум
ДИФЕД
Глевум
ВОСТОЧНЫЕ САКСЫ
Нидум
Каэрлеон
Амброзиев вал
Лондон
р. Темза
Рутупий
Геркулесов мыс
р. Укселла
Каллева
Вагниаций
р. Медуэй
Винчестер
ДУМНОНИЯ
САКСОНСКИЙ БЕРЕГ
Димилиок
Тинтагел
Иска
Виндокладия
Кэмелфорд
Гончарный залив
Узкое море
N

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОЖИДАНИЕ

Глава 1

Высоко в небе пел жаворонок. Ослепительный солнечный свет лился на мои смеженные веки, и с ним изливалась птичья песнь, будто пляска струй отдаленного водопада. Я открыл глаза. Надо мной выгибался небесный свод, и там, в вышине, в сиянии и синеве весеннего дня, затерялся невидимый пернатый певец. Воздух пропитали нежные, пряные ароматы, рождая мысли о золоте, о пламени свечей, о молодых влюбленных. Но тут подле меня зашевелилось нечто не столь благоуханное, и грубый молодой голос позвал:

— Господин!

Я повернул голову. Оказалось, что я лежу в углублении на траве, а вокруг цветут кусты дрока, словно унизанные сверху донизу золотистыми пахучими язычками пламени, зажженного весенним солнцем. Рядом на коленях стоял мальчик. Лет, наверное, двенадцати, грязный, нечесаный, в одежде из грубой коричневой ткани, плащ из кое-как сшитых шкур, весь в дырах. В одной руке посох. Не нужно было и принюхиваться, чтобы угадать его занятие: кругом в зарослях дрока паслись его козы, общипывая с кустов молодые зеленые колючки.

При первом же моем движении он вскочил и попятился, поглядывая на меня из-под спутанной гривы волос одновременно со страхом и надеждой. Стало быть, он меня еще не ограбил.

© Перевод И. Бернштейн.

Я покосился на его тяжелый посох, прикидывая сквозь одурь боли, под силу ли мне сейчас справиться даже с таким юнцом. Но он, как видно, возлагал надежды только на вознаграждение. Он указал куда-то за стену кустарника.

— Я поймал твоего коня, господин. Вон он там стоит привязанный. Я думал, ты умер.

Я приподнялся на локте. Солнечный день, слепя, закачался вокруг. Цветки дрока дымились на солнце, как маленькие кадильницы. Медленно наплывая, вернулась боль, а с нею и память.

— Ты сильно покалечился?

— Пустяки. Только вот рука. Дай срок, все заживет. Ты говоришь, поймал моего коня? А видел ты, как я упал?

— Да. Я был вон там.— Он махнул рукой туда, где кончался цветущий дрок и округло вздымался голый склон холма, испещренный серыми грядами скал, поросших зимним терновником. А дальше открывалась пустая и бескрайняя даль небес: в той стороне было море.— Я видел, как ты ехал этой долиной от моря, медленно-медленно. Я подумал, то ли болен, то ли спит в седле. А потом конь оступился — в яму, верно, копытом угодил,— и ты полетел на землю. Ты недолго пролежал без памяти. Я только-только подошел сверху...

Он не договорил — челюсть у него отвисла. Потрясенный, он смотрел, как я с трудом приподнялся, упираясь левой рукой, сел и осторожно положил себе на колени покалеченную правую руку. Она страшно распухла, из-под корки спекшейся крови сочилась свежая красная влага. Верно, я упал на руку, когда свалился с лошади. Спасибо, что потерял сознание. Теперь боль накатывалась волнами — то подымется, то отпустит, как прибой на галечном берегу, но дурнота прошла, голова хоть и болела от ушиба, но работала ясно.

— Матерь милосердная! — Пастушок побледнел.— Значит, конь тебя вовсе не сбрасывал?

— Нет. Я ранен в бою.

— Но у тебя нет меча.

— Потерялся. Неважно. Зато у меня есть кинжал и одна здоровая рука. Нет, нет, не пугайся. Мой бой кончен. Тебя никто не обидит. А теперь, если ты подсадишь меня в седло, я, пожалуй, поеду.

Он подал мне руку, и я встал. Мы находились на краю зеленого плоскогорья, там и сям поросшего кустами дрока, над ко-

торым возвышались одинокие нагие деревья, принявшие причудливые, вымученные позы на непрестанном соленом ветру. Ниже того места, где я только что лежал, земля круто уходила вниз, вся изборожденная овечьими и козьими тропами, образуя один склон узкого извилистого оврага, а по дну его несся, подпрыгивая на камнях, бурный ручей. Дно оврага мне было сверху не видно, но за краем травянистого плоскогорья вдали открывалось море. Угадывались очертания высоких скалистых обрывов над водой, а еще дальше, за урезом земли, уменьшенные далью, темнели крепостные башни.

Замок Тинтагель, твердыня герцогов Корнуэльских. Неприступная крепость на скале, проникнуть в которую можно только хитростью или с помощью предательства в самих ее стенах. Вчера ночью я прибег и к тому и к другому.

По коже у меня пробежал холод. Вчера в бурном мраке ночи там творилась воля богов во имя некоей далекой цели, которая лишь иногда приоткрывалась моему глазу. И я, Мерлин, сын Амброзия, внушающий людям трепет как прорицатель и провидец, был в ту ночь всего лишь орудием в руках богов.

Ради этого и был ниспослан мне дар провидения, дарована сила, которую люди понимают как колдовство. Из этой отдаленной крепости над морем должен явиться Король, который один только сможет очистить землю Британии от вражьих сил, дать ей передышку, чтобы она успела оглядеться и найти себя, который вслед за Амброзием, последним из римлян, поставит преграду новой волне саксонской угрозы и пусть ненадолго, но сделает Британию единой. Вот что прочел я по звездам, услышал в завывании ветра; и о том, чтобы осуществилось предначертанное, позаботиться должен я, так сказали мне мои боги; я для этого рожден был на свет. Ныне, если боги мои не лгут, заветное дитя зачато, но из-за него — из-за меня — четверо расстались с жизнью. Ночью, когда свирепствовала буря и хвостатая звезда-дракон злобно взирала сверху, цена человеческой жизни была грош, и за каждым углом боги, не таясь, выжидали исхода. Но сейчас, погожим утром после бури, что от всего этого осталось? Молодой всадник с искалеченной рукой; король, уголивший свой любовный пыл; и женщина, для которой уже пошел срок расплаты. И для всех нас — пора помянуть павших.

———

Пастушок подвел мне коня. Взгляд его опять был насторожен и опаслив.

— Давно ли ты пасешь здесь коз? — спросил я его.

— Уже два восхода.

— Не заметил ли ты что-нибудь сегодня ночью?

Настороженность сразу обернулась страхом. Мальчик опустил веки, посмотрел в землю. Лицо стало бессмысленным, тупым, закрытым.

— Я забыл, господин.

Привалясь к боку коня, я разглядывал пастушонка. Сколько раз случалось мне наталкиваться вот на такую же тупость, выслушивать такое же невыразительное, монотонное бормотание; иной брони у бедных нет. Я ласково сказал:

— Что бы тут ни происходило нынче ночью, я хочу, чтобы ты это запомнил, а не забыл. Тебе нечего бояться. Расскажи, что видел.

Несколько мгновений он молча смотрел на меня. Что он при этом думал, кто знает? Зрелище было не из умиротворяющих: высокий молодой человек с окровавленной, разбитой рукой, без плаща, в запятнанной, изодранной одежде; лицо, можно себе представить, серое от боли и усталости, от горького похмелья после ночной победы. Но пастушонок вдруг кивнул и стал рассказывать:

— Ночью в самую темень я услышал конский топот. Четверо, должно быть, проскакали. Но видеть я их не видел. А рано на заре — еще двое во весь опор вслед за теми. Сдается мне, они держали путь в замок, только я сверху не заметил факелов ни в сторожевой башне, ни на подъемном мосту. Верно, скакали они не по дороге, а оврагом. Когда совсем развиднелось, я заметил двух всадников, они возвращались вон оттуда, от берега против скалы, на которой стоит замок. А потом...— Он замялся.— Я увидел тебя, господин.

Я проговорил медленно, глядя ему прямо в глаза:

— Теперь слушай, я расскажу тебе, кто были те всадники. Минувшей ночью, под покровом тьмы, здесь проскакал король Утер Пендрагон, и с ним был я и еще двое. Он спешил в Тинтагель, но подъехал не к главным воротам, где подъемный мост. Вот этим оврагом он выехал к морю, скрытой тропой поднялся по отвесной скале и проник в замок через тайный вход. Что качаешь головой? Не веришь?

— Господин, всякий знает, что король в ссоре с герцогом. Ни один человек не может войти в замок с той стороны, а король — и подавно. Да если б он и отыскал потайную дверь, никто бы не осмелился ему отпереть.

— Осмелились и отперли. Сама герцогиня Игрейна приняла короля в Тинтагеле.

— Но ведь...

— Подожди,— сказал я.— Я расскажу, как это случилось. Король благодаря волшебным чарам принял обличье герцога, а его спутники — обличье его приближенных. Те, кто впустил их в замок, полагали, что отпирают самому герцогу Горлойсу с Британэлем и Иорданом.

Лицо пастушка под маской грязи побелело. Я знал, что в этом диком краю эльфов и фей про чары и волшебство слушают так же доверчиво и самозабвенно, как и про любовь королей или кровопролитие у подножия трона. Мальчик, заикаясь, спросил:

— Король... король был этой ночью с герцогиней?

— Да. И дитя, которое у нее родится, будет дитя короля.

Он помолчал. Облизнул губы.

— Но... но... когда герцог узнает...

— Он не узнает,— сказал я.— Он убит.

Одна грязная рука взметнулась ко рту, зубы прикусили кулак. Глаза, блеснув белками, обвели мою фигуру: изувеченную руку, одежду в кровавых пятнах, пустые ножны. Видно было, что он рад бы убежать, да не осмеливается даже на это. Прерывающимся голосом пастушок спросил:

— Ты... ты убил его? Убил нашего герцога?

— Вовсе нет. Ни я, ни король не желали его смерти. Он убит в бою. Минувшей ночью герцог, не зная, что король отъехал в Тинтагель, устроил вылазку за стены своей крепости Димилиок, напал на воинов короля и был убит.

Но он словно не слышал. Заикаясь, он произнес:

— Но ведь те двое, которых я видел сегодня утром... Это был сам герцог, и он скакал из Тинтагеля, я его разглядел. Ты думаешь, мне его лицо незнакомо? Это был герцог и с ним Иордан, его человек.

— Нет. Это был король и с ним его слуга Ульфин. Я же сказал тебе, что король принял обличье герцога. Чары и тебя обманули.

Он попятился от меня.

— Откуда тебе все это известно? Ты, ты сказал, что был там. И это колдовство... Кто ты?

— Я — Мерлин, племянник короля. Меня называют Мерлин Королевский Маг.

Пятясь, он дошел до дроковой заросли. Дальше пятиться было некуда. Он повернул голову вправо, влево, ища пути к бегству, но я протянул ему руку.

— Не бойся. Я не обижу тебя. Вот, возьми. Да подойди же и возьми это, разве в здравом уме человек станет бояться золота? Считай, что это тебе в награду за поимку моего коня. И если ты подсадишь меня в седло, я теперь же уеду.

Он уже шагнул было ко мне, готовый выхватить монетку и удрать, но вдруг замер и насторожился, чутко, как животное. Козы тоже перестали щипать траву и, прислушиваясь, повернули головы к востоку. Тут и я расслышал стук копыт.

Я держал здоровой рукой поводья и обернулся к пастушонку за помощью, но он уже убегал вверх по склону, ударяя посохом по кустам дрока и гоня перед собой коз. Я крикнул — он обернулся, и я швырнул ему вдогонку золотую монету. Он подобрал ее и был таков.

Снова накатила боль, корежа кости изувеченной руки. Треснувшие ребра пекло и саднило. Испарина покрыла тело, и весенний день вокруг опять закачался и помутнел. Приближающийся стук копыт бил меня по костям, как пульсирующая боль. Привалясь плечом к конскому боку, я ждал.

Это был король. Он возвращался в Тинтагель, на этот раз при свете дня и со стороны главных ворот, в сопровождении отряда своих всадников. Они шли легкой рысцой, по четыре в ряд, поспешая травянистой дорогой из Димилиока. Над головой Утера реял в солнечных лучах королевский штандарт — красный дракон на золотом поле. Король был теперь в своем обличье: серая краска с волос и бороды смыта, на шлеме блистает драгоценный венец. Пурпурный королевский плащ развевается за плечами, прикрывая лоснящийся круп гнедого скакуна. Лицо короля спокойно и сосредоточенно — усталое, конечно, и мрачное лицо, но при всем том довольное. Он ехал в Тинтагель, и Тинтагель принадлежал теперь ему, вместе со всем, что находится в его стенах. Он получил то, чего добивался.

Я стоял, привалясь к боку моего коня, и смотрел, как они едут мимо.

Утер не мог меня не заметить, однако он даже не взглянул в мою сторону. Из рядов королевской свиты на меня бросали любопытные узнающие взгляды. Среди этих всадников не было, я полагаю, ни одного, кого не достигло бы уже известие о том, что произошло ночью в Тинтагеле и какую роль я сыграл в исполнении королевского желания. Быть может, самые простодушные из свиты даже ждали от короля благодарности и награды для меня или уж по меньшей мере признания и привета. Но я, выросший среди королей, хорошо знал: если надо награждать и взыскивать, то сначала находят, с кого взыскать, не то вина еще, глядишь, пристанет к самому королю. Король Утер сейчас понимал только одно: что по моему, как он считал, недосмотру герцога Корнуэльского убили в то время, как он, король, возлежал с его герцогиней. Он не видел в смерти герцога той мрачной иронии, что прячется за приветливой маской богов, требующих от нас исполнения их воли. Утер, малознакомый с делами богов, понимал только, что, выждав всего один день, мог бы добиться своего открыто и не роняя собственной чести. Он гневался на меня вполне искренне, но будь это даже напускное — ему ведь надо было возложить на кого-то вину; как бы он в глубине души ни воспринял смерть герцога — а она, бесспорно, была для него волшебной дверцей к желанному браку с Игрейной,— но перед людьми ему полагалось сокрушаться; и я оказался жертвой, которую он принес на алтарь своего сокрушения.

Один из его рыцарей — это был Кай Валерий, он скакал сбоку от короля,— наклонился в седле и сказал ему что-то, но Утер и бровью не повел. Я видел, как прямодушный воин смущенно оглянулся на меня, потом то ли тряхнул головой, то ли кивнул мне и поскакал дальше. Я не удивился и спокойно смотрел им вслед.

Стук копыт замер на дороге, ведущей к морю. У меня над головой трепещущий крылышками жаворонок вдруг смолк и камнем упал из безмолвных высей в траву — на отдых.

Неподалеку от меня из травы торчал валун. Я подвел туда коня, с валуна кое-как вскарабкался в седло. И направил коня на северо-восток к Димилиоку, у стен которого стояло королевское войско.

Глава 2

Провалы в памяти бывают спасительны. Не помню, как доехал до лагеря, но когда спустя часы вынырнул из тумана усталости и боли, то оказался под кровом и в постели.

Я пробудился в полумраке, при слабом, зыбком свете то ли от очага, то ли от свечи. Трепетала цветная мгла, колебались тени, пахло древесным дымом, и где-то вдалеке словно бы плескалась и капала вода. Но даже в этом тепле и уюте сознание обременяло меня, и я, закрыв глаза, опять погрузился в беспамятство. На какое-то время мне представилось, будто я нахожусь на грани Потустороннего мира, где встают видения и голоса раздаются из мрака и с огнем и светом приходит правда. Но вскоре боль в разбитых мышцах и резкая ломота в руке убедили меня, что я еще на этом свете и что голоса, звучащие в полутьме надо мной, тоже принадлежат живым людям.

— Ну вот, пока все. Хуже всего с ребрами, не считая руки, но ребра скоро заживут, там только трещины.

У меня было смутное ощущение, что этот голос мне знаком. Во всяком случае, ремесло говорившего не вызывало сомнений: свежие повязки держались ровно и прочно — чувствовалась хватка мастера. Я опять попытался поднять веки — тяжелые, как свинец, они слиплись от пота и крови. Сонными волнами накатывало тепло, руки и ноги наливались тяжестью. Дурманяще пахло чем-то сладким — верно, перед тем как вправлять руку, мне дали выпить макового отвару или обкурили маковым дымом. Я покорился и снова отплыл от твердых берегов. Негромкие голоса далеко разносились по черным водам:

— Перестань пялить глаза и поднеси поближе чашу. И не бойся, он теперь вне опасности.

Это был снова врач.

— Но мне доводилось слышать про разные случаи...

Говорили по-латыни, однако выговаривали оба по-разному. Второй голос был чужеземный, не германский и не с берегов Срединного моря. Я с детства легко схватывал языки, говорил на нескольких кельтских диалектах и по-саксонски, знал немного и греческий. Но этот акцент был мне незнаком. Может быть, Малая Азия или Аравия?

Ловкие пальцы повернули мою голову на подушке, разобрали мне волосы, обмыли ссадины.

— Ты его первый раз видишь?

— Первый. Я не предполагал, что он так юн.

— Не так уж и юн. Ему сейчас, должно быть, двадцать два года.

— А он так много успел в жизни. Говорят, его отец, верховный король Амброзий, в последние годы своего правления шагу не ступал, не посоветовавшись с ним. Рассказывают, что он видит будущее в пламени свечи и может выиграть битву на расстоянии, с вершины холма.

— Люди чего только не расскажут.

Голос врача звучал сдержанно и ровно. Бретань, подумалось мне, верно, я встречал его в Бретани. В его гладкой латинской речи был какой-то знакомый призвук, только какой — я вспомнить не мог.

— Но это правда, что Амброзий ценил его совет.

— А правда ли, что он восстановил вблизи Эймсбери Хоровод Великанов — Висячие Камни, как называют его теперь?

— Правда и это. Находясь с войском отца в Бретани, он изучил строительное дело. Помню, он обсуждал с Треморином, главным механиком при войске, как поднять и установить Висячие Камни. И не только этим он занимался. Он и в медицине уже тогда смыслил куда больше, чем многие, кто зарабатывает ею себе на жизнь. Лучшего помощника для работы в полевом лазарете я бы себе не желал. Бог его знает, что ему вздумалось скрыться в этом диком углу Уэльса — мы можем только догадываться. Они с королем Утером не ладили. Утер, говорят, не мог ему простить, что покойный король, Утеров брат, относился к нему с таким уважением. Как бы то ни было, но после смерти Амброзия Мерлин нигде не показывался, ни с кем не видался до самого этого случая с женой герцога Горлойса. И сдается, получил в благодарность от Утера одни шишки... Поднеси-ка чашу поближе, я обмою ему лицо. Нет, не туда. Вот так.

— Это, должно быть, от удара мечом?

— Царапина. Видно, острие меча скользнуло по щеке. Не так она страшна, как кажется. Только крови много. Повезло человеку. На дюйм выше — и попали бы в глаз. Ну вот. Все чисто, и шрама не останется.

— Он похож на мертвеца, Гандар. Поправится ли?

— А как же. Разумеется.

Даже опоенный, я сквозь дурман уловил в этом быстром ответе профессиональную убежденность.

— Не считая ребер и руки, тут только одни ссадины и царапины, ну и, надо полагать, что-то держало и гнало его вперед несколько последних дней, а теперь отпустило. Все, что ему нужно,— это выспаться. Подай-ка мне вон ту мазь. В зеленой банке.

Снадобье охладило мою порезанную щеку. Запахло валерианой. Мазь в зеленой банке... Дома я сам составлял такую: валериана, бальзам, нард... Этот запах перенес меня в моем полусне на мшистый речной берег — играя солнечными зайчиками, струилась вода, и я рвал прохладные листья, соцветия, золотистый мох...

Нет, просто кто-то лил воду у входа. Врач сделал свое дело и отошел вымыть руки. Теперь их голоса звучали в отдалении.

— Так он побочный сын Амброзия? — Любопытство чужеземца еще не было удовлетворено.— Кто же была его мать?

— Королевская дочь из Маридунума, что в Южном Уэльсе. Говорят, провидческий дар он унаследовал от нее. А облик — нет, он, как отражение в зеркале, похож на покойного короля куда больше, чем Утер. Та же масть: черный волос и черный глаз. Помню, когда я впервые увидел его, еще маленького, в Бретани, он был похож на обитателя пещер в здешних полых холмах. И говорил подчас тоже не по-людски, а то и вовсе помалкивал. Ты не смотри, что он такой словно бы смирный; на самом деле за ним не только книжная премудрость и удача, умение верно рассчитать время; нет, у него в руках настоящее могущество.

— Стало быть, правду о нем рассказывают?

— Правду,— сухо ответил Гандар.— Ну так. Он теперь будет поправляться. Сидеть над ним нет нужды. Пойди поспи. Я один сделаю вечерний обход и еще зайду взглянуть на него, прежде чем лягу спать. Доброй ночи.

Голоса затихли. После них во тьме звучали и вновь смолкали другие голоса, но эти были бесплотны, рождались из воздуха. Быть может, мне бы следовало подождать и послушать их, но у меня недостало храбрости. Я ухватился за сон и спрятался под ним, словно под одеялом, укрывшись от боли и заботы в милосердной темноте забытья.

Когда я вновь открыл глаза, ночную тьму озаряла мирная, одинокая свеча. Я находился в тесной комнате со сводчатым потолком и стенами из грубо тесанного камня; некогда покрытые яркой краской, они теперь потемнели и облупились от сырости

и небрежения. Однако чистота здесь блюлась: пол из корнуэльского плитняка был тщательно вымыт, и толстые одеяла, которые меня укутывали, пахли свежестью и пестрели яркими узорами.

Неслышно открылась дверь, кто-то вошел. В светлом проеме я сначала разглядел на пороге только силуэт невысокого крепкого широкоплечего мужчины в долгополом простом одеянии и круглой шапочке. Но вот он шагнул в светлый круг от свечи, и я узнал Гандара, главного врача при королевском войске. Он с улыбкой склонился надо мною.

— Наконец-то!

— Гандар! Рад видеть тебя. Я долго спал?

— Ты уснул в сумерки, а сейчас уже за полночь. Это тебе и требовалось. Ты был похож на мертвеца, когда тебя принесли. Но признаюсь, мне было легче делать мое дело благодаря тому, что ты был в беспамятстве.

Я посмотрел: рука моя, тщательно перевязанная, покоилась поверх одеяла. В туго стянутом боку все еще пекло, хотя резкая боль утихла. Руки и ноги ломило. Рот распух и хранил привкус крови, смешанный с ядовитой сладостью снотворного зелья. Но голова больше не раскалывалась, и порез на щеке перестал саднить.

— Как хорошо, что я попал к тебе.— Я попробовал пошевелить затекшей рукою.— Заживет она?

— Да. Юность и здоровье возьмут свое. Три кости переломаны, но полагаю, рана не загниет.— Он вопросительно посмотрел на меня.— Как ты ее получил? Похоже, что это лошадь копытом отдавила тебе руку, а потом еще ударила и переломала ребра. Но порез на щеке нанесен мечом. Тут уж некуда деваться.

— Да. Я сражался.

Он вздернул брови.

— Если и так, то, видно, это был бой не по правилам. Скажи мне... но нет, успеется. Я сгораю от нетерпения услышать, что произошло,— мы все здесь хотим об этом узнать,— но сначала ты должен поесть.

Он отошел к двери, позвал, и в комнату вошел слуга с миской мясного отвара и хлебом. Поначалу хлеб мне не давался, но потом я стал размачивать его в отваре и так есть. Гандар пододвинул к моему ложу табурет и молча дожидался, пока я поем. Наконец я отдал ему миску, и он поставил ее на пол.

— Ну как, теперь ты в силах говорить? Слухи вьются вокруг, подобно жалящим комарам. Ты знаешь, что Горлойс убит?

— Знаю.— Я получше осмотрелся кругом.— Я так понимаю, что нахожусь в самом Димилиоке? Стало быть, после гибели герцога крепость сдалась?

— Осажденные открыли ворота, как только король возвратился из Тинтагеля. Он уже знал о вылазке и о гибели герцога. Потому что едва только герцог упал мертвый, как двое его слуг, Бритаэль и Иордан, поскакали в Тинтагель сообщить герцогине печальную весть. Но это ты, верно, знаешь, ты ведь был там.— Он осекся, вдруг сообразив, что отсюда следует.— Значит, вот как было дело? Бритаэль и Иордан... они повстречались с тобой и Утером?

— Нет, с Утером они не встретились, он еще был у герцогини. А я стоял на страже перед дверью, я и мой слуга Кадаль — ты ведь помнишь Кадаля? Он убил Иордана, а я — Бритаэля.— Я усмехнулся, скривив опухший рот.— Напрасно ты на меня так смотришь. Да, он много превосходил меня ростом. Удивительно ли, что я дрался не по правилам?

— А что же Кадаль?

— Убит. Иначе разве бы Бритаэль до меня добрался?

— Понятно.— Его взгляд еще раз перечел мои раны. Помолчав, он сухо заключил: — Четыре человеческие жизни. Ты пятый. Король, надо надеяться, не считает, что переплатил?

— Не считает. А если и считает, то скоро перестанет.

— О да, это мы знаем. Дай только ему срок объявить миру, что он неповинен в смерти Горлойса, и устроить покойнику пышные похороны, чтобы можно было заключить брак с герцогиней. Он ведь уже отправился в Тинтагель, ты знаешь? Он мог бы повстречаться тебе на дороге.

— И повстречался,— горько ответил я.— Проехал мимо, в двух ярдах от меня.

— А тебя не заметил? Ведь он должен был знать, что ты ранен! — Тут он, видно, понял, что означал мой горький тон.— Ты хочешь сказать, он видел, что ты нуждаешься в помощи, но предоставил тебе одному добираться в лагерь?

В его голосе слышалось больше негодования, чем удивления. Гандар и я были давние знакомые, объяснять ему мои отношения с Утером не было нужды. Утера всегда злила любовь брата

короля к внебрачному сыну. А мой провидческий дар внушал ему страх пополам с презрением. Гандар горячо заключил:

— И это — когда ты был ранен, служа ему!

— Нет, не ему. Я действовал во исполнение слова, данного мною Амброзию. Он завещал мне некую заботу о своем королевстве.

Больше я ничего не добавил: с Гандаром не следовало говорить о богах и видениях. Подобно Утеру, он был занят делами плоти.

— Перескажи мне,— попросил я,— те слухи, о которых упоминал раньше. Что говорят люди? Как представляют себе события в Тинтагеле?

Он оглянулся через плечо. Дверь была затворена, но он понизил голос:

— Люди рассказывают, будто Утер уже раньше успел побывать в Тинтагеле и был с герцогиней Игрейной и будто сопровождал его туда ты и ты же помог ему пробраться в замок. Будто бы ты волшебными чарами придал ему обличье герцога, и так он прошел мимо герцогских стражей в спальню к герцогине. Говорят и больше того. Будто бы и сама она, бедняжка, принимала его на своем ложе, думая, что это ее супруг. Бритаэль с Иорданом привезли ей весть о гибели Горлойса, смотрят, а «Горлойс» сидит с ней за завтраком, живой и невредимый. Клянусь Змеей, Мерлин, почему ты смеешься?

— Два дня и две ночи,— ответил я,— и уже создалась легенда. Что ж, наверно, люди ей поверят и будут верить всегда. Может быть даже, она лучше правды.

— А в чем же правда?

— Что нам не понадобились чары, чтобы войти в Тинтагель,— только хитрое переодевание и человеческая измена.

И я рассказал ему, как все было на самом деле и что я наговорил мальчишке-козопасу.

— Так что, как видишь, Гандар, это семя заронил я сам. Лорды и советники короля должны знать правду, но простому люду будет приятней да и легче верить рассказу о колдовских чарах и безвинной герцогине.

Он, помолчав, сказал:

— Стало быть, герцогиня знала.

— А иначе разве бы нам удалось войти в замок? Нет, Гандар, пусть никто не говорит, будто герцогиню взяли силой: она знала.

Он опять помолчал, на этот раз еще дольше. Наконец сумрачно произнес:

— Измена — тяжкое слово.

— Но справедливое. Герцог был другом моего отца и доверял мне. Ему и в голову не могло прийти, что я буду помогать Утеру в ущерб ему. Он знал, как я отношусь к Утеровым вожделениям. Ему неведомо было только, что мои боги повелели мне на этот раз способствовать Утеру в утолении его страсти. Но хоть я и не волен был поступить иначе, все равно это была измена, и нас всех ждет за нее расплата.

— Кроме короля,— твердо сказал Гандар.— Я его знаю. Он испытает разве что минутное угрызение. Расплачиваться будешь ты один, Мерлин, как ты один нашел в себе мужество назвать вещи своими именами.

— В разговоре с тобой. Для других пусть это останется повестью о колдовских чарах, вроде тех драконов, что по моему велению грызлись друг с другом под Динас Эмрисом, или Хоровода Великанов, который по воздуху и по воде перенесся из Ирландии в Эймсбери. Но ты видел своими глазами, каково пришлось Мерлину Королевскому Магу.— Я помолчал, пошевелил больной рукой, лежащей поверх одеяла, и покачал головой в ответ на его озабоченный взгляд: — Нет, нет, не беспокойся. Уже не так больно. И еще одну правду о той ночи я должен тебе открыть. Будет ребенок, Гандар. Понимай это как надежду или как пророчество, но вот увидишь, на Рождество родится мальчик. Утер не говорил, когда он намерен заключить брак?

— Как только это будет пристойно. Пристойно! — повторил он с коротким смешком и сразу закашлялся.— Тело герцога находится здесь, но дня через два его перевезут в Тинтагель и предадут земле. И тогда, после восьмидневного траура, король заключит брак с герцогиней.

Я задумался.

— У Горлойса был сын от первой жены. Его звали Кадор. Сейчас ему должно быть лет пятнадцать. Ты не знаешь, что с ним сталось?

— Он здесь. Он участвовал в последнем бою, сражаясь бок о бок с отцом. О чем договорился с ним Утер, неизвестно, но всем, кто воевал против короля под Димилиоком, даровано прощение и, кроме того, объявлено, что Кадор будет герцогом Корнуолла.

— Да,— подхватил я.— А сын Игрейны и Утера будет королем.

— Когда в Корнуолле сидит герцогом его злейший враг?

— Даже если и злейший враг, разве у него нет на то достаточной причины? За измену, быть может, придется расплачиваться долго и жестоко.

— Ну, это,— вдруг бодро возразил Гандар, подбирая полы своего длинного одеяния,— покажет время. А теперь, молодой человек, тебе следует еще поспать. Хочешь, я дам тебе снотворного?

— Нет, спасибо.

— Как рука?

— Лучше. Заражения нет, я знаю, как это бывает. Больше я не причиню тебе хлопот, Гандар, перестань обращаться со мною как с немощным страдальцем. Я выспался и чувствую себя вполне бодро. Ступай ложись спать, обо мне не думай. Покойной ночи.

Он ушел, а я еще долго лежал и прислушивался к шуму прибоя, стараясь обрести в ночной близости богов силу духа для предстоящего мне прощания с мертвым.

Обрел я силу духа или нет, но все равно прошел еще день, прежде чем я ощутил и в теле довольно силы, чтобы покинуть мою келью. Вечерело, когда я отправился в большую залу замка, где был установлен гроб с телом герцога. Наутро его должны были увезти в Тинтагель и похоронить рядом с предками. Но сейчас он лежал один в высокой гулкой зале, где недавно пировал с пэрами и замышлял последнее сражение.

Было холодно и тихо, только снаружи грохотал прибой и выл ветер. Он переменился и дул теперь с северо-запада, неся с собою холод и влагу близких дождей. Окна зияли без стекол или роговых пластин, на сквозняке колыхались и распластывались дымные огненные языки факелов в настенных скобах, покрывая свежей копотью древнюю каменную кладку. Голо и неприютно было под темными сводами — ни деревянной резьбы, ни цветных изразцов, ни росписей по стенам; сразу видно, что Димилиок — всего лишь военная крепость; герцогиня Игрейна, быть может, и не бывала здесь никогда. Серый пепел в очаге давно остыл, отсыревшие, полуобгорелые головни блестели каплями влаги.

Тело герцога было уложено на возвышении посередине залы и покрыто его военным плащом: белый вепрь на алом поле с двой-

ной серебряной каймой. Я привык видеть эти цвета в сражении рядом с моим отцом. Видел я их и на Утере, когда вез его, переодетого, в замок Горлойса. Теперь тяжелые складки плаща ниспадали до пола, а тело под ними словно сплющилось, усохло — пустая оболочка, все, что осталось от крупного, могучего мужчины. Лицо было открыто. Плоть на нем посерела и спалась, как бы стекла с костей, подобно свечному салу, и обозначился череп, лишенный почти всякого сходства с Горлойсом, которого я знал. Монеты на веках уже глубоко запали. Волосы скрывал боевой шлем, и только знакомая седая борода была выпростана и лежала поверх белого вепря на груди.

Тихо ступая по каменным плитам, я думал о том, что не знаю, какому богу поклонялся Горлойс при жизни и к какому богу отправился после смерти. По убранству тела этого определить было нельзя. Монеты на глаза клали не только христиане, но и многие другие. Я вспомнил иные смертные ложа, вспомнил, как теснились вокруг них нетерпеливые духи; ничего такого здесь не ощущалось. Но он уже три дня как мертв, его дух, быть может, уже вышел на холод и ветер через проем окна. Быть может, он теперь далеко, и мне уже не настичь его и не получить прощения.

Я стоял над телом человека, которого предал, который был другом моему отцу Амброзию, верховному королю. И вспоминал, как герцог явился ко мне просить подмоги в деле с его молодой женой и как он мне сказал тогда: «Я сейчас не многим мог бы довериться, но тебе доверяю. Ты — сын своего отца». А я молчал в ответ и только смотрел, как от пламени в очаге ложатся красные, будто кровавые, отсветы на его лицо, и только выжидал случая, чтобы привести короля к ложу его герцогини.

Это один и тот же дар: видеть духов и слышать голос богов, слетающихся к нам, когда мы приходим в мир и когда его покидаем, но дар этот столько же от света, сколько и от тьмы. Видения смерти могут являться с такою же отчетливостью, как и видения жизни. Невозможно ведать будущее и быть свободным от призраков прошлого, вкушать славу и довольство, не испытывая мук и угрызений за свои прежние дела. То, чего я искал у тела убитого герцога Корнуолла, не принесло бы мне ни утешения, ни душевного покоя. Такому человеку, как Утер Пендрагон, который убивает в открытом бою под открытым небом, тут и думать было бы нечего: покойник и покойник. Но я, доверившийся богам так же, как герцог доверялся мне, знал, подчиняясь их велению, что должен буду за это расплатиться сполна. Поэтому я шел сюда, даже не питая надежды.

Горели факелы. К моим услугам был и свет, и огонь. И я был Мерлин. И я хотел говорить с ним, мне ведь уже приходилось вступать в общение с умершими. Я неподвижно стоял, следя за мятущимися факелами, и ждал.

Постепенно в крепости смолкли голоса и наступила тишь: все уснули. За окном вздыхало и ударяло в стену море. Под сводами проносился ветер, и папоротники, выросшие вверху из трещин в стене, шелестели и бились о камни. Пробежала, пискнув, крыса. В факелах, пузырясь, кипела смола. Сквозь запах дыма я различал сладковатый смрад смерти. Монеты на глазах мертвого, мигая, тускло отражали свет факелов.

Время шло. Глаза мои, устремленные на огонь, слезились, боль в руке была как въевшаяся цепь, не отпускавшая меня из тела. Дух мой оставался скован и слеп, как мертвец. Я улавливал мимолетный шепот, обрывки мыслей уснувших стражей, в них было смысла не больше, чем в звуке их дыхания или в скрипе кожи, в бряцанье металла, когда они со сна слегка шевелились. Но помимо этого — ничего. Вся сила, снизошедшая на меня в ту ночь в Тинтагеле, исчерпалась с убийством Британэля, оставила меня и действовала теперь, как я полагал, в теле женщины. В теле Игрейны, которая в эту самую минуту лежала рядом с королем в неприступных древних стенах замка Тинтагель, что высился прямо над морем в десяти милях к югу от Димилиока. А я был бессилен. Воздух стоял стеной и не расступался передо мною.

Один из стражей, ближайший ко мне, пошевелился, рукоять его уставленного в пол копья скребнула по камню. Резкий звук нарушил тишину. Я невольно взглянул в его сторону: молодой страж смотрел на меня.

Он стоял, весь напряженный, вытянутый, как древко его копья, кулаки, сжимавшие смертоносный стержень, побелели. Из-под густых бровей, не мигая, смотрели два горячих голубых глаза. Я узнал их, и меня словно копьем пронзило: глаза Горлойса. Это был Горлойсов сын Кадор Корнуэльский, он стоял между мной и мертвым и смотрел на меня неотступно, с ненавистью.

Утром тело Горлойса увезли на юг. Сразу после похорон, рассказывал мне Гандар, Утер должен был вернуться к своему войску под Димилиоком и выждать тут, пока можно будет сыграть свадьбу с герцогиней. Ждать его прибытия я не собирался. Я распорядился доставить мне припасов, привести коня и, не слушая убеждений Гандара, что я еще не окреп для путешествия, отправился в одиночестве под Маридунум, где в холмах находится пещера, которая по обещанию короля будет, что бы ни случилось, всегда принадлежать мне.

Глава 3

За время моего отсутствия в пещере не побывал никто. И неудивительно: ведь окрестные жители считали меня магом и боялись, к тому же всем было известно, что холм Брин-Мирддин пожалован мне в собственность самим королем. От мельницы, свернув с главной дороги в узкую долину, ведущую к пещере, которая заменила мне дом, я ехал, не встречая ни живой души, не увидел даже пастуха, обычно пасшего овец на каменистых склонах.

В нижнем конце долины густо рос лес; дубы еще шелестели прошлогодними пожухлыми листьями, каштан с платаном жались бок о бок, норовя перехватить друг у друга весь солнечный свет, между белесыми стволами буков там и сям чернел глянцевитый остролист. Выше деревья начинали редеть, тропа карабкалась по крутому склону, слева, глубоко внизу, бежал ручей, а справа уходил отвесно к небу травянистый откос с языками осыпей, увенчанный поверху грядой голых скал. Трава была еще позимнему бурой, но под прикрытием ржавого, прошлогоднего папоротника проблескивали ярко-зеленые листья пролески и готовился зацвести терновник. Где-то блеяли ягнята, и их голоса да свист ястреба-канюка в высоте над скалами и хруст старого папоротника под усталым копытом моего коня — вот и все звуки, нарушавшие общее безмолвие. Здравствуй, дом, простота и покой.

Жители не забыли меня и, как видно, слышали, что я должен вернуться. Когда в зарослях терновника у подножия скалы я слез с коня и отвел его под навес, там нашел я свежую папоротниковую подстилку и мешок с овсом на крючке за дверью, а когда поднялся на площадку перед входом в мою пещеру, у бившего из-под скалы источника меня ждал сыр и свежевыпеченный хлеб,

завернутый в чистую тряпицу, и бурдюк местного слабого и кислого вина.

Источник был крохотный — одна прозрачная струйка, выбивавшаяся из трещины сбоку от входа в пещеру. Вода, иногда низвергаясь маленьким водопадом, а в другие времена только сочась по зеленому мху, стекала в круглое углубление, выдолбленное в плоском камне. Над источником из папоротниковых зарослей выглядывала статуя Мирддина — бога крылатых воздушных пространств. Вода струилась прямо из-под его растресканных деревянных стоп, и на дне каменной чаши, в которую она собиралась, поблескивал металл. Я знал, что вино и хлеб, как и монеты, брошенные в воду, предназначались столько же мне, сколько и богу Мирддину; в сознании простых людей и я сам уже стал преданием здешних холмов, их божеством во плоти, которое появляется и исчезает свободно, как воздух, и приносит людям исцеление.

Я взял у источника всегда лежавший там кубок из рога, наполнил его вином, плеснул часть к ногам бога, а остальное выпил сам. Бог разберется, был ли то просто привычный жест или же в нем содержалось нечто большее. А я, вконец измученный дорогой, не мог сейчас об этом размышлять или сотворять молитву, я выпил для бодрости, только и всего.

По другую сторону от входа в пещеру на россыпи камней росли молодые дубки и рябины, и в летнюю пору эта маленькая рощица затеняла и прятала вход в мое каменное жилище. Но сейчас нависшие нагие ветви не могли скрыть небольшого отверстия в скале, гладкого и округлого, словно бы пробитого рукой человека. Я раздвинул их и вошел.

В очаге у самого входа все еще лежала седая зола, ветер закинул в нее снаружи прутики и мокрые прошлогодние листья. Пахло запустением. Трудно было поверить, что и месяца не прошло с тех пор, как я оставил эту пещеру и поехал на зов короля, помочь ему в деле с корнуэльской герцогиней Игрейной. Подле холодного очага так и осталась стоять немытая посуда от последней трапезы, наскоро приготовленной на дорогу моим слугой.

Да, теперь мне придется самому быть себе слугой. Я положил на стол бурдюк с вином и узелок с сыром и хлебом и занялся разведением огня. Трут и кресало лежали на обычном месте под рукой, но я опустился на колени и протянул над кучкой хвороста ладони, чтобы сотворить колдовство. Это было простейшее колдовство и первое, усвоенное мною в жизни: добывание огня из

воздуха. Я обучился ему в этой самой пещере — здесь обитал старый отшельник Галапас, и от него я перенял все природные искусства, которыми ныне владею. Здесь же, в хрустальном гроте, что лежит глубже под холмами, мне было первое видение и открылся мой ясновидческий дар. «Когда-нибудь,— говорил мне Галапас,— ты пойдешь совсем далеко, куда я даже магическим зрением не в силах буду последовать за тобой». Так оно и было. Я расстался с ним и пошел туда, куда влек меня мой бог, куда только я, Мерлин, и мог дойти. Но вот высшая воля исполнена, и бог меня оставил. В крепости Димилиок над телом павшего Горлойса я убедился, что опустошен, что я слеп и глух, как слепы и глухи все люди, что сила моя исчерпалась. И теперь, усталый после долгого пути, я знал, что все равно не успокоюсь, пока не проверю, сохранился ли за мною хотя бы простейший из моих талантов.

Ответ не заставил себя ждать, но я долго не хотел с ним смириться. Садящееся солнце уже повисло красным шаром в древесных ветвях против входа в пещеру, а кучка хвороста так и не загорелась, когда я наконец признал свое поражение; обжигающий пот струился по моему телу под одеждой, и руки, вытянутые для свершения колдовства, дрожали, как у дряхлого старца. В свежих сумерках весеннего вечера я сел у холодного очага и поужинал хлебом и сыром, запивая их разбавленным вином, и только тогда ощутил в себе силы взять с каменного уступа трут и кресало, чтобы развести огонь.

Даже и на эту работу, которую любая женщина проделывает всякий день без долгих размышлений, у меня ушла уйма времени, а раненая рука снова закровоточила. Но в конце концов огонь все-таки запылал. Я зажег факел и, держа свет высоко над головой, прошел в глубь пещеры. Там у меня было еще одно дело.

Главная пещера, высокосводчатая и большая, тянулась далеко вглубь. Я остановился в дальнем конце и, подняв факел, посмотрел вверх. Отсюда каменный пол подымался и вел к широкому уступу, а он, в свою очередь, уходил в вышину и терялся среди длинных теней. Там, невидимый снизу, был узкий проход во внутреннюю пещеру — небольшой округлый грот, сверху донизу мерцающий кристаллами,— там при свете и пламени были мне явлены первые видения. Если моя утраченная сила где-то еще дремала, то только здесь. Медленно, преодолевая гнетущую усталость, я поднялся на уступ, прошел по нему и, опустившись

на колени, заглянул в низкое отверстие внутреннего грота. Пламя моего факела заиграло в кристаллах по стенам, свет многократно отразился от округлых сводов. Моя арфа стояла там, где я ее оставил: посреди усыпанного кристаллами пола. Тень ее взбежала по сверкающим стенам, в медных колках заискрились огоньки, но струны не ожили в дыхании ветра, и выгнутые тени потеснили свет. Я долго стоял на коленях, глядя широко открытыми слезящимися глазами, как трепещут и бьются внутри хрустального шара тень и свет. Но видение мне не открылось, и арфа безмолвствовала.

Наконец я выпрямился и опустился в большую пещеру. Двигался, помню, медленно, с трудом, словно впервые спускался по этим камням. Сунув факел под кучку сушняка, я разжег в очаге огонь; потрескивая, занялись толстые поленья. Я вышел наружу, разыскал переметные сумки, переволок их к приветливому теплу очага и стал разбирать.

Рука моя заживала долго. Первые несколько дней дергающая боль не отпускала ни на минуту, так что я начал опасаться заражения. Днем было еще не так мучительно, с утра до ночи одолевали дела, все те обязанности, что всегда выполнял за меня слуга, а я даже и не знал толком, как за них взяться: уборка, приготовление пищи, уход за конем. Весна в тот год в Южном Уэльсе запаздывала, пастбища на взгорьях еще не зазеленели, и мне приходилось нарезать и приносить ему корм и в поисках целебных трав удаляться от дома на большие расстояния. Хорошо хоть, для меня самого пища все время имелась в достатке: что ни день, у подножия скалы появлялись свежие приношения. То ли местные жители до сих пор еще не прослышали, что я теперь у короля не в почете, то ли, целя их недуги, я сделал им столько добра, что оно перевесило Утерову немилость. Я был Мерлин, сын Амброзия, или, на валлийский лад, Мирддин Эмрис, местный знахарь и маг, а в каком-то смысле, я думаю, еще и жрец древнего божества здешних полых холмов, также носящего это имя — Мирддин. Принося дары мне, они одаряли его, и его именем я эти дары принимал.

Но если дни мои были терпимы, то ночью мне приходилось плохо. Мне казалось, я ни на миг не смыкал глаз, и не столько от боли в руке, сколько от муки воспоминаний. Похоронные покои Горлойса в Димилиоке были пусты, зато моя пещера в холмах

Уэльса оказалась полна духов. То были не души дорогих мне умерших, общению с которыми я мог бы только радоваться,— нет, мимо меня в темноте, издавая тяжкие стоны, подобные писку летучей мыши, проносились души тех, кого я убил. Так, по крайней мере, мне представлялось. По-видимому, у меня был жар; в пещере с прежних времен гнездились летучие мыши, мы с Галапасом когда-то изучали их; это их я, должно быть, и слышал в лихорадочном полусне, когда они по ночам вылетали и возвращались обратно. Но в памяти моей о той поре их писк остался как голос мертвых, мятущихся во мраке ночи.

Прошел апрель, сырой и промозглый, с ветрами, пробирающими до костей. То было тяжкое время, когда только и знаешь что одну боль, и делаешь лишь самое простое — чтобы не умереть. Должно быть, я очень мало ел; вода, и плоды, и ржаной хлеб составляли мое пропитание. Одежда на мне, и всегда-то далеко не роскошная, износилась без ухода и вскоре повисла лохмотьями. Чужой человек, повстречавшись со мной на крутой тропе, принял бы меня за нищего. Целыми днями я сидел нахохлившись у дымного очага. Ящик с книгами не открывал, арфу не трогал. Будь даже рука моя здорова, я все равно не смог бы играть. А что до колдовства, то не хватало смелости снова подвергнуть себя испытанию.

Но постепенно я, как герцогиня Игрейна в своем холодном замке к югу от меня, впал в состояние безмятежного восприятия. Шли недели, рука подживала. Остались два негнущихся пальца и глубокий шрам по краю ладони, но к пальцам со временем вернулась гибкость, а на шрам я не обращал внимания. И остальные раны тоже постепенно заживали. Я притерпелся к одиночеству: ведь мне привычно уединение. Ночные призраки меня больше не мучили. А потом, с приближением мая, задули теплые ветры, и холмы покрылись травой и цветами. Убрались прочь серые тучи, мою долину залило солнечным сиянием. Я теперь часами просиживал на солнышке у входа в пещеру, читал или разбирал собранные травы, а иногда праздно поглядывал вниз на тропу, не едет ли ко мне всадник с какой-нибудь вестью. (Вот так же, думалось мне, сиживал, должно быть, на солнышке мой старый учитель Галапас и смотрел на дорогу, по которой к нему в один прекрасный день должен был приехать маленький мальчик верхом на коне.) Я возобновил запасы целебных трав и листьев, уходя за ними все дальше от пещеры по мере того, как ко мне возвращались силы. В городе я не показывался, но бедняки, по временам обращавшиеся ко мне за снадобьями или советом, приносили кое-какие обрывочные известия. Король и герцогиня отпраздновали свадьбу со всей торжественностью и пышностью, возможной при таком поспешном браке; король как будто весел и доволен, хотя чаще обычного, чуть что, приходит в ярость, а временами ни с того ни с сего становится угрюм, и тогда от него лучше держаться подальше. А что до королевы, то она молчалива, во всем уступает желаниям короля, но, по слухам, лицом мрачна, словно от тайного сокрушения...

Тут мой осведомитель покосился на меня, и я заметил, что пальцы его украдкой сделали охранительный знак от колдовства. Я отпустил его, не стал больше расспрашивать. Новость все равно меня не минует, пусть только настанет срок.

И она пришла без малого через три месяца после моего возвращения в Брин-Мирддин.

Июньским утром, когда горячие солнечные лучи разгоняли туман над зелеными лугами, я поднялся на взгорье над пещерой — там я оставил пастись привязанного коня. Было тихо, в воздухе дрожали трели жаворонков. Над зеленым бугром, где был похоронен Галапас, на ветках терновника сквозь белую опадающую пену цветения проглядывали молодые зеленые листья и под папоротниками густо синели колокольчики.

Вообще-то коня незачем было и привязывать. Я всегда носил с собой остатки хлеба от крестьянских подношений, и он, завидев меня, сразу спешил ко мне, натягивая привязь и ожидая подачки.

Но сегодня было не так. Конь стоял на самом краю обрыва, вскинув голову и навострив уши, и смотрел на что-то внизу. Я подошел и, пока он губами убирал у меня с ладони хлебные крошки, тоже заглянул под обрыв.

Отсюда с высоты открывался вид на Маридунум — маленькие на расстоянии домики теснились по северному берегу неторопливой реки, вьющейся по широкой зеленой долине на пути к морю. Город, с гаванью и выгнутым каменным мостом, расположен как раз там, где река расширяется перед впадением в море. За мостом, как всегда, торчал лес мачт, а ближе сюда по береговой тропе, повторяющей серебристые речные изгибы, медлительная гнедая лошадь тащила к мельнице баржу с зерном. Са-

мой мельницы, расположенной в том месте, где в реку вливался ручей из моей долины, за стеной леса было не видно. От этого леса к восточным воротам Маридунума на пять миль по открытой равнине растянулась прямая, как стрела, старая военная дорога, когда-то приведенная в порядок моим отцом.

И на этой дороге, примерно в полутора милях за мельницей, клубилось облако пыли. Там шла схватка между конниками, я заметил блеск оружия. Вот пыль рассеялась, стало видно отчетливее. Конников было четверо, и бились они трое против одного. Этот один, похоже, старался отбиться и ускакать, а противники норовили окружить его и сшибить на землю. Наконец он все-таки вырвался. При этом его конь, вставший на дыбы, ударил копытами в бок другого коня, и этот всадник, не удержавшись, вылетел из седла. А одинокий, дав шпоры и пригнувшись к конской гриве, понесся напрямик по траве к спасительному лесу. Однако доскакать до леса он не успел. Двое устремились за ним в погоню, настигли его после короткой, бешеной скачки, обступили один справа, другой слева и у меня на глазах стащили с коня и швырнули наземь на колени. Он сделал попытку уползти, но куда там! Двое всадников, блистая оружием, носились вокруг. Третий, как видно не пострадав от падения, снова был в седле и уже скакал к ним. Но внезапно он резко натянул поводья, конь взвился на дыбы. Я увидел, как всадник вскинул левую руку. Должно быть, он крикнул что-то своим товарищам, потому что они вдруг оставили свою жертву, повернули коней, и все трое помчались прочь, пластаясь галопом и увлекая за собой четвертого коня, и скрылись из виду в лесных зарослях на востоке.

В следующий миг я увидел, что их спугнуло. Со стороны города двигался еще один отряд конников. Ускакавшую троицу они не могли не видеть, но предшествовавшая их бегству схватка, должно быть, осталась ими не замеченной, потому что ехали они не спеша, рысцой. Вот они поравнялись с тем местом, где упал поверженный всадник — израненный или убитый,— но, не сбавляя шага, проехали мимо. Вскоре и они скрылись за лесом.

Конь, не находя больше хлеба, прихватил губами мою ладонь, потом резко отдернул голову, вытянул шею и прижал уши. Я взял его за узду, выдернул привязь вместе с колышком и стал спускаться к пещере.

— Здесь,— говорил я ему, шагая под гору,— стоял я в тот день, когда прискакал гонец короля и позвал меня помочь королю в его сердечных делах. Тогда моя сила была при мне; тогда мне казалось, что я держу в горсти весь мир, точно светлый маленький шарик. А ныне — что ж, быть может, ныне у меня и нет ничего, кроме этих холмов, однако кто знает, вдруг это гонец королевы лежит поверженный на дороге и в суме у него послание для меня? И потом, есть у него послание или нет, но если он жив, то нуждается в помощи. Мы же с тобой, мой друг, с избытком насладились бездельем. Пора опять за работу.

Потратив почти в два раза больше времени, чем на это употребил бы мой слуга, я в конце концов все же оседлал коня и поехал вниз. Достигнув старой военной дороги, повернул вправо и пришпорил коня.

Рядом с тем местом, где упал одинокий всадник, была опушка леса, поросшая густым кустарником, бурыми папоротниками, подлеском, из которого торчали отдельные высокие деревья. Здесь все еще стоял конский дух и пряный аромат потоптанного папоротника и вереска, но сквозь все это пробивался неистребимый запах блевотины. Я спешился, спутал коня и углубился в заросли.

Он лежал ничком, вжав голову в плечи, как полз и упал под ударами преследователей, одна рука подвернута, другая вытянута и вцепилась в кустик травы. Совсем еще юный отрок, лет пятнадцати, наверно, или чуть старше, тонкий в кости, но рослый. Одежда, в которой он сражался, а потом полз сквозь заросли, изодранная, вывалянная в грязи и запятнанная кровью, была добротной и богатой, на запястье поблескивал серебряный браслет, у плеча — серебряная застежка. Стало быть, ограбить они его не успели, если грабеж был целью их нападения. На поясе у него, застегнутая, висела сумка.

При моем приближении он не шевельнулся, и я решил, что он мертв или без чувств. Но когда я наклонился к нему, рука, державшаяся за кустик травы, еле заметно сжалась — как видно, он был до такой степени изранен и обессилен, что уже не способен ни к какому сопротивлению. И если бы я оказался одним из убийц, возвратившимся, чтобы его прикончить, он бы, так же не шелохнувшись, принял смерть.

Я мягко произнес:

— Не бойся, я не причиню тебе худа. Полежи еще минуту спокойно, не двигайся.

Он ничем не показал, что слышал мои слова. Я бережно наложил на него ладони, нащупывая раны и переломы. При моем прикосновении он сжался, но не издал ни звука. Я скоро убедился, что кости целы. На затылке вздулась и кровоточила большая шишка, по плечу растекался огромный синяк, но хуже всего была разможженная мякоть бедра — как я удостоверился потом, удар лошадиного копыта.

— А теперь,— сказал я ему,— перевернись на спину и выпей вот это.

Он зашевелился и, морщась от боли, при моей поддержке, медленно, с трудом перевернувшись, сел. Я обтер ему рот и приложил к его губам флягу; он жадно глотнул, закашлялся и откинулся мне на грудь, бессильно свесив голову. Я опять протянул флягу, но он отвернулся. Чувствовалось, что он из последних сил сдерживается, чтобы не закричать от боли. Я закупорил флягу и убрал.

— У меня здесь есть лошадь. Постарайся как-нибудь вскарабкаться в седло, тогда я отвезу тебя к себе и там залечу твои раны.

Он не отозвался, и тогда я добавил:

— Давай-ка соберись с силами. Надо тебе убраться отсюда, пока те люди не надумали вернуться и довершить начатое.

Он встрепенулся, словно это были первые слова, дошедшие до его сознания. Рука его потянулась к поясу, нашла сумку и вдруг упала. Он весь обмяк, привалясь мне на грудь. Это был обморок.

Тем лучше, подумал я, бережно уложил его на землю и пошел за конем. По крайней мере он не почувствует мучительных толчков поездки, и с Божьей помощью, прежде чем он очнется, я еще успею перевязать ему раны и уложить его в постель. Я уже нагнулся, готовясь половчее ухватиться и поднять его на спину коня, но остановился. Лицо его было покрыто грязью и кровью, сочившейся из ссадин и раны над ухом. К тому же оно было серым и осунувшимся. Волосы каштановые, веки опущены, подбородок отвис. Но все равно я узнал его. Это был Ральф, паж Игрейны. Это он в ту ночь открыл нам задний вход Тинтагеля и вместе со мною и Ульфином караулил под дверью герцогской спальни, пока король получал то, чего добивался...

Нагнувшись, я поднял посланца королевы и уложил его, по счастью, бесчувственное тело поперек спины моего поджидающего коня.

Глава 4

По пути в пещеру Ральф не очнулся, и только когда я уже промыл и перевязал раны и уложил его в постель, он наконец открыл глаза. Посмотрел на меня, не узнавая.

— Ты что, не знаешь, кто я? — сказал я ему.— Я же Мерлин Амброзий. Видишь, ты благополучно доставил послание.

Я поднял нераспечатанный конверт. Но он скользнул бессмысленными, затуманенными глазами куда-то мимо и отвернул голову, поморщившись от боли в затылке.

— Ну ладно, спи,— сказал я.— Ты в надежных руках.

Я посидел у его ложа, пока он снова не погрузился в сон, а потом с конвертом в руках вышел и уселся на своем привычном месте у входа, где так приятно грело солнце. Печать, как я и думал, оказалась королевина. Адресовано послание было мне. Я сломал печать и прочел, что там было написано.

Письмо было не от самой королевы, а от Марсии, бабки Ральфа и ближайшей королевиной наперсницы. Оно было кратким, но содержало все, что я хотел бы узнать. Королева и в самом деле была в тяжести, ребенок должен родиться в декабре. Королева, по словам Марсии, радостно носит королевское дитя, но меня если и поминает, то с горечью, возлагая на меня вину за смерть ее мужа Горлойса. «Она молчалива, но, сдается мне, втайне сокрушается духом, и, как ни велика ее любовь к королю, все же душа ее омрачена угрызениями. Дай-то бог, чтобы это не повлияло на ее чувства к младенцу. Что же до короля, то он не скрывает гнева, хотя с госпожой неизменно добр и ласков и никому не дает повода усомниться в том, что он — отец ребенка. Но, увы, на душе у меня нет спокойствия об этом младенце — я страшилась бы беды от рук короля, если б не то, что он так бережет и, конечно, не захочет огорчить свою королеву. По этой же причине, принц Мерлин, я сим письмом рекомендую тебе в слуги внука моего Ральфа. Для него тоже страшусь я беды от рук короля, и мнение мое такое, что лучше ему служить на стороне, у природного принца, нежели оставаться при короле, почитающем его службу изменою. В Корнуолле для него небезопасно. Вот почему прошу тебя, господин мой, пусть Ральф служит тебе, а после тебя — младенцу. Ибо, сдается мне, я поняла, что означали слова, сказанные тобою моей госпоже: “Я видел яркое пламя и в нем — сияющую корону и меч, на алтаре стоящий, подобно кресту”».

Ральф проспал до сумерек. Я развел огонь и, приготовив мясной отвар, понес ему в глубь пещеры. Он уже лежал с открытыми глазами и смотрел на меня. Во взгляде его я прочел не только узнавание, но и непонятную тревогу.

— Как ты теперь себя чувствуешь?

— Недурно, господин. Я... это твоя пещера? Как я здесь очутился? Как ты нашел меня?

— Я был на вершине холма и оттуда видел, как на тебя напали. Потом твоих врагов спугнули, и они умчались, а тебя оставили. Тогда я спустился и на лошади привез тебя сюда. Стало быть, теперь ты знаешь, кто я?

— Ты отпустил бороду, но я все-таки признал тебя, господин. Разве я уже говорил с тобой? Ничего не помню. Не иначе как удар пришелся мне по голове.

— Да, так оно и было. А как сейчас твоя голова?

— Трещит. Но терпимо. Вот бок,— он поморщился,— бок болит сильнее всего.

— Это тебя конь ударил копытом. Но серьезного увечья нет, через несколько дней придешь в себя. А кто были те люди, тебе известно?

— Нет.

Он нахмурился, напрягая мысли, но видно было, что это усилие причиняет ему боль, и я сказал:

— Ладно, мы еще успеем поговорить об этом. Теперь поешь.

— Господин, со мною было послание...

— Я получил его в целости. Об этом потом.

Когда я возвратился, он уже съел похлебку с хлебом и стал больше похож на самого себя. От другой пищи он отказался, но я уговорил его выпить немного вина, и прямо на глазах в лицо ему вернулись краски. Я придвинул к его ложу табурет и сел.

— Ну как, лучше?

— Да.— Он не поднял на меня глаз. Руки его нервно теребили край одеяла. Он сглотнул и произнес: — Я... Я не успел поблагодарить тебя, господин мой.

— За что же? Что я подобрал тебя и привез сюда? Но у меня не было иного способа получить доставленные тобою вести.

Он вскинул на меня глаза, и я с удивлением убедился, что он не услышал в моих словах шутки, а принял их за чистую монету. И я понял, что означают его взгляды: он меня боится. Мне вспомнилась ночь в Тинтагеле и храбрый отрок, который сослужил такую службу королю и так самоотверженно помог мне. Но я не стал напоминать ему об этом. Я сказал:

— Ты привез мне известие, которого я ждал. Я прочел письмо твоей бабки. Ты знаешь, что там написано про королеву?

— Да.

— А про тебя самого?

— Да.

Он отвечал односложно и смотрел в сторону с хмурым видом человека, которого нечестно подловили и допрашивают, а он твердо решил, что ничего не скажет. Похоже, что в противовес планам своей бабки он вовсе не жаждет оказаться у меня в услужении. Значит, Марсия не открыла внуку, для чего он предназначается в будущем.

— Ну хорошо, пока оставим это. Но, похоже, нынче утром какие-то неизвестные искали твоей погибели. Если они не простые разбойники с большой дороги, то неплохо бы знать, кто они и кто им платит. У тебя по этому поводу нет никаких предположений?

— Нет,— все так же не разжимая губ, ответил он.

— Мне это небезынтересно,— мягко пояснил я,— потому что, вполне возможно, они захотят убить и меня.

— Почему? — спросил он недоуменно и даже оживился.

— Если на тебя напали из мести за то, что ты участвовал в той тинтагельской истории, тогда следующим у них на очереди буду я. А если им нужно было письмо, которое ты мне вез, то интересно — зачем? Если же, что самое правдоподобное, это обыкновенные грабители, то они где-то здесь таятся, и надо сообщить о них солдатам в лагерь у стен города.

— А-а. Понимаю,— протянул он растерянно и немного даже виновато.— Но я сказал правду, сударь: мне неизвестно, кто они такие. Я... я и сам тут лежу и все голову ломаю. Нет никакой зацепки в памяти. Значков на них вроде бы не было...— Он страдальчески свел вместе брови.— Я ведь заметил бы, будь у них значки, правда?

— А облачение какое?

— Я... я не успел разглядеть толком. Кажется, в кожаных камзолах и кольчужных подшлемниках. Без щитов, но с мечами и кинжалами.

— И кони под ними добрые, это я видел. А ты не слышал ли их речи?

— Помнится, нет. Да они и не переговаривались, так, возгласы только. Язык — британский, но из какой местности, не знаю. Я плохо разбираюсь в говорах.

— И не помнишь, ничего в них такого не было, что выдавало бы людей короля?

Я тронул близко от больного места. Он залился краской, но ответил сдержанно, ровно:

— Нет, не было. А разве это мыслимо?

— Казалось бы, нет. Но короли — странные существа, и особенно странные, когда у них совесть нечиста. Или, может быть, это были корнуэльцы?

Краска схлынула у него с лица, оно сделалось чуть ли не беднее, мертвеннее прежнего. Глаза выразили горькую муку. Я попал в самую больную точку: вот опасение, которое его терзало.

— Ты думаешь, люди герцога?..

— В Димилиоке перед отъездом я слышал, что король намерен признать герцогом Корнуэльским молодого Кадора. А уж этот-то человек, Ральф, конечно, не питает к тебе теплых чувств. Для него не имеет значения, что ты ведь, если подумать, был слугой герцогини и выполнял ее повеления. Он полон ненависти и, наверно, жаждет мести. И его можно понять.

Такое беспристрастное рассуждение его изумило, но и заметно успокоило. И, поразмыслив, он в тон мне ответил:

— Да, пожалуй, это могли быть люди Кадора. Хотя по виду и не скажешь. А может быть, я еще вспомню что-нибудь.— Он помолчал.— Но ведь Кадор мог убить меня в Корнуолле, если бы захотел. Для чего было ехать в эдакую даль сюда? Кадор ненавидит тебя, наверно, не меньше, чем меня.

— Гораздо больше,— возразил я.— Но меня ему не надо выслеживать. Он знает, где меня найти: весь мир это знает. Да он бы и не откладывал так долго.

Ральф озадаченно захлопал глазами. Потом, как видно, нашел для себя объяснение моему бесстрашию:

— Сюда, должно быть, за тобой никто не отважится последовать, побоятся твоего колдовства?

— Что ж, неплохо, если так.— Я не стал с ним спорить. Зачем ему знать, как ненадежна моя крепость? — Ну а теперь довольно. Отдыхай. И утром увидишь, что стал чувствовать себя гораздо лучше. Заснуть сможешь? Или больно тебе?

— Да нет,— ответил он, кривя душой.

Боль — это слабость, в которой он не хотел признаваться.

Я наклонился над ним и нащупал в запястье отзвуки ударов его сердца. Они были сильные и ровные. Я отпустил его руку и кивнул:

— Ничего, будешь жив. Кликни меня ночью, если понадоблюсь. Покойной ночи.

Но наутро Ральф так и не вспомнил ничего нового про тех, кто на него напал, и что это были за люди, оставалось неясным. Обсудить с ним письмо Марсии я тоже не спешил. Но вот однажды вечером, убедившись, что он достаточно окреп, я подозвал его. Весь день лило, и вечер наступил такой промозглый, что я развел огонь и уселся к теплу ужинать.

— Ральф, принеси сюда свою чашку, поедим вместе у огня. Я хочу поговорить с тобой.

Он послушно приблизился. Он как-то умудрился привести в порядок одежду, синяки и ссадины подзажили, и теперь это опять был прежний отрок Ральф, только прихрамывающий: рана на бедре еще не закрылась — и молчаливый, и выражение лица немного настороженное. Он приковылял к огню и уселся, где я показал.

— Ты говоришь, тебе известно, о чем еще писала мне твоя бабка, кроме здоровья королевы?

— Да, известно.

— Значит, ты знаешь, что она прислала тебя ко мне в услужение, опасаясь для тебя королевской немилости? А сам король давал тебе повод страшиться его?

Он слегка покачал головой. Но в глаза мне не посмотрел.

— Страшиться его? Да нет. Но когда пришла тревожная весть, что саксы высадились на южном побережье и я попросился в поход с его отрядом, он меня не взял.— Обида и негодование звучали в его голосе.— Хотя взял всех до единого корнуэльских воинов, которые сражались против него под Димилиоком. А вот меня, который ему помогал,— нет.

Он отвернулся. Я видел опущенную голову, пылающую щеку. Вот, оказывается, в чем дело. Вот почему он обижен и сердит и так настороженно держится. И неудивительно, ведь он знал только одно: сослужив службу мне и королю, он за это ли-

шился места при королеве и, хуже того, навлек на себя гнев герцога Корнуэльского, был опорочен как его подданный, изгнан из родных мест и определен в услужение там, где это ниже его достоинства.

Я сказал:

— Твоя бабка пишет мне только, что, по ее мнению, тебе будет лучше поискать себе дело за пределами Корнуолла. Оставим это пока: все равно ты не можешь заняться поисками, пока у тебя не зажила нога. Но скажи мне, король говорил с тобой хоть раз о той ночи, когда был убит Горлойс?

Долгое молчание — я уж думал, он не ответит. Наконец он произнес:

— Да, один раз. Сказал, что я верно послужил ему, и поблагодарил. Спросил, не хочу ли награды. Я ответил, что нет, я довольно вознагражден тем, что сослужил ему службу. А ему не понравилось. Он, должно быть, хотел дать мне денег, расплатиться и забыть. Он сказал, что больше я не могу служить ни ему, ни королеве. Что ради него я предал моего господина — герцога, а кто предал одного господина, может предать и другого.

— Ну? — спросил я.— Это все?

— Все? — Он так весь и вскинулся, пораженный, негодующий.— Это все?! Когда тебя так оскорбляют? К тому же это ложь, и ты знаешь, что ложь! Я служил госпоже, а не герцогу Горлойсу! И вовсе я герцога не предал!

— Да, конечно. Это оскорбление. Но нельзя ждать справедливости от короля, когда он сам чувствует себя Иудой. Ему нужны чужие плечи, чтобы переложить на них свое предательство, вот и пошли в ход твои и мои. Но едва ли тебе от него что-нибудь угрожало. Даже горячо любящая бабка не может назвать это угрозой.

— А кто говорит об угрозах? — вспылил Ральф.— Я уехал не потому, что боялся каких-то угроз! Надо было доставить тебе послание, а это, ты сам видел, было дело далеко не безопасное!

Такая несдержанность, неуместная для слуги, втайне позабавила меня. Но вслух я миролюбиво сказал:

— Не ерошь передо мной перышки, петушок. Никто не ставит под сомнение твою храбрость. Даже король, уверяю тебя. Расскажи-ка мне лучше про саксов. Где они высадились? Что там было? Я уже больше месяца не имею вестей с юга.

И Ральф, помолчав, ответил мне со всей надлежащей почтительностью:

— Это было в мае. Они высадились южнее Виндокладии. Там такой глубокий залив, не помню, как по-настоящему называется. Его все зовут Гончарный. Эти места за пределами их союзных владений, в Думнонии, то есть они нарушили союзное соглашение, которое сами же заключили. Ну, да это ты без меня знаешь.

Я кивнул. Я пишу о давно прошедших временах Утерова правления, а ведь теперь мало кто даже и помнит, что такое — союзные саксы. Первые союзные саксы были Хенгист и Хорза с войском, которых за плату нанял король Вортигерн, чтобы они помогли ему отстоять не по закону присвоенный престол. Когда война закончилась и законные принцы, Амброзий и Утер, бежали в Бретань, узурпатор Вортигерн хотел было отослать обратно своих саксонских наемников, но они отказались уехать и потребовали себе землю, на которой они могли бы поселиться, а Вортигерну обещали за это союзническую поддержку. Вортигерн, отчасти из робости, не смея им отказать, а отчасти в предвидении, что они ему понадобятся, пожаловал им земли на южном побережье, от Рутупий до Виндокладии. Эта область называлась Саксонский берег еще в римские времена, потому что все корабли саксов обычно приставали здесь; но в годы, когда правил Утер, это название приобрело более грозный и более точный смысл: в хорошую погоду с лондонских стен можно было разглядеть дымы саксонских селений.

Надежно закрепившись на Саксонском берегу и в таких же местах на северо-восточном побережье, они начали оттуда новые набеги. Королем тогда был мой отец. Он убил Хенгиста и его брата и отогнал захватчиков обратно, одних — на дикие земли за Адриановым валом, других — в прежние пределы, и снова — на этот раз силой оружия — принудил их к соглашению. Но с саксами сговариваться — все равно что на воде писать: Амброзий, не доверяя их доброй воле, возвел вал, чтобы защитить богатые земли, по условной границе с Саксонским берегом. Вплоть до его смерти соглашение — или вал — удерживали их, и в начале царствования Утера они тоже не участвовали явно в набегах Хенгистова сына Окты и сородича его Эозы, но соседи они были беспокойные: здесь приставали все новые и новые германские корабли, и постепенно пришельцы густо населили Саксонский берег и все прибывали и прибывали, так что уже и вал Амброзия

перестал быть надежной защитой. И по всему восточному побережью высаживались непрошеные гости из-за Немецкого моря, одни жгли, грабили и уплывали обратно, другие жгли, грабили и оставались тут жить, откупая или вымогая себе новые земли у местных властителей.

Вот такой набег и описывал мне теперь Ральф.

— Ну, союзные саксы, понятно, нарушили соглашение. В Гончарном заливе, много западнее их законных пределов, высадилось новое войско — целых три десятка кораблей,— и они приняли их с распростертыми объятиями и вывели им на подмогу свои рати. Вместе закрепились в устье реки и стали подниматься вверх по течению к Виндокладии. Стоит им добраться до горы Бадон, и я думаю... что это?

Он оборвал рассказ на полуслове, глядя мне в лицо с недоумением и легкой примесью страха.

— Да ничего,— ответил я.— Просто мне почудился какой-то шум снаружи, но это только ветер.

— Ты сейчас вдруг стал таким же, как в ту ночь в Тинтагеле,— медленно проговорил он,— когда объяснял, что воздух полон чар. Глаза сделались такие странные, черные и с поволокой, словно ты видишь что-то вон там, за очагом.— Он замялся и спросил: — Вещий знак, да?

— Нет. Ничего я не видел. Слышал только словно бы лошадиный цокот. Это дикие гуси над нами пролетали. Был бы вещий знак, он бы еще раз повторился. Рассказывай дальше. Ты говорил о горе Бадон.

— Дело в том, что неведомо для саксов король Утер как раз оказался в Корнуолле со всем своим войском, с каким воевал против герцога Горлойса. Он поднял легионы, призвал на помощь корнуэльцев и двинулся отгонять саксов обратно.— Ральф помолчал, сердито поджав губы, потом договорил, понурясь: — Кадор выступил с ним заодно.

— Вот оно что,— задумчиво сказал я.— А ты не знаешь, на чем они поладили?

— Я только слышал, будто Кадор говорил, раз он один не в силах оборонить свою Думнонию, то пусть хоть сам черт ему предложит союз, он согласен, лишь бы прогнать саксов.

— Разумный юноша.

Но Ральф в пылу своих обид ничего не слушал.

— Он даже не заключил мира с Утером...

— Ну еще бы.

— ...а прямо выступил с ним вместе! А меня не взяли. Я ходил и к королю, и к госпоже, просил, умолял — не берет!

— Ну что ж,— повторил я рассудительно,— его можно понять.

Тут Ральф словно опомнился, посмотрел на меня, готовый вспыхнуть новой обидой.

— То есть как это? Если ты тоже считаешь меня предателем...

— Вы с Кадором однолетки, верно? Докажи же, что ты не глупее его. Подумай хорошенько. Раз Кадору предстоит сражаться рядом с королем, значит, король не может взять в это дело и тебя. Ведь если для Утера ты просто живой укор совести, то в глазах Кадора ты — один из виновников гибели его отца. Подумай сам, разве он потерпел бы тебя при короле, как ни велика его нужда в королевских легионах? Ну, видишь теперь, почему тебя не взяли в поход и тайно отправили на север, ко мне?

Он молчал. Я сказал ему ласково:

— Что сделано, то сделано, Ральф. Только дитя ждет от жизни справедливости; мужчина же принимает не ропща все, чем оборачиваются его поступки. Это теперь от нас обоих и требуется, поверь мне. Забудь о том, что было, и принимай, что пошлют боги. Пусть тебе и пришлось оставить двор и даже покинуть Корнуолл, жизнь твоя от этого еще не кончена.

Он молчал. Безмолвие затянулось. Наконец он встал, подобрал свою и мою пустые чашки.

— Понимаю,— проговорил он.— И раз мне пока делать больше нечего, я готов остаться здесь и услуживать тебе. Но не потому, что я боялся короля, и не потому, что моя бабка хочет убрать меня подальше с глаз герцога Кадора. А потому, что я сам так решил. И к тому же,— он сглотнул,— я в долгу перед тобой.

В тоне его не слышалось ни благодарности, ни умиротворения. Он стоял как солдат, закинув голову и прижимая к груди обе чашки.

— Ну что ж, начни выплачивать свой долг с того, что вымой эти чашки,— миролюбиво сказал я и взялся за книгу.

Он еще помедлил минуту, но я не поднимал головы. И, не сказав больше ни слова, он вышел из пещеры набрать воды в источнике.

Глава 5

На молодых все заживает быстро, и через несколько дней Ральф уже хозяйничал вовсю, отказавшись от дальнейшего лечения. Только рана на бедре еще недели две причиняла ему страдания и заставляла прихрамывать.

«Сам решив» остаться у меня, Ральф в действительности не имел другого выбора: хромота и отсутствие лошади лишали его возможности покинуть пещеру. Но служил он мне хорошо, смирив обиду, которую, наверно, еще сохранил против меня, и недовольство новым своим положением. Он по-прежнему был неразговорчив, но меня это нисколько не смущало. Я спокойно занимался своими делами, и Ральф постепенно приспособился ко мне, так что мы с ним зажили душа в душу. Может быть, он и презирал про себя мое пещерное жилище и наш простой обиход, но видом своим и поведением неизменно подчеркивал, что он — паж и состоит в услужении у принца.

Я постепенно освобождался от тягостных ежедневных обязанностей, с которыми почти успел уже свыкнуться, и теперь на досуге опять мог читать, собирать травы и даже заняться музыкой. Странно было поначалу лежать ночью без сна и слышать с другого конца пещеры ровное дыхание спящего отрока; но потом я заметил, что лучше сплю, кошмары стали проходить, ко мне возвращалось здоровье и душевный покой; и, хотя сила моя все еще не давала себя знать, я теперь верил, что она ко мне вернется.

Что же до Ральфа, то он хоть и досадовал на свое изгнание — ведь он не предвидел ему конца,— однако со мной был неизменно любезен, а потом постепенно и смирился со ссылкой и то ли изжил, то ли научился прятать за внешним довольством прежнюю досаду.

Проходили недели, нивы в долинах золотились, ожидая жатвы, когда наконец прибыла новая весть из Тинтагеля. Однажды августовским вечером, в сумерках, шпоря коня, прискакал вестник. Ральфа со мной в это время не было: я отослал его к пастуху Аббе, который все лето жил в хижине за холмом,— его простачок сын по имени Бан повредил себе ногу, я лечил его, и рана хорошо заживала, но еще нужны были мази и промывания.

Я вышел навстречу всаднику. Он уже спешился под скалой и вскарабкался на уступ перед входом в пещеру. Был он молод, щеголеват и румян и коня не взмылил. Я понял, что весть, с

которой он послан,— не срочная и что ехал он не спеша. Увидев меня, он единым взглядом охватил и старый, изодранный плащ, и изношенный балахон, но сдернул с головы берет и опустился на одно колено. Кому предназначался этот поклон: магу или королевскому сыну? — подумал я.

— Господин мой Мерлин.

— Добро тебе пожаловать. Из Тинтагеля?

— Да, сударь. От королевы.— Вскинул на меня глаза.— Я прибыл тайно. Без ведома короля.

— Я так и понял. Не то бы у тебя был королевский значок. Встань же. Трава сырая. Ты ужинал?

Он посмотрел недоуменно. Не так встречают гонцов особы королевской крови.

— Да нет, сударь, но я заказал себе ужин в деревенской харчевне.

— В таком случае не буду тебя задерживать. Там тебя, бесспорно, накормят лучше, чем здесь. С какой же ты вестью? Или ты привез мне письмо от королевы?

— Нет, господин, не привез, а просто на словах должен передать, что королева желает тебя видеть.

— Немедленно? — встревожился я.— Не случилось ли худа с нею или с младенцем, которого она носит?

— Ничего не случилось. Лекари и женщины говорят, что все хорошо. Но только...— он потупил взгляд,— у нее, как видно, что-то на сердце, о чем ей нужно с тобой побеседовать. Она велела сказать: как только сможешь.

— Понимаю.— И я спросил таким же старательно безразличным, как у него, тоном: — А где сейчас король?

— Король намерен покинуть Тинтагель во вторую неделю сентября.

— Ага. Вот как раз после этого я и смогу быть у королевы.

Подобная прямота даже испугала его. Он снова вскинул на меня глаза и тотчас потупился.

— Королева будет рада принять тебя в названное тобою время. Она повелела мне все подготовить. Ты понимаешь, что открыто явиться в замок Тинтагель для тебя невозможно.— И тут же, в порыве откровенности: — Ведь в Корнуолле сейчас все от мала до велика против тебя. Тебе лучше будет изменить обличье.

— Что до этого,— ответил я и погладил бороду,— то, как видишь, я уже и так почти неузнаваем. Не тревожься, приятель,

я все понимаю. Я буду осмотрителен. Но тебе придется еще кое-что мне объяснить. Она ни словом не обмолвилась, зачем я ей нужен?

— Ни словом, сударь.

— И ты ничего не слышал? Женщины ни о чем таком не шептались?

Он покачал головой, потом, прочтя недоверие на моем лице, добавил:

— Сударь, нужда королевы срочная. Она ничего не сказала, но, должно быть, речь идет о младенце. О чем же еще?

— В таком случае я приеду.

Он как будто изумился и поспешил опустить глаза. Я резко добавил:

— А чего ты ожидал? Я не слуга королеве. И королю не слуга. Так что нечего и пугаться.

— Чей же ты слуга?

— Свой и Божий. Но ты можешь возвратиться к королеве и передать, что я у нее буду. Какие приготовления ты сделал?

Он с облегчением пустился излагать привычные подробности:

— В пяти милях от Тинтагеля у брода через реку Кэмел стоит небольшая харчевня. Ее хозяина зовут Кау. Сам он корнуэлец, но жена его, Маэва, была раньше в услужении у королевы, и он не выдаст. Смело обращайся к ним, они тебя будут ждать. Оттуда с одним из сыновей Маэвы ты сможешь послать королеве весть о своем прибытии — до того, как королева призовет тебя, тебе лучше к замку не приближаться. Теперь как ты будешь добираться? Погода в сентябре, как правило, стоит еще хорошая, море обычно спокойно, так что, если...

— Если ты намерен убеждать меня, что морем добираться мне будет удобнее, то не трудись понапрасну,— прервал его я.— Разве ты не слышал, что волшебники не могут плавать по морю? Не любят, во всяком случае. Да меня бы укачало даже на переправе через Северн. Нет, я поеду по суше.

— Но большая дорога по суше идет мимо лагеря под Каэрлеоном. Тебя узнают. А мост у Глевума охраняют люди короля.

— Хорошо. Я переправлюсь через реку ниже, кратчайшим путем.— Я знал, что он прав. Ехать по большой дороге через Каэрлеон, а потом по Глевумскому мосту значило не только подвергать себя опасности быть узнанным воинами Утера, но притом еще добавляло несколько лишних дней пути.— Я буду держаться

в стороне от военной дороги. Есть отличная тропа, которая идет над берегом через Нидум; я поеду по ней, если в моем распоряжении будет лодка для переправы в устье Эли.

— Хорошо, сударь.

И мы условились, что я переведу на лодке от Эли до устья Укселлы в земле думниониев и оттуда тропами буду пробираться на юго-запад, не выезжая на дороги, где есть опасность встретиться с ратниками короля или герцога Кадора.

— А знаешь ли ты путь? — спросил он меня.— Конечно, ближе к Тинтагелю Ральф сможет быть твоим проводником.

— Ральфа со мной не будет. Но я найду дорогу. Я уже бывал в тех краях. Да и спросить язык не отвалится.

— Я могу устроить конные подставы...

— Лучше не надо. Мы ведь условились, что я буду продвигаться скрытно, чтобы никто меня не узнал. Я приму вид странствующего глазного лекаря, этот способ уже был мною испробован. А лекарь — не такая фигура, чтобы его ждали свежие подставы по всему пути. Ты не бойся, я останусь невредим и буду на месте, когда королева пожелает меня видеть.

Этим он удовлетворился и побыл со мною еще некоторое время, отвечая на мои вопросы и пересказывая последние новости. Краткий карательный поход короля против наглых грабителей побережья окончился успешно, захватчики были отогнаны обратно в пределы союзных западных саксов. На юге наступила передышка. Но с севера приходили вести о трудных схватках с англами, переплывшими море и высадившимися в устье реки Алауны, что в стране вотадинов. Мы в Южном Уэльсе зовем этот край Манау Гуотодин. Оттуда столетие назад прибыл к нам великий король Кунедда, приглашенный императором Максимом, дабы изгнать из Северного Уэльса ирландцев и поселиться на их землях союзником имперских орлов. Кунедда и его соратники и стали первыми нашими федератами. Ирландцев они изгнали и навсегда осели в Северном Уэльсе, который на своем наречии назвали Гвинедд. Там и сейчас правил потомок Кунедды король Маэлгон, твердый властитель и искусный воин, каким и должен быть вождь, ведущий народ свой по пути великого Магнуса Максимуса.

Другой потомок Кунедды оставался править над вотадинами — молодой король Лот, воитель столь же искусный и бесстрашный, как и Маэлгон, его замок стоял недалеко от моря к югу от Каэр-

Эйдина, в самом сердце его королевства Лотиана. Вот он и отбивал теперь набеги англов. Возглавлять защиту северных и восточных берегов поручил ему еще Амброзий, который надеялся, что в союзе с ним властители севера: Гвалог Элметский, Уриен Горский, вассалы Стрэтклайда, король Коэль Регедский — станут надежной стеной. Однако Лот, по слухам, оказался драчлив и заносчив, Стрэтклайд наплодил уже девять сыновей и, пока они дрались между собой, точно молодые самцы-тюлени, каждый за свой клочок земли, преспокойно продолжал плодить новых. Уриен Горский взял в жены Лотову сестру и стоял бы крепко, да слишком уж зависел от Лота. Самым сильным из них всех, как и во времена моего отца, оставался Коэль Регедский: он легкой рукой правил своими вассалами, но выводил их дружно на битву, как только возникала угроза Верховному королевству.

И вот теперь, рассказал мне гонец королевы, король Регедский, а с ним Эктор Галавский и Бан Бенойкский объединились с Лотом и Уриеном и решили вместе избавить север от бедствий. Пока что им сопутствовала удача. Известия эти обнадеживали. Жатва повсюду в тот год была обильной, и можно было не опасаться, что голод опять пригонит грабителей-саксов к нашим берегам, пока зима не перекрыла морские пути. На какое-то время нас ожидал мир — Утер как раз успеет успокоить брожение в Корнуолле после своей ссоры с герцогом Горлойсом и новой женитьбы, подтвердить союзнические договоры, заключенные Амброзием, и укрепить линии обороны.

Наконец посланец королевы простился со мной. Я не стал писать писем, только просил сказать бабке Ральфа, что внук ее благополучен и кланяется, да передать поклон королеве и благодарить за деньги, присланные мне с гонцом на дорогу. И молодой человек весело ускакал вниз по оврагу, торопясь в харчевню, где его ждали вкусный ужин и веселое общество. Мне же теперь предстоял разговор с Ральфом.

Разговор этот оказался еще труднее, чем я ожидал. Услышав о прибытии гонца, Ральф просиял, рванулся было повидаться с ним и очень расстроился, когда узнал, что гонец уже отбыл. От бабкиных приветов и наказов едва ли не отмахнулся с досадой, зато засыпал меня вопросами про боевые действия к югу от Виндокладии и с жадностью выслушал все, что я мог рассказать ему об этом и об остальном, что происходило на свете,— сразу

видно было, как тяготит его в глубине души вынужденное бездействие среди холмов Маридунума. А когда я дошел в своем рассказе до королевина призыва, он весь загорелся — таким оживленным я его еще ни разу здесь не видел.

— Когда мы выезжаем?

— Я ведь не сказал, что мы выезжаем. Я поеду один.

— Один? — Можно было подумать, что я его ударил. Под нежную кожу прилила кровь, подбородок отвис, глаза вытаращились. Наконец он выговорил приглушенным голосом: — Не может быть. Ты не уедешь без меня.

— Это не самодурство, поверь мне. Я бы хотел взять тебя с собой, но ты сам должен понять, что это невозможно.

— Но почему? Ты же знаешь: здесь никто ничего не тронет, и потом, раньше-то ты оставлял все без присмотра. А в пути я тебе понадоблюсь. Как можно, чтобы ты путешествовал один?

— Мой милый Ральф, мне уже случалось путешествовать в одиночку.

— Пусть так. Но ты не станешь отрицать, что я был тебе все это время хорошим слугой, отчего же тебе не взять меня? Выходит, сам ты вернешься в Тинтагель, в гущу важных событий, а меня оставишь здесь? Предупреждаю тебя...— Он набрал в грудь воздуху и сверкнул глазами, от всей его нарочитой учтивости не осталось и следа.— Предупреждаю, господин, если ты уедешь без меня, то клянусь, не найдешь меня здесь, когда возвратишься.

Я встретил его взгляд и выждал, покуда он не потупился снова, а тогда мягко сказал:

— Ну подумай сам, мальчик. Неужели ты не понимаешь, отчего мне невозможно взять тебя с собой? С тех пор, как ты оставил Корнуолл, там мало что изменилось. Ты отлично знаешь, что будет, если тебя узнает кто-нибудь из людей Кадора. А ведь в окрестностях Тинтагеля твое лицо знакомо каждому. Слух о твоем возвращении пройдет повсюду.

— Знаю. Ну и что? Значит, ты все-таки думаешь, что я боюсь Кадора? Или короля?

— Нет, не думаю. Но просто глупо лезть на рожон, когда нету к тому нужды. Гонец, во всяком случае, говорил, что там опасно.

— А как же ты тогда? Ведь и тебе там опасно?

— Возможно. Я отправляюсь в путь, изменив обличье. Ты думал, я зачем отпускал все это время бороду?

— Не знаю. Я об этом не задумывался. Ты что же, знал, что королева тебя позовет?

— Что она пришлет за мною, этого я, признаюсь, не ожидал. Но я знал, что к Рождеству, когда родится ее дитя, я должен быть там.

Он поглядел на меня недоуменно.

— Зачем?

Мгновение я молча смотрел на него. Рисуясь темным силуэтом на фоне заката в отверстии пещеры, он как вернулся от пастуха за холмом, так и стоял, держа в руке корзинку, в которой носил мази. Теперь в ней лежал сверток в чистой льняной тряпице. Жена пастуха, жившая в соседней долине, каждую неделю присылала мужу хлеб, и Абба отправлял часть его мне. Я видел, как побелели пальцы Ральфа, сжимавшие ручку корзины. Он весь напрягся от ярости, как боевой пес перед схваткой. В этом явно было что-то большее, чем простая тоска по дому или обида из-за недоступного приключения.

— Поставь-ка, сделай милость, корзинку,— сказал я ему,— и подойди сюда. Вот так-то лучше. Садись. Настало время нам с тобой потолковать. Когда я принял тебя к себе в услужение, то сделал это не затем, чтобы было кому чистить мне посуду и приносить краюшки в дни, когда жена Аббы печет хлеб. Хотя сам я вполне доволен здешней жизнью, но легко могу понять, что тебе она не по вкусу и долго ты не вытерпишь. Мы с тобой выжидаем, Ральф, только и всего. Скрылись здесь оба от опасностей, залечили свои раны, и теперь нам ничего иного не остается, как ждать.

— Чего? Королевиных родин? Но зачем?

— Затем, что сын королевы, едва только увидев свет, будет перепоручен моей заботе.

Он помолчал, что-то прикидывая, потом растерянно спросил:

— И моя бабка об этом знает?

— Я думаю, догадывается, что будущее младенца связано со мной. Когда я в Тинтагеле говорил последний раз с королем, он сказал, что не признает младенца, если королева родит после той ночи. Верно, потому-то королева и послала за мной.

— Но не признать собственного первородного сына? Он что же, отошлет его от своего двора? А королева, неужто она согласится? И потом, младенец... зачем они станут отдавать его тебе?

Разве ты сможешь его выпестовать? Да и откуда ты знаешь, что родится мальчик?

— Знаю, Ральф, потому что в ту ночь в Тинтагеле мне было видение. После того как ты впустил нас через задние ворота и король уже был с Игрейной, Ульфин стоял на страже у их двери, а ты играл в кости с привратником. Помнишь?

— Еще бы мне не помнить! Я не мог дождаться, когда она кончится, та ночь.

Я не стал объяснять ему, что она так до сих пор и не кончилась.

— И мне тоже было тягостно ожидание в помещении для стражи. И вот тогда-то я понял — получил объяснение,— зачем Бог потребовал от меня поступить так, как я поступил. И мне был дан верный знак, что пророчества мои сбудутся. Я услышал шаги на лестнице и вышел на площадку. Сверху по ступеням ко мне спускалась Марсия, твоя бабка, неся на руках запеленатое дитя. Стоял март, но я ощутил стужу, как в разгар зимы, и, различив сквозь тело Марсии каменные ступени, понял, что это видение. Она передала дитя мне на руки и сказала: «Позаботься о нем». По лицу ее струились слезы. Потом она исчезла, исчез и младенец, а с ним ушла и зимняя стужа. То была правдивая картина, Ральф. К Рождеству я буду там, и Марсия передаст мне на руки королевина сына.

Ральф долго молчал, как видно устрашенный моим видением. Потом он спросил деловито:

— А я? Какая роль предназначена мне? Об этом и пеклась моя бабка, когда отсылала меня к тебе в услужение?

— Да. Она не видела для тебя будущего при короле. И потому позаботилась, чтобы ты был при его сыне.

— При младенце? — переспросил он недоверчиво и хмуро. Он вовсе не почувствовал себя польщенным.— То есть если король его не признает, воспитывать его придется тебе? Я понимаю, почему это так заботит мою бабку, понимаю даже и твою заботу. Но при чем тут я, зачем она меня втянула, не могу уразуметь. Вот так будущее для меня — нянчить королевского пащенка, которого отец не желает узаконить!

— Не королевского пащенка,— возразил я.— Короля.

Стало тихо, только потрескивало пламя в очаге. Я произнес это слово без нажима, но с полной убежденностью. Он смотрел на меня, потрясенный, забыв закрыть рот.

— Ральф,— сказал я,— ты прибыл ко мне во гневе и оставался при мне по долгу, но служил мне со всей преданностью и усердием, на какие способен. Тебя не было в моем видении, и я не знаю, по божьему ли произволению явился ты сюда и получил раны, тебя здесь задержавшие; мои боги молчат с тех пор, как пал герцог Горлойс. Знаю я только после этих прожитых вместе с тобою недель, что изо всех людей на свете я своим помощником охотнее всего избрал бы тебя. И понадобится от тебя не та служба, что теперь: с приходом зимы мне нужен станет не слуга, но воин, муж бесстрашный и преданный, и даже не мне, и не королеве, а будущему верховному королю.

— Я не знал... я... я думал...— побледнев, забормотал Ральф.

— Ты думал, что оказался в изгнании? Мы оба с тобой в некотором смысле изгнанники. Я же сказал тебе, что сейчас для нас — пора ожидания.— Я опустил глаза и поглядел на свои ладони. Снаружи быстро темнело; солнце закатилось, и приближалась ночь.— Что там впереди, не могу сказать точно, знаю только, что опасности, потери и измены и в конце концов — немного славы.

Он сидел молча, недвижно, покуда я не стряхнул с себя задумчивость и не сказал ему с улыбкой:

— Теперь ты веришь, что я не сомневаюсь в твоей храбрости?

— Верю. Я сожалею, что говорил так. Я не понимал.— Он нерешительно прикусил губу, но потом все же отважился и спросил: — Господин, ты в самом деле не знаешь, зачем послала за тобой королева?

— В самом деле не знаю.

Он подался ко мне, упершись ладонями в колени.

— Но, зная, что видение твое было истинным, веришь, что съездишь в Корнуолл и вернешься невредимым?

— Пожалуй что так.

— Но если пророчество твое должно, как всегда, сбыться и твое путешествие — пройти благополучно, может быть, и надо для этого, чтобы я поехал с тобой.

Я рассмеялся.

— Воину, я думаю, так и следует — не признавать себя побежденным. Но ведь ты понимаешь: взяв с собой тебя, я только удвою опасность. Про себя я костями чувствую, что опасности избегну, но отсюда не следует, что и тебе нечего опасаться.

— Раз ты можешь изменить обличье, значит, и я тоже могу. Пусть даже нам придется нищенствовать в пути и спать в канавах, все равно, что бы ни грозило...— Он сглотнул. Голос его вдруг зазвучал жалобно и совсем по-детски: — Ну пусть даже я и подвергнусь опасности. Что из того? Ты-то останешься невредим, ведь ты сам сказал? От того, что ты возьмешь с собою меня, тебе хуже не будет, а остальное не имеет значения. Позволь же мне поехать на свой страх и риск. Ну пожалуйста!..

Он смолк, и снова стало слышно, как потрескивает огонь. Было время, не без горечи подумал я, когда мне стоило только посидеть, глядя в пламя, и верные ответы приходили сами. Доедет ли Ральф благополучно? Или же еще одна смерть ляжет на мою совесть? Но в свете очага я видел только мальчика, который стремится обрести мужество. Утер отказал ему в этом; неужто и я должен поступить с ним так же?

Наконец я тяжело вздохнул и проговорил:

— Когда-то я говорил тебе, что мужчина должен уметь отвечать за свои поступки. По-видимому, я не вправе удерживать тебя. Ну что ж. Хорошо. Можешь ехать... Нет, не благодари. Ты еще проклянешь меня, прежде чем завершится наше путешествие. Оно будет далеко не из приятных, и тебе придется исполнять работу совсем не в твоем вкусе.

— К этому я привык,— засмеялся он, вскакивая на ноги. Он весь сиял воодушевлением, к нему вернулась прежняя резвость.— Но может быть, ты намерен обучить меня магии?

— Нет, не намерен. А вот медицине тебе — хочешь не хочешь — придется немного поучиться. Я буду странствующим глазным врачом; это ремесло лучше всякого пропуска, и им всегда можно будет заработать на стол и кров, не пуская в ход золота королевы и не возбуждая тем лишнего любопытства. Вот тебе и придется стать моим помощником, научиться смешивать целебные мази.

— Придется так придется. Только не завидую я твоим больным, я ведь одну траву от другой не отличу в жизни!

— Ничего, к сбору трав я тебя близко не подпущу. Это ты предоставь мне. А твоя обязанность будет готовить лекарства.

— И если кто-нибудь из людей Кадора нас ненароком признает, полечим его моим лекарством, и дело с концом,— ликующе заключил он.— Другой магии и не надо: искусный помощник глазного лекаря в два счета ослепит врага.

Глава 6

До харчевни у брода через Кэмел мы добрались в середине сентября.

Долина реки Кэмел извилиста, склоны ее круты и поросли лесом. В последний день пути мы ехали по тропе, которая тянулась у самой воды. Деревья стояли плотной стеной, тропу густо покрыли мхи и ярко-зеленые плауны, и мы двигались бесшумно, как тени. Рядом бежала река, прокладывая себе путь по темным лоснящимся гранитным глыбам. Осень уже тронула ветви дубов и буков вокруг и над головой; под копытами коней в палой листве то и дело похрустывали раздавленные желуди. Зрели орехи, плакучие ивы полоскали золотые косы в речных заводях; и солнечные лучи, прорываясь сквозь древесную чащу, повсюду натыкались на осенние паучьи тенета, провисшие под тяжестью рос, и зажигали в них разноцветные искры.

Наше путешествие протекало гладко. Оставив за спиной Северн, а с ним и опасность быть узнанным первым же встречным, мы поехали не спеша, с передышками. Погода, как это часто бывает в сентябре, стояла теплая, солнечная, но в воздухе чувствовался холодок, от которого верховая езда становится особенно приятной. Ральф всю дорогу был весел, как птица, нисколько не тяготясь ни бедной одеждой и крестьянской лошадью (купленной на королевины деньги), ни тем, что должен был готовить промывания и мази, которыми мы зарабатывали себе в пути хлеб и ночлег. За все время мы только один раз имели дело с людьми короля. Это было за Геркулесовым мысом. Там в старой римской крепости Утер держал гарнизон, и мы по чистой случайности прямо нос к носу столкнулись с дозорным отрядом, возвращавшимся к себе в лагерь по той же тропе, какой ехали мы. Нас доставили в лагерь и допросили, но, по-видимому, то была лишь пустая формальность — в правдивости моих ответов не усомнились, мельком осмотрели нашу поклажу и отпустили подобру-поздорову, наполнив нам фляги королевским вином. Да еще один солдат, сменившись с караула, нагнал меня за лагерной оградой и купил глазной мази на медный грош.

Бдительность этого гарнизона меня заинтересовала, мне захотелось подробнее узнать о событиях на севере, но с этим пришлось потерпеть. Расспрашивать солдат значило привлечь к себе нежелательное любопытство. Ну что ж, узнаю позже, от самой королевы.

— Ты никого знакомого не заметил? — спросил я Ральфа, когда мы выехали за ворота лагеря и затрусили рысцой через болотистую равнину.

— Нет. А ты?

— Их командира я встречал когда-то, тому уже несколько лет. Его зовут Приск. Но он как будто бы меня не узнал.

— Я бы и сам тебя не узнал нипочем,— сказал Ральф.— И не только из-за бороды. У тебя и походка, и голос — все изменилось. Как в ту ночь в Тинтагеле, когда ты принял обличье начальника герцогской стражи. Я звал его, сколько себя помню, и мог бы поклясться, что это он и есть. Не диво, что люди толкуют про волшебство. Я тоже думал, ты навел на нас чары.

— Все гораздо проще,— объяснил я.— Если при тебе товар или ремесло, люди только на это и обращают внимание, а к тебе не приглядываются.

Я и вправду не слишком-то постарался изменить свой облик. Купил только новый коричневый плащ с капюшоном, скрывающим лицо. По-кельтски я говорил с бретонским выговором, это наречие очень близко корнуэльскому и понятно местным жителям. Только и всего. Вместе же с длинной бородой и скромной рабочей повадкой это делало меня неузнаваемым для всякого, кроме самых близких. Я ни за что на свете не расстался бы с фибулой, подаренной мне отцом, на ней был королевский знак — красный дракон на золотом поле, но я приколол ее к плащу изнутри и пригрозил Ральфу всеми проклятиями Девяти Книг черной магии, если он даже с глазу на глаз хоть раз, обмолвясь, назовет меня «господином».

В Кэмелфорд мы приехали под вечер. Харчевня помещалась в низеньком каменном строении, поставленном там, где большая дорога сворачивала к броду, на самом крутояре, куда не достигало половодье. Мы с Ральфом подъехали к харчевне тропой, по задам. Домик показался нам приветливым, чистым. Кто-то позаботился выкрасить стены густой охрой — цвет здешних плодородных красноземов. По выметенному двору бродили раскормленные куры и рылись у подножия аккуратных стожков сена. В тени осыпанного ягодами тутового дерева дремал цепной пес. К стене хлева прислонилась ровно уложенная поленница, а мусорная куча отстояла от кухонной двери на добрых двадцать шагов.

И как раз случилось так, что жена хозяина харчевни вышла со служанкой во двор снять белье, сушившееся под солнцем на

кустах. Пес рванулся нам навстречу и, натянув цепь, залился лаем. Женщина распрямила спину и посмотрела на нас против солнца, из-под руки.

Она была молода, дебела, свежа, румяна, со светло-голубыми навыкате глазами и веселым, озорным выражением лица. Гнилые зубы и крутые бока выдавали сладкоежку, а игривый взгляд голубых глаз еще красноречивей свидетельствовал о пристрастиях к лакомствам иного рода. Эти глаза она устремила теперь на Ральфа, ехавшего впереди, нашла, что он подходит, но уж больно молоденький; потом с надеждой посмотрела на меня, но сразу определила, что со мной каши не сваришь, да и что с нищего взять? С горя опять перевела взгляд на Ральфа — и тут я увидел, что она его узнала. Вздрогнула, взглянула на меня, разинула рот, и я уж думал, сейчас она мне поклонится, но она успела овладеть собой. Одно слово, и служанка с охапкой белья отправлена в дом; пронзительный окрик, и пес, поджав уши и хвост, убрался восвояси под раскидистый тутовник; и вот хозяйка уже приветствует нас широкой улыбкой и любопытством, заговорщицким взглядом.

— Ты, стало быть, будешь глазной лекарь?

Мы заехали во двор.

— Твоя правда, хозяйка. Мое имя Эмрис. А это Бан, мой слуга.

— Мы вас ожидали. Вам приготовлен ночлег.— И, подойдя вплотную к моему коню, вполголоса добавила: — Добро тебе пожаловать, господин. И Ральфу тоже. Ну и возмужал же он с тех пор, как я видела его последний раз, право слово! Милости просим в дом.

Я слез с седла и бросил поводья Ральфу.

— Благодарю тебя. Хорошо, что мы наконец добрались, мы оба порядком устали. Ральф сам присмотрит за лошадьми. А теперь, прежде чем мы войдем, Маэва, расскажи мне, какие вести из Тинтагеля. Все ли благополучно у королевы?

— О да, сударь, слава всем феям и святым. Даже и не сомневайся.

— А король? Он по-прежнему в Тинтагеле?

— Да, сударь, но, по слухам, не сегодня-завтра должен уехать. Долго тебе ждать не придется. У нас ты будешь в безопасности, как нигде в целом Корнуолле. О выступлении войска нас загодя предупредят, да их и слышно тут будет на дороге за добрую милю. И не опасайся Кау, мужа моего, он, правда, из людей герцога, но в жизни не причинит вреда моей госпоже, и потом, он всегда делает то, что я ему говорю. То есть, конечно, не всегда. Кое-что он делает не так часто, как мне хочется.

И она озорно расхохоталась.

Ральф, ухмыляясь во весь рот, увел лошадей, а хозяйка, громко толкуя о свободных постелях, о времени ужина и о больных глазах своего меньшенького — давно пора подлечить! — провела меня через заднюю дверь в харчевню.

Позже, увидев ее мужа, я удостоверился, что его мне и в самом деле нечего бояться. Был он сухонький, тщедушный мужичок, невидный и молчаливый, как устрица. Он появился в харчевне, когда мы садились ужинать, удивленно взглянул на Ральфа, кивнул мне и, не промолвив ни слова, занялся за стойкой своим делом. Его жена обходилась с ним и со всяким, кто ни появлялся в харчевне, одинаково сердечно и грубовато-ласково и неназойливо заботилась о том, чтобы всем было уютно и сытно. Отличное это было заведение, а кормили у них просто превосходно.

Народ там, само собой, толпился постоянно, но опасность, что нас узнают, была невелика. Как странствующий лекарь я не только не вызывал любопытства, но и мог под удобным предлогом целыми днями вместе с Ральфом бродить по окрестностям. Каждое утро, прихватив с собой еду и вина, мы уходили в один из глубоких лесистых оврагов, по дну которых бегут питающие реку Кэмел ручьи, и подымались на обдуваемое ветрами взгорье, что лежит между Кэмелфордом и морем. Ральф знал здесь все тропы. Наверху мы с ним обычно расходились, и каждый занимал скрытую наблюдательную позицию, так чтобы видеть обе дороги, по которым Утер мог вывести войско из Тинтагеля. Он должен был либо свернуть на северо-восток по берегу моря в направлении к Димилиоку и дальше к военному лагерю возле Геркулесова мыса, либо же — если он торопился в Винчестер и к немирному Саксонскому берегу — перейти вброд реку у Кэмелфорда и оттуда подняться на старую военную дорогу, которая шла вдоль Корнуэльского хребта. Здесь, на взгорье, открытом всем ветрам, лес редеет и перемежается верещатниками, частью заболоченными, и над ними здесь и там возвышаются, как часовые, причудливые каменные столбы. Старая римская дорога, постепенно разрушающаяся в этих безлюдных краях, но все еще

вполне пригодная для передвижения, проходит вдоль всего полуострова и спускается к более обжитым, удобным землям позади вала Амброзия. По моим расчетам, Утер должен был избрать именно этот путь, а я хотел посмотреть, кто поедет вместе с ним. Мы с Ральфом делали вид, что отправляемся на сбор трав для моих снадобий, я и в самом деле каждый вечер возвращался с мешком ценных ягод и кореньев, которые не растут на моих валлийских холмах. Погода, по счастью, все еще стояла ясная, и никому не в диковину было, что мы проводим дни под открытым небом. Люди только радовались, что у них остановился искусный лекарь, к которому можно прийти со своими хворями в любой вечер, и возьмет он за лечение не больше, чем ты можешь заплатить.

Так проходили дни, тихие, погожие. Мы ждали, когда король двинется в поход и прибудет посланец от королевы.

Король выехал из крепости на восьмой день. По той самой дороге, что я и думал. Я был на месте и все видел.

Проселок между Тинтагелем и Кэмелфордом проходит добрую четверть мили вплотную под крутым лесистым откосом. Чаща там непроницаемая, склон отвесный, лишь по краю на прогалины, на каменные осыпи, поросшие папоротником, чертополохом и цепкой куманикой, пробиваются солнечные лучи. Здесь стоят высокие кусты терновника, усыпанные лощеными ягодами. Были среди них еще зеленые, но больше спелых, налитых чернотой под сизым налетом. Отвар из терновых ягод — первое средство от поносов. Этой хворью как раз маялся один из ребятишек Маэвы, и я обещал сварить ему вечером целебное питье. Всего-то на это дело нужна была малая горстка, но сизые ягоды поспели в самую меру, и я решил набрать побольше. Если их выдавить и особым способом добавить к можжевеловому вину, получается прекрасный напиток, крепкий, терпкий и ароматный. Я рассказал об этом Маэве, и ей захотелось испытать мой рецепт.

Я почти уже наполнил мешок, когда услышал словно отдаленный рокот грома — конский топот внизу по проселку. Я поспешно затаился на краю чащи и стал наблюдать. Вскоре показался головной отряд, а за ним и все войско в облаке пыли, в дробном перестуке копыт, сверкая пестрыми значками и флажками, прокатилось внизу под обрывом. Тысяча всадников, а то и более.

Я застыл на своем наблюдательном посту за деревьями и смотрел во все глаза.

Впереди, один, ехал король. Чуть отступя, по левую от него руку, знаменосец вез Красного Дракона. Сквозь пыль мелькали и другие цвета, но ветер упал, флаги не развевались, и, как ни напрягал я зрение, поклясться в достоверности того, что увидел, я бы не мог. А тот флаг, который я особо высматривал, так и не показался, хотя, может быть, я его просто не заметил. Я подождал, покуда замыкающий всадник не скрылся на рысях за поворотом, а потом выбрался из чащи и пошел к тому месту, где условился встретиться с Ральфом.

Он бежал мне навстречу, запыхавшись.

— Ты их видел?

— Да. А ты где был? Я же послал тебя следить за второй дорогой.

— Я и следил. Но на ней не было никакого движения, ни живой души. И я как раз пошел обратно, когда услышал, что они едут. И бросился бегом. Едва не опоздал. Видел только задние ряды. Ведь это был король?

— Король. Ральф, а ты не разглядел значков? Никого не узнал?

— Узнал Брихана и Цинфелина, а больше из Корнуолла никого. Мне показалось, там были люди из Гарлота и из Цернива и еще кое-кто вроде бы знакомый, но сквозь пыль было плохо видно. И я не успел никого толком разглядеть, как они уже скрылись за поворотом.

— А Кадора среди них не было?

— Господин, мне очень жаль, но я не разглядел.

— Не важно. Раз были другие из Корнуолла, значит, можно не сомневаться, что и он с ними. В харчевне, конечно, будут знать. А ты забыл, что не должен называть меня «господин», даже с глазу на глаз?

— Прости... Эмрис.— Мы так сблизились с ним за это время, что он счел уместным тут же с наигранной кротостью добавить: — А ты забыл, что меня зовут Бан? — Он, смеясь, увернулся от подзатыльника.— Надо же было назвать меня по этому недоумку!

— Просто подвернулось на язык. Это, кстати, королевское имя. Бан, король Бенойка. Так что ты вправе сам выбрать из них двоих себе патрона.

— Бенойк? А где это?

— На севере. Ну пошли, вернемся в харчевню. Едва ли от королевы можно ждать известия ранее завтрашнего дня, но мне еще сегодня надо приготовить целебный отвар, а это дело не на один час. На-ка вот, понеси.

Я оказался прав, гонец прибыл на следующее утро. Ральф спозаранку встречал его на проселке, и они вдвоем явились ко мне с известием, что я должен немедля ехать в Тинтагель для встречи с королевой.

Я не поделился с Ральфом, да и себе до конца не признался, но на душе у меня от предстоящей аудиенции было неспокойно. В ту ночь в Тинтагеле, когда младенец был зачат, я не сомневался ни в чем, я знал твердо, как только можно твердо знать будущее, что мальчик, который родится, будет отдан на мое попечение и что я взращу великого короля. Утер, в досаде на смерть Горлойса, поклялся отвергнуть своего «внебрачного» отпрыска, и из письма Марсии было видно, что он намерения не изменил. Но от Игрейны я за долгие шесть месяцев, протекшие с той мартовской ночи, не получил ни единой вести, откуда же мне было теперь знать, а вдруг она не пожелает исполнить волю супруга, а вдруг не найдет в себе сил расстаться с рожденным ею ребенком? Я без конца перебирал в уме доводы, которые мог бы ей привести, и сам только дивился, куда подевалась та уверенность, с какой обращал я раньше к ней и к Утеру свои речи. Воистину тогда мой бог был со мною. И воистину, увы, теперь он покинул меня. Порой бессонными ночами прежние ясные видения даже начинали казаться мне просто прихотью фантазии, обманчивыми снами, рожденными неотступной мечтой. Вспоминались горькие слова короля: «Теперь я понимаю, что это у тебя за мания такая, что за волшебная сила, о которой ты толкуешь. Обыкновенная человеческая хитрость, и больше ровным счетом ничего, страсть лезть в государственные дела. Мой брат приучил тебя к этому, и ты вошел во вкус, считаешь своим правом, своей тайной. Ты даже богом пользуешься в собственных целях. "Бог велит мне делать то-то и то-то, бог требует расплаты, бог взимает мзду с других..." За что, Мерлин? За то, что ты суешься не в свое дело? А кто должен выплачивать богу долги за твои победы? Уж не ты ли? Нет, те, чьими руками ты ведешь свою игру, они же и расплачиваются за тебя. Ты-то не платишь». Прислушиваясь к этим резким словам, так отчетливо звучавшим в

молчании ночи, я и сам готов был усомниться, что верно толковал свои видения, что все труды мои и мечты — не пустая насмешка судьбы. И вспоминая тех, кто уже поплатился за них жизнью, начинал думать, не отраднее ли смерть той пустыни неверия и сомнений, в которой я лежу недвижим, напрасно ожидая, чтобы мне прозвучал голос хоть самого малого из моих богов. Нет, *я платил, и платил недешево. Все эти долгие девять* месяцев, каждую бессонную ночь.

Но сейчас был день, и скоро мне предстояло узнать, чего хочет от меня королева. Помнится, я не находил себе места, пока Ральф седлал лошадей и завершал сборы в путь. Маэва со служанками в кухне мыла терновые ягоды, предназначенные для приготовления вина. Один чан с ягодами уже закипал на плите. Не дико ли, что я увожу с собой к королеве этот терпкий терновый дух? Вдруг он сделался для меня невыносим, я поспешил наружу, глотнуть свежего воздуха, но одна из служанок выбежала вслед за мной с каким-то вопросом, я стал давать ей объяснения, и это отвлекло меня от дум, а тут и Ральф подошел сказать, что все готово, и вот уже мы втроем — Ральф, гонец и я — поскакали легким галопом в ласковых, нежарких лучах сентябрьского полдня, направляясь в Тинтагель.

Глава 7

Всего лишь несколько месяцев я не видел Игрейну, но как же она переменилась! Сначала мне подумалось, что все дело в беременности: ее некогда стройный стан разнесло, а лицо, правда, сохранило свежий здоровый румянец, но под глазами и у губ легли, как бывает у женщин, страдальческие тени. Но перемена в ней была глубже — во взгляде, в движениях, в том, как она теперь сидела. Раньше, горячая, юная, она была похожа на птицу, рвущуюся ввысь и бьющую крылами о прутья клетки, теперь же словно сникла в своей тяжести, сложила подрезанные крылья, прижилась на земле.

Она приняла меня в своих покоях на верхнем этаже — в продолговатой комнате с круглым углублением в северо-западной стене, где находилась угловая башня. В длинной стене, выходящей на юго-запад, было несколько окон, сквозь них свободно падали солнечные лучи, но королева сидела под узким башенным оконцем, в которое веяло прохладой погожего сентябрьского дня

и доносился от подножия замка вечный шум морского прибоя. Во всем этом я узнавал Игрейну прежних дней. Как похоже на нее, подумалось мне, предпочесть солнечному теплу ветер и шум моря. Но хотя много здесь было воздуха и света, все же оставалось что-то от клетки: в этой комнате некогда томилась молодая жена старого герцога Горлойса — до той роковой поездки в Лондон, когда она и король увидели друг друга. Теперь, после краткого полета, она опять заточена здесь, заточена любовью к королю и тяжестью его ребенка. В моей жизни была только одна женщина, которую я любил, но ко многим испытывал жалость. И теперь эту юную королеву, прекрасную и добившуюся своего, жалел так же горячо, как и боялся: что-то она мне скажет?

Королева приняла меня с глазу на глаз. Паж провел меня к ней через передний покой, где за прялками, тканьем и пересудами проводили время придворные дамы. На меня устремились со всех сторон блестящие взоры, языки замерли, чтобы заработать с новой силой, как только я скрылся за порогом. Ни одна меня не узнала, а у некоторых на лицах даже выразилось разочарование при виде такого невзрачного, бедно одетого мужчины, чей приход не сулил им новых забав. Для них я был лишь посыльный, которого в отсутствие короля вели к королеве, только и всего.

Паж постучал в дверь внутреннего покоя и удалился. Дверь отворила Марсия, бабка Ральфа. Это была женщина в преклонных летах, с седыми волосами, но с такими же, как у внука, голубыми глазами на пожелтевшем, морщинистом лице и по-девичьи прямым станом. Она ожидала меня, и все-таки взгляд ее выразил растерянность, которую затем сменило изумление. Даже Игрейна посмотрела на меня сначала недоуменно, но потом с улыбкой протянула руку:

— Принц Мерлин. Добро пожаловать.

Марсия сделала мне и королеве один общий реверанс и удалилась. Я подошел, встал на колено и поцеловал руку королевы.

— Госпожа.

Она милостивым жестом велела мне подняться.

— Ты был столь добр, что сразу же явился на мой необычный зов. Надеюсь, путешествие было легким?

— Вполне. Мы остановились у Маэвы и Кау, нам там удобно, и до сих пор ни одна живая душа не узнала ни меня, ни даже Ральфа. Твоя тайна соблюдена.

— Благодарю тебя за то, что ты так искусно ее блюдешь. Клянусь, я и сама узнала тебя не раньше, чем ты заговорил.

Я улыбаясь поднес руку к подбородку.

— Как видишь, я готовился к этой поездке уже давно.

— На этот раз обошлось без магии?

— На этот раз магии не больше и не меньше, чем прежде,— ответил я.

Она подняла свои прекрасные синие глаза и открыто, как раньше, посмотрела мне прямо в лицо, и я узнал в этом взгляде прежнюю Игрейну, гордую и, как мужчина, бесхитростную. Вся эта томная лень была лишь поверхностной, лишь молочной тишиной, что нисходит на женщин во время беременности, а под нею оставался прежний огонь. Она развела руками.

— Глядя теперь мне в глаза, неужто ты станешь утверждать, что в тот вечер в Лондоне, когда ты обещал мне любовь короля, во всем этом не было никакой магии?

— Чтобы привести короля в твои объятия, магии не потребовалось. Вот потом — может быть.

— Может быть?

Голос ее зазвенел, и я вовремя спохватился. Игрейна, конечно, королева и отважна, как мужчина, но она же и женщина на седьмом месяце. Мои сомнения должны оставаться при мне, я не вправе перекладывать их на нее. Я еще подыскивал подходящие слова, когда она сама проговорила, горячо, настойчиво, словно убеждала самое себя при моем молчании:

— Когда ты впервые явился и посулил мне любовь короля, в этом была магия, я знаю. Я ее чувствовала, видела в твоем лице. Ты говорил, что сила твоя — от бога и что, подчиняясь тебе, я тоже, как и ты, стану сосудом божиим. Ты говорил, что благодаря той магии, которая приведет ко мне Утера, всему королевству будет дарован мир. Толковал о тронах и алтарях. И вот теперь, когда я — королева и ношу под сердцем дитя короля, неужто ты посмеешь утверждать, что все это был обман?

— Не обман, госпожа. То было время видений, страстных грез и желаний. Теперь мы распростились с ними, настал трезвый день. Но магия не ушла, она здесь, в твоем теле, только теперь она — не видение, а реальность. Он родится под Рождество, если не ошибаюсь?

— Он? Ты говоришь так, будто знаешь наверняка.

— Я знаю наверняка.

Я увидел, что она сжала губы словно от внезапной боли и опустила глаза на свои руки, сложенные на животе. Голос ее, когда она заговорила, звучал ровно, обращенный то ли к рукам, то ли к тому, что они закрывали:

— Марсия рассказала мне про письмо, которое отправила тебе летом. Но ты ведь и без нее знал, верно? Знал, что думает об этом деле супруг мой, король?

Я молчал, но она требовательно ждала ответа.

— Он сам мне сказал,— утвердительно отозвался я.— И если мнение его неизменно, то, значит, мальчик не будет признан наследником престола.

— Его мнение неизменно.— Она опять подняла на меня глаза.— Не пойми меня превратно. Он не сомневается во мне, не усомнился ни разу. Он знает, что с первой нашей встречи я принадлежу ему одному, что с тех пор я под тем или иным предлогом не всходила на герцогское ложе. Нет-нет, во мне он не сомневается, он знает, что это его дитя. И что бы он ни утверждал,— на губах ее мелькнула улыбка, и голос зазвучал ласково-снисходительно, так мать говорит о своем дитяти и жена — о любимом муже,— как бы громогласно ни отрекался, на самом деле он знает твою силу и страшится ее. Ты предрек ему, что после той ночи родится ребенок, и он поверил бы твоему слову, даже если бы ему мало было моего. Но это ничего не меняет в его сердце. Он винит себя — и тебя, и даже этого младенца — в гибели герцога Горлойса.

— Знаю.

— Повремени он еще одну ночь, так он говорит, и Горлойс бы все равно погиб, тогда бы я стала королевой и младенец был бы зачат в браке, и никто бы не мог усомниться в его происхождении и назвать его бастардом.

— А ты, Игрейна?

Долго она ничего не отвечала. Отвернула от меня свое прекрасное лицо и смотрела в окно, за которым с криками, взвиваясь и падая, кружились на ветру морские птицы. Я понял, сам не знаю как, что она как солдат, который выиграл одну битву и отдыхает перед началом второй. Нервы мои напряглись. Если следующая ее битва — со мною, дело будет нешуточное.

Она сказала, тихо и внятно:

— Может быть, это все верно, что говорит король. Не знаю. Но что сделано, то сделано, и моя забота теперь — этот ребенок. Вот почему я послала за тобой.

Она смолкла. Я ждал. Она повернула ко мне голову.

— Принц Мерлин, я боюсь беды для моего ребенка.

— От руки короля?

Это был слишком прямой вопрос, даже для Игрейны. Холодно взглянула она на меня, и холодно прозвучал ее голос:

— Это дерзость. И глупость. Ты забываешься.

— Я? — столь же холодно отозвался я.— Это ты забываешься, госпожа. Будь моя мать законной супругой Амброзия, когда он зачал меня, не Утеру бы сейчас сидеть на престоле и не стал бы я трудиться приводить его к твоему ложу ради младенца, которого ты носишь. Не тебе говорить мне о дерзости и глупости. Никто лучше меня не знает, какая судьба ждет в Британии принца, рожденного вне брака и не признанного отцом.

Ее прежде столь бледное лицо залилось ярким румянцем. Взгляд потупился, гнев в нем угас. Она ответила мне не чинясь, как простая девушка:

— Ты прав, я забылась. И прошу у тебя прощения. Я совсем отвыкла от свободного разговора. Я никого не вижу, кроме Марсии и моего супруга, а с Утером мне нельзя говорить о ребенке.

Все это время я стоял перед нею. Теперь же я принес в башню кресло и сел подле нее под амбразурой. Отношения между нами вдруг переменились, словно ветер задул с другой стороны. Я понял, что следующая ее битва будет не со мной, а с собою, с ее собственной женской слабостью. Она смотрела на меня теперь так, как человек в болезни смотрит на лекаря. И я ласково сказал ей:

— Ну вот, ты позвала, и я здесь. И готов тебя выслушать. Что ты хотела мне сообщить?

Она глубоко вздохнула. Голос ее в ответ мне прозвучал ровно, но еле слышно, как шепот:

— Если родится мальчик, король не позволит мне оставить его у себя. Девочку я вправе воспитать здесь, но мальчик, зачатый так, как этот, не может быть признан принцем и законным наследником, а жить при дворе как побочный сын короля он тоже не может.— Под моим взглядом королева овладела собой.— Я уже сказала тебе. Утер во мне не сомневается. Но в ту ночь все так совпало: и гибель герцога, и разговоры о магии,— король клянется

мне, что люди будут считать не его, а герцога отцом этого младенца. У нас, он говорит, будут еще другие сыновья, чье рождение не вызовет кривотолков, и из них он выберет наследника престола.

— Игрейна,— сказал я,— я знаю, как горько женщине — так ли, эдак ли — потерять своего ребенка. На свете, наверно, нет горя тяжелее. И все-таки я думаю, что король прав. В наше смутное, буйное время нельзя, чтобы мальчик оставался при дворе как побочный сын короля. Если появятся другие наследники, признанные и объявленные королем, они могут увидеть в нем угрозу для себя и, уж конечно, сами будут угрозой для него. Кому и знать это, как не мне: именно так было со мной в детские годы. А ведь мне выпало на долю благо, которое может и не достаться этому принцу,— покровительство короля-отца.

Она молча кивнула, опять потупя взгляд.

— А если дитя должно быть отдано на сторону, это следует сделать сразу же, пока мать еще не подержала его на руках. Поверь мне,— добавил я поспешно, хотя она меня не перебивала,— это истинная правда. Я говорю сейчас как врач.

Она облизнула губы.

— И Марсия то же говорит.

Я выждал, но она больше ничего не прибавила. Горло мне перехватила хрипота. Я и не заметил, как сдавил побелевшими пальцами подлокотники кресла. Но голос мой, когда я, откашлявшись, приступил к самому главному, прозвучал спокойно и ровно:

— Король не распорядился, куда отдать сына на воспитание?

— Нет. Об этом с ним почти невозможно говорить. Когда последний раз у нас зашла об этом речь, он сказал, что еще подумает. И упомянул Бретань.

— Бретань?! — Как я ни сдерживался, это слово выкриком сорвалось с моих уст. Надо было овладеть собой. Я разжал пальцы на подлокотниках, положил ладони на колени. Значит, опасения мои не напрасны. Как ни странно, на душе у меня стало спокойнее. Если я должен сразиться не только с Игрейной, но и с самим королем, да еще и с моими уклончивыми богами в придачу — что, ж, значит, будем сражаться. Главное — иметь почву под ногами...— Что же, Утер хочет отослать его к королю Будеку?

— Похоже на то.— Она, как видно, не заметила моего смятения.— В прошлом месяце он отправил туда гонца. Незадолго до того, как я послала за тобой. Будек — это ведь выбор, который напрашивается сам собой.

Действительно, король Малой Британии Будек приходился Утеру кузеном. Это он за тридцать лет до того принял моего отца и Утера под свою защиту, когда их старший брат Констанций пал от руки захватчика Вортигерна, и в его столице они собрали и обучили войско, с которым потом отвоевали себе у Вортигерна Верховное королевство.

Но я с сомнением покачал головой.

— Слишком уж напрашивается. Если кто-нибудь замыслит зло против мальчика, сразу догадается, где его искать. Не сможет же Будек охранять его день и ночь. К тому же...

— Будек не сможет печься о моем сыне так, как надо! — выкрикнула она, горячо оборвав меня на полуслове.

Но это было сказано не в обиду мне. Это был вопль души. Она едва ли расслышала хоть что-нибудь из того, что я сказал. Я видел, она борется с собой и подыскивает слова:

— Он уже стар, и к тому же Бретань далеко, и там сейчас неспокойно, еще неспокойней даже, чем в наших истерзанных саксами краях. Принц Мерлин, я... мы с Марсией... мы полагаем, что ты...— Она вдруг сжала лежащие на коленях руки. Голос ее дрогнул.— Кроме тебя, мне не на кого положиться. И Утер... что он ни говори, но и он на самом деле знает, что тебе может доверить хоть все свое королевство. Ты сын Амброзия и ближайший родич моему ребенку. Твоя сила известна повсюду и всем внушает страх — под твоим покровительством ребенок будет в безопасности. Ты... ты должен взять его, Мерлин! — Теперь она упрашивала меня.— Забери его куда-нибудь подальше от этих немирных берегов и вскорми в безопасном месте. Обучи его всему, чему учили тебя, и воспитай, как надлежит воспитать королевского сына, а когда он вырастет, привези обратно, и пусть он займет свое место при дворе, как и ты, рядом с будущим королем.

Она осеклась и смолкла, ломая руки. Должно быть, я выпучил на нее глаза как помешанный. Между нами воцарилась тишина, наполненная соленым дыханием моря и криками чаек. Я сам не заметил, как поднялся с кресла, но, опомнившись, увидел, что стою у окна, спиной к королеве, и гляжу на небо. Подо

мной кружились и стенали на ветру чайки, а глубоко внизу, у подножия башни, бился о камни и пенился прибой. Для меня сейчас ничего не существовало. Я с такой силой надавил ладонями на край каменного подоконника, что, отняв, увидел на них две белые, бескровные полосы. И только тогда, растирая руки, обернулся лицом к королеве. Она тоже сумела овладеть собой, черты ее как бы окаменели, лишь одна рука нервно перебирала складки платья...

Я спросил без околичностей:

— Ты сможешь уговорить короля, чтобы он отдал мне младенца?

— Нет. Едва ли. Не знаю.— Она сглотнула.— Я, разумеется, могла бы попытаться, но...

— Тогда зачем было посылать за мной, если убедить короля не в твоей власти?

Без кровинки в лице, сжав губы, она смотрела мне прямо в глаза.

— Я думала, если ты согласишься, ты мог бы... попробовать...

— Я теперь бессилен воздействовать на Утера. Тебе ли не знать этого.— И с горечью добавил: — Или ты рассчитываешь, как в прошлый раз, на вмешательство магии, будто я какая-нибудь старуха колдунья или деревенский друид? Право же, госпожа...

Я не договорил. Я увидел боль в ее глазах и скорбно поджатых губах и вспомнил о бремени, которое она носит. Гнев мой погас. Я поднял руку и миролюбиво произнес:

— Хорошо, Игрейна. Если это в человеческих силах, я добьюсь от него согласия, пусть даже мне понадобится самому говорить с ним и напомнить о данном мне обещании.

— Обещании? Он тебе что-то обещал? Когда же?

— Когда в первый раз послал за мною и поведал мне о своей любви к тебе, он тогда поклялся, что подчинится мне во всем, если только желание его будет удовлетворено.— Я улыбнулся.— Он просто хотел этим подкупить меня, но мы заставим его исполнить королевское слово.

Она принялась было благодарить меня, но я ее остановил:

— Нет-нет, повремени с благодарностью. Я еще, может статься, ничего от короля не добьюсь; ты ведь знаешь, что любви он ко мне не питает. Ты правильно поступила, что пригласила меня тайно, и поступишь еще правильнее, если утаишь от него наш разговор.

— От меня он ничего не узнает.

Я кивнул.

— А теперь ради собственного спокойствия и благополучия ребенка забудь страхи. Предоставь все мне. Даже если нам не удастся убедить короля, клянусь, что, куда бы ни отдали мальчика, я всегда буду наблюдать за ним. Он вырастет в безопасности и получит воспитание, какое надлежит королевскому сыну. Это тебя удовлетворит?

— Да, если не будет иного выхода.

Только теперь она облегченно перевела дух и поднялась с кресла, двигаясь с изяществом, несмотря на грузную фигуру, прошла в конец длинной комнаты и встала там у окна. Я не последовал за ней. Постояв спиной ко мне несколько мгновений, она обернулась. На лице у нее была улыбка. Она жестом пригласила меня подойти. Я повиновался.

— Ответь теперь на один мой вопрос, Мерлин.

— Если сумею.

— В Лондоне, когда мы беседовали с тобой и ты обещал, что привезешь ко мне в Тинтагель короля, ты вел речи о короне и о мече, на алтаре стоящем, подобно кресту. Я все время об этом думаю. Чья это была корона, явленная в твоем видении? Моя? Или это означало, что мой сын, этот ребенок, доставшийся такой дорогой ценой, будет королем?

Мне следовало ответить ей так: «Не знаю, Игрейна. Если мое видение истинно, если я настоящий прорицатель, то быть ему королем. Но провидческий дар покинул меня, я больше не слышу голосов в ночи и в игре огня, я опустошен. Я могу теперь только, как ты, делать свое дело и положиться на время. Все равно пути назад нет. Бог не допустит, чтобы столько смертей было принято впустую».

Но она смотрела на меня страдальческими глазами матери, и я сказал:

— Он будет королем.

Она склонила голову и так постояла несколько мгновений, разглядывая солнечные квадраты на полу и словно бы не размышляя, а прислушиваясь к тому, что свершается в ее теле. Потом опять посмотрела мне в лицо.

— А меч на алтаре?

Я покачал головой.

— Я не знаю, госпожа. Это еще не сбылось. Если мне дано будет знать, я узнаю, когда настанет время.

Она протянула руку.

— Еще одно...

По ее голосу я угадал, что этот вопрос для нее самый важный. И на всякий случай приготовился солгать. Она проговорила:

— Если этого сына мне суждено лишиться... Будут ли у меня другие, Мерлин?

— Это уже три вопроса, а не один, Игрейна.

— Ты не хочешь ответить?

Я сказал это, просто чтобы выиграть время, но в глазах ее выразилось столько тревоги и опасения, что я с облегчением признался:

— Рад бы ответить, госпожа, но я не знаю.

— Как это? — резко спросила она.

Я пожал плечами.

— Опять-таки не могу тебе ответить. Дальше, чем этот мальчик, которого ты носишь, мне ничего не открылось. Но можно заключить, раз ему суждено стать королем, что других сыновей у тебя не будет. Дочери — может быть, тебе в утешение.

— Я буду молиться об этом,— просто сказала она, повела меня обратно в башню и жестом пригласила сесть.— Не выпьешь ли теперь со мной кубок вина перед уходом? Боюсь, я оказала тебе дурной прием, а ведь ты проделал ради меня такой трудный путь. Но я места себе не могла найти, пока не поговорила с тобой. Посиди теперь со мной немного и расскажи, что у вас слышно.

И я остался у нее еще на некоторое время и, изложив ей свои скудные новости, поинтересовался, куда направился Утер со своим войском. Она рассказала мне, что он держит путь не в столицу свою Винчестер, как думал я, а на север, в Вирокониум, куда он созвал на совет вождей и малых властителей севера и северо-востока. Вирокониум — старинный римский город на границе Уэльса, защищенный горами Гвинедда от немирного Ирландского берега. В те времена он еще оставался торговым центром и дороги, к нему ведущие, поддерживались в хорошем состоянии. Оставив позади Думнонию и перейдя Глевумский мост, Утер мог довольно быстро передвигаться к северу. Если погода удержится и в пути будет все спокойно, он еще, глядишь, и вернется к королевиным родинам. На Саксонском берегу, по словам

королевы, было сейчас тихо; после победы Утера под Виндокладией незваные гости отступили и принуждены были пользоваться гостеприимством своих соплеменников — союзных саксов. А с севера вести приходили сбивчивые, но король опасался к весне совместных наступательных действий со стороны пиктов Стрэтклайда и заморских пришельцев-англов; совет в Вирокониуме и был назначен с целью выработать какой-нибудь общий план обороны.

— А герцог Кадор? — спросил я.— Он что же, остается здесь в Корнуолле или двинется в Виндокладию сторожить Саксонский берег?

Ее ответ удивил меня:

— Он идет на север вместе с королем и примет участие в совете.

— Вот как? В таком случае мне надо остерегаться.

Она вскинула на меня глаза, и я кивнул:

— Да, я без промедления еду к королю. Время дорого, и хорошо, что он движется именно на север. Ему придется переводить войско по Глевумскому мосту, а мы с Ральфом воспользуемся лодочной переправой и попадем на тот берег раньше его. Ну а уж если я встречу его за Северном, откуда ему знать, что я покидал пределы Уэльса?

Вскоре вслед за тем я простился с Игрейной. Я ушел, а она осталась стоять у окна, и ветер моря раздувал темные волосы на ее высоко поднятой голове. И я уверился, что, когда настанет час, младенца отдаст мне не убитая горем слабодушная женщина, но Королева, которая смирилась с необходимостью предоставить сына его судьбе.

Иное дело — Марсия. Она ждала меня в передних покоях, распираемая вопросами, охами и обидами на короля, которые она с трудом прикрывала соблюдением этикета. Я, как мог, успокоил ее, поклявшись ей каждым божеством в каждом святилище и в каждой пещере на британской земле, что сделаю все возможное, чтобы младенец достался мне и был жив и невредим, и, лишь когда она стала требовать от меня заговоров для благополучного разрешения и советов насчет кормилиц, устремился к дверям.

Она, совсем забывшись от волнения, бросилась следом и ухватила меня за рукав.

— А про врача я говорила тебе? Король назначил к моей госпоже своего личного лекаря — на него-де можно положиться, он сохранит от всех в тайне, куда будет отдан на воспитание бедный крошка! Как будто здоровье и благополучие госпожи не стоят на первом месте! Любому лекарю можно дать золота, и он тебе за это родной матерью поклянется в чем угодно, это все хорошо знают.

— Бесспорно,— ответил я.— Но я хорошо знаю Гандара: нет врача искуснее, чем он. Королева будет в надежных руках.

— Он же войсковой лекарь! Что он понимает в родах?

Я засмеялся.

— Он много лет состоял при войске моего отца в Бретани. Где ратники, там и их жены. Мой отец держал в Бретани пятнадцатитысячный гарнизон. Поверь, у Гандара богатый опыт.

Этим ей пришлось удовлетвориться. Она опять завела речь о кормилицах, и я удалился.

В тот же вечер она прискакала в харчевню, по-мужски сидя на лошади, с головой закутанная в плащ с капюшоном. Маэва привела ее в дом, выгнала на улицу всех, кто еще не спал, включая Кау, а потом пригласила Ральфа для беседы с бабкой. Я улегся спать, не дождавшись конца их беседы.

На следующее утро мы с Ральфом выехали в обратную дорогу, прихватив с собою для бодрости две бутыли тернового вина. К моему удивлению, Ральф ехал такой же радостный, как и на пути сюда: наверно, после краткой побывки в краях, где прошло его детство, служба у меня уже не была ему в тягость. Бабушка пересказала ему все новости, по пути он поделился ими со мною; это было главным образом все то же, что мне говорила королева, с небольшой добавкой придворных сплетен, занятных, но малоинтересных, за исключением, пожалуй, неизбежных пересудов о намерении Утера отказаться от ребенка.

Ральф теперь, совсем как его бабка, очень беспокоился о том, как сделать, чтобы опека над ребенком досталась мне. Мне смешно было это видеть.

— А если король откажет, что тогда?

— Поедем в Бретань, сговоримся с королем Будеком.

— Ты думаешь, он позволит тебе остаться при младенце?

— Будек ведь мне тоже родич, не забывай.

— Да, но не побоится ли он прогневить Утера? Отважится ли действовать втайне от него?

— Этого я не могу сказать с уверенностью,— ответил я.— Будь это не Будек, а Хоэль, сын его, тут все было бы ясно. Они с Утером всегда грызлись, как два кобеля за одну суку.

Я не стал добавлять, что сравнение это хоть и неприличное, но самое верное. Ральф кивнул, жуя (мы остановились перекусить на солнечном пригорке), и потянулся за бутылью.

— *Не хочешь отхлебнуть? — предложил он мне тернового вина.*

— Бог зеленого винограда да упасет меня от этого, мальчик! Оно должно еще год созревать, прежде чем станет пригодным для питья. Подожди до будущей жатвы, а тогда уж раскупоривай.

Но он не послушался меня и выдернул пробку. Запах был весьма странный, а вкус, он сам признал, и того страннее. Когда же я безжалостно заметил, что Маэва по недоглядке, должно быть, налила ему вместо вина снадобье от поносов, он выплюнул на траву все, что успел набрать в рот, и натянуто осведомился, над чем это я так смеюсь.

— Не над тобой, Ральф. Дай-ка я тоже попробую глоток... Ну вот, тут все намешано как надо, просто я, видно, по рассеянности забыл предупредить о выдержке. Смеялся же я над собой. Столько месяцев, даже столько лет ломиться в двери небес и получить — что? Младенца с кормилицей. Если ты намерен и дальше оставаться со мною, Ральф, нам предстоит освоить много нового в ближайшие годы.

Он только кивнул; сейчас ему хватало забот насущных.

— А если придется переехать в Бретань, мы что же, и там будем жить вот под этим обличьем? Несколько лет?

Он презрительно щелкнул пальцем по грубошерстному плащу.

— Видно будет. Надеюсь, что не совсем уж в этом. Не шпорь коня, покуда не нашел переправы, Ральф.

На его лице я прочел разочарование: разве так должны говорить маги? Маги сами наводят переправы или же перелетают с берега на берег по воздуху.

— То есть посмотрим, что скажет король? А может, не обязательно его и спрашивать? Моя бабка говорит, надо объявить, что ребенок мертворожденный, и тогда можно передать его тебе тайно, король ничего и не узнает.

— Ты забываешь. Люди должны знать, что родился принц. А иначе что их заставит признать его после смерти Утера?

— В таком случае как же нам быть?

Я только покачал головой. Он принял мое молчание за отказ отвечать и покорно перестал задавать вопросы. Что до меня, то мне еще надо было изрядно поломать голову, пока что я еще не видел, как нам «переправиться». Королева за нас, это значит, что половина — и самая трудная половина — игры уже выиграна. Но теперь надо еще решить, как одолеть короля: открыто ли просить его согласия или сначала сговориться с Будеком. И все же сейчас, во время нашего обеда, мои мысли не так уж были заняты Бретанью, королями, даже младенцем; я сладко нежился на солнце и не жалел убегающего времени. В Тинтагеле все сошло удачно, само собой, без моих ухищрений. Дело двигалось; напоенный солнцем воздух дышал, божественный ветер проносился у меня над головой, невидимый в сиянии дня. Даже люди, не наделенные даром видеть или слышать богов, все равно както ощущают их присутствие, и я был тоже человек. Мне все еще недоставало дерзости — или мужества — испытать мою волшебную силу, но я радовался надежде, как радуется рубищу в зимнюю стужу нагой человек.

Глава 8

Погода все держалась, и мы ехали не спеша, следя за тем, чтобы не наступать на пятки Утеровой рати; если нас обнаружат западнее Укзельских болот, да и вообще к югу от Северна, будет совершенно ясно, откуда мы держим путь. Утер имел обыкновение передвигаться быстро, и в этом спокойном краю его нечему было задержать, так что мы ехали беззаботно, выжидая только, когда его войско минует лодочный перевоз через Северн. Если с переправой все сложится удачно и если, переехав на ту сторону, мы поспешим, то успеем (словно для того только и прибыли из Маридунума) встретить королевское войско у границ Уэльса и побеседовать там с королем.

На пути сюда мы избегали главной дороги и ехали по тропам, которые тянутся вдоль берега моря, иногда углубляясь в долины и вновь выбегая к воде. Теперь, чтобы не отстать слишком далеко от Утера, мы старались двигаться прямым путем вдоль горной гряды, но на мощеную дорогу не выезжали, опасаясь военных заслонов. При этом мы соблюдали величайшую осторожность. Покинув гостеприимный кров Маэвы, мы больше не заезжали в харчевни и гостиницы. Да их и не было на нашем пути; нам

приходилось ночевать где придется: в хижинах лесорубов, в овечьих загонах, случалось даже, на груде срезанных папоротников — и благодарить судьбу за теплую погоду. Путь наш лежал по дикой местности. Там на возвышенных пустошах меж гранитных скал растет хрупкий лиловый вереск, пригодный в пищу лишь овцам да диким оленям; а чуть пониже сразу начинается лес. Вверху деревья, истязаемые ветром, растут редко, уже теперь, в начале осени, наполовину утратив лиственный убор. Но ниже, по склонам, в долинах и оврагах, заросли густые, огромные стволы стоят стеной в дебрях непроходимого подлеска, частого, как рыбачья сеть. То и дело попадаются каменные глыбы и валуны, скрытые от глаз кустарником и обвитые хмелем,— как грозные волчьи ямы, они, затаясь, поджидают ничего не подозревающего путника. Еще того грознее болотные топи, где отблескивающие черной жижей, а где скрывающиеся под невинной зеленью лужка — на таком лужке конь со всадником утонут с головой, как ложка в миске с кашей. Через эти места ведут надежные тропы, но они известны лишь дикому зверю да лесному человеку, путники же стараются обходить их стороной. Ночью здесь по земле перебегают болотные огоньки и танцуют загадочные язычки пламени — души умерших, по местным поверьям.

У себя в Корнуолле Ральф знал все тропы, но, когда мы оказались в болотистых лесах, сквозь которые течет река Укзелла с притоками, прокладывая себе путь к слиянию с Северном, двигаться пришлось с сугубой осторожностью; мы спрашивали дорогу у лесных обитателей — угольщиков и охотников, изредка натыкались на отшельников, святых старцев, и они принимали нас на ночлег в своих пещерах, в лесных святилищах. Ральф только радовался трудному пути и неприютным ночевкам, даже опасности, быть может подстерегавшие нас в лесной чаще, и грозная близость королевской рати лишь веселили его сердце. День ото дня мы с ним оба все больше дичали видом, все больше походили на бедных странников, за которых себя выдавали. Здесь это было, можно сказать, еще важнее, чем в Тинтагеле. Королевскому вестнику или купцу несдобровать было бы в стороне от проезжей дороги, а бедных здесь не обижают — бродяги и святые, от которых нечем поживиться, а стало быть, и мы с Ральфом как странствующие лекари повсюду встречали радушный прием. За медный грош и баночку мази мы везде могли получить пищу и кров. Лесные жители, обитающие среди зловонных, топких бо-

лот, много болеют, страдают от трясучей лихорадки и воспаления суставов, у них лекарю всегда найдется работа. Жилища свои они строят прямо у заболоченных озерец, на самом краю бездонной черной топи, а то и на сваях над тухлой стоячей водой. Эти глиняные хижины постоянно растрескиваются, подмокают и разваливаются, их надо каждую весну подмазывать и чинить, но зато весной и осенью на озерцах появляются большие стаи перелетных птиц, летом воды кишат рыбой, а леса — дичью, зимой же обитатели здешних селений разбивают у берега лед и ждут в засаде, когда придут на водопой олени. И всегда здесь орут лягушки; я не раз ел их в Бретани, это прекрасная пища. Так что местные жители держатся за свои зловонные хижины, сытно едят, пьют стоячую воду и мрут от лихорадки и поноса; не боятся они и блуждающих огней, которые появляются на болоте ночью: ведь это души их близких.

Первые неприятности начались, когда до перевоза оставалось еще двенадцать миль. Смеркалось. Позади остались темные дубравы, уступив место березнякам и ольшаникам, так близко подступавшим к нашей тропе, что приходилось ложиться на шею лошади, чтобы проехать под нависшими ветвями. Дождей давно не было, но земля под копытами мягко поддавалась, а кое-где и хлюпала черной грязью. Вскоре потянуло близким болотом, и вот уже сквозь поредевшие стволы тускло блеснула стоячая вода болотных окон, отражая гаснущий свет заката. Моя лошадь споткнулась, расплескала копытами болотную жижу. Ральф, ехавший первым, натянул удила. Мы остановились. Он указал вперед.

Там сумерки проницал другой свет — ровный желтый огонь тростниковой свечи. Хижина лесного жителя. Мы поехали на огонек.

Хижина стояла на земле, а не над водой, но грязь кругом была непролазная, а в непогоду еще, как видно, и вода разливалась, потому что хижина стояла на сваях и к двери вела узкая гать из плотно уложенных коротких бревен.

Залаяла собака. В двери черной тенью на желтом свету встал человек. Он вглядывался в темноту. Я окликнул его. Жители болот говорят на своем языке, но понимают кельтское наречие думмониев.

— Мое имя Эмрис. Я странствующий лекарь, и со мной мой слуга. Мы держим путь к перевозу на Укзелле. Едем лесом, по-

тому что на дороге — королевское войско. Нам нужен ночлег. Мы заплатим.

Уж что-что, а необходимость держаться подальше от войска на марше хорошо понятна бедным жителям здешних краев. Мы быстро сговорились о цене, собаку кликнули в дом и привязали, и я пошел по скользким бревнам в хижину, оставив Ральфа расседлывать и привязывать на ночь лошадей где-нибудь, где посуше.

Нашего хозяина звали Нидд, был он низок ростом, быстр в движении и черноволос, колючая поросль на лице тоже была черной. Плечи и руки прямо исполинские, а одна нога хромая: когда-то она была сломана, вправлена неумело и срослась криво. Жена хозяина, едва ли тридцати лет от роду, совершенно седая и скрюченная ревматизмом, имела вид дряхлой старухи, от запавшего, беззубого рта ее по лицу расходились резкие морщины. В хижине у них было тесно, скверно пахло, я уже подумывал о том, чтобы устроиться снаружи, но к ночи вдруг похолодало, и не хотелось лязгать до зари зубами в здешнем сыром лесу. Поэтому, утолив голод похлебкой и черным хлебом, мы с Ральфом завернулись в плащи и собрались улечься спать на полу в предоставленном месте. Я заварил для хозяйки целебное питье, и она уже спала у стены под грудой звериных шкур, но Нидд ложиться явно не собирался. Он снова встал на пороге, всматриваясь в темноту, словно бы поджидал кого-то. Ральф, вздернув брови, многозначительно посмотрел на меня, рука его потянулась к кинжалу. Но я покачал головой. Я успел расслышать быстрые, легкие шаги по бревнам. Собака не залаяла, но застучала хвостом по полу. Грубо выделанную оленью кожу, завешивавшую дверной проем, отдернули, и в хижину влетел мальчик с торжествующей ухмылкой на чумазом лице. Увидев меня и Ральфа, он вздрогнул, но отец сказал ему что-то на их языке, и мальчишка, то и дело стреляя в нас любопытными глазами, свалил с плеча вязанку хвороста прямо на стол, развязал веревку и, опасливо покосившись в мою сторону, вытащил из-под хвороста битую птицу, несколько кусков соленой свинины, какой-то сверток, оказавшийся в развернутом виде парой кожаных штанов, и добрый, наточенный кинжал, какими вооружали королевских воинов.

Я приблизился к столу и протянул руку. Хозяин насторожился, но не тронулся с места, и мальчишка, помявшись, передал мне кинжал. Я взвесил кинжал на ладони, подумал немного и,

усмехнувшись, скинул его острием в стол. Он задрожал, вонзившись в дерево.

— Неплохо ты нынче поохотился, а? И не надо сидеть всю ночь в кустах, дожидаться тяги на рассвете. Стало быть, королевское войско расположилось где-то неподалеку? Где же именно?

Мальчишка не отвечал, только испуганно таращился на меня, но в конце концов при поддержке папаши я все-таки узнал от него то, что хотел.

Сведения были тревожные. Оказывается, королевское войско стояло лагерем всего в пяти милях отсюда. Мальчишка спрятался на дереве прямо у опушки леса, выжидая удобной минуты, чтобы украсть съестное. Так он просидел довольно долго и слышал обрывки разговоров между солдатами, отходившими облегчиться. И если только он правильно понял услышанное, выходило, что войско должно, разумеется, завтра же продолжить путь по главной дороге, однако один отряд отделится и двинется в Каэрлеон, дабы доставить коменданту крепости какой-то приказ. И пойдут они, конечно, кратчайшим путем, то есть через перевоз. И все лодки на перевозе будут реквизированы.

Я посмотрел на Ральфа. Он уже застегивал у горла плащ. Я кивнул и обратился к Нидду:

— Мы, к сожалению, должны уходить. Нам надо поспеть к перевозу раньше королевского отряда, а он поскачет туда с первым светом. Так что приходится ехать. Твой сын может нас проводить?

Мальчишка за медный грош, который я ему дал, готов был сделать что угодно, а все тропки через болото он знал как свои пять пальцев. Мы поблагодарили хозяина, оставили ему плату и обещанные снадобья и пустились в путь. Мальчишка — его звали Гер — вел под уздцы моего коня.

Вызвездило. Сквозь рваные клочья тумана выглядывала четверть луны. Я едва различал впереди себя тропу, но мальчишка шел уверенно. Его глаза видели даже в густой тени под деревьями. Звери лесные в чащобе ступали еле слышно, он же двигался совершенно беззвучно.

Ехать было трудно, тропа петляла, ничего не видно, сколько проехали — не угадаешь. Но вот стволы впереди расступились, заросли раздвинулись, и мы выехали на открытое пространство. Луна поднялась, разливая сквозь белую дымку облаков тусклый, неверный свет. Теперь я отчетливо видел, где мы едем. Кругом

по-прежнему тянулись болота, справа и слева поблескивали окна воды, как острова, окруженные чернотой. Копыта лошадей, хлюпая, засасывала жидкая грязь. Шелестели и трещали камыши в человеческий рост высотой. Со всех сторон орали лягушки, и время от времени что-то шумно плюхалось в воду. Один раз чуть не из-под самых копыт моего коня, захлопав крыльями, с гоготом вылетела большая белая болотная птица, и, если бы не рука мальчишки на узде, не миновать мне вылететь из седла. После этого мой конь пошел еще пугливее, вздрагивая при каждом легком всплеске, а в подступавших заводях что-то булькало и пузырилось и в клочьях тумана над водой мелькали болотные огни. Там и сям черным остовом торчали из трясины нагие, мертвые деревья.

Дикая, зловещая окрестность, ядовитые испарения в воздухе. По молчанию Ральфа я чувствовал, что ему страшно. Но проводник наш бойко пробирался вперед, не сворачивая ни перед бегучими туманами, ни перед блуждающими огнями, душами его умерших предков. Замешкался он только у развилки двух троп, где стояло толстое сухое дерево высотой в два человеческих роста, а в нем зияло большое дупло, источавшее слабое зеленоватое свечение. Выхваченная этим зеленым тлением и лунным лучом, смутно угадывалась фигура: глаза, рот, грубо вырезанные груди — древняя безымянная богиня перекрестков, из своего дупла взирающая на путников, точно сова — посвященная ей птица. А у ног ее на земле в половинке раковины лежало, светясь гнилостным зеленым светом, приношение — остатки какой-то рыбы. Ральф звучно, судорожно вздохнул, вскинув руку в оборонительном жесте. А мальчишка Гер, глазом в сторону не поведя, вполголоса произнес магическое слово и тут же снова двинулся по тропе.

Через полчаса, поднявшись на невысокий пригорок, мы увидели впереди под луной широкое зеркало реки, и в свежем, проветренном воздухе запахло морской солью.

Внизу, у самой воды, где чернела маленькая пристань, рдел путеводный огонек. К нему с холмистой гряды, залитая лунным светом, сходила прямая дорога. Мы остановили коней и обернулись поблагодарить мальчишку, но он уже исчез, растворился в темноте, словно угасший блуждающий огонь над болотом. И мы направили усталых коней под гору, туда, где мерцал огонек.

Спустившись к переправе, мы обнаружили, что удача оставила нас так же внезапно и бесповоротно, как и проводник. У воды на верхушке столба горел факел — маяк, но лодки на галечной отмели не было. Напрягая слух, я как будто расслышал сквозь журчание воды плеск весел в отдалении, попробовал крикнуть, но не получил ответа.

— Он, похоже, должен скоро вернуться,— сказал мне Ральф, заглянув в хижину перевозчика.— В очаге горит огонь, и дверь осталась отворенной.

— Тогда подождем в хижине,— решил я.— Королевский отряд едва ли подымется в путь до петухов. Не так уж, верно, важен приказ, который должны доставить в Каэрлеон, иначе гонца отправили бы ночью. Позаботься о конях и приходи, отдохнем немного.

Хижина перевозчика была пуста, но в кольце камней, очертивших на полу место очага, еще тлели остатки огня. Рядом была сложена горка сухих щепок, и вскоре ласковый язычок пламени выбился из дров и стал лизать ломти торфа. Ральф сразу же задремал, пригревшись, а я сидел и сонно глядел в огонь, поджидая, когда вернется перевозчик.

Проснулся я не от скрежета лодочного киля по галечнику — до меня донесся отдаленный перестук копыт: приближался на рысях конный отряд.

Рука моя еще не дотянулась до плеча Ральфа, как он уже вскочил.

— Скорее, господин, если мы пустимся во весь опор вдоль самого берега... прилив еще только начался...

— Нельзя. Они нас услышат. Да и лошади устали. Как далеко они от нас, по-твоему?

Ральф в два шага очутился на пороге, наклонил голову, вслушался.

— В полумиле. Или меньше. Скоро будут здесь, что нам делать? Спрятаться невозможно, они увидят лошадей. И местность здесь ровная, как карта на песке.

Он был прав. Дорога, по которой скакали всадники, спускалась прямо к реке, по обе стороны от дороги лежали болота, отсвечивая черными «окнами» и кутаясь в белые космы тумана. А за спиной у нас в лунном свете поблескивала широкая водная гладь.

— От чего не убежишь, то остается встретить лицом к лицу,— произнес я.— Нет, не так,— добавил я, когда рука Ральфа рванулась к мечу.— Это ведь люди короля, да и где нам вдвоем против стольких. Нет, совсем иначе. Давай-ка сюда наши сумки.

При этом я уже стаскивал свои ободранные, грязные одежды. Ральф с сомнением взглянул на меня, но поспешил исполнить приказ.

— На странствующего лекаря ты их второй раз не купишь.

— А я и не собираюсь. Когда судьба решает за тебя, Ральф, не надо противиться. Похоже, что мне предстоит свидеться с королем несколько раньше, чем я рассчитывал.

— Здесь? Но ты... он... королева...

— Секрета королевы никто не узнает. Я успел все продумать на этот случай. Мы сделаем вид, будто только что из Маридунума, нарочно выехали к югу в надежде встретиться с королем.

— А перевозчик? Вдруг они спросят у него?

— Может выйти худо, но придется рискнуть. Да и зачем они станут спрашивать? Ну а спросят — что-нибудь изобретем. Про королевского мага, Ральф, люди поверят любой небылице — даже что он перелетел через реку на облаке или перешел вброд по колено во время прилива.

Пока мы переговаривались, Ральф успел отвязать переседельные сумки и вытащил оттуда темную хламиду и сапоги из замши, в которых я был у королевы, а я тем временем, пригнувшись к ведру с водой, смыл следы усталости и запахи болотной хижины с рук и лица. «Когда судьба решает за тебя»,— сказал я Ральфу. Кровь в моих жилах побежала живее, я подумал, что, может быть, этот поворот удачи — неудачи, как нам показалось сначала,— есть не что иное, как первое, холодное и грозное, прикосновение божьей руки.

Когда отряд подскакал и, оскользаясь на гальке, осадил перед хижиной перевозчика, я встретил прибывших, стоя на пороге раскрытой двери, освещаемый сзади огнем очага и залитый спереди лунным сиянием, в котором серебрилась фибула с королевским драконом на моем плече.

У меня за спиной Ральф из темноты с облегчением произнес:

— Слава богу, это не корнуэльцы. Они меня не знают.

— Зато меня знают,— вполголоса отозвался я.— Я вижу значок Инира. Это валлийцы из Гуэнта.

Командир был рослый мужчина с орлиным профилем, угол рта ему кривил белый шрам, я его не помнил, однако он, взглянув на меня пристально, вскинул приветственно руку и проговорил:

— Клянусь Вороном! Как ты здесь оказался, господин?

— Я должен переговорить с королем. Далеко ли до его лагеря?

При моих словах по отряду конников прошло какое-то движение, лошади переступили копытами, одна даже вскинулась на дыбы, словно ей вдруг нервно натянули повод. Командир, полуобернувшись, произнес что-то резкое. Потом обратился ко мне и, сглотнув, ответил:

— Около восьми миль, господин.

Здесь кроется что-то большее, чем просто удивление от встречи со мной на этом безлюдном берегу и чем обычный священный трепет, который я привык внушать простым людям, подумалось мне. Тут есть что-то еще. Я почувствовал, как Ральф плотнее придвинулся и встал у меня за плечом. Скосив на мгновение взгляд, я успел заметить, как зажглись у него глаза. При первом признаке опасности сердце у Ральфа взыграло.

Командир, помешкав минуту, решился и произнес:

— Вот кстати! Нам повезло. Ведь мы ехали в Каэрлеон: у нас приказ короля разыскать тебя и доставить к нему.

Ральф у меня за плечом чуть не в голос охнул. Я быстро соображал под участившийся стук собственного сердца. Этим объяснялось замешательство конников: они решили, что королевский маг благодаря чарам предугадал волю короля. И одновременно разрешалась трудность с перевозчиком: если этот отряд предназначался для сопровождения меня, им теперь незачем перебираться на тот берег. Я поеду с ними обратно, а Ральф тем временем сможет дать перевозчику денег и купить его молчание. Все равно я не возьму мальчика с собой — с королевской немилостью шутки плохи.

Надо было закрепить свой успех. Я приветливо сказал:

— Стало быть, я избавил вас от поездки в Брин-Мирддин. Очень рад. А где намеревался король меня принять? В Вирокониуме? Ему ведь едва ли сейчас с руки располагаться в Каэрлеоне.

— Это верно,— ответил командир. Он старался овладеть собой, но голос у него вдруг охрип.— А ты... ты знал, что король идет на север, в Вирокониум?

— А как же иначе,— отозвался я. Краем глаза я видел, как солдаты кивали друг другу и переглядывались, повторяя за мной: «А как же иначе?» — Но я рассчитывал повидаться с ним ранее. Король не вручил тебе для меня письма?

— Нет, господин. Только повелел доставить тебя к нему, и все.— Он пригнулся в седле и доверительно сказал: — Я думаю, это все по причине известия, что он получил вчера из Корнуолла. Дурные вести, должно быть, хотя он никому не обмолвился ни словом. Но был в гневе. А потом приказал привезти тебя.

Он выжидательно смотрел мне в лицо, уверенный, что уж я-то знаю, какие вести пришли вчера к королю из Корнуолла.

Увы, я, кажется, догадывался. Кто-то узнал нас с Ральфом или же просто сообразил, кто может скрываться под обличьем странствующего лекаря, и королю был послан донос. Гонец с доносом мог даже обогнать нас по дороге. Все ясно. Как бы ни повернулось у меня дело с Утером, прежде всего надо отослать Ральфа. И хотя королеве от Утера ничего не могло угрожать, но были еще и другие: Маэва, Кау, Марсия, не говоря уж о младенце... Волосы у меня на затылке зашевелились и встали дыбом, как шерсть на загривке у почуявшего опасность пса. Я осторожно перевел дыхание и огляделся вокруг.

— У вас есть лишняя лошадь? А то моя устала, ее придется вести в поводу. Мой слуга останется здесь и с первым светом переправится на ту сторону, чтобы подготовиться к моему возвращению домой. Когда я освобожусь, король, конечно, отрядит со мной эскорт.

Голос командира, вежливый, но твердый, заглушил негодующее шипение непокорного Ральфа у меня за спиной.

— Прости, господин, но вы должны последовать с нами оба. Таков приказ. Лошади у нас есть. Не пора ли в путь?

По его знаку всадники окружили нас. Делать было нечего. Командир получил четкий приказ, безопаснее подчиниться, чем спорить. К тому же с минуты на минуту мог вернуться перевозчик. С реки не доносилось ни звука, но, наверное, он уже заметил факелы и торопился к берегу, рассчитывая на заработок.

Подъехал солдат с двумя оседланными лошадьми. Наших лошадей взяли в повод. Мы уселись верхом, прозвучала команда, и отряд раздался, сомкнувшись позади нас.

Не отъехали мы и на двести шагов, как я отчетливо услышал за спиной скрежет лодочного днища по прибрежной гальке. Ни-

кто, кроме меня, не обратил на это внимания. Командир увлеченно рассказывал мне о предстоящем совете королей севера, а позади меня раздавался веселый, задорный голос Ральфа, сулящего солдатам «бурдюк тернового вина, вы подобного в жизни не пробовали. Рецепт моего хозяина. В Каэрлеоне теперь всем солдатам такое дают, а вам не достанется. Будете знать, как ездить за мудрецом, которому и без вас известно все происходящее, даже когда оно еще не произошло...».

Король еще почивал, когда мы прискакали в лагерь и — под охраной — расположились в соседнем шатре. Мы не обменялись ни единым словом, не предназначенным для чужих ушей. С тех пор как мы покинули Кэмелфорд, нам не случалось ночевать с такими удобствами. Ральф скоро уснул, но я лежал, не смыкая глаз, глядя в темную пустоту и прислушиваясь к тому, как предрассветный ветерок бросает в бок шатра пригоршни дождя. Я твердил себе: «Это сбудется. Сбудется. Мое видение — от бога. Дитя предназначено мне». Но темнота оставалась пустой, ветер налетал на шатер и отступал, затихая. Я ничего не дождался.

Повернув голову на измятом изголовье, я в темноте разглядел, что Ральф лежит с открытыми глазами и смотрит на меня. Но он мне так ничего и не сказал, повернулся на другой бок и вскоре задышал ровно — снова заснул.

Глава 9

Король принял меня с глазу на глаз, как только рассвело. Он встретил меня в латах, готовый в дорогу, но с непокрытой головой. Шлем с золотым королевским венцом лежал на табурете подле его кресла, меч и щит стояли тут же, прислоненные к коробу, в котором Утер возил с собой походный алтарь Митры. Шатер его был увешан шкурами и вышитыми полотнищами, но по ногам сквозили холодные утренние ветерки. Снаружи доносился шум войска, снимающегося с лагеря. Над входом в шатер бился и хлопал на ветру королевский дракон.

Приветствие короля было немногословным. Лицо его еще хранило хорошо запомнившееся мне с последней встречи выражение холодной безучастности, но ни гнева, ни вражды я на нем не увидел. Голосом, равнодушным и властным, он коротко и деловито сказал:

— Ты со своим магическим прозрением избавил меня от лишних хлопот, Мерлин.

Я склонил голову. Раз он не задает вопросов, значит, я могу не отвечать. Я перешел прямо к делу:

— Что тебе от меня угодно?

— Прошлый раз, говоря с тобой, я был резок. Позднее мне подумалось, что это недостойно короля, которому оказали услугу.

— Тебя огорчила смерть герцога.

— Ну, герцог сражался против короля. Что бы там ни было, но он поднял на меня меч, вот и погиб. Это дело прошлое, его теперь не исправишь. А у нас с тобой осталось на руках будущее. Оно меня теперь и заботит.

— Ребенок,— кивнул я.

Его голубые глаза сузились.

— От кого ты узнал? Или это опять прозрение?

— Мне сообщил Ральф. Покинув твой двор, он приехал ко мне. И теперь у меня в услужении.

Он свел брови к переносице, подумал, но не нашел в том худа, и лоб его разгладился. Я наблюдал за ним. Утер был высок ростом, рыжеват, светлобород, белокож и румян и от этого казался моложе своих лет. Прошло чуть больше года, мелькнула у меня мысль, как умер мой отец и Утер подхватил штандарт с королевским драконом. Бремя власти укротило его — я теперь читал в его лице не только пыл и прихоть, но также твердость и самообладание; одержанные победы и королевский сан облачили его величием.

Он сделал отстраняющий жест, и я понял, что Ральфу больше нечего его опасаться.

— Что прошло, то прошло, говорю я, но один вопрос я все-таки хочу тебе задать. В ту ночь в Тинтагеле, когда был зачат этот ребенок, я повелел тебе удалиться с моих глаз и больше меня не беспокоить, помнишь?

— Помню.

— А ты ответил, что не будешь больше меня беспокоить, потому что твоя служба мне впредь уже не понадобится. Ты провидел это или ответил так просто в сердцах?

Я спокойно сказал:

— Говоря с тобой, я произносил те слова, что приходили мне на язык. Я считал, что они внушены мне свыше. Во всем, что я говорил и делал в ту ночь, для меня была воля богов. Почему

ты спрашиваешь? Или ты затем меня позвал, чтобы стребовать с меня новую службу?

— Не стребовать — просить.

— Как у прорицателя?

— Нет. Как у родича.

— Тогда, государь, как родичу я скажу тебе, что в ту ночь это было не пророчество и не обида на тебя, а просто горе. Я горевал о смерти моего слуги и о смерти Горлойса с товарищами. Ныне же, как ты говоришь, что прошло, то прошло. Если могу быть чем-то полезен, я к твоим услугам.

Но сам я, ожидая его ответа, думал: если сказанное в ту ночь — не пророчество, то и ничего тогда не было от бога и неправда, что бог говорил со мною. Нет, нет, я верно сказал: Утеру моя служба впредь уже не понадобится; да и в тот раз я сослужил службу не Утеру и теперь сослужу не ему. Мне припомнились слова другого короля, моего отца: «Я и ты, Мерлин, мы сложим наши старания, и получится один король, зато такой, какого еще не видел мир». Повеления умершего короля — вот что я исполнял. Умершего и того, который еще не рожден.

Но Утер не заметил моих сомнений, а может быть, мне удалось не показать вида. Он кивнул, уперся локтем в колено, а подбородком в кулак и задумался, хмуря брови.

— В ту ночь было произнесено еще нечто. Я сказал тебе, что не признаю ребенка, тогда зачатого. Я говорил сгоряча, но теперь, поразмыслив и посоветовавшись, я повторяю тебе, Мерлин, что намерение мое не изменилось.

Он подождал, не захочу ли я что-нибудь возразить, но я молчал. Он продолжил чуть раздраженно:

— Не пойми меня превратно, я верю королеве. Верю, что она не всходила на ложе Горлойса после вашей встречи в Лондоне. Ребенок — мой, не спорю, но ему невозможно быть моим наследником, как и невозможно расти в моем доме. Если это будет девочка — тогда все равно, но если мальчик — величайшим неразумием было бы воспитывать его как наследника верховного престола, когда людям ничего не стоит подсчитать сроки и всегда можно сказать, что герцогиня Игрейна понесла сына от мужа своего Горлойса за полмесяца до свадьбы с королем.— Он посмотрел мне в глаза.— Ты понимаешь это не хуже меня, Мерлин. Ты жил среди королей. Всегда найдется кто-нибудь, кто поставит под сомнение его первородство и, значит, попытается

отнять у него трон для другого, чье право «более верное», а уж таких-то, видит бог, всегда отыщется вдоволь. И в первую голову это будут другие мои сыновья. Так что даже на положении побочного сына при моем дворе он будет нести в себе опасность. А вдруг он вздумает пробраться на королевский престол через смерть остальных моих детей? Клянусь светом, такие случаи известны. Я не хочу, чтобы мой дом стал полем сражения. Я рожу себе другого сына, наследника, чье право неоспоримо, зачатого в браке, так что никто не подкопается, и воспитаю его при себе — вот только пусть прекратятся смуты в королевстве и кончатся саксонские войны. Ты согласен со мной?

— Ты — король, Утер. И ты — отец ребенка.

Это был не слишком-то вразумительный ответ, но Утер кивнул, будто я с ним согласился.

— Мало того. Этот мальчик не только опасен для других, ему и самому будет грозить опасность. Раз пойдут слухи, что он не мой сын, а Горлойсов, стало быть, он младший наследник герцога Корнуэльского и должен получить свою долю владений, которые достались Кадору, когда я признал за ним герцогство по смерти его отца. Так что, королевский он сын или герцогский, в лице Кадора он будет иметь врага, а у Кадора найдется немало единомышленников.

— Кадор верен тебе?

— Я ему доверяю,— с коротким смешком ответил Утер.— Пока что. Он молод, но знает, чего хочет. Владеть Корнуоллом — вот его цель, Корнуоллом он не поступится и рисковать не будет. Сейчас. Но потом — кто знает? После моей смерти...— Он не договорил.— Нет, Кадор не враг мне. Но есть другие.

— Кто?

— Видит бог, на свете не бывало короля, который не имел бы врагов. Даже Амброзий... ведь до сих пор поговаривают, будто он умер от яда. Ты говорил мне, что это не так, я знаю, но все равно я на всякий случай распорядился, чтобы Ульфин отведывал прежде меня мою пищу. С того времени как я привел к себе пленниками Окту и Эозу, вокруг них все время кипят страсти, на них устремляет взоры всякий недруг мой, который хотел бы захватить корону, как Вортигерн, силой саксонских войск и ценой британских жизней и земель. Но что же мне с ними сделать? Отпустить, чтобы они взбунтовали против меня союзных саксов? Или убить, чтобы их сыновья в Германии получили предлог ри-

нуться сюда и кровью смыть обиду? Нет, Окта и его кузен — мои заложники. Если б не они, Колгрим и Бадульф давно уже были бы здесь, а Саксонский берег прорвал бы плотины и плескался теперь у Амброзиева вала. А так я выигрываю время. Ты ничего не можешь мне сообщить, Мерлин, из того, что видел или слышал?

Он просил не пророчеств. На явления Потустороннего мира он смотрел косо и опасливо, как пес, который видит ветер. Я покачал головой.

— Про твоих недругов? Ничего. Разве только вот на Ральфа, когда он ехал от твоего двора ко мне, напали какие-то люди и едва его не убили. Значков у них не было. Они могли счесть его посланцем короля. Или королевы. Солдаты из казарм обшарили там всю местность, но они исчезли без следа. Помимо этого, я не слышал ничего. Но можешь не сомневаться: если услышу, сообщу тебе.

Он торопливо кивнул и продолжил свою речь, тщательно выбирая слова. Говорил он отрывисто и словно бы неохотно. А у меня перед глазами все шло кругом, я с трудом сохранял спокойную позу. Сейчас между нами начнется поединок, но совсем иной, чем я себе представлял. Он обсуждал со мной дела королевства. Разве он послал бы за мной, ежели бы не рассчитывал на мое участие в будущем ребенка?

Он подходил к тому, о чем уже беседовал я с Игрейной:

— ...ты понимаешь, отчего, если будет мальчик, мне нельзя оставить его у себя. И однако же если я отошлю его, то защитить уже не смогу. Но и беззащитным его оставить нельзя. Законный или нет, но он мой и королевин сын; если другие сыновья у нас не родятся, я должен буду в конце концов объявить его наследником верховного престола.— Он вскинул кверху ладонь.— Так что же мне остается? Мне нужно найти для него опекуна, у которого он проживет в безопасности и безвестности первые несколько лет жизни... ну, хотя бы до тех пор, покуда не уляжется смута в этом несчастном королевстве и не установится повсюду порядок и спокойствие и твердая, преданная мне власть.

Он опять подождал моего согласия. Я кивнул и, подавив волнение, спросил:

— И ты уже выбрал опекуна?

— Да. Будека.

Стало быть, королева не ошиблась, решение уже принято. Однако же ему понадобился я. Я сдержался и сказал ровным, почти безразличным тоном:

— Да, этот выбор напрашивается сам.

Утер откашлялся, переставил ноги. Я не без удивления увидел, что он смущен, даже робеет. И кажется, рад, что я одобрил его решение. Тут я понял, что, поглощенный единственной заботой, которую считал велением рока, я ошибочно видел в Утере врага. Не в том дело. Он был просто военный вождь, его одолевали беспрестанные бури вокруг его владений, наперегонки со временем он латал дыры в плотинах и дамбах, а вода все прибывала, и судьба младенца, которая впоследствии еще может оказаться достаточно важной, пока в его глазах лишь мелкая задоринка на пути разрешения серьезных вопросов, досадное затруднение, которое скорее бы сбыть с рук. То, что он сейчас говорил, было сказано без всякого волнения и вполне здраво. Может быть, он и вправду хотел спросить у меня совета, как советовался раньше со мной его брат. Но если так... Я облизнул пересохшие губы и заставил себя внимательно слушать, как надлежит советнику человека, попавшего в затруднительное положение.

А он продолжал говорить. Что-то о письме, которое пришло к нему вчера. Указал пальцем на табурет, где валялся скомканный кусок пергамента, словно бы отброшенный в сердцах.

— Ты знал об этом?

Я взял письмо в руки, разгладил. Краткое послание, адресованное королю в Тинтагель из Бретани и доставленное сюда за ним вдогонку. В нем сообщалось, что король Будек летом захворал лихорадкой, к осени уже стал было поправляться, но внезапно в исходе августа умер. В конце следовали учтивые изъявления дружества Утеру от нового короля Хоэля, «преданного тебе кузена и союзника...».

Я поднял глаза. Утер сидел, откинувшись на спинку кресла, и теребил алые складки мантии, перекинутой через руку. Все было спокойно кругом. Ветер снаружи утих. Шумы лагеря долетали сюда приглушенно, словно издалека. Утер смотрел на меня исподлобья, взгляд его выражал тревогу и нетерпение.

Я сказал вежливо:

— Огорчительное известие. Будек был хорошим человеком и надежным другом.

— Весьма огорчительное, даже если бы оно не нарушило моих планов. Я как раз собирался отправить туда письма, когда получил это. И теперь не возьму в толк, что делать. Тебе говорили, что я еду в Вирокониум на совет королей?

— Мне сказал Аудагус.

Аудагус был начальник конников, доставивший меня сюда.

Утер вскинул руку.

— Тогда ты поймешь, как нежелательно мне задерживаться для устройства вот этого дела. Но устроить его необходимо, и не откладывая. Для этого я и послал за тобой.

Я покачал пальцем болтавшуюся на шнуре печать.

— Так ты не хочешь отправлять младенца к Хоэлю? А ведь он клятвенно называет себя преданным тебе кузеном и союзником.

— Он, может быть, и преданный мне кузен и союзник, но он, кроме того, еще и...— Утер употребил выражение, которое более пристало солдату, нежели королю на совете.— Я всегда недолюбливал его, а он меня. Конечно, он не станет нарочно причинять вред моему сыну, однако, клянусь Митрой, он не то что его отец: нельзя быть уверенным, что он сумеет оградить ребенка от происков дурных людей. Нет, я не отправлю сына к Хоэлю. Но к какому еще двору можно его отослать? Подумай сам.— Он перебрал несколько имен, все — мужи могущественные, короли, чьи владения лежали на юге, под защитой вала Амброзия.— Ну? Понимаешь, в чем трудность? Даже если он очутится у одного из владетелей мирного юга, все равно и здесь он может пострадать от руки коварного человека или, того хуже, стать орудием измены и мятежа.

— И потому?..

— Потому я и обращаюсь к тебе. Ты — единственный, кто может вывести меня из затруднения. С одной стороны, я должен буду клятвенно признать, что этот ребенок мой, на случай, если не рожу других сыновей. С другой стороны, надо удалить его отсюда, дабы устранить опасность для него самого и для нашего королевства, чтобы он рос, не ведая о своем высоком рождении, покуда я не призову его к себе.— Король перевернул лежащую на колене руку ладонью кверху и попросил меня с такой же простотой, как уже просил однажды: — Помоги мне.

И я ответил ему столь же просто. Смятенные, взбудораженные мысли вдруг улеглись в порядке, будто разноцветные осенние листья на траве, когда стихнет круживший их ветер.

— Хорошо. Мы в целости проведем корабль твоего королевства между этими рифами. Слушай, и я объясню как. Ты сказал, что думал и советовался об этом деле. Стало быть, твое намерение отослать мальчика к Будеку известно?

— Да.

— А говорил ли ты кому-нибудь о письме и о своем недоверии к Хоэлю?

— Нет.

— Отлично. Ты сделаешь вид, будто намерение твое неизменно и мальчик будет отправлен ко двору Хоэля в Керрек. Напиши Хоэлю, испроси его согласия. Поручи кому-нибудь приготовить все для путешествия младенца с мамкой и свитой, как только позволит погода. И пусть станет известно, что я сам буду его сопровождать.

Он слушал напряженно, наморщив лоб, возражения готовы были сорваться у него с языка, но не сорвались. Он только спросил:

— А потом?

— А потом надо будет, чтобы ко времени родин я оказался в Тинтагеле. Кто ее врач?

— Гандар.

Он хотел было еще что-то добавить, но раздумал и промолчал.

— Отлично. Я не имею в виду самолично пользовать королеву,— улыбнулся я.— Это лишь вызвало бы опасные толки. А ты предполагаешь быть там, когда придет ее срок?

— Постараюсь, но едва ли.

— Тогда засвидетельствовать рождение ребенка смогу я, а также Гандар и придворные дамы и еще кто-нибудь по твоему выбору. Если родится мальчик, тебе будет послано известие с помощью сигнальных костров, и ты объявишь его своим сыном и, пока нет других сыновей, рожденных в браке, наследником престола.

Он задумался, не спеша с ответом и согласием. Но я только развил его же собственную мысль. Наконец он кивнул и произнес немного напыщенно:

— Хорошо. Это все верно. Бастард или нет, но он мой наследник, пока не родится другой. Что же дальше?

— Между тем королева не покинет родильных покоев, ребенка покажут людям, клятвенно засвидетельствуют его рожде-

ние и возвратят матери, и пусть он там у нее находится все время и никто его не видит, кроме мамок и Гандара. Гандар за этим проследит. А я открыто уеду — через главные ворота, по подъемному мосту. Но с наступлением темноты тайком вернусь, теперь уже к задним воротам, и там мне передадут ребенка.

— Куда же ты с ним отправишься?

— В Бретань. Нет, погоди. Не к Хоэлю и не на том судне, на которое будут устремлены все взоры. Это ты предоставь мне. Я отвезу его к одному человеку в Бретани на самой границе Хоэлева королевства. Там он будет в безопасности и в надежных, заботливых руках. В этом я ручаюсь тебе своим словом, Утер.

Король сделал жест, словно бы отмахиваясь от моего якобы излишнего ручательства. Но видно было, что на душе у него полегчало, стало одной заботой меньше, хотя среди важных государственных дел она и представлялась ему незначительной и к тому же, пока ребенок был только бременем в утробе женщины, не вполне реальной.

— Я должен знать, где ты его поместишь.

— У моей старой няньки, которая вырастила в Маридунуме меня и остальных королевских детей, как принцев, так и бастардов. Ее имя — Моравик, она бретонка. Вортигерн ее прогнал, и она вернулась на родину. Там вышла замуж. Пока младенца не отлучат от груди, лучшего укрытия для него нельзя придумать. Дом это простой, там его искать никто не станет. Он будет под охраной, но безвестность надежней любых стражей.

— А как же Хоэль?

— Ему придется открыться. Предоставь это мне.

В лагере заиграла труба. Солнце, подымаясь, разогрело бок шатра. Король встрепенулся и расправил плечи, будто снял доспехи.

— Что мы скажем людям, когда обнаружится, что младенца на королевском корабле нет?

— Скажете, что, опасаясь встречи с саксами в Узком море, младенца отправили в Бретань не на королевском корабле, а тайно, с Мерлином.

— А когда станет известно, что и при дворе Хоэля его нет?

— Гандар и Марсия поклянутся, что передали младенца мне, живого и невредимого. Какие пойдут толки, не берусь угадать, но никто не усомнится, что он будет в безопасности под моим

покровительством. Ты знаешь, как люди понимают мое покровительство. Будут, наверно, говорить о колдовстве и заклятье и что мальчик объявится вновь, когда я сниму с него чары.

Утер деловито возразил:

— А вернее — что корабль затонул и мальчик погиб.

— Я это опровергну.

— Значит, ты не останешься с младенцем?

— Пока нет. Этого нельзя. Меня все знают.

— Кто же тогда с ним будет? Ты сказал, что он будет под охраной.

Я в первый раз на минуту замялся. Но тут же поднял на него глаза и ответил:

— Ральф.

На лице его выразилось недоумение, потом гнев, потом мысль его заработала, преодолевая преграду гнева.

— Да,— проговорил он.— В этом я тоже был не прав. Он человек верный.

— Как никто другой.

— Ну хорошо. Я согласен. Сделай все, что сочтешь нужным. Это дело я целиком поручаю тебе. Ты лучше всех в Британии сумеешь сберечь этого ребенка.— Он тяжело уронил ладони на подлокотники кресла.— Стало быть, решено. Перед тем как снятьсяся с лагеря, я еще отправлю королеве письмо, которым сообщу ей свою королевскую волю.

Я счел уместным спросить:

— А она согласится? Для женщины это нелегко, даже и для королевы.

— Она знает о моем решении и сделает, как я скажу. Но в одном она поступит по-своему: она захочет, чтобы младенец был окрещен.

Я покосился на алтарь Митры в глубине шатра.

— А ты не хочешь?

Он передернул плечами.

— Какая разница. Все равно на престоле ему не сидеть. А если уж сядет, то будет служить тем богам, каким молится его народ.— Он поглядел мне прямо в глаза и заключил: — Как мой брат.

Это был прямой вызов, но я от него уклонился и только спросил:

— А имя?

— Артур.

Имя было мне незнакомо, но прозвучало как эхо чего-то слышанного давным-давно. Не было ли в роду Игрейны римлян? Ну да, конечно. Артории — так, кажется, звались ее римские предки. Однако имя Артур я слышал где-то еще...

— Я позабочусь об этом,— сказал я.— А теперь, с твоего позволения, я тоже напишу письмо королеве. Ей будет легче в родах, если она получит заверение в моей преданности.

Он кивнул, затем встал и протянул руку за шлемом. На устах его появилась улыбка — слабый призрак злорадных усмешек, которыми он донимал меня в детстве.

— Не странно ли это, о Мерлин-бастард, что жизнь моего не в добрый час зачатого сына я доверяю единственному в королевстве человеку, у которого права на престол больше, чем у него? Тебе это не льстит?

— Нисколько. Ты был бы последним глупцом, если бы по сию пору не убедился, что я не стремлюсь к обладанию короной.

— Вот и моего бастарда обучи тому же, ладно? — Он кликнул через плечо слугу, потом опять обернулся ко мне: — Только смотри, черной магии своей его не учи.

— Раз он твой сын, магия не по его части,— сухо ответил я.— Я не буду учить его ничему сверх того, что ему необходимо и должно знать. Положись на мое слово.

И на том мы простились. Мы с Утером не слишком-то были расположены друг к другу, и тут уж ничего не поделаешь. Но нас связывало взаимное уважение, коренящееся в общности крови и в том, что мы оба, каждый по-своему, любили Амброзия и, каждый по-своему, служили ему. Мне бы надо было знать, что мы с ним, как две половинки одной шашки, можем двигаться только вместе, хотим мы того или нет. Боги склонились над доской и ведут игру, а люди движутся под их пальцами, любят или убивают.

Мне бы надо было знать это раньше. Но я так привык улавливать голос богов в пламени и в звездах, что совсем разучился узнавать его в человеческом разговоре.

Ральф, один в шатре, под стражей, дожидался моего возвращения. Узнав, чем кончился мой разговор с Утером, он долго молчал, потом проговорил:

— Значит, так оно все и будет, как ты предсказал. Ты это знал заранее? Мне-то показалось, когда они везли нас сюда ночью, что ты боишься.

— Я и боялся. Но не того, что ты думаешь.

Я ожидал от него вопроса, но, как ни странно, он меня понял. Щеки его залила краска, он наклонил голову.

— Господин мой, я должен признаться...— Голос его звучал сдавленно.— Я очень ошибался в тебе. Вначале я думал... ведь ты не воин, и я считал тебя...

— Трусом? Знаю.

Он резко поднял голову.

— Ты знал? И мирился?

Это было в его глазах едва ли не предосудительнее, чем трусость.

Я улыбнулся.

— Я привык к этому еще мальчиком, когда рос среди будущих воинов. К тому же я и сам никогда не был уверен в собственной храбрости.

Он захлопал глазами, потом выпалил:

— Но ты ведь не боишься совершенно ничего! Что только не происходило во время нашего путешествия, а на тебя поглядеть, так мы просто совершаем приятную утреннюю прогулку, а не едем по дорогам, где за каждым поворотом разбойники и дикие звери. Или когда нас захватили солдаты короля — он, конечно, твой родной дядя, но это вовсе не значит, что тебе от него ничего не грозило. Всем известно, как страшна немилость короля. Но ты оставался холоден и спокоен, словно только того от него и ждал, что он будет послушно выполнять твою волю, как все. Это ты-то не уверен в собственной храбрости? Да ты не боишься ничего земного!

— Об этом я и говорю. Так ли уж много храбрости нужно, чтобы встретить лицом к лицу врагов-людей — «земных», как ты их называешь,— если заведомо известно, что останешься жив? Но предвидение, Ральф, несет с собой свои страхи. Смерть, может быть, и не за углом, но когда знаешь, как и когда она придет... Не очень-то это приятно.

— И ты что же, знаешь?

— Знаю. По крайней мере то, что мне видится, наверно, и есть моя смерть. Темнота, закрытая гробница...

Он содрогнулся.

— Да, понимаю. По мне, много лучше сражаться при свете дня, даже если, может быть, завтра умрешь. Может быть, завтра, но по крайней мере не сейчас. Ты поедешь в замшевых сапогах, господин, или переобуешься?

— Переобуюсь, пожалуй.

Я сел на скамью и протянул ему ногу. Он опустился на колени и взялся за мой замшевый сапог.

— Ральф, я должен сообщить тебе еще кое-что. Я сказал королю, что ты находишься при мне и отправишься в Бретань охранять младенца.

Он взглянул на меня снизу вверх, пораженный.

— Ты сказал ему это? Что же он ответил?

— Что ты человек верный. Что он согласен и одобряет.

Ральф сел на пятки, держа в обеих руках мой сапог и хлопая глазами.

— У него было время поразмыслить, Ральф,— как должны всегда размышлять короли. И было время успокоить свою совесть — как умеют короли. Теперь для него все это — дело прошлое, а герцог Горлойс — мятежник. Если хочешь вернуться на службу к королю, он примет тебя милостиво и включит в число своих воинов.

Ральф, не отвечая, склонился над моими ногами, затягивая пряжки. Потом вскочил, откинул полог шатра и крикнул, чтобы нам привели лошадей.

— Да поскорее! Мы с моим господином едем на переправу!

— Вот видишь,— сказал ему я.— На этот раз ты сам принял решение, по своей доброй воле. И однако же, кто знает, не предусмотрено ли оно высшим изволением, как и «случайная» смерть Будека? — Я встал, потянулся и со смехом заключил: — Клянусь всеми живыми богами, я рад, что дело наконец пришло в движение. И всего более я рад сейчас одному обстоятельству.

— Какому же? Что так легко получил младенца?

— Да, конечно, этому тоже. Но я-то имел в виду, что наконец могу теперь сбрить эту проклятую бороду.

Глава 10

Ко времени нашего с Ральфом прибытия в Маридунум планы мои, насколько возможно, были составлены. Первым же судном я отослал Ральфа в Бретань с письмами к Хоэлю, в которых содержались мои соболезнования, а также необходимые дополнения к письму короля. Одно письмо, которое Ральф вез открыто, лишь повторяло королевскую просьбу к Хоэлю приютить на первые годы его младенца-сына; во втором, предназначенном для передачи тайно, говорилось, чтобы он не беспокоился — забота о ребенке на него возложена не будет — и чтобы в официально назначенный срок с королевским судном он нас не ждал. Я просил его оказать содействие Ральфу в подготовке нашего тайного переезда, который, по моим расчетам, должен был прийтись на Рождество. Хоэль — лежебока и сибарит, не питающий при этом особо нежных чувств к своему кузену Утеру,— будет, я знал, счастлив таким послаблением и на радостях поможет нам с Ральфом всем, чем только возможно.

Расставшись с Ральфом, я отправился на север. Я понимал, что долго держать младенца в Бретани не придется; его можно спрятать у Моравик на время, чтобы о нем немного позабыли, но длительное пребывание там сопряжено с опасностью. Враги Утера, как я объяснил королеве, прежде всего бросятся искать ребенка в Бретани. Узнав, что при дворе Хоэля, как было объявлено, его на самом деле нет и никогда не было, они, может быть, даже решат, что все разговоры о Бретани не более как ложный след. А я уж позабочусь, чтобы никакой след не навел их на убогое жилище Моравик. Но все это годилось, только пока дитя находится в колыбели; когда оно вырастет и начнет показываться на людях, могут пойти слухи, разговоры. Я знал, как это бывает: в простой семье растет мальчик, а окружен такой заботой и постоянным надзором; люди начнут задумываться, спрашивать и легко догадаются о правде.

Мало этого, когда мальчика отлучат от мамок и нянек, нужно будет дать ему воспитание, подобающее если и не принцу, то знатному отроку и будущему воину. Брин-Мирддин для него неподходящее обиталище, это очевидно, он должен расти в довольстве и безопасности, в доме лорда. Так рассуждая, я в конце концов пришел к мысли о старом друге моего отца, человеке, которого я хорошо знал. Имя его было Эктор, титул — граф Галавский. Это был один из вассалов Коэля, короля Регедского, главного северного союзника Утера.

Регед — обширное королевство, протянувшееся от горной хребтовины Британии до западных берегов и от Адрианова вала на севере вплоть до равнины Дэва. Галава — владение, которое

Эктор держал от Коэля,— находится примерно в тридцати милях от побережья, в северо-западном углу королевства. Местность здесь дикая, гористая: обрывы и склоны, потоки, лесные чащи; она издавна называлась в народе Дикий лес. Замок Эктора стоит на равнине над узким концом одного из тех длинных озер, которыми изобилуют междугорья. В давние времена там располагался римский форт — одна из нескольких крепостей на военной дороге, соединявшей порт Гланнавента на морском берегу с главным трактом Лугуваллиум — Йорк. Между Галавой и Гланнавентой — крутые склоны и узкие, легко обороняемые горные проходы, а на востоке лежат мирные владения Регеда.

Когда Утер говорил о том, чтобы отдать сына в какой-нибудь дом на воспитание, он имел в виду только богатые, давно освоенные земли за валом Амброзия. Но я, даже не разделяя его сомнений в верности вассалов, все равно счел бы эти области опасными. Их в первую голову мечтали захватить саксы, зажатые между берегом и валом. За них, я знал, они готовились сражаться, и сражаться не на жизнь, а на смерть. А на севере, в дремучем королевстве Регед, где никому не придет в голову его искать, под охраной древнего Дикого леса, мальчик будет расти, даст бог, в безопасности, и притом на свободе, как дикий олень.

Эктор как раз незадолго перед тем женился. Жена его, по имени Друзилла, была родом из Йорка, из римско-британской семьи. Отец ее, Фаустус, был городским советником и оборонял город от Хенгистова сына Окты, он же потом находился в числе тех, кто настоятельно советовал вождю саксов смириться перед Амброзием. А Эктор в то время сражался в армии моего отца. Там, в Йорке, он познакомился с Друзиллой и взял ее в жены. Оба исповедовали христианство, потому, быть может, их пути и нечасто пересекались с Утеровыми. Но я вместе с отцом своим Амброзием не раз бывал в Йорке в доме у Фаустуса, где велись долгие беседы о том, как замирить северные земли.

Замок в Галаве был почти неприступным. Построенный на месте старого римского форта, он стоял на берегу озера, а с двух сторон его защищали глубокая река и заросший лесом горный склон. Подойти можно было только по открытой воде или же по узким, постоянно охраняемым горным ущельям. Но видом Экторов дом на крепость не походил. За стенами росли деревья, расцвеченные в это время года золотом и багрянцем осени, на глади озера виднелись лодки, по низким берегам многоводной,

плавно текущей реки в камышах сидели с удочками рыболовы. Зеленые луга вокруг пестрели стадами, а к стенам замка, совсем как в мирные римские времена, жалась деревня. В лесу, милях в двух от замка, был монастырь, а выше, на горах, где кончались леса, на голых пастбищах, покрытых лишь короткой травой да каменными россыпями, прямо у себя над головой можно было видеть местных серо-голубых овец, которых пас веселый пастушонок, обороняющийся от волков и хищных горных лисиц с помощью посоха и единственной овчарки.

Я отправился туда один, не торопясь. И хотя ненавистную бороду я сбрил и обличье свое не менял, проехал никем не узнанный и не замеченный и под вечер ясным октябрьским днем прибыл в Галаву.

Главные ворота стояли нараспашку, за ними на широком мощеном дворе мужчины и отроки разгружали воз сена. Волы стояли смирно, жуя свою жвачку; рядом парень поил взмыленных лошадей. Из-под колес лаяли собаки, в соломе деловито рылись куры. Двор затеняли деревья, а по обе стороны от парадного крыльца на клумбах под поздним осенним солнцем золотились и рдели яркие ноготки. Все это напоминало скорее процветающую деревенскую усадьбу, а не замок, но сквозь открытую дверь я увидел развешанные рядами свежевычищенные доспехи, а откуда-то из-за высокой стены раздавались военные команды и лязг железа — шли учения.

Я остановился под аркой ворот, и в тот же миг передо мной вырос привратник. Он спросил, чего мне угодно. Я вручил ему кошелек, в котором лежала моя фибула с драконом, и велел отнести господину. Не прошло и нескольких минут, как он воротился, запыхавшись, за ним поспешал управитель замка, который сразу же проводил меня к графу Эктору.

Эктор мало изменился. Был он среднего роста и, должно быть, средних лет; будь жив сейчас мой отец, прикинул я, они были бы ровесники, то есть лет сорока с небольшим. В каштановой бороде серебрились нити седины, под смуглой задубелой кожей кровь играла здоровым румянцем. Жена его, женщина еще молодая, лет на десять моложе мужа, оказалась высокой, статной, в обхождении молчаливой и даже слегка робкой — только взгляд серо-голубых глаз опровергал чопорные манеры и сдержанное немногословие. Эктор выглядел человеком, вполне довольным жизнью.

Он принял меня с глазу на глаз в небольшой комнате, где у стен стояли прислоненные луки и копья, а перед очагом грелись четыре борзые собаки. В очаге жарко полыхали сосновые поленья, уложенные высоко, как на погребальном костре, и неудивительно, ибо узкие амбразуры-окна стояли незастекленные, сквозь них свободно входил бодрый октябрьский холод, и ветер выл в тетивах луков, будто пятая борзая.

Эктор с медвежьим радушием ухватил меня за локти и воскликнул, сияя:

— Мерлин Амброзий! Вот так радость! Сколько лет мы не виделись? Два года? Три? Немало с тех пор воды утекло и немало звезд попадало, а? Ну, добро пожаловать, добро пожаловать! У меня в замке ты самый желанный гость. Ты, говорят, прославился за это время? Каких только небылиц про тебя не рассказывают... Ну да теперь я узнаю правду, и из первых рук. Но, клянусь блаженной кончиной Господа, ты час от часу все более на него походишь! Только вот похудее телом, да, похудее. Вид такой, будто ты целый год доброго куска мяса не съел. Садись-ка поближе к огню и позволь мне распорядиться об ужине, прежде чем мы приступим к беседе.

Ужин был превосходный и обильный, в десять раз больше, чем мне нужно было, чтобы насытиться. Эктор ел за троих, а остальное пришлось на мою долю. За едой мы беседовали, обменивались новостями. О беременности королевы он уже знал и сразу завел про это разговор, но я не поддержал его и справился вместо этого, успешно ли прошел в Вирокониуме совет королей. Он присутствовал на этом совете и лишь недавно возвратился домой.

— Успешно ли? — переспросил Эктор.— Трудно сказать. Съехались многие. Коэль Регедский, понятно, был, и все другие властители здешних земель.— Он перечислил с десяток своих соседей.— Один только Риокатус Вертерский прислал гонца, сказался больным.

— А вы, стало быть, не поверили?

— Кто поверит хоть единому слову этого шакала? Разве что другой такой же подлый блюдолиз,— в сердцах ответил мне Эктор.— Но волки собрались всей стаей, так что пожиратели падали в счет не идут.

— И король Стрэтклайда был?

— О да, конечно, Кау приехал. Ему, понимаешь ли, с запада пикты житья не дают. Они сроду соседям в печенки лезли. Кау хоть и сам пиктских кровей, но готов вступить в любой союз, который помог бы ему держать в руках эти его дикие земли, так что к совету королей он отнесся благосклонно. На него, я уверен, можно будет положиться. Другой разговор, сумеет ли он держать в подчинении свору своих сыновей. Слышал ты, что наделал один из них, совсем еще юный негодяй по имени Хель? Ему бы, кажется, и копье-то поднимать не по возрасту, а умудрился минувшей весной взять силой одну из дочерей Мориена. Как раз на пути в монастырь: папаша при рождении дал обет отпустить ее в монахини. Поднял молокосос копье на девицу, и рука не дрогнула. Когда отец об этом узнал, она уж была за кордоном и не в том виде, чтобы соваться в монастырь, даже самый терпимый.— Эктор усмехнулся.— Мориен, конечно, в крик: насилие, мол, да все его на смех подняли, ну он и приумолк, поладили миром. Стрэтклайд, некуда деваться, раскошелился, но в Вирокониуме он и Мориен сидели в разных концах зала, а Хель и вовсе носу не показал. Ну да они сговорились забыть взаимные обиды. Утер это дело сумел уладить, так что с Регедом и Стрэтклайдом теперь добрая половина северян стоит за верховного короля.

— А другая половина? — спросил я.— Что Лот?

— Лот? — Эктор фыркнул.— Этот бахвал! Да он распишется в верности самому дьяволу вместе с Гекатой за несколько лишних акров земли. О Британии он печется не больше, чем вон тот пес у очага. Даже меньше. И он, и бешеный выводок его братьев сидят на своей холодной скале, и дела им ни до кого нет. Эти будут сражаться, только если им выгодно, и весь сказ.— Эктор помолчал, глядя в огонь и носком сапога щекоча брюхо псу; животное зевнуло и блаженно прижало уши.— Но на словах он за нас, и, может быть, я возвел на него напраслину. Времена-то меняются, теперь и варвары вроде Лота не могут не видеть, что, если мы не объединимся и не свяжем себя нерушимой клятвой, быть опять Всемирному Потопу.

Под этим Эктор подразумевал не наводнение, а великое вторжение диких племен, происшедшее столетие назад. Пикты и саксы и присоединившиеся к ним скотты из Ирландии хлынули в Британию через Адрианов вал, все на пути обрекая огню и топору. Тогда их под Сегонтиумом наголову разбил Максим, он

прогнал их прочь, завоевав Британии мир, а себе — империю и место в легенде.

Я сказал:

— Лотиану принадлежит ключевое место в обороне, задуманной Утером, даже более важное, чем Регеду и Стрэтклайду. Я слышал — вот не знаю, правда ли? — что по берегам Алауны тоже поселились англы и что союзных англов к югу от Йорка по реке Абус теперь в два раза больше, чем при жизни моего отца.

— Это правда,— сокрушенно подтвердил Эктор.— И южнее Лотиана на побережье нет никого, кроме Уриена, еще одного стервятника, который кормится от Лота. Да нет, пожалуй, я и к нему несправедлив. В конце-то концов, ведь он женат на Лотовой сестре, как же ему не плясать под его дудку. А кстати, говоря об этом...

— О чем? — спросил я, потому что он не договорил.

— О женитьбе.— Он нахмурился, но тут же ухмыльнулся.— Забавное дело, хотя затея дьявольски опасная. Ты знаешь, что у Утера есть побочная дочь, не помню ее имени, ей сейчас лет семь или восемь?

— Моргауза. Да, я ее помню. Она родилась в Бретани.

Моргаузу родила от Утера одна бретонская девица, она последовала за ним и в Британию, надеясь, по-видимому, на брак, ибо была хорошего рода и к тому же, насколько известно, единственная женщина, имевшая от него ребенка. (Многие в войске Утера, кто потихоньку, а кто и вслух, диву давались, как это ему удается не оставлять за собой целого хвоста ублюдков, подобно тому как сеятель оставляет за собой в борозде зеленую поросль. Однако та девица была единственная, насколько мне было известно. И Утеру, я думаю, тоже. Он был человек справедливый и щедрый и если и лишал девиц девства, то иных обид от него не потерпела ни одна.) Дочь свою он признал, содержал ее с матерью в одном из своих замков, а когда мать вышла замуж за его придворного, взял девочку к себе в дом. Я видел ее когда-то в Бретани: худенькое, пепельноволосое дитя с огромными глазами и маленьким поджатым ротиком.

— Так что же Моргауза?

— Утер выяснял возможности выдать ее за Лота, когда она созреет для постели.

Я поднял брови.

— А Лот что об этом думает?

— Лот? Ты бы на него посмотрел. Смех, да и только. Почернел от злости, будто росомаха, как услышал, что ему, королю Лоту, прочат Утерову побочную дочь, однако же речи вел учтивые, осторожные, боялся — а вдруг другой-то дочери, в законе рожденной, у короля не будет. Бастарды и их супруги и раньше, случалось, наследовали королевства. Не при тебе будь сказано, разумеется.

— Разумеется. Вот, стало быть, как Лот высоко метит?

Эктор кивнул.

— Ни много ни мало как в верховные короли, можешь мне поверить.

Я, нахмурясь, размышлял. Лота я никогда не видел, он был едва ли старше, чем я, лет двадцати с небольшим, и хотя сражался под знаменем моего отца, но так уж получилось, что пути наши не пересеклись ни разу.

— Так Утер хочет привязать к себе Лотиан, а Лот не против, чтобы его привязали? Каковы бы ни были Лотовы тайные устремления, но по крайней мере это означает, что он будет сражаться за верховного короля, когда дойдет до дела. А Лотиан — наш главный оплот против англов и других, кто наседает на нас с севера.

— О да, сражаться он будет,— кивнул Эктор.— Разве только англы предложат ему кус полакомее, чем сулит Утер.

— Даже так?

Я встревожился. Эктор, человек простой и прямолинейный, был при всем том очень проницателен и, как никто, осведомлен в сложном соотношении сил на наших побережьях.

— Ну, может быть, я слегка и преувеличил. Но на мой взгляд, Лот — личность бессовестная и честолюбивая, а такое сочетание не сулит ничего доброго сеньору, который не сумел бы его ублаготворить.

— А каковы его отношения с королем Регеда?

Я думал о том, как будет житься младенцу в Галаве с таким соседом, как Лот, на северо-востоке, за Пеннинским хребтом.

— О, дружеские, дружеские. Как у двух псов, когда перед обоими стоит по полной миске. Так что пока беспокоиться причин нет, а с божьей помощью и не будет. Забудем о них и давай выпьем.

Он вылил в себя целый кубок вина, поставил его на стол порожним и вытер усы. Потом устремил на меня вопросительный, умный взгляд.

— Ну? А теперь не пора ли к делу, мой мальчик? Не затем же ты проделал столь долгое путешествие, чтобы сытно поужинать и посудачить со старым фермером? Чем я могу служить сыну Амброзия?

— Племяннику Амброзия, вернее будет сказать.

И я объяснил ему все. Он выслушал меня молча. При всей его доброте и сердечности он не был человеком порыва, скоропостижного решения. В свое время Эктор почитался хладнокровным и расчетливым военачальником, какому цены нет в любом деле — от жаркой битвы до упорной осады. Когда я передал ему королевское решение о моей опеке над младенцем, он только выразил удивление взглядом и вздернутой бровью, но выслушал меня, не перебивая и не отводя глаз от моего лица.

Я кончил, и он расправил плечи.

— Что ж. Одно могу сказать тебе сразу, Мерлин: я горд и рад, что ты обратился ко мне. Ты знаешь, как я относился к твоему отцу. И сказать тебе по чести, мой мальчик...— Он закашлялся, но продолжал, отвернувшись к огню: — Меня всегда печалило, что сам ты рожден вне брака. Это, конечно, между нами, сам понимаешь. Утер, впрочем, тоже взялся за дело неплохо...

— Гораздо лучше, чем сумел бы я, уверяю тебя,— с улыбкой ответил я ему.— Мой отец не раз говорил, что мы с Утером на двоих обладаем свойствами одного хорошего короля. У него была заветная мечта, что когда-нибудь мы вдвоем явим миру такого короля. И вот она сбывается.— Я добавил, видя, что он удивленно вскинул голову: — О да, я знаю, младенец, еще даже не родившийся. Но пока все складывается именно так, как я ожидал: дитя, зачатое Утером и отданное на воспитание мне. И я знаю, что из него вырастет король, о каком мечтал Амброзий,— такой король, какого еще не видала эта многострадальная страна и, быть может, никогда более не увидит.

— Это ты прочел по звездам?

— Да, бесспорно, это начертано на звездах, а кто начертал это там, если не бог?

— Что ж, дай господи, дай господи. Приближается время, Мерлин, быть может, не на будущий год, и не в ближайшие пять лет, и, может быть, даже не десять, но такое время настанет, когда год Всемирного Потопа повторится, и дай нам бог, чтобы в Британии нашелся король, способный противостоять нашествию с мечом Максима в руке.— Он резко обернулся.— Что это? Что это был за звук?

— Только ветер в тетивах луков.

— А мне показалось, арфа. Странно. Что с тобой, дружище? Почему ты так смотришь?

— Ничего. Так просто.

Он поглядел на меня долгим внимательным взглядом, хмыкнул, но ничего не сказал. Стало тихо, и в тишине внятно прозвучал протяжный, напевный звон, холодная музыка, как бы родившаяся из воздуха. Мне вспомнилось, как я ребенком, бывало, лежал, смотрел на звезды и прислушивался к музыке, которую, по рассказам старших, они издают, перемещаясь в небе. Вот так она, наверное, звучала, подумалось мне.

Вошел слуга с охапкой дров, и горний звон умолк. А когда слуга удалился, плотно закрыв за собой дверь, Эктор снова заговорил, теперь уже совсем другим тоном:

— Ну что ж, я, конечно, согласен. И буду горд все исполнить. Ты прав, ближайшие несколько лет Утеру, похоже, будет не до него. При нынешнем положении самая жизнь младенца у такого отца может оказаться в опасности. В Тинтагеле он мог бы, конечно, расти, но там, как ты справедливо заметил, Кадор... А знает король, что ты обратился ко мне?

— Нет. И пока что я не намерен ему рассказывать.

— Вот как? — Эктор поразмыслил немного, хмуря брови.— И он что же, по-твоему, не спросит даже?

— Не знаю. Может быть, и не спросит. Про Бретань он особенно не расспрашивал. По-моему, сейчас он хочет только одного: чтобы от этой заботы его избавили. Да притом еще,— я горько усмехнулся,— сейчас у короля со мной перемирие, но едва ли оно продлится, если мы будем рядом. А с глаз долой — из головы вон. Если мне предстоит заниматься воспитанием ребенка, лучше мне для этой цели быть от короля подальше.

— Да, об этом мы тоже наслышаны. Помогать королям в осуществлении их желаний — дело небезопасное. Будет ли мальчик христианином?

— Воля королевы такова, и я постараюсь устроить в Бретани крещение. Мальчика нарекут Артуром.

— Ты будешь восприемником?

Я засмеялся.

— Поскольку сам я не крещен, вряд ли я гожусь для этой роли.

Эктор обнажил в улыбке зубы.

— Я и забыл, что ты язычник. Ну да я рад за мальчика. Не то бы тут еще возникли сложности.

— С твоей женой? Она набожная христианка?

— Да, бедняжка. Ей другого утешения не осталось с тех пор, как умер наш младший. И больше, ей сказали, не будет. Для нее просто милость божья, что мы возьмем еще одного мальчика в дом, мой сын Кей хоть и всего-то трех годов от роду, но строптив, разбойник, мамки и няньки его вконец избаловали. Второй ребенок в семье — как раз то, что надо. Как, ты сказал, его будут звать? Артур? Предоставь мне обговорить все с Друзиллой. Хотя, без сомнения, она будет рада ребенку не меньше меня. И могу заверить тебя, что она хоть и женщина, но умеет держать язык за зубами. Он будет у нас в безопасности.

— Знаю. Это мне не понадобилось вычитывать по звездам.

Но он прервал мои изъявления благодарности:

— Ну и отлично. Все решено, стало быть. Подробности обсудим позже. А с Друзиллой я поговорю нынче же вечером. Ты у нас погостишь, надеюсь?

— Благодарю, но это невозможно. Я задержусь здесь не дольше, чем необходимо для отдыха, моего и коня. В декабре я должен быть снова в Тинтагеле, а перед тем мне надо еще побывать дома и встретить Ральфа на возвратном пути из Бретани. О многом еще предстоит позаботиться.

— Жаль. Но ты потом появишься у нас. Будем ждать с нетерпением.— Эктор опять ухмыльнулся и потрепал одну из собак.— То-то забавно будет принять тебя в дом на место наставника, или как там будет называться твоя должность при мальчике. К тому же, признаюсь, мне хочется, чтобы и на моего Кея нашлась наконец управа. Надеюсь, что с тобой он будет вести себя прилично, хотя бы уж из страха, как бы ты за непослушание не превратил его в жабу.

— Мне больше удаются летучие мыши,— смеясь, ответил я.— Ты очень добр, и я твой вечный должник. Однако поселюсь я отдельно от вас.

— Э, нет, дружище, сын Амброзия не будет рыскать по округе в поисках пристанища, покуда у меня есть очаг и четыре стены, чтобы предложить ему гостеприимство. Отчего же не с нами?

— Потому что меня могут узнать, а где Мерлин, там люди станут ближайшие несколько лет искать и Артура. Нет, я должен жить скрытно. Большой дом со множеством домочадцев для меня опасен, и четыре стены, при всей моей признательности, не самое надежное прибежище.

— А-а, ну да. Стало быть, пещера. Что ж, в наших краях их, я слышал, несколько, только придется сначала выселить волков. Ладно, тебе лучше знать. Но скажи мне, а как же королева? Что она-то обо всем этом думает? Мыслимо ли, чтобы женщина позволила забрать своего первенца прямо с ложа, на котором произвела его на свет, и не попыталась бы потом найти его или дать о себе знать?

— Королева сама тайно призвала меня и просила, чтобы я взял младенца. Ей нелегко было принять такое решение, я знаю, но такова воля короля, а не просто прихоть его, рожденная досадой; королева тоже ясно видит опасность, грозящую ребенку. И она прежде всего королева, а потом уж женщина.— Я добавил, осторожно подбирая слова: — Мне кажется, она не рождена для материнства, как и Утер не рожден быть отцом. Они — мужчина и женщина, созданные друг для друга, и, восстав с брачного ложа, остаются лишь королем и королевой. Возможно, что когда-нибудь Игрейна спохватится и спросит, ну да это дело будущего. А покамест она согласна на разлуку.

В тот вечер мы беседовали за полночь, обсуждая в подробностях все, что предстояло сделать. Условились, что Артур проживет в Бретани лет до трех-четырех, а затем, в безопасное время года, Ральф переправит его из Бретани и доставит в дом Эктора.

— А ты? — спросил Эктор.— Где ты в это время будешь?

— Только не в Бретани, по тем же причинам, по которым не смогу жить здесь. Я исчезну, Эктор. У магов есть такой дар — исчезать. А когда появлюсь снова, то где-нибудь в таком месте, где смогу отвести глаза людей и от Бретани, и от Галавы.

Он стал было меня допрашивать, но я только засмеялся и больше ничего ему не открыл.

— По правде сказать, я и сам еще толком не решил. А теперь прощай, я и так слишком долго удерживал тебя вдали от

супружеского ложа. Твоя жена, наверное, удивляется: что за таинственный гость не отпускает тебя к ней? Я принесу мои извинения, когда ты утром меня ей представишь.

— А я постараюсь искупить вину сейчас,— сказал он вставая.— Ну да признаться, такая повинность мне по душе. Ты много теряешь, Мерлин, могу тебя уверить,— впрочем, откуда тебе знать.

— Знаю,— сказал я.

— Знаешь? Тогда, стало быть, у тебя есть нечто, ради чего ты на это идешь, ради чего отказываешься от женщин?

— Да, есть.

— Ну что ж, в таком случае пожалуй вот сюда, на свое необогретое ложе.

И он распахнул передо мною дверь.

Глава 11

Мальчик родился в канун Рождества, за час до полуночи.

Незадолго перед тем я и еще двое придворных, назначенных свидетелями, были приглашены в королевины покои, где Гандар с несколькими помощницами хлопотал над роженицей. Одна из них, молодая женщина по имени Бранвена, недавно разрешилась от бремени мертвым младенцем — ей предстояло стать кормилицей королевского сына. Когда все свершилось, младенца обмыли и спеленали и королева забылась сном, я простился и выехал из замка по Димилиокской дороге. Но лишь только скрылись из вида надвратные огни, как я тут же повернул коня на крутую тропу, что вела по оврагу обратно вниз, к морю.

Тинтагельский замок стоит на крутой, далеко выступающей в море прибрежной скале — почти что острове, со всех сторон окруженном бушующим прибоем. С берегом его соединяет лишь узкий перешеек, а справа и слева уходят круто к воде отвесные обрывы. У их подножий среди валунов есть несколько засыпанных галькой бухточек. Из одной такой бухточки, проходимой лишь в часы отлива, по крутым уступам можно пробраться вверх к низкой дверце в подножии крепостной стены. Это и есть потайной задний вход в замок. Дверца открывается на каменную винтовую лестницу, которая подводит к черному ходу из королевских покоев.

На этой винтовой лестнице в одном месте есть широкая площадка, куда выходит комната для стражи. Здесь я должен был ждать, пока младенец не окрепнет настолько, что его можно будет вынести на холодный зимний воздух. Стража там не стояла; несколько месяцев назад король распорядился наглухо закрыть задний вход в замок, и дверь, что вела в замковые покои, тоже замуровали. К моему приходу тайную дверцу снова распечатали, и никто ее не сторожил, кроме Ульфина и его друга Валерия, телохранителя короля, которым надлежало меня впустить. Валерий повел меня вверх по лестнице, а Ульфин спустился в бухточку, где я оставил коня. Ральфа со мной не было. Он должен был съездить удостовериться, что бретонский корабль уже находится в условленном месте у берега, а после этого каждую ночь поджидать в бухте с лошадьми, когда я вынесу младенца из замка.

В помещении стражи я переждал два дня и две ночи. Там была подстилка для сна, Ульфин собственноручно развел огонь, чтобы разогнать давний холод запустения, и он же время от времени приносил мне пищу и свежее топливо, а заодно и вести о том, что происходит наверху, в замке. Он готов был остаться и прислуживать мне — он все еще питал ко мне благодарность за некое оказанное ему благодеяние и сокрушался немилостью короля. Но я отослал его сторожить у королевина порога и провел дни ожидания в одиночестве.

На лестнице против моей двери была другая, пробитая в наружной крепостной стене, она вела на узкую открытую площадку, обнесенную невысокими каменными зубцами. В эту сторону не выходило ни одно окно, а внизу, между подножием стены и береговым обрывом, был неширокий травянистый склон. В летнюю пору здесь было шумно от гнездящихся птиц, но сейчас, в разгар зимы, все было мертво и покрыто инеем. Только студеные морские валы, не умолкая, с шуршанием откатывались по гальке, замирали и с грохотом обрушивались на отвесную скалу.

На восходе и на закате я выходил на эту площадку и высматривал признаки перемены погоды. Три дня все оставалось без изменений: холод, серая, обледенелая трава внизу, едва различимая сквозь густой туман, одевший все вокруг, от невидимого моря под невидимым обрывом до бледного молочного свечения в небе, где сквозь тучи тщетно пробивалось зимнее солнце. Море под покровом тумана лежало спокойное — насколько бывает оно спокойно у этих бурных берегов. В полночь, перед тем как за-

снуть, я опять выходил в студеную тьму и искал в небе звезды. Но все было затянуто слепой пеленой тумана.

И только на третью ночь поднялся ветер. Слабый ветер с запада, который проник между крепостными зубцами, пробрался в щель под дверью и встрепенул голубые язычки пламени на березовых поленьях. Я встал, прислушался. И, уже положив ладонь на дверной засов, различил в ночном безмолвии какое-то движение наверху лестницы. Вот тихо отворилась и вновь затворилась дверь королевиных покоев. Я встал на своем пороге и поглядел вверх.

Кто-то, осторожно ступая, спускался по ступеням: женщина, закутанная в плащ и с ношей в руках. Я шагнул на площадку. Сзади меня от очага в сторожевой комнате падал свет, и с ним — тень.

Ко мне спускалась Марсия. На ее щеках в тусклом свете блестели слезы. Она склонила голову над тем, что лежало на ее руках,— над младенцем, тепло укутанным от ночного холода. Увидев меня, она протянула мне свою ношу.

— Береги его,— проговорила она.— Береги его, и да хранит вас обоих Бог.

Я взял дитя из ее рук. Из-под шерстяных одеял сверкнула золотая парча.

— А знак? — напомнил я.

Марсия передала мне перстень. Я много раз видел его на пальце Утера, оправленный в золото герб в виде дракона, вырезанный на розовой яшме. Я надел перстень себе на палец. Марсия сразу негодующе вскинулась, но тут же присмирела, вспомнив, кто я такой.

Я улыбнулся.

— Только на время. Я сохраню его для него.

— Господин мой принц...

Она склонила голову. Потом прислушалась, оглянулась через плечо: сзади, закутанная в плащ с капюшоном, спускалась молодая кормилица Бранвена, а за ней Ульфин нес мешок с ее пожитками. Марсия опять быстро посмотрела на меня и с мольбой прошептала, положив ладонь мне на рукав:

— Ты скажешь мне, куда ты его увозишь?

Я покачал головой.

— Нет, прости, но этого никто не должен знать.

Она помолчала, пожевала губами.

— Хорошо,— гордо проговорила она.— Но обещай, что он будет в безопасности. Прошу тебя об этом не как человека и даже не как принца, а обращаюсь к твоему могуществу. Он будет жить?

Так значит, Игрейна ни с кем не поделилась, даже с Марсией. И Марсия теперь говорила со мной наугад. А ведь в предстоящее время обе женщины будут особенно нуждаться в участии друг друга. Было бы жестоко оставлять королеву в одиночестве с ее знанием и надеждами. Неверно, что женщины не умеют хранить тайны. Если они любят, то будут молчать до могилы и за могилой, даже вопреки здравому смыслу. В этом их слабость и их великая сила.

Я посмотрел Марсии прямо в глаза.

— Он будет королем,— сказал я.— Королева это знает. Но ради безопасности ребенка никому не проговорись об этом.

Она не ответила, только опять склонила голову. Бранвена с Ульфином подошли к нам. Марсия отодвинула край одеяльца и открыла личико младенца. Мальчик спал. Выпуклые веки лежали опущенные, точно бледно-розовые раковины. На головке чернел густой пушок. Марсия вытянула шею и осторожно поцеловала его в темечко. Он не проснулся. Она снова натянула край одеяльца и умело и бережно уложила ребенка мне на руки.

— Вот так. Головку придерживай. Будете спускаться по уступам, смотри поосторожнее.

— Я буду осторожен.

Она открыла было рот, чтобы добавить еще что-то, но только покачала головой, и я увидел, как слеза соскользнула с ее щеки на одеяльце младенца. Потом Марсия решительно повернулась и ушла вверх по лестнице.

Я спустился в бухту. Впереди, держа наготове обнаженный меч, шел Валерий, а сзади, поддерживаемая Ульфином, спускалась Бранвена. Лишь только мы сошли вниз и галька заскрежетала у нас под ногами, от черноты под скалой отделилась тень Ральфа, мы услышали его торопливое, радостное приветствие и перестук копыт по галечнику.

Для кормилицы Ральф привел мула с крепкой спиной и крепкими ногами. Ее усадили в седло, я передал ей младенца, и она прижала его к себе, укрыв своим плащом. Ральф вспрыгнул на коня и взял за повод ее мула. Я должен был вести в поводу второго мула, с поклажей. На этот раз я задумал путешествовать как бродячий певец — арфисту, в отличие от лекаря, открыт до-

ступ ко двору короля,— и к седлу второго мула была приторочена моя арфа. Ульфин передал мне повод и придержал моего мерина. Лошади были свежи, им не терпелось пуститься в путь, согреться на бегу. Я произнес слова благодарности и прощания, и они с Валерием стали карабкаться обратно вверх по уступам. Они должны были наглухо заложить за собой потайную дверцу.

Я повернул коня навстречу ветру. Ральф и женщина уже выехали на высокий берег. Я увидел в вышине надо мною их смутные силуэты и бледный овал обернутого ко мне лица Ральфа. Он, указывая, вытянул руку и крикнул:

— Гляди!

Я обернулся.

Туман редел, обнажая мерцающее звездами небо. Сзади нас, в вышине над замком, проступил смутный лик луны. Тучи, точно паруса, раздутые попутным западным ветром, мчались в сторону Бретани, вот уже последняя сбежала с небес, и на востоке, в сиянии малых сестер своих, ровным светом разгорелась большая звезда — она зажглась в ночь смерти Амброзия и теперь возвещала рождение Зимнего короля.

Мы пришпорили коней и поспешили к судну.

Глава 12

Дул ровный попутный ветер, и на пятый день на восходе солнца мы завидели берега Бретани. Море здесь никогда не бывает спокойно. Крутые прибрежные скалы грозно чернели, загораживая зарю, а внизу их терзали белые клыки морского прибоя; но лишь только мы обогнули мыс Винданис, и волны сразу опали, притихли, я даже смог выйти на палубу и наблюдать, как мы причаливали к пристани южнее Керрека, которую в свое время выстроили мой отец и король Будек, когда готовили здесь армию вторжения.

Утро было тихое, в воздухе легкий морозец, поля одеты перламутровым инеем. Прибрежные земли здесь равнинные, луга и верещатники тянутся на многие мили, и морской ветер свободно гуляет над ними, просаливая травы и корежа одинокие сосны да колючий терновник. Глубокими извилистыми рытвинами вбегают к морю узкие ручьи, а в часы отлива на прибрежных отмелях полно всякой живности и крикливые морские птицы бродят между камней, привлеченные легкой добычей. Суровый край,

но изобильный, здесь в свое время нашли приют не только Амброзий и Утер, когда Вортигерн убил их брата-короля, но и многие сотни других беглецов, спасавшихся от Вортигерна и грозной саксонской опасности. Здесь и тогда уже они застали поселения кельтов, выходцев из Британии. На сто лет раньше, когда император Максим пошел в поход на Рим, те из британских воинов, кто уцелел после разгрома его армии, добрели, отступая, до этой гостеприимной земли. Кое-кто потом уплыл на родину, но большинство остались, обзавелись семьями и осели в здешних краях; мой родич король Хоэль принадлежал к одной из таких семей. Здесь было так много поселенцев-британцев, что весь полуостров стали тоже называть Британией, только Малой — в отличие от их родной Великой Британии. В языке, на котором здесь говорят, до сих пор можно узнать наречия родины, и люди поклоняются тем же богам, но память о более древних местных божествах еще сохраняется в этом краю, и все здесь немного не так и не то. Я видел, как Бранвена посматривала с палубы корабля, в изумлении широко открыв глаза и рот, и даже Ральф, уже раньше побывавший здесь как мой посланец, взирал не без видимого трепета на ряды стоячих камней, открывшиеся нам у пристани за домами и грудами мешков и бочек.

Такие камни, ряд за рядом, стоят вдоль и поперек всей Малой Британии, точно шеренги старых сивогривых воинов или рати мертвецов. И стояли, люди говорят, всегда, с незапамятных времен. Никто не знает, зачем и как они были установлены. Но мне хорошо известно, что их воздвигли не боги и не исполины и даже не колдуны, а простые смертные умельцы, и секреты их ремесла дошли до нас в песнях. Мальчиком, живучи в Бретани, я обучился этому ремеслу. Люди считают его магией. Не знаю, может быть, они и правы. Одно могу сказать наверняка: хоть камни эти воздвигнуты людьми, давно уже обратившимися в прах у их подножий, но боги, которым они служили, по-прежнему живут здесь. Когда я ходил по ночам между этих камней, я чувствовал спиной чьи-то взгляды.

Но сейчас солнце стояло высоко и золотило гранитные грани, отбрасывая на заиндевелую землю косые синие тени. У пристани было уже людно: наготове стояли телеги, рабочие сновали взад-вперед, пришвартовывая и разгружая наше судно. Мы были единственные пассажиры, но никто не взглянул дважды в сторону скромных, приличных путешественников: певца с арфой среди

поклажи, его жены с ребенком и слуги. Ральф взял младенца из рук Бранвены и, поддерживая ее свободной рукой, осторожно повел по сходням. Она была бледна и молчалива и тяжело опиралась на руку Ральфа. И, видя, как он заботливо склоняется над ней, я вдруг заметил, что он успел вырасти из мальчика в мужчину. Ему пошел семнадцатый год, и, хотя Бранвена была, должно быть, годом старше, Ральф, пожалуй, больше моего походил на ее мужа. Он был оживлен, весел и наряден в своей новой одежде, точно весенний петушок. И он, думал я, все еще ощущая, как пристань, не лучше палубы, кренится и уходит у меня из-под ног, единственный из нас хорошо перенес это плавание.

На берегу нас уже ждали. Не конный эскорт, как непременно хотелось королю Хоэлю, а заказанная Ральфом для Бранвены с младенцем простая запряженная мулом повозка, при ней возница и еще один человек, державший под уздцы двух лошадей. Этот второй шагнул мне навстречу и произнес приветствие. Держался он по-военному, но военного облачения на нем не было, и посторонний взгляд не определил бы, что это слуга короля. Ему, как видно, тоже ничего не было про нас известно, кроме того, что он должен нас встретить, отвезти в город и устроить там впредь до того дня, когда король призовет нас к себе.

И потому приветствие его было учтивым, но без особых почестей.

— Добро пожаловать, господин. Король шлет тебе свой привет. Я должен сопровождать вас в город. Надеюсь, плавание ваше было удачным?

— Корабельщики говорят, что да, но мне и этой даме что-то не верится,— ответил я.

Он усмехнулся.

— Да, вид у нее зеленоватый. Сочувствую ей. Я и сам не ахти какой мореход. А ты, господин? Сможешь ли верхом доехать до города? Здесь немногим более мили.

— Попробую,— сказал я.

Пока мы обменивались любезностями, Ральф усадил Бранвену в повозку и задернул шторы от утреннего холода. Во время этих передвижений младенец проснулся и заплакал. Отличные легкие были у маленького Артура. Я, вероятно, поморщился, потому что мой новый знакомец поглядел на меня с явной насмешкой. Я сдержанно спросил:

— Ты женат?

— А как же.

— Раньше я все пытался себе представить, что это за радости такие, которых я лишен в жизни. А теперь, кажется, понимаю.

Он посмеялся.

— Всегда можно уехать куда подальше. Ради одного этого стоит быть солдатом. Взбирайся в седло, господин.

И мы поскакали с ним бок о бок в город. Керрек — это довольно большое, наполовину военное поселение, окруженное стеной и рвом и расположенное вокруг срединного холма, на котором стоит королевская крепость. У подножия холма, откуда дорога начинала подъем к крепостным воротам, стоял дом, где жил в годы изгнания мой отец, вместе с королем Будеком собиравший и обучавший здесь войско, чтобы высадиться в Британии и отвоевать ее для себя, ее законного короля.

И вот теперь вместе со мной в Керрек прибыл, быть может, новый и славнейший ее король, чей пронзительный младенческий вопль несся из закрытой повозки, когда мы по деревянному мосту через ров въезжали под своды городских ворот.

Мой спутник ехал рядом со мною и молчал, сзади Ральф с возницей беззаботно болтали, и их голоса вместе с цокотом копыт по булыжной мостовой и побрякиванием сбруи далеко разносились в сонном утреннем безмолвии. Город еще только просыпался. Перекликались петухи во дворах и на навозных кучах. Отпирались двери домов, и женщины в платках сновали с охапками и ведрами топлива, спеша начать новый трудовой день.

Глядя вокруг, я поневоле радовался молчаливости моего спутника. За пять лет, что я здесь не был, Керрек изменился до неузнаваемости. Оно и понятно: нельзя, должно быть, вывести из города стоявшую в нем армию, которая здесь же формировалась и несколько лет обучалась, и чтобы на ее месте не осталась гулкая пустота. Войско, правда, располагалось тогда снаружи, за городскими стенами; шатры давно сняли; где был лагерь, теперь все поросло травой. Но и сам город, хотя солдаты короля Будека из него и не ушли, непоправимо утратил свой деловитый, целеустремленный характер, отличавший его во времена моего отца. На улице Саперов, где я проходил обучение под началом Треморина, осталось несколько мастерских, из открытых дверей уже доносился с утра пораньше лязг железа, но былая бодрая деловитость ушла вместе с многолюдием и говором толпы, уступив

место какому-то пустынному унынию. Я был рад, что наш путь не лежал мимо бывшего дома моего отца.

Мы должны были остановиться у одной супружеской четы. Там нас радушно встретили, Бранвену с мальчиком сразу же увели куда-то в женские владения, а меня проводили в уютную комнату, где горел огонь и стоял накрытый к завтраку стол. Слуга внес мою поклажу и хотел было остаться, чтобы прислуживать мне за трапезой, но Ральф его отослал и сам встал у меня за спиной. Я велел ему сесть и позавтракать вместе со мной, и он принялся уписывать еду как ни в чем не бывало. Позавтракав, Ральф спросил меня, не хочу ли я пойти осмотреть город, и я его отпустил, а сам остался в доме. Я человек не слабый и не так-то легко устаю, но одной короткой поездки по твердой земле и одного хорошего завтрака мне мало, чтобы прогнать мучительную дурноту и слабость, вызванные плаванием по зимнему морю. И потому, наказав Ральфу перед уходом позаботиться о благополучии Бранвены и младенца, я расположился у очага отдыхать и дожидаться приглашения от короля.

Прибыло оно под вечер, когда зажигали фонари, прибыло вместе с Ральфом, у которого глаза были просто на лбу, а через руку висел пушистый теплый плащ из мягкой шерстяной, с начесом материи густо-синего цвета.

— Вот, король тебе прислал. Наденешь?

— Разумеется. Поступить иначе — значит оскорбить монарха.

— Но ведь это королевский плащ. Люди будут смотреть на тебя и гадать, кто ты такой.

— Нет, не королевский. Это почетный плащ певца. Здесь просвещенный край, Ральф, такой же, как и моя родина. Здесь в почете не только короли и военачальники. В котором часу король примет меня?

— Через час, он сказал. Он примет тебя с глазу на глаз, а потом ты будешь петь перед всеми в дворцовой зале. Чему ты смеешься?

— Хитрости короля Хоэля. Певец является ко двору — что может быть естественнее? Но тут затесалась одна трудность: король Хоэль не выносит музыки. Однако странствующего певца можно еще и расспросить о том, что слышно на белом свете, поэтому король примет меня с глазу на глаз, а потом, если его лордам вздумается слушать мои песни, он сможет преспокойно уйти.

— Однако он прислал еще свою арфу.

Ральф кивнул в угол, где за светильником стояла зачехленная арфа.

— О да, он ее прислал, но она никогда ему не принадлежала. Это моя арфа.

Ральф поглядел на меня с недоумением. Я сказал это слишком резко. Немая арфа целый день стояла у меня на глазах, напоминая о том времени, когда я был ближе всего в жизни к тому, что мог бы назвать счастьем. Здесь, в Керреке, в доме моего отца, я отроком играл на ней чуть не каждый вечер. Я пояснил Ральфу:

— На этой арфе я здесь когда-то играл. Как видно, отец Хоэля сберег ее для меня. Едва ли чья-нибудь рука прикасалась к ней с тех пор. Ее надобно испробовать, прежде чем отправляться к королю. Сними-ка с нее чехол.

Тут у дверей заскреблись, и вошел раб с кувшином горячей воды. Пока я мылся и расчесывал волосы, а потом с помощью раба облачался в роскошный синий плащ, Ральф расчехлил арфу и поставил перед креслом.

Эта арфа была много больше той, что я привез с собой из-за моря. Та была ручная, удобная для перевозки, а эта — стоячая, со многими регистрами и такой силой звука, что слышно будет по всему королевскому дворцу. Я тщательно настроил ее и пробежал пальцами по струнам.

Проснуться к любви после долгого сна, вновь шагнуть в поэзию, проведя год на рыночной площади, или в юность, уже побывав в обличье дряхлого, сонного старца; вспомнить, чего чаял от жизни, когда скупые дары ее уже пересчитаны на перепачканных, трезвых пальцах,— вот что такое музыка, когда долго не играл. Душа расправляет крылья и, как птенец на краю гнезда, робко испытывает высоту. Перебирая наугад струны, я искал в моей арфе уснувшие страсти, осторожно, ощупью пробираясь вперед, как ступает во тьме человек по некогда знакомой почве. Тихий лепет, легкий всплеск звука, несколько громких нот. На трепещущих струнах заиграли отблески огня, и длинные золотые нити разразились песней:

Был некогда охотник в лунной тьме,
Он вздумал на топком берегу растянуть златые сети,
Сети из злата, из тяжкого металла.
Поднялся прилив и затопил сеть,
Скрыл ее в глубине, и охотник затаился
Над водой в лунной тьме.

И прилетели ночные птицы
Целыми полчищами, бессчетной королевской ратью.
Сели на воду, будто корабли,
Королевские гордые барки с серебряной кормой
и под серебряной мачтой,
Быстрые и яростные в бою,
Теснясь на воде в лунной тьме.

Тяжела внизу сокрытая сеть, ждет наготове.
Но недвижен охотник молодой, опустил руки.
Охотник, тяни сеть, нынче напитаешь детей.
И жена похвалит тебя, хитроумный охотник.

Потянул он сеть, охотник молодой,
и стянул ее быстро и крепко,
И вытянул, тяжелую, в тростники.
Тяжела она была, тяжелее злата,
но не было в ней ничего,
Не было в ней ничего, лишь вода,
Лишь вода тяжелее злата,
Да одно серое перышко
Из крыла дикого гуся.

Скрылись корабли, серебряные рати, в лунной тьме.
Остались голодными дети, и жена возносила пени,
Но охотник спал и грезил, сжимая в пальцах перо
дикого гуся.

Король Хоэль был высокий и дородный мужчина, теперь уже лет, наверное, под сорок. В то время, что я жил в Керреке — между двенадцатью и семнадцатью годами,— мы с ним почти не виделись. Он тогда был отчаянный, горячий рубака, а я — только отрок, занятый учением в лазарете и мастерских. Но позже он с армией моего отца высадился в Великой Британии и сражался там, и тогда мы с ним узнали и полюбили друг друга. Он ценил радости жизни и был, как это свойственно таким людям, добродушен и ленив. Со времени нашей последней встречи он еще больше раздался вширь, лицо покрылось багровым румянцем сладкой жизни, но я ни на миг не сомневался, что в бою он был по-прежнему стоек и несокрушим.

Я начал разговор с того, что вспомнил его отца короля Будека и происшедшие у них перемены. Мы немного побеседовали о старых временах.

— Да, хорошие были годы,— говорил он, подперев кулаком подбородок и глядя в огонь.

Он принял меня в своей опочивальне и, когда слуги принесли нам вина, выслал их всех вон. У ног его на звериных шкурах дремали, растянувшись, гончие псы, видя во сне утреннюю охоту. Свежевычищенные охотничьи копья стояли у стены за спинкой его кресла, и отблески огня играли на их сизых стальных гранях. Король расправил могучие плечи и с тоской произнес:

— Кто знает, вернутся ли еще к нам добрые времена?

— Ты говоришь о годах, когда мы воевали?

— Я говорю о годах, когда правил Амброзий.

— Добрые времена к нам вернутся, вот только нужна твоя помощь.

Он посмотрел на меня с недоумением и даже какой-то неловкостью. Я старался изъясняться будничными словами, но был слишком очевиден их высокий смысл. Хоэль же, подобно Утеру, любил простое, обыкновенное, ясное.

— Это намек на младенца? На бастарда? Значит, несмотря ни на что, он все же наследует Утеру?

— Да. Я ручаюсь в этом.

Хоэль отвел взгляд и провел пальцем по краю кубка.

— Что ж, мы тут его сбережем. Но скажи мне, к чему такая таинственность? Утер прислал мне письмо, где просит открыто, чтобы я позаботился о ребенке. От Ральфа я не смог добиться толку. Я, разумеется, помогу всем, чем могу, но ссора с Утером мне нежелательна. Из его письма явствует, что этот мальчик будет наследником только в случае, если не появится другой, у которого больше прав.

— Верно. Но не бойся, мне тоже ссора между тобой и Утером нежелательна. Нельзя бросить один лакомый кус двум грызущимся псам и рассчитывать на его сохранность. Пока не родится мальчик, у которого, как Утер говорит, больше прав наследовать престол, для Утера, как и для меня, важно, чтоб был жив и здоров этот. Он посвящен в мои планы — до некоторого предела.

— Ах так.

Он скосил на меня заинтересованный взгляд. Я не ошибся на его счет. К Британии он, может быть, и дружески расположен, но насолить за спиной королю Британии отнюдь не прочь.

— До какого же предела?

— Пока мальчика не отлучили от груди, не отняли у женщин и не передали в мужское общество для обучения мужским искус-

ствам. Лет до четырех. После этого срока я его у тебя заберу, и он должен будет возвратиться в Британию. Если Утер вздумает справиться о его местонахождении, придется ему сказать, но пока он не спросит — к чему соваться? Я так полагаю, что Утер вообще не вспомнит об этом ребенке. Он постарается по мере сил забыть о его существовании. Но как бы то ни было, это уж моя забота, а не твоя. Он поручил мальчика мне, дабы я воспитал его по своему разумению.

— Но не опасен ли для ребенка возврат на родину? Сейчас Утер отсылает его сюда, боясь, что дома ему от врагов грозит опасность. Уверен ли ты, что к тому времени она минует?

— Придется рискнуть. Я хочу быть поблизости от мальчика в годы его ученичества. А он должен воспитываться в Британии, и, стало быть, его местонахождение надо будет хранить в тайне. Всем нам, Хоэль, предстоят тяжелые времена. Я еще не вижу, что именно должно произойти, знаю только, что у этого мальчика — этого бастарда, как ты говоришь,— будет много врагов, больше, чем у его отца Утера. Внебрачный, говоришь ты, и то же будут говорить другие, кому он окажется поперек дороги. У него будут тайные недруги пострашнее саксов. И потому его следует укрыть впредь до того дня, как настанет срок ему принять корону, и пусть тогда его не коснется тень сомнения и он станет королем в глазах всей Британии.

— Вот, значит, как. Это что же, видение тебе было такое? — Но прежде чем я успел ответить, он уже уклонился от этих чуждых ему материй, прокашлялся и сказал: — Хорошо, я буду охранять его по мере моих сил. Только объясни мне, чего именно ты для него хочешь. Ведь ты знаешь, что говоришь, ты человек умный. И верю, ты не поссоришь меня с Утером.— Он гортанно хохотнул.— Помню, Амброзий говаривал, что ты, даже отроком, разбирался в политике лучше, чем десять постельных императоров.

Мой отец, разумеется, ничего такого не говорил, и, уж во всяком случае, не Хоэлю, который сам славился любовными подвигами, но я оценил его слова как изъявление дружества и поблагодарил. Он продолжал:

— Так что скажи мне, чего ты хочешь. Я, признаться, немного сбит с толку... Эти недруги, о которых ты говоришь, разве они не догадаются, что мальчик в Бретани? Ты ведь говорил, что Утер не делал тайны из своих намерений прислать его сюда.

А что королевский корабль отойдет и ни тебя, ни мальчика на борту не будет, так они могут решить, что вы отплыли раньше, и станут искать в Бретани, разве нет?

— Возможно. Но ребенок к тому времени уже будет укрыт в месте, которое я для него уготовил и куда Утеровы лорды не додумаются заглянуть. Сам же я уеду обратно.

— Что же это за место? Должен ли я его знать?

— Конечно. Это небольшая деревушка у ваших северных границ, близ Ланаскола.

— Что? — Он не скрыл своего изумления. Один пес завозился во сне и приоткрыл карий глаз.— На севере? На границе с владениями Горлана? Но Горлан — не друг Дракону.

— И мне тоже,— кивнул я.— Он гордец, и между его домом и домом моей матери старая вражда. Но ведь с тобой он не ссорился?

— Нет, нет! — горячо ответил Хоэль тоном уважения одного бойца к другому.

— Так я и думал. Поэтому от Горлана не приходится опасаться набегов на твои владения. Ну а кому могло бы прийти в голову, что я помещу мальчика в такой близости от Горлана? Что изо всей Бретани я изберу место в одном полете стрелы от Утерова врага? Нет, там он будет в безопасности. Там я смогу оставить его спокойно. Но это не значит, что я не обязан тебе благодарностью от всей души,— с улыбкой добавил я.— Даже звезды по временам нуждаются в помощи.

— Рад это слышать,— смущенно буркнул Хоэль.— Нам, простым смертным королям, приятно сознавать, что мы тоже причастны к важным делам. Хотя ты и твои звезды могли бы, кажется, немного облегчить нам работу. Разве в неоглядных лесах, что тянутся отсюда на север, не найдется для мальчика иного укрытия, чем только на самой границе?

— Может быть, и нашлось бы, но там у меня есть верный дом. Дом единственного на обе Британии человека, который точно знает, что нужно ребенку в первые четыре года жизни, и будет заботиться о нем, как о своем родном дитяти.

— Женщина?

— Да. Моя кормилица Моравик. Она родом бретонка и, когда в Камлахской войне разорили Маридунум, оставила Южный Уэльс и вернулась на родину. Ее отец содержал таверну в местеч-

ке под названием Колль. Состарившись, он нанял себе помощника по имени Бранд. Бранд был вдов, и Моравик вскоре после приезда вышла за него замуж, ну просто чтобы все у них было по-божески... я имею в виду не только хозяйство, так как хорошо знаю Моравик... Там они живут и теперь. Ты, наверно, не раз проезжал их тихую таверну, хотя вряд ли когда останавливался в ней — она стоит при слиянии двух речек у моста. Бранд — отставной солдат твоего войска и добрый малый и, конечно, делает все, что Моравик ему велит.— Я улыбнулся.— Не знаю мужчины, который бы ей не подчинился, разве что, может, мой дед.

— М-м, да,— все еще с сомнением протянул Хоэль.— Помню эту деревеньку. Кучка домишек у моста, только и всего... Как ты говоришь, мало кому придет в голову искать там королевского наследника. Но таверна, придорожный постоялый двор? Разве одно это не грозит опасностью? Когда столько народу — и Горлановы люди тоже: ведь сейчас перемирие — проезжает мимо и останавливается в ней?

— Да, и потому никого не удивит, что туда начнут наведываться люди от тебя или от меня. Мой слуга Ральф останется там охранять мальчика, но его нужно будет оповещать о событиях в Британии, да и сам он должен будет время от времени отправлять известия тебе и мне.

— Да. Я понимаю. А как ты его туда доставишь?

— Никто не обратит внимание на странствующего арфиста, зарабатывающего в пути на пропитание своим искусством. А Моравик уже загодя распустила слухи, которые объяснят внезапное появление Ральфа с младенцем и кормилицей. Будет считаться, если кто спросит, что Бранвена приходится Моравик племянницей, что, служа в Британии, она родила от своего хозяина и хозяйка вышвырнула ее из дому; но хозяин дал ей денег на дорогу и подрядил странствующего певца со слугой, чтобы отвезли ее в дом к тетке. А там певцов слуга решит оставить свое место и поселиться с молодой женщиной.

— А сам певец? Сколько времени ты там пробудешь?

— Не дольше, чем пробыл бы настоящий странствующий певец, а потом снова пущусь в странствие, и все обо мне забудут. К тому времени, когда недруги спохватятся и вздумают разыскивать Утерова сына, им его уже не найти. Бранвену никто не знает, а ребенок — обыкновенный ребенок. В любом доме таких по нескольку.

Хоэль кивал, слушал, обдумывал, задавал еще вопросы. Наконец он признал:

— Да, пожалуй, это все разумно. Чего же ты ждешь от меня?

— У тебя есть соглядатаи в королевствах, которые граничат с твоим?

Он засмеялся.

— Шпионы? У кого их нет?

— Значит, тебе сразу станет известно, как только со стороны Горлана или кого другого возникнет опасность. И если ты обеспечишь быструю и тайную связь с Ральфом, случись в том нужда...

— Ничего нет проще! Положись на меня. Я все сделаю, разве вот войной на Горлана, пожалуй что, не пойду,— со смешком заключил он.— Знаешь, Мерлин, я так рад тебя видеть после долгой разлуки. Сколько ты можешь у нас прогостить?

— Завтра же я должен выехать с младенцем на север. И поеду, с твоего изволения, без всякого эскорта. Оттуда вернусь, как только удостоверюсь, что все устроилось как надо. Но во дворец больше не приду. Ты мог один раз принять у себя заезжего менестреля, но, если возьмешь это за правило, все будут очень удивлены.

— О да, клянусь богом!

Мы посмеялись.

— Если погода продержится, Хоэль, нельзя ли, чтобы твое судно повременило с отплытием, пока я не вернусь? — спросил я.

— Сколько угодно,— ответил он.— А далеко ли ты думаешь отправиться?

— Сначала в Массилию, потом сушей в Рим. А дальше — на Восток.

Он удивился.

— Вот как? Ну и чудеса! Я-то всегда считал, что ты сидень несдвигаемый, как твои туманные холмы. Что это тебя надоумило?

— Не знаю. Что подсказывает нам решения? Я должен на несколько лет затеряться, покуда не понадоблюсь мальчику, и такое путешествие представляется как раз кстати. Притом еще я слышал кое-что.— Я не стал ему рассказывать, как ветер звенел тетивами.— У меня возникла охота повидать места, о которых мне столько пели в детстве.

Мы побеседовали еще немного. Я обещал слать ему письма из восточных столиц и наметил несколько городов, куда он сможет направлять для меня свои и Ральфовы сообщения об Артуре.

Огонь в очаге прогорел, и Хоэль громовым басом кликнул слугу. Когда мы снова остались одни, Хоэль сказал:

— Скоро тебе надо будет идти распевать в зале. Так что если мы обо всем договорились, то и дело с концом.

Он откинулся на спинку кресла. Один из псов поднялся, подошел к нему и ткнулся в колено, ища ласки. Склонившись над шелковистым загривком, король сверкнул на меня веселыми глазами.

— Ну так какие же новости в Британии? Перво-наперво жду от тебя рассказа из первых рук о том, что же на самом деле произошло девять месяцев назад.

— Если только ты прежде поведаешь мне, что об этом люди рассказывают.

Он засмеялся.

— Да что рассказывают? Те же самые байки, что и всегда тянутся за тобою, словно плащ, хлопающий на ветру. Колдовство, летающие драконы, люди, невидимо перенесенные по воздуху и сквозь стены. Удивляюсь я тебе, Мерлин, зачем только ты переезжаешь через море на корабле и мучаешься морской болезнью, как простой смертный? А теперь давай выкладывай.

Вернулся я на наше подворье поздно. Ральф ждал в моей комнате, клюя носом в кресле у очага. При виде меня он вскочил и принял у меня арфу.

— Все хорошо?

— Да. Завтра утром мы отправляемся на север. Нет, спасибо, вина мне не надо, я пил с королем, и потом меня еще заставили выпить в зале.

— Дай я помогу тебе снять плащ. У тебя усталый вид. Тебе пришлось им петь?

— Разумеется.— Я протянул на ладони кучку золотых и серебряных монет и булавку с алмазом.— Приятно сознавать, что способен заработать себе на жизнь, да еще с избытком. Алмаз — это от короля, отступное, чтобы я кончил петь, иначе они бы меня по сию пору держали. Я тебе говорил, что здесь культурная страна. Да, запри в ящик большую арфу, я возьму с собой завтра маленькую.— Он повиновался.— А как Бранвена и ребенок?

— Улеглись спать три часа назад. Она легла с женщинами. Они, по-моему, рады-радешеньки, что могут повозиться с младенцем.

В его тоне прозвучало недоумение, и я засмеялся.

— А он перестал орать?

— Не сразу. Часа через два. Но им, кажется, и это хоть бы что.

— Ну, так завтра с петухами, когда мы их поднимем, он снова примется за дело. Ступай поспи, пока можно. Мы выезжаем на рассвете.

Глава 13

Из Керрека почти строго на север идет старая римская дорога, которая протянулась по голым, засоленным лугам, прямая, как бросок копья. В миле от города, за бывшей развалившейся заставой, впереди появляется темная стена леса, словно медлительная волна морского прилива, наступающая на солончаковую низину. Это и есть большой бретонский лес, густой и дикий. Дорога прорезает его насквозь и выходит к реке, которая делит страну на две части. Когда римляне владели Галлией, на том берегу реки стояла крепость, и дорога была построена, как раз чтобы соединить ее с морем; но теперь владения Хоэля доходят лишь до реки, и римская крепость служит уже твердыней Горлану. Однако далеко в леса не простирается власть ни того, ни другого короля — труднопроходимые, они тянутся на много миль, покрывая холмистую сердцевину полуострова Бретань. Если кто и проезжает здесь, то только по старой дороге, а в лесную глушь уходят лишь проселки лесорубов и угольщиков да тропы, проложенные теми, кто не ведает закона. Во времена, о которых я веду речь, эта местность носила название Гиблый лес и считалась заколдованной, нечистой. Стоило только свернуть с дороги и углубиться в чащу по одной из троп, извивающихся среди переплетенных стволов, и можно было ехать день за днем, не видя дневного света.

Когда мой отец стоял в Бретани у короля Будека, его воины блюли порядок даже в лесной чаще до реки, за которой начинались владения Горлана. Вырубали деревья по обе стороны от дороги, расчищали просеки в лесу. Но все это теперь пришло в запустение, молодой лес и кустарник подступили вплотную, мо-

щеную поверхность дороги давно взломали морозы, местами она уже совсем исчезла, и под ногами лежала твердая, смерзшаяся земля, которая с оттепелью превратится в непролазную, жидкую грязь.

Мы выехали на заре холодного серого дня. Солоноватый ветер дул нам в спину. Он летел с моря и был полон влаги, но дождя не принес, и ехать было нетрудно. Огромные вековые деревья стояли вдоль дороги, точно чугунные колонны, поддерживающие низкий серый свод небес. Мы ехали молча. Густой подлесок справа и слева принудил нас даже по дороге двигаться не иначе как гуськом. Я ехал впереди, за мной Бранвена, а позади Ральф, ведший еще в поводу мула с поклажей. Первый час пути я чувствовал, что Ральф насторожен — он все поглядывал по сторонам, прислушивался; но в лесу видна была только обычная, мирная зимняя жизнь: лиса, олень с оленухой, один раз промелькнула черная тень — быть может, волк, уходящий в чащобу. И больше ничего — ни стука копыт, ни следа человека.

А Бранвена не выказывала признаков боязни. Она спокойно ехала за мной, безмятежно сидя на своем семенящем муле. Я не много рассказал здесь о Бранвене, потому что, признаюсь, мне мало что о ней известно. Оглядываясь теперь на давно прошедшие годы, я вспоминаю только каштановую голову, склоненную к младенцу, округлую щеку, опущенный взор, кроткий голос. Тихая молодая женщина; она, правда, свободно болтала с Ральфом, но ко мне почти никогда не обращалась, видно, я внушал ей трепет и как принц, и как колдун. Она словно и не догадывалась об опасностях нашего путешествия. И то, что она очутилась за морем, в незнакомой стране, тоже ее, в отличие от большинства ее сверстниц, оставляло равнодушной. Такое несокрушимое спокойствие проистекало не из особого доверия ко мне или Ральфу; я убедился, что она просто кротка и послушна до глупости и так предана ребенку, что остального ничего не замечает. Она относилась к тому типу женщин, для которых весь смысл жизни — в рождении и вскармливании детей, и, не будь у нее сейчас Артура, она бы, без сомнения, горько убивалась по своем умершем младенце. А так она, как видно, и думать забыла о постигшем ее горе и пребывала в эдаком полусонном блаженстве — как раз то, что нужно, для того чтобы Артур благополучно перенес все тяготы путешествия.

К полудню мы уже далеко углубились в лес. Над головами у нас густо сплетались ветви деревьев, в летнюю пору они как щитом скрыли бы от нас небо, но теперь сквозь голые зимние сучья проглядывало бледное, затуманенное пятно света там, где на небе полагалось находиться солнцу. Я ехал и высматривал, где бы нам свернуть с дороги, чтобы не оставить слишком заметных следов, и вот, как раз когда младенец проснулся и начал выказывать признаки недовольства, я увидел прогалину в чаще и повернул лошадь.

Здесь начиналась тропа, узкая и извилистая, но в зимнее время проезжая. Она уводила от дороги шагов на сто и здесь раздваивалась: одна уходила дальше, в гущу деревьев, другая, еле видная оленья тропка, круто сворачивала к подножию скалистого утеса. По ней мы и поехали. Она вела нас меж огромных валунов, на которых шуршали бурые прошлогодние папоротники, потом пошла вверх, обогнула сосновую рощу и потерялась на полянке, покрытой жухлой травой. Сюда, сквозь просвет в деревьях, проникало скудное тепло зимнего солнца. Мы спешились. Я расстелил в укрытии под навесом скалы конский чепрак для Бранвены, а Ральф спутал лошадей на опушке и насыпал им корму из чересседельных сумок. После этого мы сами уселись за обед. Я сидел с краю, спиной к дереву, и мне была видна сверху главная тропа, по которой мы приехали к развилке. Ральф в глубине укрытия помогал Бранвене. Завтракали мы рано и теперь испытывали голод. Младенец принялся вопить благим матом, еще когда мулы карабкались к месту стоянки. Но теперь ротик ему заткнул кормилицын сосок, и он, прекратив вопли, принялся деловито насыщаться.

В лесу было тихо-тихо. Дикие твари обычно не показываются в дневную пору. Одна только черная ворона, тяжело взмахивая крыльями, прилетела, уселась на сосне над нами и начала громко каркать. Лошади сжевали корм и, обессиленные, задремали стоя, свесив головы. Младенец еще сосал, но уже не так жадно, погружаясь постепенно в молочную дрему. Я прислонился затылком к сосновому стволу. Бранвена вполголоса беседовала с Ральфом. Он сказал ей что-то в ответ, она засмеялась, и тут сквозь журчание их молодых голосов до меня донесся другой отдаленный звук. Лошади. На рысях.

По моему знаку они оба разом смолкли. Ральф в мгновение ока очутился подле меня и опустился на колени, выглядывая на

тропу, проходившую внизу под утесом. Бранвене я сделал знак оставаться в укрытии — напрасно беспокоился, потому что в это время младенец срыгнул, и она, подняв его себе на плечо, стала хлопать по спинке, а все остальное перестало для нее существовать. Мы с Ральфом, стоя на коленях, наблюдали за тропой.

Лошадей, судя по звуку, было две. Это не были ни вьючные клячи дровосеков, ни тихий обоз угольщиков. Лошади на рысях в Гиблом лесу могли означать лишь одно: опасность. Путники, подобно нам везущие золото — а у нас были деньги на содержание ребенка,— легко становились жертвой дурных и озлобленных людей. Связанные присутствием Бранвены и Артура, мы не могли ни вступить в бой, ни спастись бегством. И затаиться незаметно, чтобы беда нас миновала, из-за младенца было тоже нелегко. Я заранее предупредил Ральфа: что бы ни случилось, его место — подле Бранвены, при малейшей угрозе он обязан предоставить мне по моему разумению отвлечь от них опасность. Он тогда спорил, возмущался, но потом признал мою правоту и поклялся подчиниться.

Теперь я шепнул:

— Их, кажется, только двое. Если они поедут от развилки по другой тропе, мы останемся незамеченными. Скорее к лошадям. И ради господа, скажи Бранвене, чтобы младенец молчал.

Ральф послушно вскочил на ноги. Пробегая к опушке, он шепотом передал мой наказ кормилице, и я видел, как она, послушно кивнув, переложила Артура к другой груди. Ральф, как тень, исчез среди сосновых стволов. Я замер в ожидании, не сводя глаз с тропы.

Всадники приближались. В тишине леса только ворона по-прежнему каркала на сосне. И тут я их увидел. Две лошади, гуськом рысившие по узкой тропе; бедные твари, они родились крупными боевыми конями, но, как видно, давно не кормились досыта и трусили кое-как, ставя ноги куда придется, так что всадники с проклятиями дергали их за узду над каждой выбоиной и над каждым корнем. Похоже, что это и вправду были разбойники. Вид у них был не менее запущенный, чем у коней, почти дикий и явно опасный. Одеты они были в остатки какой-то солдатской формы, а у одного на рукаве виднелся даже грязный полуоторванный военный значок. Кажется, Горланов. Тот, который ехал сзади, едва держался в седле: он был, очевидно, пьян и ни на что не обращал внимания, но передний ехал весь настороже и то и

дело поворачивал из стороны в сторону голову, как собака, вынюхивающая след. Он держал наготове расчехленный лук. А в рваных кожаных ножнах на бедре поблескивал большой, смертоносно отточенный нож.

Вот они прямо подо мной. Проезжают. Ни младенец у груди, ни наши лошади, спрятанные в соснах, не издали ни звука. Одна только черная ворона, раскачиваясь вверху под зимним солнцем, бранилась во всю глотку.

Я увидел, как тот, у которого был лук, поднял голову, сказал что-то через плечо, я не разобрал что. Затем, обнажив в ухмылке ряд кривых зубов, он поднял лук, натянул тетиву, и стрела, зазвенев, полетела в сосновую крону. Выстрел был точен. Ворона с криком взмыла над сосной и упала пронзенная. Она шлепнулась на поляну в двух шагах от Бранвены с младенцем, похлопала крыльями и затихла.

Я попятился и побежал к соснам, слыша сзади себя смех обоих всадников. Теперь стрелок, конечно, повернет сюда за стрелой. Уже слышно было, как трещит подлесок под грудью его коня. Я подобрал стрелу вместе с вороной и швырнул вниз под валуны. Он с тропы не мог видеть, куда упала его добыча, может быть, найдя ее под камнями, он удовлетворится этим и не поедет дальше? На бегу я заметил, как блеснули на меня испуганные глаза Бранвены, затаившейся с младенцем у груди. Но она не шелохнулась, а младенец крепко спал. Я сделал ей знак рукой, одновременно успокоительный, похвальный и предостерегающий, и побежал к лошадям.

Ральф стоял с ними в сосняке, собрав в одну руку все уздечки и закутав им глаза и ноздри своим плащом. Я остановился, прислушался. Разбойники приближались. По-видимому, они не заметили вороны со стрелой. Они без остановки пробирались вверх по склону прямо к сосняку.

Я выхватил у Ральфа повод моего гнедого и приготовился вскочить в седло. Гнедой заходил в поводу, с треском ломая копытами сухие сучья и травы. Послышался шум, бряканье сбруи — разбойники осадили коней. Один из них по-бретонски сказал другому: «Слушай!» — и раздался металлический шелест обнажаемых мечей. Я вскочил в седло. Вытащил меч. И уже открыл было рот, чтобы крикнуть, как меня предупредил чужой возглас и затем вопль одного из всадников: «Смотри! Смотри туда!» Мой конь взметнулся на дыбы, а в это время из кустов у меня под

самым носом выскочило что-то белое и промчалось мимо, едва не задев мое колено.

Это была белая оленуха, прятавшаяся в зимнем лесу. Плавно, как призрак, пронеслась она между сосен по краю нашей поляны, на миг замерла на фоне неба и устремилась между камней вниз, по склону, прямо на тропу, по которой ехали те двое. Раздались торжествующие вопли, щелк хлыста, топот копыт: всадники поворачивали лошадей и пускали их в галоп по тропе обратно. Зазвенел охотничий клич. Я соскочил с седла, кинул поводья гнедого на руки Ральфу и побежал назад к моему наблюдательному посту за камнем. Я только успел заметить, как двое всадников во весь опор проскакали по тропе в обратном направлении. Впереди них, точно клок тумана между голых стволов, мелькнула на мгновение белая оленуха. Хохот, охотничий гик, дробь копыт эхом раскатились по лесу и затихли в отдалении.

Глава 14

Река, ограничивающая с севера королевство Хоэля, протекает через самую гущу леса. Она почти всюду катит волны в тесном ущелье древесных стволов, и весь лес изрезан небольшими, буйно заросшими обрывистыми оврагами, по которым извиваются и бегут ее многочисленные притоки. Но есть одно место, где крутые лесистые склоны расступаются и образуют широкую зеленую долину, там люди издавна обрабатывали поля и свели деревья под пастбища вокруг маленького поселения под названием Колль, что по-бретонски значит «Укромное место». Здесь в прошлые времена был римский перевалочный пункт на дороге из Керрека в Ланасколь. От него остался только старый ров, отводивший воду из реки. Деревня стояла в излучине. С двух сторон ее защищала река, римский ров был расчищен и тоже заполнен водой. Внутри подымались защитные земляные насыпи, увенчанные частоколом. Подъездной мост в римские времена был каменным, от него остались мощные быки, перекрытые теперь дощатым настилом. Хотя это и неподалеку от Горлановых пределов, но оттуда в деревню можно было проехать только узким речным ущельем, где шла старая римская дорога, теперь совсем разрушенная и вновь ставшая той каменистой тропой, по которой пробирался лесной зверь и дикий человек, когда еще не было в этих землях римлян. Поистине Колль — удачное название.

Таверна Бранда стояла сразу, как въедешь в ворота. Главная улица деревни представляла собой едва ли не простую тележную дорогу, неровно мощенную разномерным булыжником. Таверна была расположена справа, немного отступя от дороги. Низкое строение, сложенное из грубого камня, слепленного серым раствором, службы вокруг — убогие мазаные хижины. Крыша на доме была камышовая, новая, камыши плотно уложены, переплетены веревкой и прижаты тяжелыми камнями. Дверь стояла распахнутая, как и полагается двери таверны, но завешенная от непогоды толстым меховым пологом. Из дымохода сбоку подымался ленивый дымок, пахнущий торфом.

Мы приехали вечером, когда ворота уже закрывались. Со всех сторон, смешанные с торфяным дымом, тянулись запахи стряпни. Народу было видно мало: детвору давно зазвали по домам, взрослые сели за ужин. По улице лишь кое-где бродили голодные псы; просеменила мимо старуха, одной рукой придерживая платок на голове, а другой прижимая квохчущую курицу под мышкой; тащился по улице мужчина с упряжкой усталых волов. Неподалеку звенела наковальня кузнеца и резко пахло паленым лошадиным копытом.

Ральф с сомнением оглядел таверну.

— В октябре, в солнечный день она казалась как-то приличнее. Не слишком-то важные хоромы, а?

— Тем лучше,— ответил я.— В такой дыре никому не придет в голову искать сына короля Британии. Войди же и сыграй свою роль, а я пока подержу лошадей.

Ральф отвел полог и вошел. Я помог Бранвене спуститься на землю и усадил ее на лавке возле двери. Младенец проснулся и начал было попискивать, но в это время опять появился Ральф в сопровождении рослого грузного мужчины и мальчика. Мужчина был, по-видимому, сам Бранд, когда-то он служил в королевском войске и до сих пор имел солдатскую выправку, а на тыльной стороне правой его руки виднелся сморщенный рубец от старой раны.

Он замялся, не зная, как обратиться ко мне. Я быстро проговорил:

— Ты хозяин заведения, добрый человек? Я Эмрис, певец, мне поручено доставить тебе племянницу твоей жены с ребенком. Вы нас ожидали, полагаю?

Он прокашлялся.

— Да, да, конечно. Добро пожаловать. Моя жена уж с неделю высматривает вас на дороге.— Он увидел, что мальчик разглядывает меня, выпучив глаза, и сердито сказал ему: — Ну, чего уставился? А ну живо отведи лошадей на задний двор.

Мальчик бросился выполнять приказ. А Бранд, склонив голову и вытянув руку не то в военном приветствии, не то просто приглашая, сказал:

— Входите, милости просим. Ужин скоро поспеет. Правда,— опять замялся он,— общество у нас простое, но, может быть...

— Я привык к простому обществу,— безмятежно отозвался я и шагнул через порог.

В эту пору года на дорогах проезжие редки, и в таверне было не людно. В низком помещении, освещенном слабым светом единственной сальной свечи и горящего торфа в очаге, сидело с полдюжины посетителей. При нашем появлении они оборвали разговор, все повернули головы, с любопытством разглядывая мою арфу, от одного к другому пробежал шепоток. На женщину с младенцем никто даже не взглянул. Бранд поспешно провел нас к дальней двери за очагом. Мы вошли в заднюю комнату, дверь за нами затворилась, и я увидел Моравик. Уставя руки в бока, она ждала нас.

Как бывает всегда, если не видел человека с детства, она стала словно бы меньше ростом. Я расстался с ней двенадцатилетним мальчиком, хотя и довольно рослым для своих лет. Но она тогда была много крупнее меня, грузная женщина, обладавшая властным голосом и правом непререкаемых суждений, каким была облечена со времен моего раннего детства. Теперь же она едва доставала мне головой до плеча, однако голос и стать сохранила и непререкаемость суждений, как мне вскоре пришлось убедиться,— тоже. Хоть я и вырос любимым сыном верховного короля Британии, для нее я навсегда остался маленьким шалуном, за которым нужен глаз да глаз.

Ее первые слова прозвучали забавной укоризной:

— Ишь как поздно приехал, чуть было уж ворота не заперли! Того гляди, остались бы ночевать в лесу, утром бы костей не собрали, там и волки рыщут, да и похуже кто. И промокли небось — святые милостивцы и звезды небесные, спасите нас, ты погляди, какой на тебе плащ! Снимай немедленно и подойди к огню. Скоро ужин будет готов, по твоему вкусу стряпается. Я все

помню, что тебе нравилось, маленький Мерлин. Вот уж не думала увидеть тебя еще хоть раз у себя за столом после того ночного пожара; тогда утром хватились — тебя нигде нет, одни только косточки обгорелые нашли на пожарище.— Тут она вдруг бросилась ко мне и крепко обняла меня. По щекам у нее текли слезы.— Ах, маленький Мерлин, как я рада тебя видеть!

— А я тебя, Моравик.— Я обнял ее.— Клянусь, ты, видно, с каждым годом молодела с тех пор, как оставила Маридунум. И вот теперь я опять в долгу перед тобою, перед тобою и твоим добрым муженьком. Я этого никогда не забуду. И король тоже. Познакомься: вот это — Ральф, мой товарищ, а это,— я вытолкнул молоденькую кормилицу вперед,— это Бранвена с младенцем.

— Ах, ну конечно! Младенчик! Спаси нас всех богиня. От радости, что вижу тебя, Мерлин, я совсем о нем позабыла! Подойди ближе к огню, милая, не стой там на сквозняке. Ближе, ближе, где свет, дай-ка я взгляну на него... Ах ты агнец мой, ах ты душенька!..

Бранд с улыбкой тронул меня за рукав.

— Ну теперь, раз уж она его увидала, сударь, то забудет обо всем на свете. Хорошо еще, что успела поставить для вас ужин на плиту. Садитесь вот здесь, я сам буду вам прислуживать.

Моравик приготовила жирную баранью похлебку, горячую и сытную. Баранина солончаковых пустошей Бретани не хуже, чем наша уэльская. В похлебке плавали клецки, и прямо с пылу на стол Бранд вывалил свежий, ароматный хлеб. Еще он принес кувшин красного вина, много лучше того, что делают у нас на родине. Бранд прислуживал за столом, а Моравик тем временем хлопотала вокруг Бранвены и младенца, который издавал оглушительные вопли, пока его не поднесли к груди кормилицы. Огонь в очаге пылал и потрескивал, было тепло, пахло ароматной пищей и добрым вином, отсветы пламени играли на щеке Бранвены и на головке младенца. Я почувствовал, что на меня кто-то смотрит, и, обернувшись, встретился глазами с Ральфом. Он раскрыл было рот, чтобы что-то сказать, но в это время в соседнем помещении послышался шум, и хозяин, извинившись, поставил кувшин на стол и поспешил вон. Дверь за собой он закрыл неплотно, и мне слышны были громкие голоса — какой-то разговор или спор. Бранд отвечал тихо, но шум не унимался.

Наконец он вернулся ко мне, плотно затворив за собой дверь, и с озабоченным видом сказал:

— Господин, они видели, как ты входил и с собой у тебя была арфа. Ну и понятное дело, они требуют песню. Я пытался уверить их, что ты устал, что ты с дороги, но они не слушают. Говорят, что купят тебе на круг ужин, если песня придется им по вкусу.

— Ну что ж,— сказал я.— Пусть покупают.

У Бранда отвисла челюсть.

— Как? Ты? И будешь петь перед ними?

— Разве у вас в Бретани ничего не знают? Я ведь и в самом деле певец. И мне не впервой зарабатывать пением себе ужин.

Моравик, сидевшая с Бранвеной у очага, удивленно подняла голову.

— Это что-то новое! Про снадобья и всякие зелья я знала, ты перенял это искусство у отшельника, что жил за мельницей. И про чары тоже...— Она осенила себя крестом.— Но музыка? Кто тебя научил?

— Ноты преподала мне королева Ольвен,— ответил я и пояснил для Бранда: — Это жена моего деда, урожденная валлийка, она пела, как жаворонок. Позже, в Бретани, когда я жил здесь с Амброзием, у меня был учитель. Вы, может быть, даже знаете его: слепой старец, он путешествовал по всему свету и всюду пел свои песни.

Бранд кивнул, верно понял, о ком я говорю, а Моравик только поглядела с сомнением, поцокала языком и покачала головой. Должно быть, тот, кто рос у тебя на руках с младенчества и до отроческих лет, а потом потерялся из виду, навсегда останется в твоих глазах несмышленышем. Я засмеялся.

— Да вот недавно еще, на пути сюда, я играл перед королем Хоэлем в Керреке. Его, правда, трудно счесть знатоком, но и Ральф тоже меня слышал. Спросите у него, если не верите, что я способен заработать себе на ужин.

Бранд покачал головой.

— Но петь перед эдакой публикой?

— Почему же нет? Бродячий менестрель поет тем, кто ему за это платит. А я, покуда нахожусь в Малой Британии, всего лишь менестрель, не больше.— Я поднялся с кресла.— Ральф, подай мою арфу. Допей вино сам и ложись спать. Меня не жди.

И я вышел в общую залу. Народу здесь поприбавилось, в теплом полусвете набралось теперь, наверное, человек двадцать. При моем появлении раздались возгласы: «Певец! Певец! Песню нам! Спой песню!»

— В таком случае подвиньтесь, добрые люди,— сказал я.

Мне освободили скамью у очага, кто-то протянул кубок с вином. Я сел и стал настраивать струны. Все молчали и смотрели на меня.

Это были простые люди, а простые люди любят слушать про чудеса. Я спросил, какую песню им спеть, они стали называть кто одну, кто другую — разные легенды о богах, битвах и волшебстве, покуда наконец я сам не остановил свой выбор — помня о младенце, спящем в соседней комнате,— на истории «Сон Максена». Это настоящая волшебная сказка, не хуже прочих, хотя герой ее — римский полководец Магнус Максимус, реальное лицо. Кельты зовут его Максен Владиг, и легенда о сне Максена родилась в певучих долинах Уэльса, где каждый считает принца Максена своим родичем; рассказы о нем передавались из уст в уста, так что в конце концов, явись даже сам Максим, чтобы поведать, как все было в действительности, ему все равно бы никто не поверил. «Сон Максена» — длинная песня, каждый певец исполняет ее на свой лад. Вот как спел ее в тот вечер я:

«Максен, римский император, отправился на охоту, но, утомленный дневным зноем, прилег поспать на берегу большой реки, что катит свои воды к Риму, и привиделся ему сон.

Снилось ему, что пробирается он вверх по реке к ее истокам, и вот перед ним — высочайшая гора мира, а из нее истекает другая полноводная река, и по ней поплыл он через широкие поля и густые леса, покуда не достиг устья, а там на берегу тихой гавани стоит город со стенами и башнями. Посреди гавани — корабль златой и серебряный, на палубе не видно матросов, но паруса подняты и трепещут, надутые ветром с востока. Перешел он на корабль по сходням из белой китовой кости, ступил на палубу, и корабль отплыл.

Дважды вставало и садилось солнце, и вот завидел он перед собой прекраснейший в свете остров и, оставив корабль, прошел весь остров от моря до моря. Выйдя на западный берег, увидел он через узкий пролив другой остров. А подле себя на берегу — прекрасный замок с распахнутыми воротами. Вошел Максен в

замок, видит — просторная зала с золотыми колоннами, стены переливаются златом-серебром и драгоценными каменьями. В углу сидят два юноши, играют в шахматы на серебряной доске, а рядом старец в кресле из слоновой кости, он режет для них фигурки из горного хрусталя. Но не этим блеском пленен взор Максена; ослепительнее злата-серебра и драгоценных каменьев, прекраснее слоновой кости была красавица, что сидела недвижно в златом кресле, величавая, как королева. С первого взгляда император полюбил ее всей душой, поднял он ее с кресла, поцеловал и просил быть его женой. Но в самый этот миг поцелуя пробудился Максен ото сна, и оказалось, что лежит он в долине близ Рима, а вокруг стоят его товарищи.

Вскочил Максен на ноги и поведал товарищам свой сон. Разослал и гонцов во все концы света отыскать остров, что прошел он из конца в конец, и замок с красавицей девицей. Много месяцев спустя, долго проплавав по морю, один человек нашел этот остров и вернулся поведать об этом своему господину. Тот остров, прекраснейший в мире, был Британия, а замок на западном берегу — Каэр-Сейнт, близ Сегонтиума, остров же через пролив был Мона, остров друидов. Максен отправился в Британию, и там оказалось все в точности так, как ему приснилось, и он попросил себе в жены ту красавицу у отца ее и братьев, и стала она его императрицей. Имя ее было Елена, и она родила ему двух сыновей и дочь, а он в ее честь возвел три замка: в Сегонтиуме, Каэрлеоне и Маридунуме, который назывался Каэр-Мирддин в честь божества возвышенных мест.

Но тем временем, пока Максен жил в Британии, позабыв о Риме, там возвели в императоры другого, и тот поднял свой штандарт на стенах римских, а Максена объявил низвергнутым. Тогда Максен собрал войско и с Еленой и ее братьями двинулся на Рим. Он завоевал Рим и навсегда остался там, и Британия его больше не видела. Но два брата Елены увели британское войско обратно на родину, и семя Максена Владига по сей день царствует в Британии».

Когда я кончил и последняя струна смолкла в дымной тишине, что тут поднялось! Слушатели мои кричали восторженно и колотили кружками по столам, требуя грубыми голосами еще песен и еще вина. Мне снова поднесли кубок, и, пока я пил и отдыхал перед новой песней, в таверне опять завязались разговоры, но говорили вполголоса, дабы не спугнуть мысли певца.

И хорошо, что эти мысли были от них сокрыты. Я думал о том, как бы поступили эти люди, узнай они, что последний, самый юный отпрыск Максимова древа лежит сейчас и спит тут же, за стеной. Ибо эта часть легенды была, во всяком случае, достоверна: род моего отца действительно произошел от брака императора Максима с валлийской царевной Еленой. Остальное же, подобно всем легендам, было своего рода мечтательным искажением — словно художник, восстанавливая древнюю разбитую мозаику, сложил свою собственную, новую и красочную, картину, а в ней здесь и там оказались использованы старые, настоящие куски правды.

А правда была такова. Максим, по рождению испанец, командовал несколькими римскими легионами в Британии в те времена, когда саксы и пикты постоянно совершали набеги на побережье и римская провинция Британия была, казалось, накануне падения. Но римские полководцы восстановили Адрианов вал и охраняли его, а сам Максим перестроил древнюю крепость в Сегонтиуме, что в Уэльсе, и расположился в ней с сильным гарнизоном. Это и был Каэр-Сейнт, тот самый замок, «краше которого нет», где, должно быть, он встретил и полюбил свою валлийскую Елену.

А потом, в год Потопа, как назвал это время Эктор, именно Максим (хотя недруги его не признавали за ним такой заслуги) после многомесячной жестокой войны отогнал саксов и создал провинции Стрэтклайд и Манау Гуотодин, под прикрытием которых его народ, британцы, могли жить в мире. Принца Максена, как его величали жители Уэльса, солдаты провозгласили императором, и на том бы дело и остановилось, но дальше произошли всем известные события, в результате которых Максим должен был покинуть Британию, дабы отомстить за смерть своего старого командира, а потом двинуться на Рим.

Обратно он не вернулся, здесь «Сон» опять правдив; но не потому, что завоевал Рим и остался в нем править. Нет, он был разбит и впоследствии казнен, и, хотя остатки британского войска, отправившегося с ним, вернулись на родину и присягнули на верность его вдове и сыновьям, краткий мир на этом кончился. Со смертью Максима Потоп хлынул с новой силой, и не было теперь меча, который бы его остановил.

Стоит ли удивляться, что в наступившие затем мрачные годы краткая передышка победного мира, добытого Максимом, представлялась людям тем самым утраченным золотым веком, о каком поют поэты. Стоит ли удивляться, если легенда о Максене Защитнике все росла и росла, покуда могущество его не распространилось на весь мир, и в черные времена люди вспоминали его как спасителя, посланного богом.

Мои мысли вернулись к младенцу, спящему за стеной. Я снова поднял на колени арфу и, когда все смолкли, спел им еще одну песню:

Родился мальчик,
Зимний король.
В черный месяц
Был он рожден
И в черный месяц покинул дом,
Чтобы найти пристанище
У бедных.

Он объявится
С приходом весны
В зеленый месяц
И в месяц золотой,
И ярко
Будет пылать в небе
Его звезда.

— Ну как, заработал себе на ужин? — спросила Моравик.

— Вдоволь вина и три медных гроша.— Я выложил их на стол рядом с кожаным кошелем, содержащим золото короля.— Это вот тебе на воспитание младенца. Когда понадобится, пришлю еще. Ты не раскаешься, что взялась ходить за мальчиком. Ни ты, ни Бранд. Ты и раньше нянчила королей, Моравик, но не таких, каким вырастет этот.

— Что мне за дело до королей? Это просто славный малыш, которому нечего путешествовать так далеко в эдакую-то стужу. Его место дома, у себя в колыбели, и можешь передать это от меня своему королю Утеру. Ишь, золото!

Однако кожаный кошель канул куда-то в складки ее юбки, и медные гроши тоже.

— Разве путешествие ему повредило? — испуганно спросил я.

— На мой взгляд, не заметно. Хороший мальчишка, здоровенький, вырастет не хуже прочих. Спит сейчас, голубчик, и двое детей, что при нем, тоже, бедняжки, уснули, так что говори потише, пусть они поспят.

Бранвена с младенцем спали в дальнем углу под лестницей, что вела на полати, вроде тех, где хранят сено в королевских конюшнях. Там и впрямь было набито сено, внизу же стояли наши лошади. А осел Бранда был привязан снаружи.

— Бранд ввел ваших в дом,— сказала Моравик.— Тесновато, но он не решился оставить их на виду. В этом твоем гнедом с белой звездой во лбу кто-нибудь еще признал бы собственного коня короля Хоэля, и тогда не оберешься вопросов, на которые не так-то легко ответить. Я устроила тебя и паренька на сене. Не такое, может, роскошное ложе, как ты привык, но там мягко и тепло.

— Прекрасно. Но не отсылай еще меня спать, Моравик. Можно, я немного побеседую с тобой?

— Гм. Не отсылай его спать. Ишь ты. Да ты всегда был с виду такой паинька, и речью кроток, и всегда поступал, как самому заблагорассудится...— Она присела, расправив юбки, к огню и кивком указала мне на соседний табурет.— Ну-ка, садись к свету, дай я на тебя погляжу хорошенько. Ахти, ахти, какие перемены! Кто бы подумал тогда в Маридунуме, когда у тебя и одежки-то приличной не было, что ты вырастешь сыном верховного короля, да еще лекарем, и певцом... и святые угодники только знают, кем еще!

— Волшебником, хочешь ты сказать?

— Ну, это-то меня не так чтобы уж очень удивило, я ведь знаю, ты все бегал к тому старцу в Брин-Мирддин.

Она осенила себя крестом и сжала пальцами блестящий амулет на цепочке. Я еще раньше заметил его у нее на шее — нельзя сказать, чтобы это был христианский символ. Значит, Моравик по-прежнему обращалась за защитой ко всем богам, какие подвертывались под руку. В этом она не отличалась от остальных обитателей Гиблого леса, с его сказками и поверьями, с его призраками, видениями, голосами.

Моравик кивнула:

— Да, ты всегда был мальчик не как все, вечно один, вечно что-нибудь такое скажешь. Слишком много знал, я так считаю.

Я думала, ты под дверьми подслушивал, но, выходит, ошиблась. «Королевский прорицатель» — вон как, мне говорили, тебя теперь называют. И такое про тебя мне понаплели, что будь хотя бы половина из этого правдой... Ну да ладно. Садись рассказывай. Все как есть.

Огонь в очаге прогорел, осыпаясь кучкой пепла. В соседнем помещении стих шум: пьяницы либо разошлись по домам, либо все уснули, где сидели. Бранд уже с час как убрался на сеновал и похрапывал рядом с Ральфом. В углу, подле дремлющих животных, спали крепким сном Бранвена и младенец.

— А тут ишь еще новости какие,— шепотом говорила Моравик.— Младенчик-то, ты говоришь, сын верховного короля, и отец родной его признавать не хочет. Зачем же тебе было браться за ним смотреть? Мог бы, кажется, король другого кого попросить, кому сподручнее.

— За короля Утера я не ответчик, но что до меня, то мне этот младенец, можно сказать, доверен от отца моего и от богов.

— От богов? — сердито переспросила Моравик.— Это что еще за речи для доброго христианина?

— Ты забываешь, что я не крещен.

— До сих пор? Да, помню, старый король не желал об этом слушать. Ну да теперь уж не моя забота, сам соображай. А младенец? Его хоть окрестили?

— Нет, не успели. Если хочешь, можешь его крестить.

— Если я хочу? Что за вздор! И про каких это богов ты сейчас говорил?

— Сам не знаю. Они... он... объявится, когда придет срок. А покамест окрести младенца, Моравик. После Бретани ему предстоит воспитываться в христианском доме.

Моравик кивнула.

— Уж не помешкаю, можешь мне поверить. Пусть возлюбит его Господь милостивый и святые угодники. И я повесила над его колыбелью вербеновый амулет, и девять молитв над ним уже прочитаны. Кормилица говорит, его зовут Артур. Что за имя такое?

— По-вашему — Артос,— ответил я. Артос — по-кельтски «медведь».— Но не зовите его этим именем здесь. Дайте ему еще второе имя и зовите его так, а первое имя забудьте.

— Тогда Эмрис? Ага! Я так и думала, что ты засмеешься. Я всегда надеялась, что еще появится на свет дитя, которое я смогу назвать по тебе.

— Не по мне, а по моему отцу Амброзию, ведь это его имя.— Мысленно я произнес, как бы пробуя на язык, сначала по-латыни, потом по-кельтски: «Арториус Амброзиус, последний из римлян...», «Артос Эмрис, первый из британцев...» И с улыбкой заключил вслух, обращаясь к Моравик: — Да, так его и назови. Когда-то давно я сам предрек, что явится Медведь, король по имени Артур, и свяжет воедино будущее с прошедшим. И только сейчас вспомнил, где я раньше слышал это имя. Так его и окрести.

Моравик несколько минут молчала. Ее живые глаза шарили по моему лицу.

— Доверен тебе, ты сказал. Король, какого еще не бывало. Значит, он будет королем? Ты можешь в этом поклясться? — И вдруг испуганно: — Почему ты так смотришь, Мерлин? Я уже видела у тебя такое выражение на лице, когда кормилица приложила младенца к груди. Ты что?

— Не знаю...— Я говорил медленно, не отводя глаз от прогоревших поленьев в алом устье очага.— Моравик, я поступаю так, как велит мне бог — кем бы этот бог ни был. Из тьмы ночи он возвестил мне, что дитя, зачатое в ту ночь в Тинтагеле Утером с Игрейной, будет королем всей Британии, достигнет величия, изгонит саксов из наших пределов и объединит нашу бедную страну в мощную силу. Я ничего не сделал по собственной воле, но лишь для того, чтобы Британия не канула во тьму. Это знание пришло ко мне вдруг, из безмолвия и огня, ясное и неоспоримое. Потом я долгое время ничего более не слышал и не видел и даже уже думал, что любовь моя к отцу и к родной земле сбила меня с толку и я счел пророческим видением то, что было лишь пожеланием и надеждой. Но вот теперь, посмотри, вон оно, мое видение, каким оно было послано мне богом.— Я заглянул ей в глаза.— Не знаю, поймешь ли ты меня, Моравик. Все эти видения и пророчества, боги, и звезды, и голоса, говорящие в ночи... Что видится смутно в пламени очага и в свете звезд, но ощутимо, как боль в крови, и рвет мозг ледяной иглой... Но теперь...— Я помолчал.— Теперь это уже не голос бога и не видение, но малое дитя человеческое со здоровыми легкими, дитя

как дитя, оно плачет, сосет и мочит пеленки. В видениях об этом ничего нет.

— Потому что видения даются мужчинам,— ответила Моравик,— а родят детей, чтобы видения сбылись, женщины. Это совсем другое дело. Что же до младенца,— она кивком указала в угол,— то поживем — увидим. Жив будет — а нет причины, почему бы ему, такому здоровенькому, не выжить,— может статься, и вправду быть ему королем. Наша же забота — чтобы вырос и возмужал. И я свое дело сделаю, как и ты — свое. Остальное — божья воля.

Я улыбнулся ей. Ее простонародный здравый смысл словно снял у меня с души тяжелую ношу.

— Ты права. Глупо, что я вздумал сомневаться. Что будет, то будет.

— Вот и ладно. С тем бы можно и спать лечь.

— Да. Я пойду лягу. Хороший у тебя муж, Моравик. Я рад этому.

— И мы с ним на пару вырастим тебе этого королечка.

— Верю,— сказал я и, еще немного потолковав с Моравик, взобрался по лестнице на свою сенную постель.

В ту ночь мне привиделся сон. Будто бы я стою посреди широкого луга в окрестностях Керрека. Луг этот был мне знаком. Это было священное место, здесь некогда ходил бог своими путями, и я его прежде видел. И вот во сне я снова там, в надежде опять его увидеть.

Но ночь пуста. Движется только ветер. На высоком небосводе мерцают равнодушные звезды. По черному куполу, еле видная среди ярких звезд, протянулась светлая полоса, которую зовут Галактикой. И ни облачка. Вокруг меня раскинулся луг, как он мне запомнился с прежних времен: заглаженный ветрами и посеребренный солью, со встрепанными терновыми кустами по краям и с огромным одиноким камнем посредине. Иду к нему. В рассеянном свете звезд у меня нет тени, и у камня тоже. Только серый ветер ерошит травы, и позади камня легкий трепет звезд — не движение, а лишь дыхание небес.

А ночь по-прежнему пуста. Мысль моя стрелой взвивается в немое поднебесье и падает, обессилев, обратно. Я всеми силами, всем своим искусством, что так недешево мне досталось, стремлюсь вызвать бога, чья длань была на мне, чей свет меня

вел. Молюсь в голос, но не слышно. Призываю чары, дар глаз моих и рассудка, что люди зовут провидческим,— ничего. Ночь пуста, и силы мне изменяют. Даже зрение мое земное меркнет, ночь и звездный свет расплываются, словно сквозь бегучую воду...

И самое небо как бы течет. Земля замерла, а небо в движении. Галактика собралась в узкую струю света и застыла, будто ручей на морозе. Луч льда — вернее, клинок — лежит поперек неба, точно королевский меч, играя драгоценными каменьями на эфесе. Вон изумруд, топаз, сапфиры, что на языке мечей означает власть, и радость, и правосудие, и чистую смерть.

Долго лежал в небе меч, как только что выкованное оружие, ожидающее руки, которая подымет и понесет его в бой. Потом сдвинулся. Не взметнулся в сражении, или в присяге, или в игре. Но скользнул легко вниз, как скользит клинок в ножны, и скрылся внутри стоячего камня.

И опять не было ничего, только пустой луг, да свистящий ветер, да серый стоячий камень посреди луга.

Я пробудился в темноте таверны. Надо мною в просвете между стропилами крыши сияла маленькая яркая звездочка. Внизу шумно дышали животные, а вокруг, со всех сторон, слышалось сопение спящих. Тепло пахло лошадьми, и торфяным дымом, и сеном, и бараньей похлебкой.

Я лежал навзничь, не шевелясь, разглядывая яркую звездочку. И о сне своем даже не думал. Вспоминалось что-то, были какие-то разговоры о мече, и вот теперь этот сон... Но не стоит вспоминать. Само придет. И явятся знаки. Ибо бог опять со мной, время мне не солгало. А через час — или два — будет утро.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОИСКИ

Глава 1

Боги, наверно, привыкли к святотатству. Ведь святотатство даже вопрошать об их замысле, тем более подвергать сомнению их природу и самое их существование, чем я так упорно занимался. Но теперь, удостоверившись, что мой бог со мной и замысел его не оставлен, я, хоть ясных представлений о том не имел, знал, однако, что в свой срок почувствую его руку и она направит, повлечет, наставит меня, а как, в какой форме, в каком виде — велика ли важность? Это все мне тоже откроется. Только время еще не настало. А покамест я принадлежу себе. Нынче видения растаяли вместе со звездами, которые их породили. Ветер утра был не более как ветер, и солнечный свет — только свет.

По-моему, я даже ни разу не оглянулся. О Ральфе и ребенке мне нечего было беспокоиться. Дар провидения — неудобная вещь, но зато, провидя великую беду, не будешь изводиться по будничным пустякам. Тот, кто видел собственную старость и свой горький конец, не боится никаких превратностей в двадцать два года. Я знал, что ничего со мной не случится — и с мальчиком тоже: я дважды видел его меч, сияющий, обнаженный. И потому я был волен ничего не страшиться — кроме очередного плавания по морю, которое привело меня, страждущего, но живого, в порт Массилию, что на берегу Срединного моря, в ясный февральский день, какой у нас в Британии назвали бы летним. А там, кто меня ни увидь и ни признай в лицо, уже не важно. Если пройдет слух, что принца Мерлина встречали в Южной Галлии

или в Италии, недруги Утера, быть может, установят за мной слежку, надеясь через меня разыскать пропавшего королевского сына. Потом, отчаявшись, отстанут, чтобы затеять розыски в другом месте, но к тому времени след совсем простынет. В Керреке о появлении скромного бродячего певца будет забыто, и Ральф, безымянный житель лесной таверны, сможет, ничего не опасаясь, украдкой путешествовать между Коллем и Керреком и сообщать вести королю Хоэлю для передачи мне. По всему по этому, высадившись в Массилии и оправившись от плавания, я стал открыто готовиться к путешествию на Восток.

Теперь, поскольку мне не было более нужды скрываться, я намерен был путешествовать если и не по-княжески, то, во всяком случае, богато. Не для важности — для меня важность человека не в этом,— но у меня были на Востоке знакомцы, которых я намеревался посетить, и если у меня в мыслях не было, что я оказываю им этим честь, то и позорить их все же не хотелось. Поэтому я нанял себе слугу, купил лошадей, и вьючных мулов, и раба приглядывать за ними и пустился в путь. Первой моей целью был Рим.

Дорога от Массилии ровной белесой лентой пыли тянется вдоль солнечного побережья, соединяя селения, некогда выстроенные солдатами Цезаря и мирно дремлющие подле ухоженных оливковых рощ и аккуратных виноградников. Мы выехали с рассветом, вытянутые тени наших лошадей падали на дорогу позади нас. Роса прибила дорожную пыль, воздух пах навозом, и горьким кипарисом, и дымом первых затопленных печей. Кричали петухи, деревенские шавки с визгом бросались под копыта лошадей. У меня за спиной переговаривались двое моих слуг — вполголоса, чтобы меня не тревожить. Нанимая их, я сделал удачный выбор: свободный, Гай, и прежде состоял в услужении, он поступил ко мне с отличными рекомендациями; второй, Стилико, был сыном сицилийского лошадиного барышника, который проворовался, влез в долги и для покрытия их продал в рабство родного сына. Стилико был живой худощавый паренек, говорливый и неунывающий. А Гай был серьезен и ловок и преисполнен сознанием моего величия гораздо больше, чем я сам. Узнав о том, что я принц крови, он так заважничал, что на него было забавно смотреть, даже Стилико, заразившись от него почтительностью, промолчал после этого целых двадцать минут кряду. Я думаю, они без зазрения совести пользовались моим саном, когда надо

было произвести впечатление или нагнать страху на торговцев и трактирщиков. Что бы там ни было, но путешествие мое протекало легко и гладко, как в сказке.

Лишь только лошадь моя навострила уши в лучах утреннего солнца, я почувствовал, как взыграла моя душа навстречу заре. Печали и опасения минувшего года словно упали вместе с тенью у меня за спиной на дорогу. Выступив на восток со своей маленькой свитой, я впервые в жизни почувствовал себя свободным, свободным и от мира, лежащего передо мной, и от обязанностей, оставшихся позади. До этой минуты я постоянно подчинял мою жизнь какой-то цели: сначала разыскивал отца, потом служил ему, потом оплакивал его смерть и ждал, когда, с рождением Артура, возобновится мое служение. И вот теперь половина дела сделана: мальчик находится в безопасности, и, если можно доверять моим богам и звездам, останется живой и невредимый. Сам я еще молод, еду навстречу солнцу, и как ни назвать это — одиночеством или свободой,— но впереди меня ждет неизведанный мир и некий срок, когда я смогу наконец побывать в странах, про которые так много слышал и которые давно мечтал увидеть.

Итак, я со временем прибыл в Рим, и гулял по зеленым холмам среди кипарисов, и беседовал с человеком, который знал моего отца в том возрасте, в каком сейчас был я. Я остановился в его доме и не уставал дивиться, как мог я раньше дом моего отца в Керреке считать дворцом, а Лондон — большим городом. Затем из Рима — в Коринф и дальше по суше долинами Арголиды, где на опаленных солнцем холмах пасутся козы и обитают люди, дикие, как козы, среди развалин городов, некогда возведенных великанами. Здесь я впервые воочию увидел камни, еще огромнее тех, что у нас в Хороводе Великанов, и они были подняты и установлены именно так, как о том поется в песнях. И дальше, на восток, продвигался я и видел земли еще более голые, и там тоже стояли гигантские камни под палящим солнцем пустыни и жили люди неприхотливыми ордами, будто волки в стаях; но они умели петь легко, как поют птицы, и дивно, как движутся звезды. Там понимают движение звезд лучше, чем где-либо еще во всем свете,— верно, этим людям пустые пространства небес и земли одинаково знакомы и доступны. Восемь месяцев я прожил в Меонии близ Сардиса у человека, который умел вычислять толщину волоса; с помощью его науки можно было бы поднять камни Хоровода Великанов вполовину быстрее и проще, чем это

делал я. Потом я шесть месяцев прожил на побережье Мазии, близ Пергама, и работал в большом лазарете, куда стекаются за исцелением больные, равно и бедные и богатые. Здесь я узнал многое, мне прежде неведомое, в искусстве врачевания: так, в Пергаме одновременно с усыпительными снадобьями лечат музыкой, которая врачует грезами душу, а через то уж и тело. Воистину рука божия вела меня, когда я в отрочестве обучался игре на арфе. И повсюду, куда бы я ни ехал, я усваивал крохи чужой речи и слушал новые песни и новые мелодии. И я видел, как поклоняются чужим богам: кто в святых местах, а кто на святотатственный, по нашим понятиям, манер. Никогда не следует пренебрегать знанием, откуда бы оно ни приходило.

И все это время на душе у меня было спокойно: я знал, что там, в Бретани, в гуще Гиблого леса, мальчик растет здоровый и крепкий и укрытый от опасностей.

Время от времени до меня доходили известия от Ральфа, посылаемые королем Хоэлем в заранее обусловленные места. Так я узнал, что Игрейна вскоре опять понесла дитя и в свой срок разрешилась девочкой, которую назвали Моргиана. Письма, попадая мне в руки, конечно, уже устаревали, но про мальчика Артура я получал сведения еще и иным, прямым путем: я смотрел в огонь, как я умею, и все там видел.

Так, в пламени жаровни, разожженной стылым римским вечером, я впервые увидел, как Ральф едет по лесу в Керрек, к Хоэлю. Он путешествовал один и не привлек ничьего внимания, и, когда туманным утром, до восхода солнца, выехал в обратный путь, за ним не было ни погони, ни слежки. В гуще леса он пропал у меня из глаз, но потом дым развеялся, и я увидел его коня, отдыхающего в стойле, а на дворе, в лучах солнца,— Бранвену с ребенком на руках. После этого я еще несколько раз видел Ральфа во время его поездок в Керрек, но всегда к концу дым сгущался, точно речной туман, я не мог ни разглядеть таверны, ни последовать за ним взглядом внутрь. Словно лесное убежище и от меня было хранимо. Мне приходилось когда-то слышать, что Гиблый лес в Бретани — заколдованное место; могу подтвердить, что так оно и есть. Думаю, что ничьи чары не были способны проникнуть через эту стену тумана вокруг таверны. Лишь изредка, мельком показывалась она мне.

Однажды возникла картина: двор, на дворе мальчуган барахтается среди щенят, а сука вылизывает ему лицо, и за ними с

улыбкой наблюдает Бранд; потом из кухни, бранясь, выскочила Моравик, подхватила ребенка на руки и, утирая ему лицо передником, унесла в дом. Другой раз я видел его верхом на Ральфовой лошади, которая пила воду из желоба, и еще раз верхом, впереди Ральфа в седле — обе ручонки впились в гриву лошади, легонько трусящей к реке. Близко, отчетливо я его ни разу не увидел, но того, что видел, было достаточно, чтобы увериться в его здоровье и благополучии.

А потом ему сравнялось четыре года, и настал срок, когда Ральф должен был увезти его из лесного укрытия и обратиться к покровительству Эктора.

В ту ночь, когда они отплывали в Британию, я лежал под черным небом Сирии, на котором звезды в два раза крупней и ярче наших. Я смотрел в пастушеский костер на склоне горы в окрестностях Берита — здесь застала меня и моих слуг в пути ночь, и радушный пастырь предложил нам место у своего огня, разведенного для отпугивания волков и горных львов. Высоко плясало пламя на высушенных ветрами дровах, посылая в ночь снопы жарких искр. Сбоку слышались голоса: что-то говорил Стилико, ему гортанно отвечал пастух, и оба они рассмеялись, но Гай произнес нечто напыщенно-укоризненное, смех прервался, и вот уже все звуки потонули в трескучем гудении пламени. Потом стали возникать образы, сначала обрывочные, но ясные, живые, как те видения, что посещали меня в отрочестве в хрустальном гроте. И я за одну ночь проследил все их путешествие, как, бывает, во сне, между вечером и утром, прослеживаешь целую жизнь...

Я впервые отчетливо видел Ральфа с тех пор, как покинул его в Бретани. Он стал прямо неузнаваем. Высокий молодой мужчина, по виду боец, с решительным и серьезным выражением лица, которое ему очень пристало. Я предоставил на их с Хоэлем усмотрение, надо ли посылать вооруженный эскорт, чтобы привезти его «жену и сына» в гавань. И они решили не рисковать понапрасну, хотя и было очевидно, что тайну удалось сохранить. Хоэль устроил так, что из Керрека через лес был отправлен под охраной небольшого отряда фургон с товарами; и, когда его снарядили обратно, вполне естественно, что молодой человек с семейством, которым тоже надо было добраться до побережья, воспользовались попутной защитой солдат, сопровождавших возвратный груз (что там у них лежало в туго перевязанных веревкой мешках, я не видел). Бранвена путешествовала в фургоне, и в конечном счете Артур тоже. Он явно перерос уже женскую опеку, его тянуло ехать рядом с солдатами, и Ральфу понадобилось употребить власть, чтобы держать его под крышей фургона при Бранвене, а не на луке седла впереди отряда. Когда они доехали и погрузились на корабль, четверо из отряда вышли в море вместе с ними, якобы для сопровождения все тех же драгоценных мешков. На корабле подняли паруса. Свет костра отражался красным на волнах, и паруса у суденышка тоже алели на ветреном пламенеющем закате, и так они ушли, все уменьшаясь и уменьшаясь, покуда вовсе не скрылись из глаз в дымном пламени.

Когда же они пристали в Гланнавенте, на небе разгорался восход, быть может также зажженный пламенем сирийского костра. Я видел, как закрепили канаты и все сошли по сходням на берег, где уже ждал Эктор, смуглый и улыбающийся, с отрядом хорошо вооруженных воинов без опознавательных значков. С ними тоже был фургон для товаров, но, как только они отъехали от города, из фургона извлекли паланкин для Бранвены и Артура, и отряд поскакал в Галаву по военной дороге через горы, что лежат между морем и замком Эктора, а фургон плелся сзади своим ходом. Эта дорога проходит два перевала, а между ними лежит низменная болотистая равнина, которая до конца весны бывает затоплена полыми водами. Дорога плохая, разрушенная ветрами, дождевыми потоками и зимними стужами, а местами, где в половодье образовались оползни, она совсем исчезает, и там сохранились лишь старые тропы еще с доримских времен. Дикий край и дикий путь, но вооруженным всадникам в погожий майский день там проехать не составляет труда. Все утро и весь день, окрашенный отблесками пламени, трусили они вперед, и паланкин раскачивался между двумя крепконогими мулами, но внезапно, с наступлением вечера, с перевала скатился темный туман, и в нем я различил зловещий блеск оружия.

Отряд Эктора уже спускался со второго перевала, перейдя на шаг на крутом откосе, где скалы теснили тропу. Оставалось совсем недалеко до широкой речной долины, откуда ровная, прямая дорога подводит к взлобью над озером, где стоит замок. Впереди, внизу, освещенные вечерним солнцем, виднелись вековые деревья и цветущие сады и нежная зелень возделанных нив.

Но на перевале между серыми отвесными скалами клубился туман, было темно, и лошади оскользались и оступались на крутых осыпях и на мокрых камнях там, где тропа шла по ложу потока. Должно быть, шум бегущей воды и заглушил все остальные звуки. Никто из едущих не замечал, что впереди, в тумане, затаились вооруженные всадники.

Граф Эктор ехал во главе отряда, а в середине покачивался и кренился паланкин и подле него, не отступая ни на шаг, продвигался Ральф. Они приближались к засаде, вот уже поравнялись с ней. Я увидел, как Эктор резко повернул голову и вдруг натянул поводья, так что конь под ним вскинулся на дыбы, осел на круп и поскользнулся на щебне; в руке Эктора сверкнул в воздухе обнаженный меч. Солдаты на крытой тропе, как могли, окружили паланкин и приготовились к сражению. Вот началась жаркая схватка, и никто не заметил то, что видел я: из-за скалы в тумане выезжали еще всадники.

Должно быть, я вскрикнул. То есть вслух я не издал ни звука, но Ральф вдруг поднял голову, будто пес на свист хозяина. Он закричал, осаживая коня. Вместе с ним повернулись и другие и встретили новое нападение лицом к лицу — лязг, скрежет, снопы искр, словно из-под кузнечного молота, бьющего по наковальне.

Я, напрягая зрение, всматривался в огонь, мне хотелось увидеть, кто такие эти напавшие всадники. Но разглядеть их не удавалось. В темноте сшибались мечи и щиты, сыпались искры, слышался стук, и звон, и крики, и катились камни из-под копыт — и вот уже противник исчез в тумане так же внезапно, как появился, оставив одного убитого на каменной осыпи и увозя поперек седла еще одного, истекающего кровью.

Преследовать их по горам в тумане надвигающейся ночи было бессмысленно. Один из Экторова отряда спешился, поднял убитого и перекинул через коня. По указанию Эктора тело обыскали, никаких значков не обнаружили. Охрана снова окружила паланкин, и отряд двинулся дальше. Я заметил, как Ральф украдкой обматывает тряпицей левую руку, куда достал из-за щита клинок неприятеля. А еще через минуту он со смехом наклонился в седле к шторам паланкина и говорил: «Да, но ты ведь еще не вырос. Дай срок, пройдет годика два, и, обещаю, я подберу тебе меч по росту». И, протянув руку, задернул кожаную штору.

Я напряг зрение, чтобы разглядеть Артура, но сизый дым застлал всю картину, пастух громко крикнул собаку, и я вновь очутился на ароматном нагорье. Всходила луна, освещая руины храма, где теперь ютились лишь совы — все, что осталось от культа богини.

Так проходили праздные годы, которые я употребил на путешествия, но об этом я рассказал в другом месте, а сейчас нет нужды вдаваться в подробности. Для меня это были тучные годы, и не в тягость был мой путь, и десница божия легко покоилась на мне, так что я повидал все, о чем мечтал когда-то; но во все это время я не получал ни вести, ни знамения в небе, которое было бы мне призывом вернуться на родину.

А потом, в один прекрасный день, когда Артуру уже шел седьмой год, в Пергаме, где я врачевал недужных и обучал учеников в лазарете, мне был дан знак.

Была ранняя весна, и целый день лил проливной дождь, струи хлестали по мокрым камням, белый известняк потемнел, неустанные потоки рыли глубокие борозды вдоль тропы, что ведет к больничным кельям у моря. Не было пламени, в чьей сердцевине я привык видеть далекие образы, но боги там таятся за каждой колонной и самый воздух настоян на снах. То, что я увидел, было лишь сновидением, какие бывают у всякого, кто устал и забылся сном.

В тот вечер поздно нам принесли пострадавшего, на бедре у него зияла глубокая рана, и из нее фонтаном истекала его жизнь. Вдвоем с еще одним врачом мы провозились с ним, наверное, часа три, а потом я спустился к морю обмыться от крови, щедро излившейся и заскорузшей на моей коже. Была надежда, что мой пациент останется жив: он был молод, и теперь, когда кровь остановили и рану зашили, он спал. Я снял с себя окровавленную набедренную повязку — тамошний климат позволяет в сложные минуты работать полуголым,— вошел в воду и плавал до тех пор, пока не очистился, а потом растянулся отдохнуть на еще не остывшем песке. С наступлением вечера дождь прекратился, ночь была безветренная, теплая и звездная.

Это было не видение, а как бы сон наяву. Я лежал, так мне представлялось, с открытыми глазами и смотрел на сияющие мириады звезд, а они оттуда смотрели на меня. Там среди небесного воинства был один отдаленный огонек, затуманенный, сла-

бый, точно глаз фонаря в вихре снега. Но потом он стал приближаться, ближе, еще ближе, покуда своим затуманенным светом не затмил более яркие звезды, и я увидел горы, и берег, и реки, подобно жилкам зеленого листа бегущие по долинам моей родины. А снег вихрился все гуще, скрывая долины, и за белой пеленой слышались раскаты грома и крики сражающихся ратей, и поднялось море, подмыло берега, и вверх по рекам потекла соленая влага, зеленые луга подернулись серым и легли черной пустыней, и жилы их обнажились, как кости мертвеца.

Я проснулся с сознанием, что должен вернуться на родину: год Потопа еще не наступил, но приближался. К будущему снегу или еще через год, но мы скоро услышим раскаты грома, и мне надо успеть оказаться на месте, между королем и его сыном.

Глава 2

У меня был план вернуться через Константинополь, и туда уже ушли нужные письма. Теперь я предпочел бы более прямой путь, но единственный корабль, на который я мог сесть, шел на север каботажным плаванием до Халкедона, что находится через пролив прямо против Константинополя. Я приплыл туда позже, чем рассчитывал, по причине противных ветров и изменчивой погоды, и узнал, к своей досаде, что корабль, направлявшийся на запад, ушел у меня, можно сказать, из-под носа, а следующий ожидался не ранее как через неделю. Из Халкедона ходят главным образом малые каботажные суда, большие же пользуются константинопольским портом. Поэтому я решил перебраться через пролив, радуясь, несмотря на подгонявшее меня нетерпение, что увижу великий город, о котором столько слышал.

Я готов был к тому, что Новый Рим превосходит великолепием Рим Старый, однако град Константинов оказался полон контрастов: здесь нищета ютилась бок о бок с роскошью и повсюду царил дух предпринимательства и отваги, отличающий молодые города, которые растут, распространяются, поглощают чужое и жадно стремятся к процветанию и богатству.

На самом-то деле это город древний: он тысячу лет назывался Византий, по имени Визы, который пришел и обосновался здесь со своими людьми, но полтора столетия назад император Константин, перенеся к востоку центр своей империи, начал укреплять и отстраивать седой Византий и дал ему свое имя.

Константинополь живописно расположен на мысу, образующем с берегом естественную гавань, которую здесь называют Золотой Рог; и действительно, я никогда не видел столько богато нагруженных судов, как за время моего краткого плавания из Халкедона через пролив. В городе много дворцов, и роскошных домов, и государственных зданий с коридорами, подобными лабиринту, а у входов и выходов толпятся чиновники без числа, точно пчелы перед ульем. Повсюду сады, а в них пруды и павильоны и неутомимо бьющие фонтаны; в городе питьевой воды сколько душе угодно. С суши город защищен стеной Константина, а от Золотых Ворот в ней идет широкая дорога Мезея, перекрытая арками почти на всем протяжении, она проходит мимо трех форумов с колоннадами и кончается величественной триумфальной аркой Константина. Над городскими стенами со стороны моря возвышается грандиозная императорская церковь Премудрости Божией. Великолепный город, ослепительная столица, но все-таки не Рим, как полагал мой отец и как думают у нас в Британии; здесь все же Восток, и к Востоку обращен великий Константинополь. Даже одежды — горожане носят римские плащи и тоги — все же имеют вид азиатский, и, хотя на латыни говорят повсеместно, на базарах звучит и греческий, и сирийский, и армянский, а за аркадами Мезея начинаешь чувствовать себя в Антиохии.

Тому, кто не покидал берегов Британии, трудно представить себе эти места. Жизнь здесь бурлит и кипит и постоянно что-то обещает. Константинополь устремлен вперед, тогда как Рим и Афины и даже Антиохия словно обернулись назад, а Лондон, с его разрушающимися храмами и наскоро подлатанными башнями, где люди живут постоянно настороже, не отнимая руки от меча, казался отсюда таким же далеким и почти таким же диким, как ледяные земли норманнов.

В Константинополе я остановился у дальнего родича моего отца, который, впрочем, несмотря на отдаленность родства, принял меня как кузена. Он происходил от некоего Адеана, шурина Максима, который служил в его войске и вместе с ним участвовал в последнем походе на Рим. Под Римом Адеан был жестоко ранен, его сочли мертвым и оставили на поле брани, однако его вынесла и выходила одна христианская семья. Впоследствии он женился на дочери этого семейства, стал христианином, и хотя сам никогда не служил Восточному императору (удовольствовав-

шись только амнистией, дарованной по ходатайству тестя), однако сын его поступил на службу к Феодосию II, составил себе состояние и был вознагражден за службу женой из королевского дома и роскошным дворцом вблизи Золотого Рога.

Его правнук носил то же имя, но оно уже произносилось на византийский лад: Адьян. Обликом он все еще был в значительной мере кельт, валлиец, но как бы обескровленный близостью к солнцу. Высокий, худощавый, лицо узкое, без румянца, темные глаза близко поставлены, как на всех их портретах. Губы тонкие, тоже бескровные — сжатый рот царедворца, привыкшего хранить секреты. Но он был не лишен юмора и умел вести умные и занимательные беседы — редкое искусство в стране, где все, даже женщины, постоянно толкуют о возвышенных духовных материях, и притом с плоской, чисто плотской тупостью. Я и полдня не пробыл в Константинополе, а уже поневоле вспомнил то место в книге Галапаса, где он пишет: «Спроси, сколько оболов стоит товар, а тебе ответят рассуждением о догмате рождения и нерождения. Справься о цене на хлеб — услышишь, что Отец более велик, нежели Сын, и Сын ниже Отца. Поинтересуешься, истоплена ли баня, а тебе в ответ: Сын был сотворен из ничего».

Адьян принял меня очень радушно в роскошном покое с мозаикой на стенах и полом из золотистого мрамора. В Британии, где холодно, мы застилаем изображениями полы и плотно завешиваем ими стены и двери; на Востоке же поступают иначе. Эта комната вся играла красками; в мозаике они используют много золота, а от слегка неровной поверхности создается впечатление переливчатости, будто бы это не камень, а воздушный шелковый занавес. Фигуры совсем как живые, разноцветные, многие очень красивые. Я вспомнил растрескавшееся мозаичное панно у меня на родине в Маридунуме — мне, ребенку, оно казалось прекраснейшей картиной в мире. Изображало оно Диониса с дельфинами и виноградными лозами, но мозаика выкрошилась, лицо бога кто-то подправил и не так вставил ему в глаза зрачок. До сих пор Дионис представляется мне косоглазым. Одной стороной комната выходила на террасу, где был большой мраморный бассейн с серебрящимся фонтаном, а вдоль балюстрады в горшках росли кипарисы и лавры. Ниже террасы простирался напоенный солнцем дивный сад, в нем цвели розы, ирисы и жасмин (хотя

было всего лишь начало апреля), смешивая свое дыхание с ароматами тысячи разных кустов, и повсюду тянулись, указуя в небо, черные персты кипарисов в золотых шишечках. А за садом сверкали воды бухты, кишевшей судами всех размеров,— так деревенские пруды в наших краях кишат плавунцами и водяными блошками.

У Адьяна меня ждало письмо от Эктора. После взаимных приветствий я, испросив у хозяина позволения, развернул и прочел его.

Писец Эктора писал хорошо, но длинноватыми периодами, которыми, как я понимал, хотел возместить некоторую прямолинейность истинных слов своего господина. Письмо, если отбросить поэтические обороты и красоты стиля, подтверждало то, что я и так уже знал или предполагал. В крайне осторожных выражениях Эктор сообщал мне, что Артур (чтобы писец не понял, он диктовал: «Друзилла и оба мальчика») в безопасности. Но надолго ли эта безопасность, Эктор писал, сказать трудно, и передавал мне новости, как они до него дошли.

Угроза вторжения, всегда присутствовавшая, но уже давно сводившаяся лишь к единичным набегам, теперь опять начала устрашающе расти. Окта и Эоза, вожди саксов, разбитые Утером в первый год царствования, все еще содержались пленниками в Лондоне, но в последнее время на Утера стали оказывать давление — причем не только союзные саксы, но и кое-кто из британских вождей, опасающихся недовольства на Саксонском берегу,— чтобы он освободил саксонских принцев на мирных условиях. Утер не соглашался, и были совершены две вооруженные попытки вызволить их из заточения силой. Обе они были подавлены, и весьма жестоко, и теперь другие группировки побуждали Утера немедля предать пленников смерти, на что он не мог решиться, боясь рассердить федератов. Прочно утвердившись на Саксонском берегу, в угрожающем соседстве даже от Лондона, они готовы были, чуть что, сразу вызвать из-за моря подкрепления и вторгнуться на богатые земли за валом Амброзия. А слухи между тем поступали еще того беспокойнее: был пойман гонец, который под пыткой признался, что везет залоги дружбы от англов на востоке, на реке Абус, пиктским царькам к западу от Стрэтклайда. Правда, всего лишь залоги, ничего более, добавлял Эктор, и он лично не думает, что опасность может сейчас грозить

с севера. Между Стрэтклайдом и Абусом лежат верные королевства Регед и Лотиан.

Я пробежал глазами остальное и скатал письмо.

— Мне надо немедля возвращаться на родину,— сказал я Адьяну.

— Так сразу? Я этого опасался.

Он сделал знак слуге, тот поднял из чаши со снегом серебряный кувшин и налил вино в стеклянные кубки. Я удивился, откуда они берут снег,— оказывается, его привозят ночами с гор и хранят в погребах под соломой.

— Сожалею, что ты нас покидаешь, но, когда прибыло это письмо, я так и подумал, что в нем дурные вести.

— Пока еще не дурные, но дурные последуют.

Я объяснил ему, как мог, положение в Британии. Он слушал с интересом. В Константинополе такие вещи понимают хорошо. С тех пор как гот Аларих взял Рим, здесь привыкли ожидать громов с севера. Я продолжал:

— Утер — могучий король и умелый полководец, но он не вездесущ, а такое разделение сил внушает людям неуверенность и страх. Необходимо обеспечить престолонаследие.— Я постучал пальцем по свитку.— Эктор сообщает мне, что королева опять в тягости.

— Я слышал. Если родится мальчик, он будет объявлен наследником, не так ли? Конечно, младенец на троне сейчас был бы не ко времени. Разве что найдется еще один Стилихон, чтобы блюсти интересы государства.— Он имел в виду знаменитого полководца, который оберегал престол малолетнего императора Гонория.— Есть ли среди военачальников Утера такой, которому можно поручить регентство в случае его гибели?

— Эти скорее убьют, чем оберегут, насколько я их знаю.

— Тогда Утеру лучше оставаться жить или же объявить законным наследником того сына, который у него уже есть. Ему сейчас должно быть сколько? Семь? Восемь? Почему бы Утеру не решиться на такой разумный поступок: признать его наследником, а тебя назначить регентом на случай, если король падет в бою до достижения им совершеннолетия? — Он поглядел на меня искоса сквозь стекло кубка.— Ну, ну, Мерлин, зачем так подымать брови? Весь мир знает, что ты увез мальчика из Тинтагеля и где-то его тайно содержишь.

— А где, весь мир не говорит?

— Говорит, конечно. Мир неустанно рождает гипотезы, как вон тот водоем — лягушек. Всеобщее мнение таково, что ребенок спрятан на острове Ги-Бразиль, где его вскармливают молоком сразу девяти королев. Не диво, что он процветает. Или же он, может быть, при тебе, только невидим. В обличье вьючного мула, например, а?

Я засмеялся.

— Разве я посмел бы? Кто же тогда, выходит, Утер?

— По-моему, ты бы все посмел. Я надеялся, что посмеешь открыть мне, где находится мальчик и как он поживает... Но нет?

Я с улыбкой покачал головой:

— Нет, прости меня. Еще не время.

Он сделал изящный жест. Что такое тайна, в Константинополе тоже понимают.

— Ну по крайней мере, что он жив и здоров, ты можешь мне сказать?

— В этом могу тебя уверить.

— И унаследует корону, а ты при нем будешь регентом?

Я засмеялся, покачал головой и осушил кубок. Адьян сделал знак рабу, который стоял в отдалении, чтобы не слышать нашей беседы, и тот снова налил мне вина. Адьян сразу же знаком отослал его.

— Я тоже получил письмо. От Хоэля. Он пишет, что Утер отправил людей разыскивать тебя и что он говорит о тебе без должной признательности, хотя всем известно, как много ты для него сделал. Ходят также слухи, что король и сам не знает местонахождения своего сына и разослал шпионов на розыски. Кое-кто утверждает, будто мальчика нет в живых. А есть такие, кто говорит, что ты держишь юного принца при себе ради собственных честолюбивых замыслов.

— Да,— спокойно подтвердил я.— Такие разговоры неизбежны.

— Вот видишь! — Он вскинул руку.— Я пытаюсь разозлить тебя и тем вызвать на откровенность, а тебе хоть бы что! Другой бы стал оправдываться, может быть, побоялся бы даже возвращаться, ты же все равно помалкиваешь и в душе, боюсь, принимаешь решение выйти в море с первым же кораблем.

— Я знаю будущее, Адьян, в этом вся разница.

— Ну а я будущего не знаю, и ты мне его, как я понимаю, открывать не намерен. Но наугад могу кое-что сказать. Во всех

этих разговорах есть одна правда, хотя и навыворот: ты действительно держишь мальчика при себе, так как знаешь, что ему суждено стать королем. Однако ты все-таки мог бы мне рассказать, как ты намерен поступить, когда вернешься на родину. Явишь его людям?

— Пока я вернусь на родину, королева успеет родить,— ответил я.— Как я поступлю, зависит от этого. Я, конечно, повидаюсь и поговорю с Утером. Но главное, как мне представляется,— это оповестить людей в Британии — и друзей, и недругов,— что принц Артур жив и благополучен и будет готов встать рядом с отцом, когда придет срок.

— Но он еще не пришел?

— Думаю, нет. На месте, надеюсь, мне будет виднее. С твоего позволения, Адьян, я погружусь на первый же корабль.

— Как тебе будет угодно, разумеется. Я сожалею, что должен лишиться твоего общества.

— Я тоже. Меня привел в Константинополь счастливый случай. Могло бы статься, что мы так бы и не увиделись с тобой, но меня задержала непогода, и судно, на котором я должен был отплыть из Халкедона, ушло.

Он ответил мне любезностью, но тут до него дошел смысл моих слов.

— То есть как это — задержала непогода? Ты что же, уже собирался домой? До того, как прочитал письмо? Ты, стало быть, знал?

— В общих чертах. Только — что мне пора возвращаться.

— Ну, клянусь Тремя!

На мгновение я увидел в нем кельта, но божество, которым он поклялся, было христианское. Еще они в Константинополе говорят: «Клянусь Одним!» — и за эти две клятвы готовы перерезать друг другу глотки. Однако тут же он рассмеялся.

— Клянусь Тремя! Жаль, тебя не было у меня под боком неделю назад на ипподроме! Я проиграл добрую тысячу — дело, казалось, совсем верное, а они, представь, скакали, как трехногие коровы. Ну что ж, выходит, счастлив тот принц, у которого окажется такой советчик. Если бы вот он мог пользоваться твоими советами, я бы сегодня, пожалуй, занимал императорский трон, а не приличное место на государственной службе — и то спасибо, что удостоился, не будучи евнухом.

Говоря это, Адьян кивнул на мозаичное панно во всю стену у нас за спиной. Я уже успел обратить на него внимание и еще подивился византийскому обычаю украшать стены жилищ такими мрачными сценами — не то что в Италии или Греции. Я уже видел при входе изображение распятия — в полный рост, с плакальщиками и со всевозможными христианскими символами. Здесь у Адьяна тоже была картина казни, но более благородной: на поле брани. Небо темное — кусочки серого сланца сложены в свинцовые тучи, в них кое-где вкраплены проблески лазурита, а над тучами — головы созерцающих богов. На горизонте в алом закате — башни, храмы, крыши домов. По-видимому, это Рим. На переднем плане над городской стеной — поле недавнего сражения: слева разгромленное войско, мертвые и умирающие люди, кони, разбросанное, разбитое оружие; справа победители, толпящиеся за венценосным вождем, и на него падает луч света от благословляющего Христа, вознесенного над остальными богами. У ног победителя на коленях вождь побежденных, склонивший голову в ожидании казни. Он протягивает победителю руки не в мольбе о пощаде, а ритуальным жестом передавая ему свой меч. Снизу под ним подписано «Макс.», а под победителем: «Феод Имп.».

— Ну, клянусь Одним! — сказал я и увидел, что Адьян улыбнулся.

Но он не мог знать, что вызвало у меня этот возглас и заставило вскочить с места. Он тоже учтиво поднялся и подошел вслед за мной к стене, явно польщенный моим интересом.

— Да, как видишь: Максим терпит поражение от императора. Хорошая мозаика, не правда ли? — Он погладил ладонью переливчатые камешки.— Мастер, создавший ее, едва ли что-нибудь смыслил в иронии военных побед. Несмотря на все, в итоге можно сказать, вышло так на так. Вон тот жалкий субъект слева за Максимом — это предок Хоэля, что вывел остатки британского войска обратно на родину. А этот благочестивый господин, так щедро орошающий своей кровью стопы императора,— мой прапрадед, чьей святости и деловой сметке я обязан и богатством, и спасением души.

Но я его не слышал. Я смотрел на меч на ладонях Максима. Этот меч я уже видел. Он возник в сиянии на стене в покоях Игрейны. Он, сверкнув, ушел в каменные ножны в Бретани.

И вот теперь, в третий раз, в руках Максима под римскими стенами.

Адьян вопросительно смотрел на меня.

— В чем дело?

— Этот меч. Значит, вот он чей.

— А ты разве его видел раньше?

— Нет. Только во сне. Он дважды привиделся мне. И вот теперь, в третий раз, я вижу его на картине— Я говорил почти что сам с собою, размышляя вслух. Солнечный зайчик, отброшенный на стену водой из фонтана, затрепетал на рукояти меча, который держал Максен, и драгоценные камни вспыхнули зеленым, желтым, ярко-синим. Я тихо произнес: — Так вот почему я опоздал на корабль в Халкедоне.

— Что ты говоришь?

— Прости. Я и сам толком не знаю. Мне вспомнилось одно видение... Скажи мне, Адьян, на этой картине... ведь это стены Рима, верно? Но ведь Максим был убит не в Риме, по-моему?

— Убит? — Адьян принял строгий вид, пряча улыбку.— В нашей семье говорят: «Казнен». Нет, разумеется, не в Риме. Я думаю, художник здесь дает символ. А случилось это в Аквилее. Ты, наверно, не знаешь, это небольшой городок близ устья реки Туррус в северной Адриатике.

— Корабли заходят туда?

Он округлил глаза.

— Ты намерен туда попасть?

— Я хотел бы посмотреть место, где пал Максен. Хотел бы узнать, что сталось с мечом.

— В Аквилее ты его не найдешь. Кинан взял его с собой.

— Кто?

Он кивнул на мозаику.

— Вот этот, слева. Предок Хоэля, который привел британцев в Бретань. Хоэль мог бы тебе сказать.— Видя мое лицо, он расхохотался: — Неужто ты проделал такое длинное путешествие, только чтобы узнать об этом?

— Выходит, что так,— ответил я.— Но я сам лишь сейчас это понял. И что же, меч находится теперь в Бретани? У Хоэля?

— Нет. Он давно затерялся. Те, кто отправился дальше, в Великую Британию, взяли имущество Максима с собой. Они, наверно, захватили и меч, чтобы передать его сыну.

— И что же?

— Дальше я ничего не знаю. Дело это давнее, от него осталось только семейное предание — наполовину выдумки, надо полагать. А разве это так важно?

— Важно? — повторил я.— Не знаю. Но я привык присматриваться к тому, что попадается мне на глаза.

Он недоуменно глядел на меня, и я приготовился к дальнейшим расспросам, но он, помолчав, только сказал:

— Что ж, наверно, ты прав. Не хочешь ли выйти в сад? Там прохладнее. Мне показалось, что у тебя заболела голова.

— Нет, это пустяки. Просто на террасе кто-то играет на лире. У нее струны расстроены.

— Моя дочь. Спустимся и скажем, чтобы она перестала.

Пока мы спускались, Адьян рассказал, что через два дня из Золотого Рога выходит судно, он знает владельца, и мне там будет обеспечено место. Судно это быстроходное, идет до Остии, где я без труда найду другое судно, на запад.

— А что будет с твоими слугами?

— Гай — превосходный работник. Ты не прогадаешь, если примешь его к себе в услужение. Стилико я освободил. Можешь и его взять, если только он согласится остаться, с лошадьми он кудесник. Было бы жестоко везти его со мной в Британию, у него кровь жидкая, как у аравийской газели.

Но когда я утром прибыл в порт, Стилико ждал меня на пристани, упрямый, точно мулы, с которыми он так хорошо управлялся. Пожитки свои он зашил в мешок и жарился на византийском солнце, закутанный в овчинный плащ. Я пробовал спорить с ним, даже поносил британский климат и ссылался на свой простой образ жизни, который в солнечных странах еще может приходиться ему по вкусу, но окажется непереносим в краю сырости и ледяных ветров. Однако, убедившись, что он все равно сделает по-своему, даже если ему придется самому оплатить свой проезд из денег, полученных от меня на прощание, я наконец сдался.

По правде сказать, я был тронут и рад иметь его своим спутником в долгом плавании к родным берегам. Стилико был не так вымуштрован на службе, как Гай, зато отличался расторопностью и сметкой и уже успел набить руку, помогая мне с травами и снадобьями. С ним мне будет легче: после долгих странствий одинокая жизнь в пещере Брин-Мирддина немного страшила меня, а Ральф, я знал, уже никогда ко мне не вернется.

Глава 3

Лето перевалило за макушку, когда я добрался до Британии. На пристани меня ждали свежие новости в лице одного из королевских придворных, который выказал по поводу моего прибытия горячую радость и полное отсутствие удивления, так что я даже сказал ему:

— Тебе бы заняться ясновидением вместо меня.

Он засмеялся. Это был Лукан, мы с ним дружили, когда мой отец был королем и мы оба юнцами жили при дворе.

— Ясновидением? Как бы не так! Я уже пятый корабль встречаю. Ждал тебя, это верно, но не думал, что ты так скоро обернешься. Мы слышали, ты путешествуешь по Востоку, за тобой и гонцов отправили. Нашли они тебя?

— Нет. Но я сам повернул домой.

Он кивнул, словно я подтвердил его мысли. Он был когда-то слишком близок к Амброзию, моему отцу, чтобы задаваться вопросами о том, какая сила меня вела.

— Ты, стало быть, знал о болезни короля?

— Нет, я только знал, что времена сейчас опасные и мне пора возвращаться. Утер болен? Дурная весть. Что же это за болезнь?

— Заражение в ране. Ты знаешь, что он сам наблюдал за перестройкой защитных укреплений на Саксонском берегу и сам обучал там солдат? И вот один раз поднялась тревога, что ладьи идут вверх по Темзе, их видели у Вагниаций, слишком уж близко от Лондона. Небольшая вылазка, так, ничего серьезного, но он, как обычно, был в первых рядах и получил рану, а она не заживает. Уж третий месяц пошел, как его терзает боль, он извелся и спал с тела.

— Третий месяц? Чего же смотрит его врач?

— Гандар постоянно при нем и пользует его.

— И ничем не в силах помочь?

— Да видишь ли,— сказал Лукан,— его послушать — и остальных лекарей, к которым обращались, тоже,— так все идет как надо, король поправляется. Но я заметил, что они шепчутся по углам и вид у Гандара озабоченный.— Он искоса взглянул мне в лицо.— При дворе царит беспокойство, я бы сказал даже — опасение, и как бы оно не распространилось и дальше, за пределы двора. Тебе незачем объяснять, что это будет сейчас значить, если в стране подорвать доверие к могуществу короля. А слухи

уже поползли. Ты ведь знаешь: чуть у короля живот заболел, сразу все в страхе — отрава; а теперь идут толки про чары и наговоры. И не без причины: у короля по временам лицо становится такое, будто он увидел призрак. Да, да, пора тебе вернуться домой.

Мы уже ехали по дороге, ведущей от моря. Оседланные лошади и конный эскорт ждали наготове у самой пристани. Вооруженные всадники сопровождали нас скорее ради придворного этикета, чем для безопасности, ибо дорога между портом и Лондоном людная и хорошо охраняется. А может быть, подумалось мне, это и не эскорт, а конвой, доставляющий меня ко двору?

Я сухо заметил Лукану.

— Король, я вижу, действует наверняка.

Он быстро взглянул на меня, но вслух лишь сказал с уклончивостью царедворца:

— Король, быть может, опасался, что ты не захочешь его лечить. Ведь врач, не сумевший исцелить короля, рискует, скажем так, своей репутацией.

— Своей головой, ты хочешь сказать. Надеюсь, бедняга Гандар жив?

— Пока да.— Он помолчал, потом скромно заметил: — Я, конечно, не знаток, но, по-моему, не тело короля, а его душа нуждается в лечении.

— А-а, так тут требуется моя магия? — Он молчал. Я добавил: — Или, может быть, нужен его сын?

Он опустил веки.

— Ходят слухи и о нем.

— Не сомневаюсь.— Я говорил таким же ровным тоном, как и он.— Одна новость дошла до меня еще в пути: королева была опять в тягости. Ей срок вышел, насколько я понимаю, с месяц назад. Кого она родила?

— Мальчика. Мертвого. Говорят, от этого король и повредился в уме, а рана его вновь воспалилась. Теперь же пошли слухи, что и старший его сын мертв. Собственно, говорят, что он умер в младенчестве, что никакого сына не существует.— Он смолк. Взгляд его был направлен между ушей коня, но в голосе прозвучал намек на вопрос.

— Неверно, Лукан,— ответил я.— Он жив, здоров и благоденствует. И быстро растет. Не бойтесь, он явится, когда будет нужда.

— Ага! — Он с облегчением перевел дух.— Значит, правда, что он у тебя. Эта новость исцелит если и не короля, то королевство. Ты привезешь мальчика в Лондон?

— Сначала я должен видеть короля. А там посмотрим.

Царедворец чувствует, когда разговор исчерпан. Лукан больше не задавал вопросов и стал обсуждать более общие новости. Он пересказал мне с подробностями то, что я знал в целом из писем Эктора. Оказалось, что Эктор не преувеличил опасность. Я нарочно не расспрашивал о возможных угрозах с севера, но Лукан сам завел об этом речь. Он рассказал о том, что к северу от Регеда вдоль старого Адрианова вала увеличены гарнизоны крепостей, и о том, какое участие принимает Лот в обороне северо-восточных берегов.

— У него там дело не спорится. Не потому, что участились набеги, скорее наоборот, последнее время там довольно спокойно, так что, вероятно, именно из-за этого. Малые царьки не доверяют Лоту; говорят про него, что он жесток, скуп при дележе добычи и заботится только о себе; и, видя, что настоящей драки пока нет и поживиться нечем, снисходят от него и уводят воинов домой обрабатывать землю.— Он презрительно хмыкнул, насколько это позволительно придворному.— Глупцы, они не понимают, что нравится им их вождь или нет, но если они не хотят сражаться, то скоро им будет нечего обрабатывать, да и не для кого — ни земли, ни семей.

— Но Лот заинтересован главным образом в союзе с южными соседями. Его связи с Регедом крепки? Почему к нему относятся с недоверием? Подозревают, что он норовит поживиться за чужой счет? Или тут еще что-то другое?

— Этого я не могу тебе сказать,— каменным голосом ответил Лукан.

— А больше у Утера нет никого, кто мог бы командовать на севере?

— Разве что он сам возьмется. А ставить кого-то над Лотом он не может. Его дочь сговорена за Лота.

Я удивился.

— Его дочь? Стало быть, Лот все же согласился взять Моргаузу?

— Да нет, не Моргаузу. Этим браком Лотиана не соблазнить, хотя она и выросла красавицей. Лот честолюбив, он не станет во-

лочиться за побочной дочерью, когда можно получить законную принцессу. Я имел в виду дочь королевы, Моргиану.

— Моргиану? Да ведь ей едва ли пять лет!

— Тем не менее она сговорена. А слово короля обязывает, сам знаешь.

— Да, кому и знать, как не мне,— сухо отозвался я, и Лукан понял, что я думаю о своей матери, которая родила меня Амброзию, не связав его ничем, кроме тайного обещания, и о своем отце, который соблюл это тайное обещание, как священную клятву.

Впереди показались стены Лондона; бесчисленные возы и тележки катили по дороге, поспешая на утренний рынок. Речи Лукана дали мне пищу для размышлений, и я был рад, когда оттянувшийся было эскорт теперь плотно сомкнулся вокруг нас и Лукан смолк, предоставив меня моим мыслям.

Я предполагал, что застану Утера в окружении придворных и занятого хоть какими-то делами, но он лежал у себя в опочивальне и был совершенно один.

Меня провели к нему по королевским покоям, где лорды, военачальники, слуги — все собрались в ожидании, храня настороженную тишину, которая была красноречивей слов. Вельможи тихо и озабоченно переговаривались, скучившись по двое, по трое; слуги не находили себе места, а в коридорах толпились просители и торговцы, но вид у них был понурый, изверившийся.

Вслед мне поворачивались головы, побежал шепоток, обгоняя меня, точно ветер на безлюдной равнине, и один христианский епископ, совсем забывшись, во всеуслышание произнес: «Слава богу! Теперь наконец чары будут сняты». Кое-кто из знакомых устремились было мне навстречу с радостными возгласами и расспросами, но я только улыбнулся, покачал головой и поспешил мимо, обменявшись с ними кратким словом приветствия. При этом, помня, что где короли, там козни и предательство, я пристально заглядывал в знакомые лица: меж этими рыцарями в латах и драгоценных каменьях, быть может, есть и такие, кто не рад моему возвращению, кто желает падения Утера прежде совершеннолетия его сына, кто враг Артуру и тем самым также и мне.

Иных там я знал хорошо, но и этим старался повнимательнее заглянуть в глаза. Валлийские вожди: Инир из Гуэнта, Мадор и Гвилим из моей родной земли Дифед, из Гвинедда не сам Ма-

элгон, но один из его сыновей, Кунедда. Рядом, окруженные земляками, Брихан и Цинфелин из Корнуолла и Нентрес из Гарлота, которые тогда вместе с Утером проехали мимо меня у Тинтагеля. Потом люди с севера: Бан из Бенойка, здоровяк и красавец, очень смуглый, может быть тоже, как мой отец и я, потомок испанца Максима; рядом с Баном его кузен из Бретани, чье имя я не смог вспомнить; Кадви и Борс, два мелких царька из Регеда, соседи Эктора; и еще его сосед, Аррак, один из многочисленных сыновей Кау из Стрэтклайда. Этих я взял на заметку, помня все, что мне было про них известно. Пока что никаких зловещих признаков, но надо быть настороже. Самого Регеда я не увидел, и Лота тоже — это означало, что дела на севере требовали их присутствия еще настоятельнее, нежели болезнь короля. Но зять Лота, Уриен, худощавый и рыжий мужчина со светло-голубыми глазами и скорым румянцем ярости, был здесь, и Тудваль из Динпелидра, который во всем с ним заодно,— тоже, а также и его побратим Агвизель, о чьей жизни в холодной башне близ Бремениума ходили кое-какие странные слухи.

Были там и другие, кого я не знал, этих я обвел взглядом мельком, на ходу. Их имена можно было узнать потом у Лукана или у Кая Валерия, сторожившего на пороге королевской опочивальни. Рядом с Валерием стоял молодой человек, который показался мне знакомым: крепкий, загорелый, на вид лет двадцати. Он мне кого-то напоминал, но я так и не догадался, кто это. Юноша смотрел на меня в упор с королевского порога, но не приветствовал меня ни словом, ни жестом. Я спросил шепотом у Лукана:

— Вот тот молодчик у двери, рядом с Валерием. Кто он?

— Кадор Корнуэльский.

Теперь я узнал это лицо, виденное мною в последний раз в полночь над телом Горлойса в замке Димилиок. Оно не изменилось: те же льдистые голубые глаза, сведенные в одну линию брови. Лицо воина, с годами совершенно уподобившегося отцу и такого же, как он, грозного.

Наверно, дальше можно было не искать. Из всех присутствующих у него было более всего причин меня ненавидеть. И он находился при короле, хотя Лукан говорил, что ему поручена охрана Ирландского берега. В отсутствие Регеда и Лота он был здесь ближайшим родичем Утера, не считая, конечно, меня.

Я прошел в одном ярде от него и нарочно посмотрел ему прямо в глаза, а он не отвел взгляда, но не поклонился и не приветствовал меня. Голубые глаза глядели холодно и бесстрастно. Ну что ж, подумал я, здороваясь с Валерием, посмотрим. Почему он здесь, я без труда узнаю у самого Утера. Как узнаю и то, много ли может ожидать для себя юный герцог в случае, если король не поправится.

Лукан прошел вперед оповестить короля о моем прибытии. Теперь он появился на пороге и знаком пригласил меня войти. Вместе с ним вышел Гандар. Я хотел было остановиться и перемолвиться словом с королевским лекарем, но он поспешно покачал головой.

— Нет, нет. Он ждет тебя безотлагательно. Клянусь Змеей, Мерлин, я рад тебя видеть! Но будь осторожен... Вон он зовет. Потолкуем позже.

— Хорошо. Спасибо.

Из глубины опочивальни опять донесся повелительный призыв. Гандар шагнул в сторону, пропуская меня, и я на мгновение встретился с его хмурым, озабоченным взглядом. Слуга затворил двери, и я остался один на один с королем.

Глава 4

Он оказался на ногах и одет: на нем был халат, распахнутый спереди, снизу рубаха, пояс, шитый драгоценными каменьями, за поясом — длинный кинжал. Королевский меч Фалар покоился на подставке у стены за кроватью под золотым драконом. Было еще лето, но ночью поднялся холодный северный ветер, и я был рад — видно, разнежился в своих странствиях,— что в пустом очаге пышет теплом медная жаровня и кресла придвинуты к ней.

Он быстро прошел через комнату мне навстречу, и я заметил, что он хромает. Отвечая на его приветствие, я разглядывал его лицо, ища в нем признаки болезни и уныния. Он похудел, новые морщины пролегли у губ, придавая ему вид пятидесятилетнего (а ему было сорок), и под глазами лежали тени — знак телесного страдания или долгой бессонницы. Однако двигался он хоть и припадая на одну ногу, но вполне свободно и, как прежде, порывисто. И речь его прозвучала все так же громко, четко и распорядительно:

— Вино вон там. Будем наливать себе сами. Я хочу говорить с тобой с глазу на глаз. Садись.

Я повиновался, налил вина и протянул кубок ему. Он взял, но пить не стал, а поставил и опустился в кресло против меня, резко, почти сердито натянув на колени полу халата. Я заметил, что он смотрит в пол, на жаровню, на вино, куда угодно, только не мне в глаза.

Он продолжал так же отрывисто, не тратя времени на вежливые расспросы о моем путешествии:

— Тебе, наверное, уже передали, что я был болен?

— Я так понял, что ты и сейчас хвораешь,— ответил я.— Рад видеть тебя на ногах и полным сил. Лукан рассказал мне о схватке при Вагниациях; ране твоей уже два месяца, это верно?

— Да. Рана невелика, так, задело копьем. Но она загнила и долго не заживала.

— А теперь зажила?

— Да.

— И не болит?

— Нет!

Он почти выкрикнул это и откинулся в кресле, выпрямив спину, сжав пальцами подлокотники и наконец встретившись глазами со мной. Я узнал этот каменный взгляд его светлых глаз, не выражающий ничего, кроме злобы и неприязни. Но теперь я прочел в нем, кроме злобы и неприязни, еще досаду человека, который против воли вынужден обращаться за помощью к тому, чьей помощи поклялся больше не просить никогда. Я ждал.

— Как поживает мальчик?

Если его вопрос и удивил меня, я не показал вида. Правда, я говорил Эктору и Хоэлю, чтобы короля не извещали о местопребывании мальчика, покуда он сам не спросит, однако распорядился время от времени посылать ему — в туманных выражениях, никому, кроме короля, не понятных,— доклады о здоровье и успехах его сына. С тех пор как Артур переселился в Галаву, эти отчеты шли сначала в Бретань к Хоэлю, а от него — к Утеру; непосредственная связь между Галавой и королем была исключена. Хоэль писал мне, что за все эти годы Утер ни разу прямо не справился о сыне. И стало быть, сейчас не имел представления о том, где он находится.

Я ответил:

— Последнее известие ты должен был получить раньше меня. Разве оно не прибыло?

— Нет еще. Я сам написал месяц назад Хоэлю, спрашивал, где мальчик. Он мне не ответил.

— Возможно, он отправил ответ в Тинтагель или Винчестер.

— Может быть. А может быть, он не хочет мне ответить.

Я вздернул брови.

— Отчего же? С самого начала предполагалось, что от тебя это не секрет. Он разве уже раньше уклонялся от ответов на твои вопросы?

Утер отозвался холодно, пряча смущение:

— Я не спрашивал. Нужды не было.

Это уже было кое-что. Оказывается, королю захотелось узнать, где Артур, только после неудачных родов королевы. Значит, я был прав, когда предположил, что, родись у него другие сыновья, он бы с удовольствием забыл своего бастарда в Бретани. Было в этом и еще кое-что, довольно для меня неприятное: если королю вдруг понадобился Артур, может, он сейчас еще скажет, что кончилось мое опекунство, которое так и не успело начаться.

Я решил выждать, а пока продолжить игру.

— В таком случае ответ Хоэля просто еще не дошел,— сказал я.— Впрочем, теперь это и не важно: я здесь и могу ответить за него.

Он все с тем же каменным выражением лица задал мне вопрос:

— Я слышал, ты все это время провел, путешествуя в чужих краях. Ты брал его с собой?

— Нет. Я счел, что мне лучше держаться вдали, покуда не придет время, когда я смогу быть ему полезен. Я убедился, что оставляю его в безопасности, и покинул Бретань, но постоянно получал известия...— Я улыбнулся.— О, ничего такого, что могли бы выследить твои соглядатаи или чьи бы то ни было. Ты ведь знаешь, у меня другие приемы. Я не хотел рисковать. И раз ты не имеешь понятия о его местонахождении, значит, можно быть уверенным, что и никому другому оно не известно.

Он бросил на меня взгляд из-под опускающихся век, и я успел прочесть в нем подтверждение моим словам: он действительно получал от своих соглядатаев сведения обо мне и моих переездах, и всюду, где было возможно, за мной по его приказу следили. Я так и думал. Властители живы доносами. И недруги Утера тоже, наверное, пытались за мной следить. Может быть,

соглядатаи короля даже как-то обнаружили вражескую слежку. Но когда я спросил его об этом, он только покачал головой.

Потом помолчал немного, мысленно прослеживая какие-то ему одному известные ходы. На меня он больше не смотрел. Протянул руку за кубком, но не выпил, а только поболтал в нем вино. И неопределенно сказал:

— Ему сейчас уже семь.

— На Рождество исполнится восемь. Здоровый и крепкий мальчик. За него можешь не бояться, Утер.

— Ты так думаешь?

Во взгляде, брошенном на меня, сверкнула не злоба, а горечь. У меня тоже, при всем наружном спокойствии, сжалось сердце: если вид обманчив и болезнь короля на самом деле смертельна, что ждет сейчас мальчика на престоле, если половина малых властителей (я снова вспомнил лицо Кадора) готовы перегрызть ему глотку? Даже я не мог разглядеть в дыму и пламени, что сулит ему улыбка божества.

— Ты так думаешь? — повторил король.

Я увидел, как побелели у него суставы пальцев, сжимавших кубок, и подивился прочности тонкого серебра.

— Последний раз, когда мы беседовали с тобой, Мерлин, я просил тебя сослужить мне службу и верю, что ты мою просьбу исполнил. Теперь, когда служба твоя подошла к концу... Нет, ты выслушай меня! — Хотя я ни слова не произнес и даже рта не раскрыл. Он был точно человек, которого загнали в угол и который спешит опередить удар.— Мне нет нужды напоминать тебе о сути нашего уговора, как нет нужды спрашивать, соблюл ли ты его. Где бы ты ни содержал мальчика, как бы его ни обучал, я не сомневаюсь, что он не ведает о своем высоком рождении, но что он может в достойном виде предстать перед людьми как принц и мой наследник.

Я ощутил, как вскипающая кровь хлынула мне в лицо.

— Ты что же, хочешь меня убедить, что время для этого уже наступило?

Я забыл умерить голос. Серебряный кубок со стуком вернулся на столик. На меня сверкнули гневом светлые глаза короля.

— Королю незачем «убеждать» своих слуг, чтобы они выполняли его повеления, Мерлин.

Я опустил глаза и медленно, с усилием разжал тиски дурного предчувствия на сердце, как разжимают палкой сведенные

мертвой хваткой челюсти бульдога. При этом я чувствовал на себе гневный королевский взгляд и слышал, как со свистом вырывается дыхание из его сузившихся ноздрей. Стоит сейчас по-настоящему разозлить Утера, и дорога к мальчику заказана мне на годы. Король повернулся в кресле, как будто ему вдруг стало неудобно сидеть. Я два раза перевел дух, поднял на него глаза и проговорил:

— В таком случае, государь, соблаговоли мне сказать, что послужило причиной твоего приглашения: собственное твое нездоровье или твой сын? В любом случае я твой слуга.

Минуту он грозно взирал на меня, но потом лоб его разгладился, рот тронуло подобие усмешки.

— Нет, Мерлин, уж кто-кто, но не слуга. И ты прав, я хочу убедить тебя кое в чем, одинаково относящемся и к моему здоровью, и к моему сыну. Клянусь Скорпионом, почему у меня слова не идут с языка! Я позвал тебя не для того, чтобы ты вернул мне сына, но чтобы сказать тебе: если твои целительные силы меня не спасут, он должен будет стать королем.

— Ты мне только что говорил, что у тебя все зажило.

— Я сказал, что рана зажила. Яд вышел, и боль прошла, но осталась болезнь, которую Гандар не в силах излечить. Он посоветовал обратиться к тебе.

Мне на ум пришли слова Лукана про то, что король видит призраки, вспомнилось кое-что, с чем я имел дело в Пергаме.

— Ты не похож на смертельно больного, Утер. Ты говоришь про душевную болезнь?

Он не ответил на мой вопрос, но то, что он сказал, не прозвучало как перемена темы разговора:

— После твоего отъезда королева родила мне еще двоих детей. Ты знал?

— О девочке Моргиане я слышал. А про мертворожденного узнал только сегодня. Сочувствую вам.

— А не открыл тебе твой знаменитый дар прозрения, что больше их у меня не будет?

Он вдруг стукнул кубком о столик, и я заметил, что на серебре все же остались вмятины от пальцев. Он рывком вскочил с кресла, словно брошенное вверх копье. Теперь я увидел, что им движет не сила, как мне показалось вначале, а страшное напряжение, жилы и нервы натянуты, будто тетива, на щеках под скулами обозначились провалы, точно что-то точит его изнутри.

— Как может быть королем тот, кто даже и не мужчина?

Он бросил мне этот вопрос и, не дожидаясь ответа, быстрыми шагами отошел к окну и там встал, прислонив лоб к камню и глядя на летнее утро.

Теперь я наконец понял, что он пытался мне сказать. Он уже однажды призывал меня вот в эту же самую комнату, чтобы поведать о сжигающей его страсти к Игрейне, жене герцога Горлойса. Тогда, как и теперь, он был вне себя оттого, что вынужден обращаться за помощью к моему искусству; тогда, как и теперь, в нем было то же лихорадочное напряжение, как тетива, готовая лопнуть. И причина была та же. Амброзий однажды сказал про него: «Если бы он хоть иногда думал рассудком, а не плотью, ему было бы гораздо лучше». До сих пор бурные плотские страсти шли Утеру на пользу, принося ему не только удовольствие и облегчение, но также и уважение подчиненных, таких же солдат, как и он сам,— перед ними он если и не похвалялся своими подвигами, то, во всяком случае, секрета из них не делал. Его талантам дивились, завидовали, даже восхищались. Да и для самого Утера это было больше чем просто удовольствие — это был еще и способ самоутверждения, и предмет гордости, из таких вещей не в последнюю очередь складывалось его представление о самом себе как о доблестном полководце.

Он не отходил от окна и хранил молчание. Я сказал:

— Если тебе трудно говорить со мною, может быть, мне сначала потолковать с твоими лекарями?

— Они не знают. Кроме Гандара.

— Значит, с Гандаром?

Но в конце концов он все-таки рассказал мне сам, расхаживая из угла в угол своей стремительной, прихрамывающей походкой. Когда он поднялся, я тоже встал было с кресла, но он нетерпеливым жестом велел мне остаться на месте, и я откинулся на спинку и отвернул голову к теплу жаровни, понимая, что он потому и мечется по комнате, что не хочет встречаться со мной взглядом. Он рассказал мне о набеге на Вагниации и о том, как он возглавил заградительный отряд и как у них завязалась горячая схватка на прибрежной гальке. Острие копья угодило ему в пах, рана неглубокая, но рваная, и лезвие было нечистым. Рану перевязали, и, поскольку она не причиняла особых страданий, он не придал ей значения; по новой тревоге в связи с высадкой

саксов в Медуэе он снова ринулся в бой, не давая себе передышки, пока опасность не миновала. Сидеть в седле было неловко, но почти не больно, он и не чаял худа, а тут вдруг рана начала воспаляться и гнить. Даже сам Утер вынужден был в конце концов признать, что не может больше ездить верхом, и его в повозке отвезли назад, в Лондон. Послали за Гандаром, он тогда был не при войске, и его стараниями яд постепенно вышел, воспаленный рубец зажил. Осталась небольшая хромота от неправильного сращения мышц, но боль уже не чувствовалась, и дело шло, казалось бы, на полную поправку. Королева была на сносях и все это время находилась в Тинтагеле. Утер, как только окреп, собрался к ней туда. Он уже считал себя совсем здоровым и верхом доехал до Винчестера, где они остановились и стали держать совет. И в ту же ночь... там была одна женщина...

Утер оборвал свою речь и снова прошелся по комнате от очага к окну. Он, может быть, думал, что я ожидал от него верности королеве? Но у меня и в мыслях этого не было. Там, где Утер, всегда была какая-нибудь женщина.

— И что же? — спросил я.

Тут наконец правда вышла наружу. Там была одна женщина, и Утер уложил ее к себе в постель, как укладывал многих других, побуждаемый минутной, но неодолимой похотью. И оказался бессилен.

— Знаю, знаю,— остановил он меня, видя, что я порываюсь что-то сказать.— Это и раньше случалось, даже со мной. Случается с каждым. Но в тот раз не должно было случиться. Я желал ее, и она знала свое дело, но говорю тебе: ничего не получилось — ничего... Я подумал, что устал с дороги, что неудобство, которое я испытывал, сидя в седле — это было не более чем неудобство,— чересчур раздражило меня, потому я и решил остаться в Винчестере на ночь. И снова лег с этой женщиной, и с ней, и с другими. И снова ни с одной ничего не вышло.— Он оторвался от окна и подошел ко мне.— А тут прибыл гонец с известием, что королева до срока разрешилась от бремени мертвым принцем.— Он глядел на меня сверху вниз почти с ненавистью.— Этот бастард, которого ты от меня прячешь, ты ведь с самого начала знал, не правда ли, что он будет после меня королем? Похоже, что ты не ошибся, ты и этот твой проклятый дар прозрения. У меня больше детей не будет.

Соболезнования здесь были бы неуместны, да он и не ждал их от меня. Я сказал только:

— Гандар владеет искусством врачевания не хуже меня. У тебя нет причины в нем сомневаться. Я готов осмотреть тебя, если тебе угодно, но мне хотелось бы прежде потолковать с Гандаром.

— Он хуже твоего разбирается в снадобьях. Кто может в этом с тобой сравниться? Я хочу, чтобы ты составил мне снадобье, которое вернуло бы силу моим чреслам. Что тебе стоит? Все старухи, послушаешь их, умеют варить такие зелья...

— А ты их испробовал?

— Как же я могу их испробовать, не открыв всем солдатам в моем войске, да и всем женщинам Лондона, если на то пошло, что их король бессилен? Представляешь себе, какие песни они будут обо мне распевать, какие истории рассказывать, если узнают?

— Ты хороший король, Утер. Люди над этим не издеваются. И солдаты не издеваются над полководцами, под чьим началом идут в бой и одерживают победы.

— Долго ли еще я смогу вести их в бой в теперешнем моем положении? Говорю тебе, я страдаю не только телом, но и духом. Эта немощь точит меня... Я — полчеловека, и жить так мне невмоготу. А что до солдат, то ты бы согласился биться с врагом, сидя на мерине?

— Они пойдут за тобой, даже если ты поедешь в паланкине, как женщина. Ты потерял голову, иначе бы ты в этом не усомнился. Скажи, а королева знает?

— Я поспешил из Винчестера в Тинтагель. Думал, что, может быть, с ней... но...

— Понятно.— Я не стал вдаваться в дальнейшие подробности. Король сказал мне довольно, и я видел, что он страдает.— Ну что ж. Если существует снадобье, которое может тебя исцелить, верь, я его отыщу. На Востоке я узнал об этом немало нового. Думаю, что здесь нет ничего такого, что время и врачебное искусство не могли бы превозмочь. Такие вещи случаются достаточно часто, и нет нужды отчаиваться. У тебя еще, глядишь, родится сын и займет то место, что ты так не хотел бы отдать «бастарду», которого я для тебя ращу.

— Ты сам в это не веришь! — резко оборвал меня он.

— Не верю. Я верю тому, что говорят мне звезды, если я правильно их прочел. Но можешь мне довериться, я сделаю все, что в силах, чтобы тебе помочь; а что из этого выйдет, на то воля богов. Иной раз они поступают с нами жестоко, кому и знать это, как не тебе и мне. Но еще я прочел по звездам, Утер, что, кто бы ни унаследовал после тебя трон, свершится это не теперь, а позже. Ты еще не один год будешь сам сражаться и побеждать.

И тут по его лицу я увидел, что он опасался не только бессилия. При моих словах взгляд его просветлел, и я понял, что исцеление его духа и тела уже началось. Он снова опустился в кресло, осушил кубок и поставил его обратно.

— Добро,— сказал он и впервые за весь наш разговор улыбнулся.— Я теперь первый готов поверить тем, кто говорит, что королевский прорицатель не ошибается. Ловлю тебя на слове... Давай же наполним снова кубки, Мерлин, и потолкуем. Ты должен многое мне рассказать, и теперь я могу слушать.

Мы еще некоторое время провели с ним в беседе. Я рассказал ему, что знал, об Артуре, а он слушал спокойно и с глубоким вниманием. Из его слов я мог понять, что в это последнее время он волей или неволей, быть может, и сам того не сознавая, все надежды стал возлагать на своего первенца. Я открыл ему, где находится мальчик, и, к моему облегчению, он ничего на это не возразил, наоборот, задав еще несколько вопросов и обдумав мои ответы, одобрительно кивнул.

— Эктор — добрый человек. Я бы и сам мог о нем вспомнить, да только я все перебирал королевские дворы, а такие, как он, мне в голову не приходили. Да, да, это верный выбор... Галава — хорошее место и безопасное... И клянусь Светом, пусть только заключенные мною на севере договоры останутся в силе, а уж я позабочусь, чтобы Галаве не грозила опасность. И что ты рассказываешь о положении мальчика и о воспитании — все это очень правильно. Если кровь и воспитание сказываются, он вырастет отличным воином и будет способен внушать к себе доверие и преданность. Надо позаботиться, чтобы в распоряжении Эктора был лучший учитель рубки и фехтования, какой есть в стране.

Я, верно, выразил видом своим несогласие, потому что он поспешил с улыбкой меня успокоить:

— Не бойся, я тоже умею хранить тайны. В конце-то концов, если наукам его будет обучать самый блестящий учитель в стране, то и королю ведь нельзя отставать. Каким образом думаешь ты попасть в Галаву, Мерлин, и чтобы пол-Британии не потянулось туда вслед за тобой, уповая на твои чары и снадобья?

Я ответил неопределенно. Мой публичный въезд в Лондон успел сослужить свою службу: повсюду, должно быть, уже шли разговоры, что принц Артур жив и благоденствует. Как и когда я исчезну опять, я еще не придумал; сейчас все мысли у меня были заняты тем, что король, по счастью, согласился с моими планами и не собирается взять Артура из-под моей опеки. Мне показалось, что он, как и прежде, рад возможности переложить эти заботы на мои плечи, и стоит мне скрыться с глаз в далекой Галаве, как король забудет меня с той же легкостью, что и добрые жители Маридунума.

Об этом шла речь напоследок. Если раньше не объявится нужда, сказал Утер, он призовет к себе мальчика, только когда тот вырастет лет до четырнадцати и будет уже способен возглавить воинский отряд, и тогда он публично признает его своим сыном и наследником.

— При условии все же, что не будет другого,— добавил король, на минуту опять сделав прежнее каменное лицо. И жестом отпустил меня для разговора с Гандаром.

Глава 5

Гандар ждал меня в отведенном мне дворцовом покое. Пока я был у короля, мой слуга Стилико внес доставленную с корабля поклажу, разобрал и привел в порядок. Я показал Гандару, какие снадобья привез из дальних странствий, и, обсудив с ним болезнь короля, предложил, чтобы он прислал ко мне помощника, который сможет научиться у меня до моего отъезда, как их готовить и применять. Если у него не найдется человека, на которого можно положиться в соблюдении тайны, я готов был отдать ему на время моего Стилико.

Он посмотрел на меня с удивлением, и я объяснил, что Стилико обнаружил настоящий талант к приготовлению зелий из сушеных корешков и трав, вывезенных мною из Пергама. Правда, он не умел читать, но я сделал на банках наклейки со знаками и на первое время допустил его только к неядовитым растениям. Он выказал себя надежным и при всем своем живом нраве на диво старательным юношей. Впоследствии я узнал, что у него на родине знают толк в травах и снадобьях, у них там ни один сеньор не надкусит яблоко, пока его не отведал особо для того приставленный слуга. Я радовался, что мне достался такой ценный помощник, и многому его обучил. Расстаться с ним теперь мне было бы жаль, и я с облегчением услышал, что у Гандара есть доверенный ученик и он пришлет его, как только мне будет удобно.

Я, не откладывая, приступил к работе. Для Стилико по моей просьбе было приспособлено отдельное помещение, там была угольная плита, стол и разные необходимые сосуды и принадлежности. Комнаты наши были рядом и сообщались, но на дверном проеме я распорядился повесить двойной занавес: Стилико никак не мог примириться с британским летом и выдерживал у себя в комнате невыносимую, вулканическую жару.

Три дня ушло у меня на поиски состава, сулившего королю выздоровление. Я сразу дал знать Гандару. Он прибыл сам, запыхавшись в спешке, а вместо ожидаемого мною ученика привел с собой девушку, совсем еще молоденькую, в которой я, к недоумению своему, узнал побочную дочь короля Моргаузу. Лет тринадцати-четырнадцати, не более, но рослая для своего возраста, она была, как и утверждала молва, на диво хороша собой. В эти лета в девочках, бывает, проглядывает будущая красота, но красота Моргаузы была не будущая, а настоящая, и даже я, совсем не знаток женщин, понимал, что такие сводят мужчин с ума. Ее стан был по-детски легок, но грудь полная, высокая, и шея округлая, как лилейный стебель. Длинные волосы розовато-золотистой завесой ниспадали поверх золотисто-зеленого платья. Большие, запомнившиеся мне глаза были тоже золотисто-зеленые, влажные и прозрачные, как вода, струящаяся по зеленому мху, углы маленького рта приподнимались в улыбке, обнажая мелкие, кошачьи зубки. Она низко присела, приветствуя меня:

— Принц Мерлин.

Голос жеманный, тоненький, едва слышный. Я увидел, как Стилико обернулся от стола и так и застыл с выпученными глазами.

Я протянул ей руку.

— Мне говорили, что ты выросла красавицей, Моргауза. Счастлив будет тот, кто получит тебя в жены. Ты еще не сговорена ни за кого? Что же это зевают мужчины Лондона?

Улыбка ее стала шире, распустившись двумя ямочками в углах рта. Она не промолвила ни слова. Стилико, перехватив мой взгляд, снова согнулся над работой, однако, как мне показалось, без надлежащей сосредоточенности.

— Уф-ф! — произнес, обмахиваясь, Гандар. По всему лицу у него уже выступили капельки пота.— Неужели для твоей работы необходима эта парилка?

— Мой слуга родом из более благословенного края, чем наш. В Сицилии разводят саламандр.

— Более благословенным ты это называешь? Я бы и часа не выдержал, умер.

— Я велю ему перенести все в мою комнату,— предложил я.

— Ради меня — нет нужды,— ответил Гандар.— Я ухожу. Я пришел, только чтобы представить тебе моего ученика и помощника, который будет ходить за королем. Не смотри так изумленно. Тебе трудно поверить, я понимаю, но это дитя уже теперь неплохо разбирается в целебных снадобьях. У нее была, я слышал, нянюшка в Бретани, из тамошних знахарок, она обучила ее собирать, высушивать и варить травы, и, переехав сюда, она рвалась учиться дальше. Да только войсковые лекаря для нее неподходящая компания.

— Ты меня удивил,— сухо признался я.

Юная Моргауза подошла к столу, где работал Стилико, и грациозно склонила к нему головку. Розовато-золотистая прядь задела его руку. Он, как ослепший, налепил на две банки неверные наклейки, потом спохватился и стал их отдирать.

— И вот теперь,— продолжал Гандар,— услышав, что король нуждается в лечении, она вызвалась ходить за ним. Не беспокойся, дело она знает. Король согласился. Несмотря на юный возраст, она умеет держать язык за зубами, да и кто лучше родной дочери сможет за ним смотреть и хранить его тайну?

Я сказал, что это, пожалуй, справедливо. Сам Гандар, хоть и числился главным лекарем короля, был также главой всех войсковых лекарских команд. До этой последней раны король мало нуждался в его услугах, теперь же при первом признаке начала боевых действий место Гандара при войске. Родная дочь Утера, да еще владеющая искусством врачевания,— что может быть лучше на этот случай?

— Пусть обучится здесь, чему сможет. Я согласен и даже рад.— Я обратился к ней: — Моргауза, я составил лекарство, которое, мне кажется, должно помочь королю. Вот здесь я записал рецепт, ты сможешь разобрать его? Прекрасно. У Стилико есть все составные снадобья, если только он правильно пометил банки...

Я теперь оставлю вас, он тебе покажет, как смешивать лекарство. Только дай ему полчаса, чтобы он перенес приборы из этой бани...

— Ради меня — нет нужды,— скромно потупясь, повторила она слова Гандара.— Я люблю жару.

— В таком случае я ухожу,— с облегчением сказал Гандар.— Мерлин, ты отужинаешь нынче со мной или будешь у короля?

Я вышел с ним в соседнее помещение, где стояла благодатная прохлада. Из-за плотного занавеса доносился взволнованный, пресекающийся голос слуги вперебивку с редкими тихими вопросами принцессы.

— Она справится, вот увидишь,— сказал мне Гандар.— Незачем тебе качать головой.

— Я разве качал? Я думал не о лечении, тут я, во всяком случае, готов тебе верить.

— Но ты ведь еще побудешь в Лондоне и проследишь хоть немного за ее успехами?

— Разумеется. Засиживаться здесь я не хочу, но несколько дней могу ей уделить. Ты ведь тоже пока не уезжаешь?

— Нет. Но в короле произошла такая заметная перемена в эти три дня, что ты с нами, думаю, он теперь уже недолго будет во мне нуждаться.

— Будем надеяться,— ответил я.— Сказать по правде, я не особенно обеспокоен — общим состоянием его здоровья, во всяком случае. А что до бессилия — если к нему вернется душевное равновесие и сон, душа его перестанет терзать тело и положение еще может выправиться. К тому как будто бы и идет. Ты ведь знаешь, как это бывает.

— О да, он выздоровеет,— Гандар покосился на занавес и снизил голос,— насколько требуется. А будет ли у нас прежний жеребец в стойле, по-моему, теперь уже не важно, раз есть принц, живой и невредимый, он растет, мужает и готов унаследовать корону. Мы избавим короля от теперешнего недомогания, и если с помощью Господа и твоих снадобий он снова сможет сражаться и вести за собой войско...

— Сможет.

— Тогда...

Он не договорил.

Здесь я могу сказать, что король и в самом деле быстро поправился. Хромота прошла, он стал лучше спать и прибавил в весе, а позже я узнал от одного из его постельничих, что хотя

король никогда уже больше не был тем Быком Митры, чья сила служила его солдатам предметом шуток и восхищения, и хотя детей больше не было, однако ему случалось преуспеть и на ложе, и неожиданные приступы ярости, пугавшие его приближенных, постепенно сошли на нет. А как воин он вскоре снова стал тем безоглядным храбрецом, который вдохновлял и вел войско к победе.

Проводив Гандара, я зашел в комнату Стилико: Моргауза старательно разбирала прописи, которые я ей дал, она называла, а он поочередно показывал ей вещества для возгонки, порошки, из которых составляют снотворные средства, мази, предназначенные для растирания сведенных мускулов. Ни он, ни она не заметили, как я вошел, и я некоторое время наблюдал за ними, ничего не говоря. Я убедился, что Моргауза все понимает и усваивает и, хотя юноша по-прежнему то и дело поглядывает на нее и весь дрожит перед ее красотой, словно жеребенок перед пламенем костра, ей до него и до его переживаний нет ни малейшего дела — как и надлежит принцессе, обращающейся к рабу.

В комнате было жарко, у меня разболелась голова. Я быстро подошел к столу. Стилико оборвал свою речь на полуслове, а Моргауза подняла на меня глаза и улыбнулась.

Я сказал:

— Тебе все понятно? Хорошо. Я оставлю тебя на Стилико, но, если он не сможет ответить на какой-нибудь твой вопрос, пошли за мной.

Я повернулся к Стилико, чтобы дать ему наставления, но Моргауза неожиданно шагнула ко мне и положила ладонь мне на рукав.

— Принц...

— Да, Моргауза?

— Разве тебе обязательно уходить? Я... я думала, ты будешь моим учителем, ты сам. Мне так хочется учиться у тебя!

— Стилико научит тебя всему, что тебе надо, о лекарствах для короля. Если хочешь, я могу показать тебе, как размять сведенную мышцу, но, по-моему, королевский банщик сумеет сделать это лучше.

— О да, я понимаю. Я имела в виду другое; научиться тому, что нужно для ухода за королем, совсем нетрудно. А я... я надеялась на большее. Прося Гандара привести меня к тебе, я думала, надеялась...

Она не договорила и потупилась. Розовато-золотистые волосы повисли блестящим покрывалом перед ее лицом. Сквозь них, как сквозь дождевые нити, на меня смотрели ее глаза, внимательные, послушные глаза ребенка.

— Надеялась? На что же?

Едва ли даже Стилико, стоящий в четырех шагах, расслышал ее шепот:

— ...что ты обучишь меня хоть немного своему искусству, принц.

Ее глаза взывали ко мне с надеждой и боязнью, как глаза собаки, трепещущей перед плетью в руке хозяина.

Я улыбнулся ей, но чувствовал сам, что держусь чересчур натянуто и говорю излишне учтиво. Проще встретить лицом к лицу вооруженного врага, чем противостоять юной деве, когда она искательно заглядывает тебе в глаза, кладет ладонь тебе на рукав и в горячем воздухе сладко пахнет спелыми плодами, будто в солнечном саду. Клубникой? Или абрикосами?

Я поспешил ответить:

— Моргауза, я не владею никаким искусством, сверх того, о чем ты можешь узнать из книг. Ты ведь умеешь читать, не так ли? Да, конечно, ведь ты разобрала мои прописи. Так вот, читай Гиппократа и Галена. Пусть они будут твоими учителями: я учился у них.

— Принц Мерлин, в искусстве, о котором я говорю, нет даже равных тебе.

Жара в комнате становилась нестерпимой. У меня болела голова. Я, видно, нахмурился, потому что Моргауза приблизилась ко мне, грациозно, словно птичка, садящаяся на ветку, и проговорила заискивающе, торопливо:

— Не сердись на меня. Я так долго ждала и подумала, что вот теперь-то наконец дождалась. Всю жизнь я слышала рассказы о тебе. Моя нянька в Бретани... она говорила, что видела, как ты бродил по лесу и по берегу моря, собирал соцветья и корни и белые ягоды волчьего лыка и иной раз ступал бесшумнее призрака, а тень от тебя не падала даже в солнечный день.

— Она сочиняла все это, чтобы внушить тебе страх. Я обыкновенный смертный.

— Разве обыкновенные смертные беседуют со звездами, как с хорошими знакомыми? Или передвигают стоячие камни? Или

уходят за друидами в глубь горы Немет и не погибают под их ножом?

— Я не погиб под ножом друидов, потому что верховный друид боялся моего отца,— возразил я.— А когда я жил в Бретани, то был еще совсем юнцом и, уж конечно, не магом. Я обучался тогда моему ремеслу, вот как ты обучаешься сейчас. Мне не было семнадцати, когда я покинул те края.

Но она словно бы не слышала. Вся замерев, она смотрела на меня сквозь завесу волос своими продолговатыми глазами, прижав к зеленому платью под грудью узкие белые ладони.

— Но сейчас ты мужчина, господин мой,— бормотала она.— И не станешь отрицать, что здесь, в Британии, ты совершал волшебные чудеса. Живя здесь, с моим отцом, я только и слышу о тебе от людей, что ты величайший чародей мира. Я своими глазами видела Висячие Камни, которые ты поднял и установил, и слышала, что ты предсказал славные победы Пендрагона, и привел в Тинтагель звезду, и перенес королевского сына по воздуху на остров Ги-Бразиль...

— Ты и это здесь слышала? — Я попытался обернуть все шуткой.— Лучше остановись, Моргауза, не то совсем запугаешь моего слугу, а он мне нужен, я не хочу, чтобы он от меня сбежал.

— Не смейся надо мною, принц. Неужели ты станешь все это отрицать?

— Нет, не стану. Однако обучить тебя тому, о чем ты просишь, я не могу. Кое-какие виды магии ты можешь перенять от алхимиков, тайны же, которыми владею я, я никому раскрыть не вправе. И не смогу обучить им тебя, даже когда ты вырастешь и будешь способна понять.

— Я и сейчас поняла бы. Я уже немного владею магией... самой простой, доступной молодым девушкам. Я хочу быть твоей последовательницей и ученицей. Научи меня, как получить в руки силу, подобную твоей.

— Это невозможно, говорю тебе. Поверь мне. Ты слишком молода. Прости меня, дитя. Чтобы владеть силой, подобной моей, ты, вероятно, всегда останешься слишком молода. Едва ли есть на свете женщина, способная дойти туда, куда дошел я, и видеть то, что открыто мне. Это нелегкое искусство. Бог, которому я служу, требователен и жесток.

— Какой бог? Я знаю только людей.

— Вот и узнавай людей. А моя сила, сколько у меня ее есть, тебе недоступна. Повторяю, преподать ее тебе не в моей власти.

Она глядела на меня, не понимая. Она была еще слишком молода, чтобы понимать. Отсветы огня из плиты падали на ее чудесные волосы, на ее широкий чистый лоб, на пышную грудь и детские ладони. Я вспомнил, что Утер предлагал ее в жены Лоту, а Лот отверг ее и предпочел ее младшую единокровную сестру. Знает ли об этом Моргауза? — подумал я, и мне стало жаль ее. Что-то с ней в жизни станется?

Я сказал мягко:

— Это правда, Моргауза. Бог дает человеку силу, но только ради своих собственных целей. А когда свершится желаемое, что будет дальше, не ведомо никому. Если он изберет тебя, ты будешь призвана, но не вступай в огонь сама, дитя. Довольствуйся той магией, что доступна молодым девушкам.

Она хотела было что-то возразить, но нас прервали. Стилико подогревал какую-то смесь в чаше над горелкой и, как видно, все внимание употребил на то, чтобы расслышать наши речи, чаша у него наклонилась, и часть жидкости выплеснулась в огонь. Раздалось шипение, треск, и густое облако пахучего пара распространилось между мной и принцессой, скрыв ее от моих глаз. Я только увидел ее руки, эти послушные детские ладони — она быстро вскинула их, отгоняя от глаз едкие испарения. У меня тоже глаза наполнились слезами. Размытые очертания залучились. Нестерпимая головная боль ослепила. Белые маленькие ладони взлетали в темном чаду, словно творя колдовство. Мимо тучей пронеслись летучие мыши. Где-то рядом простонали струны моей арфы. Стены вокруг меня сблизились, как грани ледяного кристалла, как гробница...

— Учитель, прости! Ты болен, учитель? Учитель!

Я встрепенулся и пришел в себя. Взгляд мой прояснился. Чадное облако рассеялось, последние редкие клочья уходили сквозь решетку окна. Ее ладони опять недвижно покоились под грудью. Она откинула волосы со лба и разглядывала меня с любопытством. Стилико подхватил опрокинувшуюся чашу и, держа ее перед собой, смотрел на меня испуганно и озабоченно.

— Господин, эту смесь ты составил сам. Ты говорил, что она безвредна...

— Совершенно безвредна. Но другой раз, когда будешь ее варить, смотри, что делаешь.— Я обернулся к принцессе.— Про-

сти, я напугал тебя. Это пустяки, просто головная боль, у меня они бывают. Внезапные, и так же внезапно проходят. А теперь я должен проститься. Я уезжаю из Лондона в конце этой недели. Если тебе понадобится до той поры моя помощь, пошли за мной, и я с радостью приду.— Я улыбнулся и, протянув руку, коснулся ее волос.— Не гляди так уныло, дитя. Тяжек этот дар, и он не для юных дев.

Я пошел к дверям, и она еще раз сделала мне реверанс, и личико ее снова укрыла сияющая завеса волос.

Глава 6

То был, наверно, единственный раз в моей жизни, когда Брин-Мирддин оказался для меня не домом, куда я нетерпеливо рвусь, а всего лишь остановкой в пути. И, добравшись до Маридунума, я не радовался, как бывало, привычной тишине, и своим книгам, и досугу, который можно посвятить музыке и медицине, а, наоборот, тяготился промедлением, всеми помыслами устремляясь на север, где живет мальчик, в котором отныне вся моя жизнь.

Все, что я знал о нем, не считая туманных заверений, полученных через Хоэля и Эктора, сводилось к тому, что он здоров и крепок, хотя ростом и меньше для своих лет, чем был в его возрасте Кей, родной сын Эктора. Теперь Кею было одиннадцать, а принцу Артуру восемь, и оба они нередко являлись мне в моих видениях. Я видел, как Артур борется со своим старшим названым братом, как садится на чересчур высокого, на мой опасливый взгляд, коня, как они рубятся друг с другом сначала на палках, а потом и на мечах; клинки, наверно, были затуплены, но я заметил только опасный взблеск металла, а также и то, что хотя у Кея мускулы крепче и длинные руки, зато Артур быстр, как само сверкание меча. Я наблюдал, как они на пару удят рыбу, лазят по камням, носятся по опушке Дикого леса, тщетно пытаясь укрыться от бдительного Ральфа, который, с двумя доверенными людьми Эктора, неотступно, денно и нощно, караулит Артура. Все это рисовалось мне в пламени, в дыму, на звездном небе, а однажды, когда не было ни огня, ни звезд на небе,— в грани драгоценного хрустального кубка, которым я любовался во дворце Адьяна над бухтой Золотой Рог. То-то, должно быть, Адьян подивился моей внезапной рассеянности, а может быть,

приписал ее несварению желудка после его более чем обильных угощений — немочи, которая на Востоке считается заслуженной данью гостеприимству.

Я даже не был уверен, что узнаю Артура, когда увижу воочию, и каким он все-таки вырос, я тоже по-настоящему не знал. Видел его отвагу, его веселость, его упорство и силу, но об истинной его природе я судить не мог; видения питают духовный взор — чтобы понять сердцем, нужна живая кровь. Я даже голоса его никогда не слышал. Как мне войти в его жизнь, когда я доберусь на север, тоже пока еще было неясно, но всю дорогу от Лондона до Брин-Мирддина я шагал по ночам и высматривал знаки на звездном небе, и каждую ночь Медведица висела прямо передо мной, мерцая и повествуя о темном севере, о льдистых небесах и о запахах хвои в лесах и воды в горных ручьях.

Стилико при виде моего пещерного жилища выказал совсем не те чувства, которых я от него ожидал. Отправляясь в долгие странствия, я сделал распоряжения, чтобы мой дом без меня содержался в порядке. Оставил некоторую сумму здешнему мельнику и просил его время от времени посылать слугу в пещеру. Сразу видно было, что мельник выполнил уговор: в пещере было прибрано, сухо, лежала заготовленная провизия. Была припасена даже свежая подстилка для лошадей, и мы едва лишь сошли с седел, как снизу по тропе, запыхавшись, прибежала следом за нами девушка с мельницы и принесла нам козьего молока и свежего хлеба и шесть только что выловленных форелей. Я поблагодарил ее и попросил, чтобы она показала Стилико то место, где вода из священного источника, в котором я не позволил ему чистить рыбу, сбегала вниз по уступам. Они ушли, а я проверил печати на бутылках и кувшинах и убедился, что замок на сундуке цел и, стало быть, мои книги и инструменты, спрятанные в нем, никто не трогал, а меж тем снаружи доносились веселые молодые голоса, они деловито жужжали, точно мельничные жернова, то и дело раскатывались хохотом, растолковывая один другому слова незнакомого языка.

Наконец девушка ушла, а юноша вернулся в пещеру с выпотрошенными, готовыми для жарки рыбинами, и вид у него был вполне довольный, словно он ничего особенного не видит в моем обиталище: дом как дом, не хуже любого, где нам с ним случалось останавливаться. Сначала я склонен был приписать такое благодушие всеискупающему женскому обществу, но потом оказа-

лось, что просто он родился и вырос в такой же пещере — у него на родине бедный люд прозябает в столь ужасном ничтожестве, что владельцы сухой и удобной пещеры почитают себя счастливцами и часто принуждены драться за свое жилище, словно лисы за логово. Отец Стилико без долгих колебаний, точно ненужного щенка, продал сына в рабство — в семье из тринадцати человек без него легко могли обойтись, его место в пещере стоило дороже, чем его присутствие. Рабом Стилико спал в конюшне, а еще чаще — прямо под открытым небом, во дворе, и даже у меня, сказать по совести, обычно оказывался на ночевке в таких домах, где лошадям отводятся лучшие помещения, чем слугам. Каморка в Лондоне была единственным в его жизни человеческим жилищем, так что моя просторная пещера казалась ему роскошной, а теперь сулила к тому же еще и дополнительные радости, которые редко выпадают на долю молодому рабу.

Стилико устроился в пещере, как дома, и вскоре по окрестным холмам прошел слух, что маг Мерлин вернулся. Люди потянулись ко мне за целебными снадобьями, а в уплату, как всегда, несли снедь и утварь. Девчонка мельника — а звали ее Мэй — прибегала снизу всякий раз, как улучала минуту, и приносила нам муку и печево, а бывало, люди передавали с нею и другие подношения. И Стилико, со своей стороны, тоже взял за правило заглядывать на мельницу, когда я посылал его в город. Вскоре я убедился, что у Мэй он ни в чем не встречает отказа. Однажды ночью, когда сон никак не шел ко мне, я встал и спустился на площадку перед священным источником, чтобы посмотреть на звезды. В ночной тишине я услышал, что лошади в укрытии под скалою беспокойно фыркают и переступают ногами. Сияли звезды, светил белый серп месяца, так что я не стал возвращаться за факелом, а негромко кликнул Стилико и, не дожидаясь его, поспешил спуститься в заросли терновника — посмотреть, что могло встревожить лошадей. И, только разглядев под навесом на соломе два сплетенных молодых тела, понял, что Стилико спустился еще раньше меня. Я отошел незамеченный и, вернувшись на свое ложе, предался думам.

Через несколько дней я решил поговорить со Стилико. Я сказал ему, что собираюсь отправиться дальше на север, но хочу, чтобы никто об этом не догадался, поэтому ему лучше всего будет остаться и прикрыть мое отступление. Он горячо заверил меня в своей преданности и поклялся сохранить тайну. И я знал, что

могу на него положиться: помимо таланта по части лекарственных трав, он был еще невероятный лжец. Говорят, это тоже национальная черта. Я только опасался, что он завреться, подобно своему барышнику-папаше, и потом не оберешься неприятностей. Но ничего иного не оставалось, как рискнуть; впрочем, зная его верную душу и то, как хорошо ему живется в Бринн-Мирддине, я был уверен, что риск невелик. Пряча нетерпение, он спросил, когда я предполагаю выехать, но я ответил ему только, что жду знака. Как всегда, он принял мои слова без рассуждений и расспросов. Он скорее стал бы вопрошать жрицу, вещающую в храме — в Сицилии придерживаются старой веры,— или самого Гефеста, дышащего пламенем с вершины гор. Как я обнаружил, он свято верил всем россказням, какие слышал обо мне, и, наверное, не удивился бы, увидев, как я у него на глазах растаял, словно дым, или извлек золото прямо из воздуха. По-видимому, он, как прежде Гай, не прочь был попользоваться своим положением слуги колдуна. Мэй, во всяком случае, трепетала и ни за что не соглашалась приблизиться к пещере дальше терновых кустов, что ввиду моих замыслов было мне только на руку.

Я выжидал не магического знака. Будь я уверен, что опасности нет, я бы отправился на север без всякого промедления. Но я знал, что за мной следят. Утер наверняка продолжал держать близ меня своих соглядатаев. Само по себе это было не страшно, от шпионов короля мне не грозила опасность. Но шпионов может подослать всякий, и, конечно, найдутся и другие, кто будет интересоваться мною, хотя бы из простого любопытства. А потому я сдержал нетерпение и оставался на месте, промышляя своим ремеслом и выжидая, когда мои соглядатаи не выдержат и обнаружат себя.

Однажды я послал Стилико вниз с лошадьми в кузню на краю города. Обе наши лошади были подкованы перед выездом из Лондона, и, хотя на зиму подковы обычно снимают, я хотел заново подковать мою кобылу, так как ей предстоял еще один долгий переход. Пряжки подпруги тоже требовали починки. Стилико поехал и, пока кони будут у кузнеца, должен был выполнить еще кое-какие поручения.

Подморозило. Было сухо и безветренно, небо обложили тяжелые облака, и в них вязли солнечные лучи, один только тусклый багровый диск висел над землей. Я отправился в хижину

пастуха Аббы. Его сын Бан, дурачок, несколько дней назад поранил колом руку, и рана загнила. Я взрезал опухоль и наложил повязку с мазью, однако на Бана надеяться можно было не больше, чем на неразумного пса, он содрал бы повязку, если б она его беспокоила.

Но тревожился я напрасно: повязка оказалась на месте и рана затягивалась чисто и хорошо. На Бане, как и на всех убогих — я давно это заметил,— любая болячка заживала быстро, точно на малом ребенке или лесном звере. И хорошо, что так, ведь эти люди дня не могут прожить, чтобы как-нибудь не пораниться. Я перевязал ему руку и остался у них. Пастушья хижина притулилась в распадке между холмами, все овцы Аббы находились в загоне. Как часто случается, ожидались ранние ягнята, хотя на дворе был еще только декабрь. И я задержался, чтобы помочь Аббе с трудным окотом, поскольку у Бана болела рука. К тому времени, когда двойняшки-ягнята мирно уснули перед очагом, свернувшись на коленях у Бана, а мать-овца лежала поблизости и не сводила с них глаз, короткий зимний день уже угас, завершившись багровым закатом. Я простился с пастухами и пошел к себе через гребень холма. Наступила ночь, когда я вошел в сосновую рощу над пещерой. Небо прояснилось и украсилось яркими звездами, только туманный лик луны бросал на заиндевелую землю голубые тени. Тени я и заметил. Движущиеся. Я замер на месте и присмотрелся.

Четверо мужчин находились на площадке перед входом в пещеру. Снизу, из-за терновых зарослей, доносилось бряканье сбруи их привязанных коней. Пришельцы сбились в кучу и негромко переговаривались — я слышал невнятный звук их речей. У двоих в руках были обнаженные мечи.

А луна с каждой минутой светила все ярче, и новые звезды высыпали в морозном небе. Далеко внизу, у входа в долину, залаяла собака. Вскоре вслед за тем я услышал неторопливый перестук копыт. Мои незваные гости под скалой тоже услыхали эти звуки. Один из них тихо отдал распоряжение, и они все устремились вниз, туда, где стояли их кони.

Но едва только они ступили на тропу, как я окликнул их сверху.

Можно было подумать, что я свалился с неба в огненной колеснице. Это довольно жутко — когда в темноте у тебя над головой вдруг раздается голос человека, который, по твоим понятиям, только что въехал в долину внизу, в полумиле отсюда. К тому же тот, кто берется шпионить за колдуном, уже находится во власти страха и склонен поверить в любое диво. Один из незваных гостей испуганно вскрикнул, вожак вполголоса выругался. Их запрокинутые лица показались мне сверху, в свете звезд, серыми, словно заиндевелыми.

Я проговорил:

— Я Мерлин. Что вам от меня угодно?

Наступила тишина, и стал явственно слышен приближающийся лошадиный скок — лошади припустились рысью, чуя дом и ужин. Я заметил, что стоящие внизу подо мною люди готовы удариться в бегство. Но вожак откашлялся и сказал:

— Мы от короля.

— В таком случае спрячьте ваши глупые мечи. Я сейчас спущусь.

Подойдя к ним, я убедился, что они меня послушались, но руки держали вблизи ножен и сгрудились потеснее.

— Кто из вас главный? — спросил я.

Самый рослый шагнул вперед. И ответил вежливо, но злобно — как видно, пережитая минута страха не доставила ему удовольствия.

— Мы дожидались тебя, принц. Мы посланные короля.

— Это с обнаженными-то мечами? Ну что ж, ведь вас всего четверо против одного, если уж на то пошло.

— Четверо против чар,— возразил уязвленно вожак.

Я улыбнулся.

— Разве вы не знали, что мои чары не страшны людям короля? Вы могли быть уверены в радушном приеме.

Я помолчал. Они переступали с ноги на ногу, хрустя инеем. Один из них пробормотал что-то — то ли божбу, то ли проклятие — на своем наречии. Я сказал:

— Ну ладно. Здесь не место для разговоров. Мой дом, как видите, открыт для гостей. Отчего вы не развели огонь, не запалили светильники и не ждали меня, укрывшись от непогоды?

Они опять помялись, переглянулись. Ни один не произнес ни слова мне в ответ. При луне их черные следы вели по заиндевелой земле ко входу в пещеру. Было очевидно, что они уже побывали внутри.

— Что ж,— сказал я.— Милости прошу хоть теперь.

Я приблизился к святому источнику, над которым в темной нише, еще различимое, белело деревянное изваяние божества. Взял чашу от его подножия, плеснул ему и напился сам. Потом жестом предложил воды их вожаку. Он замялся в нерешительности и покачал головой.

— Я христианин,— сказал он.— А это что за бог?

— Мирддин,— ответил я.— Бог возвышенных мест. До меня этот полый холм принадлежал ему. Он доверил его мне, но сам держит под неусыпным надзором.

Тут я заметил, как и ожидал, что они, пряча руки за спину, все четверо сделали знак, охраняющий от чар. Потом, один за другим, подошли к источнику, каждый напился и плеснул воды здешнему богу. Я кивнул.

— Да, лучше не забывать, что старые боги по-прежнему надзирают над нами сверху и таятся в полых холмах. Иначе как бы я узнал о вашем приезде?

— Неужто ты знал?

— Неужто нет? Входите же.

Я обернулся на пороге, придерживая куст, который загораживал вход. Ни один не шевельнулся, только вожак сделал шаг вперед, но тоже в нерешительности остановился.

— В чем дело? — спросил я.— В пещере ведь никого нет. Или есть? Вы что, нашли там беспорядок, когда заходили, и боитесь мне признаться?

— Нет, никакого беспорядка там не было,— ответил вожак.— Мы не заходили... то есть мы...— Он прокашлялся и начал сызнова: — То есть мы зашли, это правда, но только переступили через порог...

Он опять не договорил, и опять они стали переглядываться, перешептываться, потом один из них вслух произнес:

— Да скажи ты ему толком, Кринас!

Кринас в третий раз начал сначала:

— Дело в том, сэр...

Он долго раскачивался и мялся, но в конце концов я все же услышал его рассказ, стоя у входа в пещеру в полукольце перепуганных воинов.

Оказалось, что они прибыли в Маридунум за два дня до того и выжидали случая подъехать к пещере никем не замеченными. У них был приказ открыто со мной в общение не вступать, что-

бы другие соглядатаи, находящиеся, как подозревал король, где-нибудь поблизости, не вздумали подкараулить их на обратном пути и силой оружия отнять у них письмо, если я его им вручу для передачи королю.

— Ну и что же?

И вот нынче утром, продолжал Кринас, они углядели внизу возле кузницы мою кобылу, под седлом и свежеподкованную. Кузнец им на прямой вопрос ничего не ответил, и они заключили, что я нахожусь где-то в городе, занятый делами, покуда кузнец возится с моей лошадью. Тогда они решили, что если еще кто шпионит здесь за мной, то, наверно, тоже находится сейчас где-нибудь поблизости, в городе, воспользовались удобной минутой и поехали к пещере.

Он опять замолчал. Я чувствовал, что они пытаются в темноте угадать, как я воспринимаю этот рассказ. Но я молчал, и Кринас, сглотнув, продолжил.

То, что он рассказал дальше, звучало по крайней мере правдоподобно. Находясь в Маридунуме, они успели, как бы между прочим, разузнать дорогу в Брин-Мирддин. Можно не сомневаться, что ответы на их расспросы люди щедро сдобрили рассказами о святости этих мест, о волшебном могуществе их обитателя. Окрестные жители очень гордились своим колдуном и, пересказывая мои подвиги, не скупились на красочные подробности. Поэтому мои гости подъехали к пещере уже несколько напуганные.

Пещера, как они и ожидали, оказалась пуста. На белом снежном покрове перед входом не было видно ничьих следов. Глубокая тишина встретила их среди холмов, только журчал, изливаясь, святой родник. Они зажгли факел и, остановясь у входа, заглянули внутрь пещеры; там было все прибрано, но пусто, зола в очаге остыла...

— И что же? — понудил я Кринаса, который снова умолк.

— Мы знали, что тебя там нет, господин, но у нас было такое чувство... Мы позвали, никто не ответил, а потом вдруг из темноты донесся какой-то шелест. Он словно бы шел из глубины пещеры, где находится твое ложе и светильник подле него...

— И вы вошли?

— Нет, сударь.

— И ничего не трогали?

— Нет,— поспешно ответил он.— Мы... мы не посмели.

— Хорошо хоть так,— заметил я.— Что же дальше?

— Мы огляделись вокруг, но там никого не было. А звук не прекращался. Нам стало страшно. Мы наслушались разных историй... Один из нас сказал, что ты, может быть, подсматриваешь сейчас за нами, невидимый. Я велел ему не болтать вздора, но, по чести признаться, у меня все время было такое чувство...

— Будто тебе смотрят в спину? Вполне понятно. Продолжай.

Он сглотнул.

— Мы опять крикнули. И тогда они вдруг вылетели из-под крыши. Целое облако летучих мышей.

В эту минуту нас прервали. Стилико доехал до терновых зарослей и обнаружил там привязанных чужих лошадей. Я услышал, как он закрыл в загоне наших и бросился со всех ног вверх по извилистой тропе. Вот он с кинжалом в руке, оскользаясь на полегшей траве, выскочил на поляну у входа в пещеру.

На бегу он что-то кричал. Лунный луч отсвечивал на длинном лезвии кинжала в низко опущенной и готовой разить руке. Солдаты, лязгнув мечами, разом обернулись ему навстречу. Но я растолкал их, сделал два быстрых шага вперед и успел остановить его, со всей силой сжав ему правое запястье.

— Не надо. Это люди короля. Убери.

Пришельцы тоже спрятали мечи. Я спросил:

— За тобой не было погони, Стилико?

Он мотнул головой. Его била дрожь. Раб не привычен к оружию, как сын свободного человека. Я только здесь, в Брин-Мирддине, впервые позволил ему носить кинжал. Я выпустил его руку и обратился к Кринасу:

— Ты говорил про летучих мышей. Сдается мне, вы слишком много веры придаете людским россказням, Кринас. Если потревожишь летучих мышей, они и впрямь могут напугать на минуту. Но ведь это всего только мыши.

— Не только мыши, сударь. Мышей мы действительно вспугнули, и они вылетели из темноты под сводами и пролетели мимо нас. Будто хвост серого дыма. И оставили после себя смрад в воздухе. Но когда они улетели, стал слышен другой звук. Какая-то музыка.

Стилико взволнованно слушал, в темноте переводя широко раскрытые глаза с солдат на меня. Я заметил, что они снова сделали охранительный знак.

— Музыка звучала вокруг нас,— продолжал Кринас.— Тихо-тихо, почти шепотом, и слабое эхо, не умолкая, отдавалось от стен пещеры. Признаюсь без стыда, господин, мы вышли вон и не решались войти снова. Поджидали тебя снаружи.

— Обнажив мечи против чар? Понятно. Однако теперь уже нет более нужды оставаться на холоде. Сейчас вы можете войти. Ручаюсь вам в полной безопасности, если вы не вздумаете поднять руку на меня и моего слугу. Стилико, ступай вперед и разведи огонь. Ну так как же? Нет, нет, не пытайтесь уйти, вы ведь еще не передали мне весть от короля. Забыли?

В конце концов угрозами и уверениями я завел их в пещеру — они ступали осторожно и переговаривались только шепотом. Вожак согласился сесть рядом со мною, но остальные ни за что не хотели углубиться так далеко и остались сидеть на полпути между входом и очагом. Стилико вскоре подогрел вино с пряностями и обнес всех.

Теперь, при свете, я увидел, что пришельцы одеты не как солдаты короля: ни значков, ни герба на них не было. По виду их можно было принять за воинов какого-нибудь мелкого царька. Выправка, несомненно, военная, и к Кринасу обращаются хотя и без чинов, но почтительно, как к старшему по званию.

Я разглядывал их. Вожак сидел невозмутимо, но остальные трое под моим взглядом беспокойно заерзали, и один, худощавый и низкорослый, с черными волосами и бледным лицом, украдкой опять сделал охранительный знак.

Наконец я нарушил молчание:

— Вы говорите, что прибыли ко мне как посланцы короля. Поручил ли он вам передать мне письмо?

Ответил Кринас. Он был высокий, рыжеволосый, глаза голубые. Наверно, с примесью саксонской крови, хотя есть и кельты вот такой же светлой масти.

— Нет, сударь. Нам поручено только передать тебе привет от короля и справиться о его сыне.

— Но почему?

— Почему? — переспросил он недоуменно.

— Да, почему? Я четыре месяца как покинул королевский двор. Король получал за это время вести. Почему же он вдруг теперь шлет вас, и притом ко мне? Он ведь знает, что мальчик не у меня. Очевидно, что здесь,— я обвел взглядом четырех вооруженных мужчин,— он не был бы в безопасности. Известно ко-

ролю и то, что я намерен был задержаться в Брин-Мирддине, прежде чем отправиться к принцу Артуру. Я опасался шпионов, и мне трудно поверить, что вы получили такое поручение от короля.

Трое по ту сторону очага переглянулись. Один из них, здоровый детина с красным, рябым лицом, нервно поддернул пояс с ножнами, рука его потянулась к рукоятке меча. Я видел, что Стилико взглянул на него настороженно и прямо с кувшином вина шагнул поближе ко мне.

Кринас минуту молча смотрел мне в глаза, потом кивнул и проговорил:

— Ладно, господин, твоя взяла. Да я особенно и не надеялся на успех, тебя такими баснями не проведешь. Просто с ходу сказал первое, что пришло в голову, когда ты вдруг объявился у нас над головой.

— Отлично. Стало быть, вы шпионите. Опять же, я хочу узнать почему.

Он пожал широкими плечами.

— Кому и знать, господин, как не тебе, каков нрав у королей. Мы не задавали вопросов, когда нам было приказано пробраться сюда и тайно осмотреть пещеру в твое отсутствие.

Трое его товарищей взволнованно закивали, подтверждая его слова.

— И мы не причинили вреда, господин. В пещере мы не были, это мы правду сказали.

— Да, и почему не были — тоже.

Он вскинул руку.

— Ничего не скажешь, сударь, ты вправе на нас сердиться. Вина наша. Обычно, сам понимаешь, мы такими делами не занимаемся, но ведь приказ есть приказ.

— И что же вам было приказано разыскать?

— Определенного — ничего. Просто поспрашивать народ в округе, оглядеть твое жилище, узнать, когда ты собираешься в путь.— Быстрый взгляд искоса: как я это приму? — Я понял так, что королю ты не все открыл, и он хочет дознаться сам. Ты знал, что за тобой следили с первой минуты, как ты оставил Лондон?

Еще одна толика правды.

— Догадывался,— ответил я.

— Ну вот видишь.— Он сказал это так, будто тем самым все разъяснилось.— Таковы уж они, короли, никому не доверяют и хотят непременно все знать сами. Сдается мне, господин, если ты простишь мне эти слова...

— Говори.

— По-моему, король не поверил тебе, когда ты объяснял ему, где у тебя содержится маленький принц. Наверно, он решил, что ты хочешь переправить его в другое место, спрятать, как раньше. Вот он и послал нас доглядеть потихоньку — авось нам удастся разгадать куда.

— Может быть. Желание все знать — болезнь королей. И кстати, о болезнях, не наступило ли ухудшение в здоровье короля, что он вот так вдруг забеспокоился о сыне?

Я ясно прочел по его лицу, словно он выразил свою досаду словами, как ему обидно, что он сам не вспомнил к месту про королевскую болезнь. Но, поколебавшись, он решил, что безопаснее, где можно, говорить правду.

— Что до этого, сударь, то у нас нет сведений. Сам я его перед отъездом не видел. Но слышал, что немочь его прошла и он вернулся на поле брани.

То же самое было известно и мне. Я помолчал немного, внимательно разглядывая моих гостей. Кринас попивал вино с показной непринужденностью, а сам не сводил с меня сторожкого взгляда. Потом я сказал:

— Ну что ж, вы выполнили приказ и разузнали то, что нужно было королю. Я все еще здесь, а мальчика здесь нет. В остальном же королю волей-неволей придется довериться мне. И срок моего предстоящего отбытия я ему сообщу в свое время.

Кринас откашлялся.

— Такой ответ едва ли годится для передачи королю, господин.

Он говорил нарочито громко, словно бы ничего не боялся, он и вправду был отважный малый. Остальные разделяли его страх, но при этом не пытались скрыть своего малодушия. У низкорослого черные глаза так и бегали на бледном от испуга лице, он потянулся к вожаку, дернул его за рукав. Я услышал, как он вполголоса сказал:

— Уйдем лучше. Не забывай, кто он такой... Довольно с нас... Еще разозлим его.

Я резко возразил:

— Мне не на что злиться. Вы выполняете свой долг, не ваша вина, что король так недоверчив и всему требует дополнительных подтверждений. Можете передать ему от меня,— я сделал паузу, будто обдумывал, как бы лучше выразиться, и все четверо жадно вытянули шеи,— что его сын находится в том месте, которое я ему называл, что он в безопасности и благополучии и что я жду только подходящей погоды, чтобы отправиться в плавание.

— В плавание? — мгновенно переспросил Кринас.

Я поднял брови.

— А что? Я думал, всему свету известно, где находится Артур. Ну да король-то, во всяком случае, поймет.

Один из солдат хриплым голосом проговорил:

— Мы слышали, господин, но то были только слухи. Стало быть, это правда, про остров?

— Истинная правда.

— Ги-Бразиль? Но это сказка, сударь, прошу прощения,— возразил Кринас.

— Разве я называл имя? За слухи я не отвечаю. Место, о котором я говорю, имеет много названий, и рассказывают о нем всего столько, что хватило бы на Девять Книг черной магии... И всякому, кто ни увидит его своими глазами, открывается иное. Когда я отвез туда Артура...

Я оборвал речь и промочил горло, словно певец перед тем, как коснуться струн. Трое по ту сторону очага приготовились слушать. На Кринаса я старался не смотреть, обращаясь через его голову прямо к ним зычным и распевным голосом сказителя:

— Все вы знаете, что мальчик был передан мне на руки в третью ночь как родился на свет. Я отвез его в безопасное укрытие, а потом, улучив удобное время, когда в мире было спокойно, переправил к западу на побережье. В том месте у подножия отвесных скал находится песчаная бухта, и вокруг нее стоят стоймя камни, точно волчьи зубы,— о них разбивается насмерть и пловец, и лодочник в часы прилива. По сторонам той бухты волны пробили в скалах высокие арки. Скалы там в солнечных лучах отсвечивают сизым, и розовым, и нежно-бирюзовым, а в летние вечера при отливе, когда садится солнце, на горизонте глазам открывается земля, но, когда угасает свет дня, она исчезает. Это Летний остров, который, говорят, всплывает и тонет по воле небес, и Стеклянный остров, сквозь который видно звезды и облака, но для тех, кто там обитает, он изобилует деревьями и травами и кристальными родниками.

Солдат с бледным лицом весь подался ко мне, разинув рот, другой, я видел, под шерстяным плащом зябко передернул плечами. У Стилико глаза блестели, как бляхи на щите.

— Это остров Дев, куда после кончины попадают короли. И когда-нибудь настанет день...

— Господин! Я все это видел своими глазами! — Чтобы вот так оборвать прорицателя на первых же словах прорицания, бледнолицый должен был дойти до совершенного исступления.— Да, да, видел! Когда был еще маленький. Так же ясно, как Касситериды в ясный день после дождя. Но тогда это была пустая земля.

— Она не пустая. И не только там могут видеть ее люди, подобные тебе. Если знаешь, как искать, ее можно найти даже зимой. Но мало кто может добраться туда и вернуться обратно.

Кринас слушал не шевелясь, с каменным лицом.

— Стало быть, он на корнуэльской земле?

— Так ты и это знаешь?

В моем голосе не прозвучало и тени насмешки, но он обиженно буркнул:

— Нет,— и, поставив пустой кубок, встал. Рука его потянулась к поясу.— Стало быть, то, что ты рассказал, мы и должны передать королю?

Остальные, по его кивку, тоже поднялись. Стилико со стуком поставил кувшин, но я успокоил его, покачав головой, и улыбнулся.

— Вам, я думаю, несдобровать, если этим исчерпаются все ваши новости? И мне тоже мало радости, если ко мне пришлют новых соглядатаев. Так что, ради нашего с вами общего блага, надо будет утолить королевское любопытство. Отвезете в Лондон мое письмо?

Мгновение Кринас стоял как вкопанный, не отводя воинственного взгляда. Потом тряхнул головой и мирно засунул большие пальцы за пояс. Только услышав, как он облегченно перевел дух, я понял, что он уже совсем готов был пустить в ход единственные известные ему доводы.

— Охотно.

— Тогда подождите еще немного. Сядьте. Наполни им кубки, Стилико.

Мое письмо к Утеру было кратким. Сначала я справлялся о его здоровье, потом писал, что принц, насколько мне известно из надежных источников, здоров и благополучен. С наступлением весны, сообщал я далее, я намерен съездить и повидать мальчика сам. А пока буду следить за ним по-своему отсюда и все новости сообщать королю.

Запечатав письмо, я снова вышел в переднюю пещеру. Мои гости вполголоса о чем-то торопливо и озабоченно переговаривались. Здесь же находился и Стилико с кувшином. При моем появлении они смолкли и поднялись. Я передал письмо Кринасу.

— Остальное, что я имел сказать королю, заключено в этом письме. Он будет удовлетворен.— Я добавил: — Даже если вы не совсем точно выполнили приказ, королевской немилости вам нечего опасаться. А теперь оставьте меня, и да оберегает вас бог путешествий.

И они наконец ушли, не выказав особой благодарности за мое напутственное благословение. Пересекая заснеженную площадку перед входом в пещеру, они настороженно поглядывали во мглу по сторонам и зябко кутались в свои шерстяные плащи, словно чувствуя на спине морозное дыхание ночи. Поравнявшись со святым источником, каждый снова сделал охранительный знак, и, по-моему, у последнего — Кринаса — это был не знак креста.

Глава 7

Стук их копыт смолк на уходящей вниз тропе. Стилико прибежал сверху с обрыва, откуда смотрел им вслед.

— Уехали.— Зрачки его были расширены не только от морозной тьмы.— Господин, я думал, они тебя убьют.

— Могли убить. Они храбрые люди и натерпелись страху. Это опасное сочетание. Тем более что один из них — христианин.

Он немедленно понял, что я имею в виду.

— То есть он тебе не поверил?

— Вот именно. Он мне не поверил, но побиться об заклад, что я лгу, не рискнул бы. А теперь, Стилико, собери мне что-нибудь поесть, не важно что, только поскорее, и уложи, что подвернется, на дорогу. Одежду я упакую сам. Кобыла подкована?

— Конечно, господин, но разве ты уезжаешь сегодня?

— Прямо сейчас. Этого случая я как раз и дожидался. Они себя обнаружили, и к тому времени, когда поймут, что след, который я им дал,— ложный, я буду уже далеко — перенесусь за море на запад... Что тебе после этого делать, ты знаешь, мы обсуждали это много раз.

И в самом деле, у нас был план, что после моего отъезда Стилико останется в Брин-Мирддине, будет, как и прежде, закупать и привозить из города провизию, чтобы казалось, будто я дома. Я сделал запасы лечебных снадобий и научил его простейшие из них составлять самому — он должен был раздавать их беднякам, которые придут за помощью, чтобы они не ощутили моего отсутствия, так что разговоры о том, что я уехал, должны были начаться далеко не сразу. Может быть, не так уж и много времени я выгадывал этим способом, но много мне и не надо было: достаточно мне перевалить через ближние холмы и ступить на лесные тропы, и выследить меня уже будет трудно.

Поэтому Стилико только кивнул мне в ответ и бросился со всех ног выполнять мое повеление. В одну минуту трапеза моя была готова, и, пока я ел, он собрал мне еды в дорогу. Я видел, что его распирают вопросы, и дал ему выговориться. Я умел, правда не без запинок, объясняться с ним на его родном языке, но он свободно, хотя и с акцентом, говорил по-латыни, и ею мы обычно и пользовались. С тех пор как мы выехали из Константинополя, Стилико, как и следовало ожидать от такой страстной натуры, горячо ко мне привязался, но он не мог жить без собеседника, и было бы жестоко настаивать на немом почитании, которое завел было у нас вымуштрованный Гай. Да я этого и не любил. И потому, пока он был занят сборами, вопросы так и сыпались у него с языка.

— Господин, если этот человек, Кринас, добивался сведений о принце, но не поверил твоему рассказу про Стеклянный остров, почему же он в таком случае уехал?

— Прочесть мое письмо. Он думает, что в нем содержится правда.

Стилико широко раскрыл глаза.

— Но он не посмеет распечатать письмо, адресованное королю! А ты написал в нем правду?

Я поднял брови.

— Правду? А ты разве тоже не веришь в Стеклянный остров?

— Нет, почему же. Про это все знают.— Он говорил серьезно.— Даже в Сицилии у нас слышали про невидимый остров за

краем заката. Но ты сейчас держишь путь не туда, готов прозакладывать что угодно!

— Откуда такая уверенность?

Он сверкнул на меня влажными черными глазами.

— А как же, господин? Ты, да чтобы пустился в плавание через Западное море? И еще зимой? Во что угодно готов поверить, но не в это! Если бы ты имел магическую власть над морской стихией, разве мы маялись бы так, плывя по Срединному морю? Вспомни шторм у Пилоса.

Я засмеялся.

— Когда всей магии у нас был один рвотный корень? Еще бы мне не помнить. Нет, Стилико, из моего письма они ничего не узнают. И к королю оно тоже не попадет. Этих людей не король подослал.

— Не король? — Он разинул рот и выпучил глаза, но тут же опомнился и опять склонился над переметной сумой, куда набивал поклажу.— Откуда ты знаешь? Они знакомы тебе?

— Нет. Но Утер не назначает своих солдат шпионить, ведь таких шпионов сразу можно узнать. Это чьи-то солдаты, посланные, как Кринас сам сказал, побродить по базару и тавернам Маридунума, поспрашивать людей, а потом подняться сюда, обшарить пещеру в наше отсутствие и найти либо принца, либо какой-нибудь след, который приведет к нему. Они даже и не настоящие шпионы. Какой шпион осмелится возвратиться к хозяину и признать, что его разоблачили, но дали письмо со всеми необходимыми сведениями? Я постарался облегчить им положение, и, может быть, они решили, что сумели меня обмануть, но, как бы то ни было, им необходимо было заполучить это письмо. Надо отдать должное Кринасу, он соображает быстро. Когда я застал их на месте, он ловко вывернулся. Не его вина, что один из его подчиненных выдал его с головой.

— Каким образом?

— Тот, низкорослый, с бледным лицом. Я услышал, как он произнес что-то на своем родном языке. Кринас, наверное, даже внимания не обратил. Но он говорил по-корнийски. Тогда я рассказал им про Стеклянный остров и описал бухту, и ему это все было знакомо. Знал он и Касситериды. Это острова у корнуэльского побережья, в них даже Кринас не мог не поверить.

— У корнуэльского? — переспросил Стилико, как бы взвешивая новое слово.

— У побережья Корнуолла, на юго-западе.

— Стало быть, люди королевы? — Стилико недаром провел время в Лондоне, он не сидел в четырех стенах, обучая Моргаузу приготовлению целебных снадобий. Он умел слушать не хуже, чем говорить, и с тех пор, как мы оставили Утеров двор, так и засыпал меня рассказами о том, что там думают и говорят по всем мыслимым поводам.— Говорят, она все еще в тех краях после неудачных родов.

— Это так. И она, конечно, могла бы использовать корнуэльцев для тайных поручений. И все-таки я не думаю, чтобы их подослала она. Ни король, ни королева сейчас не приближают к себе корнуэльцев.

— Корнуэльские солдаты стоят под Каэрлеоном. Я слышал об этом в городе.

Я поднял голову.

— Вот как? Под чьим же началом?

— Не слыхал. Но могу узнать.

Он вопросительно смотрел на меня, но я покачал головой.

— Нет. Чем меньше ты будешь знать об этом, тем лучше. Забудь. Они сейчас перестанут следить за мною, покуда не прочитают письмо, а здесь не так-то легко отыскать человека, который понимает по-гречески...

— По-гречески?

— Да, у короля секретарь — грек,— подтвердил я.— Я не видел нужды облегчать им работу. А они, я думаю, не догадались, что я их разоблачил. И торопиться не станут. К тому же в письме я упомянул, что пробуду здесь до весны.

— А сюда они не вернутся?

— Едва ли. Зачем им? Признаться передо мной, что они прочитали письмо, адресованное королю? И что послал их вовсе не король? Покуда они полагают, что я здесь, они не решатся сюда приехать — из боязни, как бы я не донес королю. Они и убить меня не осмелятся, и допустить, чтобы я все узнал про них, тоже побоятся. И значит, носа сюда не покажут. А ты в ближайший день, как приедешь в Маридунум, позаботься дать знать начальнику гарнизона, чтобы поискал в окрестностях этих корнуэльцев, и пусть доложит о случившемся королю. Я и сам отправлю королю известие. Пусть даст указание своим шпионам охранять нас от других... Ну, у меня все готово. Ты сложил провизию?

Наполни-ка мне вот флягу. Да повтори, что ты скажешь, если кто-нибудь все же сюда заявится.

— Скажу, что ты все дни проводил на холмах и в последний раз ушел в сторону хижины пастуха Аббы, и я думаю, что ты остался у него помочь с овцами.— Стилико посмотрел на меня с сомнением.— Никто, конечно, не поверит.

— Отчего же? Ты ведь искусный лгун. Осторожней, ты льешь вино мимо!

— Принц — и возится с овцами? Довольно невероятно.

— Я и не такие невероятные вещи делал. Тебе поверят. К тому же это правда. Откуда, ты думаешь, у меня на плаще пятна крови?

— Убил кого-нибудь, я думаю.

Он говорил совершенно серьезно. Я рассмеялся.

— Это нечасто со мной случается и, как правило, по недоразумению.

Он недоверчиво потряс головой и закупорил флягу.

— Если бы те четверо обнажили против тебя мечи, господин, ты бы употребил чары?

— Зачем мне чары, когда у меня был твой кинжал наготове? Я не поблагодарил тебя за храбрость, Стилико. Ты молодец.

Он удивился:

— Ты же мой хозяин.

— Я купил тебя за деньги и возвратил тебе свободу, принадлежащую тебе по праву рождения. Разве ты мне чем-нибудь обязан?

Он только взглянул на меня недоуменно и сказал:

— Ну вот, все готово, господин. Тебе надо только обуть сапоги и захватить овчинный плащ. Пойти оседлать Ягодку, покуда ты переобуваешься?

— Одну минуту,— ответил я.— Подойди и взгляни мне в глаза. Я обещал, что тебя здесь никто не обидит. И это правда; я видел, что тебе не угрожает никакая опасность. Но когда я уеду, если тебе будет страшно, можешь спуститься вниз и устроиться на мельнице. Слышишь?

— Да, господин.

— Ты мне веришь?

— Да.

— Так чего же ты боишься?

Он замялся, сглотнул. Наконец промолвил:

— Да вот музыка, про которую они говорили, что это было, господин? Она правда шла от богов?

— В каком-то смысле, да. Моя арфа по временам при движении воздуха обретает голос. Они именно это и слышали, я думаю, а так как совесть их была нечиста, испугались.

Он оглянулся в угол, где стояла большая арфа. Мне переправили ее сюда из Бретани, и по возвращении я пользовался только ею, а малую поставил на место.

— Вот эта? — удивился Стилико.— Но как она может звучать, ведь она в чехле?

— Нет, не эта. Эта безмолвствует, покуда я не коснусь ее струн. Я говорил о другой, малой, которая сопровождает меня в путешествиях. Я сам смастерил ее в этой самой пещере с помощью волшебника Галапаса.

Он облизнул губы. Ясно было, что ответ мой его далеко не успокоил.

— Ту я не видел со дня нашего приезда. Где ты ее держишь?

— Я все равно собирался тебе показать при прощании. Идем, мой друг, тебе нет нужды бояться. Ведь ты сам сто раз переносил ее с места на место. Засвети факел и ступай со мной, посмотри.

Я отвел его в глубину главной пещеры. Я еще не показывал ему хрустального грота, а так как поперек скального уступа, ведущего к его входу, я поставил сундук с книгами и стол, сам Стилико туда не лазил и о его существовании не догадывался. По моему знаку он помог мне отодвинуть стол, и я, подняв руку с факелом, вскарабкался на затененный уступ, за которым открывался, невидимый снизу, хрустальный грот. У входа я опустился на колени и поманил к себе Стилико.

Пылающий факел отбрасывал сквозь пелену колеблющегося дыма яркие огненные блики, и они играли на стенах хрустального шара. Здесь я мальчиком увидел мои первые видения в игре отраженного пламени. Здесь я узнал, как я сам был рожден на свет, как встретил смерть старый король, как была возведена на море башня Вортигерна, здесь провидел победы Амброзиева дракона. Теперь полый шар был пуст, только арфа покоилась в его середине, и от нее на сверкающие стены во все стороны ложилась многократно повторенная тень.

Я взглянул в лицо юноши. Благоговейный ужас выразился в нем, хотя грот был пуст и тени немы.

— Слушай,— сказал я. Я произнес это слово громко, воздух заколебался от моего голоса, и арфа отозвалась, тихая музыка заплескалась в круглых стенах.— Я все равно собирался показать тебе грот,— продолжал я.— Если тебе нужно будет спрятаться, прячься здесь. Я тоже прятался здесь, когда был ребенком. Знай, боги станут хранить тебя, укрывать от опасности. Где же надежнее укрытие, чем прямо в руке бога, внутри его полого холма? А теперь ступай оседлай Ягодку. Арфу я сам принесу. Мне пора ехать.

Когда наступило утро, я был уже в пятнадцати милях от пещеры и ехал на север под сенью дубрав, что тянутся по долине реки Коти. Здесь нет дорог, а только тропы, но мне они хорошо знакомы, и я знал хижину стеклодувов в самом сердце леса, которая об эту пору стоит необитаемая.

Под этим кровом мы с кобылой вдвоем провели остаток короткого декабрьского дня. Я напоил ее из ручья и натаскал ей в угол сена. Сам я не испытывал голода. Меня питало пьянящее ощущение легкости и силы. Я узнавал его. Оно означало, что я правильно выбрал день и час. Что-то ожидало меня там, в конце пути, по которому я шел.

Я выпил глоток вина и, тепло закутавшись в овчину, подарок Аббы, заснул крепко и безмятежно, как дитя.

Во сне я опять видел меч и понял, даже сквозь сон, что видение это — прямо от бога. Обычные сновидения не обладают такой отчетливостью, это просто путаница желаний и страхов, подслушанного и замеченного, но представляющегося незнакомым. А это пришло ясное, как память.

Я впервые видел меч вблизи. Не огромным и ослепительным, как звездный меч над Бретанью, и не смутным и огненным, как он проступил когда-то на темной стене в опочивальне королевы Игрейны, а просто меч, красивое боевое оружие, рукоять витого золота осыпана драгоценными каменьями, клинок горит и сверкает, словно сам так и рвется в бой. По этому признаку мечи получают имена — один кровожаден, от другого не отобьешься, третьему нет охоты рубиться, но каждый жив своей жизнью.

Так и жил этот меч, обнаженный и зажатый в деснице воина. Человек, его державший, стоял у огня, у лагерного костра, как можно было понять, посреди широкой темной равнины, и, кроме него, на всей равнине никого не было. Вдали, у него за спиной, смутно угадывались в ночной темноте очертания стен и башни. Я вспомнил стенную мозаику в доме Адьяна, но это был не Рим. Очертания башни показались мне знакомыми, но где я ее видел, я вспомнить не мог, может быть тоже во сне.

А человек был высок и закутан в плащ, и темные тяжелые складки ниспадали с его плеч до самых пят. Лица под низко надвинутым шлемом было не видно. Голову он потупил и обнаженный клинок поддерживал ладонью. Он поворачивал его и как бы взвешивал или разглядывал руны на лезвии, и при каждом повороте огонь то вспыхивал, то мерк, то вспыхивал, то мерк. Я успел прочесть одно слово: «Король» и еще раз: «Король» — и видел, как играют в свете костра драгоценные камни на рукояти. Потом я заметил на его шлеме венец червонного золота, а темный его плащ оказался пурпурным. Вот он повернул руку, и на пальце у него блеснул золотой перстень с драконом.

Я позвал: «Отец? Это ты?» — но, как бывает во сне, с уст моих не сорвалось ни единого звука. И однако же человек поднял голову и посмотрел на меня. Внизу под шлемом не было глаз. Не было ничего. Руки, державшие меч, были руками скелета. Перстень сиял на кости.

Он плашмя на костлявых кистях протянул меч мне. Голос, который не был голосом моего отца, произнес: «Возьми это!» Голос был не призрачный и не такой, какие звучат подчас в видениях. Я их слышал: в них нет плоти — словно ветер дудит в пустой рог. А это был живой мужской голос, резкий, привыкший командовать, чуть осипший, как бывает от гнева, или спьяну, или, вернее всего, здесь от глубокой усталости.

Я попробовал шевельнуться, но не мог, как только что не мог ни слова произнести. Я никогда в жизни не боялся духов, но этот человек внушал мне страх. Из черной пустоты под шлемом снова раздался голос, мрачный и чуть насмешливый, и в темноте у меня на спине зашевелились волоски, как на волчьем загривке. Дыхание мое пресеклось, по коже побежали мурашки. Он произнес, и на этот раз я отчетливо различил в его голосе глубокую усталость: «Не бойся меня. И меча не бойся. Я не отец твой, но ты моего семени. Возьми же меч, Мерлин Амброзий. Ты не будешь знать покоя, пока он не окажется в твоей руке».

Я приблизился. Пламя опало, и сделалось почти совсем темно. Я протянул руки взять меч, и он мне навстречу протянул меч, лежащий на его ладонях. Весь замерев, я приготовился к

прикосновению его костлявых пальцев, но ничего не почувствовал. Отпущенный меч пролетел сквозь мои ладони и упал наземь между мною и им. Я, коленопреклоненный, стал шарить в темноте, но меча не было. Сверху над собой я ощущал его дыхание, теплое, как у живого человека, и пола его плаща, развеваясь, коснулась моей щеки. Голос произнес: «Найди его. Кроме тебя, никто не может его найти».

А в следующее мгновение я уже лежал с широко открытыми глазами и смотрел на полную луну — рыжая кобыла толкала меня в щеку мягким носом, и грива ее щекотала мне лицо.

Глава 8

Декабрь, бесспорно, не время для путешествий, тем более если по роду своих дел ты не можешь пользоваться проезжими дорогами. Зимние леса прозрачны и не загромождены подлеском, но в долинах можно подчас двигаться лишь вдоль речного русла, извилистого и каменистого, с опасными размывами берегов, образовавшимися во время паводков и ненастий. Снега, правда, не было, но на второй день пути задул промозглый ветер с дождем, и все тропы обледенели.

Ехать приходилось медленно. На третий день к вечеру я услышал волчий вой, доносившийся сверху из-под линии снегов. Я ехал долинами, лесными зарослями, но время от времени, когда деревья редели, видел в отдалении вершины — на них белели шапки свежевыпавшего снега. А зима не скупилась: в воздухе пахло новыми снегопадами, и мороз пощипывал щеки. Пойдет снег, и волки спустятся вниз. Мне уже и теперь в сгущающихся сумерках чудились меж столпившихся стволов какие-то мелькающие тени, и из кустов доносились звуки, издаваемые, быть может, вполне безобидными тварями вроде оленей или лис, но Ягодка пугливо вздрагивала, то и дело прядала ушами, и шкура у нее на холке собиралась в складки, словно на нее садились мухи.

Я ехал, озираясь через плечо и отстегнув меч в ножнах.

— Мевисен,— обратился я к моей валлийской кобыле на ее родном языке,— когда мы отыщем большой меч, который хранит для меня Максен Вледиг, то будем с тобой, конечно, непобедимы. Отыскать его, как видно, ничего не поделаешь, придется. А пока что я не меньше твоего боюсь рыскающих поблизости волков, и потому мы должны приглядеть себе какое-нибудь подхо-

дящее укрытие, где мы сможем обороняться тем оружием, которое у меня есть, и тем искусством, каким я владею, и там мы с тобой на пару пересидим эту ночь.

Подходящим укрытием, которое для нас нашлось, оказались развалины, затерянные в чаще леса. Это были остатки стен небольшого строения, имевшего некогда форму печи или улья. С одной стороны они обрушились, а другая стояла, словно половина пустой яичной скорлупы, выпуклым полукуполом против ветра, и прикрывала от ледяного дождя, то затихавшего, то припускавшего снова. Обрушившиеся камни старой кладки были почти все кем-то вывезены — должно быть, для нового строительства,— но все-таки осталась груда обломков, за которой можно было скрыться и мне, и лошади.

Я спешился, и мы вошли. Кобыла осторожно ступала по замшелым камням, встряхивая мокрой гривой, и вскоре уже смирно стояла под сводом, упрятав морду в мешок с кормом. Я придавил повод тяжелым камнем, потом, надергав в углу прошлогоднего папоротника, обтер ее мокрую спину и прикрыл сверху. И она, как видно, забыла свои страхи и мерно похрустывала, уткнувшись носом в мешок. Потом я, как мог, устроился сам, соорудив себе сухое сиденье из одной переметной сумки и поужинав остатками пищи и вина. Я бы с радостью развел огонь, не только для тепла, но и для острастки волкам, но поблизости могли рыскать не только волки, и потому, держа ножны с мечом под рукой, я закутался в овчину, покончил со своим холодным ужином и наконец погрузился в полудрему-полубодрствование, насколько позволяло мое опасное и неудобное положение.

И снова видел сон. Но уже не о королях, мечах и блуждающих звездах — теперь это был отрывистый и тревожный полусон-полугреза о малых божествах укромных углов, о богах холмов и лесов, рек и перекрестков,— о богах, что по сию пору не покинули порушенных святилищ, но затаились во мгле, куда не достигают огни людных христианских храмов и сохранившиеся культы великих богов Рима. В больших населенных городах они забыты, но в лесах и на диких взгорьях жители по-прежнему молятся им и оставляют приношения — еду и питье,— как повелось с незапамятных времен. Римляне дали им латинские имена и не трогали их скромных святилищ; христиане же отрицают их существование, и епископы корят бедный люд за приверженность старой

вере, а главное, надо думать, за приношения, которые, говорят они, более кстати пришлись бы в келье праведного отшельника, нежели у подножия древнего алтаря в диком лесу. Но простые люди продолжают украдкой посещать обители старых богов и оставлять там свои пожертвования — а когда наутро положенного не оказывается на месте, кто может утверждать, что это не бог его унес?

Должно быть, развалины, где я остановился на ночлег, принадлежали к подобным святилищам — так думалось мне во сне. Я видел тот же лес и тот же каменный полукупол, служивший мне укрытием, даже груда обомшелых обломков рухнувшей стены была та же, что и наяву. Было темно, громко гудел зимний ночной ветер в вершинах деревьев. Больше ничего я не слышал, да и невозможно было бы расслышать сквозь это гудение, но кобыла моя вдруг переступила копытами, фыркнула в мешок и подняла голову, и я тоже посмотрел вверх: из-за груды камней в темноте на меня глядели два глаза.

Объятый сном, я не в силах был шевельнуться. Вслед за первой парой глаз так же быстро и бесшумно появлялись все новые. Я различал только смутные тени во тьме ночи — не волчьи, а словно бы человечьи, словно бы какие-то маленькие человечки возникали передо мной один за другим, внезапно и бесшумно, как призраки; и вот уже они обступили меня восьмером, плечом к плечу, загораживая вход в мое убежище. Не двигались и ничего не говорили, просто стояли, как восемь маленьких призраков, продолжение леса и ночи, ее сгустки, подобные тьме под деревьями. Но я ничего не видел, лишь мгновениями в свете зимних звезд, проглядывавших между проносившимися облаками,— блеск следящих за мною глаз.

Ни слова, ни шороха.

Внезапно, без всякого перехода, я ощутил, что проснулся. Они были по-прежнему здесь.

Я не потянулся за мечом. Восьмеро против одного — такое противоборство довольно бессмысленно, к тому же существуют и другие способы самозащиты, и следовало для начала испытать их. Но и того я не успел. Я только открыл было рот, чтобы заговорить, как один из них произнес что-то, одно краткое слово, тут же унесенное ветром, и я опомниться не успел, как меня с силой отбросили к стене, рот мне заткнули кляпом, а руки вы-

вернули за спину и крепко связали запястьями вместе. Затем меня не то выволокли, не то вынесли из укрытия и швырнули спиной на груду острых камней. Двое встали надо мной караулом. Кто-то из пришельцев вытащил кремень и железо и после долгих усилий сумел поджечь тряпичный жгут, вправленный в расщепленный бычий рог, служивший факелом. Жгут тускло затлел, источая дымный, зловонный свет, но его им хватило, чтобы перерыть мои переметные мешки и даже с любопытством осмотреть кобылу. Потом светоч поднесли ко мне и, сунув чадящий фитиль чуть ли не в лицо, принялись рассматривать меня с тем же любопытством, что и кобылу.

Я понимал, что, раз я до сих пор жив, значит, это не просто грабители: они ничего не взяли, когда рылись в переметных мешках, а у меня отняли только меч и нож, а дальше обыскивать не стали. По тому, как они пристально разглядывали меня, кивая и удовлетворенно бормоча что-то, я со страхом заключил, что именно я им и был нужен. Но если так, думал я, если они хотели узнать, куда я держу путь, или их наняли, чтобы выяснить это, им было бы выгоднее не обнаруживать себя и следовать за мною тайно. Я бы в конце концов привел их прямо на порог к графу Эктору.

Из их разговора я ничего не узнал об их намерениях, зато он открыл мне другое, не менее важное: эти люди говорили на языке, которого я никогда прежде не слышал в обиходе, и, однако же, он был мне знаком — мой наставник Галапас учил меня древнему языку бриттов.

Древний язык сходен с нашим теперешним, но люди, которые на нем говорят, так давно живут отрезанными от всех других племен, что речь их подверглась изменениям: добавились слова, стал другим выговор, так что теперь, чтобы понимать его, требуется усердие и хороший слух. Я улавливал знакомые окончания, иногда различал слова, которые и сегодня существуют в Гвинедде, но за пятьсот лет изоляции они стали произноситься совсем иначе, нечетко и нечленораздельно, и рядом с ними сохранились слова, давно утраченные другими диалектами, и возникли новые звуки, будто эхо этих холмов, их богов и диких тварей, среди них обитающих.

Я понял, кто эти люди. Это были потомки племен, в незапамятную старину бежавших на дикие взгорья и уступивших города

и пахотные угодья римлянам, а после римлян — Кунедде. Точно бездомные птицы, они гнездились на лесистых холмах, где земля скупо дает пропитание и незаманчива для их могущественных противников. Иногда они укрепляли какую-нибудь вершину и удерживали ее силой оружия, но вершины, удобные для возведения крепостей, ценились завоевателями, и те обкладывали их и брали штурмом или измором. Так остатки непобежденных отдавали вершину за вершиной, и в конце концов у них остались лишь голые скалы, да пещеры, да высокие пустоши, зимою заносимые снегом. Там они и жили, и никто их никогда не видел — разве что случайно или если они сами того пожелают. Я догадывался, что это они спускались по ночам и уносили украдкой приношения, оставленные в старых святилищах. Мой сон наяву оказался в руку. Все остальные обитатели полых холмов недоступны смертному взору.

Они разговаривали друг с другом — насколько эти настороженные существа способны к многословным разговорам,— не подозревая о том, что я их понимаю. Я прикрыл глаза, прислушался.

— Говорю тебе, это он. Кто еще мог бы ехать один через лес в такую непогожую ночь? И притом на рыжей кобыле?

— Да, верно. Они сказали, один. И кобыла рыже-чалая.

— А может, он убил того. И кобылу отнял. Он прячется, это ясно. Иначе почему бы он затаился здесь в зимнюю ночь и даже костра не развел, хотя волки спустились совсем близко.

— Он не волков боится. Можешь не сомневаться, это он самый и есть, кто им нужен.

— За кого они дают деньги.

— Они говорили: он опасный человек. Не похоже.

— У него меч был под рукой.

— Но он его не поднял.

— Не успел, мы его схватили.

— Он нас давно заметил. Успел бы. Напрасно ты схватил его, Квилл. Они же не сказали — захватить. Сказали — разыскать и идти по следу.

— Теперь поздно. Мы уже его схватили. Что будем делать? Убьем его?

— Пусть Ллид решает.

— Да, пусть решит Ллид.

Они говорили не так связно, как я здесь передаю, а перекидывались обрывками фраз на своем странном, емком языке. Потом замолчали и отошли в сторону, оставив надо мной двух стражей. Я понял, что они ждут Ллида.

Он появился минут через двадцать, и с ним еще двое — три тени вдруг отделились от черноты леса. Остальные окружили его, объясняя и указывая, и тогда он схватил факел, обгорелый тряпичный жгут, сильно пахнущий дегтем, и решительно подошел ко мне. Остальные поспешили следом.

Они обступили меня полукругом, как раньше. Факел в поднятой руке Ллида осветил моих пленителей, не очень ясно, но достаточно, чтобы я их запомнил. То были низкорослые темноволосые люди, холода и лишения выдубили кожу на их хмурых, насупленных лицах до цвета старой, корявой древесины и провели по ней глубокие складки. Одежду их составляли плохо выделанные шкуры и штаны из толстого, грубо тканного сукна, выкрашенного коричневой, зеленой или рыжей краской, добываемой из горных растений. Вооружены они были кто как — дубинами, ножами, каменными топорами, заточенными до блеска, а один — тот, что командовал до появления Ллида,— держал в руке мой меч.

Ллид сказал:

— Они ушли на север. Никто в лесах не увидит и не услышит. Выньте кляп.

— Что толку? — возразил тот, у которого был мой меч.— Он ведь не знает нашего языка. Взгляни на него. Он ничего не понимает. Мы сейчас говорим, что его надо убить, а он даже не испугался.

— Что же это доказывает? Только что он смел, а это мы и так знаем. Человек, которого вот так схватили и связали, понимает, что ему угрожает смерть. Однако в его глазах нет страха. Делайте, что я велю. Я знаю довольно, чтобы спросить имя и куда он держит путь. Выньте кляп. А ты, Пвул, и ты, Арет, поищите сухого валежника. Мне нужно побольше огня, чтобы разглядеть его хорошенько.

Один из моих стражей развязал узел и вынул тряпичный кляп. У меня был разорван угол рта, и тряпка пропиталась слюной и кровью, но житель холмов упрятал ее к себе в карман. При такой нищете, как у них, вещи не выкидывают. Интересно, подумалось мне, дорого ли «они» посулили за меня? Если это Кринас с товарищами напали на мой след и подрядили лесных людей высмотреть, куда я пробираюсь, то поспешные действия Квилла

спутали им все карты. Но и мои замыслы тоже рухнули. Даже надумай они теперь меня отпустить, чтобы тайно последовать за мною, разве могу я продолжать свой путь? Я не сумею уйти от слежки, хоть и буду о ней знать. Эти люди видят в лесу любую тварь и умеют доставлять вести быстрее пчел. Отправляясь в это путешествие, я знал, что в лесу мне не укрыться от любопытных глаз, но обычно лесные жители никому не показываются и ни во что не вмешиваются. Теперь же у меня оставался только один способ добраться до Галавы и не привести за собой врагов: я должен переманить этих людей на свою сторону. Я ждал вопросов их вожака. Он спросил, медленно, с трудом подбирая ломаные валлийские слова:

— Ты — кто?

— Путник. Еду на север, где живет один мой старый друг.

— Зимой?

— В этом есть нужда.

— Где...— он искал слово,— откуда ты едешь?

— Из Маридунума.

Это, по-видимому, совпадало со сведениями, полученными от «них». Он кивнул.

— Ты — гонец?

— Нет. Твои люди видели все, что я с собой везу.

Один из них скороговоркой сказал на древнем языке:

— Он везет золото. Мы видели. Оно у него в поясе, и еще есть зашитое в подпруге на кобыле.

Вожак разглядывал меня. Угадать его мысли по лицу я не мог, оно было не прозрачнее дубовой коры.

Он спросил через плечо, не отрывая взгляда от моего лица.

— Обыскивали?

Это он произнес на своем языке.

— Нет. Мы видели, что у него в карманах, когда отбирали оружие.

— Обыщите теперь.

Они повиновались и действовали достаточно грубо. А затем пропустили его вперед и сами тоже сгрудились над добычей, рассматривая ее при свете тусклого факела.

— Золото. Смотрите, как много. Пряжка с королевским драконом. Не значок, попробуйте на вес, это настоящее золото. Клеймо — ворон Митры. И он едет из Маридунума на север, при-

том тайно.— Квилл снова запахнул на мне плащ и закрыл клеймо. Он выпрямился.— Ясно, что это он самый, о ком говорили солдаты. Он лжет. Он гонец. Надо его отпустить и выследить.

Но Ллид медленно проговорил, глядя на меня:

— Гонец, везущий арфу и знак Дракона, и с клеймом ворона Митры? И едущий в одиночку из Маридунума? Нет. Это может быть только один человек: чародей из Брин-Мирддина.

— Вот этот? — переспросил человек, который держал мой меч. Меч чуть не выпал у него из руки, но он сделал над собой видимое усилие, сглотнул и сжал его крепче прежнего.— Это он-то чародей? Да он молод еще! И потом, я слышал про того чародея. Он, говорят, ростом великан, и взгляд его леденит до мозга костей. А этого отпусти, Ллид, и пойдем по его следу, как подрядились с солдатами.

Квилл встревоженно поддержал его:

— Да, давай его отпустим. Королей мы знать не знаем, но повредить чародею — это не к добру.

Остальные, испуганно переглядываясь, сгрудились еще ближе.

— Чародей? Об этом речи не было. Мы никогда бы не тронули чародея.

— Никакой он не чародей, взгляните, как он бедно одет. И потом, если б он владел магией, он бы не дал себя схватить.

— Он же спал. И чародеи нуждаются в сне.

— Нет, он не спал. Он нас видел. И ничего нам не сделал.

— Мы успели заткнуть ему рот.

— Сейчас у него рот не заткнут, а он молчит.

— Право, Ллид, отпустим его и получим у солдат обещанные деньги. Они сказали, что хорошо заплатят.

И снова бормотание, кивки. Потом один из них рассудительно заметил:

— При нем есть больше, чем дадут солдаты.

Ллид все это время молчал, но тут сердито вмешался:

— Разве мы грабители? Или платные доносчики? Я же говорил вам: мы не будем слепо выполнять то, что велели солдаты, какую бы награду они нам ни посулили. Кто они такие, чтобы мы, Древний народ, работали на них? Мы работаем сами на себя. Тут есть кое-что интересное для нас. Солдаты нам ничего не объяснили. Быть может, объяснит этот человек. Похоже, что свершаются важные дела. Посмотрите на него, такой человек не

ездит по чужому поручению. Такие люди среди других пользуются почтением. Развяжем его и попробуем с ним побеседовать. Разведи костер, Арет.

Во время этого разговора двое по его слову натаскали валежника и сучьев, сложили костер и стояли наготове. Но в ту ночь во всем лесу не сыскать было сухой ветки. Ледяной дождь лишь недавно перестал, отовсюду, со всех деревьев, текло и капало, почва под ногами поддавалась, как губка, точно пропитанная влагой до самого центра земли.

Ллид сделал знак моим стражам:

— *Развяжите ему руки. И один из вас пусть сходит принесет* еды и питья.

Один страж сразу отошел, но другой не сдвинулся с места и нерешительно теребил нож. Остальные теснились тут же, продолжая спор. Как видно, у Ллида не было королевского единовластия, он был только вождь, и товарищи могли оспорить и опровергнуть его суждения. Я разобрал лишь обрывки их речей, но потом Ллид внятно произнес:

— Есть вещи, которые нам нужно знать. Знание — наша единственная сила. Если он не скажет нам своей волей, придется его заставить...

Арет запалил сырой валежник, костер затлел, не давая ни тепла, ни света, а только испуская клубы черного, едкого дыма — попеременно во все стороны света, как кружил ветер. У всех запершило в горле, слезились глаза.

Я решил, что, пожалуй, пора положить конец недоразумениям. И внятно произнес на древнем языке:

— *Отойди от костра, Арет.*

Сразу воцарилась полная тишина. Я ни на кого не глядел. Мои глаза были устремлены на тлеющие ветки. Заставив себя забыть веревку, перетянувшую мне запястья, и боль от ушибов и ран и промокшую одежду, я смотрел на костер. И вот, легко, как дыхание, пришла сила, ровная и свободная, и пробежала по жилам. Что-то упало сверху, пролетев сквозь тьму,— то ли огненная стрела, то ли низвергнутая с небес звезда; дрова в костре вспыхнули, рассыпались снопами белых искр, огненным дождем и жарко разгорелись. Пламя струилось в потоках искр, опадало, ухало, снова взвивалось, золотое, красное, колеблющееся, дышащее живительным теплом. Ледяной дождь шипел на дровах, и, словно масло, только добавлял огню силы. Пламя загудело. Шум его наполнил весь лес, отдаваясь стократ, будто конский скок.

Наконец я отвел глаза от костра и огляделся. Около меня никого не было. Они исчезли, словно и впрямь были не люди, а духи холмов. Один в диком лесу, я лежал на груде камней, от мокрой моей одежды уже шел пар, и веревки глубоко врезались мне в запястья.

Что-то прикоснулось ко мне сзади. Лезвие каменного ножа. Оно протиснулось между кожей и веревкой и пилило мои путы. Веревка лопнула. Я с трудом пошевелил затекшими плечами и стал растирать наболевшие запястья. На одном был кровоточащий порез — нож задел кожу. Назад я нарочно не смотрел и ничего не говорил, а просто сидел и разминал себе руки.

Из-за спины у меня раздался голос. Голос принадлежал Ллиду. Он спросил меня на древнем языке:

— Ты — Мирддин, прозываемый Эмрисом или Амброзием, сын Амброзия, сына Констанция из рода Максена Вледига?

— Я Мирддин Эмрис.

— Мои люди схватили тебя по ошибке. Они не знали.

— Но теперь знают. Как вы намерены со мной поступить?

— Отпустим тебя, чтобы ты отправился своей дорогой, когда пожелаешь.

— А до той поры вы допросите меня и силой принудите открыть вам то важное, что мне известно?

— Ты сам знаешь, что мы ни к чему не можем тебя принудить. И никогда не станем пытаться. Ты откроешь нам, что сочтешь нужным, и уедешь, когда вздумаешь. Но мы могли бы посторожить тебя, пока ты будешь спать, и у нас есть еда и питье. Всем, что можем предложить, мы будем рады с тобой поделиться.

— В таком случае я принимаю ваше предложение. И благодарю. Мое имя вам известно. Твое я слышал, но ты должен сам мне его назвать.

— Я — Ллид. Мой предок был Ллид, бог леса. У нас тут все люди происходят от богов.

— Значит, вам нет нужды бояться человека, который происходит всего лишь от короля. Я буду рад разделить твой ужин и побеседовать с тобой. Приблизься же и насладись теплом костра.

Их запасы состояли из холодной жареной зайчатины и буханки черного хлеба. У них было мясо свежеубитого оленя, добыча

сегодняшней охоты, однако оно предназначалось для племени. Но в костер сунули жарить потроха, а заодно битую черную курицу и несколько плоских сырых лепешек, как можно было судить по запаху и вкусу, замешанных на крови. Нетрудно было догадаться, откуда все это взялось: в тех краях приношения из подобных яств можно увидеть на любом перекрестке дорог. И эти люди забирают их не из святотатства; как объяснил мне Ллид, они считают себя потомками богов, поэтому дары как бы принадлежат им по праву; и худа в том я не вижу. Я принял от них хлеб, кусок оленьего сердца и рог крепкого сладкого напитка, который они варят из трав и дикого меда.

Мы с Ллидом сидели чуть в стороне и беседовали, а прочие десятеро расположились вокруг костра.

— Эти солдаты,— спросил я,— что послали вас следом за мной, много ли их было?

— Пятеро. Солдаты при полном вооружении, но без значков.

— Пятеро? Из них один рыжеволосый, в коричневом панцире и синем плаще? А другой на пегой лошади? — Это единственное, что мог сообщить мне об их конях Стилико, разглядевший сквозь чащу белые пятна. А пятый, должно быть, оставался в дозоре внизу.— Что же они вам говорили?

Но Ллид только покачал головой:

— Нет, среди них не было такого человека, как ты описываешь, и такой лошади тоже. Вожак у них светловолосый, тощий, как рукоятка вил, и с бородой. Они сказали, чтобы мы выследили одинокого путника на рыже-чалой кобыле; по какому делу он едет, они не знают, но их хозяин хорошо заплатит, если мы выследим, куда лежит его путь.

Он бросил за спину дочиста обглоданную кость, утерся и посмотрел мне в глаза.

— Я сказал, что не буду спрашивать, что за дела у тебя в наших краях. Одно только скажи мне, Мирддин Эмрис: почему сын верховного короля Амброзия и родич короля Утера Пендрагона находится один в диком лесу, а за ним охотятся люди Уриена и желают ему зла?

— Люди Уриена?

— Ага,— сказал он с глубочайшим удовлетворением в голосе.— Есть вещи, которых не смогла открыть тебе твоя магия. Но в этих краях тайно от нас никто не сделает и шагу. Кто ни по-

явится, мы сразу берем на заметку и не выпускаем из виду, покуда не выясним, что ему надо. Уриена Горского мы знаем. Те солдаты были его люди и говорили на языке его страны.

— Тогда расскажи мне про Уриена,— попросил я.— Мне лишь известно, что он малый властитель малого королевства и приходится зятем Лоту, королю Лотианскому. Что за причина ему охотиться за мною, не знаю. Я еду по королевскому делу, а Уриен не враждует ни со мной, ни с королем. Наоборот, он и король Лотиана — союзники Регеда и короля Утера. Может быть, Уриен стал вассалом кого-нибудь другого? Герцога Кадора?

— Нет. Только короля Лота.

Я молчал. Гудел костер, лес над нашими головами качался и шелестел. Ветер начал стихать. Я лихорадочно соображал. Что Кринас с товарищами — люди Кадора, не вызывало сомнения. Но значит, с севера засланы и другие соглядатаи, и им каким-то образом удалось напасть на мой след. Уриен, шакал Лота. И Кадор. Два самых могущественных союзника Утера, его правая и левая рука, но стоило только ему пошатнуться, и сразу же они высылают шпионов на поиски принца. Картина распалась и сложилась снова, как отражение в пруду, после того как в него бросят камень; но это уже другая картина, в середине ее — камень, и от этого все переменилось. Король Лот, суженый Моргианы, дочери верховного короля. Король Лот.

Наконец я проговорил:

— Ты, кажется, сказал, что эти люди отправились на север? Они что же, торопились с докладом к Уриену или по-прежнему будут стараться разыскать и выследить меня?

— Будут искать тебя. Они сказали, что поищут севернее, не обнаружится ли твой след. А если нет, то в условном месте встретятся с нами.

— И вы там появитесь?

Он сплюнул в сторону, не дав себе труда ответить.

Я улыбнулся.

— Я завтра поеду дальше. Вы выведете меня на тропу, которая неизвестна солдатам?

— Охотно. Но для этого я должен знать, куда тебе надо поехать.

— Я следую за своим сном,— ответил я. Он кивнул. Для жителей холмов это убедительное объяснение. Они руководствуют-

ся инстинктами, как животные, а также читают по звездам и ждут знамений. Я помолчал минуту, потом спросил:

— Ты упоминал Максена Вледига. Когда он покинул эти острова и отправился обратно в Рим, был с ним кто-нибудь из ваших людей?

— Да. Мой собственный прадед вел их отряд.

— И вернулся обратно?

— Конечно.

— Я сказал тебе, что иду следом за своим сном. Мне приснилось, будто бы со мной говорил умерший король, и он велел мне отправиться в странствие и исполнить подвиг, а потом возвести на престол нового короля. Ты никогда не слышал, что сталось с мечом Максена Вледига?

Он вскинул руку и осенил себя знаком, которого я никогда прежде не видел, но понял, что это могущественный охранительный знак против могущественных чар. Потом он пробормотал себе под нос какие-то непонятные мне заклинания и проговорил охрипшим голосом, обращаясь ко мне:

— Итак, свершилось. Слава Арауну, и Билису, и Мирддину, богу холмов. Я знал, что это важные дела. Чувствовал кожей, как чувствуют капли дождя. Стало быть, вот что ты разыскиваешь, Мирддин Эмрис?

— Да. Я был на Востоке и там узнал, что меч вместе с главными императорскими сокровищами вернулся на Запад. Я думаю, что меня привело сюда высшее произволение. Не направишь ли ты меня дальше?

Он медленно покачал головой.

— Нет. Об этом мне ничего не известно. Но в наших лесах есть люди, которые тебе помогут. Предание дошло до нынешних дней. Это все, что я могу тебе сообщить.

— Неужели твой прадед ничего не рассказывал?

— Этого я не говорил. Я повторю тебе его рассказ.— Он перешел на распев, которым пользуются сказители. Я знал, что он приведет мне древний рассказ дословно — здешние люди передают слова из поколения в поколение неизменными и четкими, как резные узоры на чаше.— Мертвый император опустил меч — живой император его подымет. По воде и по суше, кровью и огнем был он доставлен в отчий край — по воде и по суше лежит его путь на родину, и оставаться ему скрытым в плавучем

камне, покуда огнем не подымется вновь. И поднимет его лишь муж, рожденный по закону от британского семени.

Ллид умолк. Сидевшие вокруг костра затаили дыхание и безмолвно слушали его распев. Я видел, как блестели глаза, как пальцы сотворяли древний охранительный знак. Ллид прокашлялся, сплюнул и коротко заключил:

— Вот и все. Я ведь сказал, что тебе это не поможет.

— Если мне суждено отыскать меч, то и помощь объявится, можешь не сомневаться. Я знаю теперь, что он близко. Где сохранилась песня, неподалеку должен быть и меч. Ну а когда я отыщу его... Ты, верно, знаешь, куда я держу путь?

— Куда же еще ехать Мирддину Эмрису, тайно, в зимнюю пору, как не к принцу?

Я кивнул.

— Он за пределами ваших владений, но не за пределами, доступными слуху и глазу вашего народа. Известно вам его местонахождение?

— Нет. Но мы узнаем.

— Меня это не пугает. Проследите за мной, если хотите, до самого места, а потом возьмите принца под свою охрану. Это будет король, Ллид, у которого для Древнего народа холмов та же справедливость, что и для королей и епископов на Винчестерском соборе.

— Мы будем охранять его!

— Тогда я поеду дальше, на север, и буду рассчитывать на вашу помощь. А теперь, с твоего разрешения, я хотел бы поспать.

— Мы посторожим тебя,— сказал Ллид.— И с первым светом проводим в дорогу.

Глава 9

Дальнейший путь, который они мне указали, представлял собою такую же малоезженую тропу, как и та, что привела меня к ним, но двигаться по ней было легче благодаря тайным зарубкам, и притом ближе, чем по дороге. Там были внезапные повороты, отвесные подъемы, узкие проходы — никогда бы не подумал, что можно проехать, не будь этих путеводных знаков. Едешь по такому тесному, заросшему оврагу, видишь впереди глухую стену горы, и грохот падающей по ее уступам воды отдается в тесни-

не, но всегда в конце концов, уже у самого подножия, обнаруживается проход, пусть опасный, но сквозной, через невидимую до последней минуты расщелину, и сразу же за ней — обрывистый спуск вниз. Так ехал я еще двое суток, ни с кем не встречаясь, почти не отдыхая, кормясь сам и кормя кобылу тем, что нам дали в дорогу Древние.

Наутро третьего дня у кобылы отпала подкова. По счастью, это случилось на ровной дороге — мы двигались по травянистой бровке между двумя долинами, где в это время года не встретишь ни живой души. Я слез с седла и повел Ягодку в поводу, поглядывая вправо и влево, не покажется ли дорога или дым селения. В целом я представлял себе, где нахожусь; правда, туманы и метели скрыли от глаз вершины, но все-таки я успел заметить в минуту просветления белую макушку Снежной горы, на которой держится все зимнее небо. Я уже однажды ехал здесь, только внизу, по дороге, я узнавал очертания ближних холмов. Было ясно, что скоро я найду дорогу, а при дороге — кузню.

Я хотел было сам содрать у Ягодки остальные три подковы, но земля на тропе была тверже железа, и без подков лошадь давно бы уже обезножела. К тому же у нас кончались припасы, а на зимней дороге пополнить их было негде. Оставалось только спуститься в долину, не боясь того, что меня увидят и узнают.

День стоял тихий и ясный, с морозцем. Около полудня я заметил дым селения, а еще немного погодя и блеск воды. Я потянул за повод, и мы стали спускаться под гору. Спуск был отлогий, по дубовому редколесью, вверху над нами дубы шелестели остатками пожухлой, неопавшей листвы. Вскоре меж голых стволов впереди заблестела серая водяная гладь реки, катившей свои волны в низких берегах.

У воды, на опушке дубравы, я остановился. Нигде ни движения, ни звука, только громко журчала река, заглушая отдаленный собачий лай — признак близости селения.

Было очевидно, что большая дорога проходит где-то недалеко. Кузню, верней всего, надо было искать там, где река встречается с дорогой. Кузнецы всегда выбирают себе место у моста или брода. Под прикрытием дубов я медленно повел мою лошадку по опушке дальше, на север.

Так мы с ней брели, наверное, с час, если не больше, как вдруг долина сделала крутой поворот к западу и я увидел впереди

открытую полосу зелени: дорога. В кристальной зимней тишине слышен был звон наковальни.

Однако никаких признаков поселения не было заметно, наоборот, лес становился только гуще. Я знал, что селения в этих краях строятся на холме или пригорке, где жителям сподручнее обороняться. Другое дело — кузнец со своим хозяйством, один на берегу реки: ему нечего опасаться. Умельцы — люди полезные, да и отнять у них особенно нечего, к тому же их охраняют от злого человека древние божества переправ.

Кузнец словно и сам был из Древних. Низкорослый, согнутый в дугу своим ремеслом, он оказался зато на диво широк в плечах, а могучие узловатые руки покрывала черная растительность, густая, как медвежья шкура. Ладони, широкие, в трещинах, были тоже черные.

Он поднял голову от работы, когда моя тень упала через его порог. Я произнес слова привета, привязал кобылу к крыльцу за дверью и уселся ждать, когда до меня дойдет очередь, радуясь теплу от горна, который раздувал мехами подручный в кожаном переднике. Кузнец в ответ на приветствие только пристально взглянул на меня из-под бровей и продолжал, не сбившись, размеренно работать молотом. Он ковал лемех. Шипел пар, молот звенел все глуше, лемех, остывая, серел и истончался в лезвие. Кузнец приказал что-то неразборчиво подручному, тот отпустил мехи и, подхватив ведро для воды, вышел из кузни. А хозяин положил молот, разогнул спину, почесался, потянулся, снял с крюка бурдюк с вином, напился и утер ладонью рот. Понимающим взглядом обвел кобылу.

— Подкова-то с тобой? — спросил он. Я почти ожидал услышать из его уст древний язык, но он говорил на обыкновенном валлийском.— Не то придется потратить времени много больше, чем тебе небось охота. А то давай я и остальные три сниму?

Я усмехнулся.

— И заплатишь мне за них?

— Задаром обслужу.

Кузнец обнажил, ухмыляясь, черные зубы.

Я отдал ему подкову.

— Прибей вот и получишь за работу пенни.

Он взял подкову, покрутил ее в мозолистых руках. Потом кивнул и поднял ногу лошади.

— Далеко путь держишь?

Новости, услышанные от путников,— тоже плата за работу кузнеца. Я это знал, и рассказ для него был у меня готов. Он орудовал напильником и слушал, а кобыла смирно стояла между нами, понурив голову и развесив уши. Потом вернулся подручный с ведром и выплеснул воду в чан. Он отсутствовал что-то уж очень долго и явился запыхавшись. Но если я и обратил на это внимание, то разве только подумал, что он, как свойственно мальчишкам, воспользовался случаем побездельничать, а потом спохватился и бежал со всех ног. Кузнец ничего ему не сказал, поставил его снова к мехам, и скоро пламя взревело и подкова раскалилась докрасна.

Наверно, мне все-таки следовало быть больше начеку, хотя я понимал, спускаясь в кузницу, что риск довольно велик. Но ведь могло же случиться, что солдаты, разыскивающие одинокого всадника на рыжей кобыле, здесь не проезжали. Однако оказалось, что проезжали.

За ревом горна и звоном наковальни я не расслышал шагов и вдруг увидел, как между мной и дверью упали тени и появились четверо мужчин. Все четверо были в латах и с оружием в руках, словно собрались пустить его в ход. У двоих были копья, достаточно грозные, хотя и самодельные, один держал тесак с так остро заточенным лезвием, что впору живой дуб срубить, а четвертый не без сноровки сжимал в руке короткий римский меч.

Этот последний был среди них главный. Он вполне учтиво приветствовал меня, когда кузнец прервал свою оглушительную работу и мальчишка-подручный смог выпучить на меня глаза.

— Кто ты таков и куда держишь путь?

Я ответил на его языке, не поднявшись с места:

— Я зовусь Эмрис и направляюсь на север. Мне пришлось свернуть с дороги, потому что, как видишь, у моей лошади отвалилась подкова.

— Откуда ты?

— С юга, где не высылают вооруженных воинов против путника, которому случится проезжать через наше селение. Чего вы боитесь, выезжая четверо на одного?

Он проворчал что-то невнятное, и двое с копьями, переступив с ноги на ногу, опустили оружие, стукнув древками об пол. Но сам он меч не убрал.

— Ты слишком хорошо для чужака говоришь на нашем языке. Я думаю, ты как раз тот, кого нам было приказано разыскать.

— Я тебе не чужак, Брихан,— спокойно ответил я.— Этот меч достался тебе под Каэрконаном, или же мы добыли его, когда разнесли в клочья отряды Вортигерна у перекрестка под Бремией?

— Под Каэрконаном? — Меч у него в руке вздрогнул и покачнулся.— Ты тоже там сражался? В войске Амброзия?

— Да, я там был.

— И под Бремией? У герцога Горлойса? — Меч окончательно поник.— Постой, ты назвался сейчас Эмрисом? Не Мирддин ли Эмрис, прорицатель, который принес нам в той битве победу, а потом исцелял наши раны? Не сын Амброзия?

— Он самый.

Люди моей страны не имеют обычая преклонять колени, но, засунув за пояс меч и обнажив в довольной улыбке зачерненные зубы, он этим приветствовал меня на свой лад так же горячо.

— Он самый, клянусь всеми богами! Я не признал тебя, господин. Оружие долой, вы, глупцы! Не видите, что ли? Он принц, не по нашим зубам кость.

— Их не за что винить, если они ничего этого не видят, Брихан,— со смехом возразил я.— Я сейчас не принц и не прорицатель. Я путешествую тайно и нуждаюсь в помощи... и в молчании.

— Ты получишь от нас все, что в нашей власти тебе дать, господин.— Он заметил мой невольный взгляд в сторону кузнеца и его подручного и поспешил добавить: — Из тех, кто здесь есть, ни один словом нигде не обмолвится, да, да! И мальчишка тоже.

Мальчишка закрыл рот и кивнул. Кузнец проворчал:

— Да ежели я знал бы, кто ты...

— Не погнал бы мальчика со всех ног в селение за подмогой? — сказал я.— Не беда. Если ты, как Брихан, слуга королю, значит, я могу тебе доверять.

— Мы здесь все королевские слуги,— сурово заметил Брихан,— но, будь ты даже Утеров злейший враг, а не сын его брата и свершитель его побед, все равно я бы тебе помог, я, и все мои сородичи, и все, кто живет в наших краях. Ибо кто спас мне вот эту руку под Каэрконаном? Благодаря тебе я мог сегодня выйти на тебя с мечом, господин.

Он похлопал ладонью по рукояти меча у себя за поясом. Я вспомнил, о чем он говорит. Саксонский топор глубоко вон-

зился в мякоть его руки, разрубил волокно мышцы и обнажил кость. Я зашил рану и лечил его моими снадобьями, и благодаря ли им или же из-за глубокой веры Брихана во всемогущество королевского мага, но рука зажила. Прежняя сила к ней не вернулась, однако служить она могла.

— Что же до остальных наших людей,— заключил Брихан,— то мы все твои слуги, господин мой. Ты в безопасности с нами, и мы тебя не выдадим. Мы все понимаем, в чьих руках будущее этих краев: в твоих руках, Мирддин Эмрис. Если б мы только знали, кто таков «одинокий путник», которого разыскивают солдаты, мы бы их связали и держали тут до твоего прибытия, да, да, и убили бы по первому твоему знаку.

Он свирепо посмотрел вокруг, и его товарищи согласно закивали, подтверждая его слова. Даже кузнец крякнул что-то одобрительное и обрушил молот на наковальню, словно боевой топор на голову врага.

Я растроганно поблагодарил их. Мне подумалось, что я слишком давно не был среди простых людей моей страны, слишком долго беседовал с одними лордами, принцами и государственными мужами. И уже начал думать так же, как они. А ведь не только от лордов и воинственных королей зависело восхождение Артура на верховный престол, не одни они его будущая опора. Нет, его возведет на престол и будет биться за него с врагами народ Британии, который корнями уходит в почву, который питает ее и сам питается ее соками, как деревья. Доверие народа, доверие жителей холмов и низин — вот что сделает из него верховного короля всех земель и островов, о чем мечтал, но что не успел осуществить в свой краткий срок мой отец. Об этом же грезил еще прежде Максим, несостоявшийся император, которому Британия виделась первой в упряжке держав, тянущих телегу истории против ледяного ветра с севера. Я смотрел на Брихана с изувеченной рукой, на его родичей, бедных жителей бедного селения, которое они готовы защищать, не щадя собственных жизней, на кузнеца и его подручного — мальчишку в лохмотьях, я вспоминал Древний народ, в холодных пещерах хранящий верность прошлому и будущему, и думал: на сей раз все будет иначе. Максен и Амброзий пытались добиться этого силой оружия и смогли лишь заложить основы. Теперь же, если будет на то воля бога и британского народа, Артур возведет дворец. И еще мне

вдруг подумалось, что пора бы мне покинуть дворцы и замки и вернуться к своим холмам. Вот откуда можно ждать помощи.

Брихан прервал молчание:

— Не подымешься ли ты с нами в селение, господин? Оставь у кузнеца кобылу и пойдем ко мне в дом, там ты отдохнешь, поешь и расскажешь нам новости. Мы все сгораем от нетерпения узнать, отчего солдаты охотятся за тобой, предлагают деньги за твою поимку и так настойчивы, будто от нее зависит судьба королевства.

— Так оно и есть. Но не верховного королевства.

— Ага,— сказал он.— Они пытались нас убедить, будто они солдаты короля, но мне так и показалось, что это ложь. Чьи же они?

— Они служат королю Уриену Горскому.

Поселяне переглянулись. Лицо Брихана осветилось пониманием.

— Ах вот что! Уриену? Но для чего Уриену платить золото за то, чтобы узнать твое местонахождение? Или, может быть, он платит, чтобы узнать местонахождение принца Артура?

— Это одно и то же,— ответил я, кивая.— Не сейчас, так вскоре будет. Он хочет знать, куда я направляюсь.

— Чтобы по твоим следам добраться до принцева убежища? Да? Но какой в этом прок королю Гора? Он человек маленький, и не похоже, что станет большим. Или, погоди, я, кажется, понял. Прок от этого будет его родичу, Лоту Лотианскому?

— Думаю, что так. Я слышал, что Уриен — Лотов ставленник. Можно не сомневаться, что он старается для него.

Брихан кивнул и задумчиво проговорил:

— А король Лот сговорен в мужья принцессе, которая станет королевой, если Артур умрет... И он, стало быть, платит солдатам, чтобы узнали, где содержится принц? Господин, одно к одному складывается в картину, которая мне очень не нравится.

— И мне тоже. Возможно, мы оба ошибаемся, Брихан, но я нутром чувствую, что мы правы. И Лот с Уриеном, может быть, не единственные. Других вы не видели? Здесь не проезжали люди из Корнуолла?

— Нет, сударь. Будь спокоен, если кто-нибудь еще заедет в наши края, от нас они помощи не получат.— Он коротко хохотнул, как пролаял.— А твоему чутью я готов поверить скорее, чем

иным клятвам и заверениям. Мы позаботимся, чтобы по твоим следам не пришла опасность к маленькому принцу. Если твои преследователи появятся в Гвинедде, мы уж устроим так, чтобы они потеряли твой след, подобно тому как теряет след стая волков, когда олень перешел через реку. Доверься нам, господин. Мы твои слуги, как были слугами твоего отца. Нам ничего не известно о принце, которого ты нам прочишь, но, раз он твой избранник и ты велишь нам идти за ним и служить ему, значит, Мирддин Эмрис, мы отныне его слуги, покуда руки наши в силах держать меч. Вот наше слово — мы даем его во имя тебя.

— А я принимаю его именем принца и благодарю.— Я поднялся на ноги.— Брихан, мне лучше не ходить с вами в селение, но ты, если пожелаешь, можешь сослужить мне одну службу. Мне нужна пища на несколько дней, и вино в мою флягу, и корм для кобылы. Деньги у меня есть. Ты сможешь снабдить меня припасами?

— Это проще простого, и можешь убрать свои деньги. Ты разве брал с меня плату, когда лечил вот эту руку? Дай нам час сроку, и мы доставим сюда что требуется, никому не обмолвившись ни словом. Пусть мальчик пойдет с нами — люди в селении привыкли видеть, как он относит в кузню провизию. Он принесет все, что нужно.

Я опять поблагодарил его, а потом мы с ним еще побеседовали, и я рассказал ему, какие новости я привез с юга. Потом они простились и ушли. И я знаю наверняка, что ни тогда, ни позже ни один из них, включая мальчишку-подручного, никому не проговорился о встрече со мною.

Мальчик еще не вернулся из селения, а уж кузнец закончил свою работу. Я заплатил ему и похвалил за искусство. Он принял и то и другое как должное. Он хотя и слышал, конечно, наш разговор с Бриханом, однако не выказал передо мной ни малейшего трепета. Действительно, почему человек, искусный в своем деле и окруженный привычными орудиями своего труда, должен трепетать перед принцами? У них разная работа, вот и все.

— В какую сторону ты едешь отсюда? — спросил он меня.

Я замялся было, и он заметил:

— Я ведь сказал, что меня ты можешь не опасаться. Если уж эта сорока Брихан с братьями смогут держать язык за зубами, то я и подавно. Я служу дороге и всем, кто по ней проезжает. Кузнец при дороге — никакому королю не слуга, но мне однажды

довелось говорить с Амброзием. А вот дед моего деда — он прибивал подковы лошадям самого императора Максима.— Он неправильно истолковал мой оторопелый взгляд и добавил: — Да, да, не смотри так. Давно это было. Но уже и тогда, рассказывал мне дед, эта наковальня переходила из рук в руки от отца к сыну так давно, что не упомнят и старейшие жители селения. Да что там, в наших краях люди говорят, что первый кузнец, установивший здесь свою наковальню, обучался ремеслу у самого Веланда Кузнеца. Так что к кому же еще было обратиться императору? Вот смотри.

Он указал на распахнутую дверь кузни. Тяжелая, дубовая, она была вылощена до серебряного блеска, выбелена временем и непогодой, так что стала похожа на старую кость, и рябила разводами и бороздками, как серая вода. За дверью на крюке висел мешок с железными гвоздями, и тут же — сетка с клеймами. Атласная плоскость двери была вся испещрена ожогами: поколения кузнецов, куя новое клеймо, всякий раз пробовали его на двери.

В глаза мне бросилась буква «А» — клеймо было свежее, еще обугленное. Под ним виднелись более старые знаки — что-то похожее на птицу в полете; стрела, глаз и несколько знаков попроще, нанесенных на дерево с помощью раскаленного докрасна металла досужими путниками в ожидании, пока кузнец закончит свою работу. Сбоку, в стороне от других, едва заметными тенями по серебряному, стояли буквы «М» и «И» и прямо под ними — более глубокая вмятина, словно выдавленный полумесяц, и на нем — следы гвоздей. На это место и указывал мне кузнец.

— Вот сюда, рассказывают, ударил копытом скакун императора, да только мне не верится. Когда я или кто другой из наших беремся подковать коня, будь он хоть самый что ни на есть дикий и вчера только из леса, он у нас не брыкается. А вот там, чуть повыше,— это доподлинный знак. Это клеймо было выковано здесь для коней Максена Владига, которых он взял с собой в тот раз, когда убил римского короля.

— Кузнец,— сказал я,— в этом единственном месте твоя легенда лжет. Римский король убил Максима и забрал его меч. Но валлийские мужи привезли его назад, в Британию. Может быть, и меч этот был выкован здесь.

Кузнец долго медлил с ответом, и сердце мое в ожидании тревожно заколотилось. Но потом он нехотя произнес:

— Если и так, я об этом не слышал.

Было видно, что ему стоило труда не приписать меч к заслугам своей кузни, но он ответил мне правду.

— Мне было сказано,— продолжал я,— что где-то в лесу живет человек, которому известно, где спрятан меч императора. Слышал ли ты что-нибудь об этом или, может, ты сам знаешь, где я смогу его найти?

— Нет, откуда мне. Но говорят, далеко на север отсюда живет святой человек, который знает все. Только это к северу от Дэвы, в другой земле.

— Туда я и держу путь. Я разыщу его.

— Только смотри, если не хочешь наткнуться на солдат, по дороге не езжай. Отсюда в шести милях к северу есть распутье, там дорога на Сегонтиум сворачивает к западу. Если поедешь вон там по-над речкой напрямую, то срежешь угол и выедешь на дорогу как раз у переправы.

— Но мне не надо в Сегонтиум. Если я заберу слишком на запад...

— А ты, как переправишься, от реки-то и сверни. Там дальше идет прямая тропа, поначалу-то через дубравы, а уж потом по открытому месту, не заплутаешь. Поедешь по ней прямехонько на север, а большую дорогу до самой Дэвы и не увидишь больше. Спросишь там лодочника, как найти святого отшельника в Диком лесу, он тебя направит. Так что поезжай по-над речкой, верное дело, там с пути сбиться нельзя.

Я заметил, что так говорят, когда в действительности сбиться с пути ничего не стоит. Но кузнецу я ничего не сказал, а тем временем вернулся мальчишка с провизией, и мы с ним стали укладываться в дорогу. При этом он шепотом предостерег меня:

— Я слышал, что он тебе советовал, господин. Не делай этого. Там трудная тропа, и вода в реке стоит высоко. Лучше держись дороги.

Я поблагодарил его и дал монетку за труды. Мальчишка ушел к своим мехам, а я хотел было проститься с кузнецом, но он скрылся в дальнем темном углу кузни — слышно было только, как он гремит там железом и посвистывает сквозь поломанные зубы. Я крикнул ему туда:

— Я ухожу! Спасибо за все!

И вдруг у меня перехватило дыхание. В темном запечье внезапно вспыхнувший огонь осветил человеческое лицо.

Каменное лицо, знакомые черты, которые некогда можно было видеть на каждом перепутье. Одно из древнейших божеств, бог путешествующих, Мирддин, как и я,— иначе Меркурий, или Гермес, владыка больших дорог и обладатель священной Змеи. Мой бог, так как и я, был рожден в сентябре. Старый придорожный идол-герма, некогда стоявший у всех на виду и всех проезжих провожавший взглядом, он теперь лежал у стены, седой от высохших мхов и лишайников. Но и такого я все равно сразу узнал его: плоское лицо в обрамлении бороды, пустые глаза, овальные и выпуклые, как виноградины, сцепленные на животе руки, гениталии, некогда торчавшие, а ныне отбитые, покалеченные.

— Знай я, что ты находишься здесь, Старейший,— проговорил я,— уж я бы налил для тебя вина.

Сбоку от меня появился кузнец.

— Он свое получает, ты не беспокойся,— сказал он.— Мы, служители дорог, никогда не посмеем его обидеть.

— Зачем ты внес его в дом?

— Да он не здешний. Он стоял у той переправы, где старая тропа — мы зовем ее Еленин Путь — пересекает реку Сейнт. Римляне, когда проложили новую дорогу на Сегонтиум, прямо перед ним построили свою почтовую станцию. Вот его и перенесли сюда, а как — не ведаю.

Я задумчиво проговорил:

— У той переправы, про которую ты мне толковал? Тогда, стало быть, все-таки мне туда.

Я кивнул кузнецу и поднял руку, приветствуя бога.

— Пребудь со мною,— сказал я ему,— и помоги мне отыскать путь, с которого нельзя сбиться.

И он вел меня всю первую половину пути; да, там и впрямь нельзя было сбиться, пока тропа шла вдоль самого берега реки. Но под вечер, когда тусклое зимнее солнце уже совсем склонилось к закату, стал собираться туман над водой и в сгущающихся сумерках одел окрестность сырым, непроглядным покровом. Оставалось только ехать по звуку воды в реке, хотя в тумане и он был обманчив: то громкий, будто под самым носом, то вдруг глухой и словно отдаленный; но там, где река делала изгиб, тропа шла напрямик, и в этих местах я дважды сбивался с дороги

и вынужден был пробираться сквозь чащу, не слыша и не видя воды. Наконец, сбившись в третий раз, я бросил поводья на шею Ягодке и предоставил ей самой искать спасение, думая не без усмешки о том, что на дороге бы я сейчас был в безопасности. Приближение солдат было бы слышно издалека, и стоило на несколько шагов свернуть в повитый туманом лес, чтобы скрыться от их глаз.

В вышине над слоями тумана, должно быть, светила луна. И от этого он переливался, струился белыми потоками вперемешку с тьмой, обтекая, одевая стволы словно бы зыбкими сугробами. Нагие деревья то прятались в тумане, то возникали, сплетая в вышине черные ветви. А земля под ногой была мягче ковра, и, бесшумные, тонули в ней шаги.

Ягодка уверенно шла вперед, ведомая то ли невидимой для меня тропой, то ли тайным своим чутьем. То и дело она навостряла уши, хотя я ничего не видел и не слышал, а однажды даже остановилась и мотнула вбок шеей, как видно чего-то испугавшись, но я не успел еще взять в руки поводья, как она уже опять опустила голову, развела уши и заторопилась дальше избранной ею невидимой дорогой. Я не стал ей мешать. Что бы ни попадалось нам навстречу в тумане, опасности не сулило. Если только мы едем правильно — а я теперь уверился, что это так,— стало быть, все в порядке.

Через час после наступления темноты Ягодка вынесла меня потихоньку из чащи, протрусила ярдов сто по открытому месту и остановилась перед высоким сгустком черноты, который не мог быть ни чем иным, как строением. У стены была колода для водопоя. Ягодка вытянула шею, фыркнула и стала пить.

Я слез с седла и толчком открыл дверь строения. Это была почтовая станция римлян, о которой рассказывал кузнец, пустая и наполовину разрушенная, но, как видно, все еще приносящая пользу путникам вроде меня. В углу груда обугленных поленьев указывала последнее местоположение очага, в противоположном углу стояла кровать — несколько довольно чистых досок, положенных на камни, чтобы не дуло из-под двери. Не особенно уютное пристанище, но были у нас и похуже. Через час я уже спал под мерное жевание моей кобылы и проспал крепко и безмятежно до самого утра.

Проснулся я в полумраке рассвета, еще до того как встало солнце. Кобыла, покачиваясь, дремала у себя в углу. Я вышел к колоде умыться.

Туман рассеялся, кончилась и мягкая погода. Землю затянул серый иней. Я огляделся.

Почтовая станция стояла, чуть отступя от дороги, которая тянулась через лес с востока на запад, прямая, как копье. Когда римляне прокладывали здесь дорогу, лес был расчищен — повалены деревья и вырублен подлесок на сто ярдов по обе стороны. Теперь деревья выросли снова и густой кустарник покрыл землю, но все-таки под ним угадывалась древняя дорога, ведь она существовала еще и до римлян. Река, здесь спокойная и ровная, перекатывалась над развалинами моста, по которым можно было переправиться вброд по колено. А на той стороне, за кустарником, чернела дубрава — там должна начинаться тропа, которая поведет меня дальше, на север.

Разглядев все, что мне было надо, я вернулся к колоде, разбил хрупкую корку льда на воде и умылся. В это время взошло солнце и выглянуло меж древесных стволов в холодном красном свете зари. Заискрился иней. Свет разгорался, как кузнечный горн под мехами. Я отвернулся от колоды, и свет низкого солнца брызнул, слепя, мне в глаза. Черные деревья стояли бестелесными тенями на фоне восхода, красного, как лесной пожар. Река текла расплавленным золотом.

Между мною и рекой что-то чернело — высокое, массивное и в то же время как бы нематериальное в сиянии утра и подымающееся прямо из подлеска на краю дороги. Что-то знакомое, в иной жизни — в мире тьмы, и дальних земель, и чужих богов. Стоячий камень.

На мгновение мне подумалось, что я еще сплю и это мне снится. Я загородился от солнца ладонью и, прищурившись, взглянул снова.

Солнце поднялось над верхушками леса, тени деревьев укоротились. Камень остался, отчетливо видный на серебряном инее.

Но все-таки это был не стоячий камень, а просто верстовой столб. Обычная вещь и на обычном месте. Столб как столб, может быть, самую чуточку выше, чем принято, с обычным славословием императору и надписью внизу: «До Сегонтиума 22 мили».

Подойдя ближе, я понял, отчего он казался выше обычного: он не врос в землю, так как был установлен на квадратном ка-

менном подножии. Значит, этот камень особенный? Может быть, на его квадратном подножии когда-то стоял древний идол? Я наклонился и раздвинул заиндевелые травы. На каменную плиту упал солнечный луч и осветил какой-то знак, похожий на изображение стрелы. Но потом я догадался, что это полустертая старинная надпись, огамические письмена, напоминающие общим рисунком оперение и заостренный наконечник стрелы, указывающий на запад.

Что ж, подумалось мне, почему бы и нет? Знаки просты, но веления судьбы не всегда приходят из надзвездных высот. Мой бог и прежде изъяснялся со мною такими вот простыми знаками, и я лишь вчера говорил себе, что искать надо не только наверху, в небе, но и внизу, на земле. И вот они, знаки земли: отпавшая подкова, слово придорожного кузнеца, несколько царапин на камне — все словно сговорилось совлечь меня с моего пути на север и направить на запад, в Сегонтиум. Так почему бы и нет? — опять подумалось мне. Кто знает, может быть, тот меч и в самом деле был выкован в кузне, где я встретил бога Мирддина, и закален в холодных водах реки Сейнт, а после смерти Максима был возвращен на родину его супруги, остававшейся в этих местах с младенцем-сыном. Может быть, правда, что в Сегонтиуме, Каэр-Сейнте Максена Вледига, где-то спрятан меч королей Британии и лежит дожидается, когда придет ему время быть поднятым в огне.

Глава 10

Таверна на окраине Сегонтиума, в которой я остановился, была достаточно удобной, хотя стояла и не у большой дороги. Здесь редко появлялись проезжие, а собирались обычно поесть и выпить местные жители, прибывшие на рынок или в порт — отправлять свои грузы морем.

Заведение это знавало лучшие дни, оно предназначалось в свое время для обслуживания солдат из большой казармы за городом. И простояло на своем месте, наверное, не менее двухсот лет. Когда-то это было прочное каменное строение, а внутри — одна просторная комната, почти зала, большой очаг и черные дубовые стропила прочнее железа, поддерживавшие крышу. Несколько скамей и тяжелых столов еще и теперь стояли в таверне, все запятнанные, обожженные и изрезанные ножами пьяных легионеров, вырезавших на досках свои имена и еще кое-какие менее пристойные надписи. Чудо еще, что и в таком виде таверна сохранилась: кладка стен была кое-где порушена, а камень разворован, и по меньшей мере однажды в них бушевал пожар — после набега соседей-ирландцев. От старых времен осталась только продолговатая каменная коробка, и крыша на черных стропилах была не черепичная, а тростниковая. Кухней служила мазаная пристройка позади огромного очага.

Но в очаге полыхали поленья, пахло добрым элем и свежим печевом из печи снаружи, а в сарае имелась свежая подстилка и корм для кобылы. Я позаботился о том, чтобы ее поставили в теплое место, вычистили и задали ей корму, а уж потом пошел в таверну выговорить себе ночлег и ужин.

Жизнь в порту об эту пору года замирает. В городе почти не было проезжих, и завсегдатаи не задерживались в таверне, а с наступлением темноты спешили скорее домой, в теплую постель. Поэтому мое появление осталось мало кем замеченным, никто меня не расспрашивал, разошлись рано, я мирно отправился спать и проспал крепким сном до утра.

Следующий день был солнечный — один из тех ослепительных, лучистых дней, которые иногда швыряет на землю декабрь, точно блестящее золото в пригоршне свинцовых монет зимней чеканки. Я позавтракал рано, зашел проведать мою лошадку, оставил ее спокойно отдыхать и вышел из таверны.

Повернув к востоку, прочь от города и порта, я пошел по берегу реки туда, где на возвышенности, в полумиле от города, стояли развалины бывшей римской крепости Сегонтиум. Чуть ниже по склону виднелась Максенова башня. В ней расположил своих солдат верховный король Вортигерн, когда мой отец, король Южного Уэльса, прибыл туда со свитой из Маридунума для переговоров. И я, двенадцатилетний отрок, был тогда с ними и в этой поездке впервые удостоверился, что грезы хрустального грота сбываются. Здесь, в этом диком и тихом уголке земли, я впервые ощутил силу, осознал себя ясновидцем.

Тогда мы тоже ехали зимой. И сейчас, проходя заглохшей дорогой к бывшим воротам, от которых остались только две разрушенные башни, я старался оживить в памяти пестроту плащей и флагов и блеск оружия там, где теперь, исполосованный синими утренними тенями, лежал один нетронутый иней. Строения стояли пустые, заброшенные. Там и сям на голой каменной кладке

сохранились языки копоти — красноречивые свидетельства былых пожаров. В других местах видно было, где люди вывозили камень для своих построек, выламывали даже булыжники из мостовой. В оконных проемах рос чертополох, на стенах между камней укоренились молодые деревца. Зияла колодезная яма, заваленная щебнем. Цистерны переполняла дождевая вода и вытекала струйкой по желобкам, которые образовались в тех местах, где некогда воины точили о каменный край свои мечи. Да, смотреть было не на что. Ничего здесь не было, даже призраков. Зимнее солнце освещало мертвые развалины. Кругом царила тишина.

Помню, что, бродя среди остовов зданий, я думал не о прошлом и даже не о цели моих теперешних поисков, но, как подобало строителю, о будущем. Я прикидывал на глазок, как учил меня некогда Треморин, что тут надо будет сделать: это снести, то подправить, башни отремонтировать, северо-восточной частью крепости пожертвовать, чтобы зато надежнее укрепить западную и южную... Да, если Артуру когда-нибудь понадобится Сегонтиум...

Я поднялся на самое высокое место посредине крепости, где когда-то стоял дом начальника гарнизона, дом Максима. Здесь также все было в запустении. Тяжелая дверь еще висела на ржавых петлях, но потолочное перекрытие разошлось, потолок угрожающе провис. Я осторожно переступил через порог. В главный покой сквозь прорехи в крыше сочился дневной свет, у стен лежали груды мусора, когда-то яркие фрески облупились и побурели от сырости. В сумраке я разглядел старый стол — он был так тяжел, что вынести его оказалось слишком трудно, а рубить на топливо не стоило. Позади стола свисали лохмотья кожи, некогда украшавшие стену. Здесь восседал полководец и замышлял покорить Рим, как прежде Рим покорил Британию. Он потерпел поражение и пал, но своим поражением посеял семена мечты, которые потом собрал другой король. «Наша страна будет единым государством, самостоятельным королевством,— говаривал мой отец,— а не просто римской провинцией. Рим гибнет, мы же еще пока способны выстоять». Вслед за этим память принесла мне другой голос, голос пророка, который по временам вещал моими устами: «И королевства станут одним Королевством, и боги — единым Богом».

Будет срок прислушаться к этим призрачным голосам, когда здесь снова станет восседать полководец. Я вышел обратно на свет зимнего погожего утра. Где среди этого запустения найду я то, что ищу?

Из крепости открывался вид на море и порт, вокруг которого теснились маленькие домишки, а против порта в море виднелся остров друидов, который зовется Мона, или, иначе, Вон, так что местные жители называют свой город: Каэр-ин-ар-Вон. А позади меня возвышалась Снежная гора, И-Виддфа; там, если бы в человеческих силах было туда взобраться и существовать среди снегов, человек может въяве встретить на тропках живых богов. На ее белоснежном отдаленном фоне чернела близкая и разрушенная Максенова башня. И вдруг мне представилось все в ином свете, как бы заново. Башня моих видений; башня с картин на стене у Адьяна... Я покинул дом начальника гарнизона и быстро зашагал к башне.

Она торчала из груды обрушенных камней, но я знал, что сбоку в склоне вход в подземный храм Митры, и, задумавшись, сам не заметил, как направился туда.

Вниз вели ступени, скользкие, треснутые. Одна выломалась и встала ребром, перегородив спуск, а в самом низу скопилась куча грязи и отбросов, оставленных крысами и бродячими псами. Стоял сильный запах сырости, гниения и давних действ, быть может связанных с пролитием крови. Разрушенную стену над дверью избрали местом ночлега какие-то птицы, их помет выбелил последние ступени. Теперь эти белые потеки зеленели плесенью. Галка? Ворон Митры? Или мой тезка кречет-мерлин? Осторожно ступая по осклизлым камням, я приблизился к порогу старого храма.

Внутри стояла тьма, но свет дня просочился вслед за мною, и к тому же из какой-то прорехи в кровле тоже падал слабый луч, и я смог оглядеться. Здесь была та же мерзость запустения, что и на лестнице. Только прочность каменных сводов уберегла это помещение, иначе его давно бы погребли навалившиеся сверху камни. Утварь тоже не сохранилась — жаровни, скамьи, резьба. Один голый остов, как и заброшенные руины наверху. Четыре малых алтаря были обрушены, но срединный, самый массивный, все еще прочно стоял на месте, и на нем виднелась надпись: Mithrae invicto — «Митре непобежденному», но над алтарем, в апсиде, топор, молот и огонь уничтожили все следы по-

вествования о быке и боге-победителе. От всей картины, изображавшей убиваемого быка, чудом уцелел один пшеничный колос в нижнем углу, резьба четкая, как новая. Кислый плесенный дух вызывал кашель.

Здесь подобало сотворить молитву ушедшему богу. Я стал произносить ее вслух, и голос мой отдавался от стен, но не эхом, а как бы ответом. Ну конечно. Я ошибался. Старый храм не пуст. Некогда он был свят и святость свою утратил, но что-то все же сохранилось и витало у хладного алтаря. Кислый дух — это не запах плесени. Это аромат незажженных курений, остывшего пепла, непроизнесенных молитв.

Когда-то и я был его слугой. А здесь, кроме меня, никого нет. Медленно вышел я на середину и простер раскрытые ладони.

Свет, краски, огонь. Белые одежды, песнопения. Рвущиеся кверху языки пламени. Рев умирающего быка и запах крови. А вверху, снаружи — сияние солнца в городе, ликуют толпы, приветствуя нового короля, слышен смех и топот марширующих ног. Вокруг меня клубится густой аромат курений, и надо всем — голос, негромкий и спокойный: «Повергни наземь мой алтарь. Пришло время ему быть повергнутым».

Я очнулся, закашлявшись. Вокруг клубилась густая пыль, и грохот все еще отдавался в сводчатых стенах. Воздух дрожал и звенел. У моих ног лежал опрокинутый алтарь.

Все плыло у меня перед глазами. Как во сне, глядел я на дыру в полу, образовавшуюся на месте алтаря. В голове гудело, руки, вытянутые вперед, были перепачканы, на одной ладони из пореза текла кровь. Алтарь был тяжел, вырублен из цельного камня, в своем уме я бы никогда не поднял на него рук, и, однако же, вот он лежал, повергнутый, передо мною, и отзвуки его падения замирали под сводами, и уже слышался шорох щебня, осыпающегося в образовавшуюся яму.

В глубине отверстия что-то виднелось: твердый край и угол, чересчур острый для камня. Ящик. Я опустился на колени и коснулся его.

Ящик был металлический и очень тяжелый, но крышка откинулась без труда. Тот, кто спрятал его здесь, полагался больше на божье бережение, чем на силу замка. Внутри мои пальцы нащупали сгнивший холст, расползавшийся от прикосновения, в

нем — еще одна обертка, из промасленной кожи, а в ней — что-то длинное, и узкое, и гибкое. Наконец-то. Я бережно вынул меч и поднял его, обнаженный, на ладонях.

Сто лет назад они спрятали его здесь, те, кто вернулся из Римского похода. И теперь он сверкал у меня в руках, такой же блестящий, грозный и прекрасный, как в тот день, когда был выкован. И не диво, подумалось мне, что за эти сто лет он превратился в легенду. Легко верилось, что это произведение искусства седого кузнеца Веланда, который был стар еще до прихода римлян, его последняя работа перед тем, как он затерялся среди туманных холмов вместе с другими малыми богами лесов, рек и родников, уступив людные долины картинным богам Греции и Рима. Я чувствовал, как из меча мне в ладони вливается сила, словно я держу их в воде, куда ударила молния. «Кто достанет тот меч из-под камня, и есть король всей Британии по праву рождения...» Слова были ясные, словно сказаны вслух, и сияли, словно насеченные на клинке. Я, Мерлин, единственный сын короля Амброзия, достал этот меч из-под камня. Я, в жизни не выигравший ни одного сражения, не командовавший даже отрядом, не умеющий управиться с боевым скакуном, а мирно разъезжающий на меринах и кобылах. Я, ни разу не возлежавший с женщиной. Я, даже и не муж, а лишь глаза и голос. Лишь дух, как я сказал однажды, лишь слово, не более.

Этот меч — не для меня. Ему придется подождать.

Я снова обернул прекрасный клинок в жалкие обертки и стал на колени, чтобы уложить его обратно. Но ящик оказался глубже, чем я думал, в нем лежало еще что-то. Сквозь прорехи в холсте я разглядел мерцающую широкогорлую чашу-кратер, какие видел во время моих странствий к востоку от Рима. Она была из червонного золота и усажена изумрудами. Рядом с чашей блеснуло острие копья. Обнажился край блюда, украшенного сапфирами и аметистами.

Я наклонился, протянул руки с мечом. Но уложить его на место не успел, потому что тяжелая металлическая крышка ящика вдруг ни с того ни с сего с лязгом захлопнулась. От этого звука опять пробудилось эхо и обрушило со стен и из апсиды каскад камней и штукатурки. Я отшатнулся, и в мгновение ока отверстие в полу и ящик со всем содержимым оказались погребены под кучей щебня.

Я остался стоять на коленях, задыхаясь и кашляя в туче пыли и крепко держа в грязных, окровавленных руках запыленный, потускневший меч. С задней стены апсиды исчез последний след резьбы. Теперь это было лишь углубление в каменной кладке, гладкое и темное, как стена грота.

Глава 11

Паромщик в Дэве знал святого отшельника, про которого рассказывал мне кузнец. Оказалось, он живет в горах выше замка Эктора в Диком лесу. Хотя я больше не нуждался в наставлениях отшельника, от беседы с ним не могло быть худа, а его келья — часовня, как назвал ее паромщик,— лежала у меня на пути и могла послужить мне пристанищем, покуда я не решу, когда и как мне предстать у графских ворот.

Не знаю, действительно ли обладание мечом давало волшебную силу, но дальше я ехал быстро, без препятствий и приключений. Прошла неделя, как мы с моей кобылой покинули Сегонтиум, и однажды в исходе зимнего дня мы неспешной рысью выехали на ровный травянистый берег широкого тихого озера, а на той стороне, высоко, как звезда среди древесных стволов, мерцал в ранних сумерках бледный огонек. К нему я и погнал мою лошадку.

Путь вокруг озера оказался неблизкий, и было уже совсем темно, когда я на усталой кобыле выехал по лесной тропе на поляну и увидел над живым и трепетным мраком леса черный недвижный клин — крышу часовни.

Часовня оказалась небольшим продолговатым строением, возведенным на самой опушке в дальнем конце поляны. Вокруг стеной стояли высокие темные сосны под звездной крышей, а из-за сосен со всех сторон выглядывали снежные вершины, кольцом замыкавшие эту тихую ложбину. Сбоку на поляне было углубление в мшистых камнях, и в нем, как в чаше, стояла черная неподвижная вода — один из тех родников, что беззвучно бьют со дна. Было холодно, пахло сосной.

К дверям часовни вели обомшелые, разбитые каменные ступени. Двери были распахнуты, и в глубине горел ровный огонь. Я спешился и дальше повел кобылу в поводу. Она споткнулась о камень, громко брякнув подковой. Казалось бы, житель этих

безлюдных мест должен был выйти и узнать, в чем дело; однако никто не появился. Лес стоял словно замерший: ни звука, ни шороха. Только звезды в вышине будто дышали, как бывает зимней порою. Я стянул с кобылы уздечку и пустил ее напиться из родника. А сам, подобрав полы плаща, поднялся по замшелым ступеням и вошел.

Помещение было небольшое, продолговатое, но с высоким сводчатым потолком. Странно было видеть такое сооружение в гуще леса — здесь живут в подслеповатых хижинах, если не в пещерах или расселинах между скал. Но это было святилище, предназначенное для обитания божества. Пол слагали каменные плиты, чистые и целые. Посредине, против двери, возвышался небольшой алтарь, а позади него висел тяжелый занавес из плотного вышитого полотнища. Сам алтарь тоже был под покровом чистого грубого холста, а на нем стоял зажженный светильник, простая деревенская лампа, проливавшая, однако, ровный яркий свет. Ее недавно наполнили маслом, подровняли и подкрутили фитиль. Сбоку от алтаря на приступке стояла каменная чаша, какие использовались для жертвоприношений. Она была добела вычищена и наполнена свежей водой. С другого бока помещался черный металлический горшочек под крышкой, весь в отверстиях,— в таких христиане жгут благовония. Воздух в часовне еще сохранял слабый смоляной аромат. У стены стояли три бронзовые незажженные лампы, три трехсвечника.

Больше в часовне ничего не было. Тот, кто содержал ее в чистоте и порядке, кто недавно заправил лампу и курил благовония, сам жил в другом месте.

Я громко воззвал:

— Есть тут кто-нибудь?

Эхо замерло под высоким потолком. Ответа не было.

В руке у меня оказался кинжал — каким образом, я даже не заметил. Когда-то я уже встречал вот такие же покинутые дома, и тогда это могло означать только одно; но то было в Вортигерновы времена, во дни Волка. Такой человек, как этот отшельник, живущий один в безлюдном месте, вверяет свою безопасность самой келье своей, святости ее стен, заступничеству ее бога. И обычно они надежно хранят его — так было, по крайней мере, во времена моего отца. Но потом наступили перемены, даже за те несколько лет, что прошли с его смерти. Утер — не Вор-

тигерн, но порой можно было подумать, что возвращаются дни Волка. Наше время — буйное и дикое, полное военных тревог, но самое главное — изменяются верования и обязательства и ум людской не поспевает их осознать. Среди моих современников есть люди, которые не задумаются убить хоть бы и прямо на алтаре. Но я полагал, что в Регеде этого нет, иначе бы не выбрал его пристанищем для Артура.

Тут мне пришла в голову одна мысль, я шагнул за алтарь и отдернул тяжелый занавес. Так и есть: за занавесом оказалось помещение, полукруглая ниша, где, как видно, хранились разные вещи, в полутьме я разглядел составленные вместе табуреты, банки с ламповым маслом, священные сосуды. В задней стене была пробита узкая дверца.

Я прошел через нее и очутился в каморке, где, как видно, жил тот, кто смотрел за часовней. Это была маленькая квадратная пристройка у задней стены, с низким оконцем и наружной дверью, открывающейся прямо в лес. Я прошел ощупью, отворил дверь. В свете звезд я увидел близкую стену сосен, а у порога — сарай и поленницу под навесом, больше ничего.

При отворенной двери я стал разглядывать каморку. Там стояла деревянная кровать, заваленная грудой шкур и одеял, рядом табурет, столик, на столике чашка и тарелка с остатками недоеденной пищи. Я взял в руки чашку — в ней было до половины налито слабое вино. На столе свеча расплавилась и застыла лужицей воска. Свечной чад еще чувствовался в воздухе, смешанный с запахами вина и остывшей золы в очаге. Я тронул расплывшийся воск — он был еще теплый.

Я вернулся в часовню. Встал у алтаря. Снова позвал. Высоко под потолком — одно против другого — зияло два незастекленных оконца, и хозяин должен был услышать меня, если отошел не очень далеко. Однако ответа по-прежнему не было.

Вдруг большим бесшумным призраком в окошко влетела огромная белая сова и описала круг в полусвете под потолком. Я разглядел хищный клюв, широко раскинутые мягкие крылья, вытаращенные слепые и мудрые глаза. И так же бесшумно, точно призрак, птица вылетела вон. Это была всего только диллиан уэн, белая сова, которая в тех краях гнездится в каждой башне, в каждой развалине, но у меня от страха похолодела спина. Снаружи донесся протяжный, душераздирающий, жуткий совиный крик, а вслед за ним слабым эхом прозвучал человеческий стон.

Если бы он не застонал, я бы не нашел его до света. Он был в черном плаще с капюшоном и лежал ниц на краю поляны под деревьями у родника. Кувшин, выпавший у него из рук, указывал, какое дело его туда привело. Я нагнулся и бережно перевернул его на спину.

Это был старец, худой, изможденный — одни кости, хрупкие, как у цыпленка. Я удостоверился, что все они целы, поднял старца на руки и внес в часовню. Глаза его были полуоткрыты, но в сознание он не приходил, при свете лампы видно было, что одна сторона его лица как-то скошена — словно рука ваятеля напоследок провела по мягкой глине и сгладила черты. Я уложил его на кровать, тепло укутал. Возле очага лежала растопка, а в золе покоился камень, который раскаляют в огне и употребляют для обогрева. Я принес еще дров, развел огонь и, когда камень разогрелся, вытащил его, обернул тряпицей и положил к ступням старца. Больше я пока ничего не мог для него сделать, поэтому, задав корму кобыле, я приготовил еду также и себе и устроился подле угасающего огня дожидаться наступления утра.

Четыре дня я ходил за ним, и ни одна живая душа не появлялась у часовни — только лесные звери да дикие олени, да по ночам летала вокруг белая сова, словно ждала, когда пора будет сопровождать его душу в последний полет.

Я понимал, что он не поправится. Серые щеки его запали, вокруг рта легли те же синие тени, какие я видел на лицах умирающих солдат. По временам он, казалось, приходил в себя и сознавал мое присутствие. В такие минуты он бывал беспокоен, и я понимал, что его тревожит святилище. Я пытался заговорить с ним и уверить его, что все в порядке, но он как будто бы не понимал моих слов, и в конце концов я отдернул занавес, отделявший часовню от его каморки, так чтобы он сам мог видеть лампу, по-прежнему горевшую на алтаре.

Странное это было для меня время. Днем я хлопотал в часовне и ухаживал за старцем, а ночью почти все время бодрствовал над больным и вслушивался в его бессвязное бормотание, ловя в нем хоть какой-то смысл. У старца имелся небольшой запас крупчатой муки и вина, а в моих сумках было вяленое мясо и изюм, так что пищей я был обеспечен. Старец с трудом глотал, и я поддерживал в нем силы горячим вином с водой, а также особым отваром из целебных трав, которые у меня были с со-

бой. Каждое утро я только диву давался, что он опять пережил ночь. Так я и жил, днем хозяйничал, а долгими ночными часами сидел над больным или же уходил в часовню, где постепенно выветривался запах курений и через оконца тянул лесной сосновый ветер, сбивая на бок язычок пламени на фитиле.

Теперь, когда я вспоминаю это время, оно представляется мне как бы островом среди текучих вод. Или ночным сном, вносящим отдых и бодрость в дни трудов. Мне бы рваться в путь, чтобы поскорее увидеть Артура, потолковать снова с Ральфом и сговориться с графом Эктором, как, не выдавая тайны, включиться в Артурову жизнь. Я же ни о чем этом просто не думал. Глухая стена леса, ровный тихий светоч на алтаре, меч, спрятанный мною под стрехой сарая,— все это удерживало меня на месте, в благом ожидании. Человеку не дано знать, когда призовут или посетят его боги, но в иные минуты верные слуги ощущают их приближение. Вот так было и тогда.

На пятую ночь, когда я внес охапку дров для очага, отшельник заговорил со мною. Он смотрел на меня с кровати, не в силах поднять голову, но взгляд его был спокоен и ясен.

— Кто ты?

Я опустил дрова на пол и подошел к его ложу.

— Мое имя — Эмрис. Я проезжал через этот лес и наткнулся на твое святилище. Тебя я нашел у родника, внес в дом и уложил на кровать.

— Я... помню. Я пошел по воду...

Видно было, каких усилий стоит ему это воспоминание, но сознание полностью вернулось в его глаза, и речь его, хотя и не совсем внятная, была достаточно вразумительна.

— Ты болен,— сказал я ему.— Не утруждай себя теперь. Я принесу тебе питье, а потом ты должен опять отдыхать. Вот у меня тут отвар, который укрепит твои силы. Я врач, не бойся и выпей.

Он выпил, и вскоре бледность его чуть отступила и дыхание стало легче. Я спросил, не больно ли ему, и он одними губами беззвучно ответил: «Нет». Потом он некоторое время лежал спокойно, глядя на свет лампы за порогом. Я подбросил дров в огонь и поднял изголовье больного, чтобы ему легче дышалось, а сам уселся рядом и стал ждать. Ночь была тиха; снаружи доносилось близкое уханье белой совы. Я подумал: «Тебе уже недолго осталось ждать, сестра». Около полуночи старец легко повернул ко мне голову и спросил:

— Ты христианин?

— Я служу богу.

— Ты будешь блюсти это святилище, когда меня не станет?

— Святилище будет блюстись. Даю тебе слово.

Он кивнул, удовлетворенный, и опять какое-то время полежал спокойно. Но я чувствовал, что его что-то томит, я видел заботу в глубине его глаз. Я подогрел еще вина, смешал с настоем трав и поднес к его губам. Он поблагодарил меня вежливо, но рассеянно, словно думал о чем-то другом. Взгляд его снова устремился к освещенной двери в святилище.

Я сказал:

— Если хочешь, я съезжу вниз и привезу тебе христианского священника. Только тебе придется объяснить мне, как ехать.

Он покачал головой и снова закрыл глаза. Немного погодя он жалобно спросил:

— Ты слышишь их?

— Я слышу только сову.

— Нет, не ее. Других.

— Кого — других?

— Тех, кто толпится у дверей. Иногда в летнюю ночь они кричат, как молодые птицы или как отары на отдаленных холмах.— Он повернул голову из стороны в сторону.— Не дурно ли я поступил, что закрылся от них?

Я понял его. Я вспомнил жертвенную чашу у алтаря, родник за стеной, незажженные девять светильников — атрибуты древнейшей из религий. И белую парящую тень в сумеречных верхушках сосен, кажется, тоже. Да, здесь, как подсказывала мне моя кровь, место было свято еще с незапамятных времен. Я тихо спросил:

— Чье здесь было святилище, отец?

— В старину оно звалось святилищем деревьев. Потом — святилищем камня. Потом оно носило еще одно имя... а сейчас селяне внизу называют его Зеленая часовня.

— А то что было за имя?

Он поколебался, потом ответил:

— Святилище меча.

Я почувствовал холод в затылке, словно к нему прикоснулся клинок.

— Почему, отец? Тебе известно?

Минуту он молчал, прикидывая что-то в мыслях, не отводя от меня внимательных глаз. Потом еле заметно кивнул, словно принял решение:

— Ступай к алтарю и сними с него покров.

Я послушался, переставил горящую лампу на приступку и снял покров, которым алтарь был закутан до самого основания. Я уже и раньше заметил, что это не обычный христианский алтарь в виде стола — он был выше, мне по грудь, и формой напоминал римский алтарь. Теперь я в этом удостоверился. Точно такой же я видел в Сегонтиуме, посвященный Митре. В виде стоящей плиты с завитками по краю, обрамляющими выбитую надпись. Здесь тоже была когда-то надпись, но теперь она бесследно исчезла. Сверху еще можно было разобрать «invicto» и «Mithrae», но на боковой поверхности на месте обычных слов оказалось изображение меча, и его крестообразная рукоять приходилась точно на середину алтаря. Прежние буквы были стесаны, длинный клинок выступал поверх всего высоким рельефом. Резьба была грубая, но четкая и знакомая моему взгляду, как рукоять меча была уже знакома моему прикосновению. И, глядя на него, я вдруг понял, что это перекрестье в камне — единственный крест во всей часовне. Над ним имелось только посвящение Митре Непобежденному. А в остальном алтарь был гол.

Я вернулся к ложу старца. В глазах его было ожидание и вопрос. Я сказал:

— Что делает здесь Максенов меч, выбитый вместо креста на алтаре?

Веки его опустились и тут же снова легко поднялись, вздох облегчения сорвался с губ.

— Так. Это ты. Ты послан сюда. Давно пора было. Сядь, и я тебе все расскажу.

Я сел, и он заговорил голосом достаточно крепким, но тонким и натянутым, точно проволока:

— У меня как раз достанет времени тебе все поведать. Да, ты прав, это меч Максена, того, что звался у римлян Максимом, был императором в Британии еще до появления саксов и женился на британской принцессе. А меч его, рассказывают, выкован к югу отсюда из железа, добытого на Снежной горе в виду морского побережья, а закален в ручье, что бежит с того холма в

море. Это меч верховного короля Британии, он предназначен для защиты Британии от врагов.

— Так что, когда он взял его с собой в Рим, там его чудесная сила иссякла?

— Дивно еще, что меч не сломался у него в руке. Но после гибели Максена меч привезли обратно в Британию, и теперь он дожидается короля, который сможет его найти и, найдя, поднять.

— И тебе известно, где его спрятали?

— Я не знал этого, но, когда юным отроком я пришел сюда служить богам, хранитель алтаря говорил мне, что меч перенесли обратно в ту землю, где он был создан, в Сегонтиум. Он рассказывал, как все это было, в этом вот самом месте, только давно, задолго до его времени. Это было... это было после того, как император Максен пал под Аквилеей, что у Срединного моря, и те из британцев, кто остался в живых, возвратились домой. Они перебрались через Бретань и высадились на западном берегу, а дальше двигались по дороге через холмы и как раз проходили поблизости отсюда. Среди них были поклонники Митры, и, увидав святое место, они остановились здесь, чтобы вознести молитвы в летнюю полночь. Но больше было христиан, и один из них даже священник, и потому, когда те помолились, единоверцы попросили его отслужить обедню. Но у него не было ни креста, ни чаши, только вот этот алтарь, как видишь ты его сегодня. Тогда они посовещались между собой, отошли к своим коням и достали из сум неисчислимые сокровища. Среди тех сокровищ были меч и чаша — большой кратер, Грааль из земли греческой, широкий и глубокий. Меч поставили, прислонив к алтарю, вместо креста и испили из Грааля, и, как рассказывали потом люди, все, кто в тот день здесь был, утолили дух свой. Золото они оставили для святилища, меч же и Грааль оставить не могли. Один из них взял молоток и долото и выбил на алтаре изображение, которое ты видел. А потом они сели на коней и уехали, и больше их не видели в этом краю.

— Странный рассказ. Я никогда прежде его не слышал.

— Никто его не слышал. Хранитель святилища поклялся старыми и новыми богами, что не скажет ни слова никому, кроме того, кто будет здесь его преемником. Так, в свой черед, узнал об этом и я.— Он помолчал.— Я узнал, что придет день, когда меч вернется сюда и опять послужит крестом при алтаре. Вот

почему я так заботился о том, чтобы в святилище не осталось ничего лишнего. Вынес светильники и жертвенные чаши и выкинул в озеро кривой нож. Над жертвенным камнем теперь выросла трава. Я выгнал сову, которая гнездилась под крышей, достал из родника серебряные и медные монеты и роздал бедным.

Опять наступило молчание, такое долгое, что я уже подумал было, что старца не стало. Но вот его глаза снова открылись.

— Правильно ли я поступал? — спросил он.

— Откуда мне знать? Ты делал то, что полагал правильным. Больше, чем это, кто может сделать?

— А ты что будешь делать?

— То же самое.

— И то, что я рассказал тебе, не откроешь никому, кроме тех, кому надлежит об этом знать?

— Обещаю.

Он полежал тихо, но лицо его оставалось озабоченным и взгляд — устремленным на вещи давние и дальние. Потом, почти незаметно, но неколебимо, как человек, вступающий в холодную воду, чтобы перейти на тот берег, он принял решение.

— Покров все еще снят с алтаря?

— Да.

— Тогда засвети девять светильников, наполни чашу маслом и вином и открой двери в лес, а меня перенеси и положи так, чтобы мне еще раз увидеть меч.

Я знал, что, если подыму его, он умрет у меня на руках. Дыхание его тяжело вырывалось из тощей груди, сотрясая все его тщедушное тело. Он опять, теперь уже с трудом, повернул голову.

— Поспеши.— Я колебался, и страх мелькнул в его взгляде.— Говорю тебе, я должен его видеть. Сделай, как я сказал.

Я подумал про святилище, из которого выкинуты все древние святыни, подумал о настоящем мече, спрятанном мною вместе с королевским золотом под стрехой сарая. Но было уж поздно и для этого.

— Я не могу поднять тебя, отец,— сказал я ему.— Но ты лежи спокойно. Я перенесу к тебе алтарь.

— Но как?..— начал было он, но осекся. Взгляд его выразил изумление.— Тогда перенеси его поскорее,— шепнул он.— А потом отпусти меня.

Я встал на колени возле его ложа и, отворотясь от него, стал смотреть на красную сердцевину пламени. Прогоревшие поленья

рассыпались кристаллами искр, образуя ослепительный огнедышащий шар. Рядом со мною билось тяжелое дыхание умирающего, как мучительные пульсы моей крови. Острая боль стучала у меня в висках, жгла и разрасталась в животе. По лицу струился пот, кости дрожали в ножнах плоти, а между тем у темной голой стены напротив я толику за толикой, дюйм за дюймом возводил для старца алтарную плиту. Она медленно поднималась и загораживала огонь в очаге. Каменная поверхность ее переливалась и мерцала, вокруг рябили и наплывали волны света, словно каменная плита плыла по освещенной солнцем воде. Потом один за другим я зажег девять светильников, и они поплыли вместе с плитой, будто болотные огни. В чаше заплескалось вино, из курильницы повалил благовонный дым. «Invicto»,— начертал я на камне и, весь в поту, стал подбирать имя для бога. Но ничего не приходило в голову, кроме одного только слова «Invicto». Потом меч выступил из камня, словно вспорол ножны, клинок белой стали, и вдоль него, в бликах водянистого света, из-под драгоценной рукояти — руны, сложившиеся в слово: «непобежденному...»

Было утро, просыпались птицы. В каморке и в часовне было тихо. Старец почил, отошел незаметно, как и те видения, что я для него вызвал. А я, с трудом разогнувшись, измученный и вялый, побрел в часовню натянуть покров на алтарь и подправить фитиль в лампе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЕЧ

Глава 1

Обещая старцу позаботиться о его святилище, я вовсе не имел в виду, что стану блюсти его сам. В одной из долин близ замка графа Эктора расположен небольшой монастырь, где нетрудно будет, как я полагал, найти желающего стать блюстителем часовни. Это не значило, впрочем, что я должен буду передать ему тайну меча: она принадлежала мне и окончание его истории было в моих руках.

Но шли дни, и я раздумал обращаться к монашеской братии. Поначалу у меня просто не было такой возможности, зато оказалось много времени для размышлений.

Я похоронил старца, и как раз вовремя: на следующий день выпал снег, лег на землю мягко, глухо и глубоко, одев белым саваном лес и засыпав все пути, связывавшие часовню с остальным миром. По правде сказать, я обрадовался заточению: пищи и дров было вдоволь, а мы оба с кобылой нуждались в отдыхе.

Снег пролежал недели две с лишком. Я потерял счет дням, зная только, что пришло и миновало Рождество, наступил Новый год. Артуру сравнялось девять лет.

Так, поневоле, я стал блюстителем святилища. Я понимал, что тот, кто потом придет на смену старцу, постарается опять изгнать из часовни все следы чуждых ему религий, я же пока что распахнул ее двери всем богам. Пусть входят, кому нужда. Я убрал покров с алтаря, начистил три бронзовые лампы, расставил их вокруг и зажег девять светильников. Камнем и родником мне

предстояло заняться позже, когда стает снег. Не удалось мне также разыскать жертвенный нож, чему я про себя был рад: зазывать в часовню эту богиню у меня не было особой охоты. В ее жертвенной чаше я держал сладкую свежую воду и по утрам и вечерам сжигал щепотку благовоний. Белая сова прилетала и улетала, когда ей вздумается. На ночь я затворял дверь от холода и ветра, но никогда не запирал, а днем она всегда стояла распахнутая, отбрасывая на снег отблески огней.

Вскоре после зимнего солнцеворота снег растаял, и в лесных топях снова открылись черные тропы. Но я все медлил. У меня было вдоволь времени все обдумать, и я заключил, что в эту часовню меня привела та же рука, что и в Сегонтиум. Можно ли найти место лучше этого, где я мог бы жить вблизи от Артура, не привлекая ничьего внимания? Здесь мне так удобно будет спрятаться. Жители питают к таким местам священный ужас — а заодно и к отшельникам, их охраняющим. «Святой человек в лесу» ни у кого не вызовет подозрения. Пройдет слух, что в часовне живет новый, молодой отшельник, но местные предания уходят в глубокую старину, люди привыкли, что каждый святой старец, умирая, оставлял после себя преемника, и скоро я, в свою очередь, стану просто «отшельником Дикого леса», какие были и до меня. А обосновавшись в часовне, я займусь лечением больных и смогу спускаться в деревни за провизией, разговаривать с людьми и так узнавать новости, и рано или поздно до графа Эктора дойдут известия о том, что я поселился в Диком лесу.

Через неделю после того, как стаял снег, когда я еще не решался вывести Ягодку на топкую черную тропу, ко мне явились гости. Двое жителей леса: низкорослый коренастый мужчина в плохо выделанных оленьих шкурах, издававших неприятный запах, и девушка, его дочь, закутанная в грубошерстное полотнище. Они были такие же смуглые и черноглазые, как и жители холмов в Гвинедде, но притом еще обветренное темное лицо девушки было осунувшимся, бескровным. Она страдала, хотя и немо, как животное,— не дернулась, не издала ни звука, когда отец размотал ветошь у нее на руке, от локтя до запястья раздувшейся и почерневшей от яда.

— Я обещал ей, что ты ее исцелишь,— просто сказал мужчина.

Я ничего не ответил на это, но взял ее руку и ласково обратился к ней на древнем языке. Она отшатнулась в страхе, когда я объяснил мужчине — его звали Маб,— что должен нагреть воды

и прокалить в огне нож, и он ввел ее в мое жилище. Я взрезал опухоль, очистил и перевязал рану. Продолжалось это довольно долго, и за все время девушка не издала ни звука, только бескровное лицо ее под слоем грязи еще больше побледнело, поэтому, сделав перевязку, я подогрел им обоим немного вина и вынес последние запасы изюма и несколько ячменных лепешек. Лепешки были моего собственного приготовления — я припомнил, как пекли их дома слуги, и попытался им подражать. Первое мое печево было малосъедобно, даже размоченное в вине, но постепенно дело у меня пошло на лад, и теперь я с гордостью наблюдал, как Маб и его дочка едят и тянутся взять еще. Вот так, от магии и божественных голосов до ячменных лепешек, и этим самым низменным из моих искусств я гордился не меньше, чем другими.

— Ну,— сказал я Мабу,— так вы, выходит, знали, что я здесь?

— Слух прошел по лесам. Нет, ты не смотри так, Мирддин Эмрис. Мы никому не передаем. Но мы следуем за каждым, кто движется лесом, и знаем все, что происходит.

— Да. В этом ваша сила. Мне говорили. Мне еще придется, быть может, к ней прибегнуть, докуда я сижу в этой часовне.

— Наша сила — к твоим услугам. Ты возжег здесь старые светильники.

— Тогда поведай мне, что слышно на свете.

Он выпил и утерся.

— Зима прошла спокойно. На побережьях тихо — благодаря штормам. На юге шли сражения, но кончились, и границы восстановлены прежние. Цисса уплыл на корабле обратно в Германию. Аэлле с сыновьями остался. На севере мир. Правда, Гвартегидд повздорил с отцом своим Кау, ну да это племя отродясь не сидело спокойно. Он убежал в Ирландию, но это все пустое. Еще говорят, Риагат в Ирландии у Ниалла. Ниалл задал пир Гилломану, и теперь между ними мир.

Это было голое перечисление фактов, и говорилось все без понимания и выражения, будто заученное наизусть. Но я смог разобраться, о чем идет речь. Саксы, Ирландия, пикты на севере: угрозы со всех сторон, но кроме угроз, ничего — пока что.

— А король? — спросил я.

— Король в себе, но не тот, что был. Раньше был храбр, теперь зол. Приближенные его боятся.

— А сын короля?

Я ждал ответа. Много ли знают эти люди?

Черные глаза посмотрели загадочно.

— Он, слышно, находится на Стеклянном острове, но тогда что делаешь здесь ты, Мирддин Эмрис?

— Смотрю за святилищем. Чтобы ты мог зайти, когда вздумаешь. Чтобы каждый мог зайти.

Он промолчал. Его дочь сидела на корточках у очага и смотрела на меня уже без всякого страха. Она поела и еще украдкой сунула несколько лепешек себе за пазуху. Я посмеялся про себя.

Я спросил у Маба:

— Если мне понадобится послать весть, ваши люди возьмутся ее доставить?

— С охотою.

— Даже королю?

— Мы так устроим, что она дойдет до короля.

— А теперь про сына короля,— сказал я.— Ты говоришь, вы знаете все, что происходит в лесу. Если моя магическая сила доберется до сына короля в его укрытии и привлечет его ко мне, будет ли он в безопасности, проезжая через лес?

Он сделал странный знак, который у меня на глазах делали раньше люди Ллида, и кивнул.

— Он будет в безопасности. Мы позаботимся об этом. Ты ведь обещал Ллиду, что он будет и для нас королем, а не только для жителей городов юга?

— Он будет король для всех,— ответил я.

Рука его дочери, как видно, заживала хорошо, потому что больше он ее ко мне не приводил. Через два дня у моей задней двери появился свежезабитый фазан и мех с медвяным пивом. Я в ответ расчистил снег с жертвенного камня и поставил чашу в нише над родником. На глаза мне по-прежнему никто не попадался, но я заметил кое-какие следы, и ячменные лепешки, оставляемые мною у порога от свежей выпечки, всякий раз к утру исчезали, а взамен появлялись разные приношения: олений бок, например, или ползайца.

Как только лесные тропы достаточно просохли, я оседлал Ягодку и поехал в Галаву. Путь шел вдоль речки, а потом вокруг озера. Это было озеро небольшое, много меньше того, над которым стояла Галава, наверное в милю длиной и в треть мили шириной, и лес со всех сторон подступал к самой воде. Я уже доехал до

середины, и вдруг посреди озера, но ближе к тому берегу, я увидел небольшой, густо поросший деревьями остров, словно кусочек окрестных лесов, оторванный и заброшенный в тихую заводь. Остров был скалистый, деревья теснились на валунах, обступая высокий обрывистый утес, возвышавшийся посредине. Серый каменный утес, еще припорошенный последним снегом, стоял на островке как настоящий неприступный замок. В свинцовом свете безветренного дня слегка поблескивали его скальные бастионы. Остров, казалось, плавал на воде над своим отражением, и перевернутые башни уходили в тихую глубину, к самому сердцу озера.

У дальнего конца озера речка снова вытекала, помолодевшая, многоводная после таяния снегов, и бежала резво и решительно в Галаву, прокладывая себе путь среди тростников и черных болотистых низин между рядами ивняка и ольшаника. Еще через милю долина расширялась, болота уступили место полям и жилищам поселян, а под защитой замковых стен жались ремесленные слободки. Позади замка, принадлежавшего графу Эктору, между черными голыми деревьями сквозила серая холодная гладь большого озера, оно тянулось на запад сколько хватал глаз и сливалось с суровым небом.

Первая сельская усадьба, которая попалась мне на пути, была расположена чуть отступя от речного берега. Это не была настоящая ферма, забитая по римскому плану, как у нас на юге и юго-западе, а простой крестьянский дом, к каким я привык здесь на севере,— кучка круглых строений, побольше и поменьше, от жилого дома и до сараев для скота и птицы, теснящихся в кольце прочной ограды из дерева и камня. Пес у ворот зашелся лаем, натягивая цепь. В дверях сарая появился мужчина — хозяин, судя по одежде,— и уставился на меня, не переступая порога. Он держал в руке большой садовый нож. Я натянул поводья и выкрикнул приветствие. Он вышел мне навстречу с выражением любопытства, но и настороженности, какую постоянно приходилось видеть теперь у людей при появлении незнакомца.

— Куда ты держишь путь, господин? В графский замок в Галаве?

— Нет. До ближайшего дома, где я смогу купить себе пищу — мяса и лепешек и, может быть, немного вина. Я еду из лесной часовни, что стоит там, наверху. Ты ее знаешь?

— Кто же ее не знает. Как поживает старец, добрый человек Проспер?

— Он умер на Рождество.

Селянин перекрестился.

— Ты был с ним?

— Да. А теперь блюду святилище.

В подробности я не стал вдаваться. Если он заключит, что я прожил там какое-то время и помогал старцу, тем лучше.

— Мое имя Мирддин,— сказал я ему.

Я решил не добавлять «Эмрис». Имя Мирддин достаточно распространено на западе и не обязательно должно связываться с пропавшим Мерлином; с другой стороны, если Артур все еще зовется здесь Эмрис, могут обратить внимание, что появился какой-то приезжий человек, носящий такое же имя, и находится при мальчике.

— А-а, Мирддин. Откуда же ты?

— Я до этого жил в пещерном святилище в Дифеде.

— Понятно.— Он обвел меня взглядом, счел неопасным и кивнул.— Что ж, каждому свое. Надо думать, твои молитвы приносят такую же пользу, как и меч графа в грозное время. А графу известно о перемене в часовне?

— Я еще никого не видел. Сразу после кончины Проспера выпал снег. А что он за человек, граф Эктор?

— Хороший господин и хороший человек. И госпожа хорошая, ему под стать. Ты не будешь испытывать лишения, покуда лес принадлежит ему.

— Есть у него сыновья?

— Двое, и оба парнишки на славу. Да ты их небось скоро увидишь, вот только установится погода. Они что ни день ездят в лес. А граф, как вернется домой, непременно за тобою пошлет. Сейчас-то он в отъезде, и старший сын с ним. Их ждут обратно с весной.

Он отвернулся от меня, позвал, и на порог дома вышла женщина.

— Катра, вот новый хранитель часовни. Старый Проспер недавно помер. Ты правильно говорила, что он до нового года не дотянет. Найдется у тебя несколько хлебов нынешней выпечки и мех вина? Добрый господин, перекуси пока с нами, а тем временем вынут печево с пода.

Я принял приглашение и воспользовался их гостеприимством. Здесь я нашел все, в чем нуждался: хлеб и муку и мех с вином, овечье сало для изготовления свечей, масло для лампы и корм для кобылы. Расплатился, и Федор — так он назвался — помог мне упаковать припасы в переседельные сумки. Вопросов я больше не задавал, но внимательно слушал все, что он рассказывал, а потом, вполне довольный, поехал обратно в часовню. Сведения о моем появлении дойдут до Эктора, и имя тоже, и уж кто-кто, а он сразу же сопоставит нового отшельника в Диком лесу с тем Мирддином, что с наступлением зимы в один прекрасный день исчез из холодных пещер Уэльса.

В начале февраля я опять спустился вниз, на этот раз заехал прямо в селение, и оказалось, что жители уже наслышаны обо мне и, как я и думал, приняли мое присутствие в лесу как должное. Отыщи я себе пристанище где-нибудь в деревне или в замке, я бы до сих пор, конечно, был бы для них «тот приезжий человек» и «чужак» и обо мне судачили бы все кому не лень; но святые отшельники — люди особенные, они часто перебираются с места на место, и добрым поселянам это не в диковину. Я с облегчением узнал, что наверх, в часовню, они никогда не ездят, это место своей древней святостью пугает их. Они почти все христиане и за душевным утешением обращаются к святой братии в близлежащий монастырь, но старые верования так легко не умирают, и я внушал им, наверное, больше трепета, чем сам аббат.

Та же древняя святость одевала в их представлении, как я узнал, и скалистый остров посреди озера. Я спросил о нем одного из лесных жителей. Название этого острова, сказал он мне, Каэр-Банног, что значит «замок в горах», и в нем, согласно поверьям, обитает Крошка Билис, король Загробного царства. Островок может ни с того ни с сего исчезать и появляться, может плавать на воде невидимо для глаз, будто бы сделанный из стекла. К нему никто не рискует приблизиться. Люди, правда, удят рыбу в озере, и на тучных лугах в западном конце долины пасутся стада, но остров объезжают стороной. Как-то одного рыбака забросило туда штормом, и он провел на островке ночь. А когда возвратился домой, то оказался не в своем уме, толковал, что будто бы целый год жил в огромном замке из стекла и золота, где невиданные ужасные чудовища караулят сокровища, которым нет счета. За сокровищами этими так никто и не съездил, потому что рыбак, не приходя в себя, через неделю помер. С тех пор на остров никто ни ногой, и хотя, как говорят, ясным вечером на закате замок бывает отлично виден, подгребешь поближе — и он бесследно исчезает, а стоит ступить на берег, как остров тут же и потонет.

Такими пастушескими баснями лучше не пренебрегать. Я давно уже подумывал о здешнем «стеклянном острове», который оказался прямо у меня под боком, прикидывал, будет ли он со своей зловещей славой достаточно надежным укрытием для меча Максена. Пройдет еще несколько лет, прежде чем Артур вырастет и сможет поднять меч Британии, а до тех пор небезопасно да и не подобает хранить его запрятанным под стрехой хлева при часовне в дальнем лесу. Чудо еще, думалось мне, что от него до сих пор не загорелся, не вспыхнул сухой тростник кровли. Если это в самом деле меч королей Британии и если Артур в самом деле станет тем королем, которому суждено поднять этот меч, то пусть до поры до времени меч дожидается его в священном и издревле волшебном месте наподобие того, где он был мною найден. А настанет срок, и юный король разыщет его, ведомый свыше, как был ведом я. Потому что я — орудие бога, но не десница его.

Вот я и думал про этот остров. Думал, думал и в один прекрасный день принял решение.

В марте я в третий раз спустился в деревню, чтоб пополнить свои запасы. Когда я ехал обратно берегом озера, как раз садилось солнце и легкий туман заклубился над водой. Из-за этого островок казался отдаленным и как бы плавающим на поверхности озера, так что легко было представить себе его волшебным, готовым затонуть под ногой. Лучи пылающего заката падали на отвесные утесы, и они выступали, алые, из темной завесы окружающих деревьев. В этом освещении причудливые каменные очертания и впрямь напоминали башни и бастионы солнечного замка, возвышающегося над лесом. Я любовался им и вспоминал старинные поверья, потом поглядел снова и, вытаращив глаза, резко натянул поводья. Там, за блестящей гладью вод, из зыбкого тумана выступала башня моего видения, Максенова башня, неразрушенная, целая, сложенная из закатного света. Башня меча.

На следующий день я перевез меч туда. Туман скопился еще гуще прежнего и скрывал меня от любого любопытного глаза.

Остров находился менее чем в двухстах ярдах от южного берега озера. Я хотел было пустить Ягодку вплавь, но оказалось, что там глубины ей всего по грудь. Озеро лежало тихое и гладкое, как стекло. Несколько осторожных всплесков — так переходят воду дикие олени,— и мы перебрались на тот берег, не встретив никого, если не считать пары уточек-нырков да цапли, которая пролетела мимо в тумане, плавно взмахивая крыльями.

Оставив кобылу пастись у берега, я взял меч и поднялся с ним сквозь заросли к подножию отвесного утеса. Наверное, я знал заранее, что там увижу. Кусты и молодая древесная поросль вплотную подступали к каменистой осыпи под скалами, но, еще не одетые листвою, они не могли скрыть от взгляда узкого отверстия пещеры, круто уходящей в глубину. Я захватил с собою факел. И теперь, запалив его, по тесному проходу спустился в грот у глубинных оснований утеса, недоступный для дневного света.

У ног моих лежала черная, недвижная гладь воды, покрывшей дно грота. В дальнем конце виднелась плоская каменная глыба, естественного ли происхождения, или обтесанная человеческой рукой, трудно сказать; но она стояла там наподобие алтаря, а сбоку в камне было выдолблено углубление в виде чаши. В нем накопилось полно воды, и в дымном свете моего факела она казалась красной, как кровь. Вода скапливалась и на потолке и падала там и сям вниз медлительными каплями. Шлепаясь о черную поверхность подводного озерка, они издавали тихий звук, подобный звону тронутой струны, и эхо расходилось кругами вместе со светом факела. Там же, где они глухо падали на камень, образовывались не впадины, а, наоборот, воздвигались столбы, а над ними нависали массивные каменные сосульки, которые росли навстречу столбам. Не грот, а настоящий храм, с беломраморными колоннами и стеклянным полом. Даже я, пришедший сюда по праву и обладающий защитной силой, почувствовал, как у меня зашевелились волосы на голове.

«По воде и по суше лежит его путь на родину, и оставаться ему скрытым в плавучем камне, покуда огнем не подымется вновь». Так вещали Древние, и они, как и я, с первого взгляда узнали бы этот грот. Как я и как те злосчастные рыбаки, которые возвращались из Потустороннего мира и бредили чертогами

Черного короля. Здесь, в преддверье царства Билиса, будет лежать сокрытым от всех глаз этот меч, пока не явится юноша, которому дано будет его поднять.

Я вошел в черную воду. Дно круто уходило вниз, озерко становилось все глубже. Позади каменной плиты потолок грота смыкался с водой — дальше узкий проход терялся в подводных глубинах. Вода рябила и плескалась вокруг плиты, и эхо расходилось кругами по стенам, обтекая каменные колонны. Вода была ледяная. Я положил меч, завернутый, как он был, когда я его нашел, подальше на плоский камень. Потом перешел через озерко обратно. В гроте звенело эхо. Я постоял, пока оно не утихло до ровного гудения, потом замерло совсем. И сделалось так тихо, что даже дыхание мое казалось неуместным вторжением в эту тишину. Оставив меч немо ожидать своего часа, я поспешил обратно на свет дня. Тени расступились, и я беспрепятственно вышел наружу.

Глава 2

Наступил апрель, когда ожидалось возвращение Эктора. Первую неделю месяца лили дожди и дули ветры — совсем зимняя непогода, лес гудел, как штормовое море, часовню продували сквозняки, пламя девяти светильников пласталось и чадило. Белая сова сидела на яйцах под крышей и поглядывала вниз.

Но однажды ночью я проснулся от тишины. Ветер упал, замолчали сосны. Я встал, накинул плащ и вышел. Луна смотрела свысока, а Медведица на севере плыла так низко и сияла так ярко, что, казалось, протяни руку — и достанешь, только обожжешься. Кровь моя бежала в жилах свободно и легко, я чувствовал себя чистым, умытым, как обступивший меня лес. Остальную часть ночи я спал не больше, чем юный любовник, а с первым светом встал, утолил голод и пошел седлать Ягодку.

В ясное небо всплыло блистательное солнце и свежими лучами залило поляну. Капли вчерашнего дождя разноцветно переливались на отяжелевших травинках и на тугих кулачках молодых папоротников, падали и всходили паром с веток сосен, наполнявших воздух хвойным благоуханием. А выше их зеленых верхушек со всех сторон дымились белые вершины гор.

Я вывел кобылу из сарая и как раз подносил седло, как вдруг она перестала щипать траву, подняла голову и навострила уши.

А через несколько секунд и я услышал то, что вспугнуло ее: стук копыт, приближающихся быстрым галопом — на таком галопе недолго и шею сломать на горной тропе, извивающейся по корням, под нависшими ветвями. Я опустил седло на землю и стал ждать.

Ладная вороная лошадь вылетела на полном скаку, с закинутой на натянутых поводьях головой, осела на круп в трех шагах от меня, и в то же мгновение мальчик, плашмя лежавший у нее на спине, соскользнул с седла наземь. Лошадь была в мыле, с удил капала пена. Раздутые ноздри рдели. Видно, немалых трудов стоил этот головоломный галоп и такая резкая остановка. Сколько же ему? Девять? В его возрасте я ездил на пузатой лошадке, которая и в рысь-то переходила, только если ее пнуть хорошенько.

Он одной рукой подобрал поводья и удержал лошадь, рвавшуюся к водопою. Проделывалось это машинально, а все внимание гостя было устремлено на меня.

— Это ты — новый святой?

— Да.

— Проспер был моим другом.

— Мне очень жаль.

— Ты не очень-то похож на отшельника. Ты правда теперь смотришь за часовней?

— Да.

Он, задумчиво закусив губу, разглядывал меня. Взвешивал, оценивал. И под взглядом этого мальчика, как еще никогда в жизни, я ощутил трепет в груди и, усилием воли сдержав волнение, заставил сердце биться ровно. Я ждал. Я знал, что по лицу моему ничего не заметно. Мальчик видел перед собой безобидного, безоружного человека, который седлает неприметную лошаденку, чтобы ехать в долину за припасами.

Наконец он счел возможным попросить:

— Ты никому не расскажешь, что видел меня?

— А разве за тобой кто-то гонится?

Губы его изумленно приоткрылись. По-видимому, от меня ожидалось что-нибудь вроде «Слушаюсь и повинуюсь, господин». Но тут он тревожно вскинул голову, и тогда я тоже услышал приближающийся перестук копыт, негромкий, по мшистой земле. Кто-то торопился сюда, но все-таки скакал не так быстро, как мой гость на вороной.

— Ты меня не видел, помни!

Рука его потянулась было к кошельку, но на полпути задержалась. Сверкнула широкая улыбка и поразила меня: до этой секунды он был вылитый Утер, но такая светлая улыбка — это от Амброзия, и темные глаза — тоже Амброзиевы. Или мои.

— Прости,— выговорил он вежливо, но торопливо.— Поверь, я не делаю ничего дурного. Ну, то есть ничего особенного. Я потом дам себя поймать. Но он не позволяет мне ездить так, как мне нравится.

Он ухватился за луку седла, готовясь вскочить на лошадь.

— Если ты скачешь так по здешним тропам,— сказал я,— то ничего удивительного, что он не позволяет. Но зачем тебе уезжать? Ступай в часовню, а я собью его со следа и коня твоего поставлю где-нибудь, пусть остынет.

— Я так и знал, что ты не святой,— сказал мальчик тоном похвалы и, бросив мне поводья, скрылся в задней двери.

Я отвел вороную в сарай и запер. Постоял минутку на пороге, дыша тяжело и часто, как человек, только что выплывший из штормовых волн. Десять лет я ждал этой минуты. Я проложил Утеру дорогу через тинтагельские стены и убил Бритаэля, начальника крепости, не испытав такого сердцебиения. Так или иначе, он здесь. Теперь посмотрим. Я пошел к опушке, навстречу Ральфу.

Он выехал на поляну один, крупной рысью, припадая к самой гриве рослого каурого коня. Вид у него был взбешенный. На щеке рдела царапина — наткнулся на ветку.

Наверно, его ослепил солнечный свет, заливавший поляну. Я уж думал, что он на меня наедет. Но потом он все-таки разглядел, что я стою на пути, и осадил коня, с силой натянув поводья.

— Эй, ты! Тут не проезжал только что мальчик?

— Проезжал,— негромко ответил я и протянул руку к его поводу.— Ты погоди, не торопись...

— Прочь с дороги, глупец!

Каурый, почуя шпоры, взвился на дыбы, вырвав у меня повод. И в это же мгновение Ральф, потрясенный, вымолвил:

— Господин! — и успел повернуть лошадь.

Копыта мелькнули в двух дюймах от моей головы. Ральф соскользнул с седла так же легко, как и мальчик Артур, и потянулся было целовать мою руку.

Я быстро отдернул ее.

— Нет. И скорей подымись с колена, друг. Он здесь и видит нас.

— Милосердный Иисусе! Я чуть было не наехал на тебя! Солнце слепило мне глаза — я тебя не узнал!

— Я так и понял. Однако не очень-то радушную встречу оказал ты новому отшельнику, Ральф. Здесь на севере у всех такие манеры?

— Господин... господин! Прошу меня простить. Я был зол...— И пояснил чистосердечно: — Он просто дурачил меня. Я иногда различал его впереди, а догнать все равно не мог. Ну и я...

Но тут до него дошел смысл моих слов. Он не договорил и сделал шаг назад, оглядывая меня с головы до ног и словно не веря своим глазам.

— Новый отшельник? Ты? То есть ты и есть Мирддин, что поселился при часовне? Ну конечно! Какой же я глупец! Мне и в голову не пришло. И никому другому тоже, можешь быть уверен. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь высказал предположение, что это сам Мерлин.

— И надеюсь, не услышишь. Сейчас я всего только блюститель святилища и останусь им сколько понадобится.

— А граф Эктор знает?

— Пока нет. Он скоро должен вернуться?

— На той неделе.

— Скажешь ему тогда.

Он кивнул и тут же захохотал — его удивление уступило место радости.

— Клянусь крестом, как я рад тебя видеть, господин! Благополучен ли ты? Как ты жил все это время? Как добрался сюда? И что будет теперь?

Вопросы сыпались один за другим. Я с улыбкой поднял ладонь.

— Слушай,— торопливо прервал я его.— Мы потолкуем потом. Выберем подходящее время. А теперь уезжай и заблудись на час или около того, дай мне познакомиться с мальчиком с глазу на глаз, ладно?

— Конечно. Двух часов тебе хватит? Этим ты много выиграешь в его глазах — меня обычно не так-то легко сбить с его следа.

Ральф обвел глазами поляну, не поворачивая головы. Сияло утреннее солнце, было тихо, только заливался весенний дрозд.

— Где он? В часовне? Тогда он, наверное, наблюдает за нами, так что ты махнешь рукой куда-нибудь в сторону.

— С удовольствием.— Я повернулся и указал на одну из тропинок, уводящих прочь от моей поляны.— Сюда можно? Я не знаю, куда ведет эта тропа, но надеюсь, ты сможешь на ней заблудиться?

— Если не сложу голову,— кротко заметил он.— Надо же было тебе махнуть именно в эту сторону... Я бы сказал, что просто не повезло, но раз это ты...

— Я махнул наугад, уверяю тебя. Прости. А что, там опасно?

— Как тебе сказать. Если я должен искать Артура в этой стороне, то обратно мне скоро не выбраться.— Он подобрал поводья, изображая поспешность, чтобы обмануть нашего невидимого наблюдателя.— А если по правде сказать, господин мой...

— Мирддин. Я теперь не господин тебе, да и никому другому.

— Хорошо, тогда Мирддин. Тропа там крутая и неровная, но проехать можно. И больше того, именно ее и избрал бы дьяволенок, если бы... Я же говорил — что ты ни сделаешь, все со смыслом.— Он засмеялся.— Как я рад, что опять тебя вижу. У меня словно гору с плеч сняли. Последние несколько лет были ох как нелегки, поверь!

— Верю.

Он поднялся в седло, махнул мне рукой. Я отступил. Он быстро проскакал по поляне, и вскоре стук копыт замер на крутой, заросшей папоротниками тропе.

Мальчик сидел на краю стола и ел хлеб с медом. Мед стекал у него по подбородку. При моем появлении он спрыгнул со стола, утерся тыльной стороной руки, слизнул с руки мед и проглотил.

— Ты не рассердишься? Тут было так много, а я просто умирал с голоду.

— Ешь, пожалуйста. Вон в той чаше на полке сушеные фиги.

— Спасибо, сейчас не хочется, я уже сыт. Я лучше пойду напою Звездочку. Ральф, я слышал, уехал.

Мы повели лошадь к источнику. По пути он объяснил:

— Я зову ее Звездочкой из-за этой вот белой звезды на лбу. А ты почему улыбнулся?

— Просто потому, что, когда я был такой, как ты, или даже моложе, у меня была лошадка по имени Астер, а по-гречески это значит «звезда». И, как ты, я однажды убежал из дому

и поехал на холмы и там повстречал отшельника — он тоже жил один, правда не в часовне, а в пещере,— и он угостил меня медовыми лепешками и фруктами.

— Так ты убежал из дому?

— Не насовсем. Только на один день. Мне просто хотелось побыть одному. Иногда это бывает необходимо.

— Значит, ты меня понимаешь? Потому ты и отправил Ральфа прочь и не сказал ему, что я здесь? На твоем месте всякий другой сразу сказал бы. Им все кажется, что мне нужна нянька,— добавил Артур оскорбленно.

Лошадь подняла от воды мокрую морду, фыркнула, разбрызгав во все стороны холодные капли, и отошла от родника. Мы повели ее обратно. Он посмотрел мне в лицо.

— Я еще не поблагодарил тебя. Я очень тебе обязан. Ральфу худа не будет, ты не думай. Я не хвастаю, когда мне удается улизнуть от надзора. А то мой опекун рассердится, хотя разве это Ральфа вина? Ральф скоро вернется этой же тропой обратно, и я поеду вместе с ним. И ты сам тоже не бойся, я не дам тебя ему в обиду. Да он всегда винит только меня одного.— И снова эта внезапно вспыхивающая улыбка.— Я и в самом деле всегда сам виноват. Кей старше меня, но зачинщик — я.

Мы подошли к сараю. Он протянул было мне поводья, но опять, как и прежде, остановился, не донеся руки, сам ввел лошадь и сам привязал к столбу. Я стоял на пороге и смотрел на него.

— Как твое имя? — спросил я.

— Эмрис. А твое?

— Мирддин. А второе, представь себе, тоже Эмрис. Но это не удивительно: там, откуда я прибыл, Эмрис — распространенное имя. Кто твой опекун?

— Граф Эктор. Он — лорд Галавы.

Мальчик повернулся ко мне, и я увидел, что лицо его покраснело. Было очевидно, что он ждет следующего, напрашивающегося вопроса. Однако я его не задал. Я сам двенадцать лет должен был всякому встречному и поперечному отвечать, что я незаконный сын неизвестного отца, и не собирался принуждать Артура к подобному признанию. Хотя тут имелась все же некоторая разница. Насколько я мог судить, он был приспособлен к самозащите куда лучше, чем я в его возрасте и даже в два раза старше. И как приемный сын лорда Галавы он не должен был

жить, как я, на унизительном положении «бастарда». Впрочем, подумал я, всматриваясь в мальчика, разница между мной и им гораздо глубже: я довольствовался малым, не подозревая о своей силе; он же никогда не помирится меньше чем на всем.

— Сколько же тебе лет? — спросил я.— Десять?

Это ему польстило.

— По правде сказать, недавно сравнялось девять,— ответил он.

— Однако ты уже сидишь в седле лучше, чем я сейчас.

— Ну да ведь ты всего лишь...

Он осекся и покраснел.

— Я сделался отшельником только с Рождества,— мягко возразил я.— А до этого немало поездил верхом.

— Да? С какой целью?

— Путешествовал. И даже сражался, когда была нужда.

— Сражался? Где же?

Так, беседуя, я подвел его ко входу в часовню со стороны поляны, и мы поднялись по старым, замшелым крутым ступеням. Любо было смотреть, как легко он взбежал по ним впереди меня. Он был рослый мальчик, крепкого сложения и широкий в кости — обещал вырасти сильным мужчиной. И не только сильным, а еще, как Утер, и красивым. Но прежде всего Артур производил впечатление стремительной плавностью движений, будто танцор или искусный фехтовальщик. В этом было что-то от Утеровой подвижности, но в другом роде: у Артура в основе лежала глубинная, внутренняя гармония. Атлет увидел бы в нем хорошую реакцию, лучник — верный глаз, скульптор — твердую руку. В девятилетнем ребенке эти качества уже слились в единую пламенную, но сдержанную силу.

— В каких сражениях принимал ты участие? Ты ведь, наверное, слишком молод даже для Великой войны. Мой опекун говорит, что я должен дожидаться, пока мне исполнится четырнадцать лет, чтобы попасть на войну. А это несправедливо, потому что Кей на три года старше, а я его побеждаю три раза из четырех... ну ладно, пусть хотя бы и два... Ой!

Мы вошли в часовню, и солнце, сиявшее нам в спину, отбросило внутрь наши тени, так что поначалу, со свету, он алтаря не заметил. Но вот он сделал еще шаг, яркий утренний луч упал на каменную плиту, высветив по странной случайности резное изображение, и меч, четкий, блистающий, словно выступил из камня. Не успел я промолвить слова, как мальчик устремился

вперед, протянул к рукояти пальцы. Я увидел, как он вздрогнул, наткнувшись на камень. Постоял так мгновение, будто зачарованный, потом уронил руку и сделал шаг назад, не отводя глаз от алтаря.

Не глядя на меня, он проговорил:

— Надо же, как чудно. Я подумал, он настоящий. Подумал, вот самый прекрасный и самый грозный меч на свете и он предназначен для меня. А это, оказывается, не настоящий меч.

— Он настоящий,— сказал я.

Мальчик обернулся ко мне в солнечном луче среди танцующих пылинок. Алтарь у него за спиной светился, как зыбкое белое льдистое пламя.

— Самый настоящий. Настанет день, когда он будет лежать вот на этом алтаре, и все люди его увидят. Тогда тот, кто отважится взять его с камня и поднять, должен...

— Что? Что он должен, Мирддин?

Я потряс головой, похлопал глазами на солнце и пришел в себя. Одно дело — видеть то, что совершается сейчас где-нибудь на другом краю земли, и совсем другое — лицезреть то, что еще вообще не сошло с небес. Это искусство, которое люди называют пророческим и за которое почитают меня, приходит, пронизывая, будто удар бича божия, как мы зовем молнию. Но, корчась от боли, я в то же время радостно принимал его — так радуется женщина последней муке родов. Вспышка ясновидения нарисовала мне, как это все будет происходить на этом самом месте: и меч, и пламя, и юного короля. После всего, что было: после моего плавания по Срединному морю, и нелегкого путешествия в Сегонтиум, и принятия мною после смерти Проспера его обязанностей, и поездки на Каэр-Банног, где я спрятал меч,— я теперь убедился наверняка: я верно прочел волю бога. Отныне оставалось только ждать.

— Что я должен? — настаивал требовательный молодой голос.

Я не знаю, заметил ли Артур перемену в своем вопросе. Он смотрел на меня трепетно, серьезно, выжидающе. Бич божий задел и его. Но еще не подошел срок. Медленно, отбрасывая ненужные слова, я поведал то, что было ему сейчас доступно.

Я сказал:

— Меч переходит от отца к сыну. Ты еще должен искать. Когда же подойдет твой срок, твой меч будет лежать перед тобой и ты возьмешь его в руку на глазах у всех людей.

И Потусторонний мир отступил, и я вновь очутился на поляне, залитой апрельским солнцем. Отерев пот с лица, я полной грудью вдохнул благодатный весенний воздух. И было это как первый вздох младенца. Я отбросил со лба взмокшие волосы и встряхнул головой.

— Они не дают мне покоя,— проговорил я.

— Кто?

— Да эти, кто здесь обитает.

Его глаза следили за мной напряженно, готовые к чуду. Медленно, ступень за ступенью, он спустился от алтаря. Камень у него за спиной был просто камень, с грубо высеченным изображением меча на боковой поверхности. Я улыбнулся ему.

— Я обладаю, Эмрис, одним ценным и полезным даром, но жить с ним иногда не очень-то удобно и всегда дьявольски трудно.

— То есть ты видишь то, что не видно?

— Иногда.

— Так ты волшебник? Или прорицатель?

— И того и другого понемножку, скажем так. Но это моя тайна, Эмрис. Я твою тайну не выдал.

— И я никому не скажу.— Он ограничился этим — ни клятв, ни обещаний, но я знал, что он сдержит слово.— Значит, ты прорицал будущее? Что же значило твое пророчество?

— Это не всегда бывает ясно. Даже мне самому. Но в одном не сомневайся: когда-нибудь, когда ты будешь готов, мы найдем меч, для тебя предназначенный, и это будет самый прекрасный и самый грозный меч на свете. А сейчас, пока суд да дело, не подашь ли мне воды напиться? Там у родника стоит чашка.

Он бегом принес мне воды. Я поблагодарил, выпил и отдал ему чашку.

— Так как же насчет сушеных фиг? Ты еще хочешь есть?

— Я всегда хочу есть.

— Тогда в следующий раз, как приедешь, захвати с собой пищу. А то можешь попасть в неудачный день.

— Я и тебе привезу еду, если хочешь. Ты ведь очень беден, да? А по виду не похоже.— Он разглядывал меня, склонив голову набок.— То есть по виду еще может быть, а вот по разговору совсем нет. Скажи мне, чего тебе хочется, и я постараюсь достать.

— Не стоит труда,— ответил я.— Сейчас у меня есть все.

Глава 3

В назначенный срок объявился Ральф, во взгляде — вопросы, на языке же — ни одного сверх тех, что можно задать незнакомому человеку.

На мой взгляд, он вернулся слишком рано — мне надо было наверстать целых девять лет и о многом составить суждение. И на взгляд Артура, как я заметил, тоже, хотя он встретил Ральфа любезно и безмолвно выстоял под бичом его горячих упреков. По виду мальчика я заключил, что, не будь здесь меня, наказание могло бы стать не только словесным. Я понял, что он получал суровое воспитание. Он слышал, конечно, что королей воспитывают строже, чем простых смертных; едва ли только он относил это правило к себе. Кею, подумал я, наверно, не так достается — интересно, как истолковывал Артур такое различие? Но сейчас он держался кротко и, когда в знак примирения я предложил Ральфу вина, покорно принял на себя роль виночерпия.

Когда наконец он вышел привести лошадей, я торопливо сказал Ральфу:

— Передай графу Эктору, что я предпочел бы не появляться в замке. Он поймет. Это слишком опасно. Он лучше моего сможет выбрать для нас удобное место встречи, и пусть сообщит мне. Бывало ли, что он наезжал сюда? Или же это вызовет у людей ненужный интерес?

— При Проспере он здесь ни разу не был.

— Тогда я спущусь вниз, пусть он даст мне знать. А теперь, Ральф, у нас очень мало времени, но скажи мне вот что. Ты не замечал, чтобы кто-нибудь заподозрил о мальчике правду? Никакой слежки? Ничего подозрительного?

— Ничего.

Я проговорил раздельно:

— А я видел кое-что, когда ты его привез из Бретани. Вы переходили через перевал, и на ваш отряд напали. Кто это был? Ты разглядел их?

Ральф посмотрел на меня с недоумением.

— Это ты про тот случай в горах на полпути между Галавой и Медиобогдумом? Я его помню. Но тебе откуда о нем известно?

— Я видел в пламени. Я тогда все время смотрел за вами. Что с тобой, Ральф? Почему ты так на меня смотришь?

— Странный был случай,— медленно ответил он.— Никогда не забуду. В ту ночь, когда произошло нападение, мне почудилось, будто ты произнес мое имя. Это было предостережение, отчетливое, как звук рога или как лай собаки. И вот теперь ты говоришь, что все видел.— Он поежился, словно от внезапного сквозняка. Потом ухмыльнулся.— Я совсем отвык от тебя, господин. Но теперь, надеюсь, снова привыкну. Ты и теперь смотришь за нами? Сознавать это не всегда приятно.

Я засмеялся.

— Да нет. Если возникнет опасность, мне, наверно, и так станет о ней известно. А в остальном, думается, я могу положиться на тебя. Но ты до сих пор не ответил: ты узнал, кто были те люди, что напали на вас в ту ночь?

— Нет. На них не было никаких знаков. Мы убили двоих, но при них не нашлось ничего, что указывало бы, кому они служат. Граф Эктор думает, что это, наверно, разбойники, грабители. Я тоже. Во всяком случае, с тех пор ничего такого больше не было. Ничего даже похожего.

— Я так и думал. Но теперь не должно быть ничего, что могло бы связать отшельника Мирддина с волшебником Мерлином. Что говорят люди про нового блюстителя часовни?

— Только, что Проспер умер и что Бог, как всегда, когда пробил час, послал на смену нового человека. Что новый отшельник молод и с виду тих, но не так тих, как кажется.

— А это как надо понимать?

— Так, как говорится. Ты не всегда держишься как простой и скромный отшельник, господин.

— Разве? Ума не приложу, почему бы это. Ведь я и есть простой и скромный отшельник. Надо мне будет проследить за собой.

— Ты не шутишь, я знаю,— улыбаясь, сказал Ральф.— Но беспокоиться тебе, по-моему, не о чем, они просто считают тебя более святым, чем другие отшельники. Здесь вокруг часовни всегда водились духи, и сейчас не без того, надо понимать. Рассказывают, например, про духа в обличье огромной белой птицы, которая летит человеку в лицо, если он отважится слишком далеко подняться по тропе, или вот... да обычные россказни про всякую нечисть, глупые деревенские басни, кто в них поверит? Но вот две недели назад... ты не слышал? Тут проезжал отряд отку-

да-то из-под Алауны, и поперек тропы упало дерево, а ветра не было — просто так, ни с того ни с сего.

— Я об этом не знал. Были пострадавшие?

— Нет. Есть другая тропа. Поехали по ней.

— Понятно.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Твои боги, господин?

— Можно сказать, что так. Не думал, что их покровительство будет действовать столь неотступно.

— Значит, ты знал, что это могло случиться?

— Пока ты не рассказал, мне в голову не приходило. Но чьих это рук дело — знаю.

Ральф озабоченно нахмурился.

— Если это не случай... И если я еще раз привезу сюда Эмриса этой тропой..

— С ним ничего не может случиться. И тебе он тоже послужит вместо охранной грамоты. Ты их не бойся, Ральф.

При последних словах брови его сошлись было к переносице, но он тут же опомнился и кивнул. Вид у него был озабоченный, даже взволнованный. Он спросил:

— Как долго думаешь ты тут пробыть?

— Трудно сказать. Это во многом зависит от здоровья верховного короля. Если Утер поправится совсем, то, может быть, мы продержим здесь мальчика до четырнадцати лет, прежде чем покажем отцу. А что, Ральф? Неужто тебе так обидно еще несколько лет прожить в этом медвежьем углу? Или гоняться верхом за таким шустрым господином стало невмоготу?

— Нет... то есть да. Но дело не в этом,— забормотал он, покраснев.

Я, улыбаясь, спросил:

— Кто же она?

Его насупленный взгляд стал мне понятен только тогда, когда он, помолчав, произнес:

— Много ли ты еще подсмотрел, когда следил в пламени за Артуром?

— Мой милый Ральф! — Не стоило ему объяснять, что звезды отражают только судьбу королей и волю богов. Я мягко сказал: — Мой провидческий дар не открывает мне того, что свершается за дверью спальни. Я просто догадался. Твое лицо прозрачнее киселя. И пожалуйста, даже в сердцах не забывай звать его Эмрисом.

— Прости. Я не хотел... Да и не было ничего такого, что ты мог бы подсмотреть... Я ни разу не побывал у нее в спальне... Я хочу сказать, она не... Вот проклятье! Мне следовало знать, что тебе все будет известно! Я не хотел дерзить тебе. Я забыл, что ты все понимаешь не так, как остальные. Растерялся. Слишком давно с тобой не разговаривал... А вот и лошади. Он, кажется, и твою оседлал. Я не знал, что ты собираешься ехать вниз.

— Не собирался. Это, видно, Эмрисова затея.

Я не ошибся. Едва увидев нас на пороге, Артур крикнул:

— Я привел твою лошадь тоже, господин. Не проводишь ли нас немного?

— Если мы поедем моим ходом, а не твоим.

— Можно хоть шагом, если пожелаешь.

— Ну, на такую муку я тебя не обреку. Но пустим Ральфа вперед, хорошо?

Тропа вначале круто уходит под гору. Ральф ехал первым, Артур — за ним, и, видно, его вороная и впрямь была тверда на ногу, потому что Артур ехал, все время отвернув голову, занятый разговором со мной. Можно было подумать, не зная обстоятельств, что это мальчик, а не я, должен был наверстывать девять лет; я почти не задавал вопросов; все события его жизни, крупные и мелкие, сыпались у него с языка, и вскоре я уже знал о доме и домочадцах графа Эктора и о положении Артура среди них не меньше, чем знал сам мальчик. А кое-что и сверх того.

Потом мы выехали из сосняка на более отлогий склон, поросший дубами и каштанами, а еще через полмили уже трусили по ровной дороге над берегом озера. Каэр-Банног в лучах солнца колыхался на воде, скрывая в глубине под утесами свою тайну. Долина впереди нас раздалась вширь, и вскоре, одетые туманом, показались зеленые ряды ив, росших вдоль реки.

В том месте, где река вытекает из озера, я натянул поводья. Когда мы прощались, мальчик живо спросил:

— А можно мне скоро опять приехать?

— Приезжай, когда захочешь — когда сможешь. Но обещай мне одно.

Он насторожился — это означало, что его обещания, раз данные, неукоснительно исполняются.

— Что же?

— Не приезжай без Ральфа, или кто там тебя должен сопровождать. В следующий раз не удирай. Эта местность зовется Диким лесом недаром.

— О, я знаю, он считается заколдованным, но я не боюсь его обитателей, особенно теперь, когда я видел...— Он осекся и закончил фразу иначе, чем начал: — Когда там — ты. А что до волков, то у меня есть кинжал, и волки не нападают днем. К тому же нет такого волка, который мог бы догнать мою Звездочку.

— Я имею в виду другие породы зверей.

— Медведей? Кабанов?

— Нет. Людей.

— О! — произнес он, как пожал плечами.

Это была, конечно, отвага — здешний лес, как и любой другой, служил убежищем для разбойников, рассказы о которых он не мог не слышать,— но кроме отваги, еще и неведение. Так воспитал мальчика граф Эктор, что он, над чьей головой нависла постоянная угроза, чьи недруги рыщут по всем королевствам, он тем не менее об опасности знает только понаслышке!

— Ну хорошо,— сказал он.— Обещаю.

Я был удовлетворен. Лесные хранители будут, конечно, на страже, но тут нужна еще и другая охрана и забота — графа Эктора и моя.

— Мой поклон графу Эктору,— сказал я Ральфу и увидел по его лицу, что он понял мои мысли.

На том мы расстались. Я сидел в седле и смотрел им вслед — они ехали по травянистому берегу реки, вороная рвалась в галоп и закусывала удила, большая каурая Ральфа мерно трусила рядом, и мальчик что-то говорил, страстно жестикулируя. В конце концов он, как видно, добился своего, Ральф пустил в ход каблуки, и каурая ударилась в галоп. Вороная, отпущенная мгновением позже, устремилась вслед за ней. Когда двоих мчащихся всадников уже должна была скрыть от меня молодая березовая роща, меньший всадник обернулся в седле и махнул мне рукой. Началось.

Он вновь появился у меня на следующий же день, умеренным — напоказ — аллюром выехал на поляну, а сзади, отставая на полкорпуса, следовал Ральф. Артур привез мне в подарок яйца и медовые пироги, а также известие, что граф Эктор еще не

вернулся, но графиня возлагает надежды на благое влияние святого отшельника и с радостью отпускает мальчика ко мне. А граф сразу же по возвращении повидается со мной.

Это сообщение передал мне не Ральф, а сам Артур, он явно не усмотрел тут ничего сверх обычной строгой заботливости своего опекуна, которой, должно быть, втайне давно уже тяготился. Четыре яйца оказались разбиты.

— Только Эмрис,— съязвил Ральф,— мог вообразить, что сможет довезти яйца на своем бешеном коньке.

— Согласись, что всего четыре битых яйца — это неплохо.

— О да, только Эмрис мог так отличиться. Так спокойно я не ездил с тех пор, как вчера сопровождал тебя домой.

Потом он под каким-то предлогом оставил нас вдвоем. Артур вымыл яичный желток из гривы своей лошадки, а потом уселся со мной есть пирожки, а заодно засыпал меня вопросами о мире за пределами Дикого леса.

Через несколько дней Эктор возвратился в Галаву и сообщил мне через Ральфа, где и когда состоится наша встреча.

К этому времени по окрестным селениям, уж конечно, прошла молва о том, что юный Эмрис два или три раза ездил в лесную часовню, и никто бы не удивился, узнав, что граф Эктор или его хозяйка пожелали увидеть нового отшельника. Мы условились встретиться как бы случайно в усадьбе Федора... На самого Федора и его жену, мне сказали, вполне можно было положиться; остальные же люди увидят только, что отшельник, как всегда, заехал за провизией, а граф проезжал в это время мимо и воспользовался случаем потолковать с ним.

Нас проводили в небольшую задымленную комнатку, хозяин принес вино и ушел.

Эктор совсем не переменился, разве только в волосах и бороде прибавилось серебра. Я сказал ему это, когда мы поздоровались, и он рассмеялся:

— А чего же тут удивляться? Ты подбрасываешь в мое тихое гнездо золоченое кукушкино яйцо и ждешь, что я останусь таким же беззаботным, как прежде? Ну, ну, я пошутил. Ни я, ни Друзилла не согласились бы расстаться с нашим мальчиком. Чем дело ни кончится, а минувшие годы были для нас счастливыми, и если работа наша оказалась успешной, то ведь и материал для работы мы получили самый добротный.

И он стал рассказывать мне о годах своего опекунства. Пять лет — срок немалый, и ему было что рассказать. Я почти ничего не говорил и жадно слушал. Кое-что из того, о чем он вел речь, было мне уже известно — из картин в пламени или со слов самого мальчика. Но если я и знал кое-что о жизни Артура в Галаве, если о плодах его воспитания мог судить сам, зато из рассказа Эктора я составил себе представление о той горячей привязанности, какую питали он и его жена к своему воспитаннику. И не только они, но и все домочадцы Эктора, ничего не ведавшие о том, кто такой Артур, относились к нему с неизменной сердечностью. Я не ошибся в своем первом впечатлении: ему действительно свойственна была отвага, и быстрый ум, и горячая жажда совершенства. Недоставало, пожалуй, хладнокровия и осторожности, как и у его отца, но...

— Кому, черт возьми, нужна осторожность в юноше? Этой премудростью он легко овладеет, когда получит первую рану или — что куда хуже — встретит человека, который обманет его доверие! — сердито воскликнул Эктор, как видно раздираемый между гордостью за мальчика и верой в свое воспитательское искусство.

Но когда я заговорил о воспитании и хотел выразить свою благодарность, он меня решительно остановил:

— Ну а ты, я слышал, неплохо здесь устроился. Счастливый случай привел тебя в Зеленую часовню как раз ко времени, чтобы заступить на место старика Проспера.

— Случай? — переспросил я.

— А-а, чуть не позабыл, с кем разговариваю. Давно не было волшебника в наших краях. Ну, для такого наипростейшего смертного, как я, это выглядит как случай. Но случай или нет, а вышло очень удачно: в замке ты поселиться не мог бы, у нас есть один человек, который, оказывается, хорошо тебя знает,— Марцелл, тот, что женился на сестре Валерия. Он у меня учитель фехтования. Может быть, я не должен был его брать на службу, зная, что рано или поздно ты сюда вернешься, но он один из лучших воинов в королевстве, а нам тут на севере, видит бог, хорошие бойцы ой как нужны. К тому же он лучший в стране фехтовальщик. Ради мальчика я не мог упустить такой случай.— Он бросил на меня взгляд из-под насупленных бровей.— Чего ты смеешься? Или это тоже был не случай?

— Нет,— сказал я.— Это был Утер.— Я передал ему свой разговор с королем о воспитании Артура.— Как похоже на Утера послать человека, который знает меня! Он никогда не умел думать сразу о нескольких вещах Ну да ладно, я там не покажусь. Можешь ты найти подходящий предлог, чтобы мальчику ездить ко мне?

Он кивнул.

— Я представил дело так, что-де давно слышал о тебе, что ты человек ученый, много ездил по свету и можешь обучить мальчиков тому, чего они не узнают от аббата Мартина и святых братьев. Им будет позволено ездить к тебе, когда бы они ни пожелали.

— Они? Разве Кей не вырос из учеников, даже при необыкновенном учителе?

— Да он ради учения и не поедет,— сокрушенно, но не без гордости сказал отец.— Он вроде меня, мой Кей, ничего знать не желает, кроме искусства боя, так можно сказать, хотя, конечно, с юным Артуром ему, похоже, никогда не сравниться, этот обещает вырасти редким рубакой, но и Кей, он у меня упорный и старается изо всех сил. Ради книжной науки он сюда не зачастит, но ведь знаешь они какие, мальчишки,— что у одного есть, то и другому непременно подавай. Разве его удержишь дома, когда Артур ему столько всего понарассказывал. Малыш ни о чем другом не говорит, он даже Друзилле сказал, что его святой долг — каждый день ездить к тебе и смотреть за тем, чтобы у тебя вдоволь было еды. Хорошо тебе смеяться. Ты, может, заколдовал его?

— Разве что ненароком. Я буду рад снова повидать Кея. Он был славный малыш.

— Ему нелегко приходится,— сказал Эктор.— Меньшой, можно сказать, уже теперь ни в чем ему не уступает, даром что между ними разница в три года, а в будущем, глядишь, и превзойдет. А когда они были малышами, мой то и дело слышал: «Смотри, чтобы Эмрису досталось не меньше, чем тебе,— он приемный сын и гость». Может, не будь он у нас единственным, все было бы проще. Друзилла уж так старалась и Кею показать, что он родной сын, и того приголубить, чтобы не чувствовал себя посторонним. Кей молодцом держится с Артуром, хотя и ревнует иной раз, не без этого, но за будущее можно не беспокоиться,

поверь. Покажи ему, куда принести свою верность, и никакая сила его не собьет. В папашу пошел, неповоротливый пес, но уж вцепится — не отпустит.

Он говорил и говорил, а я сидел и слушал, вспоминая, как я сам при другом дворе рос, не то что Артур, на положении чужака и бастарда. Я был тих нравом и лишен талантов, которым мог бы позавидовать юноша или муж, тогда как Артур, по самой природе своей, должен выделяться среди сверстников в замке, точно большая стрекоза среди болотной мошкары.

Наконец Эктор вздохнул, допил вино и поставил кружку.

— Ну да это все теперь детские сказки и дела давно прошедшие. Кей сейчас все больше бывает со мною и с моими людьми, и спутником Артура будет Бедуир. Говоря «они», я подразумевал не Кея. У нас теперь есть еще один мальчик. Я привез его с собой из Йорка. Это сын Бана Бенойкского. Знаком ты с ним?

— Да, знаю такого.

— Он попросил меня взять Бедуира на год-другой. Прослышал, что у меня живет Марцелл, и хочет, чтобы Бедуир тоже у него поучился. Он примерно одних лет с Артуром, так что я не огорчился, когда услышал предложение Бана. Мальчик тебе понравится. Тихого нрава и не то чтобы семи пядей во лбу, так мне аббат Мартин сказал, но славный и к Эмрису привязался. Против них двоих даже Кей и тот поостережется выйти. Так что вот оно как обстоят дела. Только бы аббат Мартин не вздумал вставлять палки в колеса.

— С чего бы ему?

— Мальчик был окрещен в христианскую веру. А в Зеленой часовне... В последние-то годы Проспер служил Богу, но люди знают: в свое время здесь всякие божества обитали, а не только истинный Христос. Ты-то сам в часовне какой порядок завел?

— Я воздаю каждому богу, какой мне встретится на пути,— ответил я.— Так велит в наши дни здравый смысл, да и простая вежливость тоже. Мне иногда кажется, что боги сами еще здесь не вполне разобрались. Часовня открыта воздуху и лесу, кто пожелает, пусть входит.

— А как же Артур?

— Выросши в христианском доме, Артур должен почитать христианского Бога. А вот как будет на поле боя — это уже другой разговор. Я еще не знаю, от которого из богов он получит

меч,— знаю только, что Христос к мечу был не очень-то склонен. Ну да посмотрим. Налить тебе еще вина?

— Что? А-а, спасибо.— Эктор встрепенулся, сморгнул, облизнул губы и заговорил на другую тему: — Ральф говорил, ты спрашивал о засаде под Медиобогдумом пять лет назад. Так вот, это были разбойники, и никто больше. Отчего ты спрашивал? Разве есть признаки, что кто-то сейчас интересуется?

— У меня тоже были кое-какие неприятности на пути с юга,— ответил я.— Но Ральф говорит, что тут не было ничего.

— Ничего. Я сам дважды ездил в Винчестер и один раз в Лондон, и ни одна живая душа не подходила ко мне с расспросами, а уж без этого бы никак не обошлось, если бы там хотя бы подозревали, что мальчик где-то на севере.

— И Лот с тобой не заговаривал и не выказывал интереса?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Этот-то? От него всего можно ожидать. Тут у нас на севере куда спокойнее бы жилось, если б только этот господин занимался делами своего королевства, а не зарился на верховный престол.

— Значит, вот как люди говорят? Он метит на место короля, а не просто к нему в приближенные?

— Куда бы он ни метил, но помолвка между ним и Моргианой уже заключена, и свадьба состоится, как только ей исполнится двенадцать лет. Теперь, даже захоти Утер, все равно от этого союза не отвертеться.

— А тебе он не по душе?

— Да в наших краях он никому не по душе. У нас говорят, что Лот все время раздвигает свои границы и пользуется для этого не одним только мечом. Рассказывают о сговорах. Если он заберет в свои руки слишком много силы, глядишь, после смерти верховного короля у нас снова начнется время Волка. Что ни весна — саксонские набеги на побережье, раздоры да пожары до самых Пеннин, за саксами — ирландцы туда же, а нашим только и остается — уходить в горы и искать укрытия среди неприютных утесов.

— Давно ли ты видел короля?

— Три недели назад. Он стоял в Йорке и послал за мной. Расспрашивал с глазу на глаз про мальчика.

— Каков он был на вид?

— Неплох как будто, но пружина выпала. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Вполне. А Кадор Корнуэльский был с ним?

— Нет. Он тогда еще находился в Каэрлеоне. Я потом слышал, что он...

— В Каэрлеоне? — резко переспросил я.— Сам Кадор был там?

— Да,— подтвердил Эктор, удивленный.— Он возвратился, еще когда ты был у себя. Разве ты не знал?

— Должен был знать,— с досадой ответил я.— Он послал вооруженный отряд обыскать мой дом в Брин-Мирддине и выследить, куда я отправлюсь. Я, мне кажется, сумел от них улизнуть, но обнаружилось, что меня выслеживают два отряда, а такой возможности я не предусмотрел. Уриен Горский тоже заслал своих людей в Маридунум, и они по моему следу добрались до Гвинедда.— Я рассказал ему про Кринаса и отряд Уриена. Он слушал, хмурясь. Я спросил: — А здесь эти люди — не слышно, чтобы появлялись? Они вопросов не задают, а высматривают и прислушиваются. Выжидают.

— Нет. Объявись здесь чужие люди, об этом стало бы известно. Ты, верно, сбил их со следа. И не беспокойся, люди Кадора сюда не заедут. Он теперь в Сегонтиуме, ты знал об этом?

— Когда я был там, говорили, что ожидается его приезд. Ты не знаешь, он что, собирается обосноваться теперь в Сегонтиуме, раз Утер поставил его командовать обороной Ирландского берега? Нет ли слухов о новых защитных сооружениях?

— Слухи-то есть, но едва ли пойдет дальше разговоров. На такое дело понадобится больше времени и средств, чем найдется у Утера. Кадор, если я верно понимаю, оставит гарнизон в Сегонтиуме и в береговых крепостях, а сам расположится в глубине, где можно стоять наготове с большими силами, чтобы бросить их в место удара. Возможно, в Дэве. Сам король Регеда находится в Лугуваллиуме. Мы делаем, что в наших силах.

— А Уриен? Надеюсь, сосредоточил полки у себя на востоке?

— Да, вгрызся в свои утесы,— с мрачной похвалой отозвался Эктор.— И в одном можно не сомневаться. Покуда Лот не обвенчается с Моргианой в присутствии всех епископов королевства и не представит неоспоримых доказательств осуществления брака, он не станет свергать Утера и Уриена на него не напустит.

Артура же им не найти. Если они за девять лет не разнюхали, где мальчик, теперь уж не учуют. Так что будь спокоен. К тому времени, когда Моргиана отпразднует свое двенадцатилетие и будет готова взойти на брачное ложе, Артуру исполнится четырнадцать и настанет срок, назначенный Утером, чтобы явить его людям. Вот тогда-то и придет черед разделаться с Лотом и Уриеном, ну а если это случится раньше — что делать, значит, так судил бог.

На том мы расстались, и я один вернулся в часовню.

Глава 4

После этого Артур иногда с обоими мальчиками, но чаще с одним Бедуиром приезжал ко мне в святилище раза два-три в неделю. Кей был крупный белокурый крепыш, лицом очень похожий на отца, он обходился с Артуром любовно, но покровительственно и чуточку насмешливо — такое обращение не могло не доводить временами младшего до бешенства. Но Артур был тоже очень привязан к своему названому брату и хотел непременно разделить с ним удовольствие, которое, по-видимому, получал от этих посещений. И Кей с интересом слушал мои рассказы о дальних странах, описания битв, походов и завоеваний, но скоро уставал и отвлекался, когда мы обсуждали чужие обычаи и образы правления, легенды и верования, о которых так любил слушать Артур. Со временем Кей стал все чаще оставаться дома, предпочитая (как докладывали мне мальчики) отправляться с отцом на потехи или по делам — иногда на охоту, иногда в дозор, а случалось изредка, что и в гости к кому-нибудь из соседей. На второй год я Кея уже почти не видел.

Бедуир был совсем другой — тихий мальчик одного возраста с Артуром, ласковый и мечтательный, как поэт, он был рожден играть в жизни вторую скрипку. Они с Артуром были точно два бока одного яблока. Бедуир, как верный пес, во всем следовал за ним, не скрывая своей любви, но, несмотря на мягкий нрав и поэтичный взор, был мужествен и прям. Собой он был дурен — нос приплюснут в какой-то давней драке и заметно искривлен, на щеке шрам от ожога. Но он был мальчик с характером и притом добрый, и Артур любил его. Как сын пусть мелкого, но короля, Бедуир был по рождению выше Кея, а уж Артуру, по представлениям мальчиков, до него было как до неба. Одна-

ко ни Бедуиру, ни Артуру это и в голову не приходило; первый предлагал преданность, второй принимал ее.

Как-то я спросил у них:

— А вы знаете историю Бисклаварета — человека, который стал волком?

Бедуир, не тратя попусту времени на ответ, извлек из-под покрывала арфу и бережно поставил у моих ног. Артур лежал, подперев кулаком подбородок, на моем ложе, в глазах у него плясало пламя — был промозглый вечер поздней весны,— и он нетерпеливо сказал:

— Да ладно тебе. Бог с ней, с музыкой. Как же это было?

Бедуир примостился, подогнув коленки, рядом с ним на одеяле, а я настроил струны и начал.

Это волшебная история, и Артур слушал, весь светясь, Бедуир же совсем притих, обратив ко мне лицо — одни глаза. Уже стемнело, когда они собрались в тот вечер домой в сопровождении здоровяка слуги, который был к ним приставлен. А назавтра Артур приехал один и рассказал мне, что ночью Бедуира мучили кошмары.

— Но знаешь ли, Мирддин, когда мы вчера возвращались домой и он был еще весь полон твоим рассказом, что-то вдруг мелькнуло за деревьями, мы подумали: волк, и Бедуир заставил меня ехать между ним и Лео. Я знал, что ему страшно, но он сказал, его право — защищать меня, и я думаю, он прав, ведь он — королевский сын, а я...

Он не договорил. Впервые он так близко коснулся этой скользкой темы. Я не произнес ни слова. Я ждал.

— ...а я — его друг.

Мы поговорили с ним о природе храбрости. Момент прошел. Позднее я вспоминал его слова о Бедуире. Вспоминал не раз в последующие годы, когда в обстоятельствах, куда более сомнительных, верность Бедуира Артуру оставалась неколебимой.

А сказал он мне — серьезно, будто в свои девять лет действительно понимал такие вещи,— вот что:

— Бедуир — самый храбрый спутник и самый верный друг на свете.

Эктор и Друзилла, разумеется, позаботились о том, чтобы Артуру было известно все, что полагается, о короле и королеве. Знал он также, не хуже всякого в стране, и про юного престолонаследника, который в Бретани, на Стеклянном острове, в башне у Мерлина, ждет своего часа. Один раз он сам пересказывал мне расхожую легенду о «тинтагельском обмане». Рассказ, передаваемый из уст в уста, со временем украсился многими живописными подробностями. Получалось так, что якобы Мерлин волшебством перенес короля и его свиту, вместе с конями, невидимо, прямо в стены замка, а на следующее утро, при ясном свете, их оттуда вынес...

— И рассказывают,— заключил Артур,— что всю ту ночь на башнях замка спал, свернувшись кольцами, огромный дракон, и утром Мерлин улетел на нем, оставив за собою огненный след.

— Вот как? Этого я никогда не слышал.

— А ты разве знаешь эту историю? — спросил Бедуир.

— Я знаю одну песню,— ответил я.— Она ближе к истине, чем все, что вы могли услышать здесь на севере. Я выучил ее от человека, который некогда жил в Корнуолле.

В тот день с ними был Ральф, он слушал наш разговор и молча усмехался. Я посмотрел на него, вопросительно подняв брови, и он незаметно покачал головой. Как я и думал, Артуру не рассказывали, где он родился. И мудрено было об этом догадаться: выговор у него был скорее северный.

В тот вечер я поведал мальчикам правду, как ее знал — а кому и знать, как не мне? — без причудливых украшений, которые привнесло время и человеческое неведение. Видит бог, она и без того была вполне волшебной: воля богов и людская страсть, под покровом ночи стремящиеся на свет одной большой звезды, и посев, из которого должен был вырасти король.

— Так исполнилась божья воля и воля короля, а люди — люди, как им свойственно, ошибались и расплачивались за ошибки жизнью. Когда же настало утро, маг уехал один-одинешенек — лечить сломанную руку.

— И никакого дракона? — услышал я от Бедуира.

— Никакого дракона.

— А мне с драконом больше нравится,— упрямо сказал Бедуир.— Я все равно буду верить в дракона. Уехал один-одинешенек — ну куда это годится? Настоящий маг ни за что бы так не уехал, ведь верно, Ральф?

— Ну конечно,— подтвердил Ральф, подымаясь с места.— А вот нам пора. Смотрите, уже смеркается.

Но его словам не вняли.

— Знаете, что мне непонятно,— продолжал Бедуир.— Не понимаю я такого короля, которому лишь бы добиться женщины, а целое королевство пусть горит огнем. Добрый мир с вассалами стоит куда больше любви какой-то женщины. Я бы в жизни не поставил под удар важные вещи ради такой малости.

— И я бы тоже,— проговорил Артур, помолчав, и видно было, что поразмыслив.— Но все равно понять это я, кажется, могу. Любовь нельзя сбрасывать со счетов.

— Но нельзя и жертвовать ради нее дружбой,— тут же возразил Бедуир.

— Это конечно,— согласился Артур.

Я видел, что он думает о чувствах вообще, в то время как для Бедуира речь шла об одной определенной дружбе, одной определенной любви.

Ральф заговорил было снова, но в это время мелькнула большая тень, на мгновение затмив свет лампы. Мальчики даже не взглянули вверх, ведь то была лишь старая белая сова, бесшумно влетевшая в окно и севшая на стропило. Но ее тень скользнула по моим плечам, точно ледяная ладонь. Я содрогнулся. Артур бросил на меня быстрый взгляд.

— Что с тобой, Мирддин? Это же только сова. А у тебя такое лицо, будто ты увидел призрак.

— Пустяки,— сказал я.— Сам не знаю, что мне померещилось.

Тогда я и вправду не знал, зато теперь знаю. Мы разговаривали, как обычно, на латыни, но промелькнувшую тень он назвал кельтским словом: гуенхвивар — «белая тень».

Позаботился я и о том, чтобы рассказать мальчикам об их родной стране и о ее недавнем прошлом, об Амброзии и о войне, которую он вел против Вортигерна, и о том, как он объединил разные королевства, провозгласил себя верховным королем, повсеместно установил в своих землях законность, утвердив ее силою меча, так что какое-то время можно было мирно ездить из конца в конец по всей стране, не подвергаясь опасностям, а если кто и терпел обиду, всегда и против всякого, кто бы он ни был, мог получить у короля защиту и правосудие. Раньше мальчикам рассказывали это как историю, я же все видел своими

глазами и был ближе других к тому, что свершалось, постоянно находясь при верховном короле, а в иных случаях и сам участвуя в возведении нового государства. Об этом мальчики, понятно, не должны были догадываться; я объяснил им просто, что был с Амброзием в Бретани, а затем и в битве у Каэрконана и в последующие годы восстановления. Каким образом это получилось, они никогда у меня не спрашивали, вероятней всего из деликатности, чтобы мне не пришлось рассказывать, как я служил в какой-нибудь низкой должности, вроде подручного у строителей или писца. Зато, помню, Артур просто забросал меня вопросами о том, как граф Британский — этим именем называл себя тогда Амброзий — собрал, обучил и снарядил армию, как переправил ее через Узкое море в землю думниониев, утвердил там знамя верховного короля и оттуда двинулся на север, чтобы огнем и мечом вытеснить Вортигерна из Доварда и наконец уничтожить огромное саксонское войско под Каэрконаном. Об организации, обучении и стратегии от меня требовался рассказ со всеми возможными подробностями, и каждую стычку с врагом, какую мне удавалось припомнить, мальчики по нескольку раз переигрывали на вычерченной в пыли карте.

— Говорят, скоро снова будет война,— жаловался Артур,— а я еще слишком молод и не смогу принять участие в деле.

Он сокрушался об этом не таясь, как пес, которого погожим осенним утром хозяин не взял на охоту. А ему через три месяца исполнялось десять лет.

Естественно, разговоры были не только о войне и высоких материях. В иные дни мальчики резвились, как два щенка, бегали, возились, скакали взапуски вдоль берега реки, купались нагишом в озере, распугивая всю рыбу на мили в округе, или брали луки и уходили с Ральфом вверх по склону горы стрелять голубей и зайцев. Иногда отправлялся с ними и я, но охота не принадлежит к числу моих любимых забав. Иное дело — когда мне взбредало на ум вытащить рыболовную снасть, оставшуюся после старика отшельника, и попытать счастья в светлых водах озера. Там мы проводили время с большой приятностью, Артур удил нетерпеливо и неудачно, я наблюдал за ним, и при этом мы тихо беседовали. Бедуир рыбную ловлю не любил и уходил с Ральфом в лес, но Артур даже в те дни, когда ветер и непогода не сулили

рыбакам успеха, все равно предпочитал оставаться со мной, а не искать иных забав под присмотром Ральфа.

Теперь, оглядываясь назад, я вспоминаю, что такое положение меня ничуть не удивляло. В этом мальчике была вся моя жизнь, любовь к нему наполняла каждый мой час, и я ни о чем не задумывался, принимая как подарок небес его откровенную тягу ко мне. Я просто говорил себе, что у него есть потребность отдохнуть от многолюдного житья в замке и от покровительства старшего брата, готовящегося занять место в жизни, о котором он, Артур, не вправе даже мечтать, что ему хочется побыть с Бедуиром в мире вымыслов и героических деяний, где он чувствовал себя в своей стихии. Приписывать его склонность любви я себе не позволял, да если бы и догадывался о природе его чувств, я тогда не вправе был ей потворствовать.

Бедуир прожил в Галаве год с небольшим и поздней осенью, незадолго до одиннадцатого дня рождения Артура, уехал домой, с тем чтобы летом вернуться обратно. После его отъезда Артур одну неделю открыто хандрил, другую был неузнаваемо тих, а потом разом встрепенулся, взбодрился и зачастил ко мне пуще прежнего, пренебрегая ноябрьским ненастьем.

Не знаю, под каким предлогом Эктор так часто отпускал его ко мне. Вернее всего, никаких предлогов и не требовалось: мальчик выезжал из дому чуть не всякий день, не глядя на погоду, и, если сам не объявлял, куда едет, обычно никто его и не спрашивал. Было, разумеется, известно, что Артур — частый гость у мудреца в Зеленой часовне, но если кто и задумывался об этом, то разве чтобы похвалить мальчика, что он водит дружбу с ученым человеком, и больше уже к этой мысли не вернуться.

Я не делал попыток обучать Артура, как в свое время обучал меня мой наставник Галапас. Чтение и счет его мало интересовали, а навязывать учение мне не хотелось: став королем, он сможет пользоваться в этих делах услугами других людей. Школьные науки ему в достаточной мере преподавали аббат Мартин и его монахи. Я обнаружил у мальчика склонность к языкам сродни моей собственной: помимо местного кельтского наречия, он помнил еще бретонский язык своего раннего детства, а Эктор, памятуя о будущем, постарался исправить его северный выговор, так чтобы речь его была понятна повсюду в Британии. Я решил обучить его древнему языку, но с изумлением обнаружил, что он

уже немного знаком с ним и способен понять медленно произнесенную фразу. Я поинтересовался: откуда? Он удивленно посмотрел на меня и ответил:

— От жителей гор, само собой. Кроме них, на древнем языке теперь не говорит никто.

— А ты разве с ними разговаривал?

— О да. Один раз, когда я был маленький, лошадь сбросила солдата, с которым я катался, он сильно расшибся, и тогда появились двое жителей гор и помогли. Они, похоже, знали, кто я.

— Вот как?

— Да. После этого я часто встречался с ними в разных местах и научился немного по-ихнему разговаривать. Но я хотел бы выучиться лучше.

Другие мои искусства, музыку и медицину, и так любовно накопленные сведения о зверях и птицах и прочей живности я ему передавать не пытался. Зачем? Они ему не понадобятся. Звери интересовали его только как объект охоты, и тут о повадках дикого оленя, волка или кабана он уже знал, пожалуй, не меньше моего. Не делился я с ним и моими знаниями о машинах: их для него опять-таки будут изобретать и строить другие; ему надо было только разбираться в их употреблении, а этому, как и разным приемам ведения войны, он с успехом обучался у воинов Эктора. Но как некогда Галапас меня, так я научил его чертить и понимать карту, а заодно и показал ему карту звездного неба.

Однажды он спросил:

— Почему ты иногда смотришь на меня так, словно я тебе кого-то напоминаю?

— Разве я так смотрю?

— Сам знаешь, что смотришь. Кого же?

— Меня самого. Немножко.

Он поднял голову от карты, которую мы с ним изучали.

— Как это понимать?

— Я ведь говорил тебе, в твоем возрасте я тоже ездил в горы в гости к моему другу Галапасу. Мне вспомнилось, как он впервые показал мне карту. Он заставлял меня трудиться куда больше, чем я тебя.

— А-а.

Больше он тогда ничего не сказал, но вид у него был разочарованный. Откуда он взял, удивился я, что от меня сможет узнать

тайну своего рождения? Только потом мне пришло в голову, что он, должно быть, хотел, чтобы я все это просто для него «увидел». Может быть. Но просить он меня не стал.

Глава 5

Прошел еще год и еще, а война все не начиналась. Но в тринадцатую весну Артура Окта и Эоза бежали из заточения и укрылись на юге у союзных саксов. Поговаривали, что в побеге им помогли лорды, на словах преданные Утеру. Прямо винить Лота или Кадора оснований не было, имена предателей не назывались, но слухи ползли упорно, и по всей стране нарастало беспокойство. Выходило так, что все старания Амброзия насильственно объединить государство пропали втуне: каждый мелкий король радел, подобно Лоту, только о своих выгодах и своих границах. А Утер был уже не тот, что прежде, блистательный воитель, восхищавший и устрашавший соседей, он теперь слишком зависел от союзников и потому сквозь пальцы смотрел, как они набирают силу.

Вторая половина года прошла сравнительно спокойно — были, конечно, как обычно, набеги с севера и с юга на дикие спорные земли по обе стороны от Адрианова вала, и летом на восточное побережье несколько раз высаживались саксы и не встретили — как говорили люди — надлежащего отпора от тех, кому была поручена защита. На западном побережье из-за штормов в Ирландском море было тихо, и я получил известие, что Кадор приступил к восстановлению фортификаций в Сегонтиуме. Король Утер не слушал советников, которые твердили ему, что беды следует ждать прежде всего с севера, и пребывал между Лондоном и Винчестером, занимаясь главным образом охраной Саксонского берега и укреплением вала Амброзия и держа наготове ударные силы, чтобы бросить их туда, где враг вторгнется в наши пределы. Тогда еще мало что могло привлечь его внимание к северу: о великом наступательном союзе заморских племен ходили только самые туманные слухи, а на южном берегу весь год продолжались мелкие набеги, и там королю постоянно приходилось их отражать. Королева между тем покинула Корнуолл и со всей своей свитой перебралась в Винчестер. Туда король приезжал к ней, когда только мог. От людей, конечно, не укрылось, что он больше не оказывает внимания другим женщинам, но о бессилии речи не было: красавицы, которым пришлось с ним столкнуться, приписали королевскую слабость временному недомоганию и помалкивали. Видя, что он теперь все свободное время проводит у королевы, люди стали говорить, что он дал ей обет верности. И если кое-кто из женщин и оплакивал потерю любовника, зато отцы семейств, привыкшие запирать дочек при известии о приезде короля, теперь радовались и восхваляли его за то, что к доблести он добавил добродетель.

А доблесть к нему, по-видимому, действительно вернулась, хотя рассказывали, что он стал неспокоен и раздражителен и порой выказывал зверскую жестокость к побежденным врагам. Впрочем, это скорее одобрялось как проявление силы в минуту, когда сила была стране необходима.

Сам я сумел исчезнуть с людских глаз вполне незаметно. Если кто и выражал недоумение по этому поводу, то одни предполагали, что я переплыл обратно через Узкое море и отправился в путешествие, а другие — что уединился в каком-то новом укрытии и опять предался наукам. Я слышал от Ральфа и Эктора — а иногда и от ничего не подозревающего Артура,— что сведения обо мне приходили из разных концов страны. Рассказывали, что, как только Утер занедужил, тут же к берегу в золотой барке под алым парусом пристал Мерлин, пересел на коня и поскакал в замок, а исцелив короля, исчез, растворившись в воздухе. Потом его якобы видели в Брин-Мирддине, хотя как он туда приехал, никто не заметил. (А ведь я менял лошадей в обычных местах и ночевал всегда в придорожных тавернах.) После же этого, рассказывали, маг Мерлин завел привычку появляться в самых разных уголках страны и тут же исчезать. Он исцелил больную женщину близ Акве Сулис, а неделей позже был встречен людьми за четыреста миль оттуда, в Каледонском лесу. Россказни эти множились, сочиняемые досужими людьми, которые стремились придать себе значительности передачей таких «новостей». Иной раз, как случалось и прежде, какой-нибудь бродячий лекарь или самозваный прорицатель объявлял себя «новым Мерлином», а то и прямо присваивал мое имя: это внушало больным доверие и в случае выздоровления не причиняло вреда; если же больной умирал, люди потом говорили: «Значит, это был все-таки не Мерлин, его бы чары подействовали обязательно». Лже-

мерлин к этому времени бывал уже далеко, а моя врачебная слава не страдала. Так я хранил тайну и не терпел урона. Незаметного отшельника в Зеленой часовне не касалось никакое, даже минутное, подозрение.

Изредка мне удавалось переправить королю успокоительное известие. Больше всего я опасался, что у него не хватит терпения и он либо раньше срока потребует мальчика к себе, либо же своими неосторожными действиями выдаст Эктора и меня находящимся при нем соглядатаям. Но Утер молчал. Эктор в разговоре со мной как-то признался, что не понимает, чем руководствуется король: то ли по-прежнему считает, что мальчику быть при нем в Лондоне пока опасно, то ли в глубине души еще надеется вопреки очевидности, что у него родится другой сын.

Я же полагал, что ни то ни другое. Беднягу Утера одолевали заботы, измены, немочи, к которым он был так непривычен; к тому же в ту зиму и королева начала прибаливать. Ему просто было недосуг, мысли не доходили до незнакомого мальчишки, который живет где-то и дожидается своего срока, чтобы перенять у него то, что ему день ото дня становилось все труднее удерживать.

Что же до королевы, то я за эти годы много раз дивился ее молчанию. Ральф как-то ухитрился тайно поддерживать связь со своей бабкой и через нее извещал королеву о благополучии ее сына. Но Игрейна, насколько можно было судить по рассказам, хоть и любила свою дочь Моргиану и, наверно, сына тоже могла бы полюбить, тем не менее оказалась способна вполне, на мой взгляд, равнодушно смотреть, как ее детей делают орудиями королевской политики. Моргиана и Артур были для нее лишь залогами ее любви к королю: дав им жизнь, она сразу же вновь всем существом обращалась к мужу. Артура она почти не видела и довольствовалась сознанием, что в один прекрасный день, когда понадобится королю, он явится, молодой и могучий, из своего тайного убежища и окажет королю поддержку. А Моргиану, единственную дочь, которой она отдала всю свою материнскую ласку, она соглашалась (бровью не поведя, как было сказано в письме Марсии) отдать замуж в чужие края, что должно было привлечь холодное северное королевство и его сумрачного властелина на сторону Утера в предстоящей борьбе. Когда я рассказывал Артуру о всепожирающей страсти, которая некогда овладела Утером и Игрейной, я и вполовину не передал того, что было на

самом деле. Игрейна и теперь была прежде всего возлюбленной Утера и только потом королевой: мать королевских детей, она интересовалась ими не больше, чем ястреб, когда его птенцы слетают с гнезда. Так оно было и лучше для нее. И для Артура, я полагал, тоже. Все, что ему было теперь нужно, он получал от Эктора и его достойной супруги.

Я не поддерживал связи с Брин-Мирддином, но каким-то кружным путем Эктор добыл для меня оттуда свежие вести. Стилико женился на Мэй, дочке мельника. Родился у них мальчик. Я послал Стилико поздравления и денег в подарок, а также самые страшные заклятия, чтобы он не допустил жену или сына прикоснуться к книгам и инструментам, хранящимся в пещере. После этого я забыл о них.

Ральф тоже обзавелся женой на второе лето моей жизни в Диком лесу. Резоны у него были иные: он очень долго добивался своей избранницы и обрел счастье на ее ложе только после христианского бракосочетания. Даже если бы я и не знал, что эта девушка добродетельна и что Ральф томился по ней больше года, как жеребчик в загоне, легко было бы об этом догадаться, видя, как развернулись, расцвели его освобожденные силы. Она была пригожа, приветлива и мила и вместе с девством отдала ему всю свою преданность и любовь. Что же до Ральфа, то он был обыкновенный молодой человек и, как все, не отказывался при случае от плотских радостей. Однако после женитьбы, насколько знаю, никогда не смотрел на сторону, хотя был хорош собой и в позднейшие годы, естественно, пользовался большой милостью у короля, и многие были бы рады воспользоваться им для достижения влияния, заодно с удовольствием. Но он был не из таких.

Я думаю, люди в Галаве не могли взять в толк, почему такой блестящий молодой джентльмен остается дядькой при Экторовом приемыше, тогда как даже юный Кей ездил с отцом и его ратниками, если возникала тревога, но Ральф имел характер твердый и на насмешки не поддавался и к тому же мог сослаться на строгий графский приказ. Сложнее было бы, наверное, если бы его вздумала упрекать молодая жена, но она уже ждала ребенка и только рада была, что муж всегда дома, при ней. Сам Ральф, конечно, немного томился, я знаю, но однажды в доверительном разговоре со мной сказал, что, если только Артур станет признанным наследником престола и займет свое законное мес-

то при короле, он, Ральф, будет считать свою жизнь прожитой не зря.

— В ту ночь в Тинтагеле ты говорил, что нас ведут боги,— напомнил он мне.— Я — не ты и с богами дружбу не вожу, но я не представляю себе юноши, который был бы более достоин принять меч верховного короля, когда Утер выпустит его из рук.

И все, что я слышал об Артуре, служило тому подтверждением. Когда я спускался в селение за провизией или в таверну — узнать последние новости, рассказы об Экторовом приемыше Эмрисе были у всех на устах. Уже в те времена его личность накапливала вокруг себя легенды, как капель с пещерного свода накапливает слои извести.

Один человек в переполненной таверне рассуждал при мне так:

— Говорю вам, ежели бы мне кто сказал, что он — Драконова семени, ублюдок покойного верховного короля, я бы вот ей-же-ей поверил.

Люди закивали, и кто-то заметил:

— Ну так и что ж? Утеровым-то щенком он вполне бы мог оказаться. И то странное дело, что их тут толпы не ходят. Уж он юбочник был, каких свет не видывал, покуда с хвори его на добродетель не потянуло.

Другой возразил:

— Будь у него тут дети, он бы их беспременно признал.

— Это уж точно,— подхватил первый.— Истинно так. У него стыда сроду было не больше, чем у быка. Да и чего бы ему стыдиться? Вон девчонка, что он родил в Бретани, Моргауза ее вроде звать, при дворе живет в почете, и всюду, где король, там и она. Про троих его отпрысков только и известно: две девчонки да принц, что воспитывается при каком-то иноземном дворе.

Затем разговор, как обычно в те дни, перешел на престолонаследие и на юного принца Артура, который растет в дальнем королевстве, куда перенес его маг Мерлин.

А между тем прятать его, как видно, уже оставалось недолго. Глядя, как он на полном скаку выезжает из лесу по горной тропе, как ныряет и борется с Бедуиром в летних водах озера или жадно впитывает мои чудесные рассказы, как впитывает почва влагу дождя, я только диву давался: неужели не видят другие исходящего от него царственного сияния, подобного тому, что источал меч на алтарном камне в моем ослепительном видении.

Глава 6

А потом наступил год, который даже теперь называется Черным годом. Артуру исполнилось тринадцать. В Рутупиях от какой-то заразы, подхваченной в долгом заточении, умер саксонский вождь Окта; его кузен Эоза отправился в Германию, встретился там с сыном Окты Колгримом, и нетрудно догадаться, о чем они там сговорились. Король Ирландии переплыл море, но высадился не на Ирландском берегу, где его поджидали Кадор под Дэвой и Маэлгон Гвинеддский за поспешно восстановленными укреплениями Сегонтиума; нет, его паруса объявились у побережья Регеда, и он ступил на сушу в Стрэтклайде, где был дружески принят пиктскими вождями. У них был договор с Британией еще со времен Максена, подтвержденный при Амброзии; однако сегодня уже нельзя было предугадать, какой ответ они дадут на ирландские предложения.

А тут еще и другие беды, чувствительнее этих, обрушились на страну. Пришел голод. Весна выдалась долгой, холодной и дождливой, вода не сходила с полей, когда давно уже прошли сроки сева и хлебам пора было зазеленеть на пашнях. По всему югу падал скот, в Галаве дохли даже неприхотливые сизорунные овцы, болезнь разъедала им ноги, и они не могли пастись на верещатниках по склонам гор. Поздние заморозки погубили садовый цвет, а зеленя если где и встали, то бурели и сгнивали на корню в затопленных полях. С севера шли зловещие слухи. Один друид потерял голову и поносил Утера за то, что тот увел страну от старой веры, а некий христианский епископ в церкви с амвона провозгласил Утера язычником. Рассказывали о каком-то покушении на жизнь короля и о жесточайшей расправе, которую он учинил над виновниками.

Так, в бедствиях, прошли весна и лето, и к началу осени страна превратилась в бесплодную пустыню. Люди мерли с голоду. Пошли толки, что на Британии лежит проклятье, но как считать, то ли бог гневался за то, что в сельские святилища все еще несли жертвы, или же древние божества гор и лесов негодовали на всеобщее небрежение,— этого никто не знал. Одно было бесспорно: земля оскудела, и короля Утера донимала немочь. В Лондоне собрался совет знати и потребовал, чтобы король назвал своего наследника. Но, как рассказывал мне Эктор, Утер все еще

медлил, не зная наверняка, кто ему друг, кто недруг; он ответил только, что сын его жив и здравствует и весной на пасхальном пиршестве будет представлен лордам. А тем временем дочь его Моргиану, достигшую двенадцатилетнего возраста, должны были к Рождеству увезти для бракосочетания на север.

Осенью погода переменилась. Стало сухо и тепло. Погибший урожай и издыхающий скот это уже не могло спасти, но люди, истосковавшиеся по солнечным лучам, немного отогрелись, и редкие плоды, уцелевшие на ветвях после весенних бурь и летней сырости, все же успели теперь вызреть. В Диком лесу клубились, расползаясь меж стволов, утренние туманы и всюду, куда ни глянь, переливалась алмазами сентябрьская паутина. Эктор уехал из Галавы для встречи с Регедом и его союзниками под Лугуваллиумом. Король Ирландии отплыл обратно к себе домой, и в Стрэтклайде по-прежнему царил мир, но надо было выставить защиту от Итуны до Лугуваллиума, и дело это предполагалось возложить на Эктора. Кей отправился с отцом. Артур, без каких-то трех месяцев четырнадцати лет от роду и ростом с шестнадцатилетнего юношу, уже и теперь, по утверждению Ральфа, отлично владеющий мечом, горько обиделся и замкнулся в себе. Он почти все время проводил в лесу, иногда со мной (хотя не так часто, как прежде), но большей частью, рассказывал мне Ральф, охотясь или носясь верхом по каменистым склонам.

— Хоть бы уж король предпринял какой-нибудь шаг,— вздыхал Ральф.— Не то мальчик сломает себе шею. Он словно чувствует, что его что-то ожидает в будущем, а что — не догадывается и не знает покоя. Как бы он не убился, честное слово. На эту его новую лошадь, он зовет ее Канрит, я, если правду сказать, сам бы по своей воле никогда не сел. Зачем только Эктор ему ее подарил — понять не могу. Хотел вину, что ли, свою искупить, что не берет его с собой?

Наверное, Ральф был прав. Этого белого жеребца Эктор оставил у Артура, отправляясь с Кеем в Лугуваллиум. Бедуир тоже уехал, а ведь был не старше Артура. Трудно же было, я думаю, Эктору объяснить, почему остается дома Артур. Но пока молчит Утер, он ничего не мог сделать.

Наступило сентябрьское полнолуние. В небе сияла большая луна, которую у нас зовут «урожайной». Погожими теплыми ночами она бесполезно изливала свет на мертвые нивы, освещая разве грабителей, выходящих ночью из укрытий, чтобы напасть

на отдельно расположенные усадьбы, да военные отряды, с утра до ночи и с ночи до утра перебрасываемые по дорогам из одной опасной точки в другую.

Стояла одна из таких ночей. Я не мог уснуть. Болела голова. Я чувствовал, как меня обступают призраки, как близятся видения. Но образы не обретали цвета и очертаний, голоса молчали. Так мучает предчувствие грозы, охватывая тело словно душным одеялом, а молния все никак не взблеснет и дождь не хлынет, не промоет обложенные тучами небеса. Потом пришел долгожданный рассвет, туманный и серый, я встал, взял хлеба и горсть олив из кувшина и спустился по лесной тропе к берегу озера, чтобы смыть усталость бессонной ночи.

Утро было тихое-тихое, не различить, где кончается туман и начинается озерная гладь. Вода соприкасалась с плоским галечным берегом беззвучно и недвижно. Позади меня высились сосны, обвитые туманом, ароматы их еще не проснулись. Нарушить эту тишину, разбить девственную гладь воды было просто святотатством, но холодное купание смыло липкие пряди ночи, и, вытершись и одевшись, я с удовольствием съел свой завтрак, а затем устроился с удочкой дожидаться восхода в надежде, что поднимется ветерок и разобьет гладкое зеркало воды.

Наконец, бледное сквозь туман, встало солнце, но ветерка с собой не принесло. Только выступили из серой мути верхушки сосен да на том берегу черный лес поднялся по облачным горным уступам. Водная гладь переливалась отсветами в тумане, точно жемчужина.

Ни ряби, ни кругов на воде, ни легчайшего дыхания ветерка. Я отчаялся и уже решил уходить, как вдруг у меня за спиной послышался шум и треск: кто-то скакал к берегу прямо через лес, не разбирая дороги. Не всадник: бег был слишком легкий и скорый.

Я замер в полуобороте и ждал. По спине пробежал холодок, вспомнилась мука бессонной ночи. Заныли кончики пальцев: я крепко, до боли, сжал удилище. Так значит, это накапливалось всю ночь. Всю ночь готовилось свершиться! Ночь? Но разве я не ждал этого вот уже четырнадцать лет?

В полусотне шагов от меня из зарослей вырвался благородный олень. Сразу заметил меня, остановился, высоко вскинув рога, готовый броситься в другую сторону. Олень был белый. Зато раскидистые ветви рогов над его снежным лбом отливали не-

бывалым золотисто-бронзовым блеском, а глаза рдели, как два граната. И все-таки он был настоящий: на белой шкуре темнели потеки пота, густая шерсть в подбрюшье и на груди сочилась влагой. Вокруг шеи повис, будто желтый венок, случайно зацепившийся побег вербейника. Олень оглянулся через плечо и на прямых, как жерди, ногах пошел в воду. Скачок, еще скачок, вот он уже по плечи в воде и плывет на середину озера.

Озерная гладь разбилась, от оленьей шеи потянулись углом две борозды. И, как эхо, в лесу опять раздался шум и треск. Еще кто-то мчался, ломая подлесок.

Я ошибался, думая, что ни одна тварь не может в лесу сравниться быстротой с бегущим оленем. Из зарослей в том же самом месте выскочил Кабаль, белый гончий пес Артура, и, не помешкав, бросился в воду. А еще через секунду появился и сам Артур на жеребце Канрите.

Он на полном скаку, вздернув на дыбы, осадил коня у воды. Натянутый лук с заложенной стрелой был у него в руке. Он поднял его и прицелился, пока жеребец опускал передние ноги. Но олени плавают, целиком погружаясь в воду, одна только белая голова быстро резала зеркальное лоно, и закинутые назад рога волочились концами по воде, будто ветви. А следом, заслоняя его от Артура, плыл пес. Артур опустил лук и повернул жеребца, готовясь пуститься в объезд вокруг озера. Но прежде, чем вонзить шпоры, успел заметить меня. С громким возгласом он поскакал ко мне по прибрежному галечнику. Лицо его пылало.

— Видел его? Белый как снег и голова императорская! Я в жизни таких не встречал! Еду в обход. Кабаль его настигает и задержит, пока я не подоспею. Прости, я помешал тебе удить рыбу.

— Эмрис...

Он нетерпеливо отозвался:

— Ну что?

— Взгляни. Он плывет к острову.

Он резко обернулся и посмотрел туда, куда я показывал. Олень скрылся в тумане, и пес вместе с ним. Исчезли бесследно, только мелкая рябь еще бежала, разглаживаясь к берегу.

— К острову? Ты уверен?

— Совершенно.

— Все дьяволы преисподней! — вне себя воскликнул он.— Надо же быть такой незадаче! А я-то подумал, что он мой, раз

Кабаль уже у него на хвосте.— Он не отпускал поводья, растерянно оглядывая озеро в белых дымных клубах, а жеребец нетерпеливо переступал ногами. Остров посреди озера, видно, внушал мальчику такой же трепет, как и всякому, кто вырос в этих местах. Но вдруг он твердо сжал рот и дернул повод.— Я поплыву на остров. С оленем, я вижу, приходится распрощаться — такое не сбывается,— но Кабаля потерять я не согласен. Мне подарил его Бедуир, и будь я проклят, если уступлю его хоть Билису, хоть кому другому ни в этом мире, ни в ином.— Он заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул.— Кабаль! Кабаль! Ко мне! Кому говорят!

— Бесполезно. Теперь ты его не отзовешь.

— Это верно.— Он набрал в грудь воздуху.— Ну ладно. Делать нечего, придется плыть на остров. Если твоя магия, Мирддин, туда достанет, вели ей сопровождать меня.

— Она всегда с тобой, ты это знаешь. А ты неужто думаешь переплыть озеро на коне?

— Он доплывет,— взволнованно отозвался Артур, направляя жеребца в воду.— В объезд на тот берег слишком далеко. А если олень начнет карабкаться на утесы и Кабаль за ним...

— Но почему не в лодке? Ведь это быстрее, и можно будет обратно привезти в ней Кабаля.

— Да, но ведь из нее надо сначала вычерпать воду. Как всегда.

— Я только нынче утром вычерпал. Сейчас садись и греби.

— Неужели правда? В первый раз за целый день вдруг повезло! Так ты куда-то собирался? Поплывем со мной.

— Нет. Я останусь здесь. Ступай, Эмрис, плыви за своим псом.

Мгновение он неподвижно сидел верхом на неподвижном коне, глядя на меня сверху вниз. В лице его выразилось минутное волнение — или страх? — но тут же все сменилось нетерпением. Он соскользнул с седла, сунул повод мне в руку. Потом отпустил тетиву на своем луке, надел его себе через голову и побежал к лодке. Это была простенькая плоскодонка, она хранилась у меня в маленькой заводи, вытащенная на песок среди камышей. Артур с разбега спихнул ее на воду и впрыгнул через борт. А я стоял и смотрел, держа в поводу его коня. Отталкиваясь шестом, он вывел лодку на глубокое место и, взявшись за весла, стал грести.

Я вытащил у жеребца из-под седла скатанную попону, прикрыл ему потную спину, привязал его и оставил на траве пастись, а сам вернулся к своей удочке у воды.

Солнце поднялось уже высоко, лучи его набирали силу. Синей молнией промелькнул зимородок. Над водой плясали прозрачнокрылые стрекозы. Запахло дикой мятой, из путаницы незабудок выбежала юркая трясогузка. Застрекотала маленькая краснобрюхая цикада, повисшая вниз головой на тростнике. Туман под лучами солнца легко заколебался, стал подниматься над зеркальной водой, задвигался, заклубился, как призрак ночи, как дым волшебного огня...

Берег, красная цикада, белый конь на зеленой траве, смутный лес у меня за спиной — все затуманилось, стало призрачным. Не отрывая широко раскрытых глаз, я смотрел и смотрел в глубь безгласной слепой туманной жемчужины.

Он греб изо всех сил, то и дело оглядываясь через плечо на приближающийся остров. Сначала просто что-то смутно темнело над водой, но постепенно стал вырисовываться берег, увешанный плакучими ветвями деревьев. За деревьями, туманные и неправдоподобные, высились отвесные утесы, точно стены и башни грозного замка на скальном основании. Там, где прибрежный песок соприкасался с водой, змеилась сверкающая серебряная кайма, четко разделяя остров и его отражение. Одетые туманом деревья и высокие бастионы утесов невесомо плавали над водой, как призраки в призрачной дымке.

Лодка быстро приближалась к острову. Артур все оглядывался и звал любимого пса:

— Кабаль! Кабаль!

Зов его громко отдавался по воде, возносился по отвесным утесам и наверху замирал. И пес, и олень исчезли бесследно. Артур снова налег на весла, и легкая лодка быстрее заскользила по волнам.

Вот под днищем заскрежетала галька. Он выскочил из лодки. Вытянул ее повыше и зашагал по узкой травянистой полосе. Солнце поднялось, и свет его разливался все ярче, отраженный белым туманом и белой водой. К самому берегу клонились ветви берез и рябин, все еще отягощенные влагой. Рябиновые гроздья пламенели. Земля пестрела ромашками, вероникой, желтыми звездочками камнеломки. Поздние цветки наперстянки по склонам вздымали свои пики сквозь ежевичные плети. Побуревшая к осени таволга наполняла воздух густым медвяным ароматом.

Мальчик раздвинул нависшие ветви, продрался через заросли куманики, остановился на травянистом откосе и, прищурившись, разглядывал вздымающиеся впереди утесы. Снова позвал пса, и снова крик замер без ответа. Туман над землей теперь быстро рассеивался, отходя к вершинам, основания утесов заливал яркий, но неверный блеск. Вдруг Артур замер, задрав голову. По отвесной расселине, издалека казавшейся не более чем морщинкой на гладкой стене, скакал снизу вверх белый олень, легкий, как клочок тумана, растворяющийся в воздухе.

Артур бросился бежать вверх по травянистому склону, глушившему шаги. Высокий желтый папоротник раздавался перед ним, раскидывая во все стороны блестящие капли.

У подножия утеса он остановился и еще раз огляделся вокруг. К нему словно вернулся недавний священный трепет. Так медлит человек не от боязни, а когда сознает, что за новым его шагом последуют события, которые предвидеть до конца ему не дано. Он запрокинул голову, рассматривая высившуюся перед ним скальную стену. Белого оленя не было видно, отвесные утесы еще больше, чем издалека, походили на замок, увенчанный солнцем.

Артур перевел дух, встряхнул головой, будто вынырнул из воды, и снова позвал, теперь негромко:

— Кабаль! Кабаль!

В ответ где-то совсем близко, нарушая зловещую тишину, раздался собачий лай. Страх и ликование звучали в нем. Он донесся сверху, с каменной стены. Мальчик недоуменно осмотрелся. И сразу же за зеленой древесной завесой заметил вход в пещеру. В это время Кабаль опять залаял — не от страха или от боли, а как подают голос псы, преследующие дичь. Не колеблясь более ни мгновения, Артур нырнул в темную глубину пещеры.

Потом он так и не смог объяснить, каким образом продвигался в кромешной тьме. Я думаю, что он, скорее всего, подобрал кресало и факел, которые я там бросил; но сам он ничего этого не помнит. А может быть, правда то, что помнит он: будто бы там повсюду был разлит слабый, переливчатый свет, как бы отражавшийся от зеркальной поверхности подземного озера в гроте с колоннами.

А там, где вода кончалась, на постаменте лежал меч. Из каменного свода над ним капля за каплей стекала вода, содержащаяся в ней известь годы собиралась и твердела, так что кожаные ножны меча, по-прежнему надежно защищая блестящий клинок, сами затвердели под этой капелью, будто каменные. Так он и покоился, одетый известковой скорлупой, и видна была только его удлиненная форма, да торчала наружу рукоять в форме креста.

С виду — меч, но только каменный, будто бы случайная игра природы, известковый натек на камне. Быть может, Артуру вспомнился другой меч, тоже каменный, который он когда-то пытался ухватить в Зеленой часовне, а может быть, перед ним на миг тоже приоткрылось будущее. Жестом быстрее мысли, опережая сознание, он наложил руку на рукоять.

Слова свои он обратил ко мне, словно я находился рядом; мое присутствие и в самом деле было сейчас для него так же ощутимо, как и присутствие белого пса, который, повизгивая, сидел у воды.

— Я потянул и легко вытащил его из камня. Это прекраснейший меч в мире. Я назову его Калибурн.

На берегу туман окончательно рассеялся под лучами солнца, но все еще покрывал остров. Невидимый для глаз остров плавал на перламутровой воде.

Я не знал, сколько времени прошло. Солнце стояло высоко и заливало горячим светом зажатое в холмах озеро. Блеск воды резал глаза. Я заморгал, встряхнул головой, потянулся.

Сзади меня послышался шум, перестук копыт. Я подумал, что отвязался белый жеребец, и быстро обернулся.

В тридцати шагах от меня из лесу плавно, как облако, выехал на серой лошади Кадор Корнуэльский в сопровождении отряда конников.

Глава 7

Кажется, первое, что я ощутил, была досада: как это меня застали врасплох? Почему не предупредили лесные жители, охранявшие Артура? Да и я сам, маг Мерлин, не чувствовал в воздухе никакой угрозы: картины, заслонившие приближающийся

отряд от моих глаз и ушей, не содержали ничего, кроме света и долгожданного свершения. Единственной отрадой могло быть то, что Артура при мне не застали, и единственной надеждой — что под обличьем отшельника я останусь неузнан и Кадор проедет мимо, прежде чем Артур вернется с острова.

Все это мелькнуло у меня в уме за тот миг, пока Кадор, вскинув руку, остановил свой отряд, а сам я подобрал удочку и поднялся на ноги. С готовой ложью на устах я почтительно склонился навстречу Кадору, который подскакал и в десяти шагах от меня остановился. И сразу же мне пришлось оставить всякую надежду на то, что меня не узнают: в окружении солдат за спиной Кадора я увидел связанного Ральфа с кляпом во рту.

Я сразу выпрямился. Кадор склонил голову в приветственном поклоне — ниже он не поклонился бы и самому королю.

— Приятная встреча, принц Мерлин.

— Приятная? — кипя яростью, отозвался я.— Ты зачем схватил моего слугу? Он уже давно не твой. Вели его освободить.

Он сделал знак, и солдаты по обе стороны от Ральфа отпустили ему руки. Он выдернул кляп изо рта.

— Ты ранен? — спросил я.

— Нет.— Он тоже был зол и раздосадован.— Моя вина, господин. Они напали, когда я ехал через лес вверх по горной тропе. И, узнав меня, решили, что и ты можешь быть поблизости. Для того и заткнули мне рот, чтобы я не предупредил тебя криком. Хотели застигнуть врасплох.

— Не кори себя. Твоей вины тут нет никакой.

Я уже вполне овладел собой и лихорадочно искал тем временем хотя бы обрывки недавнего видения. Где сейчас Артур? Все еще на острове с Кабалем и чудесным мечом? Или уже плывет обратно под покровом тумана? Но я ничего не видел сверх того, что открывалось моим глазам здесь, в ясном свете дня, и понимал, что чары нарушены и я утратил с ним связь.

Я обратился к Кадору:

— Странно ты делаешь свое дело, герцог! Зачем было вязать Ральфа? Если ты хотел меня видеть, стоило только сесть на коня и приехать сюда. Через лес проезд никому не заказан, и двери Зеленой часовни открыты и день и ночь. Я бы от тебя не убежал.

— Так, стало быть, это ты и есть отшельник из лесной часовни?

— Я.

— А Ральф прислуживает тебе?

— Именно так.

Он сделал знак своим людям оставаться в отдалении, а сам подъехал вплотную ко мне. Привязанный рядом белый жеребец заржал и вскинулся на дыбы при приближении серой лошади. Кадор натянул поводья и заглянул мне в лицо, вопросительно подняв брови:

— А этот конь? Тоже твой? Не странный ли выбор для отшельника?

Я ответил язвительно:

— Ты сам знаешь, что это не мой конь. Раз вы выследили в лесу Ральфа, значит, видели, конечно, и одного из сыновей графа Эктора. Они приехали вместе. Мальчик удит на озере рыбу. Когда он возвратится, я не знаю. Часто он по целым дням проводит на воде.— Я решительно отвернулся от озера.— Ральф, дождешься здесь его. А ты, герцог, раз уж тебе так не терпелось встретиться со мной, что ты даже не постеснялся схватить моего слугу, не последуешь ли за мной в часовню и не сообщишь ли мне свои вести с глазу на глаз? Заодно объяснишь, что кроме превратностей охоты привело тебя и твоих корнуэльцев так далеко на север?

— Война меня привела. Война и королевский приказ. Я думаю, даже ты здесь, в своем заточении, не мог не слышать про Колгримовы угрозы. Но к этому озеру я завернул, можно сказать, по счастливой случайности.— Он улыбнулся и с любезностью добавил: — Да и какая уж там охота? Разве ты, принц Мерлин, не знаешь, что тебя разыскивают по всей стране?

— Мне это известно. Здесь я скрываюсь по собственной воле. Так что же, герцог, пойдем? Оставим Ральфа ждать мальчика...

— Экторова сына, не так ли?

Он даже не подумал двинуться вслед за мной прочь от воды, но по-прежнему с улыбкой сидел недвижно на рослой серой лошади. Вид у него был самоуверенный, тон высокомерный.

— И ты всерьез надеешься, что я уйду с тобой отсюда и оставлю Ральфа ждать этого... э-э-э... отпрыска графа Эктора? Чтобы ты опять унес его куда-нибудь и спрятал на долгие годы? Поверь мне, принц...

В этот миг с озера донесся лай Кабаля, гончий пес дал голос, почуяв опасность. Слышно было, как Артур что-то сказал

ему коротко, и пес умолк. И сразу мальчик налег на весла: всплеснула вода, зажурчала под днищем.

Кадор рывком обернулся к воде, и я, не сдержавшись, тоже. Вид у меня, должно быть, был угрожающий, потому что двое офицеров, сорвавшись с места, поскакали ко мне.

— Останови своих людей,— пробормотал я сквозь зубы.

Кадор покосился на меня и поднял руку. Двое всадников осадили с разбега коней, не доскакав до меня на расстояние броска копьем. Я проговорил вполголоса, так, чтобы никто, кроме Кадора, не расслышал:

— Если не хочешь иметь своим врагом Эктора — и с ним весь Регед,— да чтобы потом еще Колгрим расклевал остатки, отпусти Ральфа с мальчиком. Все, что ты желаешь сказать, можешь сказать мне. Я убегать не собираюсь. Но за мою жизнь, герцог Кадор, платить будет сам король.

Он в нерешительности перевел взгляд с туманной глади вод на своих ратников. Не двигаясь с опушки, они взяли копья на изготовку. Едва ли они разгадали, кто я и за какой дичью охотится сегодня их герцог, но они видели, как он насторожился при этих звуках из тумана, и копья их зашевелились, закачались, будто камыш на ветру.

— Ну, что до этого...— начал было Кадор.

Но не договорил.

Лодка вынеслась из тумана и зашуршала по мелководью. За миг до того, как она уткнулась носом в берег, Кабаль с рыком перепрыгнул через борт и устремился к нам. Один из офицеров обнажил меч. Кадор услышал это и что-то крикнул ему через плечо. Тот замешкался, и пес, взбежав вверх по откосу, молча теперь бросился на Кадора. Серая лошадь взвилась на дыбы. Пес промахнулся и вцепился зубами в край чепрака. Оторочка оборвалась, и собака упала на землю.

Артур, вытаскивая лодку, у меня за спиной кричал на Кабаля. Ральф рванулся было схватить пса, но к нему подскакали два ратника и, со стуком скрестив перед ним копья, не дали ему подойти. Кабаль мотнул головой, отбросив за спину лоскут и, оскалясь, прыгнул на них. Один из ратников уже занес было копье. Там и сям сверкнули обнаженные мечи. Кадор рявкнул приказ. Мечи замерли в воздухе. Сам герцог поднял не меч, но хлыст и пришпорил серого. Пес подобрался, готовый к прыжку.

Я сделал шаг вперед прямо под занесенный хлыст, ухватил пса за ошейник и потянул что было сил. Всего моего веса едва хватило, чтобы не дать ему прыгнуть. Голос Артура внятно произнес: «Кабаль! Назад!» Пес присмирел, и в этот миг Артур в два прыжка очутился между мной и Кадором. Новый меч, обнаженный, сиял у него в руке.

— Ты, господин, кто б ты ни был...— задыхаясь, произнес он. Острие меча скользнуло снизу вверх к Кадоровой груди.— Осади назад. Только тронь его, и, клянусь, я убью тебя, будь у тебя за спиной хоть тысяча ратников.

Кадор медленно опустил хлыст. Я разжал руки, и Кабаль, рыча, припал к земле у ног Артура. Артур стоял передо мной, расставив ноги, кипя яростью, готовый, без сомнения, разить насмерть. Но герцог словно бы не замечал опасности и обнаженного меча. Глаза его не отрывались от лица мальчика. Один раз, на какой-то миг, они скользнули по моему лицу и тут же снова вернулись к Артуру.

Все это произошло в несколько головокружительных мгновений. Люди герцога еще только приближались к нам, два офицера заезжали справа и слева. Прозвучала команда, и одновременно я, вытянув руку, поймал Артура за плечо и резким движением повернул его лицом к себе, а спиной к подъезжающим корнуэльцам.

— Эмрис! Опомнись. Здесь нет опасности, кроме как от твоего пса. Надо тебе строже его держать. А теперь возьми его и возвращайся не медля с Ральфом в Галаву.

За все годы нашего знакомства я еще никогда не говорил с ним так резко. Он стоял, приоткрыв недоуменно рот, как человек, которого ни за что ударили. И в ответ на его взгляд я добавил:

— С этим господином я знаком. С чего это тебе помстилось, будто он мне угрожает?

— Я... я думал...— заикаясь, забормотал он,— мне показалось, они схватили Ральфа... и обнажили мечи против тебя...

— Тебе неверно показалось. Спасибо, но, как видишь, в помощи я не нуждаюсь. Убери же меч и поезжай.

Он опять испытующе заглянул мне в лицо, потом опустил взгляд на меч в своей руке. Ослепительный, он сиял в лучах солнца, рукоять сверкала драгоценными камнями. Я вспомнил, какова она в руке, как удобна и ухватиста, какая сила бежит из клинка прямо в жилы, прямо в закипающую кровь. За этим мечом он не устрашился проникнуть и в чертоги подземного мира и вынес из тьмы на свет это оружие света, а здесь его ждала первая в его жизни опасность, и он встретил ее, как должно, с чудесным мечом в руке. И вдруг я так сурово говорю с ним!

— Ступай. Никто тебя не задерживает.

Он потер плечо, но не двинулся с места. Лицо его уже опять начинало розоветь, а с румянцем разгорался и гнев. Он так походил сейчас на Утера, что в предчувствии беды я крикнул уже совсем грубо:

— Ступай прочь, оставь нас, слышишь? Я завтра с тобой поговорю!

— Эмрис! — вкрадчиво окликнул его Кадор.

И не успел я ничего сделать, как мальчик обернулся к нему, и мне стало ясно, что притворяться дольше бессмысленно. Кадор с интересом разглядывал его черты, испытующе скашивая глаза на меня.

— Да, так меня зовут,— хмуро ответил Артур, щурясь от солнца, ударявшего ему в глаза. Вдруг он заметил у герцога на плече воинский значок.— Корнуолл? Что ты делаешь так далеко на север от своих владений и с чьего дозволения проводишь людей через наши земли?

— Через ваши земли? Земли графа Эктора?

— Я его приемный сын. Но может быть,— продолжал Артур с холодной учтивостью,— ты успел побывать в Галаве и испросил согласия госпожи?

Он знал, разумеется, что Кадор там не был: он сам не так-то давно выехал из Галавы. Но этот надменный тон исцелял его уязвленную гордость. Он стоял, вскинув голову, спиной ко мне, глядя Кадору прямо в глаза.

Кадор спросил:

— Ты, стало быть, воспитанник графа Эктора? А кто же твой отец, Эмрис?

Артур не дрогнул перед этим вопросом. Он спокойно ответил:

— Этого, господин, я не вправе тебе открыть. Но мне не приходится стыдиться моего происхождения.

Кадор замялся. Глаза его выражали любопытство. Он знал, разумеется. Как мог он не знать — с той самой минуты, когда

мальчик выскочил из тумана мне на подмогу? За мгновение до этого все уже было непоправимо. Но была еще вероятность, что другие не догадаются; большая серая лошадь Кадора стояла между Артуром и ратниками, и в ту самую минуту, когда я это подумал, Кадор сделал знак своим людям отъехать назад, чтобы они не слышали нашего разговора.

Теперь я был спокоен. Я знал, что делать. Прежде всего я должен спасти гордость Артура, гордость и его любовь ко мне, сколько ее осталось после того, как я испортил ему минуту торжества. Легонько тронув его за плечо, я сказал:

— Эмрис, с твоего позволения, мы должны теперь потолковать с герцогом Корнуэльским. Он не причинит мне зла. Не соблаговолишь ли отъехать с Ральфом к часовне и подождать меня там?

Я опасался, что Кадор вмешается, но он словно замер в седле. Взгляд его был теперь устремлен не на лицо мальчика, а на меч, блиставший в его руке. Потом он вздрогнул и как бы очнулся, сделал знак своим людям, отпущенный ими Ральф подвел Артуру Канрита и сам вскочил в седло. При этом он встревоженно, вопрошающе взглянул на меня, не зная, должно быть, как воспринимать мои слова: за чистую монету или же воспользоваться случаем и удрать с Артуром в лес.

Я кивнул.

— Поезжай в часовню, Ральф. И подождите меня там, пожалуйста. За меня не бойтесь, я подойду позже.

Артур все еще медлил, держа Канрита под уздцы.

Кадор подтвердил:

— Это все правда, Эмрис, я ему вреда не желаю. Не бойся оставить его со мной. Я не так глуп, чтобы связываться с колдунами. Он к вам вернется, можешь не сомневаться.

Мальчик насупленно взглянул на меня. Вид у него был по-прежнему нерешительный, даже ошеломленный. Негромко, но не таясь теперь от чужих ушей, я сказал:

— Эмрис.

— Да?

— Я должен поблагодарить тебя. По правде говоря, я и сам тогда думал, что мне угрожает опасность, и испытывал страх.

Насупленный взгляд исчез. Мальчик не улыбнулся, но с лица его сошел гнев, к нему прилила жизнь, вдруг заблистав, как острый меч, выхваченный из ножен. И я понял: несмотря ни на что,

его любовь ко мне осталась неколебима! Он сказал, и в голосе его прозвучало почти одно негодование:

— Когда ты наконец поймешь, что я скорее умру, чем дам тебя в обиду!

И опустил взгляд на меч в своей руке, словно сам дивясь, откуда он взялся. Потом вскинул голову и посмотрел прямо в лицо Кадору.

— Если ты причинишь ему хоть какое-то зло, знай, в Британии недостанет места для нас обоих. Клянусь.

— Сударь,— ответил Кадор учтиво и серьезно, как воин воину,— этому я охотно верю. А я клянусь тебе, что не причиню вреда ни ему и никому другому, кроме только врагов короля.

Еще миг мальчик смотрел ему в глаза, потом кивнул. Напряжение его покинуло. Он встрепенулся, прыгнул в седло и, отдав Кадору военный салют, без дальних слов ускакал по тропе, что вела вдоль озера. Кабаль припустил за ним, а следом поскакал и Ральф. На повороте тропы мальчик на миг оглянулся. И вот уже все трое скрылись из виду, я остался один с Кадором и его корнуэльцами.

Глава 8

— Итак, герцог? — проговорил я.

Он молчал потупясь, покусывая губу. Потом, не оборачиваясь, жестом подозвал к себе офицера и спешился, а тот принял у него коня.

— Отведи людей по берегу на сто шагов. Напоите лошадей и ждите меня.

Офицер отъехал, и весь отряд, развернувшись, ускакал и скрылся из виду за краем леса. Кадор подобрал полу плаща и оглянулся вокруг.

— Поговорим прямо здесь?

Мы уселись на плоский камень над самой водой. Кадор обнажил кинжал — но лишь для того, чтобы выцарапывать узоры по лишайнику. Он вывел круг, прорисовал внутри треугольник и тогда, не поднимая головы, проговорил:

— Хороший мальчик.

— Да.

— И похож на родителя.

Я промолчал.

Кинжал впился в землю. Кадор поднял на меня глаза.

— Мерлин, почему ты решил, что я ему враг?

— А разве ты не враг ему?

— Да нет же, клянусь богами! Я никому не скажу, где он, если ты не велишь. Вот видишь! Ты удивлен. Ты считал меня врагом его — и своим. Почему же?

— Если у кого и есть на то причина, то у тебя, Кадор. Через меня и Утера был убит твой отец.

— Это не совсем верно. Ты злоумышлял против брачного ложа отца, но не замышлял его гибели. Его собственная неосмотрительность — или отвага, если угодно,— была тому виной. Ты, я верю, не предвидел такого исхода. К тому же, если я должен питать к тебе вражду за ту ночь, как же я тогда должен бы ненавидеть Утера Пендрагона?

— А это не так?

— Да бог с тобой, ты разве не слышал, что я выступаю с ним заодно и служу его главным воеводой?

— Слышал. И удивлялся. Ты ведь знаешь, я не доверял тебе.

Он хрипло рассмеялся — похоже на басистый лающий хохот его отца.

— Да, ты этого не скрывал. Я не виню тебя. Нет, я не питаю ненависти к Утеру Пендрагону — и любви, признаюсь, тоже. Но мальчиком я хорошо усвоил, к чему ведет разобщенность королевства. Корнуолл — моя земля, но она не устоит в одиночку. У Корнуолла теперь одно будущее, и это будущее — вместе со всей Британией. Я связан с Утером волей или неволей. И больше никогда не внесу раздора, не хочу видеть страдания народа. Так что я теперь стою за Утера... или, вернее будет сказать,— за верховного короля.

Я увидел, как зимородок, осмелев с уходом солдат, нырнул прямо у нас под ногами и вода всплеснула алмазиками. Он тут же всплыл с рыбешкой в клюве, встряхнулся и синей молнией унесся прочь. Я сказал:

— Это ты несколько лет назад, когда я еще не перебрался на север, подослал ко мне в Маридунум шпионов?

Он поджал губы.

— Те-то? Те мои... Отличились, нечего сказать. Ты их сразу же разоблачил, так ведь было дело?

— Ну, нетрудно было догадаться. Они были корнуэльцы, а твое войско как раз стояло в Каэрлеоне. Я потом узнал, что ты

и сам там находился. Разве этого не довольно было, чтобы заключить, что ты пытаешься найти Артура?

— Да, да, ты прав. Именно этого я и хотел. Но не затем, чтобы причинить ему зло.— Он снова нахмурился и посмотрел на кинжал.— Вспомни те годы, принц Мерлин, и вообрази, каково тогда было мне. Король хворал и уступал все больше и больше власти Лоту и его присным. Он предлагал ему в жены Моргаузу, когда Моргиана еще и на свет не родилась. Ты знал об этом? Он и теперь, я думаю, по-настоящему не понимает, чего добивается Лот. Я попробовал было открыть ему глаза, но получилось так, будто я и сам мечу туда же. Я боялся за судьбу наших земель, в случае если Утер помрет — или помрет его сын. И хоть я и не сомневался, что ты на свой манер сумеешь надежно защитить его сына, все-таки и моему оружию тут могло быть применение.— Кинжал опять впился в мох.— Вот зачем я хотел разыскать его. И не спускать с него глаз, как, совсем по другой причине, не спускаю глаз с Лота.

— Так, так. И тебе не пришло в голову прямо обратиться ко мне?

Он взглянул на меня искоса. Углы рта его дернулись.

— А если бы я приехал и сказал это тебе, разве бы ты мне поверил?

— Кто знает. Меня не так-то легко обмануть.

— И открыл бы мне, где находится мальчик?

Я улыбнулся.

— Вот это — нет.

Он вздернул плечо.

— Вот видишь. Я послал соглядатаев, но ничего не узнал. И тебя потерял из виду. Но у меня в мыслях не было причинить тебе вред, клянусь в этом. И если в прошлом я, может быть, и питал вражду к тебе, то уж Артуру врагом я никогда не был. Теперь ты мне веришь?

Я огляделся вокруг. Безмятежно сияло солнце, блестели в его лучах сосны, а последняя легкая дымка таяла над озером.

— Мне бы давно следовало это понять. Я сегодня все недоумевал, почему у меня не было предчувствия опасности.

— Если бы я был Артуру врагом,— с улыбкой сказал Кадор,— я бы сообразил, что бесполезно пытаться схватить его на глазах у его защитника Мерлина. Так стало быть, если бы грозила опасность, ты бы это знал?

Я перевел дух. Я снова чувствовал себя легко, как летний ветерок.

— Обязательно. Меня все время смущало, как это я допустил тебя подъехать столь близко и не почувствовал кожей холода. И сейчас не чувствую. Герцог Кадор, я должен просить у тебя прощения, если ты мне его даруешь.

— Охотно.— Он стал обтирать лезвие кинжала о траву.— Но если я ему не враг, Мерлин, зато другие — враги. Не мне объяснять тебе, какими опасностями чревата предстоящая на Рождество свадьба: под угрозой не только право Артура на трон, но и самое королевство.

Я кивнул.

— Раздоры, беды, черный исход Черного года. Да, да. Есть ли что-нибудь еще, что ты можешь рассказать мне о короле Лоте, чего бы не знали все люди?

— Ничего определенного, почти ничего. Я не хожу в доверенных у Лота. Но могу сказать тебе вот что: если Утер не поторопится провозгласить сына наследником, знать может выбрать его преемника из своей среды. Ну а тогда выбор ясен — Лот: он бывалый и прославленный воин, сражался плечом к плечу с королем Утером и к тому же приходится — или скоро будет приходиться — королю зятем.

— Преемник? — сказал я.— Или замена?

— В открытую — нет. Моргиана не допустит, чтобы он переступил на пути к трону через труп ее отца. Но когда бракосочетание состоится, он станет ближайшим наследником престола, и Артуру, когда он объявится, понадобится доказать, что он имеет больше прав и больше сторонников.

— Это верно.

— Прав-то у него больше, это бесспорно. А вот сторонников? За Лотом стоит армия многочисленнее моей.— Я промолчал, но он сам себя перебил: — Да, я понимаю. Если за ним будешь стоять ты сам, вживе-то ты сможешь обеспечить его права?

— Буду пытаться. С помощью других. На твою помощь я могу рассчитывать?

— Ты ее уже имеешь.

— Ты устыдил меня, герцог Кадор.

— Не говори так,— ответил он.— Ты был прав. Я ведь и вправду ненавидел тебя, когда был молод. Но теперь я смотрю на ве-

щи иначе: разумнее, мне кажется. Мои собственные интересы, не считая прочего, не велят мне оставаться в стороне и смотреть, как Утер все теснее сходится с Лотом и Лот достигает своей цели. Только у одного Артура права на престол неоспоримы, только он один способен удержать в руке все королевства — если это вообще еще возможно. Да, я поддержу Артура.

Я подумал, что Кадор и в пятнадцать лет умел судить трезво, а теперь его прямодушный здравый смысл был как глоток свежего воздуха в душном помещении королевского совета.

— А Лоту это известно? — спросил я.

— По-моему, я не скрывал своих намерений. Лот знает, что я буду против него, как и лорды северного Регеда и короли Уэльса. Но есть другие, в ком я не уверен, и многие, чье отношение зависит от того, грозит ли опасность их землям. Времена теперь страшные, Мерлин. Ты слышал, что Эоза переплыл в Германию и там вступил в сговор с Колгримом и Бадульфом? Да? Так вот, недавно пришло известие, что на берегу Немецкого моря против Сегедунума накапливаются их ладьи и что пикты открыли им свои гавани.

— Этого я не слышал. Стало быть, еще до зимы начнутся военные действия?

Он кивнул.

— Месяца не пройдет. Потому-то я и здесь. На Ирландском берегу стоит Маэлгон, но угроза сейчас не с запада. Еще не с запада. Удар будет нанесен с востока и с севера.

— Ах так.— Я улыбнулся.— Стало быть, кое в чем, я полагаю, очень скоро будет достигнута ясность.

Он смотрел на меня испытующе. Но при этих моих словах удовлетворенно кивнул.

— Значит, тебе и это понятно. Впрочем, конечно. Да, одно доброе следствие может вытечь из этой смуты: Лоту придется открыть карты. Если верны слухи, что он заигрывал с саксами, тогда он должен открыто стать на сторону Колгрима. Если же он хочет получить Моргиану и через нее — престол верховного короля, то ему придется воевать за Утера.— Он от души рассмеялся.— Смерть Окты все смешала: Колгрим, озверев, бросился сюда через Немецкое море, и следующий шаг за Лотом. А протянись дело до весны, Лот и Моргиану получил бы, и Колгрима мог бы принять с распростертыми объятиями, чтобы саксы посадили

его верховным королем, как было с Вортигерном. Ну а так — посмотрим.

— Где сейчас король? — спросил я.

— На пути к северу. Через неделю должен быть в Лугувалиуме.

— Он возглавит битву сам?

— Таково его намерение, но он человек хворый, как тебе известно. Похоже, что Колгрим и Утера заставит открыть карты. Я думаю, он теперь же пошлет за Артуром. Другого выхода у него нет.

— Пошлет ли, нет ли, Артур будет там.— Я увидел волнение в лице Кадора и сказал: — Герцог, ты дашь ему эскорт?

— Охотно, клянусь богом! Ты поедешь с ним вместе?

Я ответил:

— Отныне где он, там и я.

— Присутствие твое будет полезно,— многозначительно заметил Кадор.— Дай бог, чтобы не вышло, что Утер промедлил слишком долго. Даже имея доказательства Утерова отцовства и в подкрепление — меч в королевской руке, нелегкое это будет дело — склонить знать к провозглашению наследником неопытного ребенка... Сторонники же Лота будут драться до последнего. Их лучше всего взять врасплох. Да, мальчику понадобится вся мыслимая поддержка, какую мы можем ему оказать, любая мелочь, какую мы можем положить на его чашу весов.

Я улыбнулся.

— Он и сам сможет немало положить на свою чашу. Он не пустое место, Кадор, запомни это. Не игрушка в руках интриганов.

— Можешь меня в этом не убеждать,— усмехнулся Кадор.— А ты знаешь, что он походит на тебя гораздо больше, чем на короля?

Я ответил, устремив взгляд на сияющую гладь озера:

— Я думаю, что королевскую корону ему принесет мой меч, а не Утеров.

Он резко выпрямился.

— Ах да. Меч. В каких глубинах подземного царства он его откопал?

— На Каэр-Банноге.

Он вытаращил глаза.

— Значит, он побывал на заклятом острове? Ну так пусть владеет им на здоровье, а заодно и всем, что сулит ему это обладание. Я бы не осмелился! Что его туда привело?

— Он спасал своего пса. Этот пес — подарок друга. Можно сказать, что его привел туда случай.

— О да. Тот же случай, что привел меня сегодня на берег этого озера, где я застал бедного отшельника и мальчишку по имени Амброзий, а в руке у него меч, достойный короля.

— Или императора,— добавил я.— Это меч Максена Владига.

— Вот как? — Он шумно втянул в грудь воздух. И поглядел на меня так, как глядели солдаты-корнуэльцы, когда я рассказывал им про заколдованный остров.— Так ты это имел в виду, говоря о праве на корону? Меч, который нашел для него ты? Широко ты раскидываешь сети, Мерлин.

— Никаких сетей. Я просто следую за временем.

— Да. Я вижу.— Он опять глубоко вздохнул и огляделся вокруг, словно сейчас увидел и этот солнечный день во всем сиянии, с ветерками, пробегающими по воде, и остров, всплывший из озерных глубин.— И теперь для тебя, и для него, и для всех нас час пробил?

— Так я полагаю. Он нашел меч там, куда я его положил, и едва только это случилось, как появился ты. Весь год короля понуждали объявить наследника, а он молчал и ничего не делал. Ну так теперь это сделаем мы. Ты сегодня ночуешь в Галаве?

— Да.— Он выпрямился и со стуком засунул кинжал в ножны.— Ты приедешь? На рассвете мы отбываем.

— Я приеду туда нынче вечером,— сказал я.— И Артур со мной. А до вечера он останется у меня в лесу. Нам с ним нужно многое сказать друг другу.

Он вопросительно взглянул на меня.

— Он ведь еще ничего не знает?

— Ничего,— подтвердил я.— Я дал обещание королю.

— В таком случае, пока король не выскажется открыто, надо, чтобы мальчик оставался в неведении. Мои люди, наверное, заподозрили кое-что, но это все народ верный, их можно не опасаться.

Я встал, и он вслед за мною. Он сделал знак поднятой рукой стоявшему в отдалении офицеру. Послышались слова команды, и отряд двинулся к нам по берегу озера.

— У тебя есть лошадь? — спросил Кадор.— Или оставить одну из наших?

— Благодарю, не надо. Лошадь у меня есть. А сейчас я пойду пешком наверх к часовне. Только сначала мне надо еще кое-что сделать.

Кадор оглянулся на освещенный солнцем лес, на недвижную гладь озера, на дремлющие горы, словно ожидая, что с их вершин на меня сейчас снизойдет волшебная сила.

— Еще кое-что сделать? Здесь?

— Ну да.— Я подобрал удочку.— Выудить свой обед, и не на одного, а на двоих, кстати сказать. Видишь, этот славный день даже подарил мне ветерок. Если Артур смог достать из озера меч Максена, надеюсь, что сподоблюсь вытащить хотя бы две рыбины приличных размеров.

Глава 9

Ральф ждал меня на краю поляны, но переговорить толком мы не могли, так как Артур сидел поблизости на ступенях часовни со своим псом Кабалем и грелся на солнышке.

Я в нескольких словах объяснил Ральфу, что от него теперь требуется. Он должен незамедлительно ехать в замок и рассказать Друзилле о том, что произошло, сообщить, что Артур в безопасности, находится пока у меня и что завтра утром мы все вместе поедем с герцогом Кадором на север. Нужно послать гонца к графу Эктору и к королю. И еще Ральф должен был попросить графиню, чтобы она договорилась с аббатом Мартином о часовне — пусть присмотрят за ней во время моего отсутствия.

— Ты ему прямо сейчас скажешь? — спросил Ральф.

— Нет. Это дело Утера.

— А ты не думаешь, что он уже догадался, после всего, что произошло давеча на берегу? Он помалкивает, но вид у него такой, будто он получил больше, чем просто меч. Что это за меч, Мерлин?

— Говорят, его смастерил в незапамятные времена сам Веланд Кузнец. Но что доподлинно известно, так это что им рубился император Максим и его люди доставили его обратно на родину и он предназначен королю Британии.

— Тот самый меч? Он говорит, что нашел его на Каэр-Банноге... Я, кажется, начинаю понимать... И вот теперь вы едете

с ним к королю. Ты что же, хочешь вынудить Утера кончить молчанку? Думаешь, Утер его примет?

— Уверен. Утеру сейчас очень важно объявить его наследником. Думаю, когда мы приедем, окажется, что он уже послал за мальчиком. Поезжай-ка теперь скорее, Ральф. Будет время поговорить потом. Ты, разумеется, поедешь с нами.

— А ты думал, я допущу, чтобы меня оставили здесь?

Он сказал это шутливо, но я видел, что он испытывает сожаление и в то же время облегчение; он понимал, что долгие годы неусыпной службы подошли к концу, и теперь Артура возьмут из-под его надзора и передадут заботам моим и короля. Но была в его сердце и радость, что теперь он скоро окажется в гуще событий, будет нести открыто честную службу и с мечом в руке сражаться против врагов отечества. Он улыбнулся, приветственно махнул мне, повернул коня и поскакал вниз по горной тропе в направлении Галавы.

Стук копыт замер за деревьями. Солнце заливало сиянием поляну. Последние капли влаги высохли на сосновых ветвях, пахло смолой. Где-то запел зяблик. В траве пестрели поздние колокольчики, над белым ежевичным цветом порхали маленькие голубые мотыльки. Под стропилами часовни было гнездо диких пчел, и теперь их гудение наполнило воздух тихим напевом уходящего лета.

На нашем жизненном пути расставлены верстовые столбы, знаменующие наиболее важные события, которые мы помним до смертного часа. Видит бог, у меня есть немало ярких воспоминаний, больше, чем у иных людей: как жили и умирали короли, приходили новые боги и уходили старые, как создавались и гибли королевства. Но в памяти иногда остаются и не великие дела; сейчас, в моей последней тьме, мне особенно живо вспоминаются мелочи, мирные, заурядные, минуты, которые охотно пережил бы снова, а не огненные мгновения власти. Я вижу словно сейчас — и как отчетливо! — то золото послеполуденного солнца. Журчит источник, переливчато звенит песня зяблика, гудят дикие пчелы, белый пес вдруг принимается вычесывать блох из своей лохматой шубы; у костра стоит на коленях Артур и упоенно переворачивает форель на ореховом прутике, лицо у него торжественное, сосредоточенное, спокойное, высвеченное изнутри тем светом, что проблескивает только на лицах вот таких людей. Сегодня — его начало, и он об этом знает.

Он почти ни о чем меня не спрашивал, хотя с губ его, наверное, рвались сотни вопросов. Я думаю, он знал, сам не сознавая откуда, что мы на пороге событий, слишком важных для слов. Не все можно выразить словами. Слова искажают смысл своими слишком четкими значениями, своими множественными связями с миром обыденного.

Мы поели в молчании. Я размышлял о том, как сказать ему, не нарушая слова, данного Утеру, что я собираюсь взять его с собой к королю. На мой взгляд, Ральф ошибался: мальчик отнюдь ни о чем не догадывался; но должен же он как-то заинтересоваться событиями этого дня — не только мечом, но и беседой, которая состоялась между мной и Кадором, и его обращением с Ральфом. Но он молчал, не спросил даже, почему Ральф уехал и оставил его со мной одного. С него словно было довольно того, что есть. А та стычка на берегу как будто бы никогда и не существовала.

Мы ели под открытым небом, и, когда кончили, Артур, ни слова не говоря, убрал посуду и принес в миске воды мне умыться. Потом он примостился у моих ног на ступенях часовни, сплетя пальцы на одном колене. Зяблик все еще распевал. Окутанные синей тенью, туманные, задумчивые горы расселись вокруг, поджав колени. Я чувствовал, как тайные силы обступают меня со всех сторон.

— Этот меч,— проговорил Артур.— Ты ведь, конечно, знал, что он там.

— Да, знал.

— Он сказал... он назвал тебя колдуном?

В его тоне прозвучал еле слышный вопрос. На меня он не смотрел. Он сидел на ступеньку ниже меня, опустив голову и разглядывая пальцы, сплетенные на колене.

— Ты же знаешь. Ты сам видел, как я колдую.

— Да. В первый раз, когда я сюда приехал, ты показал мне меч на каменном алтаре, и он был прямо как настоящий...— Он осекся, поднял голову, словно вдруг сделал открытие. Голос у него зазвенел: — Он и был настоящий! Вот этот самый меч, верно? Его изображение в камне! Верно ведь? Верно?

— Верно.

— Что же это за меч, Мирддин?

— Помнишь, я рассказывал тебе и Бедуиру про Максена Владига?

— Да, отлично помню. Ты еще сказал, что это его меч высечен на алтаре.— И снова открытие: — Так это он самый и есть? Его меч?

— Да.

— Как же он попал на остров?

Я ответил:

— Я положил его там. Несколько лет назад. Я привез его сюда из одного места, где он был спрятан.

Тут он совсем ко мне обернулся и заглянул мне в лицо долгим взглядом.

— То есть ты его нашел? Значит, это твой меч?

— Этого я не сказал.

— Ты нашел его с помощью колдовства? Где же?

— Я не могу открыть этого, Эмрис. Когда-нибудь тебе, быть может, самому придется искать это место.

— Зачем?

— Не знаю. Но первая потребность мужчины — меч. Чтобы воевать с жизнью и одолеть ее. Потом, когда он одолеет и станет старше, тогда он испытывает другую потребность — в пище для духа...

Немного спустя я услышал его тихий вопрос:

— Что ты сейчас видишь, Мирддин?

— Я видел процветающую страну, тучные хлеба по долинам, мирных пахарей за работой, как в старые римские времена. Я видел меч, праздный и скучающий, и долгие дни мира, сменившиеся постепенно днями драк и раздоров, и нужду в подвиге для праздных мечей и несытого духа. Вот зачем, наверное, бог отнял у меня Грааль и копье и спрятал под землю — чтобы в один прекрасный день ты мог отправиться на розыски остальных сокровищ Максена. То есть нет, не ты, а Бедуир... это его дух, а не твой взалкает и возжаждет и устремится за утолением к ложным источникам...

Словно издалека я услышал, как голос мой замер и наступила тишина. Зяблик улетел, пчелы затихли. Я увидел, что мальчик стоит и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Он спросил со всей силой своего простодушия:

— Кто ты?

— Мое имя Мирддин Эмрис, но я известен как маг Мерлин.

— Мерлин?! Но тогда, значит, ты... ты и есть...

Он осекся и сглотнул.

— Мерлин Амброзий, сын Амброзия, верховного короля... Да.

Он долго молчал. Я видел, как мысль его пробирается назад, вспоминает, прикидывает. Но про себя он по-прежнему не догадывался — он слишком сжился со своей ролью Экторова безымянного выкормыша. И, как все в королевстве, твердо верил, что принц воспитывается в пышности где-то на заморском дворе.

Наконец он прервал молчание, и в тихом голосе его прозвучала такая внутренняя сила и радость, что непонятно было, как он может все это вместить. Но то, что он сказал, изумило меня:

— Значит, меч этот — твой. Ты нашел его, а не я. Мне было только назначено доставить его тебе. Он твой. Сейчас я тебе его принесу.

— Нет, Эмрис, погоди...

Но он уже ушел. И тут же возвратился бегом и протянул мне меч.

— Вот. Возьми.— Он задохнулся.— Я должен был догадаться, кто ты.. Не за морем, в Бретани, рядом с принцем, как утверждали некоторые, а здесь, в своей стране, ждешь, когда надо будет оказать поддержку верховному королю. Ты — Амброзиево семя. И найти этот меч мог только ты. Я же обнаружил его только потому, что ты меня туда послал. Он принадлежит тебе. Возьми его.

— Нет. Не мне. Не побочному отпрыску.

— Разве это так важно?

— Да,— мягко сказал я.

Он молчал. Меч у него под боком скрыла тень. Я неправильно истолковал тогда его молчание: помню, я только обрадовался, что кончился этот неприятный разговор.

Я встал на ступени.

— Поди отнеси его в часовню. Пусть лежит, как назначено, на божьем алтаре. И бог, который властвует в этом месте, посторожит его. Ему предназначено лежать здесь до той поры, покуда перед лицом всех людей за ним не явится законный наследник престола.

— Ах так. Ты потому и послал меня? Чтобы я принес меч для наследника?

— Да. Придет срок, и меч достанется ему.

К моему удивлению, Артур улыбнулся, вполне довольный. И кивнул. Мы вместе внесли меч в часовню. Он положил его на алтарь прямо над его высеченным в камне изображением. Это

был один и тот же меч. Артур, помедлив, разжал рукоять, отступил от алтаря и встал рядом со мною.

— Ну а теперь,— начал я,— мне нужно тебе кое-что сообщить. Герцог Корнуолл принес известие...

Договорить мне не пришлось. Из лесу донесся приближающийся стук копыт, Кабаль вскочил, ощетинившись, и зарычал, Артур резко обернулся. Голос его прозвучал встревоженно:

— Слышишь? Это Корнуолл возвращается со своими ратниками? Что-то, должно быть, случилось... Ты уверен, что они не замышляют против тебя зла?

Я положил ладонь ему на плечо, и он замолчал, потом, видя волнение в моем лице, спросил:

— Тогда в чем же дело? Ты этого ждал?

— Нет. Да. Сам не знаю. Повремени еще немного, Эмрис. Да, да, это должно было произойти. Я так и думал. День еще не кончен, Эмрис!

— Что это все значит?..

Я покачал головой.

— Идем со мной им навстречу.

Конники, на полном скаку выехавшие на поляну, были не корнуэльцы. Красный на золоте, рдел дракон. Люди короля. Командир остановил отряд и выехал вперед. Его взгляд обвел поляну, замшелую часовню, мои простые одежды; он скользнул по отроку, стоявшему рядом со мною, скользнул совсем мельком и остановился на моем лице. Приветствуя меня, офицер низко склонил голову.

Он произнес слова формального приветствия от имени короля. Затем последовали известия, которые я уже слышал от Кадора: король с войском идет на север и намеревается стать под Лугуваллиумом, дабы встретить лицом к лицу силы Колгрима. Далее командир с тревожным видом сообщил мне, что в последнее время недуг короля заметно усилился, случаются дни, когда он совсем не может держаться в седле, но готов в случае нужды ехать на бой, лежа в повозке.

— И вот что мне поручено сказать тебе, мой господин. Верховный король, памятуя о той помощи и подмоге, что ты оказывал войску его брата Аврелия Амброзия, просит тебя теперь покинуть здешнее убежище и приехать к нему туда, где он поджидает врагов.— Все это произнесено было единым духом, на память.

В заключение же он произнес: — Сударь, еще я должен сказать тебе, что это призыв, которого ты дожидаешься.

Я склонил голову.

— Да, я ждал его. Я уже и сам послал предупредить короля, что еду к нему и Эмрис из Галавы — со мною. Тебе поручено сопровождать нас? В таком случае ты, конечно, будешь столь любезен, что повременишь, покуда мы соберемся. Эмрис,— обратился он к Артуру, стоявшему подле меня в оцепенении восторга,— идем.

Он вошел вслед за мной в часовню. И лишь только мы остались одни, ухватил меня за рукав.

— Ты возьмешь меня с собой? Это не шутка? И если дойдет до боя, то я...

— То ты будешь сражаться.

— Но мой отец, граф Эктор... Что, если он запретит?

— Тебе предстоит сражаться не при графе Экторе. Ведь это люди короля, и ты едешь со мною. Тебе предстоит сражаться при короле.

— Я знал! — весело воскликнул Артур.— Знал, что сегодня день чудес! Сначала я думал, белый олень привел меня к мечу и меч этот — для меня. Но теперь я понимаю: это был просто знак, что сегодня — мой первый бой... Но что это ты делаешь?

— Смотри,— ответил я.— Я сказал тебе, что мы оставим меч под охраной бога. Он слишком долго пролежал во тьме. Оставим же его теперь залитым светом.

Я вытянул руки. Из воздуха возникло белое пламя и пробежало по клинку, задрожала, задымилась в огне неразборчивая руническая вязь. Пламя разрослось, охватило алтарь и, вспыхнув ярким факелом, опало — осталась одна светлая каменная плита, и на ней — ничего, только выпуклое изображение меча.

Артур никогда прежде не видел, как я занимаюсь магией, он стоял с разинутым ртом, глядя на вспыхнувшее в воздухе пламя, от которого занялся камень. Потрясенный, даже слегка испуганный, он сделал шаг назад, и слабый отсвет огня упал на его бледное, без кровинки на щеках, лицо.

Все было кончено. Он молча облизнул губы. Я улыбнулся ему.

— Ну что ты? Ты же и прежде видал мое искусство.

— Да. Но не такие вещи. Все это время, что мы с Бедуиром ездили к тебе, ты даже не намекнул мне, что ты за человек на самом деле... Такой могущественный. Я и понятия не имел. Ты нам ничего не говорил.

— Нечего было и говорить. Мне не было нужды прибегать к могущественным чарам, а научить этому вас с Бедуиром я все равно бы не мог. В вашем распоряжении другие искусства. А понадобится тебе это, я всегда буду к твоим услугам.

— Правда? Всегда-всегда? Хорошо бы.

— Так и будет.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю,— ответил я.

Он еще минуту разглядывал мое лицо, и в его взгляде я увидел целый мир неуверенности, смятения и тревоги. Это был взгляд мальчика, незрелого, растерянного, но он тут же исчез за броней его неизменной блистательной отваги. Артур улыбнулся, и все сделалось как раньше.

— Смотри, как бы тебе не пожалеть потом! Ведь Бедуир — единственный человек на свете, способный меня долго выносить!

Я рассмеялся.

— Уж я постараюсь. А теперь, если можешь, ступай скажи, чтобы подавали наших лошадей.

Потом я собрался и вышел на порог часовни. Артур, вопреки моему ожиданию, не топтался на коне, исходя нетерпением,— он ждал, держа под уздцы мою лошадь кротко, как слуга. При виде меня глаза у него округлились: я облачился в лучшие мои одежды, и моя черная мантия, подбитая пурпуром, была сколота на плече фибулой с королевским драконом. Он увидел мою усмешку, понял, что я разгадал его мысли, и улыбнулся мне в ответ, вскакивая на спину своему белому жеребцу. Я же постарался скрыть от него мелькнувшую у меня в эту минуту мысль: что юноша в простом плаще, но с гордым, ясным взглядом не нуждается в королевском значке — и без того видно, что он из рода Пендрагонов. Но он скромно направил белого жеребца следом за моей чалой кобылой, и все глаза были устремлены на меня.

Так мы оставили Зеленую часовню на попечение того божества, которому она была посвящена, и поехали вниз к Галаве.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КОРОЛЬ

Глава 1

Опасность со стороны саксов была еще серьезнее, чем можно было понять из рассказов Кадора. Колгрим быстро продвинулся в глубь страны. Когда мы с Артуром в сопровождении нашего эскорта достигли Лугуваллиума, войска короля и Кадора вместе с регедскими ратниками занимали позиции у юго-восточной окраины города фронтом к противнику, уже накопившему несчетные силы для предстоящего сражения.

Британские военачальники собрались в шатре у короля на совет. Шатер его был разбит на вершине небольшого холма в дальнем конце поля, предназначенного для сражения. Здесь в прошлом стояла возведенная кем-то крепость, сохранились развалившиеся стены и обрушившаяся башня, а ниже по склону виднелись груды камней и замуравевшие нивы — все, что осталось от покинутой деревни. Здесь буйно разрослась ежевика и крапива, среди поваленных камней возвышались старые развесистые яблони, в их листве золотились спелые плоды. К подножию холма, скрипя колесами, сворачивали обозы, а под прикрытием деревьев и полуобрушенных стен готовились расположиться полевые лазареты. Кажущаяся неразбериха должна была скоро кончиться; королевская армия все еще строилась по римскому образцу, как во времена Амброзия. Разглядывая огромное войско врага, целое море копий, топоров и конских грив, вздымаемых ветром, точно пена прибоя, я размышлял о том, что в этой битве нам понадобится — до последней крупицы — вся наша сила и отвага. Как-то покажет себя король?

Утеров шатер стоял на ровной площадке у подножия бывшей башни. Наш маленький отряд пробирался туда через шумные порядки строящихся полков, люди смотрели нам вслед, и даже сквозь крики команды и звон доспехов слышно было, как солдаты передавали друг другу: «Это Мерлин. Мерлин. Маг Мерлин приехал. Мерлин с нами». Они оборачивались, указывали на меня, кричали, и глухое ликование распространилось по полю. Один здоровяк со значком Дифеда крикнул мне на моем родном языке, когда я проезжал мимо:

— Ты, стало быть, нынче с нами, Мирддин Эмрис? Уж не увидел ли ты нашу падучую звезду?

Я ответил ему громко и внятно, чтобы слышали и другие:

— Нынче наша звезда восходит! Глядите зорче и увидите, как она взойдет над нашей победой!

Вместе с Артуром и Ральфом я спешился за холмом и пешком поднялся к Утерову шатру, а у нас за спиной мое слово пробежало по полкам, точно ветер по полю спелой ржи. Был ясный сентябрьский день, солнце сияло. У входа в королевский шатер реял штандарт: алый по желтому дракон. Не мешкая, я вошел, за мною — Артур. Он успел в Галаве облачиться в доспехи и выглядел настоящим молодым воином. Я думал, что он явится с гербом графа Эктора, но на нем не было никакого значка, а плащ и рубаха — из чистой белой шерсти. «Это мой цвет,— сказал он мне в ответ на мой вопросительный взгляд.— Белая лошадь, белый пес, и щит у меня тоже будет белый. У меня нет имени, значит, я сам начертаю свое имя на щите. И герб у меня будет свой, когда я заслужу его». В тот раз я ему ничего не сказал, но теперь, когда он шел рядом со мной через большой королевский шатер, я подумал, что, захоти он нарочно привлечь к себе все взоры на поле боя, он не мог бы облачиться удачнее. Ослепительно белые одежды и сияющая, рвущаяся в дело молодость выделялись в то утро среди всеобщей пестроты, как если бы фанфары уже протрубили о его королевском достоинстве. И ту же мысль я прочел в тревожном, ищущем взгляде Утера, устремленном на Артура.

Наружность короля меня поразила, Я удостоверился в справедливости рассказов о том, что Утер «совсем сдал, словно хворь снедает его изнутри и точит в нем последние силы». Он исхудал,

стал бледен лицом и, как я заметил, то и дело подносил руку к груди, будто ему трудно вздохнуть. Он был в роскошном облачении — доспехи сверкали золотом и драгоценными каменьями, мантия из золотой парчи вся расшита алыми драконами. Величественно и прямо восседал он на большом королевском троне. В рыжей его бороде уже засеребрилась седина, но глаза в глубоких глазницах горели прежним живым огнем. Профиль заострился по-ястребиному, отчего лицо его стало словно бы еще более царственным, чем раньше. Блеск золота и драгоценностей и тяжелые складки мантии скрадывали худобу его тела, только по костлявым кистям и запястьям было заметно, как высушила его долгая болезнь.

Артур и Ральф остались ждать в некотором отдалении, я же прошел вперед. Граф Эктор стоял подле короля, а также Коэль Регедский, Кадор и еще с десяток военачальников Утера, чьи лица мне были знакомы. Я заметил, как Эктор изумленно взглянул на Артура. Лота нигде не было видно.

Утер приветствовал меня с любезностью, плохо скрывавшей нетерпение. Должно быть, он намеревался прямо сейчас представить полководцам своего сына, однако не успел. Снаружи заиграли трубы. Утер поколебался мгновение, потом сделал торопливый знак Эктору, и тот, выступив вперед, представил Артура королю как своего приемного сына Эмриса. Артур по-взрослому собранно и чинно опустился на колено и поцеловал руку короля. Я видел, как Утер сжал его пальцы, и подумал, что вот сейчас он все объявит, но в это время опять, еще громче и ближе, заиграли трубы, и двери шатра распахнулись. Артур отошел в сторону. Утер с заметным усилием оторвал взгляд от его лица и произнес слова команды. Военачальники, отдавая приветствие, торопливо разошлись, чтобы вскочить на коней и скакать к своим полкам. От топора копыт содрогнулась земля, воздух зазвенел от возгласов и булатного звона. Вбежали четверо здоровых мужчин с шестами, и я увидел, что трон Утера — на самом деле своего рода носилки, большое кресло, в котором его понесут на поле боя. Слуга бегом поднес королевский меч и вложил ему в руку, что-то шепнув при этом, четверо носильщиков пригнулись к шестам в ожидании королевского слова.

Я шагнул в сторону. Если в эту минуту мне и вспомнился молодой отважный воин, умело и мужественно сражавшийся бок

о бок со своим братом в начале войны, то жалости и сострадания я не почувствовал — так весело вскинул голову король, так знакомо улыбнулся своей яростной улыбкой. Годы словно слетели с него. Когда бы не носилки, я поклялся бы, что передо мной здоровый человек. Даже румянец снова выступил у него на щеках, и весь он словно загорелся.

— Мой слуга сообщил мне, что ты уже предрек нам победу? — Он засмеялся молодым, звонким смехом.— В таком случае ты принес нам сегодня все, чего можно было желать. Эй, мальчик!

Артур, разговаривавший с Эктором у входа, замолчал и оглянулся. Король поманил его.

— Иди сюда. Будь со мной.

Артур бросил вопросительный взгляд на своего опекуна, потом на меня. Я кивнул. Он пошел на зов короля, а Эктор сделал знак Ральфу, и тот, не говоря ни слова, двинулся вслед за Артуром и встал с ним рядом слева от королевского кресла. Эктор еще помедлил у входа в шатер, но Утер говорил что-то своему сыну, и Артур был весь внимание. Граф закинул полу плаща через плечо, второпях кивнул мне и вышел. Снова взыграли трубы, и короля понесли навстречу солнцу и кликам туда, где его ждали, изготовившись к бою, полки.

Я не последовал за носилками вниз по склону холма, а остался на высоком месте перед входом в шатер и мог видеть, как внизу подо мною на широком поле строятся войска. Вот носилки поставлены на землю, и король, поднявшись, обращается с речью к своим солдатам. На расстоянии мне не было слышно, что он говорит, но, когда он обернулся и указал туда, где я стоял на виду у всей армии, опять раздался крик: «Мерлин!» — и затем приветственные возгласы. В ответ донесся крик из вражеского стана, полный вызова и насмешки, и тут же все потонуло в реве труб и в громе копыт, и содрогнулись небеса.

Подле башни росла старая яблоня, толстая, узловатая, кора вся в зеленых пятнах лишайника, но сучья ее клонились под грузом золотистых яблок. Перед яблоней была груда камней и среди них — некое подобие пьедестала, быть может поддерживающего когда-то статую или алтарь. Я взгромоздился на этот пьедестал и, прислонившись спиной к стволу яблони, принялся наблюдать за ходом сражения.

Знамени Лота по-прежнему нигде не было видно. Я подозвал пробегавшего мимо парня — это был подручный лекаря, он торопился в лазарет внизу под горой — и задал ему вопрос:

— А что же Лот из Лотиана? Его полки не подошли?

— Пока нет, господин. Не знаю почему. Может быть, их держат в резерве на правом фланге?

Я посмотрел туда, куда он указывал. Там, в правом конце поля, посверкивала, извиваясь, речка в широких, шагов на пятьдесят, топких берегах. Дальше подымался отлогий склон, поросший редким ивняком, ольхой и молодыми дубами, а за ним начинался настоящий лес. Склон был неровный, каменистый, но конница там прошла бы, а под покровом леса вполне могла бы спрятаться целая армия. Мне показалось, что я вижу блеск копий сквозь лесную чащу. Лот, подходя с северо-востока, должен был первым узнать о приближении саксов и никак не мог бы опоздать к началу битвы. Не иначе как он затаился в лесу, высматривал и выжидал. Но не как резерв, не по приказу короля — в этом я был убежден. Перед Лотом сегодня действительно встал выбор, о котором говорили мы с Кадором: если бой будет складываться в пользу Утера, Лот успеет ввести свои полки и разделить с ним миг триумфа, а впоследствии добычу и власть; если же побеждать будет Колгрим, то Лот сможет перекинуться на сторону саксов, вовремя отвергнув брак с Моргианой, и воспользоваться благами, которые дадут ему новые правители. Конечно, я, может быть, возвожу на него напраслину, подумал я, но сдается мне, что так оно все и есть. Жаль, я до начала битвы не узнал, что думает по этому поводу Утер. Если Лот находится где-нибудь поблизости, уж он ни за что не упустит открывшихся ему в этой битве возможностей. И он скоро заметит меня или, во всяком случае, прослышит о моем присутствии. А уж тогда он сразу поймет, кто таков этот белый отрок на белом коне, сражающийся по левую руку от короля.

Было ясно, что появление верховного короля, даже на носилках, укрепило и взбодрило дух британцев. Правда, несомый в битву, он не мог, как раньше, вести полки за собой, но его дракон развевался в самом центре поля сражения, и, хотя приближенные обступили его плотным кольцом, не подпуская врага к носилкам, самая яростная сеча пошла именно там, вокруг королевского дракона, и время от времени мне видно было, как сверкала золотая мантия и взблескивал собственный меч короля. Справа от него рубился король Регеда, а рядом с ним Кау и трое из его сыновей. Там же сражался и яростный, упорный Эктор, а слева — Кадор, с истинно кельтским блеском и упоением. Артур от природы был одарен и упорством одного, и вдохновением другого, но сейчас, я знал, он не ведал большего счастья, чем сражаться, прикрывая слева своего короля. Ральф в свою очередь, чуть отступя, прикрывал левое плечо Артура. Я видел, как его каурая кружится, вьется и оседает на круп бок о бок с белым жеребцом.

А битва кипела, перекидываясь то туда, то сюда. Вон знамя покачнулось и упало под яростным натиском врага; но британцы наседают снова, мелькают боевые топоры, и пятятся перед ними воющие волны саксов. А через заболоченную речную низину уже несколько раз промчался одинокий всадник — гонец, как можно было понять, промчался и исчез среди деревьев на том берегу. Теперь уж мне было совершенно ясно, что там укрываются и выжидают полки Лота. И я знал, так же определенно, как если бы прочел его мысли, что выжидает Лот не королевского приказа. Каких бы призывов о помощи ни отвозили ему те гонцы, все равно он не вступит в битву, покуда не станет очевидно, на чью сторону клонится победа. Так два кровопролитных часа, от полудня до трех, бились британские силы, лишенные свежих подкреплений. Ранен король Регеда и унесен с поля битвы; его полки удерживают позиции, но мне видно, что они готовы дрогнуть. И однако по-прежнему не показываются воины Лотиана. Еще немного, и, если они не ввяжутся в бой, будет, пожалуй, поздно.

Потом и впрямь стало похоже на то, что исход сражения решен. Раздался крик в гуще сечи, крик ярости и отчаяния. Королевский штандарт с алым драконом закачался, покосился и начал падать. И вдруг, несмотря на расстояние, я увидел все с такой отчетливостью, словно находился там, рядом с носилками короля. Отряд саксов, рыжебородых великанов, красных от крови, текущей из нечувствительных ран, набросился на британцев, сражавшихся вокруг короля, со всей своей мощью и свирепостью. Иные из них пали под ударами защитников короля, иных удалось потеснить назад, но двое, размахивая боевыми топорами, пробились слева к самым носилкам. Топор ударил по древку штандарта, дракон закачался, стал валиться. Державший его знаменосец, облившись кровью из перерубленного запястья, упал под копыта

лошадей. А топор, описав дугу в воздухе, уже готов был обрушиться на короля. Утер, поднявшись на ноги, замахнулся было мечом. Но меч Ральфа сверкнул и, опередив его, вонзился в сакса, тело окровавленного врага рухнуло поперек носилок, золотая королевская мантия обагрилась. Король оказался пригвожден к креслу телом убитого. Второй сакс, грозно воя, бросился к нему. Ральф с проклятьями заворачивал коня, стремясь загородить беззащитного короля от нового нападения. Но исполин сакс раздвинул британские копья, как разъяренный бык — высокую траву, и занес топор над королем. Казалось, ничто уже не остановит его руку. Но я увидел, как Артур направил вперед белого жеребца, в это время древко штандарта упало коню на грудь, и тот, заржав, взвился на дыбы. Артур, сжав коленями коня, поймал древко, крикнул и перебросил его другому ратнику по ту сторону от королевских носилок, а сам обернул ржущего, бьющего копытами жеребца навстречу нападающему исполину саксу. Сверкнул дугой боевой топор, обрушился вниз. Жеребец подпрыгнул, отпрянул, удар пришелся мимо, однако задел на пути меч Артура и выбил его из руки наземь. Снова взвился на дыбы жеребец, ударил убийственными передними копытами, и лицо сакса с топором превратилось в кровавое месиво. Но вот конь опустился на ноги подле королевских носилок, рука Артура потянулась к поясу за кинжалом, и в это время негромко, но отчетливо раздался голос короля: «Бери!» — и он бросил Артуру рукоятью вперед свой собственный меч. Артур вытянул навстречу руку и поймал рукоять меча. Я видел, как блеснул в воздухе острый клинок. Белый жеребец уже опять поднялся на дыбы, и штандарт снова реял высоко в воздухе, алый на золотом. Грянул крик и покатился по полкам от центра, где белый горячий жеребец под королевским драконом ступал по бабки в крови. И с криком ратники ринулись к ним. Я видел, как воин со штандартом замялся и нерешительно оглянулся на короля, но король взмахом руки отослал его вперед, а сам с улыбкой откинулся на спинку своего кресла.

Тут и лотианские полки, упустив минуту для задуманного Лотом картинного вмешательства, высыпали из леса и обрушились вниз, множа ряды наступающих британцев. Но битва была уже выиграна. Не было на поле человека, от чьего взгляда ускользнуло бы то, что произошло. На глазах у всех, белый на белом коне, казалось, воинский дух короля вырвался из его немощного тела и, точно блик света на острие копья, устремился вперед, нанося удар в самое сердце саксонского войска.

Саксы, теряя позицию за позицией, отступали к заболоченному краю поля, теснимые торжествующими, распалившимися бриттами, а позади сражающихся на поле выбегали люди и выносили раненых и умирающих. Носилки с Утером, вместо того чтобы двинуться назад, продолжали следовать за Артуром. Но самая гуща сражения кипела теперь не вокруг них, а далеко впереди, где под красным драконом всем были видны белый жеребец, и белый плащ, и блистающий клинок королевского меча.

Дальше стоять у всех на виду на вершине холма мне было незачем, да никто уже и не обращал на меня внимания. Я спустился вниз, где под защитой поваленных яблонь был устроен полевой лазарет. Палатки уже наполнялись, лекари и помощники трудились не покладая рук. Я послал мальчишку за ящиком с инструментами, а сам скинул плащ и повесил на нижний сук яблони, отгородив угол от солнечных лучей; и в эту тень я зазвал проходивших санитаров с носилками и велел им оставить здесь раненого.

Один из санитаров был худой, седеющий ветеран, его лицо было мне знакомо. Он работал со мной под Каэрконаном.

— Повремени минуту, Павел,— сказал я ему.— Не торопись уходить. Выносить раненых найдется кому и без тебя. А твоя помощь пригодилась бы мне здесь.

Он явно обрадовался, что я его узнал.

— Я так и подумал, что понадоблюсь тебе, господин. У меня и снаряжение с собой.

Он опустился на колени по ту сторону от лежавшего в беспамятстве раненого, и вдвоем мы стали осторожно стягивать с него разрубленный кожаный панцирь, из-под которого хлестала кровь.

— А как состояние короля? — спросил я.

— Трудно сказать. Я ведь думал, ему конец — а с ним и многому еще в нашей жизни,— а вот поди ж ты, он там сидит себе с Гандаром и улыбается, довольный. Да ему и есть чего улыбаться.

— Д-да, пожалуй... Хватит, дальше стаскивать не будем. Дайка я посмотрю...

Рана была нанесена топором, кожа и металл панциря смешались в глубине с мясом и осколками кости.

Я сказал:

— Боюсь, тут мало что можно сделать. Однако попытаемся. Бог сегодня на нашей стороне, стало быть, и на стороне этого бедняги. Держи вот тут крепче... Так ты говоришь, ему есть чего улыбаться? Это верно. Теперь удача нам не изменит.

— Удача? Скажем так: удача на белом коне. Любо-дорого было смотреть, как этот юнец врубился в гущу схватки в решающую минуту. Как раз то, что было нужно, когда король вдруг на глазах у всех рухнул в кресло, будто умер, и королевский дракон пошатнулся и упал. Мы тогда высматривали короля Лота, да только его не видно было. Поверь мне, еще бы полминуты, и мы бы все метнулись в обратную сторону. В сражении оно всегда так: диву даешься, как много решают какие-то мгновения да толика удачи. Вот так, вовремя сделанный шаг, да еще чтобы человек подходящий объявился — и все, выиграно или проиграно целое царство.

Еще некоторое время мы работали молча, я торопился, потому что раненый начал шевелиться у меня под руками и надо было успеть, пока к нему не возвратилось сознание мучительной действительности. Когда я кончил и мы уже бинтовали, Павел задумчиво заметил:

— Странная вещь.

— Что именно?

— Ты помнишь Каэрконан?

— Мне ли забыть его?

— Так вот, этот юнец сильно смахивает на него... то есть на Амброзия, я хочу сказать, на графа Британского, как он тогда именовался. На белом коне и все такое и под развевающимся драконом. Так люди говорили... И имя то же самое, верно? Эмрис. Может быть, родич ваш?

— Может быть.

— Понятно,— буркнул Павел и больше вопросов не задавал.

Но мне уже все было ясно: слух разнесся по всему нашему лагерю, едва только мы с Артуром появились в сопровождении эскорта. И пусть себе. Утер уже обнаружил свои намерения. Мальчик выказал столько отваги, и воинская удача нам улыбнулась, а Лот так позорно просчитался — пусть-ка он теперь попробует переубедить короля или доказать лордам, что сын Утера не годится в вожди.

Раненый очнулся и закричал, и больше нам уже было не до бесед.

Глава 2

К ночи с поля унесли всех павших. Король покинул сражение, но прежде, чем стало ясно, на чьей стороне победа и никакому маневру саксов уже не под силу было тут что-либо изменить. Когда все стихло, главные британские силы отошли к северо-западу в свое прежнее расположение на окраине города, а удерживать поле оставили только Кадора и Кау, короля Стрэтклайда. Лот не стал искать сочувствия у остальных военачальников, а сразу же, как прекратился бой, убрался в город, залег в своем шатре, подобно Аяксу, и никому не показывался. По слухам, он пришел в бешеную ярость из-за того, что король так отличил неизвестного юнца на поле брани, и погрузился в свирепое молчание, узнав, что Эмрис приглашен вместе со мной на победный пир, где его, конечно же, ожидают дальнейшие почести. Толковали в лагере и о причинах, побудивших Лота так промедлить с введением в бой своих полков. О предательстве прямой речи не было, но люди открыто говорили, что задержись они еще хоть немного да не окажись там Артура, свершившего маленькое чудо, и бездействие Лотиана стоило бы Утеру поражения в бою. Гадали также вслух и о том, перестанет ли Лот дуться и молчать и примет ли участие в пире, назначенном на следующий вечер. Но я-то знал, что Лот не усидит в одиночестве. Побоится. Он хотя и помалкивал, но наверняка знал, кто такой на самом деле Эмрис, и, если он намерен прилюдно его опорочить, дабы отнять у него власть, которой так давно добивается, другого случая у него не будет.

Когда в палатках под яблонями кончили возиться с теми из пострадавших, чьи раны нуждались в безотлагательном внимании, лекарский отряд тоже вернулся в город, где устроили лазарет. Я перебрался вместе с ними и до самой ночи хлопотал над ранеными. Наши потери были для такого побоища не очень велики, но все-таки похоронным командам предстояло ночью немало потрудиться под взглядами волков и слетающегося воронья. А в болотистой низине мерцали огни — саксы сжигали своих мертвецов.

К полуночи я кончил работу в лазарете и сидел в сенях, пока Павел укладывал мои инструменты, как вдруг кто-то быстро прошел через двор и остановился на пороге у меня за спиной.

Можете обругать меня старым дураком — если оглянуться через все годы на мою несостоявшуюся жизнь, то, пожалуй, это будет не так уже далеко от истины,— но мне не только любовь подсказала, что это он. Я еще не повернул головы, как на меня сквозь запахи целебных снадобий, сквозь смрад мук и страхов повеяло отрадным благоуханием. Даже светильники вспыхнули ярче.

— Мерлин? — позвал он тихо, как всякий перед лицом чужого страдания; но голос его еще звенел упоением недавнего боя.

Я оглянулся с улыбкой, но тут же нахмурился:

— Ты ранен? Глупый мальчишка, что же ты так поздно пришел? Дай я осмотрю тебя.

Он вырвал у меня задубевший от крови рукав.

— Ты что, не можешь отличить по виду черную саксонскую кровь? На мне нет ни царапины. Ах, Мерлин, какой день! И какой король! Отправиться в битву хворым, на носилках — вот это настоящая храбрость, куда большая, чем воевать верхом на добром коне и с добрым мечом в руке. Клянусь, мне даже задуматься не понадобилось... все получилось само собой... Мерлин, это было великолепно! Я рожден для этого, теперь я убедился! А ты видел, как было дело, как поступил король? Видел его меч? Клянусь, этот меч прямо повлек меня вперед, своей волей, не моей... И тут вдруг крики, и солдаты хлынули за мной, будто море вышло из берегов. Я ни разу даже не пришпорил Канрита... Все произошло так быстро и вместе с тем так медленно и отчетливо, каждый миг растянулся в вечность. Я и не подозревал, что можно одновременно испытывать удушающий жар и ледяной холод, а ты?

Он продолжал торопливо говорить, не дожидаясь моих ответов, глаза его еще горели восторгом боя, упоением пережитого. А я и не слушал почти, я смотрел на него и на лица санитаров и слуг и тех раненых, кто был в сознании и мог его слышать. И я видел, какое он оказывал действие — вот так же и Амброзиево присутствие после битвы давало силы страждущим и утешение умирающим. Артур обладал тем же удивительным свойством, в будущем мне еще не раз предстояло видеть его в действии: он словно разливал вокруг себя силу и сияние, и, однако же, они вновь преумножались в нем. Я знал, что с возрастом все труднее ему будет даваться такое обновление, но сейчас он был еще совсем юн, и впереди был расцвет его сил. После всего, что было сегодня, кто осмелится утверждать, будто он не годится в короли из-за своей молодости? Неужели закосневший в интригах Лот, который спит и видит, как бы ему сесть на чужой трон? Нет, сегодняшний день доказал, что самая молодость Артура и вызвала в солдатах прилив отваги — так охотник призывает на след стаю гончих, так колдун свистит и подымается ветер.

На одной из коек он увидел знакомого солдата — тот рубился от него по соседству — и, тихо ступая, прошел в глубь лазарета, чтобы потолковать сначала с ним, а потом и с другими. Двоих, я слышал, он назвал по имени.

«Дай ему меч,— было сказано мне в видении,— и его собственная природа доделает остальное. Короли создаются не из снов и пророчеств; ты еще не начал работать на него, а уж он был таким, каков он сейчас. Все, что ты мог,— это охранять его, пока он рос. Ты, Мерлин, точно кузнец Веланд у черной наковальни: ты выковал меч и придал его лезвию остроту, но он сам прорубит себе путь».

— Я видел, как ты стоял наверху у яблони,— весело сказал Артур. Он вышел со мной в сени, где я задержался, давая наставления дежурному.— Солдаты говорили, что это добрый знак. Что раз ты над нами, на холме, битва, можно сказать, выиграна. И это чистая правда, потому что я все время, даже когда не думал, неизменно чувствовал на себе твой взгляд. Чувствовал, что ты близко. Это было как щит, прикрывающий спину. Мне даже казалось, будто я слышу...

Он осекся на полуфразе. Глаза его расширились и остановились на чем-то у меня за спиной. Я оглянулся, чтобы узнать, что сковало ему язык.

Моргаузе было уже двадцать два года, и она стала еще обворожительнее, чем в тот год, когда я ее видел в последний раз. Она явилась в сером, в свободном длинном одеянии мышиного цвета, в котором должна была бы походить на монахиню, но почему-то не походила. Украшений она не надела — да и ни к чему они были. Кожа ее превосходила белизной мрамор, и продолговатые глаза, которые я хорошо помнил, отливали золотисто-зеленым из-под рыжеватых ресниц. Волосы она, как подобает незамужней женщине, носила, распустив по спине золотой волной, только убрав со лба под широкую белую ленту.

— Моргауза! — воскликнул я удивленно.— Тебе здесь не место!

Но тут же вспомнил о ее лекарском искусстве и увидел у нее за спиной двух женщин и пажа с коробками и скатанными бинтами. Она, должно быть, как и я, возилась с ранеными, а может быть, она здесь в свите короля и ухаживала за ним в его немощи. Я поспешил добавить:

— Да, да, понимаю, прости. И прости, что я неприветливо тебя встретил. Твое искусство здесь будет полезно. Скажи мне, как здоровье короля?

— Он пришел в себя и сейчас отдыхает. Он весел и, по-видимому, чувствует себя неплохо. Должно быть, битва была необыкновенная. Мне жаль, что я ее не видела.— Она устремила долгий оценивающий взгляд на Артура, стоящего у меня за спиной. Было очевидно, что она признала в нем юношу, завоевавшего сегодня всеобщее восхищение, но король еще не успел открыть ей, кто он таков. Ни в голосе ее, ни во взгляде не было и намека на такое знание, когда она сделала ему реверанс: — Сударь.

Лицо Артура зарделось, как полковое знамя. Он, запинаясь, выговорил какое-то приветствие, на глазах превратившись снова в неуклюжего, застенчивого мальчика — а ведь мальчиком он не был ни застенчивым, ни неуклюжим.

Она выслушала его равнодушно и опять обратила взгляд на меня: двадцатилетняя женщина, пренебрегающая подростком. Я подумал: нет, она еще не знает.

А она мелодичным, ласковым голосом произнесла:

— Господин мой Мерлин, я пришла к тебе с вестью от короля. Позднее, когда ты отдохнешь, он хотел бы побеседовать с тобой.

Я с сомнением сказал:

— Но ведь уже очень поздно. Может быть, пусть он поспит?

— Мне кажется, он будет лучше спать, если сначала поговорит с тобой. Ему не терпелось тебя увидеть сразу же по возвращении с поля боя, но сначала ему следовало отдохнуть, и я дала ему снотворного снадобья. Сейчас он проснулся. Ты мог бы прийти к нему через час?

— Хорошо.

Она, потупя взор, еще раз сделала реверанс и вышла так же неслышно, как вошла.

Глава 3

Мы поужинали с Артуром вдвоем. Мне отвели комнату с окном на реку. Вдоль берега, обнесенный высокой стеной с воротами, тянулся небольшой сад. Комната Артура примыкала к моей, а вход в ту и в другую был через прихожую, где находилась вооруженная охрана. Утер принял все меры предосторожности.

Моя комната была просторна и богато убрана. Там нас дожидался слуга с едой и вином. За ужином мы почти не говорили. Я устал и проголодался, а Артур хоть и ел со своим всегдашним аппетитом, теперь, после недавнего возбуждения, был как-то по-особенному молчалив — возможно, из уважения ко мне, решил я. Я же ни о чем другом сейчас не мог думать, кроме предстоящего разговора с Утером и того, что принесет нам завтрашний день; а сам испытывал при этом только упадок духа, который относил за счет трудного пути и долгого, полного событий дня. Но в глубине души я понимал, что этим дело не исчерпывается — я словно ступил с залитой солнцем равнины на болото, над которым навис густой, волглый туман.

Пришел Ульфин, слуга Утера, дабы сопровождать меня к королю. По взгляду, который он задержал на Артуре, я понял, что правда ему известна, но, проходя со мной длинными коридорами к опочивальне короля, он не обмолвился о ней ни словом. Казалось, одно только заботило его сейчас — нездоровье короля. И когда меня ввели в опочивальню, я убедился, что беспокойство имело основание. Даже с утра перемена была разительна. Король в подбитом мехом халате полулежал в постели, откинувшись на подушки, и без королевского облачения, без лат, пурпура и парчи на виду была бедственная худоба его тела. Я сразу увидал смерть в его лице. Не сегодня и не завтра, но она недолго заставит себя ждать — вот откуда, подумалось мне, та неясная тревога, что гнетет мне душу. Но немощный и недужный король, однако, выказал радость при виде меня, ему не терпелось начать разговор, и я отбросил горькие предчувствия. Пусть в нашем распоряжении только нынешняя ночь и завтрашний день, мы с Утером еще успеем увидеть, как взойдет и утвердится в зените наша звезда.

Он заговорил сначала о выигранной битве и о событиях минувшего дня. Я понял, что все сомнения оставили его, что он сожалеет, хотя и не признается открыто, о потерянных для него

годах Артурова отрочества. Он засыпал меня вопросами, и, как ни опасался я утомить его рассказом, было ясно, что на душе у него станет легче, когда я удовлетворю его любопытство. И потому, по возможности кратко и ясно, я поведал ему историю последних лет, со всеми подробностями жизни мальчика в Диком лесу, которым не нашлось места в донесениях, им от меня полученных. Поведал я ему и то, что знал и что подозревал о недругах Артура; при имени Лота он не выказал волнения и выслушал меня, не прервав. О мече Максима я говорить не стал. Король сегодня прилюдно вложил собственный меч в руку сына; мог ли он яснее выразить, что считает его своим наследником? А меч Максена, когда объявится в нем нужда, вручит ему бог. Между двумя этими дарами оставался еще темный промежуток будущего, который был скрыт от меня,— зачем тревожить короля понапрасну?

Когда я кончил, Утер откинулся на подушки и полежал так в молчании, глубоко задумавшись и устремив взгляд в дальний конец комнаты. Потом он заговорил:

— Ты был прав, Мерлин. Даже в том, что трудно поддавалось пониманию и за что, не понимая, я осуждал тебя, ты был прав. Бог держал нас в руке своей. И несомненно, это бог внушил мне отказаться от сына и оставить его на твое попечение, чтобы он вырос вот таким и возмужал в тайне и в безопасности. Мне все же дано было увидеть, какого принца зачал я в ту дикую ночь в Тинтагеле и какой король придет мне на смену. Мне бы следовало больше тебе доверять, бастард, как доверял тебе мой брат. Мне ведь нет нужды объяснять тебе, что я умираю? Гандар мнется и жмется и увиливает от ответа, но ты, королевский прорицатель, ты ведь признаешь правду?

Вопрос прозвучал властно, требуя ответа. И когда я сказал: «Да», на устах Утера мелькнула почти довольная улыбка. И, видя, с какой суровой отвагой встречает он смерть, я почувствовал к нему больше расположения, чем испытывал прежде. Вот чем очаровал он сегодня Артура — гордым королевским достоинством, которое пришло к нему с запозданием, но все же пришло. Сейчас, когда близко свершение, мы с Утером словно объединились в этом мальчике. Король кивнул. Время пережитого за день и вечер уже начинало сказываться на нем, но взгляд его оставался дружелюбен, а речь жива:

— Ну что ж, с прошлым мы разобрались, а будущее — это уже его дело. И твое. Но я еще не умер, я еще верховный король, и настоящее в моей власти. Я послал за тобой, чтобы сказать, что завтра на праздничном пиру объявлю Артура моим наследником. Лучше случая не придумать. После сегодняшнего боя никто не скажет, что он недостоин королевского трона, он показал, чего он стоит, и люди видели, более того, видела армия. Даже захоти я теперь оставить тайну нераскрытой, едва ли это было бы возможно: слух пробежал по лагерю, как огонь по соломе. А сам он еще ничего не знает?

— Похоже, что нет. Пора бы ему, кажется, начать догадываться, но он как будто ничего не подозревает. Ты сам ему завтра скажешь?

— Да. Я пошлю за ним утром. А до тех пор, Мерлин, оставайся при нем и не спускай с него глаз.

После этого он посвятил меня в свои планы на завтра. Сначала он поговорит с Артуром, а вечером, когда все придут в себя после боя и подлечат раны, Артур будет призван со славой и почетом на пир и предстанет перед знатью. Что до Лота, спокойно и прямо продолжал король, то трудно сказать, как он себя поведет, но он так много проиграл в глазах людей, не вступив вовремя в битву, что даже в качестве сговоренного жениха королевской дочери не отважится выдвинуть открыто свои притязания и оспорить выбор верховного короля. О том, что Лот готов был, обернись фортуна иначе, перекинуться на сторону саксов, король не упомянул, он видел в его промедлении лишь попытку придать себе веса — чтобы вышло так, будто вмешательство Лота принесло британцам победу. Я также промолчал. Как бы то ни было, справедливы такие черные подозрения или нет, но это теперь уже была не Утерова забота.

Потом он заговорил о дочери своей Моргиане. Брак, о котором был у них твердый договор, непременно должен был свершиться, нарушить договор значило бы смертельно оскорбить Лота и северных королей, кормившихся от него. Да так оно будет и безопаснее. Лот по тем же соображениям тоже не посмеет отказаться от нареченной невесты, а сыграв свадьбу, свяжет себя в глазах людей с Артуром, который к этому времени будет уже объявлен и всеми признан «королем», чуть было не сказал Утер, но все-таки выговорил «наследником». Вид у него был усталый,

и я уже поднялся было, чтобы его оставить, но он пошевелил исхудалой рукой, и я остался. Он заговорил не сразу, а сначала полежал молча, с закрытыми глазами. Откуда-то потянуло сквозняком, свечи затрещали и оплыли. Заколебались тени, затемнили королевское лицо. Но вот свет выровнялся, и я опять увидел его глаза — они ясно смотрели на меня из глубоких подбровий.

Потом я услышал его голос, тонкий от напряжения. Он просил меня. Нет, не просил. Утер, верховный король, умолял меня не покидать Артура, довершить начатый труд, хранить его сына, наставлять, оберегать...

Голос иссяк, но глаза глядели все так же искательно, с мольбой, и я понимал, что они говорили: «Открой мне будущее, Мерлин Королевский Маг. Дай услышать твое пророчество».

— Я буду с ним,— произнес я.— Остальное я уже говорил тебе раньше. С мечом королей в руке он свершит такое, что превзойдет людские надежды. Под его властью объединятся страны, и будет мир и свет перед тьмой. Когда воцарится мир, я вернусь к своему одиночеству, но всегда буду готов по первому его зову явиться на помощь, едва только он свистнет, как высвистывают ветер.

Так говорил я, не потому, что глазам моим опять предстало видение — видения не являются по заказу, да и присутствие Утера никогда к этому не располагало. Но, желая дать покой его душе, я говорил по памяти прежних пророчеств и по знанию людей и событий, а такое знание нередко равносильно провидению. И он успокоился, а мне только этого и надо было.

— Это я и хотел услышать,— проговорил он.— Что ты будешь с ним, будешь служить ему при всех обстоятельствах... Может быть, если бы я послушал брата и удержал бы тебя при себе... Ты дал обещание, Мерлин. Никто не обладает таким могуществом, как ты, даже верховный король.

Он сказал это беззлобно, как вещь очевидную. Голос его вдруг прозвучал устало, расслабленно.

Я поднялся.

— Теперь я оставлю тебя, Утер. Ты должен поспать. Что за питье дает тебе Моргауза?

— Не знаю. Пахнет маком. Она разбавляет его теплым вином.

— А спит она здесь, подле тебя?

— Нет. Дальше по коридору, в первом женском покое. Но не буди ее сейчас. Тут в кувшине еще довольно этого питья.

Я подошел к столу, взял в руки кувшин и понюхал. Питье было уже смешано с вином; запах от него шел крепкий и сладкий: мак и еще кое-какие известные мне снадобья, но было и что-то еще, чего я не мог назвать. Я намочил палец и поднес к губам.

— Кто-нибудь прикасался к кувшину после нее?

— Что? — Он успел забыться, но не сном, а недужной, смутной тревогой.— Прикасался? Я не видел никого, да меня травить никто и не станет. Каждому известно, что всю мою пищу сначала отведывает паж. Можешь позвать его, если хочешь.

— Незачем,— ответил я.— Пусть спит.

Я налил в чашку немного питья, но не успел поднести ко рту, как Утер с неожиданной силой произнес:

— Не делай глупости! Поставь!

— Ты же сказал, что отравы тут быть не может.

— Все равно. Не будем рисковать.

— Ты что же, не доверяешь Моргаузе?

— Моргаузе? — недоуменно переспросил он, словно не понимая, при чем здесь она.— Нет, отчего же. Она все эти годы за мной ходила, даже от венца отказалась, а ведь... Ну да что там. Ее судьба «в дымке», так она говорит, и она готова ждать ее решения. Она изъясняется загадками, как и ты порой, а я загадок не терплю, ты же помнишь. Нет, в своей дочери я не могу усомниться. Но нынешней ночью, изо всех ночей, нам следует быть особенно настороже, а ты изо всех людей, кроме моего сына, мне сейчас особенно необходим.— И он улыбнулся, снова став на мгновение прежним Утером, которого я так хорошо помнил, насмешливым и прямолинейным и чуточку злорадным.— То есть до тех пор, пока он не признан, а после этого мы с тобой друг без друга, я полагаю, обойдемся.

Я усмехнулся.

— Вот я пока и отведаю твоего вина. Не беспокойся, запаха отравы я в нем не чую. И смерть моя еще не подошла.

Я не прибавил: «Потом позволь мне удостовериться, что ты доживешь до завтра и сможешь провозгласить своего сына наследником престола». Непонятная тень, маячившая у меня за спиной, не была моей собственной смертью и Артуровой, я знал, тоже, а вот смертью короля еще могла вопреки моим расчетам

оказаться. И потому я набрал в рот вина, подержал на языке и проглотил. Король лежал, откинувшись на подушки, и успокоенно наблюдал за мной. Я сделал еще глоток и, перейдя через комнату, снова уселся у его ложа. И опять потекла наша беседа, теперь непринужденная, ни о чем — о расшитом воспоминаниями прошлом, о будущем в сиянии славы за тенью неведения. Мы неплохо теперь понимали с ним друг друга, Утер и я. Убедившись, что вино безвредно, я налил ему, дал выпить, а затем призвал к нему Ульфина и оставил его во власти сна.

Глава 4

Все покуда шло хорошо. Даже если бы Утер не дожил до утра — а ничто в его облике и в моей душе не предвещало для него столь близкой кончины,— все равно обстоятельства складывались благоприятно. Я при поддержке Кадора и клятвенном подтверждении Эктора мог и сам не хуже Утера открыть лордам тайну Артурова рождения, а право, за которым сила,— это уже залог победы. Меч, переданный королем отроку во время битвы, также служил в глазах воинов доказательством того, что он избран в наследники, и они, кто следовал за ним в бою, пойдут за ним и теперь. Не обрадуются концу смутных дней и провозглашению бесспорного престолонаследника разве только одни наши северо-восточные немирные соседи.

Тогда откуда, думал я, идучи длинными коридорами в свои покои, эта тяжесть у меня на сердце? Что это за черная тень, зловещая, как предчувствие смерти? Почему, если кровь моя предсказывает беду, глаза мои ее не видят? Что за призрак, костистый и алчный, затаился и застит сияние прошедшего дня?

Однако уже минуту спустя, когда, кивнув стражнику у входа, я прошел к себе в комнату, край беды приоткрылся моему взору. Через дверь в комнату Артура я увидел его постель: она была пуста.

Поспешными шагами я вернулся в прихожую и, склонившись над спящим слугой, попытался его растолкать. Тут в нос мне ударил знакомый запах: то же снотворное снадобье, что и в вине у короля. Оставив слугу храпеть на подстилке, я выбежал обратно в коридор. Стражник в испуге прижался к стене, как видно устрашившись моего лица.

Но я только тихо спросил:

— Где он?

— Господин, с ним ничего худого не приключилось. Для тревоги нет причины... Мы не нарушили приказ, ему ничего не угрожало. Второй стражник проводил его до самой двери и остался ждать...

— Где он?

— В женских покоях. Когда девушка пришла за ним

— Девушка?

— Ну да, господин. Она пришла сюда. Мы ее, понятно, остановили, не пропустили внутрь, но тут он сам вышел к двери...— Успокоенный моим молчанием, стражник понемногу разговорился.— Право, господин, ну что тут худого? Это приближенная дама принцессы Моргаузы, темноволосенькая такая, ты небось тоже ее заметил, пышненькая, что твоя малиновка-красногрудка, и с лица хорошенькая, молодому господину по заслугам...

Да, я ее тоже заметил: маленькая и вся округлая, щеки румяные, глаза карие блестят, как у птички. Миловидная смуглянка, совсем молоденькая и свежая, как летний день. Но я прикусил губу.

— Давно?

— Часа два, наверное, будет,— ответил он с ухмылкой.— Времени вдоволь. Какой в том вред, господин? Да и захоти мы, разве бы нам его удержать? Ее мы не пропустили, у нас приказ был, и он это знал. Ну он и говорит, что, мол, пойдет с ней, так разве ж мы можем воспрепятствовать? И потом, такая награда по справедливости венчает день первого боя.

Я что-то сказал ему в ответ и вернулся в свою комнату. Стражник был прав: они соблюли долг, как разумели,— в такие дела никакая охрана не вмешивается. Да и впрямь, что тут худого? Сегодня мальчик при свете дня обрел одну половину мужества — вторую он неизбежно должен был добыть сегодня же под покровом ночи. Как меч его утолил ныне кровью сжигавшую его жажду, так и сам он горел бы заживо, покуда не получил утоления от женского тела. Всякий, с горечью подумал я, кроме пророка, беседующего с богами, мог это предвидеть. Любой воспитатель спокойно предоставил бы нынешней ночи завершиться по естественному предначертанию. Но я — Мерлин, тени обступили меня, и мне страшно.

Я стоял один посреди комнаты, где теснились тени, и смирял смятение, глядя в лицо собственному страху. Чернота шла от моей души: что же это, просто человеческая черная зависть к Артуру, в четырнадцать лет так легко вкусившему удовольствие, к которому я в двадцать лет стремился столь же страстно, но потерпел позорную неудачу? Или же это боязнь пуще зависти, боязнь утратить хотя бы частью любовь, так высоко ценимую и так недавно обретенную? А может быть, я страшился за него одного, зная, что женщина крадет у мужчины силу? Эту последнюю мысль я тут же отверг. Нет, не отсюда моя чернота. В тот день, когда, двадцатилетний, я сбежал, преследуемый женским злым, издевательским смехом, я сознавал, что должен сделать трезвый выбор между мужеством и могуществом, и выбрал могущество. Но сила Артура будет в другом — в полном и могучем расцвете его мужества; сила королей. Он не раз доказывал, что, как ни любит он меня, как ни стремится мне подражать, все-таки он Утеров сын, его плоть и кровь: мужество манило его всеми своими свершениями. И первую в своей жизни женщину он по праву должен был получить как раз сегодня. А мне следовало посмеяться вместе со стражником да отправиться мирно спать, предоставив ему вкушать плотские радости.

Но ведь не зря же этот холод у меня внутри и капли пота на лице. Я стоял неподвижно перед лампой, которая вспыхивала и мерцала, стоял и думал.

Моргауза, думал я, приближенная дама Моргаузы. И она опоила слугу, чтобы он не побежал и не сообщил мне, что Артур уже два часа как находится в ее покоях... Моргауза — единокровная сестра Моргианы, что, если она служит Лоту? Он мог посулить ей золотые горы в случае, если станет королем. Она, правда, не покушалась на жизнь Утера, это так, но ведь ей известно, что еду и питье отведывает сначала слуга. К тому же им не было расчета отделываться от короля, покуда Лот не обвенчается с Моргианой и сможет объявить себя законным наследником верховного престола. Но вот теперь, когда Утер уже при смерти, вдруг появился Артур, и рядом с ним обесценились все притязания Лота. Если Моргауза и вправду враг, если ей нужно убрать Артура, не допустить его прихода на завтрашний пир, то не иначе как он лежит сейчас, опоенный дурманом, попал в руки Лота, умирает...

Все это глупости. Не для смерти дал ему бог императорский меч и показал его мне верховным королем. Моргаузе нет причины желать Артуру зла. Ей больше выгоды, если королем станет ее единокровный брат, а не Лот, муж ее сестры. Смерть Артура, хладнокровно рассуждал я, не в ее интересах. И однако же я чувствовал смерть: она имела неясные очертания и неопределенный запах. Запах предательства, смутно помнившийся мне со времен детства, когда мой дядя замышлял измену своему отцу-королю и мою гибель. Рассуждения тут были ни при чем, я просто знал, я чуял беду и должен был ее обнаружить.

Идти через весь дом и всюду спрашивать Артура было бы нелепо. Если он сейчас нежится в постели с женщиной, он мне этого всю жизнь не простит. Придется разыскивать его иным способом, а так как я — Мерлин, такой способ у меня есть. Застыв в полумгле посреди комнаты, вытянув вдоль тела руки и сжав кулаки, я смотрел и смотрел на пламя лампы...

Знаю, что не сдвинулся с места, не покидал своих покоев, но в памяти осталось, будто я тихо и невидимо, как призрак, вышел вон, не замеченный стражником, и двинулся полутемным коридором к дверям Моргаузы. Здесь я застал второго стражника, он не спал, а глядел перед собой широко открытыми глазами, однако меня не увидел.

Изнутри не доносилось ни звука. Я вошел.

В передней комнате воздух был спертый, жаркий, пахло духами и притираниями, какие употребляют женщины. Здесь стояли две кровати, и в обеих кроватях спали. У порога внутренней опочивальни, свернувшись, дремал паж Моргаузы.

Две кровати, и две головы в изголовьях. Старая женщина, седая, рот приоткрыт, похрапывает мирно. Другая спит беззвучно, на подушке — тяжелая черная коса, заплетенная на ночь. Маленькая смуглянка спала одна.

И тут я осознал, какая угроза томила мне душу, какую опасность, перед лицом смерти, предательства и поражения, я упустил из виду. Я уже говорил, что те, кто наделен даром божественного провидения, часто бывают по-человечески слепы — отдав мужество за могущество, я оказался беспомощен перед женщинами. Будь я не мудрец, а обыкновенный человек, я бы заметил, как глаза ответили глазам в лазарете, разгадал бы последующее молчание Артура, понял бы, что означал тот долгий, оценивающий женский взгляд.

Она, конечно, владела магией, раз сумела так меня ослепить. Может быть, теперь, понимая, что я уже бессилен вмешаться,

она дала развеяться своим чарам или, засыпая, позволила им ослабнуть. А может быть, мои чары оказались могущественнее, и загородиться от моего взгляда она не сумела. Видит бог, я не хотел смотреть, но я был пригвожден к месту собственной моей силой, а так как нет силы без знания и нет знания без муки, стены и дверь в опочивальню Моргаузы растаяли перед моим взором, и я все увидел своими глазами.

Времени вдоволь, сказал стражник. Времени им и впрямь хватило с избытком. Женщина лежала нагая, раскинувшись поверх постели. Юноша, смуглокожий рядом с белизной ее тела, замер в упоении, голова — у нее на груди, лицо отвернуто. Он не спал, но и не бодрствовал, слепо, отрешенно, самозабвенно шаря ртом по ее коже, точно щенок, который ищет сосок на брюхе матери. Ее лицо мне было видно отчетливо. Она обнимала его голову, охваченная той же тяжелой истомой, но лицо ее не выражало нежности. Не выражало и наслаждения. На нем было написано лишь злобное торжество, как у воина в битве; золочено-зеленые глаза широко раскрыты и уставлены куда-то во тьму, а маленький рот изогнут в победоносной — или презрительной? — улыбке.

Глава 5

Он вернулся перед самым рассветом. Только что просвистала первая птаха, и тут же грянул разноголосый утренний птичий хор, в котором едва не потонул негромкий лязг оружия за дверью и тихие слова, обращенные входящим к стражнику. Потом он вошел, сонно щурясь, и вдруг остановился, не дойдя до своей двери, потому что заметил меня у окна в кресле с высокой спинкой.

— Мерлин? Так рано — и уже поднялся? Тебе не спалось?

— Я не ложился.

Он сразу встрепенулся, встревожился, насторожился.

— В чем дело? Что-нибудь случилось? Что-то с королем?

Хорошо хоть, подумал я, ему не приходит в голову, что я караулю его, чтобы допросить, где он пропадал всю ночь. И пусть он никогда не узнает, что я выходил отсюда и разыскал его.

— Нет,— ответил я.— Король тут ни при чем. Но мне надо поговорить с тобой до наступления дня.

— О боги, только не сейчас, если ты меня любишь! — зевая и смеясь, сказал он.— Я так хочу спать, Мерлин. Ты догадался, где я был, или тебе стражники сказали?

Он подошел ближе, и от него пахнуло ее духами. Меня замутило. Я вздрогнул.

— Нет, сейчас,— твердо возразил я.— Умойся и проснись. Я должен тебе кое-что сказать.

В комнате горела только одна лампа, да и ту я прикрутил совсем низко, и ее свет уже померк в свинцовой белизне утра. Я разглядел, как на скулах у Артура обозначились желваки.

— По какому праву...— начал было он, но тут же сумел овладеть собою, обуздать свое бешенство.— Хорошо. Я понимаю, у тебя есть право меня допрашивать, мне только не нравится время, которое ты выбрал.

Это уже было совсем другое, чем уязвленная ребяческая гордость тогда, на берегу озера. Вот как далеко успели они его увести — меч и женщина. Я сказал:

— У меня нет права тебя допрашивать, нет и намерения такого. Успокойся и выслушай. Я действительно собираюсь говорить с тобой и о том, помимо прочего, что было сегодня ночью, но беспокоит меня совсем другое. За кого ты меня принимаешь, за аббата Мартина? Я не оспариваю твоего права вкушать плотские радости, где и когда тебе вздумается.— Он все еще слушал враждебно, кипя гордостью и гневом. Чтобы дать ему успокоиться и выиграть время, я мягко добавил: — Может быть, правда, неразумно было выходить из своей комнаты сегодня ночью, когда здесь столько людей, которые ненавидят тебя за вчерашнюю битву. Но могу ли я винить тебя? Ты доказал свое мужество на поле брани — почему же вслед за тем не доказать его в постели? — Я улыбнулся.— Хотя сам я никогда не возлежал с женщиной, я знаю, что значит испытывать желание. И тому, что ты сегодня же был так вознагражден, я рад.

Я замолчал. Он стоял бледный от гнева, но теперь даже в полумгле рассвета мне было видно, как схлынул его гнев, а с ним и последние остатки краски с лица. У него словно дыхание прервалось, кровь остановилась в жилах. Глаза стали черными. Он прищурил их, будто я ему плохо виден, будто он только сейчас впервые в жизни меня заметил и никак толком не разглядит. От такого взгляда мне сделалось не по себе, а я не из тех, кого легко смутить.

— Ты никогда не возлежал с женщиной?

Весь поглощенный мыслями о предстоящем разговоре, я счел эти слова пустячными и неуместными.

— Ну да, я же сказал,— недоуменно подтвердил я.— По-моему, это всем известно. И у некоторых, по-моему, вызывает презрение. Но те...

— Так ты что же, евнух?

Вопрос прозвучал грубо, и при этом нарочно грубо. Я вынужден был переждать минуту, а уж потом ответил:

— Нет. Я хотел сказать, что те, для кого целомудрие достойно презрения, не принадлежат к числу людей, чье презрение способно меня задеть. Неужто и ты из таких?

— Каких?

Он явно не понял ни слова из моей речи. Стряхнув власть обуревавшего его необъяснимого смятения, он со всех ног бросился к себе в комнату, как будто задыхался, как будто ему не хватало воздуха. И только пробормотал на бегу:

— Я сейчас. Мне надо умыться.

Дверь за ним захлопнулась. Я сразу вскочил на ноги и, опершись ладонями о подоконник, выглянул в прохладное сентябрьское утро. Закричал петух; издалека ему отозвались другие. Я заметил, что дрожу: я, Мерлин, некогда спокойно смотревший, как короли, принцы и епископы прямо у меня на глазах замышляют мою погибель; я, беседовавший с мертвыми; я, умеющий вызвать бурю и пожар, высвистывать ветер. Что ж, этот ветер я накликал сам, не мне теперь от него прятать голову. Но я-то рассчитывал на его любовь ко мне, надеялся, что она поможет нам обоим выдержать предстоящий разговор. Не думал я, что утрачу его уважение — да еще по такому ничтожному поводу,— и как раз в эту решающую минуту.

Я говорил себе, что он еще совсем юн; что он Утеров сын и только что от своей первой женщины и его распирает новая, мужская гордость. Я говорил себе, что глупо было надеяться на ответную любовь, мальчик платил мне, как и я — моему наставнику Галапасу, всего лишь простой привязанностью, приправленной толикой страха. Все это и еще многое другое говорил я себе, и к тому времени, когда Артур возвратился, я уже сидел, спокойно поджидая его, у стола, на котором стояли два полных кубка с вином. Он, ни слова не говоря, взял один, отошел с ним в дальний конец комнаты и сел на край моей кровати. Умываясь, он намочил даже волосы, и мокрые пряди липли ко лбу. Халат он сменил на дневную одежду и в короткой рубахе, без плаща и без лат, снова стал мальчиком, тем Артуром, что резвился все лето в Диком лесу.

Я тщательно обдумал, с чего начинать разговор, но сейчас никакие слова не шли мне на ум. Молчание прервал Артур. Он не глядел на меня, а крутил в ладонях кубок, взбалтывая в нем вино, будто важнее этого не было ничего на свете. Потом ровно и отчетливо проговорил, словно тем самым все объяснялось, и действительно все встало на свои места:

— Я думал, что ты — мой отец.

Так выходишь на поединок, и вдруг оказывается, что твой противник и меч в его руке просто примерещились тебе, и в тот же миг почва уходит у тебя из-под ног, как топь на болоте. Я лихорадочно собирал разбежавшиеся мысли.

Нет, он дарил мне почтение и любовь, этот мальчик, мне посчастливилось внушить их ему,— впрочем, всякий отец должен сам заслужить любовь и почтение сына. Но я вдруг понял и многое другое. Мне стала понятна та готовность, та уверенность в добром приеме, с какой он всегда ехал ко мне, хотя, казалось бы, одному только Эктору должны были принадлежать по праву его чувства. И точно золотое рассветное небо в разрыве серых туч за окном, мне вдруг раскрылось то ослепительное предвкушение, с каким он ехал со мной в Лугуваллиум. Я вспомнил мои собственные неустанные детские поиски отца и как я готов был видеть его во всяком мужчине, который взглядывал на мою мать. Артуру приходилось полагаться на слово приемных родителей в том, что он побочный сын благородного отца, и надеяться на обещанное признание, «когда он вырастет и облачится в латы». Как свойственно детям, он говорил мало, но ждал и мечтал все время — так же ждал и мечтал когда-то и я. И в разгар этих его неотступных ожиданий явился я, окруженный некой тайной и с видом человека, как говорил Ральф, привыкшего к почтительному обращению и одержимого высшей целью. Мальчик мог заметить внешнее сходство между нами, а вернее, кто-нибудь, например Бедуир, обратил на это его внимание. И, сделав собственные выводы, он продолжал ждать наготове со своей любовью, со своим сыновним послушанием и доверием на будущие времена.

Потом появился меч — дар, как ему казалось, от меня. И сразу вслед за этим — открытие, что я сын Амброзия Мерлин, герой бессчетных легенд, рассказываемых у каждого очага. Пусть и побочный сын, но он вдруг нашел самого себя и узнал, что в нем течет кровь королей.

Он поехал со мной ко двору в Лугуваллиум, считая себя внуком Амброзия и внучатым племянником Утера Пендрагона. Из этого сознания родилась его отвага в бою. Он, верно, думал, что из-за этого и Утер бросил ему меч, что в отсутствие наследного принца он пусть и побочный сын, но все же оказался ближайшим по крови к королю. И он возглавил наступление и принял на себя после этого обязанности и почести, по праву принадлежащие принцу.

Объяснилось также и то, почему ему не приходило в голову заподозрить, что, может быть, он и есть «пропавший принц». Любопытные взгляды и почтительные перешептывания он приписывал тому, что в нем видят моего сына. А про наследника верховного престола он, как и в стране, слышал, что тот будто бы находится где-то при иноземном дворе, и раз навсегда в это поверил. Решив, что его место в жизни найдено, он просто перестал об этом думать. Он — сын Мерлина, от королевских кровей, и приобщен через меня к самому средоточию королевской власти. И вдруг жестоко, как ему, наверное, представилось, его лишают всего: надежды, славы, будущего, о котором он мечтал, и даже найденного наконец отца. Я, проживший детство бастардом и ничьим сыном, отлично знал, каково это для юного сердца; Эктор, пытаясь оберечь Артура от всяких страданий, посулил ему в будущем признание благородных родителей, но откуда мне было догадаться, что этого признания он, веря и любя, ждал от меня?

— Даже имя у нас одно, ведь верно? — понуро и виновато пояснил он, слышать это мне было еще горше, чем прежнюю его грубость.

Если я и не в силах поправить того, что случилось, по крайней мере я могу исцелить его уязвленную гордость. Скоро и так все будет поставлено на свои места, но пусть он узнает тайну безотлагательно, сейчас. Я много раз размышлял о том, как бы я повел разговор, если бы он был поручен мне. Но теперь я сказал, что есть, без обиняков:

— Мы носим одно имя, потому что мы и впрямь родные друг другу. Ты не сын мне, но мы с тобой кузены. Ты, как и я, внук Констанция и потомок императора Максима. Твое настоящее имя — Артур, и ты законный сын верховного короля и королевы его Игрейны.

Я думал, что молчание на этот раз продлится вечно. При первых моих словах он поднял глаза от вина и так остался, устремив взгляд на меня. Брови сведены, точно глухой старается что-то расслышать. По лицу растекается краска, будто красное пятно на белом холсте, рот приоткрылся. Но вот он аккуратно поставил кубок, поднялся с моей кровати, подошел и встал рядом со мной у окна, упершись, как недавно я, ладонями в подоконник и высунувшись по пояс наружу.

Прилетела пичуга, села на ветку над его головой и запела. Небо померкло, сделалось бледно-зеленым, потом тускло-лиловым, по нему поплыли легкие хлопья облаков. А он все стоял, стоял и я, выжидая, без слов, без движения.

Наконец, не поворачивая головы, он проговорил, обращаясь к поющей пичуге:

— Зачем же было так? Четырнадцать лет. Почему не на своем месте?

И тогда я смог рассказать ему все. Начал с видения, которое было у Амброзия, а с ним и у меня: все земли, от Думнонии до Лотиана и от Дифеда до Рутупий, объединены под властью одного короля; романо-британцы, кельты и верные федераты сражаются вместе за то, чтобы оградить Британию от Черного потопа, залившего всю Империю,— более практичный и умеренный вариант имперского «сна Максима», приспособленный к обстановке и переданный от деда к отцу и внушенный мне моим наставником — или богом, избравшим меня своим слугой. Рассказал о смерти Амброзия, после которого не осталось других сыновей, и о запутанной путеводной нити, которую бог вложил мне в руки и повелел следовать ей. О внезапной страсти короля Утера к Игрейне, жене герцога Корнуолла, и о том, как я содействовал их союзу, ибо мне было открыто богом, что от этого союза родится следующий король Британии. О смерти Горлойса и о раскаянии Утера, хоть и смешанном с облегчением — ведь эта смерть была ему очень кстати, но во всеуслышание он от нее открестился и решительно отмежевался; о нашем с Ральфом изгнании

вследствие всего этого и о том, как Утер хотел отказаться от собственного сына, зачатого при таких обстоятельствах. Как в конечном счете гордость и здравый смысл возобладали и младенец был передан мне, дабы я берег его в первые, немирные, годы Утерова царствования, но потом собственная болезнь и возросшая сила его врагов побудили короля и дальше держать ребенка в тайном месте. Кое о чем я промолчал: не стал рассказывать Артуру о величии, страданиях и славе, открывшихся мне в его будущем; не обмолвился и о бессилии Утера и о том, как он мечтал о втором сыне, чтобы заменить им тинтагельского «бастарда»,— это все были Утеровы тайны, и ему уже недолго оставалось их хранить.

Артур слушал молча, не перебивая. Поначалу застыв в прежней позе, словно все, что его занимает,— это медленно светлеющее небо да пение дрозда в кустах за окном; но потом он повернулся ко мне, и я, хоть и не глядя, почувствовал на себе его взгляд. Когда же я дошел до коронационного пиршества и просьбы Утера привести его на ложе к Игрейне, Артур опять зашевелился, тихо ступая, прошел через комнату и уселся на прежнем месте — на краю кровати. Мой рассказ о той безумной ночи, когда он был зачат, был прост, правдив и безыскусен. Но он слушал, как когда-то в Диком лесу слушал вместе с Бедуиром мои полуволшебные сказки, лежа или сидя с поджатыми коленями на моей постели, подперев подбородок кулаком, устремив на меня успокоенный, сияющий взгляд.

Завершая свой рассказ, я вдруг увидел, что он отлично укладывается в то, что я рассказывал мальчику прежде, я словно вручал ему недостающие звенья золотой цепи и как бы говорил: «Все, что я преподал тебе до сих пор, чему обучил тебя, сошлось теперь в тебе самом».

Наконец я кончил и отпил глоток вина. Он стремительно выпрямился, расцепив руки, подбежал ко мне с кувшином и снова наполнил вином мой кубок. Я поблагодарил, и он поцеловал меня.

— Ты,— проговорил он тихо.— С самого начала — ты. Я не так-то, оказывается, был далек от истины. Я столько же твой, сколько и Утеров, даже больше, и Экторов... И про Ральфа мне тоже приятно было узнать. Я понимаю... о, теперь я многое начинаю понимать.— Произнося отрывисто слова, он возбужденно, как Утер, расхаживал по комнате.— Столько всего... слишком много, чтобы все усвоить, мне понадобится время... Я рад, что услышал это от тебя. А король сам хотел мне рассказать?

— Да. Он собирался раньше с тобой побеседовать, да не оказалось времени. Надеюсь, он еще успеет.

— То есть как это?

— Он умирает, Артур. Ты готов стать королем?

Он стоял передо мною с винным кувшином в руке, глаза запали после бессонной ночи, мысли теснились, не успевая выразиться на лице.

— Прямо сегодня?

— Думаю, да. Но точно не знаю. Скоро.

— А ты будешь со мной?

— Разумеется. Я же сказал.

И только теперь, когда он с улыбкой поставил кувшин и потянулся погасить лампу, настигла его новая мысль. Я видел, как пресеклось его дыхание, как он боязливо, осторожно выдохнул — так боится перевести дух человек, получивший смертельный удар.

Стоя спиной ко мне, он потянулся к лампе. Рука его не дрожала. Зато другая, украдкой от меня, сложилась в знак, оберегающий от зла. Но, оставаясь Артуром, он еще через мгновение обернулся ко мне и сказал:

— А теперь и я должен кое-что тебе сказать.

— Что же?

Он ответил, словно вытягивая слово за словом из глубины:

— Женщина, с которой я был сегодня,— Моргауза.— И, видя, что я молчу, спросил: — Ты знал?

— Узнал, когда было уже поздно тебя останавливать. А должен был бы знать. Я, еще отправляясь к королю, чувствовал, что что-то не так. Ничего определенного, но меня давили тяжелые тени.

— Если бы я сидел у себя в комнате, как ты велел...

— Артур. Что свершилось, то свершилось. Бессмысленно теперь говорить «если бы то» да «если бы се». Разве тебе не ясно, что ты невиновен? Ты послушался своей природы, так всегда поступают юноши. А вот я, я виноват кругом. По справедливости ты мог бы теперь проклинать меня за такую скрытность. Если бы я раньше открыл тебе тайну твоего рождения...

— Ты велел мне сидеть здесь и никуда не уходить. Пусть ты и не знал, какое зло носится в воздухе, зато ты знал, что, если

я тебя послушаюсь, зло меня не коснется. Если бы я послушался, то не только избег бы опасности, но и остался бы чист...— он проглотил какое-то слово,— не запятнан. Ты виноват? Нет, вина на мне, бог это знает, и он нас рассудит.

— Бог рассудит всех нас.

Он в три нервных шага пересек комнату, метнулся обратно.

— Изо всех женщин на свете — моя сестра, дочь моего отца...

Слова не шли, застревали в глотке. Я видел, как ужас липнет к нему, точно слизняк к зеленому листу. Левая рука его все еще была сложена в знак, оберегающий от зла,— древний языческий знак: с незапамятных времен то был тяжкий грех перед любыми богами. Вдруг он остановился, оборотясь ко мне лицом, даже в эту минуту он думал шире, чем о себе одном:

— А Моргауза? Когда она узнает то, что ты сейчас открыл мне, что она подумает о грехе, нами содеянном? Что сделает? Если она придет в отчаяние...

— Она не придет в отчаяние.

— Откуда ты знаешь? Ты же сказал, что не знаешь женщин. Я так понимаю, что для женщин эти вещи значат еще гораздо больше.— Ужас поразил его вновь, когда он понял почему.— Мерлин, что, если будет ребенок?

Кажется, мне еще никогда в жизни не требовалось столько самообладания. Он в испуге всматривался мне в лицо; позволь я выявиться моим настоящим мыслям, и один бог знает, что бы с ним могло статься. При последних его словах бесформенные тени, которые всю ночь угнетали и когтили мне душу, вдруг обрели очертания и вес. Они нависли надо мною, они заглядывали мне через плечо, тяжкокрылые стервятники, и от них разило падалью. Я, так хлопотавший о зачатье Артура, сидел сложа руки и не видел, как была зачата его погибель.

— Я должен буду сказать ей.— Голос его прозвенел, натянутый отчаянием.— Немедленно, сейчас. Раньше, чем верховый король объявит меня своим сыном. Может быть, кто-то догадывается, может быть, ей нашепчут...

Он продолжал взволнованно говорить, но я не слышал, поглощенный собственными мыслями. Я думал: если я скажу ему, что она и так знает, что она порочна и порочны чары ее; если я скажу ему, что она нарочно все подстроила, чтобы получить в руки силу; если я скажу ему все это сейчас, когда он и так по-

трясен событиями прошедшего дня и минувшей ночи, тогда он просто схватит меч и зарубит ее. И она умрет, а с нею умрет и семя, которому суждено вырасти порочным и подточить его в его славе, как ныне точит его слизняк отвращения в юности. Но если он сейчас убьет их, никогда больше не поднимет он меч во славу Божию, и порок их восторжествует над ним, когда дело его жизни еще даже не начато.

И я проговорил спокойно:

— Артур, постой и выслушай меня. Я сказал уже: что сделано, то сделано, мужчины должны уметь принимать последствия своих поступков. А теперь вот что я тебе скажу. Близок тот день, когда ты станешь верховным королем, а я, как ты знаешь, королевский прорицатель. Выслушай же мое первое прорицание. То, что ты сделал, ты сделал в неведении. Ты один из семени Утерова чист. Боги ревнивы, ты ведь знаешь. Они завидуют людской славе. Каждый человек носит в себе семя своей погибели, и ты тоже не более как человек. У тебя будет все; тебе нечего будет желать; но всякой жизни наступает предел. И ныне ты сам положил такой предел для себя самого. Распоряжаться собственной смертью — есть ли для человека жребий желаннее? Каждая жизнь чревата смертью, каждый свет — тенью. Довольствуйся тем, что стоишь в луче света, и не заботься о том, куда упадет тень.

Он слушал меня все умиротвореннее, а потом негромко и спокойно спросил:

— Мерлин, что я должен делать?

— Предоставь все мне. А сам забудь, не вспоминай о ночи, думай об утре. Слышишь, заиграли трубы? Ступай теперь и поспи немного до наступления дня.

Так, незаметно, было выковано для нас первое звено новой цепи. Он ушел и уснул, дабы быть готовым к великим свершениям грядущего дня; я же остался сидеть и думать, а свет все разгорался, и день наступил.

Глава 6

Наконец прибыл Ульфин, королевский постельничий, чтоб пригласить Артура к королю. Я разбудил мальчика, а потом проводил до порога, и он ушел, молчаливый и сдержанный, охва-

ченный каким-то противоестественным спокойствием, подобным гладкому льду над бешеным водоворотом. Наверно, по молодости лет он уже и впрямь начал забывать про тени прошедшей ночи; теперь это было мое бремя. Такое разграничение установилось меж нами на все последующие годы.

Лишь только он ушел в торжественном сопровождении Ульфина — бывалый царедворец, должно быть, вспоминал теперь ту давнюю ночь в Тинтагеле, а сам Артур принимал королевские почести как должное, будто в жизни ничего другого не видел,— как я тут же позвал слугу и велел пригласить ко мне принцессу Моргаузу.

Слуга удивился, посмотрел на меня с сомнением: надо было так понимать, что принцесса сама посылает за теми, кто ей нужен. Но сейчас было не до того, я коротко повторил: «Делай, что тебе велено», и слуга припустился со всех ног.

Она, конечно, заставила меня дожидаться, однако же пришла. В то утро она была в платье вишневого цвета, и золото волос, рассыпанных по плечам, тоже отсвечивало розовым, как набухшие почки лиственницы по весне, как плоды абрикоса. Я ощутил густой, сладкий аромат, смесь абрикосов с жимолостью, и сердце сжалось от воспоминаний. Но этим и исчерпывалось ее сходство с той, которую я любил — попытался любить — так бесконечно давно; в опущенных долу зеленых глазах Моргаузы не было и намека на невинность. Она вошла улыбаясь, и прелестные ямочки играли в углах ее нераскрытых изогнутых губ. Сделав мне реверанс, она грациозно прошла через комнату и уселась в кресло с высокой спинкой. Красиво распределила пышные красные складки, кивком отослала сопровождавших ее дам и, вздернув подбородок, вопросительно посмотрела на меня. Руки она покойно сложила на округлом животе, но не как скромница, а словно бы по-хозяйски.

В душе у меня шевельнулась давняя память. Вот так, сложив руки, стояла моя мать лицом к лицу с человеком, пришедшим убить меня. «Я обороняю ребенка, у которого нет отца!» Моргауза, верно, прочла мои мысли. Изящные ямочки у губ дрогнули, золотисто-опущенные веки опустились.

Я не сел, а остался стоять сбоку от окна. Резче, чем мне хотелось, я сказал:

— Ты, несомненно, знаешь, почему я послал за тобой.

— А ты, принц Мерлин, несомненно, знаешь, что я не привыкла, чтобы за мной посылали.

— Не будем зря тратить время. Ты пришла, и хорошо сделала. Я хочу говорить с тобой, покуда Артур у короля.

Она посмотрела на меня, высоко вздернув брови.

— Артур?

— Не смотри на меня невинными глазами, Моргауза. Ты ведь знала его имя вчера, когда уложила его к себе в постель.

— Бедный мальчик, даже свои постельные дела он не может держать от тебя в тайне? — Тонкий голосок прозвучал презрительно, ядовито.— Прибежал, лишь только ты свистнул, и во всем отчитался перед тобою? Удивительно, что ты хоть ненадолго спустил его с цепи и позволил ему такую вольность. Желаю тебе с ним удачи, Мерлин, делатель королей. Да только какой же король из недоученного щенка?

— А такой король, каким нельзя управлять в постели,— ответил я.— Одну ночь ты получила, и это было слишком. Теперь наступает расплата.

Ладони ее на животе шевельнулись.

— Ты не можешь причинить мне вреда.

— Я и не собираюсь причинять тебе вред...

Глаза ее сверкнули, мой ответ ее рассердил.

— ...но и не позволю тебе причинить вред Артуру. Ты сегодня же покинешь Лугуваллиум и больше ко двору не вернешься.

— Мне покинуть двор? Какая чепуха! Ты же знаешь: я хожу за королем, он из моих рук принимает лекарства, без меня он беспомощен. Вдвоем с его постельничим мы все для него делаем. Даже и думать нечего, чтобы король согласился на мой отъезд.

— После сегодняшнего дня король больше никогда не пожелает тебя увидеть.

Она недоуменно посмотрела на меня. Щеки ее раскраснелись. Заметно было, что мои слова ее задели.

— Да как ты можешь это говорить? Даже тебе, Мерлин, не удастся закрыть мне доступ к моему отцу, и, ручаюсь, он никогда не согласится, чтобы я уехала. Неужели ты собираешься рассказать ему о том, что произошло? Он ведь больной человек и не переживет удара.

— Я не расскажу ему.

— Тогда что же ты ему скажешь? Как будешь добиваться моего изгнания?

— А я не говорил, что буду его добиваться, Моргауза.

— Ты сказал, что после сегодняшнего дня король больше не пожелает меня видеть.

— Я говорил не об отце твоем.

— Не понимаю...— Она вдруг судорожно вздохнула, золотисто-зеленые глаза широко раскрылись.— Но ведь ты сказал... король? — Задышала чаще.— Ты имел в виду мальчика?

— Да, твоего брата. Где твое искусство, Моргауза? Утер помечен печатью смерти.

Она заломила пальцы.

— Знаю. Но... разве сегодня?

Я повторил свой вопрос:

— Где твое искусство, Моргауза? Сегодня. Так что тебе лучше поскорее отсюда убраться, верно? Не станет Утера, кто будет здесь твоим защитником?

Она подумала немного. Прекрасные зелено-золотистые глаза сузились, стали хитрыми и совсем не прекрасными.

— А от кого меня защищать? От Артура? Ты так уж уверен, что склонишь лордов признать его королем? И даже если и склонишь, ты, что же, полагаешь, что мне понадобится от него защита?

— Ты не хуже меня знаешь, что королем он все равно будет. Это скажет тебе твое магическое искусство. И какой король из него получится, ты тоже понимаешь, хоть и отзывалась о нем с пренебрежением назло мне. От него, Моргауза, может быть, защита тебе и не понадобится, зато наверняка понадобится от меня.— Взгляды наши пересеклись. Я кивнул.— Да, да. Где он, там и я. Считай, что я тебя предупредил, и уезжай, пока не поздно. От таких чар, какие ты напустила на него нынче ночью, я смогу его оградить.

Она уже снова сидела спокойно. Маленький рот изогнут в прежней загадочной усмешке. Да, какими-то чарами она владела, спору нет.

— А тебе так уж не страшна женская магия, принц Мерлин? В конце концов и ты попадешься, верь мне.

— Знаю,— спокойно ответил я.— Ты думаешь, я не видел, какой конец меня ждет? И меня, и всех нас, Моргауза. Для тебя я видел силу и для того, кого ты понесла, тоже. Силу, но не радость. Ни теперь, ни после.

За окном у стены росло абрикосовое дерево. Солнце разогрело плоды — золотистые, ароматные, налитые шарики. В блещущей листве гудели осы, осоловелые от тепла и сладкого духа. Вот так же в благоухающем саду я уже когда-то смотрел в глаза ненависти и смертной вражде.

Она сидела недвижно, сцепив на животе пальцы. Глаза ее вонзились, словно всосались в мои. Запах жимолости загустел, поплыл золотисто-зеленым облаком в окно, смешиваясь с ароматом абрикосов и солнечным сиянием...

— Довольно,— презрительно остановил я ее.— Неужто ты в самом деле думаешь, что я могу поддаться твоей женской магии? Теперь не больше, чем когда-то. Подумай, что ты делаешь, забудь пока про чары. Артур уже знает, кто он, и понимает, что содеяно им ночью с тобою. И ты полагаешь, он потерпит тебя близ себя? Будет безропотно наблюдать, как с каждым днем, с каждым месяцем растет в твоем теле младенец? Он не отличается ни хладнокровием, ни терпением. Зато у него есть совесть. Он верит, что ты согрешила по неведению, так же как он. Иначе бы он не бездействовал.

— А что бы он сделал? Убил бы меня?

— Ты разве не заслужила этого?

— Он согрешил, если называть это грехом, точно так же, как и я.

— Он не знал, что совершает грех, а ты знала. Нет-нет, не пытайся оправдываться. К чему притворство? Не надо было магии, чтобы слышать, как люди зашептались, лишь только мы с ним прибыли ко двору. Ты знала, что он — сын Утера.

Впервые тень страха пробежала по ее лицу. Упрямо она твердила свое:

— Нет, не знала. Ты не можешь доказать, что я знала. Зачем бы я стала это делать?

Я скрестил руки на груди и прислонился плечом к стене.

— Сейчас я скажу тебе зачем. Затем, во-первых, что ты дочь Утера и, подобно ему, любительница случайных удовольствий. Затем, что в тебе течет кровь Пендрагонов, а в крови — жажда власти, женщина добивается власти чаще всего у мужчины в постели. Ты знала, что король, твой отец, при смерти, и боялась остаться без власти — тебя, единокровную сестру молодого короля, неизбежно затмила бы будущая королева. Думаю, что ты не колеблясь убила бы Артура, да только положение твое при

дворе Лота было бы еще менее выигрышным, ведь тогда королевой оказалась бы твоя родная сестра. Кто бы ни стал верховным королем, незаменимой, как при Утере, тебе уже не быть. Пойдешь замуж за какого-нибудь мелкого царька, уедешь с ним на край земли и всю жизнь будешь рожать ему детей да ткать мужу плащи с гербом, и всей власти твоей только и будет что над собственными домочадцами и всего могущества — немного женской магии, которой ты успела обучиться и сможешь применять в своих владениях. Вот почему ты сделала то, что сделала, Моргауза. Ты хотела иметь какие-то права на короля, пусть даже основанные на ненависти и отвращении. То, что ты сделала нынче ночью, сделано тобою хладнокровно, ради приобретения власти.

— А сам-то ты кто такой, что так говоришь со мною? Сам ты хватал власть, где только мог.

— Не где мог, а где она мне доставалась. А все, чем владеешь ты, ты прибрала к рукам вопреки законам, божеским и человеческим. Если бы ты согрешила в неведении, побуждаемая лишь похотью, тем бы дело и кончилось, и говорить было бы не о чем. Я уже сказал тебе, он тебя ни в чем не винит. Нынче утром, когда он узнал, что свершилось, его первая мысль была о тебе, о твоем горе.— Я увидел, как блеснули торжеством ее глаза, и мягко добавил: — Но тебе придется иметь дело не с ним, а со мною. И я говорю, что ты должна уехать.

Она вскочила.

— Почему же ты не рассказал ему и не позволил ему меня убить? Тебе ведь этого хотелось?

— Чтобы к одному прегрешению прибавить другое, еще худшее? Ты говоришь вздор.

— Я иду к королю!

— Для чего? Ему сегодня не до тебя.

— Я всегда нахожусь при нем. Мне надо дать ему лекарства.

— У него теперь есть я. И Гандар. Ты ему больше не нужна.

— Он допустит меня к себе, когда узнает, что я пришла проститься! Говорю тебе, я пойду к нему!

— Ступай,— ответил я.— Я тебя не держу. Если ты задумала открыть ему правду, подумай получше. Потрясение убьет его, и Артур только скорее станет королем.

— Лорды не признают его! Никогда не признают! Думаешь, Лот будет молчать и слушать твои речи? Что, если я расскажу им о нынешней ночи?

— Тогда верховным королем будет Лот,— спокойно ответил я.— И долго ты при нем останешься в живых, беременная Артуровым отпрыском? Да, да, об этом ты, я вижу, еще не поразмыслила? Как ни клади, а у тебя нет иного выбора, кроме как убраться отсюда, пока возможно. После свадьбы твоей сестры пусть Лот найдет тебе мужа — так ты еще, пожалуй, убережешься.

И вдруг она разъярилась и зашипела на меня, словно кошка, загнанная в угол.

— Это ты, ты смеешь осуждать меня! Ты ведь и сам рос побочным отпрыском... Всю жизнь я должна была смотреть, как все, все достается Моргиане! Эта девчонка будет королевой, а я... Она и магии тоже обучается; только как ею пользоваться в своих интересах, не понимает, точно слепой котенок! Ей место в монастыре, а не на королевском троне, а вот мне... а я...— Она осеклась и прикусила губу. И кончила не так, как собиралась: — Я, владеющая начатками той силы, которая дала тебе величие, кузен мой Мерлин, неужели ты думаешь, я соглашусь остаться никем? — Она говорила нараспев, точно ведунья, произносящая всесильное заклинание.— Это ты, Мерлин, который ни одному мужчине не друг и ни одной женщине не любовник, ты — никто, в конце жизни от тебя только и останется, что тень да имя!

Я улыбнулся.

— Ты думаешь меня испугать? Я ведь вижу дальше, чем ты. Я — никто, это верно, я лишь воздух, тьма, слово, обещание. Я заглядываю в глубь прозрачного кристалла и живу ожиданием в горных гротах. Но здесь, на свету, у меня есть юный король и блистающий меч, и они делают за меня мою работу и возводят здание, которое останется стоять, когда мое имя будет лишь непонятным словом в забытых песнях и изжитых сказаниях, а твое имя, Моргауза,— лишь шипением из темного угла.— Я повернул голову и кликнул слугу.— Довольно, нам более нечего сказать друг другу. Ступай соберись и оставь этот двор.

Слуга вошел и встал на пороге, с опаской поглядывая то на нее, то на меня. Я узнал в нем по виду смуглого кельта, жителя западных гор; это племя и ныне чтит старых богов, и, может быть, он смутно ощутил в моей комнате присутствие враждебных соревнующихся чар.

Но для меня она теперь опять была только юной женщиной, запрокинувшей навстречу мне миловидное, встревоженное лицо,

так что золотисто-розовые волосы, обрамляющие бледный лоб, заструились по вишневому платью. Для слуги в дверях это должно было выглядеть как обыкновенное прощание, если он не чувствовал единоборствовавших теней. Она на него даже не взглянула — что он понял, о чем догадался, ее не интересовало.

Следующую фразу она произнесла негромко, спокойно:

— Я поеду к сестре. Она до свадьбы пребывает в Йорке.

— Я позабочусь об эскорте. Свадьба, без сомнения, состоится на Рождество, как и предполагалось. Король Лот скоро к вам присоединится и предоставит тебе место при дворе твоей сестры.

Она опять, скрытно и коротко, сверкнула на меня глазами. Можно было гадать, на что она надеялась — возможно, на то, что еще успеет занять место сестры при Лоте,— но мне она уже наскучила. Я сказал:

— Итак, прощай, пожелаю тебе благополучного путешествия.

Она низко присела в реверансе и произнесла сквозь зубы:

— Мы еще встретимся, кузен.

Я ответил галантно:

— Я буду с нетерпением ждать этой встречи.

И она ушла, тонкая, прямая, руки снова сложены на животе. Слуга закрыл за ней двери.

Я стоял у окна и собирался с мыслями. Я устал, глаза после бессонной ночи саднило, но голова была легкая и ясная, образ Моргаузы отодвинулся вдаль. Свежее дыхание утра проникало в окно и разгоняло черные флюиды, запах жимолости все слабел, окончательно выдохся, и с ним развеялась последняя тень. Когда пришел слуга, я умылся холодной водой и, велев ему следовать за мной, прошел в лазарет. Здесь легче дышалось, и взгляд умирающих было проще выдержать, чем присутствие женщины, которой предстояло родить Мордреда, Артурова племянника и побочного сына.

Глава 7

Король Лот, оказавшись в стороне от главных событий, не сидел сложа руки. Его хлопотливые посланцы сновали туда и сюда, убеждая всякого, кто соглашался слушать, что Утеру для такого случая, как провозглашение наследника, надо бы вернуться в один из своих дворцов в Лондоне или Винчестере. Спешка,

шептали они, неприлична, неуместна: в таких делах следует придерживаться обычая, всех оповестить, все церемонии соблюсти и заручиться благословением церкви. Но старались они напрасно. Простые люди в Лугуваллиуме и солдаты, сейчас числом превосходящие мирных жителей, придерживались иного мнения. Всем было ясно, что часы Утера сочтены, и разве не правильно, не справедливо объявить наследника прямо сейчас и по соседству с полем битвы, на котором Артур уже успел по-своему объявить себя? А что при этом не будут присутствовать епископы, что за беда? Ведь это будет пир по случаю победы, устроенный, можно сказать, прямо на бранном поле.

Дом, где расположился в Лугуваллиуме король со своим двором, был набит до отказа. Но празднество выплеснулось далеко за его стены. По всему городу и окрестностям предавались ликованию солдаты, воздух был синь от дыма и костров и полон запахами жарящегося мяса. Командиры на пути в королевские палаты изо всех сил старались не замечать пьянства в расположении полков и на улицах и не слышать женского смеха и визга там, куда по правилам женщинам доступа не было.

Артура я почти весь день не видел. Он пробыл с королем наедине до самого полудня и вышел от него, только чтобы дать отцу отдохнуть перед началом пиршества. Я же весь день провел в лазарете. Там было тихо, не то что в сутолоке вблизи королевских покоев. Двери наших с Артуром комнат подверглись настоящей осаде — кто-то искал милостей у новоявленного принца, кто-то рвался поговорить со мной или купить мою благосклонность подарком, а кого-то просто влекло любопытство. Я велел объявить, что Артур у короля и до начала пира ни с кем говорить не будет. А страже оставил тайное распоряжение послать за мной, если меня будет спрашивать Лот. Но Лот у моих дверей не появлялся. И в городе, как я узнал от слуг, его тоже не было видно.

Но я не мог рисковать. С утра пораньше я послал к Каю Валерию, начальнику королевской стражи и старому моему знакомому, и попросил назначить дополнительную охрану к дверям наших комнат, в сени и даже под окна. А по дороге в лазарет я завернул в покои короля и перемолвился несколькими словами с Ульфином.

Может показаться странным, что прорицатель, которому открылась картина будущей коронации Артура, ясная, отчетливая, осиянная светом, так заботится охранить себя от недругов. Но

тем, кто общался с богами, известно, что они прячут свои обетования в слепящих лучах света и что улыбка на устах бога не всегда означает милость. Человек еще должен в этом удостовериться. Боги любят вкус соли; пот человеческих усилий служит приправой к их жертвенным яствам.

Стражи, стоявшие, скрестив пики, на пороге королевских покоев, пропустили меня без единого слова. В первой комнате ждали пажи и слуги. В следующей сидели женщины, помогавшие ухаживать за королем. Ульфин, как всегда, находился у самой двери в королевскую опочивальню. Он поднялся мне навстречу, и некоторое время мы толковали с ним о состоянии короля, об Артуре, о вчерашних событиях и о том, что должно было произойти нынче вечером, потом — мы беседовали в стороне и негромко, чтобы не слышали женщины,— я спросил его:

— Ты знаешь, что Моргауза покинула двор?

— Да, слышал, никто не знает почему.

— Ее сестра Моргиана находится в Йорке в ожидании свадьбы,— сказал я,— и очень нуждается в ее обществе.

— О да, это мы слышали.

По каменному выражению его лица можно было заключить, что такому объяснению никто не придавал веры.

— Приходила она к королю?

— Трижды.— Ульфин улыбнулся. Было ясно, что Моргауза не принадлежит к его любимицам.— И все три раза не была допущена, так как король был занят с принцем.

Двадцать лет была любимой дочерью и за двадцать часов забыта ради законного сына! «Ты и сам рос побочным отпрыском»,— упрекнула она меня. Когда-то я, помнится, задумывался о том, какая судьба ей уготована. Здесь, при Утере, она имела положение, пользовалась каким-то влиянием и вполне могла питать к отцу своего рода привязанность. Она даже отказалась от брака, чтобы остаться при нем, как упомянул он вчера в разговоре со мной. Быть может, я слишком строго ее судил, потрясенный открывшимся мне будущим и охваченный своей безоглядной любовью к ее брату.

Я поколебался, но потом все-таки спросил:

— Она очень была огорчена?

— Огорчена? — пожал плечами Ульфин.— Вернее будет сказать, разъярена. Этой даме становиться поперек дороги опасно.

Всегда она такая была, бешеная, с самого детства. Вот и нынче одна из ее камеристок плакала — небось получила хлыстом от госпожи.— Он указал кивком на юного белокурого пажа, скучавшего под окном.— Вон мальчишка, вышел к ней сказать, что ее не примут, так она ему ногтями всю щеку разодрала.

— Смотрите, как бы не было заражения,— заметил я.

При этих моих словах Ульфин взглянул на меня, удивленно вздернув бровь. Я кивнул:

— Да, да, это я ее выпроводил. Она уехала не по своей воле. Когда-нибудь ты узнаешь, в чем тут дело. А пока, надеюсь, ты заглядываешь время от времени к королю? Беседа не слишком его утомила?

— Наоборот, ему сейчас лучше, чем было все последнее время. Прямо не мальчик — родник целебной воды. Король глаз с него не сводит, и сила его час от часу прибывает. Они и полудничать будут вместе.

— Ага, так значит, его пищу сначала отведают? Я как раз об этом и пришел спросить.

— Разумеется. Можешь ничего не опасаться, господин мой. Принц у нас в безопасности.

— Но король должен отдохнуть перед началом пира.

Ульфин кивнул:

— Я уговорил его поспать после трапезы, до вечера.

— Тогда, может быть — что много труднее,— ты и принца склонишь к тому же? Или если не поспать, то хотя бы вернуться прямо к себе и никуда не выходить, пока не начнется пиршество?

Ульфин поглядел на меня с сомнением.

— Но согласится ли он?

— Да, если ты объяснишь, что этот приказ — или, лучше сказать, просьба к нему — от меня.

— Хорошо, господин.

— Я буду в лазарете. Пошлешь за мной, если я понадоблюсь королю. И во всяком случае, пошли мне сказать, как только принц отсюда выйдет.

Было уже далеко за полдень, когда белокурый паж принес мне известие, что король почивает, а принц отправился к себе. Когда Ульфин передал принцу, что от него требуется, тот разозлился, нахмурился и резко сказал (эту часть поручения паж передал, стыд-

ливо потупясь, дословно), что провалиться ему, если он будет до ночи кваситься в четырех стенах, однако, узнав, что просьба исходит от принца Мерлина, остановился на пороге, пожал плечами и пошел к себе, не добавив более ни слова.

— В таком случае пора и мне,— сказал я,— но сначала, мальчик, дай мне осмотреть твою расцарапанную щеку.

Я смазал ему царапину, и он стремглав убежал обратно к Ульфину, а я забитыми пуще прежнего коридорами пробрался в свои комнаты.

Артур стоял у окна. Услышав меня, обернулся.

— Бедуир здесь, ты знал? Я его видел, но не смог к нему протолкаться. Я послал к нему сказать, что ближе к вечеру мы с ним поедем покататься. А теперь оказывается, что мне нельзя.

— Мне очень жаль. Но у тебя еще будет много случаев поболтать с Бедуиром, более благоприятных, чем сегодня.

— Да, уж хуже, чем сегодня, быть не может, клянусь небом и землею! Я здесь просто задыхаюсь! Чего им всем от меня нужно, этой своре там, за дверью?

— Чего большинству людей нужно от своего принца и будущего короля? Тебе придется привыкнуть к этому.

— Похоже, что так. Вон даже за окном стражник.

— Знаю. Это я его там поставил.— И в ответ на его взгляд: — У тебя есть враги, Артур. Разве я не доказал тебе?

— Неужели мне всегда так жить, в окружении? Прямо как пленник.

— Станешь признанным королем, будешь сам распоряжаться, как тебе лучше. А до той поры ты должен находиться под охраной. Помни, что здесь мы в военном лагере; по возвращении в столицу или в один из неприступных королевских замков ты сможешь окружить себя приближенными по собственному выбору. И будешь проводить сколько твоей душе угодно времени в обществе Бедуира, или Кея, или кого ни пожелаешь. Обретешь свободу — до некоторой степени, а большее уже невозможно. Ни тебе, ни мне нет дороги обратно в Дикий лес, Эмрис. Та жизнь не вернется.

— Там было лучше,— сказал он, ласково посмотрел на меня и улыбнулся.— Мерлин.

— Что?

Он хотел было сказать что-то, но передумал, только тряхнул головой и другим тоном, отрывисто спросил:

— А сегодня на пиру? Ты будешь вблизи меня?

— В этом можешь не сомневаться.

— Король рассказал, как он будет представлять меня знати. Тебе известно, что произойдет потом? Эти враги, о которых ты говорил...

— ...постараются помешать тому, чтобы собрание лордов признало тебя наследником Утера.

Он подумал минуту. Спросил:

— Туда разрешается приходить вооруженным?

— Нет. Они попробуют прибегнуть к другому средству.

— Ты знаешь какому?

Я сказал:

— Отрицать отцовство короля в присутствии самого короля они не могут, точно так же как не могут заявить в присутствии меня и Эктора, что принца подменили. Значит, им остается посеять к тебе недоверие, сомневающихся укрепить в их сомнениях и склонить на свою сторону армию. Твоим недругам не повезло, что пиршество затеяно прямо на месте сражения, где на одного лорда приходится три солдата,— а после вчерашнего армию не так-то легко будет убедить, что ты не годишься в короли. Нет, я полагаю, они разыграют какой-нибудь спектакль, постараются вызвать растерянность, подорвать доверие к тебе и даже к Утеру.

— А к тебе, Мерлин?

Я улыбнулся.

— Это одно и то же. Прости, но дальше я ничего не вижу. Я вижу смерть и тьму, но не для тебя.

— Для короля? — отрывисто спросил он.

Я не ответил. Он минуту молчал, глядя мне в лицо, потом кивнул, будто получил ответ, и спросил:

— Кто же они, мои враги?

— Их возглавляет король Лотиана.

— А-а,— задумчиво протянул он, и я понял, что его острый ум не бездействовал в течение прошедшего безумного дня. Он видел и слышал, сопоставлял и соображал.— И еще Уриен, его приспешник, и Тудваль, и Динпелидра, и... чей это зеленый значок с росомахой?

— Агвизеля. Король что-нибудь говорил тебе о них?

Он покачал головой.

— Мы беседовали все больше о прошлом. Он, конечно, за эти годы получал обо мне известия от тебя и от Эктора, а я...—

Он засмеялся.— Едва ли еще какой-нибудь сын знает так много о своем отце и об отце своего отца, как я. Ты мне столько рассказывал... Но одно дело — рассказы, а другое... Пришлось еще многое узнавать.

И он подробно рассказал мне о часах, проведенных с королем, без всякого сожаления по невозместимому прошлому, а с той спокойной рассудительностью, которая, как я убедился, была неотъемлемой чертой его натуры. Это, думал я, у него не от Утера: такое свойство я замечал за Амброзием и за самим собой — люди называют его холодностью. Артур оказался способен подняться над переживаниями своего отрочества, все продумать и взвесить с той четкостью мысли, какой отмечены истинные короли, исключить все чувства и добраться до существа. Даже заговорив о матери, он сумел взглянуть на события с ее точки зрения и выказал ту же бестрепетную проницательность, что и королева Игрейна.

— Если б я знал, что моя мать жива и так охотно со мной рассталась, мне, ребенку, было бы, наверно, больно. Но вы с Эктором избавили меня в детстве от ненужных страданий, изобразив дело так, будто она умерла; ну а теперь я и сам все понимаю, как, по твоим словам, понимала моя мать: что быть принцем — значит всегда подчиняться необходимости. Она не просто так отдала меня.— Он улыбался, но говорил серьезно.— То, что я сказал тебе раньше, правда. Мне гораздо лучше было жить в Диком лесу, считая себя внебрачным сыном умершей матери и твоим, чем если бы я рос при дворе отца с мыслью, что королева раньше или позже родит другого сына, который займет мое место.

За все годы я ни разу не взглянул на его положение так. Я был ослеплен высшими целями, занят заботами о его безопасности, о будущем страны, о воле богов. Живой мальчик Эмрис, пока он однажды утром не ворвался в мою лесную жизнь, был для меня только символом, как бы новым воплощением моего отца и моим собственным орудием. А потом, когда я узнал и полюбил его, я сознавал только, каким лишениям мы его подвергаем: ведь он такой горячий, такой честолюбивый, так стремится во всем быть лучшим и первым и сердце у него такое щедрое и привязчивое. Напрасно бы я стал говорить себе, что, если бы не я, никогда бы не видеть ему своего наследства; меня угнетало неотступное чувство вины за все, что было у него отнято.

Бесспорно, он сознавал свои лишения и страдал. Но и сейчас, в миг полного самообретения, он умел ясно представить себе, каково ему было бы расти принцем при дворе. И я понимал, что он прав. Даже не считая постоянного риска, самая жизнь у короля была бы для него безрадостной, а многие его хорошие качества, не получая выхода и развития, со временем изжили бы себя. Но чтобы облегчить мою душу, слова об этом должны были исходить от него. И теперь, когда я их услышал, они развеяли мое чувство вины, как свежий ветерок разгоняет болотные туманы.

А он опять заговорил об отце.

— Он мне понравился,— сказал он.— Он был хорошим королем в меру своих сил. Живя от него в стороне, я имел возможность слушать, что люди говорят, и вынести свое суждение. Но как отец... Сумели бы мы с ним поладить под одним кровом — это другой разговор. А знакомство с матерью мне еще предстоит. Ей, я полагаю, скоро понадобятся утешения.

Про Моргаузу он помянул только один раз, мельком.

— Говорят, она уехала?

— Да, отбыла нынче утром, пока ты находился у короля.

— Ты говорил с ней? Как она приняла твои слова?

— Убиваться не стала,— ответил я, нисколько не погрешив против правды.— Можешь за нее не беспокоиться.

— Это ты велел ей уехать?

— Посоветовал. Как тебе советую не думать об этом впредь. Сейчас пока ничего больше сделать нельзя. Единственное только я предлагаю: поспать. Сегодня был трудный день, и, прежде чем он кончится, и тебе, и мне придется еще труднее. А потому, если сможешь, забудь толпу, осаждающую двери, и стражника, стоящего под окном, и давай оба поспим до заката.

И тут он вдруг зевнул, широко, как молодая кошка, и засмеялся.

— Ты не навел на меня чары — для верности? Я вдруг так спать захотел, кажется неделю бы проспал... Ладно, сделаю, как ты велишь, но можно мне послать слугу к Бедуиру?

О Моргаузе он больше не говорил и, я думаю, за сборами и последними приготовлениями к пиру и впрямь забыл о ней. Во всяком случае, давешнее сокрушенное выражение окончательно исчезло с его лица, ничто не омрачало более его душу, угрызе-

ния и дурные предчувствия отскочили от его юного деятельного существа, словно капли воды от раскаленного металла. Даже если бы он и догадывался, как я, о том, какое будущее его ждет — еще более великое, чем он мог себе представить, и под конец более ужасное,— все равно едва ли от этого потускнела бы его радость. Четырнадцатилетнему смерть в сорок лет представляется бесконечно далекой.

Час спустя после захода солнца нас пришли пригласить в пиршественную залу.

Глава 8

В зале собралось множество гостей. А в коридорах если и раньше было людно, то теперь, после того как трубы провозгласили начало пиршества, началась настоящая давка; казалось, еще немного — и даже эти прочные, римской постройки стены выпучатся и рухнут под нажимом возбужденной толпы. Ибо распространился слух, быстрый, как лесной пожар, что это будет не обычный пир по случаю победы, и в Лугуваллиум съехались люди за тридцать миль в округе, желая присутствовать при великом событии.

В толпе нельзя было различить, кто сопровождает какого-то лорда из числа приглашенных в главную залу, где пировал сам король. На пиршествах такого рода оружие полагается оставлять при входе, и вскоре передняя комната стала похожа на уголок Дикого леса — такая в ней образовалась чаща из пик, копий и мечей, отнятых у входящих. Сверх этого стража ничего не могла сделать и лишь обшаривала взглядом каждого прибывающего гостя, чтобы удостовериться, что при нем не осталось иного оружия, кроме ножа или кинжала, которым он будет резать пищу.

К тому времени, когда гости расселись у столов, небо за окнами померкло и запылали факелы. Вечер был теплый, и от чадного факельного огня, от еды, вина и шумных речей в зале скоро сделалось удушающе жарко, и я с беспокойством поглядывал на короля. Он казался оживлен, но лицо заливал нездоровый румянец, и кожа на скулах словно остекленела и просвечивала, как случалось мне видеть и прежде у людей, чьи силы исчерпаны до последнего предела. Однако он прекрасно держался, любезно и весело разговаривал с Артуром, сидевшим от него по правую ру-

ку, и с другими, кто окружал его за столом, и лишь по временам вдруг смолкал и уносился мыслями куда-то, но, тут же встрепенувшись, вновь приходил в себя. Раз он спросил меня — я сидел от него слева,— не знаю ли я, отчего к нему сегодня не приходила Моргауза. Спросил без тревоги и даже без особого интереса: ясно было, что о ее отъезде он ничего не слышал. Я ответил, что ей захотелось съездить к сестре в Йорк, и, так как король был занят, я сам дал ей разрешение покинуть двор и назначил ей провожатых. К этому я поторопился добавить, что ему нет нужды беспокоиться о своем здоровье, раз я нахожусь рядом и сам смогу за ним смотреть. Он кивнул и поблагодарил, но так, словно в моей помощи уже не было больше нужды.

— У меня есть лучшие лекари в мире: победа и этот мальчик.— Он положил Артуру на плечо ладонь и засмеялся.— Слышали, как называли меня саксонские псы? Полумертвый король. Я слышал, как это кричали, когда меня несли на носилках... Оно так и в самом деле было, но теперь мне дарована победа, а заодно и жизнь.

Слова эти он произнес во весь голос, гости у стола смолкли, прислушиваясь, и ропот одобрения пробежал по зале, когда король кончил говорить и вернулся к еде. Мы с Ульфином оба предупреждали его, чтобы он не усердствовал в еде и питье; но совет наш был излишним: король ел мало и без охоты, а вино заботами Ульфина пил сильно разбавленное. Разбавленное вино подавалось и Артуру. Он сидел подле отца, прямой как стрела и слегка бледный от волнения. Кажется, вопреки своему обыкновению он даже не замечал, что ест. Говорил он мало, только в ответ, и то очень немногословно, лишь насколько того требовали приличия. А большей частью молчал и с возвышения, на котором стоял королевский стол, смотрел вниз на гостей. Я, хорошо его знавший, понимал, чем он занят: он перебирал по лицам и гербам всех присутствующих и запоминал, кто где сидит. И кто как выглядит. Это лицо враждебное, это дружеское, но нерешительное и готовое поддаться на обещания власти или выгоды, там глупое или просто любопытствующее. Мне они тоже были понятны, словно это не люди, а красные и белые фигуры, расставленные для игры на доске, но чтобы отрок на четырнадцатом году, да еще в такую ответственную минуту, мог быть настолько собранным и наблюдательным — это просто диво. Годы спустя

он все еще мог с точностью перечислить тех, кто среди собравшихся был на его стороне, а кто против в ту первую ночь, с которой началось его царствование. Только дважды его холодный блуждающий взгляд просветлел и задержался: на Экторе, который сидел неподалеку от нас,— верном, прямодушном Экторе, не сводившем сияющих, чуть повлажневших глаз поверх кубка с вином со своего приемыша в бело-серебряных драгоценных одеждах одесную короля. (Мне показалось, что взгляд Кея, пировавшего рядом с отцом, не выражал особого восторга, но, впрочем, его узкое лицо с низким лбом всегда имело немного недовольное выражение.) В дальнем конце залы, подле своего отца, короля Бана, сидел Бедуир, и доброе его разгоряченное лицо, и открытый взгляд так и светились любовью. Взгляды мальчиков то и дело встречались. Здесь протягивалась еще одна надежная связь, на которой будет покоиться новое королевство.

А пир продолжался. Я озабоченно поглядывал за Утером, гадая, достанет ли у него сил досидеть до конца и добиться от лордов признания Артура наследником трона. В противном случае мне надо было выбрать подходящую минуту и вмешаться, или же дело придется решать силой оружия. Но Утер превозмог слабость, он огляделся вокруг себя и поднял руку. Заиграли трубы, требуя тишины. Гул речей смолк, все глаза устремились к королевскому столу. Он был установлен на возвышении, ибо у короля недостало бы силы обратиться к пирующим стоя. Но и сидя в своем тяжелом кресле, прямой и властный, с горящими факелами и разноцветными знаменами за спиной, Утер был ослепителен и величав, и в зале воцарилось послушное молчание.

Положив ладони на резные подлокотники, он начал говорить. На губах у него играла улыбка.

— Милорды, все вы знаете, по какому случаю мы здесь собрались. Колгрим обращен в бегство и брат его Бадульф, и уже поступают известия, что враг в беспорядке бежал к побережью, за дикие северные земли.— И он продолжал говорить об одержанной накануне победе, такой же важной, по его словам, как победа его брата при Каэрконане, и столь же знаменательной.— Силы наших врагов, что накапливались и грозили нам столько лет, разбиты и отброшены до поры до времени от наших рубежей. Мы завоевали себе передышку. Но что еще того важнее, милорды, мы увидели, как это делается, и убедились, сколь мо-

гущественно единство и какими бедами для нас чревато его отсутствие. Порознь на что мы способны, короли севера и короли юга и запада? Но заодно, держась и сражаясь вместе, под единым командованием, по единому плану, мы еще не раз сможем вонзить меч Максена в сердце врага.

Он, конечно, говорил иносказательно, но я заметил, как Артур вздрогнул при этом напоминании и бросил на меня быстрый взгляд, чтобы тут же снова вернуться к внимательному разглядыванию гостей.

Король прервал свою речь. Ульфин шагнул было к нему с кубком вина, но король отвел его руку и заговорил опять. Голос его окреп и звучал почти с прежней силой.

— Ибо таков урок, преподанный нам событиями последних лет. У нас должен быть один вождь, один могущественный верховный король, и чтобы ему подчинялись, не споря, все королевства. Без этого мы снова окажемся там, где были до прихода римлян. Будем разобщены и разбиты, как это было с галлами и германцами, расколовшись на множество отдельных народов, точно волки, грызущиеся друг с другом за пищу и землю, мы не выйдем вместе против общего врага и постепенно превратимся в забытую богом провинцию Рима, вместе с ним катящуюся навстречу гибели, а могли бы воспрянуть единым новым королевством со своим народом, со своими богами. И так оно и будет, я верю, если только во главе нас встанет достойный король. И может быть, кто знает, дракон Британии еще вознесется если и не столь высоко, как орлы Рима, зато с гордостью и мечтой, которые переживут века.

В зале царила глубокая тишина. Так мог говорить сам Амброзий. Или даже сам Максим, подумалось мне. Боги вещают нам, надо лишь запастись терпением.

Утер снова прервал свою речь. Он сделал вид, будто это ораторская пауза, предназначенная для вящего эффекта, но я заметил, как побелели его руки, сжимающие подлокотники кресла, как он собирается с последними силами. Наверно, я один это заметил, на Утера едва ли кто смотрел, взгляды всех гостей были устремлены на сидящего с ним рядом юного Артура. Вернее, всех, кроме короля Лотиана: этот алчно пожирал глазами верховного короля. Ульфин, воспользовавшись паузой, опять подошел к королю с кубком, но, встретившись со мной глазами, пригу-

бил вино сначала сам, а уж затем дал испить королю. Дрожь в руке, принявшей у него кубок, уже нельзя было скрыть; не давая королю обнаружить свою слабость, Ульфин бережно взял кубок у него из рук и поставил на стол. Все это, я увидел, не укрылось от глаз Лота, жадно следившего за королем. Должно быть, он понимал, как болен Утер, и ждал, что с минуты на минуту силы его оставят. Либо Моргауза ему открыла, либо же он сам догадался о том, что и я знал наверняка. Утер не доживет, не успеет в этой жизни надежно утвердить Артура на троне, а хаос и безначалие, которые возникнут при молодом короле, сулят выгоду его противникам.

Когда Утер заговорил снова, голос его звучал совсем слабо, но в зале стояла полная тишина, и повышать голос ему не понадобилось. Даже те, кто слишком много выпил, торжественно внимали речи короля о вчерашней битве, о тех, кто отличился и прославился, и о тех, кто пал, и наконец о роли Артура в победе и о самом Артуре.

— Все эти годы вы слышали о том, что мой сын, рожденный королевой Игрейной, воспитывается и обучается королевским искусствам в дальних странах и находится в руках, увы, более крепких, чем мои после приключившейся со мной болезни. Вы знали, что настанет срок, когда он вырастет и будет под своим настоящим именем провозглашен моим наследником и вашим новым королем. Да будет же ныне известно всем, где провел годы детства ваш законный принц: сначала под защитой кузена нашего Хоэля в Бретани, а затем в доме моего верного слуги и соратника графа Эктора в Галаве. И все эти годы его охранял и учил мой родич Мерлин, называемый также Амброзий, в чьи руки был он передан сразу после рождения, и никто не оспорит, что лучшего опекуна и быть бы не могло. Не оспорит никто и разумность моего решения отослать принца от себя до того времени, покуда он не вырастет и сможет открыто объявиться перед вами. Таков обычай, распространенный среди властителей мира сего: воспитывать детей при чужих дворах, чтобы они вырастали чуждые высокомерия, не отравленные лестью и огражденные от предательства и происков властолюбия.

Он смолк на мгновение, чтобы перевести дух. Произнося последние слова, он смотрел перед собою в стол и ни с кем не встречался взглядом, но кое-кто из гостей зашевелился в смущении

или переглянулся с соседом; и все это не укрылось от внимательных глаз Артура. Король продолжал:

— Те же из вас, кто всегда считал, что обучать принца королевскому искусству — значит с нежных лет посылать его в бой или в совет вместе с отцом, пусть вспомнят вчерашнюю битву, и как легко он принял меч из рук короля, и как повел полки к победе, будто он не принц, а сам верховный король и бывалый воин.

Утер уже задыхался, лицо его стало землистым. Я заметил хищный взгляд Лота и встревоженный — Ульфина. Увидел нахмуренные брови Кадора. И с благодарностью припомнил мой с ним недавний разговор у озера. Кадор и Лот. Не будь Кадор настоящим сыном своего отца, они легко могли бы сейчас разорвать между собой страну на куски, растащить север от юга, точно два пса, раздирающих добычу, и оставить обездоленного щенка скулить от голода.

— Итак,— произнес верховный король, и в тишине с жуткой отчетливостью раздалось его свистящее дыхание,— я представляю вам моего законного и единственного сына Артура Пендрагона, который будет над вами верховным королем после моей смерти и которому я отныне и навсегда передаю мой боевой меч.

Он протянул Артуру руку, и мальчик поднялся, прямой и серьезный, и приветственные возгласы и клики понеслись к задымленным стропилам крыши. Шум поднялся такой, что, наверно, слышно было во всем городе. Когда кричащие смолкли, чтобы перевести дух, эхо прокатилось по улицам, точно пожар по стерне в погожий день. В этих возгласах было одобрение и радость, что дело наконец решено, люди ликовали. Я видел, как Артур, невозмутимый, словно облако, оценивал настроения гостей. Но мне также было видно, как бьется жилка у него на щеке. Он стоял, как стоит воин с мечом, одержавший одну победу, но готовый услышать новый вызов.

И вызов прозвучал. Отчетливо сквозь крики и стук кубков об стол раздался голос Лота, грубый и зычный:

— Я оспариваю этот выбор, король Утер!

Словно каменная глыба упала в стремительный горный поток. Крик стих, люди задвигались, переглядываясь, переговариваясь, озираясь по сторонам. И вдруг оказалось, что поток раздвоился. Снова раздались возгласы в поддержку Артура, но здесь

и там послышалось «Лотиан! Лотиан!» — и поверх всего этого гремел голос Лота:

— Неопытный мальчишка! Повидавший в своей жизни только одну битву! Говорю вам, вы и оглянуться не успеете, как Колгрим вернется, и что же, нас поведет в бой желторотый юнец? Если ты должен передать свой меч, король Утер, передай его в руки бывалого и опытного полководца, пусть орудует именем этого юнца, покуда он не повзрослеет!

При последних словах он что было силы грохнул кулаком об стол, и вокруг снова раздались крики: «Лотиан! Лотиан!» — подхваченные в дальнем конце залы и тут же заглушенные громкими возгласами «Пендрагон!», и «Корнуолл!», и даже «Артур!» Шум нарастал, и становилось ясно, что, будь сейчас люди при оружии, не обошлось бы дело одними оскорблениями. Слуги жались к стенам, распорядители ходили между столами, пытаясь умиротворить собравшихся. Король, мертвенно-бледный, вскинул было руку, но почти никто не обращал на него внимания. Артур стоял безмолвно, недвижно и тоже был бледен.

— Милорды! Милорды!

Утер весь трясся от ярости, а ярость, как я хорошо знал, была для него опаснее удара копьем. И Лот, как видно, тоже это знал. Я положил ладонь Утеру на плечо.

— Все будет хорошо,— негромко произнес я.— Сядь пока, и пусть они накричатся вволю. Гляди, Эктор собрался говорить.

— Господин мой король! — Голос Эктора звучал деловито, дружелюбно и буднично, он подействовал на спорящих успокоительно. Эктор обращался словно бы к одному королю. И сразу стало тише, люди старались расслышать, что он говорит.— Господин мой король, король Лотиана сейчас оспорил твой выбор. У него есть право говорить здесь, как и у всякого твоего подданного есть право быть выслушанным тобою, но спорить и даже подвергнуть сомнению то, что ты сказал сегодня, у него права нет.

Он немного повысил голос и обратился к гостям:

— Милорды, здесь речь идет не о выборе или предпочтении. Наследник короля родится, а не назначается, и, коль скоро обстоятельства привели к рождению законного наследника, о чем же спорить? Взгляните на принца, представленного вам сегодня. Он прожил в моем доме десять лет, и я, который знает его, как

никто, говорю вам, что это принц, достойный встать во главе нас, и не когда-нибудь, «когда он повзрослеет», а теперь. Даже не окажись здесь меня, чтобы свидетельствовать перед вами его происхождение, вам достаточно взглянуть на него и вспомнить его на вчерашнем поле боя, чтобы увериться: перед нами, волею судеб и милостью божией, истинный и законный король. И это не подлежит ни обсуждению, ни спору. Взгляните на него, милорды, и вспомните вчерашнюю битву! Кто лучше его сможет объединить королей со всех концов Британии? Кто лучше его сможет владеть мечом его отца?

Послышались крики: «Верно! Верно!» и «Ясное дело — он Пендрагон и, стало быть, наш король!» — и слитный гул голосов, еще более громких, чем раньше. Мельком мне припомнились советы при моем отце, мирные и торжественные собрания. И снова я увидел, что Утер дрожит, сидя в своем кресле, и в лице его нет ни кровинки. Да, времена переменились: для него не было иной возможности утвердить свою волю, кроме как через признание совета лордов.

Но, прежде чем он успел сказать слово, Лот уже снова был на ногах. Теперь он не кричал, а говорил рассудительно и веско, учтиво обращаясь к Эктору:

— Я оспаривал не рождение принца, а лишь способность молодого и неопытного человека возглавить нас в эти трудные дни. Мы знаем, что вчерашняя битва была всего лишь предварением, лишь первым шагом в войне, более долгой и жестокой, чем даже те, что вел Амброзий, в борьбе, какой мы не видели со времен Максима. И нам нужен полководец, выказавший талант в испытаниях более серьезных, чем одна удачная схватка. Нам нужен не заместитель недужного короля, а человек, облеченный всей властью и божьим благословением настоящего помазанного монарха. Если юный принц действительно способен удержать в руке отцовский меч, может быть, его отец пойдет на то, чтобы прямо сейчас, при всех нас, вручить его ему?

Снова тишина. Трижды ударили сердца. Каждый присутствующий в зале знал, что означает для короля публично отдать королевский меч. Это — отречение. Один только я из всех, кто там был, не считая, может быть, Ульфина, понимал, что, отречется сейчас Утер или нет, не имеет значения: Артур все равно будет королем еще до наступления ночи. Но Утер этого не знал, а до-

станет ли ему силы духа, при всей его немощи, отречься от власти, в которой была для него вся жизнь,— этого не мог бы сейчас сказать даже я. Он сидел очень прямо, по виду совершенно спокойно, только мне, находившемуся совсем близко от него, было заметно, как дрожь время от времени сотрясала его с головы до ног, так что блики света плясали в венце червонного золота, стягивавшем его лоб, и вспыхивали в перстнях на пальцах. Я молча поднялся, подошел и встал от него по левую руку. Артур, хмурясь, вопрошающе взглянул на меня. Я покачал головой.

Король в нерешительности облизнул губы. Лотова внезапная перемена тона озадачила его, как озадачила и других в зале. Правда, из колеблющихся многие вздохнули с облегчением: они страшились мятежей, и разумная речь Лота, его почтительность к верховному королю успокоила их опасения. Послышался ропот одобрения. Лот раскинул руки, как бы обнимая всех, кто находится в зале, и сказал, сохраняя прежний рассудительный тон и обращаясь ко всем:

— Милорды, если мы убедимся, что король собственными руками передает избранному наследнику свой королевский меч, нам только и останется, что признать его. А потом уже будет время обсудить, как нам лучше подготовиться к грядущим войнам.

Артур слегка повернул голову, словно охотничий пес, почуявший в воздухе новый запах. Эктор тоже озирался на Лота, удивленно и недоверчиво слушая его уступчивые речи, молчаливый Кадор в дальнем конце залы смотрел на Лота во все глаза, словно хотел высмотреть его сокрытую душу.

Утер склонил голову, и эта поза самоотречения пристала ему, как никакая другая за всю жизнь.

— Я готов.

Пробежал один из распорядителей. Утер откинулся на спинку своего массивного кресла и отрицательно покачал головой, когда Ульфин опять протянул ему кубок. Я незаметно опустил руку и взялся за его запястье. Пульс был слабый, как кузнечик, запястье — прежде туго свитые нервы и жилы — стало хрупким и сухим. Губы у него пересохли, он то и дело облизывал их. Он негромко проговорил:

— Тут какая-то хитрость, но я не могу ее разгадать. А ты?

— Пока нет.

— За ним ведь почти никто не стоит. Даже среди солдат, после вчерашнего. Но теперь... может быть, тебе самому придется

с ними разбираться. Доказательствами и посулами их не проймешь. Ты ведь знаешь их, им нужно знамение. Ты бы не мог дать им знамение?

— Не знаю. Пока нет. Боги являются, когда являются.

Артур услышал, что мы шепчемся. Он стоял весь натянутый, как тетива в луке. И вдруг при взгляде на конец залы лицо его утратило прежнее напряженное выражение. Я проследил, куда он смотрит, и увидел Бедуира. Его, пунцового от негодования, удерживала на месте отцовская тяжелая рука. Иначе, я думаю, он бы уже бросился на Лота с кулаками.

Пробежал обратно распорядитель, держа на поднятых ладонях боевой меч Утера в ножнах. Зловеще рдели рубины на рукояти. Ножны были серебряные, золоченые, изукрашенные тонкой чеканкой и драгоценными каменьями. Все, кто был в зале, сотни раз видели этот меч у короля на поясе. Лорд-распорядитель положил его перед Утером на стол. Исхудалая королевская рука протянулась к рукояти, и пальцы сами привычно сомкнулись под щитком, скорее лаская, чем сжимая,— настоящая хватка искусного воина. Артур смотрел, и я увидел, как брови его недоуменно сдвинулись к переносице. Верно, он вспомнил меч в Диком лесу и не понимал, какая роль предназначена тому мечу в церемонии отречения.

Я же, щурясь от огненного сияния огромных рубинов, понял наконец предначертание богов. Оно было ясно с самого начала: огонь, и летучая звезда, и меч в камне. И открылось оно не в двусмысленной улыбке божества сквозь завесу дыма — а отчетливо и ясно, как красный огонь рубинов. Утеров меч не выдержит, как не выдержал сам король Утер. Выдержит другой. Он явился по воде и по суше и теперь лежит наготове, чтобы завоевать Артуру королевство, сохранить и защитить его, а потом навсегда исчезнуть с глаз людских...

Король решительно взялся за ножны и выдернул меч.

— Я, Утер Пендрагон, сим отдаю сыну моему Артуру...

Послышался общий вздох, потом невнятный слитный говор, кто-то крикнул в страхе: «Знамение! Знамение!», кто-то еще отозвался: «Смерть! Это предвещает смерть!», и шепот, стихший было перед лицом победы, стал пробуждаться опять: «На что же можем надеяться мы, опустошенная земля, и увечный король, и отрок без меча?» Выдернув меч из ножен, Утер тяжело поднялся

на ноги. Он держал его криво, не подняв, и глядел на него, почернев лицом и приоткрыв рот, словно пораженный немотой. Меч был сломан. В одной пяди от острого конца клинок обломился, и рваный разлом черно поблескивал в факельном свете.

Король попытался было что-то сказать, но только промычал — слова застряли у него в горле. Меч вывалился из ослабшей руки и со звоном упал на пол. Ноги у короля подкосились, мы с Ульфином подхватили его под руки и осторожно опустили обратно в кресло. Артур, быстрый, как рысь, подскочил и склонился над ним.

Потом он медленно выпрямился и посмотрел на меня. Мне не было нужды говорить ему то, что мог видеть всякий, находившийся в пиршественном зале. Утер был мертв.

Глава 9

Мертвый Утер сумел сделать то, что не удалось Утеру умирающему: суматоха в зале стихла. Все, кто там был, стоя, в молчании наблюдали, как мы медленно опускаем его в кресло. Среди тишины пламя факелов потрескивало, как шуршащий шелк, и кубок, оброненный Ульфином, со звоном прокатился полукругом по полу туда и обратно. Я склонился над умершим королем и закрыл ему глаза.

И тут вновь раздался зычный и настойчивый голос Лота:

— Воистину это знамение! Мертвый король и сломанный меч! Ты и теперь будешь говорить, Эктор, что бог предназначил этого отрока вести нас на саксонского врага? Да уж воистину увечная земля, а преграда саксонской угрозе лишь отрок со сломанным мечом!

Опять поднялся гомон. Люди кричали, обращаясь друг к другу или озираясь вокруг в испуге и смятении. Краем сознания я заметил, что для Лота происшедшее не было неожиданностью. Артур с горящими глазами на совершенно бескровном от потрясения лице выпрямился над телом отца и резко обернулся к орущим, но я проговорил торопливо: «Нет. Подожди», и он послушался. Только рука опустилась на пояс и сжала до побеления рукоятку кинжала. Едва ли он сознавал это, а если б и осознал, то все равно не смог бы сдержаться. Рев изумления и страха бился в каменные стены, как штормовой прибой.

Сквозь весь этот оглушительный шум вновь прозвучал голос потрясенного, но мужественного Эктора, прозвучал так же твердо и деловито, как и раньше, разгоняя клочья суеверного страха, подобно метле, смахивающей паутину.

— Милорды! Пристойно ли это? Наш верховный король умер сейчас у нас на глазах. Неужто мы осмелимся перечить его воле, едва успели его глаза закрыться вечным сном? Мы все видели, что послужило причиной его смерти: вид королевского меча, вчера еще бывшего целым, а ныне сломавшегося в ножнах. Неужто же мы, как малые дети, устрашимся такой случайности,— он веско уронил это слово в чуткую тишину,— и из-за нее не выполним то, что, бесспорно, должны? Если же вам нужно знамение, то вот оно! — Он указал на Артура, прямого, как сосенка, подле кресла с мертвым королем.— Один король пал, а уже на его место готов встать другой. Он послан нам ныне Богом. И мы должны его признать.

Он смолк. Люди тихо переговаривались, переглядывались. Иные кивали и выкрикивали свое согласие, но были и такие, кто по-прежнему смотрел с сомнением, и слышались голоса:

— Но меч? Как же сломанный меч?

Эктор бестрепетно отвечал:

— Король Лот сказал, что сломанный меч — знамение. Но что он знаменует? Я вам скажу — предательство! Меч сломался не в руке у верховного короля и не в руке его сына.

— Это правда,— подхватил другой властный голос. Отец Бедуира, король Бенойка, встал со своего места.— Мы все видели его целым во время битвы. И видели его в деле, клянусь богом!

— А после этого? Как было потом? — послышались вопросы со всех сторон.— Разве король послал бы за ним, если бы знал, что он сломан?

Но кто-то неразличимый в дальнем конце зала заметил:

— А согласился бы король уступить его мальчику, если бы он был целый?

И еще чей-то голос, мне показалось, что Уриена, произнес:

— Король знал, что умирает. Он оставил увечную землю и сломанный меч. Теперь королевская власть должна перейти к сильнейшему.

Эктор, густо покраснев, крикнул в ответ:

— Я правильно говорил о предательстве! Хорошо, что верховный король успел представить нам своего наследника, не то бы

Британия и впрямь оказалась изувечена и разодрана на куски псами-изменниками вроде тебя, Уриен Горский!

Разъяренный Уриен с криком схватился за кинжал. Но Лот под шумок что-то резко сказал ему, и тот присмирел. Лот улыбался, щелки-глаза его смотрели настороженно, а голос прозвучал вкрадчиво:

— Мы все знаем, как выгодно графу Эктору провозгласить королем своего приемыша.

Сразу снова стало тихо. Я увидел, что Эктор озирается, словно бы ища несуществующее оружие. Пальцы Артура еще крепче сжали рукоять кинжала на поясе. Но тут у правой стены люди задвигались, и вперед выступил Кадор. Белый вепрь Корнуолла то горбился, то пластался на его рукаве. Кадор оглянулся, выжидая тишины. Все смолкли. Лот с опаской оглянулся: он, как видно, не знал, чего можно ждать от герцога Корнуолла. Эктор сдержался и сел, все еще кипя. Повсюду вокруг я видел, что перепуганные, колеблющиеся, не имеющие собственного мнения люди смотрят на Кадора так, словно ждут от него руководства в минуту опасности.

Голос Кадора прозвучал отчетливо и совершенно бесстрастно:

— То, что сказал Эктор,— правда. Я сам видел меч верховного короля после битвы, когда он принял его обратно из рук сына. Клинок был цел и незапятнан ничем, кроме вражьей крови.

— Но как же он оказался сломан? Здесь предательство? Кто его сломал?

— В самом деле, кто? — повторил Кадор.— Не боги, уж конечно, что бы ни утверждал король Лот. Боги не ломают мечи королей, которым ниспосылают победу. Они им дарят мечи, и притом целые.

— Но если Артуру быть нашим королем,— выкрикнул кто-то,— где же меч, который подарили ему боги?

Кадор вопросительно посмотрел в сторону королевского возвышения; было ясно, что он ждет, чтобы заговорил я. Но я молчал. Я стоял за спиной Артура рядом с королевским креслом. Здесь было мое место, и пора, чтобы люди это знали. Они выжидающе притихли, все головы повернулись туда, где я стоял черной тенью позади серебряно-белого Артура. Слышался невнятный говор многих голосов. Здесь были такие, кто испытал на себе мою силу, и не было ни одного, кто бы поставил ее под сомнение. Даже Лот. Он вопросительно скосился на меня, так что

сверкнули белки глаз. Однако я безмолвствовал, и тогда здесь и там на лицах появились насмешливые улыбки. Мне видно было, как напряглись плечи Артура, и беззвучно, одною волею, мысленно, я сказал ему: «Погоди, Артур. Еще немного. Сейчас не пора».

Он молча взял в руки сломанный меч и осторожно засовывал его обратно в ножны. Вот клинок сверкнул последний раз и скрылся.

— Видите? — обратился Кадор к собравшимся.— Утерова меча больше нет, как нет и его самого. Но у Артура есть свой меч, и он куда прекраснее этого королевского меча, который сломала человеческая рука. Тот меч ему подарили боги. Я сам видел его у Артура в руке.

— Когда? Где? — раздались вопросы.— Какие боги? Что за меч?

Кадор с улыбкой подождал, пока утихнут голоса спрашивающих. Он стоял в непринужденной позе, статный и могучий, исполненный, как всегда, сдержанной, но действенной силы. Лот кусал губу и хмурился. На лбу у него проступил пот, глаза тревожно обводили залу, подсчитывая сторонников. Как видно, он надеялся, что Кадор будет против Артура.

Кадор в его сторону и не посмотрел.

— Не так давно я видел принца у Мерлина,— объяснил он собравшимся,— это было в Диком лесу, и в руке он держал меч столь прекрасный, что я в жизни такого не видывал, весь выложенный драгоценными каменьями, точно императорский, и клинок его сиял, как луч света, так что больно было смотреть.

Лот откашлялся.

— Обман зрения. Колдовство. Ты же сам говоришь, при этом был Мерлин. Мы все знаем, что означает его присутствие. Если Мерлин — наставник Артура...

Его прервал низкорослый темноволосый и краснолицый человек, в котором я узнал Гвила с западного побережья, где в горах до сих пор собираются друиды:

— А если и колдовство, что с того? Да за королем, владеющим магией, всякий пойдет!

Это вызвало крики одобрения. Застучали по столам кулаки. Многие гости были кельты из горных областей, и такая речь пришлась им по душе.

— Правда, правда! Сила — вещь хорошая, но какой от нее прок без удачи? А у нашего короля, хоть он и молод, есть и то и

другое. Справедливо говорил Утер о доброй выучке и добром совете. А лучший советчик, чем Мерлин, может ли быть у молодого короля?

— А добрая выучка,— подхватил звонкий молодой голос,— состоит не в том, чтобы выжидать, не вступая в бой, покуда чуть вовсе не опоздал!

Это крикнул, забывшись, Бедуир. Отец для острастки отпустил ему затрещину, но удар пришелся сбоку и не сильный, а карающая рука задержалась и потрепала мальчика по затылку. На них смотрели с улыбкой. Жар спадал. Кипение страстей, вызванное приступом суеверного страха, утихло, люди пришли в себя и были готовы слушать и взвешивать услышанное. Кое-кто из склонявшихся на сторону Лота и его приспешников стал от него отходить. Раздались голоса: «Почему молчит Мерлин? Мерлин знает, как надобно поступить. Пусть он нам скажет!» И другие подхватили: «Мерлин! Мерлин! Пусть Мерлин говорит!»

Я дал им немного покричать. А потом, когда они уже готовы были стены разнести от нетерпения, заговорил. Я не повысил голоса и не сдвинулся с места, а остался, как стоял, между мертвым королем и живым; но люди притихли и стали слушать.

— Я должен сказать вам две вещи,— начал я.— Во-первых, король Лотиана ошибся: я не наставник Артура, а его слуга. А второе — то, что уже говорил вам герцог Корнуолл: что от саксонской угрозы нас оградит король, юный и здравствующий, и в руке у него — меч, данный ему богом.

Лот увидел, что удача от него ускользает. И крикнул, обводя взглядом своих сторонников:

— Да, меч — любо-дорого смотреть! Появляется в руке как видение и исчезает во время битвы!

— Вздор говоришь,— оборвал его граф Эктор.— Тот меч, что был выбит у него из рук, одолжил ему я. И не сокрушаюсь о нем, не из лучших был клинок.

Кто-то засмеялся. Здесь и там блеснули улыбки, и теперь в голосе Лота слышалась лишь ярость поражения:

— Так где же он добыл тот чудо-меч и куда он теперь подевался?

Я ответил:

— Он один отправился на Каэр-Банног и достал меч, хранившийся на дне озера.

Стало тихо. Среди собравшихся не было никого, кто бы не знал, о чем идет речь. Я увидел, как люди осеняют себя знаком, охраняющим от чар.

Кадор нарушил тишину. Он сказал:

— Это правда. Я видел своими глазами, как Артур возвратился с Каэр-Баннога и привез его с собой в старых-старых ножнах, словно он пролежал там, спрятанный, добрую сотню лет.

— Так оно и было,— подтвердил я.— Послушайте, милорды, я поведаю вам, что это за меч. Этот меч взял с собою в Рим Максен Вледиг, а потом его соратники привезли этот меч обратно в Британию и спрятали здесь до того времени, покуда боги не надумают указать сыну короля к нему дорогу. Нужно ли напоминать вам пророчество? Оно произнесено не мною: меня тогда еще не было на свете. Оно гласит, что меч явится по воде и по суше и будет покоиться, сокрытый во тьме и заключенный в камне, покуда не явится тот, кто рожден быть законным королем всей Британии, и не достанет его из укрытия. Вот он и лежал на Каэр-Банноге в чертоге Билиса, пока, препровождаемый божественными знамениями, Артур не нашел его там и не освободил из каменного плена.

— Покажи нам! — закричали все.— Покажи!

— Я покажу вам этот меч. Он остался лежать на алтаре часовни, что в Диком лесу. Там я его положил, и там он пролежит до тех пор, пока Артур не подымет его в присутствии вас всех.

Лот заметно струсил: все теперь были против него, а он открыто выказал себя противником Артура. Но до сих пор я говорил негромко и спокойно, и Лот еще питал надежду на успех. Его поддерживало природное упрямство и тупая жажда власти.

— Видел я этот меч, меч в алтаре Зеленой часовни. И многие из вас его видели! Это меч Максена, спору нет, да только он вырезан в камне.

Тут я сделал шаг вперед и высоко вскинул руки. В открытые окна, неведомо откуда, ворвался ветер, зашевелились пестрые знамена, алый дракон у Артура за спиной словно полез кверху по золотому полю, а моя тень, колеблясь, выросла на стене, также подобная дракону с распростертыми крыльями-руками. Сила моя была при мне. Она прозвучала и в моем голосе:

— Но из камня он поднял его и подымет опять в присутствии вас всех. Часовня же отныне будет именоваться Гиблой часовней, ибо если кто, не будучи по праву королем, только прикос-

нется к тому мечу, клинок вспыхнет в его руке, как гибельная стрела небес.

Кто-то из гостей веско произнес:

— Если он вправду владеет мечом Максена, то, значит, получил его в дар от бога, а если еще и Мерлин с ним, то, клянусь, каким бы он ни поклонялся богам, я пойду за ним!

— И я,— сказал Кадор.

— И я! И я! — раздались еще голоса.— Отправимся смотреть этот волшебный меч и этот погибельный алтарь!

Все повскакали с мест. Громкие крики неслись отовсюду и отдавались под сводами крыши:

— Артур! Артур!

Я опустил руки. Ну вот, Артур, теперь пора.

Он ни разу не оглянулся на меня, но услыхал мою мысль, и я почувствовал, как моя сила исходит от меня и перетекает к нему. Она окружила его, и это почувствовали все, кто был в зале. Он поднял руку. Все замерли. Прозвучал его голос, ясный и твердый, голос воителя, проведшего два первых решающих боя в жизни — на поле брани и здесь, в пиршественной зале.

— Милорды. Вы видели, как судьба распорядилась, чтобы я явился к отцу без меча, как то и надлежало. Однако предательством было сломано оружие, которое он должен был мне вручить, и предательством у меня пытались отнять мое наследственное право, объявленное и подтвержденное прилюдно отцом моим, верховным королем. Но, как сказал вам Мерлин, бог уже вложил мне в руку другое, славное оружие, и теперь я готов поднять его у вас на глазах, как только мы все прибудем в Гиблую часовню.

Он замолчал. Нелегко говорить после того, как сказали свое слово боги. Он закончил негромко — прохладная вода после пламени. Свет факелов рдел все тусклее, моя тень укоротилась и сползла со стены. Штандарт с драконом безжизненно обвис.

— Милорды, мы отправимся туда утром. А сейчас нам подобает обратить наши заботы к верховному королю, распорядиться, чтобы тело его было по-королевски обряжено и установлено в траурной зале, окруженное стражей, прежде чем оно будет отвезено к месту вечного упокоения. А уж тогда пусть желающие захватят с собой мечи и копья, и мы отправимся в путь.

Артур кончил. К нему через всю залу решительными шагами подошел Кадор, за ним Эктор, и Гвил, и отец Бедуира — король

Бан, и еще десятка два рыцарей. Я неслышно отступил к стене, оставив его в окружении королевской стражи. По моему знаку слуги подняли и понесли кресло, в котором все это время лежало и цепенело тело короля, забытое всеми, кроме одного только плачущего Ульфина.

Глава 10

Выйдя незаметно из залы, я сразу же спешно послал слугу с наказом седлать для меня самого резвого коня. Другой слуга вынес мой плащ и меч, и скоро, не привлекая ничьего внимания, я прошел людными коридорами и выскользнул во двор.

Оседланный конь уже дожидался меня там. Мне показалось, я узнаю его, и действительно по сбруе я убедился, что это каурый Ральфа. Сам Ральф держал удила, и лицо у него было озабоченное, взволнованное. А за высокими стенами город гудел, как потревоженный улей, и повсюду горели костры.

— В чем дело? — спросил я.— Разве я не ясно передал: я еду один.

— Мне так и сказали. Конь — для тебя. Он резвее твоего и крепче на ногу, и ему знакомы лесные тропы. А встретится опасность...

Ральф не договорил, но я его понял. Этот конь был обучен в бою и в случае столкновения был бы не хуже третьей руки.

— Спасибо.— Я принял у него поводья и вскочил в седло.— Привратники предупреждены?

— Да, Мерлин.— Он все еще не выпускал поводья.— Позволь мне поехать вместе с тобой. Негоже тебе пускаться в путь одному. У тебя есть злейший враг, и он не остановится ни перед чем.

— Знаю. Ты больше поможешь мне, если останешься здесь и проследишь, чтобы никто не выехал по моим следам. Ворота на запоре?

— Да. Я позаботился запереть их. Ни один всадник, кроме тебя, не выедет из этих ворот до той минуты, пока их не распахнут перед Артуром и остальными. Но мне доложили, что два человека успели выскользнуть вон, пока гости еще не вышли из залы.

Я нахмурился.

— Лотовы люди?

— Непонятно. Назвались гонцами, посланными на юг с известием о смерти короля.

— Никаких гонцов отсюда не отправляли,— решительно возразил я.

Об этом я сам распорядился. Весть о смерти верховного короля, способная породить только страх и неуверенность, не должна была выйти за пределы этих стен до того, как к ней не прибавится другая — о новом короле и новой коронации.

Ральф кивнул.

— Знаю. Те двое улизнули как раз перед поступлением приказа. Может быть, кто-то — из пажей, например,— хочет получить награду, первым доставив на юг важную новость. Однако, само собой, это могут быть и люди Лота. Но что у него на уме? Сломать меч Максена, как он сломал Утеров?

— Думаешь, это ему под силу?

— Н-нет. Но если он не сможет причинить вреда, зачем же ты сейчас туда скачешь? Почему не подождешь и не поедешь вместе с принцем?

— Потому что Лот сейчас и вправду не остановится ни перед чем, чтобы опровергнуть Артуровы права. Им руководит хуже, чем жажда власти,— страх. Он готов на все, только бы бросить тень на меня и подорвать веру людей в то, что меч — дар Бога. Вот из-за чего я должен ехать. Бог сам за себя не заступится. Для того мы и здесь, чтобы сражаться за него.

— Ты хочешь сказать... Понимаю. Они могут осквернить часовню, разрушить алтарь... Если сумеют, то помешают тебе встретить там короля. И убьют сторожа, которого ты оставил блюсти святилище. Я прав?

— Да.

Он так дернул каурого за узду, что конь захрапел.

— Тогда неужто ты думаешь, что Лот не решится тебя убить?

— Думаю, решится. Но не сможет. А теперь отпусти меня, Ральф. Я останусь цел.

— Ага.— В его голосе прозвучало облегчение.— Значит, звезды больше не сулят нам на сегодня смертей?

— Будет еще одна смерть. Но не моя. Однако с собой я не беру никого, чтобы не рисковать. Вот почему ты останешься здесь, Ральф.

— Господи, да если в этом все дело...

Я опустил поводья каурому на шею, и конь встрепенулся, перебрал ногами.

— У нас уже один раз был такой спор, Ральф, и тогда я уступил. Но сегодня — нет. Я не могу принудить тебя к повиновению, ты теперь не мой слуга. Но ты слуга Артура, и твой долг — быть с ним и доставить его в часовню живым и невредимым. А теперь отпусти меня. В которые ворота?

Ральф еще мгновение помедлил, но потом шагнул назад.

— В южные. Храни тебя бог, мой добрый господин.

Он крикнул через плечо повеление страже. Створки ворот распахнулись и с гулом захлопнулись снова у меня за спиной. Каурый взял в галоп.

В небе висел полумесяц — узкая полоска серебра с затемненным краем. Он освещал мне знакомую тропу, ведущую низом речной долины. У воды темнели купы ив, под ними прятались синие тени. Река, поднявшаяся после дождей, стремительно катила свои волны. В небе мерцали звезды, и ярче всех горела Медведица. Но вот луна, и звезды, и река скрылись из виду — каурый, чуя каблуки, распластался в могучем галопе, и мы влетели под черные своды Дикого леса.

В начале пути тропа бежала прямая и ровная, то и дело в прорехи между ветвями просачивался бледный свет луны, бросая к подножиям деревьев серые мягкие блики. Под копытами коня постукивали выступающие древесные корни. Я пригнулся к самой гриве, чтобы не задевать нижних ветвей. Но потом тропа стала забирать в гору, сначала слегка, потом круто, петляя между стволами редеющего леса. По временам она вдруг резко сворачивала в обход утесов, торчащих среди древесной гущи. Слева, далеко внизу, слышался шум горного потока, как и река в долине взбухшего после дождей. Один только стук копыт нарушал лесное безмолвие. Деревья застыли как мертвые. Сюда, под черные своды, не проникало дыхание ветра. Нигде не было ни малейшего движения. Если олень, или волк, или лиса и выходили в ту ночь из своих укрытий, я никого не заметил.

Подъем становился все круче. Каурый упрямо карабкался вверх, но ребра у него так и ходили, и плавный галоп сменился одышливой рысью. Теперь уже недалеко. Сверху сквозь поредевшие ветви сочился слабый звездный свет, и я разглядел, что впереди за поворотом тропа опять ныряет в лесную гущу, словно

под темные своды. Где-то слева ухнула сова. Ей отозвалась другая, справа. Для меня это прозвучало в тишине как боевой клич, потому что как раз тогда конь мой завернул за поворот в непроглядную тьму и я, всей своей тяжестью задирая ему голову, повис на удилах. Более умелый всадник успел бы его остановить, а я — нет. Я промедлил лишнее мгновение.

Он уперся в землю всеми четырьмя копытами, но с разгону проехался косо по влажной земле и очутился перед стволом упавшего дерева, перегородившего нам дорогу. Это была давно иссохшая сосна, ее острые, колючие мертвые сучья торчали в разные стороны, как шипы в волчьей яме. Слишком длинные и частые, такой барьер нам бы не взять даже на свету под луной, а тем более в темноте за крутым поворотом. Место было выбрано удачно. По одну сторону от тропы уходил вниз к ручью крутой каменистый обрыв футов в сорок, по другую чернела чаща терновника и остролиста, такая густая, что лошади там не пробраться. Даже развернуться было негде. Примчись мы сюда галопом, и сучья, как копья, пронзили бы моего коня, а я сам перелетел бы через его голову прямо на их смертоносные острия.

Если враг в расчете на то, что я врежусь в лежащее дерево на полном скаку, затаился чуть поодаль, у меня еще, быть может, оставалось несколько мгновений, чтобы сойти с тропы и углубиться в чащу леса. Я дернул каурого и хлестнул поводьями. Он повернулся, взвившись на дыбы, ободрал себе бок о колючки терновника, мне острый сук пронзил бедро. Потом, словно пришпоренный, конь всхрапнул и рванулся вперед. Под нами в треске ломающихся сучьев открылась черная яма. Конь пошатнулся, передние ноги его провалились, и он, колотя копытами, рухнул вниз. Я перелетел через его холку и угодил как раз между лежачим стволом и отверзшейся ямой. Минуту я лежал там, оглушенный, и в это время каурый, напрягая все силы, вырвался из неглубокой ямы, дрожа, остановился на краю, а из-за деревьев выбежали двое с кинжалами в руках и кинулись к месту нашего падения.

Я упал туда, где тень была особенно густа, и лежал там без движения, оставаясь для них, должно быть, невидимым. К тому же шум горного потока заглушал все остальные звуки, так что они, наверно, решили, что я свалился прямо под обрыв. Один подбежал к краю обрыва и заглянул вниз, другой протиснулся между конем и терновником и тихонько приблизился к яме.

Вырыть ее глубоко они не успели — только чтобы лошадь засеклась и сбросила меня наземь. Но теперь в темноте она служила мне защитой, оба разом они не могли на меня наброситься. Тот, кто был ближе, что-то крикнул своему товарищу, но шум падающей воды под обрывом заглушил его слова. Тогда он осторожно шагнул в обход ямы по направлению ко мне. В руке у него тускло сверкнул нож.

Я подкатился ему под ноги, схватил его за лодыжку и дернул. Он заорал, опрокинулся в яму, но вырвал у меня ногу, полоснул по воздуху ножом и, откатившись, вскочил на ноги. Товарищ его метнул нож. Он стукнулся в дерево у меня за плечом и упал на землю. Одним клинком меньше. Но теперь они знали, где я. Оба притаились за ямой: один справа от тропы, другой слева. У одного в руке я заметил словно бы меч, другого мне было не видно. В тишине слышался только шум воды под обрывом.

Узкая тропа, где так легко, казалось, устроить засаду, помешала им зато привести с собой лошадей. Мой конь безнадежно охромел. А их, должно быть, стояли привязанные где-то за деревьями. Лезть через сосновый ствол я не мог — они бы меня заметили и успели прикончить. Через заросли терновника тоже не продраться. Оставался обрыв: если бы незамеченным спуститься к ручью, обойти их и углубиться в лес, может быть, даже отыскать их лошадей...

Я стал осторожно продвигаться к краю обрыва, свободной рукой нащупывая впереди себя дорогу. Здесь росли кусты и кое-где между камнями молодые деревца. Я нащупал гладкий, гибкий ствол, ухватился, дернул на пробу. И стал, держась, тихонько пятиться к обрыву. При этом я не спускал глаз с меча, мерцавшего в руке одного из моих врагов. Он по-прежнему стоял возле ямы. Нога моя соскользнула с земляного обрыва. В лодыжку вцепилась какая-то колючка.

А кроме колючки, и человеческая рука. Мой второй преследователь поступил так же, как и я. В темноте подполз к обрыву и, припав к откосу, затаился. А теперь внезапно бросился мне в ноги. Я покачнулся и упал. У самого моего лица просвистел его нож и вонзился глубоко в землю.

Он рассчитывал, что, сбитый с ног, я покачусь вниз по каменистому обрыву, рухну на валуны в русле потока, разобьюсь, и, беспамятного, они вдвоем легко меня прикончат. Так бы все и вышло, не надумай он швыряться ножом. От взмаха он поте-

рял равновесие, да к тому же я, падая, отдавил ему свободной ногой руку, которая держала меня за лодыжку. Каблук угодил во что-то мягкое, послышался сдавленный стон, мой противник не удержался наверху и, что-то крича, покатился вместе со мной вниз по отвесному склону.

Я падал первым. И зацепился на полдороге за ствол молодой сосенки. Мой противник катился следом, увлекая с собой обломки сучьев и камни. Я уперся ногами в сосенку и приготовился к встрече. Когда он поравнялся со мной, я бросился на него сверху, придавил его всей тяжестью к земле, распял его руки своими руками. Он вскрикнул от боли. Одна нога оказалась неловко подвернута. Другой он брыкнул, и я почувствовал, как шпора вспорола мягкую кожу сапога. Он отчаянно сопротивлялся, извиваясь подо мною, как рыба на песке. Еще мгновение, и ноги мои соскользнут со ствола, тогда мы оба свалимся на дно оврага. Я старался удержать его левой рукой, а правой потянулся за кинжалом.

Второй убийца слышал, как мы падаем. Он что-то крикнул сверху и стал ощупью спускаться к нам по обрыву. Он двигался осторожно, но быстро. Слишком быстро. Я навалился на того, кто находился подо мною, чтобы он не мог пошевелить руками. Что-то хрустнуло, я думал, сухая ветка, но он взвыл от боли. Я изловчился и освободил правую руку. В кулаке у меня был зажат кинжал, рукоятка впилась в ладонь. Я замахнулся. Случайный луч луны отразился в его глазах всего в футе от моих глаз; я чувствовал запах страха, и боли, и ненависти. Он дернулся из последних сил, чуть было не сбросил меня, отводя голову от моего удара. Я перевернул кинжал и со всей силой ударил рукоятью, метя позади открывшегося уха.

Но удар не достиг цели. Что-то брошенное сверху — камень или коряга — больно ударило меня в плечо. Рука дернулась и беспомощно повисла. Кинжал покатился в темноту. Второй убийца был уже в кустах надо мною, обнаженный меч чиркнул по камням. Луна взблеснула на занесенном клинке. Я рванулся в сторону, но мой враг вцепился в меня изо всей мочи, пустив в ход даже зубы, чтобы только мне не увернуться из-под убийственного удара мечом.

Это и послужило к его гибели. Его товарищ сделал еще один скачок и обрушил меч на то место, где только что находилась

моя незащищенная спина. А я уже скользил вниз — одежда моя, за которую меня пытались удержать, разорвалась, один кулак был прокушен в кровь. Удар меча пришелся по спине моего противника. Я услышал хруст костей и тут же — оглушительный, пронзительный крик. Освобожденный, я покатился под обрыв навстречу шуму падающей воды.

На пути попался куст, я зацепился было, но проломил его и полетел дальше. Ветка хлестнула меня по горлу. Шипы и колючки в клочья изорвали на мне остатки одежды. Потом я налетел на камень, застрял и несколько мгновений пролежал так, оглушенный и почти бездыханный. Но в тишине я услышал, что второй убийца спускается вслед за мной. Неожиданно земля подо мной стала осыпаться, камень, удерживающий меня, сорвался с места, и я, пролетев последний отвесный участок обрыва, упал на каменную плиту, по которой ледяная вода неслась, переливаясь в глубокую заводь.

Свались я в заводь, я бы остался, наверное, совсем невредим. Угоди я на валун, вокруг которого кипела и пенилась вода, мне бы тут же и конец пришел. Но я упал на плиту, через которую переливалась вода не больше пяди глубиной, низвергаясь затем в одну из бессчетных тихих лесных заводей. Я упал плечом вперед. Ледяная влага хлынула в рот, в глаза, в ноздри, лоскуты одежды пропитались водой. Стремительный поток потащил меня, оглушенного, задыхающегося, по скользким камням. Пальцы искали зацепки, оскользались, срывались, скребли, выламывая ногти.

С шумным плеском, так что вздрогнула каменная плита, рядом упал второй убийца, пошатнулся, но устоял и опять занес надо мною обнаженный меч. Снова отразилась луна на острие. А над ним в вышине были звезды. Меч, лежащий поперек ночного неба среди сияния звезд. Я разжал пальцы, стремительный поток перевернул меня кверху лицом, навстречу разящему мечу. Вода слепила. Грохот ее падения сводил с ума. Метнулся блик, словно бы падающая звезда, и сверху обрушился меч.

Это было как повторяющийся сон. Я уже когда-то вот так сидел в лесу у костра, и меня тогда тоже окружали полукольцом мелкорослые смуглые жители холмов, и глаза их выжидающе поблескивали на грани светлого круга, будто глаза диких лесных тварей.

Но на этот раз костер развели они сами. Перед огнем дымилась, высыхая, моя изодранная одежда. Меня они закутали в свои плащи, сшитые из овчины и сильно пахнущие первоначальными владельцами, но теплые и сухие. Ушибы мои ныли, кое-где, на месте меткого удара, на который я не обратил внимания в пылу схватки, боль ощущалась острее. Но кости были целы.

Без памяти я пробыл недолго. За пределами светлого круга лежали два мертвых тела, а поблизости от них — заостренный кол и тяжелая дубинка, еще не обтертые от крови. Один из смуглых чистил, втыкая в землю, длинный нож.

Маб принес мне чашу разогретого вина с примесью чего-то едкого, перебивающего вкус винограда. Я выпил, чихнул и поднялся на ноги.

— Вы разыскали их коней?

Он кивнул.

— Там, за тропой. Твой охромел.

— Знаю. Приглядите пока за ним, ладно? Когда доберусь до часовни, я пошлю сюда слугу. Он отведет хромого домой. А теперь приведите мне одного из тех коней и отдайте мою одежду.

— Она еще не высохла. И четверти часа не прошло, как мы вытащили тебя из заводи.

— Не важно. Мне надо торопиться. Маб, там наверху поперек тропы лежит дерево, а перед ним вырыта яма. Попроси, если можно, своих людей расчистить к утру проезд.

— Они уже взялись за дело. Слышишь?

И я услышал сквозь шум потока и треск костра. Вверху, у нас над головами, стучали топоры и мотыги. Маб заглянул мне в глаза.

— Значит, новый король проедет этой дорогой?

— Возможно.— Я улыбнулся.— Как ты успел узнать?

— Один из наших людей прискакал из города и сообщил нам.— Он обнажил щербатые зубы.— Ворота, запертые по твоему приказу, ему не помешали, хозяин... Но мы узнали раньше. Разве ты не видел, как упала звезда? Она пролетела из края в край через все небо, в красном венце дракона и с дымным хвостом. И мы поняли, что ты должен прибыть. Но мы были за Волчьим перевалом, когда пролетел огненный дракон, и едва не опоздали. Прости.

— Вы поспели как раз ко времени. Я обязан тебе жизнью. Никогда не забуду.

— А я обязан тебе,— ответил он.— Почему ты выехал один? Разве ты не знал, что это опасно?

— Я знал, что предстоит еще смерть, и не хотел брать ее на свою душу. Боль — это другое дело, и она скоро проходит.— Я снова с усилием встал на ноги.— Маб, если мне ехать, то сейчас, иначе будет поздно. Мою одежду.

Одежда была еще мокрая, вся изодранная и вывалянная в грязи. У них же ничего другого, кроме овчин, не было, жители гор низкорослы, платье с их плеча на меня бы не полезло. Я кое-как набросил на себя остатки моего придворного облачения и принял от одного из людей Маба узду смирной бурой лошади. Рана в бедре у меня опять сочилась кровью, чувствовалось, что в ней остались занозы. Я попросил уложить на седло овчину и с трудом взгромоздился сверху.

— Поехать нам с тобой? — предложили они.

Я покачал головой.

— Нет. Оставайтесь здесь и займитесь расчисткой дороги. А утром, если хотите, можете приехать к святилищу. Там места хватит на всех.

Под луной поляна в самом сердце леса лежала недвижная, как картина, и дивная, как сон. Луна высветила конек крыши и посеребрила верхушки окружающих сосен. Из открытой двери лилось золотое сияние от девяти светильников, ровно горящих вокруг алтаря.

Я не спеша обогнул часовню, мне навстречу распахнулась задняя дверь, выглянул встревоженный сторож. Здесь наверху все было в порядке, никто не появлялся. Но глаза бедного малого широко раскрылись, когда он разглядел, в каком я виде, и он с радостью оставил меня, когда я передал ему поводья и велел скакать домой в Галаву. А я с глубоким вздохом облегчения вошел в пустую часовню, чтобы у огня осмотреть свои раны и сменить одежду.

Тишина медленно просачивалась обратно. Легкий порыв ветра тронул верхушки сосен и смахнул последние отзвуки удаляющихся копыт; ветерок потянул сквозь часовню, удлиняя языки пламени в светильниках и вытягивая из них тонкие полосы дыма, ароматного, как благовонные смолы. Снаружи над поляной луна и звезды разливали свой бесплотный свет. Все было полно при-

сутствием божества. Я опустился перед алтарем на колени. Ум мой и воля опустели, и через все мое существо хлынула воля божия, и я вознесся на гребне ее волны.

А ночь лежала серебряная и тихая и ждала, когда замелькают факелы и вострубят трубы.

Глава 11

И вот они появились. Огни, и звон, и стук лошадиных копыт все приближались сквозь лесную чащу, покуда поляну не заполнили полыхающие факелы и возбужденные голоса. Они доносились до меня сквозь мой ясновидческий сон наяву, смутные, гулкие, отдаленные, как звон колоколов со дна морского.

Те, кто возглавлял процессию, приблизились к святилищу и остановились в дверях. Голоса притихли, ноги неуверенно зашаркали. С порога им была видна внутренность чисто выметенной и пустой часовни, только за каменным алтарем, лицом к входящим, стоял один человек. Вокруг алтаря ровно горели девять светильников, освещая вырезанное сбоку в камне изображение меча с надписью Mithrae invicto и лежащий поверх алтаря сам меч, извлеченный из ножен,— голый клинок на голом камне.

— Погасите факелы,— сказал я.— Здесь в них нет нужды.

Они подчинились и по моему знаку прошли внутрь.

Места было мало, а народу входило много. Но всех охватил благоговейный трепет; распоряжения отдавались тихими голосами, словно поступали не от военачальников, только что вернувшихся с поля боя, а от священнослужителей, исполняющих торжественный ритуал. Люди занимали подобающие им места: короли и знать и королевская охрана — внутри часовни, остальные безмолвно толпились на поляне и даже под темными сводами лесной опушки. Там, под деревьями, все еще горели факелы, и там держали лошадей, вся поляна была в кольце огней и звуков, но ближе, под открытым небом, люди стояли без огня и без оружия, как и подобает в присутствии бога и короля. А ведь в ту ночь, изо всех великих ночей, с ними не было священнослужителя; единственным посредником между людьми и божеством оказался я, кого бог тридцать лет влек своим путем и вот теперь привел сюда.

Наконец все разместились соответственно своему положению. Казалось, люди занимали места по предварительному уговору,

в действительности же они действовали вполне безотчетно. За порогом на ступенях кучкой толпились маленькие жители холмов: они избегают находиться под крышей. Внутри часовни по правую руку от меня встал король Лот Лотианский в окружении друзей и приспешников; по левую руку — Кадор и те, кто был заодно с ним. В часовне собралось человек, наверное, сто или более, они плотно сгрудились в тесном и гулком пространстве перед алтарем, но эти двое, белый вепрь Корнуолла и красный леопард Лотиана, стояли друг против друга по обе стороны алтаря, сталкиваясь ненавидящим взором, а меж ними у двери, могучий и бдительный, возвышался граф Эктор. Но вот Эктор и следовавший за ним Кей ввели Артура, и с этой минуты я никого, кроме него, не видел.

Яркие краски, лучащиеся драгоценности, золото — все плыло у меня перед глазами. В прохладном воздухе стоял запах сосен, чистой воды, благовонных курений. Сдержанный людской говор был словно треск занимающегося пламени, которое вот-вот взмоет ввысь гудящими языками.

Пламя девяти светильников, то разгорающееся, то никнущее; пламя, лижущее каменный алтарь; пламя, бегущее по лезвию меча, раскаляющее его добела. Я простер ладони. Пламя лизнуло мои одежды, вспыхнуло на рукаве, на конце пальца, но, касаясь живой кожи, оно даже не жгло. Это было холодное пламя, вызванное силой слова из глубины мрака, с горячей сердцевиной вокруг меча. Меч покоился в пламени, как бриллиант в белом пухе. «Кто подымет сей меч...» Руны плясали вдоль клинка, изумруды сверкали. Часовня была черным шаром с огнем в сердцевине. Он отбрасывал от меня огромную тень высоко под своды крыши. Я услышал мой собственный голос, гулко отдающийся под сводами, словно звучащий во сне:

— Пусть подымет сей меч тот, кто осмелится.

Движение; полные страха голоса. Слышно было, как Кадор произнес:

— Это тот самый меч. Я бы его всюду узнал. Я видел его сияющим в руке принца. Этот меч принадлежит ему, свидетель бог! Не прикоснусь к нему, даже если сам Мерлин мне прикажет.

— И я! И я! — послышались возгласы, а потом:

— Пусть король его подымет! Пусть верховный король покажет нам меч Максена!

И последний одинокий, грубый голос Лота:

— Да. Пусть он берет его себе. Я все видел, клянусь смертью бога, с меня довольно. Если это его меч, значит, и бог с ним, мне он ни к чему.

Артур медленно выступил вперед. Позади него образовалась пустота, люди отшатнулись во мрак, и шорох их присутствия был не громче, чем шорох ветра в верхушках деревьев. Между мной и им стояло белое дрожащее сияние огня, и в нем колебался раскаленный клинок. Темнота вокруг вспыхивала искрами и мерцала, как хрустальный грот, в ней теснились и трепетали крылами огненные образы. Белый олень в золотом ошейнике. Летучая звезда с головой дракона и дымным хвостом. Король, охваченный нетерпением, сгорающий страстью, а позади него на стене колышется красный дракон на золотом поле. Женщина в белых одеждах, с королевской осанкой, за спиной у нее, во мгле, меч, стоящий на алтаре наподобие креста. Кольцо огромных камней, торчащих стоймя на открытой равнине и окружающих королевскую гробницу. Дитя, переданное мне в руки непогожей зимней ночью. Грааль под ветхим покровом, спрятанный в темном тайнике. Юный король, увенчанный короной.

Он смотрел на меня сквозь марево видений. Для него это были только языки пламени, о которые можно обжечься, а можно и не обжечься — это зависело от меня. Стоял и ждал, не сомневаясь, но и не вверяясь слепо,— просто ждал.

— Подойди,— тихо сказал я.— Он — твой.

Он потянулся через ослепительно белое пламя, и прохладная рукоять меча легла ему в руку, для которой она и была выкована сотню и сотню лет назад.

Первым преклонил колени Лот. Верно, он всех более в этом нуждался. Артур поднял его и обратился к нему без сердечности, но и без горечи — то была речь монарха, различающего за сегодняшним злом завтрашнее добро.

— Я не хочу сегодня ни с кем сводить счеты, Лот Лотианский, всех менее — с супругом моей сестры. Ты убедишься, что сомневаешься во мне напрасно, и ты сам, а после тебя сыновья твои — вы все будете помогать мне охранять Британию и править ею так, как должно.

Кадору он сказал только:

— Покуда я не обзаведусь другим наследником, мой наследник — ты, Кадор Корнуэльский.

С Эктором он говорил долго и тихо, так что никто, кроме них двоих, ничего не мог услышать, а потом поднял его и поцеловал.

После этого он долго стоял у алтаря, принимая от своих подданных присягу на верность — они подходили один за другим, преклоняли колени и целовали рукоять его меча. И с каждым он говорил — просто, как отрок, и величаво, как король. А в руках его, точно крест, перевернутый вверх рукоятью Калибурн сиял своим собственным светом, ибо алтарь, окруженный погасшими светильниками, был окутан тьмой.

Люди один за другим приносили присягу верности и выходили вон, часовня постепенно пустела. И чем тише становилось внутри, тем больше оживал окрестный лес, ибо здесь собрались все прибывшие, теперь шумные, возбужденные, в ожидании выхода своего короля. Выводили из-под деревьев коней, на поляне метались факелы, лошади фыркали, звенела сбруя.

Последним удалились Маб и его люди, и вот в часовне, не считая охраны у темной стены, остались лишь король да я.

С трудом переступая, ибо кости мои еще ныли от ушибов, я обошел алтарь и встал с ним лицом к лицу. Он был уже почти с меня ростом. И глаза, которые глядели на меня, были совсем как мои глаза.

Я опустился перед ним на колени и протянул к нему руки. Но он вскрикнул, поднял меня на ноги и поцеловал.

— Ты не должен преклонять передо мной колени. Кто угодно, но не ты.

— Ты — верховный король, а я твой слуга.

— Что с того? Меч-то твой, и мы оба знаем это. Не важно, как ты называешь себя: моим слугой, родичем, отцом,— все равно ты Мерлин, и без тебя я ничто.— Тут он непринужденно рассмеялся, ибо в новом, королевском, положении чувствовал себя так же естественно, как естественно пришлась рукоять Калибурна ему по руке.— А где твое придворное платье? Только ты мог напялить на себя по такому случаю эту старую хламиду. Я пожалую тебе плащ из золотой парчи, шитый звездами, как тебе подобает. Наденешь?

— Не надену, даже ради тебя.

Он улыбнулся.

— Тогда поедем так. Ты ведь поедешь теперь со мной?

— Я последую за тобой немного погодя. Когда ты выберешь минуту, чтобы оглянуться, где я, я уже буду подле тебя. Слышишь? Они готовы сопровождать тебя. Пора в путь.

Я проводил его до порога. Пламя факелов еще трепалось на ветру, хотя луна давно зашла и последние звезды померкли на утреннем небосклоне. Вставало утро, золотистое и безмятежное.

К самому крыльцу подвели белого коня. Артур хотел было сесть на него, но ему не дали — Кадор, Лот и еще несколько мелких королей вместе подняли его и опустили в седло, и тут наконец радость и надежда вырвались громким возгласом из людских глоток и раскатились под соснами. Так был возведен на престол Артур, юный король.

Я вынес из часовни светильники. Мне предстояло с наступлением дня переправить их туда, где им надлежало отныне быть: в пещере под сводами полых холмов, ибо там нашли теперь себе пристанище их боги. Все светильники лежали опрокинутые на полу часовни, масло из них растеклось, не сгорев. Тут же валялась и расколотая каменная чаша, и груда щебня и праха в том месте, куда ударила холодная молния. Собирая с полу это пропитанное маслом крошево, я увидел, что каменная резьба с передней плиты алтаря исчезла. Ее замасленные обломки и держал я теперь в руках. Из всей резьбы остались лишь рукоять меча да одно короткое слово.

Я чисто вымел часовню и все внутри привел в порядок. Движения мои были по-старчески медлительны. Я и поныне помню, как болело у меня все тело и как, все завершив, я опять опустился на колени и ничего не видел, не различал перед собой, словно все еще ослепленный видением или слезами.

Потом сквозь слезы я различил оголенный алтарь, и не было вкруг него девятиглазого огня, который так радовал малых богов прошлого, не было и некогда выбитого в камне меча, принадлежавшего великому воителю, и имени божества, которому он поклонялся. Осталась лишь рукоять, она выступала наподобие креста, а сверху отчетливые буквы складывались в надпись: «Непобежденному».

Легенда

Когда Аврелий Амброзий был верховным королем Британии, Мерлин, которого также назвали Амброзий, перенес из Ирландии Хоровод Великанов и установил его близ Эймсбери, в Стоунхендже. Вскоре после этого на небе появилась огромная звезда в обличье дракона, и Мерлин, поняв, что она знаменует смерть Амброзия, горько заплакал и предрек, что королем под знаком дракона будет Утер и что у него родится сын, «коего могущество будет простираться на все королевства, лежащие под лучами той звезды».

На Пасху, на пиру в день коронации, король Утер влюбился в Игрейну, супругу Горлойса, герцога Корнуэльского. Он осыпал ее знаками внимания на глазах у всего двора; она никак ему не отвечала, но супруг ее, вознегодовав, покинул двор, не испросив разрешения, и с женой и свитой возвратился к себе в Корнуолл. Утер рассердился и велел ему вернуться обратно, но Горлойс повиноваться отказался. Тогда король в великом гневе собрал войско и вторгся в Корнуолл, сжигая города и замки. У Горлойса недоставало полков, чтобы ему противостоять, поэтому он поместил жену свою в замок Тинтагель, надежнейшую из крепостей, а сам приготовился защищать другой замок — Димилиок. Утер сразу же обложил Димилиок, заперев там Горлойса и его отряд, а сам стал изыскивать способы, как ему пробиться в Тинтагель и завладеть Игрейной. Он обратился за советом к одному из своих приближенных по имени Ульфин, и тот посоветовал послать за Мерлином. Мерлин, тронутый непритворными терзаниями короля, обещал ему помощь. Своим волшеб-

ным искусством он изменил облик Утера и превратил его в подобие Горлойса, Ульфина превратил в Иордана, Горлойсова друга, а себя в Бритаэля, одного из Горлойсовых военачальников. Втроем они поскакали в Тинтагель и были впущены привратником. Игрейна, сочтя Утера своим супругом герцогом, радостно приняла его и уложила в свою постель. Так Утер в ту ночь «возлег с Игрейной, и она не отказала ему ни в чем, чего он только ни пожелал».

Тем временем под стенами Димилиока завязалась схватка, и в этой схватке был убит герцог, супруг Игрейны. В Тинтагель отправили гонцов уведомить герцогиню о гибели мужа. Когда же оказалось, что «Горлойс», живой и невредимый, находится у герцогини, гонцы от изумления утратили дар речи; но король тогда признался в обмане и несколько дней спустя обвенчался с Игрейной. Некоторые полагают, что в тот же самый день сестра Игрейны Моргауза была повенчана с Лотом, королем Лотиана, а вторая сестра, Фея Моргана, была отдана в монастырскую школу, где овладела искусством некромантии, а впоследствии она вышла за короля Уриена Горского. Но другие утверждают, что Моргана была родной сестрой Артура, рожденной после него от брака короля Утера и королевы его Игрейны, и что Моргауза также была его сестрой, но только от другой матери.

Утеру Пендрагону предстояло еще царствовать пятнадцать лет, и в эти годы он ни разу не виделся со своим сыном Артуром. Перед тем как младенцу родиться на свет, Мерлин явился к королю и говорил с ним так: «Сэр, вам надлежит позаботиться о вскормлении вашего дитяти».— «Как ты пожелаешь,— ответил король,— так пусть и будет». И потому в ночь, когда он появился на свет, младенец Артур был принесен к задним воротам Тинтагеля и передан там на руки Мерлину, который отвез его в замок сэра Эктора, верного рыцаря. Там Мерлин устроил ребенку крещение и нарек его Артуром, а супруга сэра Эктора взяла его к себе приемным сыном.

Во все время Утерова правления страну жестоко беспокоили набеги саксов, а также скоттов из Ирландии. Двое саксонских вождей, плененных королем, сумели бежать из Лондона и перебрались оттуда в Германию, а там собрали большое войско, которое внушало ужас всему королевству. Утера же поразил жестокий недуг, и потому он назначил Лота Лотианского, нареченного жениха его дочери Моргаузы, своим главным военачальником. Но сколько раз Лот ни обращал врагов в бегство, они опять возвращались с возросшими силами и опустошали всю страну. Наконец Утер, хоть и жестоко страдал от болезни, призвал к себе всех лордов и объявил, что сам поведет в бой свои полки, и тогда были сооружены носилки, чтобы на них нести его в бой во главе войска. Саксонские вожди, узнав, что британский король идет сражаться против них в носилках, с презрением отозвались о нем, что-де он уже и так полумертв и негоже им вступать с ним в битву. Но Утер, собравшись с прежними силами, громко засмеялся и крикнул: «Они назвали меня полумертвым королем, таким я и в самом деле был. Но я предпочту победить их, лежа на носилках, нежели покориться им и жить в позоре». И армия бриттов победила саксов. Однако недуг короля все усиливался, и множились страдания его подданных. И вот, когда король уже был близок к смерти, явился к нему Мерлин, подошел к его одру на глазах у всех лордов и повелел ему провозгласить его сына Артура новым королем. Утер так и сделал, а после того умер и был похоронен подле брата своего Аврелия Амброзия внутри Хоровода Великанов.

После его кончины лорды Британии собрались все вместе, дабы отыскать своего нового короля. Никто не знал, где воспитывается Артур, куда скрылся Мерлин, но они полагали, что короля им откроет знамение. Тогда Мерлин распорядился смастерить могучий меч и поместил его силой своего колдовского искусства внутрь огромного камня наподобие алтаря, а сверху была стальная наковальня, и пустил огромный камень вплавь к главной лондонской церкви, где его вытащили из воды и установили на церковном дворе. На том мече золотыми буквами значилось: «Кто вытащит меч из этого камня из-под наковальни, тот по рождению законный король над всей Англией». И было там устроено великое празднество, и во время этого празднества все лорды должны были попытать свои силы, не удастся ли кому вытащить меч из камня. Среди них были и сэр Эктор и Кей, сын его, с Артуром, который без своего меча и герба следовал за ним как оруженосец. Они прибыли к месту состязания, тут сэр Кей хватился, что при нем нет меча, и послал Артура за мечом. Но когда Артур вернулся к дому, где они стояли, там никого не оказалось и двери были заперты, тогда Артур поспешил на церковный двор, вытащил из камня меч и отнес сэру Кею.

Тут меч признали, но даже когда Артур доказал, что изо всех людей он один может вытащить его из камня, нашлись люди, которые кричали против него, что-де им позор и всему королевству поругание, если признают королем безродного отрока, и что пусть устроят еще одно испытание на Сретенье Господне. И вот на Сретенье съехались все знатные лорды страны, а потом еще и на пятидесятницу, но ни один не в силах был извлечь меч из камня, кроме Артура. Однако иные из лордов продолжали в сердцах упорствовать и не признавать его, покуда не кончилось тем, что поднял голос простой люд: «Мы желаем, чтобы нашим королем был Артур, и не допустим более промедления, ибо мы все видим: такова божья воля, чтобы быть ему нашим королем, а кто против, того мы убьем». Так был признан Артур своим народом, и знатью, и простыми людьми, и все, кто богат и кто беден, стали пред ним на колени и просили простить их за то, что так долго медлили с признанием. И он их простил. А тогда Мерлин открыл им, кто такой в действительности Артур, что он не безродный отрок, а зачат в законе королем Утером с Игрейной три часа спустя после смерти герцога, ее супруга. Так был возведен на престол Артур, юный король.

От автора

Как и предыдущая книга — «Хрустальный грот», этот роман — художественный вымысел, хотя и основанный в значительной мере на истории и на легендах. Правда, быть может, не в равной степени: о Британии V века нашей эры (т. е. начала Темного времени) так мало известно, что приходится руководствоваться не столько фактами, сколько преданиями и собственными выводами. Я, например, придерживаюсь того взгляда, что если голос преданий так настойчив — если мотивы так живучи и возрождаются вновь и вновь, как это происходит с артуровскими легендами,— значит, в них содержится реальное зерно, даже в самых фантастических историях, которые наслоились вокруг сердцевины скудных фактов Артурова существования. Увлекательное занятие — осмысливать эти подчас дикие и нелогичные сюжеты, придавать им характер более или менее связных и правдоподобных рассказов о человеческих поступках и мире воображения.

«Полые холмы» — попытка создать произведение самостоятельное, не зависящее от своего предшественника, романа «Хрустальный грот», и даже от моих собственных пояснительных заметок. Собственно говоря, эти заметки я предлагаю лишь для тех читателей, чьи интересы выходят за рамки самого романа, но чьи сведения об артуровских легендах со всеми их разветвлениями недостаточны, чтобы проследить ход мысли, заложенной в отдельных элементах моего повествования. Быть может, им будет интересно уяснить себе происхождение некоторых взглядов, источники некоторых мотивов.

В «Хрустальном гроте» я основывала мой рассказ главным образом на «истории», изложенной Гальфридом Монмаутским*, и на восходящих к нему более поздних, преимущественно средневековых, повестях об Артуре и его дворе; но я придала действию римско-британский фон V века, так как именно на этот фон проецируются все известные нам исторические артуровские факты**. Мы не располагаем точными датами, но я следую мнению ряда специалистов, которые относят рождение Артура примерно к 470 году. Действие «Полых холмов» покрывает неосвещенный промежуток между этой датой и тем временем, когда юный Артур предстает уже как «военный предводитель» (dux bellorum) или, в соответствии с более чем тысячелетним преданием, «король надо всей Британией». Здесь мне хотелось бы указать те нити, из которых я сплела мой рассказ о ранних годах Артура и которые едва намечены в преданиях, а в истории не фигурируют вовсе.

Что Артур существовал на самом деле, представляется бесспорным, чего отнюдь нельзя сказать о Мерлине. «Маг Мерлин», как он нам известен,— образ сложный, возникший почти полностью из материала песен и легенд; однако и здесь хочется думать, что, раз существуют о нем легенды, пережившие века, значит, существовал в свое время какой-то влиятельный человек, обладавший талантами, которые его современникам представлялись волшебными. Первый раз он появляется в легенде юношей, но уже наделенным необыкновенными свойствами. И на этом сюжете, изложенном у Гальфрида Монмутского, я основываю вымышленный мною образ, который мне представляется порождением и воплощением той эпохи смуты и исканий, что зовется у нас Темным временем. Джефри Эш в своей блестящей книге «От Цезаря до Артура»*** так характеризует эту пору «многоразличных представлений»:

«Когда утвердилось христианство и свергнутое кельтское язычество превратилось в мифологию, многое из него так или иначе

* History of the Kings of Britain. Geoffrey of Monmouth. Everyman's Library, 1912.

** Roman Britain and the English Settlements. R. G. Collingwood and J. N. Z. Myres. Oxford, 1937; Celtic Britain. Nora K. Chadwiek, vol. 34, в серии Ancient People and Places. Thames and Hudson, 1963.

*** From Caesaer to Arthur. Geoffrey Ashe. Collins, 1960; The Quest for Arthur's Britain, ed. Geoffrey Ashe. Pall Mall Press, 1968.

сохранилось. Сохранили своих богов реки и острова. Духи озер витали над водами, герои путешествовали в волшебных барках. В горах, где прежде обитали призраки, поселились феи и эльфы, чудесный маленький народец, подобного которому мы не найдем у других наций. Древние курганы и могильники как нельзя лучше подошли на роль их обиталищ. Невидимые миры соседствовали с видимыми, существовали магические способы проникновения и общения. Эльфы и герои, повергнутые боги и полубоги, духи умерших — все теснились вместе в одном калейдоскопическом хороводе... Все стало двусмысленным. Так, например, через много столетий после торжества христианства полые холмы оставались жилищами фей, а даже если и не полые, все равно там могли обитать бестелесные души. Были святые, якобы творившие чудеса; и те же самые чудеса совсем незадолго до них приписывались бывшим, но еще вполне узнаваемым богам. Были стеклянные замки, в которых герой мог провести столетие в заколдованном сне; были блаженные края фей, достичь которых можно только по воде или подземными ходами... Странствия и чары, битвы и плен — тему за темой складывала кельтская фантазия в одно связное повествование. И каждый отдельно взятый эпизод можно рассматривать как факт, или как вымысел, или как религиозное иносказание, или и то, и другое, и третье одновременно».

Мерлин, рассказчик в «Полых холмах», чародей и целитель, наделенный даром провидения, способен по своей воле переходить из одного мира в другой. А поскольку легенды о Мерлине связаны с хрустальными гротами, с невидимыми башнями, с полыми холмами, где он спит и по сие время, я рассматриваю его как связующее звено между мирами; как некий инструмент, посредством которого, говоря его собственными словами, «все короли превращаются в одного Короля и все боги — в одного Бога». Ради этой цели он отрекается от собственной свободной воли, от полного, нормального самоосуществления. Полые холмы — это место перехода из здешнего мира в мир потусторонний, а в Мерлине эти миры людей, богов, животных и сумеречных духов как бы воплощаются, пересекаются.

Случаем такого же пересечения реальности и фантазии является фигура Максима. Магнус Максимус, воитель с мечтой об империи,— это реальный факт: он командовал в Сегонтиуме, по-

ка не уплыл в Галлию, охваченный неодолимым стремлением к власти. А Максен Вледиг — легенда, одна из разработок типичного кельтского мотива странствия-поиска, из которого впоследствии развился рассказ о поисках Святого Грааля. Я в этом романе объединила факты, относящиеся к великому предшественнику Артура и его имперской мечте, и эпизоды с мечом из артуровской легенды и придала им характер истории о странствии-поиске.

Сюжет о мече Максима — мое собственное измышление. Он следует исконной схеме «поисков и нахождений», по которой наряду со многими другими построен также и сюжет о поисках Святого Грааля, присоединенный позднее к артуровскому циклу. Повествования о Святом Граале, который понимается как чаша Тайной вечери, возникли в XII веке и смоделированы с ранних кельтских образцов; в них, кроме того, просматриваются и более архаичные элементы. Граалевских сюжетов много, их объединяют некоторые общие моменты, и при всем многообразии и изменчивости деталей — определенное постоянство идеи и формы. Там, как правило, фигурирует никому не известный юноша, bel inconnu, выросший на лоне природы и не ведающий своего имени и происхождения. Он покидает дом и отправляется в странствия, чтобы узнать, кто он такой. Приезжает на Опустошенную землю, которой правит увечный (бессильный) король. Там есть замок, обычно на острове, куда герой попадает по воле случая. Он добирается туда в лодке, принадлежащей венценосному рыбаку Королю-Рыболову. Король-Рыболов иногда отождествляется с бессильным королем Опустошенной земли. Замок на острове принадлежит королю Потустороннего мира, и там герой находит предмет своих поисков — иногда это чаша или копье, иногда меч, целый или сломанный. В конце приключения юноша пробуждается на берегу, рядом привязан его конь, а остров снова сделался невидим. Когда он возвращается из Потустороннего мира, на Опустошенную землю снова приходит мир и плодородие. В некоторых рассказах упоминается белый олень с золотым ошейником, который ведет юношу в его поисках.

Для дальнейшего ознакомления см.: Arthurian Literature in the Middle Ages; A Collaborative History, ed. by R. S. Loomis. Oxford University Press, 1959; The Evolution of the Grail Legend by D. D. R. Owen. University of St. Andrews Publications, 1968.

Еще некоторые краткие заметки

Сегонтиум. Гальфрид Монмаутский в своей «Vita Merlini» рассказывает о чашах, изготовленных Веландом Кузнецом в Каэр-Сейнте (Сегонтиуме) и подаренных Мерлину. Имеется также рассказ о мече, выкованном Веландом и подаренном Мерлину уэльским королем. А в «Англосаксонской хронике» под 418 годом есть такая краткая запись: «В этом году римляне собрали все сокровища, какие были в Британии, и зарыли в землю, так что потом никто не мог найти, а часть захватили с собой в Галлию».

Галава. Место действия большинства артуровских повествований — западные кельтские области: Корнуолл, Уэльс, Бретань. В этом я следую за легендами. Но, судя по всему, существовала и артуровская традиция, ориентированная на север Англии и Шотландию, в связи с чем и действие романа перемещается к северу. Знаменитого «сэра Эктора из Дикого леса», приемного отца Артура, я поместила в Галаве — современный Эмблсайд в Озерном крае. Мне всегда казалось, что «источник Галабес, где укрылся он (Мерлин) от людей», вполне может быть римской Галавой, или Галабой. (В «Хрустальном гроте» я воспользовалась другим толкованием: средневековые авторы упоминают великана Галапаса, который фигурирует в роли древнего духа, хранителя источника или брода.) Усыновление Артура Эктором, как и воспитание в Галаве Бедуира,— обстоятельства, вполне правдоподобные: мы находим у Прокопия, что в те времена, как и позднее, мальчики из хороших семей получали образование вдали от дома. Что же до часовни в зеленой чаще, то, сочинив лесное святилище, я не могла удержаться от того, чтобы назвать его Зеленой часовней — по ассоциации со средневековой поэмой «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», действие которой также происходит где-то в Озерном крае.

Амброзиев вал. Это Уонсдайк, или Уоденсдайк, «вал Одина», как называли его саксы, не веря, что он — дело рук человеческих. Вал тянулся от Ньюрбери до Северна, где следы его кое-где сохранились и теперь. Сооружен примерно между 450 и 475 гг. н. э., и я поэтому приписала его Амброзию.

Каэр-Банног. Это название, означающее на древнекельтском языке «Замок горных пиков»,— мое собственное толкование ряда варьирующихся имен: Карбонек, Корбеник, Каэр-Беноик и проч., принадлежащих замку, где герой обретает Грааль.

Существует кельтская легенда о том, как Артур унес волшебный котел (сосуд или Грааль) и чудесный меч у Нуадды, или Ллида, владыки Потустороннего мира.

Кей и Бедуир. По легенде, это товарищи Артура. Кей — сын Эктора, ставший впоследствии у Артура сенешалем. Имя Бедуира позднее было переиначено, так что он сделался Бедивером, однако по характеру взаимоотношений с Артуром он выступает как прообраз Ланселота. Отсюда упоминание о «белой тени» (Гуенхвивар, Гвиневер), которая падает между ними.

Кадор Корнуэльский. Предание гласит, что, когда Артур умер, не оставив потомства, он завещал королевство сыну Кадора.

Моргауза. В этом мотиве инцеста по неведению артуровские легенды очень сбивчивы и противоречивы. По самой распространенной версии Артур «возлег» со своей единокровной сестрой Моргаузой, женой (*или возлюбленной*) Лота, и зачал с ней Мордреда, который в конце концов и принес ему гибель. Родная же сестра Артура Моргана, или Моргиана, стала Феей Морганой, колдуньей. Моргауза, как считается, родила потом Лоту четырех сыновей, и все они были верными рыцарями Артура, что представляется неправдоподобным, если допустить, что она оказалась любовницей Артура, уже будучи женой Лота. Из этого затруднения я выбралась своим путем — предположив, что Моргауза, вынужденная покинуть Артуров двор, не тратя времени даром, постарается занять место королевы при Лоте, отняв его у своей сестры. Если не ошибаюсь, в V веке в окрестностях Каэр-Эйдина (Эдинбурга) имелся монастырь, куда могла удалиться Моргиана. Можно сказать, что это и был «дом ведьм» или «ведуний», который упоминается в легендах, и напрашивается соблазнительное предположение, что именно отсюда Фея Моргана и девять ее монахинь явились, чтобы увезти Артура, павшего в последней битве с Мордредом под Камланном.

Коэль, король Регеда — это прообраз «Старого дедушки Коля» из детских стишков. Согласно легенде, Хэль, один из девятнадцати сыновей стрэтклайдского короля Кау, навлек на себя особое нерасположение Артура. Другой его сын, Гильдас, монах, по-видимому, платил Артуру ответной неприязнью. Во всяком случае, в своей книге «Гибель и покорение Британии» (ок. 540 г. н. э.) он ни разу не упоминает имени Артура, хотя и говорит о битве на горе Бадон, последнем из двенадцати великих сражений Артура, в котором тот переломил саксонскую силу. По тону сочинения Гильдаса можно заключить, что если Артур и был христианином, то не более чем на словах. К монахам он, во всяком случае, не благоволил.

Калибурн — самое удобопроизносимое из имен, которые имел меч Артура, позднее воспетый в поэмах как *Экскалибур.*

Белый цвет — излюбленный цвет Артура; его белый пес Кабаль занимает в легендах значительное место. «Канрит» означает «белый призрак».

Как видно из этих по необходимости отрывочных пояснений, любой эпизод в моей книге можно рассматривать, пользуясь опять-таки словами Джефри Эша, «как факт, или как вымысел, или как религиозное иносказание, или и то, и другое, и третье одновременно». И в этом — если ни в чем другом — она полностью верна эпохе.

М. С.

Ноябрь 1970 — ноябрь 1972

Содержание

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ. *Перевод А. Хромовой* 5

Пролог. КНЯЗЬ ТЬМЫ 9

Часть первая. ВЯХИРЬ 12

Часть вторая. СОКОЛ 101

Часть третья. ВОЛК 188

Часть четвертая. КРАСНЫЙ ДРАКОН 269

Часть пятая. ПРИХОД МЕДВЕДЯ 337

Легенда о Мерлине 401

От автора 406

ПОЛЫЕ ХОЛМЫ. *Перевод И. Бернштейн* 411

Часть первая. ОЖИДАНИЕ 415

Часть вторая. ПОИСКИ 550

Часть третья. МЕЧ 654

Часть четвертая. КОРОЛЬ 724

Легенда 801

От автора 805

Литературно-художественное издание

Мэри Стюарт

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОТ

Ответственный редактор *Е.Гуляева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректоры *М. Ахметова, В. Дроздова*

В оформлении переплета использована иллюстрация *Донато Джанколо*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 16.01.2007
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 42,84.
Тираж 8000 экз. Заказ 6434.

ISBN 5-699-20620-5

9 785699 206209 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Мэри

СТЮАРТ

Mary Stewart

ISBN 5-699-20620-5